Константин Серафимов

Сборник о спелеологии

Предисловие к серии

К концу XX века не осталось уже белых пятен на картах земной поверхности. Исхожена она, изъезжена, опутана сетями триангуляции, сфотографирована с воздуха и из космоса. К сожалению, эпоха великих географических открытий в основном окончилась.

Но есть и другой мир, обойденный вниманием геодезии, недоступный для аэрофотосъемки, непроходимый для мощных вездеходов. И расположен он не за тридевять земель, а у нас под ногами. Это мир пещер - мир абсолютной тьмы, мир глухой тишины и грохота водопадов, мир серой глины и разноцветных кристаллов...

Спуск спелеолога под землю - это встреча с вечностью. Ведь возраст пещер вполне соизмерим с масштабом геологических периодов. Наши предки осваивали огонь и металл, создавали и разрушали государства, перекраивали карту мира - а пещеры уже были почти такими же, как и сейчас.

Наиболее легкодоступные из пещер всегда привлекали человека в качестве убежищ, тайников, святилищ. И только лет сто назад началось систематическое исследование подземного мира. Наука о пещерах с легкой руки француза Эмиля Ривьера получила название "спелеология" (от греческого spelaion - пещера).

Сегодня, однако, уже не так просто разобраться, что стоит за этим емким понятием. С одной стороны, спелеология включает в себя отрасли наук, изучающих зарождение и развитие полостей, подземные воды и минералы, микроклимат пещер, их обитателей и т.д. С другой - это вид спортивного туризма, "альпинизм наоборот", состоящий в проникновении в глубокие и длинные полости, где путь преграждают многочисленные узости, завалы, затопленные галереи - сифоны. Спелеолог же, как правило, един этих ипостасях, ибо только неуемный дух исследователя может влечь его в глубины земли, и только отточенная техника и мужество спортсмена могут позволить проникнуть туда.

Одним из центров зарождения спелеологии является Франция, она же стала безусловным лидером в области популяризации этой науки и спорта (здесь поневоле напрашивается аналогия с Ж.-И.Кусто, тоже французом). Книги известных спелеологов Эдуарда Альфреда Мартеля и Норбера Кастере выходили огромными тиражами; вся Франция неотрывно следила за ходом многомесячных подземных экспериментов Мишеля Сифра; в "рекордных" экспедициях не последнюю роль играла помощь государства и армии. И в других странах - например, США, Болгарии - спелеологи нередко попадали на первые полосы газет и экраны телевизоров, становясь не менее знаменитыми, чем кинозвезды, астронавты и политики.

Советская спелеология сравнительно молода: годом ее рождения считается 1958 году, когда организационно оформились научные и спортивные коллективы исследователей пещер. "Ребенок рос резов": с тех пор открыты и изучены пещеры, стоящие сегодня в ряду глубочайших и длиннейших в мире, а история их исследования (как и сотен других пещер Советского Союза), изобилующая героическими персонажами, примерами мужества и самоотверженности, эпизодами радостными и трагическими, достойна пера нового Жюля Верна. К сожалению,

несмотря на это, спелеология, особенно "самодеятельная", оказалась у нас в стране на положении падчерицы: официальным спортивно-туристским начальством она не то чтобы преследовалась, но и не поощрялась, а академическая наука представляла ее вполне достойно, но несколько однобоко. По части же публикаций ей совсем не повезло: считанные статьи в журналах и газетах плюс несколько переведенных книг (спасибо профессору Н.А.Гвоздецкому). Отечественных изданий - тоже единицы (узкоспециальные научные работы не в счет).

Может, виной тому - отсутствие "собственных Платонов"?
Пожалуй, дело в другом: уж очень трудно было проникнуть постороннему в государственную издательскую систему (а другой, как известно, не имелось). "Потом пришли иные рубежи", а с ними - иные проблемы. Под обвалом перестройки оказался погребенным сборник, подготовленный к 30-летию советской спелеологии, книга "Самодельное снаряжение спелеотуриста" и другие, попавшие в разряд нерентабельных. В результате молодое поколение спелеологов знает о делах даже недавнего прошлого лишь понаслышке, а значит, не застраховано от повторения чужих ошибок и попыток изобрести велосипед. Плюс к этому - пользуется неточными и устаревшими картами и схемами пещер и мало осведомлено о деталях их прохождения и описания. Наконец, прочее население страны, с интересом читающее о покорителях вершин и полюсов, лишено возможности познакомиться с увлекательными приключениями исследователей земных недр.

Заполнить хотя бы отчасти образовавшуюся пустоту призвана новая серия "Библиотечка спелеолога", первый выпуск которой вы держите в руках.
Эта и последующие книги позволят ветеранам вспомнить свое славное прошлое, молодым - более основательно подготовиться к предстоящим экспедициям, людям же, ранее незнакомым со спелеологией, - открыть для себя этот удивительный мир.

Рождение "Библиотечки" стало возможным благодаря творческой активности авторов, бескорыстной помощи многих людей, финансовой поддержке спонсоров и рекламодателей. Надеемся, что и в будущем "не оскудеет рука дающего", не иссякнет энтузиазм "фанатов" спелеологии, а главное - тебе, читатель, эти книги придутся по душе. Итак, в путь!

Редакционная коллегия (*)

В редакционную коллегию, готовившую книгу к печати, входили:
К.М.Дубровский, В.Э.Киселев, Г.М.Сигалов.
Книга вышла в Издательстве МФТИ (Москва) в 1994 г.
Игорь Сергеевич ВОЛЬСКИЙ родился 5 августа 1956 года во Владивостоке По специальности радиоинженер.

Систематически начал заниматься спелеологией с 1979 г.

Имеет опыт многократного участия и руководства в штурмах всех наиболее сложных крымских пещер, а также кавказских - Майская (400 м, 1981 г.), Напра (950 м. 1986 г.) и W Le Donne (до 600 м, Италия, Альпы 1991 г.).

В пропасти им. В.С.Пантюхина работал в 1983 г. (590 м), 1985 г. (670 м), 1987 г. (1465 м), 1988 г. (1508 м).

Многократный призер Украинских республиканских и Всесоюзных

соревнований по технике спелео. Старший инструктор по спелеотуризму.

Предисловие

Высокогорные известняковые плато Абхазии, скрывающие в своих недрах глубочайшие пропасти Кавказа, издавна манили спелеологов. Неслучайно родоначальник спелеологии, француз Эдуард Альфред Мартель, посетил в начале этого века массив Арабика и описал некоторые из окрестных пещер. Грузинские ученые и спортсмены, начиная с конца 50-х годов, проводят здесь серию экспедиций, разведывая новые пропасти и совершенствуя технику прохождения. С открытием пещеры Снежная в 1971 году на соседнем Бзыбском хребте все большее число экспедиций устремляется в Абхазию на поиск глубоких пропастей. Но количество найденных полостей не сразу переходит в их "качество", в данном случае - глубину. Лишь в 1977 году был преодолен километровый рубеж в Снежной, а в 1979-80 годах найдены входы в будущие километровые пропасти - Куйбышевскую, В.Илюхина (на Арабике), Напру и В.Пантюхина.

С начала 80-х Бзыбский хребет и Арабика становятся меккой спелеологов-вертикальщиков. И это оправдано: оба массива - единственные на Кавказе, где могут быть пещеры глубже 2350 м. Но завораживающую спелеолога глубину оказалось не так-то легко достичь на практике. Снежная "остановилась" на -1370 м в 1983 году, Напра - на -956 м в 1981 (имея "резерв" в 1330 м!), Куйбышевская - на -1110 м и В.Илюхина - на -1240 м (с резервом в 1060 м) в 1986 году. Именно в это время взошла звезда пещеры имени Вячеслава Пантюхина. Крымские и пермские спелеологи до конца боролись за каждый метр глубины. Как это происходило, вы узнаете из рассказа И.Вольского.

Почти детективный сюжет истории об уникальной аварийной ситуации на дне пещеры не помешает читателю познакомиться с организацией экспедиций в гигантские пропасти, с использовавшимися в то время тактикой и техникой прохождения. Десятилетний период активного исследования "Пантюхинской" - это и часть истории наиболее динамичного периода развития тогда еще советской спелеологии. Одна лишь навеска за это время претерпела изменения от двухверевочной к тросово-веревочной и затем одноверевочной технике. Возможно, у опытных спелеоподводников легкую улыбку вызовет способ преодоления сифонов, который демонстрировал автор со своими друзьями. Но будем снисходительны - донести полный комплект подводного снаряжения до -1500 м не удавалось никому.

Несмотря на то, что с момента "рекордной" экспедиции 1988 года число километровых пропастей в мире почти удвоилось (46 на начало 1994 г.), "Пантюхинская" по-прежнему занимает первое место среди глубочайших пещер с одним входом и третье - в общем перечне, пропустив вперед лишь французские Жан-Бернар (-1602 м) и Мирольду (-1520 м).

Военные действия в Абхазии помешали спелеологам продолжить работу в пещерах, расположенных выше "Пантюхинской". И в будущем она может лишиться ореола глубочайшей одновходовой пещеры, став при этом "просто" глубочайшей в мире. Урочище Абац, где расположена пещера, открыло спелеологам далеко не все свои тайны. Так, в пещере К-3 (она же Абац) находится еще одно чудо природы. С глубины 90 м

вниз обрывается 410-метровая шахта диаметром от 5 до 15 м! Это второй в мире по глубине сплошной подземный отвес.

Мы не знаем, какие сюрпризы ожидают будущих исследователей этого района. Ясно лишь то, что труднее всего приходится первопроходцам, тем, кто делает первый шаг в неизведанное. Таким людям и посвящен предлагаемый вашему вниманию рассказ. Давайте перелистнем страницу и узнаем, как это все начиналось...

Владимир Киселев

> Всегда следует помнить, что изучение сложных пещер - это труд многих спелеологов-энтузиастов, как правило остающихся неизвестными. Их упорству, скрытому от широкой общественности самоотверженному героизму, горячему желанию прийти друзьям на помощь я и посвящаю свою работу.
>
> Игорь Вольский

ГЛАВА 1

Советская спелеология сравнительно молода, однако ее достижения находятся в ряду самых выдающихся в мире. Исследования шахты Снежной (-1370 м), Куйбышевской (-1110 м), системы им.Илюхина (-1240 м) с преодолением сложных сифонов на большой глубине и, наконец, гигантской пропасти имени Вячеслава Серафимовича Пантюхина глубиною 1508 м - убедительное тому подтверждение.

Автору в течение длительного периода удалось непосредственно участвовать в изучении последней. Историей этих исследований, насыщенной яркими впечатлениями и событиями, порою увлекательными, а порою и весьма рискованными, мне и хотелось бы поделиться.

В 1979 году Симферопольским клубом спелеологов под руководством Геннадия Серафимовича Пантюхина была проведена экспедиция по поиску новых пещер на Кавказе, в западной части Бзыбского хребта. Тогда и была обнаружена новая шахта, еще не получившая в то время своего названия и отмеченная на картах номером Кр 1. В том сезоне исследователям удалось преодолеть лишь узкую труднопроходимую двухсотметровую наклонную галерею, на глубине 70 метров оборвавшуюся огромным колодцем с хлещущей по нему после дождей холодною водою, попытка преодолеть который успеха не имела. Однако стало ясно, что новая шахта достойна того, чтобы продолжить ее исследование.

В 1980 году Г.С.Пантюхиным была организована новая экспедиция. Пройдя первый колодец, сплошной пролет которого составил 110 м, экспедиция преодолела затем еще несколько менее значительных уступов и, исчерпав запас снаряжения, остановилась на глубине около 300 метров.

В 1981 году крымскими и присоединившимися к ним пермскими спелеологами была достигнута глубина 550 м. А в 1982 году тот же коллектив энтузиастов, продолжая исследование шахты и пройдя еще серию колодцев, вышел в длинную сухую галерею, дальний конец которой

заканчивался глиняным сифоном, то есть ходом, где уровень жидкой глины подымался до потолка. Глубина шахты на этом этапе исследования составила 640 м, и в этом же году шахта получила свое название в память об известном крымском альпинисте и спелеологе, очень интересном, жизнерадостном человеке, увы, рано погибшем - Вячеславе Серафимовиче Пантюхине, брате руководителя многолетних исследований шахты.

Пусть читатели не удивляются, что глубина шахты росла так медленно, - обилие ледяной воды, многочисленные колодцы, сложные узости между ними требовали от исследователей на каждом шагу в неизвестное колоссальных усилий и большого мужества. Указанная точка на глубине 640 м длительное время была дном шахты, однако геологические особенности ее залегания давали основание полагать, что это не предел, что у шахты должно быть продолжение. Оставалось его лишь найти, но это оказалось делом очень непростым.

Итак, с 1982 по 1985 годы глубина пещеры оставалась 640 м, несмотря на то, что за это время было проведено несколько крупных экспедиций, которые обследовали многочисленные окна на колодцах, все боковые ответвления галереи ниже 600 метров. Многим уже казалось, что достигнут предел и что пещера далее непроходима.

Однако в конце сезона 1985 года небольшая группа пермских и крымских спелеологов нашла продолжение. Автору, участвовавшему в этой экспедиции, удалось первому преодолеть глиняный сифон и выйти в новую часть пещеры. И хотя углубиться далеко в нее тогда не смогли, главная цель все же была достигнута - продолжение найдено!

Новый этап исследований начался с 1986 года. В этом сезоне крымской и последовавшей сразу за нею пермской экспедициям удалось преодолеть отметку глубины 1000 м, что было уже заметным достижением.

Так что же представляет собою пещера ниже 640 метров? За сифоном еще примерно 500 метров продолжается узкая труднопроходимая горизонтальная галерея, заканчивающаяся 28-метровым колодцем. Затем изматывающая работа по переноске транспортных мешков по столь же узкой, но несколько более короткой галерее. И, наконец, вода, пробившись сквозь слой некарстующихся пород, продолжает свое путешествие вглубь горного массива серией колодцев глубиною до 35 м с довольно широкими проходами между ними. Здесь на уровне около 760 м имеется площадка для лагеря, который называется Подземный Базовый Лагерь 800 (ПБЛ 800). Еще несколько небольших уступов, и с глубины 820 м начинается Большой колодец шахты им.В.С.Пантюхина, представляющий собою сплошной каскад следующих один за другим отвесов (25, 70, 60, 22, 28 м) с крохотными полками, на которых едва поместится один-два человека. Дно колодца представляет собою небольшой зал, заваленный глыбами, на которые с ревом обрушивается сверху водопад, перекричать который можно лишь с трудом. В боковой стене имеется небольшая ниша; в ней, отгородившись полиэтиленовой пленкой, только и можно укрыться от бушующих потоков холодной воды и от заполнившей все пространство водной пыли.

Лагерь 1000 м, установленный в этом месте, и послужил стартовой точкой для экспедиций 87-го года: крымской, под руководством все того же неутомимого Г.С.Пантюхина, и проводящейся следом пермской, под руководством С.С.Евдокимова. Итоги их превзошли все ожидания. Мы

рассчитывали пройти глыбовый завал, а затем, если повезет, мечтали дойти до глубины 1200 м. Оказалось же 1465!

На этом хотелось бы остановиться, больно легко я стал обращаться с цифрами 1000, 1200, 1465 м. Поясню, что за ними скрывается. Чтобы группе дойти до ПБЛ 1000, ей необходимо пройти лагеря 200, 600, 800. Каждый отстоит от соседнего на расстояние, соответствующее длительности одной рабочей смены, которая продолжается в идеале 10-12 часов, но, как правило, растягивается в зависимости от количества переносимого груза и состояния спелеологов до 18, иногда 24 и более часов.

Вообразите, что вы совершаете непрерывный 10-часовой ускоренный переход по пересеченной местности. Как вы после этого будете себя чувствовать? А теперь представьте спелеолога, закупоренного в герметичный гидрокостюм весом, кстати, 4 кг, с толстым утеплителем на теле, в комбинезоне, служащем для предохранения гидрокостюма от повреждения, всегда мокром в кавказских пещерах и потому тоже далеко не легком. Затем втисните его в страховочные пояса, навесьте на него карабины, устройства для подъема и спуска по веревке, батареи для фонаря, обуйте его в тяжелые сапоги, водрузите ему на голову каску с налобным фонарем. Ну и наконец, во всей этой 15-килограммовой сбруе ему предстоит то извиваясь ужом преодолевать узкие ходы, то двигаться по щелям, распираясь о скользкие стены над никем не меряной зияющей бездной, и лишь крайне редко, как награду, получить возможность пройти несколько метров свободно, не продираясь. Колодцы при этом - отнюдь не самое серьезное препятствие. И даже все, что мною перечислено, делало бы экспедицию прогулкой налегке. Настоящая же работа там, где нужно не только пройти самому, но и протащить за собою множество тяжелых, за все цепляющихся транспортных мешков и контейнеров с упакованными в них веревками, продуктами, горючим, подземными лагерями и прочим снаряжением, без которого немыслимо длительное пребывание под землей. Напомню, что сутки непрерывной напряженной работы в пещере - явление заурядное.

Утеплитель под гидрокостюмом всегда мокрый от пота, и уже через несколько минут после короткой остановки тебя начинает колотить от холода. Температура воздуха +4-, влажность 100%, кругом плещет вода, гуляют сквозняки. Чтобы немного передохнуть и при этом не замерзнуть, нужно снять с себя мокрый комбинезон (для уменьшения потерь тепла от испарения), завернуться в полиэтиленовую пленку и зажечь под собой таблетку сухого горючего. И вот так, переминаясь с одной замерзшей ноги на другую, можно, сидя на корточках и вдыхая запах гари, блаженствовать некоторое время. Но такие остановки редко делаются более одного раза за смену, так что лучший способ согревания - работа. Относительно полноценный отдых можно обеспечить только в подземных лагерях. К сожалению, мест, пригодных для их установки, в шахте очень мало; к тому же никто, кроме нас самих, их сюда не доставит.

Зачастую люди добираются сюда до предела измотанные, складывают в одно место транспортные мешки и разбредаются по облюбованным камням, нишам и полкам, иногда расположенным всего в полушаге от следующего колодца. Как тяжелобольные, покачиваясь от усталости, что-то невнятно бормоча себе под нос, долго стягивают с себя мокрое, холодное, скользкое от глины снаряжение и наконец, раздевшись, забираются в предварительно установленную, обернутую со всех сторон полиэтиленовой

пленкой палатку и понемногу приходят в себя. Потом готовят пищу и, поев, укладываются в коллективный спальный мешок, устраивая посередине наиболее уставших и намокших. Одежда сушится на себе во время ночлега. Вообще-то такой отдых полностью сил не восстанавливает, и они ото дня ко дню постепенно иссякают.

После пробуждения все повторяется в обратном порядке с таким же мучительным, требующим нескольких часов одеванием, кульминацией которого является натягивание холодного, вымазанного глиной гидрокостюма на относительно чистое и еще теплое тело.

И снова работа, работа, и так сутки за сутками, привычный земной ритм которых постепенно забывается, а затем теряется вовсе. Представив все это, может быть, вам и удастся понять, почему под полуторакилометровой толщей земли уже после недели пребывания здесь мир наверху кажется чем-то очень далеким, почти нереальным, дающим о себе знать лишь воспоминаниями да редкими, едва слышными телефонными переговорами. Поверхность отсюда представляется более далекой, чем соседний континент, ибо туда-то можно долететь быстрее, чем за сутки, а вот отсюда никакие чудеса современной техники не позволят вам выбраться меньше, чем за неделю, и только на себя да на своих верных товарищей вы и можете рассчитывать.

Пожалуй, не зря великие сочинители, описывая преисподнюю, помещали ее именно в пещеры, и, я думаю, если бы они испытали на себе, что такое спелеология, у них добавилось бы мрачных красок для описания ада. Впрочем, коль пещеры все-таки существуют, всегда найдутся "ненормальные", которые в них обязательно залезут!

Однако вернемся к крымской экспедиции 87-го года. Завал на глубине 1025 м удалось преодолеть довольно легко, а дальше потянулось бессчетное количество мелких уступов и колодцев. Уже несколько рабочих смен группы по 3-4 человека, сменяя друг друга, идут вниз. Вот уже глубина 1200 метров, снаряжение кончается, и приходится идти на различные ухищрения, связывать обрывки старых, оставшихся с прошлых сезонов веревок, часть уступов преодолевать лазанием. Все наше мероприятие становится довольно рискованным, но "яма шла", и, подхлестываемая спортивным азартом, рассекая потоки ледяной воды, экспедиция упрямо пробивалась вниз. Было несколько срывов и падений людей, но, к счастью, без серьезных последствий.

Вот очередная группа остановилась перед кажущимся огромным после серии небольших уступов 45-метровым колодцем. Веревок для его преодоления нет. Нужно подыматься в лагерь 1000, оттуда звонить по телефону наверх, чтобы из выше расположенного лагеря пошли вниз люди, сняли с каких-нибудь колодцев одну из двух веревок, навешенных на каждом, и принесли их вниз. Так и сделали. Следующая группа, вернувшись сюда, обработала колодец и спустилась. Однако шахта шла еще дальше вниз! Когда же она, наконец, кончится?!

Снова различные ухищрения по поиску веревок, утомительная работа на колодцах с ревущими на них водопадами и, наконец, где-то на глубине около 1300 м наши спелеологи попали в просторную галерею. Пройдя по ней наклонно вниз примерно 100 метров, уперлись в глубокий сифон с чистой, прозрачной водой. Поплавав в нем, поняли, что без акваланга здесь делать нечего, и повернули назад, чтобы пройти вверх по этой галерее. Миновав свою навеску, метрах в двадцати за нею подошли к

заплывшему глиной глыбовому завалу, в котором чернел колодец, как оказалось, глубиною всего 11 м. Это и был, наконец, последний колодец пропасти. Далее за ним 200-метровая галерея, которую из-за обилия глины назвали Глиняным ходом. Здесь сухо. Двигаясь в гидрокостюме, быстро перегреваешься. В пещерах никогда не испытываешь климатического комфорта: идешь по воде - и гидрокостюм не спасает от пронизывающего холода; идешь по сухому ходу - быстро начинаешь перегреваться и потеть. Галерея невысокая, редко позволяющая идти в полный рост. Заканчивается она окошком, за которым слышен шум воды. Проникнув сквозь него, попадаешь в совершенно другую обстановку. Своды далеко раздвинулись в стороны, нагромождения глыб ступенями уходят куда-то вниз, и на них, разбившись на тысячи струй, с шипением обрушивается водопад. Воздух насыщен водяной пылью, в которой мерцающими полосками вязнут лучи наших фонарей. И все это уходит вниз, вниз, и уже не верится, что у этой гигантской пропасти вообще существует дно. Это начало Галереи Григоряна, названной так в память о нашем товарище, ялтинском спелеологе, погибшем зимою 87-го года в лавине во время проведения спасработ на склонах горы Ай-Петри.

Величественная, размером с железнодорожный тоннель, галерея, плавно извиваясь, вела вниз. Первые метров 100 по ней шли по колено в речке, затем вода ушла куда-то сквозь трещины и появилась снова лишь далеко внизу. Свет фонарей едва добивал до потолка, и на нем огромными пробоинами темнели отверстия вываливающихся сюда откуда-то сверху из еще никем не пройденных ходов и завалов колодцев, под которыми из-за падающей по ним воды приходилось принимать холодный душ. Просторно. Идти легко. Только в одном месте пришлось преодолеть лазанием 4-метровый спуск. После него крутизна хода резко увеличилась, что еще усилило и без того гнетущее ощущение нарастания глубины. Опять идем посуху. Вокруг тишина. Но вот впереди слышатся какие-то звуки, искажаемые эхом. Пройдя еще немного, попадаем в просторный зал, по дальней стенке которого, звеня, струится ручеек, шум которого и взволновал нас. Это место называется Развилка, так как влево от него сначала с небольшим подъемом, а затем опять опускаясь, продолжается Галерея Григоряна, заканчивающаяся глубоким озером. Вправо же узкой трещиной начинается Крымский ход. Первые 60 метров по нему приходится преодолевать ползком, а затем, пройдя шестиметровый полусифон, где уровень воды не достает сантиметров 20 до потолка, выходим где-то в середине прохода, идущего наклонно вниз параллельно Галерее Григоряна, расположенной выше. Именно здесь, спускаясь по речке, мы и попадаем к Песчаному сифону, являющемуся нижней точкой пещеры.

Крымский ход имеет продолжение и в обратном направлении, правда, идущее уже не вниз, к чему мы стремились в первую очередь, а с набором высоты. Здесь, в его верхней точке, во время ужасного паводка в 1988 году оказались в западне четверо наших товарищей, но об этом позже. Пермская экспедиция достигла Галереи Григоряна и подтвердила тем самым результаты крымчан.

Сезон 87-го года, хотя и был для пропасти им. В.С.Пантюхина триумфальным, оставил ряд проблем, окончательно разрешить которые нам предстояло в следующем году.

ГЛАВА 2

В 1988 году в пещере работало 4 экспедиции, последовательно менявшие

друг друга и работавшие по общему плану:

первая - крымская, под руководством Сергея Бучного, преимущественно состоявшая из членов спелеоклуба "Бездна" из Симферополя;

вторая - сборная украинская, под руководством Виктора Костенко;

третья - крымская, под руководством Сергея Клименко, состоявшая в основном из керченских спелеологов;

четвертая - крымская, под руководством автора, состоявшая из севастопольских и нескольких симферопольских спелеологов из клуба "Бездна".

Координировал взаимодействие всех наших экспедиций многолетний руководитель исследований шахты Г.С.Пантюхин.

Нашими задачами были:

1. Попытка преодолеть нижние сифоны и пройти пещеру дальше.

2. Тщательная топографическая съемка нижних галерей и определение окончательной глубины пропасти.

3. Приобретение опыта нашими молодыми спелеологами при прохождении столь уникальной пещеры.

Экспедиция под руководством Сергея Бучного осуществила несколькими рейсами вертолета заброску всего снаряжения на Бзыбский хребет, организовала базовый лагерь у шахты, развернула радиостанцию, позволяющую связываться с Крымом, и сделала навеску до глубины 1025 м.

Сменившая ее украинская экспедиция ушла ниже, организовала ПБЛ 1300, из которого штурмовые группы уходили уже на самое дно. Кстати, лагерь именно здесь был поставлен по счастливой случайности, ибо его установка планировалась в дальней части Галереи Григоряна у озера. В 87-м году это место представлялось наиболее удобным. Однако из-за сильных дождей в районе шахты в ней многократно прибавилось воды, и работать стало значительно тяжелее. Вышло так, что группа, которая должна была установить лагерь, выбилась из сил и не пошла с грузом дальше к озеру. Остальные же просто не упускали случая воспользоваться подготовленной площадкой и свой последний лагерь размещали здесь.

Посетив сухую Галерею Григоряна, украинская экспедиция, однако, смогла проникнуть только в начало Крымского хода. Далее он был полностью затоплен водою. Это было первым грозным предупреждением стихии, но, с другой стороны, в этом не было ничего удивительного, так как на поверхности шли нескончаемые дожди.

Основные топосъемочные работы проводились керченской группой спелеологов.

И, наконец, последней, подводящей итоги всем усилиям, была наша севастопольская экспедиция. Основной задачей ее являлась работа на продолжение. Нам же и довелось попасть в такую аварийную ситуацию, в

которую (разумеется, это не повод гордиться), похоже, до нас никто не попадал.

Продуманная тактика и хорошая организация штурма, высокая спортивная подготовка участников позволили четко взаимодействующим группам уверенно осуществить навеску, заброску груза и установку подземных базовых лагерей на глубинах 400, 600, 800 м соответственно. На восьмые сутки работы в пропасти штурмовая группа в составе И.Вольского, А.Александрова и А.Варфоломеева достигла отметки 1300 м и установила там ПБЛ 1300-1.

Вообще-то организация штурма пропасти - дело очень непростое. Необходимо заблаговременно детально планировать его, чтобы обеспечить круглосуточное продвижение постоянно меняющихся впереди рабочих групп. Мест для отдыха в лагерях, как правило, меньше, чем количество спортсменов, и группы должны четко взаимодействовать между собою по заранее согласованному плану, чтобы все имели равную возможность и работать, и отдыхать. Важно при этом обеспечить непрерывное движение груза, упакованного примерно в 60 мешков весом от 10 до 15 кг. Необходимо четко рассчитать общее число приемов пищи в подземных лагерях, чтобы оставить в каждом строго необходимое количество продуктов. Необходимо учитывать еще множество нюансов, описывать которые здесь просто нет возможности. И, безусловно, неоценимую роль в организации штурма пропасти играет надежная телефонная связь. На поверхности же всегда устанавливается круглосуточное дежурство на телефоне.

Теперь, я думаю, понятно, почему подготовка такой сложной экспедиции потребовала от нас около года напряженного труда и отняла без остатка все свободное время. К тому же наша отечественная промышленность практически ничего из спелеоснаряжения не выпускала, и мы вынуждены были почти все специальное оборудование делать сами кустарно или, проявляя изобретательность, добывать заменители его, используемые в других областях деятельности. Все это еще более усложняло и без того непростую нашу жизнь.

При всем вышесказанном, тем не менее, мы умудряемся "делать" пещеры, выдвигающие нашу спелеологию на передовые позиции, хотя, возможно, из-за менее качественного снаряжения нам приходится испытывать большие физические нагрузки, чем нашим коллегам на Западе.

Но вернемся к штурму пропасти. Его итоги определяла работа штурмовой группы на дне, которая имела для этого 3 рабочие смены (всего примерно 5 суток). За это время еще три группы поддержки штурмовиков, последовательно меняясь в ПБЛ 1300-2, расположенном рядом с ПБЛ 1300-1, получали возможность сходить на дно. Телефонная связь была протянута до лагерей 1300 метров. После выполнения своих задач на дне все группы, кроме одной, находящейся на поверхности, должны были участвовать в выемке снаряжения.

Работа штурмовой группы в нижней части пропасти проходила следующим образом. Обогнав на дне Большого колодца (на -1025 м) группу Владимира Чабаненко в составе 4 человек и приняв от нее груз, моя группа сделала навеску, проверила и местами отремонтировала телефонную линию, забросила часть снаряжения до места установки ПБЛ 1300-1 и оборудовала его. Нашли метрах в сорока выше по течению ручья глиняную площадку для установки ПБЛ 1300-2, предназначенную для

других групп, затратив на все примерно 18 часов, и легли спать. Проснулись, когда группа Владимира Чабаненко с остальным снаряжением спустилась к нам. Мы показали им площадку для лагеря и предложили, поскольку ребята хорошо потрудились до того, отдыхать примерно сутки. Сами же мы отправились вниз. Дойдя до развилки в Галерее Григоряна, свернули вправо, проползли узкий наклонный ход, преодолели полусифон и вышли в Крымский ход. Решили сначала сходить вниз к Песчаному сифону, которым заканчивается пропасть. Чтобы совесть была спокойна, мы по очереди совершили попытку преодолеть его, но ничего из этого не вышло, слишком узко, да и к тому же несущийся с водным потоком песок засыпает тебя. На обратном пути к полусифону я планировал залезть в окно, о котором у нас целый год было много разговоров. Когда идешь вниз по Крымскому ходу, оно смотрится весьма эффектно, и возникли надежды, что через него можно обойти Песчаный сифон. Особый энтузиазм проявлял в этом Сергей Бучный, и окно так и назвали окном Бучного. Однако эти надежды не сбылись. Залезть в него удалось довольно легко, но я вскоре вывалился обратно в галерею. Вернувшись в район полусифона, мы продолжили наше продвижение по Крымскому ходу, но уже наверх. За две недели до нас сюда впервые попали несколько человек из состава Керченской экспедиции и порекомендовали нам поработать здесь на продолжение. На нашем пути встретилось несколько больших ванн, хотя ход в основном был сухой. Наконец в месте, где галерея расширилась и повернула налево, мы встретили черную зеркальную гладь очередного сифона овальной формы. Особенность его в том, что он периодически издает глухие клокочущие звуки, в происхождении которых никто не разобрался. Сифон же назвали за это "Глюкало". Послушав немного его бормотание, мы продолжили путь по галерее, которая начала уже плавно понижаться, появился ручей, и еще метров через 150 она сузилась и закончилась узким закрытым сифоном. С попытки преодолеть его мы и начали основную работу в пропасти.

Я вообще очень люблю нырять, достать дно моря на глубине метров 20 - посильная для меня задача. Поэтому преодоление узких сифонов без акваланга - моя специализация. Надев подводные очки, продеваю кисть правой руки сквозь веревочную петлю, второй ее конец мой товарищ Александр Варфоломеев будет выдавать по мере моего углубления в сифон. Захожу в него лицом вверх, ногами вперед. Это необходимо для экстренного возвращения, так как узость подводной щели не позволит развернуться в ней для движения назад. Веревка в руке даст мне возможность легко найти дорогу обратно в мутной воде. Договариваюсь со страхующим о сигналах, подаваемых рывками веревки. Когда вода достигает лица, останавливаюсь на мгновение, оттянув пальцем резину от щеки, выпустив тем самым остатки воздуха из гидрокостюма, и, сделав несколько глубоких вдохов, ухожу вперед под воду. Упираясь всеми конечностями в потолок, к которому меня сильно прижимает, так как и в гидрокостюме, и в моих легких, разумеется, все-таки остается довольно много воздуха, медленно, нащупывая ногами вьющийся под водою штопором ход, двигаюсь вперед. Пройдя метра 2-3, возвращаюсь на поверхность. Отдышавшись и немного отдохнув, повторяю операцию, но уже в более быстром темпе, ибо я помню профиль только что пройденного пути. Каждая новая попытка дается все тяжелее и тяжелее, поскольку организм с новым погружением охлаждается все сильнее, а период пребывания под водою становится все больше. Обычно время одного погружения 40-45 секунд, максимум до одной минуты. Дольше, я думаю, в условиях низкой температуры воды, нервных перегрузок, связанных с большой глубиною и необычностью ситуации, находиться под водою не стоит, ибо в этих экстремальных условиях выжимать из себя все без

остатка крайне опасно. Итак, на четвертой попытке, когда веревка уходила за мною уже на 7 метров, ход сузился настолько, что будь я не под водою, для дальнейшего его преодоления пришлось бы выдыхать воздух, уменьшая тем самым толщину грудной клетки. Значит, удача тут не улыбнулась, и мы возвращаемся к Глюкалу.

По пути немного согреваюсь, но, увы, озноб все еще колотит меня. Однако, повторяю, в Глюкале то же, что и в предыдущем сифоне. Правда, здесь уже просторней, и можно было бы использовать акваланг. Ход овального сечения 2 на 3 метра под углом 45 градусов уходит вниз. При погружении уже чувствуется давление воды, и приходится продуваться, зажимая периодически нос пальцами левой руки. Во время последней попытки затягиваю под воду за собою 10 м веревки, так, однако, и не достигнув конца хода. В общем, сифон оказывается здесь сильнее меня, и я, измотанный до предела, выбираюсь на берег к товарищам, еще сильнее ощущая психологическое давление почти полуторакилометровой толщи земли над головою, титаническую силу природы, создавшей эту пропасть и нагромоздившей здесь препятствия, преодоление которых порою выше наших сил. Попив горячего чаю, который заботливо приготовили для меня друзья, понемногу прихожу в себя, и мы покидаем эту мрачную галерею в траурно-черных мергелевых породах и со зловеще шипящим сифоном. В лагерь возвращаемся через 12 часов после ухода. Переохладившись в сифонах, я плохо себя чувствую, сильно болят уши и голова. Перед сном мне дают таблетку какого-то лекарства и укладывают спать посередине спального мешка, чтобы обогреть своими телами, ведь следующую смену мне нужно быть в хорошей форме.

На "утро" подымаюсь вполне здоровым и отдохнувшим. Все мы чувствуем себя прекрасно. Пропасть уже не представляется такой тяжелой. Бодрые и уверенные в себе, на этот раз обеими группами уходим вниз. Группа Володи Чабаненко поднесет нам, облегчая тем самым нашу работу, тяжелые алюминиевые контейнеры с аквалангами к озеру в конец Галереи Григоряна. Александр Александров и я попытаемся разведать, а может быть, и преодолеть этот сифон. Группа Чабаненко посетит потом Крымский ход, и все мы возвратимся в свои лагеря.

К озеру ведет крутой спуск по глыбовому завалу, и оно имеет размеры метров 10 в длину и 6 в ширину. Глубина его в дальней части 10 м. Вскрыв контейнеры с аквалангами и прочим снаряжением, извлекаем легочные аппараты из герметично запаянных толстых полиэтиленовых пакетов. Вымыв руки, тщательно собираем акваланги так, чтобы ни одна крупинка не попала в дыхательные аппараты. У нас их по одному, а опытные пещерные подводники обычно берут с собою не менее трех. Вообще, то, что мы собираемся делать сейчас, к квалифицированной работе отнести нельзя, но мы сознательно идем на это. Мы не имеем опыта преодоления больших сифонов с аппаратами, но отказываться лишь по одной этой причине от исследования не собираемся. Однако недостаток опыта и снаряжения накладывают определенные ограничения и на пределы целесообразности нашей попытки. Чтобы степень риска не превысила разумную, решаем идти одновременно в короткой, метра два, связке, чтобы в случае отказа аппарата у одного из нас можно было быстро оказать помощь, поделившись с товарищем своим воздухом. Обеспечивающий нас Александр Варфоломеев выпускает нашу связку на веревке длиною около тридцати метров. И только в пределах этого радиуса мы и намерены двигаться. Ныряем без ласт и без грузов, используемых обычно для обеспечения нулевой плавучести.

Александр Александров - более опытный аквалангист, и мы договариваемся, что под водою я буду выполнять его команды. Итак, мы погрузились. Подплыв к дальней стенке, осматриваем сифон. Видимость прекрасная, стены под водою расходятся в разные стороны на большую глубину наподобие перевернутой воронки. Слева чернеет трещина, которая начинается на глубине около трех метров. Поглядывая друг на друга, жестами обмениваемся впечатлениями. Все время приходится бороться с собственной положительной плавучестью, выталкивающей нас на поверхность. Щель представляется нам наиболее интересной, и Александр делает несколько попыток нырнуть в нее, но каждый раз архимедова сила выбрасывает его, как поплавок, на поверхность. Наконец он предлагает мне выбраться на берег и взять по транспортному мешку вместо грузов. Однако перспектива нырять, имея на шее громоздкий мешок с камнями, меня не прельщает, и я, предварительно договорившись с Александром, тоже совершаю попытку проникнуть в расселину.

Правда, действую я немного иначе. Не пытаясь нырять, а перевернувшись вниз головой, лицом к стене, лезу, представляя себя скалолазом, использующим свои руки и ноги для преодоления собственной силы тяжести. И моя попытка удается! Спустя некоторое время Александр, используя этот способ, устремляется за мною.

Медленно, то цепляясь, то отталкиваясь от торчащих коричневых перьев слоистой породы, с удивлением вглядываемся в необычный безмолвный мир. Подобных ощущений я никогда не испытывал. Быть может, с такой же смесью удивления, восторга и страха космонавты или глубоководные исследователи смотрят сквозь толстые стекла своих иллюминаторов на изучаемый ими чужой мир. А теперь такая, столь редкая в наше время возможность предоставлена и нам. Впрочем, тем и прекрасна спелеология! Двигаемся вдоль щели, вскоре стены подводного царства раздвинулись, и мы оказались в огромном, полностью затопленном зале. Всплыв под самый потолок, осматриваемся. Дно под нами постепенно понижается. Далеко впереди темнеет вроде бы стена зала, а может, она просто вырисовывается нашим воображением. Объем воды потрясает, и мы парим в нем в сияющем голубизною ореоле света своих фонарей. Сифон явно превосходит наши скромные возможности, и мы, собрав всю волю, преодолевая притяжение этой коварно мерцающей и влекущей нас бездны, заставляем себя покинуть его. Остается только позавидовать тем, кто придет после нас и пройдет этот подводный зал, а может быть, и анфиладу залов, а может, им посчастливится преодолеть этот сифон и открыть новые галереи и ходы.

Нам же идти обратно. Пройдя щель, всплываем в озере. Затем я посвящаю еще несколько минут исследованию правой стены, которая круто уходит вниз на большую глубину. Выбравшись на берег, собираем снаряжение и подымаемся по глыбовому завалу над озером, чтобы немного отдохнуть и перекусить. Место, где мы расположились, по-своему примечательно. С левой стены свисает небольшой натек, издающий бормочущие звуки, за что и получил название Бормотун. Отдыхаем долго и, обмениваясь впечатлениями, пьем много чаю, согревающего нас. Я вспоминаю, как в прошлом году на большой песчаной площадке неподалеку отсюда, именуемой между нами "пляж", покидая это место последним в сезоне, я видел кем-то оставленную пустую консервную банку. Сейчас ее нет, и участники двух предшествующих нашей экспедиций ее не видели.

Странно, куда она могла исчезнуть? Мы полагали, что это место не

затапливается. Но, вообще, дно пропасти таит в себе множество загадок: клокочущий сифон, бормочущий натек, множество водотоков, непонятно откуда приходящих и куда скрывающихся. Так что в этом скопище неразгаданных тайн мы чувствуем себя неуютно и вскоре с большим облегчением, превосходящим по силе огорчение от того, что нам не удалось углубить шахту, начинаем подъем в лагерь. Небольшое происшествие случилось на четырехметровом скальном уступе. Неожиданно с самого верха его спиной на торчащие камни упал Александров, к счастью, отделавшись при этом лишь огромным синяком. Примерно через полчаса, когда к нам вернулись сначала дар речи, а потом и привычный юмор, мы в месте выхода через окно из Галереи Григоряна, присев отдохнуть на минуту, начали подшучивать над ним. Чтобы продемонстрировать всю ничтожность наших обвинений в том, что он, изменив спелеологии, перешел в парашютный спорт, а также утонченно-изысканных сравнений с прекрасной ласточкой и т.п., Александр стал осматривать близлежащие стены. Упиваясь потоками собственного красноречия, мы на мгновение потеряли его из виду, но вскоре из небольшого заплывшего натеками окна донесся голос. Последовав туда, обнаружили ход, никем до нас не пройденный. Александр Александров вообще очень хорош при поиске, напорист, прекрасно чувствует себя в узостях, имеет большой опыт первопрохождений. Несмотря на сравнительно молодой возраст, он уже три сезона подряд работает в пропасти им. В.С.Пантюхина и много сделал для ее изучения.

Продолжив движение по ходу - обводненной трубе, заставляющей в основном двигаться на четвереньках, зигзагами уходящей вниз, мы вскоре подошли к уступу. Поскольку веревок с собою не захватили, решаем вернуться в лагерь и последнюю нашу смену на дне посвятить исследованию этой галереи, названной нами Севастопольским ходом.

ГЛАВА 3

Набрав по пути полный алюминиевый контейнер воды, мы вернулись в ставший уже родным лагерь. Такие жесткие контейнеры после того, как притерпишься к издаваемому ими при транспортировке лязгу и грохоту, весьма удобны. Они легче, чем мягкие мешки, проходят через узости. В них можно хранить воду, а на поверхности это еще и прекрасные емкости для молодого абхазского вина! В очередной раз совершаем сложный ритуал стягивания с себя комбинезонов, гидрокостюмов и т.д. Остаемся только в утеплителях, белизна которых режет взор. Но это ощущение обманчиво, ибо только при дневном свете можно разглядеть, насколько грязными они становятся через неделю пребывания под землей.

Спускаемся к палатке и кухне перед нею, зажигаем понатыканные повсюду между камней огарки свечей. Становится светлее, лучше видна галерея, заполненная глыбами. Свободно скользящий по стенам взор обязательно наталкивается на огромную плоскую плиту, нависающую над лагерем, и любой из нас, гоня прочь дурные мысли, быстро отводит от нее взгляд.

Первым делом я уточняю по телефону, что делают наши коллеги в других лагерях и на поверхности. Узнаю, что все идет по плану. Использование телефонной связи в пропасти - в некотором роде искусство. Руководителю необходимо, с одной стороны, регулярно получать полную информацию, а с другой - как можно меньше беспокоить звонками товарищей, тем более, что линия одна, и, обращаясь к какой-либо одной группе, приходится давать вызов по всем лагерям

одновременно. В принципе, я предпочитаю как можно меньше вмешиваться в работу групп, ставя им лишь общие задачи и координируя их действия. В остальном же я доверяюсь опыту руководителей групп, с которыми (кроме Евгения Очкина) я знаком по совместным экспедициям уже много лет. Все же чисто функционерские обязанности отнимают значительное время, но это не столь увлекательное, хотя и жизненно важное для всей экспедиции занятие я опускаю из повествования.

Сейчас, однако, обстановка позволяет немного расслабиться и отдохнуть. На "ужин" готовим гречневую кашу с салом и луком. Как бесценное сокровище, с величайшими предосторожностями мы притащили сюда бутылку портвейна "Таврического", разумеется, исключительно из чувства крымского патриотизма. И вот в завершение самой рискованной части всей нашей затеи настало время ее откупорить. Расставленные по углам парафиновые светильники быстро прогревают палатку, где наша троица сидит с поднятыми кружками и ложками в руках вокруг дымящегося котелка с кашей. Выпили. Приятное тепло разлилось по телу. Сухая палатка, горячая пища, отражение пляшущих огоньков свечей в глазах моих друзей создают незабываемую атмосферу покоя и уюта.

Как-то сам собой завязался перескакивающий с темы на тему разговор. Поговорили о женщинах, помечтали немного о том, как, поднявшись наверх, помоемся в бане, какие деликатесы приготовят нам там, и вообще, о том, как все-таки хорошо наверху, где солнце, лес, пенье птиц и кристально чистый горный воздух! И самое главное - там сухо и тепло. Но вскоре беседа опять вернулась к проблемам пропасти.

-А пожалуй, неплохо, что яма заткнулась, - начал Александров, - а то надоело ходить сюда. Пора искать новые районы и ставить новые задачи. Мы хорошо поработали тут.

И он продолжает, вспоминая какие-то особо памятные эпизоды. Но я его уже плохо слышу: мерный голос, накопившаяся за последнее время усталость убаюкивают и погружают меня в собственные мысли.

Саша еще достаточно молод, чтобы смотреть вперед и только вперед. Многие же из моих друзей, кто начинал исследования в этой пропасти, да и я сам, находимся на той грани, когда скорее подводятся какие-то итоги, нежели ставятся новые задачи. В нашей полной несуразицы жизни, будучи почти бесправными перед несметной толпою чиновников всех мастей и рангов, разного рода абсурдных запретов и ограничений, именно здесь мы чувствовали себя совершенно свободными людьми. Именно здесь нам не надо было лгать и изворачиваться, чтобы просто выжить, распихивать локтями и топтать ближних, дабы урвать себе в жизни кусок пожирнее. Тут каждый из нас готов был протянуть руку товарищу, и каждый из нас знал, что рядом есть его друзья, которые всегда придут на помощь. Пожалуй, это были самые прекрасные мгновения в нашей жизни, и, как знать, повторятся ли они у нас еще.

Голоса отвлекают меня от раздумий. Александров продолжал свой рассказ, курьезную историю о том, как появилось название 22-метрового колодца с водопадом в конце галереи посередине пропасти. Случилось так, что первыми к нему подошли в 86-м году севастопольцы Александров и Гавриленко. После более чем километрового узкого хода пропасть наконец "вывалилась" в приличные объемы. Стало очевидно, что она пойдет далеко. В восторге от этого ребята решили как-то отметить знаменательное событие. Саша вспомнил, что у него в транспортном

мешке лежит случайно туда попавшая старая севастопольская газета. В нашей стране вообще очень любят все героическое. Так вот, газета называется "Слава Севастополя". Оторвав ее заголовок и прилепив его к мокрой глинистой стене и обессмертив таким образом свое выдающееся достижение, ребята присвоили прижившееся затем название колодцу. Я полагаю, что история простит им некоторое нарушение экологии пещеры.

Рассказ, содержание которого нам хорошо известно, меняет наше лирическое настроение. Мы приободрились и даже прогорланили несколько своих излюбленных пещерно-разбойничьих песен. Расслышали и бодрый ответ на брошенный нами вызов из соседнего лагеря ПБЛ 1300-2, до которого всего метров 40. Однако в соревновании глоток вскоре окончательно победила неистовая какофония бушующих вокруг потоков воды. Утомившись, закипятили еще один котелок чая и вернулись к прервавшемуся было разговору.

Теперь он протекал более живо и в основном между мною и Варфоломеевым. Вспомнили памятные дни подготовки к экспедиции 85-го года. Саша участвовал тогда в украинской в июле-августе, а я - в совместной пермско-крымской в сентябре. Важным элементом нашей с ним подготовки стало освоение "новой технологии". Потребности в ней возникли еще раньше при решении одной крымской проблемы. О ней стоит упомянуть.

Первый раз я попал в ту пещеру в семнадцатилетнем возрасте; спустя много лет, будучи уже довольно опытным спелеологом, я вернулся к ее исследованию. Пещера расположена на склонах Байдарской долины и неофициально именуется Анлюша. Это горизонтальная труба диаметром 1-2м. Дальняя часть ее обводнена и доступна лишь в сухое время года. Ход перекрывали около 10 натечных плотин, и, прорубая между ними и потолком проходы, целое поколение севастопольских спелеологов довело длину пещеры до 400 м. Заканчивается она коротким - в полметра - сифоном. За ним через 3 м еще одна плотина полностью закрыла проход. Ее было начали рубить, но быстро бросили, а я решил довести это дело до конца. Не буду описывать, какие сказочной красоты залы и голубые озера грезились мне там, за плотиной. Вооружившись ломом и кувалдой, я приступил к делу. Поначалу находились энтузиасты, составлявшие мне компанию, но затем специфика работы за сифоном оставила меня одного. Впечатления от этого незабываемы. Примерно после часа долбежки во время пауз я обнаружил, что мой пульс никак не хочет опускаться ниже 160 ударов в минуту, и непривычная боль сжимает виски. Тогда-то я и сообразил, что нахожусь в замкнутом объеме воздуха. Тем не менее несколько сезонов по 3-4 раза я ходил сюда и, работая за сифоном часа по 3, доводил себя чуть ли не до потери сознания. Но вот к 85-му году в пробиваемый проход уже можно было засунуть голову и увидеть продолжающийся ход с поворотом через несколько метров и большую ванну с водой. Там, за поворотом, еще один сифон, а за ним?!. Ну конечно, фанатики всегда остаются в плену собственных иллюзий. Однако к этому времени я сумел увлечь своими идеями тогда еще начинающего спелеолога Сашу Варфоломеева, а также ввиду крайне низкой производительности труда решил поискать какое-либо новое техническое решение. Вообще-то я предпочитаю крепкое здоровье, хорошую тренировку и добрую кувалду модной погоне за очередными техническими новшествами. Но все, впрочем, имеет свои разумные границы.

В то время у нас регулярно проводились различные соревнования по технике прохождения пещер, и я в составе команды Крыма принимал в них

активное участие. Эти мероприятия были прекрасной возможностью и для обмена информацией. На одном из них мне подсказали идею, как изготовить в домашних условиях небольшое количество взрывчатого вещества - перекиси ацетона. Пришлось вспомнить азы химии, насобирать всяких баночек, колб, пробирок и других необходимых для опытов стекляшек. Саша принимал в этом самое активное участие. И вот под покровом ночи в старом, требующем капитального ремонта здании у моря, отданного городскими властями севастопольским туристам, в небольшой каморке, выделенной спелеологам, за плотно зашторенными окнами мы приступили к нашим "темным" делам. Конечно, конспирация была строгой, ибо в этой стране почти все запрещено, и даже то, что не запрещено, все равно не приветствуется, и, по-моему, до сих пор никто у нас так до конца и не знает, что же все-таки разрешено. При любых обстоятельствах нам совсем не хотелось выяснять этот вопрос с кем бы то ни было.

Познания в области химии у "злоумышленников" были лишь начальные, и поэтому мои джинсы стоимостью в месячную зарплату квалифицированного специалиста вскоре оказались прожжены кислотой во многих местах. Реакция поначалу шла не так, как следовало: вместо выпадения осадка смесь реактивов закипала, и наша "лаборатория" заполнялась клубами едкого пара. Тогда дверь широко распахивалась, из нее вырывалось облако белого тумана, и в нем выплывали наружу два привидения. Они громко чихали, осыпая все вокруг проклятиями, и распугивали редкие влюбленные парочки, вышедшие полюбоваться мирно дремлющим морем. Но в конце концов мы ухитрились изготовить грамм 20 вещества и с его помощью выполнить ту работу, на которую я потратил несколько лет. Увы, всего через 3-4 метра в пещере мы наткнулись на абсолютно непроходимые тупики.

Посовещавшись немного, решили, что грандиозность и неотложность стоящих перед нами задач на Кавказе не позволяют нам сейчас потратить еще пару месяцев на освоение ядерной технологии, а поскольку без таковой дальнейшее продвижение здесь невозможно - исследования прекратить. Если найдутся энтузиасты, желающие испытать свое счастье, то я с удовольствием покажу это место.

Прошло еще два бессонных месяца, во время которых наша химлаборатория превращалась то в слесарную, то в швейную, то в мастерскую по клейке гидрокостюмов. К концу этого срока лица у нас похудели и вытянулись, но лихорадочный блеск покрасневших от бессонницы, но тем не менее горящих энтузиазмом глаз говорил о высокой степени готовности к покорению новых глубин.

Вскоре представился еще один удобный случай применить нашу "новую технологию". Севастопольцы Константин Гавриленко, Владимир Чабаненко и Александр Варфоломеев, приняв участие в объединенной украинской экспедиции, вернулись полные новых впечатлений и идей. Из всего их обилия я выбрал две, разрешение которых, по моему мнению, привело бы к успеху.

Во-первых, следовало попытаться пробиться по ходу воды, поглощаемой Пятиметровым колодцем в начале галереи 600 м. Во-вторых, попробовать пройти сифон в самом конце ее. Ребята пытались сделать это, но не сумели. Я же, благодаря длительной психологической подготовке и постоянному самовнушению, был абсолютно уверен в успехе.

И вот наша небольшая группа под общим руководством Александра Вотинова (г.Пермь) на Кавказе. Несколько дней потратили на поэтапную переноску под моросящим дождем всего снаряжения от реки Бзыбь до пропасти. Наши финансовые возможности не позволяли использовать вертолет. По плану на дне предстояло работать двумя группами. Первая - основная, в составе трех человек под моим руководством, имела главную задачу открыть что-нибудь новое. Вторая - из двух человек под руководством Александра Вотинова - должна была поддерживать первую группу и в случае успеха документировать новые хода. Около десяти остальных, менее опытных на тот момент, участников должны были работать до глубины 200 м, где планировалась установка первого подземного лагеря (ПБЛ 200). Еще один должен был быть размещен на глубине 550 метров в месте, найденном и использованном мною для этой цели еще в 83-м году, при первом моем посещении пропасти. Один из лидеров пермской команды Дмитрий Ковин оказался по профессии химиком и, как выяснилось, имел такое же, как и я, намерение взорвать большой наплыв кальцита, преграждающего путь в Пятиметровом колодце. Правда, он не имел практического опыта проведения взрывных работ, но, как истинный профессионал, там, где жалкие любители ограничивают свое воображение масштабами нескольких граммов вещества, мыслил килограммами. И если у него была бы возможность затащить наверх целый завод по производству боеприпасов, он наверняка поставил бы дело на промышленную основу. Пока же в своей маленькой лаборатории, уединившись в лесу, он с увлечением демонстрировал мне свое профессиональное превосходство, и никакие уговоры, что сделано уже вполне достаточно, на него не действовали. Чтобы никого не подвергать риску в дороге, мы принесли наверх лишь вполне безобидные реактивы. Но когда я снарядил и засунул в транспортный мешок два заряда размером с полпальца каждый, а Дима с сияющим лицом стал совать туда еще целую банку, я уже вспылил не на шутку. Выпятив грудь, я грозно заявил, что скорее собственными зубами прогрызу себе рядом такую же дырку, чем пойду с ним и этим злополучным мешком. Как мне показалось, мой грозный демарш возымел свое действие. Дима изъял свое сокровище, а мелькнувшей по его лицу загадочной улыбке я в пылу собственного красноречия не придал значения.

Через пару дней, когда все снаряжение уже было сосредоточено в лагере ПБЛ 200, моя группа начала спуск в пропасть с тем, чтобы вернуться на поверхность уже через 5-6 дней. Поскольку значительное большинство участников экспедиции было из Перми, мы использовали широко распространенную в Центральной России, а также на Урале и в Сибири трос-веревочную технику (в Крыму ее не применяют). На каждом колодце в этом случае вешается металлический трос и капроновая веревка. Спуск при этом осуществляется по веревке с самостраховкой за трос. Подъем же наоборот - по тросу с самостраховкой за веревку.

За первую смену нам предстояло дойти до глубины 550 м и установить здесь ПБЛ. Затем мы должны были ходить оттуда на работу на дно.

Пройдя ПБЛ 200, имея на троих 18 мешков со снаряжением, постепенно расходуя его на колодцах, наша группа двигалась вниз. Заканчивался уже 13-й час монотонной и утомительной работы. На каждом колодце я спускался первым, а ребята спускали мне на веревке сверху мешки. Я принимал их на дне и отбрасывал в сторону из луж под колодцами на сухое место. До места установки лагеря оставалось преодолеть каких-либо пару несложных уступов. Вот, стоя под сильным душем, я принимаю очередную серию мешков. Как вдруг... плавное течение хода

событий внезапно прервалось. Время будто бы исчезло. Тело мгновенно потеряло вес и всякую чувствительность. Стены растаяли. Пространство, ставшее вдруг безграничным, оказалось залито бледным светом, и лишь один заунывный однотонный звук наподобие камертона существует в нем. И все это воспринимается как нечто звук становится все глуше и глуше, возвращается осознание собственного Я. Но что-то сильно начинает меня беспокоить. Интересно, где это я? И почему лежу, да еще в луже? И почему свет такой неестественный? Инстинктивным движением руки ощупываю место крепления налобной фары. Ее нет! А, вот она, сорванная с каски, болтается рядом. Но все же еще горит! Набегает ощущение беспокойства. Оно становится все сильнее и сильнее. Похоже, кто-то кричит. Черт возьми! Ведь это - МЕШОК ВЗОРВАЛСЯ!

Привычная симфония многократно отражаемых звуков падающей воды не слышна. Уши заложены. Лишь крик, переходящий в истерический вопль, доносится сверху. Я отзываюсь. Ко мне спускаются, и я понемногу прихожу в себя. Ну и ну! Половина мешка, который я только что бросил перед собою, разорвана в клочья. Повсюду обрывки полиуретанового коврика, каких-то вещей. Рядом валяется, будто бы пережеванный чудовищем, корпус взрывной машинки, изготовленной из полуторамиллиметровой нержавеющей стали, детали фотоаппарата. В воздухе какое-то время витают шерстяные ворсинки из моих запасных носков, шапочки и плавок. Въедливый запах кислоты режет обоняние. Картина - живописнее не придумаешь! Через мгновение вся наша компания уже в сборе. Посчитав потери, шумно анализируем происшествие. Выясняется, что Дима, воспользовавшись моментом, когда я отвернулся, засунул-таки злополучную банку в мешок. Мы, конечно, решаем, что он и виноват во всем. А завершается наш разбор дружным, снимающим стресс смехом, многократно подхваченным эхом. И долго еще бесконечные, уходящие вверх черные стены пропасти, казалось, качаются над нашими головами в зыбком свете фонарей и хохочут над горе-взрывниками. Вот так наша затея учинить небольшой террористический акт в пропасти с треском, а точнее с грохотом, провалилась. И знаете, с тех пор у меня совершенно пропал интерес к химии!

Между тем мы стали разбираться, что же все-таки сохранилось из содержимого мешка. Оказалось, что мой гидрокостюм, лежавший вплотную к взрывчатке в отдельной капроновой упаковке, цел! (Сейчас я одет в костюм, способный защитить лишь от брызг, но в котором нельзя плавать и нырять). И это уже похоже на чудо. Ну ладно, чудеса чудесами, а возможность - самая перспективная, на мой взгляд, - пройти сифон сохраняется. И, кое-как распихав остатки имущества по другим мешкам, мы продолжили путь...

Сюжет моего рассказа, конечно, моим друзьям хорошо известен, но они живо слушают, допуская иногда шутливые комментарии, особенно о прожженных джинсах и пропавших плавках. Мы уже потеряли счет выпитым котелкам чая, и, наконец, усталость берет свое, а разговор, оборвавшись на полуслове, замирает. Мы засыпаем.

ГЛАВА 4

Вернувшись после отдыха в Севастопольский ход, пройдя еще несколько уступов и ходов, мы где-то на уровне Развилки во всех ответвлениях наткнулись на узкие сифоны, которые и на этот раз мне не удалось преодолеть. И даже отснять на обратном пути Севастопольский ход мы не сумели, так как, постоянно таская с собою горный компас, где-то его повредили. Поэтому топосъемку хода я решаю поручить группе Евгения

Очкина, которая в настоящее время снимала участок между 1025 м и ПБЛ 1300 и затем должна была посетить дно.

Собственно, на этом и заканчивалась основная работа на дне, и экспедиция приступила к выемке снаряжения. На четырнадцатые сутки штурма начала подъем в ПБЛ 800 группа Чабаненко. Вторая вспомогательная группа Анатолия Степанова отдыхала в ПБЛ 1300-2, побывав уже на дне. Группа Очкина ушла вниз, моя штурмовая группа готовилась к подъему и должна была освободить ПБЛ 1300-1 к приходу ребят со дна для их отдыха. Поднявшись с частью снаряжения в ПБЛ 800, штурмовики собирались передать его группе Чабаненко, которая должна была уходить с ним выше, а сами ждать прихода группы снизу. Такими переходами с передачей снаряжения и сменой в лагерях все группы планировали выйти на поверхность через 6 или 7 суток.

Однако стихия спутала все наши планы. Через несколько часов после ухода последней группы на дно, когда моя группа только начала подъем, с поверхности по телефону сообщили, что началась гроза. Сильно это сообщение нас не взволновало, поскольку дожди, в том числе и довольно сильные, были часты в период проведения нашей экспедиции, они приводили к некоторому увеличению воды на колодцах, почти не влияя на ее уровень на дне. Да и вниз вода доходила часов за 7-8, то есть за время, вполне достаточное для возвращения наших спелеологов со дна в лагерь. Поэтому план мы не меняли. При подъеме штурмовой группы из ПБЛ 1300-1 отмечалось увеличение воды на колодцах, что нам не помешало, ибо воды здесь всегда много, и она была аккуратно обвешена. Однако тревога за группу на дне росла с каждым метром подъема, и, придя за 9 часов в лагерь 800, я сразу связался по стационарному телефону с ПБЛ 1300-2. Компактные переносные телефоны, которыми группы могли пользоваться во время движения, из-за снизившегося в паводок сопротивления изоляции линии и подсевшего питания связь на большом расстоянии уже не обеспечивали. Поэтому надежно она работала только между лагерями. Так вот, после звонка выяснилось, что наши товарищи со дна не вернулись. С момента их ухода прошло уже более 16 часов, то есть примерно в два раза больше, чем им требовалось.

Дело принимало серьезный оборот, и я как руководитель экспедиции обратился с просьбой к Степанову сходить вниз на поиск группы Евгения Очкина. Группе Чабаненко, ждавшей нас в лагере, пришлось освободить место для нас и перейти в ПБЛ 600, где они должны были находиться, пока не прояснится обстановка. Движение остальных участников в пещере также было приостановлено. Потянулись долгие часы ожидания. Несмотря на усталость, спать не хотелось.

Прошло еще примерно 12 часов, и, наконец, раздался телефонный звонок. Новость была столь ужасной, что в нее было трудно поверить. Группа Степанова нашла Галерею Григоряна почти полностью затопленной. Это означало, что вода в течение нескольких часов неожиданно поднялась примерно на 150 метров! При этом никакого поступления ее сверху разведчики не обнаружили. Группа Очкина не найдена. Сообщалось также, что вода медленно спадает и что разведчики все время шли за нею, а сейчас вернулись ненадолго, чтобы известить нас о случившемся, обогреться и немного поесть.

Новость потрясла всех. В Галерее Григоряна крымские спелеологи работали второй сезон, и у всех сложилось мнение, будто она не затопляется, а закрывается только Крымский ход. Мы даже планировали

разместить здесь наши лагеря и лишь по счастливой случайности избежали этого.

Одобрив действия группы Степанова, я лишь попросил его не находиться постоянно у зеркала воды, а подходить к ней ненадолго из безопасного места, отмечать уровень и сразу возвращаться, повторяя эту операцию многократно, ибо не было никакой уверенности в том, что нас не ждут новые удары в этой пропасти, оказавшейся вдруг столь непонятной и враждебной к нам. Терялось ощущение реальности, события вокруг рисовались каким-то кошмарным сном во время тяжелой болезни, но весь ужас нашего положения состоял в том, что все это происходило наяву, а наше сознание никак не могло с этим примириться. Физической болью отдавалось то, что до дна, куда пошли наши товарищи, сейчас можно было бы добраться разве что на подводной лодке! И участь их представлялась нам трагической.

ГЛАВА 5

Группа Степанова после небольшого отдыха опять пошла вниз, а у нас снова потянулись томительные, бессонные часы ожидания, которые разнообразились только поступающими с поверхности неутешительными новостями о том, что все время идут дожди и что улучшения погоды не предвидится, да редкими ударами падающих на полиэтиленовый тент капель под аккомпанемент кажущегося сейчас зловещим журчания ручейка поблизости.

Глубоко потрясенные, мы молча предавались размышлениям о превратностях судьбы. Ее крутые повороты порою неожиданны; так и многочисленные опасности, подстерегающие нас в пещерах, зачастую совершенно непредсказуемы. Вот, например, экспедиция 87-го года. Одна из групп после тяжелой работы поднялась в подземный лагерь в нише на дне Большого колодца (-1025 м). Усталые спелеологи разделись, поели и заснули крепким сном. Трудно даже понять, по какой сверхъестественной причине некоторое время спустя проснулся севастополец Константин Гавриленко и увидел сквозь тонкий капрон подземной палатки зарево огня снаружи. Ложась спать, ребята не потушили уже гаснущую свечу, от нее загорелся тонкий слой мусора и наплывов парафина на мокром, грязном полу. Огонь перекинулся далее на лежащую в метре кучу мусора, и языки пламени от нее стали лизать стоящую рядом полиэтиленовую канистру с двумя литрами бензина, вплотную к которой стояла еще одна с пятью литрами. Поверхность емкости уже загорелась, когда Костя кошачьим прыжком подлетел к ней и выбросил под водопад. У нас существует расхожая шутка, обычно произносимая чересчур тепло одевающимися перед пещерой: "Я видел мороженых спелеологов, но жареных - никогда!". Оказывается, и это возможно, ибо лишь какие-то мгновения отделяли наших коллег от катастрофы в низкой, тесной, окруженной со всех сторон камнями нише. Кстати, после того случая мы отказались от использования бензина под землей. Гавриленко - один из опытнейших наших спортсменов, у него сработало накапливаемое годами чувство опасности в пещере. А вот у наших пропавших друзей таковое, увы, еще не появилось.

Посередине палатки, где мы сидели, трепетал огонек светильника, и временами в его хрупком, как человеческая жизнь, пламени мозаичными фрагментами, выхваченными из глубин подсознания, передо мною возникали картины наших прошлых экспедиций. Вот как будто наяву вижу, как в 85-м году с двумя товарищами спускаюсь по последнему колодцу

перед галереей на -600 метрах. Вот мы на дне, на дне 85-го года, даже в самых дерзновенных своих мечтах не предполагая тогда, что вскоре оно опустится почти на километр. Распираясь о стены, медленно идем по галерее. Вода ушла куда-то по трещинам вниз. Сухо, в гидрокостюмах становится жарко, и от наших мокрых комбинезонов валит густой пар. После оглушающего рева водопадов на колодцах, пронизывающего холода все вокруг странно и необычно. Плавные формы рельефа, темно-коричневое глиняное одноцветье породы, глухая ватная тишина быстро меняют наше представление об окружающем, и, кажется, мы уже не идем, а медленно плывем в каком-то вязком тумане, а вокруг нас колыхаются, тают, появляются снова в другом обличии туманными видениями тени. Однако постоянное движение, струйки пота, бегущие по лицу, возвращают к реальности, появляется спортивный азарт. Что же дальше? Ведь раньше я сюда не доходил. Знаю лишь, что за месяц до нас здесь работала крупная украинская экспедиция, так и не сумевшая пройти глубже.

Под ногами начинает появляться вода. Вот ход расширяется и заканчивается небольшой камерой. Под стенкой лужа, в нее втекает тоненькая - с мизинец толщиною - струйка воды. Ага! Значит, она должна и вытекать где-то там, за стенкой. Ну-ка, попробуем! Сажусь в эту лужу, которая мгновенно мутнеет, так как чистой воды в ней тонкий слой на поверхности - ниже мягкая глина. Толкаю ноги под стенку, получается засунуть только до колен. Ничего страшного. Попробую ими прокопать для себя канаву в этом месиве. Понемногу выходит. Свод, под который я пытаюсь проникнуть, примерно на полметра ниже уровня. Наконец, где-то через четверть часа подобной возни я уже почти весь залез ногами вперед под свод. Жижа подступила к лицу, набрал воздуха, закрыл рот и снова вперед, вперед - и вот, когда уже стало заливать глаза, нащупываю носками ног ступеньку, уходящую наверх. Неужели? Сифон проходим?! Почувствовав удачу, начинаю двигаться энергичнее. Правда, вместе с тем ощущаю обжигающий холод поступающей сквозь неплотный и местами поврежденный гидрокостюм жидкой глины, окружающей меня. Вот решающий рывок - и я отфыркиваюсь на той стороне, волоча за собою каску, сорвавшуюся с головы в сифоне. Почистив пальцами, а затем языком стекла налобного фонаря и очков, встаю в полный рост и иду по галерее, напоминающей ту же, что и до сифона.

Три сезона мощные экспедиции останавливались, так и не дойдя до этого места. А мне повезло. Я здесь, в новой части пещеры! И теперь, когда сифон позади, кажется, что все прошло так легко и естественно, что даже не верится, что здесь до меня никого никогда не было. Впрочем, видимо, никто просто не отважился залезть в такую грязь по уши. Увлекшись исследованием, метров через 150 подхожу к узости, пройти которую с ходу не удается и, наконец, вспоминаю, что в одиночку в пещерах ходить не рекомендуется, да к тому же еще и забравшись черт знает куда! Почти бегом возвращаюсь назад, продираюсь через сифон - и вот я среди товарищей. Замерзшие Дмитрий Ковин из Перми и Дмитрий Стаценко из Симферополя начали уже волноваться. Радостная встреча, мой сбивчивый рассказ об увиденном.

Мы возбуждены, но настроение деловое. Решаем возвратиться немного назад в сухую часть пещеры и перекусить. Из-за огромных энергетических потерь под землей никогда не следует упускать такую возможность. За этим приятным занятием выяснилось, что ребята, азартно проверяя все щели в галерее пока мы шли к сифону, сильно порвали гидрокостюмы. Однако из двух комплектов штанов и рубашек

(наши сухие гидрокостюмы состоят из двух соединяемых деталей) можно собрать одну пару. Стало быть, мне идти с одним партнером. Проявив истинное благородство, это право уступил Дима из Перми, сам оставшись сидеть на корточках у стенки со свечкой, обернувшись полиэтиленовой пленкой, не ведая, сколько ему поджидать нас.

Вновь погружение в жижу, где я помогаю идущему вслед за мною Диме Стаценко, придерживая его с другой стороны сифона за ноги и ориентируя его тем самым в нужном, мне уже известном направлении. Операция проходит значительно легче, чем в первый раз, ибо в глине сифона после двукратного прохождения образовался желоб. Пробегаем по знакомому ходу и, поработав в остановившей меня ранее узости около часа молотком, - дальше в неведомое. Галерея продолжалась, плавно набирая глубину, то расширяясь, то сужаясь настолько, что порою ее холодные объятья сжимали грудную клетку. Но наградой первооткрывателям после череды невзрачных глиняных стен было изумительное своим великолепием зрелище натечного убранства пещеры. Фантастические, совершенно немыслимых форм сталактиты, сталагмиты, геликтиты, другие, какие только существуют виды натечных образований с переливами иссиня-белого, нежно-розового цвета, желтого, красного местами полностью перекрывали ход. Прозрачные, тончайшие двухметровые сосульки волшебной бахромой струились со свода, издавая при прикосновении к ним чуть слышный малиновый звон. Очарованные, мы как будто перенеслись в детскую сказку, где все видится сквозь ажурную вуаль хрустальных нитей с кое-где подвешенными жемчужинами - радужно переливающимися на свету капельками воды. Нигде на поверхности, даже в самых заветных уголках своего воображения, нигде вы не встретите подобного.

Пораженные неописуемой красотой, чтобы не нарушить вечный покой этой хрупкой страны чудес, стараемся двигаться как можно аккуратней, но, увы, не всегда это удается, и тогда в тихом печальном звоне обломков слышится, будто сказочные гномы плачут тоненькими голосами, дергают за комбинезон, за шнур налобного фонаря, маленькими хрустальными молоточками отчаянно колотят по каске, скачут впереди бликами света наших тусклых фонарей, серебристой капелью роняют слезинки, сливающиеся в ручейки, то беззаботно щебечущие, то грустно вздыхающие: люди, кто звал вас сюда? Удивительная акустика, вечная темнота, сковывающий холод усиливают и без того переполняющие нас впечатления. Вот очередным призрачным видением мелькнет далеко впереди белоснежной занавесью одеяние феи, хозяйки этого каменного волшебства. Вот... Но, впрочем, сказки всегда рано или поздно кончаются: стены широко раздвинулись и оборвались грохотом водопада в зияющую бездну, воспоминание о мрачном величии которой сразу возвращает меня из грез к нашей, увы, такой горестной действительности. И зачем я вообще проник тогда сквозь этот проклятый сифон, зачем привел сюда с собою людей, помочь которым сейчас бессилен? Оправдано ли вообще наше безудержное стремление постоянно открывать что-то новое в пещерах, да и не только в пещерах? Всегда ли мы можем обратить себе во благо лавинообразно нарастающую совокупность знаний в науке и технике? Ведь каждый наш шаг за границу познанного - это риск, чреватый порою непредсказуемыми последствиями. Всегда ли мы задумываемся: а имеем ли мы моральное право сделать этот шаг? И всегда ли мы представляем, чем именно мы рискуем?

ГЛАВА 6

Прошло уже более 10 часов после повторного ухода разведчиков вниз, но сведений о них не поступало. Ожидание стало невыносимым, и, чтобы хоть как-то ускорить подготовку к уже почти неизбежным спасработам, я отдал команду вернуться к нам двум нашим товарищам Дмитрию Нехамкину и Сергею Шарапову из Базы 600 и принести два контейнера с продуктами и снаряжением, запас которых на дне и у нас в Базе 800 иссякал. Пропавшая группа отсутствовала уже более двух суток. Умом мы все понимали, что шансы выжить у них минимальны, но сердцем никак не могли с этим смириться и, невзирая на переутомление, вызванное длительной тяжелой работой под землей, полны были непреклонной решимости делать все для их спасения. Велико было искушение сразу броситься нашей самой сильной штурмовой группой на дно, однако было очевидно, что сделать сейчас больше, чем группа Степанова, никто не может, да и следовало избегать риска пребывания лишних людей в опасной зоне, ибо никто не знал, насколько и как быстро может подняться уровень воды. Потрясение от происходящего было столь велико, что мы бы не удивились, если бы вода поднялась и до нашего лагеря!

Вынужден признаться, что осмысленные решения в такой ситуации даются с огромным трудом и требуют определенной выдержки. Положение руководителя экспедиции всегда очень не простое. Он должен уметь так скомбинировать часто различающиеся интересы участников, чтобы с возможно минимальными ограничениями свободы самовыражения каждого максимально эффективно решать общую задачу. На нем также при любых чрезвычайных обстоятельствах лежит груз моральной, да и не только моральной ответственности. И самое главное и самое сложное - он должен уметь в причудливом переплетении порою быстро меняющихся во времени обстоятельств, каждое из которых лишь с некоторой вероятностью воздействует на общий ход событий, принять оптимальное решение. Здесь успех определяется большим пещерным опытом, уверенностью в себе и в товарищах, а также кое-чем таким, что никогда не сведет творческое мышление, умение предвидеть, быть удачливым, наконец, к каким-либо формальным законам.

Так или иначе, мы ждали результатов второй разведки, и, пока их не было, напряженно размышляли. Прорабатывались самые невероятные ситуации, в которых могли оказаться потерпевшие, а также действия экспедиции по их спасению. Например, что делать, если они, плавая в подымающейся воде, закрепятся как-нибудь на потолке и, будучи не в силах больше терпеть ее холод, так и останутся на 30-40-метровой высоте после завершения паводка? Как нам снимать их? Но основные надежды возлагались на возможность отсидки группы Очкина в двух местах: в дальней части Галереи Григоряна у озера, где высота свода особенно велика, и в меньшей степени - в Крымском ходу, в его верхней точке у сифона Глюкало, поскольку уровень воды при максимальном подъеме был выше этого места.

Наконец, примерно через 13 часов после второго ухода группы поиска поступило сообщение, из которого следовало, что вода полностью освободила Галерею Григоряна и что нигде в ней пропавшие не обнаружены. Разведчики проникли уже в самое начало Крымского хода, и по их данным, основанным на скорости спада воды, он должен был полностью освободиться часов через восемь. Сообщалось также, что здесь найден пикетажный журнал Евгения Очкина, состоявший из тонких алюминиевых пластин. Таким образом, обстановка прояснилась. Настала пора действовать.

Прежде всего разведчикам, проработавшим уже более суток, была дана команда отдыхать. Моя же группа начала одеваться и готовится к спуску. Затем, поскольку продукты питания, физические и моральные ресурсы были на исходе, наверх был продиктован текст сообщения в Крым о сложившейся ситуации с просьбой о помощи. Мы могли своими силами вести спасработы еще примерно двое суток, но чтобы, делая все возможное для поиска потерпевших, продолжать эти усилия непрерывно и по их истечении, помощь была бы уже необходима. Поскольку из-за выхода из строя в грозу радиостанции оперативно связаться с Крымом не удалось, нам пришлось послать из Базового лагеря на поверхности двух человек вниз в ближайший поселок Бзыбь. Они должны были дать от моего имени официальную телеграмму о вызове спасотряда, а также по телефону обрисовать сложившуюся у нас обстановку. Прибытие спасателей к пропасти ожидалось примерно через сутки, и до их спуска на дно я рассчитывал вести поиск силами штурмовой группы.

Утром 8 сентября, на 17 сутки работы в пропасти, наши курьеры под барабанную дробь дождя, освещаемые всполохами молний, скрылись в разрывах окутавших горные вершины облаков, и через несколько часов в Крыму знали о случившемся. Здесь хочу уточнить, что, кроме как оттуда, быстро получить помощь мы не могли. Пропасть им. В.С.Пантюхина слишком сложна, и для спасработ в ней нужны специалисты высшей квалификации, которых, в общем-то, совсем не много, и быстро собрать из них отряд в то время можно было только в Крыму. Меры для его укомплектования были приняты немедленно. На следующее утро первая четверка спасателей под руководством одного из наиболее опытных советских спелеологов Сергея Бучного, президента клуба "-2500", должна была прилететь на кавказское побережье в город Сочи и оттуда на заказанном к их прибытию вертолете - на Бзыбский хребет, прямо к пропасти. Вечером в Сочи должен был собраться основной отряд из 10-12 человек, также способных работать на большой глубине, под руководством Владимира Кузнецова, председателя федерации крымских спелеоклубов, президента спелеоклуба "Бездна". Почти все спасатели - спелеологи-любители, оторвавшись от своих дел, спешили прийти нам на помощь. Финансировать работы взялась государственная организация - Крымская контрольно-спасательная служба, а также самодеятельный клуб "Бездна".

Вечером 8 сентября решались также некоторые организационные и юридические проблемы. В частности, был решен вопрос о допустимости расчленения тел погибших, ибо иначе их невозможно протащить сквозь многочисленные узости, если, впрочем, обстоятельства вообще позволят подымать их на поверхность. С патологоанатомами были проведены консультации о том, как это сделать непрофессионалам и как правильно упаковать части тел для транспортировки. Увы, в нашем деле с подобными обстоятельствами приходится считаться.

События же в пещере в это время разворачивались следующим образом. Физически и морально истощенная группа Степанова, в которую также входили Дмитрий Ковалевский, Юрий Васецкий и Валерий Жогло, вернулась наконец на Базу 1300-2. Люди уже давно переступили рубеж, отделяющий действительность от ее фантастического восприятия. Галлюцинации начали посещать их еще в Галерее Григоряна. Когда же разведчики медленно брели за водой, отмечая ее уровень спичками, видения продолжались, проявляясь у каждого по-своему. Для одного возникал образ подымавшейся над поверхностью воды как бы подсвеченной изнутри

ноги в резиновом сапоге с отчетливо видимым рифлением подошвы, то руки в резиновой перчатке, призывно машущей и влекущей к себе в черную бездну. Другой ощущал непонятно как возникший, нестерпимо режущий запах роз. В любом случае, если из воды что-либо показывалось, кто-то из ребят обязательно бросался в нее и подплывал для проверки, но все это оказывалось просто плодами воспаленного воображения.

Но вот, предварительно позвонив мне, ребята разделись, поели и легли в палатку. Уже перед сном Валера приподнялся, чтобы задернуть ее полог и... замер на мгновение. Потом закрыл вход, и осторожно, будто не желая кого-то спугнуть, пятясь задом, отполз обратно и чуть слышно прошептал: "Там Очкин! Но он какой-то странный, будто прозрачный!". Затем с такими же предосторожностями из палатки выглянул Толя Степанов и увидел то же самое! Он окликнул приведение, и оно отозвалось нормальным человеческим голосом: "Ребята, у вас есть что-нибудь покушать?". А из колодца напротив показалась еще одна голова с тускло светящимся фонариком.

Штурмовая группа в это время уже оделась и, готовая к спуску, поджидала транспортируемые сверху продукты. Вот-вот они должны подойти. Телефонный аппарат у нас барахлит, и мы используем как ретранслятор мощный телефон в ПБЛ 600, где постоянно слушают дно, что, впрочем, делают и на поверхности. Забыв о сне, мы все уже третьи сутки находимся в состоянии крайнего нервного напряжения. Пока моя группа ждет, я лежу в палатке с телефоном под ухом. И вот - ударом по нему, от которого гулким эхом, казалось, задрожали стены вместе с невольно вырвавшимся криком У-Р-А-А-А!, слышу едва различимый в полуисправном телефоне, но эмоционально не менее заряженный шепот: "Они пришли, они пришли, они живы, все живы, с ними можно говорить, они живы, они настоящие, они нормальные, они живы, живы!!!".

Каждую минуту мы надеялись, верили, ждали этого сообщения, но положение наше становилось все безотраднее и тягостнее. И вот, уже почти помешавшись от осознания свалившейся на нас беды, мы теперь сходим с ума от радости! Все происшедшее кажется каким-то нелогичным, неправдоподобным. Да, стихия коварна, она дождалась нашей последней экспедиции, последней группы, ушедшей на дно. Она дождалась того, что мы позволили себе немного психологически расслабиться, решив, что раз работа на продолжение закончена, то все трудности уже позади, забыв, что даже просто прийти сюда - большое достижение. В череде успехов в этой пропасти мы как-то позабыли, что почти все глубочайшие пещеры мира за свое изучение требовали человеческих жертв. Да, природа нуждается в равновесии во всем, и на весы наших судеб, коль на одну их сторону мы желаем положить какие-либо результаты, на другую лягут - и с этим приходится считаться - тяжелые гири наших бессонных ночей, пота, а может быть, и сами жизни! Понимать-то мы это понимали, но когда приходится платить сполна, все представляется в ином свете. Даже самый пытливый и изощренный человеческий ум буйной фантазией своей не способен предусмотреть все сюрпризы, заготовленные для нас природой. Став на какое-то время игрушкой в чьих-то руках, мы попали в невероятную ситуацию, но еще более невероятным оказалось наше избавление. Это был действительно подарок судьбы.

ГЛАВА 7

Теперь самое время перенестись на дно и узнать, что же случилось с

пропавшей группой Евгения Очкина, вернувшейся лишь через 54 часа. Оставив ПБЛ 1300-2, сходили в конец Галереи Григоряна к озеру и вернулись на Развилку. Потом сквозь узкую щель и полусифон попали в Крымский ход, где решили сначала посетить его верхнюю часть. Перекусив у Глюкала, продолжили движение в прежнем направлении и, дойдя до сифона, который я пытался преодолеть несколько дней назад, повернули обратно. Миновав отворот в Галерею Григоряна, группа пошла вниз, на дно пропасти, планируя на обратном пути делать топосъемку. Однако, пройдя совсем немного, спелеологи наткнулись на незнакомое озеро, преградившее им путь. Предположив, что они сбились с пути, начали было искать обход, как вдруг заметили, что озеро надвигается на них! И почему-то вода идет снизу! Бегом вернулись к повороту, но было уже поздно: из него, пенясь и шипя, шел сплошной поток. Выход закрыт, это ловушка! На мгновение люди замерли, осознавая трагедию своего положения. Но на переживания времени не было, вода подступала уже к ногам, и они начали вынужденное отступление обратно, вверх по Крымскому ходу. Черная гладь воды, подымаясь за 6 минут на один метр, неотступно преследовала наших друзей, и ощущение своей полной беспомощности в борьбе с ее мерным и неотвратимым наступлением вселяло ужас. Все это происходило бесшумно, и лишь изредка трагическое безмолвие нарушалось зловещими звуками выдавливаемого из щелей воздуха, похожими то на глухой стон, то на змеиное шипение.

Все выше и выше паводок вытеснял наших попавших в беду товарищей, и примерно через 12 часов такого отступления они подошли к своему последнему рубежу - Глюкалу. Далее, напоминаю, галерея постепенно понижалась, но вода наступала только с одной стороны и, не дойдя метров десяти до сифона и около 4 метров до потолка в самом высоком месте, стабилизировалась. Вид Глюкала поразил пришедших. Уровень воды в нем был метров на 5 ниже, чем при первом их посещении. Собственно сифон отодвинулся вглубь, и до него нужно было идти наклонно вниз около 10 метров. Последние несколько часов ребята шли молча и не могли заметить изменения тембра своих голосов. Здесь же, пораженный видом сифона, кто-то попытался присвистнуть от удивления, но из этого ничего не вышло. Голоса неузнаваемо изменились, воздух стал тяжелым, вязким, и все сообразили, что это последствия повышенного давления. Как видите, "приключения" сыпались на них одно за другим. Но, с другой стороны, это вселяло некоторую надежду на длительное сохранение пузыря воздуха над головой. Но если б в своде была бы хоть микроскопическая трещина, то тогда...

В общем, группа оказалась в естественном водолазном колоколе, и весь вопрос теперь заключался в том, на сколько еще может подняться давление, не выдавит ли оно водяные пробки сифонов, ведь, что за ними, мы так и не узнали. Но если даже вода выше не поднимется, то сколько она будет держать своих заложников - сутки, неделю, месяц? Пока лишь оставалось, сохраняя присутствие духа, ждать и верить в свое спасение.

Энтузиазм первооткрывателей и героические помыслы найти здесь еще что-то неведомое несколько поостыли. Уставшие от переживаний, люди, сбившись тесной кучкой, сберегая остатки тепла, сидели опустив головы, подавленные происшедшим, в небольшой камере со сжатым воздухом, со стоящей буквально у ног водою. Для экономии света оставили включенным лишь один фонарь. В эти тяжелые минуты характер каждого проявлялся по-своему. Евгений Очкин, как и положено руководителю группы, делал все, чтобы вселить в товарищей оптимизм, а

как врач контролировал их состояние. Флегматичный Евгений Сандров, вверившись судьбе, спал. Кстати, не так давно он работал водолазом и оценил давление, в котором находился, примерно в 5 атмосфер. Галина Шемонаева, самая обаятельная и жизнерадостная из известных мне женщин-спелеологов, молча сидела на коленях у ребят и думала о своей маленькой дочери. (Я впервые упоминаю о присутствии женщин в нашей экспедиции, так вот, всего у нас их было три. Две другие - это жена Анатолия Степанова - Елена, тоже побывавшая на дне, и Галина Путинцева, принявшая на себя всю тяжесть обеспечения нас питанием). И, наконец, четвертый член этой группы, Василий Ерастов, вел научные наблюдения, фиксируя время, скорость подъема и спада воды.

Через несколько часов пребывания у Глюкала началось постепенное понижение уровня, освободившее метров пятьдесят галереи. Из щели сбоку от сифона, пульсируя, забил фонтан. Быть может, наличие этого канала и есть разгадка тайны его невнятного бормотания? Интересно также то, что оно незадолго до начала паводка прекращается. Однако пробудивший надежду спад воды вскоре прекратился, она снова поднялась, и даже немного выше прежнего. И опять только тишина, соответствующая плавному, почти незаметному течению времени, окружала ребят, прерываемая изредка лишь приглушенными звуками переливающейся где-то в недрах этой гигантской системы сообщающихся сосудов воды.

Уже около суток пребывали наши товарищи в западне у сифона, когда, наконец, начался медленный, но непрерывный спад воды, который, продолжаясь ровно сутки, позволил в конце концов им выскользнуть из Крымского хода в Галерею Григоряна. Подобрав по пути оставленные им на всякий случай группой поиска запасной свет и продукты, пошли в базу, где вскоре и произошла долгожданная встреча. Телефоны во всех лагерях залились радостным перезвоном. А еще через пару часов моя группа встретила еще ничего не знавших посланцев ПБЛ-а 600, и мы вместе снова пережили радость спасения, а затем отправили ребят обратно с Еленой Степановой, посетившей дно вместе с мужем, а сюда поднявшейся с нами. В Крымскую спасательную службу отбой тревоги поступил за 15 минут до выезда головного отряда в аэропорт.

На этом, увы, наши злоключения не окончились, ибо наверху шли нескончаемые дожди, а в пропасти бушевал паводок, превративший каждый колодец в дьявольски тяжелое препятствие. Отсиживаться мы больше не могли, так как уже израсходовали двухсуточный резерв продуктов. В общем, нам пришлось ввязаться в борьбу в самых неблагоприятных для себя условиях.

Здесь мы еще раз сумели оценить высокое качество системы подготовки крымских спелеологов. Один из важнейших ее принципов заключается в том, что каждый участник экспедиции должен отдать все силы для достижения общей цели. Даже если ты видишь, что партнер не может или не хочет поступать так же, а то и откровенно прячется за твою спину, не осуждай его. Продолжай работать, не замечая этого, будь в ладу прежде всего с самим собой, чтобы и через много лет ты мог сказать себе: я не сломался тогда, я все отдал для победы, я был и остаюсь настоящим мужчиной! Группа, где исповедуют эти принципы, способна творить чудеса, и наш выход со дна пропасти в невиданный еще здесь паводок был одним из таких чудес! Ввиду чрезвычайной ситуации разработанный ранее план выемки снаряжения пришлось изменить. Мне предстояло решить, что же делать с группой Очкина после длительного пребывания под высоким давлением. Ситуация была уникальная, и я

опасался, что оно может вызвать отрицательные физиологические последствия через некоторое время, особенно после того, как у них пройдет состояние эйфории. Пока ребята держались бодро, но меня это не успокаивало. Посоветовавшись, решили, что они отдохнут минимально необходимое для них время - ориентировочно 15 часов - и начнут подъем при поддержке снизу группы Степанова, периодически выходя на связь со мною. Я намерен был встретить их в Базе 800. Так и сделали, но получилось опять не совсем то, что мы ожидали.

Женя Очкин с товарищами ровно через 15 часов двинулся наверх и, используя кратковременный спад воды на колодцах, через десять с половиной часов без проблем достиг ПБЛ 800. А вот с группой Степанова все оказалось намного сложнее. Приняв на себя основную тяжесть поисковых работ, ребята не успели восстановить силы. Как ни торопил я их с выходом, все равно они, собирая лагерь и уничтожая накопившейся мусор, задержались на 8 часов. За это время опять полило как из ведра, возникли серьезные трудности при подъеме, особенно на Большом колодце. На его крохотных уступах бушевал свирепый шторм и гуляли самые настоящие волны, уклониться от которых было невозможно. Уже более 20 часов прошло с начала подъема группы. Примерно столько же группа Очкина отдыхала в базе, а моя, стуча зубами от холода, сидела на камнях вокруг, изредка согреваясь чаем, расходуя последние запасы горючего. Уводить свою группу наверх, не дождавшись подхода ребят снизу, я не мог, ибо она сейчас была последним надежным резервом. Длительное отсутствие Степанова заставило нас волноваться, и, чувствуя неладное, я попросил моих товарищей - двух Александров - одеться и пойти им навстречу до верха Большого колодца.

Уже перед самым их уходом снизу вышел Дима Ковалевский. Заплетающимся от усталости языком он сообщил, что все преодолели Большой колодец и медленно движутся в лагерь. Александров и Варфоломеев пошли им на помощь, и через пару часов мы все собрались вместе. Вид пришедших снизу был просто ужасен. Люди в изорванных комбинезонах и гидрокостюмах, шатаясь и невнятно бормоча, пытались нам что-то объяснить, пока мы помогали им раздеваться. Получилось небольшое столпотворение: сразу 11 человек на площадке в несколько квадратных метров. Но вскоре группа Очкина ушла наверх в ПБЛ 600, а моя, приводя в чувство команду Степанова, готовилась выйти следом. С этого момента нам удалось в основном восстановить слаженное взаимодействие всех групп в пропасти. И хотя паводок продолжал неистовствовать, мы, стиснув зубы, медленно, но верно пробивались наверх.

Особенно тяжело было обессиленной группе Степанова. Преодоление же закрытого сифона на -640 м в поврежденных гидрокостюмах потребовало от них настоящего мужества. Сам Толя Степанов - личность оригинальная. Им созданы уникальные конструкции зажимов для подъема по веревке, подземных кухонь, телефонов и многих других типов снаряжения. Им разработан также ряд приемов работы на веревках при использовании ножных зажимов и оригинальные способы спасения пострадавших. Степанов - это хорошо известный в приключенческой литературе, классический тип по-детски увлеченного, рассеянного ученого. Но, пожалуй, самым ярким его качеством является способность в любую минуту, часто в ущерб себе, оказать помощь товарищам, и бескорыстием своим он даже превосходит собственный технический талант. К тому же он еще и мастер на все руки. Все эти качества Анатолия особенно ярко проявились во время трагических спасработ после ужасного землетрясения 1988 года в Армении, в которых многим из

нас также довелось участвовать.

Не обошлось у нас, увы, и без травм. Елена Степанова сорвалась с последнего в пропасти трехметрового уступа в нескольких метрах от поверхности и сломала ногу. Вообще-то я противник участия женщин в экспедициях в сложные и тяжелые пропасти, но иногда их эмоциональный натиск сдержать невозможно. Мы старались освободить Елену от тяжелой работы по выемке снаряжения, но даже подъем налегке с такой глубины отнял слишком много сил. Ей быстро оказали первую медицинскую помощь, и она была отправлена первым рейсом вертолета в больницу. В конце концов погода улучшилась. А утром 12 сентября моя группа вышла на поверхность.

После длительного пребывания под землей это всегда долгожданное событие, а уж после этой экспедиции - точно будто из ада в рай. Пожалуй, только гениальный писатель мог бы выразить все оттенки чувств, испытываемых человеком после многих дней холода, грязи и мрака. Мир полон ярких красок, солнечного света и тепла, богат и разнообразен чрезвычайно. Цвета необыкновенно сочные, каждая травинка, каждая прожилка на ней хорошо видны, а каждый листок и камешек кажутся родными и близкими. А море запахов вокруг! А лазурное небо, обрамленное алмазным ожерельем раскинувшихся далеко вокруг снежных хребтов и вершин! И вы буквально пьете этот мир, и наслаждение ваше не знает меры, а восторг - предела! Как жаль, что человек быстро привыкает ко всему, и через некоторое время опять глядит на все скучающим, уже давно ко всему привыкшим взором.

Но проходит несколько месяцев, и, несмотря на данные себе в очередной раз страшные клятвы никогда больше и ни за что на свете не опускаться под землю, манящий зов бездны властно притягивает вас, заставляя пуститься в очередную авантюру. И опять холод, грязь, адская работа, порою и за гранью человеческих возможностей, всего лишь для того, чтобы несколько минут особенно ярко ощущать, насколько все-таки прекрасна наша планета!..

А 14 сентября, на 22 сутки работы под землей, все, включая и группу Степанова, вышедшую последней, собрались на поверхности. Погода ухудшалась, и мы, не вылетев в этот день, могли застрять в горах на неопределенное время. Но в конце концов все завершилось благополучно. Часть участников и основной груз были эвакуированы утром первым рейсом вертолета, остальное имущество собрано и упаковано. Мужественные летчики Сочинского авиаотряда нас не подвели. Через час после того, как все собрались на поверхности, перед заходом солнца прилетел наш последний вертолет. Не прошло и получаса, как мы были у моря, и его бескрайняя широта и мягкое спокойствие постепенно снимало то напряжение, в котором мы находились последнее время.

ГЛАВА 8

В заключение я хотел бы несколько слов сказать о районе нашего путешествия, расположенного в прекрасной стране Абхазии - одном из чудеснейших уголков планеты, с жителями которой у нас всегда были самые добрые отношения. Пропасть находится в западной части Бзыбского хребта, южнее Большого Кавказского. Район ограничен с севера и запада долиной реки Бзыбь, а южная граница проходит по линии вершин Напра и Чипжарга. Рельеф - северные склоны крутые, обрывистые, западные - от пологих до средней крутизны, поросшие травянистой растительностью,

кустарниками, большей частью труднопроходимые. Южная и восточная часть района представляет собой карстовое плато с высотными отметками от 1800 до 2300 метров и выше, покрытое густой альпийской растительностью. Главные вершины района - г. Напра (2335 м), г. Большая Чапара (2370 м), г. Абац (2195 м). Бзыбский массив слагают нижнемеловые и верхнеюрские известняки мощностью более 2000 метров, характеризующиеся сложным тектоническим строением и сильной трещиноватостью. Самым мощным источником района является источник Джирхва неподалеку от Голубого озера, расположенного возле шоссе посередине между городом Гагры и озером Рица. Его дебит колеблется от 150 до 4000 л/сек, а по последним данным и более. На юге массива располагается крупнейший источник Кавказа - Мчишта (средний многолетний расход 9.5 куб.м/с, максимальный - 197). Реальные гидрогеологические связи этих источников с конкретными водосборами во многом не изучены. Вход в пропасть находится на высоте 1800 м, разгружается она, по предварительным данным, через источник Джирхва (высота около 250 м). Что же касается ее глубины, то результат 1508 м, вполне возможно, будет увеличен. Она определялась сопоставлением результатов нескольких топографических съемок, проводимых при помощи горных компасов, эклиметров и рулеток. Результаты получались в пределах 1500-1550 метров и даже 1570! Для уточнения использовались вертолетные высотомеры, давшие общую глубину 1500 м. Однако в таком серьезном вопросе мы решили пока руководствоваться минимальными оценками и с уважением отнесемся к попыткам будущих - в том числе и международных - экспедиций уточнить эту цифру. Отчасти наш минималистский подход объясняется боязнью бума рекордомании, ибо весьма вероятен наплыв в пропасть потоков спелеологов, качественный уровень подготовки которых может оказаться недостаточным для нее. Впрочем, сам я полагаю, что указанная цифра 1508 м как раз соответствует действительной глубине, которая в любом случае не превысит 1550 м.

Теперь о результатах моей экспедиции. Во-первых, мы выяснили, что глубже пропасть непроходима, хотя за сифоном-озером, вполне возможно, удастся отыскать новые галереи и залы. Во-вторых, на дне мы столкнулись с паводком, который начался не "сверху", а "снизу", и лишь затем дал о себе знать увеличением воды на колодцах, что является результатом дождя непосредственно над входом в пропасть. Значит, поводок на дне может быть следствием осадков в каком-то другом месте и, вероятнее всего, в районе каррового поля, что начинается в 3 км восточнее входа, на высоте 2300 м. Это обстоятельство делает угрозу затопления нижних галерей пока труднопредсказуемой, а работу в них, соответственно, крайне опасной. В-третьих, найден новый - Севастопольский - ход, к сожалению, не отснятый нами, и остается лишь предполагать, что он ведет в верхнюю часть Крымского хода. В-четвертых, мы, хотя и по счастливой случайности, сумели не потерять в паводок никого из наших товарищей, что и является, конечно, самым главным. А ситуация, в которой они побывали, уникальна! Трудно сейчас сказать, при каком же точно давлении они находились более суток. Однако проведенные впоследствии консультации с опытнейшими черноморскими водолазами с более чем 30-летним стажем работы подтвердили, что эффект искажения звука начинается с глубины 37-38 м. Следовательно, как это ни удивительно, следует принять точку зрения Евгения Сандрова, то есть считать давление соответствующим глубине примерно 50 м! В-пятых, мы доставили снаряжение свое и наших предшественников с Бзыбского хребта обратно в Крым. В-шестых, наша экспедиция доказала разумность тактики

штурма, опирающейся на наличие большого количества подземных лагерей, запасного питания и снаряжения. Собственно, заранее обеспеченный повышенный запас прочности и позволил нам самостоятельно выйти из тяжелого положения. И было бы несправедливо не упомянуть здесь участников, которые не встречались в рассказе, но которые внесли, работая в пропасти, свой вклад в наше общее дело. Это В.Богомолов, С.Бондал, А.Батищев, А.Елисеев, В.Пашков, А.Шмачко, В.Чухланцев. Мы благодарны также Г.Пантюхину, С.Бучному и В.Кузнецову за их неоценимую помощь в организации экспедиции.

И наконец, о перспективах. Пропасть им. В.С.Пантюхина обладает большими потенциальными возможностями увеличения глубины за счет обнаружения более высоко расположенных входов. Так, в километре от пропасти имеется шахта Богуминская, связанная с ней гидрологически, вход которой на 200 м выше. Пока серьезный поиск новых верхних путей почти не проводился. Между тем - что особенно ценно - он доступен практически каждому человеку и не требует организации сложных и дорогостоящих экспедиций, состоящих из суперспелеологов. Да и места вокруг красивейшие! Так что мы ждем здесь в ближайшие годы новых успехов.

Тяжело нам дались прежние достижения, некоторых они сломили, некоторые ими удовлетворились, но в основном мы, пережив период сомнений и колебаний, снова обрели уверенность в себе. Ведь мы - спелеологи и свободно дышим только в пещерах, а они снова ждут нас!

И последнее. Хочу заметить, что, хотя я вел повествование от первого лица, описывая свои собственные впечатления, мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось преувеличенное представление о собственной моей роли в исследовании пропасти. Всегда следует помнить, что изучение сложных пещер - это труд многих спелеологов-энтузиастов, как правило, остающихся неизвестными. Их упорству, скрытому от широкой общественности героизму, горячему желанию прийти друзьям на помощь я и посвятил свою работу.

Севастополь, 1989-94 гг.

Пещера имени В.С.Пантюхина. Хронология исследований.

(Составлена В.Киселевым)

- 1979 г., лето (До 1989 года все экспедиции проводились в летний период (июль-август), крымскими группами руководил Г.С.Пантюхин, пермскими - С.С.Евдокимов) - крымская экспедиция под рук. Г.С.Пантюхина. Найден вход КР-1, пещера пройдена до верха К-110 (-70 м).

- 1980 г. - продолжение работ крымско-чешской (Богумин) экспедицией, пещера пройдена до -300 м. Нехватка веревок, спасработы в К-110.

- 1981 г. - крымско-пермская экспедиция, пещера исследована до -550 м.

- 1982 г. - крымско-пермская экспедиция, пещера пройдена до -640 м.

- 1983-84 гг. - несколько посещений пещеры со спортивными целями.

- 1985 г. - крымско-пермская экспедиция, пройден глиняный сифон на -600 м.

- 1986 г. - крымско-пермская экспедиция, спуск до -1025 м.

- 1987 г. - крымско-пермская экспедиция, спуск до -1465 м.

- 1988 г. - три крымских и одна украинская экспедиции. Спуск до дна (-1508 м), прохождение новых галерей на дне, погружения в сифоны.

- 1989 г., июль - сибирско-крымская (Керчь и Феодосия) экспедиция, спуск до -600 м, сворачивание работ из-за гибели керченского спелеолога на К-110; одновременно - грузино-словацкая экспедиция.

- сентябрь - грузино-болгаро-французская экспедиция с навеской SRT до -600 м.

- ноябрь - ленинградская экспедиция до сифона на -1320 м.

- 1990 г., лето - Усть-Каменогорск Крым (Керчь и Феодосия) Литва, экспедиция SRT до -1300 м.

- август - днепропетровская экспедиция.

- 1991 г. зима - днепропетровская экспедиция.

- июль - испано-литовская экспедиция с участием феодосийцев, навеска SRT, намерение погружаться на дне. После падения вертолета и травм участников ограничились навеской до -700 м.

- август - посещение пещеры французской группой (рук. П.Жоливье) до -600 м. Далее группа работала с львовянами в К-3 (пещера Абац, -500 м).

- август-сентябрь - грузино-польская (Бельско-Бяла) экспедиция. Из-за утраты большей части веревок работа была ограничена верхними участками. Первопрохождение нового ствола в К-110 и выход в параллельную ветвь до -340 м.

- 1992 г., август - крымско-сибирская экспедиция с целью погружения в сифон "Озеро". Из-за недозаезда участников прохождение завершилось на -600 м.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Эта книга рождена страстью к чарующему и таинственному подземному миру, наполненному бурлящими реками и грохотом водопдов ледяной воды, удивительными формами и образованиями, почти невидимыми животными. Любовь к этому новому миру, поражающему своими величием и многообразием, изолированностью и нетронутостью.

Уже несколько лет мы проводили свободное время, путешествуя по горам Стара планина и Пирин в Родопах и Страндже в поисках неизвестного. Во время этих путешествий было открыто немало пещер, ставших достоянием народа. Встречаясь с такими же, как мы, восторженными почитателями этого мрачного и захватывающего подземного мира, в разговорах между собой мы снова снова переживали волнующие мгновения, пережитые в царстве пещер. В одном из таких разговоров в наземном лагере международной экспедиции в Котелский балкан и родилась идея спуститься в глубочайшую пропасть того времени - Гуфр Берже, находящуюся во Франции. Очарованное рассказами бельгийских спелеологов Жана Сиберца и Этьена Люмера, многократно побывавших в Гуфр Берже и других наиглубочайших пропастях Света, наше воображение 16-17-летних юношей рисовало легкое и романтичное низхождение ко "дну света" как была названа наинизшая достигну-

тая точка Гуфр Берже. Не осознавая возможных трудностей, с юношеским азартом мы устремились к высокой цели, которую поставили перед собой. Следующие два года мы провели в непрерывной тжкой и изнуряющей подготовке. Два года, в течение которых нас то и дело раздирали сомнения, и решительное "Надо смочь!" боролось со снова снова задаваемым вопросом: "А сможем ли?" Помощь или препятствия, понимание и непонимание к затеянному нами мероприятию заставляли нас многократно доказывать себе и другим, что мы сможем. И мы смогли. Мы ступили дно Гуфр Берже. Но одна осуществленная мечта рождает новую. И летом 1973 года мы снова отправились в путь. На этот раз нашей целью была известная франко-испанская пропасть Пьер Сен Мартен, которая в связи с последними событиями сместила Гуфр Берже и заняла первое место по глубине в Мире.

О борьбе с теснинами мраком, студеными водопадами и устрашающими колодцами, о победах над Гуфр Берже и Пьер Сен Мартен мы расскажем в этой книге.

Авторы.

ГУФР БЕРЖЕ - 1969.
==========

Эту книгу мне подарил в 1977 году
мой друг Алексей Дмитриевич Казеннов,
Леха, когда мы еще только мечтали о своих
глубоких пропастях.
Посвящаю ему этот перевод.
Константин Серафимов.

Когда автобус и грузовик свернули с шоссе на асфальтированную площадку на лато Сорнен, заходящее солнце обагрило теплыми золотистыми тонами окружающие горные вершины. Мы были почти у цели - у подножия массива Веркор в Западных Альпах. После жаркого летнего дня опускающаяся на горы прохлада была особенно приятна.

Наша 20-членная экспедиция клуба спелеологов софийского товарищества "Планинец" - первая болгарская экспедиция, имевшая целью достичь дна известной пропасти Гуфр Берже, глубиной -1122 метра и оспаривавшей первенство у другой глубочайшей пропасти мира Пьер Сен Мартен.

Наконец, после двух лет изнурительных тренировок и выбивания необходимого из шефствующих предприятий, бессонных ночей и смелых мечтаний, началась собственно экспедиция. С грузовика началась разгрузка многочисленных рюкзаков, мешков, сумок, пакетов и пакетиков. Это наша материальная база - снаряжение для спуска в пропасть, бивачное снаряжение, медикамент, продукты...

Вскоре, нагруженные тяжелыми рюкзаками со снаряжением и продуктами, мы двинулись в горы. Хорошо отмаркированная тропа плавно утремлялась на юг по борту обширной впадины. То тут, то там стали попадаться известняковые скалы, сначала приземистые, но чем дальше, тем более внушительне.

Минут через сорок выходим на обширную поляну. Из трех палаток, разбитых на ее краю, появляется несколько человек, встречающих нас радостными возгласами и приветствиями. Оказалось, что это французские спелеологи из Парижского клуба на Сене, с которыми мы долго переписывались. Следуют первые знакомства и краткие разговоры, после чего часть нашей группы снова возвращается к машине за новой партией груза. Другая часть занялась устройством лагеря, и вскоре он приобрел вполне завершенный вид. Его схема была отработна неплохо. Здесь медпункт, командирская платка, склад матобеспечения и продоольствия. Имелась и импровизированная столовая - изготовленные из подручных средств скамейки и столы под полотняным навесом. В первый раз на высоком флагштоке поднялось над необъятными горами массива Веркор болгарское знамя.

Французы с интересом наблюдают за нашими действиями, что вполне естественно. Ведь мы тоже не поднимаем свои государственные флаги, когда посещаем Родину...

Вечером приглашаем французов в наш лагерь. Ужинаем вместе. Оживленно обсуждаем детали экспедиции и подробности Гуфр Берже. Обстановка начинает проясняться. Оказывается, что начальный ряд колодцев уже экипирован, и фрнцузы работают в нижней части пропасти на глубине около -900 метров - там открыты новые глереи. Они предложили нам воспользоваться их навеской, так как колодцы узки и не позволяют параллельно навесить наши веревки и лестницы. Это предложение с одной стороны облегчало нашу задачу, но с другой - ставило нас в затруднительное положение. По французской системе нам предстояло спускаться по одинарной веревке, не имея другой для самостраховки. А при подъеме по лестницам самостраховка осуществлялась за спусковые веревки, для чего использовались специальные устройства - зажимы. При нашей же системе страховка производилась второй веревкой: при этом на каждом колодце оставался для страховки человек. С одной стороны такая система позволяла обеспечить максимальную безопасность спускающимся. Но с другой стороны такая система применялась в пещерах с небольшим числом колодцев, в которых весь штурм не занимал более одного дня. Для пропасти же с таким большим числом колодцев как Гуфр Берже, прохождение оторой занимало двое-трое суток, это было немыслимым.

Необходимо было принять французскую систему спуска. Один из французов - Бернар, предложил съездить с кем-либо из нас завтра в Гренобль и закупить необходимое количество зажимов. Что же касается безопасности спуска по одинарной веревке, то она нисколько не меньше за счет того, как объяснили французы, что они используют самые новые веревки кабельного типа и специальные шлямбурные скальные крючья, которые по завершение сезона изымали из использования. В местах, где веревки терлись о скалу - в начале колодцев, под веревки устанавливались нейлоновые подстилки. Если же защитная оплетка веревок получала сколько-нибудь заметный износ - веревки немедленно заменялись на новые.

На следующий день в лагерь французов поднялось еще несколько человек из Гренобля, а из Гуфр Берже поднялся Алем Марбах, секретарь Парижского клуба на Сене, по его словам работавший в течение суток один на глубине -900 метров. Эта особенность французской спелеологии была для нас новостью. Очень часто при исследовательской деятельности под землей французские спелеологи передвигались водиночку. При этом они избегают ожиданий под колодцами при подъемах и спусках, но с друго стороны - значительно рискуют: ведь в случае несчастья пострадавший не имеет возможности получить немедленную помощь.

Вечером принимаем решение первую группу в составе Ани Тапарковой, Николая Генова и Петра берона отправить на рекогносцировочный выход до глубины -650 метров, где им предстоит установить подземный лагерь в подходящем месте. Их проводят Жером и Бернар, хорошо знающие пропасть и особенности спуска по французской системе.

Утром Ани, Николай и Петр прошли медосмотр доктора экспедиции Петрова и подготовили свои ранцы. Первыми к пещере двинулись Николай и Жером, а через час, чтобы не ожидать на колодцах - Ани, Петр и Бернар. Провожаем их до входа в пропасть, который находится примерно в 15 минутах ходьбы от лагеря. Маленькое отверстие входа ничем не обещает, что за ним открываются колодцы, уводящие на -1122 метра в глубь земли. Один за другим с нашими пожеланиями успеха спелеологи начинают спуск в первый колодец - Руиз, и скоро скрываются в темноте, а мы возвращаемся в лагерь.

До вечера несколько раз разговариваем с обеими группами по телефону, которым лагерь связан с пропастью. Французы проложили телефонную

линию до дна Берже и установили телефонные посты на отметках -250, -540 и - 840 метров. Благодаря этому всякий спускающийся в пропасть спелеолог или любая группа, несущие с собой телефоны, могли включиться в любое место на линии. Постоянная связь с землей давала возможность следить за изменениями погод - важное условие безопасных спусков в Гуфр Берже, так как повышение уровня воды в ее подземной реке после дождя - частое явление.

К 22.30 из пропасти поднялись Николай и жером, а несколькими минутами позже - Ани, Петр и Бернар. Рекогносцировочный спуск в пропасть был завершен, на -540 были спущены палатки и спальные мешки и организован подземный лагерь. Оставалось уточнить тактику штурма и состав штурмовых групп, и можно начинать спуск.

Наконец, наступил день решительного штурма Гуфр Берже. Группы были определены - первой предстояло двигаться штурмовой группе в составе: Ани Тапаркова, Иван Рашков и Петр Берон, а немногим позже - вспомогательной группе: Павлина Василева, Антоний Ханджийски и Алексей Сечкарьов, которая провожает првую до глубины -650 метров.

На поляне лагеря наступило необыкновенное оживление. Из огромного количества снаряжения необходимо было отобрать самое необходимое - веревки и лестницы для навешивания последних колодцев до дна, скальные крючья и карабины, лодку и продукты и, кроме всего, маленькое болгарское знамячко, которое планировалось оставить на дне специальном герметичном металлическом контейнере. Петр Берон уложил в свой ранец несколько пробирок со спиртом. Биолог по профессии, он планировал отлоить на дне пещерных насекомых - пещерная фауна пропасти до этого дня не была изучена.

В 15.30 все были готовы. Начинаем штурм. Первый колодец - Руиз, имеет глубину 30 метров. После него спускаемся в несколько маленьких и затем в 10-метровый Холидей. Немножко волнуемся, что вполне естественно. Впервые спускаемся без страховки. Мы и раньше бывало так спускались, но в хорошо знакомые маленькие колодцы, а тут все было незнакомым - и колодцы, и веревки, и система навески, и техника спуска.

Несколько уступчиков, и новый большой отвес - 25-метровый Гаирн. Достигаем глубины -125 метров. Начинается I Меандр - тесная сужающаяся вверху и внизу диклаза длиной 250 и глубиной 2-3 метра в начале и 40 метров в конце. Движемся в верхней части меандра по деревянным бревнышкам, заклиненным поперек щели. Некоторые из них сместились попадали вниз. Такие места преодолеваем на распорах: руки и ноги уперты в одну стену, спина в другую. Иногда ширина щели уменьшается до 30-40 сантиметров и передвигаться с ранцами за плечами невозможно. Распираемся в невероятных позах и передаем ранцы над головой, пока не достигаем расширения.

Через час после начала движения по I Меандру достигаем его конца и спускаемся в следующий колодец - Гарби, глубиной 35 метров. С его дна нчинается Меандр II - еще одна диклазная трещина поразительно похожая на первую, но более короткая. Зацепы и опоры в ней так выглажены от многократого использования, что кажутся отполированными. Наконец, выбираемся из теснины и оказываемся в начале нового ряда колодцев: один глубиной 25 метров - Гутард, несколько 10-метровых и в конце 40-метровый Алдо. Появляется небольшой ручеек, который поливает ледяной водичкой во время спуска. Чтобы избегнуть воды, в колодце Алдо система спуска организована особым образом - в самом начале навешены лестница и веревка, которые достигают 8-метровой глубины. До этого места малая ширина колодца позволяет избегать падающей воды. Ниже колодец рсширяется, и в 3 метрах в стороне от конца первой навески на стене на шлямбурных крючьях закреплена вторая система для спуска, связанная с первой при помощи вспомогательного шнура. Добравшись до конца первой

лестницы, подтягиваешься за вспомогательный шнур и переходишь на вторую. Отстегиваешься от первой веревки, пристегиваешься на вторую и продолжаешь спуск вдалеке от падающих струй. Подъем осуществляется в обратном порядке. Эта сложная система позволяет избегнуть 40-метрового водопада (за исключением первых 8 метров), особенно, когда вода прибывает.

Несмотря на тяжелые ранцы, быстро справляемся со сложной эквилибристикой и скоро все достигаем дна колодца. Поднимаемся на скальный уступ высотой 2 метра, пролезаем через тесный прижим и попадаем в значительную по размерам галерею. Это Большая галерея. По ней течет большая подземная река. Здесь глубина -250 метров. Здесь же первый постоянный телефонный пост связи с базовым лагерем. Имеется также оборудованный пункт питания - газовый примус, кофе, чай, английское сухое молоко, французский крем, бисквиты, консервы и многое другое. Разнообразие исключительно велико, но многие продукты уже не годны для употребления, так как оставлены здесь в течение десяти предыдущих лет - еще первыми экспедициями. Всякая новая экспедиция пополняет запасы. По традиции оставляем часть наших продуктов.

После небольшого перекуса продолжаем движение. Размеры галереи еще увеличиваются - ширина достигает 30-35, а высота свода более 40 метров. У ног бушует подземная река, названная французами Ривиер сан з'этуал (Река без звезд). Движемся то по одному, то по другому берегу, часто и прямо по дну, по воде. Вскоре вода исчезает где-то в нижних этажах, и нам открывается широкая галерея, покрытая толстым слоем глины. Резиновая лодка, привязанная длинной веревкой к стене, говорит о том, что мы на дне озера Каду. Во время дождей на поверхности нижние этажи не могут пропустить всю воду подземной реки, и это место превращется в озеро длиной 40 и глубиной 5-6 метров. Совершаем рискованный подъем в начало крутонаклонной галереи и снова оказываемся на берегу реки. Минуем три небольших водопад - Льо пети капорал, Тиролиен, Рампата и выходим в Гранд эболи - начало огромной осыпи, конец которой находится в 150 метрах ниже в Зале Тридцати. Мокрые ранцы значительно потяжелели и затрудняют передвижение по угловатым каменным блокам. Река исчезла где-то в глубине.

Осыпь кончается, и куча консервных банок говорит о том, что мы находимся в Зале Тридцать. Это место еще называют "Английский бивак", потому что здесь был подземный лагерь одной английской суперэкспедиции 1967 года. В этой экспедиции принимали участие 100 английских спелеологов. Их целью была съемка цветного фильма о штурме Гуфр Берже, а также попытка прохождения конечного сифона пропасти.

В этом зале был установлен и наш подземный лагерь, принесенный сюда при первом проникновении. рекогносцировочной группой. Связываемся по телефону с поверхностью и сообщаем, что мы достигли глубины -540 метров. Согласно нашей тактике здесь следовало ночевать всем, а на другой день спуститься на отметку -650, где снова появляется река. Там группам предстояло разделиться: штурмовая группа продолжает спуск, вспомогательная возвращается на поверхность. В это время спускается следующая группа в 5 человек под руководством начальника экспедиции Петра Трантеева с задачей проведения метео и других наблюдений в пропасти, предусмотренных научной программой экспедиции. Эта группа при необходимости могла прийти на помощь.

Утром мы сняли сухую одежду, которую принесли в нейлоновых мешках специально для ночлега, и облачились в мокрую одежду первого дня. Мы уже были готовы к выходу, когда заметили, что к нам спускается одинокий светлячок. Это мог быть только кто-нибудь из французских спелеологов. И действительно, скоро к нам спустился бернар. Он направлялся к французскому лагерю на -840. Вместе с ним начинаем спуск.

Вскоре попадаем в участок пещеры, украшенный красивыми кальцитовыми образованиями. Белые толстые синтроновые платины образуют маленькие озерца с кристальной водой. Со свода к ним спускаются снежно-белые сталактиты - одни толстые и ощные, другие - нежные, прозрачные. Трудно описать фантастическое убранство, созданное творцом-водой, неустанно меняющееся перед глазами. Но капля воды может быть и разрушителем. Сливаясь с другими каплями в подземную реку, она тысячелетиями точит и разрушает скалы, создавая этот невообарзимый подземный мир.

Спускаемся в 15-метровый колодец и скоро оказываемся в большом зале, названном - Вестиер. Мы находимся на глубине -650 метров. Почти на уровне площадки, на которую мы попали, течет подземная река, спокойная и глубокая, освобожденная от каменных порогов. Это место французы называют "последним безопасным убежищем", потому что в дождь уровень реки поднимается и затапливает следующие ниже низкие галереи, которые становятся непреодолимыми.

Пока накачиваем резиновую лодку, Бернар достал из мешка непромокаемый резиновый костюм и оделся в него. Для него холодная вода подземной реки ниже не будет не иметь никакого значения, но для нас - это главный фактор, с которым необходимо считаться. Наши комбинезоны, такие удобные до сих пор, совершенно непригодны для последующей обводненной части пропасти. Мокрые, они стали значительно тяжелее, затвердели и сильно затрудняли движения. Комбинезоны были неоднократно испробованы в наших обводненных пещерах, но этот их недостаток осязаемо проявился лишь на вторые сутки работы в столь тяжелых условиях.

Путь вниз продолжили три человека с четырьмя ранцами и одной лодкой, если не считать Бернара. Остальные три человека возвращались в лагерь "-540", а оттуда - на поверхность, после спуска следующей группы.

Бернар слез в воду и тронулся вперед, придерживаясь за стальной трос натянутый, как перила, вдоль стены. Роль этого троса особенно важна при возврщении, когда приходится вести лодку против течения реки. За Бернаром двинулась лодка с Ани и Петром, они взяли с собой один ранец, а я остался на берегу с оставшимися тремя ранцами. Вскоре Петр оставил Ани на площадке, а сам вернулся. Так, перевозя груз и переправляясь сами, сменяя друг друга на веслах, продвигаемся вперед. В некоторых местах, где река глубока, приходится возвращаться по два раза, так как Бернар тоже переправляется на лодке. Его гидрокостюм позволяет ему передвигаться по воде глубиной до 1,3 метра, но в нем нельзя плавать, так как костюм наполняется водой. Непрестанно перегружаем ранцы, перелезаем через скальные ребра, выступающие из воды. Местами стены так сближаются, что обеих можно коснуться руками, а темная непреодолио движущаяся водная масса прижимает нас к ним. Даже маленький прокол лодки может создать нам большие неприятности, несмотря на то, что мы все умеем хорошо плавать. Но можно ли долго плыть в воде температурой 1-2 градуса в таком количестве одежды и снаряжения, как у нас? Успокаиваем себя мыслью, что, обе камеры лодки не могут спустить одновременно, и мы успеем добраться до какой-нибудь скальной площадки, где постараемся заклеить лодку, а если это окажется невозможным - попросим помощи у вспомогательной группы.

Впереди слышен шум первого из водопадов - 5-метрового Адел. Веревки и лестницы навешены так, что их достигают лишь редкие струйки воды. Бернар спускается первым. Осторожно пускаем лодку и по-очереди спускаемся сами под неизбежными брызгами воды. Далее продолжается погрузка ранцев в лодку, плавание через участки реки, разгрузка, спуск с маленьких водопадов и так далее. Вода уже проникла всюду, но мы не обрщаем на нее внимания. Достигаем 25-метрового водопад Клодин. Вода с оглушительным грохотом падает в теснину. На первый взгляд невозможно

спускаться под такой сильной струей. Но французы установили здесь длинную металлическую штангу, с помощью которой отнесли веревки и лестницы далеко от воды. Держась за натянутые над водой веревочные перила, осторожно проходим по штанге, добираемся до ее конца и начинаем спуск вниз вдалеке от падающей воды. В середине отвеса переходим на еще одну отнесенную в сторону навеску, подобную описанной выше на колодце Алдо, что позволяет достичь основания водопада, не попадая в его струю.

Переправляемся через небольшое озеро, спускаемся с очередного водопада - 5-метрового Топографа, и попадаем в начало огромной стремительно спускающейся вниз галереи. Это Гранд каньон с сильным наклоном пола в сторону, где подземная река, освобожденная от своего каменного ложа, с грохотом разбивается в 40 метрах ниже. Осторожно перебираемся на противоположную реке сторону галереи и начинаем постепенно спскаться. Каждый молча и сосредоточенно выбирает себе путь. Здесь даже небольшая ошибка может оказаться фатальной - падение по сильно наклонному полу галереи к кипящей массе вод не сулит ничего хорошего.

Далеко под нами видим два огонька и вскоре достигаем подземного лагеря французов на отметке -840 метров. Бертран и Жак, спустившиеся сюда еще перед нашим спуском, восторженно встречают нас и угощают теплым кофе. Неописуемо наслаждение, испытываемое нами после 10-часовой борьбы с водными потоками и водопадами.

Сообщаем по телефону в лагерь "-540" и на поверхность, что мы в лагере "-840". Переодеваемся в сухую одежду и забираемся в спальные мешки. После трудного дня мы не чувствуем того, что резиновые матрацы приспущены, а спальные мешки, принесенные сюда французами почти месяц назад, влажны. Наши мешки по предложению Бернара мы оставили в первом лагере для уменьшения груза и еще потому, что они несколько подмокли после первого использования.

Утро снова одеваемся и готовимся к решительному штурму. В сущности, понятия дня и ночи здесь, где царит вечный мрак, весьма относительны - ориентируемся только по часам. В ранцах оставляем только веревки и лестницы на последние колодцы и запасное освещение. До дна остается около 300 метров денивеляции, причем самые трудные.

Жак, профессиональный журналист и спелеолог, высказывает желание сопровождать нас вниз. Он намеревается сделать несколько снимков для репортажа о штурме Гуфр Берже. К тому же Ани, достигнув дна, установит мировой рекорд по глубине спуска для женщин. До сих пор рекорд принадлежал Жаклин Буке, представительнице женского спелеоклуба Гренобля, которая в 1964 году спускалась до -903 метра в этой пропасти.

Таким образом ко дну отправляется шесть человек - трое болгар и трое французов. В десяти метрах от лагеря первый из ряда водопадов - 20-метровый Гаше, далее один 5-метровый и два 15-метровых, и мы попадаем в длинную горизонтальную галерею.

Здесь становится ясно, что я едва ли смогу достичь дна Гуфр Берже. Вчера в самом конце спуска со мной случился неприятный инцидент, последствия которого сейчас проявились. Вернувшись за последним ранцем и спускаясь с ним обратно, в метре от площадки, где меня ожидали Ани, Петр и Бернар, я неудачно наступаю на каменный нож, который подо мной подламывается. Несколько мгновений падения заканчивается тем, что мое колено встречает скалу, пронизав меня острой болью. Ани помогла мне встать. В лагере случай забылся, однако утром сильная боль в колене напомнила мне о случившемся. Тем не менее мне казалось, что она вот-вот исчезнет. Но боль не исчезла, а еще более усилившись, сковала движения мои и всей группы. Как технический руководитель я отвечал за спуск, и теперь не предстояло решить, продолжать движение или возвращаться. Победа была совсем близка - оставалось всего 200 метров дени-

веляции до дна и все. Но нужно было думать и о возвращении на поверхность. Нельзя было рисковать успехом всей экспедиции ради желания ступить на дно Гуфр Берже. Я объявил о своем решении (здесь повествование ведется от имени Ивана Рашкова) вернуться в лагерь, а остальным продолжать спуск. Бернар предлагает проводить меня в лагерь "-840", но я отказываюсь. Лагерь совсем близко, и я сам доберусь до него. Пожелав им успеха, поворачиваю обратно. Спасибо темноте, скрывшей мои глаза...

Спуск вниз продолжили Ани, Петр и три француза. Им предстояло преодолеть один из труднейших участком пропасти, получившей нзвание "Если решишься" - узкий скальный распор высоко над грохочущей рекой.

Натянули перила. Лазание над невидиой гремящей бездной, казалось, будет продолжаться бесконечно, хотя сам участок едва ли имеет протяженность более 30 метров. В конце, после 10-20 метрового спуска, наконец, попадаем на небольшую площадку. Преодолеваем еще несколько уступчиков и попадаем к устью последнего водопада - 47-метрового Урагана, самого большого колодца в пропасти.

В течение двух последующих часов забиваем шлямбурные крючья, навешиваем веревки и лестницы и один за одним спускаемся к основанию водопада. Отсюда начинается галерея шириной почти 20 метров. В одной ее стороне - река, совсем спокойная, почти неподвижная, будто изнемогшая от многочисленных водопадов.

Далее галерея сужается и вынуждает воспользоваться лодкой. Стены и своды покрыты кальцитовыми образованиями, некоторые из них спускаются так низко, что их концы достигают воды. Следующий десяток метров проходим по площадке усеянной стальными баллонами аквалангов англичан. Они предпринимали попытки преодолеть сифон, в котором исчезает подземная река. В одной из них был пройден первый сифон длиной 70 метров, затем 20-метровый второй и, наконец, более короткий - третий. За ним продолжалась большая галерея, заканчивающаяся на глубине -1141 метр четвертым, пока не пройденным, сифоном. Так был установлена окончательная глубина Гуфр Берже - 1141 метр, из которых без легководолазных аппаратов преодолимы 1122 метра.

С другой стороны последней сухой площадки вода оставалась такой же спокойной и глубокой. АНи, Петр и французы продолжили плавание на лодке. Впереди свод пещеры снижался и смыкался с водой. Лодка уперлась в скалу - первый сифон. Дно! 1122-метровая глубина под землей! Ани установила мировой рекорд глубины спуска под землю среди женщин. Вслед за французами, англичанами, бельгийцами и поляками - дна Гуфр берже достигли и болгары. Исключительный успех болгарской спелеологии.

Вернулись на площдку. На стене, среди подписей участников, забили крюк, на который повесили контейнер с болгарским флагом. Затем Петр принялся искать пещерные организмы - он все-таки биолог. Провели метеорологические наблюдения. А Жак извлек из сумки фотоаппарат и треногу, и вскоре блицы осветили лица счастливой группы.

Теперь предстояло самое трудное - преодолеть около 4 километров подземных галерей и 1122 метра подъема, чтобы вернуться н поверхность. Началось медленное и мучительное возвращение к солнцу. И с первых метров начались неудачи. Первыми тронулись Ани и Жак. В месте, где нужно было пройти узкий проход между скалами, лодка наскочила на острый скальный выступ, и громкий треск огласил галерею. Лодка спускала, а впереди оставалось еще более 50 метров глубокой воды. Петр Бернар и Бертран добрались до Ани и Жака, и вскоре положение было исправлено. Петр и Жак забрались высоко над водой, где был роложен телефонный кабель, и отрезали от него длинный кусок. С его помощью Бертран туго перевязал поврежденное место. Лодку накачали, и она стала напоминать огромную подкову. Полузатопленные водой по одному преодолели глубокий водный участок, при помощи телефонного кабеля перетягивая лодку назад.

Лодка быстро спускала, и ее перед каждой переправой снова подкачивали. Наконец, добрались до Урагана, затем "Если решишься", ряд мелких уступов... Холод стал невыносимым, усталость сковала движения. Метр за метром, водопад за водопадом преодолевали они и, наконец, дошли до лагеря "-840"...

Через двое суток все были на поверхности. Радость в лагере был безгранична. Мы смогли, мы победили Гуфр Берже! Наибольшая глубина, достигнутая к этому моменту спелеологами Болгарии, - была -640 метров в Пропасти "Снежна" в Польше. Самая глубокая болгарская пропасть - Леденика у города Котел, имела денивеляцию -242 метра. У нас не было опыта организации экспедиций, имеющих целью спуск на такую большую глубину, какую имела Гуфр Берже. Да и просто опыта и знаний было маловато - все участники имели возраст от 18 до 23 лет. Зато были огромные желание и воля к победе, а также дерзновения и способность мечтать, присущие молодости. И мы победили!

ИВАН РАШКОВ АНТОНИЙ ХАНДЖИЙСКИ

ЭКСПЕДИЦИЯ ПЬЕР СЕН МАРТЕН - 73

Минули годы с дней нашей экспедиции в Гуфр Берже.

И вот в 1972 году мы получили письмо, о котором только мечтали. Секретарь Организации международных спелеологических исследований в пропасти Пьер Сен Мартен (АРСИП) - Макс Козинс, предлагал нам провести экспедицию в эту известную пещерную систему: "Будем счастливы увидеть болгарскую экспедицию летом 1973 года в нашей стране. Общество АРСИП рассмотрело ваши пожелания и считает возможным проведение вашей экспедиции в Пьер Сен Мартен" (Далее в тексте ПСМ, пер.).

О пропасти ПСМ мы знали твердо одно - в результате последних открытий она сместила Гуфр берже и заняла перое место в мире по глубине, имея денивеляцию 1171 метр. Вскоре мы получили бюллетень АРСИП с техническим описанием этой исключительной бездны, исследования которой продолжалось уже более 20 лет. Несмотря на это, пропасть и поныне скрывала неисчерпаемые возможности для новых открытий и исследовательской деятельности.

ПЬЕР СЕН МАРТЕН.

Пропасть ПСМ находится на франко-итльянской границе в Атлантических Пиренеях недалеко от города По. Пропасть имеет три входа, один из которых прокопан искуственно.

Первый из входов находится в Испании на высоте 1717 метров над уровнем моря под вершиной д'Ани. Его открытие неразрывно связано с именем бельгийского физика профессора Макса Козинса. Попав в детстве с родителями на родину басков, он был поражен бесчисленными каньонами и таинственными безднами, которыми изобиловала область Горна Сул, и навсегда заболел спелеологией. Впоследствие Козинс организовал многочисленные спелеологические экспедиции, во время одной из которых в 1950 году французский спелеолог Жорж Лепиньо случайно обнаружил почти незаметное маленькое отверстие. В результате предпринятых им раскопок и расчистки оказалось, что это отверстие является началом удивительного 320-метрового колодца - самого большого в то время отвеса в мире. На следующий год с помощью специального снаряжения для спуска, сконструированного профессором Максом Козинсом, Лепиньо достиг дна этого колоссального колодца, получившего его имя, на дне которого открыл огромную подземную реку. Это событие послужило началом исследований ПСМ. Имя

свое пропасть получила по имени пограничной области Пьер Сен мартен, на территории которой расположен вход в пропасть.

В 1952 году хорошо подготовленная группа, в состав которой входили известный французский спелеолог Норбер Кастере, вулканолог Гарун Тазиев и профессор Макс Козинс, продолжила изучение ПСМ. Сначала группа в 4 человека спустилась на глубину около -500 метров, установила подземный лагерь и начала подъем, чтобы уступить место штурмовикам, имевшим задачу продвигаться сколь возможно глубоко. Но во время подъема первой группы из-за неисправности устройства, с помощью которого осуществлялся спуск и подъем, - сломался болт крепления стального троса длиной 400 метров, французский спелеолог Марсель Лубенс стал жертвой страшного падения в колодец Лепиньо.

Сразу же вслед за несчастьем доктор Мерей предпринял с помощью наскоро исправленной лебедки спуск на дно, а трое других спелеологов закрепились на различной высоте по стене колодца (по книгам Норбера Кастере - пятеро лионских скаутов, пер.), чтобы помочь подъему носилок с пострадавшим. Однако все это стало излишним, так как Лубенс умер во время подготовки его к подъему из злополучного колодца.

Это трагическое событие привело к огромно популярности пропасти ПСМ. Следующая экспедиция, организованная в 1953 году, уже имела значительную материальную поддержку как различных организаций, так и французской армии. Несколько тонн снаряжения и продуктов было сброшено с самолетов на парашютах ко входу Лепиньо, что положило начало плодотворному сотрудничеству между авиацией и спелеологией, которое продолжается и поныне. Новый штурм пропасти завершился открытием огромной подземной полости - зала Верна, размеры которого просто поразительны: длина 230, ширина 100 и высота 180 метров. На дне этого зла подземная река, падая оглушительным 60-метровым водопадом, исчезала между блоками каменных глыб. Это была самая низшая точка, до которой смогли добраться тогда исследователи. Предварительные исследования показали тогда глубину 737 метров.

Окрашивание воды флуоресцеином показало, что подземная река появляется на поверхности в 8 километрах от пропасти в долине Сент Анграс. Эта река привлекла внимание французской компании по добыче электроэнергии - ЕДФ. В 1955 году был прокопан тоннель до зал Верна с целью каптирования вод подземно реки и спуска их с высоты 600-700 метров на турбины гидроэлектростнции у села Сент Анграс. Однако позднее этот проект осуществить не удалось, и тоннель, названный именем компании, остлся в распоряжении спелеологов.

Тоннель ЕГФ сыграл решающую роль в последующих исследованиях ПСМ. В связи с тем, что стало возможным легко и безопасно попадать в нижнюю часть пещеры, последовали многочисленные экспедиции, чьей целью было открытие продолжений ПСМ. Это удалось сделать Сан Мартину и еще двум испанским спелеологам. В результате исключительно трудного и опасного подъема по отвесной стене зала Верна на 80-метровую высоту им удалось попасть в начало большой галереи, названной Аразанди - по имени известного поэта и писателя басков. Это был древний путь подземной реки, о чем свидетельствовали отложения глины до 5 метров толщиной.

В конце галереи Аразанди испанская группа вошла в длинный неимоверно узкий диклазный ход, по дну которого текла небольшая подземная река. Исследованием этого хода занялись английские спелеологи. Они преодолели неописуемые теснины 1300-метрового диклаза, который назвали Меандр Мартин. Здесь новая подземная река, вытекающая из встречной галереи, сливалась с рекой Меандра Мартин и с грохотом уходила в целый ряд колодцев общей глубиной 240 метров. На дне последнего из них - 40-метрового колодца Парман - река исчезала в непроходимой узости. Это была наинизшая точка, которой достигла исследовательская группа. Она

на 269 метров была ниже зала Верна и н 1006 метров ниже входа Лепиньо.

Последний из входов ПСМ - Тет Соваж, был открыт французскими спелеологами. Этот вход расположен, как и тоннель ЕДФ, на французской территории на высоте 1882 метра над уровнем моря. Он был известен давно как пропасть Тет Соваж (Д-9). Экспедиция, исследовавшая ее, была остановлена на -145 метре непреодолимым завалом, и пропасть оставили. Значительно позднее во время новой экспедиции спелеологи Спелеоклуба Париж заметили на противоположной стороне колодца на -50 метре небольшое отверстие. Проникнув в него, они спустились в целый ряд колодцев, наибольший из которых имеет 100-метровую глубину, и на -405 метре попали на подземную реку. Спускаясь по ее течению, приблизительно через километр они попали в знакомые галереи. Эти галереи уже были исследованы и нахидились примерно в 3 километрах вверх по течению от колодца Лепиньо. В сущности это была одна и т же река.

В результате открытия этой связи общая доступная прохождению денивеляция от входа Тет Соваж до дна колодца Парман достигла 1171 метр. Так ПСМ стала глубочайшей пропстью мира, потеснив с первого места Гуфр Берже.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОДГОТОВКА

Постепенно нами всецело завладело желание организовать экспедицию в ПСМ. Но хватит ли у нас сил, чтобы достигнуть "дна мира" ? Многие мечтали об этом, но за всю 20-летнюю историю исследований ПСМ только двум группам - французской и английской удалось осуществить такое рохождение.

Мы преодолели уже границу -1000 метров, имели опыт прохождения Гуфр Берже летом 1969 года, но этого было явно недостаточно, чтобы померяться силами с такой трудной пещерой как ПСМ. Дело было, конечно, не в 49 метрах, ставивших ПСМ перед Гуфр Берже в ранге глубин. Эти огромные пропасти совершенно различны по онфинурации и сложности, и одно лишь сравнение цифр было недостаточным для их сравнения. Так, к примеру, один заоблачный пик может быть покорен любым туристом, а восхождение по гораздо более низкой, но отвесной стене может быть подсилу только хорошо подготовленным и снаряженным альпинистам. Аналогично этому сравнение Гуфр Берже и ПСМ.

Мы знали, что решающую роль для успеха экспедиции имеют два фактора: отличная психологическая и физическая подготовка и соответствующее надежное снаряжение. И хотя первое условие было налицо, так большинство участников имели значительный опыт работы в пещерах, однако второе поставило под вопрос подготовку и проведение экспедиции.

Из технического описания ПСМ, которое у нас было, явствовало, что для прохождения от Тет Соваж до дна колодца Парман требовалось 653 метра лестниц, 1266 метров специальных веревок, подходящее освещение, жумары, обыкновенные и шлямбурные крючья, пробойники, зажимы, рогатки, пруссики, блок-ролики, 4000 метров телефонного кабеля, лагерное снаряжение (палатки, спальные мешки,, резиновые надувные матрацы) - список не имел конца. Многое из необходимого снаряжения у нас имелось, но было изрядно изношено и к использованию не годилось.

Так перед нами встала исключительно серьезная проблема - обеспечение новой экипиривкой и снаряжением. От быстрого и успешного решения этой проблемы зависела судьба экспедиции. При этом мы располагали очень малым временем, а необходимо было еще учитывать специфические требования к снаряжению, предъявляемые ПСМ.

Самым трудным был вопрос изготовления 700 метров пещерных лестниц. Это была поистине непосильная задача для нашего коллектива, мало что имевшего, кроме энтузиазма. Но совсем неожиданно Иван Паров, ответс-

твенный за подготовку материальной базы экспедиции нашел оригинальное решение этой проблемы. Разработанная им технология и приспособления для изготовления лестниц также ка4к и самоотверженное отношение всех участников к подготовке экспедиции позволили совершить невозможное: за 24 дня были изготовлены 700 метров пещерных лестниц.

Кроме теоретических гарантий надежности лестниц и лабораторных испытаний, все лестницы были проверены на отвесах горы Лакатник. Этим мы старались исключить любую случайность, могущую повлиять на реализацию программы экспедиции. При испытаниях ни одна из лестниц не оказалась некачественной. Этот успех сыграл большую роль в подготовке экспедиции.

Постоянно обсуждался другой вопрос: какой вид освещения использовать? Освещение, используемое в пещерах, должно удовлетворять целому ряду требований, многие из которых весьма противоречивы. От него требуется давать хороший свет продолжительное время за одну зарядку и в то же время иметь малый объем и вес. Оно должно иметь простое устройство, быть нечувствительным к ударам и сдавливанию, не бояться влаги и воды.

После долгих споров и размышлений мы остановились н головном карбидном освещении, скомбинированном с электрическим. Оно было сконструировано н основе применявшейся в шахтном деле карбидной лампы, но с рядом существенных изменений. В отличие от шахтерской, бачок "карбидки" имел элипсоидную форму, на ней был установлен насос, при помощи которого обеспечивался нормальный режим и режим работы под давлением. Этим мы достигали усиления света в огромных галереях и залах ПСМ, а когда в этом не было необходимости, карбидка могла работать как обычная. Также был установлен предохранительный клапан, срабатывавший, если давление в бачке превышало допустимое. Герметичная упаковка батареи электрического освещения, также как и электрозажигалки для карбидки, должна была предохранить светильник от влияния воды. А в ПСМ мы точно будем часто мокрыми с ног до головы. Запасное освещение должно было обеспечивать свет в течение 20 часов после того, как основное по каким-либо причинам могло выйти из строя.

В то же время мы закупили 1280 метров альпийских веревок, новые лодки, лагерное оборудование, изготовили скальные крючья, ролики и остальное снаряжение, а также подготовили телефонный провод, телефоны и легководолазные костюмы типа "Садко", которые планировали использовать в холодных водах подземной реки ПСМ. Постепенно список необходимой материальной базы заполнялся. Все было многократно испробовано, упаковано и приготовлено.

Наряду с обеспечением необходимого снаряжения мы не забывали о необходимости постоянных тренировок для поддержания и повышения психологической и физической подготовки. Для этого была значительна активизирована исследовательская деятельность в спелеологических районах нашей страны. Из 1200 исследованных, картированных и описанных пещер и пропастей в картотеке Болгарской федерации пещерного дела (БФПД) 162 были на счету нашего клуба. Это само по себе являлось непрерывной и тяжелой тренировочной деятельностью. Кроме этого, была разработана специальная тренировочная программа с целью создания условий максимально приближенных к условия ПСМ. В нее входили спуски в самые большие и глубокие пещеры и пропасти страны, тренировочные подъемы в холодные водопады горы Бов, а также тренировки два раза в неделю н стадионе "Раковски" в Софии.

Вся эта деятельность имела целью подготовку и осуществление спуска до дна ПСМ. Но наша экспедиция, столько месяцев и с таким энтузиазмом подготавливаемая, имела и другую, не меньшую по своему значению, цель - проведение ряда научных исследований в ПСМ - деятельность, неотъем-

лемо присутствовавшая в работе многочисленных клубов разных стран, ежегодно работавших в такой огромной и интересной пещере.

Многим может показаться, что мы уделяли основное внимание спортивному прохождению ПСМ. В большой степени это так, потому что спортивная деятельность в спелеологии является неотъемлемым элементом исследований в таком таинственном и заманчивом и в то же время таком агрессивном и враждебном подземном мире. Только самые подготовленные спелеологи-спортсмены имеют возможность проникать глубоко в царство вечного мрака и совершать научные исследования в его трудных условиях.

Мы поддерживали оживленную переписку с АРСИП, узнавая из нее о проведенных исследованиях и научных проблемах, поставленных ПСМ перед своими исследователями. Это дало возможность разработать научную программу, утвержденную БФПД и с большим интересом встреченную АРСИП.

В процессе подготовки экспедиции, как элемент ее программы, - была поставлена задача съемки фильма о штурме ПСМ. Позднее было уточнено, что будут сняты два цветных фильма - один на 35-миллиметровую камеру Студии научно-популярных фильмов, другой - на 16-миллиметровую камеру для Болгарского телевидения. Были отпущены необходимые средства и определены операторы, способные принять участие в таком трудном деле. Они включились в активные тренировки и вскоре почувствовали себя полноправными участниками экспедиции.

Незаметно приблизился день, когда нам предстояло отправиться в далекий путь. Оставались 3000 километров и исключительно трудная и опасная подземная акция, исход которой должен был быть успешным. Но все ли мы предвидели, от чего этот успех зависел? Совсем скоро мы сможем дать ответ н этот и множество других вопросов, волнующих нас и наших болельщиков. А их оказалось много! Без их помощи и поддержки наша экспедиция была бы немыслима.

НА ПУТИ К ПЬЕР СЕН МАРТЕН

Синий автобус и грузовик н площади перед храмом-памятником Александра Невского в Софии. Только надписи на болгарском и французском языках отличали их от десятков таких же автобусов и грузовиков: "Болгарская экспедиция "Пьер Сен Мартен - 73". Таким был транспорт экспедиции, отправляющейся штурмовать ПСМ - глубочайшую пропасть мира.

Последние минуты перед отправлением. Шумная толпа провожающих. Последние напутствия, напоминания о письмах, щелканье фотоаппаратов и треск кинокамер и, наконец, миг, когда мы машем руками из окон отходящего автобуса. Опускаемся в удобные кресла, приходя в себя от усталости и волнений. Мы еще слабо чувствуем, что наша экспедиция началась. Но каждый чувствует огромное облегчение от того, что все уже позади, а впереди нас ожидает ПСМ - наша мечта и такая желанная цель.

Наш путь лежит через Югославию, Италию и Монако. Этот путь нам знаком по лету 1969 года, когда тем же путем мы добирались до Гуфр Берже. Снова посещаем большую югославскую благоустроенную пещеру Постойна яма и продолжаем путь. Мы проезжаем города с многовековой историей, исключительными о своему значению историческими памятниками. Остается позади Венеция - "мечта, сотканная из воздуха, воды, земли и неба", как назвал ее Гете. Проезжаем Милан - промышленное и финансовое сердце Италии, Геную - ее величайший порт и второй в Средиземноморьи вслед за французским Марселем, и еще десятки малых и больших городов.

У города Ментен пересекаем последнюю границу, отделяющую нас от ПСМ, и въезжаем во Францию. Вскоре после этого минуем Монако, небольшое государство на берегу Средиземного оря. И снова мелькают за окнами десятки и десятки поселений. Многие практически не отделены от последующих. Часто останавливаемся и бродим по улицам и площадям, поражаю-

щим нас величием и многообразием своих архитектурных памятников. Наслаждаемся искусством древних зодчих, сумевших создать незабываемые образцы строительного искусства. Но наша цель становится все ближе и приближается все быстрее.

Незабываемой останется волнующая встреча с всемирно известным французским спелеологом Норбером Кастере. Член нескольких академий и автор более 25 книг, переведенных на 50 языков, награжденный высокими почетными наградами за свою научную, спортивную и писательскую деятельность, он живет на берегах реки Гаронна в предгорьях Пиренеев.

Мы посетили его дом - красивый двухэтажный особняк, расположенный в северной части Сент Годен. были и в обширном кабинете, превращенном в своеобразный музей спелеологии. Две стены кабинета представляют огромную библиотеку - богатейшая подборка книг по спелеологии, на двух других развешены бесчисленные фотографии, вымпелы, награды и реликвии. мы увидели карбидные лампы и другие источники освещения, компасы и планшеты, образцы лестниц и веревок, различных приспособлений, иллюстрирующих развитие техники в области спелеологии с начала века и по наши дни. В этой обстановке 77-летний Норбер Кастере писал и совершенствовал книги, раскрывшие для многих удивительный подземный мир. Каждая из увиденных нами реликвий была связана с какой-нибудь из многочисленных исследовательских экспедиций, в которых участвовал спелеолог. С огромным интересом слушали мы рассказы о исследованиях ПСМ, системы Тромба, Гуфр Мартель, об открытии истоков Гаронны. Об открытии первых в мире статуй, созданных первобытным человеком и о многом другом.

Трогательным было прощание с ветераном спелеологии, отдавшим более 60 лет жизни исследованию подземного мира.

На второй день после этой встречи мы приехали в испанское селение Сент Анграс - конечный пункт нашей дороги к ПСМ. Секретарь АРСИП - Макс Козинс и технический координатор экспедиций АРСИП - Рубен Гемец уже нас ждали. Они очень любезно предложили выбрать место для нашего базового лагеря, а также уточнили сроки знакомства с районом и окрестностями ПСМ.

ПОДГОТОВКА К ШТУРМУ "ДНА МИРА".

Базовый лагерь экспедиции разбили н небольшой площадке на склоне холма. Непосредственно под нами виднелись крыши Сент Анграс - селения на краю света, как романтично называли его местные жители. И действительно, здесь кончаются все дороги, и только крутые извилистые тропы поднимаются дальше в скалистое сердце Пиренеев. Напротив, по другую сторону Сент Антрас пролегла заросшая широколиственным лесом долина. Где-то в ее верхней части находится тоннель ЕДФ - один из входов ПСМ. Правее от него видны скальные отвесы каньона Еюаре, а немного ниже - каньона Какуета. В нем в карстовом источнике Бентиа появляется на свет карстовая река ПСМ, проходя глубоко под каньоном Еюаре. Все это мы узнали из карты района, которую внимательно изучили в период подготовки.

Установили большую общую палатку, где могла собираться вся наша 23-членная группа. Построили кухню, медпункт, поставили палатки для хранения продуктов и снаряжения и еще десять палаток поменьше для жилья. Разгрузка автобуса и грузовика, последняя проверка и сортировка продуктов, снаряжения и медикаментов - представляли собой весьма нелегкую задачу, если учесть, что весь груз экспедиции превышал 5 тонн. Часть всего этого нам необходимо поднять до входа тет Соваж, где будет установлен вспомогательный лагерь, а другую - к тоннелю ЕДФ.

Весть о нашем приезде быстро распространялась Нас посещали многие спелеологи разных стран, кого ПСМ, также как и нас, привлекал неисчерпаемыми возможностями для исследований. Кроме групп из Франции, здесь

были группы из Англии, Италии и Польши - всего более 10 клубов. Гости с интересом рассматривали лагерь, снаряжение, интересовались нашими планами. Оказалось, что многие знали болгарскую группу, предпринявшую в 1970 году спуск в седьмую по глубине пропасть мира - Сплуга дела Прета в Италии. Быстро находя общий язык, мы часами разговаривали о ПСМ, пещерах Болгарии и о нашей экспедиции в Гуфр Берже, которая всех очень интересовала.

На следующий день мы встречались с Рубеном Гомецом. Согласовали с ним наши планы работы в ПСМ так, чтобы в дни, когда мы войдем в Тет Соваж, там не было других групп, работающих в нем. Это делалось для повышения безопасности работ. Гомец познакомил нас с новейшими открытиями в ПСМ, с перспективами дальнейших исследований.

На настоящий день в ПСМ различными группами предпринимались попытки прохождения вверх по течению ручьев Басабуруко Ереко, Макс Кудерк и Ларумб, которые дают начало главной подземной реке ПСМ. Ими было пройдено соответственно 1500, 800 и 2000 метров, но конца достичь не удалось. Оставались и ряд ответвлений, которые группы не успели исследовать. Наиболее перспективным казался приток Ларумб, в верхней части которого были иследован подземный зал размерами 100х60 и высотой 80 метров. Конусовидная осыпь в центре зала, падающий сверху ручей и сильное ток воздуха сверху вниз давали основания думать, что существует связь с какими-то многочисленными входами на поверхности.

На поверхности на расстоянии 1500 метров от входа Тет Соваж в секторе М расположены входы в пропасти, известные под общим названием. Они были частично обследованы весьма давно, но были оставлены ввиду тщетности усилий проникнуть в глубины Пьер сн Мартена. После открытия связи между Тет Соваж и ПСМ и исследований притоков, образующих реку в ПСМ вновь встл вопрос о доисследовании этих входов.

Одна из наинтереснейших пропастей в том секторе - это М-3-М-13. Первоначально это были две разные пропасти, между которыми было обнаружено соединение, и ныне они представляли единую сложную систему параллельных, соединяющихся и взаимоперекрывающих колодцев. При изучении эти пропастей исследовательские группы использовали более 800 метров лестниц, которые оставлялись на отвесах, чтобы иметь возможность ориентироваться. В результате неимоверно трудного штурма, расчистки и преодоления многочисленных узостей и теснин, они достигли глубины -272 метра. Здесь, на этой глубине, были открыты останки афенопса - маленького хищника - находка, характерная для ПСМ. В 1973 году, незадолго до нашего приезда, при очередном проникновении в М-3-М-13 двое французских спелеолога открыли на глубине -100 метров маленькое отверстие, до сих пор оставшееся незамеченным. В результате расчистки этого отверстия и удалось спуститься на глубину -395 метров, где начинался небольшой подземный поток. Узости, преследовавшие их прохождение, поломки снаряжения и усталость вынудили их преостановить проникновение и вернуться на поверхность с надеждой, что последующая более многочисленная и лучше экипированная группа сможет расширить и преодолеть узости и проникнуть в ПСМ.

И еще одно - как было установлено, доступная прониновению денивеляция ПСМ равна 1171 метр, в то время как гидрологическая денивеляция от входа в Тет Соваж до источника Бентия по вертикали равна 1850 метров. Эта цифра дает представление о потенциально возможном увеличении глубины пропасти.

Все эти дополнительные сведения о ПСМ ярко иллюстрировали огромные трудности, с которыми сталкивались исследователи при работах в недрах ПСМ, все эти трудности, достаточно ирреальные с расстояния 3000 километров, сегодня обретали реальность. И оттого в наших мыслях нет-нет да и возникал вопрос: "Сможем ли мы победить пропсть ПСМ?"

Мы посетили живописный каньон Какуета, расположенный неподалеку от Сент Анграс. Им разделены бассейны, в которых расположены карстовые источники: Бентия - река ПСМ, и Иламина. В верхней его части находятся несколько пещер, самой интересной из которых бесспорно является пещера Водопада. Из ее входа, расположенного на высоте 20 метров от основания одного из скальных обнажений, вытекает значительная подземная река, образуя красивый водопад. Происхождение этой реки неизвестно.

Задача определения границ бассейна, охватывающего три карстовых источника - Бентиа, Иламина и Водопада, была поставлена еще в 1908-1909 годах великим французским исследователем Едуардом Альфредом Мартелем, основоположником современной спелеологии. Исследования в этой области были продолжили Равие и Макс Козинс. Открытые подземные реки в пропастях Лоне Пейре, ПСМ и река Сен Жорж де Равие подтвердили гипотезу Равие о существовании нескольких изолированных подземных рек, протекающих в глубинах известковых пластов, но одновременно поставили новые проблемы в объяснении гидрологического строения района.

Одной из наиболее трудноразрешимых проблем являлась задача определения бассейна, дающего начало подземной реке пещеры Водопада. С помощью окрашивания флуоресцеином было установлено, что ни один из известных поноров, в которых пропадают под землей открыто текущие по поверхности воды, и ни одна из подземных рек не соединяется с пещерой Водопада. Тогда откуда берется вода, вытекающая из Водопада? Известна парадоксальная информация о том, что этот источник породил одно природное бедствие, застигнувшее район в 1937 году. В ноябре месяце проливной дождь привел к тому, что за 36 часов уровень воды в каньоне Какуета поднялся на 32 метров. Этот паводок привел к человеческим жертвам в 30 километрах ниже в долине. В течение девяти месяцев дебет Водопада был ненормально высок, в то время как уровень остальных иточников местности вскоре нормализовался. Но для сохранения Водопадом такого дебета в течение девяти месяцев понадобилось аккумулировать где-то около 25 000 000 куб.метров воды, в то время как склоны возможного бассейна Водопада, расположенные между бассейнами источников бентия и Иламина, могли дать не больше 2 500 000 куб.метров воды. Тайна Водопада и по сей день остается неразгаданной.

В Какуета мы имели возможность наблюдать огромный разрез известняковых пластов, проточенный рекой каньона, которая прорезала его до подстилающих известняки песчаников. Это были известняки сенона, в которых развита и пропасть ПСМ. Они заложены практически горизонтально, в то время как песчаники имеют угол падения в 30 градусов. Это дает основание предполагать, что некогда в далеком геологическом прошлом эти песчаники были поверхностью района. Впоследствие они стали дном огромного водного бассейна, и поверх них стали отлагаться известняковые пласты. Мы принесли из каньона многочисленные геологические образцы, которые, вместе с образцами из зала Верна, что нам еще предстояло добыть, могли объяснить некоторые проблемы ПСМ.

ИП - бельгийским спелеологом профессором Максом Козинсом. Думаем, что будет интересным привести здесь некоторые биографические данные этого великого исследователя и ученого.

Макс Козинс родился в 1904 году в Бельгии, получил образование инженера-электрика и физика. На этом он не остановился и изучил еще геологию и затем, работая в одной лаборатории биофизики и медицины, - медицину. Впоследствие, участвуя в опытах швейцарского физика профессора Пикара в достижении стратосферы на воздушном шаре, он совершил перелет на этом шаре от Бельгии до Югославии. Козинс также участвовал в конструировании батискафа, в котором профессор Пикар опустился в Тиренское море до глубины 3160 метров. Пережил ужас фашистского ада в концлагере дахау, где прожил 27 месяцев. После окончания Второй Мировой войны с

1947 по 1952 год участвовал в управлении атомным комиссариатом Бельгии и в то же время принимал активное участие в движении за мир в тесном сотрудничестве с Фредериком Жолио Кюри. Параллельно с этой своей деятельностью почти каждый год он участвовал и руководил исследованиями в ПСМ.

Во время встречи с Максом Козинсом мы имели возможность посмотреть несколько фильмов, среди них и фильм о первом спуске в 1951 году в колодец лепиньо. Разговаривали о будущем ПСМ, об осуществлении проекта его благоустройства и превращения в международный туристический объект, о проблемах сохранения его биологической среды и охранения от вандализма, следы коего можно наблюдать во многих известных пещерах.

В результате этой встречи было окончательно определены штурмовые группы и уточнены основы, на которых будут осуществляться программы экспедиции в планах собственно проникновения и научных исследований.

Все было готово к началу штурма "дна света".

КО "ДНУ СВЕТА"

Наступил решительный день - день начала штурма ПСМ. Первая группа должна была навесить колодцы в Тет Соваж. В ее состав входила и штурмовая группа из 5 человек, которая после навески должна была продолжить путь вниз. Вторая группа имела задачей войти через тоннель ЕДФ и начать экипирование Меандра Мартин и 240-метрового каскада колодцев за меандром, ведущего ко дну. Операторы Милан Огнянов и Румен Костов вместе с Атанасом Близнаковым образовали третью группу, имевшую трудную задачу киносъемки спуска и научной работы в ПСМ. В зависимости от условий съемки состав третьей группы мог быть увеличен.

К Тет Соваж тронулись почти все. Поднять экипировку, продукты, бивачное снаряжение для первой группы по крутым склонам до перевала было почти невозожно. Поэтому было решено воспользоваться автомобильной дорогой, что шла от села Арет в 25 километрах от Сент Аграса и проходила через перевалы Пиренеев близко от Тет Соваж, заходя на испанскую территорию. С нами отправился и Рубен Гомес, который должен был показать нам вход в тет Соваж, а затем вернуться обратно с грузовиком, на котормо мы совершали эту заброску.

Вскоре минуем село Арет и начинаем подъем по склонам к перевалу. Погода, только еще теплая и солнечная, внезапно изменилась. Все вокруг потемнело. Пошел проливной дождь, который потихоньку просачивался к нам под брезентовый тент грузовика. Повороты бесконечного серпантина раскачивали нас вместе с багажом то в одну, то в другую сторону. Время от времени кто-нибудь пытался пошутить, но никто не реагировал. Все были полны мыслями о неизвестности, нас ожидающей, и было не до шуток.

Кажется, что ы путешествуем уже целую вечность. А от Арет до перевала всего 23 километра. Дождь как начался, также внезапно прекратился. Водная завеса исчезла и открыла взору огромные известняковые блоки, изъеденные временем, водой и снегом. Мы оказались в альпийском поясе Пиренеев, высоко над поясом леса. Но в следующий момент спустилась густая мгла и скрыла от глаз все и вся.

Наконец, грузовик отановился. Отсюда нм предстоял пеший путь к нашей цели. Быстро разгружаем багаж - небольшая куча рюкзаков и мешков - каждый взял по одному рюкзаку, а те, кому груз показался легок, закинул поверх палатку, лодку или какой-нибудь другой багаж. Рубен Гомец двинул один из рюкзаков и посмотрел удивленно. Он посчитал, что рюкзаки слишком тяжелы и сказал, что предпочитает сделать две ходки с более легким грузом, чем один с тяжелым. с этим мы были знакомы еще по экспедиции 1969 года в Гуфр Берже. Там французские спелеологи также смот-

рели с удивлением, как мы спускаемся по отвесам с нашими 20 и более колограммовыми ранцами со снаряжением, в то время как вес их спелеологических сумок и мешков не превышал 7-8 килограммов. Возможно, они были правы, так как находились на своей территории, и время для них не А для нас каждый день был считан, нужно было поторапливаться.

Рубен Гомец выбрал один из наиблее тяжелых ранцев - решив носить наравне с нами, и, не слушая наших возражений, взвалил груз на плечи и канул во мгле. Втягиваемся в колонну ему в след. С нами отправляется и Борис Томов, шофер грузовика - сгибаясь под тяжелым рюкзаком, но решив не отставать от других. Он участвовал и в экспедиции в Гуфр Берже и там также активно помогал в переноске багажа.

Через 200-300 метров тропа исчезла и начался подъем по скалистому склону. Он был так крут, что в некоторых местах приходилось помогать подъему руками. Мгла, все такая же молочно белая и густая, заполняла все вокруг. Но Рубен Гомец отлично знал местность и уверенно вел в гору. Следовало быть очень внимательными - скалы были мокры и скользки, рюкзаки тяжелы, и одно неосторожное движение могло иметь плохие последствия.

После подъема на одну из седловин вновь появилась красная маркировка пути - надежный знак, что наш проводник не сбился с пути. Ветер в миг разметал мглу, и перед нами открылась огромная каменная пустыня, прорезанная многочисленными трещинами, в некоторых местах расширенные водой до нескольких метров. Рубен Гомец поянил, что на дне многих из них находятся вход в пропасти, некоторые из которых до сих пор не исследованы. С правой стороны от нашего пути взорам открылся большой воронкобразный вход, огражденный перилами - начало колодца глубиной 200 метров. То тут, то там белеют снежники. И... мгла снова закрыла все вокруг.

Продолжаем идти почти горизонтально, и внезапно из мглы появляется высокий железный пилон, отмечающий вход в Тет Соваж. Поднимаемся на ребро неширокой расселины в скалах, на дне которой чернеет небольшое отверстие. Это начало пропасти ПСМ - самый высоко расположенный из ее входов. Где-то под нами, глубоко в земных недрах, лежат пугающие отвесы и студеные водопады, которые нам предстоит преодолеть на пути к "дну света".

Участники, определенные в другие группы, оставляют рюкзаки и мешки с грузом и с пожеланиями успеха отправляются обратно к грузовику. Их цель - вернуться обратно в лагерь на краю Сент Анграс и на следующий день начать навешивание снаряжения в нижней части ПСМ, войдя в нее чеЕДФ.

Здесь же остается девять человек - штурмовая группа в составе: Кирил Йончев, Николай Генов, Ани Тапаркова, Васил Николов и Иван Рашков, а также вспомогательная группа - Надежда Цветкова и Георги Георгиев и операторы Милан Огнянов и Румен Костов. Им, штурмовой пятерке, четверо суток спстя, преодолев более 7 километров подземных галерей ПСМ, необходио было выйти через тоннель ЕДФ, встретившись с группой, работающей там.

Осматриваемся на площадке, куда бы поставить палатки, но поблизости нет удобного места. Ухитряемся установить из в 30-40 метрах друг от друга на сильно иссеченных и неровных скалах и быстренько забираемся в спальные мешки. Мы пережили очень трудный день, а густая мгла не оставляла нам выбора, чтобы заняться чем-либо другим.

Но Пиренеи приготовили нам для начала еще дно испытание. Разразилась страшная буря. Неожиданно снова начался проливной дождь, а ураганный ветер угрожал сорвать палатки и сбросить их в какую-нибудь пропасть. Наша палатка протекла, и спальные мешки местами подмокли. Мы сбились в середину палатки, но вода и тут нас настигла. При одном из

сильных порывов ветра одна из растяжек с одной стороны палатки, закрепленная к скальному выступу, не выдержала, и палатка упала на нас. Пришлось выбираться из-под нее и, окончательно вымокнув, проситься в одну из соседних палаток с двойной крышей, и все еще спасающую своих обитателей от неперестающего дождя. Под вой бушующей бури мы забылись беспокойным сном.

Утро было совершенно иным. Выбравшись из платок, мы оказались в другом мире - вокруг нас были только скалы и небо. На юге, совсем близко, нависал известняковый массив с вершиной д'Ани (2504 м). мы были поражены бескрайней синевой неба. Не был ни единого облачка. Окружающее нас плато было столь же безжизненно и пустынно, словно принадлежало другой планетой. Возможно, лунный пейзаж не слишком отличался от окружающего нас. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра, и только наша поверженная палатка напоминала о пережитой кошмарной ночи.

Мы находились в центре огромного карстового района. Вокруг нас на площади около 10 квадратных километров находилсь от 3 до 10 тысяч входов в пропасти, глубоко уходящих в земные недра. Многочисленные четко очерченные расселены прорезали скальные пласты на большую глубину и обособляли огромные известняковые блоки, поражающие однообразием форм и строения. Едва ли можно оценить трудности, с которыми сталкивались первоиисследователи при изучении этого района.

Главной проблемой здесь было не наличие огромного количества входов, требующих исследования, а распознавание и классификация уже исследванных объектов. Другой проблемой было преодоление подземного ледника толщиной до 100 метров, который делал недоступным каждый вход величиной достаточной для сбора снега зимой. Нагромождения толстых пластов снега, затвердевшего и превратившегося в заледеневшую пробку, обнаруживались между 100 и 200 метрами глубины под поверхностью плато. Единственно доступными оставались пропасти, чьи входы были слишком малы, чтобы собирать снег. Но структура района сделала очень трудным нахождение этих многообещающих, но малозаметных входов. Все это объясняет тот факт, что несмотря на то, что первые исследования здесь были проведены еще в 1908-1909 годах, район сохранил такие огромные возможности для новых открытий и по сей день.

Предстояло первое очное знакомство с ПСМ. С хорошо набитыми веревками и лестницами ранцами по одному влезаем в маленький вход и начинаем спуск по твердым стальным лестницам, закрепленным к стенам колодца. В нашей практике нам еще не приходилось пользоваться такими лестницами. Стальная труба диаметрм около 6 сантиметров закреплена на некотором расстоянии от стен колодца. Пперек, через определенной расстояние пробиты отверстия, в которые вставлены и приварены отрезки стальных труб - ступеньки. По этим лестницам нам предстоит спуститься до -175 метра: до этой отметки экипированы отвесы тет Соваж. Отсюда вниз необходимо навешивать следующие отвесы, используя обычные пещерные лестницы.

Быстро привыкаем к новым для нас лестницам. Спускаться по ним действительно быстро и удобно, но и несколько опасно. особенности расположения ступенек не позволяют использовать самостраховочные веревки, как на обычных пещерных лестницах, и это требует большого внимания. В случае падения нет ничего, что бы его задержало. Тяжелые ранца сильно увеличивают риск и вызывают неприятные ощущения.

Время от времени осветительные приспособления операторов заливают колодца белым светом. Румен и Милан спустились со своими камерами вперед и, поджидая нас то тут, то там, снимают спуск.

На глубине -65 метров лестницы заканчиваются. Отсюда клодец продолжается ниже, но в этом месте он имеет искусственное дно. Передвигаемся в сторону по горизонтальной штанге и попадаем н тесную площадку.

Отсюда путь продолжается по тесной и кривой низкой галерее, названной Меандр 1. Преодолеваем его, проползая на животе ногами вперед, и вылезаем в начало колодца глубиной 50 метров. Снова испытываем неприятные ощущения, пока ноги шарят в пространстве в писках первой ступеньки следующей лестницы. В начале колодец достаточно тесен, но постепенно расширяется книзу. Спускаемся на его дно. ВНизу слева Большая трещина - огромная подземная расселина, шириной от 1 до 4 метров, в которую спускаемся на 80 метров, продвигаясь в горизонтальном направлении около 50 метров. Продвижение происходит по скальным обломкам, заклиненным на различных уровнях между отвесными стенами. Часто встречаются следы групп, спускавшихся здесь перед нами - использованные батарейки и различные предметы экипировки - подъем их на поверхность оказался не по силам этих групп, что вынудило их оставить мусор по площадкам.

Достигаем окончания стационарных стальных лестниц. Здесь, на глубине -175 метров, завершаем первый спуск в ПСМ. Теперь необходимо подняться наверх за новыми ранцами со снаряжением, чтобы продолжить спуск вниз. При этом втором спуске мы начнем и навешивание обыкновенных пещерных лестниц и веревок.

Через несколько часов опять спускаемся на 175-й метр. теперь с нами все остальные лестницы и веревки, и мы имеем возможность спуститься с попутным оборудованием отвесов до -405 метра в зал Козинса.

Спуск вниз значительно замедляется. надежность спуска закладывается наверху каждого колодца, для чего забиваем новые шлямбурные крючья, вопреки имеющимся здесь многочисленным крючьям предыдущих групп. На глубине -220 метров достигаем Меандра II. В этой кривозаложенной галерее часто снимаем ранцы и с усилием протискиваемся через ее изгибы и теснины. При каждом сильном рывке заклиненных ранцев появляется чувство, что их лямки вот-вот останутся у нас в руках. Но это издержки.

За Меандром II спуск становится легче, но появляется небольшой ручеек с ледяной водой - "для охлаждения", как шутливо заметил кто-то. Предпочитаем обходиться без такого охлаждения, вопреки тому, что весьма разогрелись вследствие значительных усилий, предпринятых в этот день, но... не знаем как. Водяные струйки проникают сквозь комбинезоны, заливаются в рукава и беспрепятственно достигают сапогов.

Спускаемся еще в несколько небольших колодцев. Мы уже напрочь мокрые и стараемся увернуться от воды. На дне 28-метрового колодца попадаем в нисходящую галерею с интересной морфологией, известную под названием Меандр Кастрюль. Продвигаясь по нему, попадаем в начало колодца глубиной 100 метров - последнее трудное препятствие перед главной рекой ПСМ. Приближается полночь, и решеаем приостановить проникновение. За этот день мы успели навесить 275 метров колодцев Тет Соваж, а до зала Козинса оставалось еще 130 метров - один 100-метровый колодец и несколько мелких. Сложив на удобное место оставшиеся веревки и лестницы и отправляемся обратно к поверхности.

Выходим среди прохладной ночи. Впреки усталости от трудного прохождения, не спешим. стальные семеро нас оставили. Операторы вышли наверх много раньше нас, чтобы отправиться в базовый лагерь в Сент Анграс на грузовике, который пришел, чтобы забрать их. В последующие три дня они войдут через тоннель ЕДФ и поднимутся вверх по течению подземной реки, встречая нас во время нашего спуска к залу Верна. Оттуда гораздо легче и безопаснее пронести кинокамеры, материалы и освещение, избегая один участок подземной реки - Каньон Парижского спелеоклуба, где предохранить кинотехнику от намокания практически невозможно. Кроме того аккумуляторы освещения, подсаженные во время съемок, требовали подзарядки в Сент Анграс.

Решаем на следующий день идти в Тет Соваж только двойкой Кирил Йнчев и Васил Николов для навешивания последних отвесв в зал Козинса.

Необходимо было завершить прокладку телефонной линии от поверхности д отметки -405 метров, где появляется подземная река. С помощью этой линии мы будем поддерживать связь с оставшимися наверху и при необходимости сможем получить быструю помощь. Остальные члены группы останутся на поверхности, чтобы подготовить все необходимое для решительного штурма.

Наступил третий день с начала существования нашего лагеря на краю Тет Соваж. - день, в который необходимо было начать спуск к дну ПСМ. Все колодцы были навешены, и обеспечена телефонная связь. Трехметровая карта ПСМ, которой мы располагали, была разрезана, и каждый кусок вставлен в полиэтиленовый пакет, чтобы не намок. Прозрачные маски были отрезаны от легкводалазных костюмов, как ненужные, и наша одежда была готова к одеванию...

К обеду начинаем медленно одеваться, помогая друг другу. Почти сутки будем мы среди мрака и воды, и потому каждая минута, проведенная под теплыми солнечными лучами, доставляла незаменимое удовольствие. Одеваем обычные пещерные комбинезоны, обуваем сапоги. Опробовали головное освещение. Не знаем, все ли взяли? Нет, вроде бы, все налицо! Можно отправляться!

13.30. Друг за другом уходим в тесный вход Тет Соваж с тяжелыми ранцами на спинах. Чего только в них нет - веревки, лестницы, крючья, молотки, карабины, резервное освещение, продукты, теплая одежда для переодевания, две лодки и всевозможное другое. На поверхности остаются Надежда Цветкова и Георги Василев. В течение следующих 24 часов они будут дежурить у телефона, псле чего грузовик заберет их в базовый лагерь на краю Сент Анграс. По нашим планам этого времени нам хватит, чтобы спуститься и выйти из тоннеля ЕДФ к базовому лагерю. Этим завершится первый этап штурма ПСМ.

Путь вниз уже хорошо знаком. Руки быстро, без лишних движений, находят зацепы, а ноги - ступени. К любым узостям тело приспосабливается без усилий.

За полтора часа спускаемся на 405 метров к телефонному посту. Последний разговор с поверхностью успокаивает - погода наверху все также солнечна и никаких прогнозов на дождь. А дождь - наш самый большой враг. За несколько часов уровень подземной реки может подняться, превратив нас в пленников ПСМ, потому что огромные галереи пропасти перемежаются узкими участками, которые река быстро заполняет водой.

Отсюда начинается неизвестность. Минуем оставленный лагерь предыдущей экспедиции. Раздавленные ржавые консервные банки и мокрые прогнившие палатки производят угнетающее впечатление. Через совсем низкий проход и небольшую галерейку проползаем в зал, носящий имя профессора Макса Козинса - зал Козинс. Он заполнен огромными глыбами, меж которых с глухим гулом течет подземная река.

Продолжаем движение по залу вниз по течению подземной реки и попадаем в большую галерею. Тут происходит небольшой инцидент, который едва не кончается трагично. На расстоянии 50 метров от зала Козинс нужно спуститься в колодец глубиной 4 метра. Из-за небольшой глубины колодца решаем не навешивать новую веревку и использовать старую, оставленную предыдущей экспедицией, прошедшей по этому пути. Первым спускается Николай генов. За ним начинает спуск Ани Иванова, и в следующий момент раздается шум падающего тела. Веревка оборвалась, и с высоты 2 метра Ани падает на дно колодца. Падение было недолгим - дно колодца покрыто мягкой глиной, и Ани не поранилась. С опозданием понимаем, что за любую ошибку можно заплатить дорогой ценой.

Меняем оборванную веревку ноой и продолжаем спуск. Вскоре попадаем в следующую пустоту, значительно большую, чем зал Козинс, названную зал Сюз. Ее пол представляет хаотичный навал огромных каменных бло-

ков, где-то глубоко под которыми бурлит подземная река. Останавливаемся на короткий отдых. Времени ни на обед, ни на ужин нет, так что решаем только немножко перекусить. Николай достает фотоаппарат и вспышку и делает несколько снимков.

Отдохнув и подкрепившись, укладываем ранцы, готовимся в путь. Надежда, что сегодняшний путь будет легче, не сбывается. Мешки все также тяжелы, как и прежде. Некоторое время плутаем среди каменных громадин, непрерывно спускаясь, и наконец, снова попадаем на подземную реку в нижнем краю зала Сюз. Река, приняв еще один боковой приток, становится весьма внушительной. Нам предстоит передвигаться по ней на протяжении 2700 метров. Этот длиннейший участок, нареченный Каньон Парижского спелеоклуба, имеет только одно место, где можно укрыться от возможного паводка - зал Моника, почти в его середине. При проливных дождях на поверхности уровень воды здесь поднимается до 8 метров, заполняя эту галерею.

Ровное, покрытое песком, дно подземной реки твердо и удобно для ходьбы, что дает возможность быстро передвигаться. Местами широкая - 4-5 метров, галерея сужается вдвое, и ее глубина, обычно около 0,5 метра, удваивается. В таких местах, чтобы не намочить ранцы, складываем их в одну из лодок, которую накачали и теперь толкаем перед собой. Сами предпочитаем идти по воде, так как такое передвижение быстрее.

Температура воды 1 градус по Цельсию. Вначале передвижение по такой воде было приятно, но постепенно начинаем мерзнуть. Насколько приятнее кажутся теперь сухие галереи и залы, в которых мы еще недавно изнывали от жары. Легководолазные гидрокостюмы под комбинезонами защищают от воды, но не спасают от холода.

Через каждые 200-300 метров останавливаемся на несколько минут. Васил достает из ранца планшет и зарисовывает профиль галереи. Профили этой галереи не были отрисованы при картировании этого участка, и теперь мы надеемся дополнить карту ПСМ.

В большей части Каньона Парижского спелеоклуба река течет по пластам скальных пород, следуя их наклону. В некоторых местах пласты эти вздыблены, и река прорезает их. По пути нашего продвижения отмечаем и эти особенности галереи, что поможет лучше проследить геоморфологическое строение ПСМ.

Неожиданно свод галереи перед нами резко снижается и опускается до уровня воды. Останавливаемся, пораженные непреодолимым препятствием. Мы перед сифоном. Это "враг номер 1" всех исследователей пещер. Осматриваемся вокруг, но не видим никаких ответвлений. Неужели река поднялась и закрыла путь вперед? Нет, это невозможно. Мы бы гораздо раньше заметили, что уровень реки поднимается. Скорее всего, мы пропустили какое-то ответвление, куда надо было свернуть?

Начинаем возвращаться, внимательно осматриваясь. Кирил и Николай проверяют одну широкую расщелину, которую мы миновали, не заметив, а остальные продолжают путь назад. Проверяем одно сухое разветвление, закончившееся сухим зальчиком. Здесь пути нет. Возвращаемся обратно к реке, и в это время слышим крики Кирила и Николая, обнаруживших проход.

Здесь нужно подняться на верхний этаж - старое русло реки, путь к которому лежит после подъема по той расщелине, которую мы пропустили. Подимаемся "на распорах", упираясь спиной в одну стену, а руками и ногами - в противоположную. На высоте около 8 метров над рекой попадаем в верхнюю галерею. Продвигаясь по ней, попадаем в начало огромного завала. Куда тут идти?

Мы дотащили сюда лодку в накачанном состоянии, но дальше ее так нести практически невозможно. Стравливаем из лодки воздух и упаковываем ее в мешок. После чего забираемся в тесный проход меж скальными блоками и начинаем бесконечное и мучительное передвижение и плутание

среди этого невообразимого хаоса. Комбинезоны, цепляясь за острые ребра камня, затрудняют движение, которое и так сильно затруднено тяжелыми ранцами, которые мы тащим за собой через теснины.

Наконец - через час после начала движения по завалу - выбираемся к подземной реке - с другой стороны сифона, преградившего путь о реке. Накачиваем одну из лодок, складываем в нее груз и продолжаем движение вниз по ее течению. Вскоре вода становится глубже и уже достигает груди. Это вынуждает накачать вторую лодку, забраться в нее и так плыть до тех пор, пока свод над нами не исчезает в темноте. Справа, по стене галереи, висит веревочная пещерная лестница, чей верхний конец теряется во мраке. Здесь путь по реке завершается, и предстоит подняться на 40-метровую высоту в Диаклазу Идальго - огромную шелевидную расщелину, которая приводит в следующий верхний этаж - прежнее русло подземной реки.

Первой по лестнице начинает подниматься Ани. Выдержит лестница ли порвется? Вопреки горькому опыту, который мы уже приобрели, у нас не остается другого выбора. Чтобы продолжать путь, необходимо подняться по этой лестнице. Затаив дыхание, следим за каждым ее движение, пока Ани не скрывается в темноте. Она поднимается медленно, отдыхая через каждые 3-4 метра. Обычно один 40-метровый отвес не представляет каких-либо трудностей, но наш продолжительный переход, холодная вода и тяжелые мешки сделали этот подъем достаточно трудным. Только позвякивание лестницы говорит о том, что Ани все еще продолжает подъем. Мы не ощущаем сковавшего нас холода. Минуты тянутся вечностью, пока, наконец, Ани не возвещает, что выбралась в верхнюю галерею. Один за одним следуем за ней, успокаивая себя мыслью, что если лестница оборвется, мы упадем в воду, а это все же лучше, чем грохнуться на скалы. Понимаем также, что быдучи застрахованы зажимами за висящую вдоль лестницы веревку, мы рискуем много меньше, чем в том злополучном 4-метровом колодце, куда упала Ани.

Размеры галереи, куда мы попадаем, значительны. Огромные каменные глыбы преграждают наш путь и вынуждают непрерывно подниматься спускаться по ним. Намокшие ранцы стали еще тяжелее, а силы на исходе. Но об остановке не может быть и речи. Наиопаснейший участок ПСМ - Тюнель дю Ван (Тоннель Ветра) , все еще впереди. Промерзшие после многочасового передвижения по ледяной воде, стараемся двигаться быстро, чтобы согреться.

Вскоре галерея начинает стремительно спускаться вниз, и до нас доносится шум, усиливающийся с каждым шагом. Кажется, что приближаемся к какому-то большому водопаду - такой сильный шум воды. Но на нашей карте нигде не обозначено ничего подобного. И действительно, мы снова подходим к подземной реке, широко разлившейся и образовавшей здесь большое озеро, но водопада нигде не видно. Однако шум, напоминающий гул падающей воды, неимоверно нарастает. Наконец, понимаем, что он возникает из-за мощного тока воздуха, порождаемого температурным перепадом между Каньоном Парижского спелеолуба и нижних галерей ПСМ. Перемещающиеся с большой скоростью воздушные массы возбуждают волны на поверхности озера, плескающие в берега перед нами, так что возникает чувство, что стоишь на морском берегу.

Это был Тюнел дю Ван. Решаем накачать одну из лодок и с ее помощью переправиться на другую сторону озера. Кирил принимает на себя роль мифического Харона, перевозя на лодке груз, а после и нас - одного за другим. Один участок Тюнель дю Ван, протяженностью 10 метров, столь низок, что борта лодки касаются сводов, а мы, лежа в лодке на спине, вынуждены отталкиваться руками от потолка, чтобы постепенно продвигаться вперед.

В итоге мы оказываемся в большом зале в нижнем онце Тюнель дю Ван.

Теперь мы можем позволить себе небольшой отдых. Возможный подъем уровня подземной реки - кошмар спелеологии - одна из наиковарнейших опасностей, какую только можно встретить при исследованиях таинственного мира пещер. Но теперь, после преодоления Тюнель дю Ван - опасности паводка для нас больше не имеет значения.

Для преодоления последнего участка спускаем воздух из лодки и с большим трудом запихиваем ее в один из мешков. Наш путь по реке завершен, и отсюда гидрокостюмы и лодки будут бесполезным грузом, также как до этой поры было бесполезным остальное снаряжение, что мы несем с собой. И тем не менее мы несли его с собой, чтобы в случае необходимости, если дальнейший спуск окажется невозможным, иметь шанс вернуться обратно.

Достаточно скоро подходим к огромному залу - Наварра, чьи размеры путают все представления о размерах подземных пустот. До этого времени мы нигде не видели ничего подобного. Продвигаемся среди упавших когда-то блоков, размерами с трехэтажный дом. Зачастую, выбравшись на верх такого блока, видим в 10-20 метрах под собой пол зала, где нам надо было бы идти. Возвращаемся обратно и блуждаем в поисках пути, который мог бы привести нас к основанию этой гигантской глыбы. И снова движемся вперед. Бесконечные спуски и подъемы. Бесконечные поиски пути среди этого мегалитического хаоса скальных громад, окружающих нас.

Все ощутимее чувствуем усталость. Руки и ноги отказываются подчиняться. Глаза смыкаются сном. Мы начали спуск в 13.30, а уже миновала полночь. За спиной около 4 километров из 7, что отделяли нас от зала Верна. Мы знаем, что первопроходцы осуществили переход от входа Тет Соваж до зала Верна за 50 с лишним часов. Другая группа под руководством Рубена Гомеца преодолела этот путь за рекордное время - 12 часов, в то время как нормальное время, необходимое для этого - около 20-25 часов. А сколько еще предстоит нам пробираться в этом невообразимом подземном мире, пока мы доберемся до зала Верна? Никто не знает.

После долгого и трудного подъема достигаем верха мрачно осыпи. Спуск вниз достаточно опасен и требует большого внимания. Наши шаги приводят в движение множество камней, чье равновесие мы нарушаем. У основания осыпи обнаруживаем остатки аккумуляторов, различного использованного снаряжения и других предметов. В стороне и вверху скромная надпись говорит о том, что здесь Марсел Лубенс заплатил жизнью за страсть к познанию чарующего мира пещер.

Мы находимся под 320-метровым колодцем Лепиньо - еще одного входа ПСМ. В этом месте подземная галерея проходит под Испанской территорией, а далее снова возвращается во Францию.

Продвигаясь вниз, идем по наивеличайшему из известных подземному залу мира. СНова следуют бесконечные подъемы и спуски по огромным осыпям, преграждающим наш путь. А вокруг не видно ни стен, ни потолка. Время от времени после какого-нибудь из спусков попадаем к руслу подземной реки. В других местах она течет глубоко под каменными громадами, по которым мы передвигаемся, в других - река исчезает в нижних этажах, чтобы снова напомнить о себе, появившись ниже.

Время течет медленно. Всякий шаг дается с усилием. Движения становятся неуверенными, а пальцы, кажется, сами оскальзывают с зацепов. Мы достигли кульминации нашего перехода. Мы так устали, что престали обращать внимание на опасность. Начинаем видеть фигуры людей - каждый момент ожидаем встречи с операторами, чудятся голоса. Зал сменяется залом, а зала Верна все нет.

Спускаемся почти до уровня подземной реки, которая пробила себе проход среди блоков и осыпей. Галерея сузилась до того, что уже видны обе ее стены. Только своды еще скрыты во раке. В одной из ниш впереди видим знакомые ранцы - ура! Это был груз операторов, но... где же они

сами? Быстро подкрепившись консервами и сладостями, найденными в их ранцах и значительно ободренные - возможно не столько провизией, сколько мыслью, что не мы одни сейчас в этой подавляющей бездне, продолжаем спуск. Немного позже соображаем, что операторы оставили в нише только груз, и взяв аппаратуру, возможно, отправились дальше вверх. Мы разминулись где-то в этой огромной галерее, где были незаметны блики света от наших налобных фонарей. Но так ли это - мы не знаем, и с надеждой продолжаем оглядываться.

Пересекаем зал Шевалье - последний зал перед залом Верна. Наш трудный переход близится к концу. И это подтверждает шум падающей вод впереди. Перебираемся через сползшие сверху глыбы очередного завала, и шум воды усиливается. Новый спуск между каменными блоками приводит нас к обратной стороне завала. Слева в 2 метрах под ногами бушует поток. Еще через 20 метров железные перил преграждают галерею. Воздух насыщен водяной пылью, а под нами слышен грохот падающей с большой высоты воды. Вскоре лучи света от налобных фонарей освещают белую ленту падающей воды. Мы достигли зала Верна. Мы стоим в середине одной из стен зала, и нигде вокруг не видны ни другие стены, ни свод. Мы поражены необычностью этой огромной подземной полости, не имеющей себе равных по размерам.

Справа по краю стены сделаны ступени, огражденные с одной стороны железными перилами. Начинаем медленно спускаться по ним, и из темноты появляется отверстие, оконтуренное бетоном. Его правильную форму не спутать ни с чем - это тоннель ЕДФ. Смотрим на часы. Миновало 14.00. Истекает двадцать пятый час с начала спуска в Тет Соваж. До выхода из тоннеля ЕДФ остается еще 800 метров и через каких-нибудь полчаса нас согреют теплые солнечные лучи...

* * *

Согласно рзработанной тактике штурма ПСМ, в то время как одна группа, в чей состав входила штурмовая пятерка, навешивала колодцы в Тет Соваж, другая группа в составе Антоний Семов, Атанас, Атанасов, Георги Валетов, Иван Петров и Антоний Ханджийски должна была начать навешивание Меандра Мартин и колодцы, следующие за ним и ведущие ко дну пропасти. Эта часть ПСМ, состоящая из 1300 метров тесных диаклазных расщелин и 240 метров колодцев, заливаемых ледяной водой, по словам англичан - потруднее, чем вся Гуфр берже.

Ценой больших усилий доставляем снаряжение на вторую часть ПСМ ко входу в тоннель ЕДФ. Устраиваем наш временный лагерь в большом деревянном бараке, собственности АРСИП, у входа в тоннель. Все следующие дни мы живем в нем совместно с французскими и английскими спелеологами, работающими в пропасти Арфидия - интересной сети подземных пустот, открытой при строительстве тоннеля ЕДФ. Устраиваем временный медпункт, в котором врач экспедиции доктор Спасов непрерывно дежурит во время наших работ в пропасти. Это вызывает интерес других спелеологов, так как наша экспедиция первая, имеющая в своем составе врача, контролирующего состояние участников. Вскоре отправляются к Тет Соваж кинооператоры, нагруженные кинотехникой и остальным своим снаряжением.

На следующий день начинаем штурм донной части ПСМ. Открываем стальные ворота тоннеля ЕДФ, и... мощный ток воздуха вырывается оттуда. Будто гигантский вентилятор выталкивает оттуда воздушные массы. Ветер гасит пламя карбидных ламп. Передвигаемся по тоннелю при свете электрических фонарей. Идем по неровному полу, перебираясь через оставленные здесь вагонетки. Воздушная струя упирается в грудь, и мы начинаем мерзнуть. Разговаривая, приходится кричать изо всех сил. Влево отходит ответвление, ведущее в Арфидию.

Как уже было сказано, Арфидия - это система подземных пустот, отк-

рытая в результате ошибки, допущенной при прокладке тоннеля ЕДФ. Впоследствие она стала объектом интересных исследований. Подземная река, названная ЕДФ, была обследована вверх по течению на протяжении 1 километра и протекает по галерее, поразительно похожей на ПСМ. Одно из сухих разветвлений заканчивается непроходимой пока узостью всего в 20 метрах от зала Верна. К этому времени вниз по течению реки был пройден ряд колодцев и достигнута глубина -575 метров. Это составляет -1307 метров от входа Тет Соваж, и если будет доказана естественная связь между Арфидией и ПСМ, глубина системы возрастет с -1171 до -1307 метров. Кроме того, галереи Арфидии расположены между галереями ПСМ и пропастью Лоне Пейре. Есть основания думать, что Лоне Пейре тоже является составляющей частью гидрологической сети этого района.

Вход в пропасть Лоне Пейре находится неподалеку от колодце Лепиньо, но на французской территории. Ряд колодцев приводит на глубину -350 метров, где вливается в огромную подземную реку. Вверх по течению изучены более 3 километров галерей и конца пока не достигнуто. Не исследованы пока и ряд боковых притоков главной реки. Вниз по течению через 3500 метров на глубине -717 метров от входа подземная река пропадает среди глыб каменного завала на дне зала Стикс - самая нижняя достигнутая точка Лоне Пейре. Зал Стикс расположен всего в 30 метров от одного из колодцев Арфидии и в 50 метрах от тоннеля ЕДФ. Все это создает еще одну перспективу для исследований и оставляет надежду на обнаружение естественной связи между ПСМ, Арфидией и Лоне Пейре, которые объединены в единую систему подземных пустот, так как окрашиванием вод флуоресцеином установлено, что воды поздземных рек Арфидии и Лоне Пейре появляются на поверхности в источнике бентия - в том же, что и подземная река ПСМ.

Итак, мы идем по тоннелю ЕДФ. Тоннель тупиком утыкается в скалу, но правее есть ответвление, приводящее в зал Верна. По пути наскоро осматривем еще одно тупиковое ответвление. Перебираемся через несколько завалов, угрожающим перекрыть проход и... вдруг становится тихо. Воздушная струю исчезает, а электрический свет растворяется во мраке. Мы находимся в зале Верна - самом большом подземном зле мира. Откуда-то далеко впереди доносится глухой шум - это 60-метровый водопад, после которого подземная река исчезает среди глыб на дне зала Верна. Справа на небольшой ровной площадке видна трубчатая конструкция лифта, связывающего тунель ЕДФ и галерею Аранзади. С его помощью можно достичь дна ПСМ, не спускаясь на дно зала Верна, где обитает большая часть колонии афенопси - древних хищников, населяющих ПСМ. Предназначение этого лифта - сохранение биологической среды пещеры. Однако какое-то повреждение вывело лифт из строя, и нам предстоит классический путь - через дно зала Верна и 80-метровый подъем по отвесной стене до галереи Аранзади.

Начинаем медленный спуск по огромной осыпи. Минуем основание 60-метрового водопада, пересекаем дно зала и поднимаемся по подобной же осыпи. Внимательно выбираем путь по шатким глыбам и вскоре оказываемся у основания 80-метровой стены под Аранзади. По этой стене пятерым из нас предстоит подняться самим и поднять наверх 16 мешков со снаряжением.

Один за одним поднимаемся вверх. Пальцы мерзнут на маленьких зацепах обливаемых водой скал. Далеко внизу лампы кинооператоров освещают часть зала, давая представление о его масштабах. Под его сводами одна на одной поместились бы две телевизионные башни, как в Софии, а по доине уложились два стадиона, вроде "Васил Левски". Мокрые и замерзшие, из последних сил выползаем в галерею Аранзади, вытаскиваем последние мешки со снаряжением.

На следующий день мы снова тут. Эта галерея протяженность 300 мет-

ров заполнена мощными глиняными отложениями толщиной до 5 метров. Два потока, ниспадающие со свода галереи из непроходимых колодцев промыли глинистые наслоения, пробили их пласт и устремляются в глубину. Один из этих потоков, текущий по каскаду колодцев Мария Долорес, исследован Норбером Кастере до глубины -1076 метров от входа тет Соваж, где завершается сифоном. Другой ручей уходит в Меандр Мартин и приводит к глубине -1171 метр - самой нижней из достигнутых пока точек ПСМ. Окрашивание флуоресцеином показало, что оба ручья соединяются с источником Бентия.

Вскоре останавливаемся перед сужением, будто топором прорубленной гигантской вертикальной рсщелиной - начало Меандра Мартин, замыкающее галерею Аранзади. По одному втискиваемся в меандр и начинаем медленное мучительное и бесконечное лазание по диаклазе высотой от 5 до 30 метров. Ширина ее меняется от 30 сантиметров до 1 метра, и часто передвижение находится на грани возможного. Путь лежит по наиболее широким местам щели, а проходимые места находятся то на ее дне, то на высоте 20-30 метров. Непрерывные спуски и подъемы. Местами зацепы и упоры на влажных стенах исчезают, и приходится передигаться на трении. Невероятный Меандр Мартин становится настоящим адом. Комбинезоны протираются, мешки со снаряжением застревают и еще более затрудняют и без того нелегкий путь. Глубоко од нами шумит подземная река, и любое падение едва ли имело бы счастливый исход. Снова промокаем. Сильный поток воздуха не позволяет и минутной остановки. А мы едва только в начале меандра. Часто теряем уровень, по которому следует передвигаться, утыкаемся в непроходимый участок, возвращаемся, и снова бесконечные подъемы и слезания. Выбираемся в зал Мюз, один из двух залов на всем протяжении Меандра Мартин. Сколь смешно звучит название "зал" в отношении к этой полости диаметром каких-то 3 метра после удивительных масштабов зала Верна, и вопреки тому, сколько радости приносит это расширение, где мы имеем возможность немного отдохнуть.

После зала Мюз путь лежит через тесный вертикальный камин. Структура скалы меняется. Появляются дендриты - маленькие кальцитовые пупырышки, и комбинезоны и мешки непрерывно застревают на них. Лезем на выдохе - этот исключительно узкий участок имеет протяженность всего 15 метров, но его преодоление отнимает целый час под непрерывными каплями "дождя", падающими откуда-то сверху. Достигаем второго расширения - зала Бар. Недалеко за ним складываем снаряжение и отправляемся в робратный путь. Прошло более 24 часов с начала нашей работы...

На следующий день необходим отдых. В этот день ожидаем перед тоннелем выхода штурмовой группы вместе с кинооператорами, вышедшими ей навстречу. Но к обеду неожиданно ворота открываются, и из них появляются наши товарищи из штурмовой группы. Узнаем от них, что они спустились от входа Тет Соваж за 25 часов непрерывной работы, что видели груз операторов, но никого не встретили. Спускались и поднимались по огромной осыпи, пробирались через теснины...

* * *

После двухдневного отдыха мы снова отправились в ПСМ. К этому времени в составах групп произошли изменения, продиктованные медицинским обследованием участников, а также необходимостью выполнение программы экспедиции. Одна группа вместе с операторами отравилась вверх по течению реки, где требовалось заснять некоторые кадры для фильма, другая - к Тет Соваж для выемки оставленного там снаряжения, а третья группа, в чей состав вошла и штурмовая, направлялась ко дну ПСМ. Штурмовой состав был сокращен до трех человек - Кирил Йончев, Ани Тапаркова и Васил Николов, и к ней была придана вспомогательная тройка в составе Атанас Близнаков, Иван паров и Атанас Атанасов. В зале Монпелие в конце Меан-

дра Мартин эти две группы должны были разделиться: вспомогательная группа должна была остаться в зале и дожидаться возвращения штурмовой группы, которая отправлялась дольше ко дну, и в случае необходимости прийти на помощь штурмовикам. Итак вспомогательная и штурмовая группы отправились ко дну ПСМ. Благополучно преодолели путь до зала Монпелие и там разделились. Штурмовики, одели гидрокостюмы, принесенные сюда в предыдущий выход вместе с остальным снаряжением, и один за одним исцезли в маленьком темном отверстии колодца Азиза. Внизу было "Дно Мира"...

Вспомогательная тройка осталась в Монпелие. Время тянулось бесконечно медленно. Постепенно начали замерзать, и всякий боролся с холодом, как мог. Насобирали обрывков резиновых мешков, в которых французы переносят карбид, и подожгли. Грелись над пламенем карбидных ламп, но вопреки всему холод и усталость не отступали. Время от времени кто-нибудь подходил к устью отвеса, но свет выхватывал только струю водопада и ничего другого. Как там штурмовики? На пути вниз им предстояло преодолеть два 5-метровых водопада. Затем новый приток, появляющийся со стороны, еще более усиливает подземную реку. Следующие колодцы - Жозиан и Дебрейл. Спуск по ним проходит под массой падающей воды, и связь со спускающимся отсутствует. В случае несчастья с человеком под этой водой остальные заметят это слишком поздно. Наитруднейший отвес - безусловно последний колодец - Парман. Лестница свободно висит в отвесе все 40 метров, и вода падает точно на спускающегося.

Все потеряли представление о времени. Одежда промокла, холод стал невыносим. Влага медленно подтачивает силы. Казалось, что они работают уже сутки, хотя в сущности, ожидание длилось едва ли одиннадцать часов...

Вдруг исчезающая в колодце лестница начинает раскачиваться. И вскоре появляется Ани, следом Кирил и Васил. Успех! Их тройка достигла дна! Ани обила свой собственный мировой рекорд, установленный в 1969 году в Гуфр Берже. Ни одна женщина в мире не спускалась на такую глубину под землей. В истории исследования ПСМ болгарская команда третья, кому удалось достичь дна пропасти, войдя через вход Тет Соваж. Радость безгранична, и обратный путь не пугает...

* * *

Весть о победе быстро разносится по лагерю, и многие спелеологи поздравляют нас с успехом. Такие прохождения случаются не часто, и каждый понимает ему цену.

Десятидневные работы в ПСМ завершены. Извлечена на поверхность и упакована для обратной дороги материальная база экспедиции. Отобраны многочисленные пробы, исследование и обработка которых будут завершены уже в Болгарии. Отснят фильм об этой удивительной пропасти и победе над нею.

Мы прощаемся с ПСМ. На душе грустно и радостно - грустно расставаться с этой гигантской пропастью, где мы пережили волнующие мгновения, радостно - от победы над ней, от большого успеха Болгарской спелеологии за рубежом своей страны.

ПОСЛСЛОВИЕ.

Целью этой книги было описать победы над наиглубочайшими пропастями мира, завершившие приключения экспедиций Гуфр Берже-69 и Пьер Сен Мартен - 73, являющиеся исключительным успехом болгарской спелеологии.

Послесловие - это небольшое приложение, где читатель получит дополнительные пояснения и ознакомится с результатами анализов проб, взятых во время экспедиции ПСМ-73, а также с короткими сведениями о еще одно экспедиции в ПСМ, проведенной осенью 1974 года.

* * *

В научную программы экспедиции ПСМ-73 входил и вопрос установления возраста зала Верна. Несоответствие размеров этой огромной полости и дебитом подземной реки, протекающей по залу и исчезающей в глыбовом навале на его полу, дали основания для предположения, что в далекие геологические времена район зала Верна представлял собой две пустоты, разделенные тонким пластом скальных пород. Обрушение этой перемычки и послужило причиной образования этой полости, 7не имеющей равной себе по размерам. Следуя этой гипотезе было высказано предположение, что на противоположной падающему с 60-метровой высоты водопада стене зала должно быть продолжение древнего русла подземной реки. И действительно на предполагаемом месте была открыта галерея Аранзади.

Установление возраста образования зала Верна стало возможно по возвращении в Болгарию, когда был сделан полный анализ проб, взятых из глиняных наносов галереи Аранзади, толщина которых достигает 5 метров, бесспорно признак того, что галерея некогда была руслом подземной реки. Сопоставление результатов этих анализов (таблица результатов нами опускается, пр.пер.) с известными сведениями о геологическом прошлом района дают основание предполагать, что образование зала Верна произошло около 5000 лет назад - исключительно важный результат для понимания процессов формирования подземных полостей ПСМ - а также дают пищу для дальнейших исследований.

Был сделан химический анализ проб пещерного молока, взятых в одной из трещин в стене зала Верна, - тестообразная масса с очень мелкими кальцитовыми кристаллами, образовавшимися в специфичных условиях. Пещерное молоко - довольно редкое явление и представляет большой интерес для изучения. Оно дает сведения о наличии различных химических элементов в окружающем пещеру массиве, в коем она заложена, которые при анализе самих скальных пород не могут быть открыты.

(Мы опускаем перечень химических элементов и их процентного содержания. Интересующиеся этими подробностями могут обратиться к первоисточнику).

* * *

После обработки всех результатов исследований, проведенных в 1973 году, мы получили возможность организовать новую экспедицию в ПСМ, и в сентябре 1974 года болгарское знамя снова развивалось над лагерем в Пиренеях.

В этот нам мы были вынуждены работать в крайне тяжелых атмосферных условиях - почти нескончаемый дождь в долине Сент-Анграс и снегопад в высокогорной части Пиренеев. Но вопреки этому, программа экспедиции была выполнена полностью. Были отобраны многочисленные пробы воды и камня в различных местах ПСМ, что давало возможность определить скорость эрозии и коррозии скального массива, а также определить возраст горной формации всего массива. Была взята непрерывная колонковая проба путем бурения глиняных пластов галереи Аранзади для подтверждения полученной ранее датировки образования зала Верна. Были отобраны пробы в меандрах на поверхности плато, в образовании которых, как предполагалось, принимал участие особый вид бактерий, неизвестный пока науке. Характерно, что такие меандры возникают на известняковых плато под вершиной д'Арни на высоте над уровнем моря от 1600 до 2000 метров. Как ниже, так и выше этой полосы ни здесь, ни в других районах Пиренеев

подобные меандры не открыты. Были проведены исследования в каньонах Какуета и Еюаре, представляющие гигантские естественные разрезы массива, в котором развита пропасть ПСМ. Планировалось продолжение изучения пропастей М-3 - М-13, в которых летом 1973 года французскими спелеологами на глубине -395 метров была открыта подземная река с направлением в сторону ПСМ, но снежная пробка на глубине около 30 метров не позволила осуществить эти планы.

В конце экспедиции мы имели возможность наблюдать одно часто встречающееся в пещерах явление, но обычно остающееся без свидетелей, благодаря своим специфичным условиям. В результат непрерывных дождей расход подземной реки увеличился более, чем в 25 раз, и водопад в зале Верна превратился в белую стену падающей водной массы шириной более 10 метров. Обычно сухое, дно зала Верна было затоплено огромной подземной рекой, чьи воды пропадали среди глыб завала в противоположном конце зала. Поглощение такого огромного количества воды и сильное воздушное течение показывали, что существуют крупные подземные полости за этим глыбовым завалом, но доступ к ним все еще не доступен. Как уже было сказано воды этой реки принимает воду рек пропастей Лоне Пейре и Арфидия, также как в нижней части река ПСМ разветвляется на ручьи Мария Долорес, Меандра Мартин - колодец Парман, а из Меандра Елза - разветвления Меандра Мартин подходит самостоятельная подземная река, появляющейся на поверхности в 8 километрах в стороне и на 844 метра ниже карстового источника Бентия. Еще одна удивительная и уникальная гидрологическая система.

В середине октября исследования были завершены, и экспедиция возвратилась в Болгарию - с надеждой, что мы еще будем иметь возможность организовать новую экспедицию в ПСМ и сделаем свой вклад в изучение этого природного феномена, который ежегодно притягивает к себе более 300 спелеологов из разных стран.

* * *

(Со списками участников экспедиций 69 и 73 года можно ознакомиться в оригинале).

АННОТАЦИЯ.

Мне хотелось сказать в этой книге так много, что в чем-то мне изменило чувство меры. Здесь сошлось воедино столько отдельных тем, что их вполне можно было бы разбить на несколько отдельных книжек. Может быть, я так со временем и поступлю.

А пока - это как жизнь, прожитая в спелеологии. С ее путаницей поступков и страстей, с попытками анализа и осмысления ситуации, с субъективными авторскими мнениями и стремлением к объективности.

"Экспедиция во Мрак" - это мечта приоткрыть завесу плотного мрака, до сих пор закрывающего славные годы советского периода в спелеологии. С другой стороны - попытка заглянуть во мрак, клубящийся в наших душах, в самих себе. Все, что мы знаем о мире, это тончайшая оболочка неведомого по обе стороны нашего существования - в мире внешнем и внутреннем. Кроме этого, хотелось рассказать о мировых достижениях в познании подземного мира, которые скрыты от большинства бывших советских людей. А ведь мы населяем 1/6 часть нашей пла-

неты. Ну и, конечно, - пропеть славу технике одинарной веревки - СРТ, вдохнувшей новые силы и краски в мое отношение к Спелеологии.

Но главное - рассказать о своих друзьях, товарищах, противниках и соперниках по кейвингу. Людях, с которыми мне повезло жить в интереснейшее время зарождения и развития Спелеологии в СССР.

Вспомнить о них, поговорить, рассказать, улыбнуться и оставить память. Ведь мы были, радовались, любили, стремились к чему-то, казавшемуся нам прекрасным.

-

Катится, катится время былое куда-то.
Время уходит, и с ним все пройдет, говорят.
Только мы были. Ведь правда, мы были, ребята?
И почему-то так хочется верить, что были не зря.

-

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ.

Привет! Вы открыли эту книгу? Значит Вам не безразличен подземный мир нашей планеты. И уж точно в Вашей душе горит неугасимый интерес к дальним странствиям и приключениям!

И если я не могу узнать ничего о Вас, мой доброжелательный Читатель, то о себе я могу сказать несколько слов. Ровно столько, чтобы пояснить предысторию создания этой книги. Ведь все мы берем истоки в нашем прошлом.

Я родился, будто вчера. Случилось это знаменательное событие в 1953 году. Не стоило бы упоминать об этом, если бы не тот факт, что я появился на свет ровно за пять лет до официального возникновения спелеологии в СССР.

Теперь, когда СССР перестал существовать, и суверенные руспублики былого социализма стремительно дробятся и разграничиваются, в некогда советской спелеологии наступили трудные времена. Но каждый из нас, связанный общими приключениями в мире Мрака, хранит в душе верность идеалам Бродячего Братства Путешественников и Искателей Приключений.

Братство это неразделимо границами, национальной рознью, идеологическими бреднями.

Так вот. Мои Папа и Мама - потомки русских эмигрантов, по разным причинам вынужденных покинуть Родину. Прадед по отцу - инженер, строил Суэцкий канал и остался в Каире. Прародители по матери - кадровые офицеры русской армии, дворяне, были в 1918 году были вытеснены большевиками сначала в Турцию, а потом в Галиполь, Болгарию. Здесь, на благословенной болгарской земле, изобилующей прекрасными карстовыми пещерами, встретились мои родители, что и послужило основополагающим моментом в написании этой книги.

В 1955 году очередная волна репатриации выносит остатки ностальгически настроенной части русской эмиграции в Сальские степи России. И если это можно рассматривать как жизненную неудачу, то тот факт, что мы вернулись в Россию именно в 1955, а не двумя-тремя годами раньше - можно рассматривать как удивительный подарок Судьбы. Иосиф Сталин благополучно почил в год моего рождения, поэтому в итоге наша семья оказалась не в лагерях ГУЛАГа, а на Алтае - в небольшом горняцком городке Риддере, к тому времени уже переименованном в Лениногорск.

Более того - путешествуя по пространствам СССР в поисках

работы и более нормальных условий для жизни, мы оказались за пределами России - в Казахстане. Сегодня, когда Россия осталась за границей, а с ней множество друзей по подземным путешествиям, невольно думается - вот так вернулись на родину!

Правда, Родина - как место проживания, языковая среда, этническая общность - никогда не довлела в моем сознании над понятиями более, на мой взгляд, весомыми - такими как Человек, Доброта, Дружба, Приключения.

Может быть, десяток кровей, доставшийся мне в наследство от широко распустившего корни генеалогического древа нашей семьи, не позволяют мне сегодня ставить какую-либо нацию превыше остального мира.

Я - русский по паспорту. Но во мне русская, французская, итальянская, греческая, польская и другая кровь, почти неразличимая в глубине веков. И я был бы счастлив, если бы на первом месте в моем паспорте значилось - Гражданин Планеты Земля, а происхождение... не лучше ли оставить его на второй строке?

Итак - раннее детство в шахтерском городке Лениногорске. Думается, что это второй в ряду основополагающих моментов в создании настоящего сочинения.

Далее переезд в столицу Восточного Казахстана - город Усть-Каменогорск. Жизнь ускоряется и вот уже стремительно мчится мимо лица.

В 1970 году я уезжаю в Москву. Рабочий в подмосковном Загорске, затем студент прославленного "Ракетного колледжа на Яузе" - Московского Высшего Технического Училища имени Н.Э.Баумана. Восемь золотых лет.

Именно в Москве Судьба сказала свое решающее слово - она привела меня в Пещеру. В 1973 году я впервые попал в подмосковные катакомбы. Сьяны, Кисели, Силикаты, Никиты, Старица - мало кому известны эти многокилометровые подземные лабиринты в окрестностях Москвы. Многие из спелеологов Москвы именно в катакомбах начинали свой путь к настоящим пещерам.

Моя первая настоящая спелеоэкспедиция привела меня в Башкирию. Так я впервые увидел Кутук-Сумган - величайшую пещеру Урала, и эта встреча повернула течение всей последующей жизни. Солнечные ущелья, ласковые леса Башкирии, суровая и прекрасная сказка ее подземного мира навсегда вошли в меня. Также как и люди, идущие по тропе спелеологии.

С 1978 года я опять в Восточном Казахстане. Работа на золотодобыче, в металлургии, все постепенно вытеснялось спелеологией. Но так как эта профессия в странах бывшего СССР не признается общественно значимой и не оплачивается, то поневоле приходилось искать наиболее близкие к ней виды деятельности. Так началась моя работа инструктором юных спелеологов. Вместе с моими юными питомцами я вновь и вновь открывал для себя удивительный мир чистой дружбы и товарищества, упорного труда, неудач и открытий - имя которому Спелеология.

Так родился Усть-Каменогорский клуб спелеологов "Сумган", на счету которого немало успехов на ниве подземных путешествий.

Вот пришло и мое время подводить первые итоги. Более 30 крупных экспедиций, в том числе международных за 20 лет занятий кейвингом. Десятки пещер, среди которых имена крупней-

ших пропастей СНГ: КиЛСИ, Напра, Перовская (им.В.В.Илюхина), Снежная, им.В.С.Пантюхина и другие. Немного, но и немало.

Я не успел к самому началу. Первые легендарные исследования пещер Крыма, Кавказа, Урала, Саян в конце 50-х - 60-х годах прошли вне меня.

И все-таки мне повезло. Я успел вдохнуть полной грудью романтический аромат эпохи первопрохождений. Я работал инструктором на Всесоюзных школах кейвинга, участвовал в соревнованях и слетах, участвовал в экспедициях, был просто знаком с многими замечательными спелеологами советского периода - основоположниками и зачинателями советской спелеологии и спортивного спелеотуризма. Владимир Валентинович Илюхин, Виктор Николаевич Дублянский, Александр Игоревич Морозов, Даниил Алексеевич Усиков, Владимир Энгельсович Киселев, Александр Борисович Климчук, Владимир Дмитриевич Резван, Эрик Эрикович Лайцонас, многие, многие другие мои учителя, товарищи, коллеги, друзья и соперники. Общение с ними - несравнимое ни с чем наслаждение и богатство души.

Создание этой книги - дань моим товарищам. Живым и навсегда ушедшим в Запредельный Мир.

Мы жили в трудные и неповторимые годы становления и расцвета спелеологического движения и исследований на огромных пространствах бывшего СССР. Это неспокойное время бурлило политическими страстями не только на внешней и внутренне-политической государственных аренах. Политические столкновения, революции, перевороты, интриги и гонения непокорных, борьба школ, учений и группировок - вся эта околоспелеологическая возня не обошла стороной и нас. Спелеология жила общей жизнью страны, вместе с ней входила в перестройку и, как это ни печально, в последующие трудности и упадок, верю, что временные.

Времена и правители меняются, а пещеры остаются - не правда ли?

Так и мы, спелеологи всех стран, останемся неразделимы. Вопреки границам, деньгам, политике, национальным проблемам - всему тому, чем человечество так упорно осложняет свою собственную жизнь.

И еще мне посчастливилось стоять у истоков развития в СССР и завоевания признания советской технической спелеологией Техники Одинарной Веревки. Техническая вертикальная спелеология, конструирование и испытания на практике оригинальных образцов спелеологического снаряжения, изучение и совершенствование прогрессивных методов передвижения по подземным вертикалям и спасательных работ, техника и тактика штурма крупнейших пропастей - вот тот Свет, который освещает мою дорогу по пещерам и пропастям.

* * *

Дороги. Дороги пройденные и грядущие.

После каждой из них оставались дневниковые записи, наброски, рассказы, стихи, песни. Как неизгладимый след пережитого. Как огромное желание поделиться познанным, рассказать об идущих рядом. Так мало написано пока об исследователях подземных глубин! И как тайная надежда - вдруг эти строчки приоткроют для кого-то еще одну яркую грань бытия, потянут за собой, позовут, заставят еще раз почувствовать как прекрасна, многолика, удивительна наша жизнь.

Здравствуйте, мой доброжелательный Читатель!

Вот мы и немножко познакомились. Теперь в путь. Я постараюсь рассказать Вам о самых ярких страницах нашего долгого пути по Подземным тропам. Ведь Спелеология - это не наука, не спорт, не туризм.

Спелеология - это образ жизни.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

==========

Аннотация.

-

Первое знакомство

-

ПОГРУЖЕНИЕ В ПРЕДМЕТ.

Осознание себя.....стр. 1

-

I. ПОДЗЕМНЫЙ МИР ПЛАНЕТЫ.

КОНТИНЕНТ ВЕЧНОЙ НОЧИ.

Истоки.....стр. 13

Гонки по вертикали.....стр. 26

Рыцари Подземной Королевы.....стр. 45

Битва Черных Великанов.....стр. 55

-

ЭТОТ БЕЗЗАЩИТНЫЙ СУРОВЫЙ МИР

Компоненты успеха.....стр. 69

По следам воды.....стр. 76

В гостях у троллей.....стр. 88

Голубой сталагмит.....стр. 102

Мифы старого Сумгана.....стр. 108

Греза Сумгана.....стр.

Галерея Фортуны.....стр. 127

-

ОГЛЯНИСЬ НАБЕГУ И ПОЙМИ

Провалы в памяти.....стр. 144

Новая волна.....стр. 156

Кейвинг-полис на Востоке.....стр. 163

-

II. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД БЕЗДНОЙ

В ползунках по меандру.....стр. 181

Глиняный этюд.....стр.

Не ведая, что творим.....стр. 193

Узел.....стр.

Страховка, страховка... .....стр.

Стратегия успеха.....стр. 213

-

РИСК? НЕТ - ТЕХНИКА!

Терра Инкогнита.....стр. 235

Чудо юдо рыба-кит!.....стр. 260

Кырктаусский эксперимент.....стр. 273

Наперегонки с собой.....стр. 283

-

НЕЙЛОНОВАЯ ДОРОГА ВНИЗ

Первая международная.....стр. 297

На Красноярском оселке.....стр. 309

Раз ошибка, два ошибка, будет... .....стр. 322

-

ПРАВИЛА ИГРЫ
Не кричи, умирая!.....стр. 342
Опасные курьезы.....стр. 359
Сами себе спасатели.....стр. 372
-
В ЧЕЛЮСТЯХ СИНЕГО ДРАКОНА
Аквамариновая история.....стр. 383
Бездонные вертикали.....стр. 394
Сухие глаза.....стр. 408
Вес золота.....стр. 422
-
ДЕСЯТИЛЕТИЕ УДАЧИ
Бзыбское противостояние.....стр. 432
Не карстом единым.....стр. 445
Последние шрихи к портрету.....стр. 455
-
III. ГЛУБИНЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ.

Восхождение в Абац.....стр.
Первый аккорд.....стр.
Как сладок сон... .....стр.
Глубина.....стр.
-
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Очередь к трону.....стр.
Термины и понятия.....стр.
-
ИМЕНА ДРУЗЕЙ
-
АДРЕСНЫЙ ЛИСТ

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ "Э К С П Е Д И Ц И Я В О М Р А К"
==========

АВТОР: КОНСТАНТИН БОРИСОВИЧ СЕРАФИМОВ
KONSTANTIN B.SERAFIMOV
UL. NAB. IRTYSHA 16, KV. 36
UST-KAMENOGORSK 492024
REPUBLIC KAZAKHSTAN
(8-323-2) 65-48-93 Home/Work

-

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!
ПРЕДСТАВЛЯЮ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ПРОСПЕКТ МОЕЙ КНИГИ
"ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК"
ОБ ИСТОРИИ СПЕЛЕОЛОГИИ И СПЕЛЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СССР.

Аннотация.
==========

-

Первое знакомство.
==========

Предварительный раздел, в котором читатель знакомится с автором книги. Идти по пещере лучше, когда знаешь своего проводника!

-

ПОГРУЖЕНИЕ В ПРЕДМЕТ.
Осознание себя.....стр. 1
==========

Экспедиция на плато Баралдай в Казахстане 1979 года.
-
Что же такое то, чем мы занимаемся, раскапывая карстовый воронки (karst krater) и пытаясь обнаружить входы в новые пещеры?
Что такое Спелеология - Наука? Туризм? Спорт?
Нам кажется, что Это - Образ Жизни и Жизненной Философии.
-
I. ПОДЗЕМНЫЙ МИР ПЛАНЕТЫ.
==========
КОНТИНЕНТ ВЕЧНОЙ НОЧИ.

Истоки.....стр. 13
==========
Экспедиция на плато Улучур в Казахстане в 1982 году.
-
Первые спелеологические события в Мире и в СССР.
Мы наблюдаем как зарождается Советская Спелеология, в то время как Спелеологии в Европе уже от роду 70 лет.
Российские спелеологи вступают в соревнование за достижение Глубинного Полюса Планеты.
-
Гонки по вертикали.....стр. 26
==========
Штурм глубочайшей пропасти Казахстана Улучурская.
-
Хронология достижения глубин в пропастях СССР.
Размышления о спелеонавтике.
Начало исследований Мекки советской Спелеологии - на хребте Алек, Западный Кавказ.
Продвижение Глубинного Полюса по пропастям Перинеев - исследования в Пьер-Сен-Мартен.
Открытие на Кавказе пропасти Снежная.
Открытие в Средней Азии пропасти КиЛСИ (KiLSI).
Рекорд глубины СССР в Средней Азии - странички штурмов.
-
Рыцари Подземной Королевы.....стр. 45
==========
Становление организационной структуры советской спортивной спелеологии воглаве с Владимиром Валентиновичем Илюхиным и Виктором Николаевичем Дублянским.
Начало и причины раскола в советском спелеологическом движении - деление его на легальный и "дикий" спелеотуризм.
Возникновение спелеологической группы "Снежная", ее лидеры Даниэль Алексеевич Усиков и Александр Игоревич Морозов.
Продолжение исследований в пропасти Снежная.
Всесоюзный рекорд глубины перемещается в Снежную.
-
Битва Черных Великанов.....стр. 55
==========
"Сражение" за первенство в пропастях Мира в 60-70-х годах.
Хронология исследований европейских пропастей Берже, Пьер-Сен-Мартен, Жан-Бернар, странички штурмов.
Прапасть Снежная "бросается вдогонку" за мировыми лидерами.
Московский "переворот" в спелеологическом движении 1978-1980 годах. Приход к власти "дикарей".

Выход на "ринг" пропастей массива Арабика на Кавказе: Куйбышевской, Перовской.
Открытие в Испании пропасти БУ-56 в Испании. Испанский рекорд.
Жан-Бернар подступает к фантастическому 1,5 километровому рубежу.
Снежная выходит на третье место по глубине в Мире.
-
ЭТОТ БЕЗЗАЩИТНЫЙ СУРОВЫЙ МИР

Компоненты успеха.....стр. 69
==========
Краткий экскурс в условия образования кастовых пещер.
Длиннейшие лабиринтовые пещеры Мира и СССР.
Табель о рангах.
-
По следам воды.....стр. 76
==========
Рекордная экспедиция в Снежную 1981 года
-
Величайшие подземные полости - залы в пропастях Мира.
Странички из французской экспедиции в пропасть Миние на Папуа, Новая Гвинея.
-
В гостях у троллей.....стр. 88
==========
Кристаллы пещер.
Размышления о Родине.
Кристаллические пещеры Подолии (Украина) и хребта Кугитангтау (Туркмения).
В защиту пещер от разграбления.
Впечатления первой поездки советских спелеологов В.Н.Дублянского, А.Б.Климчука и В.Э.Киселева в С.Ш.А. осенью 1988 года.
-
Голубой сталагмит.....стр. 102
==========
Новелла о пещерном льде и о том, что нас влечет в Пещеру.
-
Мифы старого Сумгана.....стр. 108
==========
Усть-Каменогорский клуб спелеологов "СУМГАН" получил свое название по имени крупнейшей пропасти Урала Кутук-Сумган.
Странички истории исследований пропасти Кутук-Сумган.
Почему мы возвращаемся к Свету.
Непознанные феномены и загадки Подземного Мира России.
-
Греза Сумгана.....стр.
==========
Новелла-сказка, новелла-быль о Сумгане.
-
Галерея Фортуны.....стр. 127
==========
Открытия экспедиции "Сумган-Кутук-83" - чем влечет нас первопрохождение пещер?
Технология открытий в спелеологии.
-

ОГЛЯНИСЬ НАБЕГУ И ПОЙМИ

Провалы в памяти.....стр. 144
==========
История возникновения спелеологии в Казахстане.
Давно забытые и неизвестные имена.
Исчезновение спелеологов "Первой волны".
-
Новая волна.....стр. 156
==========
Возрождение казахстанской спелеологии в начале 80-х.
Первые Казахстанские Республиканские спелеоэкспедиции.
Крупнейшие пропасти Казахстана.
-
Кейвинг-полис на Востоке.....стр. 163
==========
История возникновения клуба спелеологов "СУМГАН" до 1985 года - до начала "Эпохи SRT в СССР", провозглашенной клубом.
Этапы пути - странички из экспедиций клуба в пещеры Урала, Алтая, Кугитангтау, Тянь-Шаня.
Иллюзии пропасти Ленинская на плато Каратау.
Размышления о психологической подготовке спелеолога.
-
II. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ
==========
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД БЕЗДНОЙ

В ползунках по меандру.....стр. 181
==========
Странички истории зарождения и развития технической вертикальной спелеологии в СССР.
Первые способы спуска и подъема по веревке - в историях и происшествиях на отвесах.
-
Глиняный этюд.....стр.
==========
Новелла о спасательных работах в Сумганской пропасти.
-
Кое-что о самохватах.....стр.
==========
Советская вертикальная техника с интересом рассматривает зажимы-самохваты и... улыбается!
Спелео-"остро" и "тупоконечники".
-
Не ведая, что творим.....стр. 193
==========
Вертикальная техника в странах Мира.
Использование лестниц и двух-веревочной техники передвижения по отвесам.
Взгляд на вертикальную технику глазами американцев.
Крупнейшие отвесы в пропастях Мира и СССР.
Возникновение в России техники передвижения с использованием веревки и стального троса.
-
Узел.....стр.
==========
Новелла об одном незавязанном вовремя узле.

-
Страховка, страховка... .....стр.
==========
Вопрос о страховке и самостраховке.
Трагедии на отвесах Кавказа из-за запутывания веревок, неверной страховки.

Стратегия успеха.....стр. 213
==========
Причины "Особого" пути советской вертикальной спелеологии.
Рассуждения о тактике штурма пропастей.
Эпоха тактики А.И.Морозова.
"Тотальные" штурмы пропасти Снежная тактикой "туристического похода". Впечатления участника.
Динамическая техника - техника шнура ("kordelett") - странички истории развития в России.
Французы или Сибиряки?
Экспедиция в пропасть Напра способом корделет в 1984 году.
Техника одинарной веревки (SRT) стучится в двери Мира.
-
РИСК? НЕТ - ТЕХНИКА!

Терра Инкогнита.....стр. 235
==========
Странички истории возникновения SRT в СССР.
Трагедия на хребте Алек.
Спелеофорум в Каунасе, Литва.
SRT Александра Морозова.
Катастрофы на сдвоенной веревке в пропастях СССР из-за неправильной самостраховки.
"Загадочные" скорости европейских спелеологов в штурмах глубочайших пропастей Мира.
Авария в пропасти Напра, литовский эксперимент в SRT.
Всесоюзная школа старших инструкторов спелеотуризма на Кавказе осенью 1985 года - первые встречи с болгарскими спелеологами.
-
Чудо-юдо рыба-кит!.....стр. 260
==========
Три Кита техники одинарной веревки (SRT).
Кое-что о веревках, как основы технической спелеологии.
-
Кырктаусский эксперимент.....стр. 273
==========
Как мы изучали и осваивали SRT в обстановке официального запрета в СССР на использование одинарной веревки.
Подготовка к экспедиции на плато Кырк-Тау под Самаркандом.
Мы начинаем Первую в истории Советской Спелеологии SRT-экспедицию - июль 1986 года.
-
Наперегонки с собой.....стр. 283
==========
Победа в пропасти Киевская (КиЛСИ).
Рекорд времени спуска на отметку -1000 метров.

-
НЕЙЛОНОВАЯ ДОРОГА ВНИЗ

Первая международная.....стр. 297
==========
Странички Первой международной SRT-экспедиции ("Сумган" Усть-Каменогорск - "Алеко" София) в пропасть Снежная в августе 1986 года.
Происшествия на отвесах.
Болгарский рекорд в Снежной.
-
На Красноярском оселке.....стр. 309
==========
SRT-десант в столицу Сибири - Красноярск.
Размышления об опыте: что важнее - опыт побед или поражений?
Приключения в пещере Торгашинская - глубочайшей пропасти Сибири.
-
Раз ошибка, два ошибка, будет... .....стр. 322
==========
Выход приверженцев SRT клуба "СУМГАН" из советской официальной спортивной спелеологической системы.
Странички познания техники одинарной веревки в происшествиях и приключениях на отвесах.
Некоторые принципы обучения SRT.
-
ПРАВИЛА ИГРЫ

Не кричи, умирая!.....стр. 342
==========
Международная школа по спасению в пещерах в Болгарии.
Трагедия первой международной ("Сумган" Усть-Каменогорск - "Академик" София) SRT-экспедиции в пропасть Киевская.
Опыт спасательных работ с глубины -650 метров.
-
Опасные курьезы.....стр. 359
==========
Классификация причин аварий в пропастях СССР при использовании SRT в картинках.
Бельгийская неудача в Снежной.
Пожар на веревке!
-
Сами себе спасатели.....стр. 372
==========
Гибель Александра Морозова и товарищей на плато Хуп-Хулцва.
Размышления о спасении в пещерах.
-
В ЧЕЛЮСТЯХ СИНЕГО ДРАКОНА

Аквамариновая история.....стр. 383
==========
Новелла о попытке прохождения сифона (sifon) пропасти Сумган-Кутук.
-
Бездонные вертикали.....стр. 394
==========
Аквакейвинг - подводная спелеология.
Странички исследования источчника Воклюз во Франции.
Американский успех в Рио Манте, Мексика.
Борьба за Черно-Голубой Полюс Планеты.

Глубочайшие подводные пещеры Мира.
-
Сухие глаза.....стр. 408
==========
Исследования сифонов Урала.
Трагедии в сифонах Сукуруй и Сумган.
Памяти моих друзей-спелеоподводников, погибших в сифонах.
-
Вес золота.....стр. 422
==========
Советские спелеоподводники.
Исследования в подводных пещерах Австралии.
Глазами Йохена Хазенмайера - подводная пещера Блаукопфа.
-
ДЕСЯТИЛЕТИЕ УДАЧИ

Бзыбское противостояние.....стр. 432
==========
Битва за Глубинный полюс в десятилетие 80-х.
Открытие пропасти имени С.Меженного на Бзыбском массиве Кавказа.
Соединение пропастей Меженного и Снежная.
Международная SRT-экспедиция в систему имени В.Илюхина на массиве Арабика.
Успехи в БУ-56 (Сима де лас Пуэртас де Иламина, Испания) и в Жан-Бернар во Франции - вплотную к 1500-метровому рубежу.
-
Не карстом единым.....стр. 445
==========
Советское спелеологическое движение в 1985 году - в начале Перестройки.
Странички содания Всесоюзной спелеологической организации.
-
Последние шрихи к портрету.....стр. 455
==========
Странички Арабикских штурмов.
Польские спелеологи на Арабике.
Прохождение Владимиром Киселевым и товарищами сифонов пропасти Илюхинской.
Сенсации болгар в БУ-56.
Открытие на Бзыби пропасти имени Вячеслава Пантюхина, странички исследований - 1571 метр на Кавказе!
Последний Всесоюзный слет спелеологов на Урале.
Спор на Мировую Корону продолжается.
-
III. ГЛУБИНЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ.

Восхождение в Абац.....стр.
==========
Начало нашего пути к Пантюхинской.
Красноярский семинар на Кубинской пещере - болгарские инструктора в Сибири.
Знакомство с Новокузнецким клубом спелеологов.
-
Первый аккорд.....стр.
==========
Первая успешная SRT-экспедиция в пропасть Пантюхинская в

1990 году спелеологов Усть-Каменогорска - Новокузнецка - Керчи - Феодосии.

Первые дни штурма. Все против нас и даже крючья.

-
Как сладок сон... .....стр.
==========
Штурм продолжается.
Мы на Дне Мира!
Возвращение к свету.
-
Глубина.....стр.
==========
Размышления о смысле.
Право на Глубину.
Продолжение пути.
-
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Очередь к трону.....стр.
==========
Перечни величайших пещер Мира по состоянию на начало последнего 10-летия XX века.
-
Термины и понятия.....стр.
==========
Некоторые пояснения к тексту.
ПОГРУЖЕНИЕ В ПРЕДМЕТ.
==========
ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ.

- Держи.
- Взял.
- Еще.
- Взял.
- Так. Попробуй подцепить сбоку.

Упираюсь каской в скалу, тянусь вниз в узкую щель, откуда Толмачев пропихивает очередной камень. Пальцы в глине, скользят.

- Толкни чуть! Ногу подсуну.

Камень на коленях. Теперь его надо куда-нибудь пристроить, чтобы не съехал Володе на голову, не заткнул с таким трудом открытый проход. Свет налобного фонаря слабо отблескивает на влажных стенах. Батарейка садится. Интересно, сколько мы уже работаем?

Пещера эта как-то сразу нас притянула. Едва поднялись на пологий увал, и открылась цепь оскаленных каррами (*1) воронок - кольнуло: тут что-то есть!

* * *

Что может быть необычнее карстового (*2) района?

Как-то получается, что при слове "горы" перед глазами тут же вырастают заснеженные пики, альпийские луга в радуге цветов, черные свечки пихт в зоне леса, сумрачные ущелья, оглашаемые грохотом пенистых потоков. Мир альпинистов и путешественников, пастухов и гляциологов.

Человек издавна стремится к вершинам, пролистывая нижележащие пейзажи. Стремится, но нет-нет да и остановится в удивлении - что за "лунный" ландшафт? Будто невиданной силы

бомбардировка исковеркала горное плато. Воронки - то крутые и скалистые, то пологие и поросшие травой, местами и среди лета забитые снегом - сливаются в хаос расколотой трещинами земли. Изъеденный, источенный, пробуравленный камень вокруг, белоснежные скалы с острыми гребнями, черные, дышащие холодом, провалы на дне воронок, в их бортах, просто на ровном месте. Сколько искателей подземных приключений, представив эту картину, ощутят сладостное посасываение под ложечкой, волшебный азарт удачи!

* * *

О, Боролдай был бругим! Тут не найдешь карровых полей, подобных Крыму или Кавказу. Но воронки! Отвесные скальные перья их бортов завораживают изощренностью форм.

Пещера началась парой небольших уступчиков в гротик, где пугающе скалился побелевший от времени череп какого-то животного. Архар? Вчера мы с Саней вспугнули одного такого красавца со дна мощной карстовой воронки южнее "футбольного поля" - так назвали обширную равнину в средней части плато. Невесомо взлетел зверюга на край скалы, глянул недовольно - гордый контур в небесной синеве - канул за увал.

Колодчик девяти метров глубиной привел в грот. На камне банка с запиской: "Шахта Ленинская, 19 м."

Ого! Шахта! Не громко ли? Мало ли по свету пещерок такой глубины!

А тут что такое? Под плиту, перекрывшую пол грота, идет лаз. Если попыхтеть и вытащить вон те два обломка скалы, можно пройти.

Глыба пошла удивительно легко... только не вбок, куда мы с Валентинов пытались ее сдвинуть, а вниз по наклонной плите. Грохот, полет, удар. Инстинктивно сжимаемся, спиной ощущая нависшую тяжесть скалы. Кажется, что все вокруг трясется.

- Слышал?

- Еще бы!

Колодец, в котором не был никто! Н И К Т О. Мы еще не видим его, мы только услышали его голос. Сорвавшись, глыба почти сразу грохнулась о дно, разлетевшись при этом на куски: маленький колодчик. Но в нем не был никто. Ни один из некогда живших и живущих сейчас. Тысячи, а может, миллионы лет в нем царила лишь тишина, изредка рассекаемая крылом летучей мыши или нарушаемая звоном капели. Перед нами Неизвестность - более реальная, чем когда-либо.

Даже в обыденной жизни неизвестность окружает нас повсюду. Круг известного, открытого разуму, слишком мал. За его призрачной чертой, совсем рядом - неизвестное. Чаще всего мы не ощущаем этого. Но прислушайся! Ну, вот, например, что это заныло под лопаткой - мышца перетруженная вчера под рюкзаком, простуда или что? (Пора бы пристроить куда-нибудь опостылевший на коленях камень!) Копни чуть глубже - неизвестность. Обычно она незаметна, неощутима, бесплотна. Разум обтекает ее, стремясь по проторенным тропинкам.

Но только не здесь! Вот он - неизвестный колодец - дышит мраком и холодом. Терра инкогнита. Мы стоим у тебя на краю.

* * *

Все возвращается на круги своя. Описав виток, спираль зависает над пройденным. Едва зародившись, человечество тут же заинтересовалось пещерами. Интерес был достаточно утили-

тарным, но хочется верить, что не только ярко выраженную пользу искали в пещерах первобытные спелеологи. Любопытство - нержавеющий двигатель познания, подталкивало вперед и наших предков. Что там - за поворотом?

Иногда за поворотом оказывался пещерный медведь. (Отчетливо представляю злорадную мину первобытного скептика: "Ага! Говорили тебе - не лезь!")

Пещеры замечательным образом сохраняют следы затерявшихся в глубинах времени веков. Лучшей иллюстрацией этому - замечательные открытия патриарха мировой спелеологии француза Норбера Кастере. Редко кому удавалось увидеть такое:

"В "Зале Медведя" есть небольшое чашеобразное углубление в породе, повидимому, хранилище; порывшись в нем, я нашел множество отесанных камней. Можно было проследить шаг за шагом весь процесс: мадленцы (*3) выгребали глину пригоршнями, чертили сложные сетки и завитушки пальцами и затем зарывали или прятали кремни. Все эти мелкие работы, смысл которых в значительной степени нам непонятен, местами были уничтожены медведями, исцарапавшими пол и стены. В пещере Монтеспан мы во множестве обнаружили отпечатки лап медведей и голых человеческих ног.

Иногда следы когтей покрывают отпечатки ног, иногда наоборот - человек и зверь боролись за обладание пещерой. Нельзя без содрогания думать о происходивших здесь ужасных битвах и не восторгаться мужеством наших предков, которые, вооруженные только дротиками и каменными топорами, проникали в подземную берлогу диких зверей.

...Изо всех следов, оставленных веками, пожалуй, наибольшее впечатление производят отпечатки рук и ног. Такие впечатления в одно мгновение вознаграждают за все трудности, весь риск и все бесчисленные разочарования того, кто стремится вырвать у ревнивого прошлого его тайны." (*4)

* * *

Похоже, очередное разочарование подстерегает и нас. Неизвестный шестиметровый колодец окончился небольшой комнаткой. Груда камней на полу. Завал. Обескураженно осматриваемся. Удивительные стены у этой шахты (*5). Они будто глазурованы шоколадной эмалью - коричневой кальцитовой корочкой. Такой же корой покрыты камни и глыбы на полу.

Достаю сигарету, закуриваю. Володя Толмачев, руководитель нашей экспедиции - первой казахстанской экспедиции на плато Боролдай-тау, внимательно следит за моими действиями, потом наклоняется:

- А ну погоди...

- Что там?

Дым и пар от дыхания облаком поднимаются вверх, быстро уходят в темноту над головой.

- Дует, видишь? На дым свой смотри!

О, этот ветер пещеры! Сколько проклятий принял ты в свой адрес на залитых водой подземных вертикалях! Падающий в бездну поток работает, как насос, тянет за собой воздух, распыляется в ледяной завихренный душ, выбивает зубовный стук у идущих по отвесам спелеологов. Но - кончился каскад, замерла, ушла в завал река, обступила со всех сторон ватная тишина тупиковой галереи - и те же зубы стиснуты в ожидании, затаено дыхание, взгляд с мольбой устремлен на будто окаменевший огонек свечи: "Ну же! Колыхнись!"

Качнется, затрепещет язычок пламени, потянет по галерее дым сигареты - есть ветер! А значит есть где-то и продолжение пещеры. Пусть недоступное пока - там, за завалом, за едва приоткрытым сифоном (*6), за непроходимой пока щелью, но - есть!

- Дует!

Разгоряченныые недавней работой, мы уже начинаем поеживаться. Пещерный ветерок быстро уносит тепло.

Наша шахта без сомненья продолжается здесь, под завалом на полу.

* * *

Древние люди редко уходили далеко вглубь своих резветвленных пещерных жилищ. Отсутствие света и сложность подземных маршрутов затрудняли первобытные спелеоисследования так же, как затрудняют сейчас. Вертикальные же пещеры, состоящие из каскадов глубоких колодцев, по которым с шумом рушатся подземные водопады, стали доступны человеку совсем недавно, буквально в последние десятилетия.

Стоило потеплеть климату, и человечество поспешило из пещер наружу, надолго забросив свою колыбель. Более того - со временем человечество нарекает пещеры вместилищем всех мыслимых нечистых сил. Ад, Стикс, Аид - загробный грешный мир переносится в умах людей под землю.

Но пещерный мир необидчив. Он по-прежнему дает кров всем, кто не в ладах с законом, людьми, своим внешним или внутреним миром. Однако ни бандиты, ни монахи, ни другие искатели приключений, как правило, тоже не проникают в него глубоко.

Им бы и в голову не пришло взяться за то, чем вот уже несколько часов занимается наша двойка: метр за метром мы ввинчиваемся в подземный завал. К счастью, он еще не настолько сцементирован кальцитовым натеком, чтобы нельзя было вынимать камни без помощи тяжелого инструмента и взрывчатки. Но и не слишком сыпуч, что было бы не менее неприятно. Итак при вгляде на потолок начинает покалывать пальцы - на чем только держится эта куча камней над нашими головами!

Продвигаемся вниз вдоль коренной стены. Ее изгиб в плане наводит на мысль о значительных размерах этой, нынче перекрытой завалом, полости - диаметр ствола шахты достигал десяти, если не более, метров. Толмачев подает снизу очередной камень, и мы меняемся местами.

- Европа поднимется и скажет:"Ты хорошо роешь, Старый Крот!"- мурлычу я, пропихиваясь на его место в самом низу прорытого нами хода. Все настойчивее сосет в желудке. Дело, видимо, к обеду. Еще пару хороших камушков, и можно идти наверх.

Как бы не так! За сдвинутой вбок глыбой - квадратный лаз в натеке. Ну как не заглянуть? Вперед! Попутно развлекаемся тем, что даем названия пройденным ходам. Этот лаз, в отличие от предыдущего "Треугольника", так и будет теперь - "Квадрат".

"Квадрат" приводит в ход "Трех сталактитов" (вот они скалятся расческой на стене!).

Теперь боковая щель, комнатка, лаз вниз в "Грот рудокопов". Названия эти лягут на карту - карту шахты Ленинская карствого плато Боролдай хребта Каратау, юг Казахстана, Западный Тянь-Шань. Внушительно звучит для такой пока еще

совсем небольшой пещеры. Ее глубину определит топографическая съемка. Завтра ее будут делать алмаатинцы Айгуль Мухаметжанова и Марат. Сегодня, пока мы роемся в этом завале, они вели поиск в соседнем сае-логу к северу от "Футбольного поля".

Ждут нас, небось, к обеду. А мы... На кого похожи мы - два чучела, до неузнаваемости вымазанные глиной? Сигаретным окурком - фонарь на исцарапанной каске. Свитер, мокрый от пота и воды - тоже в глине, невесть как забившейся под комбинезон.

Глина. Избави Бог назвать пещерную глину грязью! "Кто сказал, что пещера грязная?"- грозно кричит в таких случаях усть-каменогорец Валька Володин.-"Стража! Отрубить ему язык!"

Кто мы?

Туристы? Ученые? Путешественники? Чернорабочие? Отдыхающие?

Если принять во внимание, что экспедиция финансируется Казахским республиканским советом по туризму и экскурсиям - мы спелеотуристы.

По вечерам у кизячного (*8) очага наземного базового лагеря профессионал-гидрогеолог Толмачев так популярно излагает последние данные о геологическом прошлом этого района, что невольно закрадываются подозрения о некоей наукообразности нашего занятия.

Если учесть, что все члены нашей экспедиции проводят на плато свои отпуска, а по возвращении каждого ждет совсем другая работа - то, выходит, отдыхающие.

Забрались на высоту в добрых две тысячи метров над уровнем моря в безлюдный и безводный район - путешественники.

А посмотреть на нас сейчас ("Говорила мне мама - не ходи с ними!"- смеется в таких случаях Айгулька) - что-то не похоже на отдых - камни ворочать!

- Толмачев, - говорю я, с трудом переводя дыхание, - Ты никогда не задумывался, на кого мы с тобой сейчас похожи?

Мы лежим бок о бок под низкими сводами грота Рудокопов, жадно всматриваясь в щель над проклятым камнем. Не хочет выковыриваться, зараза! А из щели над ним явственно тянет холодом.

- По-моему, на идиотов, - глубокомысленно отзывается Толмачев, пытаясь камнем сколоть выступ, мешающий продвижению. - Зубило бы сейчас!

Выступ неожиданно скалывается, камень вылетает из рук и рушится куда-то в темноту.

- Ну ...!

- Тихо!

Вот она - дробная музыка Удачи! Камень на мгновение канул в тишину, затем удар, клекот осколков, еще удар, звон, затихающий в неведомой глуби перестук. Все? Но мы ждем, затаив дыхание. Секунду, другую, третью... А вдруг? Вдруг сейчас, через эти шелестящие мгновения раздастся еще - пусть только один! - самый слабый и приглушенный, но удар. О невидимое дно неведомого колодца!

- Все, - тихо говорит Толмачев. - Брось еще что-нибудь.

И снова лежим в жидкой глине, вслушиваясь в голос Пещеры.

* * *

Кто же мы все-таки? Как назвать это странное занятие,

что поглощает нас всецело без остатка?

Спелеология - от латинского "speleo" (греческого "spelaion") - пещера. Наука о пещерах. Этот термин был введен в 1890 году французским исследователем Е.Ривера.

Звучит мощно, академически. В этом термине ощущаешь себя, будто в роскошном фраке с чужого плеча.

Еще выше и шире, где-то в заоблачной тишине кабинетов и распахе усеянных воронками полей - карстоведение. Это вообще не о нас. Спелеология лишь часть этой науки: более спортивная и рискованная, замешенная на некоем риске и приключениях.

Нет, до науки в ее полном звучании мы не вытягиваем.

Вот тут и подворачивается удобненький и будто разрешающий все сомнения термин - спелеотуризм. Хороший термин, если бы не несколько сомнительное звучание второй его половины.

Туризм - с французского "tourism" - прогулка, поездка (*9), за последнее время здорово расплылся от первоначального звучания.

Едешь с чемоданом по историческим местам - турист.

Бегаешь по магазинам Будапешта, рынкам Варшавы или Стамбула - турист, правда, "коммерческий".

Попиваешь чаек под тентом своей машины после удачного семейного уикенда на природе - тоже турист.

"О, опять туристы пошли!"- ворчит местное население вслед иной студенческой компании с палатками и гитарами.

Альпинисты снисходительно поглядывают на парней в альпийской экипировке, идущих по чрезперевальным маршрутам - туристы, хоть и горные.

Ну а тут - спелео. Туристы. То ли идешь с открытым ртом по бетонным дорожкам Кунгура или Нового Афона (*10), то ли умираешь под трехпудовым (*11) рюкзаком в челночной заброске где-нибудь на Кырк-Тау (*12) - турист! А какая разница?

Есть разница. На Кырк-Тау ты уже не просто турист - ты турист самодеятельный! (*13) До того солидно звучит - просто слов нет. (Очень мне нравится этот русский вариант словообразования при помощи "само" - самолет, самовар, самодеятельный: вроде как все само собой без наших усилий получается, само'!).

Жмет нам "спелеотуризм", как переростка - старенький костюмчик.

Так может быть, - спортсмены? Спелеоспорт, а? Солиднее, вроде. Есть тут, однако, одна заковыка. Спорт и соревнования неразделимы. Соревнования на маршрутах в недрах земли? Что ж, в СССР пробовали и это. Несколько лет проводились заочные чемпионаты по спелеотуризму республиканских и всесоюзных уровней. Но что может быть нелепее этих соревнований? (Так же как, впрочем, и аналогичные чемпионаты в альпинизме, рафтинге, других видах активного туризма?) Разные группы идут по различным маршрутам в самых разных географических регионах, без судей и зрителей, затем пишут и присылают в судейскую коллегию отчеты, в которых очень трудно отличить правду от художественного вымысла. Чемпионаты эти заглаза и называли - конкурсы отчетов. Судьи читают отчеты и раздают медали. Можно ли говорить об объективности этих "соревнований"?

Были и другие соревнования. Дзинага (Северный Кавказ), Гумиста (Абхазия), Яремча (Карпаты), Бахчисарай (Крым),

Свердловск (Урал) - теперь уже легендарные места. В 80-е годы здесь проводились слеты самодеятельных туристов СССР. Эти соревнования превратились во всесоюзные форумы советских любителей пещер. Слетались друзья от Владивостока до Кишинева. Воспоминания, планы будущих экспедиций, песни под гитару. И конечно, очные соревнования на скалах между командами городов. Здесь, на этих вертикальных трассах разыгрывались настоящие сражения на скорость и правильность выполнения технических приемов, проведения имитаций спасательных работ, топографической съемки, подземного ориентирования (*14).

И уже появились любители именно этого - увлекательных, динамичных, пересыщенных техникой, сконцентрированной сложностью зрелищных трасс на залитых солнцем скалах. Азарт взаимоборства, хитросплетения тактических вариантов. Так же, много ранее, из альпинизма вычленилось спортивное скалолазание, завоевавшее международное признание.

Но это уже не пещеры. Это нечто совсем другое, самоценное.

Значит, если и спорт, то не вполне...

Трудно разобраться. Особенно лежа в холодных камнях над неизвестной щелью пока еще недоступного колодца.

Каждый ищет в пещерах свое. Но квинтэссенция всего - вот это: ПЕРВОПРОХОЖДЕНИЕ. Извечное стремление человека за обступающий горизонт неизвестного. Открытие. Приключение. Пусть маленькое, но свое! За которое заплачено сполна потом и болью.

Откровение Природы с тобой наедине. Здесь до тебя не был НИКТО. Вот твой шаг, твой след на Земле - он осязаем. Он - первый. После тебя тут, может быть, кто-нибудь пройдет. До тебя - не был никто Но после - кто-нибудь обязательно пройдет! Пройдет и оценит, и переживет по-своему. Иначе - нет смысла.

Иначе нет ничего.

* * *

Когда б Господь воображенье
Имел беднее иль скромней -
То здешних холода камней
Нам не изведать, к сожаленью.
Здесь нет погоды, непогоды,
Нет преходящей суеты,
И камня хрупкого цветы
Растут не месяцы, а годы.
И сапоги - грубее грубых,
Грохочут мимо в тишине.
Поэты? Мистики? Спортсмены?
Ползем по плачущей стене.
И суть не в том, что мы достигли.
И соль не в том, что вот - прошли.
Мы - на сто метров ближе к сердцу
Своей невысохшей Земли (*15)

* * *

В наших жилах - рудимент первопроходчества. Не на бумаге в сплетениях формул, не в стерильной чистоте лабораторий - первопроходчества в исконном смысле этого слова, в географическом. Глубины Земли более скрыты от человека, чем глубины океана. Приборы бессильны: здесь может пройти только сам человек.

Зарубежные коллеги, не мудрствуя, назвали свое занятие КЕЙВИНГ - от английского "cave" - пещера, а себя - кейверами (caver). Примерим. Что ж, похоже. Наша практика знает много таких примеров. Ведь и дедушка-футбол терминологически - англичанин. И даже сам Его Величество Спорт - в названии явно иностранец. К счастью, прошли времена, когда нам приходилось бояться всего иностранного, как чумы.

Итак, кейвинг. Непривычно, но суть верно. Пещеру надо найти, спуститься в нее, добыть первичную информацию. Здесь работа поисковика и разведчика, первопроходца и первоисследователя. Затем приходит черед спелеологов, изучающих, в истинном значении этого слова, пещеру. Больше информации - получают пищу для научных обобщений карстоведы. Ну и спелеотуристы тут как тут: кто побойчее - поглазеть на только что открытую, кто поспортивнее - установить в ней какой-нибудь рекорд, а кто и попозже - с удовольствием прогуляться с экскурсоводом по оборудованным дорожкам под свет прожекторов и тихую музыку. Любое занятие по-своему прекрасно и заслуживает уважения. Если не валить все в кучу и не оценивать одних с точки зрения других. А приключений хватит на всех, каждому по характеру.

Кто это сказал: "Главное в жизни - правильно расставить акценты"?

* * *

В том, далеком уже, 1979 году, мы не прошли Ленинскую дальше. Узко. Пришлось вернуться с глубины -45 метров. Но в наших душах пели фанфары. О! Это был рекорд плато Боролдай и глубочайшая из известных в то время пещер Казахстана!

Возвращались с раскопок завала обедать, а вышли - в ночь! Время под землей летит удивительно. Час - как минута! Звезды, ослепительно яркие после мрака пещеры, мерцали, покачивались над "футбольным полем". Надо было торопиться, потому что на востоке, в двух часах ходьбы по увалам плато, в наземном базовом лагере экспедиции на ручье Богомола ждал, уже, конечно, встревоженный нашей задержкой, джамбулец Саша Литовка.

- Скорей, скорей! - торопил нас его земляк Анатолий Иванович Иванов-заядлый охотник. - Пока вас ждал, кеклика подстрелил. Суп варить будем.

Луна незаметно выбралась из-за увала, высветила воронки, и карры забелели в фантастических тенях.

Так что же такое кейвинг - может быть, это поэзия?

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК.

==========

I ЧАСТЬ. П О Д З Е М Н Ы Й М И Р П Л А Н Е Т Ы.

-

И С Т О К И.

Склон становится все круче, солнце - яростней. Иду, как гиббон, почти касаясь тропы кистями рук. Из коровьих троп-желобов при каждом шаге поднимается густая пыль. Благо, нет мух - вечных спутников пастбищ рогатого скота. Сдуло их, что ли?

Что-то очень трудно дается этот взлет (*16). А где ребята?

Низкорослый арчевник закрывает от глаз тропу ниже по

склону. Метрах в двухстах кто-то с рюкзаком неподвижно сидит прямо на тропе. Вдалеке в мареве Чимкентской долины острыми контурами плывут декорации горных отрогов. Наша цель - высокогорное карстовое плато Улучур еще далеко - в белесой голубизне раскаленного неба. Почти у самого верха этого изматывающего подъема, которому нет и половины, - белое пятнышко. Снежник. Похоже, это единственная вода на этой тропе. На всех ее двенадцати километрах, скрученных серпантином среди скал и колючек.

Вот это и называется - заброска. Берешь столько груза, сколько можешь унести, и идешь вверх. Если взять нормально, чтобы не слишком насиловать организм, то придется ходить челноками два, а то и три раза. Оторопь берет при мысли, что один-то раз предстоит взобраться на эту кручу! Не-ет! Берем весь груз сразу.

Взяли. И вот теперь мои волонтеры растянуты по тропе в нижней трети подъема на Улучур.

В составе Второй Казахстанской спелеоэкспедиции - одна молодежь. Бессменный шеф республиканской спелеокомиссии Володя Толмачев не смог выбраться из геологических полей и поручил руководство мне.

Все. Дальше идти нельзя. Солнце вытапливает душу. Это потом мы поняли, что в Азии нельзя делать заброску в середине дня - для этого есть вечер и ночь. А сейчас, так и не собравшись вместе, пережидаем полуденное пекло кто где, попрятавшись в жидкую тень скудного арчевника. Выше меня только усть-каменогорцы Виктор Карасев и Вадик Отческий. Внизу среди арчи вижу свою гитару. Значит там третий член усть-каменогорской команды Ербол Курмангалиев. Нас, с востока Казахстана, здесь больше половины - восемь человек. Вполовину меньше парней из Актюбинска. Джамбульцев нет вообще. Алма-атинцы тоже не радуют многочисленностью.

Нас мало и мы измучены жарой и подъемом. Нет, надо переждать. Солнце еще высоко.

Старшему из нас - двадцать девять, младшему - двенадцать. Чему удивляться? Ведь и советскому кейвингу от роду совсем немного. Всего четверть века исполняется в следующем, 1983 году. Все молодо, все еще только-только.

Иное дело в Европе. В XVII-XVIII веках человек снова стал приглядываться к пещерам - все еще мелко крестясь, но уже с явным интересом. Волна географических исследований, развитие естествознания подтолкнули и целенаправленный сбор сведений о пещерах, прежде всего о наиболее доступных. Пастухи и охотники, кладоискатели и авантюристы, географы и колонизаторы, искатели приключений и исследователи-одиночки - вот основные поставщики скудных сведений о пещерах в то далекое время. Но постепенно во многих странах не только Европы, но и Азии, и Нового Света появляются вполне научные описания, первые карты пещер. В России упоминания о пещерах и о процессах, в них происходящих, мы находим уже в трудах М.В.Ломоносова:

"...Дождевая вода сквозь внутренности горы процеживается, и распущенные в ней минералы несет с собой, и в оные расселины выжиманием и капанием вступает: каменную материю в них оставляет таким количеством, что в несколько времени наполняет все оные полости" (*17)

В одной фразе - почти весь карстовый процесс: раст-

ворение горных пород и переотложение растворенных минералов в виде натечного убранства!

Встречаются сведения о пещерах России в географических описаниях и отчетах академических экспедиций, связанных с именами Гмелина, Татищева, Страленберга, Лепехина, Рычкова, Палласа, Фалька и других.

В 1723 году был зарегистрирован первый мировой рекорд, связанный с исследованиями пещер. В чешской пропасти Мацоха первоисследователи достигли глубины -138 метров от уровня входа. Четверть тысячелетия тому назад!

В XIX столетии острие спелеологических исследований направляется в Италию. В течение двух лет дважды превзойден мировой рекорд глубины. Сначала в 1840 году в гроте Падрициано - -226 метров. А уже через год спелеологам удалось перешагнуть немыслимую по тем временам отметку -300 метров. В пропасти Требич достигнута глубина -329!

К этому времени спелеология распространяется по всему миру - от Австарлии до Америки. Пока это еще именно спелеология - пещеры изучаются, в них все неизвестно. Каждое проникновение в таинственный и враждебный человеку подземный мир требует изрядного мужества исследователей. Особенно, когда дело доходит до спуска в вертикальные пропасти. Ведь еще нет ничего - ни нейлоновых веревок, ни стальных тросов, тем более специальных сооружений для спуска и подъема по ним. Речи нет о специальной одежде и освещении. В арсенале первопроходцев пеньковая веревка да лестница с деревянными ступенями - негусто для спелеоисследования!

Что же касается России, то к началу XX века становятся известны лишь те пещеры, которые, по всей видимости, не заметить было уж попросту невозможно. Это Кунгурская и Капова на Урале, Балаганская на Ангаре в Сибири, Вертеба в Подолии на Украине, Бахарденская с ее теплыми водами в Средней Азии, Провал на Кавказе, Большой Бузлук в Крыыму...

* * *

...Пора подниматься! Солнце прильнуло к хребту. Встаю и с трудом плетусь по крутяку тропы. Одна из удивительных опасностей карстовых районов - это отсутствие воды. Все вокруг, куда ни кинь взгляд, несет следы ее разрушительной работы. Карры, воронки, промоины, слепые котловины. А воды, чтобы напиться - нет! Скала, как губка. Ливень, заливающий почву потоками мутной воды, в мгновение просачивается в ненасытное горло карста. И снова сухо, как в пустыне.

Снежники все еще высоко. Река Ак-Мечеть осталась где-то внизу в живописном каньоне. А здесь, на обожженном солнцем склоне жажда подступает вплотную.

Если не найдем воды, наша первая атака на Улучур грозит задохнуться. Мутно смотрю на кроки (*18), набросанные перед выездом из Чимкента местными спасателями. Дима Давыдов уверял, что в середине подъема в левом по ходу логу бывают роднички. Из них пьют коровы, что пасут здесь до середины лета пастухи местных сел.

Пастухов не видно. Коров тоже. Воды - тем более. На раскаленной тропе трудно себе представить, что где-то под ногами в глубине массива воды этой более, чем предостаточно. Творей пешер и пропастей - вода.

Жажда становится невыносимой. Что же делать?

- Витя!

Слышно в горах хорошо. Идущий в нескольких сотнях метрах впереди Виктор Карасев останавливается. По моим расчетам он уже на нужной высоте. Где-то там, левее и ниже гребня, по которому идет тропа, слышен перзвяк металла. Неужто, корова?

- Витя! Ищи воду слева! Внизу! Где коровы! Иначе не дойдем.

Карасев снимает рюкзак, оглядывается. Когда я в очередной раз поднимаю голову, его уже нет. Лишь рюкзак диковинным тюльпаном краснеет среди щебня и жухлой растительности. Через силу продолжаю движение и только через полчаса, уже в сереющих сумерках, добираюсь до рюкзака Карасева. А где же он сам?

- Вода!!! - доносится откуда-то снизу ликующий голос Виктора.

Так, наверно, во времена оные кричали моряки, увидевшие землю после многодневных морских скитаний.

Нам повезло. Родники еще не пересохли. И вот пьем, по-очереди припадая к крохотной лужице на склоне. В 1982 году мы еще не знали всей прелести "кембрика" - пластиковой трубочки полуметровой длины. При помощи этого нехитрого приспособления пить можно из любой лужицы, не наклоняясь, а в пещере - прямо со стены и даже капели сталактитов.

Коровы недовольны. Их тут явное большинство. Наконец одна буренка пробует вежливо отпихнуть от лужицы Вадима - хватит, мол, чего присосался? Дай и другим! Вадим, не поднимаясь, лягает ее ногой. Корова не очень смущена и подступает снова. Видно, невмоготу. Вадька поворачивает голову и устрашающе орет на животное, повергая его в грустное изумление и раздумье. Уже ожившие, мы покатываемся со смеху - обернувшись к воде, Вадим утыкается в жадно хлюпающую из лужицы морду другой коровенции. Очередь! Пьешь - пей. Нечего орать по сторонам!

* * *

Первую половину XX столетия России было явно не до пещер. Ими занимаются одиночки-исследователи, небольшие группы. В Крыму работают П.М.Василевский и Желтов, на Кавказе - И.С.Щукин, в Средней Азии - А.Ферсман и И.К.Зайцев, на Урале - П.Я.Алтберг и В.Смирнов, в Сибири - Е.В.Милановский и Н.И.Соколов (*19). В этом перечне хочется отметить работы А.Крубера по Крыму и Кавказу (*20). Его описания карстовых форм доставляют наслаждение простотой и доступностью изложения, о чем нередко забывают современные авторы.

Где-то до Второй Мировой войны родился и термин "пещерный туризм", который мы подробно исследовали ранее.

Пещеры Казахстана в те времена вообще не упоминаются. Их исследования начались значительно позже.

* * *

Конец XIX века связан с именем выдающегося французского ученого и общественного деятеля Эдуарда Альфреда Мартеля, признанного основателя современной спелеологии. Спелеологии - не только как науки, но прежде всего, как общественного явления. Мартель организует многочисленные исследования поверхностной и подземной гидрогеологии и пещер Франции, Англии и других стран. Его книга "Пропасти", изданная в 1893 году, - первый фундаментальный труд по практической спелеологии.

В 1895 году Мартель основывает спелеологические общества

Франции и Великобритании.

Гран-При Французской Академии наук и орден Почетного Легиона - высшая награда Франции - вручены Э.Мартелю, как признание его научной деятельности по изучению пещер.

27 июня 1888 года Мартель организует спелеологическую экспедицию в пещеру Брамабай (Ревущий вол). Впервые к исследованиям привлекаются энтузиасты самых разных, не относящихся к спелеологии, профессий. "Их объединила идея первопроходчества, открытия новых земель... под землей"(*21).

Так писал в своем исследовании "Спелеология, как социальный феномен" известный украинский спелеолог, наш коллега Александр Климчук.

Спелеологическая активность вызревала независимо от Мартеля. Он явился своеобразным центром кипения, кристаллизации назревших процессов.

Спелеология, как общественное движение, приобретает влияние и доминирует прежде всего в индустриальных нациях - как одна из составляющих широкого интереса к природе.

Ключевое понятие здесь - досуг. Не будет большой натяжкой сказать что уровень развития спелеологии соответствует уровню (не только количеству, но и качеству, направленности) досуга и является косвенным показателем степени социального развития общества. Безусловно важным является вопрос о том, какие виды заполнения досуга - потребительские или созидательные - обладают наиболее высоким социальным престижем в том или ином обществе, поощряются и обеспечиваются всей системой общественных отношений.

Остается только согласиться с Климчуком, тем более, что и вся история развития советской и постсоветской спелеологии, как общественного движения, подтверждает его выводы.

Большое значение имело основание Э.Мартелем во Франции первого специального спелеологического журнала "Спелунка". Доступность информации - залог успеха любого начинания.

С 1888 по 1914 год Мартель провел 26 спелеологических экспедиций. А 1888 год стал годом зарождения кейвинга, как социальной спелеологии в мире.

* * *

Существенное отличие первопроходца от спелеотуриста - принципиальное отсутствие или чрезвычайная скупость информации, которой приходится руководствоваться при подготовке и проведении экспедиции. Информации нет не по лености участников, не из-за недостатков организации и отсутствия связи между спелеоклубами. Ее просто НЕТ. Не существует. И получить ее можно только в пещере, в непосредственном контакте с подземным миром.

Стою на самом краю уходящего во тьму уступа и озадаченно смотрю на тугую струю воды толщиной в руку, далеко выбивающую из лотка (*22).

Мы, конечно, не первопроходцы. Наша задача - проложить первый спелеотуристский маршрут по хребту Коржантау юга Казахстана. Пещера Улучурская, где мы сейчас находимся, в 1977- 1980 годах уже исследована свердловчанами до отметки -260 метров (*23), в результате чего был превзойден наш казахстанский рекорд в шахте Ленинская. У нас даже есть топографический разрез пещеры. Толмачев специально для этого запрашивал Свердловск. "Сухо в пещере"- сообщили ему. Только

в нижней части чуток водички, а так - сухо. И вот глубина едва -80 и - струя!

И не обойти-то никак! Разве что пройти подальше вперед над колодцем по правой стенке хода, забить крюк и попытаться обвесить воду.

Два часа ожесточенного стука молотка, прерываемого проклятиями (после особенно удачного попадания молотком по пальцам!), и - крюк забит. Ербол с Вадимом постарались наславу. Оказалось, что уступ всего 7 метров, струю мы теперь с грехом пополам обошли, даже из сапогов выливать не пришлось. И вот - "Шкуродер".

В какой пещере их нет: "шкуродеров", "калибров", "ползучек", "кошачек" и "клизмотронов"! Вода, создавая пещеру, не больно-то заботилась о комфорте. Горе плечистым и толстеньким, длинным и могучим! Шкуродеры - это страна хилых, тоненьких, маленьких и стройных, не отягощенных рельефными мышцами спелеологов. Здесь главное - сила духа и пластика, неиссякаемый оптимизм и вера во все хорошее. Застрять в теснине - реальная угроза, причем гораздо более реальная, чем опасность серьезного обвала или смертельной потери ориентации (именно этим в обывательском представлении опасны пещеры - "завалит" и "заблудишься"). Нет, застрять - вот леденящий призрак пещер, делающий их недоступными людям с болезненными отклонениями в психике, называемыми "боязнью замкнутого пространства" - клаустрофобией (*24).

Преодоление узостей и калибров - целое искусство. Невозможно удержаться, чтобы не процитировать красочную инструкцию к этому виду передвижения, составленному Норбером Кастере:

"Необходимость протиснуться под землю через узкое отверстие привела спелеологов к усвоению особого метода продвижения, который мы часто применяем и который называем "пресмыканием".

Пресмыкание требует гибкости и значительного мускульного напряжения в то время, когда тело лежит в очень неудобном положении, в пыли, грязи и даже воде. Нужно быть одетым как можно легче; карманы следует заранее опорожнить, а свободная одежда, вроде пиджаков и рубашек, никогда не должна одеваться, так как она всегда цепляется за неровности, а самое главное сбивается кверху, когда приходится пятиться назад. Это очень важное обстоятельство ввиду того, что такое задирание кверху свободного платья не раз бывало причиной окончательного и фатального застревания одетого в него человека.

Известны случаи, когда охотников, проползших лишь несколько ярдов в берлогу, находили мертвыми, накрепко застрявшими в образовавшемся из сбившейся одежды хомуте. Наиболее подходящей для спелеологии вообще, а для пресмыкания в частности, является цельная полотняная одежда: она дает свободу движений, цепляется не так легко, как шерстяная, и не собирается в складки на корпусе или подмышками. Но во многих случаях приходится сводить массу своего тела до абсолютного минимума, а это значит отказ от всякой одежды вообще и ползанье голым, как земляной червь. Все животные, обитающие под землей, имеют или гладкую кожу или очень короткую шерсть (черви, кроты и т.д.), и в этом случае сказалась предосторожность природы, которой нужно подражать и челове-

ку, проникующему в подземную область.

Итак, легко одетый или обнаженный спелеолог втискивается в проход головой или ногами вперед, лежа на спине, на животе или на боку в зависимости от того, что является наиболее удобным. В достаточно широких ходах передвигаются на локтях и коленях или, когда потолок низок, с помощью рук (скрещенных на груди) и ступней ног (двигающихся от щиколотки). Но подлинное пресмыкание подразумевает движение при помощи слабых ондуляций - волнообразных движений, мышц спины, поясницы и колен, причем амплитуда этих движеий, конечно, определяется размерами хода. Наконец, на самом крайнем пределе возможности проникновения, когда все зависит от индивидуального объема, волнообразные движения могут превратиться просто в червеобразные протягивания, при которых последующие расширения и сокращения грудной клетки дают возможность двигаться вперед, а все остальное тело проскальзывает за ней, подобно шомполу, проходящему черз дуло ружья.

При таком ползании руки представляют наиболее трудную задачу, и тот, кто когда-либо сталкивался с ней, понимает, почему пресмыкающиеся не имеют конечностей, хотя бы даже атрофированных. Что делать с руками? Куда их деть? Если руки лежать вдоль тела, то они явно увеличивают его объем, и, кроме того, в таком положении становишься парализованным, как человек в смирительной рубашке. Может показаться, что практичне протянуть их над головой, но на самом деле такое положение ничуть не лучше: оно увеличивает ширину плеч и оказывается еще более парализующим. Разрешение этого вопроса, т.е. секрет успешного пресмыкания, заключается в том, чтобы вытянуть одну руку над головой, а другую, согнутую в локте, прижать плотно к торсу с предплечьем, протиснутым под ложечкой. Таким образом плечи располагаются диагонально и занимают меньше места. Протянутая вперед рука держит фонарь, ощупывает дорогу, удаляет камни и другие препятствия, могущие быть помехой; рука, прижатая к телу, служит как бы грудным плавником для подталкивания тела вперед, а также она имеет возможность освобождать одежду, часто зацепляющуюся на уровне груди.

Что касается корпуса, то он, ощупывая дорогу плечами и бедрами, должен ориентироваться и изворачиваться, принимая положение, наиболее соответствующее поворотам и неровностям хода.

Но особенно тонкой операцией пресмыкание становится, когда надо ползти пятясь назад и когда нужно не повертываясь, так как это невозможно, а, так сказать, "вывернуть весь механизм движения спереди назад". Это вид гимнастики, требующий большой гибкости, большого терпения, а также значительной доли присутствия духа в тех случаях, когда телу не удается приноровиться опять принять правильное положение и оно застревает. Преимущество отсутствия одежды теперь становится очевидным. Гораздо лучше подбитых гвоздями ботинок, стягивающих ногу и дающих лишь слабое представление о почве, будет ощупывать ее и чувствовать все неровности поверхности голая нога.

Гибкое человеческое тело, гладкое и замечательно сжимаемое, будет гораздо лучше приноравливаться к извивам туннеля и незаметно проскальзывать сквозь тесные участки, чем толстая, непрерывно за что-нибудь цепляющаяся, одежда. Здесь

ловкость и точность движения являются жизненно важными качествами.

Я вполне допускаю, что это человеко-змеиное занятие и перспектива лежать в грязи или ледяной воде иногда по нескольку часов подряд, тащиться по холодному недружелюбному камню, обдирая локти, колени и все тело, не всякому покажутся соблазнительными. Возможно ли на самом деле питать пристрастие к чему-либо столь отталкивающему, нездоровому, опасному и иногда бесполезному? Разве недостаточно прекрасного под сводом небес, чтобы преднамеренно лезть в подземный мрак, подвергая себя его скрытым опасностям? Но ставить вопрос так, это значит, ставить его неправильно. Человек родится исследователем или не родится им; если он прирожденный исследователь, то неудобства и опасности пресмыкания компенсируются достигнутыми благодаря ему успехами."

Не знаю, как вас, а меня озноб прибирает при чтении этих строк Норбера Кастере.

* * *

Шкуродер Улучурской несколько проще и не требует высшего пилотажа в "пресмыкании". Но это поразительно подлая расщелина. Шириной в добрый десяток метров, она имеет высоту не более 50 сантиметров и приличный наклон вперед по ходу. Что и говорить - вполне приемлемые для передвижения размеры, если бы... Если бы Природа не перепутала пол этого Шкуродера с потолком. Гладкий, только что не отполированный потолок Шкуродера ласкает комбинезон на вашей спине, в то время как вы с проклятиями продираетесь сквозь карры, борозды, расщелины и ребра на его полу. О-о! Это вниз, подгорку, а как приятно будет отсюда выскребаться!

Ползу вниз, волоча за собой мешок с веревкой, ловя в себе какие-то, невнятные пока, предчувствия. Они нарастают вместе с постепенно усиливающимся спереди шумом воды. Так. Поворот. Здесь можно примоститься в небольшом расширении над водой на полу и попытаться осмотреться. Ручей с веселым бульканьем исчезает в небольшом отверстии, откуда недвусмысленно слышен шум подземного каскада.

Закрепляю за выступ веревку и ногами вперед осторожно протискиваюсь в отверстие с ручьем. Ноги болтаются в пустоте, затем нащупывают небольшую полочку, на которую я и встаю мгновением спустя. Да-а! Зрелище превосходит все ожидания. Колодец! Да какой! Здесь удивительно просторно после теснины Шкуродера. Судя по схеме свердловчан, я стою над каскадом уступов 20, 12 и 20 метров. Но вода! Сверкающий в луче моего фонаря душ перекрывает весь колодец. Вода блестит, радужно посверкивает струйками. Чему радоваться? Защищающих от воды гидрокостюмов у нас нет.

* * *

Не было их и в 1958 году, который считается датой зарождения любительской спелеологии в СССР, привлекшей к активным спелеологическим исследованиям туристов, альпинистов и спортивную молодежь многих городов страны. Содружество ученых и спелеологов-любителей было положено совместными работами в Комплексной карстовой экспедиции ИМН АН УССР в 1958-1962 годах (*25). Крым становится колыбелью советского кейвинга, любительской спелеологии и спелеотуризма. В Москве и Ленинграде, Львове и Тернополе, Краснодаре и Тбилиси,

Новосибирске, Свердловске, Красноярске, Томске, других городах, как грибы после дождя, возникают спелеологические секции и клубы.

Тогда, в Крыму, закладываются основы советской школы спелеоисследований, зарождается вертикальная техника. Опыт туристов и альпинистов переосмысливается в применении к пещерам. Начинает формироваться структура внутрисоюзной спелеологической организации.

Мы еще только натягиваем ползунки, а зарубежная Европа продолжает разрабатывать золотую жилу Италии. 1926 год - -329 метров в пропасти Антро дель Корчиа. Но постепенно пальму первенства склоняют к себе французы. И то сказать - столько времени родина спелеологии оставалась на вторых позициях! Усилия французов в Пиренеях начинают давать долгожданные всходы: пропасть Дан-де-Кроль в 1947 году приносит 603 метра денивеляции (*26).

Атаку за атакой на подземный мир предпринимают бельгийцы, французы, австрийцы, испанцы, итальянцы, англичане. К началу 50-х назревает новый качественный скачок. 1953 год вообще славен знаменательными событиями в мире приключений. Английская экспедиция под руководством полковника Джона Ханта взошла на вершину Мира - Эверест, батискаф Пикара опустился на рекордную глубину в океане, а франко-бельгийская спелеоэкспедиция под руководством Жоржа Лепине достигает отметки -737 метров в пиренейской пропасти Пьер-сен-Мартен (ПСМ - как повелось ее сокращенно называть), вход в которую открыт им же тремя годами ранее (*27).

Но уже в следующем году другая французская пропасть отбирает первенство у ПСМ. Это - Гуффр Берже, по мнению бывших в ней - одна из красивейших пещер в классе сверхглубоких: -903 метра!

Еще чуть-чуть, и падет километровый рубеж! А мы только примериваем ползунки. Что ползунки! Мы ведь практически еще не родились. Неужто не успеем хотя бы родиться до этого знаменательного события?

Не успели. В 1956 году в той пропасти, Гуффр Берже, пройдена километровая отметка. Да еще как пройдена! 1122 метра денивеляции, 23 отвесных колодца, глубиной от 10 до 47 метров, множество озер и участков, требующих использования веревочных перил. Это уже высшая сложность подземных экспедиций!

И только два года спустя начался официальный отсчет возраста советского кейвинга. Что ж, молодость не порок. Мы вышли на старт всемирных гонок за право обладания "подземным Эверестом", имея далеко впереди всех основных соперников.

Так далеко, что, казалось, и не догнать никогда.

Г О Н К И П О В Е Р Т И К А Л И.

==========

-

Выход подсказало само плато. Вечером, стоило солнцу зайти, снежники, окружающие лагерь, параставали сочиться водой. Не запасся днем - расходуй драгоценное топливо и топи снег в котелках на примусе.

Решение проблемы таила ночь. Чтобы проникнуть за водопадный каскад Улучурской, решили идти с вечера, работать ночь, день отсиживаться в лагере под землей, а следующей ночью возвращаться. Сказано-сделано. Вниз вместе со мной

идут Гена Никонов из Актюбинска и Виктор Карасев.

Готовились к выходу и не спали, конечно, весь день, пытаясь изготовить из скудных запасов полиэтилена подобие гидрокостюмов. Ербол, вырезав дырки для головы и рук, натягивает на себя полиэтиленовый мешок. Реквизировали для подземных целей полиэтиленовый анорак (* 28). Карасев задумчиво смотрит на плащ-накидку от дождя, очень кстати обнаруженную под клапаном рюкзака. Усть-каменогорец Саша Гановичев мурлычет под гитару сочиненную мной накануне переделку на известный киплинговский мотив:

-

Мы уходим на рассвете,
По пещере свищет ветер
И уносит нашу песню в темноту.
И только брызги по колодцам,
Вниз уходим мы от солнца,
Чтоб увидеть неземную красоту!

-

Наконец, солнце падает за край плато. Все, кажется, готово. Спуск в пещеру начинаем в темноте, часа через два после истощения ближайшего к лагерю снежника. Пещера начинается 50-метровым колодцев, в который на шнуре спущены скудные экспедиционные запасы купленного у пастухов мяса: на дне колодца снег и собаки не бегают. Но спускаемся мы через второй вход - неприметное отверстие в воронке рядом. Этот вход каскадом мелких уступов приводит в тот же зал, что и главный колодец.

Мы несем с собой палатку и спальные мешки для ночевки, поэтому Шкуродер особенно рад покуражиться над нами. пока парни продирают по нему мешки, делаю навеску веревок на первый уступ каскада. Воду и впрямь точно "прикрутили". Вместо внушительного душа, едва заметный ручеек весело брызгает снеговой водичкой.

Начинаю спуск. Быстро проезжаю по веревке первые двадцать метров до площадки. Здесь дождит сильнее, но есть куда отойти. Справа на площадку падает точно такой же ручеек, как тот, по которому мы пришли. Приток. Значит, ниже воды будет раза в два больше. Приятная перспектива!

Но как и ожидалось, спуск наш проходит успешно: все сухие и лагерь с нами.

Оставляем мешки в небольшом гроте, а сами спешим вниз по открывшемуся со дна каскада меандру (*29).

* * *

Также, наверно, в далеком уже 1959 году, спешили вперед первопроходцы шахты Каскадная, что на Ай-Петринской яйле (*30) в Крыму. Группа спелеологов Крыма и Москвы под руководством Б.Н.Иванова, в составе Комплексной карстовой экспедиции предприняла штурм неизвестного провала на плато, но из-за недостатка снаряжения остановилась на глубине -160 метров перед очередным колодцем. Поднимались полные надежд - спустились глубже всех в стране, а впереди неизвестное продолжение!

Нет, это не был рекорд СССР. Тогда в Крыму еще не знали, что впервые 100-метровый рубеж в пещерах страны преодолели красноярцы. В ноябре 1958 года красноярская группа под руководством Игоря Ефремова спустилась на глубину -170 метров в пещере Торгашинская. Красноярцам вообще крупно повезло на

природу: реки, леса, знаменитые "Столбы"- колыбель красноярской школы скалолазания, а тут еще, буквально в полутора часах ходьбы от города, такая замечательная пещера как Торгашинская!

Рекорд в пещерах Крыма не состоялся, но он уже назревал.

Если пропасть идет, продолжается, то не вернуться к ней в самое ближайшее время просто невозможно. Уже в следующем, 1960 году в Каскадной был пройден 200-метровый рубеж. Дно Каскадной открылось экспедиции на рекордной для СССР глубине: -246 метров (*31).

Рекорд состоялся, но просуществовал недолго. В этом же году на Кавказе в пещере Ткибула-Дзеврула спелеологи Тбилиси и Кутаиси спустились еще глубже: -280 метров.

* * *

Старт прошел удачно. Но дальше дело замедлилось. Исследования в Крыму приносили десятки и сотни пещер и колодцев, но почти все они не радовали глубиной.

Забегая вперед, надо сказать, что Крым, привлекая всеобщее внимание, долгое время сопротивлялся стараниям спелеологов преодолеть здесь заколдованную отметку -300 метров. Только в 1971 году на Караби-яйле феодосийской команде удалось казалось бы невозможное: в пещере Солдатская крымчане опустились на -500 метров. Вот это была сенсация!

Каскадная тоже таила в себе сюрприз. Потребовалось пятнадцать (!) лет частых посещений спелеотуристами этой известной пропасти, чтобы, наконец, ялтинской группе под руководством Игоря Дворянинова посчастливилось увидеть "окошко" в стволе хоженного-перехоженного колодца, проникнуть в него и пройти параллельный основному ствол пропасти до глубины -310 мтров. Через три года симферопольцы достигли "Нового" дна Каскадной на отметке 1400 метров.

Но все это было еще очень далеко, а пока, в начале 60-х, крымские спелеоэкспедиции не приносили желаемых глубин. Нужен был новый карстовый регион. Им стал Западный Кавказ.

В 1965 году чета лесников Назаровых сообщила спелеологам об увиденном ими в одной из залесенных балок близ Хосты огромного входа в пещеру. Так начинаются исследования на хребте Алек Западного Кавказа. С этого момента хребет Алек становится одним из популярнейших мест советского кейвинга.

Все, кто серьезно увлекся пещерами, рано или поздно попадают в леса Алека.

Алек! "Буковая поляна"...

Сколько воспоминаний связано у всех нас с этими местами! Буки в три обхвата, ливневые дожди летом и снега по грудь зимой, синее небо сквозь гущу листвы над заросшими субтропической растительностью балками. Воронки, лианы, едкий дым несговорчивых буковых костров и пугающая для северян песня шакалов на закате.

Алек. Колыбель советской технической вертикальной спелеологии. Именно здесь исследователи впервые столкнулись с пещерами, так называемого, "кавказского" типа. Промытые водой колодцы, острый корродированно-эрозионный (*32) рельеф стен и паводки сокрушительной силы.

* * *

Здесь, в Казахстане, такие пещерные паводки неизвестны. Но Улучурская очень напоминает кавказскую. Мы это почувствовали сразу, едва углубились в меандр. Меандр извивается

вправо-влево, прыгает уступчиками вниз. Стены в острых перьях. Более растворимая мягкая порода вымывается бустрее, твердая остается и вот возникает фантастическая картина "подводного царства". Только причудливые толстенные "водоросли" - каменные, и "чудовища", молчаливо взирающие на нас с рельфных стен - тоже. Обползаем узкой трещиной шумный водопад, спускаемся лазанием с пятиметрового уступа, и снова тишина высоченного меандра.

Известно, что неприятности всегда возникают там и тогда, когда их меньше всего ждешь. Так и у нас. Меандр неожиданно сужается. Неужели не пролезть? Пробуем. Мы с Виктором проходим, наш богатырь-Гена - нет. Оставляем его в одиночестве и отправляемся дальше. Следующая узость отфильтровывает Карасева. Впрочем, он не очень и старается. Видимо, устал. Ладно, пройду еще немножко, погляжу, что впереди, и возвращаемся.

Один на один с Пещерой. Это необычное состояние. С опытом ощущение этого противостояния притупляется, но никогда не проходит совсем. Обостряются слух, зрение, внимание. Каждый шорох вокруг фиксируется вниманием. В шуме ручья улавливаются малейшие изменения. Движения - сама осторожность. Ты один. И надо рассчитывать только на себя.

Но все идет отлично! Пещера дружески поддерживает тебя, открывает удобные варианты прохода, зацепки при лазании сами ложатся под пальцы, капель с невидимого свода хрустально прочерчивает угольную тьму: все получается, все радует глаз и душу.

Меандр передо мной суживается в нижней части. Дальше пройти можно только в верхней его части. Что ж, придется полазать на распорах. Упираюсь ногами в одну из стен, спиной в другую и довольно быстро поднимаюсь на несколько метров. Теперь тем же образом вперед над узкой засасывающей щелью. Что-то стены какие-то необычные...

Это песок! Тоненький песочек покрывает стены расщелины, в верхнюю часть которой меня занесло стремление вперед. Соскользнуть вниз по этому песку - плевое дело! Неужели известняки, слагающие этот массив, переслаиваются песчаниками?

Впереди обозначается поворот хода право почти под прямым углом. Пытаюсь заглянуть за поворот, но оттуда в глаза прыгает мрак. Все вокруг погасло, ткнулось черной ватой в лицо. В чем дело, черт? Свет! Фонарь вспыхивает коротким высверком, и снова темно. Хорошенькое дело - остаться без света в распоре между скользкими стенами на высоте третьего этажа! Потеря света при свободном лазании - кошмар подземных скалолазов.

В такие мгновения мозг лихорадочно перебирает множество вариантов, способов и деталей выхода из создавшегося положения. У каждого из нас свое число припасенных на случай аварийной ситуации спасительных ходов. Вот тут и проявляется опыт - в количестве и эффективности этих вариантов, а также в умении выбрать оптимальный: в кратчайшее время, с первого раза и без ошибки.

Пока вспоминаю, что запасный свет оставил в лагере, уповая на свежие батарейки в налобном фонаре, обнаруживаю, что спички и капсула со сменными лампочками лежат в прижатом к стене кармане комбинезона... Слегка поворачиваю голову. Каска встречает невидимый во тьме выступ - вспышка света.

Заработал! Значит, где-то контакт барахлит, проносится в голове, а ноги и руки уже автоматически подталкивают меня назад по щели, назад и пониже, пока свет, пока не... Бац! Опять темно. Но я уже внизу.

* * *

Один на один с пещерой... Я один. Но это все-таки не то одиночество, когда совсем, абсолютно один. Когда никто не знает где ты и куда ушел. Так, на заре своей спелеологической деятельности, исследовал пещеры Норбер Кастере. Это высшая степень одиночества в кейвинге. Преклоняясь перед мужеством спелеологов, отваживающихся на нее, следует признать, что лишь особая сбалансированность и устойчивость психики, высокий профессионализм и, зачастую, счастливое стечение обстоятельств позволяют одиночкам избежать тяжелых, если не трагических, исходов подобных предприятий. Неумолимая теория вероятности недвусмысленно предупреждает о неибежных неприятностях, таящихся на пути одиночек.

Миру Приключений известны имена знаменитых одиночек. Сольные путешествия к Северному полюсу японского путешественника Н.Уэмуре, восхождения выдающихся альпинистов, таких как Ренхольд Месснер, на высочайшие вершины мира, кругосветные плавания одиночек-яхтсменов, подобных англичанину Фрэнсису Чичестеру, и, как апофеоз риска водиночку - спелеоподводные исследования в заполненных водой пещерах, непревзойденным мастером которых является немец Йохен Хазенмайер (*33).

Есть другое одиночество. Ты идешь один, но существует надежда на помощь. В семидесятых годах становятся известными сольные подземные прохождения крупнейших пропастей с использованием динамической техники, получившей французское название "корделет". Что такое корделет? В простоте техника шнура - корделет, заключается в сдергивании основной веревки после спуска в каждый очередной колодец с оставлением на отвесах тонкого нейлонового шнура-корда, с помощью которого при подъеме на обратном пути веревка возвращается на место.

Итак, француз П.Пенес совершает сольное прохождение известной пропасти Берже до дна ее на глубине -1122 метра и вернулся, затратив на все 19 часов. Всего 19 часов! Помню, в какой шок повергла нас, не знавших тогда корделета, эта весть.

Корделет. О нем мы еще поговорим подробнее. А пока в 1971 году другой известный француз Поль Курбон предпринял попытку сольного прохождения не менее известной пропасти Пьер-сен-Мартен. Надо сказать, что ПСМ, как сокращенно и уважительно называют пропасть спелеологи, начинается уникальным образом. Узкое отверстие в борту крутоскальной воронки приводит в вертикальную пропасть глубиной 346 метров, названную шахтой Лепине в честь первооткрывателя. В шахте Лепине динамическая техника становится бессильной и требуется полноценная навеска штурмового снаряжения для спуска и подъема по ней.

Первая попытка отважного француза закончилась неудачей. Навесив водиночку 310 метров лестниц и веревки, Поль завис в пяти метрах от дна пропасти, не имея ни кусочка веревки, чтобы продолжить спуск. Ошибка в топографической съемке привела к досаднейшей неудаче. Курбон безусловно должен был ощутить сильнейшее желание завершить спуск, спрыгнув вниз и

сбросив остальное снаряжение. Всего-то пять метров! Вопрос возвращение остро не стоял, так как в нижней части ПСМ существует гидротехнический тоннель "ЕДФ", проложенный ранее французской энергетической компанией в промышленных целях, - тоже уникальная особенность этой пропасти. Но глыбы на полу зала и благоразумие побороли отчаянье несбывшихся надежд, и Курбон начал подъем. Десять часов непрерывной работы позволили ему поднять почти 90 кг своего снаряжения и выбраться самому.

Вторую попытку Курбон предпринял только через полтора месяца. Наэтот раз все прошло благополучно. Затратив на спуск в шахту Лепине 1 час 45 минут, Курбон достиг зала Верна в донной части пропасти и вернулся ко дну шахты за 4,5 часа, после чего совершил подъем на поверхность за 5 часов 45 минут. Таким образом сольное прохождение 730 метров денивеляции заняло 12 часов!(*34)

Трудно сравнивать эти два сольных прохождения. Ясно одно - оба они являются выдающимися достижениями.

* * *

Надежда на помощь существует, но ты идешь один. Если что-то случится - вылетит небрежно забитый крюк, покачнется камень после неосторожного шага или погаснет свет - помощь, конечно, придет, но не скоро. Дотянешь ли? Мои товарищи, оставшиеся мерзнуть перед непроходимыми для них сужениями хода - поддержка, скорее, моральная, чем сколько-нибудь действенная. И Пещера, только что приветливо расцвеченная и благожелательная, вдруг нахмурилась, скалясь корявой чернотой расщелин. Выступы, карры так и норовят цапнуть за провод многострадального фонаря, дернуть комбинезон, заклинить сапог.

Есть и еще один вид одиночества в пещере. Целый ряд зарубежных исследователей, из которых у нас известен, пожалуй, только француз Мишель Сифр, провели длительное время под землей без связи с внешним миром (*35)

Сифр начал свою серию экспериментов в 1962 году с 63-дневного пребывания на глубине -130 метров в альпийской пропасти Скарассон с подземным ледником. Этот эксперимент подтвердил наличие в организме человека неких биологических часов, регулирующих ритмы жизнедеятельности.

Однако, впечатления от более чем двухмесячного одиночества в пещере оказались столь сильными, что Сифр на время перешел от активной спелеонавтики в организаторы аналогичных экспериментов. Нашлись и непосредственные исполнители. В 1964-65 годах добровольному заточению в двух соседних пропастях массива Одиберг во Франции подвергли себя Жози Лорес и Антуан Сенни. Годом позже - Жан Пьер Марите. В 1968-69 годах эстафету подхватила еще одна двойка исследователей в составе Филиппа Энглендера и Жака Шабера.

Жан Пьер Марете, спелеонавт, человек-лаборатория, в условиях пещеры свыше тысячи часов носил на теле многочисленные датчики для регистрации электрической активности мозга, движения глаз, тонуса мышц, записи ритмов сердца и дыхания.

Только через десять лет Мишель Сифр решился на повторение своего первого эксперимента. В 1972 году он установил рекор одиночного пребывния человека в пещере Миднайт, где Сифр провел 205 дней.

Подобные опыты проводились и в других странах. В 1987 году итальянец Маурицио Монтальбини превысил рекорд Сифра, проведя в пещере Марке 210 суток. Среди спелеонавтов известны и женщины. Это француженки Жази Лорес и Вероника де Гуен, австралийка Дороти Вильямс и другие. Рекордсменкой в этом занятии является итальянка Стефания Феллини, которая, выполняя контракт с Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства США - НАСА, вела научную работу в одной из пещер Мексики в течение пяти месяцев. Эксперимент ставился с целью получения необходимых данных в плане подготовки экспедиции на Марс.

Абсолютным же рекордсменом спелеонавтики является югослав Милутин Велькович, который в обществе собаки, кошки, овцы, кур и уток в 1969-70 годах провел 463 дня на глубине -100 метров (*36)!

* * *

Вернемся же на Алек. Мекка советского кейвинга, хребет Алек, на целых пять лет захватил первенство в глубинных исследованиях СССР. Рекорд Каскадной пал. В августе 1965 года в пещере Назаровской спелеологи достигли "старого" дна на глубине -310 метров от поверхности (*37).

Дальнейший путь преградил сифон. Позже будет найден его обход. А пока открытия сыпались одно за одним. Лесник Назаров показал не только вход в Назаровскую. В соседней балке тропа проходит мимо огромной воронки. Не воронка - привлекает внимание белоснежная стена известняков, перерезающая балку поперек, и лишь потом взгляд с удивлением уходит вдоль стены вниз, в заросшую тропической растительностью заваленного стволами упавших буков провала. Величественная картина карстовых процессов! Пещеру, обнаруженную на дне провала, так и назвали - Величественная.

Слухом земля полнится. На Алек одна за одной прибывают большие и малые поисковые группы, экспедиции, здесь же проводятся Всесоюзные сборы спелеологов. В их составе представлены все ведущие спелеосекции страны - Москва, Красноярск, Крым, Урал, Сибирь. Массированные действия приносят плоды. В 1965 году обнаружены входы в такие знаменитые теперь пещеры как Географическая, Заблудших, ТЕП, менее сложные - Школьная, Медвежья.

Где-то на этих всесоюзных сборах появляются и первые казахстанцы.

1967 год - открыта пещера Ручейная, в августе повторен рекорд страны в Географической, а в ноябре ТЕП дает новый рекорд Союза - -400 метров. Тот период был характерен не только стремлением к глубинному полюсу страны, но также борьбой за приритет между официальными спелеоструктурами Центрального совета по туризму и экскурсиям (ЦСТиЭ) и "дикими" спелеоисследователями, по тем или иным причинам не входившим в официальные структуры. Так произошло, что пещера, открытая московскими "дикарями" Евгением Мухиным, Павлом Сотниковым и Татьяной Кузнецовой и названная ими аббревиатурой имен - ТЕП, оказалась "заново открытой" в следующем году экспедицией Центральной спелеосекции и переименована в Октябрьскую. Это название до сих пор фигурирует во многих публикациях, как символ безнаказанного спелеопиратства тех лет.

* * *

Год напряженнейших исследований, и вот, экспедиция красноярцев и москвичей с участием спелеологов Дивногорска, Львова, Новосибирска и Крыма под руководством дивногорца В.Д.Борина находит обход сифона на "Старом" дне пещеры Назаровская, пробивается через узкие меандры, выходит на подземную реку и в результате упирается в сифон на глубине -500. Взят заветный полукилометровый рубеж!

А какие это были экспедиции! Почти 20 лет спустя, мы, инструктора спелеосеминара, сидели в гостинице Красноярск сидели с участниками тех событий красноярцами Владимиром Коносовым и Юрием Корначевым, вспоминали, смеялись. Пещерная система Осенняя-Назаровская и сейчас считается одной из сложнейших систем среднего класса трудности. Интересно, что открытие собственно пещеры Осенняя произошло только в 1970 году. Вход в нее - неказистая вороночка пару метров в поперечнике - находится в нескольких метрах от тропы, ведущей с Буковой поляны - традиционного места наземных базовых лагерей, к Назаровской. Пять лет проходили мимо спелеологи, идущие к Назаровской и возвращающиеся из нее. Можно представить изумление счастливца, первым бросившего камень в расщелину на дне воронки: грохот этого камня о стены и дно без малого 40-метрового входного отвеса Осенней был ему наградой!

С этого момента начинаются исследования Осенней, (в которой и сегодня есть непройденные места), приведшие к обнаружению слияния ее с Назаровской. Уже на входе во второй колодец начинается в Осенней ручеек, постепенно набирающий силу, брызгающий сверкающим душем на колодцах, а в нижней части системы, после взаимослияния потоков из пещер Назаровская, Осенняя, Величественная, Примусная, и - у самого дна, Географической - это уже настоящая подземная река.

Водонепроницаемый герметичный гидрокостюм сегодня обязательное условие работы в Осенней-Назаровской (да и всех остальных пропастях Алека!). Особенно, если в задачу входит прохождение галечных сифонов Назаровской ниже "Старого" дна. Добрую сотню метров приходится ползти на животе, прокапывая проход в гальке, по руслу ручья, со страхом ожидая внезапного паводка - потолок над самой головой.

Первопроходцы шли без гидрозащиты. Шерстяная одежда, хлопчатобумажные комбинезоны, резиновые сапоги. Мокрые насквозь, тащили по теснинам и уступам палатки и спальные мешки подземных лагерей, мешки с веревками и лестницами, по колено, а то и по-пояс в ледяной воде делали топографическую съемку. И ведь как-то обходилось. Без переохлаждений и других фатальных эксцессов. Да, это было время, когда для участия в подземных экспедициях необходимы были незаурядные здоровье, физическая подготовка и сила воли.

* * *

Сейчас, почти через четверть века после первых уроков Алека, мы здесь, на Улучуре, выглядим, будто ожившие картины прошлого. Двенадцать часов нужно нам продержаться в подземном лагере на дне второго каскада пещеры. Казалось бы - что такого? Спи себе! И больше спали в иных подземных лагерях.

Однако, здесь спать невозможно. С грехом пополам выровненная площадка на полу маленького гротика в стене колодца напоминает шипастый панцирь бронтозавра. Надувных матрасов или пенополиуретановых ковриков-кариматов, как и гидрокостю-

мов, наша экспедиция не имеет. И теперь мы отчаянно пытаемся вписать свои измученные тела между каменными углами. Четыре часа такой борьбы в полусне выматывают нас окончательно. Что остается в таком случае? Светская беседа при свечах, господа!

Покер на зеленом сукне - это роскошь, а вот в "дурачка" на спальнике - за милую душу! Благо, завалялась у Гены в кармане истрепанная колода игральных карт - наше спасение. И вот - интеллектуальнейшее занятие на глубине в полторы сотни метров, разбавляемое чайком. Воды, кстати, - предостаточно. В колодце. В нашем гротике ее тоже достаточно, но только в виде тоненькой текучей пленочки на полу и стенах, норовящей затечь в палатку или упавший сапог. Поэтому чтобы наполнить чайник, приходится - вот подлость! - выходить под душ колодца.

Судя по шуму воды, день наверху в самом разгаре и достаточно солнечный. Постоянно прислушиваемся. Такое впечатление, что наш водопад не только не утихает, но как-будто усиливается. Скорее всего, это обман слуха, но сознание этого не прибавляет оптимизма. Мучительнее всего осознавать, что совсем близко, в сотне метров по вертикали, в нескольких часах работы, светит солнце, сухо и тепло. Коля Петров, наверно, костер кочегарит - вчера парни с парой арендованных ишаков спускались вниз за арчевником. Санька Гановичев теребит гитару, сочиняя очередной мотив. И все ждут нас. А мы дуемся в карты и слушаем воду. Главное на отсидках - терпение (*38).

Все! Сидеть на этих иголках больше нет сил. Будем выходить, и черт с ней, с водой!

В любом деле главное - это решиться. Споро собираем лагерь. Интересно: почему это на поверхности все так ладненько упихивается в транспортировочные мешки, а в пещере - совершенно не желает?

Определяем порядок движения. Первым пойдет Карасев, средним Гена, я цепляю мешки к вытяжной веревке и выхожу последним (*39). У меня все-таки полиэтиленовый анорак.

Втянув головы в плечи и инстинктивно пригибаясь, как солдаты под обстрелом, выходим из под сводов грота. В колодце шумно и стоит мелкая водяная пыль. Первый из нас судорожно пристегивается к веревкам.

- Ну, пошел!

Карасев согбенным старцем отчаянно впрыгивает под душ. Шум в колодце резко возрастает - капли бьют в его полиэтиленовый плащ. Теперь как можно скорее вперед!

Картина прямо-таки мистическая. Пристегнувшись вне потока и нагрузив своим весом веревку, Виктор теперь раскачивается маятником под сверкающим в лучах наших фонарей дождем, огромными шагами меряя пустоту. Этот развевающийся плащ, марионеточные шаги, вся длинная фигура Карасева, летающая по колодцу все выше и выше в заполошных отсветах фонарей - ну, прямо "Вечера на хуторе близ Диканьки"!(*40)

И еще один, врезавшийся в память, эпизод. Натягиваю рапель (*41), облегчая подъем идущему где-то надо мной Виктору, стоя на площадке под последним 20-метровым уступом каскада. Мысли уже наверху... Вдруг шум уже изрядно ослабевшего ручья перекрывает непонятный шип-свист. Мгновение, и могучий удар о каменистое дно сотрясает колодец! Инстинктив-

но вжимаюсь в стену в ожидании рикошетирующих осколков. Но... вслед за ударом наступает непонятная тишина (шум потока уже не воспринимается). Все еще опасливо озираюсь, шарю по сторонам лучом фонаря. Ничего. И тут сверху раздается приглушенный голос Карасева:

- Эй, внизу! Посмотри! Там у меня рукавица упала.

Ох, уж эти фокусы пещерной акустики! Падающие брезентовые рукавицы-верхонки часто становятся под землей источниками впечатляющих акустических эффектов. В 1982 году я выронил по неосторожности рукавицу, стоя с москвичем Андреем Пильским над 33-метровым отвесом, известном среди спелеологов как "колодец со щелью".

- Ой! - сказал я невольно, когда рукавица юркнула в щель устья колодца.

- Что случилось? - спросил Андрей.

- Рукавица ушла, - сказал я.

- Ну...- начал было Андрей, но тут в колодце с такой силой грохнуло, что мы, открыв рты, уставились друг на друга.

Кто бы мог предположить такие артиллерийские способности у обычных верхонок? Вполне безопасно, но эффектно до полного онемения!

Рукавицу я, конечно подобрал.

* * *

Мы вернемся на рассвете,
Пусть фонарь уж еле светит,
И махорки только горсточка на всех,
Рвемся вверх мы по колодцам,
И не знаем: ночь иль солнце -
Все равно - нам только б выбраться наверх!(*42)
-

Так заканчивалась Первая республиканская спелеоэкспедиция в глубочайшую пещеру Казахстана.

* * *

Пока мы преодолевали свой полукилометровый рубеж глубины, пиренейские гиганты снисходительно поглядывали через "железный занавес" на своих подрастающих конкурентов.

Добрых десять лет миром глубин безраздельно правила красавица Берже. В 1953 году во Франции на плато Сорнен горного массива Веркор француз Жо Берже открыл неизвестный вход в пещеру. Спустившись на 52 метра и смекнув, что дело этим не кончится, Жо поспешил в Гренобль. Можно представить с каким энтузиазмом приняли известие о новой пещере его товарищи, если уже на следующий день спелеологи вновь прибыли на плато. Достигнутый в этом году результат - -370 метров хотелось считать предварительным. Так и случилось. Следом за первой три экспедиции одна за одной штурмуют неизвестность, и в 1954 году Гуффр Берже завоевывает звание "Глубинного полюса планеты", превзойдя на добрых полторы сотни метров гиганта ПСМ. Итог этих экспедиций - -903 метра, но пропасть продолжается!

1955 год. Новая атака гренобльцев приносит -985 метров. Еще чуть-чуть и - километр! И вот, в августе 1956 года, французская экспедиция под названием "Операция 1000", наконец, срывает золотой цветок. Отныне глубина красавицы Берже -1122 метра, считая от верхнего входа N1 до сифона на ее "сухом дне". "Сухим дном" называют нижнюю точку пещеры, которую можно достичь, не прибегая к пронырыванию сифонов с

помощью легководолазного снаряжения.

Однако к 1966 году ПСМ дает новый мировой рекорд - -1171 метр, и Гуффр Берже, скромно потупившись, отступает: править миром - дело мужчин. В борьбе за мировую корону, как обычно, не обошлось и без хитрости. Дело в том, что гидротехнический тоннель, в 1956 году пробитый французской компанией "Электрик де Франс" прямо в зал Верна на глубине -730 метров от уровня входа в шахту Лепине, дал возможность экспедициям, исследующим ПСМ, без труда попадать сразу в нижнюю точку пропасти, чтобы вести работы по поискам продолжения из зала Верна.

* * *

Непосвященному трудно представить объемы пустот подземного мира. Вот как описывал Норбер Кастере зал Верна пропасти Пьер-сен-Мартен:

"...Продолжая идти дальше среди чудовищно нагроможденных громадных каменных блоков и спустившись по очень наклонному завалу, мы вышли на единственное горизонтальное место пещеры: пляж шириной 40 и длиной 80 метров, состоявший из огромных окатанных валунов. Здесь поток, выпитый своими аллювиальными отложениями, просочившись, убегал окончательно, потому что пропасть здесь заканчивалась.

В конце пляжа известковая стена высотой в 100 метров замыкает гигантский зал, где поместились бы два собора Парижской Богоматери: длина его более 200 метров, ширина 120, а высота 100 метров" (*43).

Но исследования продолжались. Испанец Хуан Сан Мартин совершил трудное восхождение стене зала Верна и на высоте 110 метров проник в начало большой галереи Арандази - древнее русло подземной реки. С двумя товарищами он преодолел серию меандров с колодцами и водопадами. Попав в конце концов в неимоверно узкий диаклазный (*44) ход, испанцы были вынуждены остановиться на глубине -845 метров.

По следам испанцев двинулась английская экспедиция. Им удалось пробиться сквозь теснину, остановившую испанцев. Диаклаза оказалась длиной 1300 метров (!), получила название Меандр Мартин и - ура! - вывела на слияние с другой подземной рекой. Вода слившихся потоков с грохотом падала в каскад колодцев общей глубиной 240 метров. На дне последнего из них, названного колодцем "Парман", река исчезала в непроходимой узости на глубине -1006 метров от уровня верхнего входа в ПСМ - трудная победа английских рыцарей кейвинга.

Ниже англичан пройти не удалось. Дальнейшее увеличение денивеляции пропасти связано с исследованиями вверх по течению подземной реки со дна шахты Лепине. А вернее сказать, с удачным соединением ПСМ с расположенной неподалеку пропастью Тет Соваж.

Во время одной из экспедиций в Тет Соваж спелеологи клуба "Париж" заметили на стене одного из внутренних колодцев пропасти небольшое отверстие. Проникнув в него, они обнаружили целый ряд колодцев, наибольший из которых имел 100-метровую глубину, и на отметке -405 метров вышли на подземную реку (заметим, что до этого момента Тет Соваж имела глубину всего -145 метров).

Под землей выход на реку всегда волнующее событие. Мощный, будто заволакивающий все вокруг гул, обступает вас задолго до встречи с потоком. Воображение рисует фантасти-

ческие картины! И вот - река. Нередко грохот ее воды оказывает не больше, чем акустической иллюзией. Также, многократно усиленный пещерной акустикой, может звучать голос небольшого ручейка.

Но нет, в Тет Соваж была настоящая река. Спускаясь вниз по ее течению, примерно через километр парижане попали в знакомые галереи пропасти Пьер-сен-Мартен. Так состоялся рекорд мира: -1171 метр от входа Тет Соваж до дна колодца Парман (*45).

* * *

Пока идеологи коммунизма провозглашали интернационализм, спелеологи мира осуществляли его на деле.

Казалось, что мы отстали безнадежно. Однако, простой расчет говорил о том, что были бы геологические и климатические условия, а прохождение пещер - дело времени, ну, и, конечно, удачи.

Геологические, и тем более климатические условия на территории бывшего СССР существовали безусловно. А вот удача пришла к спелеологом Московского Государственного Университета на Бзыби.

Бзыбь. Бзыбский хребет Западного Кавказа. Абхазия.

Кавказ уже дал Алек, теперь дошла очередь до высокогорных карстовых районов вдоль побережья Черного моря. И первой в эту очередь встала Бзыбь.

И вот в 1971 году экспедиция МГУ под руководством М.Зверева открывает на Бзыбском хребте неизвестный вход в пещеру на дне забитой снегом огромной карстовой воронки на высоте 1900 метров над уровнем моря.

Пещера получила название Снежная и уже в следующем году дала неслыханный для СССР результат - -700 метров! Впервые советские спелеологи работали на такой глубине да еще в условиях настоящей подземной реки. В одном из выходов группа москвича Глебова получила опыт встречи с паводком на этой реке. Восемь часов провела группа на небольшом уступчике, пережидая подъем воды. Несмотря на все препятствия и неожиданности, экспедиция преодолела несколько глыбовых завалов, каждый раз поднимаясь на десятки метров над руслом подземного потока, но была остановлена гигантским "Пятым" завалом, под которым исчезала река.

Не только на Кавказе велись интенсивные поиски. Успех Снежной подталкивал киевлян, работавших в Узбекистане на плато Кырк-Тау Зеравшанского хребта Тянь-Шаня под Самаркандом. Результатом двух летних, 1972 года, экспедиций под руководством В.Рогожникова и А.Климчука стало открытие входа и прохождение до -270 метров новой пропасти, получившей название Киевская (иначе КиЛСИ - Киевская Лаборатория Спелеологических Исследований)

Открыли эту пещеру весьма буднично. Шла обычная разведка в западной части плато. Двойка спелеологов - Климчук и Висневский, осматривали воронки на краю карстовой котловины. Урожай был невелик - несколько небольших колодчиков. А эта воронка и вообще казалась малоперспективной - открытого входа в пещеру не было видно. Но между глыб на ее дне видны какие-то щели. Опыт спелеопоиска показывает, что нельзя пренебрегать любыми мелочами. Брошенные в щель камни дают ответ: быстрый дробный перестук - наклонный ход, затем несколько с перерывами сильных ударов - это уже вертикальные

обрывы-колодцы.

Полчаса работы понадобилось, чтобы расширить щель.

Пещера продолжалась, и следующий год принес в Киевской -500 метров. Пещера продолжалась.

А в это время на Кавказе экспедиции разных спелеосекций одна за одной безуспешно пытались найти проход в Пятом завале Снежной. Завал оказался твердым орешком.

В пылу экспедиций, воздвигаемых и рушащихся один за одним карточных домиков надежд, прошел год 1974-й.

После успешной экспедиции 73-го киевляне вернулись на Кырк-Тау только два года спустя. Летом 75-го кырктуасская экспедиция киевлян под руководством Татьяны Крапивниковой остановилась перед непроходимой пока щелью на отметке около -700 метров. Киевская сравнялась со Снежной и... продолжалась!(*46)

Неудивительно, что в 1976 году взгляды многих охотников за подземными рекордами обратились на Среднюю Азию. На Кырк-Тау собирается Всесоюзная экспедиция - в два этапа; в составе ее представители Киевской, Пермской, Крымской, Львовской, Красноярской и других комиссий спелеотуризма. В пропасть было спущено снаряжение достаточное для прохождения не менее двух километров по вертикали.

Вот как описывали события той экспедиции участники событий (*47):

"... Мы сидим в палатке под землей, на глубине около 800 метров. Мы - это киевляне Александр Резников, Валерий Рогожников, Тамара Крапивникова, Александр Климчук и спелеологи из Томска - Вячеслав Чуйков и Павел Бозриков. Штурмовая и научная группы. В палатке уютно гудит примус, довольно тепло, и от насквозь мокрых шерстяных свитеров валит пар. Ужасно хочется спать, но надо еще приготовить пищу. Страшная усталость и нервное напряжение после почти сорока часов тяжелейшей работы не дают в полной мере ощутить радость достигнутого: мы перешагнули километровый рубеж - спустились до глубины 1020 метров... Предполагали после отдыха в лагере "-800" продолжить штурм пещеры. Но когда стали подниматься в лагерь, один из членов штурмовой группыы потерял сознание от переохлаждения. Вода - наш главный враг - отбирает последние остатки сил и тепла...

Вода в шахте везде. Уже на первых метрах пропасти - мокрые стены, лужи. Примерно на глубине 100 метров отдельные струйки сливаются в постоянный ручей. На колодцах - вертикальных обрывах - он ниспадает "освежающим" душем (температура воды 3-4 градуса по Цельсию). С глубиной поток становится мощней, и в нижних частях пропасти душ превращается в водопады. И горе тому, у кого разодран гидрокостюм об острые выступы стен. На первом же колодце под водопадом вся шерстяная одежда вымокнет под резиной до нитки, а десяток-другой часов пребывания в мокрой одежде при температуре не выше 5 градусов могут привести человека в тяжелое состояние. Хорошо еще, что в шахте Киевской нам не грозит одна из основных опасностей обводненных пещер - опасность внезапного повышения уровня воды, вызванного ливневыми осадками на поверхности. Над Кырк-Тау в это время года можно месяц не увидеть даже маленькой тучки...

Чтобы спасти товарища, нам нужно поскорее обогреть его и накормить. А до лагеря "-800" еще почти сто пятьдесят метров

подъема по вертикальным колодцам, наклонным ходам с узкими щелями и потоком, образующим водопады и беспрерывные цепочки озер. С каждым часом все труднее становится поддерживать жизнедеятельность переохлажденного организма...

И вот, наконец, мы в лагере "-800". Ощущаем огромное блаженство от тепла и от того, что осточертевшие гидрокостюмы и каски, облепленные грязью, остались за палаткой. Рассказываем нашему пострадавшему, который уже пришел в себя, подробности спасательных работ. Откуда-то сверху доносится затихающее в шуме потока пощелкивание захватов - это врач экспедиции Валерий Разбицкий и Александр Таширев уходят ночевать "на этаж выше", в лагерь "-700". Когда по связи наверх пошло сообщение о ЧП, они спешно примчались из лагеря "-400", где находились в это время, чтобы помочь нести пострадавшего.

Тихо шипит примус, Чуйков пытается связаться по телефону с базовым лагерем, остальные, разомлев, засыпают. Но еда уже готова, расталкиваем заснувших. С трудом открывает глаза Тамара и молча выслушивает наши поздравления - она стала первой женщиной в СССР, покорившей такую глубину, и, наверное, надолго единственной.

Проснувшись часов через пятнадцать, мы поняли, что на вчерашнее ЧП потеряно слишком много времени и сил и что повторный выход для достижения дна пещеры придется отложить. Дна пропасти мы так и не увидали..."

* * *

Первый этап Всесоюзной экспедиции установил рекорд страны, но отступил, так и не увидев дна пропасти. Затем...

"Первым дно пропасти увидел Шура Шевчук... Дно великих пропастей на километровых глубинах до этой экспедиции он представлял себе приблизительно. Но был уверен, что пробел в области пещер в ближайшие дни будет заполнен. Потому что все они - монтажник Шевчук, художник Чурин, экономист Петров, техник Михалевич, слесарь Евдокимов воглаве с инженером-геологом Пантюхиным - были в равной степени достойны ступить на дно. Вопрос, кто будет первым, решала сама пещера. Шевчуку повезло.

Спокойный, рассудительный Петров в потекшем гидрокостюме и невозмутимый Михалевич остались в галерее, расположенной ниже рекордной отметки киевлян, страховать Шевчука, спускающегося в очередной колодец.

- Ну? Что там, Шура? - услышал он голос Петрова.

Он спустился ниже - метров на десять, и увидел под собой ровную серую поверхность.

- Вода, - закричал он наверх. - Озеро. Похоже на сифон. Я посмотрю?

- Аккуратно, Шура...

Он вошел в ледяную воду и, как был в сапогах, комбинезоне и каске, освещая путь тускло горящим фонарем, поплыл к другому берегу. Потом он подныривал под скалы в поисках хода.

Но не нашел...

Они дошли до дна, установили всесоюзный рекорд и определили, что КиЛСИ - четвертая в мире по глубине пещера. Но удовлетворения не было. У ног лежало около полукилометра веревок, готовых для мирового рекорда. В лагере "Недра-3", не зная об озере, отдыхали их товарищи, Геннадий Пантюхин, Сергей Евдокимов, Олег Чурин, готовые штурмовать бездну...

Петров взял телефонную трубку, и там, высоко в светлом мире, на поверхности, раздался сигнал.

- Мы, вроде, дошли до дна, передайте Панте.

Из верхнего лагеря позвонили Пантюхину...

- Да? - сказал он и замолчал.

Потом он признался, что был неготов к этому сообщению, и принял глубину 1082 метра как предательство со стороны пещеры.

Скоро Пантюхин, Чурин и Евдокимов уже были на дне. Провели съемку. К этому времени Петров, Шевчук и Михалевич уже вбили в стенку крюк и повесили на него вымпел крымской секции спелеологии...

- Кажется, все, - сказал Пантюхин, - кажется с КиЛСИ все! Но где-то рядом должна быть пещера глубже французских. Надо ее найти и достичь дна - в этом суть."

Так писала "Комсомольская правда в статье Юрия Роста "Пропасть" в октябре 1976 года.

Р Ы Ц А Р И П О Д З Е М Н О Й К О Р О Л Е В Ы.

==========

-

Итак, Всесоюзный рекорд перекочевал в Среднюю Азию.

Надо представлять внутриполитическую обстановку в советском спелеотуризме тех лет, чтобы в достаточной мере ощутить аромат времени.

Организационно оформившись в системе советов по туризму и экскурсиям ВЦСПС (*48), советский кейвинг получил название СПЕЛЕОТУРИЗМ и приобрел соответствующую иерархическую структуру. На вершине пирамиды находилась Центральная секция спелеотуризма Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС (ЦСТиЭ ВЦСПС). Возглавил ее, в то время аспирант Института кристаллографии АН СССР, а впоследствии доктор физико-математических наук, москвич Владимир Валентинович Илюхин. Со стороны спелеологии как науки спелеотуризмом руководил геолог, а ныне доктор геологических наук, во времена существования СССР председатель бюро Секции спелеологии Научного совета по геологии и гидрогеологии Академии Наук СССР (НГСиГ АН СССР), симферополец Виктор Николаевич Дублянский. Познакомившись в 1959 году при штурме пещеры Каскадная в Крыму, эти два незаурядных лидера надолго возглавили официальный спелеотуризм в стране - один, как прямой руководитель, второй - как "комиссар", идейный вдохновитель советских спелеоисследований.

Структура официального спелеотуризма совершенствовалась, приобретала характерные особенности и строение. Прежде всего была создана система подготовки спелеотуристских кадров. Для того чтобы получить формальное право совершать пещерные путешествия, начинающему спелеотуристу необходимо было пройти три ступени подготовки в официальных учебных мероприятиях: школу предлагерной подготовки (ШПП), а затем последовательно лагеря Первого и Второго годов обучения, затратив на это около трех лет. Далее шла школа инструкторов спелеотуризма.

Понятно, что не у всякого хватало терпения одолеть столь длительный и суровый учебный процесс. Да и попасть на обучение могли далеко не все желающие. А пещеры с каждым годом привлекали к себе все больше внимания. Это становилось неким противоречием, подталкивающим большое число кейверов к самостоятельным спелеоисследованиям, в обход официальных спе-

леотуристских структур и системы подготовки кадров.

Вторым противоречием в спелеотуризме стала система маршрутно-квалификационных комиссий (МКК), через проверку которых обязаны были процеживаться все желающие совершить спелеопутешествия. Каждая спелеоэкспедиция должна была заранее предоставлять в МКК заявочно-маршрутные документы, а по завершении отчитываться о походе с предоставлением материалов топографической съемки маршрута, и письменного отчета. По итогам рассмотрения и защиты таких отчетов МКК "засчитывала" или "не засчитывала" путешествие, по особому представлению присваивала или нет спортивные спелеотуристские звания и разряды, фиксируя таким образом квалификацию спелеотуристов.

Говоря о квалификации, следует заметить, что система МКК имела право "дисквалифицировать" любого спелеотуриста за нарушения каких-либо правил или условий, которых постепенно развелось великое множество. Таким образом МКК из консультативного органа, нацеленного в первооснове на обеспечение безопасности спелеопутешествий, превратилась в руках властьимущих от спелеологии в удобное орудие для сведения счетов с неугодными.

Если говорить об отчетах и топографических материалах, то, на первый взгляд, в период интенсивного накопления спелеологической информации с стране такой порядок оформления спелеопутешествия казался разумным. В это благодатное время каждый выход в пещеру, порой, приносил новые открытия.

Но время шло, удельный вес первопрохождений в общем числе пещерных экспедиций объективно снижался. А требования к их бумажно-документальному оформлению, узаконенные постановлениями соответствующих организаций, как-то незаметно превратились в обязательные. Без всяких исключений и поправок на время и объективные изменения в спелеологической обстановке. Показательно, что требования эти, слегка изменяясь, сохранялись в "Правилах проведения туристских походов и путешествий по территории СССР" до последнего дня существования СССР.

Все бы хорошо, но вот как-то забылось в пылу спелеотуристского законотворчества, что правила эти могут быть обязательны только для добровольцев. Что туризм, тем более такой, за который присваиваются спортивные значки и разряды - сам по себе занятие добровольное. Что каждый гражданин социалистического государства, согласно принятой этим государством Конституции, - существо свободное и имеет право находиться на территории своего государства там, где ему заблагорассудится, кроме, конечно, территорий специального режима посещения.

Но нет - мы не имели права свободно ходить в пещеры, не оформив необходимых бумажек, которые к тому же могли нам подписать, а могли и нет. И если вы все же отваживались отправиться в пещеру, пренебрегая МКК, то тут вас подстерегала еще одна интересная структура - туристская Контрольно-спасательная служба системы Советов по туризму и экскурсиям.

Этой службе вменялось в обязанность не столько спасать (для чего спасательные отряды часто не имели ни надлежащей квалификации, ни состава спасателей, ни снаряжеия) сколько - "не пущать!" И горе тому, кто без надлежащих маршрутных до-

кументов попадал в лапы этих "контрольно-спасателей" - с вами могли сделать все, что угодно. Могли просто не пустить в район, перечеркнув все ваши отпускные планы, затраты на дорогу и подготовку и т.д., могли изъять, в лучших традициях коммунистической реквизиции, снаряжение (а потом забыть отдать), могли написать задержанному на производство или по месту учебы письмо криминального содержания, после чего администрация по месту работы нарушителя должна была принять санкции (как из медвытрезвителя!). А то и того лучше - резали на куски веревки, а самих "дикарей" попросту избивали - для науки, чтоб знали, как с КСС разговаривать.

Я содрогаюсь сегодня, вспоминая те годы, когда мы были вынуждены вести партизанскую борьбу с КСС, пробираясь в свои любимые пещеры. Особенно славен был жестоким произволом и беспределом Крым, где покрыл себя недоброй славой известный в советской спелеологической среде Геннадий Пантюхин. Второе место занимал Урал. На Кавказе было попроще - горы слишком большие, в Азии - вообще благодать. Благородно держались красноярцы, контролируя Саянские пещеры.

Даже нам, взращенным тоталитарной коммунистической системой, казались тогда противоестественными эти посягательства туристской бюрократии на нашу, пусть относительную, но свободу проводить свое свободное время так и там, где нам хочется. Мы удивлялись, возмущались, протестовали, как могли. Встречи с КСС оканчивались по принципу - кто сильнее, тот и прав!

Впрочем, тоталитарный спелеотуризм имел в арсенале не только кнут, но и пряники. Официальные спелеотуристы нет-нет, да и получали с барского стола куски в виде финансирования советами по туризму слетов, соревнований, учебных школ и семинаров, иногда даже экспедиций. Понятно, что немногие отказывались от возможности позаниматься любимым делом за счет "ничейных" профсоюзных средств. Кто был ближе к вершине спелеотуристской иерархической пирамиды, т.е. к кормушке, - тому перепадали более жирные куски и чаще, остальным - что оставалось. Поэтому большинство даже самых рьяных противников советской спелеосистемы не против были сами превратиться в официальных спелеотуристов - именно из-за возможности ходить в пещеры за "народные" деньги, но уж никак не для обременительных ритуалов "ЭмКаКа-КаэСэСной" формалистики.

Так советский спелеотуризм стал отражением в кейвинге всех основных черт камандно-бюрократической коммунистической империи под названием Советский Союз. Чему удивляться?

* * *

Но противоречия между официальной системой спелеотуризма и основной массой спелеолюбителей страны нарастали. Немалое значение в обострении внутриполитической обстановки в советском спелеотуризме сыграл и постепенно портящийся характер председателя Центральной спелеосекции. Вынужденный вести борьбу на два фронта: с чиновниками Центрального совета сверху и с непокорными массами "диких" и уколоняющихся от выполнения придуманных властями правил снизу, Илюхин тем не менее обладал формально и во многих аспектах фактически все полнотой власти в спелеотуризме. А безграничная власть портит даже очень выдержанных людей. И здесь происходили обычные для тоталитарного авторитарного общества метаморфо-

зы.

Только еще, кажется, каждый коллега по совместным штурмам, подобно Борису Мартюшеву, вместе с Илюхиным принимавшим участие в первопрохождении Назаровской, мог написать чтонибудь вроде:

"... Вот задергалась веревка, висящая вдоль стены: по ней кто-то начал спускаться. "Четко идет: не торопится и со страховкой... Наверное, Илюхин", - подумал я. Человек на веревке добрался почти до низу, приостановился. Было видно, как он высвечивает дно, оглядывая место приземления. Потом поехал снова: оттолкнулся от стены, качнулся маятником, наконец развернулся и твердо встал на обе ноги рядом с озерком.

- Молодец, Вовка! - сказал я, - Красиво спускаешься: как по нотам"(*49).

И вдруг замечаешь, что только было подумаешь сказать что-либо, вроде: - Привет, Вовка! - а тебя уже предупредительно, с настойчивой сталью в голосе, поправляют:

- Не Вовка, а Владимир Валентинович!

(Не Коба - а Иосиф Виссарионович. К слову.)

Пусть простят меня друзья Илюхина за такие параллели, но нам, с другой стороны баррикад, все казалось несколько по-иному, чем сверху от кормушки.

Постепенно намечаются разногласия между председателем Центральной секции и лидерами некоторых независимых групп. Разногласия эти "почему-то" часто заканчиваются неприятностями для оппонентов, вплоть до дисквалификации и запрещения ходить в пещеры. Что-что, а уж придраться к чему-либо можно всегда. О методах борьбы с неугодными могут поведать многие кейверы, по тем или иным причинам оказавшиеся в те годы вне официального спелеотуризма, на языке властей - в числе "дикарей".

Репрессии илюхинских времен, в числе других, пришлось пережить и выдающемуся советскому спелеологу Даниэлю Алексеевичу Усикову. Тот самый Даня, принимавший участие в исследованиях Дублянского в Горном Крыму, о котором Виктор Николаевич упоминает в книге "Вслед за каплей воды", ставший даже инструктором илюхинских спелеосборов на Кавказе, руководитель ряда первоисследований на хребте Алек (в пещере Величественная и других) вынужден был, попав в опалу, перейти по его собственному выражению в разряд "частных" спелеологов.

Первооткрыватель входа в пропасть Снежную, руководитель первопрохождения ее до -700, Михаил Зверев в сборнике, посвященном 20-летию спелеосекции Московского Государственного Университета (*50), приоткрывает перед потомками одну из таких страничек междоусобной войны Центральной спелеосекции Илюхина с низовыми секциями:

"Рассказ об истории секции МГУ будет неполный, если не упомянуть о ее взаимоотношениях с городской секцией спелеологии, возникшей практически одновременно с нами, но вскоре захватившей руководящие места в ЦС по туризму, в маршрутных комиссиях и т.д., и ставшей нашим спелеологическим начальством. Отношения с "городом" ухудшились после поездки на пленум в Красноярск в 1964 году, в которой от МГУ были Алексинский и Гапанович, а от городской секции - Илюхин. Между Алексинским и Илюхиным возникли какие-то разногласия;

подробности были известны весьма малому кругу лиц. В дальнейшем эти отношения ухудшились до такой степени, что Илюхин и его ближайшие соратники противодействовали секции МГУ во всех ее проявлениях. Не упускалась любая возможность умолчать о работе секции или полить ее грязью. Оформление экспедиций в городской маршрутной комиссии крайне осложнилось. Со стороны это может выглядеть дико, но был случай, когда маршрут не был утвержден из-за того, что в список снаряжения не были вписаны спички."

Другой спелеолог МГУ В.Благодатский вспоминает:

"... Городские руководители постоянно третировали университетскую секцию, как низовую, использовали любую возможность, чтобы ущемить ее и, в конечном итоге, запретить ту или иную экспедицию. Эта борьба отнимала у нас колоссальные силы.

... Вспоминая потом этот период жизни секции, я пришел к убеждению, что без этой борьбы секция была бы просто раздавлена и прекратила бы свое существование."

* * *

Находясь в Москве в тот нелегкий и интересный период, ставший сегодня далекой историей советского спелеологического движения, я (автор этих строк) волею случая оказался в числе "диких" спелеологов и в достаточной мере лично ощутил на себе жесткий прессинг в подавлении частного кейвинга системой МКК-КСС. Не однажды нашей спелеогруппе, состоявшей из студентов двух московских вузов МГРИ и МВТУ (*51), приходилось переживать столкновения с отрядами КСС в Крыму и Башкирии - в районах, где мы вели основные исследования. Многие спасатели с удовольствием исполняли по отношению к нам и нам подобным полицейско-карательные функции.

В 1976 году у нас реквизировали все снаряжение на туфовой площадке перед Красной пещерой - Кизил-Кобой: мы отправились в путешествие без оформленных документов. Благо, что вели мы себя смирно, и нам, с помощью одесситов, удалось позже вернуть практически все.

В другой раз только наш численный перевес предотвратил драку с башкирским КСС на пути в Кутукское урочище летом 1977 года, когда нас просто не смогли одолеть.

И это при том, что наши спелеоэкспедиции на добрую половину состояли из профессиональных геологов, гидрогеологов, впоследствии профессионально занимавшихся карстоведением и спелеологией, и мы сами ревниво следили за тем, чтобы пещерному миру не нанести излишнего вреда. Но что КСС было за дело до этого!

Мы считали ниже своего достоинства скрывать, кто мы и откуда, и в результате получали письма ("телеги", как мы их называли) по месту учебы, за что некоторых из нас едва не лишали стипендии.

Последствия этих ненормальных отношений внутри советского спелеодвижения не задержали сказаться. К 1978 году только в Москве было более 500 неофициальных кейверов, в то время как Центральная спелеосекция насчитывала едва несколько десятков человек.

Косвенно возникали и более страшные последствия.

В конце марта 1967 года в пропасти Кутук-Сумган погибли руководители спелеосекции МГУ Валентин Алексинский и Лена Алексеева. Вот как описан эти события в методической ли-

тературе (*52):

"Трагический случай произошел в группе спелеотуристов при прохождении пещеры Кутук-Сумган. Группа в составе пяти человек, никого не оставив на поверхности, спустилась в пещеру и работала в ней четыре дня. Подойдя при возвращении к последнему 70-метровому колодцу, участники обнаружили, что лестница и две веревки, которые оставались навешенными все эти дни, обмерзли и покрылись льдом.

Первым стал подниматься наиболее опытный участник (В.Алексинский, уточнения автора), цепляясь за ступеньки лестницы поочередно двумя карабинами, привязанными к беседке и обвязке, и обивая лед скальным молотком. За два часа он поднялся на 50 метров; в этот момент сверху по лестнице пошел небольшой поток воды, вызванный таянием снега. На поднимающемся не было гидрокостюма. Со дна колодца, благодаря проникающему через широкую горловину шахты дневному свету, было видно, как спелеотурист проработал еще некоторое время, затем перестал работать. Ответа на оклики снизу не последовало.

После того, как он перестал подниматься, подъем начала девушка (Е.Алексеева, уточнения автора) - наиболее опытный спелеотурист в оставшейся группе. Она поднималась тем же способом, что и первый участник, надев на себя рваный самодельный гидрокостюм, склеенный и полиэтиленовой пленки. Вода текла уже по всей лестнице. Через 50 минут снизу услышали крик и увидели, что луч фонаря, раскачиваясь, скользит по стене.

Как оказалось, перед входом в шахту в углублении скапливалась талая снеговая вода, которая к концу дня переливалась через край и начинала течь в пещеру. Первый спелеотурист с момента начала душа поднялся еще на 13 метров и был около самого карниза, за которым начинается катушка в виде закругляющегося склона. Там лестница лежала в желобе и полностью покрылась льдом, что существенно затрудняло подъем. Первый участник не видел этого и, по-видимому, рассчитывал быстро подняться. Девушка не дошла до него около 4 метров. Когда их вытащили наверх, они были покрыты льдом. Медицинское освидетельствование установило смерть от переохлаждения. Оставшиеся в пещере участники поднялись на поверхность с помощью местных жителей.

Если бы спелеотуристы поднимались в этих условиях с верхней страховкой, то время пребывания даже на обмерзшей лестнице сократилось бы во много раз и удалось бы избежать длительного воздействия ледяной воды. Ситуация была бы иной, если бы лестница висела в стороне от желоба, по которому сбегала вода."

Сухие в своей педантичности строчки официальной литературы, за которыми стоит трагедия. Оставим на совести авторов выводы о возможных вариантах предотвращения трагического исхода той экспедиции. Знать бы, где упадешь, соломку бы подстелил! Но была и еще одна причина гибели московских спелеологов. Очень важная, если не главная. Об этом пишет член спелеосекции МГУ Г.Бенце:

"Потом, уже год спустя, я участвовал в работе какой-то комиссии, разбиравшей несчастные случаи со спелеологами СССР. Задачи этой комиссии, заседавшей в здании ВЦСПС, были не дисциплинарные (То бишь не наказывать собрались! Прим.ав-

тора), а просто - понять, по каким причинам могут быть осложнения в пещерах. Все рассматриваемые происшествия так или иначе были связаны с водой... Что же касается Вали с Леной, то выступивший там Дублянский, по-моему, очень правильно отметил решающую роль, которую имели в случае с ними плохие отношения между университетскими спелеологами и их городским начальством. Эти плохие отношения, сказал он, лишали Алексинского и его ребят возможности потерпеть поражение (сразу последовали бы различные репрессии), диктовали жесткую необходимость выйти к намеченному сроку и т.п.

Тогда же дискутировался вопрос: можно ли при спуске под землю никого не оставлять наверху? Мой собственный взгляд на это менялся несколько раз, тогда я считал, что нельзя, но сейчас думаю - а как же скалолазы лезут на несколько дней на стену и нигде никого не оставляют?

Вале нужно было иметь больше терпения, отступить, выждать, пока пройдет вода, дождаться утра и тракториста, но этого-то и нельзя было делать из-за жестких сроков" (* 53).

Последствия оказались трагичны...

Заканчивая эти довольно неприятные размышления, вспоминаю один случай.

Уже позднее, когда я тоже "выбился" в люди, стал руководителем усть-каменогорского клуба спелеологов "Сумган", мне не раз приходилось работать инструктором региональных и всесоюзных спелеосеминаров.

И вот однажды на Буковой поляне хребта Алек один из приятелей, бывший тогда начальником контрольно-спасательного отряда (не буду называть имени, он когда-то был моим другом), доверительно рассказывал мне, как его спасатели и он лично "били морды дикарям", изымали снаряжение, куражились и издевались над своими коллегами. И только за то, что у тех не было бумажки со штампом МКК, разрешающих маршрут.

Мы сидели на Буковой, он рассказывал, я изумленно слушал. И постепенно приходило понимание того, что рассказ этот ничуть не смущает моего приятеля, что он до сих пор считает себя и своих товарищей правыми, честно выполнявшими предписания Центра - бороться с "дикарями". Им приказывали, и они боролись. Неважно, какими средствами и методами, главное, что действовали во исполнение инструкции.

А ведь мы вместе с этим парнем работали в сложных экспедициях, страховали друг друга, и не было надежнее напарника, приятнее собеседника, добрее друга. И все только потому, что мы работали вместе, и оба были инструкторами спелеотуризма, и оба имели официальные документы? А если бы мы встретились на тропе немного ранее: он - начальник КСО, а я - "дикарь" без документов? Я уже не мог ответить однозначно на этот страшный по своей сути вопрос. Вернее, мог, но не хотелось верить, что это могло бы быть...

Вот так стреляли в мирных жителей советские солдаты в Афганистане, милиция и спецназ - в демонстрантов Тбилиси, Алма-Аты, Вильнюса. Приказано! И так же вели себя американские солдаты во Вьетнаме. Многие, большинство... но не все. Не все - и в этом суть.

Апофеозом произвола зарвавшихся в опьянении властью лжеспасателей можно назвать другой, совершенно уже невероятный случай. В феврале 1986 года моим коллегам из нашей московской спелеогруппы под руководством Евгения Войдакова

привелось пережить четверо суток заточения на дне все того же входного 70-метрового колодца пропасти Сумган-Кутук (*54).

Экспедиция завершала работу в верхнем сифоне подземной реки Сумгана, когда в пропасти спустилась двойка спасателей КСО башкирского города Салавата, в ведении которых находится район пещеры. Гонцы передали Войдакову письменное указание начальника спасателей немедленно закончить работы и покинуть пропасть. Что значит "немедленно" в условиях проведения развернутых работ в сифоне подземной реки? Масса баллонов из под сжатого воздуха, акваланги, подземный базовый лагерь со всем снаряжением... Чтобы только упаковать все это для подъема с глубины -130 метров на поверхность, понадобится несколько часов. Начальник Салаватского КСО был хорошо знаком с многими участниками этой группы, встречался с ними, накануне выезда группы в экспедицию был предупрежден об этом по телефону, и отлично знал, что команда не занимается спортивным спелеотуризмом и не оформила в МКК туристских маршрутных документов.

И вот - требование немедленно подниматься. Посовещавшись, москвичи послали наверх записку, где предупреждали спасателей, что подводные работы практически закончили, и завтра начнут подъем на поверхность.

Так и поступили. Каково же было изумление парней, когда, подойдя ко дну входного колодца пропасти, они не обнаружили своих, навешенных в нем, веревок! Это была шоковая ситуация. Увидеть в семидесяти метрах над головой голубое небо, к которому тебе не по чему подняться. Семдесят метров, и гладкие исполинские стены. Веревок не было.

Так начальник "наказал" строптивых друзей - выбрал веревки из входной шахты и попросил пастуха с близлежащей фермы сбросить их в пропасть дней через пять, если раньше ничего не произойдет: "Мол, выбрал веревки, чтоб не заледенели." Трагический случай с экспедицией МГУ десять лет назад здесь хорошо помнили все местные жители. Сказал так, а сам ушел с отрядом в город, доложить по-начальству.

...

Каждый, прочитавший эти строки, может примерить на себя эту ситуацию. Что бы вы стали делать? Парни перетащили все снаряжение под входной колодец, поставили палатку и стали считать запасы наличного освещения, горючего и продуктов.

С гордостью за своих друзей хочу сказать, что состав экспедиции подобрался достаточно опытный и спокойный. Среди спелеоподводников вообще не бывает слабонервных - срабатывают эволюционные законы естественного отбора.

Экспедиция практически завершила работы, поэтому наличные запасы ее оказались весьма скудными. Бензина для примусов практически не было. Батареек для фонариков тоже. На последних тусклых лучиках прошли по ближней лабиринтовой части пропасти, собрали все, какие могли бревна, спущенные в пропасть с целями штурма и благоустройства базовых лагерей. При помощи последних остатков сжатого воздуха в баллонах акваланговъ раздули костер их этих пропитанных водой дров.

Продукты поделили из расчета на две недели ожидания. Получилось по крохотной пайке на день. Потом залезли в спальные мешки и стали ждать.

Ждали четыре дня.

- Смешная история, - сказал Ромка.
- Подохнешь тут со смеху, - сказал Вовчик.
Остальные промолчали.
- Тише! - вдруг осипшим голосом, сказал Женька.
На четвертые сутки в пропасть упали веревки. Пастух, поразмыслив о странной просьбе начальника спасателей, заподозрил что-то неестественное, а значит, неладное и решил вернуть навеску в шахту на сутки раньше.
Первое, что сделал Войдаков, вцепившись в упавшие с неба веревки, это накрепко привязал их к стволам и глыбам на дне колодца. Чтоб опять не вытащили.
Чем черт не шутит, когда Бог спит!

* * *

Нельзя жить в мире и быть свободным от его влияния. Так неприглядная действительность коммунистического феномена XX-го столетия накладывала тяжелый отпечаток на, казалось бы, такую совершенно аполитизированную область, как спелеология.
Другой конфликт Илюхина, на этот раз с Даниэлем Усиковым, привел к ожесточенной борьбе за приоритет при исследовании пропасти Снежная на Кавказе.
К тому времени у Центральной и приближенных к ней спелеосекций наметилась еще одна неприятная тенденция - присваивать открытия "дикарей". Иллюстрацией тому - уже упомянутый нами случай с пещерой ТЕП, переименованной в Октябрьскую. Увы, это не единичный случай спелеопиратства.
Нечистоплотность всегда отвратительна, в чем бы она не проявлялась. И присуща она, к сожалению, не только эпохе Илюхина. Если о попытке группы красноярца З.Залиева вырвать успех в пропасти Форельная у москвичей под руководством Е.Снеткова мне рассказывала участница тех событий москвичка Таня Немченко, то мне лично привелось стать участником событий, когда наша совместная с богарским клубом "Академик", София, экспедиция 1987 года в Киевскую была обворована свердловчанами под рукодством С.Валуйского. Об этой экспедиции еще будет рассказано. Скажу лишь, что в 87-м году мы потерпели в Киевской тяжелую аварию и вынуждены были с помощью наших друзей, узбекских и туркменских спелеологов вести трудные спасательные работы, поднимая из пропасти тяжело травмированного болгарского спелеолога. В суматохе спасработ в пропасти осталась часть болгарского снаряжения. Естественно, что мы обратились за помощью к свердловчанам, идущим в пещеру вслед за нами - с просьбой вынуть и вернуть иностранное снаряжение, чтобы мы могли передать его болгарам. Помогли! Вернули полторы веревки, и сказали, что больше ничего не нашли. Блестящие иностранные карабины оказались дороже чести.
Не хотелось верить, что такое возможно, но позже, участвовавшие в составе той свердловской группы оренбуржцы подтвердили - были и карабины, и веревки, поделенные свердловчанами. А два года спустя на Всесоюзном слете в Свердловске я видел у Валуйского тот, "кырктаусский", зеленый болгарский карабин. Видел и... ничего не сказал. Просто стало очень противно и больно.
Да, нечистоплотность присуща не только давней истории, но эпоха Илюхина явилась законодателем мод. Стоило появиться на горизонте сколько-нибудь перспективному району или пещере

- как властьимущие спелеотуристы устремляли к ним свои честолюбивые стремления.

Так получилось и со Снежной. Не могло получиться иначе! Едва появилась информация об открытии на Бзыби и прохождении МГУшниками новой пропасти до Пятого завала, в пещеру немедленно организуется ряд экспедиций Центральной спелеосекции, Свердловска и Красноярска. Центральная спелеосекция вообще была связана тесными узами со Свердловской городской спелеосекцией (СГСС). Если взглянуть в спелеотуристскую литературу тех лет, невольно закрадывается подозрение, что все лучшие умы советского спелеотуризма были сосредоточенны именно в этих двух коллективах - авторы подавляющего числа методических материалов непременно, если не из ЦС, то уж точно из СГСС!

Крсноярск, этот независимый и наиболее мощный по численности спелеотуристов, клуб России, (возглавляемый сначала Игорем Петровичем Ефремовым, а затем почти до последнего времени Юрием Ивановичем Ковалевым) был Центральной спелеосекции просто не по зубам, и Илюхин предпочитал сохранять с красноярцами дружественные отношения.

Так что Илюхин, прослышав про новую претендентку на всесоюзный рекорд, тут же поспешил собрать верных ему легионеров, и атаковать Снежную. Что ж, силы были неплохи. Но...

Дважды отступали красноярцы.

Наконец, Всесоюзная экспедиция, прорывается через заколдованный Пятый завал вверх, в неизвестный зал и называет его "Надежда". Но надежды не сбылись. Вновь выйти из зала Надежды на подземную реку Снежной экспедиции не удалось.

Очередная экспедиция союзных ЦС москвичей отступает от Пятого завала Снежной в 1975 году. И внимание Централной спелеосекции переключается на Кырк-Тау, где в 1976 году Всесоюзная экспедиция наконец возвращает себе всесоюзный рекорд, отобранный было в Снежной "дикарями-МГУшниками" Зверева. В Киевской достигнуто дно на, более, чем километровой, глубине: -1080 метров дает топографическая съемка первопроходцев.

Но... неувязочка! Экспедиция-то хоть и всесоюзная, но... без ЦС! Пантюхин, Крым, Пермь какие-то. Как так? Прошли километровый рубеж и без Центральной спелеосекции? Шалишь!

И в Киевскую отправляется экспедиция Илюхина, чтобы вторично определить глубину пропасти при помощи гидронивелирования. Этот метод определения глубин, основанный на принципе сообщающихся сосудов очень трудоемок и требует изрядного мастерства от исполнителей. Парни Илюхина поработали наславу и вот... сенсационный результат: глубина Киевской не 1080, а всего лишь -950 метров!

Скандал! Его немедленно постарались раздуть по всей стране. Острие удара было направлено в Крымскую секцию - осмелились опубликовать непроверенные данные! Данные попали за рубеж! "Русские не умеют делать топосъемку!"

И почему-то, сходу забраковав данные Всесоюзной экспедиции, никто не усомнился в точности Илюхинской съемки. Цифра, выданная властями от спелеологии, немедленно попала в официальные сводки и до сих пор фигурирует в пещерной статистике. Неужели съемщики Всесоюзной спелеоэкспедиции были менее квалифицированны, чем илюхинские? А преимущества метода гидронивелирования перед полуинструментальной - при помощи

компаса и эклиметра, топографической съемкой весьма относительны. Как в первом, так и во втором случаях место для погрешностей и ошибок всегда остается, тем более, если учесть, что речь идет о пропасти километровой глубины.

Надо сказать, что точная глубина Киевской дискутируется до сих пор. Еще дважды разные спелеоэкспедиции предпринимали попытки выяснить точную денивеляцию пропасти. Были получены данные 1020 и 980 метров. Последний результат был получен при помощи баронивелирования, проведенное ташкентской спелеосекцией в 1987 году. При этом из всех, взятых под землю воздушных высотомеров-альтиметров - уцелел один, по которому и взяли конечный отсчет.

Простое сложение всех четырех результатов и вычисление среднего арифметического дает цифру -1007 метров, что очень близко соответствует действительности. Киевская заслуживает своих -1000 метров, хоть это, пожалуй, и самая простая из советских километровых гигантов. Самая простая и самая приятная для прохождения. Так показалось мне после двух посещений этой прекрасной пропасти в 1986 и 87 годах.

* * *

Неясно, как отнеслись за границей к "этому", раздутому ЦС, "конфузу" с определением глубины среднеазиатского полюса глубины. В то время большинство из нас было надежно отгорожено от "коварной" заграницы коммунистической заботой о нашем идейном здоровьи. Простые спелеотуристы зарубеж не попадали. В зарубежных поездках участвовала прежде всего верхушка Центральной спелеосекции и приближенные к ней, а также такие супер-клубы, каким во все времена оставался Красноярский Краевой Клуб Спелеологов. Известны поездки советских спелеологов в Польшу, Венгрию, Болгарию, участие советской делегации на VI Конгрессе Международного Союза Спелеологов (МСС - UIS) в Чехословацком городе Олмоуц в 1973 году.

Верхушка советского спелеотуризма имела контакты с зарубежным спелеодвижением, получала разнообразнейшую информацию о состоянии дел в западной спелеологии и спелеотехнике, но...

В оценке деятельности первого председателя ЦС - официального лидера советского спелеотуризма на протяжении первых пятнадцати лет, возможны противоречивые оценки. Многое теперь уже растворилось в прошлом. Но начиная углубленно погружаться в его документы наталкиваешься, порой, на удивительные факты.

Например, что послужило причиной тому, что советский технический вертикальный кейвинг выбрал свой собственный путь развития - применение стальных тросов, в то время как весь мир переходил к технике "Одинарной веревки"(SRT)? Только ли тот печальный факт, что в нашей стране до последнего времени не производилось в достаточном количестве пригодных для спортивных целей нейлоновых веревок? Конечно нет.

Главная причина, без сомнения, в том, что советский спелеотуризм был устроен также, как и государство, в котором он существовал. Сумасшедшая централизация, жестокая цензура, приоритет, пусть бредовых, но своих разработок (- все разрушалось "до основанья, а затем!", воспитание отношения к западу, как к рассаднику капиталистической чумы-идеологии.

Илюхин со товарищи, обладая самыми современными зарубеж-

ными техническими разработками, в силу разных причин не могли, а может быть, и не хотели, оценить их положительных качеств. Оригинальная западная информация долгое время оставалась для широких масс спелеологического движения страны - терра инкогнита, куда впускались только избранные. Верхушка по-своему перерабатывала разработки зарубежных школ спелеологии. Перерисовывая (в буквальном смысле!) картинки из французских, австралийских, английских учебников по кейвингу, Илюхин и его соратники тут же давали им советскую трактовку в духе сложившейся в стране спелеотехники. Ну, например, пририсовавали вторую веревку к иллюстрациям по SRT! Взять хотя бы широко известные "Путешествия под землей" В.В.Илюхина и В.Н.Дублянского или методические рекомендации по технике спелеотуризма, выпускаемые в те годы (*55).

По крайней мере все это было некорректным по отношению к истине. А по большому счету наносило серьезный вред советскому любительскому спелеологическому движению. Потому что ничем нельзя нанести такой ощутимый ущерб, как утаиванием или искажением информации.

-

Описывая эти события, я, наверняка, пристрастен. Все унижение, пережитое мной по осознании того чудовищного обмана, пронизавшего нашу доперестроечную жизнь, на котором взращивалась наша вера в коммунистическое будущее, приправлено горечью понимания, что даже дело спелеологии - святая святых бескорыстных и беззаветных ее рыцарей - деже дело спелеологии оказалось круто замешанным на лжи и обмане, на политических интригах, борьбе за власть и место у кормушки.

* * *

А в это время в Москве зарождалась еще одна команда, которой предстояло вписать немало славных строк в историю советского спелеологического движения. В 1973 году на основе личной дружбы двух замечательных спелеологов - Даниэля Алексеевича Усикова и Александра Игоревича Морозова, и возникшего у них неистребимого интереса к пропасти Снежная - начинает свою деятельность группа, получившая название по имени любимой пещеры - "Снежная".

Первая же экспедиция группы в пропасть, давшую ей свое имя, столкнулась с жесточайшими погодными условиями осенней ноябрьской Бзыби 1973 года. Трижды приходилось спелеологам откапывать входную часть пропасти, так как лавины с бортов ее крутоскальной входной воронки раз за разом пробивали 200-метровую вертикальную ледовую часть пещеры, закупоривая ее 15-метровыми снежными пробками. Борясь с лавинами, экспедиция сумела спуститься по ледовой части пропасти, дошла до Большого зала на отметке -200 метров и вынуждена была отступить.

Тем не менее через год Усиков и Морозов вдвоем проходят до Пятого завала Снежной и благополучно возвращаются. Это был беспрецендентный выход для тех лет. Следует учесть, что "Правилами" советского спелеотурзма категорически запрещено соваться в пещеры такой категории сложности в составе, меньшем шести человек. А тут - вдвоем!

Успех "частных русских спелеологов" не остался незамеченным и вызвал серьезное возмущение спелеотуристских властей.

Группа "Снежная", не обращая внимания на давление офици-

альных властей, начинает скурпулезное изучение сакраментального Пятого завала. Экспедиции следующего, 76-го года, оканчиваются неудачно. Завал не сдается. Но вот в 1977-м!...

Мы можем "заглянуть" в те дни, перелистав воспоминания Данилы Усикова, посвященные тем дням (*56).

А.Морозов, Д.Усиков и В.Федотов поставили лагерь у Пятого завала, чтобы не тратить силы на подходы к району работ. Потом это станет излюбленным приемом "морозовской" тактики. Фортуна любит упорных и сообразительных. В первый же день поиска, отодвинув каменную глыбу на пятиметровой высоте, группа смогла выйти в огромный зал Надежды, открывающий путь в систему Анфилады. Но главный успех ожидал группу на второй день. Поднявшись на 90 метров между глыб Пятого завала, спелеологи вышли в доселе неизвестный громадный зал. Спуск по глыбовому навалу на его полу позволил снова выйти к подземной реке Снежной за Пятым завалом на глубине -780 метров.

Это была победа! Так и назвали долгожданный, открытый группой, зал - зал Победа.

Понятно, что в следующем, 1978 году, Морозов и Усиков снова отправляются на Бзыбь. Экспедиция "частных русских спелеологов" снова выглядит не совсем обычно.

Но послушаем одного из авторов успеха в Снежной Даниэля Усикова:

"... ситуация выглядела достаточно комично. Посудите сами. "Группа", состоявшая из двух спелеологов (Володя тогда еще не приехал), пятерых детей, женщин (жен) и небольшого числа знакомых этих спелеологов, поставила перед собой "скромную" задачу: пройти Снежную дальше. То есть сделать то, что не смогли сделать шесть предыдущих экспедиций, включая одну Всесоюзную, за четыре предыдущих года. Наверно, единственное, что удерживало... от желания показывать на нас пальцами и кататься от хохота, это дошедший через Зверева слух о нашем успешном спуске в Снежную вдвоем в 1975 году".

Вот в таком составе группа "Снежная" готовилась к решающему прорыву. Прорыв состоялся. Пробившись через Пятый завал, спелеологи спускаются на "Глубокую реку" Снежной и продвигаются по ней до "Шестого" завала.

Об успехе группы "Снежная" знали немногие. Все хранилось в строжайшем секрете. Первопроходцы справедливо опасались реакции Илюхина и ЦС, уже прославившими себя пиратскими действиями. В мае 1978 года, забрасывая в пещеру продукты и снаряжение для решающего штурма летом, снежнинцы принимали все возможные меры для сохранения своих действий в тайне, а грузы в сохранности. В укромном месте пещеры был устроен тайник, где и замаскировали доставленное снаряжение и жизнеобеспечение будущей экспедиции.

"... Вдруг Саша (Морозов, пояснение автора) остановился и прокричал бодрым голосом:

- Теперь успех нашего дела в ваших руках. Если не дотащите вещи до тайника, Илюхин летом все конфискует!"(*57)

Как говорится, комментарии излишни.

И все же слухи о прорыве в Снежной не могли не просочиться в "народ". Читаем Усикова:

"После открытий 1977 года мы передали новые планы Снежной Ноздрачеву. Спелеологи МГУ дали слово без нашего разрешения не разглашать эту информацию и слово сдержали.

Произошел забавный случай. В Москву приехал спелеолог из

Красноярска. Войдя в клуб, он первым делом обратился к Фурману с вопросом: "Ну, не томи, рассказывай быстрее, как вам удалось пройти Пятый завал в Снежной?" В зале наступила заинтересованная тишина. Спелеологи МГУ тоже обратились во внимание. У Фурмана глаза полезли на лоб:

- Там не было москвичей. Там вообще никого не было в 1977 году! -

Ему да не знать, кто где был!

Красноярец оторопел и стал потом горячиться. Даже чертить схему, поясняющую, где, собственно, удалось пройти завал. Но Фурман смотрел на него, как на тяжело больного. Спелеологи МГУ тоже подошли поближе и стали восклицать:

- Надо же, а мы и не знали!

В общем красноярец решил, что их секцию здорово разыграл какой-то шутник-спелеолог из Москвы, который в Адлере битый час заливал про Снежную... Кому же тогда верить?"

* * *

В 1978 году группа Усикова-Морозова прошла Шестой завал, вышла на "Мелкую реку", миновала Седьмой завал, Гремящий зал и остановилась перед водопадом. На его дно, использовав последнюю оставшуюся веревку, спустился Усиков. Водопад был назван "Рекордный".

Но рекорд Киевской, даже укороченный Илюхиным, все еще держался. Снежная дала "только" -940 метров. Но! Она продолжалась!

Б И Т В А Ч Е Р Н Ы Х В Е Л И К А Н О В.

==========

-

Надо полагать, что наши западные коллеги все это время тоже не сидели, сложа руки. Еще в 1966 году для исследования карста на массиве Пьер-сен-Мартен создается международная организация АРСИП. Воглаве ее становятся испанец Карантен Кефелен и бельгиец профессор Марк Козинс - один из первых исследователей одноименной с массивом пропасти. Геологические исследования этого района показали, что теоретически пещерная система ПСМ может иметь денивеляцию до 1800 метров, и хозяева этой супер-пропасти чувствовали себя достаточно уверенно. Перспективы в овладении Пятым полюсом планеты у них были прекрасные.

Подбирал слово для обозначения глубочайшей пропасти планеты, и вдруг подумалось: насколько прочно понятие первенства в чем бы то ни было связано в нашем сознании с высотой. Кто выше - тот и впереди! А почему, собственно? Почему, скажем, не правее? И наоборот, все, расположенное пространственно ниже - ассоциируется с чем-то, недостойным, последним. Крепко въелась в нас пирамидальная структура построения общества. А ведь идеалом человеческого общества можно считать только общество равных индивидуумов, ориентированное на приоритет каждой отдельной личности - то есть общество горизонтального построения структуры.

Но вернемся к битве за глубину. ПСМ чувствовал себя прекрасно и уверенно. Правда, некоторое беспокойство вызвала было старая соперница Берже, когда в 1968 году после прохождения спелеоаквалангистами парижского клуба на Сене донных сифонов пропасти неожиданно подступила почти вплотную: -1141 метр. Всего десяток метров разделяло двух подземных гигантов, соперничающих в борьбе за мировую корону!

Увы, это был последний рывок королевы Веркора. Когда в феврале 1981 года (13-ю годами позже!) легководолаз прорвался через конечный сифон соседней пропасти Гуффр Поджия, соединив ее с Берже, и общая денивеляция системы стала 1198 метров - все основные соперники были уже далеко впереди.

К 1973 году ПСМ закрепил свое превосходство. Обратив взоры горе, спелеологи АРСИП один за другим открывают и присоединяют к основной пропасти выше лежащие входы в систему - М-3, М-13 и СЦ-3. Такие буквенно-цифровые индексы входов появляются в ходе поисковых работ, когда каждой карстовой воронке исследуемого района присваиваются порядковые номера и буквенные индексы, соответствующие условному коду группы, ведущей поиск, или принятой топографичекой маркировке. Соединение вновь найденных входов с основной системой ПСМ привело к новой сенсации: был пройден рубеж 1300 метров, и денивеляция системы стала 1332 метра.

Рядом, совсем рядом маячил заветный полуторакилометровый рубеж!

* * *

Тогда, в 1973 году, казалось, что все соперники ПСМ в битве за подземный Эверест безнадежно отстали. А тем временем на сцену постепенно выступает новый супер-гигант: Гуффр Жан-Бернар.

Исследование этой пропасти начинается в 1963 году, когда группа "Вулкан" из Лиона наталкивается в Савойских Альпах на зияющий вход в неизвестную пещеру, куда сразу же удалось спуститься на 100 метров. В этом же году при исследовании расположенной неподалеку пропасти Гуль де Фоссуоби при неожиданном паводке погибают двое французских спелеологов - Жан Дюпон и Бернар Раффи. В честь погибших вновь открытая пещера получает название Жан-Бернар.

Постепенно глубина Жан-Бернар вырастает до 600 метров, что, в общем-то, не могло кого-нибудь сильно вдохновить или напугать. И все же!

Исследование этой замечательной пропасти, полное увлекательных и, порой, драматических событий, продолжается по сей день. Пока величественный Пьер-сен-Мартен купался в лучах славы, новичок из Савойи неожиданно сократил разрыв. В 1975 году Жан-Бернар начинает стремительно расти! Происходит это опять же за счет присоединения к основной системе выше расположенных входов. Два таких вновь найденных входа: В-19 и У-4, за один год увеличили Жан-Бернар с 623-х до 1208-и метров денивеляции! Но и на этом дело не остановилось.

1 января 1976 года одна из работавших в пропасти групп проходит галерею Сезам и выходит к сифону на глубине -1298 метров.

"Ясно, что 34 метра, отделявшую систему по глубине от Пьер-сен-Мартен, заставляли нас интенсивно искать продолжение и вверх и вниз"- пишут участники тех событий Б.Ли, К.Оль и К.Регальди (*58)

И спелеологическая активность в Жан-Бернар достигла величайшего напряжения.

"Зимняя экспедиция 77 года в нижнюю часть системы (подъем в зале Хаоса) не дала результатов. Все экспедиции 78-79 годов проходили на грани срыва из-за плохих метеоусловий. Несколько экспедиций в верхней части потерпели неудачу.

Напорные (*59) кончались глиняными завалами, пробится через которые не удавалось. Нам довелось насладиться подъемом на искусственных опорах (*60) в неопрене (*61) под водопадом. Надо отметить, что из-за тяжелых метеоусловий больше одной-двух экспедиций в год проводить не удавалось. При этом желающих было немного, и тез ненадолго хватало в упомянутом водопаде. Мы поднялись метров на 40 и ничего не добились, назвав водопад "Умывальник".

Другая серия подъемов на крючьях от реки "Нечистот" позволила нам обосноваться в зале, представляющем основание широкого колодца.

В феврале 1979 года после новой попытки подъема в "Умывальник" мы, для поправки здоровья, устроили большую прогулку по поверхности и нашли вход, открытый, несмотря на обилие снега. Из входа сильно дуло. Это была В-21. Полость, известная с 68 года, считалась законченной. И действительно, в узости на дне входного колодца не было ничего интересного и привлекательного. Нам пришлось подождать до таяния снегов и за пять июльских дней взорвать узость, пробиться через шкуродер, идущий за вторым колодцем, и затем быстро осуществить соединение: 136-метровая вертикаль привела нас в зал на реке "Нечистот", в котором мы уже побывали в августе 1877 года.

Это соединение увеличило глубину пещеры до рекордного уровня -1358 метров."

ПСМ чувствовал, что вот-вот придется уступить напористым парням из Савойи. Но ничего поделать не мог. Темп в его исследованиях был потерян - несколько лет экспедиции АРСИП ничего не могли прибавить к уже пройденному - ни вниз, ни вверх. Правда, через пять лет после описанных событий, в 1982 году, пропасть Пуэрте (М-31) на отметке -400 метров вдруг дала неизвестное ранее продолжение, вывела в небольшую речку, которая через несколько километров соединилась с притоком Ларенб пропасти ПСМ на глубине -580. Это новое соединение довело амплитуду ПСМ до 1342 метров и добавило 5 километров суммарной протяженности его ходов, но - не спасло положение. Гигант Атлантических Пиренеев отступил на вторую позицию.

* * *

А группа "Снежная" уверенно стремилась к рекорду страны.

Первая же экспедиция 1979 года снова была уникальна по составу: она состояла всего из двух человек - командира Данилы Усикова и бойца Татьяны Немченко.

- Шли мы не как-нибудь - с телефоном,- вспоминала как-то при нашей встрече в Москве Таня. - Данила то убегал назад, то вперед - все линию проверял да перетягивал. Ну, а мне что оставалось? Понятно - тащить мешки!

Так, в 1979 году, миниатюрная девушка-москвичка с тихим голосом, превзойдя рекорд киевлянки Крапивниковой, стала "самой глубинной женщиной" СССР.

- Знаешь, как они меня называли? - шутливо обижалась Таня. - Самой "низко опустившейся"!

Доблестная двойка дошла до водопада "Олимпийский"(страна готовилась к принять Олимпиаду!) - на отметке -1190. Киевская осталась позади! Тепрерь уже километровый барьер в пропастях Союза рухнул с гарантией.

И неожиданно совсем близко замаячили титулованные

иностранцы. Неужели, дотянемся? Трудно было поверить в такую возможность.

В том же, 1979 году на Бзыби произошло еще одно, на первый взгляд неприметное событие. Крымские спелеологи под руководством Г.С.Пантюхина открыли в урочище Абац новую пещеру на дне неказистой карстовой воронки. Пещеру назвали именем погибшего ранее альпиниста-спелеолога Вячеслава Пантюхина.

Кто мог тогда подумать, что народился еще один будущий гигант? Разве придет в голову, глядя на иную заурядную воронку, из которой слегка подувает на рассвете ветерок, что это дверца в когорту исполинов?

Помни! Даже самая великая пропасть всегда начинается с Первого колодца.

* * *

Зрело в Москве и по Союзу недовольство сложившейся в спелеотуризме обстановкой. Ворчали и готовились к бунту низовые секции и группы. Были недовольны Илюхиным и в Центральном Совете по туризму и экскурсиям - слишком резок, слишком на многое замахивается, рвется в Международный Союз Спелеологов, жить спокойно не хочет. Илюхин имел волевую натуру авторитарного склада и, понятно, многим не нравился.

Хорошо помню, как в конце семидесятых начинался процесс объединения московских "дикарей". По всей стране разлетались письма из "штаба восстания" секции МГУ за подписью одного из ее лидеров Николая Чеботарева. На Крапоткинской напротив знаменитого бассейна Москва, в старой квартире у Аксакала (так любовно называли друзья Сашу Морозова) собирался идейный центр сопротивления во-главе с искрометным Данилой Усиковым. Здесь обсуждались планы грядущих экспедиций в Снежную вперемешку с планами свержения илюхинской диктатуры.

В 1977 году по стечению обстоятельств я меняю жительство с Москвы на Усть-Каменогорск. Теперь я мог наблюдать картину разворачивающихся событий как бы со стороны, глазами переферийных секций.

Большую работы в плане информации вела в те годы чета спелеологов из Одессы Леонид и Алла Суховей, которые по роду своей работы часто бывали в Москве, Ленинграде, других городах Союза, и были в курсе всех перепетий. А самое главное - они не ленились писать письма и подпитывали информацией "провинциальную" спелеообщественность.

Буря вызревала давно. Еще в 1971 году Совещание представителей спелеологических секций Сибири и Дальнего Востока в Новосибирске приняло обращение к пленуму Центральной секции спелеотуризма, в попытке ослабить централизацию, железной лапой душившую спелеотуризм в стране:

"... На наш взгляд основным тормозом (развития спелеотуризма пояснения мои) явилась политика, проводимая ЦС спелеотуризма: система проволочек, излишний централизм, недоверие к местным секциям, безответственное отношение к судьбам спелеологических секций... Парадоксально, но большинство местных секций относится к ЦС спелеотуризма как некоему ограничивающему органу, положение, представительство и устав которого никому не известен, и который не может оказать никакой существенной помощи."

"Лед тронулся" в мае 1979 года, когда Центральная федерация самодеятельного туризма ЦС по ТиЭ приняла новую

систему подготовки туристских кадров. Эта система предусматривала большую свободу низовых секций на местах. Спелеотуризм, как один из видов самодеятельного туризма, тоже получал таким образом возможность выйти из-под диктата Центральной спелеокомиссии. Илюхина это не устраивало.

Время решительной схватки настало. Вся прогрессивная спелеообщественность страны понимала, что нам представляется уникальный шанс демократизировать спелеотуризм, разрушить тоталитарную пирамиду его строения, укоротить централизацию.

Увы, были и другие, придерживающиеся авторитарных взглядов на спелеодвижение, друзья и соратники Илюхина, местные царьки и князьки от спелеотуризма других регионов страны.

Все как и в других политических игрищах нашей эпохи. Во все концы страны летели письма двух противоборствующих группировок. Лидеры созывали соратников под свои знамена.

Единодушия в стране не было. Часть спелеосекций поддерживали Илюхина, часть Усикова, ставшего к тому времени общепризнанным лидером "спелеонелегалов". Чаши весов покачивались неопределенно. И все же тучи над прежним составом ЦС спелеотуризма и его безраздельным владычеством сгущались все ощутимее.

Вот пулеметные строчки борьбы, взятые мной из писем, во множестве приходивших тогда в Усть-Каменогорск:

"Нынешнее руководство Центральной спелеокомиссии спелеотуризма всячески цепляется за старую систему подготовки кадров. Они готовы даже ввести новую систему, но с оговорками. Если таких оговорок не будет, то областные спелеокомиссии получат самостоятельность, что равносильно провалу старой системы, которая насаждалась годами."

Самостоятелность! Об этом можно было только мечтать.

"Костя, если ты знаешь фрунзенских спелеологов (Фрунзе - ныне город Бишкек, пояснения мои), то напиши, что они ведут сейчас себя неправильно. Сбигнев ответил Чеботареву в очень резких тонах, обвиняя его в смуте. Очевидно, они не понимают происходящих в Москве событий."

Илюхинская диктатура трещала по всем швам. "В настоящее время работа Центральной комиссии спелеотуризма рассмотрена Президиумом Центральной федерации самодеятельного туризма и признана неудовлетворительной. Создан оргкомитет, который совместно с аттестационной и дисциплинарной комиссиями Московского облтурсовета занимается аттестацией и восстановлением в правах "диких" спелеологов. Уже аттестовано более 150 человек. 24 февраля 1980 года. Суховей Л.Н.,Суховей А.Д."

Это был сильный удар. Нокдаун. Переворот набирал силу, и победить мы могли только "конституционным" путем, действуя в рамках и по правилам бюрократической структуры системы советов по туризму и экскурсиям и их марионеточных федераций туризма.

"28-29 февраля 80 г. состоялось заседание центральной комиссии спелеотуризма (ЦКС), на котором, кроме московских членов, присутствовали иногородние: Коврижных (Ленинград), Дублянский (Симферополь), Рыжков (Свердловск), а также приглашенные: Пантюхин (Крым), Ковалев и Шорохов (Красноярск), Ткачук (Львов), Суховей Л. и А., Белоус (Украина. От ЦСТиЭ - Симаков В.И., Журавлев С.В., Тихомиров В.А., Княжин С.А. и др. На заседании рассматривались итоги работы ЦКС в 1976-79

г.г....

Начальник отдела самодеятельного туризма Симаков информировал присутствующих о факте использования Илюхиным В.В. незаконного бланка Центрального Совета и искажении фактов в письме на нем..."

Погружаясь снова в эти, далекие уже, события, испытываешь большое желание считать, что именно борьба нелегалов - "диких" кейверов и спелеообщественности привела к свержению Илюхинской диктатуры и демократизации спелеотуризма в стране.

Но нужно смотреть на вещи реалистично. Не московская спелеообщественность свергала Илюхина - опираясь на нас, с ним сводили счеты старые товарищи по Центрльному совету. Спелеообщественность страны создавала фон, а настоящие тяги двигались и скрежетали за кулисами.

Устраняли ставшего неугодным, слишком самостоятельного, Илюхина, теми же методами, какими пользовался он сам расправлялся с оппонентами, какими не брезговали во всех эшелонах прогнившего коммунистического государства.

Каждое лыко в строку! Ну скажите - при чем здесь какой-то "незаконный" бланк? Старый добрый принцип - для достижения политических целей - все средства хороши.

Бланком дело, понятно, не ограничилось. "...В информации председателя Центральной Федерации туризма Тихомирова В.Д. подчеркнута глубокая заинтересованность так называемых "диких" московских спелеотуристов, проходящих в настоящее время аттестацию... Тихомиров отметил, что такой сильной централизации, какая существует сейчас в спелеотуризме, нет ни в одном виде туризма. Необходимо срочно исправить это ненормальное положение.

Тихомиров предъявил претензии к руководству ЦКС, что в библиотеке Московского клуба туристов хранится всего 45 отчетов о спелеопутешествиях (по предварительным подсчетам их должно быть более 200). Отсутствие отчетов, почеркнул он, не дает возможности аттестовать спелеотуристов при переходе к новой системе подготовки кадров."

И снова знакомый пиратский почерк. Судьбу этих отчетов, буквально похищенных илюхинцами и скрываемых под кроватью в одной из московских квартир, долго обсуждали в Москве. Никто не хотел уступать без боя, и в ход шли все средства.

"В информации тов.Шишкова, председателя дисциплинарной комиссии, в частности отмечалось, что при тщательном рассмотрении документов по дисквалификации Усикова, Антонова и других "диких" установлено превышение полномочий (формулировка "пожизненно дисквалифицировать" и т.д.), во многих случаях для дисквалификации не было достаточных причин. В отдельных случаях руководство ЦКС вело себя неэтично по отношению к "диким" (письмо на работу Усикову и т.п.)

В адрес центральной спелеокомиссии были высказаны претензии и критические замечания в выступлениях Пантюхина, Белоусова, Ковалева, Рыжкова и др. 1.03.80. Суховей."

* * *

Отвлекаясь от политических баталий, хочется коротко сказать об Антонове, одном из репрессированных Илюхиным ярких лидеров Московского спелеотуризма. Созданная Антоновым группа "Кристалл" дала советскому кейвингу много замечательных имен, но самое замечательное - это новаторство "Кристалла" в

области спелеотехники и снаряжения. Антонов и его сподвижники в 60-х годах предложили альтернативный способ штурма подземных вертикалей - использовать вместо синтетических веревок стальной трос. При этом антоновцы не только поднимались по тросу, что в последующие годы получило широкое распространение в СССР, но и спускались по нему. Спуск происходил при помощи специальных устройств на основе деревянных тормозных блоков, а так же на зажимах, при помощи которых осуществлялся подъем.

"Пятого мая (78-го, уточнения мои) мы спустились к Хапкулче за оставшимися вещами,- вспоминает Д.А.Усиков об одной из экспедиций в Снежную (*62). - На нашей тропе в снегу стояли трое юношей. Судя по белым лицам - не спелеологи МГУ. Как выражаются в детективах "Кто же это сел нам на хвост?"

"Нас зовут "Кристалл"- представились преследователи. Так мы лицом к лицу столкнулись с еще одной неофициальной группой (как-то у нас закрепилось называть ее "бандой Антонова"). К мягкому месту наших новых знакомых были привязаны подушечки. (Чтобы не больно падать?) За чашкой чая и кашей мы поговорили за спелеологию.

Юноши подтвердили то, что рассказывал Ноздрачев. Они собираются установить в Снежной рекорд: спуститься до Пятого завала за один день. А сейчас они пришли посмотреть, где же вход в эту самую "Снежную", где осенью всему миру будет продемонстрировано преимущество тросового снаряжения. Пока что Антонов решительно покончил с веревками, устроив в ноябре 1977 года аукцион по распродаже устаревшего снаряжения. В связи с этим инцидентом любопытно заметить, что спелеологи МГУ, нуждающиеся в веревках, вынуждены были на аукционе уступить перед ценой, предложенной одной дикой группой - что-то около рубля за метр. Вот так инфляция! (Что же теперь-то сказать, в наше гиперинфлированное время! П.м.)

Саша (Ноздрачев - п.м.) так понял, что у антоновцев практикуются телесные наказания. Антоновцы ему не понравились. Автор пока тоже не в восторге. Ему уже приходилось встречать на Караби с представителями этой группы. Свой лагерь у колодца Дублянского они оформили в стиле "аля-Махно". За водой в приличную даль, вдобавок в тумане, посылался все один и тот же новичок, который явно был "на побегушках". Он каким-то чудом находил дорогу к колодцу, наверно, ведомый нестерпимой жаждой, но обратно его приходилось отводить. Своим нарочито подчеркнутым анархизмом антоновцы произвели тогда на автора какое-то несерьезное впечатление. В то же время они очень доброжелательно показали и дали сфотографировать новинки своего тросового снаряжения".

Оставим Усикову его впечатления об антоновцах, но их новаторство в области спелеотехники бесспорно заслуживает уважения.

* * *

А политические страсти не утихали. Эхо московских событий шло по всей стране. Перебираю письма Лени Суховея.

"Майские праздники провели в Крыму. Виделись со всеми симферопольскими друзьями, а также с челябинцами (Баранов Семен проводил лагерь). Мы с Пантюхиным взяли его в оборот за то, что они поддерживали Илюхина. Он, вроде, согласился, что зря поддерживали - у них тоже дел и забот много, как выяснилось. 29 апреля 80 года Центральная федерация признала

работу центральной спелеокомиссии неудовлетворительной, а состав несоответствующим. Сейчас Илюхина приглашают к Пасечному, а он не идет, так как понял, что предложат оставить кресло. Ну и пока никаких изменений.

В майские праздники бывшие "дикари" все выезды провели безаварийно..."

Это было очень важно - в тот смутный период не допустить никаких аварий в экспедициях легализовавшихся, наконец, нелегалов, что мгновенно было бы использовано реакцией.

И снова становится горько. Даже самостоятельно избрать руководство спелеотуризмом мы были на в праве. Для этого требовалось решение ЦСТиЭ! Вся туристская система федераций была создана чиновниками от туризма на принципах ужасающего бесправия общественности, полной подчиненности произволу бюрократического аппарата советов по туризму. "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!"

Весной 1980-го в советском спелеотуризме установилось шаткое двоевластие - Московская комиссия спелеотуризма перешла в руки бывших "дикарей", позиции Центральной спелеокомиссии оставались в руках Илюхинцев.

Такое положение сохранялось до середины лета. "3 июля 80г. В Москве пока затишье. Усиков, как председатель московской комиссии потихоньку работает. Илюхин по собственному желанию уйти не пожелал. Теперь ЦС будет его "уходить", но это уже осенью..."

Это была агония старой власти. "30 июля. Ребят из московской комиссии (новой) ввели в состав Бюро Центральной спелеокомиссии (Усиков, Людковский, Морозов, Чеботарев и др.) Илюхинцы сорвали в этом году инструкторский сбор.

Теперь пиши в Одессу. Суховей." Медленно, но верно наступали новые порядки. Новые люди становились у руля советским спелеотуризмом. Неохотно, огрызаясь, уходили прежние. Невольно думаешь - зачем все это было? Неужели не хватало на всех пещер? Неужели мало было гор? Почему так часто, стоит иному оказаться у власти, он тут же пытается всех пригибать под себя, сводить счеты, диктовать правила?

"18 октября 1980г. Сейчас обстановка следующая. В Московской комиссии усиковцы, они же вошли в состав Центраьной комиссии. МКК в их руках. Но кадровая комиссия и председатель (Сайфи, Фурман) еще старые. То есть их мероприятия сейчас большинством голосов можно провалить, но и свои дела не сдвинуть. Так Илюхин и Падалко "провалили" инструкторский сбор 80 года. Теперь они могут завалить план 81 года и т.д."

О чем думали эти люди, считавшие себя спелеологами? Неужели не понимали, что наносят вред всему спелеологическому движению в стране, своим коллегам, таким же, как они любителям пещер? Почему личные амбиции затмевают в нас любовь и честное отношение к своему делу - делу, выбранному добровольно, на алтарь которого мы кладем свои жизни? В чем этот сладкий яд власти, превращающий человека в свое слепое бездушное отвратительное орудие?

"Красноярцы в ноябрьские праздники с 1 по 7 проводят семинар судей по спелеотуризму. И хотят под эту вывеску провести всесоюзный пленум председателей и представителей секций и "скинуть" Илюхина. Дело в том, что переутверждение состава Центральной Федерации будет в мае 81 года..."

Московские события постепенно раскатывались по стране,

вовлекая в политическую возню все новые и новые круги спелеообщественности. Это вообще, характерная черта, отмеченная еще А.Солженицыным в своем бессмертном "Архипелаг ГУЛАГ": стоит в центре произойти чему-либо - сразу по стране прокатывается волна аналогичных действ. Будто ждут люди, не в силах без толчка из центра сделать что-либо самостоятельно. Да и как сделаешь при пирамидальном строении всего общества? Чем выше пирамида - тем сильнее давление в ее нижних слоях.

"16.12.80. ...Была в ноябре в Ленинграде, виделась со спелеологами. У них там тоже смена власти: Голода и Коврижных Колю уже не выбрали в руководство, они всем надоели, как и Илюхин. Готовятся, по примеру Москвы, провести у себя аттестацию "диких" спелеологов. Усиковцы работают в Снежной... Алла Суховей."

* * *

До сих пор бережно храню, как дорогую реликвию, пачку справок за проведенные спелеопутешествия, полученные мною при переаттестации в Москве, вместе с другими московскими "дикарями", пожелавшими выйти из подполья и влиться в официальный спелеотуризм.

Как сильна в нас жажда признания другими своих, пусть самых скромных, но достижений. Сегодня я понимаю всю суетность устремлений, связанных с получением справок, значков, званий.

Истинную ценность имеют только само дело и люди, идущие рядом по выбранному тобой пути. И все же так хочется признания! В мире людей, что бы мы не делали, мы тешим себя надеждой, что это кому-то нужно, кому-то еще, кроме нас.

* * *

Тлеет костер, варится суп с консервами.
Скажут про нас - были ребята первыми,
Вспомнит о нас кто-нибудь понимающий:
Видно прошли трудным путем товарищи.(*63)

* * *

Я летел на переаттестацию из Усть-Каменогорска в Москву, за добрых четыре тысячи километров. В память врезались людные комнаты ЦС по туризму, в которых проходила переаттестация и выдача справок за проведенные путешествия в пещеры. Отчеты илюхинцы так и вернули, поэтому нам предлагалось составить краткие отчеты по всем сколько-нибудь сложным путешествиям.

Там же - последняя встреча с Илюхиным - высоким и каким-то хмуро-изможденным: таким остался он в моей памяти.

Последняя, потому что два года спустя Илюхин погиб. Возвращаясь летом 1982 года из кавказской экспедиции на Арабику, в вечерних сумерках попал в Гантиади под УАЗик, шедший на обгон автобуса. В память об этом выдающемся деятеле советского кейвинга одной из крупнейших пещерных систем массива Арабика - Перовская-Волчья - было присвоено имя Илюхина.

Горько, когда человек уходит из жизни. Пусть соперник, пусть во многом чужой, но в главном - единомышленник. Илюхин любил пещеры и отдал им слишком много, чтобы можно было просто так вычеркнуть его из памяти. Только за то, что он был по другую сторону баррикад.

Любовь к пещерам не должна нас разъединять и делать врагами - этому нет оправдания.

Место Илюхина в ЦКС занял не менее выдающийся спелеолог, замечательный человек, руководитель и вдохновитель многочисленных экспедиций в пропасть Снежная Александр Игоревич Морозов.

Сражение "гномов" завершилось. Как суетны человеческие страсти в молчании исполинов Природы!

* * *

В 1979-80 годах в кругу претендентов на мировую корону глубины появилась целая компания новорожденных.

Как и все новорожденные, на первых порах они мало чем отличались от своих многочисленных более мелких собратьев, в изобилии усеивающих высокогорные карстовые районы мира.

В СССР "пошли", дали продолжения, пропасти массива Арабика на Западном Кавказе. Группа из Куйбышева (ныне Самара - п.м.) под руководством Дичинского открывает вход в пещеру, названную ими по имени родного города - Куйбышевская.

Неподалеку от урочища Орто-Балаган, где расположена Куйбышевская, в соседней троговой - сформированной древним ледником, долине москвичам из Перовского клуба (куда, кстати, перебрались многие бывшие члены центральной спелеосекции после потери позиций у всесоюзного руля) неожиданно удалось раскопать снежную пробку в основании скального порога - ригеля, в который некогда упирался древний ледник. Ледник потрудился наславу. В глуби массива шла крутонаклонная галерея. Пещеру назвали Перовская.

Оживала и секция МГУ. В 1979 году в район Снежной отправляется первая после долгого перерыва поисковая экспедиция, которую возглавил Юра Шакир.

"Днем под палящими лучами солнца ребята заглядывали и бросали камни во все щели, которые видели, и ворочали камни над теми, которых не видели, а вечером у костра рассказывали о результатах поиска за день (*64). И вот в один из таких дней кто-то из участников экспедиции обратил внимание на небольшую щель, из которой дуло. Щель раскопали. Человек в нее уже пролезал, хотя и со скрипом. В тот день прошли входной колодец, пробрались между глыбами к наклонному крутому ходу, усыпанными многочисленными камнями, и остановились на огромной глыбе, висящей над небольшим залом. Дальше не хватало лестницы.

На второй день пещеру чуть не "заткнули". Перевесив лестницу в более удобное место, спустились в зал, который имел явный уклон. Ребята, конечно, направились вниз и вскоре уперлись в плоское сухое дно. Дальше хода не было.

К счастью, человек имеет способность смотреть не только себе под ноги. Довольно скоро в полутора метрах выше обнаружили вход в широкую галерею. В конце ее в полу имелась заманчивая черная щель - узкая и длинная. Мы подобрались к щели, окружили ее, бросили камешек и замерли. Секунды две было тихо. Потом послышался звук удара, дальше посыпались другие камни, которые явно бились о новые и новые уступы, шум уходил вниз, пока не затих где-то в глубине пещеры.

Мы обалдело посмотрели друг на друга и внезапно в один голос издали радостный вопль."

Пещеру решили назвать в память погибшего спелеолога МГУ, одного из первых исследователей Бзыби, Сергея Меженного.

Итак - вот они, четыре новых претендента: пропасти имени

Вячеслава Пантюхина и Сергея Меженного на Бзыби и две надежда на Арабике - Перовская и Куйбышевская.

Запомним эти имена.

* * *

На исходе шальное лето,
И опять на хребте Судьбы
Нас Арабика тянет влево,
А направо нас тянет Бзыбь...

-

Горы в небо вонзают скалы -
Не пытайся их блеск забыть!
Нам Арабика шепчет: "Чао!"
"До свиданья!"- нам шепчет Бзыбь.

-

И когда на пороге тайны
Лишь останется крюк забить,
Улыбнется нам Жове-Квара,
Усмехнется седая Бзыбь.

-

Понимаешь, такое дело -
Суждено нам Кавказ любить,
И Арабика смотрит слева,
Щурит справа отвесы Бзыбь...(*65)

* * *

Тем временем в Испании происходит не менее замечательное событие - 15 августа 1979 года Ж.Ф.Пернет открывает новую интересную пропасть - БУ-56.

БУ-56 имеет и более романтичное по звучанию название: Сима де лас Пуэртас де Ильамина. Вход в нее находится в испанской части массива Пьер-сен-Марте в провинции Наварра. Этот район Испании носит название "Ларра". Его поверхность представляет собой внушительный труднодоступный каменный хаос без капли воды (*66).

Достаточно подняться на гребень Сьерра д'Аньллара или на вершину Пакиса и пересечь простирающееся перед глазами пустынное плато Анимаркандиа До Пунто Альто де Укерди, чтобы получить полную уверенность в том, что именно должен брать начало мощный источник карстовых вод Ильамина или Тру дю Сорсье...

Жан-Франсуа так описывает свои первые метры в БУ-56:

"Я закрепил 60-метровую веревку за выступ и спустился 20 метров на фирновый гребень, по которому и съехал верхом на дно первого колодца. На глубине 65 метров поток воздуха уходил из основного меандрирующего хода в узкое отверстие. Осторожно протиснувшись в это отверстие, я сумел приподнять огромную глыбу, которая, пролетев метра два, упала в воду. Обливаясь потом, я стал протискиваться дальше, следую за изгибами узкого лаза. Проход не кончался; я позвал товарища, который шел следом за мной, но ответа не получил. Очевидно, он остался по ту сторону узости. Перед следующим препятствием поверну назад, подумал я, спускаясь с уступа. Ход расширился, уступы следовали один за другим, и у меня появилась надежда. Передо мной зияла пустота, по-видимому, довольно большого объема;на дне журчал ручеек, дул ветер, но не осталось ни метра веревки!"

Ну, разве можно было сюда не вернуться? И вот в следующем году начался, самый, наверно, впечатляющий, штурм неиз-

вестной пропасти таких размеров, какой оказалась БУ-56. Напомним6 что при первом спуске Пернет достиг глубины всего 90 метров.

Теперь пещера разворачивала перед исследователями сотни и сотни метров колодцев, ходов и галерей, взвинчивая азарт, распаляемый ложащейся в руки Удачей.

"... Мощный ток воздуха неудержимо толкал нас вперед. Напряжение росло: мы были на глубине уже 420 метров, а именно на таких глубинах удавалось выходить в этом районе на мощную подземную реку. Впереди отчетливо слышался гул. В голове проносится вихрь мыслей, будет ли на этот раз так, как в колодцах Лонне-Пейре, АН-3, Лепине, выйдем ли на большую реку? Еще один поворот меандра, и вот он, долгожданный момент! Жерар Буке чуть ли не бегом спускается еще на три метра и останавливается на сланцевом полу. Мы вышли в красивую галерею, и теперь бежим по ней, подталкиваемые мощным потоком воздуха. Надежда растет, похоже, что мы можем вскоре выйти в огромную галерею - коллектор, которая, как предполагалось, должна находиться непосредственно под осью Укерди. Но на глубине 475 метров мы упираемся в сифон. Ток воздуха исчез на глубине 460 метров, и мы возвращаемся, как убитые."

Штурм неизвестного - это взлеты и падения надежд. Мы стремимся вперед в нетерпении увидеть все новые и новые галереи и колодцы. Но с каждым шагом мы приближаем тот момент, когда пещера закончится. И уткнувшись лицом в мокрый камень последней галереи, уронив луч фонаря в зеркало последнего сифона, мы останавливаемся в горьком раздвоении: радость открытия омрачена концом пути.

Это - как жизнь. Смерть неизбежна, но от этого жизнь не становится отвратительной. Жизнь - это непрерывный процесс, стремящийся к концу также, как мы стремимся к концу неведомой пещеры, страстно желая отдалить этот конец, если уж невозможно совсем его избежать.

А сели бы вдруг пропасть оказалась бездонной - не растворилась ли бы в вечном движении радость победы? Чтобы ощутить величину и значение достигнутого - нужен отсчет, нужна конечная точка. Чтобы понять, как пахнет вода, нужно испытать смертельную жажду. Чтобы почувствовать наслаждение жизнью - надо хоть раз ощутить дыхание смерти на грани возможного. Не принесет ли бессмертие бесцельность жизни?

"Через два дня мы снова проникли в "Меандро Оптимидо". Ток воздуха становился все сильнее. На альтиметре глубина 450 метров. Те несколько мгновений, в течение которых мы с максимально возможной скоростью, согнувшись под нависшим сводом, преодолеваем ход, превратившийся в неширокую фреалическую (напорную, пробитую напорными водами - п.м.) галерею, были исключительно напряженными. И вдруг мы останавливаемся перед зияющей пустотой наверху завала. Шум реки наполняет всю пещеру. На этот раз мы победили!

Красивый поток струится по обвальной галерее шириной около 20 метров. Через 300 метров уклон галереи резко увеличивается. Здесь река напоминает другие реки массива: вода падает пенистыми каскадами по мрачным каменным желобам с блестящей отполированной поверхностью.

... Дольше пришлось двигаться на лодках. Через 150 метров ход вышел в другой зал, на первый взгляд - глухой. Река исчезала между глыб, а мы с замиранием сердца поднялись

на завал, круто обрывающийся в глубине зала. Это место было так похоже на дно Посо Эстелья... Наверху завала под потолком можно было исследовать ряд узких проходов, но в них не было никакого движения воздуха. Мы продолжали упорно искать, и, наконец, раздался счастливый возглас Ж.П.Блана: "Посмотрите сюда... Он просто огромен!" Это было начало зала "Ронкаль".

Окрыленные успехом, группы одна за другой уходят все глубже. Вот пройдено 700 метров, 800... На этом этапе исследования становится ясно, что без подземного лагеря дальше двигаться будет сложно. В самом деле - уже сам спуск на -800 и подъем с такой глубину занимают хороший рабочий день! К тому же погода в горах угрожающе портилась. На подземной реке таких размеров паводок может оказаться кошмарен! В такой обстановке оставалось одно - нанести решающий удар как можно быстрее. В ударную группу вошли Дан Мартинес, Серж Фюлькран, Ив Паскуаль и Ришар Мэр.

"Мы снова на балконе над угрожающе шумящей рекой. Что ждет нас внизу? К счастью, не приходится забивать шлямбурный крюк: веревку вполне можно навесить за надежный выступ со страховкой за сталагмит. Первым спускается Дан. На 10-м метре спуска он вынужден сделать промежуточную точку закрепления. Река течет в глубоком каньоне шириной более десятка метров. Первые 50 метров удается пройти, минуя глубокие места и 6-метровый каскад. Дальше 5-метровый уступ приводит к наиболее трудному месту. Паводок здесь должен быть ужасным. Мы с трудом продвигаемся в распоре над пенящимся котлом, погружаясь в воду иногда до пояса... И вдруг мы упираемся в сифон! Альтиметр показывает -950 метров. Никаких возможностей продолжения не видно. Мы возвращаемся с кислыми лицами. Совершенно необходимо найти где-то обход!

... Ришар и Серж пытаются пробраться через узкий проход, обнаруженный ими в метре от воды. Трещина шириной в 60 см загромождена глыбами, между которыми приходится пробираться, как по настоящему лабиринту. Тока воздуха нет. Но мы ему больше не верим. Серж исчезает в трещине. Через 20 метров трещина выводит в большую галерею. В отдалении слышен гул реки. Есть шанс прорваться! Мы спускаемся еще на 40-50 метров. Отметка 1000 метров достигнута!

Уже совсем поздно мы вчетвером спускаемся в большую галерею Бельагуа. Было бы глупо не насладиться этими незабываемыми моментами. Любопытно, что несмотря на свои огромные размеры, галерея Бельагуа не кажется враждебной человеку. Громадные глыбы с шапками белых кальцитовых натеков кажутся добродушными. Путь наш проходит по каскаду гуров (специфические пещерные образования в виде подпруживающих ручей плотин из кальцита, размерами от мельчайших кружев до гигантских в несколько метров высотой плотин - п.м.).Какой контраст с мрачными нагромождениями глыб в зале Ронкаль! Последний очень похож на залы Пьер-сен-Мартен."

Пропасть с кажущейся легкостью будто приглашает первопроходцев в свои недра. Как донести до читателя густой шум подземной реки, промозглый холод воды, пар, поднимающийся от дыхания, мокрые до нитки одеяния спелеологов? И гулкое эхо шагов в тишине обвальных залов? И голоса - то удивительно громкие в отражении эха от невидимых сводов, то беспомощно глохнущие в реве воды? Все то, что вызывают в па-

мяти эти удивительные строчки замечательного штурма.

В 1980 году экспедиция так и не увидела дна пропасти. На глубине -1192 метра отважная четверка вынуждена была остановиться - не оставалось уже ни снаряжения, ни времени. Под ногами - глубокая трещина, на дне которой неистовствует Рио дю Ринкор де Бельагуа. Прекрасен испанский язык!

Беспрецендентный случай - за одну экспедицию пройдено 1100 метров денивеляции! Такого еще не знала мировая практика.

* * *

В 1980 году ни одна из советских пропастей не могла составить конкуренцию яростной испанке Ильамине. Не говоря уже о том, чтобы гнаться за Жан-Бернар.

И только Снежная стараниями Усикова-Морозова мужественно приняла вызов. Группа "Снежная" применила тактический ход. Усиков теперь работал летом, а Морозов зимой. Глубина пещеры росла - нарастала массированность экспедиций. Теперь экспедиции уходили под землю на все более длительное время. Уже и 20-30 дней подземной работы далеко не предел! Медленно и упорно продвигаются вниз штурмовые группы, неся с собой огромное количество снаряжения. Устанавливаются подземные лагеря. Длительные остановки для восстановления сил, и снова медленное движение вперед. Сопоставляя сегодня работу в Снежной того периода с исследованиями в пропастях Европы, мы невольно приходим к сравнению, взятому из альпинизма: легкий "альпийский" стиль европейцев резко контрастировал с тяжелой "гималайской" тактикой советских экспедиций.

Как бы там ни было, а в 80-м году группа в составе Морозова. Людковского и Ещенко достигает в Снежно зала на глубине -1320 метров от уровня единственного (подчеркнем это!) входа в пропасть. Зал получил название - зал "Пенелопы" в честь жен спелеологов, томящихся в ожидании в далеких городах.

В том же году Жан-Бернар, с помощью Патрика Пенеса, пронырнувшего 1-й донный сифон пропасти, перешагнула еще один фантастический рубеж. Глубина системы стала -1410 метров! (При нескольких - подчеркнем и это, входах, позволяющих проходить пропасть частями).

Пьер-сен-Мартен все еще уверенно сохраняет за собой вторую позицию, гордо неся свои -1332 метра.

И вдруг - на третье место, вплотную к ПСМ, величаво выступила суровая северянка - Снежная: -1320! Что такое 2 метра на пути в несколько подземных километров протяженности? Почти неуловимая величина в пределах погрешности измерительных приборов!

Пока француженка Берже перепиралась с испанкой Ильаминой, как скупенькие деревенские красавицы на рынке, подсчитывая метры (-1198 у Берже против -1192 и перспективы прямого продолжения у БУ-56 - тоже впритык!), - Снежная безмолвно обошла, дохнув холодом на соперниц и встала рядом с ПСМ, меряя его взглядом.

Это была большая победа советского кейвинга.

ЭТОТ БЕЗЗАЩИТНЫЙ СУРОВЫЙ МИР.

==========

-

К О М П О Н Е Н Т Ы У С П Е Х А.

-

Мы стоим на вершине пологой сопки и безнадежно оглядываем окружающий нас пейзаж. Восточный Казахстан. Верховье реки Буконь. Убедившись в тщетности обежать этот район пешком во время экспедиции 1980 года, семь лет спустя мы с Юрой Бессргеневым приехали сюда на минимокиках. Белые отвесы известняков будят знакомое волнение. Если бы! Ни одной вороночки нет на поверхности этой известковой горы. Те же, что видны в долине под нашими ногами - редки, разрознены, раскиданы совсем рядом с рекой почти на одном с ней уровне.

Прошли те времена, когда желание найти пещеру порой затмевало здравый смысл. Помню, как в конце семидесятых мы трижды осматривали гранитный массив Аир-тау у Монастырских озер. Расположенные километрах в 50-ти от Усть-Каменогорска, массив этот по красоте и технической сложности вполне может соперничать со знаменитыми красноярскими столбами. Вот только леса нет: редкие заросли карагайника да акации по ущельям. Но скалы! Причудливые силуэты их вершин получили в народе название "Три брата и двенадцать сестер".

Какие в гранитах пещеры? Наука утверждает, что принципиально это возможно. Но в этих местах настоящие пещеры неизвестны. Местные жители называют так небольшие ходы под обвалившимися гранитными глыбами да неглубокие трещины, расщелины скал. Встречаются здесь и другие образования. Мальчишки близлежащего поселка показывали нам узкие каналы округлой формы, на несколько метров уходящие в толщу гранитных останцев. Что это? Разрушенные неизвестными процессами рудные тела, остатки инородных включений?

На "Монастырях" мы трижды обшаривали скалы. И ведь нашли, наконец, что-то похожее! Тропа по заросшему ущелью привела нас к большому гроту. О, как все вокруг напоминало карстовый рельеф! Но... это были граниты. Грот - с роскошной аркой величиной в добрые гаражные ворота, на десяток метров уходил в гранитный обрыв со следами дождевых и весенних потоков. Глыбы слоистого гранита на полу.

Творцы этого чуда вода, мороз да трещиноватость горных пород. Вода, замерзающая в трещинах, раздвигает их, разрушает гранит. Сила земного притяжения валит вниз отслоившиеся плиты. Но почему именно в этом углу скалы? Тайна.

И вот - Буконь. Первая же экспедиция обнаружила четыре десятка карстовых воронок разных размеров, несколько пещерок. Но таких маленьких, что просто разводишь руками - чего тут не хватает? Все, вроде, на месте: известняк - есть. Глаза ломит белизной и толща в добрую сотню метров. На Западе Украины, в Подолии, в слое карстующихся пород едва в 30 метров заложены тем не менее длиннейшие в Евразии пещеры горизонтально-лабиринтового типа. Десятки и сотни (не метров - километров!) пещерных ходов прорезали этот тощенький пласт (*67).

А тут - ничего. Это Калбинский хребет Рудного Алтая. А взять Нарымский - на правобережьи Иртыша. Неделю поднималась туда наша поисковая группа. На высоте около 2000 метров - известняки! Казалось бы, кавказские высоты, но... снова неудача. Так, поверхностные карры, слабенькие вороночки, мелкие дырочки. И все!

Почему же нет пещер? В таком же недоумении стояли мы на перевале "Аленка" под Чимкентом по пути на Улучурское плато.

Уж и вовсе, казалось бы, спелео-Рай! Скалистые склоны известняков круто уходят в долину, взгляд инстинктивно ищет разверстые входы пещер. Ан нет. Да разве 260 метров Улучурской пропасти - это приличествующая такой толще известняков глубина? Чего не хватает?

* * *

Ну что, мой дружище,
Ты брови нахмурил,
Невесел сегодня с утра?
Уходят на запад
Последние тучи,
И снова жара, жара.
И плато желтеет
Листом обожженным,
На каррах дрожит рассвет.
Мы ищем пещеры,
Мы ищем поноры,
Но с нами Удачи нет...(*68)

* * *

Может быть - не смогли найти. Не отодвинули именно тот камень - один из тысяч, что ведет в неведомую пропасть.

Может быть. Но чаще - увы. Чаще бывает, как в той старинной легенде. Набрал как-то Бог яблок (Бог, похоже, был выдумщик!), разрезал каждое пополам и разбросал по земле. И каждый из людей подобрал только по одной половинке. Но по Божьей придумке счастлив мог стать только обладатель обеих половинок одного яблока. С тех пор бродят по земле люди, встречаются друг с другом, присматриваются: нет, не те половинки! А кому повезло и повстречались - называют это Любовью. Старая такая легенда.

Вот и с пещерами получается нечто подобное. Только тут Боженька постарался помельче накрошить заветный плод. Так возникли три, как минимум, обязательных условия для образования пещер: наличие карстующихся, то есть растворимых водой пород, их трещиноватости и воды. Всего-то. Ну и еще нужен подходящий рельеф местности, чтобы вода не скатывалась по слишком крутым склонам, успевала просочиться, проделать свою работу. Всюду, где нет хотя бы одного из этих составляющих Успеха - пещер нет.

На Букони известняк есть, но монолитный: нет трещин, через которые вода может проникнуть в толщу массива, размыть, растворить камень, понаделать ходов.

Нарым. Есть трещинки - хорошие и на приличную глубину. Воды мало. Не балует климат хребет осадками.

На Улучуре - рельеф подкачал. На крутых склонах гор вода не задерживается, скатывается вниз по пути наименьшего сопротивления - чего ради лезть под землю, когда и по поверхности можно неплохо пробежаться? А вот в окрестностях Улучурской пещеры - плато. Замкнутая котловина - нет стока воде. Поневоле приходится осадкам уходить в глубину по трещинам и разломам. Вот и образуются карровые поля и воронки, возникают колодцы, пещеры и пропасти.

* * *

На Востоке говорят: "Если у вас чего-либо нет, значит, вам это и не нужно!" В кейвинге все наоборот. Нужно, а нет. Вот, казалось бы, плато Боролдай-тау. Хребет Каратау, Западный Тянь-Шань. Таких воронок - глубиной, формой, многообеща-

ющим видом - и на Кавказе не часто увидишь. И какие высоты! Какие толщи известняков! А поди ж ты - нет удачи. Глубже 200 метров пещер пройти не удается.

Володя Толмачев, профессионал-гидрогеолог, после длительных библиотечных изысканий вынес приговор: на Боролдае пещер глубже 200 метров быть не может. Почему? А вот почему. Произошло современное геологическое поднятие, подняло водоупорные пласты высоко над долиной. И пещеры через них пробиться не смогли. Не успели за отпущенный им коротенький, в несколько десятков тысяч лет, срок. Темная наука - геология.

И все же - неужели нельзя пройти сквозь водоупор? Смотрим в учебник. Вот. Глубинные тектонические разломы. Во времена геологических катаклизмов, подвижек и смещений пластов рскололи земную твердь огромные трещины. На многие километры, через современные горы и долины, тянутся следы разломов, заметные только тренированному глазу геолога, аэрофотосъемке. Один разлом - хорошо. Два - еще лучше. Особенно, если они пересекутся где-нибудь в подходящем месте. На пересечении разломов скала раздроблена основательнее и на большую глубину. Катись, водичка, работай, делай свое дело!

Вот на таких разлом зачастую и "сидят" - расположены крупнейшие пропасти. По системам параллельных взаимопересекающихся трещин заложены все известные подземные лабиринты.

И конечно же, все это там, где сошлись все остальные обязательные условия образования пещер.

* * *

Лабиринты. В обыденном представлении о пещерах не на последнем месте стоит страх заблудиться. Сразу же после страха погибнуть под обвалом. Со времен Тезея и Ариадны человечество донесло до потомков первые впечатления о спелеоисследованиях. И поныне случается, что начинающие исследователи разматывают за собой катушку ниток, чтобы не заблудиться и вернуться по ней к солнцу. Сколько таких ниточек и проводочков встречалось нам в подземных штреках во времена расцвета "катакомбизма" - исследований подмосковных катакомб!

Нитки путались в сапогах, безжалостно рвались. Что становилось с хозяевами этих путеводных нитей, будь они в это время в катакомбах, можно только догадываться. К счастью, история не сохранила для нас каких-либо трагических последствий, связанных с этим. Несмотря на десятки километров их лабиринтов, в катакомбах Подмосковья на моей памяти насмерть заблудиться никому не удавалось. Чего нельзя сказать о катакомбах и искусственных выработках других районов бывшего СССР. Именно в антропогенных - созданных руками людей, подземных полостях опасность заблудиться гораздо выше, чем в большинстве природных пещер.

Логика человеческого мышления с ее страстью к унификации отчетливо проступает даже в облике современных городов. Тут в иной новостройке заблудишься, не то, что в катакомбе! Пещера же всегда более избирательна к своему внутреннему облику. Ходы не похожи один на другой. Так же как опытный чабан знает "в лицо" каждую овцу своего многоголового стада, так и опытный спелеолог тренированной памятью фиксирует контуры неотличимых на взгляд новичка пещерных ходов.

Но всему есть предел. Есть предел и способности ориен-

тироваться без специального снаряжения под землей. Мало кто может без топокарты и хорошего навыка подземного ориентирования разобраться в решетчатой структуре многокилометровых лабиринтов Восточных Саян в Сибири, Подолии на Украине или Кугитанга в Турмении. Да еще если лабиринт этот развит не в одной плоскости, а пространственный, многоэтажный.

Начиная разговор о лабиринтах на занятиях юношеской секции спелеотуризма своего клуба, я предлагаю ребятам угадать протяженность самой большой пещеры Евразии. Молчат, потом кто-нибудь посмелее, с заведомой лихвой, выстреливает наудачу: "Двадцать километров!" Смех, шиканье, чего, мол, дурачишься, по делу спрашивают! Никто с первой попытки не угадывает верно даже порядок, которым измеряются сегодня протяженность крупнейших подземных полостей планеты. А вы как считаете? Попробуйте дать свой прогноз прежде, чем опустите глаза на следующие строчки.

Дали? Хорошо. Вот шестерка наидлиннейших на начало последнего десятилетия XX века лабиринтовых пещер Мира. Да. Мы говорим только о системах, превысивших 100-километровый рубеж. Шестое место занимает пещера Озерная на Западной Украине - 107 000 метров. Далее по возрастающей - швейцарская система с трудно произносимым названием из явно рекордного числа букв: Зибенэнгсте-Хохгантхеленсистем - 110 000 метров, миловидная американка Джюэл - 123771 метр, чемпионка Швейцарских Альп Хельлох - 133 050 метров. И на втором месте этого триумфального перечня черноглазая украинка - Оптимистическая, соседка Озерной, - 165 000 метров. Вот как пока распределились места в соревновании за мировую корону Высшей Протяженности.

Приводя эти (так же, как, впрочем, и другие) цифровые данные, я вынужден заранее принести свои извинения. Дело в том, что подземный мир, в отличие от мира вершин, находится в постоянном движении. Значения глубин и протяженностей, не успев появиться на страницах спелеологической печати, часто тут же устаревают. Экспедиции идут, приносят новые результаты, и угнаться за ними достаточно трудно. Пусть не осудят меня знатоки, если увидят в моих цифрах неверные (на момент прочтения) данные. Прекрасно, если я уже ошибаюсь. Значит, еще кому-то улыбнулась Удача на нашей общей подземной тропе!

- Ого!- скажет мой любимый Заинтересованный Читатель (чем несказанно потешит душу Автора!). - Если и 165 километров не предел, кто же тогда ее Величество Королева?

Она живет в штате Кентукки, США. Живет, потому что пещеры, как и все сущее на земле, зарождается, живет и умирает. Результатом соединения двух без преувеличения огромных пещер: Флинт-Ридж И Мамонтовой явилось возникновение величайшей подземной системы Мира, фантастической, я не побоюсь этого слова протяженности - 530 000 метров! (*69).

Вдумаемся - пятьсот тридцать километров подземных ходов, галерей, залов, гротов, колодцев, меандров, расщелин, узостей. И это еще не предел. Спелеологи США продолжают исследования этого удивительного создания Природы, с каждым годом прибывляя все новые метры топографических съемок вновь открытых ходов.

Достижения подземных гигантов фиксируются в нескольких классах. Учитываются рекорды, достигнутые в различных видах

горных пород. Флинт-Ридж-Мамонтова - рекордсменка в известняках (карбонатный карст). Оптимистическая - чемпионка в гипсах (карст сульфатный). Есть пещеры в мергелях, мраморах, доломитах (впрочем, они отнесены к карбонатному карсту). А вот пещеры в каменной соли - особый отряд, относящийся к явлениям тахикарста. Славен такими пещерами соляной купол Ходжа-Мумин в Таджикистане. Непрочны и изменчивы соляные образования, быстро изменяется форма таких пещер. Но еще более коварны пещеры в ледниках, как, например, пещера н леднике Богдановича под Алма-Атой. Это уже псевдокарст. Лед - не горная порода, хотя внешнее сходство ледовых пещер с карстовыми налицо. Эфемерные пещеры ледников могут менять свою конфигурацию каждый год, их исследования тоже имеют своеобразный интерес.

Есть, как мы уже говорили, пещеры в гранитах и песчаниках.

К псевдокарсту относятся пещеры в зонах вулканической деятельности. Чаще всего - это тоннели, образованные лавой. В России такие пещеры находят на Дальнем Востоке. Их исследование сопряжено с большим риском из-за газоопасности и других вулканических причуд лавовых тоннелей, но от этого не утрачивает своего интереса.

Ищущий да обрящет...

П О С Л Е Д А М В О Д Ы.

-

... Всю ночь бушевала гроза. Кавказские грозы и вообще впечатляющее явление. но такой природной вакханалии никому из нас видеть еще не приходилось. Гроза началась поздним вечером, когда Бзыбь будто утонула во мгле, скрывшей все - и близкий конус Хипсты над Меженного, и россыпь огней Гудаутского побережья под ногами, и гигантскую дугу черноморского горизонта между водой и небом.

И тогда зашептались, захлопали пологами палатки, припавшие к поляне Сувенир на подступах к Снежной. В этом морском шуме призрачных парусов подступил сон.

Пробуждение было ужасным. Адский грохот хлестал в уши, и тогда казалось, что болью пробивает барабанные перепонки. Это не раскатистые удары грома средней полосы России или Казахстана. Это сплошной артиллерийский рев, когда нет перерывов между залпами, и все новые и новые батареи вступают в бой.

Сполохи вспарывали тень палатки, и тогда казалось, что мы лежим под открытым небом. Краткое мгновение мрака, и снова огонь - так, что горячо глазам сквозь зажмуренные веки.

Так, в 1981-м на Бзыби, я впервые ощутил тепло молнии.

* * *

Потом налетел дождь. Будто тяжелой лапой придавил палатку к земле, прогнул полога и скаты крыши. Только бы не здрался где-нибудь полиэтиленовый тент! С шумом шторма падал на горы дождь, прорезаемый голубыми блицами молний.

К четырем утра дождь превратился в сплошной ливень. Олег Демченко курил, Резван и Демченко-старший тоже не спали. Молчали. В неумолчном грохоте этого природного беспорядка разговаривать было невозможно.

Неожиданно дождь притих. Я открыл было рот, чтобы констатировать появление надежды на благоприятный исход

грозы... И тут налетел шквал. Очевидно, погода решила-таки нас достать, выбить из насиженного гнезда.

Ветер ударил самым коварным образом - в мой угол палатки, и сразу же пузырем вогнул внутрь ее скат. Было такое ощущение, что нас сейчас сорвет и покатит по склону в сторону моря. Сражение приобретало неожиданный оборот.

- Гитару!!!- скорее догадался, чем услышал я чей-то крик: в голубом сполохе - черное отверстие рта. Гитару расперли внутри палатки, уткнув грифом в середину наветренного ската, уперлись в крышу руками, ногами, кто чем мог. Казалось, нас сейчас сломает: четверых здоровых мужиков! А как там наши друзья-москвичи? В сереющем сумраке утра сквозь приоткрывшуюся в пологе щель было видно, как у соседних палаток в косых струях дождя снуют согбенные фигуры, что-то подтягивая и укрепляя.

Не успели ленинградцы (а вся троица, кроме меня, представляла славный град на Неве) высказаться в том духе, что "Москву, ясное дело, снесло", как в палатку пошла вода. Ветер отдрал-таки непромокаемый тент, и теперь наша капроновая хижина становилась легкой добычей "неприятеля".

Первое время мы молча лезли друг на друга, прикрываясь надувными матрацами от водяной пыли, бьющей в палатку сквозь крышу. Когда от воды стало некуда деться, кто-то запел "Варяга". Наш хриплый хор на какое-то время перекрыл вой ветра, и тот, словно удивившись, притих. Воспользовавшись этой передышкой, нам удалось выбраться из палатки и ликвидировать прорыв обороны.

Будто опомнившись, дождь припустил с новой силой, но было поздно. Гроза постепенно уползала к востоку, обдавая нас арьергардными залпами.

Потом кто-то из Демченок врубил радиоприемник. Сквозь хрип близких разрядов задумчивый голос диктора произнес: "Песня - "Пора домой". Рев хохота был ему ответом. Вот уж, что называется, попал в масть!

Так начиналась экспедиция "Снежная-81".

* * *

Заснули только к рассвету, благо июльская ночь была тепла. А утром поляна Сувенир напоминала побоище: куда ни кинь взгляд - сушатся какие-то тряпки, спальные мешки, носки, комбинезоны, Солнце путается в облаках, которые мягкими щенками игриво выкатываются из ущелий снизу, от Хапкулче, лижут наши палатки и рстворяются без следа.

Если бы не бедлам в лагере, не скажешь, что ночью на нас вылилось миллиметров 100 водных осадков. Об этом недвусмысленно свидетельствуют оставленные на кухне миски, кружки и котелки, до краев полные дождевой водой. А вокруг - сухо! Куда же девалось это "море"?

Таковы особенности карстовых районов, В считанные минуты атмосферные осадки просачиваются в глубь массива. Называется это - инфильтрация. Есть еще инфлюация - просачивание сквозь горные породы талых снеговых вод. Этот процесс мы тоже наблюдаем воочию - многие воронки вокруг Сувенира, несмотря на июль, еще забиты снегом.

Устремляясь вниз с поверхности земли, инфильтрационные и инфлюационные воды промывают пещерные ходы различной ориентации и характера. В верхней части массива эти воды круто стекают вниз, образуя, так называемую, зону вертикалльной

циркуляции. Результатом деятельности воды в этой зоне являются вертикальные и каскадные пропасти - поле деятельности любителей вертикального кейвинга. На Бзыби это первые 400-500 метров по вертикали.

Ниже подземные водотоки выполаживаются, образуя зону субгоризонтальной циркуляции. Здесь превалируют галереи с текущими по ним реками, водопадами, озерами, прерываемыми обвальными залами. Часто образование таких залов - следствие рухнувших перемычек между проработанными подземной рекой этажами пещеры.

Свою лепту в пещерообразование вносят и напорные - фреатические - потоки, которые движутся, порой, не только вниз, но и вверх, в самых неожиданных направлениях.

Ниже зоны субгоризонтальной циркуляции подземных вод находится полностью затопленная водой зона сифонной циркуляции. Зачастую такие каналы находятся очень глубоко даже по отношению к местным базисам эрозии - руслам наземных рек. Такие подрусловые стоки становятся страшным врагом гидростроителей, норовя свести на нет усилия по возведению плотин и созданию водохранилищ.

Говоря о подземных водах, нельзя забыть о воде, конденсирующейся на стенах пещеры из паров, содержащихся в воздухе. Конденсационные воды составляют значительный объем в общем дебите карстовых источников, которые именно поэтому не пересыхают даже в засушливые годы. Конденсат растворяет стенки пещер, внося свою лепту в процесс их формирования.

Величайшие из известных гидросистем мира находятся на бывшей территории СССР - на Кавказе. Если считать амплитуду гидросистемы от верхней точки высоко в горах, где находятся входы в карстовые полости, до прибрежных или даже субмаринных (под уровнем моря) источников, то на Кавказе она превышает 2,5 километра. Значит, гипотетически, такой глубины (точнее, амплитуды, денивеляции) могут быть найдены здесь пещерные системы. Ибо то, что они существуют - не вызывает сомнений. Существуют, но где?

* * *

Разобравшись с вопросом о воде, как коренного рысака в упряжке созидателей пещер, невольно по-новому осмысливаешь известную поговорку: "Вода камень точит". Видимо, точит, да еще как, если налицо столь внушительные результаты!

Это сколько же времени надо потрудиться, чтобы "выточить" такую диковину, как, скажем, Новоафонская пещера, известная также под названием Анакопийская пропасть. Более полутора миллионом кубических метров объем ее залов. Не много в мире подобных пустот. Но и не так уж мало.

Крупнейшие, открытые спелеологами, подземные залы поражают даже самое заскорузлое воображение. Уже описанный нами зал Верна пропасти Пьер-сен-Мартен имеет размеры (длина-ширина-высота): 249 x 262 x 140 метров и объем порядка 3,4 миллиона кубических метров. Один зал - в два с лишним раза больше по объему всей Новоафонской пещеры!

Но и это не предел. Испанская пропасть Торка-дель-Карлиста состоит всего из одного гигантского зала, пол которого засыпан не менее грандиозным каменным завалом. Размеры незаполненной завалом пустоты зала - 520 x 245 x 120 метров при объеме около 4,2 миллиона кубических метров. Еще недавно этот зал считался крупнейшим в Мире (*70).

На Северных Соломоновых островах известен грот Бенуа на плато Карнака, объем которого составляет 5 миллионов кубических метров. И он занимает только третье место среди себе подобных.

Второй по величине зал планеты находится в американской пещере Актун Тун Кул. В 1983 году экспедиция спелеологов США определила его размеры: длина - 450 метров, ширина - от 50 до 200 метров и высота - в самой низкой точке! - 65 метров. Эта исполинская пустота была названа экспедицией зал Белиз (*71).

Самый же огромный подземный зал из известных в настоящее время обследован на Борнео в национальном парке Мулу. Шесть месяцев работы зимой 80-81-го понадобилось британско-малазийской экспедиции, чтобы открыть и картировать около 70 километров пещерных ходов в карстовом районе площадью не более 50 квадратных километров. Средние размеры этих ходов-галерей 15 х 15 метров - свободно можно разместить пятиэтажный дом! Жемчужиной же района является зал "Сарвак" пещеры Лубанг Насиб Багус. Размеры этого зала ставят в тупик любое воображение: длина - 700, ширина - 400, высота свода - 70 метров. Объем этой фантастической полости достигает 12 миллионов кубических метров (*72).

Остается только потрясти головой. Ориентироваться в таких залах не менее, а зачастую, и более сложно, чем в лабиринтах ходов. Даже мощные галогенные светильники меркнут в угольном мраке, не достигая стен и свода. Впечатление такое, будто стоишь среди каменного хаоса беззвездной космической ночью.

Измерение высоты таких залов производят при помощи наполненных гелием шаров, поднимающих к невидимому своду мерную нить.

Давно ли возникли эти фантастические полости? Затрудняясь точно ответить на этот вопрос, ученые карстоведы опираются на две бесспорные предпосылки: Пещеры моложе горных пород, в которых они образовались, но пещеры старше, чем следы людей и животных, некогда их населявших. Ряд экспериментов и наблюдений показали, что скорость расширения тонких трещин в известняке при движении по ним воды может достигать 1 мм в год (*73). Если так, то все, что мы видим в пещерах, формировалось в течение сотен тысяч лет.

Мы воочию соприкасаемся с историей нашей планеты, так часто даже не осознавая этого...

* * *

Трудно сказать, было ли описание Конан Дойлем "Затерянного мира" научным предвиденьем или случайной фантазией знаменитого писателя. Скорее всего, здесь нашло отражение дошедшей до Европы легенды о Рорайме, Матери Великих Вод - удивительном горном плато среди джунглей к северу от Ма-ту-Гросу и к северу от Гайаны. Местные жители - южноамериканские индейцы, считают Рорайму источником всех алмазов, добываемых в округе, но никто не может приблизиться к ней без риска навлечь на себя гнев злых духов.

И тем не менее, Рорайма реально существует. В глубине Гайаны, на границе ее с Бразилией и Венесуэлой, находятся столовые горы с отвесными стенами со всех сторон - Рорайма (2772 м н.ур.м.) и Кукенаам (2470 м н.ур.м.). Первое восхождение на легендарное плато было совершено англичанами еще в

1884 году, так что, при желании, Конан Дойль имел возможность опереться на реальность (*74).

Но есть в непроходимых лесах Южной Америки загадки природы, практически неизвестные широкому читателю, грандиозностью едва ли уступающие легендарной Рорайме.

В Венесуэле, на поросшем тропическим лесом горном плато Сарисариньяма обнаружены гигантские провалы не вполне понятного происхождения. Дело в том, что массив сложен не традиционными карстующимися породами, а ортокварцитами, кварцевыми песчаниками и сланцами серии Рорайма, окрашенными окислами железа в красный цвет. Не являясь в достаточной мере знатоком геологии, обращаюсь за подробностями к специалистам, и излагаю близко к тексту (*75).

На плато Сарисариньяма детально исследованы три полости, расположенные в одну линию вдоль крупного тектонического разлома.

Первая из них - Сима де ла Ллувия, представляет собой провал с эллиптическим входом, размерами 145 х 265 метров и отвесными стенами, глубиной 75 метров. По современным представлениям не так уж и много, если говорить только о глубине. Крутой спуск по глыбовому завалу приводит под своды пещеры, где на глубине -200 метров от поверхности перед изумленным исследователем распахивается зал Кристаллов: 180 х 30 х 30 метров. Стены пещеры покрыты кристаллами кварца длиной до 2 сантиметров, со сводов свисают голубые и черные сталактиты из опала, лимонита и литиево-марганцевого минерала литеофорита. С пола поднимаются крупные - высотой до 3 и диаметром до 1 метра - сталагмиты из окислов железа (гетит, лимонит) Настоящий дворец Черного пещерного Короля!

Другая полость - Сима Менор или пропасть Мартеля, располагается в 8 км от Сима де ла Ллувиа. Входное отверстие Сима Менор не менее внушительно - 135 х 170 метров при глубине в два раза больше: - 132 метра. Глыбы песчаника размерами с высотный дом (20 х 40 м) загромождают дно провала, откуда черными арками отходят две галереи - Каскада, протяженностью 400 м и Гуахаро - 588 м. Немало.

Третья полость - выглядит настоящим гигантом. Сима Майор или пропасть Гумбольта достойно соперничает с подобными пропастями истинно карстового происхождения. Вход в пропасть превышает по своим размерам знаменитые футбольные арены. Его поперечник - 300 х 340 метров. А глубина! Трудно представить такой громадный отвес - 314 метров. Объем замкнутого отвесными стенами пространства провала превышает 18 миллионов кубических метров!

Происхождение этих и других, более мелких, полостей серии Рорайма до сих пор до конца не ясно. Установлено только, что важную роль в их образовании сыграли гидротермальные (горячие) щелочные подземные воды, тектонические процессы и тропические осадки, которых здесь выпадает совсем не мало: до 7 метров в год. Вот уж истинно - хляби небесные! Образовавшиеся в результате этих таинственных, и тем не менее вполне реальных физических процессов, пустоты были вскрыты впоследствие грандиозными обвалами их сводов. Весьма вероятно, что в недрах земли скрываются пустоты поболее ныне известных.

Такие явления в силикатных породах получили название - брадикарст.

Однако, аномальные по своему происхождению брадикарстовые полости далеко не возглавляют список подобных образований в истинно карстовых районах Мира. Гигантские пропасти с отверстыми входными провалами распространены прежде всего в тропических регионах. Неудивительно - для их образования нужны тропические условия с огромными уровнями атмосферных осадков. Подходы к большинству из этих пропастей весьма затруднены тропическими лесами и другими препятствиями, что и объясняет то обстоятельство, что первые сведения об этих чудесах природы просочились в цивилизованный мир. Стены пропастей и их дно зачастую так зарастают джунглями, что делает их исследования еще более неординарными.

Остается только завидывать, и как можно более светлой завистью, нашим коллегам из Западной Европы и других цивилизованных частей света, испытавшим непередаваемые ощущения первооткрывателей этих экзотических пропастей. Ни один советский спелеолог эпохи СССР и тем более ни один из нас постсоветской эпохи пока еще не ступил на дно описываемых здесь пещер, не прошел под сводами тропического леса...

Грустно осознавать, что становишься жертвой обстоятельств. Но не время о грустном.

В 1985 году Французская Федерация Спелеологии (FFS) организовывает национальную экспедицию "Антиподы-85" на Папуа-Новую Гвинею. В ходе исследования папуанского тропического карста острова Новая Британия экспедиция разделилась на два отряда. Первый из них на плато Уайтмен открыла пять гигантских карстовых провалов, наибольший из которых имеет глубину 280 метров при ошеломляющих размерах устья: 1000 х 600 метров!

Второй части экспедиции, работавшей на массиве Наканаи того же острова, посчастливилось - другого слова не подберешь! - исследовать самую большую по объему карстовую пропасть Мира с ласковым названием Миние.

В состав доблестной французской команды вошел польский кейвер Рышард Кныпчак, глазами которого мы имеем уникальную возможность заглянуть в недосягаемый мир Папуанского тропического карста. Перелистаем странички его дневника (*76).

"Пятница, 11 января 1985 года. Пиови расположена на верхушке холма, выразительно возвышающегося над "зеленым адом" окружающих его джунглей. Деревушка состоит из пяти небольших хижин, нескольких семей и немногочисленных, валяющихся в грязи, свиней. У нас третий день перехода. Делаю несколько снимков приветствующих нас ребятишек, мешок за спину и в путь. И в тот же момент начинаю падать. В этом нет ничего необычного, падаю уже три дня, хотя сейчас, вроде бы, "сухой" сезон. Медленно продвигаемся скользкой тропкой, спускающейся с холма, затем петляем между огромными воронками, заросшими тропической растительностью. Преодолеваем очередные препятствия: то наваленные скользкие деревья, то пересекающие путь протоки. Наши проводники не очень уверены в дороге и временами обозначают ударами мачете свой поворот.

Через два часа останавливаемся. Старший проводник Цицероне, с огромным листом на голове, дрожит от холода, младший стоит под деревом, стараясь хоть немного уберечься от дождя. Температура 20 градусов по Цельсию, и хотя полностью промокли, мы не мерзнем. Снимаю прикрепленный к рюкзаку зонтик и отдаю его старику. Он несказанно рад и передает свой

"зонт" младшему. Идем дальше. Прямо из-за поворота возникает папуас с повязкой на бедрах, ведущий на плетеном из лиан поводке трех ворчащих поросят размером с телку. За ним - обнаженная женщина, несущая на голове огромную вязанку дров и плетеную сетку с овощами.

Все больше тропок начинает скрещиваться, это хороший знак, наша цель близка. Вскоре доходим до деревни. Из большого сарая, прикрытого гофрированной жестью, выбегает Дик с фотоаппаратом на шее. Приветствуем друг друга и размещаемся в сарае-церкви. На алтаре - распятый Христос, рядом кипятится вода, на полках - открытая библия на пиджин-инглиш, разложенные продукты и гильза калибра 70 мм - след минувшей войны. В углу - Богоматерь и сохнущие носки. На импровизированных лавках сидит половина жителей деревни, следящих за каждым нашим жестом, каждым движением.

Через два часа покидаем церковь и идем в направлении нашей будущей базы близ Миние. Ребята, которые прилетели сюда вертолетом три дня назад, заканчивают строительство. В 17 часов мы собираемся все. Заканчиваем крышу и вешаем гамаки. Вечером снова дождь.

...Через щели в стене хижины наблюдаю красные вспышки Улавуны - пробуждающегося вулкана. Воскресенье, 13 января.

После завтрака начинается дискуссия - кто и что делает, кто с кем идет. Дождь барабанит по желтому брезенту. Вчера ребята сделали навеску для спуска в Миние, развесив 550 метров веревки. Сегодня выходим исследовать дыру на дне провала, в которую уходит река. Первая чтверка вышла, оставив нам 4 мешка. Мы с Люком, взяв по 2 мешка, выходим в дождливые джунгли. Через полчаса встречаем возвращающихся ребят. Они заблудились. Острый обмен мнениями, и я остаюсь с одним мешком. Вскоре находим свою тропинку, ведущую вниз, к впадине, обрывающейся 500-метровой в диаметре и 400-метровой в глубину шахтой...

Спускаюсь первым. С дна доносится шум реки. Остановка на ветви между лианами. Первая ошибка, и я зависаю, утяжеленный двумя мешками. Рывки, ушибы, перегрызание лиан, и через несколько минут, вспотевший, продолжаю спуск.

- Свободно!!

Веревка растянута в проходе, прорубленном среди растущих на отвесных стенах провала джунглях. Спускаюсь с уклоном влево. Все новые остановки на крючьях и ветках, траверсы, цепляющиеся транспортные мешки. Соскальзываю в пропасть на очередной точке перестежки, выдвинутой к дальней ветке. Догадываясь, что, по всей видимости, ребята сделали такую навеску только для того, чтобы спуск стал более спортивным.

И вот я на дне среди диких бананов и огромных папортников. Прохожу почти 100 метров в направлении ревущей реки. Пенящиеся и угрожающие 15 кубических метров в секунду воды пропадают в огромных черных воротах высотой от 60 до 80 метров. Через полчаса появляется Бони с лодкой, еще через полчаса - Лаура и Люк. Оказывается, не только я боролся с лианами.

После чаепития начинаем осмотр дна. Идем вверх по реке, чтобы осмотреть сифон источника. Преодолеваем 200 метров пути. Стоим перед серо-гранатовой водой, медленно текущей со стены, чтобы через несколько секунд набрать разбег в первом пороге. Бросаю в порог ветку. Она моментально набирает

скорость и исчезает в пенистых водооротах. не хочется думать, что будет, если...

Возвращаемся с реки к черным воротам. Узкая полка на стене позволяет нам пройти в грот. Огромный черный зал длиной 100 метров с рычащей на дне рекой. Потревоженные рукокрылые с писком летают над нашими головами. Самые большие из них - летающие лисицы - имеют размах крыльев свыше 1 метра.

Дальнейший путь нам преграждает река, но мы вернемся сюда завтра. Обратный вид: в черном контуре ворот - черные огромные свисающие натеки и черные стаи летучих мышей на фоне зеленого пятна джунглей отстоящей на 300 метров противоположной стены шахты. Выходим в темноте в струях дождя..."

* * *

В отличие от пропастей Рораймы, практически на дне каждого из карстовых суперпровалов текут реки. и какие! Папуанский тропический карст поставил кейвинг перед лицом невиданных доселе препятствий. Подземные реки с расходом воды в десятки кубометров в секунду - грозная стихия. Паводки на таких реках видятся кошмаром. Единственная приятная их особенность - температура. В тропиках получить переохлаждение, дамокловым мечом висящее над исследователями суровых пропастей северных широт, представляется довольно проблематичным. Но то, что у нас принято называть подземными реками, выглядит жалкими ручейками, по сравнению с тропическими потоками. В кейвинге вода всегда остается главным препятствием.

Да... В привычных нам краях побродить по пещере в купальном костюме удается очень редко. На территории бывшего СССР такое удовольствие можно испытать, пожалуй, только в среднеазиатских гидротермальных пещерах. Наиболее известные из них - Карлюкские пещеры хребта Кугитангтау, в Туркмении. В любое время года температура этих пещер постоянна: около +25 градусов по Цельсию. При почти 100-процентной влажности - никак не можешь отделаться от ощущения влажной бани.

Гораздо чаще подземные исследования требуют солидной термоизолирующей упаковки. Где ты, Папуа?

* * *

ЭКСПЕДИЦИЯ В МЕЧТУ.
(посвящение пропасти Миние на Папуа)

Эпиграф: - В этом году
мне снова так захотелось
на Папуа, в Новую Гвинею,
в тропический карст...
- Что, давненько не бывали?
- Очень. Никогда.

Когда над Папуа вулкан
Горит, трепещет,
Мы наливаем
в свой стакан
Чего порезче.
Нам до рождения еще
Подрезал крылья
Какой-то гад, какой-то черт
В стране Бессилья...

-

А нам всего лишь, слышь, Иван?
Не много надо:
Нам бы на Папуа вулкан
Иль Рио-Гранде.
Ломить в бамбуки - только б хруст! -
Как тем французам...
Чего-й стакан-то снова пуст?
Давай, чего уж.

-

Там где-то пропасть - сквозь туман,
Рассвет дождливый...
А мы смогли бы, слышь Иван?
Ведь мы смогли бы!
Ведь мы не хуже тех парней,
Скажи, не хуже!
Нам бы все это - не во сне...
Да брось, Вань, ну же.

-

Это у нас-то нищета?
Зато по-'ровну!
Да что нам Минье-красота?
Плевать, бесспорно.
Пускай буржуи смотрят мир
С довольной рожей -
Зато, в случай чего, мы им,
Будь спок, наложим!
Пускай французы смотрят мир -
Нашли туризм!
Не до того нам.
Строим мы Социализм! (*77)

-

Простите меня, братья-французы...
Социализм мы уже не строим, но Миние все также далека.

В ГОСТЯХ У ТРОЛЛЕЙ.

-

Давно известно, что большинство подземных обитателей: гномов, хоббитов, троллей и других, им подобных, очень даже неравнодушны к сокровищам земных недр.

И уж где еще привольнее чувствуют себя эти сказочные существа, как не в Восточном Казахстане, на Алтае, не спроста получившим название - Рудный.

Сегодня у нас дневка. Маршрут подходит к концу, накопилась усталость, но...

- Кто хочет идти за хрусталем? - инструктор нашей группы Нина обводит глазами группу.

- Каким хрусталем? - Мы сидим у дымного костра. Треск сучьев в огне сплетается с шумом реки. Наш лагерь разбит на поляне у слияния рек Бухтармы и Белой Берели.

- Горным хрусталем. Здесь рядом старинный рудник есть. Сохотушинским называется. Пойдем?

Можно ли удержаться от такого соблазна? Оказывается, можно. Часть группы остается на берегу, и вот мы, помахав на прощанье лежебокам, уже в пути.

Синеватой стеной высится справа хребет: черные свечки пихт, заросли "березки" (как называют у нас непроходимый

кустарник), папортники и травостой в рост на прогалинах и курумах - крупноглыбовых осыпях. Это Алтай.

Тропа лезет вверх. Погода, хмуро взиравшая на нашу вылазку, похоже, махнула на нас рукой и улыбнулась. И сразу просветлел лес, заискрилась дождевыми каплями трава. И насупленный распадок под гребнем, который оседлала тропа, уже не кажется таким неприветливым.

- Стойте, - говорит Нина Владимровна. - Вот, смотрите. Туда, вверх, между сосен.

Рыжая куча земли между стволами, похоже, глина. Ну, и что?...

Но тут отодвинулось облачко, пропустило солнечный луч. И тысячью огней засверкала бурая глиняная куча между соснами. Вопль восторга, и забыв про усталость 10-километрового пути, бежим вперед.

И вот он на ладони - прозрачный кристаллик с точеными гранями, в каждой из которых затаилась радуга. Встреча с таинством Природы - не витрине музея или ювелирной лавки. Дышит холодом натечного льда позабытая штольня. Брошенные тачки, кайло, расколотые кем-то когда-то глыбы кварца.

Соприкосновение с красотой и низвестностью.

Был это 1969 год.

* * *

Двадцать лет спустя стоим, открыв рты, посреди обширного зала в одном из старинных особняков Софии. Сегодня это музей "Земля и люди". Осенью 1988 года, по окончании Первой болгарской международной школы по спасению в пещерах, нас пригласил в этот музей Мартин Трантеев - коллега-спелеолог, сотрудник музея.

Помню, как заходим через служебный вход в зал и останавливаемся перед витриной с какими-то весьма посредственными на вид образцами.

- Ты оглянись, - говорит Мартин и улыбается.

- Сейчас, - отвечаю, рассматривая витрину. К музеям я подхожу основательно.

- Ты назад посмотри! - настаивает наш гид.

Оборачиваюсь, и у меня отвисает челюсть. Весь зал уставлен фантастической величины кристаллами. Монокристаллы кварца и мориона - дымчатого хрусталя - ростом выше головы и в два обхвата диаметром, усеянные фиолетовыми аметистами (в пару кулаков размером!) каменные трубы, в которые можно свободно пролезть человеку, еще какие-то сверкающие чудеса, явно похищенные у Сим-Сима!

Мозг не воспринимает увиденное. Друзы кристаллов слепят глаза. Мартин доволен.

А я вспоминаю свой первый, найденный на Сохотушке, кристалл горного хрусталя.

* * *

Если существует такого рода наследственность, то мое увлечение подземным миром - не случайность. Оно мне досталось по-наследству от отца.

Мои родители, Борис Александрович и Наталья Константиновна, начинали свой трудовой путь на свинцовом руднике "Бориева река" близ болгарского города Кырджали.

Здесь, в Болгарии, встретились они, чтобы соединить свою судьбу. Потомки русских эмигрантов - прадед по отцу инженером строил Суэцкий канал, бабушка по маме, Марина

Алексеевна Александрович, вместе с родителями покидала Россию морем из Новороссийска в кровавом 20-м году.

В эмигрантской бедности прошло детство моих родителей. В Софии, под бомбежками авиации союзников, пережили Вторую Мировую войну. Стремились на родину. Одними из первых, еще находясь в Болгарии, получили советское гражданство. К счастью, разрешение на репатриацию пришло только в 1955 году. Вернись мы раньше, и не факт, что автор этих строк смог заняться кейвингом, а не получил бы прописку на лесоповале, пополнив собой список неизвестных жертв ГУЛАГа.

Обошлось. И в моем крохотном мозгу отпечатались разрозненные картинки раннего детства.

... Вот полутемная комнатка, кровать в углу, я качаюсь на деревянном коне-качалке и вдруг - полет, лежу, кто-то подбегает, хватает на руки. Потом выяснилось, что у моего коня отломилась голова, и я совершил свой первый хороший полет на пол. Сколько мне? Около двух лет. Так начиналось усвоение известной спелео-истины: "Рожденный ползать - летать не должен!"

... Море, песок, какие-то дядьки, и - мяч! Огромный, прекрасный, и я хочу ударить его ногой, как настоящий футболист, а все смеются, и высятся вокруг, как великаны. Я "тренируюсь" со сборной Болгарии по футболу в доме отдыха советского посольства в Панчерево. Мне - полтора года.

... И снова море, искры солнца на воде, и я, в оранжевом резиновом круге, плыву, а бабушка держит меня на веревочке у берега. И так хорошо! Варна - мне нет и полутора.

Дальше в прошлое - мгла: я был, но меня не было. Мы начинаемся для себя - в нашей памяти.

Что же в другую сторону - к настоящему?

... Вокзал. Вагоны-теплушки. Какие-то люди сидят на крышах. Почему на крышах? Мы сидим на перроне: Отец, дядя Гуга и я. Неожиданно поезд на путях перед нами медленно трогается. Дядя Гуга вскакивает, пригибается и вдруг ныряет под движущийся вагон, который катится все быстрее. И пробегает под ним на другую сторону состава. Мы едем в СССР.

... А вот и ветряк! У колодца, на ажурной вышке, крутится ветряной двигатель - большущий пропеллер - моя любовь первых дней на советской земле. Ставропольщина, степной совхоз, куда нас случайно занесло. Маленький домик, беленые комнатки, вода в жестяном ведре на цепи "журавля". И ветряк!

А потом был шахтерский городок на Востоке Казахстана - Риддер, куда отец с радостью переехал по зову друзей-шахтеров из числа товарищей по репатриации, без сожаления покинув чуждые горожанину сальские степи.

Что считать Родиной - место, где ты родился, или землю, шде живет твой народ?

Что считать своим народом? Чью кровь?

Рассматриваю свое генеалогическое древо и веселюсь: здесь и русские, и поляки, и французы, и татары, и итальянцы - да мало ли кто еще влил в незапамятные времена животворную каплю своей крови в жилы будущих потомков? Родился в Болгарии, живу в Казахстане, жена еврейка, по паспорту и языку русский, друзья по кейвингу - всех национальностей.

Недалек и преступен кичащийся своей кровью, возвышающий себя над другими из-за разреза глаз или цвета кожи. Еще безрассуднее - взывающий к вражде из-за эфемерных идей или

вероисповеданий. Национальная гордыня - бред умалишенного. Память предков, культура и искусство, постижение истории своего народа - достойны уважения, но не повод для самовозвеличивания. Национализм всегда был уделом духовно нищих, но прежде всего - орудием политики: самого лживого и нечистоплотного занятия из всех видов человеческой деятельности.

Кейвинг - вот наш Бог, наше вероисповедание, наше приложение на земле. Не един, но сущ.

Спелеология, интернациональная по самой природе пещер, сближает нас, дает возможность лучше понять друг друга, ощутить радость всечеловеческой общности в движении к общей цели. Будущее Человечества, если оно есть, - в подобном единстве и сотрудничестве, Мы должны понять это, если хотим жить, а не исчезнуть во Вселенной по собственной глупости.

* * *

Горно-рудное болгаро-советское общество (ГОРУБСО), где отцу привелось начать свою шахтерскую деятельность, включало в себя несколько полиметаллических рудников с жильным и метасоматическим (*78) залеганием руд. Богатство этих месторождений полиметаллами было известно еще древнему Риму. Не раз современные штреки натыкались на старинные выработки. Бывало, что шахтеры выносили нагора окаменевшую деревянную миску или цепи невольников.

Однажды на руднике "Страшимир" исчез товарищ отца коллектор Константин Мохов (*79). Пошел на документирование вновь пройденной выработки и не вернулся в срок. Хватились, конечно.Но как искать человека в лабиринте шахты, где современные штреки сплетаются с древними выработками неведомых эпох? Переполох, понятно, поднялся изрядный. А коллектор, к счастью, не погиб, не заблудился. И даже, как выяснилось, не заметил своего длительного отсутствия. В стене только что отпаленного (*80) забоя Мохов заметил щель. Совсем немного усилий, и перед изумленными глазами счастливца открылся лаз в темноту. Мохов нашел каверну - заполненную диковинными кристаллами естественную пустоту в горной породе. Четырнадцать часов пронеслись, как одна минута. Зачарованный, рассматривал коллектор открывшееся ему чудо, выкалывал лучшие образцы. Что делать! Сокровищница природы лежала в рудном теле и жить ей оставалось до следующей отпалки.

Кто из нас в детстве не зачитывался фантастическими путешествиями, описанными в книге Адамова "Победители недр", когда подземный супер-снаряд врезался в подобную, заполненную кристаллами, пустоту. И вот...

... Ползем уже второй час. Это передвижение на локтях и коленях начинает становиться мучительным. Встать бы! Но ход, меандрируя, тянется поворот за поворотом, не давая не то что подняться в рост, а даже встать на четвереньки.

Но зато стены! Периодически ложусь и, открыв рот, рассматриваю дендровидные красные кристаллы, будто морозным узором, покрывающие каждый дециметр этой пещеры. Ощущение такое, будто ползешь мухой по невиданной хрустальной вазе.

Наконец, лаз кончается, и можно принять вертикальное положение. Во все стороны расходятся причудливые ходы пещеры, усыпанные сверкающими в лучах наших фонарей кристаллами. Не сказка ли это?

Со стены свисает кристалл. Желтый и полупрозрачный на

просвет. Слоистый гипс или ангидрид? Величиной с табуретку. Более поэтического сравнения почему-то не находится.

После нескольких часов работы в пещере мы давно отупели от этого кристаллического великолепия. Пора возвращаться. Мы не захватили с собой воды и теперь всех мучает жажда. В 100-процентной влажности этого лабиринта запросто можно помереть от обезвоживания. Пора идти, но "приятная" перспектива трехчасового передвижения ползком по входному лазу заставляет нас невольно оттягивать начало этого испытания.

- Ничего!- утешали нас друзья-одесситы перед нашим знакомством с гипсовыми лабиринтами Подолии. - Здесь входные шкуродеры невелики. В Ветровой (где мы сейчас находимся) - только 400 метров на животе, в Оптимистической - итого меньше. А вот внутри есть ходики! Метров по 600 ползучки. Знаете, как назвали? Ход "КПК" - имени Коммунистической партии Китая!

Что ж, по тем временам - конец 70-х, название не кажется необычным.

* * *

Пещера Кристалльная в Подолии открыта для экскурсантов. Результат налицо. Вдоль основного хода сверкающие щеточки ее кристаллов уже изрядно затерты и обломаны. Почему человеку свойственно, походя, без всякого смысла, уничтожать прекрасное? Ради сиюминутной забавы?

Формы пещерных кристаллических образований порой превосходят любые потуги воображения. Особенно, если речь заходит о бесценной сокровищнице пещер Кугитанга. Как они возникают?

На Кугитангтау, приграничном Афганистану хребте Туркмении, открыты уникальные, практически не имеющие аналогов в Мире, гидротермальные пещеры. Пытаясь описать кристаллическое убранство Карлюкских (по названию близлежащего кишлака), начинаешь ощущать бессилие одного из самых богатых, по утверждению лингвистов, русского языка. Может быть, великолепие этих подземных дворцов можно выразить музыкой?

В одной из пещер района - Хошим-Ойыке, мы заблудились. Хошим Ойык, Хошм Ойык, Хошим Оюк - по разному называют знаменитую пещеру, играя непереводимым сочетанием звуков. Так вот - мы заблудились. Нет, не в лабиринте, какими достаточно богаты многие из пещер Кугитанга. Мы заблудились в лесу из каменных "деревьев". Многометровой высоты белоснежные колонны сталагнатов подпирают своды обширного подземного зала пещеры, точных контуров и границ которого до сих пор не знает никто. Мохнатые кристаллические лапы каменных "елей" нависают над полом. На концах ветвей, как слезы, прозрачные иглы и шпили гипсовых кристаллов.

Мы бродили по сверкающему в свете фонарей каменному лесу, стараясь восстановить утраченную ориентацию, и... не спешили с этим. Потому что, если найти дорогу к выходу, то придется уходить из этой пещеры, будто сошедшей к нам из детских сказочных снов.

В другой пещере - Таш-Юрак, изумляют невесть как прилепившиеся к сводам "люстры: мохнатых кристаллических образований. Иногда они напоминают куриные лапы в несколько метров размахом белоснежных когтей, иногда - диковинные водоросли.

Еще великолепнее убранство пещеры, носящей разные названия: Белоснежка, Зимняя, Геофизическая.

Среди этой сказки чувствуешь себя муравьем, случайно заползшим на праздник Троллей: высыпавших друг другу на обозрение сокровища и похваляющихся своим могуществом.

Но не только размерами своих кристаллических образований прекрасен Кугитанг. Куда ни кинь взгляд, стены и потолки поросли каменной "травой" Вьются кристаллические стебли геликтитов и эксцентриков. Вопреки силам земного притяжения растут вверх, вбок, завиваются штопором, переплетаются, срастаются друг с другом, сверкают. Невообразимый праздник Природы!

В одном из дальних ходов привелось нам увидеть и другое чудо - каменные кристаллические волосы. Тончайшие кристаллы растут прямо на глине, колышутся от тока воздуха, склоняются дугами к земле под собственной тяжестью. Длина их достигает 60 сантиметров при толщине куда меньше спички. Кристаллическая "вата", "сено"... Как назвать то, что не поддается названию?

* * *

Каждый, кто заглянул в эту Обитель Удивительных Форм, не раз задавался вопросом - как возникло все это?

Испаряется капелька, выделяются, выпадают в осадок растворенные в воде минералы - растет с потолка сталактит. Расплескиваются по полу пещеры упавшие капли, стекают, высыхают, оставляя осадок - возникают сталагмиты разнообразнейших форм и конфигураций. Взгляд поражают башни в несколько метров высотой. Сколько же миллиардов капель должно было упасть, чтобы выросло такое чудо?

На срезе этих натечных образований видны сезонные кольца, как на дереве. Вот только подсчитать по ним возраст не получается. Судите сами - засуха на земле, перестала идти вода, хоть десять тысяч лет будет длиться пауза - а сталактит ждет. Но вот изменился на планете климат, пошли дожди, и снова прибавляются кольца, растут натеки: на стенах - драпировки, вдоль трещин - занавеси, "флаги", мелодично звенящие натечные каскады. Может случиться обратное - изменится активность воды, и натеки начнут растворяться, исчезать. Особенно влияет на этот процесс развитие промышленности. Тонны кислот, извергаемых в атмосферу, выпадают кислыми дождями, уничтожающими натечное убранство пещер. Сегодня перед карстоведами во весь рост встает проблема изучения, так называемого, техногенного карста.

В конце семидесятых кто-то из пермских спелеологов рассказывал мне об экспедиции в уральскую пещеру под названием "Золотой каньон". Пещера открылась и стремительно развивалась под воздействием кислотных отходов близрасположенного предприятия, сбрасывающего промышленные стоки в карстовую воронку за территорией. Ржавые отложения на стенах пещеры послужили поводом для ее названия. Даже лестница из стального троса ржавели после нескольких часов пребывания в этой пещере. Вот он - техногенный карст в апофеозе.

Интересна загадка геликтитов - вычурных каменных волос, стеблей, спиралевидных наростов, напоминающие заросли травы или путаницу макаронин. До сих пор нет единого мнения о механизмах образования этого завораживающего многообразием форм творения природы.

Не менее прекрасны и удивительны растущие под уровнем воды пещерных озер кораллиты и кристалликтиты - образования,

очень похожие на морские кораллы. За счет интенсивного испарения воды, на поверхности некоторых озер возникают плавучие кальцитовые корочки, которые постепенно тонут под собственным весом, покрывая дно таких водоемов чистейшей белизны кристаллическим "снегом". В проточных гуровых ванночках можно обнаружить пизолиты - "пещерный жемчуг", белые каменные горошины, шарики неправильной формы и, порой, внушительных размеров. Как песчинка на мантии моллюска обрастает арагонитовыми пленочками, порождая жемчужину, так песчинки и камешки в проточных ванночках переворачиваются течением, постепенно обрастая известковым налетом. Жемчужного блеска, правда, нет, но все остальное - в наличии.

Трудно перечислить все виды и формы вторичных образований пещер. Известковые туфы, выносимые подземными водами на поверхность, издавна ценились как строительный материал, красивый и легкий в обработке.

Переотложение растворенных водой горных пород порождает все то внешнее великолепие, делающее пещеры привлекатеьными для ценителей красоты. Но эти же процессы являются одними из виновников разрушения и, в конечном итоге, гибели пещер.

"Ничто не вечно под луною". Увы - верно замечено. И хотя век пещеры не сравнить с веком их исследователей, все же и он имеет конец. С уходом текущей воды, прекращается рост пещеры, и начинается заполнение ее натечными образованиями. Постепенно обрушиваются перекрытия между этажами, проваливаются своды, образуются входы с поверхности земли, перекрываются обвалами и натечными пробками галереи, заполняются глиной ходы, пещера расчленяется на отдельные части.

Это естественное умирание пещеры. Страшнее, если ее гибель безвременна.

* * *

В сотне километров от Карлюкских пещер (довольно близко по азиатским масштабам) находится еще одна уникальная пещера с романтическим названием Фата-Моргана или Гаурдакская. Здесь воочию убеждаешься в близости зоны вулканической активности. Призмаки ее встречаются в пещере на каждом шагу: ванночки с растворами кислот, абсолютно непригодных для питья, радужно окрашенные кристаллы совершенно непещерных минералов, сочащиеся из трещин горячие испарения и газы, тяжелый загазованный жаркий воздух подземелий пещеры.

Пещера уникальна. И... находится на грани гибели. Заурядненйший каменный карьер постепенно уничтожает редчайшее образование природы. Да не все ли равно, где брать эту проклятую щебенку? Ведь гибнет то, чего больше нет и не будет на нашей многострадальной Земле! Нет такого больше нигде в мире. Нет!!!

Карлюкские пещеры хранят на своем теле рваные шрамы незаживающих ран, оставленных руками охотников за сиюминутной наживой. Подъезжают к пещерам машины, выходят из машин люди. Не озираются воровато, идут, как в свою квартиру. Входят в просторные входы и штольни с кувалдами, ломами, пилами, молотками. Выходят - с мешками податливого кальцитового оникса. Не туристы или спелеологи - местные добытчики, браконьеры.

Пещерный оникс - прекрасной красоты поделочный камень. Одна беда - он мягок и недолговечен. Из тонны отбитой покореженной природы отберут несколько килограммов, выточат

подсвечник, вазу или пепельницу. Красиво. И продадут. Покупатель найдется. Почем он, кусок некогда вечной Природы?

Люди! Что мы делаем? Разобьются вазы, сделанного из украденного у пещеры оникса, будут потрачены деньги - бумага, удел которой - тлен. Умрут все - и расхитители, и равнодушные, и борцы за справедливость. А пещеры останутся. Какими они достанутся нашим детям? Нашим внукам? Правнукам? Вот такими,покалеченными до неузнаваемости, или в первозданной своей прелести? Увидят ли потомки вот эту, очищающую душу, красоту? Где будут черпать доброту друг к другу и миру, в котором им предстоит жить, если мы оставим им в наследство только осколки былого великолепия Природы?

А если не увидят они этой красоты, тогда зачем мы идем по этой дороге? Ради сиюминутного самопознания и утверждения себя в себе и перед другими? Задумайтесь, люди.

Еще не поздно! Еще сохранились в глубинах пещер, тщательно оберегаемых истинными членами Ордена Спелеологов от преступных охотников за сувенирами, уголки нетронутой природы. Еще не поздно... Пока.

* * *

Осенью 1988 года, впервые в истории советского кейвинга, по частному приглашению президента МСС мистера Форда трое советских спелеологов посетили Соединенные Штаты Америки. В числе счастливцев были: старейшина советской спелеологии В.Н.Дублянский и двое моих товарищей по кейвингу - москвич Владимир Киселев и киевлянин Алексндр Климчук.

Понятно, что мы с любопытством ожидали их возвращения и рассказов о неведомой спелеологической "загранице".

Климчук и Киселев не были новичками в зарубежных поездках. Их Спелеологическая судьба Саши Климчука и Володи Киселева сложилась благоприятно - они не были новичками ни в пещерах (чем от большинства из нас не отличались), ни в заграничных поездках (в чем отличались значительно!). В частности, под эгидой Академии Наук СССР все трое участвовали в исследованиях пещеры Соф-Омар на территории Эфиопии. Большинству из нас это и сегодня только снится.

Итак, наши - в Америке.

- Что тебе больше всего запомнилось, поразило? - с ухватками заправского журналиста вцепился я в Климчука при нашей первой после возвращения встрече в Москве. - Рассказывай, не томи!

- Знаешь...- Саша помолчал. - Не поверишь, но больше всего меня поразила их доброжелателность, американцев. Понимаешь? Вот уже два месяца как приехал, а все не могу снова начать по-нашему собачиться на работе, в магазинах, автобусах. Откуда в нас эта злость?

(- От нищеты, - подумал я. - Нищета материи порождает нищету духа...).

- В пещерах у них строго. - рассказывал Киселев. - Не редкость оборудованный специальной бетонной трубой вход, крышка-дверь с замком. Особенно, если входы в пещеру расположены на частных землевладениях. Чаще всего хозяева не препятствуют посещениям - смотри, но соблюдай правила. Например, под землей не разрешается курить. По основным проходам проложены яркие маркировочные шнуры: ходи по тропинке, не топчи нетронутую глину везде, не нарушай излишне облик пещеры. Пещера останется и после нас, и потомки

должны увидеть ее такой же, как и мы. Ведь мы не лучше их, правда?

- Даже для мочи - специальные бутылочки выдают! - усмехается Климчук. - Нам-дикарям - чудно с непривычки!

Не везде в Америке такие строгие правила. Только там, где это действительно может нанести непоправимый урон природе, а значит - достоянию нации. Там умеют считать. И не только деньги. Считать на много лет вперед.

У нас... Иногда первопроходцы пытаются своими силами замуровать вход в пещеру или систему ходов, особо уникальных по своему кристаллическому убранству. Скрывают информацию о местонахождении пещер. Чаще всего эти попытки спасти их от расхищния тщетны. Замки взламывают, бетонные пробки, как в известной пещере Эмине-Баир-Хосар в Крыму - взрывают.

Пока человек не возвысится душой до понимания прекрасного, его не остановишь запретами и примитивными преградами. особенно, если само государство остается равнодушным к своим подземным территориям.

Но иногда... Иногда не знаешь - может быть, лучше, если государство вообще не вспомнит об этих территориях, чем вспомнит только для того, чтобы сделать их навсегда недоступными. Одной из уродливейших форм защиты природы, вернее, ее псевдозащиты, была (да и остается в странах постсоциализма) наша советская система природных заповедников, заказников и прочих территорий со статусом ограниченного посещения.

Что такое - заповедник? В заповедник не ступает нога постороннего человека. Наша нога, обычных, рядовых граждан. Но не "избранных" из паразитического клана "вождей"! Как хочется, чтобы когда-нибудь, читая эти строки, мой Внимательный и Заинтересованный Читатель удивился: "О чем это здесь?" Как хочется, чтобы мы научились, наконец, беречь свою колыбель, свою Землю не на словах, а на деле!

* * *

Одно из сильных впечатлений после пещер Кугитанга - это пыль. Она мертвым слоем лежит на полу, стенах, прекрасных гипсовых и кальцитовых изваяниях некогда властвовавшей здесь воды. Вода и сейчас проступает местами: озерами ли теплой воды, капельками ли на концах сталактитов. Но чаще - пыль.

Пещерная пыль, как пыль Времени, как пыль Вечности, хранит наши следы. И будет хранить почти вечно, если...

* * *

Рухнувший в пыль сахарный город -
Это Хошим-Оюк.
Нас слишком много
Для твоих сводов,
Старый печальный друг.
Старость - не радость,
Старость приходит,
Если уйдет вода.
Здесь тишина такая - послушай:
Так умирают горные души -
Белые города.
Дружно проходим, веско ступаем
Крошевом красоты,
В ноги упавшие, приминаем
Гипсовые хребты.

За красотою спешим не просто -
Нет ни свободных минут, ни рук:
Мы - на погосте, громкие гости
Града Хошим-Оюк.
Он нам простит
И белые блицы,
И суету сует,
И то,
Что мы,
Позабыв проститься,
Выйдем на белый свет.
И то,
Что скажем:
- "Бывает лучше!"
Пыль умывая с рук.
Рухнувший в пыль
Сахарный город -
Это
Хошим-Оюк.

* * *

Не стану заканчивать эту главу на минорной ноте.

Будто в противовес вечной пыли, пещеры дарят нам свидания с образованиями, время жизни которых часто измеряется днями и месяцами. Творец их - пещерный лед.

Лед - еще одно из удивительных украшений пещеры. Такой обыденный на земле, лед придает подземному миру своеобразное очарование. Холодный воздух опускается в глубины пещер, и вода замерзает, превращаясь в прекрасные изваяния. Эфемерные ледяные кристаллы украшают привходовые части многих пещер, особенно в холодные зимы. Широко известная Кунгурская ледяная пещера на Северном Урале, к примеру, приобрела свою популярность именно благодаря ледяным образованиям двух-трех ее привходовых гротов. В остальном же это вполне заурядная полость.

Как часто повседневность обедняет наше восприятие! Как часто мы не в силах оценить то, что имеем, за суетой текучки не замечая скудно отпущенные нам мгновения прекрасного. Мы ахаем от видов Швейцарии или Франции, равнодушно скользя взглядом по не менее эффектным пейзажам Восточного Казахстана - мы здесь живем. Мы прищелкиваем языками при виде телегероинь, а рядом наши жены, порой, не менее, если не более, привлекательны - но мы видим их каждый день! Мы отмечаем ледяные образования на наших улицах словами: "Вот гололед-то какой! И чего не подсыпают вовремя?" или "Ишь, наросло. Как бы на голову не упало!" Но в глубине земли мы не можем противостоять их очарованию.

Пещерный лед вызвал в моей памяти одну новеллу.

Г О Л У Б О Й С Т А Л А Г М И Т.

-

Он вырос между двумя танками - емкостями для жидкого хлора, потому что где-то наверху проржавел паропровод. Капельки конденсата все летели и летели вниз, а над городом уже зажелтела осень. Каждый раз, проходя мимо лужи, Муромцев вспоминал, что надо бы поставить хомут на паропровод, потом привычно думал, что это не его хозяйство, есть, в конце концов, сантехники, - пусть Литвинов сам и занимается. Надо

только не забыть сказать... И он привычно забывал.

Муромцев обходил эстакады, проверял вентили, бегло щурился на манометры и, зябко поеживаясь, возвращался в щитовую. Ну что у него за хозяйство! Нагромождение емкостей и трубопроводов, в которых сам черт ногу сломит. Все течет само по себе - крути вентиля да посматривай на приборы. Тоска.

Он никому не говорил (как такое сказать?), что единственное захватывающее в его работе - это аварии. Вот так - аварии! Редкие минуты, насыщенные полнокровным действием.

Да-а... Так вот, он вырос под трубой между двумя танками. Зима взъярилась морозами, и сталагмит удался на удивление. Муромцев даже глазам не поверил. Высокий, с полметра, и толщиной в руку, сталагмит был прозрачен и чист.

В Пещере! Ну да, вот такие они с Вовчиком видели на стенах Актового зала. Как они радовались тогда! Тут же, вот - под боком! - растет такое чудо, а все ходят и не замечают.

Муромцев машинально оглянулся. Перед глазами невольно, непрошенно, вновь разворачивалась Пещера. И голос, записанный на пленку: "Ух, ты-ы!.. А прозрачный-то!" Они носили тогда по Пещере магнитофон и записывали. И грохот шагов, и звон ледяной капели, и гул подземной реки. А эхо... Какое там было эхо!

Муромцев мотнул головой, отгоняя непрошенные видения. К черту! Он же сказал себе, что все. Он больше не поедет в Пещеру. Хватит. Пора, наконец, браться за ум. Люда права - это не профессия. Много ли толку, что он знает почти все об этой работе и может спуститься в глубочайшую пещеру страны? Кому это надо? Кому нужны месяцы изнурительного труда в вечном грохоте воды, кажущихся бездонными колодцах?

Он не профессионал. Лена права - денег за это не платят. И вообще, поглядишь вокруг - нормальные семьи, нормальные отцы. Приходят домой, не торчат на тренировках. В отпуск - на дачу, в дом отдыха..., неважно - с семьей. И никакой нервотрепки.

Все правильно, он уходит, а дома - в тревоге. Он возвращается, худой и черный, измотанный нечеловеческой работой. Урывает, правда, недельку-другую, едут с Ленкой куда-нибудь отдыхать. Только отойдешь, пора на работу. Отпуск, называется. Нет. Есть нормальные семьи и нормальные отцы.

Муромцев усмехнулся, поймав в себе отзвук былых словесных баталий, представил разгоряченное спором лицо жены. О чем спорить-то... Все и так ясно. Пора кончать, вешать на стенку карабины. В конце концов, у него семья. Надо бы, наконец, выбраться куда-нибудь всем вместе. Махнуть, например, в Крым. Или на Кавказ. Купить панаму, шорты, лежать на песке и щуриться на волны. Подумать только! Он десять лет на Кавказе, а моря толком и не ощутил. Какое там море! Едва приедешь - заброска. Хорошо, вертолет, а то на горбу в несколько ходок тащишь в небо, продираясь сквозь облака, немыслимые мешки.

Потом - пещера. Потом... Потом галопом вниз, на самолет, на поезд, на что угодно - лишь бы скорее домой. Вот тебе и море...

С черного неба неслышно порхали, падали снежные мотыльки. Муромцев продрог и по скользкой железной лестнице вернулся в щитовую. Ребята сгрудились за столом, о чем-то гомонили. Ребята... Яковлевич давно на пенсии, а вот работа-

ет. Заколачивает деньгу. А может, просто невмоготу ему в океане свободного времени? Да и другие. Все в детях, в машинах. Он в смене по возрасту самый младший. Начальник, слушай, мастер! Не хухры-мухры...

Муромцев сел за стол, привычно уперся взглядом в диаграммы приборов.

В общем, ничего работа. Времени хватает, платят прилично,работы нет... Час ночи. Ох, и время ползет!

* * *

За зиму Сталагмит вырос. И когда с крыш и арматуры забила первая капель, стал просто красавцем. Двухметровая ледяная колонна, вся в оторочках ванночек с кристалльной водой.

Всю зиму Муромцев последовательно остепенялся. Обзавелся первоклассным инструментом, дома пилил, строгал и соорудил-таки сносную прихожую. Писем не писал. Само собой и получать их стал совсем редко. Да оно и к лучшему! Зашвырнул на антресоли каску и другое железо Соорудил сыну подобие турника. Андрюшка с полу до него не доставал, но висел охотно. Ничего, лиха беда - начало!

И на душе, вроде, не свербило.

Но Сталагмит! Стоило Муромцеву его увидеть, перед глазами вновь оживала Пещера. Он ничего не мог с собой поделать. Курил, мрачнел и... смотрел зачарованно. Однажды он даже забрался на ограждение, чтобы взглянуть на Сталагмит сверху. Капли пробили во льду глубокий колодец, и там, в его глубине, морщилось кругами озерко.

В последнюю экспедицию они вот также вышли на уступ. Вода уходила ниже, и где-то глубоко с гулом била в котел. А под ногами, в дымных лучах фонарей, купоросно синело озеро. И они, мокрые и продрогшие, не могли сдержать восхищенных возгласов. Они не знали еще, что вот за этим отчаянно красивым озером Пещера кончится.

А она кончилась. Река ушла в завал. Напрочь. Каменная пробка запечатала проход.

Французы, наверно, радовались! Их рекорд глубины устоял. Ну и черт с ним. Его это больше не волнует.

* * *

Весна накатила яростно. Снег еще лежал, но все больше чернел, съеживался, наконец, отступил, сметенный плотными атаками дождей.

А Сталагмит стоял. Всему наперекор. Он потоньшел, стал меньше ростом и теперь поражал своей отмытой прозрачностью. Его вершина, изглоданная водой, расщепилась короной. Сталагмит таял и становился еще прекраснее.

И Муромцев вдруг затосковал. Приходя на работу, он нет-нет да и подходил к Сталагмиту, с тревогой ловя глазами разрушительную работу весны. Все вокруг оживало, и остро пахло землей, прошлогодней листвой, еще чем-то до боли знакомым, но позабытым за зиму. Тело тосковало по работе. По настоящей: до боли в руках, до кругов перед глазами! Он как-то обмолвился об этом жене, но Людмила очень серьезно предложила поехать на дачу к маме, вскопать огород, и Плотников замолк.

А потом накатилось лето. Он хотел было рвануть с семьей к морю, дикарями, пожить в палатке, пошататься по побережью. Но Андрюшке оказалось всего два года и вообще... Поспорив, он согласился, что все это пока рано, что хлопотно. Были и

другие проблемы. Муромцев и сам чувствовал, что разленился. Он переболел своей тоской, сумел загнать ее в угол. И добил..., когда, еще где-то в апреле, пришел на работу и увидел, что его Сталагмита больше нет. Кто-то старательно срубил лед, сгреб в серую кучу и оставил таять на асфальте.

На Кавказ они не поехали. В месткоме обещали Ялту. И все получалось, как он когда-то мечтал: шорты, море и потрясающее безделье.

А за месяц до отпуска пришло письмо. Оно оглушило Муромцева скупыми Вовчиковыми строчками.

... Зимой экспедиция Гвоздева нашла проход в последнем завале. Они нашли проход! Муромцев долго бессмысленно смотрел на прыгающие завитушки. Они нашли проход. Пробились сквозь завал к реке. Откуда-то сверху. Набрав метров девяносто по высоте, а потом снова зарывшись вниз. Гвоздев вышел на реку и остановился перед водопадом. Ревущий каскад. Сил и веревок больше не было, но Пещера шла!

Муромцев ворвался домой - по-привычке, он брал письма на работу, - оживленный, какой-то взвинченный. Ленка встретила его удивленно, а он все рассказывал ей об их фантастической удаче, тряс вовчиковым письмом, метался по кухне. Но жена заговорила о другом, что пора бы подумать об отпуске. В месткоме все обещают, а ему надо взять и сходить. И нажать. А то остался месяц.

Муромцев потух. Спрятал письмо в карман, поддакнул, ушел в комнату. Все правильно. Чего он, собственно, разошелся? Ну, прошли завал... Ну и что?

Он знал - что. И на душе было тошно. Если бы не эти последние строчки!

* * *

Прошла неделя, а Муромцев все никак не мог сесть за письмо. Он понимал, что надо сесть и написать, но не мог. И все-таки написать было надо. Вовчику нужна определенность. Это же не пикник. Это штурм. Они планировали штурм новой части на конец лета - сентябрь. В это время в пещере меньше всего воды.

Муромцев до боли сжал пальцы. Ручка хрустнула. Он шепотом выругался. Ну что он, как сопляк, сидит над листом бумаги?

Вовчик написал в конце: "Старик, будет трудно. Я на тебя очень рассчитываю."

Вот так. Нет, это невозможно. Ведь они с Ленкой собрались в Крым. Будет ужасный разговор... Он представил себе сердитое обиженное лицо жены. Нет сил на это!

А ведь он так знает Пещеру! Шесть экспедиций! Эта, седьмая, конечно, на весь отпуск. Может, удастся выпросить у шефа лишнюю недельку за свой счет? А впрочем, что с нее толку? Ерунда! Вот если бы взять Ленку с собой... Опять же, Андрюшка. Да она и не поедет. Резонно! Он будет под землей в своей пещере, а она сиди у телефона и волнуйся? Моря там нет.

Как это: Лучше сидеть у моря и смотреть на гору, чем наоборот?"

А может, все-таки поговорить? Чем черт не шутит!

Муромцев усмехнулся.

Моря там нет. Но зато цветы! Он представил себе заросли рододендронов, их пьянящий запах. Впрочем, какие там рододендроны! Когда они выйдут, в горах уже будет бело...

Нет, это невозможно!

Муромцев встал из-за стола, вышел на площадку. Смена гомонила в щитовой - никаких забот! Он поймал себя на том, что тупо смотрит на асфальт между двумя танками. Здесь когда-то рос его Сталагмит. Огромный, сияющий голубизной, искрами капель, в этом ржавом царстве труб и арматуры. Он рос, теперь его нет. И мир стал беднее.

Капли летели, падали, бесплодно бились об асфальт.

Слишком тепло. Слишком спокойно...

Муромцев круто повернулся. Лист бумаги, ручка. Всего несколько слов: "Участвовать не смогу, зашиваюсь..."

Подумал, сгреб написанное в ладонь. И расчеркнул размашисто, по-муромцевски:

"Буду в срок. Возможно, с семьей. Шли информацию. Привет мужикам. Муромцев."

Будто вздохнул полной грудью.

* * *

...Искрился в глазах Голубой сталагмит...

М И Ф Ы С Т А Р О Г О С У М Г А Н А.

Есть в нашем кейвинг-клубе "Сумган" такой обычай: мы предлагаем гостям заполнить коротенькую анкету под названием "Галерея друзей". Есть в анкете такой вопрос: "Ваша первая пещера?" Каких только ответов там нет. А есть и такой: "Ваша любимая пещера?"

Если бы членам клуба "Сумган" пришлось отвечать на эти вопросы, многие из нас назвали в числе самых-самых своих пещер - Кутук-Сумган. Именно поэтому клуб был назван по имени величайшей пропасти Урала.

* * *

Это не просто пещера. История исследования пропасти соткана из множества судеб, прочетривших яркими искрами ее тьму. Рожденные экстремальными ощущениями когда-либо приходивших сюда, легенды и поверия окрыжают Сумган таинственным ореолом.

Едва перевалишь невысокий хребет с грозным названием Яман-тау - Плохая гора, ощущаешь, что спускаешься в удивительный мир. Еще обступает дорогу заросший подлеском и травостоем сумрачный лес, а уже как-то непонятно светлее на душе. Невесть куда пропадают надоедливые комары и мухи. Дорога катится вниз, взбирается на пологие, покрытые лесом увалы. И вдруг - просвет слева, другой, третий. Внизу, в чистом логу, на зеленом сукне подстриженной сенокосами траве - белыми скалками, каррами - известняки. И тут же, будто от бомбовой серии, цепочка густо заросших воронок пересекает дорогу, образуя ложок.

Редеет лес. Впереди, в синеющей дали, чернеет хребет Кибиз. А чуть ближе - темной зелени гора с дымком на переднем плане: над крышами еще невидимых жилищ. Там, в часе ходьбы, ферма Сумган - два маленьких бревенчатых домика, в которых находят приют пастухи, косари, прочий бродячий люд, что приходит сюда пешком и приезжает верхами, на телегах и тракторах в эти места.

Далеко еще избушки, но все больше светлеет вокруг, и на смену грязному лесу Ямана выбегают из логов белоснежные хороводы берез. После пещерной темени, или правда, так - кажется, нет на свете белее берез, чем в Кутукском урочище. Не

зря названо урочище Кутукским. "Кутук", в переводе с башкирского - колодец. На обширных полянах, куда ни кинь взгляд, воронки, известковые карры, невысокие пока обнажения белых скал по бортам логов. Нет прекраснее песни для души спелеолога!

Перекрестье логов. Сзади - Кок-Кольский, прямо и чуть влево - Кутукский, слева-направо вперекрест - Улукланский. Сошлись, скрестились на вольготной поляне среди берез и сосен. И сосны на Кутуке необычные - с затаенной синевой по пушистым кронам.

Пойти вправо по Улукланскому - через километр выйдешь к Пропасти. Кутук-Сумган. С башкирского, что-то близкое к смыслу: "Вода, ныряющая в колодец". По Улукланскому ходят, если хотят быстрее. Торопливость - удел новичков. "Старожилы" Сумгана сначала идут к ферме. Чуден этот последний перевал. Дорога, будто в сказочную строну, вступает в "город Муравейников". Вот они, муравейники, огромные, иной раз выше человеческого роста. Один. Чуть подальше другой, третий. И вот они чуть не за каждым стволом среди деревьев - диковинные жилища маленьких хозяев этих мест. Есть и большие. В этих краях и медведь пока не редкость. Помню, как провожала нас через Яман-тау рысь. Зимами полно зайцев, заглядывают волки, пасется лось.

Сегодня здесь Башкирский национальный парк, и появляется надежда, что не обеднеют на живность эти места.

Вот и домики. За фермой, на взгорке, место палаточных городков. Каждое деревце знакомо здесь. То ворчит, то ласково мурлычет в ложке ручей Сумган. Лагерь обычно ставят здесь. Можно расположиться и поближе к Пропасти, но тогда придется за водой ходить к самой ферме. Здесь уходит под землю ручей.

Понор ручья Сумган - одна из загадок этих мест. Вода пропадает на дне глубокой крутоскальной воронки, ежегодно меняя места своего исчезновения. Раскопки не дали пока результата, но свидетели божатся, что вечером здесь можно услышать тяжелый гул земли под копытами поверху идущего на рысях стада. Поет гора, гудят своды близкого к поверхности земли неизвестного зала пещеры. Пока еще недоступного.

* * *

От фермы начинается тропа к Пропасти. Остается слева устрашающих размеров провальная воронка "Каньон" - вскрывшая некогда подземный зал: метров 50 в диаметре и 30 в глубину. Чернет зев пещеры на дне провала, зияют окна в нависающих над ним скалах. Но нет в них удачи. Не приводят они к продолжению пещеры, к подземному руслу ручья Сумган, невидимо несущему свои воды в пещерную реку.

Тропа. Обочь вороночек, заросших ласковой травкой и колючим чертополохом, сходит она с проторенного стадами пути в теснину. После раздолья Сумганского лога Ущельице принимает путника бережно, но строго: "Подожди, не спеши, не суетись. Подумай, зачем идешь сюда, что несешь в себе?"

Снова расступаются скалы. На выходе из Ущельица встречает входящего Каменная Жаба - Хранитель подступов. Известковый останец будто присматривается к вам, молчаливо остораживает. Кто и затаенную улыбку уловил, приветствуя Хранителя. Поздоровайся и замолчи. Видишь?

Дыбит могучий хребет каменный ящер. Это - Дракон, Страж

Бездны. Щерится дремотно пасть, на белом камне зеленые разводы лишайников, сумрачный глаз полуприкрыт каменным веком. Хвост Дракона обнимает Пропасть.

Коснуться губы Дракона велит Обычай. Короткая ласка теплого камня - за день нагревает солнышко тяжелую драконью голову. Дремлет старый страж Пропасти, витает в тысячелетних снах.

На полянке, среди сбегающих со всех сторон склонов, полно цветов. Кто-то сорвал несколько простеньких цветочков здесь, кто-то принес с собой от понора. Не самых красивых - любых. Не спрашивай, зачем, подожди.

Тропа сворачивает круто вправо, сумрачная теснина, скользкие камни прилепившейся к скале тропинки - буквально десяток метров, спуск по каменным ступенькам и...

Пропасть распахивается как-то сразу, за поворотом скалы. Старая береза на самом краю площадки, сосны на обступивших сероватых скалах - все только подчеркивает грандиозность открывшегося глазам каменного жерла. Это, конечно, не Венесуэльские гиганты. На фоне разгула тропического карста Кутук-Сумган не виден. Но здесь, на Южном Урале, это достойный вход в достойную пропасть. Разве что Бездонный колодец в Крыму может соперничать с Сумганом грандиозностью архитектуры.

* * *

Ложусь на край и смотрю в дышащую холодом глубину. Если повезет, и снег не стал еще слишком черным, можно увидеть дно Первой шахты. Огромный - 20 на 10 метров в поперечнике, ствол Пропасти уходит вертикально вниз, расширяясь с глубиной. Внизу справа, на зеленом от влажного мха уступе, игрушечные стволы упавших сюда берез. Взгляд скользит еще ниже, туда, где в сумраке шахты голубеет прилепившаяся в стене гигантская сосулька висячего ледника. Белый наверху, известняк с глубиной становится полированно-черным в скульптурных формах проточенных водой желобов.

Кинуть камень вон туда, вправо, к леднику-сосульке, в черную бездну между стеной и уступом, и только через пять секунд услышишь из недр звук далекого удара о дно Второй шахты. Образуя единый ствол в 110 метров, Пропасть знобко дышит туманом.

Дьявольское зрелище можно увидеть здесь на закате. В сереющем сумраке уходящего дня в клубах белесого тумана сонмы летучих мышей вырываются из Пропасти на ночную охоту. Пасть преисподней.

... На скальной стене холодный блеск металла. Мемориальные таблички погибшим здесь спелеологам. Валентину Алексинскому и Лене Алексеевой - 1968 год, Алексею Казеннову - год 1988-й. Летом здесь всегда цветы. Те самые - полевые, что растут в мире солнца. И бабочки, что бесстрашно и невесомо, как цветные лоскутки, порхают над самой Пропастью.

* * *

... Если медленно спускаться в отдалении от стен, в какой-то момент может показаться - не двигаешься. Только стены вокруг непостижимо ползут вверх. Стены как бы растягиваются в пространстве: то, что сверху казалось с метр - вытягивается в пять. Шахта плывет в параллаксе, расширяется вокруг тебя, сужаясь вверх и вниз. Свисающие со стен леднички проплывают мимо, неуютно остаются над головой. Иногда они пада-

ют. Особенно в устьи Второй шахты, где весной намерзают мощные языки льда, сползают ниже и ниже и летом, подтаивая, с грохотом рушатся вниз. Тогда земля вздрагивает, и мощный гул наполняет пещеру. Иной год ледники падают по два раза на дню, особенно в дождь. Но привыкнуть не удается - все равно вздрагиваешь и долго вслушиваешься в затихающее эхо.

Здесь все впечатляет. Огромные залы таят в себе эхо шагов и звон потревоженных камней. Весной пристовловая зона - прилегающая к вертикальным шахтам система ходов - наполняется ледяными сталагмитами, сосульками, ледовыми озерами, каскадами, кристаллами всевозможных форм. Летом это ледяное великолепие стаивает, но никогда не оставляет Пропасть совсем. Более 10 километров всевозможных ходов - два яруса лабиринтов6 расположенных по крутому падению пластов известняка. Здесь и галереи, и уступы, и колодцы. Озерки хрустальной воды украшены порослью кристалликтитов, кораллитов, других озерных диковинок. Мощные отложения пещерной глины - то мокрые и вязкие, то сухие, растрескавшиеся такыром. И главное - подземная река: странный диссонанс между стеклянной неподвижностью воды и мощным гулом невидимых перекатов.

В этом мире мрака - свои тайны, свои загадки и обычаи. В глубине галерей Верхнего яруса встречает спелеологов Идол. Его точеное в дереве лицо бесстрастно. Поздоровайся, зажги свечу Богу Сумгана, постой рядом с Идолом. Это не пустая игра - тончайший самонастрой на пропасть. Чем выше предстоящие нагрузки и сложнее задачи, тем больше зависимость успеха от внутреннего состояния, психологического фона предстоящего действия. В большом спорте за самочувствием спортсмена следят психологи и врачи. В кейвинге - это роскошь, к которой не прибегают. А игра здесь зачастую серьезнее заколачивания в ворота шайбы или мяча навиду у орущих болельщиков. Ставка не та. И таблички на входе в Пропасть - печальное тому подтверждение. Не сопоставима цена ошибки.

Тем важнее своевременное достижение психологического комфорта, настроенности на Пещеру, на предстоящий маршрут. Маленькие и большие суеверия - не редкость среди кейверов, альпинистов, спортсменов, людей других рискованных занятий. И дело тут не в темноте душевной.

Рассказывают, что как-то в клинику привезли одного из достаточно именитых альпинистов. Было известно, что он недавно пережил примерно такую же аварию в горах. И вот теперь снова. В палату к пострадавшему пробрались всепроникающие журналисты.

- Скажите, мистер Кен, в чем причина вашей, уже второй, как ходят слухи, аварии?

- Видите ли, господа, в этом нет ничего удивительного: меня снова подвел тот-же самый карабин...

- Как, один и тот же карабин?

- Да, он не первый раз меня подводит, и даже не второй...

- Но позвольте, мистер Кен! Отчего вы не замените его, не приобретете что-либо понадежнее?!

- Это, конечно, правильно, господа, но дело в том..., дело в том, что это мой ЛЮБИМЫЙ карабин, господа!

... Поставь свечу Идолу, и Бог Сумгана примет тебя. А уходя, не забудь попрощаться, оставив на память Сумгану какую-нибудь малость: пуговицу, амулет, сигарету. Не подарок дорог - внимание.

Так продолжается духовное общение с Пропастью. Жалок тот, кому пройденные метры или категории затмевают красоту окружающего. Не только внешнюю, но скрытую, внутреннюю: в мыслях, настроении, сказочном восприяти, наивных, на чей-то взгляд, ощущениях.

* * *

Пропасть живет своей жизнью. Какая-то ее часть прошла давным-давно, оставив непонятные, необъяснимые до конца следы.

Покрывают галереи Сумгана бесчисленные косточки летучих мышей - будто желтая опавшая хвоя. Рассказывают, что где-то здесь: то ли на Нижнем ярусе, у подземной реки, то ли на Верхнем, в галерее Геофака - как-то нашли скелет медведя. В принципе - ничего, казалось бы, удивительного. Некогда пещерные медведи долго оспаривали у человека приоритет в пещерном мире. Но как оказалось, скелет прнадлежал обычному медведю, земному. Да если бы даже и пещерному, как он попал в такую подземную даль, если вход в пещеру - вертикальная пропасть устрашающих размеров? Упал и не разбился? И потом еще прополз добрых полкилометра по запутанному лабиринту ходов пристволовой зоны? Трудно поверить в такой вариант.

А может быть, был другой вход в Пропасть? Попроще?

А вот другая загадка. Наша зимняя экспедиция 1980 года в одном из дальних ходов Нижнего яруса нашла мумию неизвестного зверька. Зверек величиной с кошку, с таким же длинным хвостом, судя по строению черепа и зубов, - хищник, рыжеватая шерсть. Понятно, когда мумифицированные останки находят в жарких и сухих пещерах Средней Азии, но в Сумгане?

И вот мы идем по следам древних обитателей Пропасти. О том, что находки достаточно старые, говорит характер хода: такыр пола будто припудрен характерной пыльцой - здесь давно не было активной воды. Вдоль галереи, прямо на полу и под глиной такыра, в нишах и узких щелях у основания стен, местами заваленные рухнувшими глыбами и камнями, разбросаны загадочные черепа, косточки, клыки загадочных "кошек". Если присмотреться, кажется, что на нетронутой глиняной пудре различимы следы когтей: черточки, едва видимые бороздки. Здесь же какие-то непонятные серые колбаски. Вот оно что! Это экскременты. Значит, зверьки жили здесь и, судя по количеству испражнений, довольно долго.

В средней части отложения на полу галереи глубоко прорезаны более современным потоком. Ручье, которого тоже уже нет. В неведомые времена пропахал он отложения этой галереи, углубившись в них почти на метр, и ушел под стену. В русле этого ручья следов "кошек" нет.

За ручьем галерея продолжается, и снова на каждом шагу следы жизнедеятельности неведомых зверьков. Но почему нет их в примыкающих к галерее ходах? Может быть, они образовались позднее? А может быть, некогда колония подземных хищников населяла весь Сумган, но более поздние процессы уничтожили их следы на большей части территории Пропасти?

Может быть. А пока кладбища "кошек" обнаружены только в двух, совершенно изолированных друг от друга, местах пещеры. И даже на разных ярусах. Но вот сами места эти... Разделенные сейчас добрыми тремя часами ходьбы с лазанием по колодцам и уступам, эти места очень похожи между собой: системы готической формы довольно низких ходиков с удивительно теп-

лым и сухим микроклиматом. Сообщались ли они между собой? И как попадали зверьки на глубину 130 мметров от поверхности земли через вертикальные колодцы? Значит, был когда-то легендарный второй вход?

Изучая подобные кладбища животных на поверхности земли, ученые высказывают гипотезу, что скопления костей не всегда могут объясняться "инстинктом смерти", толкающим животных приходить умирать на одно и то же место. А может, это "инстинкт жизни"! Возможно, что места кладбищ обладали целебными свойствами. И животные приползали сюда в надежде на исцеление. Кому удавалось - уходили, неудачники пополняли костями общую коллекцию. Нет ли подобного объяснения и кладбищам Сумгана? Возможно, что в готических галерейках сохранялся какой-то особый газовый, минеральный, микроэлементный или радиационный "оазис". И потому нет костей в других галереях.

Листаю страницы справочников и путеводителей по пещерам Башкирии. Знакомые строчки, а вот что-то интересное:

"Остаются загадкой причины неоднократных слуховых и даже зрительных галлюцинаций спелеологов в Сумган-Кутуке после пребывания под землей в течение нескольких суток (*81).

...Стоит выключить фонарь, как постепенно, откуда-то сбоку наплывают зеленоватые блики, возникают призрачные стены. Пропасть, как живая, говорит с тобой на неведомом языке.

* * *

Что в нашей жизни сказка, а что непознанная пока реальность?

Пещерой "Черного дьявола" назвали журналисты Кашкулакскую пещеру в Хакассии. Здесь выявлены необычные электромагнитные аномалии,возникающие при появлении в пещере человека.

Вот как описывает корреспондент газеты "Социалистическая Индустрия" подземные "чудеса" (*82):

"Побывавшие в Кашкулакской пещере рассказывали удивительные вещи. В какой-то момент их охватывал беспричинный панический страх. Забывая обо всем, бросая снаряжние, они со всех ног мчались, обгоняя друг друга, на выход, к свету, уже потом, придя в себя, никак не могли объяснить: что же случилось? И это были не новички - бывалые спелеологи, которые на своем веку повидали пещеры куда посложнее этой.

Я стою перед входом в пещеру - таких в Хакассии, в отрогах Кузнецкого Алатау, десятки, если не сотни. Небольшой провал, затерявшийся среди скальных обнажений.

Но спустившись в утробу пещеры, иду осторожно, затаив дыхание. Главное - удержать равновесие. Поэтому, прежде чем поставить ногу, обшариваю лучом фонаря каждый сантиметр. Оглядываюсь по сторонам - кругом все та же непроглядная тьма да сталагмиты, удивительно похожие на оплавленные свечи. Судя по рассказам, где-то здесь и приключилась одна из загадочных историй Кашкулака.

Было это в 1985 году. Сотрудник института Константин Бакулин с группой спелеологов обследовал гроты. После нескольких часов работы люди потянулись к выходу. Константин шел последним. Закрепил веревку на специальном поясе, обхватывающем грудь, и приготовился к подъему. И вдруг почувствовал Ученого обдало жаром. Первое побуждение - бежать! Но ноги словно оцепенели. Посмотреть, что творится за спиной, было

безумно страшно. И все же, будто в состоянии гипноза, повинуясь чьей-то чужой воле, повернул голову и увидел... пожилого шамана. Метрах в пяти. Развевающиеся одежды, мохнатая шапка с рогами, горящие глаза и плавные, зазывные движения руками - мол, иди, иди за мной... Бакулин безотчетно сделал несколько шагов вглубь и тут - словно сбросив чары - начал отчаянно дергать веревку, единственную нить, связывающую с находящимися наверху товарищами. На языке спелеологов это просьба об экстренной помощи.

Больше Букулин в пещеру не спускался. Но еще долго шаман являлся к нему во сне и звал за собой. Причем до этого случая Константин никогда не отличался особой впечатлительностью, напротив, слыл человеком серьезным, уравновешенным. Сейчас ученый работает в одной из экспедиций на Антарктиде...

Но надо идти дальше, в таких местах задерживаться как-то не хочется. Из-под ноги выскальзывает камень и летит в темноту: удар, потом еще один, и лишь секунд через пять тишина вновь взрывается дальним грохотом. Встревоженные летучие мыши устраивают настоящий переполох. Впереди расщелина.

- Глубина метров семдесят, - определяет на слух мой спутник Юрий Сигарев.

Обойти расщелину можно только по узенькому карнизу. По таким дорожкам с высоко поднятой головой не ходят. Как говорится, не до гордости - становлюсь на четвереньки и, отыскивая руками мельчайшие выемки, выступы, продвигаюсь вперед. Время остановилось. Но вот площадка постепенно расширяется, и я переваливаюсь в ложбинку - все. Можно перевести дух.

Нервное напряжение огромное, может, этим и объясняется ужас, охватывающий людей?

- Похоже, что нет, - говорит один из руководителей экспедиции, старший научный сотрудник Института Клинической и Экспериментальной медицины СО АМН СССР А.Трофимов. - Дело, видимо, не в особенностях психики, а в каком-то внешнем воздействии. И, кажется, мы напали на след. Посмотрите сюда.

В Спальном гроте разбита своеобразная пещерная лаборатория. На шкале приборов мерцают цифры.

- Видите, - продолжает Трофимов, - сейчас показания на счетчике одни, а через несколько минут уже будут другие. Значит, электромагнитное поле в пещере постоянно колеблется. Мы заметили, что среди прочих сигналов устойчиво пробивается строго определенный импульс. Иногда его фиксировали как одиночный, иногда же он шел целыми "пачками". Скажем, в течение часа с промежутками в две минуты. Притом всегда с одинаковой амплитудой - тысяча нанотесл.

Откуда берутся эти импульсы? После серии экспериментов выяснилось - пробиваются из глубин в пещере. Раз есть сигналы, значит должен быть их источник. Какой?

- Сначала думали: дело наверняка в геофизических особенностях горных пород, - продолжает Александр Васильевич. - С похожими фокусами уже приходилось сталкиваться. Но после консультации у специалистов, прямо скажу, оказались в полном замешательстве. Изучив наши записи, те дали безапелляционное заключение - сигналы, зафиксированные на Кашкулаке, никакого отношения к природным не имеют. Импульсы такой частоты с устойчивой амплитудой колебаний способен генерировать только

искусственный излучатель...

На этом загадки не кончились. Решили проверить: а не связаны ли эти самые сигналы с чудесами, творящимися в пещере? Выяснилось: время фиксации импульсов в точности совпадает с моментом появления у людей нервозности, подавленного состояния, переходящего в панический ужас. Дальше - больше. Стали сопоставлять факты, и оказалось - в эти самые минуты начинали метаться по гротам летучие мыши, голуби, гнездящиеся у входа в пещеру. Реньше на это не обращали внимания. Провели эксперимент: взяли с собой под землю несколько моллюсков. И опять же, как только пошли сигналы, те стали съеживаться, будто в них тыкали раскаленными углями...

- Импульсы низкочастотные, - поясняет Трофимов. - А они, как известно, сильно действуют на все живое, в том числе и на психику человека. Вот только откуда они идут? Обшарили всю пещеру, спускались в самые потаенные уголки - и ничего. Таинственный маяк находится где-то еще глубже. Правда, некоторые гроты забиты ледниками. Может, ключ к загадке Кашкулака хранится там?

- Со страхами мы, вроде бы, разобрались, а чем объяснить явление шамана?

- Гипотез много, а ответа пока нет, - говорит Александр Васильевич. - Кстати, случай, происшедший с Бакулиным, не единственный. Нечто подобное видели дети новосибирского спелеоклуба: в одном из залов они неожиданно столкнулись с какой-то черной фигурой, поспешившей скрыться в расщелине.

Может быть, виноваты необычные химические свойства пещерного воздуха? Ведь известны в природе газовые смеси, вызывающие у людей галлюцинации. Но есть и другое предположение.

А что если во всех этих таинственных случаях люди сталкивались с... Голограммой? Во всем мире сейчас ведутся разработки в этом направлении - памятью обладает не только человек, но и предметы. При определенных условиях они способны запечатлевать информацию, поступающую извне. В принципе, в этом нет ничего невозможного. Ведь научился человек фотографировать - ловить на пленку мгновения жизни. Может, и в Кашкулаке в какой-то определенный момент, при особых гелиогеофизических условиях как раз и проявлялись объемные изображения, когда-то запечатленные пещерными стенами. Кашкулакская пещера у древних хакассов была культовой.

Здесь, по одним преданиям, поклонялись Черному дьяволу, по другим - идолу Фаласу. Безусловно, место было выбрано не случайно: жрецы, видимо, прекрасно знали о воздействии пещеры на психику человека. Здесь же древние хакасы приносили жертвы своим богам, в том числе человеческие. Так что шаман - фигура для подземелий вовсе не инородная".

Не станем принимать газетные сенсации слишком серьезно, но все же...

Одним из источников состояния подавленности и неосознанного страха, и не только в пещере, может являться инфразвук - акустические колебания очень низкой частоты. В свое время даже всерьез разрабатывалось инфразвуковое оружие. В конце семидесятых безотчетный страх на подходе к подземной реке пещеры Зигзаг испытали московские спелеотуристы из неофициальной группы "Скорпион", более известной в Москве под названием "СКО". Гул реки, (которая, кстати через несколько ки-

лометров подземного пути под поверхностью Кутукского урочища вновь появляется на Нижнем ярусе Сумгана) мог особым образом трансформироваться в изгибах входного меандра Зигзага.

Летом 1988 года во время нашей, совместной с поляками, экспедиции в Сумган-Кутук, нам привелось наблюдать над урочищем "УФО" - меняющие цвет светящиеся диски, отнесенные специалистом в этой области польским спелеологом и профессиональным фотографом Христианом Парма к разряду НЛО, неопознанных летающих объектов. Христиану даже удалось успешно сфотографировать эти диски.

Размышления о непонятных явлениях, происходящих в пещерах, вызвали в памяти одну легенду.

Л Е Г Е Н Д А О Г Р Е З Е.

==========

-

ПРОЛОГ. - Вы слышали что-нибудь о Двуликой?

Сидевшие у костра переглянулись. Красные отсветы огня дрожали на лицах, на закопченых сводах большого грота в основании известковой скалы, в глубине которого, в шевелящихся багровых тенях, угадывались расстеленные для ночевки спальные мешки.

За освещенным кругом тяжелой шуршащей стеной стоял ночной дождь.

- Во льет!- парень в прожженной на рукаве штормовке потянулся за котелком.

- Весь день собиралось, - отозвались у костра. - А что там за Двуликая, Стас?

Парень хмыкнул.

- Слышал от спелеологов, не помню уж когда... Серега, у тебя курить есть?

Сергей бросил в огонь пустую пачку.

- Понял, - сказал Стас.

- Перебьетесь без курева, - усмехнулась девушка. - Дымите бесперечь.

- Погоди, - сказал Серега, - В рюкзаке посмотрю.

Он поднялся и принялся наощупь шарить в глубине грота.

- Страда-альцы! - нараспев протянула девушка и вдруг насторожилась. - Слышишь?

- Ты чего, Ир? - Стас в прожженой штормовке посмотрел в дождь.

- Кажется, идет кто-то.

- Кого в такую темь...

За шумом падающего на лес дождя теперь явственно послышались приближающиеся шаги.

Ждать пришлось недолго. Из темноты в освещенный круг вступили двое. По пластикатовым накидкам, укрававшим их вместе с рюкзаками, стекали струйки воды.

- Добрый вечер! - поздоровался бородатый.

- Добрее некуда, - усмехнулся Стас. - К нашему огоньку! Серега, у нас гости.

- Ва-ах! - Серега выбрался из сумрака грота. - Откуда будете, люди добрые?

Бородатый помог спутнику снять рюкзак, присел к костру, зябко протянул к огню мокрые руки.

- Благодать! Из Баджея идем.

- Спелеологи, что ль?

- Да вроде того.

Его спутник тоже приблизился к костру. Он откинул с лица черный от воды капюшен штормовки и по его плечам скользнула тугая струя темных волос. Темные в ночи глаза, точеный профиль.

Парни у костра красноречиво переглянулись.

- Нашего полку прибыло! - Ира пододвинула к огню кружки. - Стас, налей-ка чайку гостям.

- Будем знакомиться? - сказал Бородатый и потянулся за кружкой.

* * *

- Ты о какой-то легенде говорил, Стас. - Ира поближе подвинулась к угасавшему костру.

- Вон, у спеликов надо спросить. - Стас покосился в глубину грота. - Они, небось, лучше знают.

Бородатый спелеолог привалился спиной к рюкзакам. Голова его спутницы лежала у него на коленях, пряди черных в красноватом сумраке грота волос рассыпались по отвороту желтого спальника.

- Спят они, - сказала Ира. - Так что не томи.

- Спать потом не будешь...

- Ну, Стас, ну, пожалуйста!

- Если женщина про-осит...- пропел Серега. - Давай, правда, расскажи. Ты мастер на это дело.

- Ладно уж. Вы и мертвого уговорите. Такое, значит, в народе сказывают...

* * *

Бородатый спелеолог слушал сквозь усталую полудрему приглушенные голоса у костра. Они сплетались с шелестом все не стихающего над лесом дождя.

- Люди зовут ее Двуликой, - донеслись до него слова. - Никто не знает, какой явится к нему Двуликая, если вечная ночь пещеры поглотит свет его фонаря, - безобразной старухой с горящими глазами или прекрасной девушкой. Горе тому, кто увидит зловещий оскал Старухи - грохот обвала или черная пасть колодца навсегда отрежут ему дорогу к солнцу...

Бородатый спелеолог осторожно положил руку на теплое плечо спящей у него на коленях девушки, и странная улыбка дрогнула на его губах...

* * *

ГРЕЗА СУМГАНА. Когда становилось особенно плохо, Коста накидывал старенькую болоньевую куртку и выходил на начинающие сереть осенними сумерками улицы. На работе, хоть и не дающей радости, ЭТО отступало. Он копался в боксе лаборатории, слушал шутливую перебранку механиков, старался сосредоточиться на пульсирующих замысловатыми кривыми экранах осциллографов.

Вечером...

Над осенней Москвой, подсвеченное ярким заревом улиц, сочилось дождями серое небо. Он любил смотреть на цветные блики огней в черном зеркале мокрого асфальта. Но в мелькании лиц - веселых, озабоченных, усталых, - ЭТО подступало снова, и он, невольно ускоряя шаги, выходил на остановку трамвая. После той экспедиции он, сознавая всю нелепость своего поведения, мог часами бродить по оживленным московским улицам, жадно вглядываясь в волны незнакомых лиц. Заходил в ярко освещенные подземные переходы, по нескольку раз спускался и поднимался по эскалаторам метро. Лица, лица,

лица...

Один раз, кажется это было на Курском, ему показалось, что он увидел ЕЕ.

Сердце, вздрогнув, заколотилось, он бросился вниз по эскалатору, перебежал, проклиная перегородки и толпу, на восходящий, и только выскочив на гомонящий пригородны перрон, вдруг понял, что нет. И ЭТО навалилось снова.

За окном трамвая качались праздничные брызги огней, в мокрых тротуарах сияли витрины...

Потом он перестал шататься по улицам, и когда ЭТО становилось невыносимым, ехал к Вовчику.

- Станция "Октябрьское поле", - проникал в сознание искаженный динамиками голос.

Он выходил на перрон и, проходя мимо последнего вагона, слышал: "Осторожно, двери закрываются, следующая станция "Щукинская", обрезанное коротким металлическим гулом закрывающихся дверей.

Все ускоряя шаги, спешил он по пустынной улице, спешил, как к спасению, ибо только там ЭТО, обнажаясь, как-то стихало.

Свернув через залитую водой калитку во двор, он сильно рвал на себя дверь подъезда, и сейчас, поднимаясь на второй этаж, Коста вспомнил, как в первый раз долго бродил вокруг в поисках входа - дверь и сейчас поддавалась неохотно, а тогда явно не желала его пускать, претворяясь запертой.

Коста звонил коротко: "Динь-бом" мелодично пел звонок, и Коста, уже заранее улыбаясь, вслушивался в шаги за дверью. Щелкал звонок, дверь широко распахивалась.

- Ха-а! Костик!

- Здорово, Вовчик!

- Здоро-ово!

Они с размаху жали друг другу руки, и Коста с радостным волнением, которое сохранил с того, первого, раза шел за Вовчиков в комнату, стараясь рассмотреть из-за него - кто из ребят сегодня здесь.

- Проходи!

В маленькой комнатке на Маршала Бирюзова, в коммунальной квартире, почти каждый вечер было полно народу. Каждый ехал сюда, как домой, ехал к своим, неся "в толпу" все свои радости, огорчения и планы.

Даже когда у Розалии родилась Женька, и Вовчик стал первым папашей в их спелеогруппе, традиции не изменились.

Часом к восьми на столе появлялся видавший виды зеленый чайник, выкладывалась из карманов и сумок снедь: колбаса, булки, сыр, помятые пакеты масла. Рассаживались кто на чем. Иногда кто-нибудь доставал из-за пазухи бутылку вина, и тогда из массивного серванта, до отказа забитого сверкающими образцами каменьев со всего света, извлекались старые фужеры с отбитыми ножками.

В девять маленькую Женьку укладывали спать, и вся толпа вываливала на лестницу покурить.

Здесь, у Вовчика, обсуждались планы новых экспедиций и штурмов, сюда стаскивались веревки, палатки, "украины"- как в обиходе называли шахтерские аккумуляторы, словом, все то, что на их языке определялось одним емким словом - "снаряга".

Коста любил смотреть на оживленные лица ребят, на тронутую ранней сединой шевелюру Крестина, на всегда взъерошенно-

го Вейса, на "атласную кожу и черные глаза" Лехи, слушать спокойный голос Вовчика и звонкий смех Татьяны, ловить затаенную грустинку в глазах Ольги, выпутываться из сумбурного потока идей Игорька. Это были Его ребята. И он был Их. И потом, шагая по пустынным ночным улицам под шелест шин одиноких машин, когда ЭТО надвигалось снова, часто думал: кем бы он был без них, без своих ребят. Иногда приходила мысль, что не будь их, он не поехал бы в эту последнюю экспедицию, так резко перевернувшую все в его жизни. Он никогда бы не увидел ЕЕ, и никогда бы не пережил того, что с ним сейчас происходило, того, что он, не находя слов, коротко называл "ЭТО".

* * *

- Ты что задумался, мужик?

Коста вздрогнул. Вовчик протягивал ему пачку "Примы".

- Так.

- Брось, возьми вот, покрепче.

- У кого там есть закурить? - Леха "незаметно" подмигивал с подоконника.

Коста невольно улыбнулся. "Знаешь, как надо подмигивать незнакомым девушкам?"- говорил Леха. - "Незаметно. Вот так!" Далее следовало непередаваемое Лехино действо, состоявшее из яростного подмигивания с одновременным устрашающим перекосом физиономии в сторону высунутого языка.

Со всех сторон потянулись за куревом. Спичка пошла по кругу.

Коста чувствовал, что надо сказать ребятам все. Сегодня. Потому что сегодня разговор снова, в сотый, наверно, раз зашел про эту экспедицию, и ЭТО мучало его все сильнее, не давая дышать.

Кое-что он все-таки рассказал. Тогда, еще в Пропасти, после падения с ледника. Он сказал, что знает, видел, что за сифоном. Описал точно, невероятно точно, также, как только что повторил сейчас. И больше не сказал ничего.

- Он видел, это безусловно. - Вовчик пошире расставил ноги. - Таких совпадений не бывает. Это не придумаешь. Он видел... Только вот - как?

- Галлюцинация, - сказал Крестин.

- А почему нет? - Леха спрыгнул с подоконника. - Даже в литературе пишут: "Имели место случаи галлюцинаций у спелеологов, которым пока не найдено объяснений". Так?

- Погоди, Леха. Мы уже тысячу раз об этом говорили, - Вовчик повел плечом. - Я могу поверить в галлюцинации, в провидение, это и у меня бывает... Я про нож понять не могу. Как у Костика оказался нож, который я потерял в сифоне? А у меня его оказался. И еще что-то..., вертится что-то, не могу поймать...

- Ножи, - сказал Игорек. - Ножи ваши - это гвоздь проблемы. Хотя, скорее всего, что просто случайно ими поменялись. До сифона еще, а?

- Ты помнишь, как я из сифона вышел? - Вовчик отрешенно смотрел куда-то внутрь себя, и Коста почувствовал, что в нем поднимается внутренняя непреодолимая дрожь. - Я с ножом в руках вышел. А знаешь, почему? Потому что костиков нож в мои ножны не входит. Напрочь. Но чего-то я не то хотел...

- Это факт, - сказал Боб. - Мы это дело экспериментально установили. Дак ведь и у Костика нож-то твой с причудами был: вроде, в ножнах, а в ножнах-то и не держится - вывали-

вается. Его ж там рукой держать надо, чтобы ходить, - велики ножны. Ладно бы только ходить: Костик с ледника навернулся, а вовкин ножик у него в ножнах остался, будто приклеянный! Не чудно?

- Да не менялись мы ножами в лагере, - сказал Вовчик. - Ну, ты, Боб, сам посуди, ну, на кой ляд нам ножами меняться?

- А тогда остается только предположить, что вы с Костиком где-то там, за сифоном встретились, нажрались чего-то от радости и теперь не помните ни хрена.

Коста зажмурился и глубоко затянулся сигаретным дымом.

- Короче, - сказал Леха. - Зимой ехать надо - разбираться. Тогда у нас было слишком мало времени.

- И воздуха, - сказал Игорь.

- И воздуха..., - как в полусне отозвался Вовчик и вдруг замер. - Подожди, подожди... Кажется, поймал. Сколько у меня оставалось в баллонах атмосфер? Вот сразу, как вы меня из сифона выдернули?

- Около восьмидесяти, - сказал Коста. - Скажи, Леха.

- Точно. Мы его потом на ферме выпускали. В чем дело то?

- Вот оно что, - сказал Вовчик и обвел всех глазами. - Вот, что меня все это время мучило. Неувязочка получается, мужики. Я почему тогда назад повернул?

- Почему?

- Воздуха у меня было мало! - четко, почти по складам, произнес Вовчик. - У меня на манометре было тридцать, предел у меня был, понял?

- Ни фига не понял, - сказал Игорек.

- А когда я веревку обрезал, и того не оставалось. Зашкалило манометр. Да если б у меня восемдесят было, я вперед бы двинул, как...

- Ты просто забыл, - уверенно сказал Боб. - Задергался и забыл.

- Я не забыл. Я просто только сейчас вспомнил. Да будь у меня хоть полсотни атмосфер!.. Это я потом задергался.

- Бред какой-то! - Вейс взъерошил и без того взъерошенный чуб. - Ножны, атмосферы, может, нам в психушку пора? Построимся, и хором.

- Двуликая, мужики! - Леха весело присвистнул. - Не иначе!

Коста так сильно вздрогнул, что чуть не выронил сигарету.

Он не все рассказал тогда ребятам. Не мог рассказать. Потому что в глубине души сам считал происшедшее с ним невероятным. Но он не мог больше носить в себе этот груз.

- Тут вот какая штука, - сказал он. - Я не все вам сказал тогда. Дело-то вот как было...

И он потянулся за новой сигаретой.

* * *

Та последняя экспедиция осталась в его памяти отрывочными, но предельно яркими картинами.

... Они с Лехой распутывали телефонный провод. Красной спутанной грудой он лежал на снежном конусе дна Первой шахты Прапасти. Голубоватый свет угасающего наверху дня слабо струилсяя по уходящим на недосягаемую высоту гигантским стенам каменной "бутылки". Нде-то там, вверху, в голубой груше неба, золотились закатным солнцем паутинки растяжек.

Сквозь монотонную музыку капели с тающих ледников иногда проступали доносящиеся сверху далекие звуки Земли.

- Слышно сегодня хорошо, - наматывая провод на крестовину, Коста посмотрел вверх.

- Похоже, радуются чему-то, - Леха сплюнул на снег. - Дернул же их черт провод упустить! До ночи теперь провозимся.

Сегодня их четверка выходила на поверхность. Шесть суток под землей сделали свое дело. Ребята устали. Это чувствовалось по тому, как сильно затянулся подъем с Нижнего яруса Пропасти. Торопились. Не хотелось выходить в ночь, все смертельно соскучились по солнышку.

И вот тут, когда Ольга с Сорокиным уже вышли, и пристегивался на подъем Леха, раздался свист падающего с семидесяти метровой высоты провода.

Через час проклятый провод, наконец, распутался, и когда его, прицепленный к концу веревки, конец, медленно пополз вверх, они с Лехой с трудом распрямили налитые усталостью спины.

- У тебя курить осталось? - Коста из-под каски провожал взглядом уходящую в туманную высоту красную ниточку.

- А как же, - Леха вытер руки о комбинезон.полез за пазуху. - Славно потрудились. Теперь не грех и закурить...

Стукнувшись касками, они склонились над оранжевым огоньком спички, жадно затягиваясь теплым дымом.

Коста не слышал свиста падающего камня. Они успели разойтись метра на два: Коста - к Телефонному ходу, Леха - к Северной галерее, когда в мокрый снег конуса беззвучно вошел камень, и снег под их ногами едва ощутимо дрогнул.

"Как раз, где мы стояли..." - мелькнула мысль. Коста коротко глянул на Леху. Леха только покрутил головой: "Дураки, мол, совсем страх потеряли - на конусе закуривать!.."

Передернув плечами, Коста припал к телефону:

- Земля, Земля, я - Сумган, как слышите? Прием.

Он прижимал к уху динамик, а сам все косил глазом на дырку в снегу.

"И на этот раз пронесло, - подумал он. - "Хорош подарочек! Устали и забыли осторожность..."

В наушниках затрещало. Ага, значит, провод подняли.

- Сумган, я - Земля. Все в порядке. Прием.

- Отлично! Все. Мы поднимемся. Сейчас идет Леха.

* * *

... Стены медленно ползли вниз. Огромные, влажно-черные, они раскачивались перед глазами в такт пульсациям веревки.

"Клац-клац" - клацали металлом самохваты.

Коста чувствовал, что очень устал. Он старался не смотреть на окружающие его стены, ибо тогда казалось, что он вообще не движется. Хрипло дыша, Коста старался держать ритм подъема, попеременно выкидывая вверх руки и уже не ощущая бои в ссаженных пальцах.

Венчик окаймляющих Пропасть скал постепенно расширялся, качаясь над ним в позолоте последних лучах заходящего солнца.

И странными казались несущиеся над головой серо-белые облака.

- Эва! Костик!

Коста запрокинул голову влево.

Улыбающиеся лица на краю...(Да вот он - край долгожданный!), а это кто?

- Вовчик!

Вовчик приехал!

Последние усилия, и Коста завис у края Пропасти, чувствую, как все тело гудит от подъема. Бесконечные стены закончились, и Южная площадка, на которой деловито суетились ребята, стала качками приближаться, обдавая полузабытыми парными запахами уходящего осеннего дня.

Его вытащили на край, и еще не успев отстегнуться от веревки, Коста уже обнимал Вовчика, который, оказывается, приехал еще вчера.

- Вот и встретились на Сумгане!

- Теперь поработаем!

* * *

Вечером вся экспедиция собралась у жаркого костра. Коста, наконец, почувствовал, как отсыревшие в промозглом холоде пещеры кости наполняются блаженным теплом, и как распрямляются нервы, наполняя все его существо непередаваемой радостью. Вовчик приехал! Теперь они могли перейти к своей главной задаче - штурму сифона подземной реки. Подводная группа была в сборе, и Игорек, отставив в сторону кружку, развивал картину предстоящего штурма.

Коста слушал и не слушал. Оранжевые языки пламени плясали перед его глазами, обдавая жаром, и в них качались фантастические картины Пропасти: гигантские своды залов, белоснежные каменные каскады натеков, голубое сияние ледников, черное стеклянное спокойствие реки в жутковатом контрасте с гулом, идущем откуда-то из глубины затопленных рекой галерей.

Загадка этой реки давно не давала им покоя. Начинаясь на поверхности с уходящих в поноры разрозненных ручьев, река появлялась отдельными участками в вышележащих пещерах урочища для того, чтобы во всей красе возникнуть в черных тоннелях галерей Нижнего яруса Пропасти и, уходя в сифон, через несколько километров никому неизвестного подземного пути, появиться снова. На поверхности земли, в голубом озере у подножия серо-белой стены известняков.

Что там, под этими могучими плитами скал? Какие сокровища хранит земля, отгородившись от света коварными дверями сифонов?

Четвертый год приходят они к Пропасти, но ни разу еще не посягали на скрытые за сифонами тайны. Что несут они им, спелеологам?

В костре кровянели догорающие угли. Из-за далеких хребтов пробирался ветер, щурша пожелтевшими лесами. Над урочищем нависло черное, набухающее дождями, небо.

Осень, уже совсем осень - подумал, засыпая, Коста.

* * *

Утром он проснулся с чувством беспокойства. Но тревога была смутной, и он подумал, что это обычное волнение: сегодня виз уходила шестерка Вовчика, а они с Лехой, отдохнув наверху, через день тоже должны были уйти под землю.

Небо, затянутое тучами, время от времени роняло редкие капли. Они с шелестом ложились на пестрый ковер листьев под ногами, звучно стучали по каскам стоявших на Южной площадке Пропасти парней.

Вниз осторожно спускали акваланги, тщательно упакованные в транспортные мешки.

- Да-а, погодка начинает портиться, - Вовчик, стоя на самом краю, провожал глазами уходящие в шахту мешки.

- На Нижнем будьте осторожнее, - сказал Коста, прислушиваясь к ровному шороху веревки. - Во вторую шахту падает лед. Особенно, когда дождь.

Вовчик кивнул.

- Земля, Земля, я - Сумган, - из динамика телефона слышалось дыхание Игорька. - Груз весь?

- Да, последний рюкзак, - Леха щелкал переключателями приемника. - Как у вас? Прием.

- Нормально. Первые уже спускаются в колодец Вейса.

- Скажи ему, сейчас пойду я, - Вовчик в последний раз подтягивал узлы обвязки, позвякивая карабинами.

- Эва, Сумган! Сейчас пойдет Вовчик.

- Поняли.

- Когда вы начнете работать в сифоне? - Коста распутывал грязную вытяжную веревку, изредка поглядывая, как Вовчик пристегивается на рогатку (*83).

- Думаю, завтра.

- Когда связь?

- Давай, часов в одиннадцать. До одиннадцати должны успеть. - Вовчик уже садился на край, неуловимо напоминая чудовищного паука - весь в капроновой паутине веревок.

- Страховка?

- Есть, - Леха замер на страховке у старой березы.

- Ну, я пошел, выдавай понемногу.

- Давай! Скоро увидимся.

* * *

Всю ночь бушевала непогода. Благо, что вечером они с Лехой перенесли лагерь на ферму в километре от Пропасти, и теперь, лежа на нарах, Коста прислушивался к шуму ветра за стеной.

Ветер ломился в окна, двери, гудел в трубе. Казалось, что избушка раскачивается от его порывов. Дождь косой стеной рубил грязь на почерневших дорогах, заливал стекла, струйками стекая с крыши.

Ночью тревога возвратилась, но Коста заставил себя заснуть - надо было хорошенько отдохнуть перед завтрашним спуском.

Утрення связь не дала никаких особенных новостей. Весь этот день, бродя по пасмурным логам - надо было нанести на карту входы двух новых для них пещер, Коста ловил себя на мысли, что с нетерпением ждет вечера. Только тогда они узнают о первой попытке штурма сифона подземной реки.

К вечеру над урочищем стих ветер. По логам потянулись сизые космы тумана, на черно-синем небе проглянули одинокие пока звезды.

- Похоже, распогодится, - Леха, озаряемый рыжими бликами, совал в печку дрова.

- Хорошо бы. Сколько до связи, мужики?

- Сорок минут.

- Опять поужинать толком не успеем, - Ольга со стуком поставила на стол котелок с картошкой. - Ну, давайте по-быстрому.

Торопливо работая ложкой, Коста то и дело поглядывал на часы. "Что же там у ребят?"- сверлила мысль. - "Что за сифоном?"

Так и не попив чаю, они с Лехой вышли в ночь.

- Ну и темнотища! - смутная лехина тень маячила рядом. Ветер стих, и над урочищем нависла плотная тишина. Только шорох их шагов, да изредка лязг ледоруба о камень.

Ровно в условленное время они подключили телефон. Из Пропасти несло холодом. Коста зябко поежился.

- Тихо что-то. Никого нет.

В приемнике слабо потрескивало. Отступившая было тревога снова заворочалась в груди. Тихо...

- Сумган, Сумган, я - Земля. Как слышите? Прием.

И только шорох в приемнике.

Медленно тянутся минуты. Луч фонаря бесцельно бродит по черно-серым скалам, нависающим над Пропастью.

- Да что они там! Спят, что ли? Сколько мы здесь?

- Минут двадцать. Может...

- Подожди!

В шорохе и потрескиваних телефона что-то изменилось. Далекий гул нарастал. Вот уже можно раличить топот ног. Он все ближе!

Коста непроизвольно напрягся, вдруг стало жарко.

- Земля! Земля! - хриплый, задыхающийся от бега голос.

- Земля на связи! В чем дело?!

- Все нормально. Мы немного заболтались.

Леха за спиной с облегчением вздохнул.

- Ну, черти! Мы уже беспокоились. Как там сифон?

- Сейчас Вовчик подойдет, расскажет.

Через несколько минут они слушали чуть искаженный глубиной голос Вовчика:

- Сегодня провели разведку. Прошли двадцать метров предсифонного озера и тридцать метров сифона.

- А дальше?

- Дальше пройти не смогли. Страховка кончилась, да и холодно дико.

- Понятно. Завтра мы к вам спускаемся. С Лехой. Что у вас на завтра?

- Попробуем еще раз.

* * *

Проглянувшие было звезды снова задернули облака. Возвращаясь на ферму, Коста чувствовал, что за эти дни на Земле нисколько не отдохнул. Надоело низкое мокрое небо. Хотелось солнышка. И совсем не хотелось завтра спускаться.

А утром он проснулся с чувством какого-то радостного ожидания. Ребята еще спали, а Коста некоторое время все никак не мог сообразить, почему в домике так празднично светло. Выбравшись из спальника, он глянул в окно и не смог сдержать радостного удивления.

За окном мела метель. Снег валил густо, стремительно, огромными мохнатыми хлопьями.

- Ребята, снег!

Сна как не бывало. Снег! А ведь только середина сентября.

- Все у нас было, - говорил Леха, отыскивая под нарами сапоги. - Шли сюда - умирали от жары. Лето, да и только. Позавчера вылезли из Сумгана - я еще удивился, как все пожелтело. Вся Южная площадка в листьях.

- И трава полегла, - Ольга смотрела на ребят широко раскрытыми глазами, в которых отражались маленькие окна: за ними все валил и валил снег.

- Ну! А сегодня и зима пришла, - Леха забухал сапогами к двери. - Что-то будет, когда выйдем на Землю?

- По идее, весна, - Ольга уже гремел котелками на печке. - Леха, дровишек захвати!

- Оля, нам на связь, - Коста поверх двух свитеров натягивал порыжевший от пещерной глины комбинезон.

* * *

Метель приняла их в свои объятия. Снежинки таяли на разгоряченных ходьбой лицах, и Коста находу слизывал капельки, то и дело повисавшие на кончиках усов.

Вот и Южная площадка. Всюду: на пожелтевшей траве, на обнаженных стволах берез, на серых выступах скал - лежал снег. Метель утихла, и снежинки медленно, как будто нехотя, падали в темную пасть Пропасти навстречу поднимающимся из глубины облакам пара.

Оставив Ольгу у телефона, Коста поднялся на скалу, нависавшую над Южной площадкой - зрелище устья Пропасти всегда волновало его. А когда спустился, из телефона уже раздавался радостный голос Вовчика:

- Прошли сифон!

- Иди ты!

- Точно!

- Сколько?

- Тридцать пять метров. Дальше, метров на двадцать, просматривается галерея. Над головой метра три воздуха.

- А дальше?

- Похоже, поворот.

- Чего не пошли? Опять страховка?

- Да нет. Я потек здорово. Да и не вижу без очков под водой. Сейчас думаем еще нырять. Игорь уже готовится.

- Воздуха много осталось?

- До фига.

- Ну, удачи! Мы сейчас позавтракаем и к часу начнем спуск.

* * *

Пока бежали знакомой тропой на ферму, в голове все время радостно пульсировала мысль: "Взят сифон. Пройден сифон Сумгана!"

* * *

В лагере Нижнего яруса было шумно. На примусах закипала вода. По неровным стенам и потолку, по палаткам метались фантастические тени.

Во второй попытке Игорь не смог пройти сифон. Об этом Коста узнал, уже спустившись. И сейчас они сидели вокруг свечи - шесть перемазанных в пещерной глине фигур. В солидное гудение примусов мелодично вплетался говорок близкого ручейка, робкие строчки капели. Молчание прервал Вовчик:

- Завтра надо пробовать еще раз. На раз воздуху еще хватит.

- Гидрики текут, - Сорокин, отходивший к примусам, снова присел на рюкзак. Я сегодня замерз страшно.

- Так сколько ты в воде простоял, тут и не потешь, замерзнешь.

Страховать уходящего в сифон приходилось, стоя по пояс в воде предсифонного озера. Лодки у них не было.

- В следующий раз обязательно надо лодку, - Игорь сидел без каски, и огонек сигареты периодически разгорался у его

губ. - Самое странное, что я не видел ни одного кармана с воздухом. Только отдельные пузыри, да и то, наверно, мы их надышали.

- Первый карман идет сразу метра через два от начала сифона. Ты вдоль потолка шел? - Вовчик полез за спичками. - Я в этот карман сразу выскочил.

- В том-то и дело, что я шел по потолку. Там выступы, борозды, ребра какие-то. Я еще подумал, как бы страховка не зацепилась. Но - ничего не видел.

- Странно.

После ужина неожиданно для себя, Коста снова почувствовал себя неважно. Спуск отнял больше, чем нужно, сил. Да еще часа два потеряли в колодце Вейса, когда пришлось перенавешивать потертую веревку.

Снимая комбинезоны и трикони, парни расползались по палаткам. В палатке ему показалось тесно, и, поразмыслив, Коста устроился в спальнике на груде мешков, укрывшись пластикатом.

В наступившей тишине где-то недалеко гулко била капель.

Голова гудела, все тело ломило.

- Не хватало еще заболеть, - подумал он, засыпая.

Перед глазами в непроницаемом сумраке пещеры поплыли знакомые голубоватые тени и исчезли.

* * *

Странно было смотреть на эту воду. Черная, матово застывшая, ее поверхность играла бликами фонарей. Желтые пятна света невесомо скользили по изборожденным коррозией стенам. И над всем этим - мощный, давящий на сознание, гул невидимого переката.

Штурмовая тройка - Вовчик, Игорь и Сорокин, матово поблескивала мокрой резиной гидрокостюмов. Лица, стянутые резиной, трудно узнать.

- Мужики, пора нырять, - Вовчик неловко шевелил пальцами в толстых перчатках. - Я уже начинаю задубевать.

- Сейчас, - Игорь возился с легочником акваланга, желтые баллоны которого резко контрастировали с черной водой и уходящими во мрак стенами.

- Значит, так, - Коста поудобнее перехватил треногу штатива. - Я буду работать в Ледяном зале. Кто у нас на связи, Леха? Если что - я там. Там же рядом Саня. Он уже ушел, что ли?

Леха молча кивнул.

- В общем, давайте.

Вовчик махнул рукой:

- Попробуем. Еще разок. Все равно, на большее не хватит воздуха.

Ловя слабеющие с каждым поворотом гулкие голоса у сифона, Коста направился к Ледяному залу. Миновав зал Ворота, он углубился в сеть галерей, на полу которых все чаще появлялись языки льда. Ледники на Нижнем ярусе Пропасти не таяли круглый год.

По крутому обледеневшему ходу Коста поднялся в Ледяной зал. Луч фонаря голубыми искрами играл в мощных ледяных сталагмитах, в зеркальном льду пола.

Положив фонарь на выступ стены так, чтобы его свет охватывал как можно большую часть зала, Коста, неспеша, установил штатив фотоаппарата и принялся за работу. Поймав в видо-

искатель нужный кадр, он отвел фонарь в сторону. Теперь лишний свет дал бы только красные блики на цветной пленке. Открыв затвор аппарата, осторожно, стараясь не поскользнуться на гладком, как стекло, полу, он почти наощупь начал обходить зал, время от времени прорезая темноту блицами вспышки.

За работой время летело незаметно. Коста успел сделать несколько кадров, когда снизу, из-под уходящего во тьму ледника, послушалось буханье триконей. Кто-то бежал по направлению к Ледяному залу, и эхо грохотало по пещере, стократно усиливая гул приближающихся шагов.

- Эва! Костик! - голос Лехи тревожно заметался под сводами.

Коста почувствовал, что у него упало и бешенно заколотилось сердце. Положив вспышку прямо на лед, он быстро, насколько позволял тусклый свет направленного в стену фонаря, приблизился к краю ледника. Внизу маячила звезда фонаря Лехи.

- В чем дело?!

- Похоже, у Вовчика застряла страховка! Его нет уже минут пять, как вышло время. Давай к реке!

Мысли лихорадочно застучали в висках. Глубина небольшая, в аппарате было, кажется, около ста атмосфер, на сколько их хватит?

- Бегу! - крикнул он вслед уже удаляющемуся Лехе.

- Сейчас скажу Сане! - донеслось до него.

Машинально Коста рванулся было к выходу из зала, но, вспомнив, что у него нет фонаря - тот по-прежнему лежал на выступе стены, все так же тускло озаряя враз помрачневшие своды, - резко остановился. Трикони скользнули, потеряв сцепление с предательски гладким льдом. Коста сделал отчаянную попытку удержать равновесие, но упал, и вдруг почувствовал, что неудержимо соскальзывает куда-то вниз. Он попытался перевернуться, выставив вперед тяжелые трикони, чтобы хоть немного смягчить ожидаемый удар, но тут его резко дернуло вправо - он даже не успел толком испугаться - и оглушительным ударом в каску швырнуло в забытье.

* * *

Потом но все взбирался по зыбкому коридору и снова скатывался вниз, взбирался и падал... Один раз он почти поднялся на край невидимого уступа, за которым брезжил неясный ласковый свет, но оглянулся и увидел себя, лежащего далеко внизу среди дико искореженного камня и льда, и потянулся к себе, и снова соскользнул куда-то в тошнотную яму и боль.

* * *

Сознание возвращалось медленно. Еще сквозь закрытые веки он увидел хоровод зеленых пятен и кругов. Коста открыл глаза. Пятна и тени не отступили, но лишь слегка замедлили свой бег. Боли не было, и Коста попробовал приподняться. Вокруг плотной стеной стоял зеленый мрак.

- Фонарь, - подумал он. - Фонарь остался на полке.

Он пошарил вокруг руками, но стен не было. Тогда он резко встал на колени, и тут же резкая боль бросила его лицом на лед.

Очнулся он от мягкого прикосновения чьих-то рук.

- Ребята, - мелькнула благодарная мысль. - Наверное, Леха..., - мысли путались, - ...или Вовчик... Вовчик... Что же

Вовчик?

Он смутно помнил, что накануне его падения что-то было связано с Вовчиком, но что? Мысли, как расплавленный воск, тягуче плыли в воспаленном мозгу.

Он медленно поднял веки и невольно вздрогнул, увидев перед собой склоненное над ним лицо. Большие, бездонной черноты, глаза - он раньше почувствовал, чем понял их красоту. Глаза смотрели на него, не мигая, чуть поблескивая из тени ресниц. Темные длинные волосы почти касались его лица, сливаясь с вечной ночью пещеры. Тонкий прямой нос, чуть тронутые улыбкой красиво очерченные губы...

- Наверно, брежу, - подумал он и закрыл глаза. - Начинаются галлюцинации... Скорее всего, от удара. Здесь же дьявольски темно...

Память вернулась скачком.

- Вовчик! - забилась мысль. - Вовчик запутался в сифоне!

Он снова открыл глаза и... Лицо не исчезло. Оно лишь чуть отодвинулось в темноту, и теперь он мог различить склонившуюся над ним фигуру женщины.

- Что с Вовчиком? - хрипло спросил он, совершенно не рассчитывая на ответ, и эхо его голоса взлетело под невидимые своды.

Коста смотрел на женщину, смутно ожидая, что сейчас она расстает среди окружающих его зеленоватых миражей. Он смотрел на нее и вдруг понял, что женщина улыбается.

- Ты должен был умереть, - услышал он шепот чуть дрогнувших губ. - Ты жив. Ну, что ж...

- Что с Вовчиком? - снова спросил он, непроизвоьно облизывая пересохшие губы.

- Вовчик? - медленно произнесла женщина, и Коста поразился ее голосу: он показался ему странно знакомым. - Почему ты о нем спрашиваешь? Это твой друг?

- Да, - сознание как бы раздвоилось: одна половина успокаивала, убеждала, что все бред, наваждение, другая - упорно цеплялась за эту, пусть невероятную, ниточку. - Вовчик застрял в сифоне, наверно, запуталась страховка. Что с ним?

- Это тебя интересует больше всего? - глаза женщины замерцали зеленоватыми искрами.

- Все остальное все равно только бред, - подумал он и кивнул.

Губы женщины дрогнули, будто непрошенные слова вот-вот готовы были сорваться с них. Зеленые искорки в глазах вдруг погасли. Женщина гибко выпрямилась, и Коста еще раз удивился, как ясно он видит ее, когда вокруг, он знал это,- кромешный мрак.

- Тогда пойдем.

Маленькая рука скользнула над ним, как бы предлагая опору. Коста опасливо покосился на свои ноги, боясь необдуманным движением снова вызвать резкую боль.

- Пойдем, - голос женщины звучал повелительно, и в следующий момент он понял, что стоит. Бои не было. Рука женщины все еще была протянута ему, и он, прежде чем коснуться ее, невольно вытер грязную ладонь о комбинезон.

- Надо спешить, - в ее глазах снова вспыхнули зеленые огни, но тут же погасли, и Коста ощутил холод тонких пальцев в своей горячей руке.

- Но куда? Тут же ни черта не видно!

- Неужели?

Голос женщины прозвенел легкой иронией, и Коста понял, что... видит. Мягкий зеленоватый свет лежал на проступивших из мрака стенах, на обледенелых глыбах пола.

- Типичный мираж, когда долго сидишь без света, - подумал он. - Тронь эти "стены", и рука повиснет в пустоте...

Но все же отчаянно шагнул вперед.

Видимо, все эти мысли ясно проступали на его измазанном глиной бородатом лице, потому что ему почудился затаенный мелодичный смешок. Это почему-то разозлило его.

- Даже мираж смеется над тобой! - шепнула сомневающаяся половинка сознания, но другая уже вела его вперед, вслед за зеленоватым сиянием убегающей вперед галереи.

Его тяжелые шаги наполнили своды грохочущим эхом, и в то же время Коста поймал себя на том, что не слышит шагов быстро идущей впереди женщины. Она легко скользила перед ним, озаренная тем же призрачным сиянием, и теперь он мог лучше рассмотреть ее гибкую фигурку. Женщина была чуть выше его плеча. Темные волосы невесомыми волнами колыхались в такт шагам. Черный плащ, ниспадающий с плеч, сливался с черными тенями, залегшими у стен. В каждом движении женщины было столько неуловимой грации, что Коста невольно залюбовался ею и вдруг ощутил в себе смутное беспокойство, даже волнение, вызванное призрачной незнакомкой.

- Этого еще не хватало! - сердито подумал он, но женщина, словно почувствовав его взгляд, оглянулась, и снова ему показалось, что в ее бездонных глазах мелькнула искристая лукавинка.

И тут же мысль о Вовчике заставила его прибавить шаг.

Стены галереи раздвинулись, под ногами вновь появился лед. Что-то знакомое почудилось ему в очертаниях этого гигантского зала. Вот и ледяной сталагмит-дворец. Где же он его видел? Белые полосы на стенах, аркой уходящие к сводам...

- Да ведь это Ворота! - Коста почти бежал, краем сознания удивляясь, что его спутница все также неслышно скользит впереди него. - Нам туда!

Отсюда он и в полной темноте мог бы добраться до выхода к реке. Вот и ее, неясный пока, гул доносится из темноты.

Но маленькая и неожиданно сильная рука женщины вдруг потянула его вправо, туда, откуда из сводчатого повышающегося входа сползал белый язык ледника.

- Там же тупик! - Они с Лехой несколько раз осматривали эту слепую галерею в надежде найти новый выход к реке и всегда натыкались на завал, а маленькая рука властно вела его именно туда.

Коста не мог потом вспомнить, как они проскользнули между готовыми обрушиться глыбами, как шли полабиринту изгибающихся во всех направленях ходов... Ему только показалось, что шли они довольно долго.

- Смотри! - женщина легко остановилась, и Коста, с трудом переводя дух, понял, что они стоят в окне сумрачной галереи. Внизу черно блестела вода.

- Вовчик!!! - закричал Коста и, рванувшись вперед, наверняка упал бы в воду, но невидимая преграда сильно толкнула его в грудь. Там, в черноте воды, то показывались, то снова исчезали желтые бока акваланга, и тогда на поверхности

воды бурливо вскипали черные пузыри.

- Нож! - услышал он за спиной насмешливый голос, и торопливо выхватил из ножен на поясе свой старый клинок.

- Положи на камень!

Коста, не совсем понимая, что делает, высунулся из окна и положил нож на выступ скалы, около которой вспухали воздушные пузыри.

Через мгновение он, наконец, увидел лицо Вовчика, искаженное маской. Вовчик на секунду вынырнул, его взгляд метнулся по отвесно уходящим в воду стенам, задержался на ноже. Коста видел, как в напряженных глазах Вовчика мелькнуло облегчение. Рука в резиновой перчатке крепко схватила рукоятку, и голова Вовчика, выпустив из легочника бурлящий пузырь,снова канула в воду. Луч его фонаря зажелтел из-под воды, потом качнулся в сторону, мелькнули над водой концы ласт, в последний раз всколыхнув гладь озера, и все стихло.

И Коста вдруг почувствовал, что страшно устал. Он прислонился к стене, не испытывая больше никаких желаний и не имея сил к их осуществлению. Он ощупалкарманы, достал помятую пачку"Примы", спички и машинально закурил. Несколько раз глубоко затянувшись, он почувствовал некоторое облегчение. Но в голове по-прежнему было пусто и тяжело. Мысли, словно нехотя, медленно возникали откуда-то из глубин сознания.

- Господи, - подумал Коста. - Ведь привидится же. Поразительно ясные галлюцинации...

Вместе с мыслями оживала и тревога.

- Есть спички, - появилась мысль. - Надо попробовать выбраться к ребятам... Они уже, наверно, хватились, что меня нет. Интересно, откуда же я свалился? Неужели с Большого ледника?

Временами на него наплывало смутное ощущение, что он лежит среди россыпи обломков льда и камня.

За его спиной прошелестел короткий смешок.

- Опять начинается, - обреченно подумал Коста. - Странно, но я совсем не волнуюсь за Вовчика...

Он тяжело повернулся и снова увидел ЕЕ. Женщина сидела на покрытом натеком выступе и, как ему показалось, с интересом смотрела на него. В ее черных глазах дрожала усмешка.

Коста курил, молча глядя в эти притягивающие огромные в вечной ночи зрачки. Вот шевельнулись губы.

- Ты доволен? Я выполнила твое желание.

- Если бы все было так наяву, - подумал Коста. - Странно, я ни капельки не беспокоюсь...

- А-а! - в голосе женщины мелькнула ирония, смешанная, как ему показалось, с плохо скрытым удивлением. - Я, кажется, догадываюсь... Ты просто не веришь в меня. Так?

Коста кивнул. Мысли текли в другом направлении.

- ... Меня должны скоро найти, - думал он. - Все зависит от того, куда я упал. Вот сейчас раздадутся голоса, и луч фонаря рассеет все эти видения.

Коста оглянулся, силясь взглядом проникнуть сквозь зеленоватое сияние, исходившее из того угла, где сидела... Он вдруг подумал, что не знает, как ее зовут. Спросить? Спрашивать имя у галлюцинации?

- Доходишь, старик!-подумал Коста. - А впрочем, почему бы нет?

- Как тебя зовут? - спросил он, внутренне махнув на все

рукой, решив, что если он сходит с ума, то это не самая неприятная форма сумасшествия.

- Меня зовут по разному... - ЕЕ глаза снова блеснули. - Зачем тебе? Ведь ты все равно в меня не веришь.

- Тогда я буду звать тебя... Греза Сумгана.

Коста глубоко затянулся и увидел, как в глазах женщины зажглись и погасли красные точки.

- Ты очень красивая, Греза...

Греза едва заметно вздрогнула.

- Мне никто никогда так не говорил, - проговорила она задумчиво. - Никто и никогда... Почему?

Коста пожал плечами:

- Кто же мог сказать тебе это, кроме меня? Редко кому, наверно, видятся такие сны...- последнюю фразу он произнес уже мысленно.

- Их было много... Они все были чем-то похожи на вас, - по лицу Грезы прошла легкая тень. - Они приходили кто зачем... Зачем пришли вы? Я знаю, вы здесь не первый раз. Что вам нужно?

Коста силился понять скрытый смысл ее слов, от которых веяло чем-то несомненно ему знакомым. Это что-то вертелось совсем рядом, все никак не даваясь в руки.

- Наша задача была пройти сифон.

- А потом?

- Идти еще дальше.

- Ну и что? Для чего все это?

- Чтобы увидеть и узнать.

- Подожди, - Греза нетерпеливым движением откинула на плечо густую волну волос. - Там, - она указала на едва видимые в зеленом сиянии своды, - там есть солнце, там тепло, там весной распускаются цветы, а осенью ветер роняет с деревьев листья... Неужели вам этого мало?

- Солнце... - Коста вдруг почувствовал, что страшно давно не видел солнца. - Когда выходишь отсюда, по-новому видишь все, ощущаешь..., это трудно объяснить.

- И рди этого вы уходите сюда... Что же вы ищете еще, когда там и без того прекрасно?

- Этого не объяснить в двух словах.

- Я хочу понять.

- Ты права. На Земле много прекрасного, - Коста тщательно подбирал слова. - Но мир стал бы беднее, не будь всего этого, - он обвел рукой мерцающие стены. - Здесь - мы тоскуем по солнцу, а на Земле мечтаем о том моменте, когда снова уйдем вниз. Мы уходим от Земли по разным причинам... Кто-то ищет себя, кто-то, напротив, бежит, но все мы идем за прекрасным. Не только эти стены, здесь познаешь другое - то, что дает право, если выдержишь, говорить вместо "я" - "мы". Понимаешь? А вся эта красота? Зачем она, если не найдется никого, кто осмелился бы взглянуть на нее и унести в себе туда, на Землю?

Коста чувствовал, что волнуется. Куда-то незаметно исчезла усталость. Они замолчали, и снова налетело ощущение, что он лежит, уткнувшись лицом в холодные камни.

- Мне кажется, я понимаю...

Греза вся сжалась на своем камне и теперь казалась совсем маленькой и беззащитной. Ее тихий голос звучал задумчиво и чуть грустно, и Коста почувствовал неведомо откуда

появившуюся нежность к этому призрачному существу. И повинуясь этому безотчетному чувству, он сказал:

- Камень холодный. Простудишься.

Греза быстро обернулась к нему, в глазах е вспыхнули изумленно-недоверчиво-веселые - иначе он не мог бы назвать их - искры, и вдруг она звонко, будто струящийся по каскаду ручеек, рассмеялась. Она была действительно необыкновенно хороша в этот момент, и Коста, не сводя с нее глаз, восхищенно подумал:

- Черт возьми, да она совсем еще девчонка, очаровательная девчонка, моя Греза!

И тут же подумалось другое:

- Что-то долго не идут ребята. Неужели они еще не поняли, что меня нет. Или не могут найти?

Но следом вдруг неожиданно промелькнуло:

- Если это сон, то мне совершенно не хочется просыпаться...

- Ты странный... - на полуоткрытых губах Грезы играла задумчивая улыбка. - Ты будишь во мне необычные желания...

Она вдруг встала и сделала легкий шаг к нему:

- Хочешь... - Коста уловил мгновенное колебание. - Ты говорил о прекрасном. Хочешь, я покажу тебе Прекрасное?

* * *

Коста никогда не смог бы описать словами то, что увидел. Он шел по гигантским каменным дворцам, в гуле убегающей в неизвестность реки. Потрясающей красоты натечные каскады, играя пеной струящейся по ним воды, замирали в голубых озерах гуров, и там, в их синей прозрачности, цвели невиданные каменные цветы. Огромные мрачные залы с теряющимися в зеленом сумраке сводами, где навстречу сверкающему перезвону капели тянулись вычурные башни сталагмитов, сменялись узкими галереями, где было страшно дышать - такими хрупкими казались прозрачные иглы кальцитовых друз.

Они переходили по каменным аркам мостов через стеклянную синь озер, взбирались по могучим натекам в маленькие гроты, где, презирая законы тяготения, прихотливоизгибались и спутывались в клубки тончайшие нити геликтитов.

Коста чувствовал, что тупеет от всего этого каменного великолепия. Мозг утрачивал способность воспринимать увиденное.

* * *

Потом они стояли на берегу большого синегурого озера. Где-то во мраке на разные голоса звенела капель, и звуки ее сплетались в волшебную мелодию пещеры.

Греза присела у воды, и от ее рук по застывшей поверхности озера разбегаись легкие круги. Коста видел ее плечи с разметавшимися по ним черными прядями.

- Ну, вот... - слова, сказанные почти шепотом, взлетели под невидимые своды, все усиливаясь и многократно преображаясь, и весь зал зазвучал невиданным органом. - Ты видел теперь. Что скажешь?

- Тут трудно что-то сказать, - Коста достал измятую пачку сигарет, в ней оказалось пусто, и он, помедлив, снова сунул ее в карман. - Ты же знаешь, что об этом не скажешь словами.

- Ты видел теперь... Скажи, - Греза плавно выпрямилась и повернулась к нему. - Скажи, если тебе удастся и в этот раз

вернуться туда, на Землю, ты снова захочешь прийти сюда?

- Если удастся вернуться,... - подумал Коста.

- Но зачем? Ведь ты уже видел!

- Именно поэтому.

- Но ведь ты не хотел бы остаться здесь навсегда! Смотри! - Греза взмахнула рукой, и по стенам побежали зеленые сполохи. - Стоит тебе захотеть, и все это - твое. И не надо будет уходить и возвращаться.

Коста медленно покачал головой.

- Здесь нет солнца. - В глазах Грезы, они были сейчас совсем близко - зовущие и обволакивающие - он уловил легкую насмешку. - Но зато здесь есть все Это. Ведь ради Этого вы уходите от солнца!

- Дело не в солнце... Вернее, не только в нем. Там, на Земле, живут люди... Они ждут нас, и мы не имеем права не вернуться.

Коста давно потурял ощущения времени. Он не знал, сколько его прошло... вечность или мгновение.

- Ты будишь во мне странные чувства... - Греза чуть отстранилась, глаза ее, устремленные на него, подернулись мерцающим туманом, и Коста опять удивился охватившей его нежности.

- Хорошо. Ты сказал, что я... красивая. - Коста готов был поклясться, что уловил в ее прекрасных глазах смущенно-нерешительное движение. Она теперь была так близко, что ему даже почудилось прикосновение ее дыхания. - Скажи, ты смог бы... - Греза сделала видимое усилие. - Ты... смог бы... полюбить меня?

Коста меньше всего ожидал этого вопроса и почувствовал, как вздрогнуло в груди сердце.

- Почему это не наяву? - подумал он - Милая ты моя Греза... Как жалко, что ты всего лишь мираж! Полюбить тебя? Да я никогда не видел существа более достойного любви...

- Тогда... - ее голос дрожал волнением. - Представь себе, что ты полюбил меня, и я... я - тоже. Тогда... Ты бы остался?

Коста чувствовал, что ему трудно дышать, что сердце его наливается мукой. Перед глазами вспыхнуло и завертелось видениями солнце:

вот идут, сгибаясь под тяжестью необъятных рюкзаков, ребята - на перемазанных, залитых потом лицах угрюмая горькая решимость;

вот какой-то человек, столы, много людей, слова глухо звучат - экспедиция...,безответственно..., запретить..., усилить контроль за работой групп...;

вдруг, закрывая все, надвинулось лицо мамы, и тут же исчезло, а вместо него из-под низко надвинутой каски в упор глянули спокойно-осуждающие глаза Вовчика.

Потом, в ореоле погасшего солнца, возникли ЕЕ огромные черные зрачки, вспыхивающие зелеными искрами, - и вдруг погасли. По лицу Грезы прошла мучительная тень. Она быстро протянула руку, и Коста почувствовал на своих губах прикосновение ее холодных пальцев.

- Молчи, - прошептала она. - Я все поняла...

Греза резко отвернулась, глядя куда-то в темноту, и Коста почти физически почувствовал, как между ними растет и ширится бездонная, как вечность, пропасть.

- Я все поняла. - Услышал он шепот, в котором слышалась такая тоска безнадежности, что Коста невольно качнулся к ней, но Греза, оглянувшись, отступила назад.

- Ты должен уйти, - теперь голос ее звучал по-прежнему твердо. - Я могу, но не стану тебя задерживать. Они... все это... ждут тебя там, - в продолжение ее руки призрачным светом озарилась сводчатая, будто в бесконечность уходящая, галерея. - Иди. Я отпускаю тебя. Иди. Ну? Что же ты?

Коста последним взглядом обнял всю ее, напряженно замершую, и, обрывая последнее прощание, трудноповернулся и тяжело шагнул туда, где зеленым светом дрожала уходящая к солнцу - он знал это, галерея.

- Подожди... - Коста, вздрогнув, остановился, не в силах обернуться навстречу ее глазам. - Сегодня я выполнила твое желание, - он уловил волнение в голосе Грезы и вдруг увидел ее прямо перед собой, в черном разлете мерцающих разметавшихся по плечам волос. - Выполни теперь мое..., - она подняла к нему озаренное мягким светом лицо, черные ресницы, затрепетав, закрылись. - Поцелуй меня... на прощание.

Как в тумане, Коста наклонился и осторожно коснулся ее холодных губ.

- Не так... - прошептала она, и он понял, притянул ее к себе и, все своим измученным телом ощущая ее трепещущую гибкость, прильнул к губам, неожиданно потеплевшим и с каждым тяжелым ударом сердца все более расцветавшим горячей нежностью...

- Греза, - сказал он. - Милая моя Греза!

- Если ты не забудешь меня, - услышал он шелест слов, - то найдешь, ты, назвавший меня Грезой и тем лишивший меня Черного Раздвоения. А теперь прощай.

- Прощай... Прощай... Прощай... - подхватили стены, словно удивленно перешептываясь.

- Не забудь меня-а-а! - долетело до него, будто дуновением.

- Забудь... будь... будь... - зашептали стены, и все, ослепительно вспыхнув зеленым пламенем, исчезло.

* * *

Коста осторожно, превозмогая ломоту во всем теле, встал. Левое колено болело, но идти было можно. Что-то мешало в правой, бесчувственно сжатой, руке, и Коста вытер мокрый лоб левой. С каски капало.

- Эва! - закричал он, и хриплое эхо загрохотало вокруг.

Вдали послышался гул. Кто-то торопливо шел по направлению к нему.

- Эва! - снова закричал Коста в темноту.

- Эва-а! - донеслось далекое.

- Наши, - с безотчетной радостью подумал Коста.

Из-за поворота метнулся луч фонаря.

- Костик! - скользя по обледенелому полу, к нему бежал Леха. - Костик! Ты где же бродишь?

- Как там Вовчик? - спросил Коста, чувствуя6 что с трудом держится на ногах.

- Все в порядке! Выскочил. У него страховка зацепилась, пришлось резать. А ты чего не пришел?

- У тебя курить есть?

- Конечно, - Леха удивленно рассматривал его изодранный в клочья грязный комбинезон.

- Давай покурим.

Все еще чувствуя непонятную неловкость в бесчувственно сжатой правой руке, Коста левой взял сигарету, прикурил, с наслаждением затянулся горьким дымом.

- Давай. Ты где это так уработался?

- Упал я... Кажется, с Большого ледника.

- Да ты что! - Леха даже присвистнул. - Идти можешь?

Коста кивнул.

- У меня только света нет. Там, - он мотнул головой в темноту. - В Ледяном зале остался.

Леха посветил в направлении кивка. В глазах его появилось удивление:

- Там, говоришь?

Коста глянул на желтый круг его фонаря, и глаза его широко раскрылись:

- Да это зал Ворота!

- Ну! - Леха недоумевающе смотрел на него.

- Времени много прошло? С того, как ты прибегал? У меня часы стоят.

- С полчаса, наверно. Когда мы с Саней прибежали, Вовчик уже выплыл. Они там переодеваются, а я смотрю - тебя нет. Пошел сказать, что все в порядке...

Только сейчас Коста услышал приглушенный поворотами гул реки. Но не ответил. Потому что в этот момент свет лехиного фонаря упал на его правую руку, которую Коста все также держал перед собой. То, что он увидел, на миг лишило его дара речи: рука сжимала рукоятку ножа - тяжелого подводного ножа. Он мог не смотреть, он знал уже, не глядя, - это был нож Вовчика...

- Тут, брат, такие дела... - тихо сказал он.

* * *

Фонарь лежал на том месте, где он его оставил. Тут же на полу чернела вспышка, на боку которой мигала лампочка зарядки. Коста посветил вниз, и холодная дрожь пробежала по его спине. Внизу, там где многометровый язык Большого ледника выполаживался, черными зубьями камней скалилась глыбовая россыпь.

В лагере у колодца Вейса царило радостное оживление. Сказывалось спавшее после нервного дня напряжение. На примусах под хозяйственным глазом Сорокина созревало какао.

Вовчик, забравшись в сухой свитер, все еще дрожал.

- Ну, мужики, я и задубел! - его голос звучал весело. - Потек по-страшному.

- Пора кончать это дело, - Игорь озабоченно крутил головой.

- Рассказывай, что с тобой приключилось.

Коста курил сигареты одну за одной, наслаждаясь теплым светом свечи. Стоило прикрыть глаза, как ото всюду снова ползли зеленые блики...

- Я, мужики, вообще балдею, - Вовчик, сидя на корточках, зябко поеживался. - Со мной что-то непонятное получилось. Сифон я прошел сразу. Не знаю, где там Игорь блуждал. Прошел, в общем. Начал очки вытаскивать из-за пазухи, и черпанул за воротник - бр-р-р! Ну, вот. содрал маску, одел очки, начал осматриваться. Неудобно все это в перчатках. Крестин правильно говорил - надо линзы в резиновые очки вставить.

- И на нос зажим, - сказал Игорь. - Леха, дай сигаретку.

- Ага. Там в правой стенке, мужики, мне окно почудилось, метрах в полутора. Трудновато с воды вылезать, но решил попробовать. Вот тут я, наверно его и уронил.

- Чего уронил? - Сорокин поставил в круг дымящийся котелок, и все потянулись за кружками.

- Нож. У меня, когда полез, видимо, нож как-то выпал. Я не заметил поначалу. Вылезти не смог, тяжело, и страховка натянулась. Я ее попробовал вытянуть, метра три она еще подалась, а потом ни в какую! Пока я соображал, как быть, глянул на манометр. А у меня там полный аут - стрелка на ограничителе! Вот это, думаю, дела! Пора уходить. Даю три рывка, маску на нос, очки в руке остались, и назад. Ты слушал рывки?

Сорокин отрицательно покрутил головой.

- Ты вышел метров на сорок, потом остановился. Я дал рывок - как дела, - ты не ответил. Я еще. Ты молчишь. Тут мы всполошились.

- Потянули страховку - глухо, - Игорь отхлебывал из кружки, окутываясь клубами пара. - Я уже хотел в сифон идти...

- Она там в трещину попала, - сказал Вовчик. - А вы ее еще глубже загнали. Тут вообще началось. Хорошо, я не задергался. Назад пошел, а тот хвост, что я для окна выбрал, за выступ зацепился. Я, вгорячах - резать, а в руке вместо ножа очки. Вот тут я ножа хватился. Нету! Ножны есть - ножа нет. Куда деваться, пришлось опять назад, чтобы петлю отцепить. Да еще спешу, думаю, вот-вот воздух кончится.

- Можно представить! - Леха

- И вот тут - самое интересное. Я нашел нож. Выглянул из воды под тем окном, гляжу - на уступчике лежит. Дальше было делом техники. У щели, где страховка застряла, я ее резанул.

Сорокин кивнул:

- А я чувствую - верека дернулась, и ты на конце. Игорь уже в воду полез. Ну, мы и потащили.

- Да, так вот...

- Костик у нас тоже сегодня "именинник", - сказал Леха, выдвигая в круг котелок с рожками. - Он с ледника упал.

- С какого?

- С Большого.

- Да ты что! Костик, точно, что ли?

Коста молча кивнул.

- Так вот, - сказал Вовчик, когда они в полной тишине разделались с ужином. - Самое интересное я еще не сказал.

Он обвел глазами устремленные к нему лица.

- Нож, что я взял на уступе - это не мой нож!

- ...?

Коста с трудом разжал онемевшие губы:

- Ты прав. Твой нож - у меня.

И он протянул онемевшему на миг Вовчику свои ножны, из которых со звоном выпал на камень стола подводный клинок с черной рукояткой.

- Вот. И отдай мне, пожалуйста, мой. Тот самый, что ты нашел на полке под окном.

- Я что-то ничего н-не понимаю, - Игорь переводил взгляд с одного на другого. - Кто-нибудь что-нибудь тут понимает или нет?

- Со мной, мужики, такое было...- сказал Коста. - Одно из двух, либо я чудовищно галлюцинировал, либо... либо я был за сифоном.

* * *

Он не все рассказал тогда ребятам. Стоило отвлечься, и перед его внутренним взором выступали из темноты огромные, чуть укоризненные глаза Грезы.

- Черное Раздвоение, - думал он. - Черное Раздвоение... Неужели, легенды о Двуликой - не просто легенды? Моя Греза - Двуликая? Этого не может быть.

* * *

ЭПИЛОГ. В большом здании московского аэровокзала было шумно. До рагистрации билетов оставалось еще полчаса. Они оставили рюкзак у стойки и вышли на привокзальную площадь.

- Значит, улетаешь, - Вовчик задумчиво смотрел на него.

Коста молча кивнул.

- Я понимаю, что все это нелепо, но... ничего не могу с собой поделать.

- Нелепо? Как знать, старик...

Коста благодарно взглянул в спокойные глаза Вовчика.

- Давай покурим, что ли... На прощание.

- Давай, - Коста достал пачку "Явы".

- Давай лучше этих, - Вовчик протянул помятую "Приму". - Покрепче.

Курили молча. Мимо непрерывным потоком шли машины, тянулись люди с чемоданами и сумками, мощно рыча моторами, проплывали величавые "Икарусы".

- Зимой-то... Едешь с нами? - Вовчик, поискав глазами, бросил окурок в урну.

- На Сумган?

- На Сумган. Попробуем собрать сильную подводную группу. Да и новичков много будет. Поедешь?

- Я постараюсь, - Коста трудно улыбнулся.

- Постарайся, старик. И не теряй связи.

Коста кивнул.

Пойду я, пожалуй, - Вовчик протянул ему крепкую ладонь.

- Ребятам привет, - Коста качнулся вперед, как бы готовясь встретить неизбежное. - Увидимся еще. Удачи!

- Удачи, старик. И обязательно найди, понял?

"Внимание! Объявляется регистрация на рейс 533, вылетающий по маршруту... Регистрация билетов и оформление багажа будет производиться у стойки номер одиннадцать. Повторяю..." Голос репродуктора гремел над шумом привокзальной площади, а Коста, широко расставив ноги, все стоял и смотрел туда, где среди мельтешащего потока людей то исчезала, то снова появлялась все удаляющаяся коренастая фигура Вовчика...

ГАЛЕРЕЯ ФОРТУНЫ.

==========

-

Вторую неделю работает в Кутукском урочище экспедиция "Кутук-Сумган-83". В ее составе представители Усть-Каменогорска, Алма-Аты, Лениногорска, Актюбинска, Белоусовки. В составе "генералитета" председатель республиканской спелеокомиссии Казахстана Владимр Толмачев и инструктор из Красноярска Виталий Заяц.

Виталий пришел на Кутук один, и первым, кто встретился

ему у Сумганского ручья, оказался усть-каменогорец Виктор Фитисов. О той встрече Виктор рассказывал с присущим ему юмором:

- Выходит из лесу высоченный мужик с рюкзаком и говорит: "Здравствуй, я - заяц". Стою я и думаю - псих, наверно. Что бы и мне про себя такое сказать? "Здравствуй, а я - утка!" - что ли?

Смех - смехом, а помощь Виталия была очень кстати - в составе экспедиции, в большинстве своем, почти не обстрелянная на вертикалях молодежь, и мне, в роли руководителя и диспетчера работ, приходится туго.

Проложена веревочная "дорога" по стволу пропасти, сменяя друг друга, уходят под землю отделения. У каждого своя задача. Бесперебойно работает почта Старого Сумгана.

"Сумган - Земле" 8 июля 83г. 21-00.

Привет от жителей Сумгана всем, у кого над головой небо, а не каменюки! Костя, за день сделано следующее:

1. Отделение 5 забросило на маршруту и установило три деревянные лестницы. Провесили веревку 9 метров с бревна, что на катушке (*84) в Глиняную систему. Веревка короткова-та. Завтра поменяем на ту, что висит на отвесе от Кукольного театра. До лаза и ручья не дошли, промерзли и в 18-00 решили возвращаться в лагерь.

2. Отделение 1 весь день копало траншею в конце Проспекта Геофака. Особых успехов нет, хотя и работали непрерывно. Вода из сифона Гуровой реки сливается, шланга не хватает, но уровень воды понизился.

3. Отделение 2 проткнуло глиняную пробку на ручье в Мокром зале за Кукольным театром. Сейчас там грязевый сифон. На той стороне прослушивается большая полость - гулкий звук, когда ногами пропихиваешь грязь на ту сторону. Нужно ведро или даже два для отчерпывания.

Лагерь мы поставили в зале Слона на стыке с Актовым залом. Работали в ручье,копали до полного отупения, огрязнения и замерзания. Сделали 60-70% работы. Сейчас работает вторая смена.

Мы страдаем страшным склерозом. Мы забыли в НБЛ (*85) асботкань б для примусов, штормовку Игоря и посуду Виталия. Прошу прислать утренней связью. Приносим свои извинения за такой бардак. Все. Шакалов.

P.S. Костя, как здесь здорово! Господи!

P.P.S. Игорек доработался в пещере до того, что сказал: "Сейчас залезу в спальник и в темноте перемотаю пленку". Каково!"

-

"Земля - Сумгану":

Итак, вы с Женей Зининым и Олей Романовой идете на Нижний ярус. Посылаю вам крючья. Пойдете, как договорились, через колодец Вейса. В Основном сейчас падает лед, вчера грохнуло. Так что опасно.

Под колодцев Вейса - озеро, глубоко. Не мерил, но больше метра. Веревка на спуске приводит прямо в центр этого озера, так что приходится изрядно попотеть, пока дотянешься до края гура. Потом оттянете веревку на карстовый мост (*86) и спускайтесь прямо туда.

Дальше пойдете вниз прямо по гурам, не сворачивая ни вправо, ни влево, - в самый узкий, но высокий ход. Он весь

зарос коричневыми кораллитами (*87). Кроту по глине вниз - попадете к Ниагаре - такой громадный белоснежный каскадный натек. Обойдя его справа, найдете низкий грязный лаз - вход в зал Храм. Это надо смотреть! Когда мы попали туда впервые, хоть и мокро, ходили по натеку в носках - глаза слепило белизной.

Если от Ниагары идти вниз по ручью, выйдешь к Реке. Ходите только по широким ходам, запоминайте дорогу назад.

Вправо от Ниагары длинная глиняная галерея приведет в зал Ворота в Рай. Вы его узнаете по огромным аркообразным белым натекам на стенах зала. Отсюда вверх, в Актовый зал Верхнего яруса, поднимается Туманный колодец. Это совсем рядом с нашей базой в Актовом, иногда можно докричаться до ребят. А какое там эхо!

Отсюда можно выйти в Основной шахте и в Ледяной зал.

Володя и Вадим пусть копают штольню, взяв перекус. Если сломают лопату - на связи поднимете. Напоминаю - вечерняя связь в 22-00. Ждем вестей! Серафимов."

-

"Сумган - Земле:

Пришлите, пожалуйста, свечи! Мы дожигаем последние.

И не очень маленький кусочек сыра тоже пришлите.

Лопатная бригада N 1. Главный лопатник Петров."

-

"Земля - Сумгану: Посылка.

Куда: г.Сумган. БЕСЦЕННАЯ.

площадь Актовый зал НЕТТО: 10 кг

Кому: Пещерным людям. БРУТТО: 0,5 кг

Хранить в сухом, светлом и теплом месте!

Откуда: г.Сверху.

От кого: от Ждущих, Страждущих, Верящих, Надеющихся и всегда СКУЧАЮЩИХ. 18 июля 1983 г.

Девчонки."

-

"Сумган - Земле:

Вечернея связью посылаю вам кусочек моего любящего Сердца! Ирка."

-

"Земля - Сумгану:

Петрову. Мне кажется, что нужно полнее использовать женский труд. А то девушки скучают.

Особо Ирке: Неразбазаривай сердце! Вчера еле вытащили, а сегодня Игорь сказал: "О! Опять тяжело пошло, сейчас кусочек селезенки пришлет!" Удачи! Земля.

P.S. Копать, копать и копать!"

* * *

Копать, копать и копать.

Спелеология - это не всегда стремительные спуски и увлекательные приключения. Прежде всего, это тяжелый и зачастую далеко не поэтичный труд. Еще раз заглянем в справочник:

"... На северо-востоке от Актового зала отходит широкая галерея, приводящая на Эверест - высокий холмообразный глинистый намыв. Далее она спускается в том же направлении, в 300 м к востоку от начала сужается и поворачивает на запад, а затем - в обратном направлении. Протяженность Большого кольца (без ответвлений) превышает 1,1 км. Теперь этот

участок достаточно сух, а в прошлом здесь бушевала подземная река, о чем свидетельствуют мощные отложения глины на полу и крупные окатанные валуны диаметром до 1 метра."

Это данные 1971 года. Сумган-Кутук был обнаружен геологической партией А.И.Олли и Р.Э.Алксне совсем, в общем-то, недавно - в 1960 году. Даже удивительно для такой огромной пещеры, вход в которую не мог не привлечь внимания местных жителей. Видимо, эту дату следует понимать в аспекте спелеологического открытия.

Только через пять лет после Олли первые исследователи ступили на дно пропасти. Это была экспедиция Башкирского госуниверситета од руководством Е.Богдановича и М.Чванова (*88). Затем усилиями свердловской городской спелеосекции была составлена карта более 8-ми километров ходов - ею мы пользуемся и сейчас при сопоставлении результатов.

Эверест - почти 40-метровой высоты, покрытый скользкой глиной, перевал огромной галереи. Глиняная гора на перевале почти смыкается с потолком, оставляя только узкий лаз на самом верху. Далее, столь же круто, как только что поднималась, галерея за перевалом резко идет вниз. Так родилась гипотеза о наличии восходящего над вершиной Эвереста колодца, откуда, якобы, некогда натекла эта мощная глина. Однако осмотр вершины Эвереста не дал ей подтверждения. Глина упирается в сплошной каменный купол, исчерченный параллельными продолговатыми бороздами. Какими-то очень знакомыми бороздами!...

За узким лазом на вершине спуск с Эвереста приводит на Проспект Геофака. Просторная, прямоугольная в сечении, галерея сначала довольно круто, затем все положе стремится вниз. - настоящее метро на глубине в добрую сотню метров от поверхности Кутукского урочища. Скупо украшенный натечными образованиями, Геофак тем не менее очаровывает путника некоей мужественной сдержанностью облика, в духе утонченного вкуса истинных ценителей красоты. Эти слова можно отнести и всему Сумгану - роскошно, но без излишеств, сотворенного Природой.

Чем дальше вниз - тем шире, мощнее галерея. Остается слева единственное ответвление в ход Змеевик. Галерея расширяется метров до тридцати. Но все ниже становятся ее выглаженные водой своды. Пригибаем головы, затем ненадолго распрямляемся. Здесь еще можно идти в рост, лавируя каской вдоль знакомых по Эвересту продольных борозд на потолке. Все чаще в своде встречаются углубления в виде перевернутых полусфер разного диаметра.

И вдруг - все. Конец! Глаз отказывается верить, что эта величавая галерея кончилась. Потолок полого ныряет вниз, смыкаясь с глиной пола. На полу сухой окаменелый глиняный такыр. И только тонкая щелочка между полом и потолком. Сколько раз, утыкаясь в этот обидный тупик, лежали мы на холодной глине, пытаясь заглянуть в черную щель...

Как возникла галерея Геофака? Здесь текла река. Откуда и куда? На первый взгляд - все кажется понятным: вода текла сверху вниз - с Эвереста в этот грандиозный тупик. Выбила в скале такое впечатляющее русло, чтобы бесследно исчезнуть? Невероятно.

Здесь пещера должна иметь продолжение.

Возможен ли в принципе такой прогноз? Можно ли предска-

зать существование неизвестных пока пещерных ходов?

Пещера живет. Все происходящие в ней процессы накладывают на ее облик те или иные отпечатки. Если суметь распознать эти следы, сопоставить между собой и раскодировать полученные результаты - тогда есть надежда выявить перспективные направления дальнейшего поиска продолжений пещеры.

Основа основ изучения подземных полостей - их топографическая съемка. Ее результат - карта пещерных лабиринтов.

Построение разреза-развертки маршрута от входа в пропасть до тупика галереи Геофака заставило нас буквально подскочить. До этого момента нам представлялось, что Большое кольцо относится к Верхнему ярусу пещеры, сообщенному с нижним тремя без малого 40-метровыми колодцами: Основным, Туманным и колодцем Вейса. Правда, еще свердловские съемки выявили наклонный характер ярусов Сумгана. Это означало, что-некоторые системы ходов Нижнего яруса по абсолютному уровню находятся чуть ли не выше отдельных частей Верхнего яруса. Обе 5-километровые системы ходов Верхнего и Нижнего ярусов ниспадают к подземной реке. Побуйствовав отведенное ей природой число тысячелетий на Верхнем, река каким-то образом перебралась на Нижний. Но каким?

Так вот - на нашем чертеже галерея Геофака опускалась почти на уровень реки! Стоя на такыре таинственного тупика, мы фактически находились в двух-трех метрах над современным потоком - коллектором, дреной всего Кутукского урочища.

* * *

Бродя по Геофаку, в сотый раз всматриваясь в топопланы и разрезы, мы не могли отделаться от ощущения, что чего-то недопонимаем, в чем-то делаем большую ошибку. Что-то было явно не так, прямо в глаза лезло, но упорно не давалось осознанию.

И вдруг - прорезалось: а что, если все наоборот? Река текла - да не туда! Не вниз с Эвереста, а вверх. И не пропадала в этом злополучном просторном тупике, а появлялась и под напором шла вверх по этой грандиозной фреатической галерее, поднимаясь таким образом на добрых 80 метров?

Стоило взять за основу эту гипотезу, как все сразу как бы встало на свои места. Поток переваливал через Эверест и устремлялся вниз - в сторону Актового зала и Туманного колодца. Безусловно, что при этом вся галерея Геофака должна была быть заполнена водой до потолка. Иначе трудно представить себе напорный поток. И тогда понятными становились загадочные следы-борозды на потолке. и глина, вознесенная рекой к вершине Эвереста.

Итак, мы находимся в древнем русле коллектора Кутукского урочища? Что ж, многое говорит за это. А современные русла на поверхности спрессованной временем глины - это уже потом, позже. Текли ручейки по древнему руслу своего могучего предка, текли, как им и полагалось, под горку, в обратную прежнему сторону. И исчезали в тупике Геофака. Куда? И откуда брался этот гипотетический напорный поток-река? Как ответишь, если не попытаться посмотреть своими глазами?

* * *

Сменяя друг друга, отделения вот уже неделю вгрызаются в каменную глину тупика Геофака. Саперные лопатки и совки. Ход должен быть достаточно свободным, чтобы орудовать шанцевым инструментом, но и не слишком просторным, дабу не выгребать

лишние кубометры. Постепенно постигаем премудрости древних рудокопов. Согнувшись в три погибели, на четвереньках долбит целину забойщик, сгребает ее в пудовое от налипшей глины ведро, потом маневром фокусника пропихивает ведро назад - высыпающему. Высыпающий натягивает на ведро транспортный мешок и вытряхивает в него глину. Два ведра - и мешок готов для выемки. Команда "Пошел!" Веревкой мешок тянут по штольне к выходу, чтобы высыпать "руду" в отвал.

Мы ведем штольню вдоль едва заметного желоба на потолке, в котором сохраняется более толстая прослойка воздуха над подступающей к сводам глиной. Этакий специфический глиняный полуоткрытый сифон. Черные щели между глиной и потолком - сантиметров в 5, по всей поверхности такыра вокруг: потолок не смыкается с глиной совсем - и это вселяет оптимизм.

Восемь часов работы с небольшим перекусом в середине смены. забойщик в поту, остальные - в инее. Для поддержания настроения обмениваемся репликами, которые мгновенно пробегают по цепочке работающих.

Саша Гановичев:

- Шеф! Как назовем новый проспект?

- Как назовем? - отзываюсь я.

- "Какин ход!" - бурчит из забоя весь облепленный глиной Леха Васюков.

- ...!

- Леха! Сидя в этой шклевотине, я, кажется, изобрел новый корабль.

- Какой?

- "Шклевонтина".

- В таком случае я знаю, как называется его капитан.

- Ну, и как?

- Шклипер!

Тянутся часы. Все уже устали. Наконец, Васюков не выдерживает:

- Начальник! Темнеет! Пора на ужин.

Но я еще полон упорства:

- Ничего! Будем работать при свечах!

Хохот гулким эхом отдается по Геофаку. Говорят, что здесь самое теплое место в пещере: +6 и довольно сухо. Но холод пробирает не на шутку. Здесь в особой цене те, кто способен работать, , сохраняя чувство юмора, "не взирая на...". Благо, в этом отношении народ у нас подобрался удачно. Между ударами лопатой угадываю позади чей-то голос. Травят очередной анекдот:

- Мужик один, из нашего брата, вышел в зал, вроде Актового. Кричит: "Э-эй!"

Эхо:

- Э-эй!

Мужик:

- Э-эй!

Эхо:

- Э-эй!

Мужик:

- Э-эй!

Эхо:

- Да надоел уже!

* * *

Да-а... Провести трудовой отпуск в тесном холодном за-

бое, глине и сурости, у черта на рогах, как говорится: "В бане кому скажи - шайками закидают!"

А побудила нас к этому занятию одна единственная фраза, причем оброненная женщиной. Как-то, еще в Москве, на одном из спелеосборищ, когда, как обычно, разговор коснулся Сумгана, Вовчик Свистунов заметил:

- Чухрова-то Ольга, знаешь, что говорит? Дует там, в конце Геофака.

- Чего-чего? А ну повтори?

- ДУЕТ ТАМ, В КОНЦЕ ГЕОФАКА.

- Дует?

- Божится, что дует. Полчаса лежала, говорит. Слабенько, но подувает.

Дыхание пещеры! Дует! Не может быть! Я сам лежал как-то у этой щели и ничего не чувствовал.

Чухрова оказалась права.

Теперь, в штольне, которая постепенно удлинняется, нет-нет да и проскользнет легкое дуновение. Колыхнет язычок свечи, и снова непонятно. Есть какой-то ток воздуха. Но слабый и странно меняющий напрвление. Лишь бы был! Хоть какой-нибудь! Ну, и то, что мы здесь еще не задохнулись, тоже подтверждает наличие здесь какой-то естественной вентиляции.

К концу десятого дня раскопок штольня вытянулась на добрых 25 метров, изогнулась, вслед за бороздой на потолке, двумя поворотами вправо-влево. Полого, но штольня шла вниз. И глина по урезу траншеи все плотнее смыкалась с потолком, но так и не сомкнулась совсем. Правда, теперь заглянуть вперед уже не удавалось - потолок с путеводным желобом прижимал каску, не давал глазам приподняться на уровень щели.

На десятый день отделение Ербола Курмангалиева - "люди Ербола", как окрестили бригаду в экспедиции - вынуло последний мешок глины и завершило работы "по причине невозможности их продолжения". Нет, глина отламывалась не хуже и не лучше, чем в первые дни, и желоб все также шел по потолку, и даже подувало все с той же силой, но - кончился запал. Да и экспедиция близилась к концу. Побросав в штольне лопаты и ведра, люди Ербола отступили.

* * *

Тот, кто не новичок в кейвинге, знает. Где лежат самые красивые места пещеры? Ну, конечно же - за самым мерзостным шкуродером! Это гипербола, но все же. Память человека, его чувства прекрасно устроены. Со временем из памяти уходит плохое, и вспоминаются прежде всего минуты радости, добытые на грани возможного. А жизнь, будто специально, подсовывает ситуации, когда проблема выбора встает ребром, шилом. Продолжать или отступить? Отступить можно почти всегда. Но речь не идет о тех, у кого нет выбора. Их мужество стоит в другом измерении. Но простишь ли себе, что выбрал отступление и не сделал того единственного усилия, за которым открывалась Победа?

Если бы знать, что еще шаг, и ты у цели - отдал бы последнее и шагнул. Если бы знать! Чаще - исход неизвестен. Вот тут-то вступает в силу закон Упорства и Удачи. Давно замечено6 что красотка Фортуна неравнодушна к настойчивым и упорным, идущим вперед наперекор бессилию, банальной логике, "очевидной" бессмысленности дальнейших усилий.

Были такие, кто сожалел о проведенных в штольне днях. Рыть проклятую глину вместо прекрасных ощущений в скитаниях по Сумгану! Они отрабатывали без веры в успех, но лишь в силу природной добросовестности и обстоятельств. Что греха таить, к концу экспедиции надежды на удачу в Геофаке у большинства из нас почти растворились. И только единицы рвались вперед с неослабевающей решимостью. Два, максимум три, метра проходки в смену позволили продвинуться за 10 дней довольно далеко. но...

Люди Ербола сообщили, что потолок "сел" на глину, и надежд нет. Это подкосило даже самых упорных.

А время поджимало. Как неожиданно кончаются экспедиции! Будто только еще ложились на бумагу четкие цифры раскладок, и накатывала дорога: в стуке колес, в гуле двигателей, в суматохе погрузок и выгрузок, в хриплом дыхании перевалов, в дымной тесноте ночевок... И первая после разлуки встреча с Пропастью, штурм - не штурм: работа. Азарт и усталость, надежды и разочарования. Где мелькнул тот невидимый поворот? И все, будто с невидимой горки, уже катится к завершению - все быстрее и быстрее.

И вот - мы уходим. Последний вечер в Сумгане, хруст сухарей, запахи долгожданного ужина, сваренного из всех остатков на последнем бензине. И органными аккордами гудит под сводами Актового зала гитара - Гановичев пробует новую песню:

-

Ну, вот и все, Сумган,
Последних метров грусть,
Снимается навеска - мы уходим...
А ждут меня -
Рюкзак и дальний путь.
Прощай, Сумган, недолги сборы - мы уходим (*89).

* * *

Утром по связи передали - наверху дождь. Грустно выходить из пропасти в непогоду, когда так хочется солнышка. Но делать нечего. Ребята молчаливо сворачивают лагерь, пакуют мешки, челноком подтаскивают груз ко дну входного отвеса. Снежный конус съежился, почернел, и здорово подтаяли над нашими головами леднички, что так и ждут пока своего часа.

- Саша, а ведь в Штольне снаряжение после Ербола не забрали?

- Похоже, нет.

- Вот черт, придется идти. Не оставлять же - растащут туристы.

До чего не хочется тащиться через Эверест! Еще никому не удавалось взобраться на него сухим. Иду первым, слыша за собой дыхание Гановичева. На самом перевале, где приходится ползти через глиняный лаз, почудилась впереди фигурка в белом: лежит на спине, смотрит в источенный лунками потолок. До того четко увидел, что даже остановился и мотнул головой - галлюцинация!

Потолок поднялся. Скатываемся с глиняной горы, сотрясаем шагами своды. А вот и Гуровая река..., Хребет Динозавра - глиняный горб в средней части галереи, по которому мы идем, развилка в Змеевик...

Каждый раз, уходя отсюда, думаю - вернемся ли? Если исчезнет надежда на продолжение пещеры, то едва ли. Кто это

сказал: "В мире слишком много дорог, чтобы проходить их дважды?"

Штольня. Пока Саша сматывает вытяжную веревку, лезу за лопатами. Неплохо поработали! Вот и забой. Действительно, глина почти смыкается с потолком. Да... Надежды не оправдались. Откуда же приходила река? Неужели через сеть непроходимых для человека трещин? Но ведь дует же откуда-то! Машинально пытаюсь заглянуть в крохотный зазор между глиной и потолком. Мешает каска. Долой!

... Что-то там не так впереди. Мощусь, втискиваясь в потолок. Чернеет что-то. Что? Не понять, но сердце вдруг начинает колотиться быстрее. Хватаю лопату, торопливо сбиваю переднюю кромку глины. Впереди, буквально в двух метрах, зияет пустота! Свет не упирается в стену, не вязнет в бесконечной щели между глиной и потолком - он теряется в черноте, высвечивая только приземистую арку свода в двух метрах передо мной.

Ору Сашке. Он приползает вихрем. Кое-как пропускаю его мимо себя - вдвоем в штольне тесновато.

- Смотри! Ну? Что?

- Стена, вроде...

- Какая стена!

Снова протискиваюсь к щели. Вот она - арка! Смотрю на часы. Мысли карусель! Сейчас наши начинают подъем. Значит, у нас есть еще часа четыре. Надо копать!

Забываю о Земле, обо всем. Я уже знаю - мы сейчас пройдем. Куда? Не знаю. Но мы пройдем эти два метра! За ними неизвестность. В наших руках все усилия этих дней. Почему же Ербол не сказал о расширении? Не видели? Не верили!

Пока Сашка бежит в лагерь предупредить, что мы задерживаемся, яростно вгрызаюсь в забой. Рою не штольню - лаз: лишь бы пролезть. Отгребаю глину прямо по ходу.

С каждой лопатой уверенность растет. Потолок явственно идет вверх. пытаюсь пролезть - узко. Вылезаю, долблю, отгребаю. Копаю и боюсь: а вдруг все зря, вдруг тупик?

Приползает Гановичев, начинает проталкивать отвал дальше по штольне. Снова смотрю в щель, нет - уже лаз! Похоже, пройду. Ложусь на спину и медленно вдавливаюсь в прокоп. Прохожу!!!

Рывок и я вываливаюсь в расширение. Низкий потолок широкой аркой идет дальше. Под ногами нетронутая глина. Кричу. Эха нет и в помине. Неужели все? Сзади лезет Саша:

- Меня, меня подождите!

- Конечно! Слышь? Идет немного!

На душе неописуемо. Даже если все, тупик - это удача. Хоть куда-то, но прошли!

И вот мы вместе. Медленно, не веря глазам, ползем вперед. Свод лезет вверх. Галерея! Это настоящая галерея! Вот уже идем в полный рост...

Оцепенение сменяется бурной радостью. Что-то кричим, толкаем друг друга: смотри, смотри!

Впереди не то грот, не то расширение галереи. Здесь все точно, как в Геофаке - свод, словно юрта. Озираемся. Над нами идеальной формы вогнутый купол. Потолок снова снижается метров до трех. Эхо по-прежнему нет. Идем вперед, ожидая и боясь упереться в стену. Потолок все ниже и вдруг... взмывает вверх!

На нас обрушивается эхо. Какое эхо! Какой зал! Светло-серый потолок на высоте пятиэтажного дома. Эти округлые формы сводов, будто вдавленные назад по ходу - явный след напорных течений, завихрений потока. Зал выше Геофака! Почему бы нет?

Наполняя грохотом зал, мы поем и кружимся, как дети. Позже мы так и назовем этот зал - "Пуркуа па" - "Почему бы нет!"

И вот снова бежим вперед по галерее. Пол катится под уклон, своды тоже. Так не хочется, чтобы это кончалось! Но... увы. Вот и все.

Стоим у стены, под которую уходит русло пересохшего ручья. Еще один сухой глиняный сифон. Теперь нас этим не испугаешь!

Оглядываюсь. Из тьмы зала к нам тянутся две цепочки удивительно четких следов. Обратного следа нет. Здесь только наши следы!

Обратно идем медленно, смакуя каждый шаг. Осматриваем каждую подробность. Мы - первые! До нас тут не был ни один человек на всей планете. И пусть наша удача мала - она наша! Слышишь? Мы посвящаем нашу галерею тебе - Фортуна!

Пора идти. Страшно жаль, но пора. Дальнейшие раскопки - дело будущих экспедиций. Теперь уже никто не усомнится - стоит ли. А если усомнится, мы приведем его к Штольне, проведем по галерее Фортуны и расскажем эту историю. Как мы остановились в двух метрах от Удачи. И только потому, что не верили уже в успех. И как все-таки победили.

А у Идола горят свечи...

* * *

Выхожу из Пропасти последним - прямо под серый дождь. Нас встречают. Все мокрые, грязные. Жмем друг другу руки. Вокруг счастливые лица: радость приправленная белой завистью - прошли! Весть об этом вихрем распространяется по Кутуку. Прошли! Не мы - Гановичев и я. МЫ прошли. Это успех всей экспедиции, всех, кто пришел сюда, поделив тяготы и работу. А нам с Саней просто немного повезло. Это - счастливый билет и... немного упорства. Того самого, что не хватило другим. Того, что когда-то не хватило нам в Ленинской, а в результате радость открытия 80-метрового колодца за гротом Рудокопов досталась свердловчанам. Того... да что вспоминать! Сегодня у нас праздник. Несмотря на дождь.

Снимаем навеску, и Сумган сразу становится строже...

-

И пусть закружит нас дороги хоровод,
Но на перронах шумных и в вагонах
Мы вспомним Ледяного синий лед
И Актового сумрачные своды.
И затуманит нас невнятная тоска,
И вспомнятся друзей чумазых лица,
И первый спуск, и над колодцем облака,
И тот Сумган, который только снится...(*90)
О Г Л Я Н И С Ь Н А Б Е Г У И П О Й М И ...

==========

-

П Р О В А Л Ы В П А М Я Т И.

Впервые за эти дни над лесом проглянуло солнце. И Алек

преобразился. Буковые заросли сверкают каплями влаги. Не верится, что все эти дни мы плавали в облаках, тумане, кутаясь в полиэтилен.

- Слушай, Серега, я уже забыл, какое оно - Солнце!

Шалыга кивает. Ему Кавказ пока в диковинку. Володя Киселев усмехается:

- Анекдот знаешь?

- Какой?

- Приходит клиент к врачу: "Доктор, у меня провалы в памяти". "Интересно, и часто они у вас бывают?" "Что?" Ну, провалы..." "Какие провалы?"!

А ведь действительно - почти уже забылись события последних трех дней. Не забылись, конечно, но как-то отошли на второй план. Неужели был солнечный Сочи, региональная конференция по карсту Западного Кавказа и Володя Резван, прервавший заседание:

- Товарищи, мы только что получили сообщение с хребта Алек. В пещере Ручейная сломал ногу новомосковский спелеотурист. Всех, кто имеет снаряжение и соответствующий опыт, прошу принять участие в спасательных работах. Выезд через час, машина уже вышла.

Что было потом? Суета сборов. Приходится расставаться с присутствующими на конференции зарубежными коллегами, в том числе с участниками планировавшейся по ее окончании нашей совместной с поляками вылазки в другую пещеру Алека - Осеннюю. Болгарин Йордан Христов протягивает Шалыге свою решетку (*91) - может быть, пригодится? Мы не привлекаем иностранцев к спасработам, но предложить помощь - дело чести каждого.

В пятиместном спасательном "УАЗике" битком народу. Впору подавать заявку в книгу рекордов Гиннесса. Водитель, врач, шестеро спасателей со своими рюкзаками, спасфондом, продовольствием и радист с радиостанцией! И вся эта куча ввинчивается в ночной серпантин горной дороги.

Неужели все это было?

Буковая поляна необычно пустынна. Мы с Киселевым помним ее другой - уставленную палатками. От них сейчас остались только решетчатые настилы из жердей и веток: так на Кавказе устанавливают палатки. Поставишь прямо на землю - смоет при первом же ливне.

На досчатом столе посреди поляны - следы подготовки к нехитрой трапезе. Игорь Пономарев, морщась от едкого дыма, машет дощечкой над несговорччивым буковым костром. Рафал Кардаш, Анджей Чишевски и Артур Шмигельски размягченно щурятся на солнышко. Поляки накупались в водопадах Осенней, пока мы доставали новомосковца из Ручейной. Пройти ниже -250 полякам не удалось. Все в будущем!

Беру гитару:

Вот мы опять
на поляне на Буковой.
Вот и опять
мы тревожим Кавказ.
Сколько всего
было тут между буками!
Столько всего,
что мы вспомним не раз.
Сумрак и дождь
над Алеком сгущаются:

Видно, нас ждет
неплохая вода!
Польская речь
с речью русской мешается...
Нам наших встречь
не забыть никогда. (*92)

* * *

Оглядываясь в недалекое, в общем-то, прошлое - на какие-то 20-30 лет назад, вижу темноту.

Я знаю только то, что было при мне. 1978 год можно считать годом рождения кейвинга в Восточном Казахстане. Нашлись единомышленники в других городах республики: Алма-Ате, Джамбуле, Целинограде, Актюбинске. Но что было раньше? Ведь мы были не первыми. Кто-то из наших предшественников вот также, как мы сейчас, сидел на Буквой поляне, смотрел на те же буки, что под порывами налетающего с близкого моря ветерка осыпают нас каплями зацепившегося за листья дождя. Кто они?

Как получается, что целые поколенья уходят, не оставляя следа? След затерян, но он остается - в отдельных документах, воспоминаниях рассеянных по всему свету некогда шедших плечо к плечу людей. С каждым годом эта ниточка все тоньше.

-

И в круженьи беспечном
Оглянись набегу и пойми:
Эти горы не вечны,
А тем более - мы...

* * *

Такой ниточкой между прошлым и настоящим оставался Владимир Николаевич Толмачев, бессменный предводитель алматинских спелеологов последних двух десятилетий. Но ведь должны были быть и другие?

Постепенно, как пишут в детективах, круг поиска сужался. Первыми отозвались лидеры действующих спелеосекций.

"Здравствуй, Костя. Не могу встретиться с Толмачевым: то у него сессия, то куда-то уехал. У него есть какие-то материалы, касающиеся самого начала. А пока выдаю то, что сохранилось в моей памяти.

Первое организационное собрание Алма-Атинской городской спелеологической секции (АГСС) было в лекабре 1963 года. Сохранились две фамилии людей, стоявших у самых истоков - Стефаненко и Полуэктов. Полуэктов сейчас живет в Тольятти. Больше у меня ничего нет. Далее громадный пробел, в котором где-то в отрыве от земли витают фамилии Кима Т.А. и Липиной Е. П. О Киме не знаю вообще ничего, но Липина в свое время, кажется, была достаточно сильна, имея в активе первопрохождение пещеры Примусная на Кавказе где-то в 74 году. Ее я застал уже преподавателем школы предлагерной подготовки 78 года: читала мне лекции по программе ШПП и очень даже хорошо читала, без дураков знала дело. Где-то к началу 70-х относится начало спелеокарьеры Толмачева. Володя никогда ничего о себе толком не рассказывал, и что было до моего прихода в 77-м году - не знаю.

... К 79-му году народ разбрелся в разные стороны. Большинство - из-за распределения после окончания института - костяк секции был из студентов Казахского Политехнического Института, геолого-разведочный факультет. Я не исключение, но причины другие - женитьба, альпинизм, работа. Остался

только Толмачев, и лишь благодаря ему, терпеливо собиравшему все новые и новые группы, что-то осталось.

Толмачев - фигура неординарная и самая, я бы сказал, выносливая. Это единственный человек, который, подобно мощному столбу, держал и держал те непрерывные развалины, которые назывались АГСС. Ему и только ему мы обязаны тем, что мы есть."

В письме Саши Шакалова, руководителя одной из столичных секций, в едином аккорде звучат характерные струны того времени. И не только того. Все наши болячки проступают в этих строках: отсутствие неформальной связи между поколениями, недостаток внимания к "старикам", скромно и неутомимо приносящим на алтарь Дела свое время, личное благополучие, здоровье.

Информации негусто, но уже что-то есть. Редкий пунктир по целине провла в памяти.

Просматриваю архивы переписки конца 70-х, перебираю странички прошлого. Так, а это что?

"... Коротко о себе. Толмачев Владимир Николаевич, 1947 года рождения. Спелео занимаюсь с 1971 года. В настоящее время являюсь председателем спелеокомиссии Казтурсовета. Так как с 21 мая 79 года уезжаю в поля, вместо меня остается Липина Елена Павловна. Все данные прошу высылать ей..."

И все. За всю, более чем десятилетнюю, нашу переписку, о себе больше ни слова. Но Толмачев всегда старался сделать даже больше того, что мог.

Ниточка потянулась глубже.

* * *

Наши палатки на Буковой поляне закутались в полиэтилен, нахохлились на деревянных настилах. Пока ясно, но на Кавказе ливни не предупреждают о своем появлении.

Буковый дым едок. Морщимся, но так хорошо, что есть этот дым! Что нет дождя! Чача - виноградная водка, на этот раз слабовата, но полякам нравится. Жаль все-таки, что не удалось поработать вместе в Осенней!

-

Солнце лучом
прорвалось через облако.
Рядом плечо -
твой товарищ и брат.
Он из Москвы,
из Варшавы иль Вроцлава -
Не различить
в рыжих бликах костра.
Пусть не всегда
удается, что хочется,
С гулом вода
по колодцам идет,
Майский Алек
нам не раз еще вспомнится
Там, в городах,
где разлука нас ждет.

-

Да, вот так же, почти четверть века назад, сидели здесь наши предшественники-казахстанцы. Смотрели на огонь, собирали снаряжение, готовясь к штурму еще неизвестных пропастей Западного Кавказа. Они смогли вписать несколько

слов в летопись спелеологических исследований Алека, историю советского кейвинга. И надо постараться прочитать эти слова через дымку времени.

Толмачев - молодец Старый Крот! - прислал уникальные документы: протоколы первых собраний алматинской спелеосекции в начале 60-х, в том числе "Историческую справку о развитии спелеотуризма в Казахстане", составленную В.И.Полуэктовым в 1968 году и "Тезисы о развитии спелеотуризма в Казахстане в период 1963-69г.г." Липиной Е.П.

Вчитаемся в эти, может быть, скучноватые строчки, собранные из разных писем, справок, записок и протоколов. Если же, мой Уважаемый Читатель, Вас мало интересует история казахстанского кейвинга, перелистните эти странички. И не удивляйтесь, если со временем кто-нибудь вот также обойдет своим вниманием то, что некогдато было пройдено Вами...

Первая в Казахстане секция спелеотуризма возникла в Алма-Ате в ноябре 1963 года. Толчком для этого послужило открытие в Заилийском Алатау на леднике Богдановича пещеры Октябрьская.

Нашел пещеру будущий председатель секции Виктор Иванович Полуэктов. Случилось это 30 сентября 1963 года, а уже 9 октября В.Полуэктов и А.Аратцев произвели разведку пещеры. через месяц 6-9 ноября группа в составе 9 человек: Анатолий Аратцев, Владимр Хамов, Александр Ветринский, Леонид Калин, Роза Кирсанова, Рита Терещенко, Л.Голубев, Виктор Мельчаков, под руководством В.Полуэктова, обследовала пещеру, произведя ее фото и топосъемку,

10 декабря состоялось организационное собрание АГСС, на котором присутствовало 19 человек. Примечательна повестка собрания: от нее так и веет забытыми запахами прошлого.

1. Информация В.Полуэктова о спелеотуризме.
2. Выборы бюро секции.
3. Составление плана работы секции на декабрь месяц.
4. Об экспедиции в каменную пещеру.
5. Об окончании исследования пещеры на леднике Богдановича.

Впервые пещеру до конца прошла группа в составе 19 человек под руководством В.Хамова 22 декабря 1963 года.

Еще до этого, 13 октября 1963 года, В.Полуэктов открывает на леднике Туюксу Заилийского Алатау пещеру Плоскую. 1 декабря группа в составе Л.Калинин, А.Ветринский, Н.Байсаров, В.Хамов, Г.Комова, В.Бочаров, Р.Кирсанова, Р.Терещенко и В.Полуэктов произвела обследование пещеры Плоская, пройдя в теле ледника 80 метров.

Следуя решению организационного собрания, в мае 1964 года спелеологи Алма-Аты произвели первый многодневный разведочный поход в поисках "каменной" пещеры в долине реки Чилик. походе участвовали: В.Зозуля - руководитель, Л.Калин, Р.Кирсанова, Р.Терещенко, Н.Байсаров, Геннадий Грицков, П.Печерских, Борис Воробцов, В.Полуэктов, А.Ветринский. Разведка не подтвердила сведений о наличии крупной пещеры на южных склонах Заилийского Алатау.

В июне 1964 года В.Полуэктов в качестве инструктора принимает участие в сборе подготовки младших инструкторов спелеотуризма на Южном Урале.

Первые "каменные" пещеры появились на счету алмаатинцев после ноябрьской 1964 года экспедиции на юге Казахстана в

районе хребта Даубаба и в верховьях реки Каиршакты на юго-восточном склоне Боролдайских гор. В разведке принимали участие Алла Кукина, Г.Грицков, О.Шерман, Н.Байсаров, П.Печерских, В.Трофимов под руководством В.Полуэктова. В верховьях Каиршакты были открыты 4 пещеры, где обнаружены колония летучих мышей и пещерный жемчуг. Обследована также пещера Сталактитка близ села Ванновки. С 29 апреля по 9 мая еще одна группа произвела разведку на хребте Каратау по рекам Бугунь, Бала-Бугунь, Кашкарата, Боролдай. В походе под руководством В.Полуэктова участвовали В.Есенкина, Геннадий Шлемов, Владимир Касьянов, А.Ветринский, Н.Байсаров. Из девяти обследованных пещер вновь открыто семь, в том числе пещера Акмечеть-Аулие.

В июле 1965 года алмаатинцы В.Полуэктов и А.Кукина принимают участие в, первом тогда в стране, спелеолагере в Крыму, где В.Полуэктов работал начальником 1 смены лагеря. В августе того же года та же двойка казахстанцев, вместе с пятью спелеологами других городов страны, устанавливает рекорд спуска в естественные карстовые полости СССР, достигнув глубины -350 метров в пещере Назаровская на хребте Алек. Позднейшие измерения дали отметку старого дна Назаровской -320, но рекорд, как уже было сказано ранее, состоялся. И казахстанцы приняли в нем не последнее участие, если учесть, что В.Полуэктов, как инструктор сбора, руководил спуском.

В августе того же года алматинская группа под руководством Г.Грицкова предпринимает неудачную попытку поиска пещер в Восточном Казахстане, отступив из-за неблагоприятных погодных условий.

В октябре 1966 года впервые в составе алматинских экспедиций появляются представители других городов Казахстана. В обследовании среднего течения реки Угам на юге Казахстана, когда в ущельи Максалбай было открыто три пещеры, под руководством В.Полуэктова принимали участие от Алма-Аты Е.Саенко, А.Полуэктова, В.Семенов, Г.Ткачук, М.Ишанкулов, Ю.Бородкин; от Джамбула М.Захаров и М.Исламбаев; от Чимкента Н.Ахроменко.

В мае 1967 года совместная экспедиция алмаатинцев и чимкентцев открыла 17 пещер в долинах рек Бугунь, Бала-Бугунь и, в основном, в нижнем течении реки Кашкарата.

В сентябре 1967 года проводится Республиканская экспедиция с целью поиска пещер в хребтах Угамский и Таласский Алатау. Среди 15 членов экспедиции под бессменным руководством В.Полуэктова аллматинцы Александр Шатохин, Ю.Долгих, А.Коваль, Г.Курочка, А.Полуэктова, М.Ильясов; чимкентцы С.Ходжаев и А.Михеев; В.Козлов и Э.Молдалиев из Ленгера; М.Захаров, М.Ислаибаев и Л.Каплун из Джамбула. Силами этой команды исследовано 17 пещер в ущельях Макбалсай, Алмылысай и в долине реки Сайрам.

В период с 5 по 13 ноября проводится поход по южной границе Аксу-Джабагалинского заповедника. В числе 12 участников Е.САенко, Ю.Долгих, А.Клестер, В.Хамов, А.Полуэктова, Галина Валеева, В.Полуэктов (руководитель) из Алма-Аты; четверка чимкентцев во-главе с Н.Шеньшиной, а также представитель Красноярска Борис Мартюшев. Экспедиции посчастливилось открыть 6 пещер и установить рекорд глубины Казахстана, обнаружив и исследовав карстовый провал Кептер-Уя: -35-40 метров.

Кейвинг в Казахстане набирает силу, поднимается на новые

высоты. В ноябре 1967 года алмаатинец В.Касьянов и чимкентец А.Михеев принимают участие в семинаре подготовки руководителей спасательных служб в Крыму.

В декабре того же года в городе Чимкенте создается вторая в республике спелеосекция.

На базе этих двух секций весной 1968 года проводится республиканский сбор руководителей спелеопутешествий. Вот список его участников: В.Полуэктов - руководитель, М.Ильясов - инструктор сбора (оба из Алма-Аты), их соклубники Е.Савенко, Г.Валеева, Е.Липина, Ю.Корнеев, З.Ковкова; С.Ходжаев - инструктор сбора из Чимкента и его соклубники Г.Савина, А.Чернышов, Б.Есетов; джамбульцы А.Розыкулов и Л.Яркеева. Во время сбора открыто 6 новых пещер.

Но во всесоюзных спелеофорумах по-прежнему представлены только алмаатинцы. С 26 июля по 14 августа 1968 года во 2-й смене Крымского спелеолагеря принимают участие Е.Савенко и Г.Валеева. В августе А.Шатохин и В.Полуэктов участвуют в экспедиции по исследованию Красной пещеры (Кизил-Коба) в Крыму.

В сентябре 1968 года чимкентская секция настолько окрепла, что под руководством С.Ходжаева проводит самостоятельную экспедицию по разведке пещер в долине реки Угам, которой удается открыть 10 новых пещер.

* * *

Постепенно спелеотуризм в Казахстане набирает обороты. Появляются дееспособные секции в Чимкенте, Джамбуле, пробиваются первые ростки в других городах республики. Но близок уже сокрушительный удар. В 1969 году уезжает из Алма-Аты первый председатель АГСС и главный мотор всего дела Виктор Иванович Полуэктов.

Тот, кто недооценивает роль лидера в развитии любого дела, крепко ошибается. Личность в истории - это, образно говоря, рулевое управление, система ориентации и стабилизации процесса, коллектив, общество - его наполнитель и двигатель. Мощь без руля беспомощна и опасна. Появляется лидер, несущий идею, тратящий свои силы и энергию на ее воплощение - и дело движется. Уходит лидер, и, если не успел, не смог или не захотел подготовить себе замену - все. Дело, какое-то время еще двигаясь по-инерции, начинает умирать.

Полуэктов уехал, и спелеотуризм в Казахстане пошел на спад. Но это не сразу становится заметно. Велика еще инерция, сообщенная Полуэктовым. Председателем республиканской спелеосекции становится Е.П.Липина. В отчете на имя председателя Центральной секции спелеотуризма в Москве В.В.Илюхина она пишет:

"В мае 1969 года состоялся республиканский семинар по подготовке руководителй спелеотуризма. Для проведения теоретических и практических занятий из Москвы был вызван инструктор по спелеотуризму О.Васильев. В семинаре принимали участие 18 человек (Алма-Ата - 10, Чимкент - 5, Джамбул - 3).

Было открыто и исследовано 5 пещер.

Четыре спелеолога из Казахстана Ким Т. и Липина Е. из Алма-Аты, Лымарь В. и Литовка В. из Чимкента в августе 1969 года прошли обучение в спелеолагере на Кавказе по программе первого года. В октябре алма-атинский спелеотуристы приняли участие в областных соревнованиях по туристскому ориентированию и заняли 4-е место.

В сентябре 1969 года была организована секция спелеотуризма в Г.Караганде. Председатель секции - Тычинин В.

В октябре 1969 года Чимкентская секция спелеотуризма провела экспедицию по разведке пещер в хребте Коржантау.

В ноябре совершены походы алматинских спелеологов в пещеру Октябрьская на леднике Богдановича, а также во вновь открытые пещеры Туюк-Су.

В настоящее время самым больным вопросом является отсутствие опытных спелеологических кадров, что отрицательно сказывается на исследовании данного карствого района.

В Казахстане с отъездом В.Полуэктова нет ни одного инструктора спелеотуризма, поэтому в ближайшие годы нужно употребить все силы на подготовку спелеологов. Желательно активно привлекать казахстанцев к союзным мероприятиям."

В этой записке первые следы подступающего регресса.

Яркой звездой прокатился красноярец Полуэктов по небосклону казахстанского кейвинга. С его уходом казахстанский кейвинг с начала 70-х растерял почти все свои завоевания, людей. Борьбу за выживание принял на свои плечи алмаатинец Владимир Николаевич Толмачев, взяв на себя тяжкое бремя лидирование в официальном республиканском спелеотуризме.

Одна за другой затухали возникшие было секции в городах Казахстана - привычной "полуэктовской" поддержки из центра не стало, а своих сил и заинтересованности надолго не хватило.

Мы уже говорили о том, что и сама система, в которой был вынужден существовать советский спелеотуризм, не располагала к беспрепятственному его развитию. Лидеры постоянно находились под прессингом отрицательных стрессов в результате неизбежных контактов с представителями туристической власти. Понятно, что и Полуэктов не являлся исключением из этого печального правила.

В числе других бесценных документов Толмачев прислал адрес В.И.Полуэктова. И вот - я держу в руках его долгожданное письмо:

"Причиной распада секции после моего отъезда было, на мой взгляд, отсутствие в ней настоящих энтузиастов."

Ну как тут не вспомнить крылатую фразу: "Энтузиазм - вещь хорошая, но, к сожалению, - скоропортящаяся!" Это с одной стороны, а с другой... Нужно любить Дело по-настоящему, чтобы не дрогнуть перед трудностями рутинных будней. Но вернемся к письму Полуэктова.

"... Я отдал ей (секции) немало сил и времени в ущерб семье и личной карьере. Поддержки со стороны Казахского совета по туризму и экскурсиям и Центральной спелеосекции фактически не было. Наоборот. Например, по результатам наших экспедиций на юг Казахстана мы составили отчет с рекомендацией использовать открытые нами пещеры как туристско=экскурсионные объекты. Отчет отправили на конкурс (всесоюзный). Центральный совет присудил нам первое место. Илюхин оскорбился и настоял, чтобы 1 место вообще не присуждали, и нам - победителям конкурса, присвоили серебряные медали.

С Илюхиным отношения и вообще были прохладные. На заседаниях Центральной секции спелеотуризма в Москве я его резко критиковал за фактический саботаж в руководстве спелеотуризмом страны. В результате он где-то перехватил вызов, который должен был прийти из Центрального совета на мое имя для

участия в первой зарубежной поездке наших спелеологов в Болгарию. Поехали более сговорчивые Р.Сайфи и И.Ефремов (*93).

Да, а медали эти долго шли в Казахстан. Я их так и не дождался. Очень устал и фактически сбежал от этих проблем."

Вот так казахстанские спелеологи не смогли открыть счет международным контактам. А ведь вполне может быть, что именно эта, несостоявшаяся из-за политических интриг, поездка добавила бы энергии лидеру казахстанского спелеотуризма, подняло бы настроение, прибавила сил. И сохранила бы для республиканского кейвинга еще на несколько лет.

Почему, вместо того, чтобы беречь своих лидеров, мы так и норовим их побольней ударить?

* * *

То, что не удалось четверть века назад, сделали мы. С середины 80-х наши международные экспедиции все чаще прорывались сквозь административно-бюрократические препоны всех уровней. Стремление людей всего мира друг к другу неодолимо. Ведь все мы жители одной, такой маленькой, планеты Земля. Такой прекрасной, пока стоят на ней вот эти буки в лохмотьях влажных мхов, горит костер, бросающий рыжие блики на лица сидящих у огня друзей. Пока есть пещеры и небо, к которому можно вернуться. И так ли важно, из какой ты страны, какой национальности и какого цвета твои глаза или кожа?

-

Он нас найдет
на Алтае иль в Кракове
Этот меандр
и ревущий каскад.
Переплетен
предвечерними красками
Дымный костер
и туманный закат.
Мы на ладонях,
веревкой изъеденных,
Равно несем
беззащитный наш мир:
Ведь на краю
у колодца последнего
Так одинаково
счастливы мы.

* * *

Н О В А Я В О Л Н А.

-

Может ли пшеница взойти на скалах, где нет земли? Могут ли расти деревья в отсутствии воды? Может ли развиваться кейвинг, если нет пещер?

Ах, как хотелось бы рассказать о великолепных подземных дворцах Казахстана! Поведать о трудных штурмах закилометровых пропастей, рассказать об интереснейших приключениях в сетях подземных лабиринтов!

Не получается. Природа, столь щедрая к нашей республике в других отношениях, явно пожадничала в плане подземных чудес.

Пещеры и горы почти неразделимы. Хотя мы знаем, на примере той же Украины, что достаточно 30-метрового пласта

карстующихся пород, чтобы породить величайшие гипсовые лабиринты мира. Куда только не стремились в прошлом и не отправляются сегодня поисковые экспедиции казахстанских спелеологов! Исхожен вдоль и поперек Каратау, обшарены высокогорные плато Улучура и Сысунгена, хребет Каржантау, поисковые группы поднимаются на Угам, работают в приграничных с Узбекистаном районах.

Улов весьма невелик. Десятки и сотни мелких пещерок и колодчиков. И практически ничего серьезного. Откроем "Перечень классифицированных пещер" (*94). При взгляде на скупые строчки классификатора становится грустно. Что ж, что имеем, тому и рады. Тем более, что где-то таятся еще неоткрытые...

Первое место среди казахстанских пещер занимает пропасть Улучурская (-250 м при протяженности 1500 м), расположенная на одноименном плато под Чимкентом, на хребте Каржантау. Второе место по глубине принадлежит пещере Весенняя на плато Боролдайтау: -200 при протяженности 300 метров, а по протяженности - пещере Сысунгенская (-130 х 560 метров), расположенной по-соседству с Улучурской. На третьем месте по глубине - шахта Ленинская на Боролдае (-180 при протяженности 196 м).

Вот и все. Остальные известные пещеры Казахстана при весьма скромной протяженности даже не переваливают 100-метровую отметку глубины. Мы не говорим о постоянно меняющих свою форму ледниковых пещерах, подобных Октябрьской на леднике Богдановича, породившей алматинскую спелеосекцию - это особый раздел кейвинга.

Так могут ли быть спелеологи без пещер?

Могут. Иначе не было бы тридцатилетней истории казахстанского кейвинга. Ниточка не прервалась. На смену уходящим поколениям спелеологов, их секциям и лидерам пришли новые.

Мы не можем не сказать о них, кейверах конца 70-х - начала 90-х.

* * *

Настойчивость Толмачева принесла свои плоды. (А может ли кто-нибудь сказать. чего ему это стоило?) В начале 80-х начинается новый подъем АГСС. Связан он прежде всего с появлением в рядах секции новых лидеров, способных вести за собой экспедиции, проводить занятия, тренировки, готовить подрастающую смену. Такими лидерами новой волны стали Шабанов Николай Васильевич, Негреба Александр Николаевич и Шакалов Александр Анатольевич.

Самый верный выбор сделал Александр Шакалов - он начал работу с учащимися школ города. С осени 82 года Шакалов начинает тренировать школьников сначала в школе N42, потом на базе республиканского Дворца пионеров. Что скажешь, Саша?

"На удивление получилось очень даже неплохо, вскоре возник довольно стабильный коллектив школьников, к которому примкнули старики, и в 83 году этот состав выезжал на Сумган. Ты это помнишь."

Помню, конечно. Экспедиция "Сумган-83" стала первой по масштабам и массовому участию представителей различных спелеоколлективов Казахстана экспедицией новой волны. Кутук-Сумган принял нас доброжелательно, спаяв дружбой и общими планами. Рассказывай дальше.

" С осени 83 года все сосредотачивается в Республиканском Дворце пионеров, проходит новый набор, впервые ведутся плановые занятия, планируется работа, составляется долговременная программа подготовки кадров и экспедиций.

В 84 году - первые самостоятельные выезды на Южный Урал и в Ошскую область. Состав секции вырастает до 50 человек.

В 85 году мальчишки уже самостоятельно водят группы на Боролдай, Ош, осенью выезжаем в Красноярск. Но... в этом же году появляются яркие признаки болезни роста, и, как результат, раскол секции. Появляется четверка, которая основывает клуб "Плутоний", лидер Гриша Мацапей."

Как же! Прекрасно помню, как в экспедиции "Сумган-85", Гриша Мацапей отметил свой уход в армию впечатляющим спуском во входную шахту пропасти. Все бы ничего, но перед этим он получил ответственное задание спустить в пропасть гитару - инструмент в экспедиции первостепеннной важности. Мацапей привязал гитару за спину, завис над шахтой, но в момент начала спуска, видимо, потерял контроль за спусковым устройством и сквозанул вниз с такой скоростью, что страхующие даже испугались. Результатом был гулкий удар, донесшийся из колодца. Мы поняли, что музыке - конец. Гриша со всего маху совершил посадку на снежный конус дна шахты, использовав вместо подушки гитару.

"Гришу призвали в армию, и с 86 года мы начали нести непрерывные потери от уходящих призывников. В 87-88 годах в рядах было до семидесяти процентов состава секции."

Закономерный процесс для секции, вырастающей из учащихся общеобразовательных школ. Самое обидное, что практически все наши выпускники не попали в те части, где они могли бы использовать свою подготовку и умения, приобретенные в спелеологических секциях и экспедициях. Советские военкоматы даром едят свой хлеб, переучивая ученых и обучая неподготовленных. Пропадают знания и специальные умения тысяч специально еще до армии подготовленных парней, готовых работать в экстремальных условиях. Военная система бывшего СССР вобрала в себя все недостатки и язвы уродливого строя советов. Глас вопиющего в пустыне.

"В 1988, юбилейном для советского (и для мирового! - зам.мои) кейвинга, году АГСС переименовывается в Алма-Атинский городской клуб спелеологов (АКГС), получивший прописку при городском спортивно-техническом клубе "Икар". Потянулись из армии отслужившие бойцы, и, наконец, начинается качественный подъем. В начале 89 года команда алма-атинцев, совместно со Старым Осколом, штурмует глубочайшую пещеру Крыма - Солдатскую (-508 м), в пещере Улучурская летняя экспедиция обнаруживает новый ход, декабрьская - замахивается на Киевскую. И только травма участника заставляет отступить.

С момента определения АКГС на базе "Икара" и получения собственного помещения, секция Дворца пионеров занимается только подготовкой кадров для клубов "Плутония" и АКГС - здесь как бы детская площадка. В 89 году нас настигает новый распад, правда, не столь болезненный, как первый - от АКГС отделилась группа ребят-студентов КазПТИ во главе с Валерием Муном и Андреем Паклиным".

* * *

Все зависит не от природы, а от человека. Казалось бы,

ну что не заниматься спелеологей в Чимкенте, где вокруг города полно известняков, пещер и других прелестей? Нет же. В Чимкенте так и не зародилась жизнеспособная секция, а вот в равнинном городе Целинограде - пожалуйста! Как-то в Целиноградском клубе попала на глаза карикатура: "Идут соревнования горныых туристов!" Среди плоской, как стол, равнины стоит озадаченный судья и смотрит на небольшую кучу земли, на вершине которой гордо высится табличка: "Гора".

Нет гор, нет пещер, и тем не менее в Целинограде возникает секция спелеотуризма. Начало ее деятельности относится к 1982 году, когда первые спелеотуристские вылазки целиноградцев возглавил Иван Евгеньевич Манин. Два года спустя участник тех походов весельчак-гитарист Валерий Велижанин переходит на работу методистом по спорту объединения "Целингазификация". Спелеологи получают в распоряжение спортзал и помещение для сборов в одном из подвалов. Дела пошли веселее.

Размышляя над проблемой занятости молодежи, над привлечением ее к общественнополезному заполнению досуга, мы как-то забываем, что для этого нужны условия. Хотя бы элементарные. Прежде всего - помещение, хоть подвал, где можно собираться не с 9 до 18, а в любое время. Неформальные объединения, подобные секциям и клубам туристов, альпинистов, спортсменов, спелеологов притягивают подростков, более взрослую молодежь. Если есть костяк увлеченных людей - "мясо" нарастет. Порой приходят просто от нечего делать: материться в подворотнях противно, а податься некуда. В престижные секции не пробьешься, на платные - нет денег, в остальных - до тошноты заорганизованно и бесцветно.

Но нет. Нет поддержки нашим клубам и секциям со стороны властей и меценатов. Нет помещений, даже подвалов. И выживать с каждым годом становится все труднее.

Получив пристанище, целиноградцы резко пошли в гору. В апреле 85-го на первых в Казахстане соревнованиях по спелеотуризму, проведенных в Усть-Каменогорске, Целиноград представляет команда, ставшая впоследствии костяком ее спелеоклуба "Лабиринт": Валерий Велижанин, Сергей Вержанский, Валерий Жуков, Вячеслав Коробко и Елена Тычина. Позднее приходит Игорь Шкитин. В Усть-Каменогорске целиноградцы впервые видят вертикальное снаряжение, которое по возвращении стараниями мастера-универсала Сергея Вержанского начинает появляться в клубе. Команды целиноградских кейверов проводят самостоятельные экспедиции в Кутук-Сумган, участвуют в республиканских поисковках на Улучуре, выезжают с усть-каменогорцами на Саяны. Сергей Вержанский участвует в составе сборной команды Казахстана на Всесоюзных соревнованиях в Свердловской области на реке Исеть в 1989 году, участвует с восточно-казахстанцами в экспедиции 1990 года в глубочайшую пропасть Евразии - Пантюхинскую.

Были бы люди - пещеры найдутся!

* * *

А вот в Джамбуле, где тоже совсем рядом обильные пещерами хребты Каратау, дело не сложилось. В экспедиции 79 года на Боролдай принимали участие джамбульцы Анатолий Иванович Иванов и Александр Литовка. Позднее появился Виктор Колегов, начавший было заниматься с молодежью и участвовать в республиканских спелеомероприятиях. Но... Кто уехал, кто

предпочел личные интересы неблагодарному занятию вспахивания спелеоцелины. Также и Павлодар, где слабой звездочкой мелькнул на небосклоне казахстанского кейвинга Николай Харьковский.

Иное дело - Актюбинск. И снова во-главе упорный, в чем-то жесткий лидер - Влалимир Федянин. После республиканской экспедиции 80 года на Боролдай, где принимали участие представители почти всех перечисленных городов Казахстана, бывший спортсмен, альпинист Владимр Федянин увлекся спелеологией. Пещеры потянули цепко и властно. Как всякому конструктивному лидеру, Федянину мало было радоваться в одиночку. И он принялся за создания коллектива единомышленников. Результаты его работы не замедлили сказаться - в уже описанной выше экспедиции в пропасть Улучурскую - его первые воспитанники.

Вспоминаю нашу с Федяниным встречу на Сумгане в августе 83-го. Экспедиция закончена. Мы уходим. В который раз уходим, не зная, вернемся ли.

Как нарочно, с утра прояснело небо. Вчера, выходя из отверстого жерла пропасти, мы умывались небесным душем. Плотные струи дождя совсем по-кавказски хлещут мокрую землю. Страхующие и дежурные у костра не снимают зеленой резины гидрокостюмов - диковинными лягушками смотрятся они среди березок!

И надо же - с утра солнце! И Сумган улыбается нам на прощание. Я не спешу. Ведь это только начало расставаний. Скоро уедут по своим городам новые и старые друзья, и мы едем, унося в себе нестихающую горечь разлуки.

Как красиво вокруг! Мы смотрим в сумрачный зев Пропасти, поманившей нас мимолетной удачей. Нет сил отрваться, шагнуть прочь. Отойди - все канет, рухнет, и нет сил, чтобы удержать. Останется лишь память. Память умирает только тогда, когда умираем мы.

-

Когда-то в августе все было так обычно:
И запах трав, и скалы над Сумганом,
Что вниз уходят, сумрачно набычась,
И мы - толпой стоящие у края,
И мы - поющие под вторящее эхо!
И мы - по горло в глиняном сифоне!
Усталость, сном смыкающая веки,
И гул реки - прекрасней всех симфоний!
Все было, было, было, было, было!
И кануло... И только тут, очнувшись,
Мы поняли - чего сейчас лишились,
В бесславье дел вседневных окунувшись.
А мы - поющие под вторящее эхо,
А мы - сквозь глину рвущиеся к цели,
Остались там - в сверканьи глаз и смеха...
Там, в августе, далеком и бесценном. (*95)

-

Время идти. Мгновения молчания, удар каской о край пропасти. Мы еще вернемся. Ребята цепочкой потянулись с Южной площадки. Остаюсь один. Спиной ощущаю чей-то взгляд - цепкие глаза Володи Федянина:

- Право последнего?

Да. Мне просто надо побыть наедине с Сумганом.

- Шеф прощается... - щелчок затвором фотоаппарата.

* * *

С тех пор мы не виделись. Но актюбинский клуб спелеологов "Азия", позднее переименованный в "Пилигримм" продолжал восхождение к вершинам кейвинга. Проводятся экспедиции в классические спелеорайоны Крыма, Кугитанга, Южного Урала. Перебирается в Актюбинск усть-каменогорский спелеолог Ербол Курмангалиев, Федянин начинает пригядываться к Кавказу.

И можно быть уверенным - доберется.

Если не вмешается в нашу жизнь нечто, сильнее нас...

К Е Й В И Н Г - П О Л И С Н А В О С Т О К Е.

-

Говоря о Казахстанском кейвинге, мы должны сказать о себе. Хотя бы потому, что мы кое-что сделали за эти годы, о чем не стыдно рассказать.

* * *

"Разложенные на снегу веревки, вбитые в скальный гребень крючья, серьезные лица ребят - все залито солнцем. И странно смотрятся в этом ослепительном сиянии фонари на касках штурмовой группы, которая, в случае удачи, должна уйти вниз вслед за мной.

Группа спелеологов областной станции юных туристов ведет поиск пещер в скалистом ущельи недалеко от села Горная Ульбинка. Это черное "окно" пещера в 50-метровом отвесном утесе хорошо видно снизу из ущелья. Но сейчас оно закрыто скальным выступом где-то под нами.

- Страховка готова?

- Готова!

Эти ребята еще не видели пещер. Сказочный мир подземных дворцов знаком им лишь по фотографиям и слайдам. И вот - первый поиск! Что же там, внизу, за черным манящим "окном" пещеры?

- Пошли!

Склон становится все круче. Шуршит страховочная веревка, защелкнутая карабином на груди. И вот отвес. Где-то внизу темно-зеленые свечки пихт на голубоватом снегу, маленькие фигурки наблюдателей из вспомогательной группы. Отталкиваясь ногами от стены, скольжу вниз вдоль скалы. Небольшой траверз влево, и я у входа в пещеру. Отстегиваюсь от страховки, включаю фонарь, но... Ход через три-четыре метра обрывается тупиком.

Первый поиск и - первая неудача. Их еще много впереди. Но бу дут и находки, будут удачи."

Складываю газету. Неужели это когда-то было? И мы, в коротких штанишках. робко заглядывающие в таинственный мир кейвинга? Маленький кружок юных спелеологов при станции юных туристов в городе Усть-Каменогорске.

23 октября 1978 года считается датой возникновения спелеологии в Восточном Казахстане.

* * *

Каждый, кто начинает работу со школьниками в надежде создать боеспособный коллектив, обречен на успех, если будет соблюдать определенные правила работы. Я не оговорился - именно, обречен. Школьники-подростки - благодатный материал, несмотря на всю их внешнюю неподатливость и независимость.

Но прежде всего надо запастись терпением: сначала года

два-три, чтобы обучить необстрелянную молодежь, потом годик сносной работы, когда уже, вроде бы, начало получаться, и... пошел отток выпускников секции в армию и институты. И еще два годы вы теряете и теряете лучших бойцов. Вы пишете письма и получаете конверты с армейскими треугольными печатями. А набор идет за набором, потому что ваша секция несет непрерывные потери и без новичков ей просто не выжить.

Многие приходят, чтобы через несколько занятий и тренировок навсегда покинуть секцию. Одним не нравится - и это понятно: ребята только еще ищут свое место в жизни и пробуют все подряд. Других не пускают родители, третьи не могут уяснить и усвоить необходимую дисциплину, и с ними приходится расстаться. Горы не любят разболтанности. Тем более - пещеры. А тут еще кажется, что все против вас. И правила проведения походов с учащимися, не допускающие в вертикальные пещеры "детей" младше 16 лет. Но как быть, если во всем Казахстане нет ни одной сколько-нибудь приличной горизонтальной пещеры? Ездить в другие республики? Здесь начинаются другие проблемы. И прежде всего - финансовые.

Но и без финансов - проблем через край. У нас даже появилась как-то горькая поговорка: "Нет лучшего способа загубить дело, чем пустить его официальным, легальным путем."

Никогда не забуду, как "зарубили" нашу вторую спелеоэкспедиция со школьниками в Красноярский край. Даже в Москву летал за разрешением. Не помогло. Единственный ключ к заартачившемуся чиновнику - взятка. Но наука о штурме пещер и пропастей этим приемам не обучает. Так что пошел по официальному пути - не удивляйся. Пошел по нелегальному - не удивляйся вдвойне! Чего только не предстоит вынести на своих далеко не железных плечах руководителю спелеологических походов с учащимися!

Срыв экспедиции - которую ждали, в которую верили, видели во снах, - тяжело бьет по всему делу, по ребятам. Пропадает вера в слова старших, в возможность чего-либо необычного в этом привычно-сером мире, чего-либо выходящего за узкие рамки дозволенной повседневности.

После прихода в секцию новичков, главное - дотянуть команду до первого хорошего похода. Попавшие в такую поездку практически всегда остаются в секции надолго. Напротив, после неудачи жди резкого спада активности, массового ухода из секции.

Груз на плечах руководителя велик, одна из его основных составляющих - отсутствие права на ошибку. Это, конечно, абсурд, но это так. Человеку свойственно ошибаться. И так или иначе, ошибаются все. Руководители походов со школьниками не любят говорить о своих ошибках. Могут последовать оргвыводы, не дадут денег на следующую поездку. пропадет весь труд. В результате каждый из нас в одиночку проходит свой путь. Не зная чужих ошибок, легче ошибиться самому.

Встающий на этот путь должен знать, что его ждет. Ты тащишь теоретические занятия и тренировки. По воскресеньям - выезды на скалодром и походы. Хорошо, если еще нет семьи.

Вы - в замкнутом кругу. Вы не можете прервать этот монотонный процесс. Перерыв в занятиях и тренировках - это практически всегда потеря с таким трудом собраных ребят. И тут же - другая угроза - ревизоры. О, сколько крови портят тренерам эти проверяющие всех уровней и мастей! Приходят на

занятия некомпетентные в твоем деле люди, считают детей по головам, как баранов. У вас должно быть пятнадцать человек в группе. А на занятии - двенадцать. Почему? Зря зарплату получаете, молодой человек! Ах, у вас в другой группе тридцать? Это нормально. Но доплаты не положено - у вас ставка кружковода.

А лучшие ваши ребята все уходят и уходят от вас, и кажется, что еще немного, и не выдержишь, и плюнешь на всю эту административную нервотрепку.

Запомни, коллега. Только через пять-семь лет забрезжит свет в этом утомительном занятии. Это когда начнут возвращаться.

Я помню их всех - четырнадцать участников нашей первой экспедиции в пещеру Караульную под Красноярском в марте 79-го. Сергей Новоселов и Дима Запольский, братья Олег и Володя Шишенко, Сережа Ипатов и Володя Беляков, Марина Рыбакова и Оля Григорьева, Лена Грядунова, Оля Капустина, Лена Снежурова, Ира Созинова и Игорь Кадоркин. И мы со вторым руководителем Валентином Володиным, ранее занимавшимся спелеотуризмом в Красноярске. Наш рекорд глубины - -55 метров. Лиха беда - начало!

До января 1984 года Усть-Каменогорский спелеоклуб назывался "Кальцит" - сказывались сибирские мотивы, навеянные четой томичей Володиных. Постепенно в секцию стягивались новые силы. Вместо быстро ущедшего Валентина, появляется очень яркий человек и надежный товарищ Шынгыс Габбасович Дюйсекин. Деятельная натура, мастер на все руки, Шынгыс увлекся спелеологией в возрасте 31 года, в числе первых получил инструкторское звание, оказал огромную помощь в обеспечении клуба самодельным снаряжением. Его руки творили любую железяку с качеством, непривычным для нашей повседневности. То, что сделано Шынгысом, - надежно! Это знали все.

Шаг за шагом "Кальцит" выдвигается в лидеры республиканского кейвинга, на фоне слабеньких спелеосекций других городов Казахстана. Через пять лет после возникновения - наступает долгожданный качественный скачок. Летом 1983 года пятерка усть-каменогорцев под руководством Дмитрия Запольского участвует в башкирской экспедиции на хребет Алек. Впервые имена легендарных пропастей - ТЕП, Заблудших, становятся реальностью. Дно этих пещер, кроме Димы, увидели Александр Ван, две подружки Ирины - Фефелова и Неверова и Оля Капустина, за спокойствие и безотказность в работе получившая уважительное прозвище - Дядя Оля. Это еще не наша экспедиция, но наши люди уже заглянули в глубину.

И - августовская, 83-го года, экспедиция в Кутукское урочище. Впервые Усть-Каменогорск в роли республиканского лидера собирает под своими знаменами представителей клубов Казахстана. Здесь Толмачев, Шакалов, Федянин. Прямо на Урал прибывает с Кавказа команда Запольского. Экспедиция удалась.

После того сезона клуб меняет свое название. Многолетние исследования пропасти Кутук-Сумган становятся побудительным толчком, лейтмотивом. Усть-Каменогорский спелеоклуб принимает название - "Сумган".

* * *

1985 год - год свершений. Чего только не происходит в этом замечательном году! Замечательном, тяжелом и безусловно переломном во всей мировой истории. Не только спелеологи-

ческой, в отношении советского кейвинга - в этом году началась историческая Перестройка советского строя.

Тогда мы не знали еще, что будет, но чувствовали: 85-й - это взрыв, качественный скачок.

Зима пришла морозная. Алтай стонал от холода, в Бийске прервались занятия в школах, не хватало тепла. В такой обстановке наша январская экспедиция в алтайские пропасти казалась сплошной авантюрой. Можете себе представить, каково после 100-процентной влажности пещеры выйти на 40-градусный мороз? Кто пробовал - поймет наши опасения.

И все же мы идем! На душе празднично, и легко ложатся на бумагу строчки:

-

Наш поезд вдаль бежит,
Качаясь, как качели,
И солнышко в окно
Так ласково глядит!
Мы едем - не грустим
На целых две недели:
Едва открыт блокнот
Алтайского пути (*96).

-

Листаю потертые странички экспедиции "АЛТЭКОЛ-85".

... Бабульки в валенках, в платках по брови, разворачивают в вагоне нехитрую снедь.

- О, ты по-богатому ездишь.
- Чтой-то?
- С горчицей!
- Какая горчица? Лекарство!

-

Избушки все в снегу,
Березки, сосны, ели
Сменяются в окне -
Не отвести глаза!
И едем мы в тайгу
На целых две недели:
Там ждет нас в зимнем сне
Алтайская краса!

-

А ведь похоже, теплеет. Протаянные пятна на окнах больше не затягивает ледком. Окна в этом поезде на удивление чистые. Ребята, забившись в одно купе, играют в "слова".

- Называем животных на "в". Начинай, Оля.
- Волк.
- Лена?
- Варан.
- Бондаренко?
- Вобла!

Олег Бондаренко занят. Он одновременно с игрой экзаменует Ержана на знание узлов.

- Завяжи "восьмерку".
- Сейчас, - Ержан вяжет узлы вслепую за спиной.
- Завязал?
- Завязал.
- Покажи.
- А в какой руке узел?

-

Мороз нас пропустил, но его следы мы видим на каждом шагу. На мосту через Катунь ветерок-потяга. Под мостом - лед. Сковал белый панцирь горную реку. Лишь местами на быстрине - иссиня черные полыньи. В их невероятно прозрачной глубине вижу диковинные жемчужные шары. Ба! Да это донный лед! В книжках читали, а чтоб увидеть живьем!..

Зимний кейвинг на Алтае - это снег и лыжи, это голые лиственницы на пологих хребтах, это уютные одинокие избушки на месте некогда многолюдных деревень. И эти таежные места не миновала большевицкая политика: вымерли деревни. От многих остались лишь названия - Устюба, Камышла. Народ стянулся с обжитых мест в города, в большие поселки, поближе к трактам.

"Впервые за шесть лет со времени возникновения спелеотуризма в Восточном Казахстане экспедиция усть-каменогорцев достигла 200-метровой глубины в пещере Алтайская. Следующая пещера - Экологическая. Штурм ее до отметки -200 метров занял в общей сложности 28 часов."

Так писала областная газета "Рудный Алтай", а мы возвращались счастливые. И лыжи пели под ногами.

-

Тронул дымкою горы
Голубой снегопад,
И теперь уже скоро
Мы вернемся назад.
Льдом одетые речки
Будем видеть во снах.
Устюбинка, до встречи!
Ты меня вспоминай! (*97)

-

С каждым накатистым шагом по лыжне, с каждым толчком палок мы ближе к дому. И кажется, что никогда не было пещер, нашего сурового и мрачноватого мира. Так бывает всегда. Мы уходим в пещеру, а дома остаются те, кто ждут нас и беспокоятся. Кейвинг - безусловно экстремальный вид человеческой деятельности. Не только по природным и климатическим условиям, в которых приходится работать, не только из-за всепроникающей ледяной воды с ее вечной (кроме зимы) угрозой паводка и затопления. И не из-за умозрительной возможности заблудиться, сорваться, "поймать" камень на каску. Все это только потенциальные опасности. Реализуются ли они - на 99 процентов зависит от самого человека. Возможно, в этом и прелесть кейвинга - в возможности сохранять контроль над потенциально опасной ситуацией, силой разума и технической подготоленностью нейтрализовать агрессивные факторы.

-

Не тревожься, родная,
Вспоминая меня,
Мы прошли сквозь завалы,
Шкуродеры кляня.
До свиданья, Алтайка!
До свиданья, Кек-Таш!
До свиданья, простая
Этих мест красота!

-

Современные научные исследования ставят кейвинг в ряд с экстремальным видами человеческой деятельности и в плане

психологических нагрузок (*98). Сложные спелеоэкспедиции проходят под гнетом полного спектра психотравмирующих факторов. Вот их перечень.

Монотонность. Мощный поток раздражителей, воздействующий на наши органы чувств на поверхности земли, в пещере резко ослабевает. Холод, темнота, желто-черный спектр цветов, вода и скалы. Шум воды, шарох комбинезона о камень, лязг снаряжения. Под землей происходит изменение афферентации - характера сигналов, передаваемых от тканей к центральной нервной системе, со стороны вестибулярного и опорно-двигательного аппаратов, так как способы передвижения по подземному рельефу весьма отличны от привычных нам на земле.

Рассогласование ритма сна и бодрствования. Это беда подавляющего числа экспедиций. Неритмичность работы, обусловленная тактическими соображениями или в результате слабой подготовленности, сверхдлинные периоды работы с последующим длительным восстановлением сил - все это усугубляется отсутствием внешних признаков смены дня и ночи в вечном мраке пещеры. В организме человека известно около 300 процессов, подверженных суточной периодичности. Наивно полагать, что их можно запросто, в течение пары недель, волевым порядком перестроить, тем более приспособить к постоянно меняющемуся ритму подземной работы. Такое рассогласование внешних и внутренних ритмов неизбежно ведет к истощению нервной системы и развитию неврозов.

Изменение восприятия пространственной структуры. На поверхности земли все предметы воспринимаются на фоне пространства, богатого разнообразными ориентирами. В пещере все иначе. Луч налобного фонаря, совмещенного с точкой зрения, рождает видимую картину, лишенную теней, облегчающих стереоскопическое восприятие рельефа. (Невольно подкрадывается улыбка: "Когда кругозор человека сужается до минимума, он говорит: "Моя точка зрения!" Или: "Круг его интересов был ограничен лучом его налобного фонаря!" Шутки шутками, но физическая сущность фразы в достаточной степени соответствует реальному положению вещей при движении по пещере.) В результате многие из нас помнят сложности, испытываемые порой при визуальной оценке глубины отвесов и высоты стен: иногда так и хочется спрыгнуть с "небольшого" уступчика, который наповерку оказывается в два-три раза глубже. (И снова улыбка: "Чем отличается прыжок с двух метров от прыжка с двадцати? С двух метров: Бум! - А-а-а! С двадцати: А-а-а! - Бум!") Длительная работа на вертикалях тоже вызывает особые ощущения, измененное восприятие окружающего пространства. Помню, как в пропасти им.Илюхина на Арабике на подъеме по 46-метровому колодцу, я некоторое время висел и тупо соображал, почему срывающиеся с карниза надо мной капли падают вниз не отвесно, а как-то под углом, будто из перспективы. Мы не говорим уже о спелеоподводниках, работающих уже и вовсе в сверхсложной среде, сочетающей признаки невесомости и воздействие изменяющихся гравитационных полей, и все это - часто при нулевой видимости из-за взмученной ластами воды.

Сложности в адекватной оценке окрыжающего пространства вызывают повышенную эмоциональную напряженность, приводя опять-таки к развитию разнообразных неврозов.

Ограничение информации. В обычной жизни на нас непрерывно низвергается поток разнообразнейшей информации, которую

можно условно разделить на три основных вида: личную - информацию ценную для узкого круга родных и друзей, специальную - имеющую ценность в пределах формальных общественных групп, и массовую. В экспедициях - этот поток превращается в слабенький ручеек, почти пересыхающий в пещере. Наслаждение информационным вакуумом первых дней жизни в горах, постепенно сменяется болезненным ощущением неосознанного информационного дискомфорта. Ученые пришли к выводу, а мы испытали на себе, что длительное ограничение в обычной, но личностно-значимой информации может вызвать у человека неврозоподобные состояния и даже выраженные неврозы (*99). В обиходе это определяется емким понятием: "Тянет домой".

Одиночество. В пропасти каждый сам по себе. Один на один с пещерой. Где-то сзади и спереди идут товарищи. Но ты - все-таки идешь сам, один, отделенный от них колодцами, уступами, навесками, перегибами меандра. И только мысли аккомпанируют тебе в этой дороге. Не редко и действительно одиночество - на маршруте при сольных бросках, задуманных или вынужденных, в лагере на дежурстве, да мало ли! Длительное одиночество неизбежно приводит к определенным и не всегда положительным изменениям в психической деятельности. Особенно это сказывается в спелеонавтике - пусть добровольных, но длительных заключениях под землей.

Групповая изоляция. Это удел всех малочисленных экспедиций и групп при работе в горах и пещерах. Подобные ситуации прекрасно описаны еще Джеком Лондоном. И здесь на первый план выступает проблема психологической совместимости членов команды. Конфликты на подземных тропах, вызванные не только особенностями характеров участников предприятия, но и самим фактом групповой изоляции - не редкость. Не только в кейвинге - история всех экстремальных видов человеческой деятельности знает множество примеров разнообразнейших конфликтов, порождающих зачастую тяжелые последствия, вплоть до человеческих жертв. Отсутствие возможности сейчас же, немедленно вернуться на поверхность, сойти с маршрута, вернуться в привычные условия - исподволь давит на сознание. Залогом удачи или поражения любой экспедиции лежит решение проблемы подбора не только соответствующего по квалификации, но прежде всего малоконфликтного состава. Малоконфликтного, потому что абсолютно бесконфликтных групп не бывает. Все дело в умении находить компромисс, взаимоприемлемый выход из конфликта, не допустить его необратимого развития.

И завершает список психотравмирующих факторов угроза для жизни, которую, хотим мы или нет, но с той или иной степенью постоянства ощущаем на подземных маршрутах.

Все перечисленные факторы воздействуют на кейвера с той или иной степенью интенсивности. Если экспедиция правильно спланирована и организована, часто и в голову не приходит, что они существуют. Память человека удачно устроена - нам свойственно забывать о неприятностях, трансформировать восприятие об удачно преодоленных трудностях, испытаниях, из которых удалось выйти с честью. Поройтесь в памяти - дороже всего воспоминания о самых трудных минутах...

* * *

...Лыжня скатывается в ущелье, вьется между сосен и лиственниц, перепрыгивает через замерзшую речушку, парящую редкими полыньями.

-

Снег пройдет и расстает,
Ветры кличут весну,
И меня ты, родная,
К этим дням не ревнуй.
Там в меандрах и щелях,
И в колодцах без дна -
В самом сердце пещеры
Я тебя вспоминал.

-

Жаль, что ты не видишь всего этого! Ущелье круто разворачивается вправо, уступом срывается вниз. Какие же должны были быть морозы, чтобы заковать в ледяную броню этот водопад! Где-то в глубине отвесной ледяной колонны шумит вода, падая с высоты в черное озеро с метровой высоты закраинами льда. А впереди - на сколько хватает глаз - заснеженная долина Катуни в бархатной зелени сосновых боров. Через пару сотен метров канет в Катунь речка Камышлинка и покатится к океану, вспоминая свой ледяной водопад.

-

Тают искры снежинок
На горячем лице,
Солнце бьет по прижимам
Сквозь ущелья прицел.
По лыжне прихотливой
Вниз уходит наш путь.
Камыышлинка, счастливо!
Ты меня не забудь!

* * *

Месяца не прошло после возвращения алтайской экспедиции, как на Кавказ отправляется команда Олега Шишенко. В ее составе тройка: Александр Ван, Николай Петров и Юрий Литвинов первыми перешагнули 300-метровую отметку, достигнув донного сифона пещеры Географичческая на хребте Алек на глубине -310 метров. Отдельные спелеологи из Усть-Каменогорска к тому времени побывали и на больших глубинах. Но в том-то и дело, что в феврале 1985 года трехсот метров достигла самостоятельная экспедиция восточно-казахстанцев. Успех был закреплен спуском в пещеру Осенняя до ее слияния с Назаровской - еще -310 метров!

Вернулись счастливые и измученные алекскими снегами кавказские рекордсмены, а уже намечается следующая мартовская экспедиция. На этот раз - в пещеры хребта Кугитангтау, в Туркмению, чтобы пролить свет на чудеса с "пещерой Мумий", шум вокруг которой был поднят всесоюзной газетой "Труд" на исходе предыдущего года, изо всех сил обеспечивающей свою подписную компанию (*100).

Из морозов и влажных снегов Западного Кавказа - в теплый среднеазиатский март.

- Скажите, Холмс, вы не знаете, почему здесь так жарко?

- Элементарно, Ватсон, - Ташкент!

Стоит прищурить глаза, и будто из вчера наплывает томный мотив "Кугитангского танго".

-

Здесь в каньонах крутых
Слышен гул камнепадов.
Примеряет весна

Разноцветья наряд.
Светлой дымкой мечты
Затуманит нам взгляды
Кугитанг, Кугитанг -
Наш чарующий март.
Кугитанг, Кугитанг,
Твои алые маки
Будем мы вспоминать,
Возвращаясь в апрель.
Эй, дружок, перестань!
Мы забудем едва ли,
Как шальная весна
Приоткрыла нам дверь...(*101)

-

Пещеры и мумии Кугитанга заслуживают отдельного повествования. Из маков и тюльпанов Туркмении не хотелось возвращаться в снега Рудного Алтая. Но подступал апрель, и новое дело требовало напряжения сил всего клуба. Мы проводили первые в Казахстане открытые областные соревнования по технике спелеологических исследований. В Усть-Каменогорск съехались команды и представители Алма-Аты, Целинограда, Джамбула, Актюбинска, Лениногорска и Белоусовки. Два дня жарких "сражений" на скальных дистанциях принесли победу хозяевам соревнований. примечательно, что третье общекомандное место на этих соревнованиях заняла команда спелеоклуба "Вертикаль" поселка Белоусовка Восточно-Казахстанской области. Клуб "Вертикаль" - явление в Казахстанском кейвинге неординарное.

* * *

Белоусовский кейвинг неразрывно связан с именем Юрия Дмитриевича Бессергенева.

В который раз убеждаешься: есть человек - будет и дело. Без лидера, берущего все на себя, не боящегося работы и ответственности - ничего не получится. Что такое Белоусовка? Небольшой шахтерский поселок городского типа в часе езды от областного центра. Но появился в Белоусовке Юрий Бессергенев. Непоседа и мастер на все руки. Три его самодельных трактора трещали движками, распахивая огороды соседям да таская тележку со школьниками и их снаряжением на скалодром у горы Гребенюшка: так вертикальцы ездили на тренировки. Учитель труда местной школы, Бессергенев хороводил детвору, водил их в туристские походы. И снова - пацаны-школьники. Именно они составили, как некогда в "Кальците" костяк бессергеневского детского туристского клуба "ЛВС". ("Ловкие, Веселые, Смелые", немного смущаясь, пояснял Юра на туристских сборищах в городе, где белоусовцы сразу же заявили о своих серьезных намерениях, потеснив с призовых мест иные именитые клуба взрослых туристов).

Юра водил в походы по родному краю своих питомцев, а сам уже задумывался, чем бы заняться посерьезнее. Поэтому он с живостью откликнулся на предложение включиться в спелеологические исследования в контакте с клубом "Сумган". Белоусовский клуб получил новое название "Вертикаль" и принялся перевооружаться. Результат превзошел все ожидания. На первых казахстанских соревнованиях бессерегеневцы обошли все секции и клуба республики, кроме своих земляков и побратимов из Усть-Каменогорска.

После ряда поисковых и разведочных вылазок на Горный Алтай, в 89 году "Вертикаль" проводит крупную и технически сложную самостоятельную экспедицию на Арабику, где вместе с москвичами и бельгийцами успешно штурмуют очень непростую кавказскую пропасть имени В.Илюхина - рактически километр до "сухого" дна. Это ли не показатель уровня, не критерий успеха? Как сравнить маленькую Белоусовку с крупными городами, вроде Караганды, Чимкента, да и с другими, которые так и не смогли подняться на высший уровень в кейвинге? Казалось бы и снабжение лучше, и информации больше, и интеллектуальный уровень повыше - студенты, специалисты, институты и т.п. Оказывается, не в этом соль. В Белоусовке есть лидер! И живет клуб, сотни мальчишек и девчонок проходит через него, соприкасаясь с красотой Природы, направляемые добрыми руками человека без высоких званий, постов, достатка - Юрия Дмитриевича Бессергенева.

* * *

Только отерли пот своих соревнований - подступил май. А вместе с ним отъезд сборной Казахстана на 2-й Всесоюзный слет туристов в Яремче, на Карпатах. В этой сборной, кроме представителей "Сумгана", только алматинец Саша Шакалов. Сколько раз в этом году мы встречали весну? На Кавказе, в Туркмении, дома... Что касается Карапт, то там уже властвовало лето. Турбаза "Гуцульщина", гостеприимно разместившая слет, купается в хвойной зелени. Здесь же, на скалистых берегах Прута, состязаются туристы всех мастей. Только спелеологи живут на выселках - в пионерском лагере "Огонек" на окраине Яремчи. И скалы наши в такой дали, что и участникам добраться нелегко, не то что зрителям. Спелеотуризму, при случае, всегда напоминали о его месте в системе самодеятельного туризма - со свиным рылом, да в Калашный ряд!..

Нет худа без добра! Каждый день, поднимаясь к месту соревнований, мы проходим тропой, проложенной по заросшим ельником линиям австрийских укреплений времен 2 Мировой войны. И через десятки лет из этих оплывших сооружений проступает тщательность, с которой были выбраны места расположения пулеметных и пушечных дотов, рассчитаны и расчищены сектора обстрела. Вот с этого бетонного бункера, как на ладони, - мост через Прут. И становится страшно. Неужели здесь можно наступать? Наступать и победить? Чтобы мы могли беспечно штурмовать свои пещеры? Сможем ли мы когда-либо оценить, что сделали для нас наши родители, деды и прадеды?

* * *

Осталась под крылом самолета Молдавия, Карпаты, Яремча. Промелькнула цветной картинкой Москва. И снова весна - которая уже весна этого буйного 85-го?

Алма-Ата, Джамбул, необычно зеленые горы Каратау,дороги, дороги... Майская экспедиция "Боролдай-85". В ее составе геологи Казахской Академии Наук. Даже республиканский спелеошеф - Володя Толмачев, с нами. Ведь мы собираемся углубить Ленинскую!

Только удачных экспедиций не бывает. Линия жизни всегда здорово смахивает на синусоиду. "Ленинская-85" - это загадка, недоступная мне до сих пор.

После наших раскопок в октябре 1979 года, Толмачев все время помнил о Ленинской, которая продолжалась неизвестным колодцем за гротом Рудокопов и узостью под названием

"Женская грудь". В ноябре 1982 года, повинуясь неведомому порыву, Толмачев буквально дарит Ленинскую свердловчанам, поведав им о найденных нами перспективах. Те, не долго думая, отправляются на Боролдай, расширяют и проходят узость, за которой следует прекрасный 80-метровый колодец. Ленинская, по их сведениям, дает -160.

Просматривая письма того периода, я обнаружил, что знал об успехе свердловчан в Ленинской еще до нашей экспедиции 84-го, а тем более 85-го, года. Но за год до описываемых событий происходит удивительная вещь.

Летняя экспедиция "Боролдай-84". Мы спускаемся в Ленинскую. После узостей первых 45 метров протискиваешься через узкий вертикальный калибр и за наклонной катушкой попадаешь в просторный 80-метровый колодец. Только попав в его огромную трубу, понимаешь, что стоило рваться через завал, чтобы увидеть такое пещерное великолепие! Все 80 метров спуска проходят вдоль гладкой стены, разбитой на три части крохотными уступчиками. И вот - дно. Но пещера не кончается. Небольшой подъем на глинистую полку, и в углу - новая щель, за которой, похоже, еще один, не менее приличный, отвес.

Спуститься в него не хватило веревки. Я висел на конце последней веревки в пустоте среди колоколом расходящихся стен и вглядывался в кромешный мрак под собой. Справа внизу призрачно поблескивал то-ли какой-то уступчик, то ли озерцо. Но слева - черная пустота, и все. Ничего не видно.

Пришлось выходить на верх щели. Что же там, внизу?

Произвожу нехитрые вычисления. Так, до верха 80-ки - -45 метров, плюс 80 метров колодца, получается 125 метров. Веревка, на которой я только что висел имеет длину 30 метров. Значит, болтался я где-то на -150- -155. Так? И подо мной было не меньше 20-30 метров до того смутно видимого уступчика или озерка. Пещера явно переваливала за данные свердловчанами -160 метров! А ну как наши коллеги из СГС тоже не дошли до логического дна, но не отличаясь толмачевской широтой характера, решили до времени об этом не распространяться? Что ж, очень похоже на свердловские манеры.

Было от чего оживиться!

Испытанный способ прикинуть глубину - бросить в колодец камень и засечь время. Бросаю. Даю вслух отсчет. Раз-и-два-и...удар!...-и-удар!-и...-едва слышный гул затихающего падения. Нас над неизвестным колодцев двое с Олегом Смолинским. Мы не верим своим ушам: это же минимум 50 метров до первого уступа, потом еще уступ и еще...! Сколько же этот колодец?

С полчаса бросал я камешки в черную щель. И каждый раз раздавался загадочный перестук камня, уходящего на большую глубину по невидимым уступам. Пещера продолжалась!

Мы уезжали полные надежд.

Бросок с Карпат на Каратау был вызван стремлением решить эту задачу. Теперь-то, в мае 85-го веревок у нас было больше, чем достаточно!

И вот - Ленинская. Вход в ее воронку выглядит необычно, закрытый мощным слоем снега. И внутри все по-другому.

...Едва ступил на дно "восьмидесятки", сразу почувствовал - что-то изменилось. Майский Боролдай был засыпан снегом, и в пещере лило. Такой воды на Каратау мы еще не знали. Если на "восьмидесятке" только сильно дождило, то ниже, в

неведомый нам колодец, шумел настоящий водопад. Поэтому камень я припас побольше. Бросил, надеясь услышать волшебную музыку прошлого года, но... что это? Глухой удар о дно и больше ничего? Неужели?..

Колодец оказался один. 50 метров спуска в колоколе под мощным душем и приземление на покрытое натеком круглое дно. Вода, весело журча, уходит в узкую горизонтальную щель. Все!

Это было фиаско. Свердловчане спускались в этот колодец. Дальше не просочится и кошка. Нас ввела в заблуждение их ошибка в измерении глубины пещеры. Но не только. Что ж это были за галлюцинации с грохотом камня по каскадам?

Я не знаю этого до сих пор.

Зато какие были тюльпаны на плато! Таких не бывает и на лучших базарах. Не только алые - огромные желтые и черные цветы прятались по воронкам поближе к снегу. Потому что наверху уже вступал в силу Огнедышащий Дракон - Солнце.

* * *

А переломный 85-й продолжал раскручивать цепь экспедиций. Август. Под флагом "Сумгана" на Южном Урале собирается более пятидесяти кейверов из 14 городов СССР. Так мы отмечали 10- летие своих исследований в Кутукском урочище и пропасти Кутук -Сумган. Окрыленные успехом открытия галереи Фортуны двумя годами ранее, мы продолжали раскопки. Но неудачно. В конце галереи не удалось проткнуть мощную глиняную пробку, из боковой штольни, которая узким лазом уходит все дальше, нас вытеснила углекислота, концентрация которой из-за интенсивной работы и плохой вентиляции в этом даже достигла угрожающей концентрации - в забое гасли свечи.

Наступил сентябрь, и снова событие. Состоялся Первый областной слет спелеологов Восточного Казахстана. Снова - Первый! Сколько всего "первого" выпало на долю замечательного 85-го! Здесь, на слете был создан областной клуб спелеологов, объединивший единомышленников Усть-Каменогорска, белоусовского клуба "Вертикаль" и лениногорской "Радуги". Лениногорцы, возглавляемые Владимиром Константиновичем Кочетовым, дополнили трио городов Востока, где получил развитие кейвинг.

Так завершился процесс фактического переноса центра Казахстанского кейвинга на восток республики. Здесь образовались кадры спелеологов-любителей, не только численно, но и качественно превосходящие силы, насчитывающиеся во всех остальных ее регионах. Казалось бы, простейшая логика подсказывала мысль о необходимости переноса на Восток и формального центра республиканского спелеотуризма. Ан не тут-то было! Казтур- совет принципиально воспротивился. Невзирая на мнение спелеообщественности республики, поддержку Центральной спелеокомиссии в Москве, видимую прямую пользу для дела - наши предложения были отвергнуты, а лидеры Востока заклеймены. О пользе дела чиновники от туризма думали меньше всего.

Плетью обуха не перешибешь. Отношения с Казахским республиканским советом по туризму и экскурсиям серьезно ухудшились, что привело к тому, что через год восточно-казахстанский кейвинг в полном составе вышел из системы советского самодеятельного спелеотуризма. Но это было еще впереди. А пока шел 1985-й, насыщенный событиями до предела.

Подошел октябрь, и наш путь снова лег на Кавказ. На се-

минар Высшей спелеоинструкторской подготовки мы уезжали вдвоем с Шынгысом Дюйсекиным. Уезжали, еще не зная, что здесь, на Алеке, будет положено начало новой эры в советском кейвинге, открыть которую будет суждено нам - Восточно-Казахстанскому клубу "Сумган".

Не постесняюсь громкого слова - Эра. Как иначе назвать массовый переход от старых канонов советской спелеотехники к всемирно принятой технике одинарной веревки - SRT: Single Roup Techniques? Технике, подарившей нам доселе неведомое наслаждение кейвингом. И кроме всего прочего - возможность говорить с зарубежными коллегами на одном языке.

Тогда, в 85-м, никто из нас не знал, что через несколько лет, не только старая вертикальная спелеотехника - рухнет и развалится вся советская коммунистическая система, засыпав и едва не похоронив под своими обломками наше любительское спелеологическое движение.

А пока мы ехали на Кавказ, еще не ощущая ветра близких перемен, в которых и нам посчастливилось сказать свое слово.

II. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ.

==========

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД БЕЗДНОЙ.

==========

-

В ПОЛЗУНКАХ ПО МЕАНДРУ.

-

Человечество изобрело веревку задолго до того, как заинтересовалось подземным миром. Однако, стоя на краю уходящего в неведомую бездну карстового колодца и повизгивая от любопытства, мы долго не могли придумать, как бы туда спуститься.

Отправленные на разведку пленники с воплем исчезали из глаз, но обратно почему-то не возвращались, а значит, не могли удовлетворить законного интереса первобытных исследователей к этому чуду природы. Наконец, длительное почесывание в затылках вылилось, как водится, в идею.

К сожалению, имени того, кто первым принес к пещере моток веревки, история не сохранила. Весело посвистывая, изобретатель прикрутил один конец веревки к близстоящему дереву, второй скинул вниз, зажег факел, поплевал на ладони и... кое-что сообразил.

Видимо, тогда и были заложены основы лаконичного тоста исследователей пещер. Поднимая кружку хорошего виноградного вина после удачно завершенной экспедиции, кто-нибудь да скажет: "Выпьем за Чет!" И под звяканье сосудов другой бывалый рыцарь глубин шепотом пояснит заинтригованному новичку: "Чтобы число спусков в точности равнялось числу подъемов... своим ходом, желательно."

Спустился - раз, поднялся - два. Чет.

Вот с "четом"-то и получалась напряженка. Не штука разок спуститься по веревке, если к тому же не слишком глубоко. Подняться - вот проблема. И снова рука Человечества потянулась к затылку.

На одной и старинных гравюр привелось мне видеть замечательный сюжет: крестьяне погоняют вола, впряженного в опущенную в карстовый колодец веревку, на конце которой

примостился на досочке отважный исследователь. Что и говорить - весьма экзотическое и, надо думать, рискованное занятие.

Звонкий шлепок по лбу! А лестница? Тащите ее сюда. Что это она такая деревянная? И короткая больно... А тяжеленная-то! Та-ак, а что если...

И появилась веревочная лестница, а вместе с ней зародилась современная техника проникновения в вертикальные пропасти и пещеры.

Это уже потом придумали мудреные термины-аббревиатуры: ЛВТ - лестнично-веревочная техника, ВВТ - веревочно-веревочная, ТВТ - тросово-веревочная, ТТ - тросовая, ДТ - динамическая техника и т.п. А пока все просто - есть пещера, есть лестница. Желание есть? Тогда вперед!

Приходилось ли Вам, мой уважаемый Заинтересованный Читатель, подниматься по веревочной лестнице? А спускаться? Вы многое потеряли в жизни.

Виктор Николаевич Дублянский в своей замечательно книге "Вслед за каплей воды" описывает впечатления участника первой попытки спуска в Бездонный колодец. Есть такая замечательная пропасть добрых 160-ти метров глубиной на Чатырдаг-яйле между Симферополем и Алуштой. И впечатления были замечательные:

"Чуть ли не полдня ходили мы вокруг этой дыры, фотографировали, зарисовывали, все не решаясь спуститься. Наконец, надели на меня пожарный пояс с петлей, к руке привязали сигнальную веревку, на голову надели шлем, который применялся на войне против шрапнели, и я полез. Спускался по веревочной лестнице и, кроме того, меня поддерживали веревкой, привязанной к поясу. Скоро уже за выступами стало никого не видно, лишь кусочек неба над головой, темные поросшие мхом скалы известняка с зияющими трещинами, а внизу - черная манящая бездна. Лестница раскачивается, закручивается, а я, совсем-совсем маленький человечек, болтаюсь в разные стороны над еще бездонной дырой, ноги дрожат от усталости, сводит пальцы, руки совсем обессилели. Делаю привал в воздухе: просовываю голову под верхнюю ступеньку лестницы и, держась на шее, опускаю руки.

Долез до нижнего уступа; лестница кончилась, каната больше нет, и силы все вышли. Поддурживаемый веревкой, лежу на покатом уступе и стараюсь ослабить все мускулы, чтобы набраться сил для подъема."

Не только спуститься по такой лестнице или подняться на несколько десятков метров - дело, заслуживающее уважения. Дотащить ее до пещеры - вот где задача! Комфортабельные деревянные ступеньки, соответствующая пенька, и вот - вес этого сооружения достигает 700 граммов на метр. 10 метров такой лестницы весят 7 килограммов, а 100... При одной мысли начинает ломить поясницу.

Давно известно, что лень - двигатель прогресса. Подниматься по лестнице еще туда-сюда, вроде бы, логично. Но вот спускаться! Морока одна.

- Чего мучаешься? - удивился, глядя на спелеолога, по пути на свою вершину альпинист. - "Дюльферять" не умеешь? Ну, давай покажу.

Кто он был, этот человек по имени Дюльфер? Что любил, где жил, чего достиг? Имя его в среде восходителей и их кол-

лег превратилось в нарицательное: "дюльфер классический", "дюльфер через карабин", "дюльферная веревка. Все скрыто в пыли времени. Ясно одно - Дюльфер научил человечество обходиться без лестницы на спуске. В простоте это выглядело так: становишься лицом к веревке, пропускаешь ее между ног под бедро, перекидываешь через за спиной противоположное бедру плечо и там, где веревки перед тобой перекрещиваются, покрепче сжимаешь их в ладони. Получается, что сидишь как бы в петле, регулируя скорость спуска трением веревки о собственное тело. Устроились? Поехали.

Знаменитый венгерский спелеолог Ласло Якуч честно предупреждал, что классическим дюльфером "сидя в петле" более 20 метров спускаться не рекомендуется.

Кто учится на своих ошибках? Правильно. Умный предпочитает осмысливать чужие. Народная мудрость весьма скептически относится к умственным способностям лезущих в гору. "Умный в гору не пойдет..." Что уж говорить о спелеологах?

Так или иначе, но мне повезло: разобщенность спелеосекций, отсутствие полноценной информации, порожденная илюхинской эпохой в советском кейвинге, вынудили меня и моих товарищей по кейвингу пройти весь заковыристый путь развития вертикальной спелеологической техники. Мы начинали со спуска "сидя в петле" и поднимались способом "пруссика" на трех петлях со схватывающими узлами. Специалисты поймут, что раньше возникли разве-что ноевские спуски в пещеры на буйволовой тяге, как на той старинной гравюре. Подавляющему большинству пришедших в кейвинг позднее технические приемы вертикальной спелеотехники того времени известны разве что понаслышке.

Так получалось, что мы все время учились на собственных ошибках. Увы.

* * *

Многие замечательные спелеологи Москвы, Ленинграда, Одессы и других городов начинали свой путь к настоящим пещерам с катакомбизма - увлечением исследованиями искусственных катакомб, которые в изобилии встречаются в окрестностях этих городов. В Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге - это Саблинские катакомбы, в Москве - Сьяновские, Кисели, Силикаты, Никиты, Старицы, Лесные, всех не перчислишь, в Одессе весь город стоит на катакомбах. Не исключено, что наша катакомбистская группа "Фантом", выползавшая в начале 70-х из подмосковных лабиринтов на путь к большим пещерам, была одной из самых архаичных. Наши представления о вертикальной технике формировались под влиянием Ласло Якуча и собственного энтузиазма.

И вот - первая настоящая экспедиция к настоящим пещерам.

Лето над Южным Уралом 1975 года выдалось волшебным. Жара сумасшедшая, но ей не под силу высушить колдобины на лесных дорогах и пригасить зелень бездонных луж на глинистых колеях. Наша машина сломалась, не пройдя и трети пути. Обильно орошая лесную дорогу собственным потом, мы плетемся в Кутукское урочище. Со стороны картинка получается занимательная. На наших спинах невообразимого размера рюкзаки, в руках ледорубы, на ногах отриконенные горные ботинки. Привязанный к рюкзаку Рустэма котелок со свежеприготовленным шашлыком сочится маринадом.

И вообще, экипированы мы наславу. Взять хотя бы 20

метров лестницы, собственноручно изготовленной из брезентовых багажных ремней со ступеньками из стального уголка-тридцатки! Представляю, какой трепет наводили мы на местных пастухов, смотревших на нас, как на безумных.

Постепенно мы познавали арифметику спелеологических экспедиций. Отчаявшись в этот день доплестись до вгорячах намеченной цели, останавливаю пастуха на лошади:

- До Ташильгана далеко?

- Ташильган? Километра три-и, четыре...

- Нет, мы пешком, - вмешивается Рустэм, заподозрив неладное.

- Пешко-ом? О-о, тогда километров восемь, слушай, будет!

"Новичок - и этим сказано все, - обмолвился как-то Данила Алексеевич Усиков. - Но видеть новичка в пещере - достойного новичка в достойной пещере - это элексир для "старичков"! В то лето на Кутуке мы могли бы устроить настоящий санаторий для старичков от кейвинга - элексира было, хоть отбавляй.

Но вот мы в урочище, мы уже заглянули в ледяное жерло Кутук-Сумгана, мы поняли, что ничего не умеем. Но что-то надо делать, не отступать же! Одна из спелеологических заповедей говорит: "Нечего делать - чини свет!" Если сомневаешься - тренируйся. И вот, закованные в свои средневековый спелеологические доспехи, мы готовимся опробовать нашу технику на скалах недалеко от фермы Сумган.

Меньше всего в тот момент мы мечтали о зрителях со стороны. И конечно, они тут как тут. Вместе с нами в урочище работает еще одна группа из Москвы, носящая загадочное название "ипНАсг". Позже мы выяснили, что это означало - "Искатели Приключений на Свою Голову", но писалось зеркальной аббревиатурой: "ипНАсг". Итак, москвичи подходят, вежливо здороваются, с нескрываемым любопытством занимают места в партере. Зрелище предстоит захватывающее - сейчас я буду спускаться, "сидя в петле", в 30-метровую отвесную воронку под названием Каньон.

Прав был Якуч! На пятнадцатом метре спуска температура в области контакта веревки с моей пятой точкой нестерпимо возрастает. А тут еще стена приобретает отрицательный уклон, и я в позе "зю" зависаю в чистом отвесе. В конце концов изрядно поджаренный, но с чувством собственного достоинства, достигаю дна воронки. Теперь мне предстоит подняться. И только когда я начинаю подъем "классическим пруссиком", при помощи схватывающих узлов прицепив к основной веревке три петельки, одну из которых пропускаю подмышками, а в две другие вставив ступни, наши гости не выдерживают. Первым обретает голос Вовчик Свистунов:

- Ребята, а что это вы такое делаете?

Простим нашим добровольным зрителям их избалованность современными приемами спелеотехники. Но вы-то, конечно, поняли, мой Заинтересованный Читатель, что я пытаюсь сделать? Нет? Ну, оказавшись на дне даже самого скромного колодца, вам не пришлось бы долго теряться в догадках относительно цели своих дальнейших действий. Вас тут же заинтригует одна немаловажная проблема: как же теперь отсюда выбраться? По лестнице? Нет, лестница - это уже пройденный этап.

С грехом пополам научившись спускаться по веревке, наш троглофил озаботился двумя моментами - как бы сделать спуск

поприятнее, и как бы совсем отказаться, даже на подъеме от опостылевшей лестницы? И снова дело не обошлось без изобретателя, имя которого потомки перевели в разрад нарицательных. На смену лестнице пришел неуклюжий и архаичный, но принципиально новый способ подъема - способ Пруссика. Именно его я и стараюсь изобразить на стене: две веревочных петли на ногах, одна подмышками. Три схватывающих узла. По очереди передвигаешь их вверх и поднимаешься. Просто? До гениальности. Вот только медленно, и давит спину проклятая петля! Первопроходцам, как никому, нужны незаурядные волевые качества и терпение.

В способе Пруссика поспешный взгляд может не заметить одной существенной особенности - отсутствия какого-либо специального снаряжения, кроме веревки. Бегая босиком, задумываешься, во что бы обуться, только наколов ногу. Почесывая помятые и обожженные веревкой места, спелеопращур принялся за мыслительный процесс. Соображать - нелегкая задача. Тем не менее, стремление к комфорту всегда сопровождалось массой изобретений. Надоело развязывать зубами затянутые до невозможности, вымазанные в глине узлы - появился карабин. Прошли те времена, но и сейчас где-нибудь в глубинке можно получить массу удовольствия, в ответ на бдительный вопрос таможенника:"Что это у вас в рюкзаке?" этак невинно сообщив:"Как, что? Карабины..." Не беда, что потом долго приходится объяснять, что патронов не везем, что это вообще не те карабины, альпинистские!

Появился карабин, и тут же - вж-ж-жик! Получите "дюльфер на карабине" - любимое занятие скалолазов. А не нравится "дюльфер", тоже ничего. Трижды прощелкнул веревку через карабин, и спускайся способом "три щелчка". А там еще способ "пожарного" и другие варианты спуска на карабине.

- "Три щелчка" - это в альпинизме, - серьезно возразил как-то друг мой и напарник по связке Леха Казеннов. - А вот ты, Костик, способ "четыре щелчка" знаешь?

- Это как? - не сообразил я. - Ну, три щелчка в карабин...

- Правильно. А четвертый - о дно колодца! - невозмутимо подсказал Леха.

Чем выше забирались восходители и глубже становились пещеры, тем очевиднее становились неудобства примитивных способов спуска по веревке.

И вот Штихт предлагает свою знаменитую "шайбу", англичане Клог и Фишер изобретают и по сей день незаменимую в альпинизме "восьмерку", болгары приделывают к ней рожки для удобства фиксации веревки при торможении и остановках и получают "рогатку", кто в Штатах пристраивает на карабин перекладину, после чего американец Джон Кол конструирует знаменитую "рэппл-рэк", а француз Дресслер предлагает так приглянувшуюся Европе "боббину"...

Еще удобнее, еще! Теперь ожоги от веревки - это даже смешно: веревки можно и вовсе не касаться руками - к вашим услугам самоблокирующиеся ФСУ (фрикционные спусковые устройства) типа "стоппер" всемирно известной французкой фирмы Фердинанда Петцля. Всемирно, но только не в нашей стране начала 70-х. В советском спелеотуризме на долгие годы воцарилась рогатка.

Что и говорить - Болгария была как-то ближе - и по расстоянию, и по социальному строю.

* * *

Мне посчастливилось стать автором ряда песен, довольно популярных среди спелеологов моего времени. Среди этих песен заметное место занимает "Пещерный вальс".

Коснутся губ строчки:

Небо вырезано пятнышком
И карнизом занавешено,
И в беседке точка пятая
Чуть поскрипывает вежливо.
Тихо кружатся в глазах, в глазах
Стены, инеем одетые,
Начинается "пещерный вальс",
Чуть качнувшись, словно нехотя...

-

И будто снова висишь, вращаясь на веревке, в неописуемом жерле пропасти, кружатся вокруг тебя стены, кружится, словно с самого неба сорвавшийся, оранжевый лист. А ты, будто замер в пространстве, ты не движешься, и никогда не кончится этот спуск неведомо куда, и этот вальс-кружение - до головокружения, до тошноты. Нам и невдомек было тогда, что только спусковые устройства, изгибающие веревку в одной единственной плоскости, не порождают вращения спускающегося. Рогатки же, увы, изгибают веревку пространственно - да еще как! Вот и крутились мы в колодцах, стоило чуть оторваться от стены, спутывая веревки в немыслимые "бороды", зависая в этих спутках на часы, изрыгая проклятия и совершая чудеса акробатики.

Многое было невдомек. Поднимались по лестнице с обязательной страховкой сверху (*102). Спускались же просто по одинарной веревке без всякой страховки. И вдруг ужаснулись: "Мать честная! Веревка-то одна - а вдруг лопнет? Даешь вторую! Для пущей надежности и безопасности." Так набирала силу так называемая ЛВТ - лестнично-веревочная техника. С ее развитием лестницы, конечно, сильно изменились. Они утратили чемпионский вес: на смену веревке пришел тонкий стальной трос, деревянным ступенькам - легкие дюралевые трубочки. Но зато обязательными стали две веревки: основная и страховочная, на всякий, так сказать, случай.

Как глупо все происходит. Вместо того, чтобы брать у идущих впереди выстраданные ими основы, мы упороно предпочитаем учиться на собственных ошибках. Каждое устоявшееся техническое решение в кейвинге или альпинизме буквально подписано кровью ошибок. Ограниченные в информации нашим спелеоначальством и самой советской системой, изо всех сил оберегавшей нас от "растленной буржуазной информации", мы вынуждены были сами пройти весь путь, кровавых порой, ошибок.

Взять хотя бы историю совершенствования обвязок.

Весь цивилизованный мир вовсю уже использовал комфортабельные подвесные системы для крепления веревки и другого специального снаряжения к телу человека, а мы все еще завязывали обвязки из веревки. Иногда действительно поражаешься, как долог путь к истине, сколько косности и предубеждений встает перед всякой стоящей мыслью, сколько стен надо ей пробить, чтобы пробиться. Сколько смертей понадобилось альпинизму, чтобы понять, что сколько-нибудь длительное зависание в грудной обвязке приводит к стремительной гибели зависшего? Зимой 78-го в Глиняном колодце пропасти Кутук-Сум-

ган завис так, на грудной обвязке, друг наш москвич Серега Ветров.

Г Л И Н Я Н Ы Й Э Т Ю Д.

-

Если смотреть на эту засыпанную снегом, съежившуюся от холода, землю сверху, скажем, с самолета, ее вид вряд ли кого-нибудь поразит. Пологие холмы и увалы, покрытые серо-белыми пятнами леса: темные ветвистые полосы - лога, светлые - взгорки. Лишь изредка мелькнут внизу прихотливо петляющая ленточка дороги да два-три зарывшихся в снег домишки. Сверху людей не разглядеть, да и есть ли они сейчас тут, в этом сверкающем зимнем опустении?

Хорошо сидеть в теплом уютном кресле самолета, слушать задумчивое гудения двигателей, думать о разном, глядя сквозь толстое стекло на медленно ползущую под крылом заледенелую ленту реки, плавно изгибающуюся меж крохотных обрывчиков-прижимов. Если смотреть сверху,никогда и не подумаешь, что земля эта, мирно дремлющая под толстым снежным одеялом, изнутри больше похожа на огромный голландский сыр. Промытая, пробуравленная неугомонной разрушительницей и созидательницей-водой, она только снаружи прячется в белый халат благообразности. Внутри же - хаос вертикалей и горизонталей, глины и камня, льда и воды. Внутри - мрак.

Но даже представив себе это, Вы, летящие в морозном сиянии дня, сидя в комфортабельных вреслах, глядя вниз и морщась от прощальных лучей заходящего Солнца - Вы не пойдете дальше по зовущей тропе воображения. Вам и в голову не придет, что там, внизу, в толще скалы, в каменном сердце укрытого снегами сыра, имя которому - Пещера, в эту самую минуту горит свеча...

* * *

... Они сидели в Нижнем лагере, у колодца Вейса. Тусклое пламя догоравшей свечи роняло багровые отсветы на исцарапанные каски, измазанные глиной комбинезоны, тяжелые - тоже в глине, ботинки. Рядом - пртяни руку - деловито пыхтел примус, упорно борясь с промозглым холодом пещеры.

- Гнилая штука - спелеология, - сказал первый, в который раз выпуская из примостившегося на примусе котелка облако пара. - Особенно, зимой. Не кипит, зараза!

- Попробуй смотреть на вещи философски, - сказал второй, склонившийся над грудой грязного металла и веревок. - Например, то, что я ничерта не вижу, может указывать либо на недостатки нашего аппарата видения... - он осторожно почесал чистым кончиком пальца свалявшуюся под ремешком каски бороду и тем же пальцем поправил на носу очки. - ...Либо - на скудность освещения.

Первый покосился на него:

- Не будь скрягой и зажги вторую свечу. У нас пол-вагона стеарина.

- Братишка-Рустик, - проникновенно сказал бородатый. - Я всегда утверждал, что у тебя светлая голова. Жаль только, что она не годится для освещения...

Порывшись среди разложенных у стены банок и мешочков, он извлек новую желтую свечу, очистил фитилек и зажег.

В лагере сразу стало светлее, и отчетливо проступили вокруг поблескивающие влагой черные стены.

- Расточитель, - сказал бородатый. - Расточитель, но - голова!

- Во! - сказал Рустэм. - Белые ночи!

- Рыжие, - буркнул бородатый, роясь в своей куче. - В черную крапинку...

- Можешь задуть, - с готовностью согласился первый и снова взялся за крышку котелка. - А, черт!

Бородатый с интересом оглядел дующую на пальцы фигуру.

- Поцелуй Фортуны! - констатировал он. - Готово, что ли?

- Готово.

Басовитое гудение примуса стихло, и в наступившей тишине выпукло проступила бьющая с невидимого свода капель.

- Интересно, сколько уже натикало? - Рустэм разлил по кружкам дымящуюся жидкость.

- Сейчас произведу раскопки.

Очистив с пуговицы засохшую глину, бородатый расстегнул манжет комбинезона, оттянул влажную шерсть свитера, отодвинул рукав рубашки и только тогда добрался до циферблата.

- Ого! - сказал он. - Однако, пол-десятого.

- Двадцать один тридцать, - уточнил Рустэм, вспарывая ножом пачку рафинада. - Нормальные люди уже спят.

- Нормальные люди сидят дома, - отозвался бородатый, устраняя беспорядок, произведенный раскопками.

- Пей, философ!

Запах горячего чая приятно щекотал ноздри.

- Твоя правда, - бородатый потянулся за кружкой. - Пьем и идем на связь. Полчаса осталось.

* * *

Приближалось время связи. Тоненькая жилка телефонного провода пронизала толщу скалы. Дважды в сутки она объединяла их всех, разбросанных работой по причудливым лабиринтам Пещеры. И перебивая друг друга, летели вверх и вниз по проводу голоса: радостные и тревожные, звонкие и хриплые, шутливые и озабоченные. Приближалось время связи, и каждый внутренне торопил его приближение. Потому что все труднее было сдерживать в себе этот единственный и емкий до бесконечности вопрос: как там?

Как там, на Земле, все также холодно? А снег? Или на небе звезды?

Как там, на Верхнем ярусе? Что дала топосъемка?

Как там, в сифоне? Много ли воздуха в аквалангах?

Как там?

* * *

- Ну, как там? - Рустэм, переминаясь с ноги на ногу, гулко хрустел щебенкой. - Не слыхать?

- Тихо пока.

Бородатый поудобнее пристраивал к уху коробочку телефона.

От колодца на Верхний ярус противно тянуло холодом. Ажурные сплетения инея серебрились на промерзших стенах.

Рустэм зябко передернул плечами.

- Нашли местечко! - сказал он. - Ни отопления, ни печки, ни даже камина паршивого...

- Вот тебе "камин", - не отрываясь от телефона, сказал бородатый. Луч его фонаря уперся в уходящую куда-то вверх черную каменную трубу. - Грейся, пожалуйста... О! - он еще ниже склонился над телефоном. - Кажется, идут.

- Не стучи зубами, - посоветовал Рустэм. - Здесь можно

без морзянки.

- Нет, показалось, - пробормотал бородатый. - Спят они, что... Да! Да! - вдруг закричал он в микрофон, - Да! Я - Нижний, я - Нижний!

Рустэм вздрогнул и уперся лучом в скрюченную у стены фигуру. Сумасшедшее эхо закувыркалось под сводами.

- Ну, что, есть?

- Ага. Слышно что-то плохо... Эва, Верхний! - снова заорал он (- Побереги технику! - забеспокоился Рустэм), - Верхний! Плохо вас слышу! Давай громче! Во, теперь хорошо. Кто на связи? Радик? А где Ветров? Чего, чего?

По лицу бородатого поползла тень. Не отрывая телефона от уха, он резко выпрямился.

- Потише, - сказал Рустэм. - Жалко пещеру.

Бородатый свободной рукой вернул на место съехавшую от удара в потолок каску.

- Хреново...- сказал он.

* * *

- Хреново, - сказал бородатый, и его черная лохматая тень колыхнулась на стене. - Они не вернулись.

- Кто? - спросил Рустэм.

- Тройка Ветрова.

- Откуда?

- С Большого кольца.

- Давно?

- Только что? - сказал бородатый. - Слушай, не работай, как компьютер. Что - "давно"?

- Контрольный срок давно вышел?

- Два часа как, - бородатый зло сплюнул. - Они там все думали, что вот-вот. Ну и вот!

Белая мыльница телефона подрагивала в его руке.

- Так, - сказал бородатый. - Отставить север. Климат резко меняется на субтропический. Старик, давай бегом к Вовчику, а я полез на Верхний. Саня меня подстрахует.

- Вовчик сейчас в сифоне...- удаляющийся лязг триконей заглушил слова Рустэма.

- Связь через каждые полчаса! - крикнул вдогонку бородатый и загрохотал к колодцу.

* * *

Пот заливал глаза.

- Потише, - прохрипел Саня, падая рядом на холм рыхлой от сухости глины. - Еще немного, и нас самих придется спасать...

- Англичане сдохнут от зависти, - выдохнул бородатый, размазывая глину по мокрому лицу. - Через "Эверест" - галопом на карачках! "Голос Америки" уже охрип. А, Раф? Сдохнут англичане? Давай рюкзак.

Рашид молча соскреб с плеча мокрую лямку. "Эверест"- эта сорокаметровая, скользкая от жидкой глины, гора на Большом кольце Пещеры в компании с рюкзаком, в котором они несли веревки, не оставила ему сил на разговоры.

- Пошли!

Пудовые ботинки сотрясали своды. Галерея покатилась вниз. Теперь можно было бежать в рост, без риска стесать каской многочисленные выступы потолка. Три человека, три перемазанные до неузнаваемости фигуры мчались по упругому полу просторной галереи, их черные тени сплетались в бешен-

ной пляске под гудящими сводами, и эхо грохотало им вслед.

Три человека - спасотряд.

Еще трое в оставшемся за спиной Верхнем лагере кипятили на примусах воду, то и дело поглядывая на часы. А в пятидесяти метрах под ними, на Нижнем ярусе, прирос к телефону Рустэм, чтобы, если все-таки - случилось, поднять по тревоге аквалангистов Вовчика...

* * *

- Все! - сказал бородатый. - Пришли. Это подъем в Глиняную систему.

Он стояли на узенькой полоске расчавканной бурой глины. С низкого свода текло, и капельки мелко сыпали в обширную глинистую лужу у стены.

- Морду набью, - сказал Саня. - Если они просто зарвались, набью морду.

- Хорошо бы, - бородатый оценивающе щупал лучом круто уходящий вверх осклизлый каменный желоб с расклиненным поперек бревном. Оттуда, сверху, свешивался конец мокрой веревки.

Из темноты надвинулся Раф, тяжело перепрыгнул на их островок.

- Осторожнее, - сказал Саня, уцепившись за стену. - Ковчег перевернется.

- Борьба за место под душем, - пересохшими губами Рашид поймал каплю со свода. - Сколько мы уже идем, Костик?

- Тридцать пять минут, - сказал бородатый, растирая глину по запотевшим очкам. - Тридцать пять минут и семисот метров - как ни бывало!

- В жизни так не бегал, - сказал Саня. - Хорошо, что ты с Нижнего вылез - я бы не нашел эту "катушку"...

- Вперед, бокоплавы, - сказал бородатый и заскрежетал триконями по желобу.

* * *

Ленька с трудом отдрал комбинезон от перегиба и выполз из колодца. Полудохлая лампочка - последняя их надежда - папиросным окурком тлела на исцарапанной каске. Папиросный окурок - и километр Пещеры. Силы были явно не равны, но там, внизу, на дне этого проклятого Глиняного колодца, сидели без света двое...

Что будет, если потухнет и это жалкое подобие фонаря, Ленька старался не думать. Оставалось только молиться, чтобы этого не произошло. Молиться и ползти.

Расширенными зрачками Ленька нашаривал опору. Надо было спешить, но он твердо уяснил одну старинную японскую мудрость:

- Нэторопыза! - сказал Ленька, поскользнулся и боком съехал по жирному от глины откосу.

Их контрольный срок истек уже два часа назад, но ни звука не доносилось оттуда, куда брели непослушные от усталости ленькины ноги.

- Где-то в этом погребе должна быть дверь...- пробормотал Ленька, озираясь.

Галерея вывалилась в зал, против мрака которого его фонарь был бессилен. Откуда-то слева издевательски громко булькала капель, но идти надо было вправо - это Ленька помнил хорошо. И он пополз вдоль стены, для верности ощупывая ее руками.

Сколько времени прошло?

Где-то далеко приглушенно грохнуло и мягкими крыльями зашуршало под сводами. Идут? Ленька замер. Нет, показалось.

- Спят, собаки, - сказал Ленька. - Эва-а! - наудачу заорал он и поразился, на сколько разбуженное криком эхо исказило его голос. - Спят, не иначе...- горько прошептал он и встал на четвереньки.

* * *

- Тихо! - сказал Саня. - Раф, не скреби когтями... Орут?

Трое замерли на краю трехметрового уступа с круглой лужей на дне. В воду с бульканьем били сверкающие капли.

- Эва-а-а! - приглушенно донеслось из-за поворота.

- Это Ленька, - сказал Саня, примериваясь к уступу. - Я прыгаю.

- Не спеши, - сказал бородатый. - Наши похороны без нас не начнутся... Раф, доставай веревку.

* * *

Прошло уже почти четуре часа с тех пор, как Серега Ветров получил от Судьбы сразу три подарка.

Выход получился удачным. Втроем они выскочили в незнакомую систему ходов, пробрались руслом белоснежной речушки, хрупкой чистотой бросавшей вызов своему глиняному окружению, но спустившись в сорокаметровый колодец в ее конце, уперлись в сифон. На подъеме из колодца они потеряли ось самохвата (*103) и угробили кучу времени. А время поджимало. До контрольного срока оставался всего час, а над головой все еще нависал карнизами Глиняный колодец.

И что хуже всего - они стремительно теряли свет. Два оставшихся невредимыми фонря выжимали последние соки из подсевших батарей.

Проклиная на чем свет облепленную глиной веревку, Серега с ходу начал подъем в Глиняный, но тут измусоленный и измочаленный своей тяжкой работой репшнур, которым он приявязал к ноге последний оставшийся у них самохват, с громким щелчком лопнул, и Ветров повис на самостраховке.

До стены колодца было не очень далеко, но руки! Жгут грудной обвязки лишал их крови. И уже не было сил, чтобы вцепиться в эти проклятые стены, и не было сил, чтобы подтянуться по осклизлой струне веревки.

Боль от обвязки туманила мозг, и поэтому Ветров не смог сразу оценить всей щедрости Фортуны, видимо, по оплошности сделавшей Сереге сразу три подарка.

А первый ее подарок заключался в том, что злополучный репшнур лопнул не в десяти, не в семи и даже не в четырех, а именно в трех метрах от дна колодца. Благодаря этому подарку, оставшимся на дне колодца парням, к этому времени перепробовавшим все средства, пришла в голову мысль, взгромоздившись друг на друга, попытаться дотянуться до ветровских ног.

Второй подарок Фортуны состоял в том, что Леньке удалось взобраться по Ветрову ровно на столько, чтобы обломком стекла их предпоследнего фонаря (ножа, как водится в таких случаях, ни у кого не оказалось) перепилить дрожащий под двойным весом шнур серегиной самостраховки.

И третий - что на все эти манипуляции им понадобилось всего лишь немногим более получаса. Чего, однако, хватило, чтобы налитые болью серегины руки, особенно правая, объявили

полную забастовку и неспособность к дальнейшим действиям.

Ту мелочь, что, пролетев три метра, они упали не на ребристый выступ скалы, а в мягкую, удивительно слякотную, жижу - тоже можно было бы считать приятным сюрпризом...

Но не слишком ли много хорошего на один только день?

* * *

Они работали молча, вкладывая в каждый рывок веревки всю накопившуюся ярость скрученных в пружину нервов.

- Живы, - хрипло сказал Ленька, щурясь в трех дымных лучах, вместе с набегающим топотом ног с поразительной легкостью разметавших вокруг него мрак и тишину.

И в ту же минуту эта пружина, взведенная до отказа долгими, как ночь, мгновениями ожидания и вопроса - пружина их нервов, начала распрямляться, заливая неосознанной еще радостью сердца, заледеневшие в схватке с неизвестностью.

- Ленька! - пыхтел Саня, вместе с Рафом оттаскивая Ветрова от края Глиняного колодца. - Ленька, если и второй с такой же рожей - уволюсь! Пусть Синникова летучие мыши понимают. Слышишь, Синников?

- Что-о? - донеслось со дна колодца. - Не понял! Повтори!

- Интересуется, - удовлетворенно хмыкнул Саня. - Ну-ка, Ветрыч, дай-ка я на тебя посмотрю!

- Красавчик! - восхитился бородатый, ощупывая глазами исцарапанную серегину физиономию. Кровавые ссадины вперемешку с грязными потеками украшали его круглое лицо замысловатым орнаментом.

- Это мы его о скалу, - хмуро пояснил Ленька. - Пробовали подкачнуть, а у него уже руки были того...

В коренастой фигуре Ветрова, в его нелепо растопыренных руках, в скрюченной улыбке было столько непередаваемого юмора, что даже выжатый в губку Ленька не удержался - фыркнул.

Они стояли на краю колодца, давясь неудержимо рвущимся наруже смехом, до сих пор еще слабо соображая, до чего же все здорово обошлось.

- Ой, мамочка! - трясся Саня. - Серый, тебя же Москва не примет! Мы тебя в рюкзаке домой повезем - ты ж иначе всех пассажиров распугаешь!

- Сфотографируйся и набей морду фотографу, - всхлипывал Раф.

- Нет, ты сознайся, за что они тебя? - бородатый в изнеможении прислонился к стене.

- Черти...- хрипел Ветров. - У человека горе, а они!

И все силился сдержать лихорадку нервного смеха, сотрясавшего его от каски до бесформенных в глине ботинок.

Но в колодце тосковал и изнывал от ожиданья Синников, и Саня уже снова распутывал бурые кольца страховочной веревки.

- Валерка, цепляй конец! Сейчас мы тебя вспорхнем!

- Покурить оставьте, ангелы! - донеслось из колодца, и четыре согбенные тени разом вцепились в неподатливую струну полиспаста...

* * *

Позади давно остался каменный желоб "катушки", по которому, поделив оставшиеся рукавицы, чтобы не ссадить и без того истертые руки о глинистый рашпиль веревки ("Мне рукавиц не надо, - сказал тогда Синников. - У меня все равно руки грязные."), долго спускали Ветрова, и, наконец, спустились

сами.

Уже почти час назад "убежал" - черепахи умерли бы от зависти - Рашид, торопясь сообщить оставшимся в лагере, что все в порядке и, наконец, можно стряхнуть с плеч комбинезоны, а с души - тревогу.

А они все брели, спотыкаясь, по нескончаемому километру Большого кольца - два фонаря на пять человек. Впереди, в лагере за Эверестом, горели примусы и вкусно пахло, а они все шли, шатаясь под грузом вдруг навалившейся усталости...

* * *

- Ну, живой? - Рустэм, улыбаясь, приплясывал на белом от снега дне нижней шахты.

- Было б толку! - отозвался бородатый, отстегиваясь от заиндевевшей веревки. - Я, между прочим, только что совершил затяжной прыжок... Ты почему один? Где репортеры?

- Вымерзли, - сказал Рустэм. - Я скоро тоже.

- Жаль, - сказал бородатый. - Прыжок-то был без парашюта, на одной рогатке. Веревка, понимаешь, обледенела - я и поскользил... Несет, зараза!

- Вон что! - сказал Рустэм, помогая ему отцепиться от страховки. - Я-то думал, что ты спешишь в объятья восхищенной толпы. Как там Ветров?

- ...Еще сказал этому парню, чтоб страховал помягче, - не слушая его, бормотал бородатый. - Не держи, говорю. Ну и пошел... Метров десять, считай, падал. Он, понятно, не держал: думал - я спешу... Еле затормозил.

У него слипались глаза, и фразы получались скомканными. Словно путались в бороде.

* * *

Скользя, они с Рустэмом пересекли огромный обледенелый зал. Справа возник и, нарастая, повис в ушах могучий шум невидимого потока.

- Умыться не хочешь? - кивнул Рустэм. - У тебя вся личность в гря... пардон, в глине.

- Мою личность, хоть выжимай, - передернулся бородатый. - Ты никогда не задумывался, сколько пакостного смысла заключено всего в четырех буквах: в-о-д-а? А здесь, кстати, сквозит.

- Забыл Сане сказать, чтобы закрыл у себя наверху форточку, - сокрушился Рустэм. - Но выбора у тебя нет - в спальник не пущу.

- Изверг, - сказал бородатый. - Черт с тобой, показывай рукомойник!

* * *

У "Ниагары" они остановились.

- Покурим, - сказал бородатый. - Слышь, братишка, давай немного подымим.

- Ты ж на ногах не стоишь, - сказал Рустэм. - В лагере какао стынет.

- Покурим, - упрямо сказал бородатый и сел на корточки у стены. - Смотри, красота-то какая...

С невидимого в ночи пещеры свода тек бело-голубой каменный каскад. Гигантский, он приковывал взгляд, завораживал своей фантастической красотой.

- Так как там Ветрыч? - спросил Рустэм. - По связи передали, что все в порядке.

- Обошлось, - кивнул бородатый. - Обошлось, но мы опоз-

дали. Он везучий, Ветрыч. Он провисел всего полчаса. Если бы Ленька его не срезал, то к нашему приходу он провисел бы все три. В лучшем случае потерял бы обе руки. Хотя, говорят, мало кто может сам рассказать, что выдержал три часа. Понимаешь?

Они курили, а каменная Ниагара в великом безмолвии качала перед их глазами свои застывшие струи.

- Пойдем, - сказал Рустэм. - Я позаимствовал у Вовчика часы, а на них сейчас шесть. Догадываешься, чего?

- Утра, - усмехнулся бородатый. - Нормальные люди уже начинают лупить по будильникам.

- И, кстати, делают это дома, - заметил Рустэм.

* * *

Они тяжело брели к лагерю, а где-то высоко над ними, над скованной морозом и сном белой землей, летел самолет...

К О Е - Ч Т О О С А М О Х В А Т А Х.

-

Зажимы для страховки за веревку и передвижения по ней тоже появились в мире задолго до того, как мы о них услышали.

Узнали, обрадовались и - назвали "самохватами". Такое родное что-то, с детства впитанное - "самопал", "самолет", "самоход", "самовар"...

С зажимами-самохватами тоже было немало анекдотов. Мой друг, адлерский спелеолог, Володя Резван божится, что в 83 году в газете "Черноморская здравница" в статье об исследованиях какой-то кавказской пещеры вычитал примерно следующее: "Самохват - это устройство, при срыве приковывающее смельчака к скале!"

Помнится, один из моих московских коллег вознамерился заказать партию самохватов на заводе. Это тоже один и пунктиков советского кейвинга тех лет - заказать "партию". Ведь ни один завод, кроме разве что экспериментального производства Ленинградской судоверфи, не выпускал ни единой специальной железяки для альпинизма, туризма, не говоря уже о кейвинге. Так что заказать "партию" снаряжения - это был предел мечтаний. Штук десять, например. За изготовление брались заводские умельцы и производили необходимое в свое рабочее время и из государственных материалов, на практике реализуя всем известную поговорку эпохи развитого социализма: - "Все вокруг народное, все вокруг - мое!" Такса стабильная - бутылка.

В этот раз, чтобы не допустить промашки, исполнитель запросил эскиз. Простодушный заказчик постарался наславу, изобразив зажим во всю ширину тетрадного листа. "Пробный сделаю, посмотришь, тогда остальные,"- пообещал мастер.

И вот настал долгожданный день. Когда мастер достал из-под верстака заказ, оказалось, что клиент должным образом к приему выпущенной продукции не подготовился. Ну что такое зажим, например, типа "гиббс"? Именно самодельные аналоги продукции американской формы "Гиббс" (Gibbs Products, Inc.) пользовались подавляющей популярностью в СССР вплоть до середины 80-х. В худшем случае - это вещичка размерами с пару спичечных коробков. Тут же перед изумленным обладателем первого образца обещанной партии предстало нечто весьма внушительных размеров, неподъемное, но зато аккуратно заверну-

тое в газетку.

В газетке был... самохват! Один к одному по размерам с нарисованным на эскизе - во весь лист, так во весь лист! Написанные на чертеже размеры мастером во внимание не принимались, видимо, по принципу: "Что - "зюйд", "вест", ты мне пальцем покажи!"

- Второй забирай,- сказал ошарашенному "счастливцу" умелец. - Я на всякий случай сразу пару постарался!

Спелеологическая Москва долго потешалась над этим событием. Особенно удачно получалось колоть супер-зажимами орехи. Грецкие, естественно. Все остальные от просто плющил в лепешку.

Что ж, русская земля завсегда славилась своими умельцами-самодельщиками!

С появлением в обиходе кейвинга зажимов, техника движения по отвесам стала резко меняться. Героические лестничные подъемы отступали в прошлое. Набирала силу ВВТ - веревочно-веревочная или двухверевочная техника. Не обходилось, конечно, без юмора.

Как-то, при первых ленинградских экспедициях в Снежную, на глубину -445 метров спустилась двойка: Миша Иванов и Антон Саакян. Глубина -445 метров - это дно изюминки Снежной: огромного 160 метрового колодца, справедливо получившего название Большой. Оказавшись в Университетском зале под колодцем, из которого в черном бесконечьи гигантского зала грандиозной серебристой дугой рушится ручей, Антон вдруг забеспокоился:

- Слушай, Миша, а как мы будем отсюда вылезать? Все веревки да веревки... Что-то я не вижу здесь лестницы!

- Понятно, не видишь, - согласился Миша. - Лестницы, Антон, это вчерашний день. На самохватах будем подниматься.

- Миша, - проникновенно поинтересовался Антон. - А ты мои самохваты взял?..

* * *

Ленинградский спелеолог Антон Арсенович Саакян - герой многочисленных приключений и происшествий, описанных Владимиров Дмитриевичем Резваном в его "Легендах о Саакяне" (Сочи, Самиздат,1984г.). Вот одна из их, касающаяся непрерывно меняющейся тактики и техники спелеологических исследований. Для штурма пропасти Киевской в 82 году под руководством Резвана собралось много замечательных спелеологов, среди которых был приглашен и Саакян. Мне иногда кажется, что для Володи Резвана одним из главенствующих удовольствий, получаемых от занятий спелеологией, была именно возможность собирать команду интересных и самобытных личностей и получать кейф от смачного общения.

Антон прибыл на плато позднее основной команды и сразу подошел к руководителю - Резван как-раз сидел над кучей шлямбурных крючьев:

- Вовка! - вежливо обратился к Резвану Саакян. - Киевская - это большая пещера?

- Большая, Антон, тысяча метров. Одних колодцев штук пятьдесят - боюсь вот, крючьев не хватит.

- Вах, - сказал Антон. - Слушай, мне быстрее надо! Меня мама из Ленинграда только на четыре дня отпустила.

- Ну, тогда собирайся в пещеру, - парировал Резван.

Саакян долго скептически молчал, потом спросил:

- Вовка, а у нас веревки много?
- Много. На пещеру хватит.
- А троса?
- И троса много.
- Что ты тогда мучаешься? Давай, подходим к пещере, наверху забиваем один крюк, вешаем километр веревки, забиваем другой крюк - вешаем километр троса: вж-ж-ж-ж-жик! И мы на дне! А?

* * *

Для успешного передвижения по вертикалям современному кейверу необходимо три, а то и четыре, зажима различных типов. О, кейвинг хэви метл! Вот где поискать социологам истоки движения металлистов. Если злой Рок занес вас в пропасть, то вы волей-неволей превращаетесь в металлиста от спелеологии. И если вы не превращаетесь в него, то либо вы - красноярец, воспитанный в лучших традициях "столбизма"(*104), либо - заурядный спелеотурист из захолустной провинциальной секции. Форс - форсом, но хлопотно ходить по пещерам, когда на группу в десять человек всего одна пара самохватов!

Чтобы подняться по веревке, хотя бы на десяток метров, необходимо как-то закрепить на себе зажимы. Если в ускоренном темпе прокрутить назад ленту развития спелеотехники, то на экране мы с удивлением увидим манипуляции, здорово смахивающие на действия мартышки по отношения к очкам в известной басне. Куда только мы не пытались пристроить зажимы! На ноги, на живот, на грудь, на плечо, на стремяна длинные, короткие и разновеликие и т.д. и т.п. Как-то на скалодроме, где проводились тренировки нашего клуба, мне пришлось наблюдать, как один новичок, не разобравшись, предпрнял попытку подняться на 10-метровый уступ, привязав зажимы прямо к рукам. И представьте - ему это удалось! Метра на четыре - после чего он, понятно, и завис в позе удивленной сосиски.

Как тут не вспомнить замечательную фразу, приписываемую современниками В.В.Илюхину: "В спелеологии сильные - погибают, слабые - уходят, остаются - приспособленные". Справедливо это и по отношению к способам передвижения по вертикалям.

В результате многочисленных экспериментов человечество изобрело более полутора десятков разнообразнейших способов организации подъема по линейным опорам (веревке, тропе или стальному тросу), с использованием многообразных систем специального снаряжения и, в первую очередь, различного типа зажимов. Здесь вы можете найти способы подъема на любой вкус и возраст, темперамент и психический сдвиг.

Как бы там ни было, но из всего многообразия способов подъема по вертикалям в СССР до 1985 года практиковалось два. При этом вся спелеологическая общественность разделилась на два, зачастую непримиримых в этом вопросе, клана: основная масса - сторонники силового и скоростного (при наличии сил) способа под кодовым названием "стопа-колено", и малочисленная, но стойкая когорта несколько медленного, но зато несравненно более маневренного способа "рука-рука". Стоило встретиться в горах или на полигоне приверженцам разных школ, как тут же вспыхивала дискуссия о преимуществах и недостатках того или иного способа хождения по вертикали. И чаще всего эти споры напоминали полемику лилипутов из кланов "остро" и "тупоконечников".

Н Е В Е Д А Я, Ч Т О Т В О Р И М ...

Выглянув "за бугор", мы, конечно, могли бы обнаружить, что мировая спелеология все больше отдаляется от некогда общего пути развития спелеотехники - не только в способах спуска или подъема, но в принципиальной организации работы с основным снаряжением при штурме пропастей.

Однако смотровые люки "на запад" были задраены,, а если где-то, по недосмотру, и возникала щелочка, то многого через нее разглядеть не удавалось. Так что возникающие проблемы приходилось решать самостоятельно, да еще в условиях отсутствия качественного снаряжения промышленного изготовления.

Такое положение, слов нет, стимулирует умственную деятельность, но, к сожалению, слабо способствует успешному продвижению к глубинному полюсу планеты.

А проблем, притом весьма жестких, накопилось, хоть отбавляй.

Прежде всего, пугала веревка. После нескольких спусков она начинала подозрительно махриться, чернеть, подплавляться, особенно если спуски совершались с присущей скалолазам лихостью. Острые скальные выступы травмировали веревку, терли ее при каждом шаге поднимающегося по ней спелеолога. Страх перед возможным обрывом веревки серым призраком висел за плечами.

Что же делать? Как избавиться от него?

Еще при ЛВТ первое, что пришло в голову - удвоить число веревок. Чувствовалось, что это не вариант, но что-то же надо было предпринять!

Так возникла классическая двухверевочная техника. Важнейшим ее условием являлось строго функциональное использования каждой из веревок на отвесе: одна, "рапель"(*105) - для спуска и подъема, вторая - исключительно для страховки. Расчет прост и на первый взгляд очевиден: разрушится рапель - удержит страховка.

Казалось бы все так, но...

Трезвые головы были во все времена и во всех странах. Иногда они даже успевали сказать свое слово, если их предусмотрительно не отрубали.

Несмотря на всю кажущуюся очевидность и оправданность двухверевочной техники, она постепенно начинала подвергать критике со стороны наиболее прогрессивно мыслящих исследователей.

"...Чувствую себя обязанным объяснить, почему американская вертикальная спелеотехника развивается своим путем, - пишет в 1978 году американец Р.Тран в статье "Несчастные случаи при СРТ" (Thrun R.) В 1965 году было внушено, что две веревки или двойная веревка будут безопаснее, чем одна. Я не вижу, как спуск (и подъем) по двойной вервке повысит безопасность. Я не напоминаю о случаях, когда веревки перебиваются камнями, но ведь и две веревки могут быть также легко перебиты, как и одна. Две веревки будут перетираться дольше, чем одна, но тот же эффект может быть достигнут одной более толстой веревкой. Какая же толщина веревки будет оптимальной?

Мне приходилось слышать о веревках, которые были сжеваны животными. Но и две веревки будут также уязвимы, как и одна.

Единственно надежной защитой от этой неприятности будут тросовые лестницы или просто стальной трос, как у русских. Но в отличие от лестниц, веревки не рвутся внезапно! Обычно их разрушение вызывается трением, проливанием кислоты или большой длиной веревки".

Оглянувшись по сторонам - нет ли поблизости коровы-террористки, последуем далее по тропе познания.

Постепенно появилась возможность осознать причины трагедий, связанных с обрывом веревки: в мировой практике накопился достаточный статистический материал. Химия, породившая современные синтетические веревки из нейлона, полиэстера, кевлара - гораздо более прочные и эластичные, чем первобытная пенька, не смогла уберечь их от смертельных врагов всяких полимеров: иезуитского ордена Кислот и Щелочей. Это скрытые, но очевидные враги. Другие страшные, и еще более очевидные, враги веревки - Жесткий Рывок и его тишайшество Трение.

Но опасность, которую ждешь, - это половина опасности. Страшнее неизвестность. Тернист путь познания. Однажды на спуске в одном из глубоких, более 90-100 метров, колодцев без видимых причин оборвалась веревка. Память моя не сохранила точного времени и координат этого происшествия. Спасла ли потерпевшего вторая страховочная веревка - история умалчивает, но мир кейвинга впал в тяжелое раздумье. И пока он раздумывает, чему же тепрь верить, позволим себе небольшое отвлечение.

Как Вы представляете себе сверхглубокий колодец, мой Дружелюбный Читатель? Действительность подземного мира превосходит, порой, самые смелые предположения. Сейчас в мире известно более 30-ти естественных провалов сплошным пролетом превышающих 200 метров.

Глубочайшие колодцы мира расположены на территориях весьма ограниченного числа стран. Долгое время первенство в этом вопросе удерживала Греция. Следом шествовали гордые мексиканские пропасти. Но ныне пальма первенства склонилась к Австрии. Не вдаваясь в перечисление всех сверхглубоких колодцев, назовем семерку естественных вертикалей, превысивших глубину 400 (!) метров:

Сотано дель Барро (Мексика) - 410 метров,
Миние (Папуа, Новая Гвинея) - 417 метров,
Гуффр Жозелин (Крит) - 430 метров,
Эпос II (Греция) - 442 метра.

И наконец, победное трио Австрийских пропастей:

Холленхолле - 450 метров,
Хадесшахт - 455 метров,

И суперколодец Альте Мурмиельтиршахт - 480 метров сплошного пролета!

Пожалуй, немного будет высовываться из такого колодца, если погрузить в него Останкинскую телебашню!

На территории бывшего СССР первенство по глубине сплошного колодца до последнего времени удерживала Снежная с упомянутым уже Большим колодцев в 160 метров чистого отвеса. Но в последние годы внутренние шахты пропастей Пантюхинская - 213 метров, и Куйбышевская - 239 метров затмили ее своими достижениями. Остается только добавить, что все они сосредоточены на Западном Кавказе, на территории Абхазии.

На высоте в 150-200 метров уже свободно летают самолеты,

а вам предстоит отважиться на спуск в бездну, положившись всего лишь на тоненькую, с палец толщиной, веревку, отныне соединяющую вас с жизнью. Есть о чем задуматься? Особенно, если гложет черное недоверие к веревке, которая недавно, без видимых причин, фатально под кем-то оборвалась. А почему бы ей теперь не порваться под вами?

Если начались такие мысли, это значит что-то одно: либо из нервотрепки вертикалей вам пора на покой, либо подошло время основательно разобраться в происходящем.

Разобрались. Оказалось, что во всем виноват все тот же древний, как мир, резонанс. Его Неожиданность Резонанс! Если кейвер - необремененный излишней осторожностью лихач из числа тех молодых людей, что не утруждают себя утомительными тренировками в овладении собственным снаряжением - он потенциальная жертва неумолимых и беспристрастных законов природы, отнесенных к разряду резонансных явлений.

Как это происходит?

На малых отвесах, пока веревка еще не слишком растягивается (и собственная частота ее колебаний достаточно велика), опасность разрушения ее, вызванного резонансом, отсутствует. Но вот глубина нарастает. Вы лихо пропускаете веревку через спускововое устройство, но в какой-то момент вас одолевают сомнения в возможности остановить этот полет-падение в бездну. И неопытный резко зажимает веревку в спусковом устройстве. Понятно, что в этот момент мгновенной остановки не происходит. Веревка растягивается под действием сил инерции, и спуск постепенно замедляется - до нижней мертвой точки растяжения веревки. И вот - вы остановились. Еще мгновение - и упругость веревки начнет поднимать вас вверх, как на качелях. Но - успокоенные, вы несколько приотпускаете веревку и с удивлением наблюдаете, как она со свистом начинает протягиваться через ваше ФСУ, а вы, будто вне всякой зависимости от этого, плавно начинаете проваливаться вниз, все набирая скорость. Есть от чего вздрогнуть сердцу! Вы судорожно зажимаете веревку. И картина повторяется раз за разом, все набирая амплитуду этих вертикальных колебаний на отвесе. Если при этом их частота совпадет с собственной частотой данной веревки (что случается именно на больших отвесах - в 90 и более метров) - катастрофа неизбежна.

Вот почему столько фольклорных трактовок получила одна из святых заповедей кейвинга: "Поторапливайся медленно!", "Нэторопыза!", "Вошел в пещеру - выключи секундомер!" и так далее. Плавность, неторопливость, аккуратность, мягкость и вкрадчивость работы, экономичность движений при маневрировании - вот почерк настоящего мастера.

* * *

Но постойте,на что это намекал предыдущий оратор? "Стальной трос, как у русских"? Есть такой грех. В начале семидесятых советская вертикальная техника избрала принципиально отличный от остального спелеологического мира путь. Показалось, что укратить разбойного дракона Абразива сможет наш богатырь Ильюшенька Муромец-Трос-Стальной. Так в пещеру попал трос. С каким сладострастным удовлетворением смотрели мы на опостылевшие скальные выступы, карнизы и ребра, так беспардонно обращавшиеся с веревкой, с которыми теперь запросто расправлялся наш новый союзник. Стальной трос быстренько пропиливал любые происки Трения. С диким хохотом

советские кейверы ринулись на отвесы.

* * *

Стальной трос обладал еще одним замечательным преимуществом перед веревкой - он не растягивался. Вы не насторожились? Ничего не резануло слух? Ну, ничего, мы еще вернемся к этой фразе. А пока - прекрасные ощущения! Если вы, хоть раз, пробовали подниматься по веревке на зажимах, и ваш разум в эти мгновения не был затуманен страстным желанием расстаться с подземным миром - вы помните это топтание на месте в начале подъема, пока веревка не растянется на столько, чтобы оторвать вас от земли.

Помню один незабываемый случай. В 86-м году, во время первой нашей с болгарами международной СРТ-экспедиции в Снежную, под занавес у меня появилась возможность взять в пещеру сына Алешку. Парень был взрослый - вот-вот должно было стукнуть 7 лет, а за плечами уже спуск (правда, на папе) в Кутук-Сумган на 70 метров.

Снежная не называлась бы Снежной, если бы первые ее 200 метров не выглядели хаосом люда, фирна и скал. Спуск прошел успешно, и вот мы с Алешкой стоим на фирновом дне входного 30-метрового колодца Снежной. Над нами скалы, оконтуренное ими голубое небо, с редкими на такой высоте (1900 м.н.ур.м.) березками по урезу. Настроение осложняют зияющие вокруг на границе скалы и снега ранклюфты - отверстые вытаянные трещины-провалы. Я-то в кошках, а сынишке пробираться по скользкой крутой тропинке вдоль страховочных перил весьма неуютно. Заглянув в бездну ледяного колодца, решаем возвращаться.

И вот наступает момент начала подъема на землю. Вставляю в Алешкин зажим и начинаю постепенно выбирать рапель, чтобы уравновесить натяжением веревки его вес. Без этой предосторожности можно запросто провалиться на пару метров в рантклюфт у стены, вдоль которой предстоит подъем. Тяну, значит, веревку - тянется она, как резинка какая, и вдруг замечаю: у сынули моего глаза становятся по блюдечку, и в каждом блюдечке - вот-вот слезы! Ничего не понимая и продолжая свои манипуляции с веревкой, спрашиваю:

- В чем дело? Ты что, испугался? Ну, говори, все же в порядке!

- Да-а...- наконец решается сын, чуть не плача. - Я не хочу-у..., я не хочу вылетать из Снежной!

- ...???

- Да-а! Ты сейчас отпустишь веревку, а она меня ка-ак выкинет!

Наша мама Люба, в нетерпении ожидавшая с фотоаппаратом на краю пропасти 30-ю метрами выше, была крайне заинтригована, услышав из глубины взрыв папиного хохота. Отсмеявшись, я сделал единственное, что мог в сложившейся ситуации - подвесил парня над ранклюфтом на предварительно растянутой веревке: лучше один раз испытать, чем сто раз слушать рассказы и уговоры. И через несколько минут мы уже молодцами позировали на отвесе перед оком маминого фотоаппарата.

* * *

Но вернемся к тросу. Итак, в советском кейвинге началась эпоха ТВТ - тросово-веревочной техники. Она стремительно распространилась по стране. В ход шли любые тросы подходящего диаметра - от 3до 5 миллиметров. Трение линейных опор о скалы мы не устранили - мы просто сделали одну из этих опор

трению не по зубам. С развитием ТВТ пришлось отойти и от некоторых канонов классической двухопорной техники. Теперь мы поднимались из колодцев по малоэлластичному стальному тросу с обязательной страховкой за параллельную веревку. Привыкание к тросу происходило, порой, трудно.

- Знаешь, кто у нас в стране самый смелый спелеотурист? - спросил как-то Резван при проведении нами семинара инструкторов на Кавказе. - Алик Липкин.

Этот парень из Мурманска, врач-травматолог и весельчак-гитарист, также, как и я, носил очки. Очки - это проклятье спелеолога. Их постоянно заливает водой, забрызгивает грязью, они запотевают и заледеневают от вашего дыхания зимой, да еще норовят упасть с носа в самый неподходящий момент.

- Алик как-то признался, - продолжал Резван, - что когда он идет по тросу - он троса не видит. Он идет, будто в пустоте, немыслимым образом поднимаясь все выше. Он не видит троса и только ощущает какую-то призрачную тонкую напряженную нить. Но все-таки идет. Понял теперь?

Мы поднимались по тросу и испытывали жуткое искушение по нему же и спускаться. А пока перебирались и опробовались варианты, приходилось спускаться по той же веревке, за которую страховались при подъеме. Те самым нарушалось важнейшее правило монофункциональности линейных опор классической техники - мы изнашивали свою страховочную веревку, спускаясь по ней. Мало того - на спуске мы "изображали" страховку за трос, на первых порах искренне уповая на ее надежность! Можно ли придумать более утонченный самообман, искусно замешанный на невежестве?

Ну, конечно! Конечно же, вариант применения стального троса казался заманчивым не только нам. Ведущие западные фирмы по изготовлению спелео и альпийского снаряжения тоже взяли его на заметку, но... Сошлемся на мнение основателя фирмы "петцль" Фердинанда Петцля, говорят, в прошлом тоже спелеолога:

"... Было преведено большое количество испытаний. Поначалу идея выглядит очень привлекательной, так как используя трос, мы можете совершать прохождеия с меньшим весом. Но на практике все выглядит иначе. Во-первых, хотя с новым тросом достаточно приятно работать руками, старый трос, имеющий обрванные пряди, очень опасен для рук, даже в перчатках. К тому же трос не эластичен и совсем не прспособлен к рывкам. Рывок на нейлоновой веревке, в зависимости от условий, может быть погашен, но даже небольшое падение на тросе гибельно - для троса, точек закрепления, самого спелеолога"(*106).

А мы не сдавались. В 84 году известный в настоящее время спелеолог москвич Владмир Киселев демонстрирует на международной конференции спасателей советскую тросовую технику.

Вот что по этому поводу заметил другой известный специалист по техническим вопросам из Чехословакии Густав Штибраный:

"... Троса могут порваться в любое время, внезапно и без всяких предшествующих признаков... Стальной трос практически не способен поглощать кинетическую энергию, то есть является почти идеально статическим. Это очень опасно. По данным наших последних экспериментов тело весом 80 кГ при падении на 1 метр уже развивает энергию более 1000 кГ (*107) Однако по

исследованиям американского института "National Aeronautics and Space Administration" человек даже в самых лучших обвязках не выдержит рывка более 1200 кГ.

Почему же тогда наши советские коллеги применяют тросовую технику? У них нет другой возможности. Они не могут получить в достаточном количестве веревок удовлетворительного качества, однако стальные тросы легко доступны для них. Если бы мне приходилось работать в таких условиях, я, может быть, поступал бы также" (*108).

Оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре и гордо возразить что-либо из былого репертуара, типа: "Зато у вас негров угнетают!"

* * *

Кстати, о музыке. С "Пещерным вальсом", в результате скручивания веревки в спусковом устройстве, мы уже знакомы. А вот с его последствиями - пока нет. Не надо обладать феноменальным воображением, чтобы зримо представить, во что превращается двухверевочная трасса при возникновении, хоть небольшого, вращения при движении по ней. Вот тут и рождаются проклятые близнецы - Скрутка и Борода! Если бы все часы, проведенные спелеотуристами Союза в изрыгающем проклятия состоянии на спутках и бородах из веревок и тросов, потратить на что-нибудь более полезное, например, на изучение опыта наших коллег из других стран - толку, думается, было бы значительно больше. Так как там было у Америки? Ага-а... Ого! Иди ты! Похоже, оказывается...

"...Американские спелеологи очень консервативны в отношении страховки. Одно время некоторые группы настаивали на использовании страховочных веревок на всех отвесах. Их предостережения датировались днями дюльферного спуска, гораздо более опасного, чем на спусковых устройствах. Один старый спелеолог дошел до того, что утверждал, что если колодец узок на столько, что страховку нельзя разнести с рапелью так, чтобы они не спутывались, то в этот колодец вообще нельзя спускаться".

Спасибо Вам, мистер Тран. С каждым Вашим словом у нас расправляются плечи. Уж до этого мы не доходили. Но нет-нет, мы слушаем с вниманием.

"Смит (да только ли этот неизвестный нам Смит? - п.м.) сильно недооценивает опасность скручивания веревок между собой. Они запутываются на всяком свободном отвесе. Любые две веревки, повешенные рядом, будут скручиваться друг с другом". У нас действительно много общего с американцами - гораздо больше, чем внушалось все прошлые годы. В 86 году в Тбилиси на 1-м Международном Симпозиуме спелеологов в СССР спелеолог из Югославии Андрей Михич сказал хороший тост:

- Когда мы возвращаемся на землю - мы равны, как перед Богом. Потому что мы одинаково счастливы!

Когда мы возвращаемся на землю... Кейвинг в этом отношении так похож на космос. Это понимают ученые, изучая человеческий организм в условиях пещеры. Это ощущаем мы, возвращясь наверх. Так о чем это мы? Ах, да, о веревках! Тогда заглянем снова в Снежную, но на этот раз глазами Усикова:

"...Через десять минут происходит следующий эпизод. Первым в Большой зал в хорошем темпе на "пожарнике"(*109) съезжает Виктор. Быстро отстегивается от веревки, не дав ей

раскрутиться. Но Виктор не обращает на это никакого внимания и резво слезает со снежного конуса. Следующим спускается в Большой зал Алексей. Здесь впервые в своей короткой спелеологической жизни он знакомится с тем, что бывает, когда скручиваются веревки. Леша зависает, как говорится, "мертво". Конечно, он зовет Виктора, чтобы тот вернулся и помог. Но Виктору, который уже спустился с конуса, лень возвращаться (конус-то 30 метров высотой - настоящая фирновая гора! Хоть это и не оправдывает лентяя - П.М.) Он как бы не слышит призывы Алексея и скрывается в "Шкуродере". Счастье нашего новичка, что он... беседки не снял (Иные бывалые исследователи Снежной запросто спускались по колодцам, прикрепляя спусковые устройства прямо к грудной обвязке! - П.М.). Целый час он болтался в пустоте, пока виток за витком не распутал веревки. Когда же Алеша, наконец, спускается, в нем еще кипит злость и полыхает ярким пламенем праведливый гнев, который он собирается обрушить на своего мучителя. Но обидные слова застревают у него в горле, когда он видит окоченевшего Виктора, который стоит, боясь пошевелиться, на одной ноге на узкой полочке под самым потолком "Малого" зала. Именно здесь его постигла "божья кара": в самом неудобном месте перегорела лампочка, а запасную он взять не удосужился. Весь этот час он страдал от холода, пронизываемый ледяным ветром "Шкуродера, а еще больше от ужасной мысли, что наверху что-то случилось, все вернулись в лагерь, что его тут бросили, забыли."

Далекий ты наш 78-й! Если бы каждого, давшего промашку под землей, Пещера наказывала так жестоко и так мягко одновременно - "прекрасен был бы наш союз"!

Что Вы говорите, мистер Тран?

"Приход плетеных веревок (*110) облегчил использование отдельной страховки, но потребовалось 15 лет, чтобы показать, что годится и одна веревка..."

Минуточку! Вы несколько забегаете вперед. К одинарной веревке мы обязательно придем, но позже. А пока - вот сакраментальный вопрос: страховка! Лестнично-веревочная техника унесла с собой и обязательное применение верхней страховки или взаимостраховки работающих на отвесах. На смену этому коллективному передвижению пришло индивидуальное параллельное движение участников прохождения пещеры с самостраховкой каждого из работающих. Действительно, почему бы не доверить каждому самому позаботиться о собственной безопасности?

Не знаю, как в других странах, а у нас всегда были трудности с проявлением какой-либо индивидуальности. Усилиями классиков и последователей марксизма-ленинизма коллектив воцарил над личностью всерьез и надолго. Коллективно решали все и за всех, привычно забывая о каждом в отдельности и заботясь лишь о некоем всегда достаточно абстрактном "всеобщем благе".

И тем не менее, переход на работу с самостраховкой резко выдвинул вперед вертикальную технику. Теперь спускались и поднимались по отвесам, перевдигая по параллельной веревке или тросу самостраховочный зажим, прикрепленный к обвязкам коротким "усом". Понятно, что эти новшества не обошлись без проблем.

Что на ваш взгляд сложнее - спуск или подъем по отвесу?

Нет-нет, не труднее, а сложнее? На первый взгляд, не очевидно. Как ни странно - сложнее в техническом отношении именно спуск по линейным опорам. Конечно, на спуске, если и потеешь, то только от страха, а вот при подъеме от вас, порой, такой пар валит, что колодец застилает. И тем не менее, абсолютное большинство аварий в этой области приходится именно на спуск. Спуск, как говрится, мягко стелет, да жестко спать. И если вы спускаетесь по одной из веревок, а самостраховку вынуждены осуществлять за другую (а тем паче за трос) - проблем значительно прибывает.

К чему она вообще - эта суета вокруг страховки-самостраховки, скажете вы? Ну, уберите, если мешает. И убираем, если можно. Но вместе с тем следует признать, что во многих случаях самостраховка нужна объективно. Прежде всего тогда, если по по каким-либо причинам вам не удается сохранить контроль за скоростью спуска. Ну, например, неожиданный удар камня по руке, каске или другой части вашего тела может повергнуть вас в такое замешательство, что о веревке вы на время просто забудете. Да мало ли что может застать "удачливого" кейвера врасплох?

У З Е Л.

-

- Эрик, - Коста послал луч фонаря вдоль полого уходящей вниз галереи. - Вы на Нижний ярус собираетесь?

- Обязательно. - Тень Эрика, еще более долговязая, чем он сам, прыгнула под своды. - Завтра. А что?

- Как думаете спускаться?

- Посмотрим, - Эрик ссутулился, расстегивая на себе снаряжение. - Вот поставим лагерь, и пойдем смотреть.

Коста отвел луч, посмотрел на шевелящиеся тени ребят. Даже не верится, он снова здесь, в Сумгане...

... Если пойти вот так, по утрамбованной под паркет галерее, через полсотни шагов выйдешь в Актовый зал. Странно подумать, они с Любой только что ходили туда. Спускались с уступа "трибуны" в засыпанный битым камнем, спускающийся к каменной трубе Туманного колодца, зал. Это налево. А тут... капель, озеро справа и капель. Все, как полгода назад, как два года назад, как тысячу лет...

- Эрик, - сказал Коста. - Я не советую идти через Туманный. Я смотрел - в колодец идет вода.

- Через Основной идти нельзя, - Эрик, наконец, разделался с ремнями подвесной системы, звякнул о камень карабином.

- Нельзя, - Коста кивнул. - Август, все-таки. Залетим под ледопад. В семдесят седьмом, помню, там по два раза на дню громыхало...

- У нас есть четыре гидрокостюма, значит, пойдем через Туманный.

- Баловство это, однако. Гидрокостюмы, вода... Бр-р-р!

Эрик посмотрел на него:

- Что ты предлагаешь?

Кто-то из ребят зажег свечу, и в галерее сразу стало, будто теплее.

- Я знаю третий колодец на Нижний ярус, - сказал Коста, закуривая. - Колодец Вейса.

* * *

В маленькой спиртовой кухне созревал кофе. Парок, поднимавшийся над помятой крышкой котелка, щекотал ноздри.

Они расположились вокруг каменного стола - шасть человек: три девушки, трое парней. Сколько встречь подарил ему Сумган? Не перечесть. Шли сюда вдвоем с Любой, ни на что особенно не рассчитывая. Давно обещал показать жене Пропасть, хотя бы вход. А когда увидел сегодня утром у их одинокой палатки в Каньоне парней в комбинезонах, радостно забилось сердце - быть им с Любой в Сумгане! Хорошие ребята, из далекого Каунаса - на Урал, впервые... Что ж, он покажет им Пропасть. Коста не мог сказать, что знал тут все от и до. Но - шесть экспедиций, сотни часов под землей. Что-то он все-таки знал. Вот колодец Вейса, например. Самый безопасный колодец.

На камне было холодно. Коста зло покачал головой:

- Кто-то лавки спер. Столько лет стояли, и вот - понадобились кому-то!

- Лавки? - удивился круглолицый рыжий паренек.

- Лавки, Вася, - Коста понимающе усмехнулся. - Самые настоящие, деревянные. Это же Сумган.

- Значит, так, - Эрик присел к спиртовке, будто сложился. - Сейчас попьем, и вы с Ангелой сделаете навеску на колодец Вейса. Чтобы завтра без задержки. Вдвоем справитесь?

- Чего не справиться? - Коста посмотрел на Ангелу. Девушка, с виду, крепкая. Спра-авятся. Дел-то - навесить веревки на колодец! Лучше б, конечно, с кем-нибудь из парней, ну, да выбор небогат.

Ангела что-то лопотнула на своем, каунасцы рассмеялись.

Коста отставил пустую кружку, встал:

- Пойдем, что ли?

Ангела, бренча снаряжением, выпрямилаь.

- Это... надо? - она с трудом подбирала русские слова.

Коста ни слова не знал по-литовски. Нет, одно знал - герэй! "Хорошо", значит. Ну, ничего, как-нибудь разберутся.

- Нет, - он прихлопнул себя по обвязкам. - Сбрую можешь не брать, моей хватит.

- Вы надолго? - Люба смотрела на него из-под каски: на заострившемся лице ночные глаза - пещерница! Первый раз в Пропасти, а ничего, не робеет.

- Через часок-другой управимся, - он ласково обнял жену за плечи. - Ты не мерзни, двигайся, герэй?

* * *

Шаги гулко бухали, отдавались высоко под сводами, катились впереди. Коста светил по сторонам, улыбался.

Он помнил тут все. До камушка, до выемки в стене. Ночами в городе, закрой глаза - и вот они, подземные дороги и перекрестки. Сколько здесь хожено! Последний раз - каких-нибудь полгода назад. Сейчас бы парней сюда. Его парней: Вовчика, Леху. Сколько еще недоделанного осталось в Сумгане! Тьма.

Коста покосился через плечо на фонарь Ангелы. Идет. Для нее это что - пещера. Громадная, конечно, впечатляющая... но и только. А для него?

Для него - это Узел. Узел всего, что было, есть, будет. По воле Судьбы завязавшийся здесь.

Пропасть. Она дала ему друзей, дело, самого себя. Теперь она встречает его жену. Скоро ли придут дети?

Узел.

Как летит время!

У Руты - двое детей, у Вовчика - двое, у них с Любой - один. Пока. Сын. Лешка. Мал еще пока... У Эрика с Ангелой тоже кто-то есть. Или нет? Да-а.

Коста чиркнул светом по стене, поправил на плече бухту веревки. Вот и первый уступ.

- Однако, сюда. Ну-ко!

Веревки, лестницу забросил на самый верх четырехметровой стенки. Он помнил на ней каждую зацепочку.

- Ангела, слышь? Ты смотри, как я пойду, и давай следом. Герэй?

- Герэй! - Ангела белозубо засмеялась. Вроде, ничего девчонка.

Он упруго взял стенку, выбросил послушное тело на глинистый пол уходящей отсюда вверх спиралевидной галереи.

- Давай!

На всякий случай скинул вниз репшнур, забился в угол, подстраховал. Кто его знает! В семдесят шестом он чуть не грохнулся с этой стенки, Птер тут слетел, Леха чуть не спрыгнул... А внизу камни.

Ангела выбралась тяжеловато, а впереди еще "камин"... Хм!

Пока шли по поднимающемуся вверх ходу, жадно смотрел по сторонам, показывал памятные сталактиты:

- Вон, гляди, "морковка" висит. А вон "штопор"!

Местами стены блестели, одетые кальцитом.

- Красьиво! - Ангела радостно оглядывалась. - Куда дальше?

Коста вышагнул из-за поворота, бросил веревки к стене:

- Смотри.

- Вот это о-го-го! - Ангела всплеснула руками. - Сталагми-итище! Да?

Действительно, штука! Сталагмит - метр в высоту, зато в поперечнике метра три-четыре. И ванночки-гуры на белоснежных боках. Накапало! Тысячи лет ведь...

- "Слоненок" его зовут, - Коста запрокинул голову, пошарил во мраке бессильным лучом. - Во-он откуда натекло. Ну, да поднимемся - посмотришь. А теперь займемся акробатикой.

Коста оценивающе мерил глазами камин. Там, над ними, метрах в восьми, чернотой зияла ниша. Все так и думали, видно, что ниша. А в семдесят пятом Вовчик взял да и прошел этот камин - полуоткрытую трубу в стене под нишей. И вышел в галерею.

Дальше... Дальше был колодец Вейса.

* * *

Из колодца, как всегда, сифонило холодом и паром. Коста недовольно поежился. Самый безопасный колодец. Но уж самым уютным или удобным его не назовешь. Во-первых, подступы. Дьявольский камин занял кучу времени. Сначала он хотел пустить первой Ангелу. Подсаживал, подсаживал, но мак и не смог впихнуть ее в каменную трубу. Что было делать? Первые три метра этого камина без помощи снизу еще не проходил никто.

Коста усмехнулся. Всякое бывало, но вот ногами по женщине еще не ходил! Но делать-то было нечего! Ангелка - молодец. Выдержала, пока он не заклинился в камине, подсадила. Давно надо сюда бревно притащить...

Он вылез, сбросил репшнур, потом веревку, пробовали и

так и этак, но пока не спустил в камин тросовую лестницу, Ангела вылезти не смогла. Выбралась, распаренная, жаром пышет. А он едва зубами не стучит. Ветер тут...

Перекурили.

- Герэй?

- Герэй!

И вот - колодец. Коста по-хозяйски осмотрелся. Ох, и знакомо же тут все! Помотал из них силушек проклятый колодец. И нервов. В прошлый раз, три года назад, уходил от колодца, думал, все, не вернусь. Баста! Так нет же, вот он. Снова нарисовался.

Коста покачал каской, задумчиво окинул взглядом кучу веревок.

- Ну, что, начнем?

* * *

Хуже всего было то, что у них не хватало снаряжения.Собрали все, что могли, но все же пришлось на первую, пятнадцатиметровую, ступень колодца навесить для страховки вместо веревки тонкий шестимиллиметровый репшнур. Толку от этой страховки было немного, но все же. Оставив Ангелу в узкой щели устья колодца, Коста начал спуск, но метрах в трех от дна уступа обнаружил, что страховка кончилась. Коста завис над полкой, размышляя.

- Ну, что? - голос у Ангелы звонкий.

- Страховки не хватает. Спущусь, перевешивать будем.

Отстегнувшись от страховки, он мягко соскользнул по рапели вниз, встал.

- Кидай веревку!

- Куда-а?

Снизу, из колодца, несло холодом и туманом. Мерзнет, небось, девчонка.

- Прямо вниз кидай! Дойдет.

Коста на всякий случай отошел в нишу. В воздухе басовито прожужжало, плюхнулось в камни площадки.

- Есть!

Наклоняясь за веревкой, неожиданно увидел: что-то блеснуло под ногами. Будто подкова на дороге. Коста озадаченно ковырнул пальцем, выцарапнул "подкову" из утоптанной глины, осветил. И не поверил: рогатка! Их рогатка. Ну да! Вот и краска. Красная. Значит, Лехина. А может, Вовчика. Тогда, в 77-м, они тут были втроем. Уходили последними, и кто-то обронил. Кто-то из них троих. Больше некому.

По сердцу теплом повело. Коста даже рассмеялся. Три года прошло! А здесь время будто остановилось. И вот - он получил подарок из прошлого!..

- Костья, дошла?

Мерзнет девчонка. Скорее надо.

Коста с удовольствием прищелкнул найденную рогатку на карабин. Рогатка, наверно, тоже рада - подумалось. Надоело, небось, без работы!

* * *

Теперь ему оставалось сделать навеску на вторую, главную, ступень колодца Вейса. Колодец метров тридцать. Семдесят метров нового прочного капрона. Если спустить веревку вниз вдвое - должно хватить. По одному концу спускаться, по другому - самохват самостраховки. Железно.

Неспеша отыскал в глубине полки проушину в скале,

скрутил узлы, закрепил веревку. Все, как полагается: рапель отдельно, страховку отдельно. В гулкой тишине колодца карабины щелкали звонко, даже весело. Теперь сбросить концы вниз и - точка. И бегом домой. Ребята, наверно, уже ужин сготовили. Должны. Они с Ангелой тут долго провозились.

Коста прицепил к одной из веревок свой самостраховочный зажим, поднял обе бухты и осторожно двинулся вперед. Туман, черт! Не видать ничего. Тогда, осенью семдесят седьмого, он, помнится, так зашвырнул в тумане веревку, что карабин на ее стене застрял на противоположной стене колодца. Еле сняли...

Грохоча осыпью, Коста приблизился к краю колодца. Камни, срываясь из-под ног, где-то глубоко внизу гулко били в воду. В озеро. Веревка отсюда приходит точно в его середину. Опять придется покачаться, пока выберешься на край этого круглого и глубокого - по пояс, не меньше, озерка.

Он собрал веревку кольцами, примерился. Бросил. Веревка ушла с характерным шелестом-свистом.

Плюх-х-х!

Значит, дошла до озера. Вон как плеснула концом!

- Есть!

- Костья?

Коста вздрогнул от неожиданности. В неспешной своей работе, один на один с пещерой, он успел позабыть о терпеливо ожидающей наверху Ангеле.

-Костья! Ты на конце веревки узел завязал? Вдруг не дойдет до дна?

Видали вы ее!

- Дошла уже, - Коста собирал кольцами второй конец. - Ты чего тут стоишь? Дует же! Иди в галерею.

- Да ничьего...

- "Ничего", "ничего"... - ворчал Коста, чувствуя себя уязвленным. - "Узел завяжи!" Ишь, учительша...

Его почему-то разозлил этот, рзумный в общем-то, совет. Идя в неизвестный колодец, завяжи на концах своих веревок узлы. Чтобы не соскользнуть, если они случайно не достанут до дна. Это для нее, Ангелки, он неизвестный. А для него - сто раз проклятый колодец Вейса. Проклятый сто раз и пройденный не меньше.

Узел завяжи!

Коста придержал руку, почесал бороду. Психуй или нет, а завязать надо. Для классу, хотя бы. Завтра здесь пойдут ребята Эрика - народ, в принципе, малознакомый, чужой. Надо держать марку.

Он быстро выудил из бухты конец веревки, затянул узел, размахнулся. Вж-ж-ж-плюх! Дошла.

Ну, все, теперь, домой, в лагерь. Коста плюнул в туман и загрохотал осыпью к верхнему уступу.

* * *

Они лежали с Любой в их теплом двуспальном пешке, согревая теплом друг друга. Лежать на надувных матрацах было, спору нет, мягко. Но уложенные поперек, надувастики отзывались на малейшее движение. А на девчонок, как назло, напал смех. В итоге подпрыгивала и тряслась вся палатка.

Коста был непротив посмеяться, но в мелодичном сплетении литовских фраз не улавливал ровным счетом ничего смешного.

Наконец, угомонились, притихли. Только тоненько звенела где-то рядом - он знал, где, капель, да все еще всхлипывали

со смеху девушки.

- Завтра на Нижний ярус пойдем, - он покрепче обнял жену. - Не боишься?

- Немножко, - она уже потеплела, а то холодная была вся - жуть.

- Ох, там и красота! Река одна чего стоит. "Ниагара", зал "Ворота", "Ледяной"...!

Черт, возьми, неужели они, и правда, завтра увидят все это? Даже не верится. Спать надо. До "завтра"-то часов шесть осталось, не больше...

* * *

...Он падал стремительно, и в то же время будто в замедленном рапидом кино. Несущиеся вверх вместе с мелькающими у лица стенами мгновения, вдруг растянулись, стали удивительно емкими. И сознание работало четко, наполняя их резкими, остро входящими в мозг, картинами.

Первое, что, подобно взрыву, ворвалось в привычное скольжение спуска по колодцу, была щемящая пустота в руке, за секунду до этого еще сжимавшей шершавую тяжесть веревки. И в тот же миг, уже падая, он услышал над собой гулкий щелчок освобожденной рапели о невидимый уступ. Будто бичом в тишине.

Он успел посмотреть вниз, потом - на стену перед собой.

Стена безмолвно стремительно мчалась вверх.

Снова глянул вниз.

Озеро, мутное, серо-свинцовое, в тошнотной зыби, стремительно приближалось.

На миг захватило сердце высотой.

Он еще подумал, что хорошо летит: ногами вниз и от стены далеко. И еще успел подумать, что хорошо бы попасть в центр озера - там илу больше, выше колен... как вдруг неведомая тягучая сила, будто по пологой дуге, осадила губительную прямую его падения.

Сильно рвануло левую руку, и он, еще не веря, еще весь в полете, весь напружиненный в ожидании близкого удара, упруго и стремительно сел в обвязки, подпрыгнул, подброшенный все той же спасительной силой, и закачался у стены на ремнях подвесной системы.

Время сжалось, обрело реальность.

Коста глянул вверх. Там, намертво вбился в узел на конце веревки самохват его самостраховки. Сработала! Так вот почему рвануло руку... Значит, он падал, намертво вцепившись в зажим самостраховки. Стоило ему разжать кулак, и устройство сработало бы, вцепилось в страховочную веревку, остановило бы падение еще задолго до узла. Но он...

Мало того! Успев так много заметить и подумать, он ни разу даже не вспомнил про самохват. Готовился к встрече с дном колодца и, если бы не узел, так бы и слетел с последней веревки... Так бы и дошел до озера.

Если бы не узел...

Узел?

Его спас узел, который он вчера завязал для "блезиру", для формы, просто так. Но почему веревки не дошли до дна? Коста медленно покачивался в нескольких метрах над свинцовым овалом озера. Грудная обвязка больно сдавила ребра.

Спокойно!

Он постарался устроиться поудобнее. Надо было собраться

с мыслями и что-то предпринять. Узел! Сам залетел, сам и выпутывайся...

Коста прислушался. Сверху приглушенно доносились голоса: высокий - Любы, низкий грудной - Изольды. Чирикают, птенчики, и не заметили, что я слетел...

- Эва-а! - прозвенело сверху. - Что у тебя-а!

Нет, заметили. Еще бы! Веревки, должно, дернулись, будь здоров! Коста поднатужился - мешали обвязки - крикнул:

- Нормально! Завис на самостраховке, выпутываюсь.

Собственно, все дальнейшее труда не представляло. Достать из-за спины запасной репшнур, привязать к веревке выше самохвата, вставить в него и заблокироватьь от непроизвольного проскальзывания рогатку, сделать стремя, приподняться на нем, выстегнуть зажим самостраховки...

Зажим отстегнуть удалось не сразу: здорово сел на узел! Со всего размаху, считай. Узел... Его не оказалось на рапели. Не завязал, не подумал, понадеялся на свой опыт... А то не упустил бы рапель из рогатки - узел засел бы в ладони, а?

Коста осторожно перенес вес тела на подвязанный репшнур, тихонько заскользил на рогатке к озеру. Ого! Метров пять не дошел. Вот бы булькнуло!

Он весело усмехнулся. Все тело наполняла какая-то непонятная радостная дрожь. До озноба. Все вокруг воспиринималось исключительно ясно, сочно, отчетливо! Будто пелена с глаз...

Вот же черт! Сколько ж он пролетел? Конца рапели так и не видно. Метров восемь, не меньше...

Коста завис над самым озером. До края-берега рукой подать, а поди - дотянись! Грудь распирало озорное. Э-эх! Он лихо перевернулся вниз головой, зацепился кончиками пальцев за ребристый, будто шоколадный, край озера, качнулся.

Е-ще!

Набирая амплитуду, качнулся сильнее. Теперь пора!

Выпрямился на веревке, нацелился и выпрыгнул на шоколадный берег, со свистом протравив репшнур сквозь рогатку. Все!

Кровь сильно, толчками, мчалась по жилам. Коста огляделся. Каменная бутылка! И он.

Жив! Как же так получилось! Он явственно слышал плюханье сброшенных веревок. Почудилось? Значит, вот ведь! - каждый раз, вместо веревки, долетал до озера один единственный камень... Или, может, так обманчиво хлестали концы по влажным гладким стенам? Да-а...

Он ошибся, но в чем?

Коста отошел к стене, присел на корточки, уперся лучом в муть озера.

Вот сюда бы... Ну, дела...

Не доходило.

Если бы не узел!

"Костья!"- вспомнилось.

Ах, Ангелочка-Ангела, выходит, тебе обязан.

Лежал бы сейчас...

Люба там, наверху... Кричат что-то... А-а, Эрик подошел.

Люба и не знает. Узел... Вот тебе и узел!

Ладно.

Коста пружинисто встал. Руки, ноги, грудь, упругие мышцы. Хорошо-то как! Он полоснул лучом вверх, по отсветно гаснущим в тумане сумрачным стенам. Захватил побольше возду-

ха - запеть бы!

Не запел - заблажил могучей глоткой - гулом по колодцу:

- Э-ге-гей! Э-ва-а-а! Слушай меня-а! Будем менять навеску.

С Т Р А Х О В К А, С Т Р А Х О В К А...

-

Что ж, статистика аварий на подземных вертикалях знает немало случаев, когда падение происходит из-за отсутствия на конце недостающей до дна колодца рапели узла, который не дает выскочить веревке из рук и спускового устройства спускающегося. Это самая заурядная техническая ошибка, вызванная усталостью, неопытностью, халатностью или другими человеческими причинами.

Но есть и другое: проблема самостраховки, о которой мы и продолжим разговор.

Противоестественно - в момент срыва и падения, когда все обрывается, сжимается, взрывается электрическим током в мышцах и нервах - не вцепиться изо-всех сил в оставшуюся надежду. Падавшие когда-либо меня поймут.

Но есть заповедь скалолазов: в момент срыва - руки в стороны! Пальцы на веревке - это травма, это сорванная кожа и разбитые фаланги, прижатые веревкой к скале. Заповедь - заповедью, но попробуй - преодолей этот древний, как сама жизнь, инстинкт - отпустись!

Искусство самостраховки долгое время строилось именно на воспитании умения преодолеть в себе примитивный инстинкт самосохранения - умения вовремя отбросить в сторону свой самостраховочный зажим. Ибо именно это было непременным условием его срабатывания.

Нелепо? Но как это похоже на человека! Вместо того, чтобы следовать за природой, применяясь к ней, - тужиться переделать ее.

В то время, как Западная Европа уже успешно использовала достаточно удобные для самостраховочных целей зажимы, в СССР проблема осуществления самостраховки вставала во весь рост. И прежде всего потому, что нашими законодателями в области советской спелеомоды вовсю насаждались конструкции зажимов типа "гиббс" и напрочь отвергались все остальные. Критерий был один - механическая прочность в абсолютном выражении. А значит, в хит-параде примняемых в советском кейвинге зажимов ведущее место заняли конструкции с замкнутым корпусом ("гиббс" и его аналоги). Возможности же конструкций с разомкнутым корпусом - типа "дресслер", "пуани", "кролль" и им подобные, на долгие годы остались скрытыми от нас, как, впрочем, и вся зарубежная спелеотехника.

* * *

Появление в советской практике стального троса (в качестве линейной опоры для передвижения по отвесам) до предела обострило проблему самостраховки. Нам "удалось" собрать вместе и наложить друг на друга два опаснейших фактора: с одной стороны - безусловный рефлекс, заставляющий стискивать в кулаке самостраховочный зажим и вместе с ним падать вниз; с другой - объективная опасность рывка за малоэластичный трос, приводящего к повышенным, порой, запредельным, нагрузкам на всю страховочную цепочку.

Помните хребет Алек? Есть на нем такая пропасть - ТЕП. Замечательная это пещера. Глубина ее -470 при протяженности

всего 650 метров. Опытный глаз сразу приметит, что это практически сплошная вертикаль. Так оно и есть. ТЕП - это почти непрерывный каскад колодцев, самый большой из которых - "восьмидесятка". Чистая, белая, будто сахарная, пропасть.

Но славу ТЕПу создала не только вертикальность и своеобразная красота. Среди кейверов ТЕП известен под странным, но красноречивым названием: "Божий унитаз".

О, усмехнувшийся мой Читатель! Сколько коварства в этом, несколько даже несерьезном, названии...

Все входы в пещеру (а их у ТЕПа три), как обычно на Алеке, расположены один за одним по тальвегу (*111) крутого лога. Отмытые камни на его дне наводят на мысль о ручье. Но воды нет. Что же и когда отшлифовало эти камни?

"Когда Боженька потянет за ручку, - шутят в этих местах, - тогда ...!" Паводок опасен во всех пещерах Алека, но в ТЕПе он настигает практически мгновенно. Есть такое понятие - "время добегания паводка": которое теми минутами или часами, которые остаются в вашем распоряжении с момента начала на поверхности дождя до подхода первой паводковой волны.

Лето 1982 года. Наше отделение Всесоюзного семинара инструкторов проводит учебно-тренировочный штурм пещеры Назаровская на хребте Алек. Две двойки работали в пещере, а мы осматривали Назаровский лог выше входа в пещеру, когда сумрачное с утра алекское небо прослезилось. Дождь на Кавказе начинается сухим щелканьем двух-трех капель по буковым листьям и тут же переходит в мощный мерный шум.

Немедленно бросаем свое занятие по поиску и со всех ног мчимся вниз к Назаровской. Надо предупредить ребят, что начался дождь. Ровно через семь минут после старта мы скатываемся во входную воронку - здесь, под навесом скалы, есть "зачистка" провода для подключения телефона. И тут же за нашими спинами раздается какой-то незнакомый угрожающий звук. Встревоженные, озираемся, пытаясь определить его источник.

Выскакиваю чуть вверх по склону, выглядываю из воронки и вижу: по дну балки к пещере идет вода. С утробным рокотом по камням, сгребая по пути листья и веточки, катится, небольшой пока - сантиметров 10 высотой, метра 2 шириной, коричнево-пенистый валик дождевой воды.

Ровно через 7,5 минут после падения первых капель вода с шумом устремляется в Назаровскую, образуя впечатляющий водопад на первом же 7-метровом уступе.

В том же году аналогичную, но еще более мощную картину мы наблюдали на входе в ТЕП. Через 15 минут после начала ливня, концентрируясь на дне балки, паводковая волна достигла входа в пропасть и устремилась в него.

Попавший в пещерный паводок - не забудет его.

"... Поток уверенно набирает силу, и ноги сквозь резину литых сапог чувствуют его нарастающую упругость. Шум ручья мешает разговаривать. Пещера проснулась. Еще недавно ласкавшийся в ногах котенок выпрямляется во весь рост, превращаясь в свирепого дракона, в слепой ярости сметающего все на своем пути (*112)".

Вода мчится по пещере, превращаясь на колодцах в ревущие водопады. На больших колодцах поток распыляется в грохочущий вихрь, ледяную водо-пылевую взвесь, забивающую весь колодец, мешающую дышать, давящую своей мощью и тяжестью.

Таким был 80-метровый колодец ТЕПа, когда летом 77-го го-

да здесь разыгралась трагедия, о которой напоминает молчаливая табличку у входа в пропасть. Увы, табличка здесь не одна.

Рассказывает участник тех событий Геннадий Ещенко:

"... Вода прибывала быстро. Было ясно, что нижняя двойка не успеет (подняться по 80-метровому колодцу - п.м.), придется отсиживаться. Тогда Володя Панюшкин решил провести провод вниз, чтобы обеспечить связь. Телефонная трубка оставалась у Андрея (наверху колодца - п.м.). Договорились, что если провод запутается, то мы его сверху отрубим, чтобы Володя мог спуститься. Провод запутался метров через 20. Отрубили, да видно, он намотался на рогатку, на которой Володя спускался, и тот застрял. Пытался подняться на самохватах, но поток стремительно нарастал. Скоро мы стояли почти по пояс в воде, пристегнувшись к крючьям. Решили тащить его полиспастом. Но напор воды был такой, что самохват разогнулся и веревку заклинило. Все это время видели свет фары - наверное, Володя пытался уходить в стороны на стенки колодца, но вода дергала за веревку, сбрасывая его в поток. Последнее, что сделали, обрубили рапельную веревку, на которой он висел, и стали спускать на страховке. Однако часть веревки смыло вниз, и она где-то зацепилась. Спустили метров на 10, пытались освободить веревку, но паводок натянул ее, как струну. Остаток ночи провисели на крючьях, почти в потоке. Света больше не видели."

Так погиб москвич Владимр Панюшкин.

Среди прочих причин несчастья с очевидностью проступает путаница из двух веревок и телефонного провода на отвесе. Да еще не просто две веревки, а работали с верхней страховкой. И что характерно - все предпринималось именно для повышения безопасности: и страховка, и телефонная связь.

В этих строчках - мерная поступь советского спелеотуризма: отважного и, зачастую, беспомощного в своем невежестве. Нам накрепко внушили, что верхняя страховка безопаснее и надежнее самостраховки. Эти иллюзии разрушались трудно, в результате страшных и нередко фатальных событий.

...Когда паводок утих, появилась возможность спуститься в проклятый колодец.

"Борис хватает натянутую веревку, прощелкивает рогатку и собирается оттолкнуться. "Стой! Хватит риска." Быстро выхватываю веревку из мешка, узел на конце, и Борису на грудь. Веревку через карабин на крюке. "Теперь пошел!"

И снова та же ошибка. А какая уверенность, святая вера в обратном!

"Борис прыгает в черноту, стремительно разматывается страховка. Мы расправляем. Наконец, она ослабевает. Не запуталась."

Сколько скрытого облегчения в этой скупой фразе. "Не запуталась"! Так "хватит" ли риска? И что рискованней: спуститься просто по веревке, рассчитывая только на свои силы и умение, или отдаться во власть чужих, хоть и дружественных, рук? Паутина веревок... Она призвана охранять нас, облегчить работу в пропасти, но грозит погубить, стоит нам превысить минимальную достаточность своего снаряжения или нарушить скрытую (во многом неочевидную) логику и законы безопасности работы с ним.

В 1983 году список жертв ТЕПа чуть было не увеличился. На этот раз за счет членов нашего клуба. На спуске в тот же

80-метровый колодец теряет контроль за рапелью усть-каменогорец Александр Ван.

Как это получилось, он не мог потом вспомнить. Только что ничего не предвещало падения, и вдруг... полет! Несколько долгих, как жизнь, мгновений прошли в безуспешных попытках поймать ускользнувшую из ладони веревку. Помните, падающие - это мало кому удается! И тут, как озарение - самостраховка! Ее надо отпустить, бросить, разжав судорожно стиснутые на самохвате пальцы. Усилием воли Саша бросает зажим, с визгом скользящий по тросу в его руке. Зажим срабатывает. Короткий удар, рывок и... падение! Почему? По-че-му-у?!

Он не мог потом определить, с какой высоты упал. Попал в водобойный котел под колодцем. Остаточное трение в рогатке (*113), ровные стены колодца, не выставившие навстречу падению роковой выступ или зуб, лопнувший от рывка и этим несколько притормозивший падение самостраховочный "ус" из крученой 8-миллиметровой веревки и, конечно, везение - но он не разбился. Ушибленный о край котла локоть, боль в плече - не в счет. После падения Саша прошел ТЕП дальше, до дна, а на обратном пути его группа попала в паводок, аналогичный тому, что унес жизнь Панюшкина.

И снова мы видим падение, когда падающий на какое-то время напрочь забывает о своем самостраховочном устройстве, а когда вспоминает, энергия его падения уже слишком высока и и при рывке разрушает наиболее слабое звено страховочной цепи.

"Несколькими несчастными случаями и некоторыми испытаниями показано, что человек будет сжимать схватывающее устройство и не даст ему сработать. Конечно, есть случаи, когда они и срабатывают. Но мне нужны такие страховочные приспособления, на которые я могу положиться безоговорочно."

Браво, мистер Тран! Вашими словами хотелось бы подытожить уже сказанное. В 1982 году нам с Шынгысом Дюйсекиным удалось создать зажим, о котором Вы мечтали. Устройство срабатывало безотносительно квалификации его владельца и других условий. Универсальный самостраховочный зажим, названный нами "Рефлекс", срабатывал именно при рефлекторном стискивании падающим его ручек, наподобие пассатиж.

"Рефлекс" держал на любых диаметрах стального троса и веревки от 2 до 12 мм, что прождало восторженное недоверие каждого, кто брал в руки это "чудо техники". На семинарах инструкторов спелеотуризма в Красноярске и на Кавказе зажим выдержал скептические взгляды представителей всего Союза. Но...

Наше изобретение, как и множество подобных ему, осталось в распоряжении редких умельцев, кто мог изготовить "Рефлекс" в кустарных условиях. И все-таки это была революция в технике работы с самостраховкой в условиях ВВТ и ТВТ.

Так что же такое самостраховка? Не окажись у меня в Кутук-Сумгане узла на конце страховочной веревки, скорее всего, не писать бы мне этих строк. Сколь бы ни было совершенно снаряжение - оно всегда в руках того, кто его использует. Наша безопасность не столько в количестве или качестве применяемого нами оборудования, сколько в знании предмета своей деятельности, понимании совершаемого. К сожалению, вместо необходимого понимания, обучение в современном альпи-

низме и спелеотуризме чаще всего идет на уровне: "Делай, как я - так, так и так, тогда ничего не случится". Обучение, основанное на примитивной передаче опыта со стороны учителя, и на не менее примитивной вере в инструктора со стороны обучаемого.

Что такое вера? Верить можно в Бога. В горах и пещерах нужно ЗНАНИЕ.

А две и более веревок на отвесе, в зависимости от конкретных условий могут быть действительно необходимы. Также, как и самостраховка. Надо только понимать, где именно.

Как в том анекдоте:

"Ворона каркнула во все воронье горло,

Сыр выпал...

И завис на самостраховке!

Так что в данном случае польза от нее очевидна, не правда ли?

С Т Р А Т Е Г И Я У С П Е Х А.

-

Давно известно, что из любого положения всегда есть, как минимум, два выхода. Насладившись вариантом, рожденным советским спелеотуризмом и не имеющем аналогов нигде в мире, трудно не задаться вопросом: а собственно, почему? Отчего это мы снова оказались в одиночестве? Даже страны, так называемого "соцлагеря", и то переметнулись. Поляки, чехи, венгры, хорваты - все постепенно брали на вооружение достижения западноевропейской школы вертикального кейвинга.

"Что касается болгар, - сказал как-то москвич Виктор Козлов, больше известный в спелеологической среде под прозвищем Капрал. - Что касается болгар, например, так они не оттуда берут. Надо с Востока брать, а они с Запада норовят!"

Осенью 85 года приехавшие на Алек болгарские спелеологи разительно отличались от нас не только по своему снаряжению, но прежде всего - по принципиальным взглядам на технику и тактику спелеоисследований.

Тут, видимо, пришла пора заглянуть еще в одну дверь - с табличкой "Тактика спелеоисследований". Интересно? Как хотите, но заглянуть придется. Сами понимаете: "Колхоз - дело добровольное: хочешь - вступай, не хочешь - расстреляем."

Или мы не советские люди?

Во времена "верхней страховки", когда хорошим тоном считалось наличие второй страховочной веревки в надежных руках товарища по штурму, остро выступила не только "проблема первого". Кому идти первым - самому умелому или самому главному, по обстановке - особых дискуссий не вызывало. Идти первому - это честь и азарт! Это первые следы на терра инкогнита. Что объяснять? Каждый из нас чувствует особый романтический аромат самого слова - первопроходец. Так что с первыми всегда было в порядке. А вот с последними...

Как ни вертись, а наступал момент, когда все товарищи по штурму уходили ниже, а над колодцем оставались всего двое. И кто-то из них должен был стать страхующим.

Что это значило для страховщика? Конец продвижения вперед и начало длительного ожидания на опостылевшей полке. Почетно, что тебе доверили страховку, слов нет, но...

А потом группа подходила к следующему колодцу, и новый страхующий сурово приступал к своим обязанностям, чтобы

после того, как все уйдут ниже, в одиночестве коротать над колодцем бесконечные часы ожидания.

Не нужно иметь богатое воображение, чтобы почувствовать всю обреченность этой первобытной тактики. росли пещеры, росло число отвесов в них - катастрофически увеличивалась нужда в добровольных узниках страховки. Появилась даже песенка на детский мотив, но очень верно передающая суть этого явления:

-

"Вместе весело шагать
по колодцам,
по колодцам
обводненным,
А пещеру штурмовать -
так уж ротой
или лучше -
батальоном!"

-

Решившись на самостраховку, мы будто воздуха свежего глотнули. На дно пещеры вдруг разом смогли попасть все! О, это сладкое слово - Свобода! Теперь по колодцам неслось:

- Дошел. Рапель свободна, страховка свободна.

- Понял. Пошел!

Стоило освободиться веревкам на отвесе, вниз или вверх сразу же уходил очередной участник. Один, второй, третий.

- Сто-оп!

- Что та-ам?

- Борода-а! Мать...ать...ать...ать!

Значит, все. Приехали. Теперь можно покурить, пока не распутается счастливец, въехавший в бороду из спутавшихся между собой рапели и страховки.

А тут еще мешки...

И пока мы курим на очередном уступе, давайте поближе познакомимся с еще одним спелеоперсонажем, который внес серьезные коррективы в развитие тактики и стратегии штурма подземных великанов. Имя ему - Транспортный Мешок.

Да-а, все бы ничего, но вот мешки! От экспедиции к экспедиции они плодились и множились со страшной быстротой. Особенно, когда речь заходила о сверхглубоких пропастях, вроде Снежной.

Именно в Снежной зародилась особая тактика штурма, в просторечьи получившая название "морозовской", по имени ее основоположника Александра Игоревича Морозова.

Морозов исследования Снежной вел капитально. В условиях нескончаемых снежнинских глыбовых завалов рассчитывать на быстрый успех в поисках прохода через этот каменный хаос не приходилось. Морозовцы и не рассчитывали. Прицел делался не на лихой штурм, а на длительную осаду.

Что нужно, чтобы работать в пещере неделю? Многое нужно. Одним словом это называется достаточно наукообразно - жизнеобеспечение. Здесь продукты и витамины, рукавицы и спички, свечи, лампочки, батарейки на все время - все, вплоть до туалетной бумаги, должно быть предусмотрено.

Чтобы не искать в кромешной темноте пещеры нужный мешок, а в нужном мешке нужные продукты - было рождено понятие "модуль": стандартная упаковка жизнеобеспечения на определенное число подземных или наземных человеко-дней.

Положим, что наш модуль рассчитан на 8 человеко-дней. Это значит, что вчетвером мы можем, припеваючи, жить двое подземных суток. Заметим, что подземные сутки в морозовской тактике существенно отличались от астрномических и обычно были длиннее. Работали 20, 30, а то и 40 часов с короткими передышками для принятия пищи, затем ставился подземный лагерь, где, наконец, готовилась хорошая полноценная еда. После холодных и горячих "перекусов" на маршруте - это был уже рай! Понятно, что далее следовал сон. Это был, так называемый, "первый сон". Бывало, что он продолжался 16-20 часов. Затем следовало пробуждение, еда, короткий отдых в бодрствовании, снова еда и "второй сон", несколько меньшей продолжительности. Позавтракав после второго сна, можно было уже достаточно спокойно приступать к новому рабочему дню морозовской протяженности.

Итак, на неделю подземной работы на четверых нам понадобится три с половиной модуля с жизнеобеспечением. А на месяц? Мешков 14-15. Длиннейшая из экспедиций Морозова зимой 81-82 года продолжалась чуть ли не три месяца. Подсчитываем количество модулей с продовольствием, плюс десяток мешков со снаряжением: веревками и т.п., плюс подземный лагерь с палатками, спальными мешками, теплоизолирующими ковриками и кухней, плюс личные вещи каждого участника... Получалось немало.

И самое неприятное, что весь этот груз надо было как-то перетаскивать по пещере. Чего только не придумывали. Прибегали к ступенчатым заброскам силами вспомогательных групп: модули затаскивали в пещеру и прятали в специально подготовленных и тщательно замаскированных местах. В решающей фазе экспедиции принимало участие очень ограниченное число спелеологов - с тем, чтобы обеспечить, как можно более длительное, пребывание штурмовиков под землей.

Но как бы то ни было, работа по "морозовской" тактике все больше приобретала характер затяжного и мало эстетичного таскания тяжестей по пересеченной местности. Лично мне, в компании из 4-х человек, приходилось участвовать в передвижении по Снежной партии из 36 транспортных мешков. Большего маразма в кейвинге мне встречать не приходилось.

Таскать по пещере транспортировочные мешки - это не рюкзаки носить по горам. Здесь нужна особая техника. Чаще всего группа растягивалась цепочкой и передавала мешки с рук на руки. Рождались специфические термины: например, "пункт накопления мешков" - сложить в узком меандре, в завале среди глыб, на маленькой полочке над колодцем несколько десятков мешков - это надо уметь. При этом по ходу транспортировки мешки приходится постоянно пересчитывать - потерять транспортник в такой мешанине - раз плюнуть!

По колодцам мешки спускали и поднимали веревкой (той самой, кстати, по которой спускались и за которую страховались при подъеме!) Что только не придумывалось, чтобы облегчить этот сакраментальный процесс: "подъем мешков по троллею", "подъем мешков с сопровождающим", "подъем мешков противовесом"... Как в почтенные времена лестнично-веревочной техники, группа то растягивалась по уступам, чтобы тащить и отцеплять бесперечь застревающие мешки, то снова собиралась в цепочку, чтобы перебрасывать их с рук на руки.

Естественно, что чем больше было мешков, тем медленнее

продвигался подземный караван. Чем медленнее он продвигался, тем больше времени требовалось ему, чтобы достичь дна пещеры. Чем больше времени требовалось для выполнения этой задачи, тем больше мешков с жизнеобеспечением нужно было взять с собой. Чем больше мешков - тем медленнее движение...

Проблема постепенно превращалась в замкнутый круг. Единственное, что оставалось делать, это увеличивать продолжительность рабочего дня, работать на износ, теша себя иллюзией, что так мы будем продвигаться быстрее. Блажен, кто верует! Чем длиннее становились рабочие дни, тем больше времени требовалось нам для восстановления сил в подземных лагерях. Природу не обманешь.

Вот, для примера, скупой хронометраж из моего полевого дневника рекордной экспедиции "Снежная-81", когда сборная команда под руководством Тани Немченко добавила 15 метров к всесоюзному рекорду глубины, после чего Снежная стала -1335 метров:

"13 июля, понедельник. Ну, и, конечно, наш выход. Уходим в пещеру в 14.00. Нас четверо и шесть мешков. За три часа спустились на 200 метров вертикали Ледовой части. Спускался с двумя мешками... Володя Демченко ведет телефонную линию, чудом разбираясь в путанице проводов, оставленных прошлыми экспедициями. В Большом снежном зале сменили свет."

Почти цивилизованно продвигаемся, транспортируя мешки на себе, о чем говорит довольно приличная скорость нашего спуска.

"Следующие 100 метров вертикали идем 3 часа 45 минут и в 20.45 мы на дне Кораллитового колодца. Решено устроить перекус, все-таки движемся уже 7 часов. Сварили гречневую кашу без соли, так как взять с земли соль мы забыли, а модули вскрывать еще не время. Сидим под полиэтиленом, греемся свечками и гексой (сухим горючим). Затем надеваем гидрокостюмы и продолжаем движение. Итого на отдых ушло 4,5 часа."

Совершенно неоправданные потери времени и сил. Мы уже выбились из привычного суточного ритма - на часах глубокая земная ночь. Но самое главное еще впереди.

Отсюда, из Галереи, до Университетского зала на глубине -480 метров нас отделяли 180 метров вертикали Большого колодца Снежной. Без всяких узостей, сложного лазания, других неприятностей - просто четыре ступени одного большого колодца. Казалось бы - что может быть проще и желаннее для кейвера-вертикальщика?

Но нет. Если первые 300 метров (с локальными узостями, меандрами, колодцами и т.п.) пещеры мы вчетвером с шестью мешками проходим за 7 часов, то наверху Большого колодца нас ожидает вся свора транспортников в количестве 36 штук.

И началось...

"Уже 14 июля, где-то 1.30. Все 35 мешков (один содержал веревки и был опустошен при навеске), спущены на 20 метров в Предколодец. Управились за час.

Демченко-старший уходит на 70 метров ниже на Черный уступ, а мы все еще толчемся на дне Предколодца. Скоро уже 5 часов, как мы здесь. Спускать мешки на Черный уступ начали только в 3.30: что-то там у Володи запуталось на Черном уступе..."

Понятно - что. Мы применяли трос-веревочную технику!

"...Наконец, пошло веселей. Я подтаскивал мешки к щели

входа в Большой колодец, Резван подавал, Олег Демченко спускал мешки вниз. Семидесятиметровый спуск к Черному уступу начинается черной зияющей щелью. Над этой щелью на распорах носили мешки, перекуривали и даже спали. Я тоже с полчаса подремал. "На заре ты меня не буди, в голове у меня бигуди..."

В 7.20 наверху остаемся только мы с Олегом - все рукавицы пожгли веревкой. И вот, наконец, мой спуск.

Весь путь до Черного уступа приходится спускаться в свободном висе вдалеке от стен, будто в гигантском колоколе. Где-то внизу - страшно далеко - огоньки. Крутит по-черному! Едва выходишь на спуск, сразу же начинаешь вращаться вокруг рапели (Тогда и невдомек было, что все дело в рогатке!). Чтобы не запутаться от этой карусели, Демченко оттянул трос в сторону, и спускаться приходится по одной веревке без самостраховки. Страшно, неуютно, но иначе бы и совсем труба - запутались бы напрочь.

Метров через десять от начала спуска по голове начинает барабанить ручей. Весь дальнейший спуск проходит в сверкающих брызгах. Иногда снизу, из темноты, незримо вращающейся кругом, корявым чудовищем выплывет фантастический скальный зуб и беззвучно, по спирали, канет где-то вверху.

Руки устали держать веревку. Очень потом болели, когда на Черном уступе снял резиновые рукавицы (видно, со страху).

На Черном уступе есть одно место, где почти не капает. Отсюда вдоль стены спускаем мешки на 55 метров ниже - на Желтый уступ. На этом пролете операция по спуску мешков занимает 3 часа, и где-то в 10.30 последним ухожу вниз. Спуск почти сухой, если не считать брызг со стены и душа под самый конец: есть там, метрах в семи, у дна полочка, где так любят застревать мешки."

Девять (!) часов понадобилось нам, чтобы спустить 35 мешков и спуститься самим на полторы сотни метров. Мы не спим уже больше суток, проводя все время в напряженной работе в условиях 100-процентной влажности, падающей сверху воды, темноты, усталости, рассогласования суточных ритмов, страха перед одинарной веревкой, по которой нам приходится спускаться, выбирая между фатальной возможностью падения в случае ее обрыва и неприятными последствиями длительного зависания под ледяным душем на "бороде" из безнадежно скрученных рапели и страховки.

Мы на Желтом уступе, но дело на этом не кончается. Даже если бы мы захотели бросить все - мы не имеем такой возможности. Мы обречены двигаться до площадки, пригодной для установки подземного лагеря

"Желтый уступ просторнее и как-то светлее Черного. Недаром - Желтый. Одна неприятность - капель бьет прямо в рабочую площадку, откуда мы с Резваном спускаем в разверстую бездну Университетского зала сразу по четыре мешка. Отсюда до дна Большого колодца 45 метров чистого отвеса вдалеке от стен. Время утрачивает реальность, мы уже изрядно отупели от этой монотонной работы, холода и голода.

Но вот мешки спущены, и наступает наша очередь. Снова спускаюсь в свободном отвесе. Стен вокруг даже не видно. На голову с шумом валится ручей. Приземляюсь среди развалов огромных глыб, выбираюсь из-под ручья, отстегиваюсь от веревки. На моих часах - 13.15. С последним отвесом управи-

лись даже быстрее, чем за три часа.

Все. Мы на месте. Теперь ставим базу и спим."

Итак - классический снежнинский день близится к завершению: за 23 часа мы сами спустились на 480 метров и попутно перетащили 35 мешков на 180 метров по вертикали. После такой работы никто не страдает отсутствием аппетита или бессонницей. Как у нас говорят: "Плохо поешь - плохо поработаешь. Хорошо поешь - хорошо поспишь!"

Завершая повествование о том снежнинском дне, хочу поделиться одной историей, косвенно связанной с жизнеобеспечением. Группа "Снежная" прославилась не только достижениями в области спелеотактики, но и рядом изобретений прикладного характера. В частности, с их легкой руки, особую популярность приобрели подземные кухни на сухом горючем, так называемые "гексогазы". Простейший гексогаз представлял собой алюминиевое доннышко с асбестовой термоизолирующей прокладкой, на котором сгорает сухой спирт-"гекса", и металлического тонкостенного цилиндра с прорезями для вентиляции, на который устанавливается кастрюля. Все сооружение накрывается стеклотканевым чехлом. Варево доводится до кипения, после чего, в целях экономии горючего, кастрюлька перемещается в термическую баню-термостат из поролона, где и доходит до готовности.

Горючего для продолжительных кавказских спелеоэкспедиций требовалось изрядно. Случилось так, что однажды железнодорожное начальство воспротивилось перевозке по железной дороге партии сухого спирта, предназначенного для снабжения одной из снежнинских операций. Дело принимало крутой оборот и грозило срывом экспедиции. Тогда предприимчивые спелеологи поехали с вокзала на завод, и уговорили главного инженера выдать им справку следующего содержания: "Настоящая справка выдана в том, что сухое горючее нашего завода НЕ ГОРИТ"(!)

Пропустили.

* * *

Тактика глобального таскания мешков постепенно заходила в тупик. Надо было найти какой-то выход из этого отупляющего действа, превращающего кейвинг из удовольствия в чистой воды мазохизм (*114). Отерев пот, спелеогрузчики приступили к еще более трудному процессу - мыслительному.

А пока мы развлечемся таким невероятно интересным явлением как "летающие мешки".

Сам по себе "летающий мешок" не представляет собой ничего примечательного. Вероятность того, что тот или иной мешок вдруг обретет крылья, никогда не исключена. Но с возрастанием общей численности мешочного поголовья проп орционально возрастает и число их летучих представителей. Вот тут держи ухо востро!

Обычно мешки летают не по воле своих хозяев, а напротив - вопреки ей. Этот удивительный факт отмечают многие исследователи.

"...Площадка, на которой Данила складывал мешки, была небольшой, и к тому же располагалась на ледяной арке, не казавшейся слишком прочной. Работать было неудобно, а тратить время на благоустройство - жалко. Не исключено, что Данила от недельного контакта с бесшабашной молодежью потерял часть своей бдительности. Одним словом, очередной мешокврезался в уже отцепленный, выбил его из гнезда, и тот прыгнул в коло-

дец. Потом мы узнали, что он спланировал на глубину ни много, ни мало - 200 метров! И упал прямо на снежный конус Большого зала. По дороге мешок опасно просвистел мимо Володи Трифонова, который в это время перевешивал лестницу из-под Кривого колодца. Видимо, мешок упал дном. От удара взорвались две пачки молока и одна - картошки.

Мешки летали, как никогда. На спуске по второму этапу (привходовой снежник - Ледовый зал)... один из мешков вдруг оторвался (развязалась вздержка: после этого случая мы твердо решили не экономить на веревочках-вздержках). Сиганул мешок с чемоданом медикаментов и хирургических инструментов Севы Ещенко. Мешок-чемодан, к счастью, не задел никого. А летел он мимо Виктора, Севы и Саши. Быть убитому лекарством - в наше время уже не смешно. Этому мешку не удалось спрыгнуть в Большой зал, и он застрял в нелепой позе на откосе над Кривым колодцем. Из тысячи мелочей, которые Сева пожелал иметь в подземном лазарете, разбились только ампулы с кутгутом в спирте и, почему-то, пузырек с марганцовкой. И опять благодаря случаю, эти вещества не соединились. Вспыхнувший пожар был бы красивым финалом операционной в чемодане!" (*115)

В 83 году я наблюдал, как на входном колодце Снежной от перил отстегнулась связка рюкзак-станок (*116) - вот где мы воочию увидели, как отстегиваются карабины без фиксирующих муфт при вращении пристегнутыми на них груза вокруг натянутой веревки! Рюкзак и станок бесшумно канули в узкий снежный колодец в конце фирновой катушки - так той весной протаял вход в Снежную. Каково же было наше удивление, когда, спустившись в этот колодец и попав на коренной лед, мы не обнаружили беглецов. Первые следы появились в 100 метрах ниже: над Кривым колодцем сиротливо торчала из снега дужка от примуса.

В нашем рюкзаке действительно был примус. Но рюкзак был качественно зашнурован и застегнут на все ремни...

Сгорая от любопытства, мы продолжили спуск. Наконец, наше терпение было вознаграждено - пролетев 200 метров, мешок поджидал нас у основания снежного конуса в Большом зале. Нетерпеливо развязали мы все многочисленные завязки и застежки: примус был цел! Если не считать того, что неведомая и невероятная сила сняла и туго нахлобучила на доннышко крышку котелка, в который примус был упакован. Ну, и не хватало одной дужки - той самой! А вот станок будто в землю канул. Так и ушли мы вниз, погрешив на кажущиеся бездонными, пробитые во льду капелью, колодцы.

На обратном пути поставили лагерь в том же Большом зале у подножия снежного конуса. Прошло дней десять нашего пребывания в пещере, и что там за погода на земле - было неясно. Ночью несколько раз грохотало и ухало на ледовой части. Видимо, срывались в колодцы подтаявшие наверху глыбы льда.

Наше подземное "утро" наступило около 22.00 часов по астрономическим часам. Собираем лагерь, пакуем многочисленные мешки и начинаем вытаптывать ступени для подъема на снежный конус. И тут натыкаемся на свеженький, будто только что свалившийся откуда-то, наш станок! Редкое везение, если учесть, что нам еще предстояло весь извлеченный из пропасти груз спустить с гор к морю.

* * *

В поисках альтернативы изнурительному тасканию мешков мы не могли пройти мимо "динамической" техники прохождения вертикальных пропастей.

Слухи о динамической технике (она же - корделет) доходили до нас давно. Если все, о чем мы говорили до этого (и что можно в известном приближении назвать техникой статической), подразумевает наличие у исполнителей крепкой нервной системы, то "динамика" и подавно требовала хороших навыков подземной эквилибристики.

Коренной постулат динамической техники прост, как правда: "По пещере лучше всего ходить налегке!"

Отсюда логично вытекает второй постулат:

"Суммарный вес двух веревок равной длины всегда тяжелее любой из них, взятой в отдельности!"

Но и это еще не все. Апологеты динамической техники пошли дальше, ставя вопрос ребром - если и брать в пропасть веревку, то только одну: равную длине самого большого колодца этой пропасти. При движении вниз эту веревку надлежит сдергивать за собой, оставляя на ее месте тонкий шнур - легкий прочный шнурок, с помощью которого при возвращении можно было бы вернуть на место корделетную веревку. Как известно, шнур на латиноязычии - cord, отсюда и название новой техники - корделет (cordelette).

И снова корни уходят во Францию. (Не знаю, как Вам, мой уважаемый Доброжелательный Читатель, а мне это уже порядком надоело). Но против истины не пойдешь. Впервые Пьер Шевалье и его группа использовали технику вытягивания с помощью шнуров и веревок чего бы вы думали? Лестниц! Но при подъеме по этим лестницам, они удерживались на колодцах все теми же шнурами небольшой прочности. Происходило это в самом начале 60-х годов XX столетия. В 1962 и 1965 годах последовательное вытягивание шнуром веревки, а затем веревкой - лестницы, применили в предгорьях Альп спелеологи группы Ж-К.Фрашона.

В 1971-72 годах этот вопрос был тщательно изучен Тулонским клубом Абим (*117). Вот о чем недвусмысленно предупреждает один из участников того проекта Даниэль Мартинес:

"Эта техника требует высокой технической подготовленности и предполагает специфичные условия прохождения (например, в случаях узких пещер, пропастей, требующих большого количества снаряжения, или в целях сольных прохождений). Перед использованием под землей следует обязательно изучить эту технику на скалах; избегать веревок, впитывающих воду - они сильно тяжелеют; не пользоваться описанной техникой в колодцах глубже 40 метров; при этом на колодцах, разбитых уступами, трение неизбежно. ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ УЧАСТНИКОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ!"

Так-так. Нас не запугаешь. Тоже кое-какой опыт имеется!

В начале 60-х, практически одновременно с французами, красноярцы в своей пригородной пещере Торгашинская тоже пробуют продергивать лестницы по колодцам. По слухам, что-то получалось, но то ли не совсем, все-таки, получалось, то ли впечатления оказались слишком сильными, но красноярцы от этой техники отказались и больше про нее не вспоминали.

Но вирус посеян - вирус будет жить.

В середине 60-х группа некоего Панова пробует корделетт в пещере Школьная на хребте Алек. Результаты неизвестны. Но вирус жил!

После длительного перерыва в начале 80-х корделеттом заинтересовались челябинцы. Многократные победители Всесоюзных соревнований по спелеотехнике, челябинские кейверы всегда тянулись к спортивной стороне спелеологии. Челябинские группы проходят корделеттом, правда, не до конца, алекские пещеры Заблудших и Ручейную.

По непроверенным данным в 1981 году московская группа под руководством Полуянова применяет шнур в экспедиции в пещеру Парящая птица на массиве Фишт. Неизвестно, удалась ли эта попытка применения корделетта, но эта экспедиция, успешно справившись с подземной частью программы, потерпела страшную катастрофу при возвращении - на поверхности. Из-за резко обострившихся погодных условий, обильных снегопадов, а главное - неготовности к такому повороту событий участников и руководителя - при спуске с плато из 6 членов группы в живых остались только трое. Остальные трое замерзли.

В 85 году москвичи группы Е.Снеткова получают незабываемые ощущения, за 11 часов пройдя пропасть Каскадная в Крыму (-400 метров).

Если не считать попытку нашей группы в сентябре 1984 года пройти корделеттом пропасть Напра на Бзыби, то известная нам история динамической техники в СССР на этом исчерпывается. Наша же экспедиция в Напру достойна того, чтобы о ней рассказать чуть подробнее.

Перелистываю густо исписанные странички полевого дневника. Если приложить блокнот к лицу, то можно уловить запах старой бумаги, пыли, еще чего-то знакомого, но навсегда забытого - тонкий запах Прошлого...

В сентябре 84 года на Бзыби нас собралось 9 человек: руководитель Володя Резван из Адлера, Эрик Лайцонас и Раймондас Данюнас из Каунаса, Сергей Ткачев из Уфы, Сергей Киселев из Челябинска, Олег Шишенко, две девочки и автор этих строк - из Усть-Каменогорска. Специалистом по шнуру у нас считался Киселев, работавший корделетоом на Алеке в составе упомянутых челябинских экспедиций и известный в спелеологических кругах под емким прозвищем Кес.

Итак...

"19 сентября 84 года. Наш второй выход в Напру. Предыдущий оставил массу впечатлений и принес смутное ощущение, что мы все делаем не так. И тем не менее мы продолжаем.

В 14.00 мы вчетвером: Резван, Ткачев, Кес и я уходим вниз. Несем 5 транспортников со снаряжением."

Вот и вторая наша ошибка - куда столько груза при корделетте? Вы спросите, где же первая? А первая наша ошибка в том, что нас слишком много: вниз идет четверо, да еще двое каунасцев, которые спустились днем раньше, ожидают нас в гамачном лагере на отметке -270 под 38-метровым колодцем.

"Поначалу продвигаемся очень быстро. Резван с Ткачевым идут впереди, сдергивая свою веревку напрочь. Сзади идем мы с Кесом с другой веревкой и шнуром. Сдергиваем веревку и навешиваем шнур.

С отметки -180 нам приходится тащить еще 5 модулей с продуктами, и скорость наша несколько падает. Подходим к 30-метровому колодцу. Здесь у нас в предыдущий выход возникали проблемы со шнурком - Резван попытался проложить шнур по колодцу одновременно со спуском, в итоге шнурок затянуло в его рогатку, он долго выпутывался, но все обошлось. На

этот раз решаем с Кесом не искушать судьбу и оставляем на "тридцатке" стационарную веревку. Причем одну. С этого момента начинается мое одноверевочное путешествие по Напре..."

Здесь мы еще раз почувствовали, что в нашей тактике полно натяжек и прямых ошибок. Приученные ходить по спаренной веревке: рапель-самостраховка, мы уперлись в проблему "последнего". Идущие впереди спускались привычным образом по рапели, самострахуясь за вторую веревку. Но последний был вынужден спускаться по одинарной веревке, которую потом заменяли на шнур. Альтернативой этому было только продергивание сразу двух веревок на каждом отвесе, что и вовсе представлялось маразмом.

Мало того. На обратном пути эта проблема превращалась в проблему "первого". Кому-то надо было первым подняться по установленной при помощи шнура одинарной веревке, чтобы организовать потом привычную нам двухверевочную навеску.

Этим последним, а затем первым стал я, благодаря некоторым преимуществам, которыми я обладал перед остальными. Во-первых, у меня к этому времени уже был психологический опыт спуска по одинарной веревке в Большой колодец Снежной. Во-вторых, и это было решающим, в отличие от своих товарищей по штурму, я использовал для подъема систему организации зажимов по схеме "рука-рука": это позволяло мне передвигаться по отвесам более мягко и маневренно, что при корделетте вообще, а в наших условиях особенно, было очень важно.

...Обремененные мешками, спускаемся в лагерь -280, где нас ожидают Эрик и Раймис. Они устояли в борьбе с гамаками и встречают нас ужином. 38-метровый колодец, ведущий в этот грот тоже продергиваем, оставляя вместо шнура тонкую стропу повышенной прочности - все-таки колодец почти 40 метров: предел для корделетта по французским рекомендациям.

Теперь нам предстоит пройти очень интересное место: короткий завал с лабиринтом ходов между глыб, затем 20-метровый колодец с узким щелевидным входом и следом самый большой колодец пещеры - 65-метровый "Гран При".

Собираем лагерь и обнаруживаем, что на шестерых имеем 13 мешков...

"20 сентября, 2.00. Продолжаем движение вниз. Щель над колодцем оказалась вполне проходимой, но все-же потеряли время на протаскивание и спуск мешков. Несмотря на все мои убеждения, мешки спускаем веревкой..."

Все. Привычки классической тактики таскания мешков оказываются сильнее нас. Темп продвижения резко падает. Мы продолжаем коллекционировать собственные ошибки, но самое интересное у нас еще впереди.

Итак, нас шестеро. Резван делает навеску на Гран При, парни скучают в ожидании на площадке между колодцами, а мы с Кесом приступаем к продергиванию шнура в колодце со щелью. Кес привязывает шнурок к веревке. Тянем. Сначала все идет нормально. Веревка проходит вся, повисает на шнуре и ... вдруг застревает. Пробуем осторожно тянуть в другую сторону. Не идет. Потеют ладони. Смотрим друг на друга. Попробуем еще? Больше нам все равно ничего не остается.

Шнурок где-то наверху лопается и с шелестом падает к нашим ногам. Откуда-то подступает непроизвольная нервная дрожь. Сознание раздваивается - одна половинка холодно и трезво оценивает ситуацию, вторая - не верит.

Мы отрезаны!

Что же произошло?!...

* * *

Для продергивания в корделетте используется особым образом подготовленная веревка. На концах ее сдвигается на полметра защитная оплетка, обнажается сердевина, которая мысленно делится на три равные части по длине. В первой части, считая от конца, вырезается две трети волокон сердцевины, во второй - одна треть: так что толщина веревки теперь убывает к концу. Оплетка возвращается на место, вытягивается и самый кончик заплетается косичкой в 3-миллиметровый по диаметру хвостик. Такая заделка конца корделеттной веревки так и называется - "змеиный хвост".

Вот теперь, привязав к корделеттной веревке шнур, мы не получим большого узла, который при перетягивании может застрять в карабине на самом верху колодца. Чтобы предельно снизить трения в точке продергивани, мы заменили карабины специально изготовленными миниатюрными блок-роликами. На конец веревки перед спуском последнего участника надевается алюминиевая шайба, которая не проходит через блок - фиксируя веревку в одном направлении и позволяя ее сдернуть в противоположном. Концы шнура привязываются к концам веревки так, что образуется замкнутое кольцо, которое перетягивается через блок-ролик или карабин на верху колодца до тех пор, пока вместо веревки в колодце не останется висеть сдвоенный шнур.

Главное при всех этих операциях - не запутать шнурок.

Теперь отвязываем веревку, связываем между собой в кольцо и разводим подальше одна от другой ветви шнура.

Все. Трасса готова для возвращения.

Конечно, это не единственно возможная схема организации корделетта. Для продергивания шнура используются и более рискованные устройства: такие как французский "самосброс Пьера Алена" или советский "самосброс Виталия Абалакова". Конструктивный принцип простейшего самосброса предельно прост - это крючок, зев которого перекрыт мощной резинкой. Пока нагрузка на самосброс есть, он надежно висит на карабине. Но стоит нагрузке ослабнуть - резинка резво сбрасывает крючок с карабина, а там хоть трава не расти!

Более сложные самосбросы приводятся в действие дополнительным шнуром и представляют собой вариант коромысла с крючком посередине.

Разобрались? Желаем успеха!

* * *

И вот... отрезаны!

Колодец оставляет нам шанс - его строение принципиально допускает возможность подъема лазанием. Если бы не щель на самом верху...

Быстро готовим крючья, закладки, шнуры - всю возможную "кузню" для восхождения. Подняться по колодцу вызывается Кес. Данюнас страхует, я - обеспечиваю.

И вот Серега медленно начинает подъем. Мы молча стоим все вместе, только Эрик Лайцонас пошел к Гран При на связь к Резвану, который все это время находится в счастливом неведении относительно событий, разворачивающихся в аръергарде. У него хватает своих хлопот - сброшенные в Гран При веревки, естественно запутались (сколько лет мы тупо сбрасывали

веревки вниз, вместо того чтобы ... ну, да потом об этом), и теперь Володя сражается с "бородой" где-то в средней части "шестидесятипятки".

Ждем. Мы ничем не можем помочь Кесу. Даже страховка, которую внимательно выдает Раймис, сейчас не эффективна - до первого крюка.

Наконец, Кес забивает первый крюк, шуршит комбинезоном по стене. Жутковатый это шорох. Исподволь жду срыва и постоянно гоню эти мысли.

Серега выходит на полку промежуточного уступа. Это метрах в 13-ти от нас. Что такое 13 метров? Пустяк. А вот скажешь: "на высоте четвертого этажа" - как-то сразу впечатляет.

От этой полочки до верха колодца остается метров 7. Но ведь там эта щель... Отправляю Сереге шнуры для организации точки страховки. Кес вяжет петлю, пропускает страховочную веревку, снова идет вверх. Его снизу не видно, только слабые отблески света где-то вверху. Скрежет. Тишина. Как вечность.

- Вышел!

Ощущение такое, будто глубокий вдох после удушья. Резко отлегает от души. Всему причиной оказалась конструктивная неисправность блок-ролика: шнур попал в щель между роликом и щечкой, застрял и был нами оборван.

Все, в этом колодце корделеттом мы больше не балуемся! Но что делать? Ведь у нас не предусмотрена здесь стационарная навеска? Мы продолжаем городить ошибки одна на другую. Пещера на нашем пути буквально битком набита брошенной кем-то веревкой. Недолго думая, выбираем кусок, внешний вид которого более или менее приличный, и навешиваем на злополучный колодец.

Что ж, сначала неглядя используем несправный блочок - не в колодце же он сломался! - теперь вешаем подобранную с полу веревку как одинарную. Как говорится в старой песне:

"С пустой головой по свету
Куда как легче прыгать..."

* * *

Если не считать, что Резвану понадобился час, чтобы распутать веревки, Гран При проходим без приключений. А запутывать веревки - это у нас в порядке вещей. Знаете, как это лучше всего делается? Берешь, сколько в руку войдет, колец и зашвыриваешь веревку в колодец - только свист! И вторую тем же путем.

Вот трос сбрасывать - это мы себе уже не позволяем. Трос протягивает первый спускающийся участник - его просто страхуют сверху тросом. Это кстати.

Проходим Гран При и влетаем в каскад уступов. Долго и нудно - веревкой - спускаем мешки. "Ну почему бы их не спускать на себе? - ворчу я. - Прицепил к рогатке пару-тройку штук и езжай: вниз - не вверх! Да и уступы небольшие, метров по 10. Нет же..." Сам я продемонстрировать верность своим новым принципам не имею возможности: когда подходит моя очередь спускаться - все мешки уже внизу. Да и не лежит моя душа к спуску с мешками по одинарной корделеттной веревке - парни все-таки идут с самостраховкой...

Новая беда - все больше убеждаемся, что крючья забитые предыдущими экспедициями для навески по принятой у нас схеме абсолютно не подходят для использования их в целях корделет-

та. Местами крючьев нет вообще - следы навески говорят о том, что веревку крепили за что придется вдалеке от отвесов. К этому мы не готовы. Если же начать бить свои крючья, то мы рискуем и вообще не сдвинуться с места - тогда мы еще не были психологически готовы забивать десятки крючьев за одну экспедицию, да и не имели надлежащих снаряжения и навыков.

Хорошо, что пещера буквально набита брошенной кем-то веревкой. Из нее делаем вспомогательные петли, чтобы вывесить в нужное место наши блок-ролики. Иначе шнур задевает за стены, что грозит новыми осложнениями.

Помираем от жажды. Наконец, появляется вода: на дне уступов капель и небольшие лужи. Жадно пьем и идем дальше. Приходит мысль, что вместо того, чтобы обвязывать глыбы локальными петлями, - проще навесить эту веревку и по ней спуститься: по длине выходит почти то, что нужно - уступы небольшие.

Еще один сыпучий уступ. На взгляд - метров 10-11. И некуда повесить шнур - стены сыпучие, летят камни, узко и всюду сплошное трение. Не-ку-да! Посовещавшись, вешаем стационарно найденную тут же веревку: совесть и страх нас уже не мучают.

Спускаемся, и вдруг сразу следом еще один уступ, метров 6-7, которого нет на нашей карте. И опять в ход идет "трофейная" веревка.

Фактически мы уже сломались. Мы уже не выполняем поставленную задачу, а просто рвемся вперед..., если можно так назвать это черепашье переползание с грудой транспортных мешков. Мы сломались морально и вымотаны физически. Мы работаем без сна почти 20 часов - и это только в пещере, а ведь мы начали спуск не сразу, как только проснулись. Но по нашим понятиям это вполне нормально для экспедиции такого уровня. Но нормально ли это для человека?

Мы сломались, но не признаемся в этом себе и другу другу. Мы не новички в пещерах (весь состав инструктора спелеотуризма) и умеем выживать в этих условиях, и не только выживать, но и заставить себя выполнить поставленную задачу.

Задача сейчас одна - дойти до запланированного места подземного лагеря, установить его и прервать на время это изнуряющее занятие.

Но... мы все еще где-то на половине пути. Снова втыкаемся в щель. Распределяемся цепочкой, веревкой и вперекидку протаскиваем через щель мешки. Они застревают. Выбиваюсь из сил, вытаскивая мешки из щели боком одной рукой. Очки заляпаны глиной, я ничего не вижу и мне нечем их протереть: я весь покрыт этой жидкой гадостью. Это меня выводит из себя, о чем я и сообщаю пешере со всей живостью, на которую у меня еще хватает сил...

Слава Богу, внизу очередного уступа течет ручей, и я получаю возможность промыть очки. К 11.00 мы на площадке -430, где довольно приличное место для подземного лагеря. Но нам надо спуститься еще на 100 метров - такова тактическая задача, поставленная нами самим себе.

Так что варим чай и обходимся перекусом, правда, с изрядной порцией шоколада. Идут вторые сутки нашей непрерывной работы в пещере...

Четыре часа проводим мы на этой площадке, пытаясь набраться сил для дальнейшего движения. Кое-кому удается да-

же покимарить, но недолго, так как стоит немного расслабиться и задремать, как тут же начинаешь мерзнуть и впадаешь в состояние жуткого озноба. Но делать нечего - надо идти.

В этом отупевшем состоянии мы почти сразу же сбиваемся с верного пути, и волоча за собой мешки, втягиваемся в вертикальный лабиринт. Лабиринты бывают разные. От знакомых с детства нарисованных на бумаге - до таких, в котором сейчас безуспешно ищем дорогу мы. Горизонтальный лабиринт представить себе довольно просто: ходы, перекрестки, развилки... Перед нами совсем другая картина. Мы находимся в сплошном вертикальном разломе неизвестной глубины. Стены то сходятся в узкие едва проходимые стены, то расходятся так, что того и гляди провалишься в тартарары. Под нами - черная пропасть. Случайно сбитые камни устрашающе долго грохочут далеко внизу. Перетаскивая с места на место мешки, ищем проход. Перила, черные расщелины, распоры...

Время идет, а пути нет. Нет уже и сил. В конце концов Резван наудачу спускается в эту бездну метров на 50, но не достигает дна. Потом целый час поднимается. Все на пределе. Если бы не усталость, наверно, мы переругались бы между собой. Но сдерживаемся. Ясно одно - надо возвращаться на знакомую площадку -430.

Мы возвращаемся. Мы не прошли...

Самое сложное - вот так, после неудачного дня, после 31 часа работы без сна с пародиями на отдых, когда все твое естество просит только одного: упасть, приткнуться куда-нибудь и спать, спать, спать! - заставить себя еще часа три-четыре шевелиться, чтобы поставить подземный лагерь и обеспечить мало-мальские условия для отдыха. Потому что некуда здесь приткнуться - всюду вода, глина, холодный мокрый камень и ветер, выдувающий последнее тепло из измученных наших тел.

И вот мы на площадке -430, но наши мучения не кончаются. Мы постарались устроить себе экстремальные условия во всем. Мало нам корделетта - вместо привычных палаток, нам предстоит забить в стены крючья и навесить гамаки. Мало того: нам предстоит спать в гамаках, но без спальных мешков, которые мы не взяли, уповая на свои костюмы из нитрона (*118). Не говоря уже о том, что мы идем в Напру в одних брызговиках - без гидрокостюмов. Одна психологическая накрутка за другой, одна ошибка за другой... Многое накрутилось в той экспедиции 84 года.

Не стану описывать прелести нашей гамачной ночевки - об этом можно написать отдельные трагикомический рассказ.

После "ночевки" мы без труда нашли проход над "Первыми штанами" - боковая тупиковая система вертикальных колодцев, на поиски которого накануне, находясь в полубредовом состоянии крайнего утомления, потратили более 8 (!) часов.

Но спуститься глубже полукилометра нам так и не было суждено. Неудачи, казалось, преследовали нас. Причем калибр их явно возрастает раз от рузу. В следующем за вертикальным лабиринтом Первых штанов 40-метровом колодце, на спуске в грот Рака, происходит авария с Раймисом, которая чуть не окончилась трагично. Но об этом далее. А пока, вняв, наконец, увещеваниям Судьбы, мы отступаем. Тогда же, на последней ночевке под землей, под гамаком у Кеса родились эти строчки:

-
Капли бьют в гамаки,
И свечей огоньки
Чуть качаются.
Наш последний привал
Навесу среди скал
Неужели кончается?
Мы выходим назад,
Каждый рад и нерад -
Ждет нас солнце над Напрою.
Оплывает свеча...
Разве скажешь сейчас,
Что тут больше - печали иль радости?
-
Мы хотели дойти...
Да, хотели дойти!
Не дошли. Так случается.
Вот и кончилось все...
Разве кончилось все?
Разве это кончается?
- Эй, дружище, проснись!
Видно, трудные сны?
- Пустяки. Что-то с нервами.
Да, не все мы прошли.
Но ведь были и мы
В чем-то первыми!
-
Капли бьют в гамаки...
Лишь удачи легки
Мимолетные.
Разве сможем забыть,
Как дрожали шнуры
Корделеттные?
Мы хотели дойти.
Да, хотели дойти!
Не дошли. Так случается.
Льет по стенам вода...
Мы вернемся сюда,
А пока,
лишь пока
возвращаемся.

* * *

Что нас гонит вниз? М что потом торопит вернуться? Необычайная ясность мысли на глубине в толще скалы вдалеке от привычной жизни? Простота и четкость цели, чистота отношений? Здесь все конкретно и контрастно - без полутонов, так опостылевших на поверхности. Здесь что-то от давно утраченного юношеского максимализма и бескомпромиссности. Здесь истинно мужской труд и усталость. Выпуклость и отчетливость жизни и смерти, тропка по грани, на самом острие ощущений. И самоуважение от свершенного, и вечная неудовлетворенность поиска. И борьба - не с себе подобными, что неизбежно приводит к унижению одной из сторон, чтобы там ни утверждали апологеты чистого спорта. Борьба с собой и азартная игра с силами Природы, Природы, которую нельзя победить без ущерба себе. Ее можно только уничтожить, что постепенно и делает человечество.

Потому что переделывая природу - ничего не сохранишь.
Сохранить можно только приспосабливаясь.

* * *

Наш корделетт еще не кончился. Напра нехотя выпускает нас из своего нутра, примериваясь, что бы еще напакостить напоследок. Свернув лагерь на -430 вот уже 12 часов тащим мешки вверх ко дну 38-метрового колодца: 12 часов - и 150 метров как ни бывало!

Поднимаем последние мешки на колодец со щелью. Пещера бессильно, но болезненно, огрызается. Строчки из дневника:

"Поднимаем груз на 20-метровом колодце. Эрик с Раймисом вышли на самый верх, я поднялся на полку, Резван цеплял мешки. Устроился на полке, пристегнулся на самостраховку за проушину в скале, зажег свечу. Периодически раздается остерегающий крик Раймиса и сверху летят камни. Каждый раз сжимаюсь на своей полке, придерживая каску руками, стараясь весь съежиться, сжаться, скрыться под ее полями. Снова слышу крик:

- Камень!

Черт меня дернул не просто придержать каску, а как-то совершенно по-детски прикрыть голову-каску руками. Камень бьет в каску слева и прплющивает к ней мой зазевавшийся палец. Звон, грохот, искры из глаз, ух, и больно же получилось!..

Двойка наших прибалтийских друзей оставляет нас с мешками и поднимается на -280, чтобы приготовить к нашему приходу что-нибудь съедобное. Мы тащим вперекидку мешки и вдруг замечаем, что видимость начинает резко ухудшаться. Резко запахло гексой. Ясно, что ток воздуха сносит в завал, по которому мы сейчас пробираемся, угарный дым кухни - а парни, видно не жалеют сухого спирта, который пр неполном сгорании может привести нас к нешуточному отравлению. Лезем с Вовкой по узостям меж глыб, перекидывем и пересчитываем мешки, дышится пока ничего, но видно не дальше вытянутой руки. Кончается это тем, что мы теряем ориентировку в завале и начинаем на чем свет костерить наших кочегаров, призывая их на помощь. Нехотя и недоумевая, первая двойка приходит к нам на помощь - наши вопли их сильно озадачили, так как на их площадке атмосфера была самая нормальная, и трудно было представить, что буквально в паре десятков метров мы с Резваном ничерта не видим и задыхаемся..."

Наш корделетт еще не кончился. Привал на месте базы -280 по 38-метровым колодцем. Жуем невообразимое месиво из всех наличных видов концентратов. Кое-кто кимарит под полиэтиленовым колоколом, а мне уже не сидится. Меня разбирает жажда. Жажда солнца! Я уже так хочу наверх! Ни до, ни после этой экспедиции я не испытывал с такой силой этого чувства.

Мне не просто хочется наверх: до жути хочу выйти именно днем. Чтоб было солнце, и бездонно-синее небо, и все великолепие гор и моря под нами, с выступающим далеко-далеко справа контуром мыса Пицунда. Нет - море не под нами. Его горизонт фиолетовой дугой рассекает небо на уровне наших глаз. Выше самых высоких гор - этот гигантский сине-фиолетовый шар...

Пора, пора идти! Жажда солнца будто придает мне сил, и движимый ею начинаю тормошить парней. Нам еще предстоит продернуть шнурок на самом большом из колодцев, где мы отва-

жились повесить шнурок. Пока остальные собираются, неспеша, но внутренне волнуясь, приступаем с Кесом к этому ответственному делу. От того, удастся ли нам вернуть на колодец веревку, зависит будем ли мы продолжать подъем или нам суждено сидеть тут под колодцем в тоскливом ожидании нашей вспомогательной группы. Есть отчего волноваться!

И вот - тянем. Осечка! Веревка поднимается метров на 20 и застревает. Опять? Пробуем вернуть ее назад. Сначала и это не получается, но потом что-то там, наверху, проскакивает, и шнур возвращается в исходное положение. Уф-ф! Попробуем еще раз.

Резван смотрит на наши с Кесом манипуляции и, похоже, переживает больше нас. Серега мне подмигивает: смотри, мол, начальник волнуется! Я киваю и тоже смеюсь. Но шутки-то плохие. При одной мысли, что здесь придется ставить базу и ждать помощи, становится дурно.

Пробуем еще, потом еще и еще. Веревка не идет. Хорошо еще, что у нас здесь не 3-миллиметровый крученый шнурок, как на злополучной "двадцатке", а стропочка тесьма. Ее не так-то просто порвать. Когда мы уже почти теряем надежду выпутаться из этой ситуации, веревка вдруг - ура! - продергивается противоположным концом. Надежно ли она зафиксировалась наверху колодца? Снова начинается нервная моя работа на одинарной веревке. Как могу, осторожно поднимаюсь, и только когда сажусь верхом в "седло" на вершине стены, перевожу дух. Прорвались!

И начинается неритмичный дерганный выход на поверхность. Движение нашей группы здорово смахивает на ход червяка-шагомера: мы то стремительно растягиваемся по пещере, то мучительно долго собираемся в кучу. Пока есть свободные веревки, мы с Кесом мчимся вперед семимильными шагами, продергиваем шнурки, вешаем веревки, махом поднимаемся на колодцы. Но вот корделеттные веревки кончаются, и баста! Торчим до посинения на уступе под очередным колодцем, ожидая подхода всей группы и подъема всех мешков. Приносят снятые с колодцев веревки, и снова - банзай! - рывок вперед. То, что прошло почти незамеченным на спуске, сейчас выпирает со всей очевидностью: техника шнура - это удел одиночек. Такой "шалман", как у нас, шнурками не продернешь!

Мы идем медленнее, чем могли бы идти при нормальной двухопорной технике. Вот вам и корделетт!

А я спешу. Я хочу на солнце! Время неумолимо тикает у меня на руке. По закону Всемирной Подлости корделеттные веревки кончаются у нас в тот момент, когда нам остается продернуть последний единственный 15-метровый колодец! Благо, кажется, наши на этот раз отстали недалеко...Но что это? Снова задержка. Последняя наша двойка заблудилась в узкой щели на дне предпоследнего 30-метрового колодца, пошла низом и воткнулась в такую узость, где и кошке не пройти. Пока выцарапались - потеряли силы и темп. Настроение группы падает. Немудрено - мы снова не спим уже почти 20 часов. Кое-кто начинает поговаривать о том, что неплохо бы разбить прямо здесь базу и отдохнуть.

Какой, к черту лагерь? До земли полторы сотни метров... Я так хочу к солнцу!!!

Но деваться некуда, приходится идти на компромисс и устроить перекус у колодца: трое наверху, трое внизу. Жуем

шоколад с изюмом и мерзнем. Долго мерзнуть не приходится. Начинаем выдергивать мешки из колодца, и быстро согреваемся - у нас на шестерых уже 14 мешков, больше, чем на спуске! Иногда у меня закрадывается подозрение, что мешки потихоньку от нас размножаются там, в темноте пещеры. Да и как им не размножаться, если нас одолевает жадность, и мы пытаемся вынести из пещеры всю найденную нами здесь веревку?

Недаром говорят - "Жадность фраера сгубила!" Мешки застревают где-то внизу, и Ткачев бешенно рвет их веревкой.

А над душой висит последний корделеттный колодец. Вот сейчас проклятый шнурок лопнет и пойдут насмарку все наши старания... Но Судьба сжалилась над нами. А может, ей наскучило строить нам козни, но - шнурок послушно втаскивает наверх последнюю веревку. путь наверх открыт! Теперь только лазание и никакого корделетта! Так бы улетел наверх, к солнцу, которое все еще плывет над Землей...

Но не тут-то было. Наверху этого колодца мы снова вынуждены собраться все вместе. Мы только и делаем, что ждем кого-нибудь или собираемся всей группой. Это наша очередная тактическая ошибка - сбор всей группы вместе всегда приводит к большим потерям времени: сначала первые ждут отставших, а затем последние ждут своей очереди подниматься по отвесам - веревки-то заняты!

Тает моя надежда увидеть сегодня солнце. Еще не поздно, еще есть время. Солнце! Если сейчас все бросить, то часа через два мы будет купаться в его золотых, багряных на закате лучах...

А кто будет тащить груз? Мысль о том, чтобы вернуться сюда еще раз за оставленным снаряжением кажется ужасной. Нет, все будем делать сегодня. Снова растягиваемся по уступам. Теперь иду последним, прицепляю мешки к веревкам, и мерзну. От курева уже болит язык. Прячусь от камней, периодически щелкающих из темноты. Но как-то вяло прячусь... Мы все уже давно отупели от усталости.

...Что-то долго нет веревки сверху. Жду ее, стоя с ручнымфонарем: экономлю налобный свет для вертикальных участков. В чем там дело? Поднимаю голову...

Из темноты на меня несется бесшумный рыжий комок, рассыпается. Удар по лицу хлесток и тяжел. Откачиваюсь, чуть не падаю. Жгучая боль в носу. Постепенно начинаю понимать, что произошло. Сбросили веревку молча! Без команды! Ору вверх что-то яростное и бессвязное. Потом цепляю очередной мешок в мотающийся на уровне глаз проклятый узел. Вира! Отхожу в сторону и плачу. Плачу, как мальчишка, горько всхлипывая, заливаясь слезами. Кажется, что нос растет, как баклажан. И так мне больно, так себя жалко, обидно и... так хорошо, что я плачу. Все это пустяки. Просто выплескивается напряжение штурма: все эти шнуры, одинарные веревки...

С трудом успокаиваюсь. Мешки все. Поднимаюсь на колодец лазанием в обход навески и - здрассте! Вся компания в сборе: мужики опять заблудились. После нокдауна и встряски голова моя работает отлично, и даже будто сил поприбыло. Выхожу вперед и сразу нахожу нужное направление. Теперь мне на ум приходит другое сравнение: наша группа движется, как пелетон велогонщиков. Периодически кто-то лидирует, разгоняя группу, затем откатывается на последнюю позицию, прячется в ветровой тени, отдыхает, прикрытый спинами товарищей.

Снова приходит мой черед лидировать. Пролезаю противное "очко", принимаю мешки. Вперед!

А мы уже не выйдем на солнце...

Все замерзли. До земли еще метров 80, а время... К черту время! Теперь уже неважно. Выползаю из последнего большого 24-метрового колодца. Наконец, можно снять сбрую, все эти опостылевшие железяки, ремни, стремяна. Как хорошо!

Тянем мешки. Мы не спим уже 34 часа. Мы уже хороши и двигаемся, как сомнамбулы.

Тянем мешки... Продолжаю идти первым. Снова завал. Продираемся по узким ходам меж камней. Глыбы качаются, или это мы качаемся от усталости? Нет, глыбы... Одна, по-моему, так и дрожит от нетерпения свалиться кому-нибудь на голову... Не дождется!

Тянем мешки. Все невольно посматривают вперед - где же последние маленькие навесочки? А их все нет.

... Краем глаза вижу слева веревку. Вижу ее и... боюсь поверить. Может быть, я ошибся, и это совсем другая веревка?

Нет! Веревка та. Это последняя навеска - последние шесть с половиной метров до поверхности. Наверху ночь, и поэтому заветный выход кажется всего лишь очередным колодцем этого бесконечного каскада.

Пропускаю вперед Раймиса, который без веревки, напрямую, лазанием спешит мимо меня к свободе. Поднимаюсь следом, но не выхожу совсем из воронки, принимаю мешки, потом меня сменяет Резван.

Тепло. Ярчайшие огромные звезды над входной воронкой. Цепляясь за траву, выбираюсь на ее край. Нет слов, нет сил. 28 часов работы, 38 часов без сна... Под ногами, вдали, моя мечта, ставшая реальностью: огни черноморского побережья, бесконечность ночи, бездонность неба...

Ложусь лицом в траву. Она сухая и пахнет пылью. Мужики тенями появляются из воронки, ложатся рядом.

Лежим все шестеро лицами в небо. Вдруг до моего слуха доходит посапывание. Все спят. Только мы с Ткачевым молча курим.

Над Напрой космическая тишина.

* * *

Так закончилось еще одно исследование возможностей динамической техники шнура. Закончилось, в общем-то, закономерно. Лавры Пенеса и Курбона, блеск их сольных прохождений Гуффр Берже и Пьер-Сен-Мартен (о которых мы поведали ранее), настолько затмили нам глаза, что мы не приняли во внимание одну маленькую, но существенную деталь: их достижения были СОЛЬНЫМИ! Корделетт - это далеко не кордебалет!

Но если понимание этого момента пришло еще в ходе напрянской эпопеи, то многое другое открылось значительно позднее. Например, то, что западноевропейские корделеттные успехи совершались на базе прогрессивной, принципиально отличной от нашей техники прохождения вертикальных пропастей - техники одинарной веревки. Мы же старались освоить динамическую технику на основе применяемой у нас в то время псевдо-классической двухопорной трос-веревочной техники, что было равносильно попытке построить капитализм в первобытно-общинном обществе, минуя все промежуточные фазы развития. Что ж, вполне по-советски: бац-бац, и в дамки!

История недвусмысленно показывает, что "большой скачок"

всегда заканчивается в большой луже. Так получилось и у нас. Кто это сказал: "Вошли в пещеру, как три богатыря, а вернулись - как три поросенка"?

* * *

Но опыт никогда не бывает бесполезным. Мы вернулись из Напры, обогащенные знанием.

А еще остались воспоминания и песни:

-

Когда уже совсем не в мочь
Тащить мешки через распоры,
Чертить лучом пещеры ночь
И пузом чистить шкуродеры,
  Навесив каждому гамак,
  И оглядев его сурово,
  Собьемся в кучу, как всегда,
  Под гамаком у Киселева.

-

Здесь мы разводим гексогаз,
И поминая маму-папу,
Мы с котелка не сводим глаз,
Ловя ноздрей волшебный запах.
  Дыра куда-то дальше прет,
  Срывая с уст дурное слово,
  И машет ложками народ
  Под гамаком у Киселева.

-

Спать в гамаках - совсем не мед.
Взбираться в них - еще хреновей:
Взобрался, вроде, Киселев,
Глядь - почему-то лезет снова!
  Бьет колотун со всех сторон,
  Вода под зад, и сверху холод,
  И загибается народ
  Под гамаком у Киселева.

-

Та экспедиция прошла
И затерялась среди многих,
Другие давят нас дела,
Другие нас зовут дороги,
  Но лишь учуем гексы дым,
  Вдруг померещится нам снова,
  Как будто мы опять сидим
  Под гамаком у Киселева!

* * *

Р И С К ? Н Е Т - Т Е Х Н И К А !

==========

-

Т Е Р Р А И Н К О Г Н И Т А.

-

Логика развития кейвинга так упорно подталкивала нас к одноверевочному варианту вертикальной техники, что настала пора и нам разобраться в нем хорошенько.

Мир пришел к пониманию СРТ (SRT - Single Rope Techniques) - техники одинарной веревки в конце 60-х годов XIX столетия почти одновременно и независимо в таких географически удаленных странах как Франция, Австралия и США. Это еще раз-

подтверждает, что искушение отказаться от многочисленных веревок на отвесах прямо-таки витало в воздухе. Надоело таскать тяжеленные и многочисленные мешки с веревками! Надоело терять время и здоровье, "вальсируя" на колодцах и зависая на спутках и "бородах". Надоело ждать друг друга под отвесами: очередь - всегда свидетельство какого-нибудь дефицита. И чаще всего - это свидетельство дефицита ума.

На-до-е-ло!

- Э-э! - сказали осторожные спелеологи. - Поаккуратнее там. А если она все же оборвется? А? Одна все-таки, веревка-то!

- Двух смертей не бывать! - воскликнули восторженные и не отягощенные излишним опытом новички. - Зато повеселимся напоследок!

- Не надо эмоций, - сказали мыслящие. - А надо сделать так, чтобы не порвалась. Вот над чем стоит поразмыслить.

Советский кейвинг отстал от мира в понимании СРТ на 15 лет. Именно столько времени понадобилось нам, чтобы испробовать собственный путь развития. Плохо это или хорошо? Во всяком случае мы имеем опыт, какого не имеет никто.

А в остальном...

Я возвращаюсь в те годы, когда мы начинали, когда делали первые шаги в овладении языком международного кейвинга. Ведь если говорить на языке, которым пользуются другие - это ли не гарантия, что и тебя будут лучше понимать?

* * *

Лето 1978-го. Желтые сопки, раскаленные солнцем. Ветер шуршит сухобыльником, да бурлит вода в простенькой старательской проходнушке (*119). Скидываю с грохота (*120) пустую гальку, загружаю следующую пробу. Полубочка, в которую стекает с проходнушки вода, того гляди переполнится песком. Пора браться за лоток. Красноталовый лоток легок в руках. Трясу его, раскачиваю, сгребаю сверху пустую породу в ручей. От легких моих покачиваний вода ходит по лотку кругами, переносит песочек, потихоньку сносит его с лотка. Шлих (*121) все сереет, затем чернеет. Так. Теперь самое тонкое и самое интересное в нелегком труде промывальщика - отмывка золота. Если оно, конечно, в пробе есть. Особое движение лотком: черный шлих из тяжелых минералов отпрыгивает, и в коренной бороздке лотка коротко проблескивает желтизной. Есть золотишко!

Наш лагерь золоторазведчиков стоит на реке Курчум. Восточный Казахстан, но пейзаж совершенно мексиканский. Того и жди - грянут винчестеры индейцев или бандитов, и эхо выстрелов поднимет над сопками стаи уток-атаек. Мыть золото лотком - стародавнее занятие. Есть устройства и посовременнее. Например, спиральный сепаратор, что привезли на Курчум практиканты-геологи Пермского Госуниверситета - "пермские бичи"(*122), как они представились. Знакомимся быстро, и тут - вот удача! - выясняется, что парни тоже занимаются пещерами. Шура Кащеев больше мимоходом, где-нибудь на сплаве по Чусовой, а Колька Молоков - всерьез.

Недели не проходит, как мы уже сговариваемся на совместную акцию.

- Мечта у меня, - как-то вечером говорит бич Молоков, не отрывая взгляда от костра. - В Киевскую хочу. Классная, говорят, пещера!

- Почему бы нет? - разговор степенный, как и полагается между солидными людьми двадцати с небольшим лет отроду.

- Думаю вот.

- Так там снаряги надо тьму! Почитай, километр веревки только в один конец...

- А мы и пойдем в один конец, - говорит бич Молоков. - Чего побаиваться?

- Это как - по одинарной веревке, что ли? Без страховки? Ну, это ты хватил! Чего ради рисковать?

- Так же сам говоришь, снаряжения море надо. А тут - прикидываешь? - в два раза меньше...

- А если что? Как сказал один кровельщик: "Лететь, признаться, не так уж скверно. Упасть - вот в чем мало забавного!"

- "Буржуи" же не летают.

- Так они что - по одинарной веревке ходят? Не знаю, не знаю...

Так, летом 78-го, в глухом углу Восточного Казахстана, прошелестела у моих ушей сакраментальная мысль об одинарной веревке. Тогда сама эта мысль казалась мне нелепой. Откуда нам с Молоковым было знать, что за пять лет до нашей встречи Жан Клод Добрилла и Жорж Марбах опубликовали во Франции первый капитальный труд, раскрывающий основы СРТ - "Техника альпийской спелеологии" (Georges MARBACH, Jan Clod DOBRILLA "Techniques de la speleologie alpine". Paris, 1973.). Не знали мы и о том, что год назад в Сиднее вышла книга Монтгомери, также посвященная СРТ (Montgomery,N.,"Single Roup Techniques" Sydney,1977). Были и другие источники информации, наверняка известные Центральной спелеосекции Илюхина в Москве, судя по картинкам, откровенно прерисованным ими и опубликованными в советских спелеотуристских изданиях. Однако информация эта была недоступна простым смертным, какими являлись мы с Молоковым, и если и доходила до нас, то в трансформированном до неузнаваемости состоянии. Будь иначе, может, и не пришлось бы нам платить за собственный опыт по самой высокой цене.

* * *

Во взглядах на хождение без страховки - именно так звучал тогда вопрос об одинарной веревке - мы с Молоковым так и не сошлись. Я считал, что ходить без страховки категорически нельзя и был по-своему прав, Молоков в вопрос о страховке не вдавался, но отстаивал возможность работы на одинарной веревке, аргументируя это облегчением веса снаряжения и неким мифическим опытом "буржуев", о котором, однако, ничего вразумительного сообщить не мог. Он тоже был по-своему прав и в то же время ошибался, так как предлагал хождение по одинарной веревке и при этом предполагал обращаться с ней простым и привычным принятым у нас варварским способом, даже не задумываясь о мерах по ее защите.

Познакомились мы в августе, а уже в ноябре снова встретились - в пещерах Северного Урала. Пещеры не требовали вертикальной техники, и во время этой вылазки мы к вопросу об одинарной веревке не возвращались.

А отличная была поездка! Наша московская группа "ипНАсг", команда Пермского университета и я, в качестве представителя только еще зародившегося и никому в ту пору неизвестного устькаменогорского клуба. На последней странице

полевого дневника той пермской экспедиции натыкаюсь на строчки:

"13 ноября 1978 года. Дреслем в пермском аэропорту. Будят нас Мишка Потехин и Игорем Желудковым. Желудь возвышается над аэропортовкской толпой - далеко видно. На своем стареньком мотороллере ребята приехали нас проводить. И вовремя: регистрация уже началась. Москвичам лететь позже, поэтому все провожают меня, подтаскивают к стойке мой рюкзак...

В паузе между регистрацией и посадкой идем к буфету. Молоков берет всем кофе, достаем из сумки недоеденный со вчера торт с прилипшим к нему ножом. В опорожненные от кофе стаканы разливаем на десятерых бутылку вина, что привезли Игорь с Мишаней.

Объявляют посадку. Как все стремительно! Жму руки ребятам. Вот они стоят все: Игорь, Мишаня, Маринка, Леха, Колька, Вовчик...

Вот и все.

До новой, пусть не скорой, встречи!..."

-

Мог ли кто из нас подумать, что уже никогда не встретиться нам всем вместе?

* * *

Только время могло рассудить нас, а пока каждый остался при своем мнении о возможности работы на одинарной веревке.

Чувствуя во мне потенциального противника, причем с неприступной пока для себя аргументацией, Молоков, видимо, интуитивно избегал дальнейших прямых разговоров со мной на тему одноверевочного хождения. А сам всерьез готовился к эксперименту, который мог бы дать неопровержимые контраргументы в защиту его одноверевочной позиции.

Чего разговаривать - не проще ли доказать делом?

В декабре, перед самым новым 1979 годом, от Молокова пришло письмо:

"Теперь Кавказ. План такой - Новый Афон, затем Заблудших. На все про все 2 недели. Начало, пока не точно, 7-9 февраля. Если пойдешь, напишу подробнее."

Очень хотелось принять участие в этой экспедиции. Тем более,что в нее собиралась большая часть пермско-московской группы, возникшей с нашей с Молоковым легкой руки и счастливого знакомства на Курчуме: если не считать двойки парней с Нижнего Тагила - все хорошо знакомые. Но, из-за работы, поехать я не смог, поэтому подробностей подготовки и замыслов так и не узнал. Все, вроде, шло, как обычно. По нашему обычаю все, кто не ехал, чем могли, помогали уходящей экспедиции. Для алекской знаменитости, лесника Назарова, из УстьКаменогорска на далекий Кавказ по почте отправилась мотопила "Дружба", которую пообещали привезти пермяки в один из прошлых своих заездов, а мне посчастливилось купить и отправить. В общем, каждый делал, что мог.

Экспедиция уехала, и все затихло. Пусто становится в городах, когда уезжают близкие тебе люди. И летят вслед уходящим бессильные строчки:

...

И февраль, как апрель - все дожди, всюду слякоть и грязь.

А ты в мыслях все рвешься куда-то по горло в снегу!

Я вам нервов катушку отдам - пригодится на связь,

А сейчас закурю - это все, что, пожалуй, смогу." (*123)

* * *

Ожидание прервалось коротким телефонным звонком. Звонил Леха Казеннов, уже из Москвы:

- Все в порядке, Костик, - весело журчал в телефонной трубке его голос. - Мы с Игорем Галайдой ушли с Буковой поляны 15-го утром: парни навеску с Заблудших снимали. По идее, должны уже закончить работу.

- Как сработали? Удачно?

- Да были небольшие неполадки, а так все нормально. У меня время кончается, я тебе письмом расскажу...

Но все обернулось по иному.

Утром 15 февраля 79 года двойка Казеннов-Галайда спустилась с хрубте Алек к морю. Вечером 15 февраля в пещере Заблудших погиб наш друг, спелеолог из Перми, Михаил Евгеньевич Потехин (Отчество-то узнали, когда делали табличку, а так все Мишка да Мишка...).

Письмо от Лехи пришло с запозданием.

"... После Крыма мы с Маринкой Куликовой выехали на Кавказ. В Сочи 7 февраля встретились с Колькой, Игорем, Мишкой, Галайденком, Ольгой Гарбар, Владиком и Шурой Котовым из Нижнего Тагила. Ну вот и все о составе.

8 февраля мы за 25 рублей наняли автобус, доехали до Илларионовки и вечером уже были на Буковой поляне...

9-го поздно вечером Мишка и Игорь Желудков вышли в Заблудших навешивать снаряжение до Обвального зала (-200 м). Шел дождь. Через 8 часов Кот и Владик вышли следом, но не для встречи ребят, а для того, чтобы навешивать снаряжение после Обвального ниже (это уже была ошибка, так как шел дождь).

10 февраля в 10 часов дня мы с Колькой забеспокоились, что так долго нет Мишки и Желудя, и около 12 часов втроем с Игорем галайдой вышли к пещере. Вблизи нее встретили возвращающихся Мишку и Игоря, они были здорово замучены (примерно 16-17 часов работы). Мы начали спуск в Заблудших в 13 часов: прошли первый 15-метровый колодец, 40-метровый каскад (12+8+ 6+12 м), затем второй каскад (25+15 м). Первым сюда спустился я, затем Галайденок. Тут я услышал какой-то неясный стон, и, так как в это время спускался Колька, то я подумал, что это он поет. Когда Молоков спустился, я спросил его - пел ли он. Он ответил, что нет. Мы пошли дальше. Спустились в распоре метра на 3 к ручью, и я опять услышал стон и голос: "Ребята, помогите!" (очень тихий, жалобный,почти плачущий). Я рванулся вперед и в щели, куда уходила веревка, в самом ее верху увидел Влада, висящего вниз головой на нижнем самохвате (*124). Мы быстро обрезали ему самохват (хорошо, что у Игорька был нож!), и Влад съехал вниз на своей рогатке. Провисел он в таком положении около полутора часов, но в начале своего висения он сообразил пристегнуться на рогатку "для того, чтобы когда подойдут ребята, им было легче снять меня".

А случилось все это так. Влад с Котом были в Обвальном зале (это ниже колодца со щелью на 100 метров: колодец 33 метра, где он висел + К 40 + К 15 метров), и Влад увидел, что Кот в каком-то отрубленном состоянии. Да и у него самого болел желудок. Они начали подъем, прошли К 15, затем К 40 и без отдыха начали подъем на К 33.

Влад шел первым, а колодец этот, 33-метровый, наверху заканчивается 3-метровым вертикальным узким шкурником. Влад залез в него, встал в распоре, отцепил грудной карабин, коленный самохват и... вывалился из распора! Кот ему снизу ничем не мог помочь: по той же веревке Влад ему запрещал лезть. Во-первых, он натянул бы веревку, и Владу стало бы хуже, во-вторых, помочь Владу подняться Кот бы не смог и обойти его в этой щели тоже бы не смог, а в-третьих, веревка была здорово потерта (крученка 8-миллиметровая)".

Помню, как на этих строчках меня сильно шокировала эта "потертая восьмерка": на колодцах такой глубины вешать веревку тоньше 10 мм у нас считалось безрассудным. И еще я никак не мог взять в толк - почему бы Коту было не подняться к Владу по второй, самостраховочной, веревке?

Ларчик просто открывался...

"Ну, теперь о том, как события развивались дальше. После того, как Влад скатился вниз, туда спустился я и сразу же крикнул Молокову, чтобы они меняли веревку (у нас было с собой 40 метров), а сам, увидев, что Влад в отрубленном состоянии, рванул вниз в Обвальный за аптечкой. Выскочил назад достаточно быстро: вниз уже спустились Колька с Игорьком. Мы сразу дали Владу анальгин и промедолиз военной аптечки - вкалывать побоялись, просто дали выпить из шприц-тюбика.

Где-то через час у Влада стала возвращаться чувствительность в ноге (слава Богу!), и еще через 30 минут Колька с Игорьком поднялись наверх, чтобы сделать полиспаст (у нас с собой был один блок и карабины). Полиспастом они его не смогли поднять, и я выскочил наверх по другой веревке, которая у нас была для сопровождающего.

Втроем мы его тоже не смогли поднять. Тогда Молоков спустился вниз, и, слава Богу, Влад нашел в себе силы подниматься сам: один самохват на грудь, второй на здоровую ногу. Колька сопровождал его, поднимаясь рядом по второй веревке и подсаживая его снизу. Далее Влад еще более оклемался и уже смог на последних колодцах подниматься самостоятельно на двух ногах без груди. Кот был тоже в отрубленном состоянии и вышел наверх благодаря тому, что я дал ему таблетку кофеина (она его очень здорово взбодрила и придала сил на время подъема).

Таким образом мы пробыли в пещере 13 часов, а Влад с Котом 16-18 часов.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ НАША ОШИБКА БЫЛА В ТОМ, ЧТО У НАС НИГДЕ НЕ ВИСЕЛО ВЕРЕВОК ДЛЯ САМОСТРАХОВКИ !!!

А остальное - это наше везенье..."

-

Вот оно что! Значит, Молоков спланировал экспедицию по одноверевочной схеме, и не только спланировал, но и проводил. Но тогда почему в эту авантюру втянулись Леха и Игорек? Ведь мы одинаково понимали вертикальную технику и одинаково считали самостраховку на отвесах необходимой! В чем же дело?

-

"...11-12 февраля мы заклеивали гидрокостюмы и отдыхали. Ничего, оклемались.

13-го февраля Мишка, Желудь и Кот вышли на навеску снаряжения до дна Заблудших. Отработали они около 20 часов (я до сих пор не понимаю, зачем так работать на износ?) и были в отрубе (Желудь болел, у него была температура, Кота

трясло, а Мишка тоже был уставший, так как у него была сильно порвана гидра и поэтому он был весь мокрый).

Через 13 часов после начала их работы мы вышли следом. Встретили их в Обвальном - там они отдыхали, и пошли дальше вниз. Дошли почти до конца, оставалось около 30 метров, но веревки у нас больше не было (напомню, что глубина Заблудших -470 метров, п.м.). И мы начали подъем со съемом снаряжения. Сняли все до Обвального и даже перевыполнили задачу, подняв снаряжение до колодца "Со щелью". Вышли наверх через 20 часов после начала спуска.

Утром 15 февраля мы с Галайденком уехали домой в Москву, а оставшееся снаряжение должны были снимать Влад, Ольга и Маринка (так как ребята были еще в слабом состоянии после предыдущего выхода в пещеру). Но вечером этого же дня в пещеру вышли Мишка, Маринка, Ольга, Влад и Кот (Желудь остался в лагере чинить свет, а Колька был еще усталый после работы).

Спускались сначала Влад с Ольгой, потом Мишка с Маринкой и последним - Кот. Влад с Ольгой уже дошли до верха колодца "Со щелью", Кот еще спускался с первого каскада, когда Мишка с Маринкой начали спуск со второго каскада (20+15 м). Мишка пошел первым, и в самом начале спуска на "двадцатке" оборвалась веревка, по которой он спускался (перетерлась о камни на самом верху), и он упал в каскад (примерно 20 метров). Маринка, увидев обрывок веревки, рванулась назад, к Коту, к низу первого каскада, а там уже лежал Кот. Он тоже оборвался (примерно с 10 метров) почти в одно и то же время с Мишкой.

Мишка был еще в сознании и докричался до Влада с Ольгой. Влад без веревки, скальным лазанием, поднялся к Мишке на нижнюю 15-метровую ступень второго каскада - тот лежал весь разбитый. Затем наверх к Мишке вышла Ольга, а Влад поднялся по концу веревки, на котором оборвался Кот и который навесила Маринка, к Коту. Кот тоже был поломан, но пока был в шоке и ничего не чувствовал.

Часа через полтора-два Желудь навесил веревку, и Кот поднялся наверх. А в это время Влад пытался поднять наверх Мишку (на себе). Потом Желудь побежал за врачом, а вниз прибежал и спустился Колька. Ольга одна оставалась с Мишкой 6 часов, за это время он потерял сознание и умер.

Когда Кот, все еще в шоке, поднялся наверх, и его разделили - у него оказалась сломана нога (тройной перелом голени) и раздроблена пятка.

Потом наверх поднялись все, оставив Мишку внизу, так как он уже умер."

По данным экспертизы у Мишани был перелом бедра, тазовой кости и повреждение черепной коробки, умер через три часа после падения.

* * *

Не помню точно, что я думал, когда читал прыгающие Лехины строчки. Не укладывалось в голове. Значит, все так и есть. Работали на одинарной веревке без самостраховки. Несмотря на наши споры, на общее несогласие московской половины группы с пермяками в вопросе об одинарной веревке? И там были и работали Казеннов и Галайда - что же они молчали?

Я написал Лехе письмо. Ответ пришел только через два месяца:

"... Хочу ответить на твои справедливые упреки.

При подготовке к поездке, когда в Москве с Вовчиком Свистуновым, Молоковым, Мишкой, Желудем и Галайденком обсуждали план работ, оборудование и тактику штурма, мы услышали о пермской "тактике" прохождения "дыр" без страховки.

Вот как они это обосновали:

1) Излишним весом веревок, предназначенных для страховки (это, конечно, не серьезно).

2) Тем, что при навеске страховочных веревок увеличивается время пребывания в пещере и возможность переохлаждения. (Как я потом понял, у них все строилось на расчете количества возможных подземных выходов в зависимости от запаса света шахтерских аккумуляторов типа "Украина". Они считали, что при работе без страховки рабочие выходы будут не дольше 10-12 часов, а с навеской страховки придется работать по 18-20 часов: почти предельное время работы аккумуляторов. Ну, и возможность переохлаждения. Но ведь и без страховки получалось 18-20 часов).

3) Наверно, мы не так сильно возмущались и выступали против этой "тактики" без страховки, как следовало бы. Когда в Москве при обсуждении дела я сказал, что без страховки не только Игоря Галайду боюсь пускать (тогда еще не имевшего большого вртикального опыта, п.м.), но и сам не пойду, Колька пообещал мне, что сам лично будет нас с Игорем страховать специальным концом веревки. И дальше как-то все затихло. Вовчик и я (глядя на него) "тихо" пообсуждали их тактику и как-то успокоились..."

Молоков написал коротко:

"... Короче говоря, за прогулку на Кавказе мы заплатили очень большую цену. Мишку похоронили в Белой церкви (это километрах в 150 от Киева).

Ну вот, пожалуй, и все по этой поездке."

* * *

Проходят годы, и события тех дней воспринимаются теперь через призму последующего опыта. Тогда нам казалось, что все зло именно в отсутствии этой злополучной палочки-выручалочки - второй веревки для подстраховки. Бесспорно, наличие на колодцах второй веревки могло значительно облегчить последствия обрыва рапелей, хотя мы знаем случаи, когда и самостраховка не могла предотвратить падения. Но как-то ускользали из внимания и уходили на второй план маленькие (да маленькие ли?) детали, без которых не сделать правильных выводов. Вот они.

В каком состоянии были веревки? Крайне изношенные, да еще предельно тонкие - 8 миллиметров в диаметре. А как эти веревки из арсенала самоубийц навешивались на колодцы? Сколько раз терлись они о неподатливые скалы, истончаясь, пока не пришел конец их слабым веревочным силам? Недаром Влад, вися вниз головой в колодце "Со щелью" отказывался от помощи Кота - не верил в надежность веревки! Но так и прозрел никто...

Грех думать, что ходить по таким веревкам доставляло удовольствие. Могу дать голову на отсечение, что выбирались самые хорошие веревки. Не было других! В СССР невозможно было купить веревку в магазине - их добыча чаще всего находилась в противоречии с законом.

Известно: "Нет хороших веревок - не ходи." Мед бы устами пить того, кто изрекает эту "бесспорную" заповедь. И ведь

прав, не поспоришь. Но... ходили. Потому что зов пещеры был сильнее прописного благоразумия. Потому что верили - не порвется. Никогда же не рвалось! Не знали, а верили, нарушая беспощадные законы неведомой тогда одноверевочной техники.

Нарушали и вот - платили смертью и увечьем. Но прозревали ли?

Так и вижу отчаянные глаза очередного невежи: "Бросьте, не запугивайте! Ходили."

В этом и заключается основная опасность: возникает ощущение, что законы эти срабатывают как бы не всегда. И наши парни почти уже прошли Заблудших - ведь осталось только выбрать веревки с последних 200 метров. И все! И все обошлось бы и утвердило уверенность, что можно работать вот так: вешая кое-как тертые-перетертые веревки.

Невежество? Дилетантизм? Нет. Когда по тропе, никем еще не хоженной, идут, наощупь пробираются Первые - нельзя говорить о невежестве. Невежество - это когда вот лежит, наклонись и возьми - да лень!

Когда идут Первые - говори о незнании.

"Не судите - да не судимы будете..."

Не в силах объять правду, докопаться до истины в условиях жесткой информационной блокады того времени - мы вынесли из Заблудших еще большую уверенность в безгрешности двухверевочной техники и пагубности одноверевочных начинаний.

* * *

Но одинарная веревка упорно внедрялась в практику советского кейвинга. И хуже всего было то, что внедрялась по страшному образцу февраля 79 года - в ошибочных представлениях о том, что на самом деле происходит с одинарной веревкой и как надо с ней обращаться.

Где мы навешивали одинарную веревку? Прежде всего, конечно, на самых маленьких "не страшных" отвесиках, на наклонных колодцах, где казалось, что веревка нужна только для удобства передвижения. Над такими "нестрашными" - до 5-6 метров - колодцами в порядке вещей считалось прицепить одинарную веревку и на единственный крюк.

Зато большие колодцы оборудовались со всей тщательностью. Сдваивали и страивали крючья, вешали исключительно две линейные опоры - серьезно относились. Не укладывалось как-то в голове, что нет большой разницы. Что и с двух метров упасть можно насмерть, что веревке безразлично, на каком отвесе висеть: 5 или 105 метров. Мы говорим, конечно, о нагрузках, возникающих в веревке, которые практически не зависят от ее длины. Если же говорить об износе, то здесь наши предосторожности были весьма оправданы: на больших отвесах веревки испытывают большее число циклов нагрузки при спуске и подъеме по ним и изнашиваются при трении о скалы пропорционально быстрее.

И все же психологический гипноз больших отвесов смещал и искажал представления об истинных закономерностях надежности и безопасности. Страх перед одинарной веревкой постепенно перекашивался, смещался в сторону глубоких отвесов, отступая и притупляясь на небольших.

В начале 80-х об одинарной веревке заговорили снова. На этот раз с подачи нового председателя Центральной комиссии спелеотуризма Александра Игоревича Морозова.

* * *

Мы улетаем из Каунаса. Наш рейс 2044 ровно в 7.05 отрывается от земли. Бывает, значит, что и Аэрофлот придерживается расписаний! Мы поднимаемся в воздух в предрассветных сумерках и встречаем рассвет где-то на высоте 7200.

Внизу серо-голубая, в синих щербинах, равнина облаков. Будто снег. Над нами - плотная, не пробьешь - дымно фиолетовая небесная твердь: у горизонта она сгущается полосами. И вот оттуда, по фиолетовому, все яснее проступает сиренево-розовое тепло.

Между этими: серо-голубой и дымно-фиолетовой, плоскостями ширится полоса потрясающе чистых цветов - от дымно-оранжевого через ярко-желтое в аквамарин... Встает солнце.

Солнца еще нет, его свет где-то там, внизу. Но оно ощутимо движется нам навстречу. И, послушные его воле, неудержимо плывут, оплавляются оттенки фантастического праздника утра.

И вдруг! Огромный огненный диск выползает из-за горизонта. Алый, нет - уже оранжевый, пылающий его край все больше! На него больно смотреть. Диск теряет свои очертания, уменьшается - это уже лохматый ослепительный шар...

Миг, и все контрасты гаснут. Сияющая желто-аквамариновая полоса разом затягивается заклубившейся дымкой - будто пыль, поднятая ветром. Сквозь ее фиолетовый туман жарко смотрит Солнце.

Прощай, Каунас! Самое время обдумать теперь твои итоги.

-

В ноябре 83 года межрегиональная спелеологическая группа "Дельта", созданная по инициативе адлерца Владимира Дмитриевича Резвана и лидера литовских спелеотуристов Эрика Э.Лайцонаса, собрала в Каунасе представителей ведущих спелеоколлективов СССР на совещание по актуальным проблемам.

Наплевав на субординацию системы советов по туризму и экскурсиям, прилетаем с Любой в Каунас на правах личных друзей устроителей совещания.

Только что мы с Эриком и Резваном провели на Алеке очередной Всесоюзный семинар по подготовке инструкторов спелеотуризма, во время которого получили интереснейшую "указивку" Москвы. Центр, в целях повышения безопасности спелеопутешествий, директировал отказ от самостраховки по стальному тросу зажимами типа "гиббс", ссылаясь на анализ несчастных случаев, происшедших со спелеологами страны за последние годы.

Действительно, к этому времени уже накопилось.

В 1976 году на спуске в Заблудших падает представитель московской группы "Кристалл" Кабанов: разрушился крюк, на котором была навешена веревка. Кабанов спускается, самострахуясь за трос, но в момент срыва зажимает в кулаке самостраховочный "гиббс" - в результате перелом ноги.

Летом 1977-го киевлянин Сомулин падает 18 метров, парашютируя на рогатке с зажатым в кулаке самостраховочным зажимом, благо, без серьезных последствий.

В 1980 году в пещере Осенняя на Алеке москвичка Оля Суслова во время спуска по второму 40-метровому колодцу встает на уступчик в нижней трети колодца и, зажав самостраховочный "гиббс", по непонятной причине падает с высоты 10 метров.

В этом же году падаю я в 35-метровом колодце Вейса

пропасти Кутук-Сумган на Южном Урале, когда по-небрежности слетаю с конца недостающей до дна колодца рапели без узла на конце, точно также, как мои предшественники, забыв о самостраховке. К счастью, без последствий.

Но вот в 1983 году катастрофа настигает свердловчан. В Средней Азии в пещере Зинданат на спуске в 80-метровый, по слухам, колодец соскользнул и покатился по склону свердловчанин Зеньков. И снова - самостраховка есть, но "гиббс" скользит вдоль 3,5 миллиметрового троса, крепко зажатый в руке падающего. Зеньков отпускает зажим, только когда склон обрывается в вертикаль, но поздно: зажим срабатывает и перекусывает трос... Трос-то был тонковат.

Вот о чем говорил Фердинанд Петцль: трос не выдерживает динамических нагрузок такой силы - это не веревка!

Смерть в Средней Азии наотмашь ударила по сторонникам трос-веревочной техники. А тут еще тем же летом в 80-метровом колодце ТЕПа на Алеке наш соклубник Александр Ван пытается увеличить число жертв тросовой самостраховки: потеря контроля над рапелью, падение вдоль троса с зажатым в кулаке "гиббсом", после срабатывания зажима обрыв самостраховочного "уса". Трос в ТЕПе был 4-миллиметровый, гораздо прочнее азиатского. Зато порвался "ус" - слабейшее звено той страховочной цепи.

И вот пришла директива Москвы. Отныне за трос страховаться запрещалось. Но позвольте! А как же прикажете спускаться? Получалось, хочешь страховаться - вешай вторую веревку, дополнительно к тросу! Маразм. И потом, чем страховаться, если "гиббсом" нельзя, а другие типы зажимов у нас совершенно не распространены? Что ж, теперь без самостраховки спускаться, что ли? По одинарной веревке?...

Было в этом указании Москвы, за подписью Морозова, что-то недоговоренное, какие-то скрытые течения чувствовались за его строчками, что-то такое, о чем Саша хотел, но, казалось, не решался сказать открытым текстом.

Так вот, в Каунас ожидался приезд Морозова - и всем было интересно получить разъяснения, что называется, из первых уст.

Надо сказать, что, несмотря на совместную борьбу против илюхинщины, у нас с Морозовым никогда не было особо близких отношений. Общались мы дружелюбно, но не более. Да тут еще произошел конфликт между участниками апрельской 83-го года экспедиции в Снежную, где мы и приближенные Морозова оказались по разные стороны барьера. Отпечаток на мое ко всему отношение наложила и незарубцевавшаяся рана Мишаниной гибели в Заблудших. И уж конечно, сильные воспоминания оставила наша одноверевочная работа в Большом колодце Снежной во время нашей рекордной экспедиции летом 1981 года...

Так или иначе, но в Каунас я приехал убежденным противником морозовских идей. А идеи были интереснейшие! И сквозь собственное сопротивление я ощущал их всепроникающий зуд.

На Каунасском совещании Морозов прочел короткую, но массированную лекцию. Замечу, что Саша был переводчиком высочайшего класса, что и позволяло ему проводить столь длинные экспедиции в Снежную (рассказывали, что он за пару месяцев переводил полугодовую норму своей работы). Свободное чтение зарубежной спелеологической информции, которая текла через сашины руки, давала ему возможность далеко опережающе-

го видения перспектив развития техники кейвинга. Так Морозов одним из первых познакомился с основами техники одинарной веревки, изложенных в зарубежных спелеопубликациях.

Все прочие преимущества одноверевочного хождения были достаточно очевидны, кроме одного, сводившего их в наших непросвещенных глазах к нулю: мы не представляли, как избежать угрозы аварии из-за обрыва единственной на отвесе веревки. Страх перед возможным падением сковывал нашу мысль, а исчерпывающей зарубежной информации мы, в отличие от Морозова, не обладали.

Второй причиной, подтолкнувшей Морозова к изменению взглядов на вертикальную технику, было то, что Снежная вынуждала морозовские экспедиции вести яростную борьбу за снижение веса навесочного снаряжения. Притчей во языцех стали морозовские тросовые лестницы. В Каунасе присутствовал замечательный представитель ленинградской школы кейвинга Андрей Шульц - замечательный не только своими человеческими и спелеологическими качествами, но и тем, что Шульц соединял в себе редчайший гибрид спелеотуриста и офицера Советской Армии! Так вот, во время одной из экспедиций в Снежную, могучий, тогда еще майор, Шульц трижды рвал лестницу. Шутили, конечно, что это от привычки ходить строевым шагом, но факт остается фактом: морозовские тросовые лестницы страдали изысканной "утонченностью", нося на себе следы борьбы с излишним весом.

Следующим шагом Морозова на пути снижения веса вертикального снаряжения был его переход на работу с 8-миллиметровой веревкой, что большинством из нас тоже было воспринято настороженно. А использовать одинарную 8-миллиметровую веревку, как нам казалось, и вовсе граничило с безрассудством.

Как бы то ни было, но Морозов (до сей поры не знаю, чем это объяснить) не утруждал себя в строгой аргументации своей позиции. Может быть, ему все было столь очевидно, что просто не приходило в голову, как это может быть сомнительно для других? Но чем объяснить тот факт, что провозглашая и осуществляя на практике одноверевочную технику, Морозов не придерживался наиболее существенных правил этой техники, которые к этому времени были уже внятно сформулированы странами, принявшими на вооружение СРТ? Например, в Каунасе он ни словом не обмолвился о необходимости антифрикционной (от трения) и динамической (от возможного жесткого рывка) защиты одинар- ной веревки, без которых СРТ не может существовать. Именно с помощью этих мер удается отвести от одинарной веревки Дамоклов меч неизбежного обрыва. Не знал о необходимости таких мер защиты? Более вероятно, не считал нужным защищать свою 8-миллиметровую веревку. Потому что верил в себя, своих соратников и безупречность технической подготовленности своей группы. Этот подход характеризует такое высказывание Морозова:

"Наша группа ходит по одинарной "восьмерке" и не имеет аварий. Моему сыну Севе - 14 лет, а он спокойно ходит по одинарной веревке".

Последнее было, конечно, слабым аргументом. Молодежь, а тем более школьники, работают, ничтоже сумнящися, так, как их тому научили. С возрастом и опытом это становится труднее.

Морозовская одноверевочная техника, скорее, была возвратом к канонам классической, в истинном значении этого слова, двухопорной - лестнично-веревочной, технике. Стремясь уничтожить трос в качестве линейной опоры, Морозов, как бы возвращался назад, к истокам вертикальной техники, предлагая начать все сначала и таким образом выйти из тросового тупика.

Вот некоторые аргументы той каунасской атаки, предпринятой Морозовым на редуты советской трос-веревочной техники, записанные мной в дневник во время его лекции:

"Правило обязательного наличия на отвесе двух независимых линейных опор возникло при хождении на лестницах. И это было обосновано. Но веревка при этом была одна."

"На Западе ходят по одинарной веревке".

Наверно, впервые из уст Морозова услышал я тогда, в Каунасе, термин "СРТ", который даже записал тогда неправильно - "СРП"! Но послушаем еще:

"Многие считают, что западные веревки более качественные, по сравнению с советскими. Нет - они перетираются также. Другое дело, что у них "динамика" лучше. А в остальном разницы нет."

"Динамика", в данном случае, - это способность веревки к растяжению, ее эластичность. Занимаясь позднее внимательным изучением характеристик советских и зарубежных веревок, мы нашли много фактов, как подтверждающих это высказывание Морозова, так и опровергающих его. Но это позже, а пока:

"Работа на одинарной веревке в чем-то проще и понятнее. Нет рассеивания внимания между двумя веревками. Это особенно благоприятно при работе в обводненных колодцах. А вообще, для обеспечения безопасности в обводненных пещерах - спелеолог должен быть сухим и сытым. Вот у нас все сытые - потому и нет несчастных случаев..."

Сильно сказано, по-морозовски!

"Несмотря на то, что статистика несчастных случаев насчитывает довольно мало аварий, связанных именно с работой на одинарной веревке, тем не менее переход на одинарную веревку - вещь психологически очень сложная."

Помню, встал лидер одной весьма энергичной московской группы Евгений Снетков:

- А если человек боится одинарной веревки, что ему можно предложить?

- Могу предложить не ходить по одинарной веревке! - улыбнулся Морозов.

-

Бросив нам на растерзание эти впечатляющие тезисы, Морозов развернулся другим бортом и дал мощный залп из всех орудий в самую гущу озадаченных сторонников двухопорной техники. Вторая часть его речи сводилась примерно к следующему:

Анализ достижений советского и зарубежного кейвинга за последнее десятилетие, особенно сопоставление временных графиков штурма глубочайших пещер мира различными советскими и европейскими группами, недвусмысленно выявляет наше отставание по темпам прохождения и продолжительности подземных работ. В то время как наши зарубежные коллеги затрачивают на прохождение таких гигантов как Жан-Бернар, ПСМ, Берже буквально несколько дней - экспедиции в советские "тысячники" выливаются в недели работы под землей. Вот всего лишь

несколько примеров, опубликованных в иностранной спелеопрессе:

"Мировой рекорд глубины был недавно побит в Гуффр Жан-Бернар. Отлично организованная экспедиция, руководимая П.Риасом и составленная из членов спелеоклуба "Вулкан" и других французских спелеологов (всего 32 человека), достигла глубины -1455 метров. Экспедиция началась 24 февраля 81 года и закончилась 28 февраля. Стоит заметить, что при этом было поставлено два подземных лагеря на -500 и -900 метров и осуществлено прохождение донных сифонов. Входная часть пропасти представляет собой узкую затапливаемую систему ходов (*125).

В то же время наиболее серьезные морозовские экспедиции в Снежную, при численности участников значительно меньшей, занимали 71 и даже 85 дней (рекордные по продолжительности экспедиции Морозова, п.м.), а первая чисто спортивная (т.е. не ставившая перед собой иных целей, кроме прохождения маршрута) экспедиция под руководством Резвана в составе 6-ти человек работала в Снежной 24 дня. Контрастно, не правда ли?

Или другой пример:

"В феврале 81 года недалеко от Жан-Бернар спелеологи из Лиона с помощью групп Каверниколь и Торон де Бен продолжили исследование пропасти Мирольда и достигли глубины -1100 метров. В пещере были установлены 2 лагеря: на -300 и -700 метров. Всего подземные работы заняли 4,5 дня. Пещера состоит из многочисленных колодцев, нескольких красивых натечных галерей и активной системы, собирающей воды пяти подземных потоков" (*126)

Можно было бы продолжить перечень подобных примеров, но стоит ли?

Второй залп Морозова заставил нас призадуматься...

* * *

Если среди спелеотуристов имя Морозова уже само по себе внушало уважение, то туристы других видов относились к нему гораздо спокойнее. Тем более штатные работники КСС (контрольно-спасательной службы) системы советов по туризму и экскурсиям, перед которыми Саша, еще до Каунаса, выступил с лекцией по безопасности спелеопутешествий. Среди нас не нашлось очевидцев этого представления, но рассказывают, что эффект был подобающий. Если бы КСС-ники обладали властью святой инквизиции времен средневековья (а в чем-то они и являлись ею по отношению к "диким" путешественникам), не избежать бы "еретику" Морозову пыточной и костра за крамольные речи о пагубности самостраховки и пользе перехода на одинарную веревку. Додуматься только! Не ожидавшая такой наглости и такого напора КСС так и осталась с открытым ртом, но позже пропела-таки "Анафему" морозовским идеям.

Морозов резко начал, может быть даже слишком резко. Он принимал удар на себя, используя весь сосредоточенный в его руках (а по сути - эфемерный) институт власти в лице Центральной комиссии спелеотуризма, опираясь на огромный авторитет свой и своей группы, завоеванный действительно впечатляющими успехами в исследованиях Снежной и долголетней практически безаварийной работой. И... успеха не добился. Хотя, как посмотреть. Ведь он посеял сомнение...

Строчки из Каунасского дневника:

"...Всех нас вчера поразили темпы работы на Западе. За какие-то 2 дня они умудряются повесить снаряжение до глубины

-900 метров. Не только повесить, но и вернуться наверх. Темпы! Темпы! Что за ними? В голове масса мыслей... Надо связаться с болгарами - через них можно начать. Съездить бы и разобраться на месте. Но как и когда???"

В 83 году еще очень актуальной была шутка Резвана, прозвучавшая однажды на Буковой поляне. Как-то во время инструкторского совета Эрик Лайцонас - завуч семинара, заглянул через плечо Резвана, который задумчиво рисовал что-то на листе бумаги:

- Ай-яй, - со своим тонким литовским акцентом сказал Эрик. - Руководитель Всесоюзного семинара, а на инструкторском совете танки рисует! К чему бы это?

- Я думаю, - мрачно пробурчал Резван, не отрываясь от работы. - Я думаю, что это единственный шанс советских спелеотуристов попасть за границу!

- Смотри, Резван! - покачал головой Эрик. - Вон Серафимов опять что-то пишет. И усмехается!

Володя подозрительно покосился в мою сторону:

- Что это вы пишете, инструктор Серафимов?

- Оперу пишу, гражданин начальник! - не растерялся я, вспомнив бородатый анекдот.

- Оперу? Что-то много ты уже накропал!

- Ничего, у опера времени много, все прочитает!

* * *

Строчки Каунасского дневника:

"...Вот мы сейчас ломаем головы над успехами французов. М стоим на новом качественном пороге. Кто перешагнет его? Тактика тотальных штурмов Морозова уже заходит в тупик. Для спорта. И, возможно, для науки. А что скажем мы? Неужели всю жизнь ездить и смотреть на то, что создано кем-то?

Мы - в психологической ловушке. Одна веревка! Страшно.

Но рациональное зерно в этом есть. Надо только исхитриться его найти и взять. Надо преодолеть свою робость."

... Самолет, дрогнув, ложится на крыло. Вся картина за бортом смещается, ползет влево, затем выравнивается.

Что ж, Каунас прошел на высоком уровне. Получена прямо-таки захлестывающая информация. Это здорово. Не покидает ощущение близящегося качественного скачка в нашем кейвинге.

Ах, как нужно оказаться на острие этого скачка!

* * *

Но пока мы явно не дотягивались до острия.

В Каунасе мне удалось полистать один из первых французских учебников СРТ - "Технику альпийской спелеологии Марбаха и Рокура (MARBACH,G., and ROCOURT,J.L. 1980 Techniques de la Speleologie Alpine.). У Эрика Лайцонаса вообще оказалось масса интересного. Эрик давно привлекал меня своей эрудированностью, внешностью и манерами джентльмена (высокий, поджарый, седой, несмотря на умеренный возраст), своеобразным прибалтийским юмором. Мы познакомились во время той памятной для меня экспедиции в Кутук-Сумган, когда я попытался упасть в колодец Вейса с зажатой в кулаке самостраховкой.

Как и я, Эрик Лайцонас был весьма заинтересован перспективами применения СРТ в советском кейвинге, но к осени 83-года преуспел на этом пути значительно больше. Не последнюю роль в этом сыграл и тот факт, что Литва расположена несравненно ближе к Западной Европе, по сравнению с Ка-

захстаном, в том числе и территориально. Эрик вел интенсивную переписку с зарубежными коллегами, стараясь установить более конкретные контакты. И в конечном итоге одним из первых в СССР получил такую возможность. Понятно, что за рубеж спелеологи выезжали и до 84 года. Но Эрик, в отличие от своих предшественников, отправился за границу не с целью пропаганды и утверждения "советского образа жизни в спелеологии", а смотреть и учиться. Весной 1984 года Эрик Лайцонас привез из Болгарии "живую" информацию о технике одинарной веревки - СРТ. Дело в том, что к этому времени Болгария уже осуществила "смычку с акулами империализма", решением БФПД (Болгарская Федерация Пещерно Дело) перейдя на СРТ в общенациональном масштабе. Благо, масштаб небольшой.

Эрик привез впечатления, а его лучший ученик и коллега Раймис Данюнас немедленно решил обкатать полученную информацию на практике.

Попробовал он в Напре во время нашей незабываемой корделеттной экспедиции в сентябре 1984 года. О, мой дорогой Заинтересованный Читатель! Вы несомненно помните песню "О неудачной экспедиции", сочиненную под гамаком у Киселева в подземном лагере на глубине -430 метров? Да, измотанные до предела многочисленными нервными экспериментами, мы вынуждены были повернуть назад с глубины -530 от грота Рака. Но последней каплей, склонившей чашу весов в пользу отступления, несомненно была авария в 40-метровом колодце, ведущем в этот грот.

Веревки на этот отвес были повешены неудачно. Они шли по левой стене зияющего чернотой колодца с большими перегибами через край. Внизу, в гулкой тишине грота Рака, резко раздаются голоса. Резван уже внизу, Ткачев спускается, и веревки под его весом подрагивают на крючьях.

С неприязнью осматриваю навеску. Одну из этих веревок, трущихся об острые выступы скалы, мне предстоит сбросить вниз. По второй - спуститься самому... Острое трение, а других крючьев, чтобы перевесить веревки, что-то не видно. Ткачев внизу долго закачивается на какую-то невидимую глыбу посреди зала, и оттуда вниз, в систему "Вторых штанов"(*127), с впечатляющим грохотом летят камни - глубоко, метров на 80!

Подходит всегда сдержанный Раймис, но при виде навески неожиданно разражается ругательствами. Напряженность в группе возрастает, и мы ничего не можем с этим поделать. Мы выбились из графика, стремительно теряем свет из-за некачественных батареек, и любая задержка на маршруте грозит поставить под нашей задачей достичь дна Напры большой знак вопроса. Но мы пока не сдаемся.

Сверху подходят Эрик и Кес, садятся на мешки у края колодца. Я нахожусь ближе к краю колодца и на всякий случай пристегиваюсь самостраховочным "усом" к перилам навески. Наконец, снизу доносится раскатистый голос Ткачева:

- До-оше-ол! Свободно!

Раймис начинает пристегиваться на спуск, а я смотрю на его "сбрую". После поездки Эрика в Болгарию Раймис сделал себе снаряжение по западному образцу: все обвязки сходятся и фиксируются одним единственным карабином на животе, сюда же крепится "ус" самостраховки. Спусковое устройство у Раймиса тоже на западный манер - каталка Дресслера, самодельная, ко-

нечно - тоже встегнута в замковый карабин. Все выглядит достаточно компактно и логично...

Раймис перелезает через край колодца, мягко соскальзывает по рапели вниз, и луч его фонаря растворяется в темноте.

Сидим молча на краю колодца - каждый во власти своих мыслей, поэтому в наступившей тишине неожиданно громко звучит металлический щелчок в колодце, от которого резко вздрагивают веревки у крючьев.

Мы еще заторможенно молчим, губы только приоткрылись для вопроса, как в ледяной этой тишине громко и отчетливо раздается голос Раймиса. Этот голос, и дыхание, слышное из колодца, заставляют нас похолодеть. Нет, это не крик ужаса, не смертельный вопль падения, но в нем слышится такое, что я не смогу сейчас передать словами, как бы ни старался. Неестественно спокойный и четкий, отчего заметнее проступает литовский акцент, голос Раймиса звучит чуть громче обычного:

- Ребята. Я сейчас буду падать...

Во мне срабатывает какая-то пружина, подкидывает вперед, к колодцу, благо, я на страховке. Склоняюсь над краем и вижу - внизу, буквально в трех метрах, у зеркальной стены колодца замерла странно неподвижная фигура. Взгляд мечется, ощупывая детали, силясь ухватить причину опасности. Ничего! Каталка на рапели, зажим самостраховки на второй веревке...

- В чем дело?

И после паузы длинной в год:

- Спустите мне карабин.

Срыаю с себя карабин, пристегиваю на страховочную веревку, отпускаю. Карабин звонко щелкает о самохват Раймиса. Данюнас, почти не шевелясь, какими-то хирургическими движениями снимает его, медленно простегивает куда-то, сверху не видно... Шумный выдох облегчения:

- Все. Сейчас поднимусь.

Кто держал в руках титановый карабин марки "Ирбис" подмосковного производства, тот представляет, а кто не видел - представьте на верхнем загибе карабина крохотный, не более 5 миллиметров, крючок, который входит в зацепление с защелкой. Вот этот крючок и спас Раймису жизнь. Неудачно встегнутая каталка, развернувшись при нагрузке, отжала защелку карабина, и та вывернулась наизнанку. Карабин расстегнулся, и все, что было на нем, утратило связь друг с другом - а ведь карабин был связующим звеном всей системы обвязок и спуско-подъемного снаряжения. В итоге все оно, в том числе и самостраховка, оказалось просто нанизано на разомкнутый карабин и в любую минуту могло слететь с него, оставив своего владельца на произвол Судьбы. Над 40-метровым колодцем судьбу предсказать нетрудно...

Спас крючок на верхнем загибе карабина, на котором зацепилось спусковое устройство. И еще то, что Данюнас не успел спуститься достаточно глубоко: малейшего колебания веревки, которая на хорошей глубине тянется, как резиновая, было достаточно, чтобы сбросить Раймиса со спасительного крючка его карабина.

Так 22 сентября 1984 года мы стояли в полушаге от еще одной катастрофы. СРТ снова показала зубы.

Со своим российским широкодушием мы никак не могли взять в толк, что истинная техника одинарной веревки, по сравнению с той, какую мы до сей поры исповедовали, - это что современ-

ный персональный компьютер, по сравнению с арифмометром. Залезь в него с отверткой, не зная схемы - в лучшем случае сломаешь машину. А то и убьет ненароком. Казалось бы, какая мелось, карабин! Но если заглянуть в любой из учебников по СРТ, обязательно бросится в глаза одно из непреложных правил:

"Применение в качестве замка, связывающего в единое целое все спуско-подъемное снаряжение и обвязки кейвера, карабинов любой конструкции - НЕДОПУСТИМО! С этой целью следует использовать только замковые кольца типа "Мэйон рапид" (Maillon Ra- pide) (*128).

Пустячок? В технике одинарной веревки пустяков нет.

К сожалению, мы начинали изучать СРТ не по учебникам.

* * *

Авария в Напре не обескуражила каунасцев. Летом 85 года в Болгарию отправляется уже целая делегация литовских кейверов во главе с Данюнасом. В то же время Эрик Лайцонас переводит с болгарского руководство по СРТ Майка Меридита "Вертикальная спелеология" (Meredit,M.,La speleologie verticale. Grenoble,1979). Что и говорить - к концу 1985 года "контрольный пакет акций" в шансах на всесоюзный приоритет в овладении СРТ находится в руках литовцев.

После илюхинской диктатуры, приведшей к депрессии и рухнувшей в результате московского "переворота", в начале 80-х советское спелеодвижение переживало период активизации и подъема, чему в немалой степени способствовал приход к руководству советским спелеотуризмом сподвижников Александра Игоревича Морозова. Одним из пиков этого взлета стало проведение осенью 1985 года Всесоюзного семинара высшей инструкторской подготовки на Западном Кавказе. Место для проведения семинара было выбрано хорошо знакомое - турбаза "Южная" в Хосте и далее - на хребет Алек в объятия гигантских буков, по которым мы уже так соскучились. Но главным магнитом, стягивавшим нас на Буковую поляну тем памятным октябрем, была возможность увидеть многих ведущих спелеологов страны, удостоивших своим участие этот редкостный по статусу семинар.

Семинар старших инструкторов (ВИП-85) возглавил Владимир Дмитриевич Резван, завучем стал Эрикас Лайцонас, одним из инструкторов посчастливилось быть мне.

Именно посчастливилось, так как на этом семинаре я получил последовательно три мощных инъекции СРТ, которые окончательно излечили меня от рудиментов двухопорной техники.

Первым делом, прознав о поездке Данюнаса в Болгарию, я нагрянул к нему вечерком прямо в пропитанный субтропической сыростью четырехместный "скворечник" турбазы, в каких размещался личный состав семинара. Волею случая Раймис оказался слушателем моего отделения, ну и... как он мог отказать любимому инструктору?

Помню, как с каким-то плотоядным наслаждением рассматривал снаряжение Раймиса, задавал вопросы, записывал информацию в блокнот. Сколько раз выручала меня эта привычка - вести полевые дневники, не лениться записывать увиденное и услышанное? Как-то в одном из ресторанов Каунаса, кажется, это был "Пасутимас"("Свидание"), Резван, глядя, как среди ресторанного тарарама я что-то пишу, мимоходом заметил:

- Знаешь, я отчетливо представляю тебя падающим в коло-

дец и при этом вынимающим из кармана авторучку и блокнот... - непередаваемый резванский жест рукой. - Не дай Бог, конечно!

Это было начало.

Второй инъекцией стала первая в СССР публичная лекция по основам СРТ, которую для слушателей нашего семинара прочитал Эрикас. Это была хорошая лекция. Но замечали? Стоит завести разговор о чем-нибудь новом, но, в принципе, доступном каждому, как тут же появляется некто, подающий голос с первых рядов галерки: "Ну, эт мы запросто! Мы так давно делаем! Чего тут такого-то? Па-адумаешь!"

Сколько раз впоследствие, в годы битвы за СРТ, мне приходилось натыкаться на подобные высказывания, негативное восприятие нового, неосмысленный протест. Но что характерно - чем выше культура и интеллект слушателей, тем меньше шансов напороться на деструктивную позицию.

Эрика слушали внимательно, очень внимательно. Не перебивали, не задавали дурацких вопросов и вылезали с инфантильными высказываниями. Что ни говори, уровень семинара был соответствующим. Слушали, но по глазам было видно - думали:

"Это все, конечно, здорово, но как-то не по нашему. Сложновато наворочано. Мудрят они там, на западе!"

- Хождение по одинарной веревке: то, чем - не секрет, в определенных ситуациях занимаемся все мы, - сказал Эрик, - это не есть СРТ. Это всего лишь хождение без страховки! Суть СРТ не в снаряжении, хотя и оно имеет свои особенности. Суть - в психологии: в отношении к снаряжению и ко всей работе в пропасти.

"Непонятно, но - здорово!"- обронил кто-то по аналогичному поводу, а Резван, с присущим ему юмором, добавил:

- А давайте попробуем СРТ сначала в горизонтальных пещерах!

А меня все больше захватывало желание попробовать все самому - вот это самое "новое отношение" попробовать.

Последней инъекцией, последней каплей, переполнившей сосуд, стали наши коллеги из Болгарии, неожиданно ставшие гостями семинара. Это был настоящий подарок Судьбы и невиданный успех. Присутствие иностранцев на всесоюзных спелеомероприятиях - да такого старики не помнили!

Вот кого слушали завороженно. Что - Эрик? При всем своем авторитете Эрик был свой, наш, равный из равных. В своем же отечестве, как известно, нет пророка. Мы не можем смирится с мыслью, что кто-то из подобных нам вдруг может подняться надо всеми в знании или мастерстве, 'видении или искусстве, а уж тем более в понимании нашего общего ремесла. Нет пророка в своем отечестве!

Иное дело - иностранцы! Пусть даже такие близкие, как болгары. Да, слушали их завороженно. И... все-таки недоверчиво. Оценивающе щупали снаряжение, которое привезли с собой софиянин Алексей Жалов и варнинец Кирилл Иванов, качали головами, обменивались критическими замечаниями.

А какими ветрами потянуло вдруг над "Южной"! Почудилось, что рядом - рукой подать! - оказались, больше похожие на легенду, греческие Эпос и Проватина, французские ПСМ и Берже, уже пройденные болгарскими экспедициями. Да где только ни побывали наши братья-славяне... С какой легкостью слетали с губ этих парней недоступные нам имена!

* * *

Пролился дождик СРТ на целину советского спелеотуризма. Что-то впиталось, а больше - стекло. Болгары уехали страшно довольные. Им показали входы в пещеры Алека, а в завершение вояжа устроили вертолетную экскурсию над Кавказом. И надо же было такому случиться, что, будто специально для этого случая, егеря засекли на хребте в зоне Большого Кавказского заповедника браконьеров. Шоу получилось великолепным: погоня, стрельба - все, как в настоящем детективе. Богатые впечатления о Большом Кавказе для маленькой Болгарии!

Болгары уехали, а семинар продолжался. Все это время меня не покидали настойчивые мысли... Как уцепиться за хвост неудержимо лидирующих каунасцев?

И случай представился. Эрик планировал в 86 году учебно-экспериментальный выезд в Напру для освоения СРТ силами двенадцати специально обученных и снаряженных членов своей секции. И, в принципе, не возражал против участия в этой акции команды из Усть-Каменогорска.

Для меня это был главный итог семинара ВИП-86.

* * *

Ч У Д О - Ю Д О Р Ы Б А К И Т !

Зима 85-86 проходит в "бумажных" трудах. Сижу над переводами, вчитываюсь в незнакомые строчки. Каунас литературой не помог, несмотря на обещание Эрика. Помог Резван, еще в Сочи уступив на время только что подаренную ему болгарами книжку "Азбука одинарной веревки" Петко Недкова (П.Недков"А Б В на техниката на единичното въже", София, 1983). Да еще член нашего клуба Марина Тюрнина привезла с семинара в Красноярске разрозненные листочки фотокопии какой-то явно СРТэшной книжки на английском языке: красноярцы, по бытующей у нас практике, тщательно скопировали картинки, не утруждая себя сопровождающим текстом! Ну, и, конечно, Москва. О-о! Какие закрома информации оказались у Владимира Киселева! Английские, французские, австралийские - на всех языках книги с роскошными иллюстрациями. Глаза разбегались!

Да, Владимр Энгельсович оказался одним из самых богатых на информацию по СРТ спелеологов СССР.

Киселев в советском кейвинге вообще фигура неординарная.

Начав с работы в Центральной спелеосекции во времена Илюхина и оставаясь вне политических страстей и справедливо считая политику делом побочным, в сравнении с пещерами, Киселев все это время занимался информацией. И преуспел на этом поприще. Более того, как-то незаметно выдвинулся он из тени в ряд ведущих спелеоподводников страны, записав на свой счет солидное число первопрохождений и открытий в пещерах и пропастях.

И вот - с истинно царской щедростью распахнулась сокровищница царя информации Киселева перед новорожденными искателями истины.

Из этих разноязыких строчек постепенно проступала перед нами сущность одноверевочной техники. И с каждой новой строчкой, отвоеванной у иноязычных текстов, все больше притягивала к себе СРТ. Будто свежий воздух вливался в легкие.

Пьянящ аромат познания! Этот труд в пыльном шелесте томов оказался сравним с рабостью подземных первопрохождений.

Многие с сомнением покачают головой. Иные усмехнутся. Кто испытал когда-либо - поймет. Познание сладостно само по себе - вне зависимости от оболочки, форм, видов деятельности. В познании окружающего и внутрилежащего - предназначение нашей жизни, наше утешение и восторг, бессмертный смысл существования.

... Страничка следует за страничкой. Как хочется скорей, сразу туда, где такие заманчивые картинки - поближе к пещере, к пропасти, к действию! Нельзя. Мы уже заплатили цену за незнание - по незнанию. Имея все, чтобы узнать - не воспользоваться - преступное недомыслие. Это почерк дилетантов по духу, верхоглядов и ленивых умом.

Так что же такое эта "Сингл Роуп Техник"? Да не убоимся академичности фраз.

-

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ или ОСНОВА ОСНОВ.

-

Техника одинарной веревки ничего общего не имеет с тривиальным хождением по одинарной линейной опоре без страховки. СРТ - это гармоничный комплекс мер, затрагивающий все без исключения стороны работы на подземных вертикалях. Механическое, подражательное, перенесение в практику отдельных элементов СРТ без понимания их сути и связи с остальными составляющими техники порождает уродливые гибриды - столь же неприглядные, как и опасные.

Техника одинарной веревки покоится на "трех китах", трех неразрывных составляющих, которые дают желаемые результаты только в совокупности.

-

ПЕРВЫЙ КИТ по имени РОУП.

-

Есть среди кейверов, понимающих Суть, поговорка-пожелание: "Лучше наступи себе на язык, чем на веревку!"

Основы безопасности СРТ закладываются на земле. Прежде всего - это бережное отношение к веревкам, как к основному снаряжению.

"Так-так,"- уже вертится нетерпеливый. - "Огласите, пожалуйста, весь список!"

Будь по вашему, представляю остальных.

-

ВТОРОЙ КИТ - ПРОТЕКТОР.

-

Protection - по-английски, защита. Соответственно Protector - защитник. В ведении кита-Защитника сохранность нейлоновых дорог. По разному можно их проложить по отвесам, на языке кейвинга - сделать навеску. СРТ жестко формулирует основное правило: навеска на ЛЮБОЙ отвес должна исходить из главной задачи - МАКСИМАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ висящей на нем ЕДИНСТВЕННОЙ ВЕРЕВКИ. А уж потом все остальное.

Все потом - быстрота, легкость передвижения, другие соображения. Комплекс мер по сохранению навески называется ее защитой. В свою очередь защита навески состоит из двух взаимодополняющих частей: защиты анитифрикционной - от перетирания, и защиты динамической - от последствий рывка. Эти "сиамские близнецы" неразделимы. Только примененные в совокупности, они дают определенные гарантии сохранности одинарной веревки.

Проще говоря - веревки на каждый отвес должны навешиваться без трения их о скалу и с учетом возможных динамических рывков при работе. Надо признаться, что во все предыдущей практике советского спелеотуризма мы не сталкивались с такой постановкой вопроса. Не мудрствовали особо - швырнул веревку за край колодца и вся недолга.

Да, организация динамически защищенной навески, да еще без треия ее о скалу, требует гораздо больших усилий. Это и забивка дополнительных крючьев, и применение оригинального снаряжения, призванного защитить веревку от трения - специальных прокладок, подстилок, чехлов, оттяжек, отклонителей. Ни о чем подобном мы до 85 года и не слышали.

Кроме того... ну, да в трех словах и не скажешь.

-

ТРЕТИЙ КИТ - ТЕХНИК.

-

Этот кит, пожалуй, внешне самый заметный. Более полное и понятное его имя - индивидуальная техника передвижения по отвесам. Как-то так повелось в нашем спелеотуризме, что главным преимуществом того или иного способа передвижения по веревке считались его скоростные качества. При этом мы частенько забывали, что если высокая скорость подъема говорит о высоком уровне подготовленности кейвера, то высокая скорость спуска чаще всего свидетельствует как раз об обратном - низкой технической грамотности или скудости ума. Правилами СРТ регламентируется максимально допустимая скорость спуска - не более 15 метров в минуту (1 метр за 4 секунды!). Иначе возникает угроза оплавления и повышенного износа веревки от трения в спусковых устройствах, особенно на сухих отвесах.

В то же время средняя скорость движения кейвера по маршруту зависит прежде всего от грамотности тактических действий группы, физических сил, выносливости, технической подготовленности самого исполнителя, а уж потом - от скоростных преимуществ самого способа движения. Скорость - дело десятое, скорость приложится, органически выльется из остальных составляющих. В СРТ главным условием применимости способа движения признана - МАНЕВРЕННОСТЬ.

Именно, маневренность, а не скорость. Передвигаясь по одинарной веревке, кейвер должен быстро и достаточно легко преодолевать многочисленные препятствия - не только естественные, но и искусственные, установленные по велению второго Кита - Защитника. Не менее важно позаботиться о сохранности единственной на отвесе веревки, иметь возможность при движении отклонять ее от скалы, не позволять касаться и тереться о нее даже эпизодически.

Перебрав многочисленные варианты, вропейский кейвинг избрал способ, носящий пока неразгаданное нами название "Дэд". Основоположник СРТ Петко Недков как-то обмолвился, что по его сведениям название "Дэд" произошло по прозвищу его зобретателя, французского спелеолога, похоже, славянского происхождения, если прочитать прозвище по-русски: "Дед".

Догадки догадками, а главное одно: есть неизвестный пока нам способ подъема по веревке. Вот где руки чешутся попробовать!

Так чешутся, что забывая о двух предыдущих, сразу хочется поближе познакомиться с Третьим Китом. Ну, хорошо, так

и быть - но мы познакомимся только с самой первой и основополагающей его составляющей под названием ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ.

Дело в том, что индивидуальное снаряжение желающего заняться техникой одинарной веревки существенно отличается от используемого в советском спелеотуризме ранее. Все, буквально все пришлось приспосабливать или принципиально менять. И это тоже было для нас неожиданностью.

-

Если Вы не кейвер, мой Терпеливый Читатель, то можете спокойно опустить окончание этой главы. Здесь все-таки слишком много специальной, далеко не художественной информации.

А может быть Вам это в чем-то и покажется интересным.

Что ж, вывалим на стол кучу разнообразнейшего снаряжения для передвижения по верткалям, накопившегося у Человечества за последние сто лет, и попробуем отобрать необходимое.

Основа основ - обвязки. Беседку можно выбрать любую. Лишь бы была надежна, не давила, не жала, чтобы можно было пару просидеть навесу пару часов (что, есть вопросы?), чтобы позволяла свободно перейти от виса на веревке к лазанию по скале.

Выбрали? Что это у вас навесу коленки сходятся, неразвести? Неэстетично, да и неудобно, признаться. В висе ноги должны быть свободными. И главное - это отсутствие люфта в точке подвески: чтобы не вытягивалась, не ходила туда-сюда точка крепления к обвязкам остального основного снаряжения. Как мы уже знаем на примере Раймиса Данюнаса - такая точка в обвязках СРТ одна. Люфт в этой точке - штука очень вредная. У него непомерный аппетит на наши и без того небезграничные силы.

Ну, и поясной ремень. Так сказать - для осанки, для поддержания позвоночника в пояснице в случае возможных чрезмерных нагрузок придинамических рывках. Не забыли? Значит, беседка, что надо, годится.

С обвязками все.

"А грудную?"- спросит иной знаток безопасности подвесных систем.

Вот грудной обвязки в СРТ нет. Нет - в классическом виде кольцевого пояса - того самого, что в недалеком прошлом (ой, боюсь, что и сейчас!) при зависании на нем норовил насмерть удавить альпинистов. И нашего брата-спелеолога не жаловал, и туристами лакомился.

Нет грудного пояса в СРТ. Взамен - легкий "лифчик" из диагонально скрещенных между лопатками строп или широкий и комфортный "чресплечный ремень", идущий наискосок по спине (*129). Как лифчик, так и ремень, удерживают в вертикально расположенный в области груди зажим, который так и называется "грудной", а через него и все тело кейвера в вертикальном положении. Но о зажимах чуть позже.

Обвязки СРТ застегиваются и фиксируются при помощи замкового кольца, с блокируемым муфтой разъемом, под названием "Мэйон рапид", треугольной или овальной формы. Диаметр корпуса МР не менее 10 миллиметров. Замковый МР - важнейшая деталь индивидуального снаряжения - НА НЕМ ДЕРЖИТСЯ ВСЕ остальное снаряжение, в том числе и обвязки.

При помощи карабина с муфтой (ОБЯЗАТЕЛЬНО С МУФТОЙ!) на "Мэйон рапид" крепится спусковое устройство - ФСУ (*130).

Внимание! Крутящие веревку ФСУ категорически неприемлемы в СРТ. Жуткие скрутки и бороды возникают у промежуточных крючьев при попытке спуска по одинарной веревке, навешенной по правилам СРТ, скажем, на рогатке. Именно из этих соображений в СРТ используются только ФСУ типа "каталка" (боббина Дресслера), "решетка", американская "рэпэл рэк" и их аналоги.

К замковому МР N 10 (непосредственно или при помощи промежуточного овального "Мэйон рапида" N 7) крепится грудной зажим системы "Кролль", "Бэйсик" ("Дресслер") или аналогичные им по характеристикам. Грудной зажим удерживается в вертикальном положении дополнительным МР N 4 (*131) или карабинчиком того же номера при помощи "лифчика" или чресплечного ремня.

Завершает комплект снаряжения, крепящегося на замковый МР, система самостраховочных "усов", состоящая из "короткого" и "длинного" "уса". Далее будем считать термин "ус" нарицательным и не станем постоянно использовать кавычки.

Короткий ус изготавливается из эластичной динамической веревки диаметром не менее 10 миллиметров при помощи узлов "восьмерка" на обоих его концах. Длина уса, вместе с самостраховочным карабином на конце строго регламентируется и должна равняться 50 сантиметров у каждого участника группы. Такая интернационально унифицированная длина короткого уса имеет глубокий смысл, обеспечивая всем участникам штурма одинаковое маневрирование на отвесах и беспрепятственное прохождение СРТ-трассы.

Второй длинный ус - для определенности называемый "пруссиком", изготавливается аналогично короткому усу, но имеет б'ольшую длину - в зависимости от роста и технических вкусов своего владельца. Иногда длинный и короткий самостраховочные усы изготавливаются из единой веревки, для чего используется около 3 метров динамической веревки.

К концу пруссика, посредством карабина с муфтой, крепится зажим-ручка системы французского "Пуани", итальянского "Боконга" или их аналогов. Характерной особенностью применяемых в СРТ зажимов является отсутствие люфта при их нагружении. Другим обязательным условием этого зажима, называемого "ведущим", является возможность фиксации кулачка как в закрытом (предохраняя от выпадения веревки), так и открытом положении готовности, что позволяет вставить в него веревку одной рукой.

К сожалению, зажимы типа "Гиббс", так полюбившиеся советским спелеотуристам, невыгодно отличаются наличием приличного люфта при нагрузке. Люфт прикаждом шаге отбрасывает поднимающегося по отвесу кейвера на несколько сантиметров вниз. Именно по этим соображениям "гиббсы" не годятся для использованиях в качестве грудного или ведущего зажима.

К карабину, соединяющему пруссик с ведущим зажимом крепится короткое стремя для ног, с легкой руки болгар получившее у нас название "педал". Педал представляет собой кусок максимально неэластичной нерастягивающейся (статичной) стропы, верхний конец которой при помощи узла "восьмерка" крепится на карабине ведущего зажима, а нижний представляет собой связанное узлом "булинь" кольцо для упора ног. Длина его подбирается из условия, что когда вы стоите в кольце педали одной ногой - ведущий зажим располагается на веревке в

3-5 сантиметрах над грудным. Размер кольца педали должен позволять упор в него двумя ступнями. Оптимально изготовить педал из трубчатой стропы, шириной 25-28 миллиметров, внутрь которой в область кольца вставляется кусок резиновой или упругой пластиковой трубки. Трубка не позволяет педали спадаться, что очень важно, чтобы навесу без помощи рук попасть в кольцо ногами.

Вот, собственно, и все основное снаряжение для обеспечения работы на вертикалях способом "Дэд".

Для чего я так подробно описываю это снаряжение? Этому есть простое объяснение. Ведь именно описание венгерским спелеологом Ласло Якучем способа спуска и подъема по веревке способами "дюльфера" и "пруссика", причем не в технической, а художественно-документальной книжке, дало мне и моим соратником по катакомбистской группе "Фантом" стартовые представления и практическое руководство в первых шагах по наземным и подзем вертикалям. Может быть, в нашем посткоммунистическом дефиците информации и эти описания дадут кому-нибудь возможность начать путь в глубину?

К этому перечню можно добавить некоторые весьма полезные "мелочи".

Для преодоления отвесов большой протяженности и совершения некоторых других технических манипуляций рекомендуется применять польский вариант "Дэд". Для этого в комплекте снаряжения необходим третий зажим системы "Дресслер" или ему подобный, который крепится к одной из стоп при помощи специального шнура, стропы или иного приспособления.

Для самостраховке на спуске, наряду с ведущим зажимом типа "Пуани", применяется специализированный самостраховочный зажим "Шант" фирмы "Петцль". Шант крепится на короткий ус или на пруссик, вместо ведущего зажима. Созданный для целей альпинизма, шант предназначен как для одинарной, так и для сдвоенной веревки. Но главное его достоинство - возможность, взявшись за корпус зажима, сдвинуть шант вниз, даже если в этот момент он нагружен весом висящего на нем кейвера. То есть появляется редкая возможность освободиться от зависания на самостраховке, не используя дополнительную опору.

К замковому МР в нижней его части полезно прикрепить дополнительный карабин, к которому при необходимости крепится специальный шнур для транспортировки груза - "трансреп". Нести по отвесу груз (рюкзак, транспортный мешок) за плечами - занятие неблагодарное и утомительное. Хорошо еще, если ноги упираются в склон. А в чистом отвесе? Съехать в колодец вниз головой - что может быть нелепее? Да и просто нести груз на плечах, когда можно спокойно транспортировать его вниз на своем спусковом устройстве, а вверх на грудном зажиме - представляется тоже не Бог весть каким разумным.

Трансреп представляет собой кусок статичной стропы длиной порядка метра с прочными узлами или зашивками на концах для карабинов. Импровизированные трансрепы из случайных кусков шнура или веревки с небрежно завязанными узлами - вещь очень опасная!

Все. Мы не касаемся вопросов одежды и освещения. Они не зависят от применяемой вертикальной техники. Хотя хорошее ацетиленовое или электрическое освещение делает работу в пропасти намного комфортнее!

Прихватим на всякий случай из нашей кучи снаряжения компактный блок-ролик и пару-тройку карабинов - всем известно, что карабины лишними не бывают. И перейдем к другому занятию.

* * *

Однажды я принес с почты увесистую бандероль и весьма удивился, обнаружив в ней приличный конец веревки явно иностранного происхождения.

"Неужто в Киеве начали делать приличную веревку?"- недоумевал я, рассматривая почтовый штемпель и обратный адрес.

Впрочем, все быстро выяснилось, что не убавило моего удовольствия от созерцания прекрасного содержимого бандероли. Веревку прислал Саша, Александр Борисович Климчук - тот самый, кто некогда принял непоследнее участие в открытии пропасти Киевская, а нынче упорно занимался пропастью Куйбышевская на Арабике, недавно вернулся из совместного с Киселевым и Дублянским турне по Канаде и США.

Следом за бандеролью пришло письмо, в котором содержалась "Инструкция к веревке фирмы "Пиджин Маунтин Индастри" - "PMI".

Обращаясь к Третьему Киту - отношению к веревке, я всегда вспоминаю эту инструкцию. Вот то, или примерно то, что в ней было:

"НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ...

Примите их в связи с покупкой новой "PMI"! Фирма готова предоставить Вам автомобиль для ее перевозки.

Первая ли это веревка в Вашей практике или Вы бывалый ветеран - найдите, пожалуйста, время прочитать ниже следующее. Это может иметь значение в Вашей жизни. Пожалуйста, читайте внимательно.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ.

На Вашей ответственности, дорогой покупатель, получить консультацию компетентных специалистов и принять соответствующие меры предосторожности при работе с нашей веревкой. Помните, что информация, содержащаяся в этом проспекте, не может заменить инструктажа профессионала и тренировки по технике безопасности использования веревки.

КАК РАСПАКОВАТЬ НАШУ ВЕРЕВКУ.

Если веревка была продана Вам в рулоне, уложенном в коробку - аккуратно извлеките рулон из коробки, поддерживая его снизу. Не вытаскивайте веревку за верхнюю часть рулона - она может запутаться.

Размотайте рулон. Ручка старой швабры вполне подойдет для этого в качестве оси. Не следует вытягивать веревку из рулона другим способом, если Вы не хотите получить скрутки в последующей работе. Но и при правильном разматывании, несмотря на то, что оплетка Вашей "PMI" сконструирована свободной от вращения, она, как и любая веревка, все же перекрутится несколько раз - причиной тому фабричное наматывание веревки на барабан при сматывании кольцами в рулон. Поэтому перед тем, как в первый раз воспользоваться веревкой или перед упаковкой ее для использования, следует выпрямить ее и дать возможность свободно раскрутиться.

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАНИЯ И ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ ДЛЯ ВАС И ВАШЕЙ ВЕРЕВКИ.

Рекомендуем:

- Выбирайте веревку, соответствующую предстоящей работе.

Существует множество типов веревки из разных видов волокна - всегда можно выбрать оптимальный вариант (...! пр.м.).

- Используйте подкладки под веревку во всех точках ее контакта со скалой. Используйте все возможные меры защиты веревки для уменьшения силы трения.

- Почаще мойте Вашу веревку холодной чистой водой. Грязь - причина износа Вашей веревки в такой же степени, как и Ваше вспомогательное снаряжеие. Если хотите, пользуйтесь мылом, но никогда не используйте другие моющие средства, а тем более отбеливатели. Сушите Вашу веревку на воздухе (не на солнце!), но не в том помещении, где она обычно хранится.

- Проверяйте свою веревку каждый раз перед пользованием, во время работы, и еще раз - перед тем, как упаковать ее в сумку. Если оплетка или сердцевина повреждены или обнаружены более мягкие, твердые или передавленные места, вырежте этот участок и продолжите проверку. Если найдете еще - режьте без сожаления.

- Сохраняйте только надежные веревки! Записывайте все случаи использования веревки, тщательно заносите все то, что с ней происходило, в ее "биографию" (*132). Карточки биографии заводятся на каждую веревку, а также на каждый кусок при ее разрезании. В биографию куска тщательно переносятся сведения из биографии некогда целой веревки. Много карточек понадобится, пока Ваша "PMI" придет в негодность!

- Содержите Вашу веревку в чистом, темном, хорошо проветриваемом помещении, подальше от источников света и тепла. Сумка для "PMI" - отличный способ сохранить Вашу веревку в чистоте.

- Оторвите и заполните гарантийный талон к веревке (...!!, бывает и такое, оказывается! п.м.).

НЕ РЕКОМЕНДУЕМ:

- Не обращайтесь дурно с Вашей веревкой: даже наступив на веревку, можно нанести ей повреждения.

- Не используйте Вашу "PMI" в целях динамической страховки. Из-за низкой эластичности "PMI"- падение со слабиной на веревке может привести к возникновению рывка, достаточного для травмирования и даже смерти упавшего.

- Не храните Вашу веревку на солнце. Даже несмотря на то, что "PMI" отнесена к устойчивым по отношению к ультрафиолетовому излучению. Ультрафиолет укорачивает жизнь всех синтетических веревок!

- Не сушите веревку на бетонном или просто грязном полу. Ни в коем случае никакие химикаты: кислоты или щелочи, не должны находиться в том же помещении, что и Ваша "PMI" или соприкасаться с ней. Помните, что многие вещества привычного пользования содержат активные химикаты, некоторые из которых могут повредить или вовсе разрушить нейлон! Убирайте прочь батарейки и аккумуляторы, а также вещества, содержащие фенол (масла, п.м.), тетрахлорид углерода, формальдегид и бензин!

При малейшем подозрении на химическое повреждение Вашей веревки - выкиньте ее!

При нанесении маркировки используйте красители на основе эфира или спирта - они не могут ей повредить.

- Не перегружайте Вашу веревку. Никогда не используйте предназначенную для страховки веревку в целях буксировки машины или подъема тяжестей! Подобные перегрузки могут послужить причиной внутренних повреждений без всяких внешних

признаков. Каждому типу работ должен соответствовать свой тип веревки.

- Не перегревайте веревку при использовании или при сушке. Температура, при которой прочность как новой, так и бывшей в употреблении вервки падает на 50%, составляет для полипропилена - 150 градусов F (65 градусов C), для нейлона - 350 гр.F (176 гр. C). Длительная сушка при повышенной температуре всегда приводит к некоторой потере прочности.

- Никогда не стойте на одной линии с нагруженной веревкой. Если веревка или снаряжение имеют какой-либо изъян, они могут, лопнув, отскочить со значительной силой и причинить Вам травму.

КОГДА ЖЕ ПРИХОДИТ ПОРА ЗАМЕНИТЬ ВАШУ ВЕРЕВКУ?

К сожалению, до сего времени не существует разрушающего теста для определения пригодности веревки. Путем визуального обследования нельзя с гарантией определить действительный остаток прочности.

ЧЕМ ДОЛЬШЕ И В БОЛЕЕ СУРОВЫХ УСЛОВИЯХ ВЕРЕВКА РАБОТАЕТ, ТЕМ БЫСТРЕЕ ТРЕБУЕТСЯ ЕЕ ЗАМЕНА.

Хорошее обращение с "PMI" может продлить срок ее службы.

Плата за дурное обращение может быть высока!

После того как веревка покидает завод-изготовитель, фирма, естественно, не может знать, как веревка использовалась, что претерпевала и каким воздействиям подвергалась. Только владелец-пользователь может определить каково состояние его веревки и в каком уходе она нуждается в данный момент.

ВОТ ГРОЗНЫЕ ПРИЗНАКИ ИЗНОСА И ПОВРЕЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ УКАЖУТ, ЧТО ВЕРЕВКА ВЫШЛА ИЗ СТРОЯ:

ИЗНОС ОПЛЕТКИ - более половины собственных нитей оплетки разрушено.

УДАРНАЯ НАГРУЗКА - веревка выдержала сильный динамический удар. В этом случае, вероятно, стоит заменить не только веревку, но и все вспомогательное снаряжение, чтобы оно могло удерживать ударные нагрузки и в дальнейшем.

ХИМИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ - веревка подверглась воздействию химикатов или их паров, и неизвестно, прошло ли это без последствий.

"ПОТЕРЯ ДОВЕРИЯ" - некто, кроме Вас, воспользовался Вашей веревкой, и неизвестно, как он с ней обращался... А вдруг он с помощью Вашей страховочной веревки буксировал автомобиль?!

ИЗМЕНЕНИЕ ДИАМЕТРА - Вы обнаружили места, где веревка приобрела конфигурацию "песочных часов".

ЖЕСТКИЕ, МЯГКИЕ или ПЕРЕДАВЛЕННЫЕ МЕСТА - на веревке появились участки, которые на ощупь тверже или мягче прочих. Когда же Вы сгибаете веревку в дугу, она не образует правильной окружности.

ВОЗРАСТ - Ваша веревка явно стара и изношена. Допустимый для работы возраст зависит от обращения с веревкой и типа ее волокна. Если у Вас появились какие-либо вопросы о ее качестве - выбросьте Вашу веревку.

Если возникли хоть какие-то сомнения в ее надежности - сделайте тоже самое.

Это значит, что пора заменить Вашу веревку."

-

Не правда ли, достойная подражания забота о покупателе?

К сожалению, для большинства советских спортсменов и туристов продукция специализированных зарубежных фирм по производству специального горного и спелеоснаряжения, в том числе, веревка, недоступна и поныне. Будем надеяться, что это временное явление. Тем более, что веревка отечественного производства тоже пригодна для использования в целях СРТ. Только надо знать их особенности, правила ухода и обращения с ними.

Это позволит длительное время сохранить исправной не только веревку, но и сберечь самое дорогое - здоровье и жизнь.

* * *

Ч У Д О - Ю Д О Р Ы Б А К И Т !

Зима 85-86 проходит в "бумажных" трудах. Сижу над переводами, вчитываюсь в незнакомые строчки. Каунас литературой не помог, несмотря на обещание Эрика. Помог Резван, еще в Сочи уступив на время только что подаренную ему болгарами книжку "Азбука одинарной веревки" Петко Недкова (П.Недков"А Б В на техниката на единичното въже", София, 1983). Да еще член нашего клуба Марина Тюрнина привезла с семинара в Красноярске разрозненные листочки фотокопии какой-то явно СРТэшной книжки на английском языке: красноярцы, по бытующей у нас практике, тщательно скопировали картинки, не утруждая себя сопровождающим текстом! Ну, и, конечно, Москва. О-о! Какие закрома информации оказались у Владимира Киселева! Английские, французские, австралийские - на всех языках книги с роскошными иллюстрациями. Глаза разбегались!

Да, Владимр Энгельсович оказался одним из самых богатых на информацию по СРТ спелеологов СССР.

Киселев в советском кейвинге вообще фигура неординарная.

Начав с работы в Центральной спелеосекции во времена Илюхина и оставаясь вне политических страстей и справедливо считая политику делом побочным, в сравнении с пещерами, Киселев все это время занимался информацией. И преуспел на этом поприще. Более того, как-то незаметно выдвинулся он из тени в ряд ведущих спелеоподводников страны, записав на свой счет солидное число первопрохождений и открытий в пещерах и пропастях.

И вот - с истинно царской щедростью распахнулась сокровищница царя информации Киселева перед новорожденными искателями истины.

Из этих разноязыких строчек постепенно проступала перед нами сущность одноверевочной техники. И с каждой новой строчкой, отвоеванной у иноязычных текстов, все больше притягивала к себе СРТ. Будто свежий воздух вливался в легкие.

Пьянящ аромат познания! Этот труд в пыльном шелесте томов оказался сравним с рабостью подземных первопрохождений. Многие с сомнением покачают головой. Иные усмехнутся. Кто испытал когда-либо - поймет. Познание сладостно само по себе - вне зависимости от оболочки, форм, видов деятельности. В познании окружающего и внутрилежащего - предназначение нашей жизни, наше утешение и восторг, бессмертный смысл существования.

... Страничка следует за страничкой. Как хочется скорей,

сразу туда, где такие заманчивые картинки - поближе к пещере, к пропасти, к действию! Нельзя. Мы уже заплатили цену за незнание - по незнанию. Имея все, чтобы узнать - не воспользоваться - преступное недомыслие. Это почерк дилетантов по духу, верхоглядов и ленивых умом.

Так что же такое эта "Сингл Роуп Техник"? Да не убоимся академичности фраз.

-

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ или ОСНОВА ОСНОВ.

-

Техника одинарной веревки ничего общего не имеет с тривиальным хождением по одинарной линейной опоре без страховки. СРТ - это гармоничный комплекс мер, затрагивающий все без исключения стороны работы на подземных вертикалях. Механическое, подражательное, перенесение в практику отдельных элементов СРТ без понимания их сути и связи с остальными составляющими техники порождает уродливые гибриды - столь же неприглядные, как и опасные.

Техника одинарной веревки покоится на "трех китах", трех неразрывных составляющих, которые дают желаемые результаты только в совокупности.

-

ПЕРВЫЙ КИТ по имени РОУП.

-

Есть среди кейверов, понимающих Суть, поговорка-пожелание: "Лучше наступи себе на язык, чем на веревку!"

Основы безопасности СРТ закладываются на земле. Прежде всего - это бережное отношение к веревкам, как к основному снаряжению.

"Так-так,"- уже вертится нетерпеливый. - "Огласите, пожалуйста, весь список!"

Будь по вашему, представляю остальных.

-

ВТОРОЙ КИТ - ПРОТЕКТОР.

-

Protection - по-английски, защита. Соответственно Protector - защитник. В ведении кита-Защитника сохранность нейлоновых дорог. По разному можно их проложить по отвесам, на языке кейвинга - сделать навеску. СРТ жестко формулирует основное правило: навеска на ЛЮБОЙ отвес должна исходить из главной задачи - МАКСИМАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ висящей на нем ЕДИНСТВЕННОЙ ВЕРЕВКИ. А уж потом все остальное.

Все потом - быстрота, легкость передвижения, другие соображения. Комплекс мер по сохранению навески называется ее защитой. В свою очередь защита навески состоит из двух взаимодополняющих частей: защиты анитифрикционной - от перетирания, и защиты динамической - от последствий рывка. Эти "сиамские близнецы" неразделимы. Только примененные в совокупности, они дают определенные гарантии сохранности одинарной веревки.

Проще говоря - веревки на каждый отвес должны навешиваться без трения их о скалу и с учетом возможных динамических рывков при работе. Надо признаться, что во все предыдущей практике советского спелеотуризма мы не сталкивались с такой постановкой вопроса. Не мудрствовали особо - швырнул веревку за край колодца и вся недолга.

Да, организация динамически защищенной навески, да еще

без треия ее о скалу, требует гораздо больших усилий. Это и забивка дополнительных крючьев, и применение оригинального снаряжения, призванного защитить веревку от трения - специальных прокладок, подстилок, чехлов, оттяжек, отклонителей. Ни о чем подобном мы до 85 года и не слышали.

Кроме того... ну, да в трех словах и не скажешь.

-

ТРЕТИЙ КИТ - ТЕХНИК.

-

Этот кит, пожалуй, внешне самый заметный. Более полное и понятное его имя - индивидуальная техника передвижения по отвесам. Как-то так повелось в нашем спелеотуризме, что главным преимуществом того или иного способа передвижения по веревке считались его скоростные качества. При этом мы частенько забывали, что если высокая скорость подъема говорит о высоком уровне подготовленности кейвера, то высокая скорость спуска чаще всего свидетельствует как раз об обратном - низкой технической грамотности или скудости ума. Правилами СРТ регламентируется максимально допустимая скорость спуска - не более 15 метров в минуту (1 метр за 4 секунды!). Иначе возникает угроза оплавления и повышенного износа веревки от трения в спусковых устройствах, особенно на сухих отвесах.

В то же время средняя скорость движения кейвера по маршруту зависит прежде всего от грамотности тактических действий группы, физических сил, выносливости, технической подготовленности самого исполнителя, а уж потом - от скоростных преимуществ самого способа движения. Скорость - дело десятое, скорость приложится, органически выльется из остальных составляющих. В СРТ главным условием применимости способа движения признана - МАНЕВРЕННОСТЬ.

Именно, маневренность, а не скорость. Передвигаясь по одинарной веревке, кейвер должен быстро и достаточно легко преодолевать многочисленные препятствия - не только естественные, но и искусственные, установленные по велению второго Кита - Защитника. Не менее важно позаботиться о сохранности единственной на отвесе веревки, иметь возможность при движении отклонять ее от скалы, не позволять касаться и тереться о нее даже эпизодически.

Перебрав многочисленные варианты, вропейский кейвинг избрал способ, носящий пока неразгаданное нами название "Дэд". Основоположник СРТ Петко Недков как-то обмолвился, что по его сведениям название "Дэд" произошло по прозвищу его зобретателя, французского спелеолога, похоже, славянского происхождения, если прочитать прозвище по-русски: "Дед".

Понятно, что возможность маневрировать на отвесе впрямую зависит от особым образом подобранного и подогнанного индивидуального снаряжения.

Дело в том, что индивидуальное снаряжение желающего заняться техникой одинарной веревки существенно отличается от используемого в советском спелеотуризме ранее. Все, буквально все пришлось приспосабливать или принципиально менять. И это тоже было для нас неожиданностью. Но... как говорится, это уже совсем другая история. Иначе я могу превратить мое повествование в учебник по СРТ. А это пока не входит в задачу. Только веревку, саму веревку - основу основ СРТ, я не могу обойти полным молчанием.

* * *

Однажды я принес с почты увесистую бандероль и весьма удивился, обнаружив в ней приличный конец веревки явно иностранного происхождения.

"Неужто в Киеве начали делать приличную веревку?"- недоумевал я, рассматривая почтовый штемпель и обратный адрес.

Впрочем, все быстро выяснилось, что не убавило моего удовольствия от созерцания прекрасного содержимого бандероли. Веревку прислал Саша, Александр Борисович Климчук - тот самый, кто некогда принял непоследнее участие в открытии пропасти Киевская, а нынче упорно занимался пропастью Куйбышевская на Арабике, недавно вернулся из совместного с Киселевым и Дублянским турне по Канаде и США.

Следом за бандеролью пришло письмо, в котором содержалась "Инструкция к веревке фирмы "Пиджин Маунтин Индастри" - "PMI".

Обращаясь к Третьему Киту - отношению к веревке, я всегда вспоминаю эту инструкцию. Вот то, или примерно то, что в ней было:

"НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ...

Примите их в связи с покупкой новой "PMI"! Фирма готова предоставить Вам автомобиль для ее перевозки.

Первая ли это веревка в Вашей практике или Вы бывалый ветеран - найдите, пожалуйста, время прочитать ниже следующее. Это может иметь значение в Вашей жизни. Пожалуйста, читайте внимательно.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ.

На Вашей ответственности, дорогой покупатель, получить консультацию компетентных специалистов и принять соответствующие меры предосторожности при работе с нашей веревкой. Помните, что информация, содержащаяся в этом проспекте, не может заменить инструктажа профессионала и тренировки по технике безопасности использования веревки.

КАК РАСПАКОВАТЬ НАШУ ВЕРЕВКУ.

Если веревка была продана Вам в рулоне, уложенном в коробку - аккуратно извлеките рулон из коробки, поддерживая его снизу. Не вытаскивайте веревку за верхнюю часть рулона - она может запутаться.

Размотайте рулон. Ручка старой швабры вполне подойдет для этого в качестве оси. Не следует вытягивать веревку из рулона другим способом, если Вы не хотите получить скрутки в последующей работе. Но и при правильном разматывании, несмотря на то, что оплетка Вашей "PMI" сконструирована свободной от вращения, она, как и любая веревка, все же перекрутится несколько раз - причиной тому фабричное наматывание веревки на барабан при сматывании кольцами в рулон. Поэтому перед тем, как в первый раз воспользоваться веревкой или перед упаковкой ее для использования, следует выпрямить ее и дать возможность свободно раскрутиться.

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАНИЯ И ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ ДЛЯ ВАС И ВАШЕЙ ВЕРЕВКИ.

Рекомендуем:

- Выбирайте веревку, соответствующую предстоящей работе. Существует множество типов веревки из разных видов волокна - всегда можно выбрать оптимальный вариант (...! пр.м.).

- Используйте подкладки под веревку во всех точках ее контакта со скалой. Используйте все возможные меры защиты

веревки для уменьшения силы трения.

- Почаще мойте Вашу веревку холодной чистой водой. Грязь - причина износа Вашей веревки в такой же степени, как и Ваше вспомогательное снаряжеие. Если хотите, пользуйтесь мылом, но никогда не используйте другие моющие средства, а тем более отбеливатели. Сушите Вашу веревку на воздухе (не на солнце!), но не в том помещении, где она обычно хранится.

- Проверяйте свою веревку каждый раз перед пользованием, во время работы, и еще раз - перед тем, как упаковать ее в сумку. Если оплетка или сердцевина повреждены или обнаружены более мягкие, твердые или передавленные места, вырежте этот участок и продолжите проверку. Если найдете еще - режьте без сожаления.

- Сохраняйте только надежные веревки! Записывайте все случаи использования веревки, тщательно заносите все то, что с ней происходило, в ее "биографию" (*132). Карточки биографии заводятся на каждую веревку, а также на каждый кусок при ее разрезании. В биографию куска тщательно переносятся сведения из биографии некогда целой веревки. Много карточек понадобится, пока Ваша "PMI" придет в негодность!

- Содержите Вашу веревку в чистом, темном, хорошо проветриваемом помещении, подальше от источников света и тепла. Сумка для "PMI" - отличный способ сохранить Вашу веревку в чистоте.

- Оторвите и заполните гарантийный талон к веревке (...!!, бывает и такое, оказывается! п.м.).

НЕ РЕКОМЕНДУЕМ:

- Не обращайтесь дурно с Вашей веревкой: даже наступив на веревку, можно нанести ей повреждения.

- Не используйте Вашу "PMI" в целях динамической страховки. Из-за низкой эластичности "PMI"- падение со слабиной на веревке может привести к возникновению рывка, достаточного для травмирования и даже смерти упавшего.

- Не храните Вашу веревку на солнце. Даже несмотря на то, что "PMI" отнесена к устойчивым по отношению к ультрафиолетовому излучению. Ультрафиолет укорачивает жизнь всех синтетических веревок!

- Не сушите веревку на бетонном или просто грязном полу. Ни в коем случае никакие химикаты: кислоты или щелочи, не должны находиться в том же помещении, что и Ваша "PMI" или соприкасаться с ней. Помните, что многие вещества привычного пользования содержат активные химикаты, некоторые из которых могут повредить или вовсе разрушить нейлон! Убирайте прочь батарейки и аккумуляторы, а также вещества, содержащие фенол (масла, п.м.), тетрахлорид углерода, формальдегид и бензин!

При малейшем подозрении на химическое повреждение Вашей веревки - выкиньте ее!

При нанесении маркировки используйте красители на основе эфира или спирта - они не могут ей повредить.

- Не перегружайте Вашу веревку. Никогда не используйте предназначенную для страховки веревку в целях буксировки машины или подъема тяжестей! Подобные перегрузки могут послужить причиной внутренних повреждений без всяких внешних признаков. Каждому типу работ должен соответствовать свой тип веревки.

- Не перегревайте веревку при использовании или при сушке. Температура, при которой прочность как новой, так и быв-

шей в употреблении вервки падает на 50%, составляет для полипропилена - 150 градусов F (65 градусов C), для нейлона - 350 гр.F (176 гр. C). Длительная сушка при повышенной температуре всегда приводит к некоторой потере прочности.

- Никогда не стойте на одной линии с нагруженной веревкой. Если веревка или снаряжение имеют какой-либо изъян, они могут, лопнув, отскочить со значительной силой и причинить Вам травму.

КОГДА ЖЕ ПРИХОДИТ ПОРА ЗАМЕНИТЬ ВАШУ ВЕРЕВКУ?

К сожалению, до сего времени не существует разрушающего теста для определения пригодности веревки. Путем визуального обследования нельзя с гарантией определить действительный остаток прочности.

ЧЕМ ДОЛЬШЕ И В БОЛЕЕ СУРОВЫХ УСЛОВИЯХ ВЕРЕВКА РАБОТАЕТ, ТЕМ БЫСТРЕЕ ТРЕБУЕТСЯ ЕЕ ЗАМЕНА.

Хорошее обращение с "PMI" может продлить срок ее службы.

Плата за дурное обращение может быть высока!

После того как веревка покидает завод-изготовитель, фирма, естественно, не может знать, как веревка использовалась, что претерпевала и каким воздействиям подвергалась. Только владелец-пользователь может определить каково состояние его веревки и в каком уходе она нуждается в данный момент.

ВОТ ГРОЗНЫЕ ПРИЗНАКИ ИЗНОСА И ПОВРЕЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ УКАЖУТ, ЧТО ВЕРЕВКА ВЫШЛА ИЗ СТРОЯ:

ИЗНОС ОПЛЕТКИ - более половины собственных нитей оплетки разрушено.

УДАРНАЯ НАГРУЗКА - веревка выдержала сильный динамический удар. В этом случае, вероятно, стоит заменить не только веревку, но и все вспомогательное снаряжение, чтобы оно могло удерживать ударные нагрузки и в дальнейшем.

ХИМИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ - веревка подверглась воздействию химикатов или их паров, и неизвестно, прошло ли это без последствий.

"ПОТЕРЯ ДОВЕРИЯ" - некто, кроме Вас, воспользовался Вашей веревкой, и неизвестно, как он с ней обращался... А вдруг он с помощью Вашей страховочной веревки буксировал автомобиль?!

ИЗМЕНЕНИЕ ДИАМЕТРА - Вы обнаружили места, где веревка приобрела конфигурацию "песочных часов".

ЖЕСТКИЕ, МЯГКИЕ или ПЕРЕДАВЛЕННЫЕ МЕСТА - на веревке появились участки, которые на ощупь тверже или мягче прочих. Когда же Вы сгибаете веревку в дугу, она не образует правильной окружности.

ВОЗРАСТ - Ваша веревка явно стара и изношена. Допустимый для работы возраст зависит от обращения с веревкой и типа ее волокна. Если у Вас появились какие-либо вопросы о ее качестве - выбросьте Вашу веревку.

Если возникли хоть какие-то сомнения в ее надежности - сделайте тоже самое.

Это значит, что пора заменить Вашу веревку."

-

Не правда ли, достойная подражания забота о покупателе? К сожалению, для большинства советских спортсменов и туристов продукция специализированных зарубежных фирм по производству специального горного и спелеоснаряжения, в том числе, веревка, недоступна и поныне. Будем надеяться, что

это временное явление. Тем более, что веревка отечественного производства тоже пригодна для использования в целях СРТ. Только надо знать их особенности, правила ухода и обращения с ними.

Это позволит длительное время сохранить исправной не только веревку, но и сберечь самое дорогое - здоровье и жизнь.

* * *

КЫРКТАУССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.

Минут тридцать заливается вверху дятел скального молотка. На стене Коля Бердюгин, тонкая ниточка веревки одинокой паутинкой прочерчивает желтые скалы. Долго, но песчаники - не известняки, будем надеяться, что в пещере пойдет лучше.

Вот Коля забил крюк, теперь раздумавает, как прикрепить к нему веревку.

- Шеф! - раздается сверху его голос. - Я что-то забыл, как эта штука называется?

- Корем! Ко-рем! - Провис веревки у промежуточного крюка мы назвали по-болгарски. "Корем" в переводе звучит, как "живот", "пузо", по-нашему - провис веревки у промежуточного крюка.

Сижу на соседней скале и наблюдаю за его действиями, наслаждаясь теплом весеннего солнышка и радостным ощущением, что мы - пробуем СРТ. Кончились кабинетные бдения!

Наверху этого 40-метрового отвеса Коля сделал все правильно: закрепил конец веревки за дублирующий крюк, вывел на край отвеса, закрепил на основном крюке. Между крючьями оставил ровно столько веревки, чтобы и натянута была вмеру - не болталась, и усилие, если начнешь спускаться, приходилось только на основной крюк. Основной крюк держит рабочие нагрузки, дублирующий - охраняет нашу жизнь на случай поломки основного. А чтобы рывок еще более снизить, между основным и дублирующим закреплениями завязан хитрый узел - амортизирующий. "Бабочка" называется, или "пчелка", насекомое, короче. Такой амортизирующий узел, затягиваясь и проскальзывая при рывке, может в два раза ослабить динамический удар.

И вот - спуск. Подкладку под узел на основном крюке, чтобы не терся о скалу, и потихоньку вниз. Веревка идет в спусковое устройство прямо из мешка, висящего у Коли на трансрепе чуть ниже его каблуков. Удобно! Не спутается, и камнями, что всегда летят из-под ног прокладывающего трассу по скале, не повредишь. Спускается Никола классически: чуть согнутые в коленях ноги перпендикулярно стене, и веревка над ним - струнка вдоль скалы, не касается.

- Эва-а! Ты на коленки припадай!

- Зачем?

- Подниматься-то ближе к скале будем - вдруг веревка ляжет?

Точно! Припал лидер навески к стене, и веревка коварно легла на скально ребро метрах в двух выше.

- Видишь?

- Вижу. Вроде, гладкое ребро... Может, так пройдем?

Ну, нет. С этого все и начинается. Приустали, пока колотили верхнние крючья, а тут еще промежуточный крюк туго по-

шел в скалу. Усталость или плохое настроение, стремление поскорее добежать или другие подобные мотивы - это все из прошлого. Перефразируя Визбора, как-то вырвалось: "Если ты идешь в пещеру, как на подвиг, значит, ты к пещере не готов." Дашь себе поблажку раз - дашь и второй. А веревка всего одна... И впереди Киевская. Ки-ев-ска-я!

После того, как мы с Молоковым на золотых приисках Курчума сговаривались идти на Кырк-Тау, прошло 8 лет. Тогда, в памятную осень 78-го, я, помнится, написал одному из своих уфимских друзей, уже побывавшему в пропасти, попросил информацию.

Ответ меня поразил! Мой друг писал мне в том прекрасном стиле, что украшал наши отношения в своем кругу, и смысл ответа сводился в тому, что: "Лучше иметь живых врагов, чем мертвых друзей!" Посему он мне ничего не скажет о местоположении пещеры. А то я еще, и правда, вздумаю идти в эту ужасную пропасть!

Хорошенькое дело. А ведь КиЛСИ, Киевская считается теперь чуть ли не самым легким из евроазиатских тысячников. Многое изменилось в нашем восприятии за эти восемь лет. Но тысячник, каким бы он ни был - не место для увеселительных прогулок. Именно по этим двум соображениям мы и выбрали Киевскую в качестве оселка, на котором должна была отточиться наша новая техника: с одной стороны - самый приятный из сложнейших, с другой - в случае удачи, никто не смог бы сказать, что пещера слишком мала, чтобы делать выводы.

Готовились серьезно. Не гоже было бы сломать шею на первой же пробе.

- Так как, может, пойдет? Я спускаюсь? - Коля смотрит вниз с высоты седьмого этажа.

- Не пойдет. Надо приподниматься и убирать трение. Бей ПЗ.

ПЗ - промежуточное закрепление веревки на стене с целью устранения трения в этой точке или с тактическими целями: удобнее пройти два более коротких отвеса, чем один, равный их сумме.

Делать нечего. Снова дятел молотка на стене - Коля бьет крюк, забивает, приворачивает ушко, вщелкивает в него карабин. Смотрю, как он проходит промежуточное закрепление. Вот Коля пристегивается к крюку коротким усом и приспускается до зависания н нем. Выбирает из-под решетки веревку, вяжет узел, встегивает его в крюк: получившийся корем-провис уходит ниже крюка сантиметров на 75 - то, что надо для беспроблемного маневрирования у крюка при переходе через ПЗ на спуске или подеъме. Так. Выстегивает решетку из корема и закрепляет ее на веревке ниже крюка. Остается отстегнуть от крюка ус и ехать вниз.

- Решетку зафиксируй!

Коля молча старательно обматывает веревкой рожки спускового устройства. Теперь ее можно не держать руками - не упадешь. Отстегнуться от крюка - пара пустяков, если ты у стены и без груза. Но когда ноги висят в пустоте и транспортировочный ранец тянет ко дну, тут уж на рках не очень подтянешься. Вытаскивай ведущий зажим-пуани с педалью, встегивай под крюк, вставай в педал ногой и приподнимайся. Нет проблем. На бумаге...

- Все в порядке, иду ниже.

Но в пяти метрах ниже веревка снова ложится на скалу -

начинается карниз. Снова бить крюк? А что делать. В пещере должно быть проще: там есть боковые стены, куда можно уйти, откачнуться, уберечься от трения. На скале все труднее. Но это и хорошо. Тяжело в ученьи...

- Давай я забью? Отдохни!

Второе ПЗ надо отнести в сторону, чтобы не "ловить" камни из-под выше идущих. И так смещать трассу все больше и больше до самого дна отвеса. Заодно можно уйти от воды, если она орошает колодец бодрящим душем...

* * *

Усть-Каменогорску повезло в отношении скал. Полчаса на городском автобусе - и ты на скалодроме.

Меняемся местами. Коля спускается, а я поднимаюсь на его место новым для нас способом "Дэд". Что он собой представляет? В нормальном положении висишь на веревке на грудном зажиме в положении "сидя". Грудной зажим типа "кролль" закреплен к беседке при помощи "мэйон рапидов" и удерживается в вертикальном положении чресплечным ремнем. Центр тяжести тела находится несколько ниже точки подвески, что обеспечивает устойчивое положения висящего, без угрозу перевернуться вниз головой. Ведущий зажим с педалью, заврепленный на веревке выше грудного, поднимают вдоль нее одной или обеими руками. При этом ноги, вставленные в стремя педали, сгибаются в коленях и подбираются под себя - именно под себя, а не вперед, чем грешат обычно новички. Затем следует фаза вставания, причем ноги упором в педал выталкивают тело вдоль веревки вертикально вверх, и грудной зажим поднимается по ней на величину шага. Далее переходят в положение "сидя на грудном зажиме", и цикл повторяется.

Руки и все тело активно участвуют в процессе подъема, что позволяет гармонично перераспределять нагрузку на все основные группы мышц. Именно поэтому удается транспортировать на себе весьма увесистый транспортный мешок (а то и два) с грузом. Мешки крепятся при помощи трансрепа к замковому МР на беседке, а значит, непосредственно на грудной зажим, закрепленный на веревке. В положении сидя их вес приходится на веревку и практически не ощущается, что приносит желанный отдых в коротких паузах между циклами.

В чистых отвесах, когда ноги не достают до стен, или при движении вдоль крутонаклонных скал работа производится одновременно двумя ногами, ступни которых упираются в педал внешними рантами сапогов. При этом веревка ниже зажимов проходит между ступнями, автоматически зажимается ими при вставании и протягивается через грудной зажим. Когда часть подъема уже пройдено и веревки внизу много, она проскальзывает через грудной зажим сама, под собственным весом, что освобождает от необходимости зажимать ее ступнями. Для облегчения процесса продергивания веревки через грудной зажим иногда применяется установленный на стопу одной из ног третий зажим - польский вариант "Дэд".

При подъеме вдоль более пологих стен, работа производится упором в педал одной из ног - вторая в это время использует опору непосредственно на стене. При этом чаще всего веревку через грудной зажим приходится продергивать свободной от пуани рукой. При еще большем выполаживании стены подъем принимает форму передвижения вдоль крутонаклонных перил, и педал не используется.

Самое уязвимое место при подъеме - колени. Нало сказать, что меня всегда влекло попробовать что-нибудь новенькое в технике. Помню, в 84 году в известной всему казахскому кейвингу пещере Агалатас под Бишкеком посетила меня блажь испробовать способ подъема "лягушка", что очень рекламировался еще в 76 году одной илюхинской методичкой по спелеотуризму (*133).

И дернул же меня черт начать испытания нового для меня способа в узкой щели - с диким скрежетом вонзились мои коленки в немягкие стены Третьего колодца Агалатаса. Если сказать, что мне было паршиво, значит, здорово приукрасить. На мой визг (после кто-то божился, что "весь процесс моего подъема из этого колодца слышал собственными ушами"!) со всей пещеры немедленно сбежались репортеры. В коротком интервью после выхода из пещеры я гневно заклеймил всех лягушек на свете и удалился, гордо хромая сразу на обе ноги.

Надо сказать, что "Дэд" во многих зарубежных публикациях носит название "Фрог", что можно перевести именно как "Лягушка". Но все-таки это не та "лягушка", что оставила мне незабываемые воспоминания в Агалатасе. Нынче нас на мякине не проведешь. Наши с Колей колени надежно защищены наколенниками от скейтбодинга - прекрасная, надо признаться, штука для пещеры!

* * *

Рядом на стене работает вторая наша двойка - Валера Королихин из шахтерского поселка Белоусовки и лениногорец Володя Кочетов. Вместе со мной и Колей Бердюгиным - это штурмовая четверка грядущей экспедиции на Кырк-Тау.

Грядущей? Ох, и летит время! Вроде, только еще обвешивали одинарной веревкой усть-каменогорские скалы, и вот...

-

Сквозь дымку зноя путь лежит,
Тропа змеей скользит к отрогам,
Тропа бежит, как наша жизнь,
Что нами брошена в дорогу.
Бери рюкзак, пора и нам -
Нас ждет нелегкая игра,
И улыбается горам
Наш добрый друг Камангаран! (*134)

-

Кто сказал: "Азия была так себе - средняя..." И был явно не прав. Ах, Ташкент! Ах, Самарканд! Липкий от жары асфальт, жаркий воздух, роскошный азиатский базар. Поезда, мешки, темные от загара и пыли лица. И пески Азии, что неожиданно выступают по сторонам дороги, будто из самой сути желто-зеленой гаммы окружающих пейзажей.

Мы не одни на пути к Зеравшану - в те же сроки проводит экспедицию узбекская экспедиция Володи Долгого из Ташкента. И это прекрасно - потому что помимо встречи с друзьями, в нашем распоряжении ГАЗ-66 Самаркандского совета по туризму, который где-то впереди ввинчивается сейчас в желтую трещину раскаленного ущелья, увозя нашу увесистую поклажу.

Горы вокруг, и мы среди гор. Хорошо идти вот так, налегке, слушая как шумит в бетонном лотке акведука вода ручья Камангаран. Радуются встрече с солнышком карстовые воды КыркТау. В этом выжженном солнцем мире начинаешь серьезно относиться к древнейшей мудрости, гласящей, что вода - это

жизнь. Там, куда мы идем, в глубине пещеры, часто все наоборот: вода - это угроза переохлаждения, смерть.

Пока идешь налегке, как-то не верится, что через парутройку часов начнется серьезная работа, имя которой - ее Пыхтейшество Заброска. В фонограмме к одному из послеэкспедиционных слайдфильмов мой сын, в возрасте шести лет побывавший на Кавказе, глубокомысленно изрекает: "Заброска - это когда все ходят с рюкзаками туда-сюда, туда-сюда и страшно завидуют вертолетам!"

Вот и поляна с одинокой арчей у ручья. Куча наших мешков говорит о том, что дальше колесная техника бессильна. Дальше - тропа. Нам предстоит перетащить сотни килограммов снаряжения и продуктов на полторы тысячи метров вверх по сумасшедшему серпантину. Не-ет! Днем это невозможно. В Азии заброску начинают на закате.

-

Так много мыслей на тропе,
Под каждый шаг, под вдох и выдох.
Как рассказать о них тебе?
...Скрипит станок, видавший виды.
Кырк-Тау - жаркий горный рай.
Нас ждет прекрасная игра!
Укрыла тень ущелья шрам,
И канул в ночь Камангаран.

-

Рюкзак - пара транспортных мешков с довеском в виде гитары, поскрипывает станиной из стальных трубок в ритме ходьбы. В голову лезет надоедливая ритмичная песенка. Перевирая мотив и слова, что-то вроде: "Пускай твердят, что в технике кишки тонки, зато мы тренированы таскать мешки!". Тропа поднимает меня вверх по остывающему после дневного зноя ущелью. Пока есть силы, прокручиваю в мыслях правила маневрирования на одинарной веревке. Значит так. При прохождении на подъеме промежуточного крюка сначала встегиваем в крюк короткий ус и тут же, не садясь, выстегиваем веревку из грудного зажима. Пуани нельзя поднимать под самый узел на крюке - потом не отстегнешь. Иголочки кулачка зажима впиваются в веревку между ниточками оплетки, наподобие акульих зубов: вперед - пожалуйста, назад - попробуй! Отстегиваем, значит грудной кролль и садимся на ус. Чтобы не делать лишних движений, сразу же встегиваем в кролль веревку корема, идущую от крюка вверх. Перестегиваем выше кролля пуани и с его помощью, ногой, выберем натяжение веревки выше ПЗ. Теперь можно перенести вес тела с уса на грудной зажим, и - вперед! Главное, не забыть отстегнуть от крюка ус. А то натянешь на подъеме - замучаешься снимать...

Жарко, черт! Хоть и солнце садится.

Постепенно способность мыслить абстрактно куда-то улетучивается. Тропа бесконечна, сердце, как мотор, легкие - меха. Мысли обрывочны. Главное - не сбить ритм, не задохнуться, не споткнуться на щебенке тропы с двухпудовым рюкзаком.

Шаг за шагом выше и выше. Сумерки. Они пролетют, не успев начаться. На горы по-азиатски стремительно падает ночь. Теперь только фонари наших проводников-ташкентцев указывают путь по едва видимой тропе. Шесть часов подъема, и мы на плато. Здесь свищет ледяной ветер. Неужели это мы умирали

сегодня внизу от жары? Холод пробирает до костей.

Оставляем груз на месте будущего базового лагеря и, несмотря на свинец в ногах, спешим оставить негостеприимные вершины. Скорее вниз, в ласковую духоту ущелий.

Благодатна ты, июльская ночь долины! На спуске три часа. Теперь быстрее спать: вылезет утром из-за хребта Огненный дракон, опалит своим дыханием склоны - не до сна будет.

* * *

По плато в районе лагеря, сколько хватает глаз, растянуты веревки. Уложить их в ранцы - по 130 метров в мешок - непростая задача. Делаем это так. Берешь конец веревки, вяжешь узел (из-за отсутствия такого узла я чуть было не разбился в Сумгане) и метр за метром опускаешь веревку в мешок. Опустишь десяток раз, утопчешь ногой. Укладываем аккуратно, чтобы не запуталась на отвесе, не начались скрутки - проклятье подземных вертикалей. Кончился один кусок веревки, подвязываем к концу другой. Теперь нам не надо выгадывать веревки по длине - хватит ли на колодец. Не хватило до дна - нарастим следующую. Лучше всего сращивать веревки на крюке промежуточного закрепления. Но можно и прямо в отвесе. Узел на рапели в отвесе никогда не доставляет особо приятных ощущений, но техника позволяет преодолевать его без особых задержек. На подъеме - встегнулся коротким усом в специально оставленную при связывании веревок самостраховочную петельку, поочередно перенес через узел зажимы, выстегнул самостраховку и - до свидания.

Самостраховка при маневрировании обязательна. Об этом говорит так называемый "закон двух точек закрепления на веревке". Он гласит: "Запрещается сколько-нибудь долго висеть на веревке, будучи пристегнутым к веревке только на одном зажиме!" Вылетит ли плохо забитый крюк или возникнет другая причина - шанс перкусывания стальными челюстями зажима веревки при рывке велик. А второй точки крепления нет. В нормальном положении подъема наш вес приложен к грудному зажиму. Он и перекусит (не дай Бог, конечно!) при рывке веревку, если того уж не миновать. А вышерасположенный пуани остановит падение, уцепившись за оставшийся от веревки кончик.

Так. При спуске через узел перебраться несколько сложнее. Как раз этот фокус пытается сейчас показать Танечка Жукова на тренировочной скале прямо над нашим лагерем у входа в Киевскую. Съехала на решетке до самого узла, прицепила выше пуани с педалью и пытается выстегнуть спусковое устройство, привстав на педали. Выстегнула с грехом пополам, теперь надо пристегнуть решетку под узлом, а руки уже дрожат - долго продержаться вот так, в висе, стоя на педали, трудновато. Нет, сообразила, пристегнула на веревку над узлом грудной зажим, уселась - фух! Вот теперь другое дело - теперь можно приспуститься к узлу на зажимах, переставляя их в обратном подъему порядке. Затем встегнуть и зафиксировать под узлом решетку, снова привстать на педали, выстегнуть грудной зажим и аккуратненько опуститься, сесть на спусковое устройство. Тут-то и проверяется правильность длины прусика - второго самостраховочного уса, что идет от беседки к ведущему зажиму. Сделаешь слишком длинным - сев на решетку, можешь не достать до пуани, чтобы отстегнуть его перед продолжением спуска. Сделаешь коротким - не сможешь перенести свой

вес, сесть на решетку, зависнешь на ведущем зажиме - натянется слишком короткий прусик и заклинит пуани.

Таня справилась. Показываю ей большой палец. Девушка белозубо улыбается со стены. Тренировка продолжается.

И вот сидим на бугорке недалеко от нашей газовой кухни, принюхиваемся к волшебным запахам съестного и в который раз уже прикидываем планы будущей работы.

Завтра мы идем на рекорд. Два дня назад, в первом выходе в Киевскую, нам удалось спуститься до конца самого длинного меандра пещеры под названием "Дивный ход" на глубину около -400 метров. Тем самым мы почти на 300 метров превзошли наше весеннее достижение, когда в пещере Алтайская на Горном Алтае экспедиция под руководством Анатолия Капустяна и Володи Кочетова (за три дня до отъезда мне "повезло" угодить в больницу и лишиться аппендикса) предприняла первую попытку пройти вертикальную часть пещеры в соответствии с правилами СРТ. Парни отступили с глубины -100 - сказалось отсутствие опыта борьбы с трением. Экспедиция не пошла дальше к легкодостижимому, в общем-то, дну Алтайской, и мы посчитали это самом большим ее достижением: впервые мы предпочли отступление возможности "сделать дно" абы как, на авось. Так мы начинали постигать культуру работы на вертикалях.

И вот мы спустились на -400, установив этим свой СРТ-рекорд. Но абсолютно высшего достижения казахстанцев превзойти пока не смогли. В феврале этого же, 1986 года, его установила усть-каменогорская экспедиция под руководством Олега Шишенко, преодолев денивеляцию в 460 метров от входа до дна пещеры Осенняя на хребте Алек.

Дело, конечно, не в рекордах, но спортивное начало живет в нас: где-то глубоко спрятанное, но живет.

Итак, завтра мы идем на рекорд. В основу тактики этой экспедиции мы заложили непривычные с точки зрения всей нашей предыдущей спелеопрактики положения. Вот они:

- в период рабочих выходов каждый член группы должен двигаться по пещере с одним, на отдельных участках максимум с двумя транспортировочными ранцами (Долой спелеогрузчиков! Долой "вещизм" в кейвинге!);

- количество подземных ночевок должно быть минимальным - отдыхать лучше на земле (Долой засонь из ПБЛ!);

- необходимо максимально снизить непроизводительные затраты времени под землей: перекуры, сборы, болтовню и "питье чая" в подземных лагерях и пунктах питания;

- отказ от транспортировки мешков путем вытаскивания и спуска их в колодцы на веревке, передачи с рук на руки цепочкой, переноски челноками - переносить груз исключительно "на себе" во время естественного движения по пещере;

- исключить потери времени из-за поломок и неполадок в индивидуальном снаряжении участников штурма - снаряжение должно быть унифицировано и надежно;

- индивидуальная техника каждого из членов группы должна быть достаточно высока, для того чтобы исключить неоправданные потери времени на пристежках и отстежках от веревок и маневрировании на промежуточных закреплениях, а также чтобы каждый мог идти по пещере автономно без помощи товарищей - только параллельное движение всех участников обеспечивает высокую суммарную скорость всей группы;

- график рабочих выходов в пещеру должен иметь суточный

ритм, исключающий противоестественную обычному образу жизни работу по ночам, с соблюдением ритмичного режима питания и сна - прием пищи через 6 часов, сон в ПБЛ не более 8-10 часов, непосредственная работа на маршруте 12-14 часов в сутки.

Вот, собственно, и все.

С точки зрения всей предыдущей техники спелеотуризма оставалось только мечтательно вздохнуть. Но мы были полны решимости.

КЫРКТАУССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.

-

Минут тридцать заливается вверху дятел скального молотка. На стене Коля Бердюгин, тонкая ниточка веревки одинокой паутинкой прочерчивает желтые скалы. Долго, но песчаники - не известняки, будем надеяться, что в пещере пойдет лучше.

Вот Коля забил крюк, теперь раздумавает, как прикрепить к нему веревку.

- Шеф! - раздается сверху его голос. - Я что-то забыл, как эта штука называется?

- Корем! Ко-рем! - Провис веревки у промежуточного крюка мы назвали по-болгарски. "Корем" в переводе звучит, как "живот", "пузо", по-нашему - провис веревки у промежуточного крюка.

Сижу на соседней скале и наблюдаю за его действиями, наслаждаясь теплом весеннего солнышка и радостным ощущением, что мы - пробуем СРТ. Кончились кабинетные бдения!

Наверху этого 40-метрового отвеса Коля сделал все правильно: закрепил конец веревки за дублирующий крюк, вывел на край отвеса, закрепил на основном крюке. Между крючьями оставил ровно столько веревки, чтобы и натянута была вмеру - не болталась, и усилие, если начнешь спускаться, приходилось только на основной крюк. Основной крюк держит рабочие нагрузки, дублирующий - охраняет нашу жизнь на случай поломки основного. А чтобы рывок еще более снизить, между основным и дублирующим закреплениями завязан хитрый узел - амортизирующий. "Бабочка" называется, или "пчелка", насекомое, короче. Такой амортизирующий узел, затягиваясь и проскальзывая при рывке, может в два раза ослабить динамический удар.

И вот - спуск. Подкладку под узел на основном крюке, чтобы не терся о скалу, и потихоньку вниз. Веревка идет в спусковое устройство прямо из мешка, висящего у Коли на трансрепе чуть ниже его каблуков. Удобно! Не спутается, и камнями, что всегда летят из-под ног прокладывающего трассу по скале, не повредишь. Спускается Никола классически: чуть согнутые в коленях ноги перпендикулярно стене, и веревка над ним - струнка вдоль скалы, не касается.

- Эва-а! Ты на коленки припадай!

- Зачем?

- Подниматься-то ближе к скале будем - вдруг веревка ляжет?

Точно! Припал лидер навески к стене, и веревка коварно легла на скально ребро метрах в двух выше.

- Видишь?

- Вижу. Вроде, гладкое ребро... Может, так пройдем?

Ну, нет. С этого все и начинается. Приустали, пока коло-

тили верхнние крючья, а тут еще промежуточный крюк туго пошел в скалу. Усталость или плохое настроение, стремление поскорее добежать или другие подобные мотивы - это все из прошлого. Перефразируя Визбора, как-то вырвалось: "Если ты идешь в пещеру, как на подвиг, значит, ты к пещере не готов." Дашь себе поблажку раз - дашь и второй. А веревка всего одна... И впереди Киевская. Ки-ев-ска-я!

После того, как мы с Молоковым на золотых приисках Курчума сговаривались идти на Кырк-Тау, прошло 8 лет. Тогда, в памятную осень 78-го, я, помнится, написал одному из своих уфимских друзей, уже побывавшему в пропасти, попросил информацию.

Ответ меня поразил! Мой друг писал мне в том прекрасном стиле, что украшал наши отношения в своем кругу, и смысл ответа сводился в тому, что: "Лучше иметь живых врагов, чем мертвых друзей!" Посему он мне ничего не скажет о местоположении пещеры. А то я еще, и правда, вздумаю идти в эту ужасную пропасть!

Хорошенькое дело. А ведь КиЛСИ, Киевская считается теперь чуть ли не самым легким из евроазиатских тысячников. Многое изменилось в нашем восприятии за эти восемь лет. Но тысячник, каким бы он ни был - не место для увеселительных прогулок. Именно по этим двум соображениям мы и выбрали Киевскую в качестве оселка, на котором должна была отточиться наша новая техника: с одной стороны - самый приятный из сложнейших, с другой - в случае удачи, никто не смог бы сказать, что пещера слишком мала, чтобы делать выводы.

Готовились серьезно. Не гоже было бы сломать шею на первой же пробе.

* * *

Усть-Каменогорску повезло в отношении скал. Полчаса на городском автобусе - и ты на скалодроме.

Меняемся местами. Коля спускается, а я поднимаюсь на его место новым для нас способом "Дэд".

Самое уязвимое место при подъеме этим способом- колени. Нало сказать, что меня всегда влекло попробовать что-нибудь новенькое в технике. Помню, в 84 году в известной всему казахскому кейвингу пещере Агалатас под Бишкеком посетила меня блажь испробовать способ подъема "лягушка", что очень рекламировался еще в 76 году одной илюхинской методичкой по спелеотуризму (*133).

И дернул же меня черт начать испытания нового для меня способа в узкой щели - с диким скрежетом вонзились мои коленки в немягкие стены Третьего колодца Агалатаса. Если сказать, что мне было паршиво, значит, здорово приукрасить. На мой визг (после кто-то божился, что "весь процесс моего подъема из этого колодца слышал собственными ушами"!) со всей пещеры немедленно сбежались репортеры. В коротком интервью после выхода из пещеры я гневно заклеймил всех лягушек на свете и удалился, гордо хромая сразу на обе ноги.

Надо сказать, что "Дэд" во многих зарубежных публикациях носит название "Фрог", что можно перевести именно как "Лягушка". Но все-таки это не та "лягушка", что оставила мне незабываемые воспоминания в Агалатасе. Нынче нас на мякине не проведешь. Наши с Колей колени надежно защищены наколенниками от скейтбодинга - прекрасная, надо признаться, штука для пещеры!

* * *

Рядом на стене работает вторая наша двойка - Валера Королихин из шахтерского поселка Белоусовки и лениногорец Володя Кочетов. Вместе со мной и Колей Бердюгиным - это штурмовая четверка грядущей экспедиции на Кырк-Тау.

Грядущей? Ох, и летит время! Вроде, только еще обвешивали одинарной веревкой усть-каменогорские скалы, и вот...

-

Сквозь дымку зноя путь лежит,
Тропа змеей скользит к отрогам,
Тропа бежит, как наша жизнь,
Что нами брошена в дорогу.
Бери рюкзак, пора и нам -
Нас ждет нелегкая игра,
И улыбается горам
Наш добрый друг Камангаран! (*134)

-

Кто сказал: "Азия была так себе - средняя..." И был явно не прав. Ах, Ташкент! Ах, Самарканд! Липкий от жары асфальт, жаркий воздух, роскошный азиатский базар. Поезда, мешки, темные от загара и пыли лица. И пески Азии, что неожиданно выступают по сторонам дороги, будто из самой сути желто-зеленой гаммы окружающих пейзажей.

Мы не одни на пути к Зеравшану - в те же сроки проводит экспедицию узбекская экспедиция Владимира Долгого из Ташкента. И это прекрасно - потому что помимо встречи с друзьями, в нашем распоряжении ГАЗ-66 Самаркандского совета по туризму, который где-то впереди ввинчивается сейчас в желтую трещину раскаленного ущелья, увозя нашу увесистую поклажу.

Горы вокруг, и мы среди гор. Хорошо идти вот так, налегке, слушая как шумит в бетонном лотке акведука вода ручья Камангаран. Радуются встрече с солнышком карстовые воды КыркТау. В этом выжженном солнцем мире начинаешь серьезно относиться к древнейшей мудрости, гласящей, что вода - это жизнь. Там, куда мы идем, в глубине пещеры, часто все наоборот: вода - это угроза переохлаждения, смерть.

Пока идешь налегке, как-то не верится, что через парутройку часов начнется серьезная работа, имя которой - ее Пыхтейшество Заброска. В фонограмме к одному из послеэкспедиционных слайдфильмов мой сын, в возрасте шести лет побывавший на Кавказе, глубокомысленно изрекает: "Заброска - это когда все ходят с рюкзаками туда-сюда, туда-сюда и страшно завидуют вертолетам!"

Вот и поляна с одинокой арчей у ручья. Куча наших мешков говорит о том, что дальше колесная техника бессильна. Дальше - тропа. Нам предстоит перетащить сотни килограммов снаряжения и продуктов на полторы тысячи метров вверх по сумасшедшему серпантину. Не-ет! Днем это невозможно. В Азии заброску начинают на закате.

-

Так много мыслей на тропе,
Под каждый шаг, под вдох и выдох.
Как рассказать о них тебе?
...Скрипит станок, видавший виды.
Кырк-Тау - жаркий горный рай.
Нас ждет прекрасная игра!
Укрыла тень ущелья шрам,

И канул в ночь Камангаран.

-

Рюкзак - пара транспортных мешков с довеском в виде гитары, поскрипывает станиной из стальных трубок в ритме ходьбы. В голову лезет надоедливая ритмичная песенка. Перевирая мотив и слова, что-то вроде: "Пускай твердят, что в технике кишки тонки, зато мы тренированы таскать мешки!". Тропа поднимает меня вверх по остывающему после дневного зноя ущелью. Жарко, черт! Хоть и солнце садится. Постепенно способность мыслить абстрактно куда-то улетучивается. Тропа бесконечна, сердце, как мотор, легкие - меха. Мысли обрывочны. Главное - не сбить ритм, не задохнуться, не споткнуться на щебенке тропы с двухпудовым рюкзаком.

Шаг за шагом выше и выше. Сумерки. Они пролетют, не успев начаться. На горы по-азиатски стремительно падает ночь. Теперь только фонари наших проводников-ташкентцев указывают путь по едва видимой тропе. Шесть часов подъема, и мы на плато. Здесь свищет ледяной ветер. Неужели это мы умирали сегодня внизу от жары? Холод пробирает до костей.

Оставляем груз на месте будущего базового лагеря и, несмотря на свинец в ногах, спешим оставить негостеприимные вершины. Скорее вниз, в ласковую духоту ущелий.

Благодатна ты, июльская ночь долины! На спуске три часа. Теперь быстрее спать: вылезет утром из-за хребта Огненный дракон, опалит своим дыханием склоны - не до сна будет.

* * *

По плато в районе лагеря, сколько хватает глаз, растянуты веревки. Уложить их в ранцы - по 130 метров в мешок - непростая задача. Делаем это так. Берешь конец веревки, вяжешь узел (из-за отсутствия такого узла я чуть было не разбился в Сумгане) и метр за метром опускаешь веревку в мешок. Опустишь десяток раз, утопчешь ногой. Укладываем аккуратно, чтобы не запуталась на отвесе, не начались скрутки - проклятье подземных вертикалей. Кончился один кусок веревки, подвязываем к концу другой. Теперь нам не надо выгадывать веревки по длине - хватит ли на колодец. Не хватило до дна - нарастим следующую. Лучше всего сращивать веревки на крюке промежуточного закрепления. Но можно и прямо в отвесе. Узел на рапели в отвесе никогда не доставляет особо приятных ощущений, но новая техника позволяет преодолевать его без особых зедержек.

Работа сделана, мешки упакованы. И вот сидим на бугорке недалеко от нашей газовой кухни, принюхиваемся к волшебным запахам съестного и в который раз уже прикидываем планы будущей работы.

Завтра мы идем на рекорд. Два дня назад, в первом выходе в Киевскую, нам удалось спуститься до конца самого длинного меандра пещеры под названием "Дивный ход" на глубину около -400 метров. Тем самым мы почти на 300 метров превзошли наше весеннее достижение, когда в пещере Алтайская на Горном Алтае экспедиция под руководством Анатолия Капустяна и Володи Кочетова (за три дня до выезда мне "повезло" угодить в больницу и лишиться аппендикса) предприняла первую попытку пройти вертикальную часть пещеры в соответствии с правилами СРТ. Парни отступили с глубины -100 - сказалось отсутствие опыта борьбы с трением. Экспедиция не пошла дальше к легкодостижимому, в общем-то, дну Алтайской, и мы посчитали это самом

большим ее достижением: впервые мы предпочли отступление возможности "сделать дно" абы как, на авось. Так мы начинали постигать культуру работы на вертикалях.

И вот мы спустились на -400, установив этим свой СРТ-рекорд. Но абсолютно высшего достижения казахстанцев превзойти пока не смогли. В феврале этого же, 1986 года, его установила усть-каменогорская экспедиция под руководством Олега Шишенко, преодолев денивеляцию в 460 метров от входа до дна пещеры Осенняя на хребте Алек.

Дело, конечно, не в рекордах, но спортивное начало живет в нас: где-то глубоко спрятанное, но живет.

Итак, завтра мы идем на рекорд. В основу тактики этой экспедиции мы заложили непривычные с точки зрения всей нашей предыдущей спелеопрактики положения. Вот они:

- в период рабочих выходов каждый член группы должен двигаться по пещере с одним, на отдельных участках максимум с двумя транспортировочными ранцами (Долой спелеогрузчиков! Долой "вещизм" в кейвинге!);

- количество подземных ночевок должно быть минимальным - отдыхать лучше на земле (Долой засонь из ПБЛ!);

- необходимо максимально снизить непроизводительные затраты времени под землей: перекуры, сборы, болтовню и "питье чая" в подземных лагерях и пунктах питания;

- отказ от транспортировки мешков путем вытаскивания и спуска их в колодцы на веревке, передачи с рук на руки цепочкой, переноски челноками - переносить груз исключительно "на себе" во время естественного движения по пещере;

- исключить потери времени из-за поломок и неполадок в индивидуальном снаряжении участников штурма - снаряжение должно быть унифицировано и надежно;

- индивидуальная техника каждого из членов группы должна быть достаточно высока, для того чтобы исключить неоправданные потери времени на пристежках и отстежках от веревок и маневрировании на промежуточных закреплениях, а также чтобы каждый мог идти по пещере автономно без помощи товарищей - только параллельное движение всех участников обеспечивает высокую суммарную скорость всей группы;

- график рабочих выходов в пещеру должен иметь суточный ритм, исключающий противоестественную обычному образу жизни работу по ночам, с соблюдением ритмичного режима питания и сна - прием пищи через 6 часов, сон в ПБЛ не более 8-10 часов, непосредственная работа на маршруте 12-14 часов в сутки.

Вот, собственно, и все.

С точки зрения всей предыдущей техники спелеотуризма оставалось только мечтательно вздохнуть. Но мы были полны решимости.

Н А П Е Р Е Г О Н К И С С О Б О Й.

Есть что-то завораживающее в больших колодцах. Вздыбленный мир. Гулкое эхо. Мы с Кочетовым стоим на узеньком уступчике, пристегнутые к крючьям. Стена вверх, стена вниз, грохот молотка. Володя бьет очередной крюк.

- Помнишь, как у Джека Лондона? - говорю ему в паузе между сериями ударов. - Вот он - "вкус мяса"!

- Мне тут вообще нравится!

Вовка выдувает пыль из отверстия в скале, вставляет шлямбурный крюк. Несколько мощных ударов молотка, крюк расклинен в отверстии, можно навинчивать ушко, вставлять карабин, навешивать веревку. Пинаю угловатую глыбу на краю полки. Если что-то может упасть, то лучше, если упадет перед нами. Гляжу на высокий раструб резиновой перчатки - тут на куске лейкопластыря написана вся вереница предстоящих нам колодцев. Спуск в зал Академии Наук Украинской ССР - изюминка КиЛСИ - самый большой отвес пропасти. Если верить топоматериалам: 90 метров. Гостиницу "Казахстан" в Алма-Ате без труда можно "вставить" в эту гигантскую каменную трубу.

Навеска готова. Кочетов аккуратно пробует крюк, нагружает, поправляет под собой мешок, из которого паутинкой выползает веревка.

- Ну, я пошел?
- Давай.

* * *

...Мы уже устали. Пусть улыбаются ветераны, за плечами которых опыт 20-30-часовых рабочих выходов. Здесь нечему радоваться. Всех возможностей человека не знает даже сам человек. Но чего ради терпеть перегрузки? В альпинизме, где сильно развиты спортивное начало и культ физической подготовки, большинство спортсменов поддерживают круглогодичный цикл тренировок, бегают по склонам гор, лазают по деревьям, прыгают по камням, занимаются скалолазанием и совершают другие полезные физические и технические упражнения. Я не смогу назвать и десятка кейверов, придерживающихся подобного образа жизни. Кейвинг - это не спорт. Скорее - это образ отношения к жизни, некая система жизненных ценностей, среди которых обязательным считается поддержание себя в форме, прежде всего технической. А физически - обычная гиподинамическая повседневная жизнь с невозможностью отрывать от работы, семьи и других неотложных дел часы для регулярных тренировок. Многие из нас могут похвастать двумя-тремя детьми, интересной работой. Но - гиподинамия! Повседневная беготня в газу промышленого города - сомнительное и малополезное удовольствие. Увы, нам больше приходится бегать по магазинам, чем по кроссовым тропинкам.

Неверно представление о покорителях подземных глубин, как о суперменах, играющих тугой ртутью мускулов, пробегающих без одышки десятки километров и проделывающих это постоянно. Большинству из нас и поработать-то физически на всю, что называется, катушку удается только в экспедициях. Хвастать, конечно, нечем. Но надо это знать и учитывать.

Во времена лестнично-веревочной техники мускулы решали, если не все, то очень многое. С приходом самохватной техники в советском спелеотуризме началось, по словам "аксакалов", "засилие слабых" на пещерных маршрутах. Подъем на зажимах требует определенной техничности: то есть отработанных экономных движений, хорошей координации, но никак не выдающихся физических возможностей. С ростом подземных глубин на первый план выдвигается необходимость психологической устойчивости, приспосабливаемость к агрессивным природным условиям, к сильным стрессовым нагрузкам, а также коммуникабельность и терпимость в обстановке замкнутых малочисленных групп.

И вот, после "суеты городов", вырываемся мы на простор экспедиций и начинаем в корне ломать устоявшийся ритм

повседневной жизни, резко взвинчивая физические нагрузки. Начинаем работать по 20 часов без передышки, спать столько же, таскать на плечах по 40-50 килограммов, питаться с жуткой аритмичностью, переохлаждаться. В общем, пребывая в эйфории любимого занятия, исподволь получаем всю гамму нежелательных и весьма неблагоприятных воздействий на организм.

И самое обидное, что большая половина наших усилий тратится непроизводительно, впустую. Коэффициент полезного действия большего числа спелеоэкспедиций крайне мал. Хорошо, если основной целью ставится бесхитростное проведение времени в хорошем потоотжимающем режиме. Но если цель - достижение неизвестного, то... Возвращаешься, сбросив добрый десяток килограммов веса и думаешь - и этого не сделали, и туда не заглянули, и того не успели...

Да... Толстых в кейвинге практически нет. Исключения, вроде лидера пермских спелеологов первопокорителя дна Киевской Сергея Евдокимова, только подтверждают правило. Толстым в спелеологии грустно. Да и поджарым нелегко. Сверхнагрузки аукаются потом. Послеэкспедиционную депрессию в период восстановления после серьезной пропасти испытал каждый. Приезжаешь почерневший от солнца и пещеры, магнитическое действие гастрономов и кондитерских ощущаешь за три квартала, валит с ног вялость и неудержимый сон. И мысль - вот сейчас бы с недельку просто поваляться! А доброжелательные сослуживцы: ну, как на Кавказе отдохнул? Во время корделеттного штурма Напры родились эти строчки:

-

На угольях чернеет нагар,
Завтра нам уходить наверх.
Если скажут, что здесь юга,
Что субтропики - ты не верь.
Здесь туманов белые шали,
Здесь воронок черные пасти,
Здесь, в горах, заблудилось наше
Беспокойное спелеосчастье.
А вернемся, наверно, спросят:
Как там море, магнолий листья?
Ну, а мы - мы уходим в осень,
И октябрь нам дышит в лица... (*135)

* * *

...Мы уже устали. Всего за час сорок минут прошли первые 27 колодцев, на навеску которых позавчера потратили два с половиной часа. Почему-то энтузиазм в кейвинге как-то иссякает с глубиной. Этим, кстати, тоже поверяется класс команды. Способность делать на глубине то же и также, как неподалеку от входа, получила в последние годы не вполне точное наукообразное название - глубинная психологическая адаптация. У большинство групп, особенно спелеотуристской направленности способность производить полезную работу, включая тривиальное передвижение и перетаскивание по пещере необходимых грузов, обратно пропорциональна глубине, на которую удалось спуститься. Видимо, это и является причиной загадочного и стремительного убывания числа крючьев забитых в устьях колодцев по мере продвижения ко дну любой пропасти. Киевская, понятно, не являлась исключением.

И вот, после увлекательного низхождения по уже оборудованным колодцам, уже 7 часов мы стучим молотками, устраняя

зловредное трение в соответствии с правилами работы на одинарной веревке. Двое стучат, двое мерзнут. Вторая двойка, в задачу которой входила транспортировка штурмового снаряжения, вышла специально с задержкой по времени, догнала-таки нас и теперь мается бездействием.

Забиваем только самые необходимые крючья и все равно движемся страшно медленно. Мерзнем. Настроение падает. Вопреки своим же планам, перекурить вовремя мы не удосужились. А теперь, вроде, жалко время терять: близок зал "АН УССР" - наша цель в этом выходе, наша рекордная глубина.

Через 10 часов после начала спуска лидирующая двойка Кочетов-Серафимов впервые в истории Казахстанского кейвинга переступила отметку -600 метров. Фанфар не было. Феерическое эхо грохотало по колодцу. Это руководитель экспедиции выражал свой восторг по поводу состояния изрядно подмоченной подземной базы, которую теперь предстояло установить и, мало того, провести в ней ночь перед подъемом на поверхность.

Что такое подземный лагерь? В простоте - это палатка, спальный мешок на четверых и термоводоизолирующая подстилка. Все соответствующим образом упаковано и снабжено необходимым количеством полиэтиленовой пленки для защищающего от капели тента и "короба" снизу. "Короб" - полиэтиленовый лист с поднятыми краями (иначе в палатку может затечь вода) необходим: ставить палатку зачастую приходится ставить в такое, для чего и слова-то приличного не подберешь. Тем более, в Киевской, где очень мало подходящих для этой цели мест.

Лагерь - это святое. Это обещанние отдыха в относительном подземном комфорте. И вот - подмочили! В пещере, где и воды-то по настоящему нет!

Когда первый приступ радости утих, мы с Валерой, изрыгая сквозь зубы трудно переводимые сочетания звуков (которые,тем не менее, почему-то хорошо понятны всему многоязычному миру) выжимаем спальный мешок и принимаемся за надувание коврика.

Он у нас особенный - из воздушных шариков. Нам предстоит вставить их в специальные ячейки и надуть один за одним. Занятие, прямо сказать не для слабонервных, а тут еще мокрый парашютный шелк оболочки мерзко липнет к лицу и рукам. Плакал наш комфорт!

Главное в пещере - оптимизм. Что наша база! В 87 году на Арабике группа из шести человек тащила груз к сухому дну пропасти Перовская (система им.В.В.Илюхина). Там, на глубине -900, должен был находиться установленные предыдущей группой подземный лагерь. ПБЛ - это значит тепло, относительно сухо и сытно. Нет простых километровок. Тем более непроста Перовская-Илюхинская. Но можно идти, терпя бесконечное перетаскивание мешков, воду каскадов, холодный ветер колодцев. Можно выложиться, если впереди ждет суровый, но приют. Кажется, что уже нет сил, но ведь и надо-то еще совсем немного. Еще чуточку! Дотянуть до лагеря и - все. Зашумят примусы, забулькают котелки и - спать, спать! - во влажное тепло спального мешка.

Первый из группы вышагнул за поворот галереи. И не поверил глазам. В голове еще шумел водопад, под которым в ледяном вихре 25-метровой струи сейчас перетаскивают мешки товарищи. Первый протер глаза - лагеря не было. Лагеря не было!

Это было страно - на пределе сил оказаться без ночлега,

без приюта, без шансов сразу же выйти на поверхность. С -900 на землю не выпрыгнешь!

Оказалось, что базу смыло паводком. Единственная на этой глубине пригодная для установки палатки площадка расположена у самого ручья. Стоит немного подняться воде и - спасайся, кто может! Базу смыло до прихода группы. Аквалангисты потом выуживали ее остатки из предсифонного озера метров за 100 от площадки.

Единственное, что смогла сделать обессиленная группа, это собрать весь уцелевший от потопа полиэтилен и устроиться на мокрую холодную ночевку. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не подошедшая через некоторое время ленинградская команда со своим лагерем.

Плохо, когда все идет на пределе, без запаса на непредвиденные случайности, просто без запаса. Работа на износ и измор лишает удовольствия от пропасти, от самой подземной работы, притупляет осторожность. И тогда кейвинг превращается из развлечения, из наслаждения, из творчества - в тяжелую, опасную и нуднейшую из работ.

Так что подмоченная нами база - это далеко не венец возможных поводов для расстройства. Надо только это осознать.

Вода камень точит. Через три часа на месте слякотной лужи среди камней под прикрытием огромной глыбы выросла наша палатка под тентом. Внутри, в подсушенном на сухом спирте спальном мешке, на пухлых воздушных шариках, млела от удовольствия сытая и сонная команда "рекордсменов".

Благословенна будь Киевская!

* * *

Вечер перед решающим штурмом запомнился. И дело было вовсе не в пещере. Это был вечер Великой Хохмы! Потому что дежурство по кухне возглавил Кочетов.

В который раз все переговорено. Как идти вниз: ночевать или нет на спуске? Или сразу - на дно? По силам, чувствуется, идти на дно прямиком. Но сдерживает необычность ситуации - высок психологический барьер: никто в стране еще не ходил сразу с поверхности - да на -1000 метров! От земли - и до дна... Заманчиво!

Собираюсь отойти к палатке, чтобы не обонять волшебных запахов кухни, как вдруг слышу голос Саши Тарана (одного из парней-школьников, участвовавших в экспедиции), так вот - слышу голос Саши:

- ...Некогда мне. Я макароны продуваю!

Как охотничья собака, делаю стойку, обмирая от ощущения неслыханной удачи. Поворчиваюсь.

О, поэзия Хохмы! Не простой, а Великой Хохмы! Ну, кто из бродяг-туристов не слышал бородатой шутки-прибаутки о продувании макарон? А кому посчастливилось видеть процесс наяву?

То-то!

Саша продувал макароны тщательно. Брал непродутые макаронины из пачки, набирал в рот воды из кружечки и продувал каждую макаронину водой. "Чистые" аккуратно складывал в кружку -"сиротку".

- Владимир Константинович! У меня вода кончилась.

С водой у нас, как и всегда на карстовом плато, напряженка - воду топим на солнце из снега в специальной полиэтиленовой трубе-бане.

- Ну, что ж делать,- не сморгнув бесовским глазом,

оборачмвася Кочетов. - Придется воздухом продувать. А ты, Игорь, чего стоишь? Давай, помогай!

Школьник Игорь Анисимов чувствовал подвох. Наверняка знал и о хохме с макаронами. И... не смог устоять! Поддался бронебойной уверенности, напористости нач-по-кухне. Робко потянулся к макаронине.

- Давай, давай! Налетай! Быстрее жор будет!

Медленно, чтобы не спугнуть восхитительного зрелища, едва сдерживая приступы истерического всхлипывания, приближаюсь к этому цирку. Мигаю Королихину. Валера - с круглыми от внутреннего хохота глазами, философски замечает:

- А у нас в армии с двух концов продували...

Это все, это последний аргумент. Королихин недавно демобилизовался из Афганистана. Его авторитет непререкаем.

И вот, плотная кучка школьников окружает пачку макарон, и только слаженное фуканье оглашает бескрайний Кырк-Тау...

Что может быть прекраснее зрелища Новичка, продувающего свою Первую Макаронину? У своей Первой Пещеры!

Если бы не завтрашний километровый штурм, Кочетова, обессилевшего от смеха, убили бы пятью минутами позже описываемого здесь восторга. Увы, ничто прекрасное не вечно!

* * *

Между собой договорились - идти, как пойдется. И вот - Пропасть. В Азии главное - успеть одеться до солнца. Огненный Дракон превращает процедуру натягивания спелеодоспехов в исключительное удовольствие. Знаете, как готовят курицу в фольге? Ну, тогда у вас есть кое-какое представление о процессе, так сказать, снаружи. Кейвер имеет возможность познакомиться с ним изнутри.

Нет уж, хватит с нас острых ощущений. Встаем в шесть утра, завтракаем и одеваемся в сереющих сумерках рассвета и штурм начинаем до солнышка. Покатили!

Есть чарующее упоение в строгой динамике движения по вертикали. Каждое действие отточено, каждый шаг оптимален. Движешься, будто неспеша, соразмеряя себя с предстоящими препятствиями.

Сухие щелчки карабинов, шелест веревки, шум воды.

- Свободно!

- Понял!

Луч фонаря режет ночь пещеры. Колодец. Навеска. Самостраховка. Теперь пройти по перилам вправо до крюка. Веревка в решетку - и поплыл вверх колодец, навстречу вылетающим из темноты сверкающим каплям. Слева журчит, точит стену ручей.

У-у-ух! Неверный шаг, сорвало маятником со стены, закачнуло под душ. Недоглядел! Стегануло капелью по каске, по спине, и снова шерох веревки в рукавице. Дно колодца. Дошел.

- Свободно!

- Понял!

Меандр, как колея. Свернуть некуда. Только вперед и вниз. Корявые стены цепляются за комбинезон, за провод фонаря, за снаряжение. Не спеши, не торопись, не дергайся. Плавно - плечами, всем телом. Не рви мешок - он не виноват. Всему виной ты. Аккуратно, присядь, слева под рукой сталагмит, нет, выступ. Прошел под навесом. Дальше уступчик. Не прыгать! В основе скорости пластика, а не козлиный скок. Колодец!

Идут сзади? Идут. И я пошел. Колодец распускается перед глазами черно-белой вертикалью. Так - ПЗ - промежуточное закрепление. Все, как учили: встегнул ус, завис на нем, переставил ниже крюка решетку, зафиксировал, отстегнул ус...

Откуда-то всплывает в памяти: ..."А если вы, штатские: такие умные, отчего ж тогда строем не ходите?"

- Свободно.
- Понял!

"Гулом по колодцу,
Гулом по колодцу,
Камень просвистел, как по судьбе,
И на лбу оставил
Светлую полоску
Четкую, как память о тебе..."

Это уже песенка-переделка белоусовских ребят - бессергеневцев, чью славную когорту представляет сейчас Королихин. Чего только не лезет в голову... Еще колодец. Ух-ты, какое эхо! "Шестидесятка", что ли? Сейчас посмотрим.

Пошел. Узкий довольно пологий желоб с ручьем у ног заваливается все круче в отвес. Первая перестежка, ликвидирующая трение на перегибе колодца.

- Свободно!

Как красиво высвечен внизу лагерь ташкентской команды. По телефону они пообещали, что будут встречать нас чаем к 10 утра. Что-то никого нет. Лагерь диковинной декорацией проплывает мимо-вверх: слышно, как лупит капель в тент над оранжевой палаткой, установленной на уступе метрах в 10 над дном колодца. И оттуда, сверху, заспанный голос Акиды:

- Это что, уже вы?
- Пора. Времени-то сколько?
- Так девяти еще нет.

"Скока-скока?" Как у Жванецкого. Отстегиваюсь от веревки, отхожу к стене, отыскиваю под резиновой перчаткой свою "Амфибию". 8-50! Начали в восемь, пятьдесят минут на спуске, а над нами уже 350 метров! Глазам не верю.

Сверху с шерохом планирует Бердюгин. Отстегивается. Толкаю его в мокрое плечо:

- Сколько идем, знаешь? Полста минут!
- Иди ты!
- Точно!
- Ну, тогда вперед!

Какой тут чай, тем более не вскипевший. Ввинчиваемся в серпантин "Дивного хода". Отсюда до установленной нами накануне подземной базы на -650 - 13 участков навески с перепадом высот в 300 метров.

Этот участок мы проходим за час. Час идем! Нет и двух часов от начала штурма, а мы на -650.

Ущипните меня кто-нибудь!

* * *

Итак, через час-пятьдесят мы в базе в зале Академии Наук УССР под 90-метровым колодцем. Чего тут размышлять? Все однозначно - надо идти на Дно. Сразу же и без колебаний.

Позволяем себе короткий перекур и снова устремляемся вниз.

Через 30 минут мы в зале "Дружба" на глубине около -700. Сюда в прошлый выход заглянули Коля с Володей, пока мы с Королихиным маялись с установкой ПБЛ. Дальше - неизвестность. Вот они, эти скупые цифры на раструбе перчатки.

Кем-то когда-то пройденные и измеренные отвесы. Когда-то и кем-то, но не нами. Для нас впереди неизвестность.

Теперь постоянно лидирую. Старых крючьев на колодцах все меньше. Своих мы не бьем. Наша задача - проверить, как может идти группа, если крючья для навески уже забиты и остается только навешивать веревки. До этого момента в первых двух выходах мы били крючья сами, поправляли навеску, улучшали ее, устраняли трение: неочевидное сразу нашему неопытному глазу, оно проступало на спусках и подъемах и требовало оперативных действий. Мы учились. И успешно - ни одна веревка пока не была повреждена. Но это было не все. Эксперимент продолжался.

Даже не верится, что это атака на Дно. Веревки вешаю без хитростей, без обвесок и промежуточных крючьев - прямо по стене, с трением на перегибах. Так мы ходили всю жизнь. Правда, рядом было иллюзорная нить второй самостраховочной веревки или троса. Но шли-то мы все-таки по одной! И эти изношенные многочисленными экспедициями, не стиранные годами, поросшие мохом веревки не рвались! Почти никогда... И кое-кто ведь поверил, что никогда и не порвутся. (Мишаня, Мишаня!...)

Наши веревки новые. Проверенные метр за метром. Четыре человека по ним спустятся, четыре поднимутся. Что с ними станет? Таков расчет.

Боишься - не делай, делаешь - не бойся. Главное теперь - долго не раздумывать, не терять темп. Напряжение растет. Вяжу узлы, оцениваю состояние точек навески: выступов, глыб, проушин в скале - выдержат, не выдержат? Ошибки быть не должно. Сам навесил, сам пошел вниз. Делаешь навеску в буквальном смысле, "как для себя".

На часы не смотрю. Что толку? От этого быстрее не пойдешь. Но чувствую, что темп достаточно высок. Об этом можно судить по тому, как быстро пустеют транспортные ранцы с веревкой. В каждом по 130 метров. Примерно один ранец на час работы. Неплохо идем! Дважды выясняются неточности в доставшейся нам от предшественников схеме навесок. Дважды веревка кончается в середине отвесов, и приходится ее наращивать навесу.

* * *

Когда час за часом раюотаешь в гулкой тишине пещеры, в голову постоянно стучатся какие-то мысли, мелодии, обрывки воспоминаний, часто ничего общего с пропастью не имеющие. Но сейчас пришло по делу - вспомнились Резванские "Легенды о Саакяне", посвященные Киевской строчки:

"...Так как мы пользовались крымской схемой навески, которую нам передал Г.С.Пантюхин, у нас постоянно то появлялись новые (не указанные на схеме), то исчезали обозначенные на карте колодцы. Поэтому к 100-метровому колодцу Антон подошел в полной уверенности, что это 40-метровый, якобы находящийся перед "соткой", колодец. И начал в него спуск по соответствующей 40-метровой веревке. О своих последующих ощущениях он рассказывал примерно следующее: "Еду вниз, в правой руке веревка, в правой самохват для самостраховки. Еду, еду, слишком долго еду... Думаю, что такое? Вдруг вижу, в руке у меня самохват есть, а веревки в самохвате нет! (Тоже узлы на концах веревок не вязали! П.М.) Встал на какой-то уступчик, смотрю - из рогатки торчит кусочек веревки с пол-

метра. Чуть присел, она - фь-ю-ю-ть! - вверх, а внизу - вах! - опять колодец!"

Так Антон Саакян прибыл на тот уступчик большого колодца Киевской, на котором недавно мы с Кочетовым били наш последний перед спуском к лагерю "-650" крюк.

С большим колодцем КиЛСИ вообще происходили интересные метаморфозы. Сначала, по измерениям первопроходцев, он был "соткой". К нашему прибытию колодец уже "превратился" в 90-метровый: верхний уступ 40 и нижний - 50. Но все отмечали удивительную легкость, с которой этот колодец проходится на подъеме. Все отмечали, что он идется "почти как "шестидесятка" на -350 над лагерем ташкентцев. По измерениям наших веревок, К-90 неожиданно "похудел" до 74 метров: 34 до полки и 40 до дна. Это убедительно объясняло его относительную "легкость". Правда, через год ташкентцы перемерили его снова и получили 84 метра. Удивительный такой колодец...

* * *

...А пещера стремительно идет вниз. Колодец сменяется колодцем. Меандры остались позади. На дне одного из отвесов натыкаемся на баллон от акваланга. Дно уже где-то рядом!

Над последним отвесом нахожу карабин. Он запутался в бухте брошенного кем-то троса, что теперь постоянно встречается на дне колодцев. Это обилие брошенного снаряжения послужило темой для появившихся впоследствии куплетов:

-

Снимут спелеологи рваное шмотье:
Ну друг другу жалиться на свое житье!
Карабинов нету, троса негде взять,
Все такие бедные, что сказать нельзя.
Ну а в той же Киевской, ниже пятисот,
Тросом все завалено: тросик - первый сорт!
Провода - не мерено, всякого добра...
Что-то нет желающих слазить и забрать!

-

Вот он - последний отвес. Шестьдесят первая навеска, если считать от входа. Я узнаю его:

"...Колодец прервался выступом и раздвоился на две "штанины". Шевчук бросил веревку в левую (в левой просто воды меньше лилось на голову) и начал спуск. Внезапно он заметил, что стенки раздвинулись и ушли в темноту, потолка не видно было давно, и дна свет лобного фонаря не достигал."(*136)

Колодец не развдаивался. Просто его разделяло на два желоба вертикаьное ребро. В левый желоб воды действительно шло меньше. Хватит ли нашей последней веревки? Судя по описанию, этот последний колодец - ни много, ни мало - 25 метров. Восьмиэтажка. Стены расходятся. Вода с шумом бьет в чернь воды под стеной. Откачиваюсь на выступающие из озера глыбы у левого берега. Дно!

Один за одним вниз съезжают ребята. Поднимаемся по глыбам от воды. Черное озеро уходит в дальний конец зала под сводчатый потолок. На камнях баллоны, свинцовые груза подводников, крышка кислородного аппарата. Последними в озеро ныряли красноярцы. И Володя Коносов утверждал, что пройдя вот тут, под самой стеной, ход между глыбами завала, увидел над собой зеркало воды. Но вынырнуть в него не смог - запутался страховочный шнур, и Коносову пришлось вернуться. Последующие попытки ничего не дали. Вода стала мутной, и

проход между глыбами найти не удалось.

Мы на Дне! Над головой добрая тысяча метров скалы. Это трудно представить. Мы спускались пять с половиной часов. И это трудно представить тоже. Многое не укладывается в голове. Это не просто рекорд глубины казахстанского кейвинга, хотя 1000 метров - это уже само по себе немало. Это первая тысяча, пройденная нами, пусть с некоторыми допущениями, но пройденная в соответствии с новой для нас техникой СРТ - техникой одинарной веревки. Дебют состоялся. Да здравствует СРТ! Мы - первая группа в стране, которая может сказать, что спустилась на -1000 меньше, чем за за 6 часов работы. И это тоже немало.

Бродим по завалу, собираем на память галечку донного озера. Устанавливаем на стене самодельный жестяной вымпел. Надо перекусить. Молча хрустим при свете свечи шоколадом. Он замерз и колется, как стекло.

-

Четыре папы Карло
Сидели на завале,
И в чернь уставясь озера,
Жевали шоколад.
На дне сидели парни,
О дни стучали капли,
И каждый был как-будто
Победе и не рад.

-

Через 6 часов мы были в ПБЛ "-650". Можно было бы сегодня же выйти наверх. Самочувствие было уверенным. Но зачем ломать график? Зачем работать через силу? И так не хотелось расставаться с пропастью, ставшей вдруг такой близкой. Вернемся ли мы сюда когда-нибудь?

Тогда, в июле 1986-го, мы еще не знали, что вернемся, но с нами не будет весельчака Кочетова. Вернемся, но пропасть готовит нам тяжкие испытания, по сравнению с которыми наш сегодняшний успех - всего лишь загородняя прогулка. И будет это через год. А пока экспедиция заканчивалась. Первая в СССР СРТ-экспедиция.

* * *

С пулеметным треском бьется на ветру флаг над палаткой. Жаркий ветер Кырк-Тау истрепал, изорвал его край. Желтый флаг - свет, красный круг - солнце, черные треугольник углом вниз - путь. Флаг нашего клуба "Сумган".

-

Как жаль - кончается игра!
Наш путь лежит к другим горам.
Что ж, до свиданья, нам пора.
Ты помни нас, Камангаран!

НЕЙЛОНОВАЯ ДОРОГА ВНИЗ.

==========

-

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ.

-

Наш путь лежал на Кавказ. 1986 год можно считать годом зарождения СРТ в СССР. Каунасский клуб, до того лидировавший, вдруг отступил в тень, и вся тяжесть и сладость первоисследований пришлась на долю восточно-казахстанцев. Но

Судьба благосклонно взирала на наши попытки догнать мир. Иначе она не свела бы нашу экспедицию с болгарской в августе того же года.

Тем августом поляна "Сувенир" в полутора сотнях метров ниже входа в Снежную была похожа на диковинный город бродяг. Тут и там палатки и полиэтиленовые навесы, сооруженные из подручного материала столы и лавки, тянутся провода телефонных линий, снуют с рюкзаками и налегке многочисленные спелеологи. Торная тропа по густо покрывающему склоны буковому лесу от Дурипша - абхазского селения у подножия хребта, к Сувениру густо усеяна путниками. Здесь таскают свои мешки парни из Москвы и Ленинграда, Старого Оскола, Казани, Магнитогорска, Ростова - кого только нет!

Но главная новость на тропе - идут иностранцы! Кто? Откуда? Никто не знает точно, но - идут, вроде бы, на Снежную. О-о, как интересно!

И уже отступила в даль дорога на Кавказ через аэропорты, вокзалы, автобусы. Будто телеграфным пунктиром выхватывает память путевые картинки.

...Проводы в Усть-Каменогорске. Андрей Волков:

- Ребята! Привезите мне три литра Черного моря!

...В аэропорту Петропавловска откуда-то из толпы появляются отставшие приятели Понтя и Бондя (Андрей Суртаев и Олег Бондаренко). Несут какие-то сумки, по виду - не наши. Кто-то удивляется:

- Откуда это вы?

- Бабушка вот попросила помочь... да не догнала!

...Кто-то в самолете на Адлер "читает" вслух газету:

- Сообщение ТАСС. В районе Бермудского треугольника бесследно пропали три американских истребителя "Фантом". С нашей стороны потерь нет...

И даже море - такое ласковое синее-синее море, которое кто-то под плохое настроение назвал Черным - тоже уже позади.

Теперь перед нами тропа, отмеченная, как украшенная, легендарными названиями: поляна Рододендронов (+440 м.н.ур.м), "Белые стрелы" (+500), Явор (+735),"Тыща" - она и есть +1000, "Балаган" (+1200), "Банка" (+1430). И вот - верхняя граница леса - поляна с озерком и гротом. Местечко со странным для нашего слуха абхазским названием Хуп-Хулцва (+1750). Теперь и до Снежной рукой подать. Так бы шлось, как пишется!

Хуп-Хулцва - Хипстинский перекресток. Здесь две тропы: направо - к Снежной, налево - к Меженного. Не успели расположиться - ба-а! - что за гости? На тропе Владимир Дмитриевич в паре с Антоном Арсеновичем: Резван и Саакян - живая легенда! Идут знакомые и незнакомые. Все свои. Все одного братства-племени.

К вечеру через нас прошли болгары. Из Софии, клуб "Алеко Константинов". Заблудились на подходах. Теперь идут к Снежной. Болгар пятеро. Почему мало? Это достаточно. И для Снежной?

* * *

Счастливый "билет" принес Резван. Мы только что вернулись из поиска в районе Меженного и разбили лагерь на Сувенире. Тут царство гостеприимных ленинградцев во главе с Мишей Ивановым. Как и все уважающие себя спелеологи со стажем, Миша на Бзыби с женой и двумя сыновьями - 4-6 лет. Прекрасная компания нашему с Любой Алешке, готовящемуся этой осенью осчастливить своим появлением начальную школу.

Так вот, Резван сообщил, что болгары напрочь поругались с Лисицким и теперь в затруднении. К слову, старооскольский лидер Лисицкий Сергей Дмитриевич, по прозвищу ЛСД, первый в СССР мастер спорта по спелеотуризму - старички как-то не удосужились позаботиться о регалиях...

Итак болгары в затруднении, так как им хотелось бы иметь проводников по Снежной. А почему бы эту партию не озвучить на казахском? (Знаешь, - при очередной встрече в Адлере как-то сказал мне Резван. - Я, кажется, начинаю понимать казахский язык. Когда я получил телеграмму:"Прилетаем девятого с грузом", то сразу понял это так: "Нужна машина!"). Лингвистические успехи Володи Резвана пришлись как нельзя кстати. Стоит ли говорить, что немедленно приступили к реализации этой идеи и предложили болгарам свои услуги в качестве "полупроводников" - я знал пропасть только до -700.

Так началась первая в истории казахстанского кейвинга международная экспедиция: "Сумган" Усть-Каменогорск - "Алеко" София.

* * *

- Фику-ус! Свободно?

Снизу, из ледяной пасти, пропасти несется неразборчивый текст из числа тех, что доступны для понимания вне зависимости от подданства. Видимо, Филип Филипов основательно запутался в паутине ленинградских и старооскольских веревок. Чего ожидать, если в пропасти одновременно работают сразу несколько групп, и каждая норовит сделать свою навеску.? Мы еще не доросли для очередности на маршрутах экстра-класса. А может быть, это и к лучшему. Тем более, если размеры пропасти позволяют. Но накладки в таких случаях неизбежны.

Наконец Фил распутывается, обходит медленно и обреченно уже час как ползущую наверх женщину из числа ленинградцев (Миша Иванов проводит здесь учебные сборы , и такие картины не редкость).

- Свободно!

Мы с Филипом несем вниз груз, в то время как Розалин навешивает веревку где-то впереди. У меня горят глаза. Я, как губка, впитываю увиденное и услышанное от болгар. Мы впервые знакомимся с СРТ не по книжкам и самоучителям, а воочию. С какой удивительной легкостью обходят они трение! Элегантно. Наша трасса уходит в сторону от путаницы веревок в сужении у грота Гвоздецкого и идет теперь по нетрадиционной левой стене пропасти.

Вот что такое "Динамическая защита навески". Два крюка несут нашу жизнь в начале каждого колодца, два закрепления - основное и дублирующее. Если дублирующее закрепление расположено выше и основной крюк вылетит - связующая закрепления веревка сразу же натянется и примет остаточную, избыточную после разрушения ОЗ, энергию рывка. А если пещера не дает сделать дополнительное закрепление выше дублирующего? Если исключить трение можно только вбив основной крюк по уровню выше? Вылетит он - и пока не натянется связующая крючья вервеак - снова полет! И снова рывок! Можно ли уберечься в этом случае? Можно. Вот Розе забил два крюка и связал их двойным узлом, так что хоть и выше дублирующего стоит основной крюк, но узел, их связующий, - ниже! И рывка, стало быть, можно не бояться. Мы читали про это и в Киевской применяли. Но коряво. Все норовили основное закрепление

пристроить выше дополнительного, а в итоге - неудобства пристежки, да и выбираться из отвеса - сплошная акробатика. А тут - красота!

А вот об этом мы и не читали. Позднее мы назвали этот прием: применением "допустимого" трения.

В Большом колодце Снежной необычно тихо. Почти нет ручья! Лето 86-го выдалось на редкость сухое. И колодец теперь виден, что называется, во весь его гигантский рост. Уходит куда-то в бездонное черное небо веревка, теряется во мраке, и только страшно высоко - яркая звездочка. Качается, поворачивается в стороны, мигает - человек на подъеме. Надо ж, как высоко-то! Это если снизу смотреть, из Университетского зала.

Сверху видно не так хорошо. Разве что с веревки. Когда повисаешь в пустоте этой каменной трубы, такой себя мелочью начинаешь ощущать, что просто неудобно за Человека. За того, который звучит гордо. Что мы в сравнении с Природой? Мы - частичка ее, безумно возомнившая себя выше, себя - в праве решать и изменять?

Веревка на Большом колодце - толстый французский "Беал". Что называется, берешь в руки - маешь вещь! Она идет чрез перегиб каризом нависающего края колодца, и уже там встречает крюк. Дальше трения нет совершенно, но вот карниз! Показываю это дело Камену Боневу, прозванному среди своих Чируз. Чируз - с болгарского, вяленая рыбка - удобно и однозначно. А то в первое время, когда я, стесняясь назвать иностранца прозвищем, окликал его в колодце: "Ка-амен!" - народ, рефлекторно реагируя на грозное предупреждение, тут же принимался прятаться кто куда, в ожидании обещанного, вроде бы, камня.

Чируз качает головой, улыбается:

- Это трение не страшно. Тут мало ходишь - один-два раза только. Потом уже вылезаешь. Понимаешь?

И действительно. Что станет с веревкой, если за время экспедиции ее пару десятков раз шеркнуть о камень с усилием, равным весу человека или чуть большим? Ничего. А то и шеркать не придется. Если еще во время перестежки установить свой пуани выше места трения. Установил, встал на педал - стремя трется, а веревка навески так и не коснулась под нагрузкой страшного на вид скального ребра.

* * *

Снежная бурлит. И вид у нее какой-то иной. Приветливее, что ли кажется холодная Царица Кавказа. И ей в диковинку иностранцы. Глядит, приглядывается - пустить-не пустить? Пустила. Как ни старался Данила Усиков - патриарх Снежной (какие люди собирались тем летом на Сувенире!) внести смуту в души болгар рассказами о грозных снежнинских паводках, те только улыбались. В итоге Усиков пообещал поставить ящик "огненной воды", если болгарам удастся пройти ниже -1000 метров. И проиграл. Рассказывали, что после 13-дневного штурма и возвращения со дна на поверхность первыми словами руководителя софийской пятерки Орлина Атанасова были: "Где Усиков? Пусть Данила идет в Дурипш покупить ящик водки!" Но Усиков к тому времени был уже далеко по ту сторону хребта Раздельный. Неисповедимы пути спелеолога!

Наша команда дошла только до зала Победы на -700. Ниже не планировали. За пять лет до этого - во время рекордной

экспедиции 81-го года, мы с москвичем Лешей Лацисом потратили на подъем от зала Победы к солнышку 29 часов непрерывнойй работы (включая 5-часовой перекур-полудрем наверху Большого колодца). В 86-м управились за 14. Часок только попили чай у гостериимных ленинградцев в Университетском зале. Как-то проще, веселее, что ли, получалось. Одинарная вервка экономила силы, поднимала настроение.

В тот выход мне повезло возвращаться из победы с командой, состоящей из жены Иванова Лиды, уфимца Рима Байкова и Антона Саакяна. Оставив болгарам свой гидрокостюм, который должен был им весьма пригодиться в районе Глубокой реки, я отправился наверх с этими великолепными попутчиками. Кстати, не все болгары отправились ко дну Снежной в сухих советских гидрокостюмах. Как ни уговаривали мы Розалина сменить свой неопрен на наш "Тигур", Розе так и не согласился. Плохо говоря по-русски, он все больше улыбался, отмалчивался, покачивал головой. Потом что-то коротко сказал.

"Он говорит" - перевел Чируз. - "Даром я что ли отдал за этот неопрен 500 левов? Теперь они должны меня согревать до самого дна!"

Остальные болгары оказались благоразумнее и не пожалели.

Попрощавшись с уходящими ко Дну, отправились мы на поверхность. Я замыкал нашу команду, и на участке реки пару раз воспользовался дружескими спинами Рима и Антона, которым пришлось перетаскивать меня через особо глубокие места у водопада Мойдодыр. Так цепочкой мы и поднимались, иногда собираясь, иногда растягиваясь, теряя друг друга из виду. В одном из завалов, послышался мне впереди голос Антона Арсеновича. Антон не видел, что я уже рядом. Он стоял на коленях в глиняной слякоти Второго завала, в великом изумлении смотрел на свои неимоверно грязные ладони, раскачивался всем корпусом и стонал: "Что я дэ-ла-ю?!..

В 81-м году в зале Победы Резван вот также глубокомысленно изрек: "На что я променял свои лейтенантские погоны?" Когда по окончании очередного курса института надо было выбирать между военными лагерями и экспедицией, Резван поступил в соответствии с древней народной мудростью: "Если работа мешает пещерам - бросай работу!"

Как редок ты, Миг Прозрения!

* * *

Болгарская техника, а соответственно и наша, хотя в то время нас мало кто принимал всерьез, а ЛСД в подземном лагере в Лабиринте так и прямо кричал нам в спину: "Самоубийцы!"; так вот болгарская техника привлекала всеобщее внимание. Кто агрессивно критиковал, кто соображжал молча, прикидывал, кто что. После демонстрации болгарами СРТ на небольшой скалке близ лагеря брожение усилилось еще больше. Теперь Бзыбь раздирали противоречивые страсти. Чего греха таить - многим хотелось, чтобы Снежная срезала, отразила атаку нахалов-болгар: впятером да по одной веревке, да на Снежную! А вот вам! Это вам не по Европе бегать!

И интересно было. Наши мастера-самодельщики подолгу вертели в руках фирменные зажимы, щелкали пьезозажигалками карбидных ламп, щупали фольгированные термозащитные костюма-рексотермики.

- Говорят, в нем тепло, - улыбается Чируз.

- А ты что, в нем не ходил?

- Ходил. Но я этого сказать не могу!

Слабый отблеск болгарской славы падал и на нашу команду. "Доблестным казахстанским десантом" назвал ее Антон. Навешивая параллельно болгарским свои веревки, мы оказывали малочисленным собратьям-славянам из Софии посильную помощь в транспортировке груза. Особенно кстати наша поддержка оказалась после катастрофического извержения старооскольского мешка с болгарским снаряжением в ледовой части пропасти. Тот случай, едва не поставил под срыв едва начавшуюся болгарскую экспедицию.

...Пять транспортных мешков виноградной гроздью скользят подо мной вдоль стены. Вот в чем преимущество транспортировки грузов на спускере - спусковом устройстве. Повесь я этот груз на плечи - не говорю о том, что перевенуло бы при случае вниз головой - просто задавило бы весом за эти долгие минуты спуска по 200-метровой ледяной трубе. 17 крючьев предстоит пройти, прежде чем совершишь "посадку" на вершину снежного конуса дна Большого зала. Чтобы выстегнуть из очередного крюка самостраховочный ус, упираясь в педал ногами (на руках тут по-пижонски не подтянешься!), приходится приподниматься со всей связкой мешков, и тогда чувствуется их вес.

Ниже меня, снова первым номером, спускается Фил Фикус. Если у меня пять ярких красно-желтых французских мешков, то у него - один. Черный, почти тридцатикилограммовый монстр. Таким мешкам в бытность многомешочных штурмов обязательно давали имена: Вася, Федя, Амбал... мешочки с ласковыми именами! Как болгары собираются тащить этот "подарок" по пещере - не представляю. Мешок-гигант уступил болгарам ЛСД. Как потом утверждали злые языки - не без злого умысла. В него впихали все, что не вошло в и так многочисленные транспортники болгарской команды. И вот - спуск.

Жерло Снежной в этом году распахнуто совершенно удивительно. Конец наклонного снежника из-под входного колодца круто падает в отверстую черную пасть. Это прекрасный в своей суровости вздыбленный мир камня и льда. В подступающем мраке постепенно растворяется голубоватый свет земли6 пронизанный им лед рисует над нами причудливые контуры сказочных персонажей. Сегодня в стволе пропасти удивительно безлюдно. Вчера камнепадом, что обильно "дождит" с вытаивающей на самом верху осыпи, накрыло над Кривым колодцем, что в 100 метрах ниже, двойку ленинградцев. К счастью, ребята отделались легкимитравмами.

- Свободно!

- Понял!

Эхо привычных команд, гулкая музыка пещеры.

За дни штурма мы уже здорово породнились с Филом, сошлись с остальными ребятами из "Алеко", перемешались с ними. Порой происходят забавные эпизоды.

Как-то стоим на расклиненной между стен глыбе над Кривым колодцем. Филип очищает сопло ацетиленовой горелки своей лампы, я курю - в красном болгарском комбинезоне и в своем белом шлеме я себе весьма нравлюсь. Снизу поднимается двойка парней: не то оскольцев, не то москвичей. торопятся, видимо, потому что первый вопрос:

- Скажите, пожалуйста, время?

Надо же, как вежливо!

Гляжу на свою "Амфибию", отвечаю, слышу:

- Спасибо! - и через некоторое время улавливаю в отдалении: - Скажи-ка, болгарин, а как по-русски здорово говорит!

...Когда работаешь в пропасти, ухо автоматически фиксирует все отклонения от привычного, от некоей устоявшейся нормы. Поэтому сразу отмечаю, еще подсознательно, какой-то необычный шорох. Шорох, короткий шлепок, шелест и свист. Тишина.

- Фил? Что случилось?

- Нэ разбирам!

- Может, мешок что-нибудь?

- Нэ. Торбата э тука... Ах, майка му стара! Дявол да те вземе!

- ...?

Мешок был на месте. У мешка не было дна! И теперь все его содержимое с шелестом неслось по бобслейной трассе ледового колодца. А там, в сотне метром ниже, спускается ничего не подозревающий Розе. Безмолвной смертью пахнуло из пропасти, мгновение назад еще такой добродушной и приветливой.

* * *

...Болгарское правительство должно было наградить меня орденом за спасение национального флага. Флаг болгары припасли для водружения на Дне. Туда же через все трудности долгого пути добралась бутылка "Наполеона". А вот флаг без моей помощи не добрался бы ни за что. Мне посчастливилось натолкнуться на него в снежном месиве размазанного по конусу содержимого болгарского мешка. Справедливости ради надо признать, что мешок-то был все-таки старо-оскольский, причем злые языки опять-таки утверждают, что мешок - единственный предмет снаряжения советского производства - и тот не выдержал СРТ! И вот мы на конусе. Зрелище ошеломляющее. Разбросанные по снегу гамаки, расплющенные канистрочки из-под бензина для подземной кухни, вывернутый наизнанку примус, еще какие-то обрывки и обломки. Еще на подходе к последнему спуску в Большой зал по шахте густо потянуло ацителеном. Это интенсивно разлагались запасы болгарского карбида из вдребезги разбившихся резиновых упаковок. С гулом прошли они над головой Розалина, по счастью не оказавшегося на пути собственного снаряжения, устремившегося в пропасть быстрее своих хозяев. А аптека! В металлические контейнеры были упакованы все чудеса западноевропейской фармакологии. "Эту ампулу выпьешь, когда устанешь", поясняли мне ребята, как использовать мою индивидуальную упаковку. "Эту - если не сможешь быстро уснуть в лагере. А вот эту, большую, если совсем плохо будет!"

- Теперь будем, как все, в пещере кушать, - прокомментировал потерю аптечки Камен. - По три с половиной тысячи больших калорий в день.

- А с аптекой ка планировали?

- Ну-у! Минимум по 7 тысяч...

Это вам не сухарями хрустеть!

За карбидом пришлось спускаться в Дурипш, что отсрочило штурм на двое суток. Остатки биостимуляторов допили из раздавленного котелка там же на конусе - по кругу: не пропадать же добру!

* * *

Не только Снежная была полигоном для дальнейшего изучения СРТ. Второй вход в систему - шахта Меженного - до отмет-

ки -380 метров сплошной каскад колодцев и уступов разной величины тоже не была обойдена нашим вниманием. Мой шестилетний сын Алешка покрыл себя неувядаемой славой, заявив:

- Хочу в Меженного!
- А почему не в Снежную?
- В Меженного темней!

Именно в Меженного в победном шествии СРТ прозвенел первый тревожный звонок. В одном из колодцев с высоты около 7 метров упал усть-каменогорец Ержан Аюпов. Резкого в движениях казахстанского "десантника" не выдержала изношенная до предела ленинградская веревка. Спас мешок, удачно оказавшийся между Ержаном и скалой и смягчивший удар падения. Транспортные мешки, несомые на себе в процессе движения, еще не раз выручали нас в дальнейшем.

Обрыв веревки. Тревожный сигнал. Нет, техника здесь оказалась ни при чем. В причинах аварии всегда ищи человека, непосредственного исполнителя. В том спуске в Меженного наши парни нарушили практически все, что смогли: идти по одинарной непроверенной изношенной чужой навешенной как попало с диким трением на перегибаз веревке - нормальное самоубийство! Блажен незнающий. Знающий - безрассуден, а порой преступен. Так постепенно мы на практике убеждались в необходимости строгого соблюдения канонов СРТ.

* * *

Есть такое понятие - послеэкспедиционный банкет. В 86-м году у нас был банкет по итогам сезона. На великолепных пирогах, испеченных Любой, гордые цифры: -100 и -700. Загорелые лица, какие-то непривычно цивильные причесанные лики. Скатерть на полу - наш спелеодастархан, ребята, девчонки - плечо к плечу. Кочетов теребит гитару.

-

Когда под крыльями Кавказ,
А облака - белее гор,
Мне память, будто на заказ,
Напомнит песню давних пор:
Бзыбь, Бзыбь, горное лето
Эй, друг, помнишь ли это?
Буки и дождь,
Солнце, как нож,
Облако надвое режет.
Море внизу,
Мыс - словно зуб,
Где же вы, где же вы, где же? (*137)

-

...А я иду по Снежной, с каждым движением приближаясь к Солнцу. Раньше я никогда не видел пропасть как бы целиком - от первых до последних метров пути. Раньше бесчисленные подземные дни сливались в путаницу завалов и колодцев, мешков и страховок. Каждый участок пещеры за экспедицию проходишь максимум дважды - вверх и вниз. К слову, когда Всесоюзная экспедиция илюхинцев безуспешно пыталась найти проход через Пятый завал Снежной, для съемок кинофильма был приглашен профессиональный оператор, обессмертивший свое краткое пребывание в Снежной фразой: "Я был в пещере дважды - первый и последний раз!"

Что можно успеть увидеть, узнать, запомнить при такой работе? Что можно почувствовать, кроме усталости?

И вот я иду по Снежной в непередаваемой музыке движения. Гармония этого, казалось бы, неспешного пути наполняет меня тихой радостью. Пещера - такая знакомая, совсем не враждебная - за время своих скоростных "нырков" вниз мы прошли по ней много раз.

Удивительно! Я жду вертикалей. Их всегда ждешь. 160 вздыбленных метров Большого колодца - будто рубикон на пути к земле. Теперь я жду его иначе. Я стремлюсь к вертикали, как к удовольствию, как к лакомому куску. Лаконичное пощелкивание снаряжения наполняет меня уверенностью. Шаг за шагом вверх.Я не тороплю окончание колодца, как в детстве не торопишь исчезновение последнего кусочка мороженого. Напротив - как хорошо, если бы он подольше не кончался!

Фантастика ощущений. Это больше не работа, не трудовое достижение, не преодоление себя. Радость кипит в крови...

Ледовая часть. Кошки на ногах вонзаются в податливый лед. Крюк - перестежка. Маятник влево за выступ стены. Вперед и вверх. Крюк. Перестежка выше. Неужели и эта песня сейчас закончится? И уйдет в прошлое этот опрокинутый мир?

Снова маятник влево. В этом сужении колодца я недавно буквально "поймал" камень, сброшенный в нескольких десятках метров выше Филом: не смог вовремя уйти, закачнуться за выступ, не успел. И камень тоже не успел разогнаться на извилистой трассе колодца, ударил в грудь и застрял за пазухой. Кусочек Снежной величиной с кулак.

Как голубеет лед! Неужели скоро земля? Почему мне так не хочется выходить? Дело не в пропасти. Вернее, не только в ней. Я снова, у же в третий раз не дошел до дна. Но я обред друга. Наша новая техника - это она дарит радость, потому что экономит силы, высвобождает их, оставляет не только на работу и самосохранение, а и на удовольствие от происходящего. Я иду по Снежной. Я обретаю второе дыхание в кейвинге. Еще не закончив начатый путь, я уже снова хочу под землю.

Свет! Все. Как жалко расставаться с тобой, Снежная! Твой ветер холодит мокрые щеки. Да нет же - это капель. Не успел увернуться от ледяной струйки в гроте Гвоздецкого. Удивительно соленая капель...

А утром неба синева
Обнимет моря синеву,
И станут так бедны слова,
И так бездонен каждый звук.
Ах, Бзыбь, южное лето,
Дай срок - вспомним и это!
Белый ручей,
Глотки пещер
Нам подпевают, как прежде.
Лица ребят,
Штурма азарт,
Где же вы, где же вы, где же?

НА КРАСНОЯРСКОМ ОСЕЛКЕ.

-

Если Володя Киселев распахнул для нас двери своей библиотеки, то другой Володя - Резван,оказал поддержку новой в Союзе технике действием. В ноябре 86-го года мы с Резваном проникли в сердце спелеологической Сибири и Дальнего Востока

- Красноярск. После ряда успешных учебных мероприятий на Кавказе Резван был приглашен руководителем семинара инструкторов в Красноярск. Так что сражаться за СРТ теперь предстояло на "чужой" территории. Более того, нас ожидала нелегкая задача пропаганды СРТ с официальной трибуны Всесоюзного ранга. В Красноярск съехались представители спелеоколлективов всей страны - от Киева до Владивостока. Будущие инструкторы, наставники. Хочешь отстоять свою школу - учи учителей. Легко сказка сказывается...

Что там говорить - не только в кейвинге все новое с трудом пробивает себе дорогу. Скованный административным диктатом самодеятельный туризм стал зеркальным отражением общей обстановки в стране. И до сих пор остается.

* * *

1986 год. Хождение по одинарной веревке официально запрещено. За соблюдением "законности" зорко бдит цензура маршрутно-квалификационных комиссий. Весь парадокс в том, что в их составе - такие же общественники, любители, с такими же проблемами, горестями, мечтами. Зачастую - это друзья по совместным экспедициям, что называется - не чужие люди. Порочность системы самодеятельного, спортивного туризма проявлялась не только в наличии двух противостоящих кланов: "официальных" и "диких", но и в необходимости при официальном оформлении документов идти на всевозможные искажения, подлоги, приписки и недописки в маршрутной документации. Если МКК "зарубит" маршрут - пропадет отпуск, рухнут планы и мечты. Значит... К простой мысли выйти из системы туризма приходили не все, тем более, что "дикари" подвергались всевозможным гонениям. Элементарное право человека перемещаться по территории своей страны ущемлялось вплоть до полного уничтожения. Не говоря уже о праве каждого человека на риск, право распоряжаться своей жизнью и безопасностью. Если общество заинтересовано в сохранении этой жизни, оно должно действовать убеждением, а не насилием. Если, конечно, это общество претендует на право называться демократическим.

Заявочные документы на первую нашу СРТ-экспедицию в Киевскую мы написали честно. Ну, почти честно. Во всяком случае количество веревок для штурма мы указали натурально - в расчете на одинарную навеску.

И вдруг звонок - междугородний! На проводе Москва, слышу милый голосок Тани Немченко. Командир нашей рекордной снежнинской экспедиции еще и член Центральной МКК.

- Костя, привет! Тут ваши документы пришли.

- Приятно слышать - значит, Алма-Ата пропустила.

Еще одна бюрократическая черта системы: необходимость посылать документы по длинной цепочке инстанций - местная МКК, городская, областная, республиканская, центральная... И каждая - каждая! - могла придравшись к какой-либо помарке или неточности "завернуть" документы на доработку. Раз вернуть, второй, а потом и вовсе, сославшись на нарушение процессуальных правил - например нарушение сроков присылки документов на рассмотрение, прислать отказ от рассмотрения с предложением переноски сроков - что равносильно запрещению: отпуска-то просто так не перенесешь! Аналогично растягивались и зарубались отчеты о совершенных путешествиях, саботировалась выдача неугодным справок и так далее.

- Да, Алма-Ата пропустила, а мы тут тебе поправочку одну

внесли, не удивляйся: "работа разрешена только с самостраховкой по второй веревке". Сам понимаешь.

- Конечно, конечно...

Ну, естественно, московские друзья знали, на что мы идем. И знали правила игры. Случись что с нами - не только мне, как руководителю, не сносить головы. Под удар попадут и члены МКК, поставившие свои подписи на наших документах - как просмотрели, как выпустили на маршрут?! Сделав же на наших маршрутках эту запись, ребята из ЦМКК снимали с себя ответственность. И правильно делали. Никто не должен отвечать за промахи другого. Только тогда будет ясна истинная цена и причины ошибки. Отвечать должны истинные виновники. Отвечай за себя, за свою работу - отвечай по всей строгости. Не переваливай ответственность за свои грехи на других. Горы не терпят кривды. Но чем дальше от гор, тем ее больше.

Ну, конечно, возразят мне. А кто должен отвечать за ошибку руководителя, если пострадала группа? Кто отвечает за ошибку, повлекшую несчастье с другим? Интересный вопрос. Особенно, если приложить его к политическим деятелям.

Кейвинг разнолик. Коллективное сплелось с индивидуальным - нет одного без другого. Нести бремя ответственности за своих товарищей приходится каждому. Чем менее зрел коллектив - тем более тяготеет он к формализованному единоначалию. Более того - единоначалие становится единственно возможной формой его успешной деятельности. Казалось бы, все хорошо и удобно: вот он руководитель, он все знает, всем и всеми командует, а потому за все и отвечает. А мы в стороне. Мы отдыхаем в горах.

Истинные друзья не взвалят груз на одни плечи, будь это рюкзак или ответственность. Высшая форма коллективизма - коллектив равных товарищей. Кто пережил счастье общения с себе равными, с независимыми, но устремленными к единой цели в едином действе людей? Кто пережил - знает, и меня поймет.

И есть еще такая работа - инструктор. Инструктор - это прежде всего учитель и наставник. Здесь ответственность входит в профессиональную специфику. Что бы ни натворил подопечный - виноват инструктор: недоучил, не предусмотрел. Такая работа. Инструктор и руководитель добровольно собравшейся в серьезное дело группы - существенная разница.

Однако, вернемся к нашим "баранам".

"Добро" Москвы мы получили. Коротенькая приписочка в графе "Особые указания" маршрутки означала еще одно отягчающее обстоятельство в случае неудачи нашего эксперимента. Еще ничего не случилось, еще даже не началось, а бюрократическая система уже протянула лапы в ожидании удобного момента - придушить новое начинание в зародыше.

Когда Валентин Алексинский уходил в Сумган, не оставив никого на поверхности - он тоже рисковал. Как и мы, он в корне нарушал существующие инструкции, и также находился под незримым прессом угрозы репрессий. Сегодня работа под землей всей группой - обычная практика. Дозрели: если нет насущной необходимости караулить на поверхности погоду, если нет реальной опасности неожиданного катастрофического паводка, в пещеру уходят все. С этим сейчас нет проблем.

Но - СРТ! Плевать, что весь мир так ходит - у нас НЕ ПОЛОЖЕНО!

* * *

Мы рисковали и выиграли.

Сентябрь. Съедены праздничные пироги с надписями "-1000" и "-700". Мы получили бесценный опыт. Мы спешим поделиться. Но как? Пишу письмо Марченко. Долго нет ответа. Новогодняя почта, как всегда, перегружена. Но и на присылку отчета есть свои сроки: просрочишь - пеняй на себя.

Наконец, звоню в Москву. И удачненько попадаю на Немченко.

- Таня? Привет! Как сходили? Отлично. Рассказывали уже? Данила? Мы на Сувенире встречались. Болгары? Гуд! Сама понимаешь! Я вот, собственно, что... Отчет пишу. Что писать - правду или что требуют? Правду? А не зарубят? Все равно, никто, кроме вас, не читает? Понял. Ну, хорошо, на обложке слово "СРТ" писать не будем, а остальное все как есть. Спасибо!

Еще один штрих. Если полистать пришедшие в адрес любой МКК отчеты о совершенных путешествиях того времени, безуспешно искать в них описания совершенных на маршруте ошибок, аварийных ситуаций, аварий. Может быть, за исключением тех, что удалось быстро распознать и успешно устранить. Нет в отчетах таких описаний. И быть не могло. Кому захочется добровольно подставляться под удар? За такие подробности того гляди не засчитают поход, а то и дисквалифицируют. И все пойдет насмарку. Нет уж, напишем все праильно, без вредных подробностей и деталей. Вот и справочки в кармане! Справки за совершенное и защищенное в МКК путешествие были важным итогом в системе спортивного туризма. Именно на основании этих листочков бумаги с печатями присваивались вожделенные споривные разряды и мастерские звания.

Результатом этой вынужденной лакировки было одно: из отчетов уходило самое ценное - опыт поражений. Информация об ошибках передавалась по беспроволочному телеграфу, из уст в уста. И только когда уже не скроешь, когда ошибка скреплена тяжелой травмой или гибелью, тогда все. Тогда оживают официальные сводки, приводятся в действие жернова бюрократического репрессивного пресса.

На чем же учиться? Как сберечь бесценный опыт неудач? Чтобы не повторять. Александр Берман в своем прекрасном сборнике "Среди стихий" (*138) очень точно сказал: "Опыт в оценке опасностей добывается путем анализа несчастных случаев. И слишком дорого стоит этот опыт, чтобы его терять, умалчивая".

Если мы хотим учиться не только на своих, но и на чужих ошибках - надо избавиться от страха. От боязни еще какой-то дополнительной "туристской" расплаты за ошибку. Хватит, наверно, уголовного кодекса, когда он по закону вступает в силу. Хватит. Большинство из нас идет в горы все-таки отдыхать душой от повседневности.

* * *

Единственное, что мы могли реально противопоставить официозу в спортивном туризме - это выход из его рядов. Не хотелось. Долго казалось, что как-нибудь сможем и так.

5 ноября 1986 года в Москву в адрес председателя Центральной комиссии спелеотуризма уходит моя докладная записка "О практике техники одинарной веревки (СРТ) в СССР".

Только 4 февраля 87-го получаю долгожданное письмо от Марченко:

"Костя, дорогой, приветствую тебя.

Я молчу, как рыба, но все же дела несколько двигаются.

1. По SRT - решение спелеокомиссии от 19.12.86 (протоколы будут отправлены ЦСТиЭ по всем советам) "Одобрить инициативу Усть-Каменогорска по разработке методики работы SRT"

2. В решении опять-таки записали, думаю, добьем, включить дополнительно в Комиссию 3-х человек: Усть-Каменогорск - Серафимов, Киев - Климчук, Красноярск - Корначев.

3. По отчету работы в Киевской (SRT). Мой совет - писать как было - сделана реальная работа, но с припиской: "Параллельно навешивалась (в одной первой точке) вторая линейная опора для страховки. То есть даже с учетом маятников вариант формальную сторону пройдет..."

Ну, в Центральную спелеокомиссию меня Казтурсовет не допустит, не дадут нам вместе поработать.

А вот за "Одобрить" - спасибо! Это официальное признание нашей работы.

Вот только отчет я уже послал. Без SRT на обложке. А в остальном - пусть будет, что будет. Надоело хитрить.

Но Колино письмо пришло позже, а пока - первым ответом - приглашение на семинар инструкторов в Красноярске. Дерзайте! Попробуйте силы на красноярском орешке!

Как и большинство сибирских и алтайских промышленных городов, зимой Красноярск неуютен - серый снег, серые дома, серое небо. Енисей - свинцово огромен. В непогодном мареве его берегов проступают контуры скальных "столбов": окаменело застыли Токмак, какие-то еще вершины, названия которых сплетаются в особый красноярский узор.

Но сколь неприветлив внешне город, столь же гостеприимны красноярсцы. Краевой клуб спелеологов - радушный дом для приезжих. Сколько лет приходим мы сюда проездами экспедиций - в клубе идет ремонт. У входа, невесть откуда взявшиеся, кучи земли. Потом только узнали - копают. Выкопали уже несколько комнат на "минус втором этаже" под подвальным помещением клуба на Мира, 98. Спелеологи расширяются.

Говоря "Красноярск" - думаешь "Столбы". Среди съезжающихся в Красноярск и населяющих его бродяг всех категорий этот сиенитовый рай скалолазов давно превратился в символ города. Красноярская школа скалолазания выросла из "столбизма" так же, как московская школа кейвинга взросла из подмосковного "катакомбизма". Трудно сравнивать эти два явления, но что-то общее безусловно есть. Разве что столбизм, как и все вообще с удалением от центра - вот странная закономерность! - как-то чище и духовней, что ли. Надежней, основательней.

Кто из красноярских спелеологов не был на Столбах? Кто не прошел общение с ними? А ведь столбизм по туристским и альпинистским правилам СССР тоже всегда оставался вне закона, потому что исконно проповедовал лазание без страховки.

Да, настоящий столбист работает без страховки. Это не рисовка, не лихачество, не поза. Не приверженность к клану. Работа на отвесе без страховки - это психологический настрой. Это полный самоконтроль и самоотчет. Это тончайшее ощущение грани, за которую не стоит переходить, за которой риск становится нерегулируемым. Не так. Риск - это всегда случай. Это действие с неизвестным исходом, не до конца ясным результатом. Нет уверенности - на столб без страховки

не пойдешь. Той сиюминутной уверенности, что сможешь - квинтэссенции всего предыдущего опыта, самопонимания, тренированности тела и нервов. Идя в неизведанное новым ходком - ты должен быть уверен, что хотя бы вернешься. Ходок - вариант последовательных зацепов на скале и приемов их использования, единственно возможных для успешного преодоления участка. Как и столбы, такие ходы по ним часто имеют свои названия: "Алилуй", "Авиатор", "Уголок"...

Ты должен быть уверен, что хотя бы вернешься, чтобы повторить попытку. Слишком очевидны последствия, чтобы рисковать.

Так что же такое - риск? Действие, исход которого невозможно предсказать? В этой трактовке риск на вертикали и за шахматной доской - неразличимы. Стоп! Само понятие "Риск" безусловно трансформируется в зависимости от рода деятельности. Это не просто действие с неизвестным вероятностным исходом. В чем же разница?

В цене ошибки.

В нашем преложении риск - всякое действие под знаком потенциальной опасности для жизни. В кейвинге, на скалах опасность очевидна. Не очевиден путь превращения ее из потенциально возможной в уже свершившуюся реальность. Путь и момент. И конкретная причина.

При истинно свободном, без страховки, лазании риск безусловен. Но больше ли он риска при лазании со страховкой? Едва ли. Потому что во всяком экстремальном действии есть неписанные правила, нарушать которые не станет никто. Это не формальные городульки бюрократов от туризма. Также как и законы СРТ - они выписаны кровью. Таблички у входов пещер, надписи на приметных скалах столбов - память о тех, кто ошибся. Или нарушил правила: не зал их или пренебрег. Цена одна - по самому высокому прейскуранту. И снова Александр Берман: "Я подумал, что вообще исконно-естественно для человека быть предельно внимательным, а за четкость своих движений отвечать жизнью. Цивилизация отучила нас от этого. И искалечила..."

Цивилизация подарила нам веревку и тут же связала ею по рукам и ногам. Нам вообще свойственно перебарщивать. Что там одна веревка - давайте уж две. А то и три - для надежности!

Коллективная ответственность - замаскированная форма безответственности.

В кейвинге веревка не роскошь, не придурь цивилизации. Если не увлекаться. Если не превращать ее из средства безопасности в самостоятельный источник аварий.

* * *

Поймет ли нас Красноярск, один из бастионов эктремального скалолазания? Примет ли технику, внешне не менее экстремальную?

И вот - семинар.Красноярские инструкторы проволят экскурсию на Столбы. Автобусы ИПК завозят нас со стороны речки Базаихи, по преданию названной так по имени одной из красавиц дочерей царя Енисея. ИПК - Красноярский филиал института повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций. "Это был "ИПиКантный семинар", как говаривал Резван.

Кресельной канаткой поднимаемся в район Диких Столбов. Заснеженными тропами соснового леса идем, минуя скалы с

причудливыми названиями. Гена Иконников, наш куратор, сам спелеолог инструктор и скалолаз, останавливается перед "Перьями" - изящным и очень известным столбом. Смотрим вверх на отвесные скалы.

- Тут не очень трудно. Выходишь в распор, поднимаешься вон там, видишь? Потом перекидываешься и вылезаешь. Если не перекинешься, то не вылезешь.

- А если не вылезешь, - задумчиво кивает Резван, - то "перекинешься"... А?

Смеемся.

- Да ну! говорит Гена. Тут каждый выбирает себе маршрут согласно умению, желанию...

...И количеству выпитого! - С Резваном сегодня невозможно дискутировать.

- Пойдем, хитрушку одну покажу! - Иконникова непросто обескуражить. - Специально для начальника семинара.

Хитрушки - коротенькие скальные ходы, есть практически на каждом столбе. Обычно они имеют свою особую ценность в скалолазании, свою изюминку. Наши семинаристы один за одним пробуют заскочить на простую с виду глыбу и... поочередно валятся в снег. С ходу и хитрушку не возьмешь, а тут - СРТ.

* * *

Красноярск отнесся к новой технике сдержанно. Мнения резко разделились. Поддерживающее нас, так сказать, "левое" крыло возглавил Владимир Викторович Коносов. В его второй "Эскадрилье" стажером интруктора работал и пропагандировал СРТ ВОлодя Кочетов. Но основанием "плацдарма" СРТ в Красноярске стал Коносов.

Одного из своих старейших спелеологов, Владимира Коносова, Красноярск приобрел в результате просчета ВВС. Командование списало летчика-истребителя Коносова на 23-м году службы. Куда было податься? Сколько выброшенных из привычной жизненной колеи людей в аналогичной ситуации теряли себя, шли на поклон Бахусу, деградировали, не в силах найти новое место в жизни. Коносову повезло - он попал к спелеологам. Участвовал в первопрохождении Назаровской без гидрокостюмов, о котором мы упоминали ранее, видел легендарное "зеркало" в донном сифоне Киевской, был участником многих экспедиций на Кавказе и в Средней Азии. Универсала-станочника высочайшего разряда - его покорила изящность приспособлений и устройств, используемых в СРТ. Коносов долго вертел петцелевский зажим - "Сделаю!". Прикинул на вес "мэйон рапид", поцарапал ногтем маркировку:

- Номер "10", номер партии, что ли?

- Номер диаметра, - пояснил Резван. - Партия у нас одна...

Были такие времена.

Первым из красноярцев пятидесятилетний Коносов опробовал в Торгашинской систему подъема "Дэд" и остался доволен. И системой, а более всего, что утер нос молодежи.

Однако другие красноярцы, а их было большинство, сохраняли заинтересованный нейтралитет.

На учебно-тренировочный выход в Торгашинскую пещеру взял СРТэшное снаряжение и другой инструктор-красноярец - Геннадий Иконников. Наши старания и интересно оборудованный белоусовцем Юрой Бессергеневым в пещере Баджейская скальный полигон для занятий на одинарной веревке, сделали свое дело.

Перед выездом Иконников зашел в наш с Резваном номер. Взял обвязки и зажимы для "Дэд", подумал, отложил в сторону свои:

- Если не возражаете, - сказал он, - то я оставлю у вас часть своих вещей.

- Конечно, не возражаем, - Резван скосил глаза на иконниковские самохваты. - Нам эти вещи очень пригодятся!

...Спускаемся по лестнице гостиницы "Красноярск" с нашего 9-го этажа - лифт, как всегда перегружен. По времени все уже должны собраться внизу у автобусов. Нас вихрем обгоняет новосибирец Коля Шабанов из первого отделения, торопится.

- Смотри-ка, - замечает Резван. - Оказывается, кроме нас, еще кое-кто помнит слово "лестница". Хотя давно уже на самохватах ходят!

* * *

Нет, наверно, таких мест в Торгашинской, где еще не побывали красноярские спелеологи. Ее пространственный лабиринт и прост, вроде, - с той же Снежной не сравнишь. А поди - пролезь! Есть тут, как и на столбах, свои хитрушки и ходки. Иконников почти все помнит назубок, проходит, как и любой старожил клуба, на память, свободным лазанием. Даже входной 40-метровый колодец.

- Вот была хохма! - усмехается Гена, пока мы на бодрящем морозце готовимся к спуску. - Как-то я во входном примерз. Поднимался свободным. А зима была, мороз наверху. В самой середине колодца, там надо в щель вжаться. Дохленькое такое место. Кто-то окликнул меня, что ли? В общем, остановиться пришлось. Ну, я руку в щель вбил, в кулак ее и заклинил. Выяснил, что надо, подниматься было...дерг! А рукавица-то примерзла в щели! И руку не вытащить. Кое-ка отдрал!

Отделение Иконникова шло по маршруту: Входной колодец - грот "Жуткий треугольник" (там на потолке плита такая треугольная висит) - "Первый трамвай" (катишься по каменной катушке, как по рельсам, звенишь) - потом направо в 15-метровый колодец - Ловушка Вставского (некто Вставский в него улетел по неосторожности), ну и "Червяк", "Чулок", а там и "Буфетный камин": 20 метров вверх на распорах - и грот "Буфет", далее, конечно, спуск 30 метров в Большой зал. Перекус и - на выход. По силам отделение у Гены было среднее, хоть и на инструкторов приехали учиться.

- Ты в предчувствия веришь? - рассказывал Иконников после того выхода. - Не было у меня никаких предчувствий. Но я, когда иду с группой по этому маршруту, всегда подстраховываюсь немного. Вот и сейчас, народ в Ловушку поспускался, я им объяснил, куда дальше, а сам бегом через "Второй трамвай" в "Буфет" - веревку на камин навесил. Знаешь, там 20 метров все-таки, а у меня в отделении девочки...

Сижу, значит, над Буфетным камином, жду. По всем расчетам должны мои орлы подходить. Ан нет! Тихо там внизу. Поорал для порядку. Чувствую, пора идти выяснять. Вдогонку идти долго - пошел навстречу. Спустился на распорах в камин: там нормально, только самый верх узковат - трудно расклиниться, чтобы не выпасть. Спустился - никого. Пошел дальше. Подлезаю к Чулку - слышу! Чулок - это щель такая вертикальная - надо ее по горизонтали верхом проходить, снизу узко совсем. Так вот сидит в Чулке наша Ира. Хорошо сидит. В низ щели сползла, дерг-дерг! Ни с места. В общем, часа полтора мы на этом деле потеряли. Хорошо, там выше в гротике пара

таких толстых колов лежала - от спасработ остались, что ли. Так мы с Иры сначала запасной блок батареек из-под комбеза вырезали, а потом вагами ее из щели приподняли. Знаешь, как машину из топи? Вот точно. Пропихнули!

Отдышались малость, народ по Чулку просочился - под камин подошли. Из всех моих Янис, парень такой, из Прибалтики, самый с виду здоровый. Говорю ему - я, мол, первым пойду, за мной Ира, а ты следом поднимайся и, если что, ее подстрахуй. Сказано - сделано. Все честь по чести: лазание с самостраховками. Я ж не зря веревку повесил. Ну, пошли. Ира за мной, да шустро так, не скажешь, что в Чулке зимовать собиралась! Ну, Янису сам Бог велел, скребется. Вылез я черех горловину в Буфет, сел. Только сел, слышу внизу: ш-шурх! "Кто?" - кричу. Ира мне: "Янис сорвался! На самостраховке завис!" Ну, думаю, с кем не бывает? Сейчас разопрется, выйдет из зависания и дальше. там не то, чтоб очень скользко. Слышу, опять Ирка зовет. Висит, говорит, Янис, не может никак. Не охота мне было второй раз по камину вниз идти, да делать-то нечего. Прошел горловину, глянул, мать честная! Знаешь, что он учудил? Он самостраховку на грудной пояс прицепил. Руки в стороны - и чуть не хрипит уже! Кричу Ирке, чтобы закрепилась - там, где она сидит, полочка такая маленькая на самом верху - а сам мимо вниз. Кое-как ноги ему в стены распер, чтобы он приподнялся, зажим отжал, ну и потихоньку-помаленьку вниз. Сползли. Все, говорю, хватит скалолазания! Я сейчас поднимаюсь, помогу Ире. Всем остальным пристегнуть зажимы и по-одному наверх. Снова наверх лезу. Уставать даже стал от такого темпа, жарко. Ире все еще раз показал, куда руки, ноги. Поняла? - спрашиваю. Поняла, говорит. Выйду, говорю, тебя сверху, если что, поддерну. Поняла, говорит. Втиснулся я в очередной раз в горловину, вылез в Буфет, сел на камень, пар валит. Пошла! - кричу. А она: "Ге-ена! У меня свет погас!" Ну можешь себе представить? Опять вниз... А ты думал?

Не до СРТ...

Есть такая работа - инструктор.

* * *

Гостиница "Красноярск", ночь. Семинар закончен, семинар прощается. Откуда-то доносится гитара, приглушенный смех. В нашем инструкторском номере громовой хохот. Мешаем спать простым смертным постояльцам, но сил нет, когда собирается такая компания.

- Это кто-то из моей второй эскадрильи на экзамене сморозил, - Коносов хитро блестит лукавым глазом. - Если, отвечает, узость имеет поворот налево, то ползти надо на левом боку. Почему? - спрашиваю. А, говорит, легче. За счет подвижности спинного мозга!

- Это был удар гораздо ниже пояса! - смеется Резван. Ты, конечно, сломался, и поставил "зачет"?

- Нет, Вовка, шутки-шутками, - говорю я, - а на многие вопросы, что в билетах, я и сам бы не ответил - "двойку" бы схлопотал.

- Так потому тебе и доверяют только принимать экзамены, а сдавать - нет!

- Слушай, Гена! В следующий раз надо перед началом семинара проводить вступительный экзамен...

- Правильно! Который для многих будет одновременно и вы-

пускным!
Стук в дверь.
- Войдите!
Дергаю запертую изнутри дверь. Резван:
- Ну вот, закрытую дверь открыть не могут!
Из общего гула выступает голос Коносова:
- ...Слушай, не было еще ни одной узости, из которой бы я не вышел!
- Ну, учитывая твое здесь присутствие, это ты убедительно сказал! - отзывается Юрий Иванович Ковалев, долгие годы бывший председателем Красноярского Краевого клуба спелеологов, а нынче наш завуч. - Предлагаю карстоведческий тост: "Выпьем ле-Карст!"
- Вот-вот, послушаем лучше товарища Ковалева! - подхватывает Иконников.
- И выясним: не гражданин ли он!... - хмыкает Резван. - Слышь, Константин, надо было всем надежным людям в характеристиках указать: "...В связях со сторонниками СРТ замечен не был!"
Откуда-то снизу доносится песня. Узнаю сочиненный в эти дни гимн семинара. На мотив известной песни Булата Окуджавы дружно выводят приглушенные голоса:

В Енисейский простор
Смотрит дом высотой
Этажей на пятнадцать-шестнадцать.
В доме том по ночам
Слышен шум, слышен гам,
Всем портье спелеологи снятся.
Торгашинской "Червяк"
Тело скручивал так,
Что хрустели и ноги, и руки.
А Буфетный камин
Видел много картин
И слыхал неприличные звуки!
Все, что было, прошло.
В чем-то нам и везло,
И гитара заходится в хрипе.
Можно вспомнить опять,
Ах, зачем вспоминать...
Расстаемся до нового СИПа!

РАЗ ОШИБКА, ДВА ОШИБКА, БУДЕТ...

-
Если коллектив не обновляется - он умирает. Пережив радостный взлет в период юности, группы, секции, клубы останавливались в своем развитии и, в конце концов, исчезали с небосклона кейвинга, оставив о себе только воспоминания. Только те из них, где постоянно ведется работа с молодежью, привлечение новых сил - только те коллективы живут долго. Тогда хватает сил, чтобы пережить смену поколений, смену лидеров, психологические кризисы, внутренние и внешние конфликты, другие неприятности, которые неизбежно подстерегают нас в жизни любого неформального сообщества.
Новая техника поставила перед нами множество таких проблем, о которых мы на первых порах и не задумывались. Одинарная веревка поставила нас перед необходимостью выйти из всех привычных стуктур спелеотуризма. Не могу сказать, что

ранее мы блистали на соревнованиях по спелеотехнике, но теперь мы не могли даже участвовать в спелеотуристских соревнованиях - ни одна судейская бригада не допускала нас до старта в нашем необычном снаряжении, тем более с одинарной веревкой. После того, как пару раз нас поверх нашего надежного, хоть и самошитого снаряжения, обвязали сдвоенным "штатным" репшнуром, годным разве что на удавку, после того, как наши зажимы не допускали в качестве самостраховки, обязывая поверх пуани передвигать стародедовский схватывающий узел из того же 6-миллиметрового шнура, да что там!... Даже если бы мы и вышли на старт, продравшись через судейские крючки, мы не могли соперничать с командами, выступавшими традиционной техникой. Приспособленные к особенностям трос-веревочной техники, сами правила соревнований изначально ставили нас в невыгодное положение. Чего ради было дискредитировать прекрасную технику? Чистейшая антипропаганда. Так мы перестали участвовать в соревнованиях.

Точно так же мы выпали из всесоюзной системы подготовки спелеотуристских кадров. Все учебные программы, традиционная схема построения учебных мероприятий в туризме теперь нас не устраивали. Не только по содержанию обучения устаревшей технике, но и с методической стороны. Последняя советская система обучения спелеотуриской технике подразумевала наличие трех уровней подготовки: начальной, средней и высшей, подготовка инструкторов - из двух уровней: средней и высшей инструкторской. Казалось бы - все правильно. Но стоит вчитаться в содержание учебных программ (методики проведения семинаров, за исключением нескольких беспомощных брошюр, практически не существовало), чтобы обнаружить, что программы высших уровней практически ничем не отличаются от низших. Система проведения и вообще оставалась одинаковой для любых семинаров, отличаясь только категориями сложности учебно-тренировочных походов. В них-то и заключалась вся суть советской системы подготовки туристских кадров. Говорю это, не как сторонний теоретик. Мне посчастливилось участвовать в самых разных семинарах разнообразных типов и уровней: от начальной туристской подготовки до Высшей инструкторской - от слушателя до начальника семинара. Большинство из участников таких семинаров съезжались на них не учиться, а именно пройти какой-нибудь маршрут за профсоюзный счет.

В разработке новой методики проведения семинаров, и прежде всего инструкторских, мне посчастливилось работать в разные годы в одной команде с Владимиром Дмитриевичем Резваном (Адлер), Эриком Эриковичем Лайцонасом (Каунас), Юрием Ивановичем Ковалевым (Краснорск) и другими ведущими инструкторами-методистами того времени. В основе нашего подхода стоит утверждение, что в пещере учиться нельзя - учиться надо в классе и на тренировочных полигонах с хорошим доступом и обзором - в пещерах надо только оттачивать полученные в "классе" знания, навыки и умения. Что же касается подготовки учителей кейвинга - инструкторов, их основное качество заключается не в навыках лазания по отвесам, а в умении научить этому других. А ведь это не одно и то же, правда?

Что и говорить, наши с Резваном (точнее Резванские со мной) семинары не всем приходились по вкусу. На последнем красноярском СИПе, например, мы в течение 9 суток жили в подземном лагере в пещере Большая Баджейская и при этом не

просто лазили по пещере, а читали лекции, все слушатели писали конспекты и методические разработки занятий, проводили практические и семинары. При свете фонарей, свечей и карбидок, на холодных камнях в промозглой сырости пещеры - это были незабываемые дни!

Теперь же нам предстояло от начала до конца разработать систему обучения совершенно новой для СССР спелеотехнике - СРТ. Еще один никем не пройденный путь. Но при всем желании измениться тем не менее мы оставались детьми своей страны и были воспитаны в "лучших" традициях спелеотуризма. Мы не могли сразу все и в корне изменить, многого и понять не могли. И мы отправлялись в новую дорогу, так сказать, старым путем.

* * *

Сложно ли обучить человека технике кейвинга? Очевидно, что ответ не будет однозначным. То, чему школьника приходится учить три года, студент ВУЗа постигает за год, подготовленный спортсмен освоит и того быстрее. Новичок без опыта туризма не сравнится с альпинистом. Чем больше у обучаемого жизненного опыта, выше общее развитие - тем проще ему освоить СРТ. Потому что одинарная веревка - это не просто техника. Это жизненная философия, основанная на высокой внутренней культуре, честности перед собой и другими, выраженная, прежде всего, в сознании ответственности за свои действия. Халтура недопустима. Как внушить это тем, кто всю жизнь впитывал совершенно другое: потребительско-наплевательское отношение к жизни, работе, собственности? Нынче модно слово - ментальность.

Как выпустить новичка на одинарную веревку? А что, собственно, сложного? Это тот, кто всю сознательную жизнь в кейвинге ходил в пещеры по двум линейным опорам, поначалу ощущает себя на одинарной, будто не в своей тарелке. А новичок - он не знает другого! Для него одинарная веревка с первых шагов должна стать нормальным естественным способом преодоления вертикалей. И психологический барьер здесь оказывается гораздо ниже. Недаром говорят: "Легче научить, чем переучивать". Нам предстояло познать все процессы, все закономерности обучения СРТ. У нас хватало кейверов всех уровней - от весьма опытных до зелененьких новичков. К счастью, в клубе не оказалось сверхопытных лидеров, могущих, как часто бывает, составить консервативную оппозицию новому течению.

В 75-м году болгарский кейвинг принял решение о национальном переходе с двухверевочной техники на СРТ. Восточный Казахстан по площади едва ли меньше Болгарии. В этом полушуточном плане десятью годами позднее мы совершили сравнимый по масштабам "технический переворот".

* * *

Что самое страшное в СРТ? Любая неисправность нейлоновой дороги или "траспортных средств" для передвижеия по ней могут привести к очень серьезным последствиям. Но больше всего мы боялись именно повреждения и обрыва веревки. Самая очевидная и пугающая опасность.

В скальной лаборатории - специально оборудованном полигоне на скалах поселка Старая Согра в черте Усть-Каменогорска отрабатывались приемы защиты навески от повреждений. Первым делом изготовили простейшее защитное снаряжение: узловые подкладки из пожарных рукавов, чтобы не перетирались

узлы возле навесочных крючьев. Трубчатые протекторы из прорезиненной ткани на репейниковых замках защищали веревку на перегибах скалы в непосредственной близости от точек навески. Пробовали защищать протекторами веревку в середине отвеса, но быстро отказались - от пульсаций веревки мягкие тканевые трубки скатываются, поднимаются чулком вверх, оставляя веревку без защиты, жесткие: из резиновых шлангов, слишком тяжелы и неудобны. Сделали и отклонитель - металлический стержень со спиралькой на конце, в которую пропускается веревка. Отклонитель навинчивается прямо на крюк, забитый в точке трения, и отклоняет веревку от скалы, заменяя трение о шероховатый камень трением о гладкий металл. Не понравилось. Проще ввернуть в крюк ушко и сделать обычное промежутоное закрепление. Но СРТ - штука неоднозначная, видимо, где-то понадобится и отклонитель. Всему свое место и время.

На пологих протяженных "лбах" в начале отвесов, где веревка большой длиной ложится на скалу, оказались эффективны большие тканевые подстилки, вместо которых с успехом применялись пустые транспортировочные мешки из-под веревки.

Одним из наиболее удачных заимствованных у коллег по международным экспедициям стали болгарские тросовые присобления: удлиннители и тросовые петли. Вернее, техника работы с ними, потому что конструктивно мы нашли собственные, зачастую более удачные для наших условий, решения. Вместо ушка-удлинителя фирменного образца мы сконструировали очень удачную трос-планку. Применение ее в работе резко сокращает число дорогих и тяжелых карабинов, снижает расход веревки на узлы, убирает трение о скалу в местах закрепления веревки, позволяет выбрать для забивки крючьев наиболее удобные места. Крючья - вот с чем чуть не вышло задержки. По сравнению с классической техникой СРТ требует гораздо большего числа забитых при навеске крючьев. Резко возрастают затраты времени на их забивку. Нам негде было взять великолепные крючья "СПИТ" - придукции французской фирмы "Sosiete de Prospections et d'Inventions Techniques" - "SPIT". Но мне удалось адаптировать к требованиям СРТ обычный шлямбурный крюк, снабдив его резьбой на внешнем конце. ШКС - шлямбурный крюк Серафимова или "Сумган", как угодно, забивался медленнее, но не уступал в надежности и удобстве в работе, а главное легко изготавливался в кустарных условиях.. Проблема была решена.

С другой стороны число забиваемых крючьев удалось снизить, используя тросовые и стропяные локальные петли, которыми обвязывались выступы, проушины, глыбы.

Буквально все снаряжение нам приходилось изготавливать самостоятельно - купить было негде и не на что. Что ж, в каждой ситуации есть свои положительные стороны. Будь славен Оптимист, нюхающий клопа и мечтающий о коньяке!

Сколь ни тренируйся на скалах, отточить мастерство навески можно только в пещере. Прощаясь в декабре с красноярским семинаром СИП-86, мы не надолго расставались с красноярскими пещерами. Уже через три месяца доблестный казахстанский десант высадился в аэропорту Красноярска, чтобы провести учебное прохождение Торгашинской пещеры. Впервые столь внушительная команда клуба - около 20 человек - проводила не экспедицию, а именно учебную акцию.

* * *

Валера Мальков пришел в кейвинг далеко не новичком в туризме. Учитель физики одной из усть-каменогорских школ руководитель туристской секции "Альтаир", он сохранил живость восприятия всего нового, интересного. Ощущая бесперспективность спортивного туризма, его конечнось и ограниченность, он с интересом включился в освоение СРТ, внеся в нашу пещерную компанию струю неиссякаемого оптимизма.

Торгашинская была для Валеры первой пещерой, столь насыщенной разнообразнейшими вертикальными препятствиями. И это тоже входило в условия эксперимента. Отечественная система подготовки туристских и альпинистских кадров предусматривает постепенность накопления опыта, последовательное прохождение маршрутов все возрастающей сложности. Строгое следование этой системе ставило более старших по возрасту новичков в невыгодное и даже странное положение. Например, в течение года вы могли совершать сколько угодно путешествий, но категорией не выше положенной вам по официальной квалификации, причем к зачету на очередной разряд принимались только 2 в год. Хочешь - не хочешь, а путь от новичка до мастера спорта длился 5-7 лет. Странно контрастируют школьницы-мастера по гимнастике, к примеру, и бородатые разрядники по туризму. В армии 18-летним мальчишкам доверяют автоматы и страшную военную технику и в то же время отказывают им по завершении службы самостоятельно определять свою дорогу в горах.

Казалось бы, очевидно, что совершеннолетний разумный человек и сам не выйдет на маршрут, который ему не по силам. Если же пойдет, то, в конечном итоге, его право располагать самим собой. Задача общественных, туристских, спортивных и других институтов предоставить человеку возможность получить квалификацию, достаточную для воплощения его планов. А уж воспользоваться этой возможностью или приобретать знания самостоятельно - дело и право каждого.

Всегда ли оправдано последовательное поступенчатое овладение мастерством? Безусловно. Только величина этих ступеней, этапов движения к мастерству носит сугубо индивидуальный характер. Один, опираясь на свой багаж знаний, жизненный опыт, физическую подготовку, интеллектуальный уровень, уже через год способен на то, на что другому не хватит и семи лет. Индивидуальный подход? Неудобно. Проще всех под одну гребенку!

Есть у бельгийских спелеологов оригинальная система подготовки, отражающая, пожалуй, общий подход европейцев к вопросам, подобным кейвингу. Союз бельгийских спелеологов - UBS - учредил национальную школу, суть которой сводится к следующему. В специальном журнале - "Brevet d'Equipe" - ежегодно публикуются теоретические и практические вопросы, которыми необходимо владеть, чтобы с полным правом рассчитывать на признание в компетентной среде. Кроме вопросов, в журнале кратко освещаются ответы на них в свете новейших веяний вертикальной техники.

Несколько раз в год желающие попробовать свои силы и получить признание себе подобных имеют возможность провести уик-енд в живописном уголке Бельгии среди известковых скал. На скальной стене, прекрасно наблюдаемой с поляны размещения участников, проложены вертикальные трассы и траверсы, насыщенные всевозможными техническими элементами, общей протя-

женностью до 500 метров - весьма приличная условная пропасть!

В первый день все испытуемые добровольцы имеют возможность испытать себя в прохождении вертикалей технической трассы. Во второй - продемонстрировать владение техникой спасательных работ и спелеологического документирования подземных полостей (в "джентльменский набор" настоящего кейвера обязательно входит умение делать топографическую съемку, которая зарубежом ведется при помощи неведомого пока у нас чудесного прибора под названием "топофил", позволяющего заниматься топосъемкой в одиночку). Бельгийцы утверждают, что кейвер, прошедший такие испытания, может рассчитывать на успешную работу в самых сложных пропастях мира.

Вот так Бельгийский спелеосоюз берет на себя ненавязчивую заботу о квалификации своих членов, оставляя за ними право воспользоваться или нет ее услугами и в какой мере. Убеждение и заинтересованность - безотказные методы любого воспитания.

* * *

Готовясь к спуску в сумерках саянского леса, обступившего внушительный провал Торгашинской пещеры, Валера особенно не волновался. Теоретический курс он прослушал, на скалах был далеко не из последних. Вечерний морозец над заснеженным мартовским лесом постепенно крепчал, парни один за одним скрывались в черноте 40-метрового входного колодца, унося с собой транспортники со снаряжением. У потрескивающего уютно костра на площадке перед входом в пещеру оставалось все меньше людей. Мальков на момент включил фонарь, осветил стройные сосны у края пропасти. На стволе блеснула табличка: "Перед входом в шахту убедитесь, что кабина лифта перед вами!" и ниже: "Работа с тросом без рукавиц запрещена!" Валера усмехнулся и вспомнил, как полчаса назад с тропы на поляну высыпала солидная группа красноярцев, подивившись н замысловатую СРТ-трассу по противоположной стене пропасти, навесила свои трос-веревку и быстренько скатилась в пещеру. Немного погодя из лесу появился еще один довольно юный представитель красноярского кейвинга. Скинул у костра рюкзачок, подошел к араю пещеры, послонялся туда-сюда и вдруг наткнулся взглядом на обрывок веревки, припорошенный снегом на площадке.

- О! - восхитился пришелец. - Так это ж моя обвязочка!

Выхватив из снега находку, паренек быстренько обвязался, натянул варежки и со свистом исчез в колодце по одной из навешенных собратьями веревок. Вот это СРТ! Суровые сибирские варианты!

- Валера, лишний карабин есть? - кто-то из мужиков готовился к спуску. Мальков, не особенно рассуждая, отстегнул карабин от трансрепа - стропы для транспортировки груза - и отдал. Валера как-то забыл, что в индивидуальном снаряжении СРТ нет ни одной лишней детали.

* * *

Они с Хардиковым уходили с земли последней двойкой. Сергей пристегнулся к веревке, поддал ногой свой6 прицепленный к трансрепу, мешок:

- Ну, я пошел?

- Давай! - Валера проводил его взглядом, поежился - пробрал-таки мороз. И тут обнаружил, что остался один с двумя мешками. То ли кто-то по оплошности забыл свой мешок на

краю, то ли просчитались при упаковке. Но не оставлять же? Правда, с минуты на минуту должны подойти из города Сергей Шалыга с Колей Бердюгиным - они оставались отмечать обратные авиабилеты. Но когда это будет? Так или иначе, но Мальков решил взять вниз оба мешка, тем более, что на спуске - не на подъеме! - это не так тяжело.

И вот тут Валера призадумался в первый раз. Карабин он отдал... А чем цеплять транспортники? Впрочем, нет проблем. Мальков отстегнул трансреп от беседочного мэйон рапида, снял с него верхний карабин и прищелкнул оба мешка на другой конец трансрепа, который, подумав, привязал к беседке узлом.

Если бы в этот момент кто-нибудь сказал Малькову, что ему предстоит в ближайшие 4 часа - не поверил бы. Чушь собачья! Но незримая пока цепь ошибок продолжала раскручиваться, незаметно набирая обороты.

Готовясь к спуску, Мальков рассовал по карманам штормовки запасные лампочки, спички, курево - все, что полагается на случай остановки для мелкого ремонта - благо, за плечами приличный походный опыт. Аккуратно заправил штормовку под беседку - чтоб не цепляться полами в узких местах пещеры, затянул пряжки. А вот чресплечный ремень, что подтягивал грудной зажим чуть ли не к подбородку, мешая толком распрямиться, наоборот расслабил и с наслаждением выпрямился. Так-то лучше, чтоб на спуске не мешал.

- Свободно! - глухо донеслось из мрака колодца. Значит, Хардиков уже прошел очередной промежуточный крюк.

- Понял! - отозвался "по уставу" Мальков и начал спуск.

Первый крюк он прошел отлично. Подвешенные практически прямо к решетке - наиболее удобное для изготовления в домашних условиях спусковое устройство СРТ - мешки не мешали, их вес не ощущался. С этого места стена колодца приобретала отрицательный уклон, ноги отрывались от скалы, но в семи метрах ниже веревка снова подходила к стене - к очередному промежуточному закреплению. Трения здесь не было, и ПЗ носило чисто учебно-тактический смысл.

Чтобы дотянуться до этого крюка, надо было маятником подкачнуться к стене. Приспустившись к ПЗ и подтянувшись к крюка, Валера обнаружил, что мешки находятся почему-то совсем рядом с ним. Сцепленные одним карабином транспортники оседлали корем - провис веревки рядом с крюком, и теперь висели рядом, мешая дальнейшему спуску. Мальков с трудом перевалил один из мешков через веревку, и вся связка неожиданно увесисто рухнула вниз, так что навеска содрогнулась. Валера опасливо покосился на крюк, но тот держал нормально, и Мальков приступил к перестежке.

Зависнув у крюка на самостраховочном усе, он выстегнул решетку из корема и закрепил ее на веревке под крюком. Затем выстегнул ус, уселся на решетку и... ни с места!

- Вот так хохмочка! - подумал Мальков. - В чем дело?

Оказалось, что он скинул мешки не с той стороны корема, и теперь с одной его стороны висели мешки, а с другой - их хозяин. Попробовав на вес связку мешков, Валера понял, что из этого положения подтянуть мешки за тоненькую ниточку трансрепа и перекинуть в нужную сторону ему не по силам.

- Что ж, - сказал Мальков, - тогда приподнимемся.

И в этом не было ничего незнакомого - обычный технический элемент. Мальков снова встегнул в крюк самостраховоч-

ный ус, выстегнул решетку и попытался вставить веревку выше крюка в свой грудной зажим. Однако натянутая весом перекинутых через корем мешков, веревка вставляться в зажим не желала. Надо было немножечко поднять зажим вверх, а для этого - чуть-чуть привстать. Не тут-то было! Сам он привстал, но зажим почему-то остался на месте.

Валера вспотел. Даром, что мороз - от Малькова густо валил пар, застилающий лучик налобного фонаря.

- Попробуем по другому!

Мальков машинальными движениями снова встегнул решетку ниже крюка и попробовал спускаться, противовесом подтягивая через корем вверх мешки. Новое дело! Если в первый раз он хоть чуть-чуть, но приспустился, то теперь ощущение было такое, будто его намертво пристегнули карабином к рапели.

- Э-эва! - донеслось снизу. Это Хардиков сообщал, что он уже на дне колодца в Снежном гроте. - Как дела?

Как дела!

- Нормально! - почему-то крикнул Мальков, обдумывая, что бы ему еще такое предпринять.

И тут ему почудились голоса наверху, где последними отблесками угасал короткий мартовский день. И точно - это вернулись из города Шалыга и Бердюгин. Мальков заорал.

У парней оказалась с собой дополнительная веревка. С ее помощью они попытались приподнять мешки, которые капканом держали Малькова у крюка. Это удалось. И дело пошло так хорошо, что Малькову удалось даже встегнуть грудной зажим и изготовиться к подъему на зажимах. Он сгруппировался, уперся обеими ногами в педал, покрепче вцепился руками в ручку ведущего зажима и рывком встал. Рывок получился наславу - Мальков так и подскочил вверх. Но почему-то грудной зажим, а попросту - кролль, остался на месте, и веревка через него не продвинулась ни на сантиметр. В итоге Мальков был вынужден снова вернуться в исходное положение. Почему не идет вверх кролль? Какой-то чертов магнетизм исходит от этого крюка! Впору было плюнуть через левое плечо.

Что-то зашуршало сверху. Мальков даже не успел среагировать, как увесистая снежная лапа мазнула его по каске, осыпав ледяным инеем. И стало темно. Он не понял. Повертел головой, ощупал каску. На ней не было налобного фонаря. Сбило!

- Потише там, наверху! - заорал Мальков в полной темноте.

- Что у тебя? - Шалыга, видимо, дубел там от холода. Так у них там хоть костер!

- Налобник потерял! Снегом сбило.

- Запасной свет есть?

- Есть! - Валера достал из-за пазухи ручной фонарик, включил - стало веселее. Но свет был дохлый. Хотел ведь заменить перед спуском батарейку, да пожалел старую выбрасывать.

- Слушай! - донеслось сверху. - Да обрежь ты эти проклятые мешки. Пусть летят! Там Хардиков ушел?

- Идея! - Мальков полез в карман штормовки, куда он положил свой складной нож: резинки, чтобы повесить нож на шею у него не нашлось. Нож - обязательное снаряжение вертикальных маршрутов. Ап!..

В карман было не пробиться! "Недаром" он так тщательно заправлял полы штормовки под беседку. Вместе с ними заправил под ремни и карманы. Теперь, сидя в беседке, в них не то что

рукой залезть - палец не просунуть!

- От зараза! - выругался Мальков. А ведь там и спички, и курево, и лампочки запасные... А ну как сейчас ручник перегорит? Что же делать?

И тут пришла спасительная мысль. Он спускался последним. Перед ним - Серега Хардиков. А перед Серегой - Шеф. Надо звать Шефа - он все устроит.

* * *

Хардиков все это время маялся в 70-ти метрах ниже в гроте "Жуткий треугольник". Если сесть на упавшие когда-то сверху бревна и посмотреть на потолок - на душе с непривычки становится нехорошо. Над головой нависает огромная треугольная плита, на первый взгляд ничем не связанная с окружающими скалами. Точно - Жуткий треугольник! Из уходящего вниз узкого ходка сквозило. Холодно. Хардиков выкурил уже третью или четвертую сигарету и пребывал в раздумьи. Главное, он не знал двух вещей: куда идти дальше и где запропастился Мальков? В принципе, Шеф, дождавшись Серегу на дне этого колодца, сказал, что надо идти прямо в ходок, держась левой стенки, а там увидишь справа спуск в Большой грот. Перекурив, он юркнул вот в эту маленькую дырочку и был таков. Но где же все-таки Валерка? В Большом гроте, небось уже ужин поспевает, мужики сало достают...

И вдруг Хардиков насторожился.Из сумрачного каменного неба явственно донесся крик. В этом отчаянном вопле Серега узнал голос Малькова.

- Сере-ога! - орал Мальков. - По-мо-ги!

Что-то в этом роде, потому что точно было не разобрать. Бросив сигарету, Хардиков рванулся к веревке. Оббивая коленки о скалу, он, как мог быстро, принялся карабкаться вверх по 30-метровому колодцу, теряясь в догадках о происшедшем.

Протискиваясь через узкую щель на верху колодца в Снежный грот, весь в мыле от этого вертикального кросса с препятстсивями, Хардиков с трудом переводил дух.

- Валера! Что у тебя?! - эхо пошло по колодцу будь здоров! Хардиков и раньше не отличался тихим голосом.

- Завис я, Серега!

- К тебе подняться? Помочь?

- А Шеф где? - будто не слыша, отозвался сверху Мальков.

- Так он уже когда ушел! Мы с ним в Жутком расстались. Так чем помочь-то? Подняться?

- Ладно, сиди там, - Хардикову показалось, что Мальков в этот момент махнул рукой. - Чем ты мне поможешь? Сам буду...

* * *

В Большом гроте собралась почти вся команда. Боря Алексеенко кочегарил примусы, Люба и Таня "накрывали на стол". Всегда есть что-то поистине пещерное в этих трапезах на перекошенных глыбах, где самый большой дефицит - ровное и относительно чистое место. Шеф, как окрестили руководителя похода, спустился в грот последним. Сзади оставалась только двойка Хардиков-Мальков. Но вот нету их почему-то уже целый час. Пойти, что ли, посмотреть?

После тяжелого дня - дорожная суета с утра до вечера да еще спуск в пещеру - шевелиться не хотелось. Тем более, что впереди уже явственно проглядывал ночлег - кое-кто уже расстилал спальные мешки среди глыбового навала в редких горизонтальных местах этой крутосклонной осыпи, что покрыва-

ет дно Большого грота Торгашинской пещеры.

Посмотреть? В принципе - идти-то всего ничего. 30 метров подъема из Большого грота, дальше на карачках вверх по скользкому "Первому трамваю" - и ты в жутком. Всех дел минут на 15-20. Но - не хочется, страсть. Где же они застряли, черти?

- Ну что, нету? - мужики усаживались в кружок, доставали сигареты. Все поснимали с себя снаряжение, так что искушению Шефа послать кого-нибудь на разведку, суждено было пропасть втуне.

- Покурим, и пойду смотреть, - сказал он. - Карбидочку вот заправлю... на всякий случай, и пойду.

* * *

Ты гляди, и правда надо идти! Нет никого. Что могло случиться? Шеф тяжело поднялся и, бряцая железом, побрел вниз по осыпи. Карбидка, ярко вспыхнув, залила все вокруг желто-оарнжевым светом, и тогда отчетливо проступили на большой высоте причудливые контуры потолка зала, корявые тени на нем, черные отверстия "окон". Подойдя к началу подъема из зала, Шеф на всякий случай гаркнул вверх. Тишина. Грустно вздохнув, он щелкнул зажимами на пристежке и пошел по веревке наверх.

Приятная все-таки штука - выйти из-под влияния обыденности, устоявшихся представлений! С молоком матери мы впитали, что вертикаль не для нас. Человек - существо повышенной проходимости, но вертикали - не место его жизнеобитания. Это другая, враждебная нормальной жизни среда. Передвижение по вертикали всегда вызывает повышенные затруднения: физические или психологические. Тем заманчивее вертикаль! Это как свободный полет - извечная мечта человека. Парить в воздухе! Этим ощущением упиваются парашютисты пара- и дельтапланеристы... Приятнейшее ощущение! Если, конечно, не потеешь от страха. Кейверу полет противопоказан. Но остается вертикаль!

В пещере вздыбленный, задранный вверх, опрокинутый вниз мир колодцев и пропастей очаровывает своей суровой поэзией. Но вот парадокс - любоваться ею он смог только последние годы с переходом на технику одинарной веревки. В Киевской и Снежной прошлым летом, впервые за годы подземных штурмов, он пережил состояние всемогущества над вертикалью. Нет, не так... Не всемогущества, но какой-то удивительной свободы, родства, слияния с черным миром пещеры.

...Вот и верх колодца. Перила охраняют от ротозеев вход в скользкий желоб. Никого. Орать в узкий лаз Первого трамвая бесполезно - все едино ничего не услышишь. Надо лезть. Периодически какие-то идиоты перекрывают это место дверцей на цементной кладке - чтобы усложнить доступ к недрам пещеры. Что будет, случись в пещере беда, они при этом не задумываются. Потом благоразумие берет верх и дверь выламывают. Благо, сейчас проход открыт.

Надо лезть. Добравшись до выхода в Жуткий, Шеф гаркнул снова. И снова ответом тишина.

Заинтригованный до крайности, Шеф вылез в грот. Здесь они расстались с Хардиковым. Вот и мешок его лежит. А Сереги нет. Чудеса! Заблудились они, что ли? Ушли куда-нибудь в грот Скелетов, в Инфаркт какой-нибудь... Так мудрено!

- Э-эва-а!

...Шеф застал заиндевевшего Хардикова на колодец выше, в Снежном гроте, и тут же пошел вверх к Малькову. Валера висел на том же месте. Ручной фонарик почти сдох, физиономия синяя от холода.

- Живой?

- Живой, - мрачно шевельнул Валера неважно повинующимися губами. - Было б толку...

- Спокуха. Сейчас мы тебя распеленаем. Сам спускаться сможешь?

- Ты это... Шеф, я в порядке, ты не думай.

- Так ты сколько уже висишь?

- Черт его знает. Как пошли - так и завис.

* * *

Распутывая Мальковскую паутину, я восхищался нагромождению, вроде бы и маленьких, ошибочек, приведших к такой, прямо скажем, аварийной, ситуации.

Не отдай Мальков карабин - не пришлось бы намертво привязывать трансреп к своему беседочному мэйон-рапиду. А значит, мог бы в крайнем случае, отстегнуть и сбросить вниз мешки, или перевесить их на корем. Через полтора года после описываемых событий на Арабике в Перовской я неожиданно попал в похожую ситуацию, но об этом позже.

Транспортируя два мешка, полезно использовать и два трансрепа. Тогда не придется бороться с весом двух транспортников одновременно. Поднимая мешки по одному, Валера успешно выпутался бы из корема: два раза по 10 - проще, чем один раз 20!

Дальше больше. Нож у Валеры оказался в столь труднодоступном месте - в прижатом обвязками кармане, что оказался не полезнее зубочистки. Не говоря уже об остальном содержимом карманов.

То что с каски сбило налобник - это судьба. Но крепление фонаря было явно ослабленным, ненадежным.

Потом пошел просто заполох. Если привычные предметы перестают привычно подчиняться, если привычные ситуации вдруг начинают давать неожиданные результаты - человек может растеряться. Мальков не понимал истинных причин причин событий. И действия его, естественно, не были адекватны ситуации. Это из той же серии, что и многократно описанные в популярной литературе идиотские действия людей при неожиданной встрече с инопланетянами или другими сказочными существами. Вместо того чтобы использовать подарок судьбы по назначению, большинство персонажей начинают креститься, не верить своим глазам, чего-то пугаются, в общем, ведут себя по-человечески.

Вот такой полтергейст приключился и у Малькова. Должен спускаться - не идет решетка. Почему-то в голову не пришло проверить правильность пристежки. Проверил бы и увидел, что в попыхах вставил рапель в спусковое устройство в порядке обратном нормальному. Дело же в том, что решетка - единственный тип спускового устройства, которое в такой ситуации начинает работать как самохват, намертво зажимая веревку. Это свойство решетки оставляет некоторую надежду на спасение в случае, если над спускающимся произойдет обрыв веревки - при удачном стечении обстоятельств есть шанс задержаться на решетке на конце оборванной веревке. Короче говоря, Мальков встегнул веревку наоборот, и решетка заклинила

веревку.

Убедившись, хотя и не поняв почему, что спускаться невозможно, Валера попробовал подняться. И это ему, без сомнения, удалось, если бы не сверх меры расслабленный перед спуском чресплечный ремень. Ремень не мог потянуть вверх валерин грудной зажим, потому что был плохо отрегулирован.

Длинная цепочка маленьких оплошностей. Они крепко вошли в нашу жизнь - маленькие небрежности, небольшие неаккуратности, крохотные поблажки своей совести...

СРТ серьезно мстит за несоблюдение своих законов.

Потом, конечно, было много смеха. Валеру поздравляли со своеобразным рекордом: никто еще на нашей памяти не мог похвастаться, что смог провисеть в обвязках 4 (четыре!) часа - а именно столько Мальков мужественно боролся с собственным снаряжением в первом колодце Торгашинской. Изобретенная мной система обвязок "Сумган" прошла отличные испытания, так сказать, на живой натуре.

Злоключения Валерия Борисовича в пещере Торгашинская на этом, понятно, не закончились. Известно, что если уж начало не везти, то это надолго. Надо смириться и не роптать. Мальков так и поступил. Поэтому он мужественно переночевал в Большом гроте без спального мешка - все места оказались почему-то заняты, а наглости распихать храпящих собратьев у него не хватило. Мало того, на подъеме из пещеры Валера сломал пружину своего грудного зажима, который после чего пришлось до самого верха подпружинивать пальцем - не больно приятное занятие, доложу я вам! А на самом верху - в подарок Шефу! - переломил еще и пружину моего фирменного французского пуани. Вот уж воистину: русскому мужику любая иноземная техника нипочем!

* * *

Так вот, о Перовской. Мы поднимались с сухого дна, только что выбрались из изнуряющей Мормитовой галереи и находились где-то на -700 или чуть выше. Пещера здесь утрачивала стройное стремление вниз и разметалась заваленными глыбами залами, среди которых надо было еще сориентироваться. Навеска была сделана поляками, но мы по пути вниз местами дооборудовали отдельные опасные участки перилами. Я стоял на просторной полке и теперь передо мной был именно такой участок горизонтальных перил, которым оканчивался участок сплошной навески. Мне оставалось подняться до крюка метра 3, после чего веревка шла вправо вдоль узенькой полочки, приводящей к выходу из отвеса. По пути вниз - я это отлично помнил - эти перила показались мне навешенными слишком низко. И вот теперь я получил подтверждение в негодности навески. С увесистым баллоном на трансрепе, я никак не мог выбраться и встать на полочку, чтобы вдоль перил уйти к выходу из отвеса. Снизу уже подходили, поджимали меня поднимающиеся следом. Мне не хотелось тормозить их движение - всегда неловко себя чувствуешь, когда заставляешь кого-то ждать - и я несколько заторопился.

- Что ж, - подумал я, - А не попробовать уйти по перилам, как по навесной переправе?

Дополнительным карабином я встегнулся беседкой в перила, отстегнул от крюка самостраховочный ус и легко отъехал от него по перилам метра на полтора. И точка! Дальше перила поднимались вверх, но на одном ведущем зажиме мне не удалось

бы подняться сколько-нибудь далеко, а грудной я встегнуть в горизонтальные перила не мог: не хватало гибкости связующих элементов.

И я завис. Глупость положения украшалась тем, что висел я в полуметре от прекрасной площадки, по которой во время паводков устремлялись потоки воды - именно поэтому поляки не сделали навеску по этому, с первого взгляда более удобному, пути.

Итак я беспомощно висел в полуметре над землей. Разумеется, у меня было достаточно вариантов выбраться из этого дурацкого положения, но все они были лишены должной элегантности. Ну не резать же перила? И не бросать же баллон!

А почему бы, по крайней мере, от него на время не освободиться? Надо было сделать это еще около крюка! Мой трансреп был пристегнут к мэйон-рапиду карабином, поэтому мне легко удалось перевесить баллон на перила. Удивительно это ощущение освобождения от давящего вниз груза. Теперь мне без особого труда удалось выполнить все остальные необходимые маневры, закинуть ноги на перила и продвинуться вдоль них, одновременно подтаскивая баллон, до выхода из отвеса. Все-таки.

Но мгновенное ощущение беспомощной растерянности запомнилось мне до сих пор.

* * *

Так, в муках отдельных товарищей, рождались принципы будущей школы обучения СРТ. И постепенно становилось очевидно, что старая методика для этого принципиально не подходит.

Надо было создавать свою.

Вот некоторые принципы, кажущиеся мне основными.

Обучение должно проходить на специально оборудованных полигонах, в скальных лабораториях, в спортивных залах со специально оборудованными скальными тренажерами. Главное - чтобы был смоделирован весь необходимый набор элементарных препятствий и чтобы инструктор имел достаточный обзор для наблюдения за обучаемыми.

Не стоит пренебрегать теоретическими занятиями, дающими знания, как основу для понимания сути реальных процессов, происходящих на вертикалях. Голая практика не может дать полноценного мастера. Тем более - инструктора.

И только на третьем месте пещера. Пещера - как шлифовка, как совершенствование уже имеющихся навыков и умений. Пещера может, но не должна стать единственной и самоцельной формой обучения СРТ. На подземных вертикалях поздно учиться азам. Азам надо учиться в классе.

Ну и - индивидуальный подход. Выявить уровень мастерства не помогут никакие справки о постепенно набираемом опыте. По бумаге не определишь - может ли человек, знает ли предмет, в какой мере владеет ли тем, чем занимается. Формальная продолжительность занятий и стаж не вполне отражают уровень того или иного спортсмена. Кто-то уже через год станет надежным бойцом, кому-то для этого не хватит и десяти лет. Тут не должно быть формализованной усредниловки.

Очная аттестация на технической трассе на виду у компетентных инструкторов - неплохой способ выявить некую начальную квалификацию кейвера. Далее о ней говорит его "послужной" список вне зависимости от последовательности прохождения подземных маршрутов. При этом безусловно важно - в каком

качестве пройдены те или иные пещеры: участником или руководителем. Все это очень важно для подбора состава экспедиции, от которого, в конечном счете, преимущественно зависит ее успех.

Конечная цель обучения кейвера - воспитание у каждого возможно более полных навыков автономной работы, самостоятельного принятия адекватных решений, способности эффективно действовать под прессингом быстро меняющейся обстановки в условиях экстремальных, в том числе аварийных ситуаций. Именно способность надежной автономной работы на подземном маршруте говорит о степени мастерства в кейвинге. В СРТ - это основное условие.

Наша первая километровая СРТ-экспедиция имела очень неоднородный состав. Один из нас имел довольно солидный спелеостаж и опыт инструкторско-методической работы, но личное достижение всего -700 метров. Второй - личный рекорд -500 и стаж весьма скромный. Двое до того имели опыт прохождения пещер глубиной всего в -150 метров. Но при этом один из этих двоих имел хороший общетуристский опыт, а второй был просто хорошо физически подготовленный и психически уравновешенный человек, начавший свой путь в кейвинге сразу по одинарной веревке. Ни одна маршрутно-квалификационная комиссия не выпустила бы нас на этот маршрут, укажи мы в заявочных документах все как есть. Тот факт, что этим составом мы три месяца посвятили упорным скальным тренировкам и изучению предмета, никогда бы не был принят во внимание МКК. А между тем эти тренировки на полигоне с хорошим обзором, с возможностью вовремя выявить возникающие ошибки и неувязки и стали залогом нашего успеха.

Сработали мы очень надежно, не допустив ни одной сколько-нибудь существенной ошибки.

Возвращаясь мысленно к той далекой уже Первой экспедиции, часто задумываюсь - что было бы, если по какой-либо причине мы потерпели бы аварию, вроде той, что подстерегала нас годом позже? Как бы справилась с ней наша столь неравноценная по составу группа? И прихожу к выводу, что ответ не может быть однозначным. Довольно прилично овладев техникой одинарной веревки, мы не смогли добиться того же в технике спасательных работ. Потому что спасательные работы под землей проверяют нас не только на владение техникой, но стократ - на психологическую устойчивость. А она приходит с опытом. С тем опытом, которого у нас тогда не было да и не могло еще быть. Она приходит, цементируется с опытом, но закладываться должна в тренировках, в углубленном изучении дела, которым собираешься заниматься.

Мы готовились, как могли, и рисковали осознанно. Я и сегодня не вижу другого варианта достичь поставленной тогда цели - доказать себе и другим, что СРТ в пропастях СССР - не иллюзия.

* * *

...Мы возвращались из Торгашинской, а навстречу нам по заснеженной дороге тянулись сквозь ночь группы томичей и красноярцев, иркутян и новосибирцев.

-

Уходим мы, пройдя сквозь все,
Пройдя и выйдя, мы уходим,
А вас азарт надежд несет

Навстречу нам, навстречу ночи.
-
Проходим мы, как корабли,
Скользим бок о бок курсом встречным -
Мы вниз, под горку, мы - прошли.
Вы - вверх: грядущему навстречу!(*139)

П Р А В И Л А И Г Р Ы.

==========

-

Н Е К Р И Ч И, У М И Р А Я.

-

Враца встретила нас дождем. Скалы кутались в облака, и высокие черепичные крыши казались выше гор. У стеклянных дверей гостиницы яркий стенд: черная летучая мышь с красным крестом между крыльями. Первая в Болгарии международная школа по спасению в пещерах. В октябре 1988 года здесь собрались представители девяти стран мира, чтобы обсудить проблемы спасения в кейвинге. Франция, Италия, Бельгия, Куба, Греция, Венгрия, Чехословакия, естественно - Болгария, и - совсем неестественно - Советский Союз. Мы пожинали первые плоды перестройки - делегация советских спелеоклубов впервые за долгие годы появилась на столь представительном форуме, причем по собственной инициативе и без участия официальных структур.

Интересно нам, и мы, чувствуется по всему, привлекаем всеобщий интерес. Советский кейвинг, в течение многих лет отгороженный от всего мира, приоткрыл двери в Большой Свет. Наша команда наиболее представительна и численно: здесь спелеологи Каунаса, Рустави, Симферополя, Сочи и Усть-Каменогорска.

Мы с Любой второй раз за границей за всю нашу уже не очень маленькую жизнь. Люба была как-то по путевке в Венгрии, я - как-то родился в Болгарии в незапамятные для меня времена... Мы знакомимся с объехавшими полмира французами, итальянцами, бельгийцами и не чувствуем зависти. Нам просто хорошо здесь среди своих со всего света...

Мы приехали на школу не прохлаждаться. В программе две мои лекции - единственные советские лекции, и приятно, что этой чеспи удостоен именно Усть-Каменогорск. Конечно, кроме прочего, причиной тому известный интерес со стороны Болгарской Федерации. Болгарским спелеологам хочется услышать из первых уст, что случилось с их коллегой на Кырк-Тау, что вообще произошло, и как нам удалось все то, что удалось.

Понятно, что я немного волнуюсь. Впрочем, благодаря Резвану, мне не в первой выступать перед интернациональной аудиторией. На международном спелеосимпозиуме в Тбилиси было гораздо труднее. Тогда мы впервые заявили о советском СРТ и его перспективах в исследованиях высокогорного карста. Доклад был иллюстрирован слайдами и, судя по доброжелательным улыбкам зарубежных коллег, достаточно наивен с высот мирового кейвинга. Что ж, мы это прекрасно понимали, но ощущая эту лучистую доброжлательность, чувствовали себя прекрасно. С чего-то ведь надо начинать! И дебют вполне удался.

Теперь Враца. За окнами туманный Балканский пейзаж. Брусчатка мокрых мостовых навевает уютное чувство старой сказки. Серое, набрякшее дождем небо. Да-а... Во всякой игре

свои правила.

* * *

Год назад, в июля 1987-го, такое небо нависло над Кырк-Тау. Совершенно поразительная для Зеравшана, какая-то прямотаки кавказская погода. А настроение отличное! Ведь мы впер- вые самостоятельно проводим международную экспедицию.

На Снежной мы прекрасно поработали с болгарами, но экспедицию организовали старо-оскольцы. А известно, что гораздо проще провести экспедицию, чем ее организовать.

Но кажется, и эту науку мы постигаем успешно. В пещеру идем снова с болгарами, на этот раз из софийского клуба "Академик". Руководит болгарской группой из двух человек наш старый знакомый по Снежной - мой пещерный брат Филип Филипов - Фил Фикус. Его товарищ - Стефан Хаджианастасов - маленький крепыш прямо-таки бандитской наружности. И только глаза выдают мечтательную натуру, добрый нрав и слегка пессимистическое восприятие этого мира.

Наша цель - КиЛСИ. Теперь уже без дураков, без рывков на дно по необорудованным отвесам, а по всем правилам от начала до конца. В нашей восточно-казахстанской команде тоже некоторые изменения. Нет с нами весельчака-гитариста Володи Кочетова. Его место занимает усть-каменогорец Ержан Аюпов. И впервые на дно Киевской пойдет казахстанская женщина - моя жена Люба.

Коля Бердюгин и Валера Королихин не устают удивляться капризам погоды. Да и мне дождливая Средняя Азия в диковинку. Всматриваясь в задернутое сплошной облачностью плато, куда нам предстоит подниматься, невольно радуемся, что большую часть груза уже подняли наверх наши вспомогатели, возглавляемые Ержаном.

И вот - снова подъем над Камангараном, знакомая до мельчайших изгибов тропа. По холодку идется несравненно легче. Даже изредка налетающий мелкий дождик не портит предвкушения близкой встречи с полюбившейся пропастью. Теперь уже скоро.

Часто, в минуты дороги, вглядываясь в лица товарищей, я стараюсь заглянуть в будущее, хотя знаю, что тщетно. Если знать, что будет завтра, сохранили бы мы решимость пройти этот путь? Ступили бы мы на тропу, зная, что ждет нас в ее конце?

* * *

Подземная база на глубине -650. Только что мы вернулись со дна. Все измучены длительной работой. Спальный мешок - олицетворение счастья. Я засыпаю последним. Сквозь парашютный полог палатки едва светит огонек моей карбидки. Обычно на ночь я выключаю воду, но не гашу огонек, давая ацетилену выгореть до конца. Рядом в четырехместном спальном мешке неровно дышит в тяжелом сне наша интернациональная команда. Где-то за пределами палатки, в дальнем углу зала слышится легкое позвякивание металла. Это начинает подъем в 90-метровый колодец двойка Королихина. Парни уходят, мы остаемся.

В этой экспедиции все сложилось не так, как планировали. Хотя дно мы увидели, и дошли до него по всем правилам СРТ, без поблажек самим себе. Осложнения, скомкавшие запланированный график, начались на подъеме. Все пошло кувырком, но вот мы, наконец в базе, снаряжение поднято до -650, парни поднимаются. Все должно встать на свои места.

Сон наплывает все настойчивее, и в какой-то момент я позволяю себе провалиться в забытье. Сон мой, видимо, короток, но глубок. Не успев провалиться, я уже начинаю выкарабкиваться на поверхность, томимый беспокойством, стремительно нарастающим откуда-то извне. Неудержимо растущий, физически ощутимый, свист захлестывает меня и все вокруг сокрушающим шквалом. Ветер??? Он обретает страшную силу! Откуда в пещере ветер?! Он валит, подминает палатку, опрокидывает окружающее с гулом реактивного самолета. Меня охватывает страх. Скованное сном сознание рвется из его липких лап. Ужас пытается ворваться в дрожащий мозг, превратиться в панику.

Я уже не сплю. Рядом кто-то хрипло и страшно кричит. Судорожно ищу очки, путаясь в облепившей лицо паутине мокрого капрона рухнувшей палатки. К счастью, вокруг не полная тьма - моя карбидка все еще теплится, и в ее призрачном свете все же что-то видно. Слава Богу - вот они!

Теперь найти свет поярче. Кричит Фил - это его голос. Все кричат разом, но в голосах Стефана и Любы нет боли, и только Фил стонет жутко, как-то по-животному, с придыхом.

- Что случилось? Где болит? Где? - это Люба.

- О-охх! Бок... О-о-ох! Ноги...

Наконец, нашариваю каску. Включаю налобник - яркий свет разрывает тьму. Глазам предстает картина чудовищного разрушения. Наполовину высунувшись из палатки, вижу, что полиэтиленовый тент обрушен, палатка повалена, в ее чреве беспомощно барахтаются контуры фигур.

Еще ничего не понимая, выбираюсь из развалин, босиком впрыгиваю в сапоги: босиком спать теплее, да и носки лучше сохнут в спальнике.

Первые действия инстинктивны, как безусловный рефлекс. Мозг еще силится понять происходящее, а тело уже работает, совершая, кажется, единственно логичные действия. Прежде всего пробую поднять и поставить на место палатку и тент, чтобы освободить своих товарищей и увидеть, наконец, что произошло. Это мне не удается - какая-то тяжесть противостоит моим усилиям. В конце концов, мне удается приподнять переднюю стенку палатки и закрепить ее на глыбе. Так что вход в палатку открыт, и я могу заглянуть в ее нутро.

- Что случилось?

- Что-то ударило сверху! - все страшно возбуждены. - Филу плохо. Но что это? Что?

Если бы камень - то нам конец. Это не камень. Это "что-то сверху". Что может быть сверху?... Там поднималась двойка Королихин-Аюпов. Это они!

Мысли скачут, прыгают в разнуе стороны.

- Наверху-у!- ору я, и в этом крике освобождается сдавленная страхом энергия.

* * *

Ержан Аюпов поднимался последним. На его долю достался увесистый транспортник с веревкой, которую они с Валерой сняли с колодцев по пути со дна. Толстенный болгарский транспортник, битком набитый мокрым французским "Беалом", килограммов на пятнадцать. Трансрепа у Ержана не оказалось, и он подвесил мешок на обычный репшнур, привязав его каким-то, потом он и сам не мог вспомнить - каким, узлом.

Это даже хорошо, что они начали подъем, не остались в

подземном лагере. Первая группа сильно устала после своего затянувшегося выхода, болгары притомились основательно. Они только поднялись к лагерю, как тройка Королихина достала их, возвращаясь со дна. В лагере семерым не разместиться. Поэтому решили перетосовать составы. Трое, кто посвежее, идут наверх, остальные спят в базе. Коля Бердюгин из первой четверки почти сразу начал подъем на этот колодец. Он шел налегке, так как... Хм, действительно! Бердюгин шел на своеобразный рекорд: он начал спуск с земли, дошел с забивкой крючьев и навеской веревок до дна и вот теперь, без сна и практически без отдыха, поднимается на поверхность. Этакий бросок на глубину километра!

Увлеченный своими мыслями, Ержан незаметно поднялся до уступа, разделяющего этот самый большой колодец Пропасти на две неравные части. Меньшую - метров в 30-35, он прошел довольно легко. Верхний, больший, отвес был занят Королихиным. Судя по колебаниям веревки у влажной коричневой стены, Валера был уже где-то на самом верху. Ержан встал на самостраховку, пристроил мешок за косой камень на площадке и посмотрел вниз.

Далеко внизу яркой точечкой горел огонек. Кто-то оставил включенной карбидку. База спряталась за огромной глыбой, и сверху угадывался лишь маленький прямоугольник подсвеченного изнутри тента. И то сказать: 30 метров - добрых 10-12 этажей!

- Свободно! - донеслось сверху.

Значит, Валера вышел из колодца, и можно двигаться выше. Стоя на полке, Ержан подмерз, хотя ожидание не длилось больше пяти минут. Сказывалась усталость после донного выхода.

- Сейчас согреемся! - сказал Ержан и резко начал подъем, чувствуя как с каждым движением по телу разливается желанное тепло. Мешок ритмично болтался под ногами, иногда мягко ударяя в стену.

Ержан прошел уже метров 20, когда неведомая сила неожиданно буквально подбросила его вверх. Он не сразу понял, что произошло, и только дернувшись вверх ощутил непривычную легкость - мешка не было! И тут же леденящий душу свист - даже не свист, а густой шип - все поднимая тональность, наполнил колодец. Глухой удар обо что-то внизу ("Полка!"- мелькнула догадка), и снова гул падающей бомбы...

Удар. Он потряс колодец, эхом взлетел вверх.

И потом этот крик внизу, полный безысходности и боли...

* * *

Мешок накрыл палатку. Практически это было маловероятным, так как лагерь стоял под прикрытием высокой глыбы, и падающие в колодец случайные камни всегда ложились вдалеке от лагеря. Но удар о полку в середине колодца, видимо, роковым образом изменил траекторию мешка.

Если бы мешок упал стоймя на кого-нибудь из спящих в палатке, последствия можно предсказать без труда. Но транспортник упал плашмя поперек палатки, травмировав троих из нашей четверки. Стефану отбило левую руку, Любе - левое бедро, но главный удар достался Филу, лежавшему между ними - тяжелый удар в левый бок.

Стефан выбирается из палатки, вдвоем мы довольно быстро сбрасываем с тента мешок, и ставим палатку на стойки. Любу бьет сильная дрожь. Фил стонет не переставая.

- Наверху-у! - ору я. - Не двигаться! Ждите!

Ныряю в палатку.

- Что у тебя?

- Все... Живот... Ноги... - Фил приподнимается на локте, глаза с расширенными черными зрачками полны ужаса. - Дай банку...

Правильно, надо проверить, есть ли кровь в моче. Крови нет. Это уже лучше. Значит, можно надеяться, что внутренние повреждения невелики. Так ли это? Осматриваем Фила со всех сторон - никаких следов удара. Ни гематом, на опухолей, ни явных смещений, ничего! Отчего же такая боль? Наверно, сильный ушиб. Удар пришелся в левый бог, таз, бедро. Мягкий тяжелый удар... Что же делать?

В мозгу тикают невидимые часы. Будто кто-то завел их в момент аварии, и теперь они колотят в виски. Время - это жизнь.

- Я не смогу сам подниматься...- говорит Фил почти нормальным голосом. Иногда ему удается пересилить боль, или она просто на миг отступает. - Ноги...

- Наверху-у! - ору я. - Идите наверх. Нам нужна помощь! Медикаменты! Блоки на полиспаст! Попросите ташкентцев о помощи. КСС не вызывать.

- О-онял! - ватно доходит сверху, откуда тут же начинают щелкать по заслоняющей нас глыбе мелкие камешки и труха.

Сколько нам ждать?

* * *

Вот уже пять часов сижу у палатки, подогревая воду на гексогазе - сухого горючего у нас достаточно. Остальные в палатке. Фил тихо стонет. Он мерзнет, и Люба согревает его своим теплом. Стефан спит или просто затих в забытьи. Самое тяжелое у нас еще впереди.

Полчаса назад заставил ребят поесть. Всех колотит, влажный спальник не дает тепла. Единственный способ согреться - поесть и двигаться. После возвращения со дна все, как всегда в таких случаях, мокры до нитки. Занимаюсь тем, что сушу на свечках мокрые свитера и гамаши. Отупляющее занятие, но что-то же надо делать! Надо чем-то занятся, чтобы успокоиться, чтобы придумать, что же делать дальше, как поступить. Чтобы переждать эти бесконечные часы до подхода помощи сверху.

Сколько им понадобится времени? Авария случилась примерно в три часа по-полудни. Парням подниматься наверх, с глубины -650, самое меньшее часов шесть. Потом собраться, спуститься. Самое раннее можно ждать спасателей к полуночи. Причем все наши уже в крайней степени утомления. Вся надежда на ташкентцев, что, как и в прошлом году, работают параллельно. Вот так влетели... Мать честная, какой будет скандал!

Мысли скачут. С трудом заставляю себя додумывать каждую мысль до конца. Значит, скандал. Будем надеяться, что его не будет. Наша экспедиция не заявлена через туристскую структуру. Первая международная казахстанских спелеологов проводится "диким" образом. А ведь мы пытались оформить все официально. Но какой шум поднялся в Алма-Ате, как только увидели нашу заявку! Ка-ак? Иностранцы? А почему с нами не согласовали? Почему не предупредили заранее? (Куда уж раньше - документы пришли за два месяца, как и положено по инструкции для путешествий высшей категории сложности!)

В Москву документы не пропустили. Хотя не полномочны были решать - разрешать ли путешествие такой сложности. не пропустили и все! В полном соответствии с бюрократическими принципами спортивного туризма. Так что ехать нам пришлось без высочайшего разрешения. И вот теперь я начинаю радоваться этому обстоятельству...

... Официальных спасателей приглашать не будем. Что бы ни случилось. Нет смысла - одни издержки. Квалифицированных спасателей для работы на такой глубине в Самарканде нет. Так что все равно все придется делать самим. Зато поднимут вой до самых небес, начнутся бесконечные бумажки, объяснительные, выяснения - кто будет платить деньги за спасы. Туристская КСС скурпулезно считает денежки, зачастую не вылетая на спасработы, пока не будет выяснен плательщик. Сколько уже было таких случаев! Единственно, если будет совсем худо - закажем санрейс вертолета.

... Как его поднимать? Область таза очень болезненна. А ведь придется надевать беседку - иначе из колодцев не поднять. Носилки здесь бесполезны, они не пройдут в узостях и только затруднят работу. Да и нет у нас таких носилок, чтобы локализовать подобную травму. Что же все-таки у Фила повреждено? В пещере холодно, и это хорошо. В холоде воспалительные процессы развиваются медленнее. Главное - не допустить переохлаждения на фоне травмы. Хорошо, что хоть шока нет, обошлось. Глубинной аптечки хватило бы не на долго.

... Глубина -650. Что-то я не припомню спасработ с такой глубины. С такой травмой. А с какой?.. Одно ясно - за один прием мы Фила на поверхность не поднимем. Надо дотащить хотя бы до площадки на -350. Но там в этом году нет лагеря, нет палатки. Значит, надо что-то придумывать и ставить там промежуточный лагерь. Поднимать этот? Проблематично. Надо спускать с земли.

- Люба, почему не спишь?

- Не могу... Дремлю немножко.

- Поешь. Тут горяченькое. Как нога?

- Ничего. Фил заснул, вроде. Ты бы поспал сам, а?

Наш шепот еле слышно касается перекошенной после удара палатки.

- Я в порядке. А вот ты спи. Постарайся. Вам еще сегодня выходить наверх.

И это тоже представляется мне проблематичным. Вторые сутки, как Люба без сна. Как и все мы...

* * *

Верно говорят - беда не приходит одна. Одна ошибка часто влечет за собой другую. Если вовремя не осознать, не принять меры.

В 87 году у нас еще не было штатных трансрепов для транспортировки мешков. Их появление - во многом результат аварии в Киевской. Чтобы никаких узлов, чтобы нечему было развязываться. Как развязался злополучный репшнур у Ержана - развязался неправильный узел под действием пульсирующих переменных нагрузок, возникающих при подъеме. Элементарно?

А ведь вопрос "летающих мешков" вызревал давно! Когда у Фикуса в Снежной взорвался транспортный мнстр, извергнув в пропасть болгарское снаряжение, карбид и аптечку - это было воспринято, как случайность. Так оно, конечно, и было. Но в сентябре того же 86 года при штурме Снежной болгаро-ад-

лерской командой снова падает и расспается мешок со снаряжением. Падающий со скоростью пушечного ядра примус летит прямо в голову адлерскому спелеологу. Тот успевает заслониться рукой - в итоге перелом. Легко отделался!

В марте 87 года в пещере Торгашинская, пока Мальков занимался акробатикой во входном колодце, другие члены экспедиции тоже не дремали. Усть-каменогорец Борис Алексеенко заслужил в этой акции законное звание "снайпера-метателя". Сначала на 30-метровом спуске в Большой грот у него отвязалась емкость с водой. Десятилитровый снаряд с гулом ушел в колодец, но в стоявшего неподалеку Виктора Фитисова не попал. Емкость отвязалась точно также, как сейчас у Ержана. Не удовлетворившись промахом, на подъеме по 30-метровому колодцу из "Жуткого треугольника" в Снежный грот Боря повторяет попытку, на этот раз целясь в нас с Кочетовым. Снова отцепился от транспортировочного шнура мешок и снова ни в кого не попал, хотя шрахнулись мы изрядно.

В самом начале этого штурма Киевской у Королихина обрывается на спуске 20-литровая полиэтиленовая емкость с продуктами - модуль. От удара о дно колодца модуль треснул, так что пришлось его оставить там же, где упал, в качестве промежуточного пункта питания.

И вот теперь авария под Большим колодцем.

Когда по возвращении из этой экспедиции мы сели за статистический учет всех аварий, происшедших за время нашего освоения СРТ - поразились! Первое место по числу случаев заняли инциденты с падением транспортных мешков. Кто бы мог подумать? Ведь боялись прежде всего повреждения и разрушения веревки.

* * *

Так начиналась уникальная спасательная акция по оказанию помощи травмированному болгарскому спелеологу и транспортировке его на поверхность с глубины -650 метров.

... В звенящую тишину пещеры, нарушаемую только стонами Фила да успокаивающим речитативом хлопочущей над ним Любы, входит посторонний звук, от которого по нервам пробегает импульс тревожого ожидания смешанного с радостным облегчением. Наши? Смотрю на часы и не верю своим глазам. Спасатели прибыли через 6 часов после аварии! Как они успели, смогли развить такие скорости передвижения по весьма непростому маршруту? Через несколько минут вниз спускается руководитель ташкентской команды Володя Долгий - Вольд. На уступе готовят полиспаст наш Коля Бердюгин и ашхабадец Сергей Цыганок. Вот и вся спасгруппа. Мало?

Еще двое транспортируют сейчас снаряжение для подземного лагеря на -350. К нашему приходу лагерь должен быть готов принять пострадавшего. Остальные спят на земле в ненастном климате, будто взбесившегося, Кырк-Тау. Дожди и дожди.

Что такое спасательно-транспортировочные работы под землей? Прежде всего, это тяжелый труд. Причем труд, требующий высокой квалификации исполнителей. Здесь нужны опыт, четкое знание тонкостей техники, а еще - умение безошибочно ориентироваться в непредвиденных ситуациях, которые, будто назло, возникают на каждом шагу. И все это под жестким психологическим прессингом обстановки. Рядом человек, которому больно и плохо, который измучен усталостью, холодом и физическими страданиями, который не контролирует себя, и его стоны вы-

ворачивают душу. А ты не можешь облегчить его страдание ничем, кроме как быстро и грамотно делать свою работу.

И еще надо объяснить пострадавшему, что он должен идти сам. Да - сам. Если не идти, то всеми оставшимися силами помогать транспортировке. Колодцы - это самое простое. Но выше нас ждут меандры, по которым с трудом можно продвигаться боком, а местами нужно ползти. Как нести по ним человека? Как пропихнуть его через сужения хода, через теснины, в которых и здоровому приходится туго?

Если не будет помощи самого пострадавшего, хотя бы тем, что он потерпит, помолчит, стойко перенесет эту мучительную операцию - будет очень плохо.

Время размышлять кончилось. Нас мало, но мы продвигаемся вперед. Большой командой здесь не очень-то и развернешься. Массированные спасательные работы большими силами, помимо преимуществ, имеют и недостатки. Прежде всего - это медленный темп. Хотя, казалось бы, все должно быть наоборот. Не получается. Ведь спасателям и самим приходится перемещаться по отвесам, подниматься наверх. А обогнать транспортируемого параллельно его продвижению чаще всего не представляется возможным. Чем больше народу, тем медленнее идет этот процесс. Если, конечно, не удается организовать непрерывную цепочку для передачи пострадавшего из рук в руки. Длинная же должна быть цепочка с глубины -650!

Нас четверо. Коля с Серегой поднимаются первыми, быстро организуют полиспаст. Вольд идет сопровождающим. Он поднимается рядом с Филом по дополнительной веревке способом "стопа-колено", чтобы руки оставались свободными. Вольд охраняет Филипа от ударов о скалу, постоянно говорит ему что-то ободряющее, не давая нашему болгарскому другу окончательно пасть духом. Фил пребывает в глубоком упадке сил и духовной депрессии. Его давит боль, а больше всего - глубина, с которой, как мы все прекрасно осознаем, еще никого не доставали. Фил уже расстался в мыслях с землей, со своей невестой, он говорит нам об этом в коротких перерывах транспортировки, когда мы вынуждены ожидать под или над очередным отвесом.

Когда наступает критическая ситуация, и силы вот-вот должны кончиться,- нужна остановка, я открываю один из мешков, которые несу то впереди, то следом за группой, гексогаз и быстро согреваю кружку-другую воды. С витаминами, сахаром, шоколадом - горячая жидкость придает нам бодрости. Пока нам удается удерживать Фила от переохлаждения и фатального упадка сил.

У меня два мешка: один - с продуктами и кухней, второй - со спальным мешком, полиэтиленом и аптечкой на случай, если станет совсем плохо, и нам придется что-то предпринимать. Я уже третьи сутки в пропасти, причем без сна, и поэтому мужики поручили мне функции обеспечивающего. Интересно, что я иду довольно хорошо, если сравнивать меня с человеком, проработавшим такую немаленькую рабочую смену. Полагаю, что Коле Бердюгину не легче: он едва успел прикимарить в наземной базе, как парни принесли известие о нашей аварии.

Паническая лихорадка в мыслях уже улеглась. Лучшее средство от тревоги - хорошая работа. Теперь я гораздо меньше беспокоюсь за Фила, несмотря на то, что он, порой, так кричит, что нервы скручиваются в узлы. Мы поднимем его на поверхность, что бы он там ни придумывал. Но впереди идут

двойкой Люба и Стефан, которые тоже третьи сутки практически без сна, и им помочь мы уже не в силах.

Вот и еще одно правило той серьезной игры, в которую мы ввязались. Каждый в ней отвечает сам за себя. Отвечает - значит, несет ответственность. За свое снаряжение, за технику, за подготовку. За свои ошибки и промахи. За свои увлечения и слабости. Каждый должен помнить, что под землей, а тем более в СРТ - придется полагаться только на собственные силы до самого последнего возможного, или невозможного, их предела. Потому что никто не сможет переставлять твои ноги, поднимать твои руки, делать за тебя шаги. Каждый обречен пройти свой путь сам и не может пройти его за другого. И нет здесь второй веревки "на всякий случай", которой можно помочь, "поддернуть" уставшего товарища. На одинарной веревке поддергивать нечем. Каждый из нас - один на один с пещерой.

Конечно, можно оказать помощь и на одинарной веревке. Но очень уж это непросто. Помощь товарищей - это уже крайний случай. Это - транспортировка. Но всякая транспортировка человека по пещере всегда дольше, чем его самостоятельное движение. Дольше и психологически тяжелее для самого обессилевшего. Каково сознавать, что ты вдруг превратился в обузу для своих товарищей, что не смог, сломался, выпал из игры, переложив все на чужие плечи?

Господи, неужели на спуске мы преодолели этот путь за какие-то пару часов?!

Бесконечно тянутся меандры. На относительно широких и пологих участках кто-нибудь из нас взваливает Фила на плечи, другие подстраховывают транспортирующего веревками. В сужениях хода продвигаемся боком втроем, Фил висит на наших плечах. Он с трудом, но может стоять самостоятельно, но двинуть ногами не в состоянии. И тогда мы руками передвигаем его страшно болезненные ноги, которые норовят зацепиться за каждую неровность пола и стен. Резкая боль от каждого неловкого движения заставляет Филипа стонать. Часто этот хриплый плач срывается еще заранее, в предощущении неминуемого мучения.

Мы уже отупели. Мы поднимаем Фила десятый час подряд и перестаем реагировать на чужую боль. Автоматически стараемся причинить пострадавшему как можно меньше страданий. Но душа уже молчит. Она до предела полна усталостью и чужой болью. Есть, оказывается, предел и состраданию...

О том, каково сейчас бедному Фикусу, стараюсь не думать. Я представляю сейчас робот-автомат, запрограммированный самим собой на безошибочное выполнение технических приемов транспор- тировки. Все. На большее сил нет.

* * *

Через 10 часов от начала движения мы поднимаем Фила к лагерю на -350. Не верится. Кто знаком со спасательными работами под землей, оценит нашу скорость. На площадке под тентом, как символ удачи - желтая солнечная палатка ташкентцев.

В ней остаются с Филом Долгий, Цыганок и Вася, парень из числа вспомогателей, принесших сюда базу. Мы с Колей Бердюгиным и ашхабадцем Володей Кузнецовым продолжаем изнурительное движение вверх. И теперь я молю Судьбу лишь об одном - как можно дольше не догнать поднимающихся где-то впереди Любу и Стефана. Желательно, до самой земли...

Что самое мучительное и страшное в жизни? Мне кажется,

что это чувство собственного бессилия.

В бесконечном каскаде бесконечных колодцев этой нескончаемой пещерной ночи затерялось время. Поднимаясь в паре с Кузнецовым, мы достали Любу и Стефана неожиданно скоро, быстрее моих самых худших ожиданий. И вот теперь, глядя на тяжело поднимающуюся по очередному отвесу маленькую, бесконечно дорогую мне фигурку, я чуть не кричу от подступившего бессилия что-либо изменить, помочь, облегчить ее мучения. И я боюсь - боюсь! боюсь!! боюсь!!! - что у Любы может не хватить сил на эти последние 200 метров вертикали.

Мы не спим третьи, нет, уже четвертые сутки. Если не считать Фила, Люба сейчас в самом тяжелом состоянии: крайнее утомление на фоне перенесенного стресса и ушиба бедра. Женщине не место на маршрутах высшей категории трудности. Что бы ни говорили...

Двести метров! Полкруга по гаревой дорожке стадиона. Как это мало, если уложить эти метры горизонтально. И как страшно много, если поставить торчком! Если исковеркать, втиснуть в колодцы и узости, полить водой и вымазать глиной каждый из этих метров, усеять острыми выступами и ребрами, терзающими комбинезон.

Единственное, что я могу, это поддерживать снизу веревку, чтобы она легче проходила через Любин грудной зажим. В прошлом году здесь, на -175, стояла учебная база для молодежи. В этом году на этом участке остановиться негде. До самой земли. Негде переночевать и восстановить почти истраченные силы. И Люба должна идти сама. Потому что движение - это тепло, а тепло - это жизнь.

Наша группа постепенно сокращается. Первым уходит наверх Бердюгин. Стефан кричит сверху, что у Коли скрутило спину. Что ж, триста метров на полиспасте - это чувствуется. Через некоторое время не выдерживает и уходит наверх Стефан. Ему труднее, чем мне, он моложе и еще не умеет экономить энергию. Он быстрее подошел к своему пределу, хотя выспался в лагере на -650 перед спуском на дно. Он замерз и измучился в ожидании на каждом уступе.

Я молча смотрю вверх вслед уходящим парням, туда, где медленно движется по веревке Люба. Мне нечего им сказать. Каждый сам знает свой предел.

Мы остаемся втроем с Кузнецовым. Люба идет очень медленно, но идет. Конечно, мы можем начать новые спасработы, мы даже можем, я в этом уверен, поднять Любу вдвоем на эти оставшиеся 150 метров. Но нужно ли? И выиграем ли мы при этом?

Что важнее в человеке - силы физические или душевные? Сколько уже раз убеждаюсь в том, что физическое здоровье без душевной силы - что ноль без палочки. Сломить тело невозможно, пока не сломишь дух.

Наш сумасшедший подземный марафон приближается к границе, за которой только неизвестность. Люба держится. Периодически ее тошнит, и тогда она, шатаясь, припадает каской к мокрой стене. С трудом заставляю ее съесть несколько кусочков шоколада. Я бессилен чем-либо ей помочь, потому что она должна идти сама. Сама! В этом спасение.

"Люди забыли эту истину, - сказал Лис, - но ты не забывай: ты всегда в ответе за тех, кого приручил".

Это Сент-Экзюпери.

А я в ответе за тех, кто идет рядом. И прежде всего вот за эту маленькую женщину, что снова упорно движется вверх по очередному отвесу - за свою жену, Любу. Потому что не будь меня, она никогда не пошла бы в эту сумасшедшую экспедицию, не занялась бы безумием под названием кейвинг.

И каждый из нас в ответе за каждого. Не так примитивно, как трактуют официальные правила и законы. Не в формальной ответственности дело, не в бумажном распределении вины.

Уходя в пещеру, каждый обязан помнить, что его личная неудача так или иначе отразится на всех. Каждый наш промах, если не исправишь сам, придется исправлять нашим товарищам. Потому что никто не уйдет, не оставит тебя в беде. Не должен уйти. И это тоже правило игры под названием кейвинг.

* * *

Пока идешь сам, пока веришь в свои силы - ты не сломлен. Организм сопротивляется, борется. Дай ему поблажку - и он скиснет. Пока знаешь, что нужно идти - идешь. Даже если нет сил. Стоит расслабиться, уронить свой груз на других, вверить свою судьбу чужим рукам - не откажут ли собственные?

Мудра старинная сказка про двух лягушек, упавших в кринку со сливками! Та, что барахталась, сбила масло и уцелела. Сдавшаяся - утонула. Шанс уцелеть имеет тот, у кого хватит душевных сил барахтаться до конца.

Мы "сбили масло" к исходу четвертых суток нашей работы в пропасти. Призрачный свет выхода ударил по глазам, как тысячеваттные прожекторы. Серый рассвет, серые тени, мертвенная бледность Любы, наши первые неверные шаги по земле. Вокруг заботливые лица, руки ребят-вспомогателей обеих команд: нашей и ташкентской. Теперь быстро-быстро поесть и спать. Потому что через восемь часов мне снова идти вниз. Потому что ничего еще не кончено, и там, в затерянной под 350-метровой толщей скалы оранжевой палатке, лежит Фил Фикус.

Мы уже забыли, что среди нас болгары, что есть какие-то Казахстан, Узбекистан... Мы все смешались и сроднились в этой круговерти событий.

Сегодня все последующее вспоминается в виде отдельных ярких картин, связанных общим ощущением.

... В палатке, уже в полузабытьи, чувствую, что не могу заснуть. Болят руки, распухшие, потресканые, посеченные за четверо суток работы в воде. Галя Калошина достает свою заветную баночку с остатками крема и смазывает мне руки. Ее прикосновения - непередаваемое блаженство. Проваливаюсь в короткий миг сна, и уже будят, осторожно трясут за плечо. Пора вставать, надо идти в пропасть.

... И вот снова веревки и блоки полиспастов. Снова работаем вчетвером, но теперь я тоже на веревке. Тянем, как мокрые заводные роботы-автоматы. Сопровождающим, как и прежде, идет Вольд, заряжая всех своим спокойным юмором и уверенностью.

..."Ночь" на -350 прошла хорошо, мы больше не делали Филу инъекций анальгетиков. Но теперь новая транспортировка и новая боль. Навстречу нам спускается группа молодых ребят из числа вспомогателей. Фил страшно кричит в колодце... Замечаю, как вздрагивает Дима Шалапугин.

- Вот, Дима, - говорю в паузе между вдохами. - Теперь знаешь, чем это может кончиться? Небось, больше не пойдешь?

- Пойду,- Дима упрямо качает головой, и только расширен-

ные зрачки передают его состояние.

Во всеобщей работе легче найти свое место, точку равновесия. Любой стресс усугубляется бездельем и снимается работой.

... Мы в пункте питания у нашего треснувшего модуля. Фил сидит на коленях у Долгого и пьет горячий чай. Я кочегарю сухой спирт, на котором одну за одной подогреваю консервные банки с водой. Вокруг чумазые лица спасгруппы. Мы жадно поглощаем все подряд. Светло - горят сразу все свечи из модуля. Это создает ощущение какой-то особой, чуть ли не праздничной, обстановки. И даже улыбки появляются на измученных лицах, хотя до земли еще почти полторы сотни метров.

- Не дрефь, Фил, - усмехается Вольд, а лицо, как всегда, серьезно, и только в глазах искорки. - Скоро свою невесту увидишь!

И Филип впервые слабо улыбается посеревшими губами.

... Последние метры - это узкая щель на выходе из пещеры. Снова серые сумерки - мы выходим на поверхность в 6 утра. Пять суток назад мы уходили в эту щель здорове и полные надежд. Если бы знали, что будет, - пошли бы? Зачем вообще мы идем под землю? Что здесь можно найти, кроме мучений?

Все... Неужели мы вышли? А что должен сейчас чувствовать Фикус? На эмоции нет сил. И только сознание холодно и как-то со стороны удивляется - мы управились с транспортировкой за 24 часа, не считая отдыха в базе на -350. И это с -650...

... Фотографируемся в рассветной прохладе. Облака, наконец, покинули Кырк-Тау. Или мы искупили свои грехи перед матерью Природой? Но сегодня будет солнце. Огненный Дракон вот-вот выползет из-за кромки плато.

Филу легче, он даже немного ест. Стефан приносит болгарский коньяк, и спасгруппа поднимает стаканы за нашу Победу. Фикус обмакивает губы в коньяк. Он умыт, передет о все чистое и сухое. На теле по-прежнему никаких следов травмы. Но боль в области живота, таза, ног утихает не на долго. Через полчаса Филу снова становится хуже, и мы понимаем, что надо нести его вниз. Туда, в подернутую знойной дымкой Самаркандскую долину. Все естество молит о покое. Неужели мы сможем еще и спуститься сегодня с носилками вниз?

... Нас восемь человек. По-четверо мы несем носилки, сменяясь через каждые тридцать минут. Это наш предел - на большее сил не хватает. Фил возлежит на своем тряском ложе, как восточный паша. Его краснокожие рабы в поту и пыли ломают ноги на щебнистой тропе. Нет, Природа не отпустила нам грехи. Она придумала еще большую пытку, выпустив Огненного Дракона именно сегодня!

Мы идем по тропе, и впервые ощущаем, насколько она не приспособлена для транспортировки пострадавших. По тропе ходят гуськом. И ездят тоже. У лошадей и ишаков задние ноги расположены позади передних. Носилки же приходится нести вчетвером вдве колеи. Вдвоем на этих скользких крутяках долго не выдержишь. Может быть, в другое время, но не сегодня, после пяти суток работы без сна и отдыха.

Тридцать минут - смена. Как изумительно идти налегке! Сквозь усталость снова подступает тревога - только бы успеть, только бы на этих последних километрах не приключилось еще чего-нибудь. Внимательно слежу за состоянием Фи-

куса, который то держится молодцом, то будто уплывает. Но за ухудшением снова идет подъем, он даже приподнимается на локте и смотрит вниз, в долину, куда налегке, опережая нас, убежал Королихин, чтобы вызвать "Скорую" к началу тропы.

Видимо, у Фила просто сильнейший ушиб. Что может быть еще, если он вторые сутки не испытывает ухудшения?

... Позади четыре часа спуска по раскаленной перекошенной сковородке горных склонов. Нас ждет белая машина с красными крестами и цифрам 03 на радиаторе. Успел Валера!

Фил оживает и сразу же отказывается от уколов:

- Спид! Нужно разовый шприц!

Разовых шприцов в Средней Азии нет.

- Тогда не надо колоть! Потерплю.

Мы перекладываем Фикуса на больничные носилки, заносим в машину, жмем руку. Двери захлопываются, и скоро только желтая пыль над ущельем говорит об удаляющейся по направлению к Ургуту машине. С Филом уехал Королихин. Все.

... Мы лежим в жиденькой тени под приземистой тени у начала тропы. Не спим. Даже в нашем состоянии спать в такой жаре не получается. На душе пусто и серо: нет ни радости, ни тревоги, нет ничего. Полубред-полусон. Нет сил даже встать и пойти к ручью, чтобы напиться. Делаю немыслимое усилие, поднимаюсь и плетусь у воде. Камангаран принимает в ледяные объятия мои руки, освежает лицо.

Надо как-то скоротать время до вечера - подниматься на плато в такую жару немыслимо.

Возвращается из Ургута Королихин. Филу сделали рентген. Диагноз - тяжелый ушиб таза. Слава Пещерному Богу!

* * *

И последняя картина той трагической эпопеи.

Больница в Самарканде. Заходим втроем: Стефан, я и наш врач Галя Онишевская из Томска. Галка случайно оказалась в Самарканде и без лишних слов взяла шефство над нашим травмированным товарищем. Шесть часов назад мы привезли сюда несчастного Фикуса.

Вечером у нас билеты до Ташкента, но ночью Филу вдруг стало плохо. Сказался праздничный банкет, который устроили нашей экспедиции чета Пряхиных - Григорий и Люба, томские спелеологи, волею судьбы, занесенные в Самарканд.

Филу стало так плохо, что утром мы вынуждены были снова обратиться в больницу, на этот раз в Самарканде. Прошло уже пять суток с момента аварии. В Ургуте нас заверили, что все в порядке, и вдруг...

И вот мы в кабинете главврача. Беспокойство нарастает. Но вот входит человек в белом халате с какой-то банкой в руке. Обычная стеклянная банка под полиэтиленовой крышкой. Человек оборачивается и обводит нас участливым взглядом. Его слова оглушают, как набатный колокол:

- Ваш друг прооперирован. Мы были вынуждены удалить ему селезенку, так как в ней обнаружены множественные разрывы. Видимо, от удара. Кто из вас врач? Вот - смотрите.

Хирург поднимает на уровень лица странную банку, и мы видим, что в ней лежит обыкновенный кусок мяса, окровавленный и неожиданно большой.

- Вот, видите? Разрывы в этой ткани не срастаются. Кроме этого, у вашего друга перелом левой лобковой кости. Сегодня началось кровоизлияние в брюшную полость. Мы поражаемся, как

он смог так долго продержаться - пять суток. С такой травмой столько не живут...

- ... Скажите, доктор, что дальше? - язык отказывается повиноваться. Мы в шоке.

- Сейчас опасности уже нет. Парень оказался жилистым и очень выносливым. Через годик снова сможет лазать по вашим горам!

* * *

Через полтора года Фил Фикус встречал нас с Любой в Софии. Маленький "Трабанд", за рулем очаровательная Росица - жена Филипа. Расцвеченные рекламой улицы в мерцании дождя. Тонкий вкус вина за скромно накрытым столом. Будто и не было никогда Кырк-Тау. Будто не провожали мы нашего исхудавшего (57 килограммов показали весы в аэропорту Ташкента!), но веселого друга на родину в Болгарию после месячных больничных испытаний.

Мы сидим рядом, смотрим друг на друга, улыбаемся.

Мы не знаем, встретимся ли когда-нибудь под землей снова.

Мы не знаем, встретимся ли вообще когда-нибудь в этой жизни.

Но этих дней на Кырк-Тау нам не забыть никогда.

Не забыть.

О П А С Н Ы Е К У Р Ь Е З Ы.

Прав был великий велогонщик Роже Дюваллон по прозвищу Крокодил:

"Странно, но с годами начинаешь понимать: мы любим наших соседей, если любим себя, ненавидим других, если ненавидим себя, поддерживаем других, если хотим поддержать себя, забываем о других, если плохо помним себя"(*140).

Перед нашим отъездом в Болгарию смеялись: ужо болгары сейчас мешки готовят! Тренируются в прицельном метании!

Поднять пострадавшего со столь серьезной, как оказалось, травмой с глубины -650 метров всего за 24 часа транспортировки? И практически вчетвером. Похоже, что таких примеров не так уж много в мировой практике кейвинга.

Так или иначе во Враце мой доклад слушали с интересом. И снова поразительная доброжелательность зарубежных коллег! Отстрелялся, что называется, на все сто. Подходили, фотографировали вывешенные нами схемы спасательных приемов, задавали вопросы. Вопросы не праздные.

Если хоккеист нарушает правила - его удаляют с поля. Нарушение правил под землей карается куда строже.

Теперь мне предстоит лекция о несчастных случаях в советском кейвинге. Тяжелая тема. Если у болгар за всю их историю лазания по пещерам погибло только 5 человек (*141), то в Советском Союзе - гораздо больше. И дело тут не только в несопоставимости размеров наших стран. По количеству занимающихся спелеологией Болгария не уступала СССР - и это тоже характерный показатель! Известно, что чем более развито общество, тем больший процент его населения начинает заниматься деятельностью, впрямую не связанной с производством, в том числе спортом, искусством, путешествиями и т.п.

Статистика призвана помочь осмыслить происходящее. Если мы действительно хотим научиться безопасно работать на одинарной веревке, мы не должны пренебрегать даже мелочами, даже намеками на аварию. И еще надо отказаться от ложного са-

молюбия, от страха перед карающей десницей властей. Пора научиться говорить правду о каждом несчастном случае, о всех неудачах.

Надо, а страшно. Заявить о своих ошибках, в условиях нашего строя значит - подставиться.

Куда приятнее ходить с гордо задранной головой: у нас, мол, ничего не случается! Полный ажур.

Нет таких групп, у кого не случается. Такова специфика самого дела. Что-нибудь случается всегда. Маленькие шероховатости, средненькие ошибочки, большие проколы... Так набирает темп вероятность серьезной аварии.

Изучение несчастных случаев в экстремальных видах спорта, таких, например, как альпинизм, дает интересную закономерность распределения аварий в соотвeнствии с опытом участников. Больше всего чрезвычайных происшествий, причем с тяжелыми последствиями, происходит в группах новичков и... группах высокой квалификации. В чем тут дело?

Что касается новичков - все понятно. Элементарная неопытность, неподготовленность, незнание правил игры.

Чем дальше - тем сложнее задачи, которые предстоит решить. Рост сложности маршрутов обеспечивается пропорциональным уровнем подготовки. Пока эта зависимость соблюдается - вероятность аварии минимальна. Именно поэтому группы средней квалификации наименее аварийны. У середнячка уже достаточно опыта, чтобы не замахиваться на невыполнимое, и достаточно уважения к игре, чтобы соблюдать ее правила.

До определенного момента такое соответствие между предстоящими задачами и собственными возможностями удается удерживать в строгом соответствии. Но затем равновесие может нарушиться. Если усложнение маршрутов не компенсируется возрастанием мастерства - закономерно увеличивается степень риска. Чаще всего виной тому "звездная болезнь", симптомы которой можно заметить у многих с достижением ими определенного уровня мастерства. Опыт, наработанный в десятках рискованных и благополучно окончившихся ситуаций, из которых удалось выйти невредимым, начинает оказывать дурную услугу. Он превращается в самоуверенность. По принципу: "С кем-кем, а уж со мной-то этого не случится!"

Плюс элементарная лень выполнять утомительные тысячи раз проделанные технические мелочи. Плюс удовольствие позволить себе слегка пренебречь обязательными для остальных правилами. Возможность переступить закон - сродни наркотику. Стоит раз попробовать, может затянуть. Если человек хоть раз почувствовал тягу пренебречь правилом безопасности - берегись. Нарушение таких правил - не выдуманных, а объективных, конечно, - не проходит безнаказанным. Если не для нас, то для тех, кто на нас смотрит.

"Запрещается ходить по крутому травянистому склону в стоптанных кедах!" - сказал инструктор и пошел по крутому травянистому склону в стоптанных кедах. Сколько тонкой наблюдательности в этой старой туристской байке! С опытом мы склонны забывать, что правила безопасности едины для всех, вне зависимости от опыта, возраста, знаний.

И еще одно. Ни в одном из видов спортивного туризма, путешествий, альпинизме, кейвинге статистический учет несчастных случаев не был налажен достаточно хорошо. В картотеку попадали только случаи, которые невозможно было утаить, то

есть аварии с тяжелыми последствиями, требовавшими официального вмешательства. Все, что только можно, скрывалось от официальной статистики. И уж совсем ускользали от осмысления даже не аварии, а аварийные ситуации, потенциально чреватые осложнениями.

Именно поэтому, начиная учет чрезвычайных происшествий в нашей практике СРТ, я старался не упустить ни одного происшествия, даже если на первый взгляд его и нельзя было впрямую отнести к опасным. Даже если авария уникальна, если смех берет или оторопь - эк его угораздило! - надо знать о ней. Чтобы быть готовым ко всему.

Информированность - важный подпункт правил безопасности.

Первые два года занятий СРТ дали солидную цифру: 33 аварии. Преодолевая въевшуюся в кровь осторожность, мы опубликовали наши данные. Пусть знают все: одинарная веревка - это не прогулка при луне. Опасности подстерегает каждого, ступившего на нейлоновую дорогу. В том числе и весьма неочевидные. Но наша безопасность в наших руках. Удивительно, но мне не известно случаев, когда причиной аварии является Природа, а не сам человек. Враждебность окружающего зависит прежде всего от нашей подготовленности вести диалог. Во время развития событий мы можем влиять на ситуацию в 99 % случаев. Все дело в том, как рано мы понимаем и начинаем действовать.

Так что не стоит винить Природу в наших неприятностях на маршруте. Это напоминает ситуацию, когда стукнувшись лбом о дверь, мы изрыгаем проклятия в ее адрес. Дверь-то чем виновата? Она безвольна.

* * *

После падения мешков на втором месте по числу оказались аварии из-за поломки снаряжения. Этого мы ожидали и заблаговременно приняли меры. Фирменного снаряжения у нас не было, а самоделки на то и самоделки.

Ахиллесова пята индивидуального снаряжения СРТ: замковый беседочный мэйон рапид. На нем буквально держится все остальное. Поэтому поломка этого небольшого металлического кольца, замкнутого резьбовой муфтой, - страшное событие. И такие случаи не замедлили начаться.

Сначала на втором колодце Торгашинской вырвало муфту самодельного мэйон рапида у Ербола Курмангалиева. "Люди Ербола" вполне могли остаться без своего предводителя. Но рапид разогнулся удачно - всего в трех метрах от дна колодца.

Дальше больше. В той же пещере удачно увернулся от посланной Борисом Алексеенко канистры другой усть-каменогорец - Виктор Фитисов. Но от Судьбы не ушел. Стоило ему нагрузить свой рапид в начале подъема, как тот немедленно разогнулся. И снова удачно - некуда падать в метре от дна!

Куда как больше рисковал Сергей Хардиков, покидая Сумган под занавес нашей советско-польской экспедиции в августе 88 года. Входную шахту Кутук-Сумгана нет нужды подробно описывать - мой Внимательный Читатель уже отчетливо представляет ее огромную каменную трубу, украшенную висячими ледниками.

Экспедиция заканчивалась. Последняя двойка: Хардиков-Гановичев, поднимаясь с 70-метровой глубины снимала за собой навеску. Оживленно переговариваясь между собой, парни демонстрировали преимущества СРТ работающим параллельно на двух веревках девушкам из Прибалтики. Девушкам, правда, было

не до того: дюжие прибалтийские хлопцы, поплевав на ладони, на раз-два извлекали их из пещеры, наподобие транспортных мешков.

Хардикову оставалось всего два крюка до выхода в большую нишу северной стены, куда восходила трасса. Сергей был хорошо виден на фоне желто-белых скал пропасти, украшенных здесь, на свету, яркими разноцветными пятнами лишайников. Хардиков довольно быстро продвигается вверх, как вдруг, не доходя полуметра от корема ближайшего крюка, останавливается и замолкает. При этом вся его поза выражает крайнюю озадаченность и тревогу. Я стою на противоположной стороне пропасти, Хардиков находится к нам и к колодцу спиной, и поэтому сразу не видно, что у него приключилось.

Но вот Серега быстро поднимает руку и локтем цепляет корем, в то же время продолжая какие-то судорожные движения на уровне груди.

Что называется, комментарии излишни. Единственное объяснение этой суете - мэйон рапид! Однако, ситуация... Повиснуть над 70-метровой бездной на руках - не всякий каскадер согласится!

- Что, Сережа? - как могу спокойнее, спрашиваю я. Слышно над Сумганом хорошо, а криком делу не поможешь.

Молчание скорченной у стены фигуры потверждает мои догадки. Что делать в таком случае? Когда в Торгашинской я начал спуск на незастегнутой беседке и обнаружил это уже в отвесе, то мигом обвязался запасным репшнуром. Хотя знал, что даже незастегнутая, моя беседка не даст мне окончательно вывалиться. Знать - знал, а труханул порядочно.

Хардикову сейчас несладко. У него нет в запасе моего опыта. Но и со всем своим опытом я сейчас ничего не могу поделать. Потому что однозначного выхода из такой ситуации нет. Каждый вынужден решать задачу сам, исходя из имеющихся в наличии: знаний, набора наработанных приемов, запасного снаряжения, сообразительности и присутствия духа.

Звучный выдох проносится над колодцем. Хардиков отпускает корем и быстренько поднимается последние несколько метров, минуя перестежку. Вышел!

Этот рапид хранится у меня - на память от Хардикова. Как ему удалось завинтить-таки резьбовую муфту на разошедшемся под нагрузкой разъеме рапида - секрет не только для меня, но и для самого исполнителя смертельного трюка. Дело в том, что большинство из нас в то время использовало самодельные мэйон рапиды, которые в большинстве своем более мягкие, чем фирменные. На незакрученном фирменном рапиде можно висеть сколько угодно - рывки, конечно, противопоказаны, а так - нормально. В Киевской 87-го года, еще до аварии с Филом, в одном из предварительных выходов я метров 150 прошел на незакрученном МР и обнаружил это только на поверхности. Но... привычки из этого делать нельзя.

Так родилось правило СРТ для условий самодельного снаряжения: если существуют сомнения в надежности беседочного мэйон рапида, следует дублировать его страховочным кольцом из веревки или стропы соответствующей прочности. И еще - носите с собой запасный репшнур: запас карман не тянет!

* * *

Каждый турист-горник, пешеходник или участник других соревнований по техническим видам туризма или скалолазания,

не говоря уже о спелеотуристах, сталкивался с жестким судейским прессингом в отношении карабинов. Долгое время на соревнованиях не допускалась работа с карабинами, не имеющими муфт. Даешь карабины с муфтами и точка! Всегда ли оправдано это требование?

Правила СРТ очень демократичны в этом отношении. Более того, при навешивании веревок на отвесы преимущественно используются карабины без муфт. Что касается индивидуального снаряжения, то здесь строго определено, какие карабины обязательно должны иметь фиксацию от открывания, а какие нет.

... Ему оставался всего один отвес - спуск в зал имени Алтайского Государственного Университета - зал АлГУ. Веревка перилами шла к дальнему краю широкой полки, где поблескивал очередной крюк навески. Спускавшийся перед ним, Петров уже ушел вниз, в черноту зала, откуда мощно доносился шум падающего сверху ручья. Вова Пантюхин знал, что на самом деле вода сейчас чисто символическая, и этот шум - фокусы пещерной акустики: жиденький душ падает на какой-нибудь полиэтилен!

Зимой в Алтайской воды практически нет. Это не весной или, скажем, летом. Глубочайшие из алтайских пещер вообще расположены как-то аномально. Ну где еще можно встретить вертикальную пещеру в лесу посреди болота? А здесь самое настоящее болото, поросшее чахлым леском. Прорезающие замкнутую горную котловину овраги собирают болотные воды, дренируют ее в в вертикальный ствол пещеры. Не только Алтайская, глубочайшая пещера Горного Алтая - Кек-Таш, также расположена на болоте.

Выходя на полку, Пантюхин подумал, что это его третья экспедиция в Алтайскую, а вот до дна ее он добирается впервые. В общем-то, ничего сложного. Все колодцы простые, красивые. Белоусовцы, работавшие здесь месяц назад, забили хорошие крючья. В январе это было. А сейчас - февраль.

Володя вдоль перил подошел к крюку. Снизу гулко звучали голоса, сплетаясь с гулом ручья. Парни уже в АлГУ. Пантюхин привычно пристегнулся на крюк коротким усом, потихоньку сполз в отвес и завис на самостраховке. Пещера здесь образовывала весьма острый карниз, который выступал из стены на уровне володиного живота. А дальше шла пустота - ноги до стен не доставали.

Пантюхин встегнул веревку в решетку и зафиксировал ее на рожках спускового устройства. По-хорошему, надо было теперь встегнуть выше решетки зажим и спускаться, как положено, с самостраховкой. Но Пантюхин уже пол-пещеры спускался без самостраховки. Да и чего бояться? Все колодцы простенькие, веревка идет сплошняком от крюка к крюку: падать особо некуда. Это создавало уверенность, что в случае потери контроля над спусковым устройством, далеко не улетишь - сядешь на ближайшем промежуточном закреплении. Да и удобнее как-то - обе руки на веревке.

Закрепив решетку, Пантюхин поправил под собой мешок, с которым спускался. Теперь оставалось подтянуться на руках и выстегнуть самостраховку. Силенка еще была: 200 метров спуска по Алтайской не представляют большого труда. Вова покрепче взялся за веревку под самым крюком, примерился и, резко подтянувшись на руках, вынул из крюка карабин самостраховочного уса: выстегнул ус и начал осторожно

опускаться на решетку...

Что-то было не так! Пантюхин еще не понял - что, но уже ощутил ледяной озноб какого-то несоответствия, какой-то ошибки. Он никак не мог сесть на решетку, не чувствовал под собой опоры, все больше соскальзывая животом с карниза в пустоту зала, и уже висел почти на вытянутых руках. Висевший на беседке транспортный мешок свинцовой гирей тянул вниз. Да где же эта чертова решетка?!

Он увидел ее. И увидев, не поверил своим глазам. Это здорово походило на кошмарный сон. Его решетка! Она висела на веревке на уровне пантюхинского носа, тщательно зафиксированная, как на учебных занятиях, но... она висела отдельно от него!

Будто электрическим разрядом, стеганул по нервам страх. Влип! Пантюхин висел на руках над глыбовым завалом грота АлГУ на высоте пятого этажа. Если бы не мешок, Пантюхин бы вылез. Но подтянуться еще раз с таким грузом да еще взобраться на проклятый карниз!

- Мужики! - крикнул Пантюхин. - Я падаю!

Сверху спускался кто-то из парней, и Володя услышал торопливый голос: "Погоди, не падай, сейчас подойду!" Но помощь была еще далеко, а сил оставалось все меньше. В возбужденном мозгу лихорадочно метались мысли. Рукавиц нет, значит, если съезжать на руках, то за 15 метров все руки сожжешь к черту! Почему-то он не подумал о возможности встегнуться усом в висящую на уровне глаз решетку или попытаться одним движением прицепить к рапели пуани с педалью - и все! - он спасен. И мысли не было. Пантюхин стал вращательными движениями накручивать рапель на ногу и висящий на трансрепе мешок, сообразив, что так трения при падении будет побольше. Снизу слышался только грохот камней: видимо, парни молча бежали к навеске.

- Падаю! - скорее скомандовал, чем крикнул, Вова и выпустил из рук веревку.

Коля Петров услышал свист трущейся о что-то мягкое веревки и понял, что Пантюхин "пошел". Он приготовился принять удар, напружинился, и в тот же момент тяжелый толчок сбил его с ног, повалив в расщелину между глыб. Спустя мгновение, не чуя ушибов, Петров уже снова был на ногах. В свете налобного фонаря на него, криво улыбаясь, смотрел Вова Пантюхин.

- Во, блин! - сказал Пантюхин.

- Вовчик, ты живой?! - Петров и подбежавший Саша Ван ощупывали Пантюхина, еще не веря, что все закончилось легким испугом.

- Живой, - сказал Пантюхин, морщась от боли в расшибленном о камень колене. - Я из решетки выстегнулся.

- Вовчик! - с чувством сказал Петров. - Вовчик, ну ты и козел!

Так мы познали еще одно правило техники одинарной веревки - карабин спускового устройства должен фиксироваться от открывания муфтой. Обязательно!

Анализируя этот случай, мы пришли к выводу, что лежа на карнизе, Пантюхин умудрился отжать о камень защелку карабина и в момент подтягивания снялся крюком уже открытого карабина со скобы решетки. Невероятно, но факт!

* * *

Звонит телефон. Он стоит на моем рабочем столе рядом с пишущей машинкой. Еще весь в мыслях о работе, снимаю трубку.

- Слушаю.

- Привет, - на проводе Алма-Ата, Шакалов. Голос Саши как-то казенно сух, безжизнен. - У нас ЧП, слышал?

- Нет, - что-то внутри подтягивается, как перед прыжком в холодную воду. - Что случилось?

- Игорь Милеев упал в Киевской. В "шестидесятке". Ты игоря знаешь, он приезжал на соревнования, из молодых.

- Живой?

- Живой. Но тяжелый. Сейчас в больнице в Ургуте.

Ох, уж эта больница в Ургуте!

- Так они что - зимой в Киевскую пошли? Под Новый год?

- Восемдесят девятый проводить решили. Почему упал? Выпустил рапель, зажал самостраховку по тросу и так летел метров двадцать. Молча летел. Паша Луганский внизу стоял, не успел подстраховать. Да парень еще плотный, этакий здоровяк.

"Шестидесятка" - это перед базой -350.

- Как доставали?

- Он сутки без сознания лежал. Сотрясение сильное. Они на -350 лагерь поставили и еще двое суток его там продержали, боялись, что помрет при транспортировке. Потом решились и за 12 часов подняли. Ну, и в больницу. Ноги повреждены, конечно, но главное, голова...

Вот и еще одни "спасы" в КиЛСИ.

* * *

Конец декабря 1989 года получался тяжелый. Я уже боюсь поднимать трубку телефона. Незадолго до Шакалова позвонила Москва. В трубке усмешливый голос Володи Рудыха, одного из московских членов нашего клуба "Сумган":

- Неужто не знаешь? Ну, в общем, у нас в Снежной... бельгиец "поломался".

Вот тебе раз! Впервые наши московские товарищи под флагом "Сумгана" через Совинтерспорт взялись за коммерческое обслуживание группы бельгийских спелеотуристов на заказанном ими маршруте. И - авария?

Бельгиец Дихэв Дидье имел небольшой опыт в кейвинге. Иначе он не взялся бы за транспортировку по ледовой части Снежной сразу четырех здоровенных мешков с веревкой. А если бы и взялся, то прицепил бы их на раздельные транспортировочные шнуры. Так или иначе, но он начал спуск с четырьмя мешками и благополучно добрался до Кривого колодца на глубине -150 метров. И тут у очередного крюка "сел в корем". Точно также, как некогда в Торгашинской пещере запутался в кореме Валера Мальков.

Понятно, что мешки не преминули накрепко перепутаться между собой и веревкой, что, впрочем, не повергло Дидье в долгие раздумья. Для того, чтобы вытащить мешки из корема, Дидье требовалось приподняться. Напомню, что корем - это дугообразный провис веревки, позволяющий сделать перестежку через крюк. Так вот, Дидье попробовал приподняться, уперевшись ногами в свою педал. Но - четыре мешка! Как и большинство из нас, бельгиец не отличался богатырским телосложением или феноменальными физическими данными.

Крюк, остановивший Дидье, был забит над острым карнизом, в пустоте под которым болтались ноги бельгийца. Дидье шел последним в двойке, его напарник уже закончил спуск на снеж-

ном конусе Большого зала и теперь мог помочь товарищу только поднявшись снова на верх Кривого колодца. Но Дидье и не думал обращаться за поддержкой снизу. Да и не очень-то принято в европейском кейвинге полагаться на чью бы то ни было помощь. Перевесить мешки по одному на крюк или веревку Дидье не мог - они были прицеплены одной гроздью. Резать и сбрасывать всю гирлянду вниз было рискованно - на Конусе мешки можно было и не найти. Что оставалось делать? По идее, первому в двойке все же надо было подняться и помочь товарищу. Тогда Снежная еще подумала бы, пропускать ли ту команду в свои недра. А так - пропасть усмехнулась и показала зубы.

Чтобы все-таки приподняться, Дидье решил использовать рапель под крюком. Он скрутил из веревки подобие стремени, вставил в него ногу и снова попробовал привстать. Поначалу это удалось. Дрожа от нарпяжения, Дидье вставал все выше и выше. Еще немного и!.. Но стремя он завязал плохо - то ли не знал толком, как его вязать, то ли подвела необычность ситуации, но стопа вдруг скользнула в веревочную петлю, и Дидье резко провалился вниз. Нога проскочила в петлю до бедра, колено ушло под карниз, а сам Дидье продолжал падать вниз, увлекаемый весом мешков, опрокидывавшим его навзничь. Бедро пошло наизлом, и резкая боль едва не лишила бельгийца сознания...

Самое трудное было - потерпеть. Вытерпеть, пока товарищ поднимется к нему по проклятой веревке, петлей стянувшей сломанную ногу. Дидье занимался йогой, поэтому он не потерял сознания от боли, не впал в шоковое состояние. Он устоял. И потом еще выдержал 6 часов на этом отвесе в ожидании спасателей.

Это тоже входит в правила Игры - уметь ждать.

- Как международные отношения?

Рудых на том конце провода улыбается.

- Нормально. Благодарность даже получили за оперативные действия!

* * *

И вот теперь авария у алмаатинцев в киевской "шестидесятке".

Я хорошо помню этот колодец.

В кейвинге широко известны неприятности, связанные с водой. Вода, созидающая пещеры, по праву считает себя хозяйкой подземелий и не собирается по-добру уступать свои владения людям. Приходится пускаться на технические хитрости.

Техника одинарной веревки подразумевает, так называемую, "обвеску" воды. Зачем купаться под водопадом, если можно увести трассу в сторону и двигаться посуху? Достичь этого позволяют промежуточные точки закрепления веревки на отвесах, которые обычно организуются несколько в стороне от первоначального положения рапели. Как красиво смотрятся со стороны грохочущие подземные каскады, особенно если представишь, как пришлось бы купаться в этих струях при старой технике!

"Шестидесятка" считалась самым неприятным колодцем пропасти. Во-первых, самый большой сплошной отвес. Все-таки 60 метров не мало. Во-вторых - отвес мокрый. Ручей впадает в колодец по узкому желобу-лотку, который постепенно все круче заваливается вниз, так что, в конце концов, спуск переходит

в полоскание под ледяным душем. Даром, что Средняя Азия - водичка-то с тающих снежников!

В 87 году навеску на этот колодец делал Фил Фикус. Это была классная работа! Едва начав спуск, Филип забил в правую стенку желоба крюк и ушел длинным маятником далеко вправо по весьма удобной для передвижения косой расщелине, украшенной мощными нависающими над колодцем скальными зубьями. Почему-то раньше эту расщелину никто не замечал, а вот болгарин увидел и тут же сориентировался. Опыт есть опыт.

Охватив один из зубьев тросовой петлей, он закрепил на ней веревку, Филип ушел вниз и там, где стены уже напрочь расходились колоколом, забил крюк последнего промежуточного закрепления.

Мы стали недосягаемы для воды! Теперь она смутно шумела где-то в отдалении. Абсолютно сухие стены вдоль трассы - это ли не прекрасно?

И великое благо может обернуться злом, ибо нет на свете ничего абсолютного.

... Мы спускаемся в паре с Любой, последней двойкой в нашем тактическом рисунке штурма. Свет двух карбидок хорошо освещает наш путь, и пещера кажется более светлой, приветливой. Мы полны сил и оптимизма. Все идет, как по писанному, и первые 300 метров спуска пролетают незаметно. Мы почти не разговариваем, только привычный лаконизм команд да лязг нашего снаряжения сплетаются с привычным шумом текущей воды.

Вот и 60-метровый колодец. Это своеобразная точка отсчета - одна треть пути до Дна. На спуск ухожу первым. Ручеек игриво звенит под ногами, ожидая, что мы подставим каски под его душ. Не выйдет! Навеска круто уходит на траверс, заложенный Филом. Добираюсь до скального зуба, перестегиваюсь на следующий участок рапели, жду. У каждого промежуточного закрепления поджидаю Любу, тихонечко придерживая рукой корем. Это - страховка снизу. Если она выпустит рапель из рук и начнет скользить вниз, я натяну веревку в ее решетке и остановлю падение. Это самый надежный способ подстраховки партнера на случай, так называемого, неконтролируемого спуска.

Идем дальше. Мерное пощелкивание карабинов, шум воды в стороне от трассы. Все так привычно и мирно. Зависаю у последнего перед колоколом крюка, смотрю вверх. Там, в оранжевом зареве карбидного света двигается темная фигурка. Наши красные комбинезоны издалека кажутся черными. Люба перестегивается через тросовую петлю на скальном зубе. Если бы сейчас высветить мощными прожекторами черную бездну, что окружает нас, думаю, не только Любе стало бы неуютно. На свету эта вертикальная акробатика выглядит гораздо страшнее. Как это в песне? "Геологи не любят альпинистов, но уважают в глубине души".

- Костя! - голос Любы сверху несколько встревожен, и я сразу подтягиваюсь, отбрасываю посторонние мысли, всматриваюсь вверх. - Посмотри, у меня все в порядке со светом?

Между нами метров восемь, и я ничего особенного не вижу. Свет как свет. Что в нем может быть не в порядке, если он есть? Правда, какой-то странно красный у него оттенок, но может, это стены такие, просто внимания не обращали?

- Ничего не вижу, - снизу собственно фонаря не видно. - Ты спускайся пониже, посмотрю. А что случилось?

- Да так...- Люба отделяется от верхнего закрепления и плавно скользит ко мне все увеличиваясь в размерах. Поворачивается...

Слова застревают у меня в горле (простите за штамп, но я чуть не давлюсь от неожиданности). Ко мне едет человек с пылающей головой! Оранжевый факел полыхает на любиной голове - это не карбидка, это горит сама пластиковая каска!

- Голову от веревки!!! - ору я. - Люба! Быстрей! Ко мне! Она уже рядом, метрах в трех. Томительно тянутся секунду, пока я, наконец, не дотягиваюсь до своей пылающей жены. Первым делом сбиваю огонь с ацетиленового шланга, идущего к каске от ацетиленгенератора на поясе. Пытаюсь потушить каску. Не тут-то было! Только бы не вспыхнули волосы! Наши роскошные черные косы...

И ни капли воды! Это надо ж так "удачно" сделать навеску! Качественно обвесили воду. Бью рукавицами по горящей каске - в ней уже выгорела порядочная дыра, и огонь, наконец, сдается. И сразу, такое впечатление, становится темно. Гаснет оранжевое зарево, на стенах пропадают красные отсветы, и только моя ацетиленка освещает место чуть было не разыгравшейся трагедии. Сгореть на отвесе от собственной карбидки! Нарочно не придумаешь.

Потихоньку успокаиваемся.

- Ты мне чуть голову не оторвал! - Люба испуганно смотрит в колодец.

- Вот они - преимущества СРТ! - пробую пошутить я, хотя самого еще колотит нервная трясучка.

Шутки шутками, а в двухверевочном варианте я не смог бы помочь Любе, и кто знает, чем бы все это кончилось. Шланг ацетиленовой горелки размягчился от тепла и, видимо, при неосторожном движении, сорвался со штуцера. Ацетилен на конце шланга вспыхнул, поджег каску...

Да... В таком сухом колодце да на одинарной веревке огонь - страшнее ножа.

И мы продолжаем спуск навстречу испытаниям.

С А М И С Е Б Е С П А С А Т Е Л И.

-

Письмо от Резвана пришло... нет, не неожиданно. Я всегда жду володькиных писем. В Адлере перекресток дорог, ведущих к пропастям Кавказа. Поэтому новости от Резвана всегда самые свежие.

Есть письма, которые вскрываешь находу - от них не ждешь ничего особенного, интересного, тонкого общения с заочным собеседником. Другие приятно причитать в соответствующей обстановке, что называется, со вкусом. Так я читаю письма Резвана. Ну, что там на этот раз?

"Костя, привет. Исчез Саша Морозов - последний раз его 7 февраля видел Аркадий Иванов: он шел через Снежную, а тройка Саши должна была идти через Меженного, но, видимо, до входа они не дошли..."

Постой, постой... Зимой 1985 года Морозов задумал траверс пещер Снежная и Меженного, соединение между которыми на глубине около -500 метров было открыто ленинградскими спелеологами Владимиром и Олегом Демченко.

"...тройка Саши должна была идти через Меженного, но,видимо, до входа они не дошли."Спасработы" начались 8 марта..."

Глаза автоматически проскакивают строчки, не воспринимая смысла этих нелепых закорючек. Перечитываю еще раз, третий... Я ничего не понимаю... Ведь уже март. Март! Март!!!

"..."Спасработы" начались 8 марта. Прилетели из Москвы чиновники и наши: Усиков, Майлянц, Иванов - всего, с учетом сочинских спелеологов, человек 30. Усиков и Капрал спустились в Меженного до Райских ворот, где лежали модули для Саши - их никто не трогал, т.е. в пещере ребята не были. Теперь выяснится все в июне-июле, после снеготаяния. В эту зиму снега выпало до восьми метров, т.е. вдвое больше, чем обычно."

Я смотрю на письмо и чувствую, как где-то внутри меня рождается звенящая пустота.

* * *

"Последний раз группу Морозова видели в 800-х метрах от входа в Меженного. Однако, до входа группа не дошла. Она исчезла на белом плато со странным названием Хуп-Хулцва"(*142).

Что же случилось? Как такое могло случиться? Группа Морозова одна из надежнейших групп Союза...

Это не спасательные работы - это не так должно называться. Ведь уже март, и надежды нет. Нет? Надежда должна оставаться до конца, до самого последнего предела. Даже наперекор разуму.

И они искали. Искали те, кому не надо было объяснять правила Игры - общественники-спасатели, спелеологи Москвы, Адлера, Сочи. Преодолевая чудовищные тормоза бюрократической системы советов по туризму и штатных туристских контрольноспасательных служб. А ведь такая служба в бывшем СССР существовала. Более 110 спасательных отрядов, свыше 500 штатных спасателей были раскиданы по всей огромной стране. Не много, но и не мало, если бы эта служба выполняла все то, к чему была предназначена. Отправляясь в горы, люди верили, надеялись: если что - их спасут, окажут помощь.

Наивные люди! Как мало надо было знать об этой службе, чтобы всерьез рассчитывать на помощь. Слабо снаряженные, неукомплектованные квалифицированными кадрами, опирающиеся прежде всего на общественников, туристские спасательные службы были ориентированы прежде всего на спасение заявленных, зарегистрированных в официальном порядке туристов. "Диких" спасать не обязаны...

Пусть поймут меня те штатные работники ушедших уже в Лету КСС, кто на свой страх и риск, не дожидаясь писем и телеграмм, гарантирующих финансирование, начинали спасработы, движимые безусловным пониманием правил Игры. Речь не о них. Такие люди были и есть, они боролись с обстоятельствами и делали, что могли. И то, что не могли, тоже делали.

Но были другие. (И есть!)

6 марта в Сочинскую КСС поступил сигнал о несчастьи на Бзыби. В район спасатели вылетели только 9-го! Вдумайтесь. Да, прошел месяц, как ребята пропали. Но пока нет доказательств безысходного - есть и надежда. Есть! И нужно использовать любой, даже безумный с точки зрения банальной логики шанс. И только тогда сможешь сказать: "Мы сделали все, что могли". Только тогда сможешь уважать себя, смотреть в глаза людям прямо.

* * *

Их палатка вытаяла только поздней весной. По скупым штрихам, скудным подробностям, сохранившимся с тех дней, можно попытаться восстановить последовательность событий. Все получилось до нелепости просто т страшно.

В тот день, 7 февраля 1985 года, на Бзыби было достаточно тепло и на плато пал туман. Здесь, на Хуп-Хулцве - помните? - расходятся две тропы: влево - на Меженного, справо - к Снежной. Группы Саши и Аркадия Иванова прощались здесь всего на несколько дней: они должны были спуститься в разные входы пещерной системы и через неделю встретиться у колодца Катаклизм в Анфиладе на соединении некогда независимых пещер Снежной и Меженного. Группа Аркадия ушла к Снежной, Морозов и два Алексея: Кореневским и Преображенским - молодыми спелеологами из Москвы, продолжал заброску, перетаскивая челночными ходками экспедиционный груз ко входу в Меженного. В последнюю ходку группа Морозова отправилась уже на исходе туманного дня. То ли туман, сумерки и непрекращающийся снегопад, то ли усталость - что-то заставило Морозова сбиться с пути. Пути, который Морозов, казалось, должен был знать с закрытыми глазами. Группа не дошла до своей временной базы буквально несколько десятков шагов и в кромешной тьме решила встать на ночевку. Тем более, что бивачное снаряжение было под рукой.

Пробившись сквозь коварно мягкую кавказскую погоду, группа Иванова благополучно добралась до входа в Снежную и сходу ушла под землю. Как хорошо в пещере после ненастного зимнего Кавказа! Группа продолжала работу и ровно в условленное время подошла к колодцу Катаклизм. Морозова не было. Не было его и на следующий день, и через неделю. Идти навстречу Морозову через Меженного Аркадий Иванов не мог - не было снкряжения, его должна была навесить группа Морозова. Поэтому они решили возвращаться.

На поверхности первым делом кинулись ко входу в Меженного. И когда увидели, что группа Морозова в пещере так и не была, поняли, что случилось что-то непоправимое.

Но шанс был! Ведь никто не видел ребят мертвыми. Значит, они могут быть живыми. Они должны быть живы! Ведь это Морозов.

И Аркадий ринулся за помощью. Позвонил в Москву, в КСС...

... Они поставили палатку на чуть покатом склоне где-то на подъеме - не видно было, все вокруг застилали туман, снег и темень. С комфортом расположились на ночлег, забравшись в спальные мешки, чтобы завтра поутру сориентироваться и продолжить работу.

Ночью на палатку Морозова сошел оползень. Небольшая снежная доска съехала по невероятно пологому снежному склону. Лавина на таком склоне - абсурд. Но она сошла. Они были похоронены в снегу и не смогли выбраться.

Их искали. Не единожды поднимались в горы поисковые команды, но отступали ни с чем. Попробуй, пробуравь лавинными зондами такое плато! Как потом выяснилось - проходили совсем рядом. Будь у морозовской группы элементарный радиомаяк, нашли бы сразу. Но... Ни радиомаяков, ни радиостанций у нас, спелеологов, не было и нет до сих пор. Нет их и у многочисленных туристов, ежегодно платящих страшную дань лавинам в горных районах бывшего СССР. Почему? Не положено. У альпинистов есть, а туристам - не положено. Тем более, спелеоло-

гам.

* * *

Незаметно летят дни, с каждым годом все быстрее. Все больше лет отделяет нас от того страшного дня. В народе говорят: "Кто старое помянет - тому глаз вон!" Мы хорошо помним первую половину этой пословицы. Но вспомним и вторую: "А кто забудет - тому два!"

Я бережно храню пожелтевшие листы того октябрьского, 85-го года, "Собеседника", строчки, которые не укладываются в сознании, сколько бы лет ни прошло...

"К пещере спасатели вылетели только девятого. В горах провели всего трое суток, непосредственно поисками занимались всего 8 часов. Прибывшие представители Центрального совета поиски прекратили - лавинная опасность. Несколько дней друзья Морозова в Москве добивались разрешения снова начать спасработы. Добились. Прилетели в Сочи. Оказалось, что решение сюда еще не дошло! Начальник контрольно-спасательного отряда выдать продовольствие отказался. И еще три дня продолжалась морока. (Подумайте, Читатель! Три дня бюрократической мороки, когда в горах гибнет ваш сын или муж!) Когда же в их все-таки пустили, то первые двое суток спасатели находились в лавиноопасной зоне без связи, без рации. Рацию Сочинский КСО не выдал по той причине, что Центральный совет, тот самый, работники которого признали район лавиноопасным, не позаботились дать соответствующих указаний."

Годом позже описываемых событий я присутствовал на семинаре руководителей походов со школьниками в Подмосковьи. И вот к нам на турбазу "Зеленый бор" приезжает ответственный за безопасность проведения туристских путешествий Центрального совета по туризму и экскурсиям Юрий Худоклинов. Я сижу на лекции по безопасности проведения походов со школьниками и, мертвея, слушаю Худоклинова. А тот с чиновничьим апломбом посмеивается из-за кафедры, бросая в учительскую аудиторию впечатления от тех спасательных работ на Бзыби. "Представляете, эти спелеологи, они придумали искать в лавине в аквалангах! Мы им говорим - вы еще ласты бы надели!" И разводит руками, апеллируя к доверчивым слушателям - вот де, какие неучи-профаны ходят по нашим горам! Вот де, кого приходится спасать. А еще, мол, права качают, возмущаются чего-то!

А я с трудом сдерживал себя, чтобы не устроить скандал, не швырнуть в эту чиновничью физиономию что-нибудь, потяжелее слов... Эх, Юра, Юра, ведь говорят, ты тоже ходил в горы, как же ты можешь?...

Сдержался, не устроил, смолчал, и несу этот стыд по сей день. Осторожность, вежливость, тактичность и воспитанность - не пахнут ли они, порой, трусостью?

Да, наверно, не все "профаны-спелеологи" верно представляли, как вести поиски в лавине. Кстати, утвержденными ЦС программами спелеотуристской подготовки лекции на эту тему даже не придусмотрены. Нет в них и многого другого, что входит в подготовку туристов других видов путешествий. Что ж с того? Парни шли, рвались в горы на помощь. Потому что так понимали правила Игры. Потому что хотели верить: если когда-нибудь случится и с ними, другие также не станут сидеть по теплым углам.

А вы, увенчанные креслами и портфелями, иные и сами из

нашей среды - чиновники от туризма - что делали вы, "худоклиновы"? И что бы вы сделали, если бы вас не заставляли шевелиться мы - вот эти "неучи", для служения которым и созданы ваши кресла и портфели? Потому мы вам так и ненавистны, что беспокоим, отвлекаем от личных дел, заставляем принимать решения и брать ответственность, то есть честно отрабатывать свою зарплату.

Мы с вами, никогда не поймем друг друга, потому что у нас разные правила Игры. Да и игры разные.

И мы никогда не добьемся правды, если не сломаем эту страшную машину "ничего-не-делания" на государственную зарплату. Увы.

* * *

Трагедия на плато Хуп-Хулцва взволновала многих. На работе подходили сослуживцы:

- Там опять про ваших в газете писали. Погиб кто-то. Вы их знали?

- Да, да, знал...

- Как же это возможно - пропали в феврале, а поиски - через месяц?

- Возможно. У нас все возможно...

- Безобразие!

- А каково родителям?

- Вы, как камикадзе какие-то...

Когда улетал в очередную экспедицию на Кавказ, беспокоились, любопытствовали:

- Туда, где эти ребята?... Поосторожнее там!

- Нет, мы не туда, у нас все просто... Да и снега сейчас нет.

- А если что? Спасатели там есть?

- Ну, разве об этом говорят! Есть, все там есть. Мы сами себе - спасатели...

Мы - сами себе спасатели. В этом суть всей нашей жизни. И не только в горах.

* * *

Мы во Враце, смотрим видеофильмы французских спасателей. И приходится опираться подбородком на кулак, чтобы не отвисала челюсть. А сердце болит, ноет от бессильной белой зависти. Они молодцы, эти французские парни, они такие же, как мы, просто им повезло жить в другой стране - их государство оказалось более внимательным к своим гражданам. Да разве только французы понимают, как должна быть организована служба спасения?

Враца. Международная школа по спасению в пещерах. Один за другим выступают лекторы из разных стран. Обсуждаются какие-то "странные" проблемы. Например, вопросы международного урегулирования спасательных акций на территориях других и третьих стран. Я чувствую себя плохо. Мне стыдно за свою страну. Пока еще стыдно. Потому что, наверно, пока еще я люблю что-то в ней.

Пройдет несколько лет, и я пойму, что больше не могу любить страну, в которой живу. Я люблю эти горы, леса и пещеры, я люблю своих родных и друзей. Но я больше не верю государству, которое всю мою жизнь не считало меня Человеком, которое обирало и обирает меня, обманывает и эксплуатирует, при этом совершенно не нуждаясь в моих способностях, моем опыте и умениях. Что ему с того, что я могу организо-

вать работу спасательной службы целого региона, что умею спасти человека из самых разных ситуаций, что... Что говорить? Мои умения нужны отдельным людям, попавшим в беду, но никак не паразитической надстройке, присвоившей право решать от имени этих отдельных людей, имя которой - Государство: неважно как его называть - СССР, Россия, Казахстан или по другому. Отличительная его черта - этого ненавистного мне государства - безразличие к своим гражданам.

Я не верю ему и не люблю его. И это мое несчастье.

Мир уже давно идет по пути консолидации, тем более в вопросах спасения. В феврале 80-го года бельгийская экспедиция приходит на помощь полякам, терпящим бедствие в мексиканской пропасти Сотано дель Агустин. Это можно сравнить с помощью нашей казахстанской команде со стороны узбекских спелеологов на Киевской. Но спелеологи Соединенных Штатов постоянно осуществляют спасательный акции в мексиканских пропастях, год от года становящихся все сложнее и глубже.

В Европе первенство в международных спасательных работах безусловно принадлежит французам. В их послужном списке сложнейшие спасательный акции. И не только в пограничной Испании. Всемирно известны поисково-спасательные работы в Польше, когда в сифоне одной из пещер исчез югославский легководолаз. Попытки отыскать товарища со стороны поляков и югославов закончились не- удачей. И тогда были приглашены французы. Потому что, пока нет однозначного ответа - погиб, остается сумасшедшая надежда. Как отказаться от спасательных работ, если ничего еще достоверно не известно? А вдруг потом выяснится, что все это время твой товарищ жил, по невероятной счастливой случайности вопреки всем правилам оказавшись в каком-нибудь воздушном пузыре за сифоном, в снежной пещерке с достатком воздуха и продуктов, в другой непредсказуемой ситуации - и он жил, ждал тебя, так верил в правила Игры! И... не дождался. Не потому., что ты шел, рвался, но не смог. А потому, отступил, не испробовав все, до последнего шанса.

Другую впечатляющую спасательную операцию французские спасатели осуществили в Марокко. В одной и марокканских пещер оказались блокированы внезапным паводком девять спелеологов. Погода все ухудшалась, и мутные паводковые воды превратили низкий коридор пещеры в длинный сифон.

На зов помощи откликнулась Французская Федерация Спелеологии. (А мы? Кто бы разрешил нам лететь на помощь в Марокко? Если даже в Армению в страшном декабре 88-го мы вылетали трое суток, и прорвались на свой страх и риск только благодаря родственной протекции... Да и кто бы к нам обратился?)

Французы не мешкали ни секунды. Шестнадцать оснащенных современным снаряжением и оборудованием спасателей блестяще справились с задачей. На каждого спасаемого надевали акваланг, объясняли, как им пользоваться, и сопровождали через сифон к выходу. По ходу дела французы успевали снимать видеофильм, который мне посчастливилось увидеть во Враце, в Болгарии, под аккомпанимент грустных мыслей.

Я смотрю на экран телевизора. А это что? На экране странный прибор, напоминающий торпеду. Нет слов! Это миниатюрная подводная лодка для транспортировки тяжело пострадавшего через сифоны. Человек лежит в специальном металлическом цилиндре, куда подается воздух под атмосферным давлением,

есть телефонная связь с внешним миром, обеспечена полная неподвижность поврежденных мест и возможный комфорт. На экране я вижу этот снаряд в действии.

На что рассчитывают наши советские подводники, штурмуя подводные тоннели в глубочайших пещерах Евразии?

Ответ прост. Каждый знает - рассчитывать надо только на себя и своих товарищей. Мы - сами себе спасатели. Таково, увы, главное правило игры в "советский" кейвинг. И можно ли надеяться, что пройдет время, и мы сможем войти на равных в международное сообщество? Чтобы помогать другим. Чтобы верить в помощь коллег. Чтобы уважать себя, в конце концов.

Кейвинг - занятие оптимистов. С угнетенной психикой под землей не место.

* * *

На Бзыби, над плато со странным названием Хуп-Хулцва, высится скромный памятник: два сложенных из дикого камня столба с металлической перекладиной. На перекладине висят над землей три серебристые пластины. Каждый год сюда приходят спелеологи. Кем-то из них повешен между пластинами пещерный "куриный бог" - кусок известняка с проточеным водой отверстием. Ветер качает камень, задевает металл. И плывет над плато, над всей Бзыбью удивительно чистый звук. Светлый, как память о друзьях.

Гибель Саши Морозова отдалась в наших сердцах отзвуком всех старых и недавних потерь.

Позднее, в мае 1985 года, на Всесоюзном слете туристов в прикарпатском городке Яремче родилась эта песня:

-

Так случилось, дружище, с судьбою не спорь,
Мы живем - значит, нам повезло.
Над Кавказом звенит наша память и боль
Всем смертям и лавинам назло.

-

Ты прости, что молчу я, струну теребя,
Трудно справиться что-то с собой.
Просто кто-то лавину сорвал на себя,
Ту, что нас ожидала с тобой.

-

Нет, не правда, что смерть только лучших берет -
Что в том смыслит грохочущий снег?
Просто тот, кто никчемно прожил, - тот уйдет,
А друзей не хватает втройне.

-

Что с тобою? Ты плачешь?
Нет, это не плач:
Майским снегом Бзыбь слепит глаза...
Я прошу, если худо, ты слезы не прячь
И не верь, хоть не верить нельзя.

-

Снег растает, сбежит, как морщинки с лица,
Не для нас протрубили отбой.
Та пещера, что ты не прошел до конца,
Где-то нас ожидает с тобой.

-

Так случилось, дружище, с судьбою не спорь.
Мы живем - значит, нам повезло.
Над Кавказом звенит наша Память и Боль

Всем смертям и лавинам назло!(*143)

* * *

Звенит телефон.

- Слушаю.

- Шеф, привет! Мы вернулись.

- Саня? Ван? Ты, что ли? Когда приехали?

- Сегодня ночью. Осенняя - прелесть! Второй раз иду и все восхищаюсь. Особенно, внизу, ниже лагеря - там такие каскады, вода! Все наши были на -500. Навеску СРТ сделали. Вроде, неплохо. Первый раз все-таки!

- Ну, молодцы! Жду. жду! Это надо подробее обсказать. Когда послеэкспедиционный банкет?

Кладу трубку. С хребта Алек вернулась экспедиция Саши Вана. Первыми Осеннюю по одинарной веревке пробовали пройти поляки, в мае 1988-го. Мы же в это время, вместо того, чтобы наслаждаться международной экспедицией, работали на "спасах" в Ручейной, где сломал ступню новомосковский спелеотурист. Шли сплошные дожди, в пещерах было много воды, и поляки не пробились глубже -250. И вот теперь прошли наши, в январе, хоть и снегу по горло. Приятно!

Звонит телефон.

- Привет, это Рудых. Я уезжаю на время из Москвы. На Алек. Что случилось? Сразу после ваших, в Осенней упал москвич. Из спелеосекции геолого-разведочного - МГРИ. По первым сведениям делал навеску и... в общем, упал с 30 метров зал Гномик, вместе с веревкой. Подробностей пока не знаю.

- Володя, кто упал? Я его знаю?

- Зеленин, некто, из молодых.

- Живой?

- Не думаю. Жду вот звонка. Через два часа вылетаем на спасработы. Так что с делами придется повременить, пока. Извини.

- О чем ты... Удачи!

Я хорошо знаю этот колодец. Спуск в грот Гномик на глубине -270 метров от входа в Осеннюю - это 33 метра вертикали. Шансов практически нет. А вдруг?

-

Вступая на подземную тропу, да не забудем правила Игры.

В ЧЕЛЮСТЯХ СИНЕГО ДРАКОНА.

==========

-

АКВАМАРИНОВАЯ ИСТОРИЯ.

-

Говоря о подземном мире, нельзя не сказать о воде. С каждым метром в глубину земли она набирает силу, пока совсем не воцарится в пещере, заполнив ее до потолка. Сифоны. Сколько они останавливали нас? Сифон - это конец пути, конец пропасти. Дальше обычному смертному пути нет. Остается повесить вымпелок, положить в капсулу записку и возвращаться. Возвращаться или искать обход этих зыбких сине-черных ворот.

Но есть в кейвинге особая страница - спелеоподводная. И люди, спелеоподводники, бросающие вызов сифонам.

* * *

Здорово это было! Смотреть оттуда, из глубины, вверх на сияющее зимним светом зеркало озера.

И вода! Прозрачная, просто хрусталь. Сквозь ее шести-

метровую толщу на дне озера был виден каждый камушек.

Через несколько секунд он уйдет в прозрачную синеву под эту колоссальную стену. И внизу, из-под стены, вода покажется еще синее, еще фантастичнее.

Красиво, черт!

Слушая, как шипит вдоль щек выходящий из костюма воздух, Вовчик осторожно погрузился до подбородка. Оглаживая себя снизу вверх по желто-черной резине гидрокостюма, запрокинул голову, засмеялся. Солнце! Оно заливало все вокруг кажущимся золотистым теплом. И скала над озером подставляла ему свою исполинскую коричнево-серую грудь. Скала не дердала снега. Отвесная, она молчаливо взирала сверху на зимние леса, убегающие по низине до самой реки.

Мороз сегодня! Грдусов тридцать - не меньше. Вовчик скосил глаза на приткнувшиеся под водой у берега аппараты. Вот, даже акваланги пришлось держать в озере. Иначе мокрые резиновые мембраны, замерзая, лопались, как фанера. Мороз!

Вовчик вспомнил, как они приходили сюда летом. Ну да, в 75-м штурмовали "окно" пещеры в верхней части скалы над озером. А интересно, как смотрится сейчас озеро сверху, со скалы? Сине-зеленое зеркальце в ледяной оправе! Аквамариновый кабошен. И иней лесов до самого Забелья, до притулившихся на брегу съеженных от холода домиков опустелой Сакаски. Белая сейчас замерзла, а озеро - нет. Тогда, летом, было жутко подумать о том, чтобы окунуться в эту ледяную купель. А сейчас он стоит по горло в воде и "греется". Почти тепло. Конечно! Стоит высунуться, и панцирем берется гидрокостюм. Мороз.

Тело постепенно приобрело невесомость, будто растворилось в воде. Теперб ему достаточно малейшего усилия, чтобы уйти в глубину. Пора надевать аппарат, груза, пора начинать.

Желтые бока аквалангов... Надо же, такая куча баллонов, и почти нет воздуха. А вокруг...

А вокруг! Невероятно белый искристый снег по берегам, лохматые от инея ветки, аквамариновая гладь. Бусина. И не подумаешь, что оттуда, из-под скалы, вытекает целая река.

Они давно примеривались к этому гриффону - восходящему в озеро источнику. Еще бы! Подземная река в толщах скалы сулила неведомые доселе пещерные галереи, залы, дворцы. Надо только пройти сифон, взломать эти безмятежно синие ворота. Нет, сине-зеленые. Ух, какая все же красота...

Вовчик влез в лямки баллонов, щелкнул пряжкой грузового пояса, долго смотрел на манометр. Семдесят атмосфер. Все, что осталось.

Семдесят атмосфер - их последняя попытка "раскусить" этот сифон. Отчаянная попытка. Если с ним что-то случится, у ребят в аварийном аппарате всего сорок атмосфер.

Ерунда, он будет осторожен. Игорь на страховке, Юрка и с сорока атмосферами - это Юрка. А он будет осторожен.

Вовчик проверил карабин страховочной веревки, сунул в рот загубник, дохнул. Нормально. Поежился. Свежеповато, однако. Пора нырять.

Последняя попытка.

Кто бы мог подумать, что все так получится? От начала до конца - сплошные неожиданности. Ну, начать хотя бы с того, что сломался компрессор. Впрочем, это как раз самая малая из

неожиданностей. Главный сюрприз приподнес сам сифон. На что они рассчитывали? Ну, шесть метров озера, ну, еще метров несколько - вот и вся глубина. И затем труба. Возможно, довольно длинная, запутанная, но и все! На такой глубине - до десяти метров, запаса воздуха хватило бы надолго. Даже с поломанным компрессором. Да и откуда, по логике, было взяться здесь большей глубине? Уровень озера всего на шесть-восемь метров выше уровня Белой, куда впадает берущий начало в озере Сукурайский источник. По логике.

Сифон плевать хотел на логику. Сифон, будто взбесился. Поманил сначала легкой удачей: Вовчик, шедший первым, почти сразу выскочил в небольшую камеру с воздухом. Но и только. Камера оказалась замкнутой, а сифон, расширяясь со дна озера в грот, вдруг выбросил почти вертикально вниз серию из двух колодцев и быстро перевалил глубиной за тридцать метров. Вот это был сюрприз! Он сразу поставил под удар успех всей экспедиции.

Даже если бы не сломался комрпессор, что они могли противопоставить такой глубине? И полностью забитых воздухом баллонов - по сто пятьдесят атмосфер, на сорокаметровой глубине хватало только на четырнадцать минут. Из этих скупо отмеренных минут почти треть уходила на спуск, а ведь надо было еще оставить воздух на всплытие...

У них не было полностью заправленных воздухом аппаратов. Не было и компрессора. Трое из штурмовой шестерки уже сделали все, что могли: порванные в упорных попытках сопротивление сифона барабанные перепонки превратили их в печальных зрителей. Оставалось только провожать глазами черно-желтые силуэты уходящих в сифон товарищей.

Итак, их оставалось трое: Игорь, Юрка и он, Вовчик. И последние семдесят атмосфер - ничтожная малость для такого чудища.

И последняя крохотная надежда - там, на сорокаметровой глубине, увидеть то, к чему стремились, но так и не увидели товарищи: перегиб, поворот сифона вверх, вверх к заветным тайнам пещеры.

- Страховка готова? - Вовчик проверил фонарь, в последний раз бросил взгляд на сосредоточенные лица парней. Кто в чем - валенки, полушубки, пар дыхания сосульками на усах. И на этом живописном фоне живописно-спокойная уверенная фигура Юрки в черно-желтой броне.

Игорь последний раз перехватил поудобнее страховочную веревку:

- Готова.

Маска, загубник в зубы, вдох. Прощальный жест и...

Пошел.

Аквамариновая полоска позрачно поползла по стеклу маски, отсекая сверкающий надводный мир от зыбкой голубизны. Только бы нормально "утонуть"! Два раза он так и н смог погрузиться в этом озере - мешал скопившийся в одежде под гидрокостюмом воздух. Вовчик мягко заработал ластами, диковинной рыбой скользя к лучисто-четкому в синеве дну. На этот раз - порядок. Вовчик пошел над самым дном, осматриваясь. Впереди, метрах в четырех, из неясной толщи воды неспеша проступала, откристаллизовывалась серая стена.

А какая видимость! Прозрачная вода в сифоне - что может быть желаннее для подводника? Зеленый бархат подводного мха

на донных глыбах полого уходил вниз.

А вот и начало сифона. В самом основании стены синева воды резко сгущалась. Он!

* * *

Перед тем как уйти под своды, Вовчик невольно обернулся и посмотрел вверх. Здесь, на границе света и тени, как-то особенно чувствовалась та невидимая грань, что пока отделяла его от сифона. По эту ее сторону еще можно было всплыть, вынырнуть, набрать полные легкие морозного воздуха. По ту - в сифоне, не вынырнешь. Над головой камень. Но тревожные мысли, едва возникнув, тут же пропали. Фантастика! Он отчетливо видел над собой серебристое зеркало воды, склоненные над озером пушистые в инее деревья, кого-то из ребят на берегу. Как в новогоднем шаре...

Однако, надо спешить, потому что с каждым вдохом в баллонах оставалось все меньше воздуха.

Скользя вниз над наклонной площадке, он вдруг представил сосредоточенное лицо Игоря. Все внимание Игоря поглощено сейчас чуть подрагивающей в руках страховочной веревкой. Каждый раз, когда подрагивание веревки прекращаетсяя, у Игоря брови медленно сходятся к переносице, и чуть подается вперед Юрка, готовый по первой команде уйти под стену. Но вот подрагивание возобновляется, брови ползут на место, Юрка возвращается в первоначальное положение.

Вдох - выдох. Воздух с бульканьем уходит вверх стайками серебристых фонарей. Через несколько секунд он захлюпает в трещине под стеной.

Луч фонаря постепенно обрел реальность, зажелтел в сгущающемся сине-зеленом мраке.

Как-то неожиданно и почти ощутимо на Вовчика навалились своды. Еще не видя, он уже знал о их присутствии. Ощущение было столь сильным, что Вовчик невольно посветил вверх. Ага! Изъеденный коррозионными бороздами и гребешками потолок был совсем рядом, метрах в двух от него.

Вовчик чуть всплыл и уже вдоль потолка пошел вглубину. Внизу тяжелой мглой повис мрак. Снова подумалось: когда страхуешь на скалах, со страхом ждешь рывка. При страховке в сифоне боишься обратного - вдруг не ощутить этого рывка, потягивания, дрожи веревки, говорящих о том, что там, на другом ее конце идет человек. Вовчик почти физически чувствовал, как напрягается наверху Игорь каждый раз, когда он останавливается, чтобы осмотреться.

Забавно! Кремнистые конкреции на потолке - как сталактиты. Вовчик посветил вниз. Так. Вот и следующий 4-метровый уступ. Глянул на глубиномер - 16 метров.

Обжим, обжим. Он уже чувствовался. Гидрокостюм, сжатый все увеличивающейся над головой толщей воды, постепенно терял эластичность, начинал сковывать движения. Скользя вниз вдоль почти отвесной известковой стены, чтобы осмотреться вокруг, Вовчик теперь вынужден был поворачиваться всем телом. Что-то будет внизу!

С клекотом уходил во мрак воздух. Вдох - выдох. Вовчик посмотрел на манометр. Ого! Чуть больше пятидесяти атмосфер. Надо спешить.

Труба подводного колодца расширялась. Значит, глубина 20 метров. Тперб оставался последний 10-метровый отвес и выход в донную галерею. Юрка, счастливчик, первым вошел в нее.

Огромная, метров пяти в диаметре - чисто метро! - каменная галерея уходила куда-то вглубь. Почти горизонтально, почти... С легким уклоном галерея все-таки шла вниз.

Вниз! Неужели бесполезны все попытки? Неужели она так и будет идти вниз до тех пор, пока не станут бессильны их акваланги? Нет, так не может быть. Хотя почему? Надо быть честным. К сожалению, здесь может быть все. Мо-жет быть.

И все-таки они будут пытаться. Не сейчас, так осенью, не осенью - так через год. Пока не пробьют эти обманчивые аквамариновые ворота. Или пока не поймут, что этот сифон им не под силу.

Обжим! Он сковал тело, стиснул тысячью обручей. Вовчик поврепче прикусил загубник. Каждый шовчик, каждая нерасрпавленная складочка одежды больно врезалась в тело. Это-то пустяки. Можно терпеть. Хуже было то, что скованное обжимом тело катастрофически теряло подвижность. Вовчик уже с трудом шевелил ластами, чувствуя, как тяжелеет, проваливается в глубину. Луч фонаря выхватывал из темноты циклопические стены. Глубиномер бесстрастно отсчитывал метры: 26, 27, 28... Чтобы не порвать перепонки, пришлось несколько раз "продуть" уши.

Воздух. Он все также с тихим клекотом бурлил за спиной, уходя к невидимому солнцу. Где-то тут конец колодца.

Стоп! А что на манометре? Так и есть. Черт, до чего обидно! Стрелка манометра замерла на угрожающем пределе. Только-только воздуха на обратную дорогу. А ведь осталось совсем чуть-чуть! Ну, рискнуть?

Где-то в глубине сознания все настойчивее звенели тревожные колокольчики. Спокойно. У него есть еще целая минута. Или чуть больше. Не может же он уйти, не испробовав все до точки. Ладно! Еще секунд тридцать и он возвращается.

Четров обжим! Как спеленутая кукла. Грустно жить младенцам!

Колодец кончился неожиданно. Будто кто-то срезал и убрал переднюю стенку. Вот это да! Куда ни кинь взгляд - черно-аквамариновая даль. И он, словно пузырек в кристалле. Вовчик завис под потолком, усиленно работая ластами. Гигантская подводная галерея чуть наклонно уходила вниз, в толщу горы. Зеленая вода, желтый луч фонаря, синий мрак.

С трудом протягивая веревку, он прошел под самым потолком метров пять-шесть. Груза тянули ко дну, и приходилось все время сопротивляться их настойчивой силе. Все, надо возвращаться. Это безумие - лезть дальше с такими баллонами. Он и так сделал все, что мог.

Разворачиваясь, Вовчик сильно потянул веревку: раз, другой, третий. Условный сигнал на их "рыбьем" языке. Он возвращается. И тут же подумал: вряд ли Игорь почувствует сигнал через все эти перегибы и колодцы. Надо чуток подняться и повторить снова.

Выбулькивая из легочника воздух, Вовчик быстро поплыл к зачерневшей сквозь синь призрачной стене. Здесь крупноглыбовый навал сбегал из колодца в зеленую бездну сифона.

Так. Стена. Даже сквозь резину перчаток он ощутил ее ребристую поверхность. Не порваться бы! Готовясь повторить предупреждение о выходе, он перехватил рукой веревку. Ого! Как струна... Вовчик снова трижды потянул на себя.

И, как бы в ответ на этот потяг, вдруг подмигнула вокруг

темнота. Он еще не сообразил, в чем дело, а уже холодком полоснуло в груди.

Снова издевательски страшно мигнула темнота. Фонарь? Этого еще не хватало!

Нет, горит. Почему они не тянут? Хотя нет - страховка, как струна. Что за черт! Только бы фонарь не потух, зараза!

Вовчик заработал ластами, отталкиваясь руками от скалы. Проклятый обжим! Пошел, вроде.

С большим трудом Вовчик поднялся метра на три. Почему же они не тянут? Игорь, спит он, что ли?

И тут потянуло. Сильно дернуло страховочный карабин. Вниз. Почему они тянут вниз?

Вовчик рванулся, но неведомая сила не пускала его наверх. Веревка непонятно, непостижимо тянула его обратно, назад, в безмолвную тьму сифона.

Сквозь мгновенный страх сработало сознание: где-то застряла страховочная веревка. Когда он повернул назад, она легла петлей за камень там, на глубине.

Если бы не воздух, он мог бы спуститься и отцепить проклятую веревку, но воздух...

Нож!

Вовчик дотянулся, вытащил из ножен на ноге длинный клинок. Снова мигнул свет. Черт! Все несчастья. Скорее.

Он никогда потом не мог понять, как же все-таки так ошибся. Перехватить ножом белую струну веревки было делом мгновения. И тотчас метнулся мимо каски конец веревки. Вверх?! Освобожденная от его тяжести, веревка сжалась, подпрыгнула. Он увидел ее конец метрах в трех над головой, рванулся следом и, уже плохо соображая, вдруг снова ощутил, как ухватила, потянула его вниз страховочная веревка.

Трудно сказать, чем бы все кончилось, растеряйся он на секунду дольше. Но сквозь захлестывающий панический ужас проникло что-то отрешенно холодное, ясное, будто кто-то неподдающийся вдруг взял за шиворот мозг, стряхнул липкую дурь страха.

Он все понял. В горячке обрезал веревку, идущую вверх, а не ту, что намертво привязала его к невидимому камню в глубине сифона. Только бы Игорь не смандражировал, только бы не потянул на себя вдруг ставшую невесомой страховку!

Еще движение ножа, и тело обрело свободу. "Свободу"! Три десятка метров воды над головой мертвой хваткой вцепились в него. Только бы не погас свет!

Вовчик не смотрел на манометр. Что толку? Пока есть воздух, он жив. И оттого, будет он знать, сколько драгоценных секунд отпущено ему Судьбой, или не будет, ничего не изменится. Страшна цена ошибки! Один неверный взмах ножом в мгновение ока все переиначил, перечеркнул, поставил под вопрос.

Борясь с жестокими путами обжима, Вовчик пополз к такому близкому и почти недосягаемому теперь концу страховки. Нет, так ему не добраться. Ноги скованы, руки, как деревянные. Скинуть груза? Но где гарантия, что где-нибудь там, наверху, его не прижмет к потолку, и тогда все - не выбраться. Нет, только не это. Это - как последний шанс.

Надо пустить воду в гидрокостюм, метнулась мысль. В борьбе с водой ему может помочь только вода. Юрка для этой цели использовал специальную щепочку. У него ее нет. А нож?

Вовчик с трудом согнул руку, царапнул лезвием щеку. Обдирая кожу, втиснул сталь между лицом и резиной, резко оттянул. И сразу холодом обожгло шею, грудь. Будто огнем!

Еще!

Руки! Они обрели подвижность! Теперь вперед.

Уже не замечая ледяного холода воды, лихорадочно работая все еще скованными ластами, Вовчик буквально полез вверх по черной почти отвесной стене. Игорь, милый, только не дерни!

Игорь выдержал, не дернул, хоть позже и рассказывал, что первым побуждением было именно это - тянуть, тащить изо всех сил вдруг обесчувствевшую веревку.

Вовчик дотянулся, судорожно схватил конец. Связать узел было делом секунды. В перчатках, а будто голыми пальцами, затянул, защелкнул в карабин "проводник". Еще не веря, что выбрался, рванул веревку раз, другой, третий, еще, еще, еще! Подумал: интерсно, откуда берется воздух в его выжатых, выкрученных до нельзя баллонах? И тут его резко потянуло, потащило вверх. Он буквально взмыл, зацепился коленом за камень, ударил плечом о скалу. Пустяки. Только бы успели!

Последние пузырьки воздуха - откуда только берутся! - веселой гурьбой обгоняли его, но оттуда, сверху, уже наплывала, приближалась лучистая голубизна. Свет!

Он вынырнул под самой стеной в бурлящей воздухом синеве, выплюнул загубник, дохнул пьянящий солнечный воздух. Его еще бил нервный озноб, но на смену мгновенной радости уже пришла усталость: усталость, стирающая эмоции.

Ребята на берегу засуетились, крепко потянули его к берегу. Вовчик поднял из воды руку, помахал перчаткой - все нормально. Устало глянул на манометр. Стрелка прочно села на ноль. Но он все же сунул загубник в зубы, и пока ребята тянули его к берегу, в последний раз погрузился в аквамариновую прозрачность озера.

Странно было на душе. Опустошенная, она вдруг наполнилась щемящей грустью. Сифон разжал свои когти. Выпустил. Кто это сказал: не было случая, чтобы я не вернулся? Так. Вот теперь экспедиция закончена. Господи, как же я все-таки устал!

Скользя в голубоватой тишине над зыбко-четким, будто под гигантской лупой, зелеными контурами дна, Вовчик прощался с сифоном. Когда теперь он увидит его? Наверно, не раньше осени. Если не сможет он, пойдут ребята, если не смогут они - пройдут другие. Что ж...

Его подтянули к берегу ччерез секунду после того, как кончился воздух в акваланге. Юрка прямо в воде содрал с Вовчика аппарат, ломая белую закраину льда, подтолкнул наверх. Кто-то подал руку. Подтянули, поставили. Что-то быстро говорил Игорь, что - не понять.

Кто-то заботливо набросил на него полушубок. Спасибо. Он молча счастливо улыбался, счастливо и чуть грустно.

Кто-то стянул с него маску, резиновый шлем. Он вдруг почувствовал, что теряет равновесие, покачнулся. Услышал - "уши порвал": как сквозь легкую вату. Но тут же его подхватили, нахлобучили на лоб шапку. Окружили, придвинулись встревоженные лица. Вовчик жадно, истово вдыхал колючий морозный воздух и все улыбался. Ребятам, этому радужному снегу, инею на ветках, солнцу.

И качался в глазах аквамариновый сумрак пещеры...

Б Е З Д О Н Н Ы Е В Е Р Т И К А Л И.

-

Открывая эту главу, я не ставил целью углубленное исследование такой сложной области: как аквакейвинг. Если исотрия советских спелеоисследований до настоящего времени пребывает в тумане безгласности, то спелеоподводная деятельность покрыта еще большей неизвестностью.

А между тем трудно представить занятие более рискованное и требующее столь высокого уровня психической уравновешенности, профессионального искусства, владения подводным снаряжением, собственным телом и нервами.

Приподнимая полог неизвестности, ощущаешь бессилие охватить все, что заслуживает внимания в подводной спелеологии. Но надо с чего-то начинать. Поэтому прочертим первый пунктир на карте познания, выхватим лучом фонаря некоторые странички полной драматизма истории подводных спелеоисследований.

Стремление в глубину присуще кейвингу вне зависимости от того, идет ли речь о достижении дна величайшей пропасти планеты или глубочайшего сифона мира. На память приходит короткий гимн Светланы Борзудовой, скоцентрировавший суть:

Каменный свод пещер,
Мокрой скалы карниз.
Принято рваться вверх -
Вы же стремитесь вниз.
Трав и цветов нет -
Здесь они ни к чему.
Жадно любите свет,
Так почему - в тьму?
Свод тяжело навис,
Каждый опасен шаг.
Я понимаю - риск.
Но почему - так?
А мне в ответ лишь
Дрогнут углы губ:
То, что для вас - вниз,
Это для нас - вглубь!

-

Если Сукурайский источник на Южном Урале, в котором появляется на свет подземная река пропасти Кутук-Сумган, мало кому известен, то источник Воклюз во Франции давно стал именем нарицательным. Так в спелеологии называют восходящие из-под земли потоки - гриффоны большого дебита. Сам же Воклюз - один из удивительнейших капризов природы - давно притягивает внимание искателей приключений всего мира. Помните?

-

"Бургундия, Нормандия,
Шампань или Прованс -
И в ваших жилах тоже есть огонь!..

-

Так вот, Воклюз находится в Провансе. Здесь выходит на поверхность речка Сорг. Знаменитое имя Воклюз носит не только источник, но и возвышающееся над ним горное плато и весь департамент.

История исследований Воклюза начинается 26-27 марта 1878 года, когда - более ста лет тому назад - водолаз Отонелли

рискнул в тяжелом скафандре спуститься на глубину -23 метра (*144). В таком снаряжении это и сегодня может считаться подвигом. Воклюз с легкостью отбил попытку проникнуть в свои недра. Ход круто уходил вниз без всяких намеков на выполаживание.

Следующая попытка была предпринята очень нескоро. Только через 60 лет 27 сентября 1938 года водолаз Негри в подобном скафандре достиг глубины -30 метров. Исследователей не покидала надежда, что вот-вот подводная галерея остановит свое падение и появится долгожданный перегиб потолка на всплытие в неизвестное продолжение. Окрашивание подземных вод в пропастях плато Воклюз, таких как Каладаир, Жан-Туво и Отран, показало, что они разгружаются в источник, как и множество более мелких ручьев в полостях этого района. Так что вполне возможным казался скорый выход через Воклюз в подземный коллектор карстовых вод.

Тем не менее 8 лет потребовалось для подготовки следующего штурма. На этот раз за дело взялся прославленный покоритель морских глубин изобретатель акваланга Жак Ив Кусто. В двойке с Ф.Дюма, впервые используя для погружения в пещере гидрокостюмы сухого типа и акваланги, подводники связались 10-метровым шнуром и начали спуск. Связи с поверхностью они не имели (*145).

Согласно информации предоставленной Отонелли и Негри, исследователи надеялись обнаружить нормальный ход, опускающийся до глубины 30-40 метров, а затем - поднимающийся ход неизвестных размеров. В этих условиях предполагалась следующая техника: закрепить клубок шнура на грузиле в самой низкой точке сифона и подниматься разматывая шнур в неизвестное продолжение пещеры. Опираясь на информацию первоисследователей Кусто и Дюма надели тяжелые груза, чтобы удерживаться у дна и противостоять любым подводным течениям.

Они быстро спустились, сэкономив для разведки неизвестной части максимум воздуха. К сожалению, ожидавшегося перегиба сифона не было. Как только подводники погрузились, избыточный вес стал прижимать их к скалам. Перенося грузило лота через препятствия, Кусто за последним из них теряет клубок шнура и не может найти его. Уклон становится все круче. Вскоре он достигает 70 градусов, и спуск ускоряется. Подводники достигают груды глыб заклиненных под углом в 45 градусов. Несмотря на прозрачность воды, лучи фонарей не достигают стен. Глубиномер показывает -46 метров. Здесь Кусто, следуя на более высоком уровне, чем Дюма, пытается достичь свода. Возвратившись, он находит товарища в полубессознательном состоянии. Да и сам он уже чувствует эффект глубинного наркоза.

Этот спуск мог бы закончиться трагически. Глубинный наркоз - изменение в жизнедеятельности организма под воздействием высокой концентрации растворенных в крови газов - чрезвычайно опасен на глубине. В данном случае подводники пережили эффект отравления в результате неправильного заполнения баллонов аквалангов: в сжатый воздух, предназначенный для дыхания, попала окись углерода. Лишь благодаря энергии лейтенанта Кусто и сообразительности старшины первой статьи Фарго, почувствовавшего неладное и решившего использовать лот для сигнализации, удалось помочь подводникам вернуться на поверхность.

Этот спуск показал, что ход сложнее, чем предполагалось. Спускающаяся галерея, вместо перегиба на подъем, вела в обширный затопленный грот, размеры и очертания которого нельзя было установить. Исследователи не обнаружили признаков течения, хотя на поверхности расход речкм Сорг составлял около 5-6 кубических метров в секунду.

Во втором погружении участвовали капитан Тайлье со старшиной второй статьи Морандье. Учитывая результаты первой попытки, они спускались столько же времени, но не пошли вдоль самого крутого склона, а поплыли на уровне свода. Следуя этой тактике, они одели меньше грузов и сократили соединяющий их шнур до 3 метров. Кроме того, от подводников на поверхность тянулась веревка, 78 метров которой были размотаны при погружении без обнаружения сколько-нибудь значительного повышения свода галереи. В этот момент командир экспедиции Тайлье начал ощущать эффекты, аналогичные испытанным предыдущими подводниками, и реши прекратить погружение.

И еще почти десяток лет понадобилось, чтобы продолжить исследования. Кусто попытался взять реванш за отступление в предыдущей попытке. 16 августа 1955 года он вместе с подводниками Французского Оффиса подводных исследований (ФОПИ) устанавливает новый рекорд при погружениях в Воклюзе: -74 метра. Открыто несколько новых гротов, но увы - подводная галерея все также круто уходит вглубь.

Каждая последующая попытка штурма загадочного источника вызревала с достижением качественно нового уровня в развитии техники и снаряжения для аквакейвинга. К 67-му году ФОПИ создает дистанционно управляемый по кабелю аппарат для подводных исследований "Теленот". С его помощью удалось заглянуть на -106 метров в эту удивительную подводную трубу, которая и не думала кончаться или выполаживаться. Светфар "Теленота" тонул в темноте неведомого колодца. В этой же экспедиции подводник Фалько установил новый мировой рекорд по погружению в пещерах, сопровождая телеробот до глубины -90 метров.

* * *

Если Франция явилась родиной глубинного аквакейвинга, то другая его ветвь - исследования относительно неглубоких, нопротяженных подводных пещер - наиболее интенсивно развивалась в Америке.Прекрасные подводные лабиринты Флориды в сочетании с теплой водой: +20-27 градусов по Цельсию, послужили отличным стимулом для погружений. К началу 80-х 11 из 15-ти длиннейших подводных пещер мира находятся во Флориде. Правда, высочайшие мировые достижения этого времени принадлежат другим странам. В Великобритании становится реальностью траверс подводной спелеосистемы протяженностью 1829 метров. Но еще более удивительные достижения аквакейверы совершают в Австралии. В недрах одного из самых обширных карстовых районов мира - равнины Нулларбор, австралийские подводники штурмую сифоны пещеры Коклебидди. Эта удивительная пещера впечатляет не только громадной длиной затопленных галерей, но и их размерами. Ширина ходов Коклебидди достигает 30 при высоте до 10 метров, что позволяет подводникам продвигаться преимущественно по идеально чистой воде - в некоторых местах видимость достигает 100 метров!

И все же американские спелеоподводники добиваются

приоритета именно в глубинных исследованиях сифонов. В марте 1979 года в Северной Мексике близ Сьерра де Гватемала в одном из источников по названию Рио Манте экспедиция Шека Эксли в составе четырех ныряльщиков неожиданно для всех превосходит достижение Воклюза. Вот что писал об этом Эксли:

"Когда мы увидели незатопленную часть пещеры на фоне прекрасных гор, то ожидали встретить большой поток, обещающий неглубокое короткое погружение в Рио Манте. Но в одном из погружений Франк и Терри обнаружили ход сечением 5 на 8 метров. Через 60 метров ход с отметки -13 метров резко пошел вниз. Единственный путь узким колодцем сечением 2 на 4 метра вел круто в глубину, откуда со скоростью поднимался значительный поток воды. Франк и Терри прекратили спуск на глубине -85 метров. Декомпрессия (*146) в теплой - +27 градусов по Цельсию, воде была оживлена созерцанием стены с кальцитовыми кристаллами. В одном из последующих погружений Поль и Шек продолжили исследования до глубины -101 метр. С этой точки, удаленной на 168 метров от входа в пещеру, виден следующий отвес. Интересно, что общая глубина хода дает уровень на 20 метров ниже уровня моря" (*147).

* * *

Возможно, американцы так и не овладели мировым рекордом, если бы европейцы не сошлись в неожиданном соперничестве. Пока французы неспеша примеривались к очередной попытке поговорить по душам с Воклюзом начистоту, в спор неожиданно вмешался известный подводник из Западной Германии Йохен Хазенмайер. Передаперо одному из самых опытных советских аквакейверов Владимиру Киселеву.

"Зная, что его стиль работы не понравится французам, Хазенмайер никому не сообщил о своих намерениях. Поздно вечером 20 сентября 1981 года Йохен вместе с женой прибыл к Воклюзу. В час ночи, не привлекая внимания местных властей, Хазенмайер начал спуск. Вот как он сам описывает этот рискованный и вместе с тем тщательно подготовленный эксперимент:

"...Глубина -18 метров. С этого уровня начинаются прозрачные воды подземной реки Сорг. Видимость увеличивается до 25- 30 метров. Глубина -30 метров. Меняю газовую смесь - перехожу с кислородно-азотной на гелиево-кислородно-азотную. Глубина -85 метров. Я у конца последнего протянутого шнура. Минус 100 -105 метров. Наклонный ход, засыпанный упавшими глыбами, расширяется. Минус 105-110 метров. Наклонный ход обрывается широким вертикальным разломом. Отверстие, которое было осмотрено с помощью "Теленота", - верх этого разлома. Его сечение 10 на 30 метров. Не видно ни одной полки. Свет галогенного фонаря теряется в глубине: никаких признаков дна. Продолжаю спуск.

Глубина -125 метров. Продолжаю скользить вдоль коричневато-оливковых стен. Внизу угадывается что-то вроде узкой и светлой полоски. Планирую в этом направлении. Начинаю ощущать наркотическое воздействие вдыхаемой смеси, связанное с огромным давлением.

Минус 145 метров. Достигаю маленькой полочки на отвесной стене. Глубиномеры, отрегулированные в соленой воде, показывают 140-141 метр. Это означает, что я на глубине -145 метров (65 метров ниже уровня моря). Обрываю свой тонкий нейлоновый шнур и привязываю к нему небольшой камень - единственную имеющуюся точку крепления. Узел хороший, но са-

ма точка слабовата. С полочки видно, что отвесный участок продолжается, не меняя направления, форм и размеров, до глубины 170-175 метров. Не видно ни терасс, ни полок.

Через 50 минут после начала погружения я вернулся на осыпь, на глубину -100 метров, и начал декомпрессию. Через два с половиной часа я поднялся до отметки -40 метров и здесь связал свой шнур со старым, протянутым до отметки -35 метров. Через 5 часов 25 минут после начала погружения я вышел на поверхность, где меня ждала жена Барбара."

Спустя три недели к Воклюзу прибыла представительная экспедиция СОИВ - Спелеологического Общества источника Воклюз. Известие о рекордном спуске Хазенмайера задело французов. Было решено любой ценой превзойти достигнутую немцем отметку. На поверхности предсифонного озера был смонтирован большой понтон с декомпрессионной камерой. Трехтонная груда специального оборудования - контрольный пульт, фонари, телефоны, компрессоры, баллоны с дыхательными смесями - должна была обеспечить рекордное погружене самого опытного спелеоподводника экспедиции Клода Тулумджана. Длительная подготовка и хорошая физическая форма Клода должны были гарантировать успех трудоемкого и дорогостоящего мероприятия.

Тактика погружения строилась на поэтапном переключении подводника от одного шлангового аппарата к другому, а с глубины 90 метров начинался автономный спуск с баллонами на спине. На отметке -50 метров была установлена специальная декомпрессионная каска "Комекс" с водолазным звонком.

Однако первая же попытка нарушила все тщательно разработанные планы. На глубине -60 метров Тулумджан попытался надеть каску "Комекс". Эта попытка затянулась на 15 минут и едва не привела к удушению подводника. После подъема Клода было решено отказаться от переключений и весь спуск осуществить с одним шланговым аппаратом "наргиле". 250-метровый запас шланга, через который с поверхности подводнику подается дыхательная смесь, давал шанс на рекорд.

Вновь участники экспедиции проводили Клода Тулумджана, нашедшего в себе силы на вторую попытку. С поверхности спуск контролировался по высокоточному табло. Клод быстро достиг глубины -126 метров. Исчезли затруднеия в дыхании. С поверхности по телефону сообщают о необходимости 14-минутной адаптации. Глубина -153 метра. Яркий луч фонаря бессилен высветить не только дно, но и противоположные стены колодца...

На обратном пути подводнику приходится совершать сложные маневры, чтобы не запутаться в паутине шнура, оставленного Хазенмайером. Снова отметка -50. Тулумджан звонит наверх. Теперь вместо газовой смеси сверу начинают подачу воздуха. Длительное пребывание в холодной воде парализует силы и волю подводника. Прямо в неопреновый гидрокостюм по другому шлангу вливается горячая вода. Следуют долгие часы декомпрессии. На последних этапах подъема - 1 час на отметке -12 метров и 2 часа на отметке -9 метров - Клод дышит чистым кислородом.

Годы подготовки, вылившиеся в семь с половиной часов тяжелейшей, на грани возможного, подводной работы - такова цена спуска на глубину в полтораста метров. Несмотря на огромные усилия, каждая новая попытка, казалось, лишь удаляла конечную цель погружения - дно сифона или хотя бы перегиб его свода.

Через два года заочное соперничество было пролдолжено. 9 сентября 1983 года Хазенмайер вновь тайно посещает Воклюз. Оснащенный сложными газовыми смесями и работая по специальным таблицам декомпресси, Йохен совершает новое рекордное погружение, занявшее 9 долгих часов. Обернутый обоймой из девяти баллонов и умело меняя дыхательные смеси, он сумел спуститься до глубины -200 метров!

Буквально через неделю, 17 сентября, к Воклюзу прибывает новая экспедиция СОИВ. Результаты погружений 1981 года убедили исследователей Воклюза в том, что современное снаряжение вряд ли позволит человеку опуститься глубже, не подвергаясь чрезмерному риску. Новая информация об источнике могла быть получена лишь с применением управляемого аппарата типа "Теленот", но более приспособленного к размерам сифона. По инициативе Жана Пьера Виара спелеологи СОИВ сделали такой аппарат. Названный в честь подземной реки "Соргонот", он представлял собой относительно небольшой модуль с двумя герметическими трубами-контейнерами. В одном из них помещалась телекамера, в другом - измерительные приборы. Изображение передавалось по кабелю на поверхность, где выводилось на монитор и записывалось на видеомагнитофон. Передвжение аппарата обеспечивали три двигателя. Вся связь с поверхностью шла через четыре кабеля, скрученных в тяжелый жгут. Аппарату и четыремстам метрам жгута общим весом в одну тонну была придана нулевая плавучесть. Для этого к ним прикрепили полые металлические поплавки, в которые под давлением был закачан воздух.

Погружение проходило на редкость удачно. Аппарат быстро достиг отметки -200 метров. С этой глубины его мощные фары высвечивали лишь одну из стен гигантского колодца. На глубине -245 метров был включен двигатель горизонтального перемещения. "Соргонот" прошел несколько десятков метров, но увидеть противоположную стену ему так и не удалось. Один из кабелей оказался поврежденным, и это вынудило исследователей прервать эксперимент. Вся процедура спуска-подъема заняла лишь три с половиной часа и сберегла ученым немало нервных клеток.

Окрыленные успехом, спелеологи через год вновь спускают "Соргонот" в Воклюз. Двенадцатая попытка штурма закончилась для их детища трагически: обрыв тяжелого кабеля, недостаточно уравновешенного поплавками, привел к потере аппарата на глубине -235 метров. И тогда был заказан новый подводный аппарата, аналог "Соргонота" - телеробот "Модекса-350", рассчитанные на погружение до глубины 350 метров.

Ночь 2 августа 1985 года. 1 час 49 минут. Начинается спуск "Модексы-350". До глубины -53 метра аппарат пилотирует подводник Ален Флукс. Длинный, более чем полукилометровый, кабель свободно разматывается вслед за уходящим все глубже прибором. Через час он уже на отметке -160 метров. Проходит еще полчаса, и объектив телекамеры находит обломки лежащего на выступе "Соргонота". Спустя 3 минуты "Модекса" достигает глубины -245 метров. Диаметр колодца здесь 50 метров.

Глубина -300 метров. Диаметр колодца уменьшается, появляются покрытые щебнем выступы. -310 метров. Сильные фары высвечивают уходящие на юго-восток горизонтальные галереи. Удастся ли когда-нибудь человеку проникнуть по этим каналам к источникам Воклюза? "Модекса" ненадолго задерживается на

развилке и продолжает спуск. Хватит ли радиуса действия аппарата для спуска на дно? Ведь критический предел уже близок.

3 часа 48 минут. "Модекса" опускается на занесенную песком осыпь. Это и есть долгожданное дно. Аппарат, послушный командам оператора, осматривает стены. Они, как оспина ми, изрыты небольшими характерными выступами. Эти фасетки свидетельствуют о постоянной напорной работе подземных вод. Сильное течение увлекает за собой песчинки. Датчики фиксируют глубину -315 метров от уровня озера - это на 235 метров ниже уровня моря. Переданное наверх и записанное на пленку изображение сало достоянием гидрогеологов и геоморфологов.

Современная техника, помноженная на самоотверженность и целеустремленность спелеологов, позволила всего за два часа совершить то, к чему исследователи Воклюза шли долгие 116 лет. Глубочайший из известных на планете карстовый источник приоткрыл завесу над одной из своих многочисленных тайн."

* * *

Если в техническом отношении ныне по-прежнему остаются французы с их чудо-роботами, то последнее слово в споре спелеоподводников все же осталось за американцами. Причем первенство удерживают как мужчины, так и представительницы прекрасного пола. Посмотрим на эти события самого прямого из очевидцев - автора мирового рекорда американца Шека Эксли (*147)

"21 июня 1987 года Мари Элен Экхоф стала второй среди американцев и пятым в мире человеком, достигшим глубины -160 метров в подводной пещере. Она побила свой собственный семилетней давности рекорд глубочайшего погружения среди женщин: -125 метров. Мари пользовалась смесью из 50% гелия, 40% азота и 10% кислорода, так называемым "Тримексом". Общее время ее погружения в мексиканском источнике Рио Манте составило примерно 6 часов. Я сопровождал ее во время этой попытки, наблюдая за декомпрессией. Через 2 дня мы поменялись ролями, и я сделал на источнике Рио Манте попытку побить мировой рекорд погружения в пещеру, зафиксированный в 1983 году на глубине -200 метров в Воклюзе Йохеном Хазенмайером. Предварительно я установил американский рекорд в Манте в апреле 1977 года, погрузившись до -158 метров.

К сожалению, по сравнению с тем апрелем условия ухудшились: видимость упала до 3 метров, а течение усилилось. Другое препятствие встретилось на отметке -82 метра, когда при спуске забарахлил редуктор на баллоне с "Тримексом". Из-за этого пришлось дышать сжатым воздухом до глубины -100 метров. Это значительно превышает максимально безопасную глубину для дыхания этим газом. На -100 метров я включился в баллон с "Тримексом". Баллон оставили здесь для подъема, но пришлось воспользоваться им и для спуска. На -158 метров я дошел до конца моего старого шнура и привязал новый, тщательно укладывая его строго вниз, чтобы иметь возможность точно определять глубину. Спустившись, как мне показалось, на значительное расстояние, я увидел сужение колодца всего до 1,5 метров, что вызывало резкое повышение скорости потока. Так как я уже превысил свой двухминутный максимум времени спуска четырьмя минутами, я закрепил шнур и начал подъем, тщательно отсчитывая узелки, завязанные с 3,3-метровыми ин-

тервалами. Поднявшись на 42 метра, я достиг конца старого шнура, где был оставлен глубиномер для декомпрессии. При подъеме с глубины -117 метров я сделал 39 декомпрессионных остановок, во время которых дышал шестью различными смесями, предохраняющими от декомпрессионной болезни, интоксикации кислородом и гипоксии. Общее время погружения составило 11 часов 13 минут - самое продолжительное из когда-либо совершенных в пещере. При погружении было использовано 15 баллонов плюс дополнительные страховочные баллоны, которые не применялись.

Я не утверждаю, что мое погружение на 200,5 метров стало мировым рекордом, так как на этом уровне трудно определить точную глубину. Я вполне мог быть метра на 3 выше или ниже, поэтому было бы несрпведливо объявлять новый рекорд, имея превышение всего на 1 метр.

В апреле 1988 года мы вернулись к Манте для следующей попытки побить рекорд Хазенмайера. После ряда погружений моей замечательной команды поддержки, состоящей из представителей мексиканской спелеоассоциации Сергио Самбрано и Анхело Сото, а также Неда де Лоача, мне удалось 5 апреля 1988 года добавить еще 42 метра шнура до глубины, как минимум, 237 метров, а возможно, и -241 метр. Разница возникает в результате того, что начиная с -200 метров пещера, вместо прямого падения, имеет здесь угол на 10-30 грудусов от вертикали. За тем местом, где привязан ходовой конец, пещера выполаживается примерно до 45 градусов. Было видно, что ход идет еще на 12 метров вниз по склону и затем исчезает. Несмотря на то, что время спуска до дна заняло всего 24 минуты, время подъема превысило 10 часов, включая 52 декомпрессионых остановки. Используя 11 различных газовых смесей и специальные таблицы, просчитанные Билом Гамильтоном, я появился на поверхности на 1 час и 27 минут ранее времени, мною же определенного. Но все обошлось хорошо".

Но и на этом Шек Эксли не остановился. Позже он закрепил свои позиции абсолютного рекордсмена по глубинным спелеоподводным погружениям, достигнув в этом источнике фантастической для человека глубины: -265 метров! А в следующем году, по данным, о которых у меня нет точных гарантий, и этот рекорд пал. В Манте Шек Ексли преодолел рубеж -290м. Есть от чего вытаращить глаза!

* * *

Мне остается только привести небольшую табличку самых глубоких подводных пещер мира - глубже 100 метров, исследованных спелеоподводниками и подводными роботами (в скобках), чтобы дать представление о положении в глубинном аквакейвинге в начале последнего десятилетия XX века.

-

Манте (Мексика)		-290 м
Бушменегат (ЮАР)		-283
Воклюз (Франция)	(-315)	-205
Храницка пропасть (Чехословакия)	(-267)	-110
Червено Езеро (Югославия)	(-248)	
Рэд Снэппер Синк (Флорида, С.Ш.А.)	(-183)	
Хирорадзива (Зимбабве)	(-172)	-103
Гуинас (Намибия)	(-153)	
Харасиб (Намибия)	(-153)	-110
Гуль дю Пон (Франция)		-140

Шодан (Швейцария) -140
Ценоте Ксколак (Юкатан, Мексика) (-130)
Блю Хоул - Лайтхаус Риф (Белиз) (-125)
Тувр д,Ангулем (Франция) -125
Люссак (Франция) -125
Боесмангат (ЮАР) -123
Мистери Синк (Флорида, США) (-119)
Шартре (Франция) -115
Ди Полдер 2 (Флорида, С.Ш.А.) -110
Горгаццо (Италия) -108
Ваккула Спрингс (Флорида, С.Ш.А.) -102
Грот де Монтие (Швейцария) -102
Цеоное Учил (Юкатан, Мексика) (-100)
Ценоте Икс (Юкатан, Мексика) (-100)
Старгэйт (Багамы) - 97,5
Блю Хоул 4 (Флорида США) - 97
Дэвилс Хоул (Невада, США) - 96
-

И так далее, в том числе более 40 сифонов глубже 75 метров. Надо полагать, что на этом дело не остановится...

С У Х И Е Г Л А З А.

-

Обычно наш самолет прилетал в Адлер поздно вечером. И первое же острое впечатление - влажная парная жара, духота, пропитанная пряными запахами близкого моря и субтропической растительности. Курортная суета аэропорта, бабульки, предлагающие ночлег за умеренную по кавказским понятиям мзду, разлапые черные в ночи пальмы - все так знакомо! И где-то уже совсем рядом море, прекрасное, как детский сон.

- Привет! Из Усть-Каменогорска?

Узок мир! Надо же было прилететь сюда за тридевять земель, чтобывстретить земляков-восточноказахстанцев. Обмениваемся незамысловатым набором обычных в таких случаях фраз. Парни предлагают подвезти в сторону Сочи. Вот так удача! До Хосты, куда я направляюсь инструктором на очередной спелеосеминар, в это время суток так просто не доберешься.

Дорога пролетает мгновением. Выпрыгиваю в ночь на повороте шоссе. Мой рюкзак-станок встает на колесики рядом. Поехали! Тащу за собой увесистую спелеологическую поклажу и думаю о знаменитой лестнице турбазы "Южная", где будет начинаться наш семинар: все двести или триста (сбиваюсь!) ступенек которой мне предстоит штурмовать с этим монстром за плечами. В голове вертятся строчки Городницкого:

"...Ждите нас невстреченные школьницы-невесты,
В маленьких асфальтовых южных городках..."

-

Как же, ждут нас...

Цокот каблучков по гулкому тротуару. Желтый свет окошек за заросшими лозой изгородями, черные контрастные, сонные витрины магазинчиков. Откуда-то доносится тихая музыка. Кажется, я уже не знаю, куда иду. Спросить что-ли у каблучков?

Цок-цок-цок - она уже совсем рядом: легкая походка, блестящие глаза. Останавливаюсь:

- Не подскажете - на "Южную" я правильно иду?

- Почти! - чуть заметный запах "Изабеллы" объясняет несколько нетвердый шаг моей спутницы. - Пойдем, пока нам по

пути.

Девушка берется за дугу моего станка и идет рядом, касаясь моего плеча пушистой волной слегка растрепанных волос, тянет старательно. Я молчу, и она поднимает на меня глаза:

- Ты разве не чувствуешь, как я помогаю?
- Чувствую.
- Слушай, а как ты все это потащишь?
- На себе. Ногами.
- На себе? Обалдел. Такая тяжесть!

Мы идем плечо к плечу по ночной Хосте и катим станок. Она молчит, о чем-то думает. Потом смотрит на меня:

- У тебя жена есть?
- У кого их нет...
- Нет, я серьезно!
- И я серьезно.
- А как же ты уезжаешь, а она остается?

Не объяснять же ей, что моя жена первой из женщин Казахстана ступила на 1000-метровую глубину.

- А что ей тут делать?
- Шла бы, как я...
- Это по асфальту хорошо, а по лестнице...
- ...И по лестнице бы шла,- будто решила для себя что-то важное.

Напротив небольшого ярко освещенного ресторанчика, откуда доносится легкая музыка, останавливаемся. Моя незнакомка касается пальцами четырехугольной бляхи значка контрольно-спасательной службы, что несколько пижонски украшает мою рубашку. Отклоняется на свет. Некоторое время молча рассматривает, наверно, читает надпись, потом поднимает ко мне ночное лицо:

- У вас опасно?
- Так себе.
- Ну, гибнут много?
- Да нет, не очень. Иногда.
- Значит, можно погибнуть.
- Погибнуть можно и здесь вот, под машиной...
- Нет. Это не то.

И уже отбежав:

- Слышь? Хочешь - подожди - я помогу?
- Будь счастлива, Невстреченная!

* * *

Поднимая глаза от пишущей машинки, я встречаюсь с ними взглядом. Мишаня в пиратском платке щурит цепкие глаза - обрыв веревки в Заблудших. Внимательно и как-то одобрительно улыбается Саша Морозов - лавина на Хуп-Хулцве. А Сережка Будкин будто отвлекся на минутку, оглянулся на зов, еще не поняв, в чем дело, да так и застыл навсегда. Серега - это Сукуруйский сифон...

Когда узнаешь об очередной аварии где-нибудь на Бзыби, когда изучаешь скупые сводки происшествий по итогам очредного сезона - что-то сжимается и твердеет в груди. И мир вокруг становится будто строже и беспощаднее. Словно кто-то выключил рубильник, и передача пошла в черно-белом изображении.

Но все это как-то издалека. Чувства подогреваются воображением, но не задевают глубоко. Боль не успевает раз-

ростись, бьет вскользь, на излете, и уходит, оставаясь в памяти информативно, профессиональной зацепкой, чтобы никогда не забыться.

Ты идешь вперед в плотной когорте друзей, от пропасти к пропасти. Удачи сменяются отступлениями. А где-то - далеко-о! - что-то происходит. По мелочам и серьезнее. Но вдруг - случается всерьез, и тогда общее монолитное стремление вперед будто приостанавливается. Все замирает на мгновение - в вакуумной тишине, как в минуте молчания.

Оцепенение проходит, и мы по-прежнему стремимся вперед. От экспедиции к экспедиции. И снова рядом удар Беды. Теперь ближе - это уже знакомые наших знакомых. И вот где-то на московском кладбище ты стоишь в толпе, всматриваясь поверх голов в то, что когда-то было твоим коллегой по кейвингу. Он был, как ты, а теперь... Так в апреле 1983 года после очередной экспедиции в Снежную мы хоронили Сашу Михалина - лидера спелеологов МГУ. Он погиб во время нашего пребывания в Снежной на спуске в один из колодцев другой Бзыбской пропасти - пещеры имени Алексинского, по какой-то нелепой случайности, страшной ошибке одним взмахом ножа перерезав рапель и страховочную веревку. Колодец был 60 метров.

Знакомые наших знакомых. Это уже совсем рядом, но все еще далеко. Это только имена, которые знают все, или почти все, в нашем кругу. Они не входят в нас личным ощущением, чувствами, памятью совместных экспедиций. Это чья-то боль - потери других когорт.

Твоя когорта идет вперед. И в этом движении уверенность, мощь хорошо отлаженной машины.

...Потери молодости со временем воспринимаются как неизбежность поры мужания, становления характеров, утверждения в выборе Дела. Потери молодости быстро регенерируют, и в редких рассказах о них - суровая романтика: все уже давно в прошлом. Потери - в прошлом, рядом - проверенные друзья, с которыми общи не только экспедиции, но и нечто большее. И ваши дети уже знают друг друга. И жены обмениваются женскими секретами, пока вы в дружеском кругу курите на лестнице в неспешной беседе о новых дорогах.

Твоя когорта идет вперед.

-

...Мы живем как-будто под обстрелом,
Через риск с беспечностью скользя.
Вот опять, глядишь, перелетело:
Что ж, у нас без этого нельзя.
Но уверишь чуть в неуязвимость,
Где одни надежды у лица,
Вдруг как двинет прямо в середину!
Опаляя души и сердца... (*149)

-

Сережа Будкин - это было попадание, если не в самый центр, то в авангард нашей когорты. 19 июля 1985 года Серега ушел в сифон источника Сукуруй, на левом берегу реки Белой ниже Кутукского урочища, и... не вернулся. Он возвращался из сифона, ходовой конец закрепленной в сифоне перильной веревки уже подрагивал в предсифонном озере в руках страхующего. До солнечного света оставалось всего несколько метров - там Серегу и нашли, когда по изменившемуся поведению ходового конца заподозрили неладное. Слишком поздно поняли.

* * *

Если в конце 80-х внимание спелеоподводников СССР было прежде всего устремлено на исследование карстовых источников Кавказа, то наша команда мужала в сифонах Южного Урала. Главное место в этих исследованиях занимала подземная река пропасти Кутук-Сумган. Да и вся огромная гидросистема Кутукского урочища до сих пор остается тайной, незаслуженно обойденной вниманием первооткрывателей.

История исследования Кутукских сифонов начинается в конце 60-х годов, когда спелеологи Свердловска (Екатеринбург), исследуя вслед за уфимцами пещеры урочища, попробовали заглянуть в сифоны, но каких-либо ощутимых успехов не добились. Пытаясь поднырнуть под скалу Сукурайского источника, где появляется на свет подземная река Кутук-Сумгана, исследователи уперлись в непроходимые узкие щели. Это было непонятно. С трудом верилось, что поток с расходом в межень около 500 литров в секунду появляется из недоступных для человека трещин.

Сифоны Кутукского урочища заинтересовали нас со времени первых экспедиций на Южный Урал, то есть где-то в середине 70-х. Но в Сукурайское озеро мы решили заглянуть не сразу.

Зимой 1977-го года наша рекогносцировочная экспедиция в составе шести человек (*150) начинает разведку сифонов Сумганской реки. В Сукурайском гриффоне на глубине -10 метров удалось обнаружить уходящее вниз черное отверстие, по которому Юрий Панов смог продвинуться метров на 50, достигнув глубины -20 метров.

Все начиналось, подобно исследованиям Воклюза, когда за каждым пройденным метром ожидался перегиб потолка на всплытие. Уровень озера источника Сукурай всего на 6 метров выше уровня реки Белой, принимающей его воды. Ну что там может быть этакого? Как-то не верилось, что штурм сифона может затянуться. Выход в свободные от воды засифонные галереи казался нам таким скорым, мы так ждали этого события, что мы ни раз становились жертвой веселых розыгрышей.

Самый колоссальный из них ознаменовал соединение до того незнакомых между собой групп подводников: Московского Геологоразведочного (МГРИ) и МВТУ имени Н.Э.Баумана. Поводом, как всегда, послужила случайность. Как-то под новый, 1977 год, в фойе МВТУ, где я в то время учился, мое внимание привлекло красочное объявление. Группа подводников Приборостроительного факультета приглашала всех желающих на встречу, где предполагался показ слайдов с рассказом об путешествии по реке Белая на Южном Урале. По нашим любимым местам!

Тут же звоню в МГРИ Бобу Вейсу и предлагаю посетить мероприятие. Геологи легки на подъем, и вот мы с Бобом, пихая друг друга локтями, смотрим слайды и слушаем симпатичных ребят, которые, оказывается, не только сплавлялись по Белой, но и ныряли в некоторые источники по ее берегам. И в частности - осмотрели Сукурайское озеро. Слайды у парней были хорошие, и об аквалангах они знали не по-наслышке. Так мы познакомились с Игорем Диановым и Юрием Пановым, что послужило началу многолетней дружбе и совместной работе по исследованиям сифонов Кутукского урочища.

Тут же договариваемся о новой встрече у Вовчика Свистунова, где собиралась наша спелеогруппа "ипНАсг". Мы просили ребят показать слайды и рассказать не только о сплаве по Бе-

лой, но поделиться и другой подводной информацией. Панов с Диановым немедленно согласились. Мы с Бобом попрощались и, очень довольные итогами нашей вылазки, отправились восвояси. Мы уже собирались прощаться до встречи у Вовчика, как вдруг потрясающая идея заставила нас подпрыгнуть и с восторгом посмотреть друг на друга.

- Убьют! - сказал Боб.

- Гостей не тронут, - возразил я.

- Гостей не тронут, а нас убьют! - обреченно сказал Боб и сладостно потер ладони. - Но зато что буде-ет!..

Прибываю домой и тут же звоню Дианову. Уговорить новых знакомых оказать поддержку в нашем с Бобом начинании не составило большого труда, и мы поняли - сработаемся!

Вечером того же дня я позвонил Вовчику и убитым голосом поведал крайне неприятную новость. Суть ее можно было выразить весьма коротко: "Пройден сифон Сукурая!"

Вовчику надо отдать должное - он не поверил.

Тогда я сказал, что ровно через неделю придут ребята, принесут слайды и фотографии, и тогда все все сами увидят и услышат, а с меняя достаточно, я уже все видел, пережил и теперь в глубоком трансе.

- Иды ты врать! - сказал Вовчик, но в его голосе не было былой уверенности. Позже выяснилось, что передо мной Вовчику звонил Боб и уже успел "порадовать". Весть покатилась со скоростью сплетни. Через день о том, что нас опередили, уже знали все. Но, понятно, верить никому не хотелось. Чего только мы с Бобом не пережили за эту неделю. Нас пытали вместе и порознь, устраивали логические ловушки, периодически убеждали каждого, что другой раскололся и признался в том, что все это вранье и гнусный треп. Мы держались.

В назначенный день вся наша спелеогруппа собралась у меня. Ожидание и волнение достигли предела. И они пришли. Панов и Дианов строго выдерживали условия соглашения. Более того - превзошли наши надежды. Под настороженными, прямо-аки трепещущими, взглядами парни и бровью не повели. После знакомства и увертюрных разговоров пришла пора слайдов. Мы с Бобом все это время с понурым, но несколько даже торжествующим видом: "Ага! Не верили? А вот!" - создавали антураж. И никто не видел, как в коробочку со слайдами, что готовился показывать Дианов, был подложен какой-то, не совсем обычный, кадр.

С каждой красочной картиной, появляющейся на экране по мановению диановской руки, с каждым словом суховатого пояснения Панова, лица наших парней принимали все болеерасстроенное выражение. Синева Сукурайского озера, черно-желтые гидрокостюмы, аквалангисты под воду... Все это натурально смотрело с экрана. Надежды рушились, и уже никто не сомневался - сифон действительно пройден этими парнями...

Боб Вейс не рассчитал - он сел слишком далеко от выхода.

И вот вслед за заключительным кадром диановского слайд-фильма на экране возникла корявая, но очень отчетливая, белым по оранжевому, надпись:"НУ? И КАК МЫ ВАС НАКОЛОЛИ?"

В комнате воцарилась мертвая тишина. Все тупо смотрели на экран, вчитываясь в финальный титр. Медленно-медленно лица приобретали осмысленность, глаза начинали шарить по сторонам. Я знал, кого они искали. И молча ринулся к выходу.

Рев за моей спиной возвестил, что Боб схвачен. Меня пой-

мали на лестнице тремя этажами выше. Месть была ужасна.

Так родилась наша спелеоподводная группа, которая более 10 лет занималась исследованиями сифонов Кутукского урочища. Не удивительно, что рекогносцировочная экспедиция отправилась к Сукураю уже через пару месяцев после феноменального розыгрыша. Не хотелось дольше рисковать шансом на первопрохождение!

Сифон потрогали, пощупали и поняли, что есть смысл работать. И что работа будет непростая. Атака на Сукурайский сифон была повторена через год - зимой 78-го. В своих планах экспедиция не ограничивалась только Сукураем. Одновременно планировалось прохождение верхнего сифона подземной реки Кутук-Сумгана, как, на наш взгляд, наиболее простого и перспективного с точки зрения выхода в засифонные продолжения пещеры.

К прошлогоднему костяку: Панов-Дианов-Свистунов прибавилась сильная команда подводников в составе Игоря Гусева, Алексея Казеннова, Игоря Галайда, Андрея Ильченко, Сергея Черкашина, Сергея Будкина. Вместе с группами обеспечения это была наша самая многочисленная зимняя экспедиция - 28 человек.

Группа "Гриффон" прошла в Сукурайском источнике 100 метров, достигнув глубины -45 метров. Группа "Сифон" продвинулась в верхнем сифоне сумганской реки на 80 метров при максимальной глубине до -10 метров. Понятно, что не обошлось без приключений. Случай с Володей Свистуновым в Сукурайском гриффоне я описал в "Аквамариновой истории", но это было далеко не все.

30 января, в самом начале экспедиции, на обследование предсифонного озера подземной реки Кутук-Сумгана отправилась двойка Казеннов-Щербина. Заплыв был скорее прогулочным, так как задача этой двойки была только определить точное положение входа в сифон. К серьезному штурму в это время готовились более опытные товарищи.

- Птер, - сказал Леха. - Я иду первым, ты за мной. Пойдем вокруг озера вдоль стены галереи. Где-нибудь да наткнемся.

Немногословный Шура Щербина, по-прозвищу Птеродактиль, кивнул, и вода забурлила под ластами разведчиков.

Страховку для уходящих в верхний сифон Сумгана обычно организуют на небольшом островке у левой стены галереи. Галерея подземной реки Кутук-Сумгана, как все в этой пропасти, выглядит весьма внушительно: высоченный черные изъеденные эрозией стены на высоте более десяти метров увенчаны более светлыми сводами. Мощный шум воды на ближнем перекате, гулкое эхо, черная неподвижность воды предсифонного озера.

На этом левобережном островке страховал двойку разведчиков Игорь Дианов,внимательно выпуская из катушки 25-метровые звенья ходового конца с пропущенным внутри полой нейлоновой стропы телефонным проводом. Двойка Казеннова канула в черную воду озера, и только уползающий следом "ходовик" свидетельствовал о ее продвижении. Игорь внимательно считал маркировочные метки ходовика: 10,20,25 метров, 30,40... Стало ясно, что двойка ушла в сифон. Намеренно или случайно, но ушла.

Когда счет перевалил за 50 метров, группа на островке была приведена в повышенную готовность. И не зря. На 75-м

метре вдруг раздались частые хаотичные подергивания ходового конца. На их "рыбьем" языке это могло означать только одно - авария! Ситуация требовала немедленного действия. Что было делать? Тащить?

Казеннов шел первым и не заметил, как углубился в сифон. Они с Птером продвигались вдоль дна галереи, видимость в сифоне в тот день была неважной - вода шла с какой-то мутью. В итоге может, когда зеркало предсифонного озера над ними сменилось каменной твердью сводов, они пропустили. Леха шел первым, протягивая ходовой конец, Шурка - вторым, пристрахованный к ходовику скользящим карабином. В какой-то момент они поняли, что это уже не озеро. И в этот момент у Лехи что-то случилось с воздухом. Резко возросло сопротивление на вдохе. Воздух протягивался, но его не хватало!

Леха плохо помнил, как все происходило. Почувствовав удушье, он дал сигнал бедствия. И тут же ощутил, как его потащили. Хорошо, что в сифоне не оказалось перегибов, могущих погасить сигналы ходовика и затруднить его протаскивание. Поняв, что в сифоне беда, страхующие изо всех сил рвали на себя страховочный шнур. Успели.

- Слышь, Костик? - рассказывал потом, посмеиваясь, Леха. - У меня только одна мысль тогда была: "Жалко - такой молодой!" Ничего больше не помню!

Да-а... Не все было гладко в той экспедиции.

* * *

Тогда ему было всего 20 лет, нашему Лехе. Я поднимаю глаза к его фотографии. Леха смотрит на меня и улыбается в усы - такой до беззащитности открытой доброй улыбкой, какой мог улыбаться только он. После того полубессознательного выхода из сифона Леха быстро оправился. Его неиссякаемый оптимизм не располагал к длительному упадку. Но причина происшествия осталась неясна до сих пор. Акваланг оказался исправен. Что могло быть?

Оставляя непонятными или скрывая причины аварии, мы повышаем опасность ее повторения. Кто знает, пойми мы причины того происшествия в сифоне Сумгана - и наши судьбы сложились бы иначе?

С 79-го года мы начинаем совместную работу с подводниками из башкирского города Салавата, которые усиливают и без того уже солидную нашу "рыбью" команду.

Когда Сукурай отбил нашу атаку, и мы поняли, что с нашим подводным снаряжением на таких глубинах делать нечего, вниманием группы целиком завладел верхний сифон сумганской реки. В феврале 1983 года москвичу Сергею Будкину и Вячеславу Гладкому из Салавата удалось пройти этот сифон на 150 метров. Мы не имели данных о достижениях в сифонах СССР того времени, подобных нашему, и поэтому, полагаю, это был рекорд страны. Подводники дошли до огромной воздушной подушки - участка незатопленной галереи с каменной осыпью. Погружение протекало в отличных условиях: вода оказалась на столько прозрачной, что позволила рассмотреть впечатляющие размеры сифона - ширина 10-12 метров при высоте 3-5 метров. При этом подводникам нигде не приходилось погружаться глубже 10 метров.

Казалось, что шансы на выход в сухие продолжения пещеры с каждым разом все возрастают. Топографическая съемка пещеры и поверхности показывала, что где-то за верхним сифоном Ку-

тукСумгана прослеживается крупных узел: в эту зону сходились направления сифона, сухих галерей проспекта Геофака на верхнем его ярусе и донного сифона другой крупной пещеры урочища - Четвертой Кутукской, вход в которую расположен в километре от пропасти.

С одной стороны подводники наращивали дальность исследований подземной реки-коллектора всех карстовых вод района. При этом предпринимались попытки прохождения сифонов не только Кутук-Сумгана, но Четвертой Кутукской и пещеры Зигзаг в 5 километрах выше по течению.

С другой стороны "сухопутные" группы прокапывали штольни в конце галереи Геофака, что привело к открытию галереи Фортуны в ее конце, и продолжали копать дальше. Прокопанные нами штольни находились всего лишь в 2-3 метрах выше уровня сумганской реки. Разгоралось своеобразное соперничество: кто будет первым в засифонных галереях? Спор между "кротами" и "рыбами" подогревал поставленный на кон ящик шампанского.

Шутки шутками, а удача бродила где-то рядом. Так, во всяком случае, казалось. И тут...

С гибелью Сереги Будкина летом 85-го в Сукуруйском сифоне в подводных исследованиях Кутукского урочища наступил кризис. Три года понадобилось, чтобы оправиться от шока потери. Нельзя сказать, что за это время никто нигде не нырял, но на серьезное продолжение работ в сифонах Кутук-Сумгана мы не замахивались. За это время, в феврале 1986-го, была проведена только одна экспедиция с участием московского спелеоподводника Евгения Войдакова, когда удалось снова выйти в подтопленную засифонную галерею. Однако экспедиция была прервана в самом конце, когда бывший друг и соратник начальник салаватского контрольно-спасательного отряда вытащил веревки из входной шахты пропасти, и нашей команде пришлось четверо суток жить на дне без продуктов и топлива.

В это время я уже несколько лет жил в Восточном Казахстане. Так что участвовать в московских экспедициях удавалось только эпизодически. Как я завидывал моим парням! Как хотелось поехать на зимний Урал, зарыться в его снега, пропитаться морозным запахом, дымом сосны от капризной печурки на Сумганской ферме, побродить по заледеневшему, преображенному зимой Сумгану. Единственное, чего не хотелось - это таскать многочисленные тяжеленные "рыбьи" баллоны, что превращалось в утомительную процедуру на подходах и в самой пропасти. Но зато какая компания! Возможность быть со своими, рывным среди равных, заниматься любимым делом вместе с теми, кто тебе дорог и кому веришь, как себе, - это ли не счастье?

Не мне одному хотелось из Казахстана на Урал. Друг мой Алексей Казеннов, закончив геологоразведочный, перебрался ко мне в Усть-Каменогорск, женился, по ряду причин снова вернулся в Москву и тоже не мог долгое время ходить по пещерам, решая неизбежные жизненные вопросы. Но семейство Казенновых, обзаведясь симпатичнейшим потомством в лице дочки Насти и младшенького Даньки, постепенно возвращалась к нормальному, в нашем понимании, образу жизни - Леха собирался в зимнюю экспедицию 1988-го, а я не мог, так что я завидывал Лехе белой завистью и ожидал результатов.

Поняв, что все сходится, и на этот раз он точно едет, Леха прямо-таки воспрял. И вообще все наши светились от

предвкушения хорошей работы в отличной компании.

* * *

Экспедиция отправилась в дорогу в конце февраля. А в начале марта, поздно вечером, когда все у нас дома уже спали, и только я, по-привычке, еще сидел за своим письменным столом, раздался телефонный звонок. Ничего не подозревая, поднимаю трубку. Москва.

- Костик? - это Роза, жена Вовчика, и я очень рад - мы редко говорим с ней по телефону.

- Розалия? Привет! Как дела? Как там мужики?

Меня распирает от желания узнать подробности. Ведь, наверно, вернулись, если звонят. Только почему Роза?

- Костик... Леха погиб. В сифоне...

* * *

Когда бьет в самую середину - это ни с чем не спутаешь. Здесь нет ни грамма похожего на уже испытанное когда-либо, на ту смесь горечи с суровой романтикой, что мужественной печатью несут на лицах молодые романтики, едва овеянные ветром далекой от них беды. Когда бьет в середину - ты либо тоже ранен, либо кантужен, и в голове гул, и как-то незнакомо тянет сердце, и ты не можешь с этим совладать. А мысли - то скачут, то отупело ворочаются в голове: как же так?!

Где-то были сигареты... Как хорошо, что ночь, и никому ничего не надо сейчас говорить, объяснять, смотреть в огромные, переполненные слезами и ужасом глаза Любы и видеть, как в них закипает, растет, переливает за края боль. Которую теперь не избыть.

Как же так?!?!!!

* * *

Настроение перед штурмом было прекрасное. Воздуха в доставленных к сифону баллонах хватало на хорошую работу. Все готово. Все, о чем мечтали все последние месяцы, чего ждали, к чему готовились.

Начать решили с акклиматизационных заплывов - никаких результатов, просто размяться, обвыкнуть в холодной воде и мраке сифона. Южный Урал - не Флорида и не Мексика: водичка +2 по Цельсию!

Все шло нормально. Последними в этот день на акклиматизацию отправилась двойка Казеннов-Дианов. Леха шел первым. Игорь - более опытный, чуть сзади. Быстро и легко они углубились в сифон метров на 70. Все шло нормально, и подводники решили возвращаться. Игорь поднял скрещенные на уровне лица руки: крест - "кончаем, пошли назад". Леха ответил тем же сигналом. Дианов развернулся. В громоздком снаряжении - на каждом по три баллона с воздухом, дублированные легочные автоматы: "трюльник" на языке спелеоводолазов, - каждый маневр требовал дополнительных усилий. Уходя в сифон вторым, Дианов теперь должен был возвращаться первым. Перед тем как отправиться к выходу из сифона, он оглянулся. Лехи не было. Игорь не понял и развернулся еще раз, оглядываясь. В метре над собой он увидел интенсивно работающие концы лехиных ласт и, под самым сводом, серебристое зеркало поверхности воды. Воздушный пузырь. Но почему Леха всплыл? Может, заметил продолжение пещеры?

Дианов несколько мгновений подождал. Леха по-прежнему висел над ним в зеркале пузыря. Тогда Игорь всплыл.

Пузырь был небольшой, с гладкими стенами выступающих из

водя сводов. Леха дышал из пузыря, выплюнув загубник. Аварийный, запасный загубник дублрующей системы дыхания тоже висел свободно. Леха держался руками за скользские стены и, работая, ластами, оставался наплаву. И тремя баллонами за спиной и всей остальной сбруей, включая грузовой пояс, это было нелегко. Дианов сразу почувствовал, как снаряжение тянет его обратно в глубину.

Первой мыслью было, что у Лехи неполадки с подачей воздуха. Автоматическим движением Игорь сорвал с плеча свой запасный загубник и сунул Лехе в зубы. Тот загубник взял, но тут же выплюнул.

- В чем дело? - спросил Дианов, тоже вынимая свой загубник.

- Погоди, сейчас объясню...- Леха ответил спокойно, никаких признаков тревоги не заметил Игорь в его словах. Он открыл было рот, чтобы продолжить разговор и... сорвался со стенки, за которую цеплялся пальцами в толстых подводных перчатках. Баллоны потащили его вниз. Мгновенно вставив в рот загубник, Дианов практически сразу провалился до дна, которое в этом месте было недалеко - метрах в четырех с половиной от свода. Оттолкнувшись ногами и подняв облако мути, Игорь тут же пошел на всплытие, но... увидел, что ему навстречу плавно опускается безжизненное Лехино тело.

Что было делать? В пузыре с такой ношей не всплывешь. Да и бессмысленно - не удержишься. Оставалось тащить либо вперед - до зала Будкина, до которого оставалось еще метров 30, чтобы там на отмели попытаться что-нибудь сделать, либо назад, к выходу, который находился почти в два раза дальше. Но что можно сделать водиночку по колено в воде на затопленной отмели за 100-метровым сифоном? Оставалось идти к выходу. И Дианов, вцепившись одной рукой в Лехины ремни, а другой в ходовой конец, потащил Леху через сифон. Он практически шел по дну, подтягиваясь свободной рукой за ходовик, так как плыть с такой ношей было еще тяжелее.

Страхующие поняли, что что-то случилось по странному поведению ходового конца, который ритмично и непрерывно начал напрягаться без всяких намеков на условные сигналы. Тащить, как когда-то было невозможно, так как подводники давно уже не протягивали через сифон закрепленный на себе страховочный конец, а разматывали из несомой с собой катушки, да и эта линия была закреплена на отмели в зале Будкина. Галайда, готовый к погружению, немедленно ушел в воду, но практически через мгновение оттуда, из черной глубины сифона замаячил свет.

Потом... да что там, все уже было поздно. Четыре часа борьбы - массажа и инъекций, не дали никаких результатов. Ни-ка-ких.

Экспертица вынесла странное заключение - газовая эмболия - закупорка кровеносных сосудов пузырьками газа. В результате - смерть. В то же время экспертиза достоверно не установила наличия баротравмы легких - нарушения легочной ткани, через которые в кровь мог попасть воздух. Кессонная болезнь на такой глубине - 4,5 метра? Маловероятно. Что же случилось?

* * *

Я пишу эти строки 6 марта - ровно через два года с того страшного дня. Мы так и не знаем, что произошло. Леха не

успел объяснить и теперь не объяснит уже никогда.

* * *

Ночь звонком распорота, память - как в сполохах,
И дрожит предательски телеграммы лист.
Сколько мы с тобой еще не допели, Леха!
И пещер мы сколько не прошли.
Оборвалось что-то, оборвалось
Долгой болью в сердце, не пойму...
Ты ушел, а мы вот... мы остались,
Хоть у нас нельзя, чтоб одному.
У пещер любимых с завидной сноровкой
Выбивает время наши имена,
И в пустых ладонях не дрожит страховка -
Прямо в душу тянется она.
Как ты? Слышишь? Первым трудновато...
Ты кольни мне в сердце, я пойму.
Вот уже и Там свои ребята...
Ведь у нас нельзя, чтоб одному.
Мы нальем стаканы, помолчим немного,
Растревожит ветер новых песен дым,
Древние сказали б - кого любят Боги,
Тот уходит в Лету молодым.
Подойдет к исходу новый день нелегкий,
Канут горы в призрачную тьму,
И сидит меж нами, как и прежде, Леха -
Чувство неподвластное уму...(*149)
-
Проходит год за годом с того страшного дня...

В Е С З О Л О Т А.

-

Их имена все еще мало кто знает. Владимир Киселев, Илья Александров, Евгений Войдаков - Москва, Виктор Яшкин и Николай Боровой - Ростов-на-Дону, Петр Миненков, Виктор Мельников - Красноярск, Виктор Комаров - Рязань... Пусть не обидятся те, кого нет в этом произвольном перечне - о советских спелеоподводниках еще предстоит написать.

Зато Йохена Хазенмайера знают во всем мире.

Он достоин того, этот мужественный исследователь-подводник. Но вчитываясь в описания его феноменальных достижений, невольно сравниваешь: а мы - смогли бы?

Другая знаменитость, обладатель рекорда своего времени по погружению в Воклюз француз Клод Тулумджан, в 1989 году приезжал в СССР поучаствовать в штурме крупнейшего из известных в Абхазии источника Мчишта. Исследования источника начались в 80-х годах. В 1987 году красноярцу Миненкову и ростовчанину Грицыхину удалось всплыть за перегибом свода в сифоне Мчишты, преодолев 150 метров с максимальным погружением на -45 метров. В следующем году тройка красноярских спелеоподводников - П.Миненков, А.Скачков и С.Перевалов продолжили прохождение сифона, который дал 250 метров протяженности при той же глубине. Спелеологи вышли в 500-метровую засифонную галерею, богато украшенную натечными образованиями. В 1989 году Клод Тулумджан совершал погружения вместе с нашими парнями, но естественно, в своем снаряжении. Кто-то, не помню кто, рассказывал потом, что при встрече с французом

в глубинах сифона сначала не понял - что за диковинное существо движется навстречу! Мощный свет галогеновых фонарей Клода разительно отличался от освещения наших подводников, как, впрочем, и все остальное подводное оборудование.

В том же году бельгийские подводники, прибывшие на Кавказ для совместной с москвичами работы в сифонах пропасти имени Илюхина, отступили уже перед первым сифоном на отметке -950 метров. И пришлось Владимиру Киселеву с Виктором Яшкиным вдвоем за четверых перетаскивать груз через три сифона, навешивать веревки на 120-метровую вертикальную засифонную часть и все также вдвоем придпринимать попытку штурма четвертого сифона пропасти.

Пещеры поддаются мужеству, настойчивости и мастерству. Не думаю, что советские парни уступали по этим показателям своим зарубежным коллегам. Скорее наоборот. Но вот по техническому оснащению...

Вот так совершал свои погружения в водах Голубого озера Йохен Хазенмайер (*151).

"Надо мной смыкается вода . Волны размывают картину старой церкви и растущих на берегу озера деревьев. Под водой я - в космической невесомости. В наступившей тишине медленно спускаюсь вдоль отвесных стен "Голубого озера" - широко известного источника на юго-востоке Швабского Альба. Передо мной 150-килограммовый "салазки" с камерой и осветительными аккумуляторами, а также винтовой скуттер "Райт-торпедо". Мое дыхательное оборудование, весящее 150 кг (20 тысяч литров сжатого воздуха) находится за спиной, но в воде я в невесомости, как космонавт в космосе.

На глубине 20 метров осторожно причаливаю к галечному склону. За моей спиной из узкой скальной щели - "Дюзы" - вырывается водный поток. На этот раз, 4 ноября 1985 года, протащить громоздкое снаряжение через это ушко внутрь горы было не очень тяжело. Из щели выходит всего 200 литров в секунду. В среднем же расход составляет 2200 литров в секунду, и тогда приходится бороться с потоком, сила которого соответствует мощи урагана. При паводках расход воды в источнике достигает 26 тысяч литров в секунду - это самый мощный источник в Германии. О погружениях в такое время не приходится и думать.

Лучи моего налобного фонаря скользят над высокими стенами. Ложусь на скуттер и продолжаю движение вниз, в глубину. Я хочу проникнуть еще дальше внутрь Альба и запечатлеть свой путь через уже известные и еще не пройденные объемы пещеры. По своему желанию я могу подтянуть салазки с камерой под скуттер или тянуть их за собой на выдвигающейся до 4 метров штанге, чтобы снимать пещеру и самого себя за работой. Для этого я держу в руке панель управления, на которой, помимо прочего, смонтированы 4 светильника и выключатель.

Надеюсь, что на этот раз мне удастся достичь первого воздушного зала в длиннейшей из подводных немецких пещер."

Вот это техника!

* * *

Мы уже упоминали о длиннейшей из известных в мире подводный пещере Коклебидди в Австралии. Французская экспедиция "Нурлларбор-83" под руководством Франсиса Ле Гана добилась в ней потрясающих результатов. Пещера - этот гигантский заполненный соленой водой подземный коридор - трудно поддается

воображению. Первый сифон имеет протяженность 1000 (!) метров, после чего следует сухой участок. Далее второй сифон, который более чем вдвое превышает первый - 2550 метров! Попробуйте просто проплыть такое расстояние по открытой воде - не то что в сифоне! Подводная галерея повышается, переходит в подземный зал протяженностью 400 метров, и снова сифон. Вот несколько строчек из отчета Ле Гана (*152).

"27 августа: Эрик и Жером совершают ознакомительное погружение на 1500 метров от входа продолжительностью 12 часов. Выяснилось, что характер породы не позволяет забивать крючья. Поэтому нам не удалось повесить гамаки в Первом зале за первым сифоном и организовать в нем троллей для транспортировки снаряжения. Все скафандры придется разбирать по частям, перетаскивать через глыбы и снова собирать перед вторым сифоном. Эту же операцию надо проделывать во втором зале в 3500 метрах от входа, а длина зала - 400 метров. Эти непредвиденные обстоятельства сильно затянут выходы.

30 августа: первый штурмовой выход. Вероника и Сильвия несут контейнеры с продуктами и питьем в первый зал (время погружения - 1 час. Через 30 минут их догоняют Эрик и Френсис, плывущие со скуттерами. На доставку снаряжения за глыбовый завал у них уходит 10 часов. В то время, как девушки возвращяются обратно, мужчины погружаются во второй сифон и проходят его 2550 метров за 1 час 50 минут, оставив по пути в 2 км от начала сифона 4 аварийных баллона. Короткий 3-часовой отдых во втором зале и затем - переноска к третьему сифону снаряжения, необходимого для одиночного погружения в этот неизведанный пока сифон.

Погружение Эрика в этот сифон длится 3 часа 30 минут, из которых 30 минут - декомпрессия. Он протянул шнур на 1460 метров на глубине -18 метров. Насколько мне известно - это самый продолжительный штурмовой выход. К сожалению, галерея идет, непрерывно сужаясь. Возвращение проходит в том же порядке, и мы встречаемся с Жеромом, который ждет в Первом зале с аварийным скафандром и снаряжением. Выход из пещеры - 1 сентября, через 39 часов с начала работы.

14 сентября: Мы решаем повторить попытку. Та же схема прохождения. На случай отказа скуттеров мы оставляем еще 2 баллона во втором сифоне и имеем 4 дополнительных баллона на третий сифон. Кроме 2000 метров шнура, я уношу в этот сифон 20 кубических метров воздуха.

Первая тысяча метров в третьем сифоне. Здесь несколько уже, чем во втором сифоне, но все еще достаточно комфортно: 8 метров в высоту, 15 метров в ширину. Но начиная с этого места размеры постепенно уменьшаются и, в конце концов, я дохожу до узости, перед которой приходится оставить часть снаряжения. Прохожу еще 90 метров по извилистому ходу, максимальные размеры которого 1 х 2 метра и, наконец, останавливаюсь перед последней узостью, которую оцениваю как непроходимую. Поскольку у меня еще более, чем на 2 часа, запаса автономного плавания, я в безысходности обследую все ответвления. Это добавляет еще метров 80 длины, но продолжения нет. На обратном пути нахожу еще одно 60-метровое ответвление во втором сифоне, заканчивающееся узостью. Общая протяженность пещеры составила, таким образом, 6090 метров, из которых 5240 метров под водой. Выход продолжался 47 часов, из которых 3 часа ушло на сон во Втором зале. Общее

расстояние, пройденное под водой - 10,220 километра в сумме туда и обратно по основному ходу - представляет на сегодня новый мировой рекорд для погружения в сифонах".

Если у кого-нибудь сложилось впечатление, что зарубежные подводники чуть ли ни застрахованы от случайностей или не применяют рискованных способов ппрохождения сифонов - это далеко от истины. Конечно, снаряжению этих экспедиций можно только позавидовать. Группа Ле Гана, например, использовала 2 подводных скуттера-буксировщика с 6-часовым запасом хода каждого при скорости движения под водой 27 метров минуту. Скуттеры-буксировщики - серьезный прогресс в технике спелеоподводных исследований, при условии, что в необходимые точки сифона своевременно забрасываются аварийные баллоны, которые позволят вернуться в случае отказа скуттера. Из средств освещения каждый подводник имел 4 галогеновых прожектора мощностью 100, 50 и два по 20 ватт с двухчасовым ресурсом каждый и по 4 фонаря в несколько ватт мощностью с ресурсом в 8 часов работы. Известно - в кейвинге свет определяет половину успеха, тем более под водой. Все аккумуляторы развешивались вокруг туловища и заменяли свинцовые груза. Баллоны акваланговбыли изготовлены из стекловолокна и позволяли закачку воздуха ("забивку", как говорят подводники) до давления в 400 атмосфер. Обычно французы погружались с комплектом из трех 20-ти и двух 6-литровых баллонов на спине и двух: 6-ти и 15-литрового, баллонов на груди. Разительное отличие от трех 7-литровых баллонов нашего "трюльника"!

Что же касается риска - что ж: наши коллеги - парни не менее отчаянные. Узость, которая остановила Френсиса Ле Гана, атаковал австралиец Хью Моррисон. Причем сделал это весьма рискованным образом. Ле Ган однозначно определил свое отношение к этому:

"...Хью удалось преодолеть остановившую меня конечную узость третьего сифона и пройти еще 240 метров способом, который я осуждаю и который не должен входить в практику: Моррисон двигался, толкая перед собой всего один баллон, к тому же наполовину пустой - двухбаллонный аппарат не проходил по объему. Его спутники, дожидавшиеся у входа в узость, потом рассказывали, что, слегка задержавшись на обратном пути из-за поднявшейся мути, он вышел из узости на последних глотках воздуха. Но как бы то ни было - это подвиг!"

Трудно не присоединиться к мнению выдающегося подводника.

Остается только прибавить, что наибольший пройденный пока подземный сифон имеет протяженность 4000 метров! Сколько же надо мужества, тактического и технического мастерства, знаний, какого снаряжения и Удачи требует преодоление 4 километров под землей и под водой и... возвращения?

* * *

В отечественном аквакейвинге не очень-то принято работать в сифонах в одиночку. Однако существуют и другие мнения на этот счет. Прежде всего у Йохена Хазенмайера, предпочитающего исключительно одиночное плавание.

"...Я ныряю, чтобы перейти границы, отыскать пути в неизведанное. Меня привлекает то, что кажется опасным, но риск можно свести к минимуму с помощью знаний и техники. Хладнокровие также помогает преодолевать экстремальные ситуации.

Под водой я всегда один - и сознательно. По правилам спортивных погружений это запрещается. Такой подход оправдан

для открытых водоемов., где аквалангисты могут при необходимости помочь друг другу и где поблизости поверхность воды. Однако в пещере эти правила не срабатывают. Здесь каждый подводник неизбежно крутится среди грязи и ила, его взгляд часами ограничен несколькими сантиметрами. Если на пути вперед перед ним еще чистая вода, то возвращение всегда происходит наощупь. Путь из пещеры в этом случае определяется только по ходовому концу из стального троса, проложенному при первопрохождении. На нем через каждые 10 метров имеются маркировочные флажки и меленькая стрелка, указывающая направление выхода из пещеры. При постоянном ощупывании этой "нити Ариадны", при прохождении узких скальных проходов и при неизбежной постоянной проверке собственного снаряжения, невозможно помочь другому человеку. Нужно рассчитывать только на себя.

В октябре 1983 года во входной части "Голубой пещеры" погибли два молодых подводника, которые как предполагают, потеряли ходовой конец и после этого растерялись, запаниковали, хотя их запас воздуха был мало израсходован. В сифоне очень просто прийти к ситуации, при которой может возникнуть паническая реакция. В мутном илистом бульоне, где пузыри выдыхаемого воздуха увлекаются потоком, можно потерять душевное равновесие и сорваться. Поток адреналина учащает сердечные сокращения, дыхание также учащается. Но легочный автомат подает слишком мало воздуха. Тогда ты начинаешь верить в то, что задыхаешься, и новый адреналиновый толчок еще сильнее закручивает спираль смерти.

Следовательно, необходимо вовремя распознать предпосылки такой "сифонной паники". Когда я попадаю в ситуацию, в которой чувство страха грозит затопить мой разум и четко определенную программу, я ложусь на дно. Я убеждаю себя, что в баллонах достаточно воздуха, и успокаиваюсь. На помощь мне приходит многолетний опыт и многократно проверенное снаряжение, с помощью которого я надеюсь преодолеть все мыслимые опасности."

Всегда ли оправдан риск? И риск ли это? Все относительно. На мой взгляд - риск, на ваш - безумие, а по мнению того же Хью Моррисона - нормальная работа в сифоне. Все зависит от самочувствия и самооценки специалиста. Со стороны, конечно, видней, но далеко не всегда.

* * *

Вертится на в мыслях и на языке вопрос: "А зачем все это?" Действительно, к чему этот риск и трагедии? Когда можно было бы жить спокойно в привычно очерченном кругу.

Лучше иметь живых врагов, чем мертвых друзей...

Кто категоричен, тот неправ. Кто тороплив, тот не найдет истины. Не ответить однозначно на эти вопросы. Ясно одно: пока живо человечество - кто-то всегда будет стремиться к неизвестности, за невидимый горизонт. Писатели-фантасты давно перешагнули границы нашей Земли. Придет время, когда и это станет реальностью. Все, что можно вообразить - может таким образом существовать.

Кейвинг, тем более подводный - для большинства живущих на земле тоже фантастика. Но в отличие от книжной - фантастика современная и весьма осязаемая. Каждый из нас, кейвер-вертикальщик или спелеоподводник живет в этом ирреальном мире и находит в нем свое: в меру своих увлечений, притяза-

ний, характера, темперамента и жизненной философии. И каждый решает за себя - идти ли на отвес или в сифон. Потому что самая отвртительная вещь в мире - это насилие. Даже если насилие - во благо...

* * *

Заглянем же глазами Йохена Хазенмайера в глубину Блаукопфа, прочувствуем тот звездный час, когда твои многолетние усилия вдруг приводят к успеху. Мгновения - цена которых неизмерима золотом. В этом чудовищном мире, где весом золота, кажется измеряется все...

Хазенмайер начал свои исследования в источнике "Голубое озеро в 1969 году. Год за годом он совершенствовал свое снаряжение и совершенствовался сам, вновь и вновь возвращаясь к тайнам Блаукопфа. История его исследований - готовый материал для отдельной захватывающей книги. Вечно один, паря в черных безднах гигантской пещеры, Хазенмайер с каждым годом продвигался все глубже. И появлялись на карте никем никогда не виданной пещеры манящие названия: "Двойные ворота", "Облачный зал", "Тысячеметровый риф"... И только через шесть лет настал этот миг. Пройдя около 1300 метров подводной галереи, Хазенмайер вышел в долгожданный незатопленный зал.

"4 ноября 1985 года... через 2 часа после начала погружения мне удалось достичь последней исследованной точки. Час заняла съемка фильма. Я припарковал скуттер к ходовому концу 1983 года и привязал к нему новый провод. Камера, которую я тянул за собой, фиксировала осторожные гребки ласт, атакующие неизвестную часть пещеры. Отвесные стены разрушены и окрашены в темно-красный и черный цвета. Через 80 метров свод пошел вверх. Скальный барьер оставил свободной лишь узкую лазейку. Покрытый осадками пол приподнялся и стал уже. Замечаю в глубине расширение. Под водой вижу натеки. Опыт подсказывал, чо незатопленные пещерные залы должны находиться поблизости.

Киносветом я прослеживаю выдыхаемые и поднимающиеся пузырьки воздуха. Они исчезают на серебристой поверхности - зеркале озера. Надо мной находится первый воздушный зал "Голубой пещеры". Мне не терпится узнать, какой он величины, но я должен выждать. Крови и тканям требуется время, чтобы вывести растворенный в них под давлением глубины азот. При быстром всплытии в тканях могут образоваться газовые пузырьки. Поэтому я следую предписаниям, выданным мне двумя моими декомпрессионными компьютерами: 15 минут задержки на глубине 6 метров и еще 50 минут на 3-метровой глубине. А пока рассматриваю великолепные украшения на стенах. Все эти натеки созданы водой и затоплены руками людей. Они скрылись под водой после создания плотины, образовавшей "Голубое озеро". После этого уровень воды в пещере поднялся на 7 метров.

Через некоторое время наталкиваюсь на толстые "барабанные" остатки натеков, торчащие с пола. Это говорит о том, что при падении содержащие кальцит водяные капли сильно разбрызгивались при ударе, что свидетельствует о большой высоте зала, который меня ожидает.

Наконец, красные лампочки компьютеров погасли. Всплываю. Свет скользит вдоль длинного озера и падает на высокие натечные каскады. Надо мной смыкается огромный скальный собор. Причудливые натечные фигуры проступают из темноты пещерной

ночи. Я решаю, что зал должен называться "Гротом Мёрики", по имени швабского поэта, которому мы обязаны "Историей прекрасной Лау" - об изгнанной из устья Дуная в Голубое озеро русалке. Нагруженный тяжелыми салазками с фото и кинокамерой, с трудом всплываю, чтобы заснять свои первые впечатления. Однако для хорошей съемки необходим плот.

Через несколько дней мне удалось благополучно доставить упакованный плот в "Грот Мёрики". Через час все готово для съемки, но ничего не получается. Я вдруг обнаруживаю, что на аппарате установлено расстояние 20 см, но мне не удается открыть в пещере водонепроницаемый футляр. "Как это могло произойти?" - спрашиваю сам себя. Вывод один - ошибки не повышают безопасность.

Спустя три недели после открытия, во время третьего посещения я провел в "Гроте Мёрики" 11 часов. Я, наконец, смог произвести съемку фильма и сделал цветные снимки. Только теперь я увидел все великолепие и величину этого зала: 120 метров в длину и до 25 метров ширины. Он взлетел на 30 метров над зеркалом воды - высота 10-этажного дома - пожалуй, неплохо для свисающих низко натеков.

Так на глубине 140-170 метров от поверхности земли я открыл самое большое из известных немецких пещерных озер и самый большой из известных пещерных залов Швабско-Франконского Альба - часть огромной пещерной системы, из которой очевидно, мы знаем только начало. Все говорит о том, что за "Гротом Мёрики" находятся и другие залы, может быть, еще большие. Уже в этом году я хочу проникнуть дальше вглубь горы"

Они снова манят нас, неизвестные продолжения, неоткрытые пещеры и пропасти. Открывая их, мы познаем себя.

Семь футов под ластами, Рыбы!

Д Е С Я Т И Л Е Т И Е У Д А Ч И.

==========

-

Б З Ы Б С К О Е П Р О Т И В О С Т О Я Н И Е.

-

Мы оставили наших подземных великанов в препирательствах по поводу глубинного приоритета в самом начале десятилетия "восьмидесятых". Гонку возглавляла Жан-Бернар, единственная пропасть, перешагнувшая глубину в четырнадцать сотен метров: -1410. Следом, ноздря в ноздрю, мчались Пьер-сен-Мартен (-1332 м) и наша Снежная, где экспедиция Морозова 1980-го года остановилась в зале Пенелопы на глубине -1320 метров. В третьем эшелоне у отметки -1200 метров отталкивали друг друга локтями красотки Гуффр Берже и Сима де лас Пуэртас де Ильамина. Но наступало следующее десятилетие, и уже народились иные, еще неизвестные миру, соперники в споре за Корону подземного царства. Кейвинг вступал в новое десятилетие открытий.

А нас неудержимо притягивал Кавказ.

-

Я хочу на Кавказ, я хочу на Кавказ,
К черноморскому солнцу!
Чтоб парная жара, чтоб дорога с утра,
Чтоб колючки на склонах,
Чтобы буковый лес, чтоб тропа до небес,

Чтобы белые скалы,
Облака чтоб у ног, и шальной ветерок,
Тот, что лица ласкает (*153).

-

Там, где мощно стремит свои воды к близкому морю красавица Бзыбь, по ее скалистому ущелью вьется шоссе. Ежедневно десятки и сотни автобусов и автомашин поднимаются по этой дороге к жемчужине побережья - горному озеру Рица.

Высятся по сторонам узкой полоски асфальта сумрачные стены. Серый известняк, шум горного потока. Здесь излюбленные места тренировок и соревнований скалолазов. Из окон "Икарусов", открыв рты, смотрят на них туристы.

-

На исходе шальное лето,
И опять на хребте Судьбы
Нас Арабика тянет влево,
А направо нас тянет Бзыбь...

-

Горы в небо вонзают скалы -
Не пытайся их блеск забыть!
Нам Арабика шепчет: "Чао!"
"До свиданья!"- нам шепчет Бзыбь.

-

И когда на пороге тайны
Лишь останется крюк забить,
Улыбнется нам Жове-Квара,
Усмехнется седая Бзыбь.

-

Понимаешь, такое дело -
Суждено нам Кавказ любить,
И Арабика смотрит слева,
Щурит справа отвесы Бзыбь...(*154)

-

Да-а, мало кто знает, что по сторонам дороги на Рицу, будто в боевом противостоянии, сошлись главные пещерные районы Западного Кавказа: слева - Арабика, Гагрский хребет, справа - Бзыбский массив, коротко, одноименно реке - Бзыбь.

-

Я хочу на Кавказ, чтобы Бзыби оскал
Веселил наши души!
Чтоб гитары и смех, чтоб тревога о тех,
Кто уходит все глубже.
Чтоб охрип телефон: "Мы ушли за сифон!
Мы прошли сквозь завалы!"
Чтобы выйти наверх
И, неверя, смотреть на лучистые скалы.

-

Ах, эта Бзыбь! В нашей памяти - это, прежде всего, все-таки - Снежная. Снежная - начало восьмидесятых.

Наша экспедиция "Снежная-81" под руководством Татьяны Немченко углубила Снежную на 15 метров. Мало?

Иногда один метр стоит иной сотни. С нашими метрами Снежная стала -1335 метров и немножечко обошла ПСМ (-1332 м). Мы - вторые! Но всем было ясно, что эти три метра, разделявшие супергигантов - весьма сомнительная разница.

Неподалеку от Снежной усилиями спелеологов МГУ была найдена пропасть имени Сергея Меженного. Начинаясь очень эф-

фектно - почти 400-метровым каскадом вертикальных колодцев, пещера вдруг уперлась в непроходимую узость.

Так или иначе, но начало 80-х знаменовалось резким подъемом советского спелеологического движения. С приходом в 80-м году к руководству Центральной комиссией спелеотуризма Александра Игоревича Морозова, измученный междоусобицами в верхнем эшелоне власти, советский кейвинг, наконец, вздохнул вольным воздухом.

Прежде всего увеличилось число всесоюзных учебных мероприятий. В 1982 году на Западном Кавказе проводились сразу два таких семинара: школа инструкторов спелеотуризма (СИП) под руководством Владимира Резвана отправлялась на Алек, семинар высшей спелеотуристской подготовки (ВТП) под началом москвича Николая Чеботарева с тоской ожидал заброски на Бзыбь. В те времена вертолет у нас все еще был редкостью, а пешком восходить на плато...

Традиционно оба семинара начинались на хостинской турбазе "Южная", после чего перебрались в удивительно уютный Воронцовский приют, расположенные вблизи одноименной пещеры. Интереснейшее это было время! После длительной изоляции друг от друга на Кавказ съехался, без преувеличения, весь цвет советского кейвинга того времени. Подобным кворумом мог похвастаться только Всесоюзный семинар высшей инструкторской подготовки 1985-го года, который впоследствие послужил отправной точкой развития СРТ на востоке Казахстана и в СССР. Ну, а пока - мы собрались на приюте "Воронцовский".

Погода на Кавказе - капризная тетка. Над побережьем, на радость отдыхающим, - солнце, над горами, на горе нам - облака. Как сейчас, вижу навесы над очагами кухни Воронцовского приюта, угрюмую фигуру лидера ленинградцев Володи Демченко, озабоченного чисткой картошки не меньше, чем погодой. Но гитара с нами, и тут же раждается гимн ВТП-82:

-

Какая чудная погода!
На вертолет надежды нет.
Глядеть на небо неохота.
Тем более - на Бзыбь переть.

-

А рюкзаки - помилуй Боже!
Ну, редко где не шестьдесят.
Вот потому смурные рожи
На нас уныло так глядят...

-

Нам на Алек гораздо ближе.
Для нас и муха - вертолет!
Огонь с утра кастрюльку лижет,
А дождик, падла, льет и льет.

-

Ну, что же делать, что же делать,
Коль вертолета не дадут?
А что тут думать, - ВэТэПэшник?
Бери рюкзак и в гору дуй! (*155)

-

Несмотря на весьма относительные художественные достоинства, песенка оказалась, что называется, "в жилу" и неизменно выжимала вымученные улыбки вэтэпэшников Чеботарева.

Кончилась неделя теоретической подготовки, и наши семи-

нары разъехались по своим хребтам, чтобы через месяц слиться в совместном послеэкспедиционном банкете на роскошной поляне у слияния речек Западная и Восточная Хоста.

Были в той песенке и такая строчка: "Их ждут приятные находки...", которая оказалась пророческой.

Отделение Демченко работало в Меженного. Понятно, что всем не давала покоя непроходимая узость, которой заканчивалась 400-метровая вертикаль пропасти. По счастливой случайности в составе отделения Демченко оказался чрезвычайно хилый телосложением спелеотурист, кажется, откуда-то из Башкирии. И вот его совершенно неожиданно удалось протолкнуть в считавшуюся непроходимой узость, которой оканчивалась Меженного. Парень протиснулся сквозь теснину и куда-то ушел. Его более могучим товарищам оставалось только интенсивно сглатывать слюну.

Разведчик принес оглушительные новости - галерея продолжалась, уходя все глубже! И тогда народные массы возмутились. А всем известно, что если народ соответствующим образом вдохновить, он способен горы свернуть. Так и случилось. То, на что не могли решиться все предыдущие экспедиции - свершилось. При помощи весьма скудного ударного инструмента узость была расширена. Отделение Демченко устремилось в прорыв и вышло на подземную реку. Был открыт ручей Невский и масса других ходов. Это была сенсация!

Рассказы об удаче в Меженного, принесенные ВэТэПэшниками на банкетную поляну, взбудоражили весь Союз. Река Меженного могла быть верхним течением знаменитой реки Снежной. А могла и не быть. Так или иначе, Меженного обещала новые открытия.

Едва вернувшись с ВТП, "братья разбойники" - Владимир и Олег Демченко развернули интенсивную подготовку дальнейшего штурма. Пещера "шла", и сознание этого мощным магнитом притягивало к Меженного внимание спелеологов всей страны.

И вот в марте 1983-го ленинградцы снова на Бзыби. Спуск в Меженного дает новые открытия. Команда братьев Демченко пробивается все ниже, но из-за нехватки снаряжения вынуждена остановиться перед очередным колодцем.

Ленинградцы отступают, но радость открытий приправлена изрядной долей беспокойства. Дело в том, что в это время к штурму готовится команда москвичей под руководством Александра Морозова. Топографическая съемка ленинградцев не оставила сомнений в том, что река Меженного действительно является верхней частью снежнинской реки - пещеры готовы были слиться в единую подземную систему. Где-то эти водные потоки соединялись. но где? И кому выпадет честь соединить эти замечательные пропасти?

По мнению Морозова открытие соединения было достойной вехой в его многолетних исследованиях Снежной. Братьям Демченко по понятной причине хотелось логического завершения столь удачно начавшегося доисследования системы Меженного. Что думали на сей счет первооткрыватели Снежной и Меженного спелеологи МГУ можно только догадываться, но в эту битву они вмешаться не решились.

Летняя 1983 года экспедиция Морозова была на грани успеха. Пройдя колодец, о который споткнулись ленинградцы, Морозовоткрывает большой зал, могучие галереи. Мощная река теряется в очередном завале, пройти который не удается. Соединение где-то рядом, но его нет. Удача, поманив морозовцев,

скользнула мимо рук.

Братья Демченко чувствовали, что Фортуна может отвернуться от ленинградцев. Морозов - серьезнее конкурента подыскать было трудно! Фортуна любит настойчивых. Это Демченко понимали, и поэтому, едва отойдя от предыдущего штурма и с грехом пополам уладив текущие дела, в последних числах ноября уходящего 83-го года их команда вновь у Меженного.

Этой осенью, рассказывая участникам Каунасского спелеологического совещания о подробностях этой исследовательской гонки, Александр Игоревич Морозов уже намечал свою следующую экспедицию в декабре-январе. Москвичи буквально висели на плечах ленинградцев. Если промахнутся Демченко, Морозов... Но Демченко не промахнулись.

Как часто бывает в судьбе замечательных открытий, все решил случай. В который раз обшаривая проклятый завал, в который уходила подземная река и уже подумывая о возвращении, двойка братьев-разбойников уронила скальный молоток. История умалчивает, кто именно допустил эту замечательную оплошность. Но в тот исторический момент вряд ли кто-нибудь из братьев обрадовался перспективе остаться без молотка.

Гипнотический опыт прохождения завалов Снежной толкал все группы исследователей Меженного к поискам обхода этого завала также вверх под своды зала. Отчаявшись найти проход в верхней части завала, ленинградцы без особой надежды на успех принялись обшаривать узкие проходы между глыбами у самой воды. Силы экспедиции таяли, а за спиной нависал сильный и удачливый Морозов, готовый перехватить успех.

И вот в этот критический момент, когда все уже готовы были свернуть исследования и возвращаться, молоток был потерян и булькнул в воду между камней.

Сразу после экспедиции весьма скупой в проявлениях на поприще эпистолярного жанра Владимир Демченко писал в письме к Резвану примерно следующее: "Не такие мы парни, чтобы разбрасываться молотками!" И негодующие братья принимаются ворочать глыбы, стремясь вернуть себе утерянное имущество. За очередной глыбой приоткрылась щель...

Остальное было, что называется, делом техники. За щелью открылась галерея, в которой практически сразу же наткнулись на тур морозовской экспедиции, некогда исследовавшей верхнее течение снежнинской реки. Пропасти были соединены!

Можно себе представить досаду команды Морозова, упустившую такое первопрохождение! Они утешились, если можно этим утешиться, тем, что совершили первый в стране траверс вновь возникшей пещерной системы Меженного-Снежная.

Превышение уровня входа в Меженного над уровнем входа в Снежную составило +35 метров, и новая система с денивеляцией 1370 метров закрепила свои позиции на втором месте в мире.

Кто мог тогда предположить, что через год после траверса этой суперсистемы Морозов предпримет еще одну зимнюю экспедицию, которая станет для него и его товарищей последней?

* * *

У кого из спелеологов не защемит сердце при известии, что где-то в досягаемой близости "пошла" пещера? Радость от общего успеха смешивается с легкой завистью: "Ну почему не у нас!" Но редко кто срывается с места, чтобы приобщиться к чужому успеху. Обычно такая весть действует как инъекция упорства - надо работать, искать, рыть, глядишь - и у нас

пойдет! Практика работы на Кавказе недвусмысленно показывает: все, кто имел настойчивость разрабатывать свой район в течение пяти и более лет - добились успеха. Пещеры сначала неохотно, затем все стремительнее устремляются вниз.

С Гагрского хребта, что высится слева от трассы на Рицу, район Снежной не виден. Бзыбь высится темной стеной, часто увенчанной облаками. А здесь - скалистый рай! Арабика! Совершенно удивительный мир скал и снега, пропаханный древними ледниками и изрытый карстовыми воронками.

-

Все снега да снега,
Не сказать, что июль,
Нас встречает Арабика снегом.
Пока день не угас,
Вверх лежит наш маршрут -
В край, где скалы сливаются с небом.

-

И почувствуешь вдруг:
Замыкается круг
В этом Богом забытом углу.
Воздух тонок и сух,
И ласкают наш слух:
Христофор, Ачмарда, Гельгелук.(*156)

-

Сколько поэзии в названиях этих придорожных поселков, что раскинулись в предгорьях и высоко в горах вдоль головокружительной трассы, ведущей в небо! Дорога! В этом еще одна приятная особенность арабикских экспедиций - возможность заброситься автомашиной практически к самым пещерам.

- Сто рублей рейс! - возмущается Юра Бессерегенев, руководитель белоусовской группы, загружая видавший виды ГАЗ-66 экспедиционной поклажей. - Цены - с ума спрыгнуть!

Цены ценами, но при взгляде на огромную кучу наших мешков, московских ящиков и польских голубых бочек с гордой надписью "PZA" (*157), отпадает всякое желание подставлять под нее собственные плечи. В первую ездку отправляем груз, во вторую - все оставшееся, и набиваемся сами под самую завязку. Дело к ночи. Это нормально. Днем здесь не ездят. Мы еще не знаем - почему.

И вот речет двигатель, мы взбираемся наверх. По-кавказски стремительно падает на буковый лес ночь. И тут же, как по мановению волшебной палочки, во мраке леса вспыхивают зеленые искры светлячков. Они прочерчивают влажную ночь пунктирами трасс, превращая мрачные заросли в сказочную страну. Забывая о тряске, завороженно плывем через лес.

Граница леса отмечена "воротами". С высотой становится как-то светлее, и на фоне призрачных хребтов ирреальными громадами по сторонам дороги высятся два огромных дерева - Ворота Гюзле.

Холодает. С близких уже снегов тянет бодрящим ветерком. Но дорога не дает особо мерзнуть - извивается немыслимыми серпантинами, заставляя изо всех сил цепляться за борта, друг за друга. "Шестьдесят шестой" не вписывается в повороты - машина с натужным воем утыкается в склон обочины, скрипят тормоза, медленно осаживаем задним ходом к пропасти. Хорошо - темно, не видно, и то жуть берет. Визг тормозов, машина дергается, берет с места и вкручивается в очередную петлю

дороги. Через минуту - новый поворот, и операция повторяется в зеркальном порядке.

А над горами - смотрите! смотрите! - россыпи огней. Это побережье! Это Адлер! А это что - тоненькая цепочка огней - аэродром?

Перевал! Какие-то убогие без единого огня строения, лай собак, серебро снега. Зуб на зуб не попадает. Кутаемся кто во что.

За перевалом дорога идет вниз. Те из нас, кто когда-либо сидел за баранкой, инстинктивно давят ногой несуществующую педаль тормозов. Наш перегруженный грузовик тычется в обочину над пропастью, завывая двигателем, пятится назад, снова ныряет вниз. Разговоров нет. Все напряженно молчат, устВВшись во тьму. Что будет, если откажет тормоз, сцепление или еще что-нибудь откажет в нашей потрепанной технике - думать не хочется.

Сколько мы едем: три или шесть часов? Но всему есть конец. Выгружаемся в кромешной тьме на какой-то пустоши среди гор и снега. Из уст в уста передается желанное словечко - Гельгелук - последний форпост цивилизации на нашем пути. Самого поселка не видно. Люди здесь живут по законам природы, а не вопреки им: ложатся с закатом, встают с рассветом. Электричества нет.

-

Мы палатки поставим,
Найдя пятачок
Меж воронок засыпанных снегом.
Нас закатное солнце
Усталым лучом
Приласкает весеннею негой.

-

Смотрит в душу с утра,
Как царица, гора
В окружении облачных слуг.
Серпантина змея,
Как живете, друзья,
Мой Багнари, Гюзле, Гельгелук?

* * *

- Ну, как дорога, Юра? - спрашиваю Бессергенева на встрече между ходками. Мы таскаем экспедиционный груз челноками к месту нашего базового лагеря в ста метрах от входа в Перовскую.

- Я б за сто рублей не повез! - Юра крутит головой. - Они, думаешь, чего по ночам ездят?

- Чтоб со страху не помереть.

- Чтобы движок не перегревался! - смеется Юра. - Ну и со страху тоже. Хотя им что, они тут привычные!

Утро очаровывает нас открывшимся великолепием гор. Бзыбь все же как-то благообразнее, положе. Здесь же острые известняковые гребни и пики будто состязаются между собой в изяществе и утонченности форм. Арабика! Что-то чудится в этом слове от тонконогого арабского жеребца с трепещущими нервными ноздрями. Треугольный пик, снег скалистых цирков которого слепит на солнце глаза. Мы еще только пришли, а уже при мысли, что придется уходить, покинуть все это, сразу полюбившееся великолепие, щемит сердце.

-

А когда все пройдем,
Улыбнемся с тобой
И с Арабики Бзыби помашем.
Небо в красках зари,
Но на касках горит
Незакатное солнышко наше.
-
И почувствуешь вдруг:
Все проходит, мой друг,
Ветер гонит с кострища золу.
Но в воротах Гюзле
Смотрят ласково вслед
Богорупшта, Сандрипш, Гельгелук. (*158)

* * *

К 85-му году Арабика догнала Бзыбь по числу "тысячников". Снежная недосягаемо царила в карстовых глубинах, но в строй бзыбских пропастей встала Напра (-956 м), и ее река, уходящая в затянутую песком щель под отвесной стеной донного зала, давала определенные надежды на продолжение. Арабика же усилиями киевлян и москвичей из Перовского клуба выдвинула в число претендентов на всесоюзное первенство (до мирового было еще далековато) пропасти Куйбышевскую (-740 м) и Перовскую (-950 м).

Так что: два-два с качественным перевесом на стороне Бзыби.

Команда Саши Климчука, пробившись в 82 году через 200-метровые колодцы и завалы Куйбышевской на -740, застряла в совершенно уже грандиозном завале, который терпеливо исследовала в течение нескольких экспедиций. Зато система имени Илюхина "пошла". В 80-м году московская экспедиция Илюхина открыла вход в пропасть в средней части ригеля вот этой ледниковой долины - трога, на борту которой стоит сейчас наш цветастый международный лагерь. Поговаривали, что вход в Перовскую в буквальном смысле приснился одному из сподвижников Илюхина - Аксандру Ефремову. Вход был найден в протаявшем снежнике, но за впечатляющим началом - прекрасной крутонаклонной галереей и 100-метровым каскадом колодцев, исследователи неожиданно споткнулись о настоящий лабиринт на глубине около -250 метров.

Пещера выбрасывала вниз тупиковые ветви, упорно не пропуская первопроходцев к настоящему продолжению. В самом разгаре исследований Перовский клуб и весь советский спелеотуризм потрясла тяжелая потеря: возвращаясь из экспедиции Арабика-82, был сбит автомашиной и погиб в Гантиади Владимир Валентинович Илюхин.

Илюхин погиб в самом расцвете творческих сил в возрасте 48 лет. Какая странная случайность! Его коллега и противник Александр Игоревич Морозов через три года погиб тоже на Кавказе и тоже в возрасте 48 лет.

Но работы в пропасти продолжались. В 84-м штурмовая четверка воглаве с москвичами Владимиром Киселевым и Михаилом Дякиным "берут верный след" подземного потока и на глубине -950 метров достигают сифона. Теперь это место носит название "сухого дна".

А что же наши зарубежные конкуренты?

К 1985 году в мировой табели о рангах первые места занимают уже 8 пропастей глубже 1200 метров,тогда как к началу десятилетия их не насчитывалось и половины этого количества.

Уаутла, обогнав было соперниц, смогла прибавить к своей денивеляции только 20 метров, но этого оказалось маловато, и мексиканка переместилась на 6-е место: -1246 м. Испанка Ильамина обошла-таки француженку Берже, хотя и та не стояла на месте. Напомним, что после прохождения легководолазом Фредом Поджия сифона на соединении пропастей Гуффр Рододендронс и Берже, система получила денивеляцию 1198 метров. Затем удалось присоединить к системе еще одну пропасть - Фромажер. Наконец, в ходе экспедиции "Спелео-Рагаи-82" подводнику П.Пенесу удалось пройти конечный в цепочке донных сифонов Берже 5-й сифон на целых 170 метров. Галерея в том месте, которого удалось достичь, имеет приличный диаметр - до 5 метров, и просматривается до отметки -55 метров от входа в сифон. Таким образом система Берже-Рододендронс-Фромажер достигла глубины -1248 метров.

БУ-56 указалась удачливее. Помните, как в 80-м году французская команда совершила головокружительный штурм этой пропасти, преодолев за одну экспедицию денивеляцию около 100 метров? Но пропасть продолжалась. И вот в 1981 году при поддержке властей провинции Наварры в пропасть направляется большая франко-итальянская экспедиция. Вчитываясь в скупые строчки описания этого штурма, с трудом сдерживаешь волнение. В этом, наверно, и заключается магическая сила пера и бумаги, не говоря уже о кино - не имея возможности увидеть все воочию, тем не менее приобщаешься к первопроходцам, переживаешь вместе с ними незабываемые минуты штурма, захватывающие приключения. И все же... как жаль, что нас не было там!

Первым делом на глубине -800 метров в нижнем конце зала Ронкаль спелеологи установили опорный для дальнейших исследований подземный лагерь. Первая же разведка из этого лагеря позволила спуститься ниже отметки -1192 метра, достигнутой в прошлом году (*159).

Из-за водопадов и высоких стенок, продвижение по каньону Ринкон де Бельагуа потребовало поистине акробатических приемов. Перила, привязанные к большим сталагмитам, нависали над бездной. Чего стоит только один траверс на 20-метровой высоте над бушующим потоком! Единственными зацепками для лазания служат кальцитовые натеки, грохот воды и водяная пыль заполняют галерею. И так - 260 метров тяжелого лазания! Галерея постепенно приобретает внушительные размеры. Новый 15-метровый отвес приводит прямо в глубокое и широкое озеро, которое невозможно преодолеть без лодки.

С отметки -1250 метров становится немного спокойнее, но вот оглушительный грохот возвещает о приближении мощного водопада. Полкуба воды в секунду обрушивается с высоты 20 метров. Запас веревок уже подходил к концу, поэтому навеска на этот водопад, по словам очевидцев, приносила потом "массу удовольствия". Веревка, по крайней мере, на метр уходила в поток воды, и еще в качестве сюрприза на ней был узел, который приходилось преодолевать при спуске и подъеме, кувыркаясь в бурлящем потоке. Страшно было даже подумать, что' здесь происходит во время паводка, когда расход воды достигает не менее 10 кубических метров в секунду!

А паводки преследовали экспедицию - наверху шли дожди. По меньшей мере трижды рабочие группы блокировались от лагеря паводком в разных частях пещеры. Один раз это произошло

после затопления знаменитой узости на глубине -1000 метров. 34 часа ждали попавшие в западню пока пройдет паводок: без еды, без лагеря и почти без сна - один из участников сказал перед этим выходом: "Поменьше возьмешь - побыстрее пойдешь!" В последний раз шестерка французов была вынуждена 12 часов пережидать паводок на участке Меандро Опримидо выше лагеря, во время чего родилась еще одна отличная фраза, которую не мешает помнить некоторым особо ретивым исследователям глубин. В переводе с французского это звучало примерно так:

"Лучше быть живым мудаком, чем мертвым героем!"

На Глубине -1300 метров свод снизился и, наконец, подземная река скрылась в обширном сифоне округлой формы шириной до 10 метров. До самого конца пещера сохраняла грандиозные размеры!

Но экспедиция продолжалась! Теперь все зависело от спелеоподводников. И они оправдали надежды. Фред Вержье пронырнул подряд три сифона: протяженностью 50, 100 и 50 метров и остановился перед четвертым. На такой глубине от поверхности земли еще никто не добивался столь замечательного успеха! БУ-56 стала -1338 метров и вплотную приблизилась к ПСМ (-1342).

* * *

Снежная все еще удерживалась на 2-м месте, но сложности встреченные экспедициями Усикова, Морозова, Козлова в конечном огромном завале, а затем гибель вдохновителя и главного "мотора" исследований Снежной - Морозова, делали дальнейшие успехи в этой пропасти проблематичными.

И только Жан-Бернар все увеличивала разрыв. В 81-м году неутомимый Фред Вержье вместе с первопроходцем первого сифона этой пропасти Патриком Пенесом снова повели атаку на мировой рекорд глубины. Экспедиция продолжалась всего неделю, собрала под свои знамена более 30 спелеологов из разных мест, привлекла внимание журналистов и телевидения. Обстановка праздничного карнавала сопровождала эту рекордную экспедицию, во время которой отважная двойка подводников прошла второй сифон пропасти и остановилась перед третьим на глубине -1445 метров.

Попытки дальнейшего продвижения представлялись уже столь рискованными, что Вержье и Пенес объявили было экспедицию 81-го года последней. Но по размышлении Патрик Пенес решил, что шанс все-таки есть, и в следующем году с Ж.Л.Фантонелли они вернулись в Жан-Бернар. Удача приходит к настойчивым! Третий сифон был пройден, но за ним подводников ждало разочарование - четвертый сифон, замытый песком и непроходимый. В результате глубинный полюс планеты вырос почти до заветной полуторакилометровй глубины: -1494 м!

Если пропасть не может расти вниз - следует поискать продолжение повыше! Поиски вышерасположенных входов в подземные системы часто приводили к успеху. Так произошло и сейчас. Уже в следующем, 1983 году, была найдена связь входа Б-22 с основной частью пропасти. Заветная мечта спелеологов всех стран осуществилась в Гуффр Жан-Бернар - пропасть перешагнула отметку -1500 метров. Французы установили фантастический мировой рекорд: -1535 метров денивеляции при протяженности системы 17900 метров. Все соперники остались далеко позади!

* * *

А между тем противостояние Арабики и Бзыби продолжалось.

Н Е К А Р С Т О М Е Д И Н Ы М ...

-

Когда ты в горах - мир внизу кажется проще. Лишенная мелочей, жизнь проступает отчетливей. По-юношески концентрируются тени - все становится контрастнее, жестче. И безжалостно расставляются акценты: бескомпрмиссность - такая желанная и недоступная внизу - ее дарят нам горы.

Когда мы уходим от Солнца - мы оставляем наши проблемы здесь, наверху. Пройдя очищение глубиной, проще понять их суть Нужно хоть немного побыть в мире без полузвуков и полутонов: чтобы друг оставался другом, а враги были далеко. Чтобы грань ощущалась кожей, и сказав "а" - нужно было бы идти до конца. И отступить считалось бы невозможным, а отступление не казалось бы трусостью.

Когда мы возвращаемся из глубин к свету, мы становимся добрее. С глаз спадает пелена, и уходит из души муть, глушащая чувства и сочувствие.

И вот мы спускаемся вниз к морю, а уже томимся предчувствием - вот сейчас кончится эта сказка, и нас закружит обыденная суета. Плыть по течению?

1985 год стал переломный для нашей, тогда еще неделимой, страны. Только тогда мы еще не осознавали всей глобальности грядущих перемен. Но невозможность существовать прежним образом, мы ощущали со всей серьезностью. Можно сказать, что из всех слоев общества аналогичного, если можно так выразиться, образа жизни - спелеологи очнулись одними из первых. И не только опомнились, но и взбунтовались.

После гибели Морозова председателем Центральной комиссии спелеотуризма стал москвич Николай Андреевич Марченко. К этому времени в советском спелеодвижении выдвинулся целый ряд очень интересных разносторонне развитых и образованных лидеров, которые и составили, в конце концов, его мозговой центр.

Можно любить только пещеры и отдавать им все свое время. Но пещеры безжизнены без людей. А люди и общество неразделимы. Можно сколько угодно прятать голову под крыло, делая вид, что тебя ничего не задевает, или пассивно ругать все и вся, но толку от этого мало. Этого-то - надо понять! - только и нужно тем, кто ввел и удерживал страны бывшего, а тогда еще здравствующего Союза, в состоянии величайшей депрессии. И в кейвинге, конечно, тоже.

Такими центрами кристаллизации в осмыслении происходящего, осознания возможных путей и действий стали представители, что характерно, весьма отдаленных географически спелеологических регионов. В Киеве - Александр Климчук, в Москве - Николай Марченко, в Красноярске - Юрий Корначев. Понятно, что они были не одиноки. Без помощи, а порой, и яростного оппонирования товарищей по кейвингу наши лидерами лидерами бы не стали. Чтобы прослыть великим полководцем, нужно иметь достойного противника.

Внес свою лепту в развитие ситуации сформировавшийся к 85-му году казахстанский спелеоцентр на востоке республики.

В противниках новым веяниям, в отличие от остального, недостатка не ощущалось. Закостеневшая тоталитарная система советского государства стремилась раздавить любую инициати-

ву, противоречащую устоявшимся порядкам, справедливо расценивая всякое проявления живой мысли как посягание на устои системы. Внутри всеобщей системы система советов по туризму и экскурсиям, понятно, не являлась исключением. А поэтому спелеотуризму, особенно на первых порах борьбы за реорганизацию приходилось туго. Положение осложнялось тем, что попав в общую упряжку под единым названием "туризм", кейвинг не мог опереться ни на кого из названных собратьев по тропе. Гораздо более многочисленные приверженцы других видов туризма в то же время оставались более разобщенными, инертными и политически безграмотными (мы-то не блистали!) Но спелеотуристам было все-таки легче - связи между секциями и клубами страны существовали весьма прочные, информация распространялась достаточно оперативно. А, как известно, информационная связь между звеньями - залог успеха любого начинания. Ну и, кроме того, спелеологи накопили некоторый опыт политической борьбы, когда в недалеком прошлом в спелеотуризме столкнулись два внутренних течения и победило более демократичное. Причем победило еще за пять лет до официального объявления всеобщей Перестройки советского общества.

Победить - победило, но наши завоевания ни в малой степени не коснулись устоев системы, в которой был вынужден существовать советский кейвинг: ни системы советов по туризму, ни, тем более, системы государства. И это мы постепенно начинали понимать.

В 1985 году клубы страны обошел документ, значение которого трудно переоценить. Трудами названной тройки лидеров был рожден "Анализ состояния и проблем любительского спелеологического движения в СССР".

"Анализ" был составлен, размножен и разослан нелегально, минуя официальные каналы и согласование в директивных органах туризма, что сразу же вызвало ответную реакцию и со стороны спелеообщественности и, конечно, со стороны бюрократического аппарата. Марченко "приглашали в органы", но все обошлось. Хотя Резван уже предлагал Коле Марченко написать к Киевскому совещанию по карсту и спелеологии доклад на тему: "Решетка" - как основной аспект спелеологической деятельности". Это было все еще то, но уже все-таки - не то время.

"Анализ" взорвал тишину, побудил к действию всех наиболее думающих и заинтересованных в переменах лидеров кейвинга и спелеологии, дал толчок дальнейшим событиям.

А они не замедлили быть. В ответ на "Анализ" по стране прокатился целый ряд писем и разработок, в том числе и усть-каменогорский "Проект-предложение по оргструктуре любительского спелеодвижения в стране", в котором я яростно громил практику маршрутно-квалификационных комиссий, заявочно-отчетную систему и многие другие спелеотуристские "хомуты".

В Красноярске неистовствовал Юра Корначев. Его работоспособность вызывала уважение: не ленясь в переписке, он снабжал своими разработками пол-страны. Оставаясь несколько в стороне от Красноярского клуба, и в тоже время опираясь на него, Корначев интенсивно прорабатывал идеологические аспекты.

Саша Климчук на другом краю страны, в Киеве, выражал чаяния молодой поросли научной спелеологии,разрабатывая жилу

экологической направленности. Найдя контакт с Украинским обществом охраны природы, Климчук иной раз повергал нас в трепет своими запретительскими сентенциями.

В Адлере Володя Резван осмысливал подготовку кадров, собирал по крупицам историю советского спелеотуризма.

В Симферополе Александр Козлов, всесоюзно известный по юношескому еще прозвищу Шакал, возглавил первый в Крыму, да и во всей стране, хозрасчетный спелеоклуб, нарабатывая уникальный пока опыт существования общественных неполитических организаций.

В Москве Владимир Киселев, уходя от политики внутренней, развивал зарубежные контакты, щедро делясь информацией.

Мы в Усть-Ккаменогорске осваивали запрещенную еще технику одинарной веревки,СРТ - и это тоже баламутило новой струей наше болото.

Председатель Центральной спелеокомссии Коля Марченко (недаром специалист-системник по дискретной технике) что было сил сводил воедино разбушевавшиеся полюса.

Постепенно от шараханий из крайности в крайность, от противопоставления кейвинга и научной спелеологии, спелеотуризма и первопроходчества, раздираемые соблазнами добраться до профсоюзных денег и стремлением к экономической самостоятельности, мы приходили к пониманию неделимости сущего в природе...

* * *

Где-нибудь в Москве, Киеве или Красноярске, на встречах спелеологов разных городов, когда в клубах сигаретного дыма в муках, смехе и ругани прорабатывались очередные ходы в нелегкой борьбе за организационную самостоятельность, я часто не успевал записывать особо удачные высказывания, фразы своих товарищей по кейвингу. А послушать было что!

Однажды Корначев пришел на очередное заседание вооруженный занятной книжицей под названием "Тотальный шпионаж" Курта Рисса в английском, а затем русском переводе Военного издательства Народного Комиссариата обороны 1945 года издания. Можно понять, что работа велась серьезно!

Когда мозги слишком уж перекалялись, обязательно находился кто-то, кто в наступившей обалделой тишине разряжал обстановку, безразлично спрашивая что-нибудь вроде:

- А скажи, Марченко, какая разница между фортепиано и унитазом?

Марченко, как и полагается в ожидании подвоха или анекдотического продолжения, подозрительно качал головой, щурил усмешливый глаз и заглатывал крючок:

- Откуда мне знать? Не знаю.

И тут же следовало убийственное:

- Эх ты, а еще интеллигентный человек!

Когда утихал сотрясающий стены и перекрытия хохот, Коля говорил:

- Как полагаете, мужики, что должен подумать майор Петров, внимательно изучающий записи моих телефонных разговоров, когда в шесть утра звонит Красноярск, и Корначев бодрым голосом докладывает:

- Значит, так. Информация разослана, карабины получил, люди готовы! А?

Крохотная квартирка Марченко у Московской кольцевой железной дороги в районе ВДНХ в такие дни становилась горячей

точкой, в которой живо ощущался, пульсировал, бил по нервам упругий ритм времени.

Помню, как впервые разыскав с Резваном эту квартиру на окраине Москвы, мы вошли в лифт.

- Интересно, на каком этаже живет Марченко? - я озадаченно рассматривал длинный ряд кнопок.

- Однозначно, - сказал Резван. - Не видишь, что ли. Какая кнопка наиболее обшарпана? Правильно! Шестой этаж.

Он не ошибся.

- Это что! - сказал Резван, когда мы далеко за полночь выбирались по ночным московским улицам восвояси. - В предыдущий свой визит к гражданину Марченко я заблудился на конечной автобуса и решил спросить, для верности, у попутчика-милиционера, где тут Холмогорская улица? Веришь-нет? Сержант внимательно так на меня посмотрел и спрашивает: "Вы к Марченко? Сейчас объясню!"...

* * *

К сожалению, я не могу рассказать на этих страицах обо всех наших приключениях на политическом поприще. Это совсем отдельная история - по закрученности сюжета и остроте ситуаций не уступающая доброму детективу. Упомяну только основные вехи нашего пути к созданию самостоятельной спелеологической организации в СССР. Пути, который, как оказалось - как знать? - вел в никуда. Но в этом нашей вины уже не было.

Спелеологическое совещание в Киеве 86-го года признало необходимость создания общесоюзной организации, выполняющей координирующие и информативные функции, учет и контроль за пещерным фондом страны, а также международное представительство. Вопрос об утверждении этой организации выносился на следующее Всесоюзное совещание, которое планировалось через год в Киеве.

* * *

Быстро сказка сказывается... Мы всей душой жаждали этого события. Личный состав инструкторов спелеотуризма в Красноярске в конце 86-го направляет в адрес Центральной комиссии спелеотуризма коллективное письмо за подписями представителей более чем 20-ти спелеоколлективов Союза.

"Общественное спелеодвижение нельзя свести только к спелеотуризму, - писали мы. - Нам тесно в его рамках. И прежде всего потому, что мы используем свой досуг не только и не столько для отдыха, но главным образом на пользу обществу, выявляя и разведывая подземные пространства нашей Родины. Созидательное начало этой главной нашей задачи, а именно деятельность, направленная на приращение территории подземного пространства страны и помощь государству в освоении этой территории - в корне отлично от потребительского туризма, в который может превратиться наше движение, если свести его лишь к спелеотуризму... Реализация всех существующих в нашем движении проблем может быть достигнута лишь при условии объединения всех сил общественного спелеологического движения нашей страны в одну действительно дееспособную организацию..."

Спелеологи страны осознавали свое место в обществе. И оно оказывалось несколько иным, чем отведенное нам волей директивного аппарата. Мы осознавали себя, не в силах вполне оторваться от впитанных всей жизнью идеологических основ советского коммунизма.

"Союз спелео - объединение организаций, имеющих общие интересы хотя бы в одной области. Именно так может быть создана эта организация!!!" - писал Корначев. Мы все, с измальства воспитанные в исключительно коллективистском восприятии окружающего, мы за организациями всех рангов привычно не обращали внимания, забывали о каждом из нас в отдельности, о нас, о самих себе. О человеке, ради которого, в конечном итоге, только и имеет смысл что-либо создавать.

Но прошел год, подходил ноябрь 87-го, а мы не успевали создать организацию. Нас уже сжимали тормозящие тиски системы, которая не знала и не желала знать ничего подобного тому, что затевали мы. Но и мы никак не отваживались на решающие действия, хотя бы те, что зависели исключительно от нас. У страха всегда глаза велики. Но глаза боятся, а руки делают! Мы боялись и этой истины. Мы знали, что делают руки, а бьют чаще по голове. Мы всего опасались тогда, и многого опасаемся до сей поры. Нас родили в страхе и ростили в благолепии перед системой. И было очень трудно отважиться на утверждение собственной значимостИ и дееспособности.

Каждый может, кто хочет. Но мы - мудрецы из подворотен, узких квартирок, кухонных митингов и замкнутых мирков. Судьба дает нам шанс, но как им воспользоваться? Страшно при мысли о наших отцах, тем более дедах, кто такого шанса не имел и не успел распрямиться. Не успел? А может быть, не захотел? Мало ли тех, кто отвергает все новое, только потому, что приятие его граничит с признанием как-то не так прожитой жизни. Мало ли тех, боится потерять место у кормушки, куда ссыпается всем гамузом, а черпают по спискам "народные избранники"?

Может лишь тот, кто хочет, у кого хватит сил и упорства. Это как в пропасти. Идти до конца или вернуться, каждый решает сам. И только остаться на месте нельзя. Остаться на месте - значит остаться навсегда.

* * *

Киев-87 не стал, вопреки нашим планам, решающим рубежом. Но среди суеты секционных выступлений и научных докладов продолжало шлифоваться наше понимание сути собственных желаний. В работу включилось академическое крыло в лице Виктора Николаевича Дублянского, наконец, видимо, поверившего, что эти парни взялись всерьез. И снова "Решение" совещания отмечает и рассылает своим участникам:

"Считать ключевой задачей создание общесоюзной общественной организации, обеспечивающей руководство спелеологическим движением. Поручить Секции спелеологии АН СССР и Комиссии спелеотуризма Всесоюзной федерации туризма образовать рабочую группу по подготовке нормативных документов общесоюзной спелеологической организации. Просить ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ГКНТ при Сомине СССР, Академию Наук СССР, Мингео СССР... оказать содействие в ее создании."

Новый виток бесконечной спирали.

Среди серьезных слов, мыслей и бумаг вспоминается комната гостиницы и в ней Климчук, умирающий со смеху со сборником тезисов Совещания в руках.

- Ты чего, Саня?

- Да вот, докладик откопал, смотри: "Ископаемый козел Бендукидзе". Надо пойти послушать этого козла!...

Этот этап нашей борьбы за самостоятельность ознамено-

вался одним принципиально значимым пунктом "Решения":

"Считать одним из основных условий успешного развития спелеологического движения в Стране создание и нормальное функционирование самодеятельных спелеологических клубов".

Вопрос о клубах созрел и был закреплен документально.

Но все еще ни слова о личности, о каждом из нас, об индивидуальном членстве - снова, пусть самодеятельные, но коллективы, в которых сливаются в безликую массу отдельные люди. И снова режут слух и глаз знакомые нотки былых мотивов. "Руководство" спелеологическим движением - вот что предписывалось нашей будущей организации. Руководство! Но всякое руководство - это центр. Всякий центр руководства - это власть. Власть и подчинение неотделимы. Иначе нет смысла говорить о руководстве. От подчинения до рабства - один шаг. А если без подчинения? Тогда нет смысла говорить о руководстве. А можно и нужно говорить только о координации. Но понадобилось Климчуку съездить в Америку, чтобы мы смогли осознать эту простую истину.

* * *

А следующий год... ах, какой предстоял год! Тысяча девятьсот восемдесят восьмой год для нас, восточно-казахстанских кейверов, год тройного юбилея. Прежде всего, исполнялось 100 лет Мировой спелеологии. Отечественный кейвинг отмечал 30-летие. Ну и встречал свой 10-летний юбилей наш клуб спелеологов "Сумган". Какой год! Какие надежды!

Он и правда удался для многих, наш юбилейный год. Он принес много радости и много печали - советский кейвинг понес тяжелые потери: на подземных маршрутах погибли пятеро наших товарищей.

Но был и общий праздник: Всесоюзные соревнования по спелеотуризму в Крыму, в Бахчисарае. Все республики СССР прислали свои делегации на этот невиданный по представительности форум советского спелеодвижения. Только не было казахстанской команды. Так Казахский республиканский совет по туризму и экскурсиям сводил счеты и "карал" слишком активизировавшихся спелеологов своей республики. Нимало не заботясь о престиже Казахстана.

В Бахчисарае побывали только двое казахстанцев: алматинец Володя Толмачев каким-то образом был приглашен и отпущен на судейство, я же прилетел сам, потому что не мог пропустить возможности встречи со столькими друзьями и товарищами по кейвингу.

Белые мягкие скалы Бахчисарая! Твои домики, убогие крыши. Такой маленький дворец-музей со знаменитым "фонтаном Слез", которые многие так и не успели посмотреть. И пещерные города в ущелье. И наши флаги на ветру с близкого моря.

Впервые присутствовали на подобном мероприятии спелеологи стран Восточной Европы: болгары, поляки... И впервые были проведены показательные выступления по технике одинарной веревки в исполнении поляка Владимира Рудольфа, москвича Владимра Киселева и, конечно, моем, так как это было, помимо эмоций, главное дело, из-за которого я рвался в Крым.

Вечерами, в по-октябрьски свежем воздухе крымских гор, над Бахчисараем звенели гитары. Здесь встретились спелеологи, друзья по подземным тропам более 70-ти клубов и секций страны.

Не только песни звучали в воздухе Бухчисарая. Были раз-

говоры и споры о будущем. Но наступала, чувствовалась усталость. Много за эти годы было слов, все никак не приводящих к делу. Собрание представителей клубов вынесло последнее решение: 1989 год должен стать решающим. Или - или.

* * *

Только еще казалось, что эти соревнования никогда не кончатся, что можно еще успеть договорить обо всем завтра, завтра... И вдруг - все. Снова увозят медали челябинцы под предводительством Сереги Кеса-Киселева. И снова мы расстаемся у автобусов, сразу как-то почужевшие - каждый в своих, подступивших невесть откуда, совсем было забытых житейских проблемах.

И суетливо записываем в книжечки новые адреса и обещания. И нарочито весело прощаемся, вскидывая вверх руки! Теперь до встречи где-нибудь в горах.

-

Этот слет, как виденье,
Промелькнул, и осталось:
Наших тактик сплетенье
В переправах и скалах.
Все надежды и срывы,
Все паденья и взлеты
Как-то вдруг отдалились:
Так кончаются слеты.

-

И остались на память
Нам дипломы и кубки.
И остались на пальцах
От веревок зарубки.
Мы опять уезжаем,
Будто и не встречались,
И немножечко жалко,
Что все быстро промчалось.

-

Но, ребята, усталость
Не согнет наши плечи.
И опять будут скалы,
Будут новые встречи.
Где-то ждут нас пещеры,
Ждут Хан-Тенгри и Ужбы,
Потому что мы верим
Только в главное - в дружбу!(*160)

* * *

ПОСЛЕДНИЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ.

-

С каждым днем меняется окружающий нас пейзаж, с каждым днем все меньше становятся снежники, и на их месте тут же поднимают подслеповатые еще головки цветы. Только что еще приходилось дощечками от ящиков выстилать по снегу подступы к палатке, а теперь - гляди-ка! - вытаял из-под снежника импровизированный склад-холодильник. Арабика смотрит на легерь, щурясь сквозь наползающие из долины Жове-Квара облака. Откуда-то из-за палаток доносится гитара.

-

Арабика, Арабика,
Далекая Арабика,

Скалистая Арабика -
Чудесная страна!
Как в знойный день мираж-река,
Как в дни невзгод друзей рука,
Арабика, Арабика
Приходит к нам во снах.
-

Польская команда вооружена чудом современной техники - электроперфоратором для пробивки отверстий под шлямбурные крючья. Изящная игрушка, чем-то похожая на "шмайсер", за 5-7 секунд высверливает отверстие, на которое при обычной технике уходит самое меньшее от 5 до 15 минут. Фантастика! Сегодня двойка Збышека Рисецкого должна начать навеску самой нижней части Перовской, выйдя из базового лагеря, который уже установлен на -600. А мы еще на поверхности - готовимся к выходу на "сухое дно". В составе нашей четверки Юра Бессерегенев и Миша Косинов из Белоусовки и мы с Виктором Плотниковым из Усть-Каменогорска. Наша задача - пройти километр пропасти, на обратном пути захватив как можно больше груза, оставленного предыдущей экспедицией: пустые баллоны от аквалангов, мешки с мусором и тому подобное.

Бессергенев укладывает в сумочку набор для забивки крючьев, задумчиво вертит в руках спринцовку: взять или выдувать пыль из шлямбурных отверстий пластиковой трубочкой-кембриком? Плотников косит на него бесовский глаз:

- Юра, ты чего клизму берешь? Думаешь, запор будет?

- Вить, ну как с тобой без клизмы... - задумчиво бормочет Бессергенев, не отрываясь от сборов.

За палатками в районе кухни Федя Рыльский снова берет гитару: чтобы дежурным было веселее варганить обед на такую ораву - нас на плато, считая женщин и детей, человек 25.

-

Там в троговых долинах ли
Когда-то ледники ползли
И упирались в ригели -
Откройся, мой Сезам!
И плакали в бессилии:
Точили камень слезы их,
А мы теперь по тем слезам
Пройдем, как по следам.
-

Между тем Бессергенев продолжают вполголоса беседу:

- Ты чего чешешься, Вить?

- Да ноги грею!

Подходят поляки. Долговязый Алекс предлагает бульон. Весельчак Ян, прозванный Лениным за свою жизнерадостную лысину, смеется:

- Так как у нас нет чачи, то пьем вот это - барщ!

Бесергенев щелкает пьезозажигалкой своего карбидного налобника, поворачивается к Плотникову:

- Витя, посмотри, у меня лоб не горит?

- Он у тебя медный... - бормочет Плотников.

И вот идем по тропинке, поднимающейся на барьер ригеля, обочь крутостенного провала в пещеру со странным названием "Белая лошадь". Мы поднимаемся над лагерем, над котловиной плато, и за нашими спинами открывается долина речки Богорупшты, спадающая к Гельгелуку. А там синеватой стеной высится

хребет за Сандрипшем, что совсем скоро принесет свои воды в море. Море! Разве мы были когда-нибудь на твоем берегу?

-

Нависнет свод над касками
Причудливыми масками,
И обернется сказкою
Свет наших фонарей!
Мы выйдем - и сквозь облака
Над морем полыхнет закат!
Арабика, Арабика
Нас встретит на заре... (*161)

* * *

Когда читаешь о французских достижениях в сифонах пропастей Европы, как-то забывается, что на Арабике, в системе Илюхина, наши спелеоподводники совершили неменьшее. А если учесть скудость нашего, преимущественно самодельного, снаряжения, то эти успехи покажутся еще выше, потому что за неимением современного оборудования нашим парням приходилось опираться, прежде всего, на твердость духа и высокий профессионализм в подземной работе. В 1986 году, совсем как мы сейчас, стояли у заснеженного входа в Перовскую подводники.

Штурмовая четверка в составе москвичей Владимира Киселева, Михаила Дякина, Ильи Александрова и ленинградца Сергея Илюхина готовилась к прохождению донного сифона Перовской. Если не считать опыта красноярцев в Киевской, Перовская стала первой пропастью, в которой делались попытки штурма сифонов, расположенных на такой глубине. Взглянем на этот штурм глазами одного из самых выдающихся советских спелеоподводников Владимира Киселева (*162).

"Попав в пещеру, мы живем как бы в вертикальном измерении: отметка глубины говорит обо всем. Даже время здесь, в мире без солнца, фактически не ощущается - то сжимается при прохождении колодцев. то растягивается, когда ползем по длинным галереям..."

И вот "сухое дно". Первый донный сифон пропасти был пройден еще в 1985 году. За ним подводники после недлинной галереи уперлись в следующий. Второй сифон оказался с сюрпризом. Он представлял собой затопленный водой колодец. Трижды погружались в него, но прохода так и не нашли. И вот теперь, кажется, что-то проклюнулось. В 86-м двойка ростовчан: Виктор Яшкин - Николай Боровой, сделала первую в этом году разведку второго сифона. Яшкин протиснулся с баллонами в довольно узкий ход и вынырнул в небольшом озерце, после которого потолок снова уходит в воду. Кончался запас воздуха, и Виктор повернул назад. Теперь слово за группой Киселева.

"10 августа. Оставив у первого сифона комплект подводного снаряжения, бредем по неглубоким лужицам с глинистыми берегами, изредка пригибаясь под низким сводом. Здесь нет привычного грохота воды. Подземный ручей, проработавший эти галереи, теперь течет по более короткому пути.

Небольшой отрезок высокого меандра - и мы у озера, ведущего ко второму сифону. Пока кипятится чай, согреваюсь пробежкой. Затекший гидрокостюм не располагает к остановкам. Миша вновь готовит аппараты к работе. Опоясываюсь баллонами. Приматываю к правой руке подводный фонарь. Каску, на которой

он обычно крепится, пришлось снять.

По узкой щели подбираюсь к сифонному колодцу. Миша с Ильей, готовые страховать, пробираются выше, на скальную полку. Пристегнувшись к ходовому концу, ухожу в глубину...

Незамутненный подводный тоннель манит темнотой. Попав в тупик, успеваю заметить, что ходовой конец уходит в узкую расщелину. Повернувшись на бок, залезаю туда, стуча баллонами. Ширина щели меньше полуметра, но постепенно она расширяется. Появляется полоса чистой воды. Всплываю в небольшом гроте. Ходовой конец чудом держится на выступе. Легкий рывок - и он слетает в воду. Балансирую на крутом подводном склоне, пытаясь закрепить его за натечную микроколонну. После третьего срыва это удается. Озерцо продолжается еще метров пять-шесть, заканчиваясь новым сифоном. Дальше - неизвестность. Идти в новый сифон без ходового конца - безумие, но чистая вода и круто поднимающееся дно показывают, что он небольшой. Решаюсь на разведку. Через два-три метра всплываю в новой озерце. Впереди виден ход. Обернувшись, запоминаю место всплытия.

Вскарабкавшись на берег, не спеша освобождаюсь от аппаратов, ласт, маски. Куда торопиться, если впереди наверняка новый сифон. Но вирус первопрохождения уже завладел мной. Быстро пробегаю несколько поворотов меандра с хрупкими песчаными-заберегами и оказываюсь перед глубоким колодцем. Стекающий по стене колодца ручеек отложил на ней белоснежную дорожку гроздевидного кальцита...

Пытаюсь спуститься, но через несколько метров понимаю всю нелепость этой затеи. Оглядевшись, замечаю справа продолжение разлома - там колодец. Иду распорами над колодцем: широко расставив ноги, упираясь руками и ногами в стены. Попадаю в глинистую галерею, вскоре выводящую к параллельной ветви отвесов. Первый, 10-метровый, преодолеваю, расклинившись в узкой вертикальной щели. Острые скальные зубья угрожающе царапают толстый капрон комбинезона. Не хватает только порвать гидрокостюм - в нем и так достаточно воды. В самом низу щель резко расширяется. Повисаю на резиновых перчатках, рискуя порвать их, и пытаюсь нащупать опору для ноги. Поворот - и новый уступ. Он в два раза короче, но ничуть не проще. За ним - еще один, отвесный глубокий колодец. Брошенные камни с бульканьем уходят в воду...

Прикидываю общую глубину. С учетом последнего колодца получается более километра. Заветный рубикон пройден!"

Да, система Илюхина перешагнула километровую отметку. Но пещера продолжалась. Мало того - она неожиданно провалилась вниз каскадом настоящих колодцев! Через двое суток отдыха в подземном лагере, двойка Киселев-Александров, вооружившись запасом веревки и крючьями, устремилась на штурм неизвестной части. Результатом этой атаки было открытие вертикально-каскадного участка глубиной 200 (!) метров. Кто бы мог предположить? Обычно было так: начались сифоны - забудь про самохваты. Но Илюхинская уготовила исследователям приятный сюр- приз. Если можно считать приятной необходимость работы на вертикалях за двумя сифонами, когда любая, даже легкая травма, может привести к трагическим последствиям.

Глубина пропасти возросла до -1200 метров.

В 1987 году опять же Киселевым был пройден третий сифон за вертикальным участком. Впереди лежал четвертый. Глубина

системы стала -1240 метров, и вот через год после этого события нам предстоит ликвидировать следы той прошлогодней экспедиции. Множество оставленного в пещере снаряжения говорит о том, что сил на его выемку просто не осталось. Экспедиция взяла из все, без остатка.

* * *

Москвичи нас предупредили: ниже лагеря на -600 становится очень мокро. Вода, вода и вода. И главное чудо - это Мормитовая галерея.

И вот мы ниже -600. В ярком свете карбидок спешим вперед. Пещера меандрирует, вода пропилила себе ход по системе зигзагообразных трещин. Ручей рушится вниз каскадами, но каждый раз удается пройти распорами над ним к удобному месту для навески. Обвеска воды сделана поляками тщательно и как-то по-европейски изящно. Чувствуется, что наши коллеги представляют цвет польского кейвинга. Здесь такие "тигры" как симпатичный и очень опытный Рафал Кардаш, ласково прозванны товарищами Медвежонком, доброжелательный и не по-польски щедрый Збигнев Рисецки, руководитель многих экспедиций в знаменитую австрийскую восходящую пропасть Лампрехтзофен Анджей Чишевски.

Лампрехтзофен - уникальная пропасть в Австрийских Альпах (по данным 1992 года -1550 метров). Ее исследования проводились не вниз, как обычно, а вверх методами подземных восхождений от расположенного в самом низу входа. Спелеовосходителям удалось подняться на высоту более 1000 метров, и только позже произошло соединение пройденной снизу части с вышерасположенным входом в пещеру, в результате чего Лампрехтозофен перешагнула полуторакилометровый рубеж и заняла первое место в мире в разряде подземных травесов - можно начать спуск высоко в горах и выйти на свет у их подножия. Мечта каждого спелеолога!

Нам такого удовольствия не испытать - уходить придется вверх, вынося за собой многострадальное снаряжение. Снизу слышны голоса. Это возвращается группа Збышека. Обмениваемся короткими фразами в узком меандре на входе в очередной колодец.

- О! - Збышек показывает большой палец. - Там все отлично. Там только один водопад! Около дна. Больше воды нет.

Нет воды? А как же московские предупреждения?

Снова катимся вниз. Некоторые водопады обходятся с помощью троллеев - наклонно натянутых веревок или стального троса, вдоль которого удается скользить в нескольких метрах от водяной струи, набирающей силу с каждым метром глубины. Ручей принимает несколько притоков. Теперь это не тот ласковый котенок, мурлыкающий на каскадиках. Гул воды наполняет пещеру.

Прямая, как стрела, галерея через сотню метров круто сворачивает под прямым углом вправо, и мы знакомимся с прелестями Мормитовой галереи.

Стены расширяются, пол - сплошные сливы и водобойные котлы. Начинаются участки распорного лазания, траверсов по стенкам над бушующими пеной каскадами. Где можем, навешиваем перила, подстраховываем друг друга. За три часа непрерывного лазания спускаемся всего на 200 метров. Уф!

После Мормитки пещера снова рушится вниз. Ледяной ветер выбивает озноб. Справа из примыкающей галереи впадает новый

приток. Здесь на развилке желтеют побитыми боками баллоны от аквалангов, которые нам предстоит поднимать наверх. Но это после - до конца пути еще полторы сотни метров по вертикали.

Какое это зрелище - подземные водопады! Особенно, когда представишь, что мог бы полоскаться в этом устрашающем великолепии! Но - СРТ, в которой мы уже не новички! У нас за плечами пройденные по одинарной веревке Снежная и дважды Киевская. И результаты налицо. Мы наслаждаемся техникой, пещерой, зрелищем водопадов на колодцах - некогда таких грозных стражей пещеры. Двадцатиметровая струя воды в вихре водяной пыли серебряной грохочущей колонной падает в бездну. И ты, такой маленький, совсем крохотный человечек, ты почти затерялся в этом неистовстве природы. Ты затаил дыхание, ты восторженными глазами, всем своим естеством впитываешь картины яростного буйства стихии.

Крюк, перестежка на другую веревку, траверс по наклонной полке над бездной, крюк, перестежка, спуск. Скрип веревки в решетке. Где-то тут должен быть троллей, иначе точно влетаешь под водопад. Вниз смотреть иногда все же неуютно - мрак и грохот. Вот он - трос. Встегиваюсь карабином короткого уса и плыву от водопада. Троллей из стального троса. Пара-другая таких спусков, и меняй карабин. Трос пилит титан и дюралюминий лучше напильника. Зная об этом, мы взяли стальные троллейные карабины, а вот поляки, у которых, как и во всей Европе, сталь не в почете, маются.

Один за другим спускаемся на глыбовый навал. Гора из мокрых глыб. Справа сплошной стеной рушится водопад. Где же проход? Телефонного провода не видно, вообще ничего не видно! Самое неприятное, самое мучительное для кейвера - очки. Водяная пыль в мгновение покрывает их непроницаемой для зрения пленкой. Нам с Косиновым приходится туго из-за наших очков. Хоть глаз выколи! Ползаем по завалу, как слепые муравьи, суемся во все щели - нет хода! Идти в водопад?

Я не могу идти в водопад - я ничего не вижу из-за проклятых очков. Где Бессергенев? Орем в голос, но все равно не слышим друг друга. Рушится столб воды, перекрывая пол-зала. Збышек что-то говорил о водопаде. Надо пройти под струей!

Карбидки залиты водой. Свет электрофонариков до бешенства слаб. Подстраховывая друг друга, спускаемся с Бессергеневым по глыбам вдоль стены, в сплошных брызгах все ближе подбираясь к водяному месиву.

- Веревка! - по черному отверстию рта догадываюсь, что' кричит Юра, показываю ему вперед и вниз. Он кивает и скрывается в водяной пелене. Стою в этом ливне, жду. Косинов тоже очкарик. Его подстраховывает Плотников. Юра возвращается, показывает мне дорогу. как слепой щенок, наощупь пробираюсь среди глыб, придавленный тяжестью падающей на плечи воды. А ведь струя не такая мощная, как кажется издалека! У страха глаза велики! Вода распыляется в вихрь, теряя плотность струи.

И вдруг - тишина. Щелкаю пьезозажигалкой. Карбидка взрывается столбом пламени. Да будет свет! Еще несколько метров, и мы на месте старой базы "-900". Здесь когда-то бедовала группа, оставшаяся без лагеря, смытого паводком в сифон. Всюду вода. Где же тут ставили палатку? У поляков вот гамаки, с ними в этом плане проще.

Сифон. Мы на "сухом дне". Прихожу сюда первым, "обманув"

Бессергенева. У самого дна Юра сделал рывок, обогнал и устроился над озером, поджидая нас в позе победителя. Дно? Как же. Надо внимательней читать описания! Это только полусифон. Прохожу под озадаченным Юрой и в экстремальном распоре, почти лежа над водой, проползаю поверху глубокое место. Затем вброд.

Вода уходит в слегка наклонный грот с зеленым озером на дне. Туда уходит веревка - перила подводников. Дальше нам хода нет.

* * *

В 1987 году в спор за мировую корону решительно вмешались болгарские спелеологи. Плевенский клуб "Студенец" отправляется в Испанию, чтобы попытать счастья в сифонах Ламинако Атеак (БУ-56 - Ильамина). После Фрэда Вержье, прошедшего шесть лет назад три донных сифона и остановившегося перед четвертым, никто не осмеливался хотя бы повторить это достижение. Но болгары были настроены решительно. Не смутило их и то, что из 12 работавших в БУ-56 экспедиций только трем удалось достичь ее дна. Всего 14 человек видело воду ее донного сифона на отметке -1325 метров. Руководитель болгарской экспедиции Сенко Газдов так коротко определил эту пропасть: "БУ-56 сочетает грандиозность Пьер-сен-Мартен и красоту Гуффр Берже!"

Так или иначе, болгары атаковали. И добились замечательного успеха. После установки двух промежуточных лагерей на -500 и -800 метров дна пропасти достигли сразу 17 спелеологов. Двойка подводников Илко Гунев и Милен Димитров успешно преодолела три сифона (40, 60 и 100 метров) по пути Вержье. Дальше простиралась неизвестность. Илко ушел в четвертый сифон. Милен остался на страховке. Четвертый сифон длиной 40 и глубиной 15 метров оказался непроходимым. Продолжение было найдено сбоку 4-го сифона и совпало с осноным течением реки. После 40 метров плавания в сифоне Илко вышел в сухую галерею и остановился перед колодцев глубиной около 15 метров, в который спуститься без снаряжения не смог. БУ-56 решительно потеснила ПСМ и, достигнув глубины -1353 метра, переместилась на третье место в мире после Жан-Бернар и Снежной.

Но болгары не успокоились на достигнутом. В следующем 1987 году окрыленные успехом плевенцы решают продолжить штурм Ильамины. Оставшийся непройденным колодец за четырьмя сифонами притягивал болгар сильнейшим магнитом неизвестных перспектив. Болгары стремились развить прохождение, тем более, что другая испанская пропасть - Сима дел Траве, снова оттеснила БУ-56 с почетного третьего места в мирой табели о рангах.

И вот в сентябре болгарская пресса взрывается ликующими сообщениями:

"Большой успех болгарских спелеологов. Мадрид.

Большого успеха достигли болгарские спелеологи в эти дни в западных Пиренеях. Со дна Сима де лас Пуэртас де Ильамина, одной из труднейших пещер мира, с новым рекордом поднялись болгарские легководолазы Илко Гунев, Милен Димитров и Валентин Чапанов. С помощью шести вспомогательных групп, проработавших в пропасти по 300 часов каждая, подводники достигли рекордной глубины -1408 метров! После преодоления пятого и шестого сифонов, наши спелеологи "передвинули" пропасть БУ-56 с четвертого на второе место в мире."

За пройденными ранее сифонами последовали два новых сифона - 20 и 25 метров, которые вывели в сухую галерею. Группа картировала 600 метров галереи, по которой в паводки течет река и... снова сифон.

Не все шло гладко в этой выдающейся экспедиции. Во время транспортировки груза 4 сентября один из участников, психолог Красимир Боянов, упал с высоты 4-5 метров, получил перелом кисти правой руки и травму виска. Экспедиция была под угрозой. Мог нарушиться четко спланированный ритм движения вспомогательных групп, снабжавших подземные лагеря всем необходимым. И болгары решают провести спасательную акцию, не нарушая графика экспедиции. Несмотря на сильную боль, пострадавший находит в себе мужество в течение 28 часов дожидаться поднимающуюся со дна группу.

Слушая во Враце спокойно и даже суховато повествующего о перепетиях экспедиции Сенко Газдова, ловил себя на мысли: велик должен быть запас прочности команды, ее заряженности на достижение цели, чтобы авария не выбила ее из колеи. Беда никогда не приходит одна. При транспортровке потрадавшего Красимира, который делал все, чтобы облегчить подъем, получает травму один из спасателей. Николай Цанков не успевает увернуться от солидного камня, скользом задето бедро - сильный ушиб с внутреним кровоизлиянием. А если бы не скользом? Но Николай участвует в спасательных работах до конца.

Болгары торжествовали победу. И не знали, что Ильамина так и не стала второй по глубине. Ни единого дня ей не пришлось носить серебряный наряд лидера, потому что в это же самое время, чуть раньше, другая, мало кому пока известная пропасть стремительно ворвалась в лидирующий пелетон.

* * *

- Где Плотников? - ору я, перекрикивая водопад.

Юра топорщит усы, сплевывает - не понять, сердится или смеется:

- У него стриптиз!

- Чего?!

Мы только что выбрались к слиянию притоков на -800. Отсюда нам тащить баллоны. Дым сигарет тут же сносит током ледяного воздуха. Надо куда-то прятаться.

- Жарко ему стало, - улыбается Бессергенев. - Решил снять гидрокостюм. у него же комбинезон непромокаемый!

Чтобы кто-то раздевался на таком маршруте - такого я еще не слыхал. Вот пододеться мечтали многие. Но Плотников прав - лучше прослыть оригиналом, чем получить тепловой удар. Жарко на подъеме в такой гидрозащите.

- Это он по опыту Ручейной запаковался, - вспоминаю я недавние спасработы на Алеке. - Виктор в Ручейной не был, спрашивает - там очень мокро? Нормально, говорю, если голову в плечи вжать, то можно без обтюратора спуститься. Он так и сделал: гидрокостюм одел, а капюшен не стал. Вот только на отвесе отвлекся и забыл, что я ему голову вжать советовал. Ну и влетел под струю. До самых пяток, говорит, прошибло! Холодненькая!

Юра поеживается. Нам перегрев явно не грозит. Только еще пар валил на отвесе, а уже озноб до дрожи продирает. Пока подходят ребята, подвязываем к тарнсрепам баллоны.

...Это не подъем, а крестный ход какой-то! Сплошной колокольный звон! Пустые стальные колбы баллонов бьются о кам-

ни с мелодичным оглушительным стоном. Мы, как коровы какие с колокольчиками. Уходим с Мишей вперед. Вторая двойка где-то сзади.

В лагере на -600 встречаем ленинградскую группу из команды Сережи Илюхина, дожидаемся своих. Поляки уже ушли наверх. Плотников покатывается со смеху:

- Ну, мужики, Бессергенев и нырнул! Помирать - не забуду!

- Вам смех, - отбивается Юра. - А я...

Он вышел на этот каскад как-то непонятно, другим путем. Не так, как спускались. На подъеме часто приходилось идти по наитию. Бывало, что в ожидании очередной навески, вдруг оказывались у веревки сверху - обходили отвес лазанием по щелям. Каскад рычал водопадом, вода била в пенистый водобойный котел неизвестной глубины. Юра начал лазание неудачно: руки по одной стене, ноги по другой. Перекинувшись мостиком над кипящей водой, приблизился к уступу, надеясь найти варианты для дальнейшего подъема. Однако последующее движение не вытанцовывалось. Руки начинали мелко дрожать от напряжения. Юра посмотрел вниз. От ног до воды было каких-нибудь полметра, пустяк. Но бешенно кипящая в котле вода не предвещала ничего хорошего. В такие омуты можно запросто нырнуть с головой! А обтюратора Бессергенев не надевал - чего бы ради, если на голову не льет? Нырнешь, и зальешься водой до самых пяток!

Приходилось ли Вам, уважаемый Читатель, испытать этот леденящий миг отделяющий жизнь от срыва и падения? Вспоминая такие минуты, неизменно ощущаю рефлекторное покалывание в кончиках пальцев. "Рожденный ползать - летать не должен!"- говорят в кейвинге. Но если пришла пора лететь, надо постараться сделать это наиболее удачным образом.

Прошло немного времени, и Юра понял, что "созрел". Он напружинился, сосредоточился, посмотрел на подошедшего снизу Плотникова, который с интересом наблюдал за его эволюциями над котлом, ничем не в состоянии помочь. Перекрывая шум воды, Бессергенев сообщил:

- Падаю!

Плотников не расслышал, но покивал одобрительно - мол, давай, лезь, я смотрю! И Бессергенев "пошел".

Он постарался спрыгнуть в котел ногами, чтобы иметь шанс не уйти глубоко в воду. Он спрыгнул и... еле устоял на ногах от неожиданной встречи со дном. Котел оказался мелким. Вспененная вода едва покрывала сапоги. Плотников уверял, что более ошарашенной физиономии не видел у Бессергенева со дня знакомства. Все хорошо, что хорошо кончается!

* * *

Гремя баллонами, ввинчиваемся в спираль подъема. На земле разгар дня, солнце топит снежники, и воды в пропасти заметно прибавилось. Там, где нечем было заправить карбидку, теперь получаем хорошие порции водяных брызг. Колодцы выстраиваются в сплошную цепочку - идеальные условия для СРТ.

На очередном 66-метровом колодце веревка прихотливо идет от стены к стене, минуя трение. Последние несколько метров - крутой траверс на высоте 30-ти этажей вдоль отслоившихся от стены светло-желтых глыб. Поднимаясь первым, вижу, как Миша преодолевает промежуточное закрепление на пару крюков ниже.

- Как дела?

- Нормально!

Значит, можно идти дальше. Главное - не скапливаться в устьях колодцев, не тормозить ритм движения. По короткому меандру с ручьем выхожу к подножию самого большого в Перовской 107-метрового колодца. Здесь Рафал за какие-то час-полтора при помощи перфоратора забил 8 промежуточных крючьев. Вот они - преимущества современного оборудования! Теперь - спасибо ему - идешь практически в стороне от воды. Постояв на дне, потихоньку начинаю подниматься, поглядываю вниз - не появится ли Миша. Крюк. Перестегиваюсь выше. Косинова нет. Поднимаюсь. Мало ли чего задержался.

Этот колодец, хоть и самый большой, но весьма прост для движения. Решаю подняться на самый верх. Там, на отметке -300, расположен пункт питания - есть горючее и продукты. Сварганю чайку к приходу ребят.

В облаках собственного пара выбираюсь на площадку. Ура! Вода со звоном бьет в котелок. Набираю воды, зажигаю гексу. Но почему нет Косинова? И где остальные?

Только через полтора часа внизу под колодцем раздаются голоса. Идут все трое, так что порядок. Интересно, почему такая задержка?

- Миша!

Тишина. Хотя слышно, как позвякивает в колодце баллон. Стало быть поднимается.

- Миша, идешь?

- Иду-у! - раздается почему-то слишком близко. Но... мать честная! Что это там поблескивает на отвесе? Нависаю над краем на всю длину самостраховки, поддаю газу карбидке. Так и есть, Косинов поднимается. Но поднимается без света!

Камень достал Косинова на К-66 чуть выше того места, где я видел его в последний раз. Камень ударил по каске, перебив крепление запасного электрофонаря. Фонарь тихо канул в бездну вслед за камнем, забыв сообщить об этом Мише.

- Камень! - крикнул вниз Косинов, но парни и сами, услышав характерный стук, прилипли к стенам, побереглись.

На следующем крюке у Косинова неожиданно погас свет, и он остался в полной темноте. "Наверно, капля попала в форсунку," - подумал Миша и чиркнул зажигалкой. Вернее, собрался чиркнуть, так как зажигалка не сработала. Камень не только лишил Косинова электрофонаря, но и заклинил над пламенем горелки зажигалку, которая не преминула сгореть.

Бессергенев уже поднимался, и Миша решил не беспокоить ребят: подняться до конца веревки вслепую, а там подождать. Так он и сделал. Спасибо СРТ - перестежки на крючьях дались легко. Но вот наверху колодца веревка кончилась. Где-то рядом грозно шумел во мраке невидимый ручей, и дальше Миша благоразумно идти не решился.

А Бессергенев к нему подняться не мог - держал на траверсе глыбу. Она пошатнулась неожиданно - этакий прямоугольный "чемодан" в добрый центнер весом. Внизу звенел баллонами Плотников, и сбросить плиту было некуда. Юра держал глыбу, пока Плотников не поднялся до последнего перед траверсом крюка, потом примерился и отпустил...

Грохота не последовало. Ничего не последовало. Глыба покачнулась и осталась на месте. Настоящая ловушка! Бессергенев попробовал столкнуть глыбу, но она стояла крепко. Черт бы ее побрал! Ну и стояла бы себе, чего качаться?

Все хорошо, что хорошо кончается.

* * *

Последний каскад. Колодец 53 метра доставляет нам самые нудные ощущения из-за отсутствия тактической разбивки отвеса на более короткие участки. Почти 40 метров приходится подниматься в пустоте в отдалении от стены. Жарко. Поднимаюсь, смотрюю вверх вдоль уходящей в вечную ночь веревки. Оттуда, отрываясь от слабо освещенного пламенем моей карбидки карниза, летят редкие тяжелые капли. Они падают прямо вдоль веревки, и мне приходится движениями головы уворачиваться от этих минибомб - иначе опять забьет форсунку. От ритмичных движений долгого подъема с запрокинутой головой пространство смещается. Начинает казаться, что веревка идет вверх наклонно, и я поднимаюсь по ней в пустоте под углом 45 градусов к вертикали. Какое-то космическое ощущение.

...Выхожу в дождливый закат. Снег на входе совершенно сдал, почернел. От влажного дыхания пропасти постепенно вытаивают истинные размеры ее входа. Осторожно пробираюсь по тропе между каррами. Тропа мечена турами, иначе в облаках можно заблудиться в этом каменном хаосе. С высоты ригеля лагерь открывается уютной горсткой палаток на уже совершенно зеленом бугре. Меня заметили. Из палатки выбирается крохотный комочек в полиэтиленовой накидке и бежит мне навстречу. Алешка, сыночек! Мы не виделись три дня, промелькнувшие для нас в азарте работы. А как жили тут вы, на Земле?

* * *

-
Вы помните? Мы были не как все.
Ходили в шортах или просто в плавках,
Скользя глазами где-то над прилавком,
Вино предпочитая колбасе,
А колбасу - всем радостям на свете!
-
А помните? Мы жили, как трава:
Росли сквозь снег и радовались солнцу,
Смакуя те мгновения до донца,
И говорили мудрые слова,
Того не замечая и не зная.
-
Ну, помните Арабику, друзья?
В воронках снег, а в рюкзаках - Удача!
И все дается просто, не иначе,
Как будто бы иначе и нельзя!
Как будто бы не может быть иначе...
-
А может быть! Ты помнишь вертолет,
Как вестник горя, небо разорвавший?
И парень тот, на Бзыби замерзавший,
Он тоже верил в свой счастливый взлет!
Все может быть. А может и не быть...
-
А мы... Мы были все - просты, как нуль!
Прошли мы горы, выйдя из пещеры,
Крещенье испытав и отлученье,
И было море, и стоял июль.
Вы помните?
Вы помните, ребята? (*163)

-

Вертолет прошел над вершинами в районе Треугольника. Он шел в направлении Бзыби, хорошо видимой в седловине перевала у Арабики - темная стена над Бзыбским ущельем. Там который год, сменяя друг друга, работают экспедиции в пропасти имени Вячеслава Пантюхина.

Пропасть, начавшись каскадом колодцев, на глубине -600 метров оборвалась сифоном. И вдруг, в 1986 году этот сифон на "старом дне" был неожиданно пройден. Всегда найдется кто-то, ставящий под вопрос мнение авторитетов. Сифон? Непроходимый? А кто сказал, что непроходимый? А ну-ка, посмотрим!

Не знаю, кому первому пришла мысль лечь в глинистую лужу сифона и пошарить ногами в узкой щели в ее конце. Но первым прошел его Игорь Вольский из Севастополя. Сифон оказался коротким - 2-3 метра, и был пройден без всяких аквалангов. Более того, удалось соорудить плотину выше по ручью и, отчерпав воду, открыть сифон для прохождения.

За сифоном пещера "пошла". Да еще как! Серия длинных узких меандров, прерываемых колодцами, на глубине около -900 метров оборвалась грандиозным каскадом вертикальных колодцев, увенчанный громадным 200-метровым отвесом. Спелеологам Украины и Перми удалось спуститься в него и отыскать проход среди глыб на его дне. Силы кончились, а пещера и не думала кончаться. Пройден был километровый рубеж - Пантюхинская, по предварительным оценкам,стала -1025 метров.

В том же 1986 году Арабика усилиями команды Климчука дала -1110 метров в Куйбышевской. На другом участке Гагринского хребта москвичи Евгения Стародубова уже несколько лет искали проход в узостях пещеры, названной ими Московская. И вот группа Евгения Войдакова делает в Московской редкое первопрохождение, за одну экспедицию исследовав около 600 метров подземных вертикалей. Московская со своими -972 метрами становится третьей глубочайшей пропастью Арабики и уравнивает счет по числу тысячников в соревновании между Бзыбью и Арабикой.

Но основные события разворачивались в Пантюхинской. В 87-м году, окрыленные прошлогодним успехом, на Бзыбь, в урочище Абац, двинулись летние экспедиции. Болгары, преодолев в Испании 1400-метровый рубеж, торжествовали победу, еще не зная, что месяцем раньше его пробили советские спелеологи.

Ранней осенью 87-го в Тбилиси проходил 1 Международный симпозиум спелеологов, собравший представителей свыше полутора десятков стран и почти всех членов Бюро Международного Спелеологического Союза воглаве с президентом МСС мистером Фордом. Помню, как вдруг, в самый разгар симпозиума, по рядам прошелестела ошеломляющая весть - Пантюхинская вышла на второе место в мире по глубине! И следом не менее ошарашивающий слух - следующая за крымчанами экспедиция Сергея Евдокимова обнаружила ошибку в измерениях - Пантюхинская не то, что 1400 - она не более 1300 с хвостиком! Запахло скандалом позначительнее истории с Киевской. Ведь разговор шел о приближении к мировой короне!

Не все так просто под луною. Весть об успехе, слухи опровергающие успех, опровержение слухов. Не обошлось здесь без борьбы амбиций и приоритетов. В итоге на Симпозиуме было официально объявлено: в пропасти имени Вячеслава Пантюхина

достигнута глубина -1465 метров. Более того - похоже, что пещера продолжается.

* * *

Следующий год дал новую цифру - усилиями комплексных экспедиций, в числе которых работали спелеологи многих городов Союза на Кавказе появился новый полуторакилометровый гигант. Пантюхинская дала -1508 метров!

Как близко вдруг замаячила мировая корона! Как приблизилась еще вчера недосягаемая Жан-Бернар! Теперь французские -1535 метров не казались чем-то несбыточным. Всего один колодец, всего каких-то 20 метров отделяло советский кейвинг от приоритета в подземных глубинах. "Переместить" подземный Эверест на Кавказ - это ли не достойная задача? Правда, жан-Бер- нар тоже не стояла на месте. Как бы там ни было, Бзыбь преподнесла прекрасный подарок 30-летию советской и 100-летию мировой спелеологии!

Но пропасть огрызалась. Здесь мы столкнулись с неведомой доселе опасностью - подтоплением пещеры снизу.

Одна из исследовательских групп крымской экспедиции под руководством Евгения Очкина, возвращаясь из Крымского хода в донном лабиринте Пантюхинской, неожиданно уперлась в сифон. Там, где только что был невысокий наклонный ход - теперь сомкнулись водяные ворота. Группа оказалась отрезанной от базового лагеря. Можно представить состояние их товарищей, когда следуя за первой группой они увидели сифон с верхней стороны еще недавно открытого прохода. 52 часа о судьбе отрезанной этим тихим паводком группы можно было только догадываться. Странно было то, что сверху по пещере не наблюдалось никакого увеличения расхода водотоков. Вода поднялась откуда-то снизу, беззвучно, в отличие от классических паводков, предупреждающих о своем приближении шумом наступающей воды.

А вода все также беззвучно прибывала, и блокированная группа устремилась в восходящую галерею. Скоро четверка спелеологов уже сидела под самым потолком тупикового грота с экзотическим названием Глюкало. Трудно описать чувства человека беспомощного перед силами стихии. Ты - щепка в потоке: вынесет или нет - воля Судьбы.

Давление под потолком повысилось, закладывало уши. Значит, паводок набирает силу. Воздух с характерным свистом вдавливался в рещинки на потолке. Пробовали залеплять их глиной: с чмокающим звуком глину всасывало внутрь. Но, видимо, своды оказались монолитными. Сжавшийся под давлением воздух не дал воде затопить последнее прибежище попавшей в западню группы.

И на этот раз обошлось. Через 54 часа вода упала также тихо, как и поднялась, открыв путь к лагерю.

Выше входа в Пантюхинскую был обнаружен вход в пещеру Богуминскую. При помощи красителей была установлена связь между ней и Пантюхинской, что давало надежду на приращение еще нескольких сотен метров денивеляции. Вертолет над нашим лагерем 88-го года на Арабике ушел в сторону Бзыби. В пещере Богуминская погиб от переохлаждения руководитель поисковой группы. Подземный мир собирал дань в отместку за вырванные у него рекорды.

* * *

Июнь 1989 года. Я сижу на берегу Исети - тихой уральской

реки. Здесь, в Свердловской области, обрел прописку Третий (и как оказалось - последний) Всесоюзный слет туристов. На несколько дней съехались сюда и спелеологи. Наша база в стороне от огромного, похожего на российский базар - народу много, товара нет - табора туристов других видов. У нас - тишина и покой. На одной стороне реки - лагерь, на противоположной - трассы соревнований. Белые отвесы обрываются прямо в воду, старт - с плавучих понтонов. Сосны отражаются в воде, медленно скользящей мимо.

Мысли плывут, как река, медленно и спокойно. Вот и свершилось. Вчера поздно вечером 8 июля 1989 года здесь, на берегу Исети, была явочным порядком учреждена Ассоциация Советских спелеологов - новая спелеологическая организация принципиально отличного - горизонтального построения. Учредителями Ассоциации стали 43 представителя различных регионов страны, в том числе и Казахстана. Первым спонсором АСС стал наш клуб спелеологов "Сумган", взяв на себя расходы по размножению первого информационного письма исполкома и устава организации. На Урале за какие-то два часа было сделано то, что вынашивалось годами. То, о чем думали, но все не решались приступить к реализации. Дорогу осилит идущий.

Этот сезон мы продолжаем под флагом первой в истории страны спелеологической организации, принявшей на себя только координирующие функции. Никаких директив, указаний, руководства, власти и подчинения. Мы заново осознаем себя в этом мире. Впервые в нашей дикой стране создана спелеоорганизация на основе индивидуального членства. В конечном итоге ценно только благополучие каждого отдельного члена, каждого конкретного спелеолога, спелеотуриста, кейвера, карстоведа, каждого из нас в отдельности. Думается, что если каждому будет хорошо в отдельности, то уж всем вместе тем более.

Так думалось, так мечталось. В обустройстве мира и своего места в нем каждый должен приложить свою руку. Чтобы потом не сетовать, что построили не то. На Исети мы сделали небольшой шаг по пути этого обустройства. И в том, что нашей организации, едва родившейся, не суждено было жить долго - не наша вина. Развал СССР положил конец всем планам.

А тогда на Урале мы чувствовали подъем и настроены были решительно. Будет ли все так, как заложено в Уставе АСС, как понимается единомышленниками? Это зависело от многих факторов. И многое зависело от нас самих. Нельзя сказать, что мы достигли единодушия по всем вопросам. В масштабах огромной страны нас и дальше раздирали противоречия. Красноярск, бывший столько времени сторонником независимого пути развития, вдруг изменил курс с точностью до "наоборот", прельстившись призрачными обещаниями дотаций со стороны спорткомитета. Глупо отказываться от денег, но стоит ли ради них менять цвета своих знамен? Деньги на свои безумия нужно зарабатывать самим. Или продавать результаты своего ремесла, увлечения, принося людям то, за что они готовы платить. Но не просить с протянутой рукой. Были и другие противоречия. Но в конечном итоге, мы и создавали свою Ассоциацию, чтобы каждый мог реализовать свой собственный путь, способ существования. Чтобы вопрос, чей путь лучше, не приводил к подавлению одних другими, и только жизнь могла бы показать, кто был прав и в чем.

Временный исполнительный комитет был избран в составе

трех человек: Николай Андреевич Марченко - президент, Евгений Михайлович Стародубов - вице-президент, Виктор Алексеевич Новиков - член исполкома. Все москвичи. Они были первыми и последними руководителями Ассоциации советских спелеологов.

* * *

А скоро закружат нас горные дороги. Новый сезон. Что нас ждет впереди? Оказавшись в горах, мы испытываем облегчение, сравнимое разве что с облегчением иного горожанина, добравшегося до собственной квартиры: "мой дом - моя крепость". В горах мы переживаем иллюзию свободы. А может быть, это и есть сама Свобода? В горах мы не зависим от скученного общежития городов. Мы полагаемся только на самих себя и умение ладить с силами Природы. Вот оно - главное. Свобода - это не есть осознанная необходимость, как утверждают большевики. Свобода - это необходимость преодоленная. Это зависимость только от объективных законов природы и собственной воли.

Издавна люди стремились к двум вещам - свободе и справедливости. Один умный человек заметил, что там, где есть свобода, нет справедливости, потому что вступает в силу закон сильного, а справедливость всегда ограничивает свободу сильных в пользу слабых и беззащитных. В горах мы ближе всего к безболезненному компромиссу между этими желанными крайними состояниями. И это делает нас счастливыми.

К чему мы стремимся? Вечное познание бессмысленно, если не находить наслаждение в самом его процессе. Все обесценивается и в том случае, если узнать, что выше достигнутого - нет уже ничего. Достижение конечного также печально, как и осознание невозможности достичь бесконечного. Грустно взойти на высочайшую вершину мира. Пещеры, в отличие от гор, все еще оставляют нам надежду...

-

Вот и все, вот и все,
Вот и кончилось -
Мы стоим на пороге разлук.
Что ждало нас -
Отмерено полностью:
До свиданья, мой ласковый друг!

-

Эти сосны и скалы уснувшие
В темном зеркале спящей реки -
Все в мгновение ока разрушится,
Когда мы соберем рюкзаки.

-

Но когда-нибудь снова мы встретимся
У грядущих неведомых скал,
И припомнится вдруг
Этот Третий
Всесоюзный наш слет и Урал

-

Эти сосны и скалы нависшие
Над спокойствием сонной реки
Нам привидятся, видятся, видятся,
Когда мы соберем рюкзаки.

-

Это сбудется, сбудется, веришь мне?
В день неведомый, в ночь у костра

Вдруг взовьются, как флаги над крепостью
Наши встречи, Исеть и Урал
-
Ах, вы, сосны и скалы беспечные!
Твои руки, как воздух, легки
Все останется памятью вечною,
Когда мы соберем рюкзаки... (*164)

* * *

Начало февраля 1990 года. Держу в руках письмо. Прошлым летом в Пантюхинской случилось несчастье - в 107-метровом колодце на спуске порвалась веревка. Почему? Шесть или семь человек спускались по этой веревке, пока один, в самом начале спуске, не допустил серьезного рывка. Платой за ошибки оказалась жизнь. Подробностей я не знал. Неужели группа работала на одинарной веревке? Эта мысль не давала мне покоя, и я написал руководителю керченских спелеологов, моему старому товарищу по кавказским дорогам Сергею Клименко. И вот ответ.

"Здравствуй, Костя!

Спасибо за поздравление с Новым годом. О несчастном случае: при спуске из-за перегрузки основной веревки произошел ее обрыв. Самостраховка по тросу оказалась неэффективной.

По итогам 1988 года составлен отчет в полном объеме (с полным набором картографического материала: СТО, разрез, план).

У нас большие планы по работе в Пантюхинской и еще не на один год. Это трассирование водотоков, как подземных, так и поиск разгрузки на поверхности. Поиск дальнейшего продолжения как вверх, так и вниз. Иного перспективных мест. Уточнение глубины, так как она может быть чуть больше. И еще много других задач. Надо отметить, что пещера уже сильно замусорена, а желающих посетить ее и оставить после себя грязь, становится все больше. Мы не хотим, чтобы она стала похожа на Солдатскую, практически непосещаемую из-за жуткого запаха гниющих остатков и мутной воды, совершенно непригодной для питья и приготовления пищи. В этом году будем работать несколькими группами и в разное время, но основная работа планируется на август. Я думаю, нам было бы неплохо согласовать наши действия, чтобы мы не только не помешали друг другу, а совместно поработали на пользу дела. СРТ для нас пока удел будущего, мы работаем: веревка-веревка, трос-веревка. Кстати, если не знаешь, глубина пещеры 1571м.

С наилучшими пожеланиями, Сергей Клименко."

Перечитываю, не веря своим глазам. Пантюхинская - -1571 метр! Это Полюс! Это рекорд. Это победа!

Пантюхинская - глубочайшая пропасть мира!

Глубочайшая ли?

ВОСХОЖДЕНИЕ В АБАЦ.

-

Наш путь к Пантюхинской начинался в 1989 году.

Четвертый год мы доказывали самим себе и Союзу преимущества СРТ в прохождении пропастей высшей сложности, но... Воистину, нет пророка в своем отечестве. Наши успехи в Киевской как-то тускнели от того, что КиЛСИ считалась наиболее простой в ряду советских тысячников. Экспедиции в Снежную и Перовскую проходили в тени зарубежных мастеров, которые

вполне заслуженно играли в них первую партию. Мы же, теряясь в их блеске, учились, перенимали, приспосабливали увиденное к советским условиям и... проходили свой путь.

Одним из основных аргументов наших оппонентов был вопрос о транспортировке груза. Ходить по одинарной веревке еще ладно, но вот носить на себе мешки? Решиться на восхождение по подземным вертикалям с мешками на беседке было трудно, прежде всего - психологически. Да и технически такое движение требовало особых навыков, но при их наличии - становилось вполне посильной задачей.

В июле-88 на Арабике параллельно нам работали ленинградцы под руководством Сергея Илюхина, которые доброжелательно, но как-то особенно недоверчиво взирали на наши одноверевочные "эксперименты".

"Ладно", - говорили ленинградцы, - "Посмотрим, как вы с мешками будете управляться!"

Мы понимали, что огромное количество оставленных предыдущей московской экспедицией мешков, которые нам предстояло поднять, чтобы очистить пещеру, могло свести на нет любые технические преимущества. Но все же надеялись на то, что удастся, вместо традиционного перекидывания мешков из рук в руки и подъема веревкой на отвесах, применить обычную в СРТ тактику переноски груза "на себе".

"В Перовской? С двумя мешками на человека?"- усмехался Илюхин. - "Можно, конечно. Но до-олго вам придется корячиться! Да и не везде пройдешь водиночку. С парой-то мешков!.."

И вот навеска до "сухого дна" сделана. Пришла пора испытания мешками. Теперь всем достигающим дна предстоит подниматься вверх, постепенно обрастая стремительно размножающимися мешками. Задача заключается в том, чтобы, как можно дольше удержаться в рамках нормальной для СРТ тактики, не сорваться в навал, в глобальное перетаскивание мешков "всем миром". Между делом происходят интересные эпизоды.

Утром 23 июля сидим у кухонного огонька. Только что подошел Сергей Илюхин, скорректировать действия. От польских палаток появляется четверка снаряженных для штурма поляков: Анджей Чишевски, Сташек, Войчех и Ян "Ленин".

- Пошли за баллонами?

Поляки кивают, улыбаются. Использованные баллоны от аквалангов сложены на -800.

- Когда планируете вернуться?

- Ужин сегодня когда?

Смотрю на часы - начало восьмого.

- Думаю, как обычно, часов в 8-9 вечера.

- К ужину вернемся.

Поляки уходят вверх по тропе, смотрим им в след.

- К ужину! - усмехается Илюхин. - Они до куда собрались?

- До дна.

- До дна?...

Лето уже давно переломилось к осени, дни становятся все короче, и хотя в горах темнеет позже, чем в долине, но к 18 часам плато укрывают серые сумерки. Как-то там поляки? И вдруг замечаю вдалеке на ригеле два огонька. Кто бы это мог быть? Огоньки перемещаются, направляясь вниз к лагерю. Поляки! Время-то - 18.30! Весть мгновенно облетает лагерь, и все свободные сегодня от работ высыпают к крайним палаткам.

Здесь же ленинградцы.

Анджей и Войчех. Подходят, с облегчением бросают в кучу вытащенного из пропасти барахла по баллону. Жмем им руки. Это своеобразный рекорд! На спуск до -950, и подъем на поверхность двойка Чишевского затратила 10,5 часов, из которых 2 часа провела в лагере на -600. Подняли наверх по баллону и еще по одному подняли с -800 до -400, ко дну 107-метрового колодца.

Ян со Сташеком вышли на поверхность в 22 часа, бросив свои вытащенные из пропасти мешки у палаток. Наутро весельчак Ян предъявил собравшимся поломанный изорванный зонтик, который он специально носил на дно, чтобы преодолеть злосчастный водопад у базы на -900, под которым мы с Косиновым так маялись со своими очками:

- Вот как надо проходить под водопадами!

Начало было сделано. Конечно, мы не избежали суровой необходимости перетаскивать мешки челноками, поднимать их веревками по 107-метровому колодцу и выше, но это было не издержками СРТ, а лишь следствием выполняемой задачи: не каждый раз приходится чистить за кем-то пещеру.

* * *

Как бы там ни было, но становилось ясно, что нам нужна новая экспедиция, причем в такую пропасть, чтобы расставить все точки над "i". Такой пропастью была Пантюхинская.

В 1987 году Пантюхинская заняла почетное 2 место в мире вслед за Жан-Бернар. Мы не имели возможности попробовать свои силы в Пиренеях, но и помимо этого был ряд факторов, по которым Пантюхинская превосходила в наших глазах знаменитого короля глубин (и превосходит поныне).

Во-первых, это были не просто полтора километра глубины - это 1500 метров вертикали с единственных входом, а значит, и выходом на поверхность. Глубина Жан-Бернар от нижнего из ее многочисленных входов: V-4 - всего -1124 метра. То есть прохождение всей денивеляции Жан-Бернар носит чисто спортивный, не обусловленный объективной логикой характер. Дойти же до дна Пантюхинской - можно только пройдя вверх и вниз все полтора километра ее вертикалей, от первого и до последнего метра.

Во-вторых, к началу 89-го года еще ни одна экспедиция не пробовала пройти Пантюхинскую с помощью СРТ. Это означало, что в пропасти практически отсутствовали крючья, которые можно было использовать при навеске одинарной веревки, что значительно повышало сложность и престижность такого прохождения. Впервые пройти пещеру новой для СССР техникой, забить все необходимые крючья, составить описание навески и сделать это без участия зарубежных спелеологов - неплохая задача.

И я начал собирать информацию.

Одним из первых откликнулся из Киева разработчик тросовой техники (ТТ) Валерий Янович Рогожников:

"...По поводу Пантюхинской. Я там работал в составе команды рядовым перетаскивателем снаряжения и продуктов, поэтому картографических и других материалов у меня не много. Высылаю схему в состоянии на 1988 год. Пещера развивается по комбинации трещин и планетарных направлений в сторону Бзыби по падению пластов. Известняки мелового возраста, ниже -1300 сменяются юрой: массивные, крупнослоистые, плотные. Крючья держат хорошо. (Приятно слышать!) До -800 воды мало. (Не ме-

нее приятно!) Ко дну К-28 (-800 м) подходит приток, по которому летом 1988 года пришел паводок и краска из Богуминской - констатировал лично. (Так, а вход Богуминской на 2-3 сотни метров выше входа в Пантюхинскую - соединение может дать неслыханную глубину!...) Воды может быть много - если тают снега в верховьях и на водоразделах, но пещера не затапливается. Однако на участке ниже 1400 может затапливаться полностью, причем без видимых признаков в верхних колодцах, откуда-то снизу. (Это тот самый случай, о котором нам рассказывали. Тогда парни более двух суток сидели в тупиковом гроте отрезанные тихим паводком...) Поэтому последний лагерь не стоит спускать ниже -1400 - можно влипнуть. (Надеюсь, что мы вообще не будем ставить лагерь так глубоко...)

О лагерях. Лагерь 1 на -200 обычно использовали как пункт питания, но палатку и спальный мешок там держали все время. Лагерь 2 на -480 у "Пера" тоже использовался как пункт питания. Лагерь 3 на -650 (Это перед сифоном на старом дне...) очень просторный комфортный - служит базой для дальнейших приключений. Сифон вычерпывается за плотину - 6 часов работы группой в 3 человека, сам вычерпывал. Участок между лагерями 3 и 4 сложен для транспортировки - щели, распоры и прочие мерзости. Лагерь 4 на -850 просторный, но грязный, и шумит вода - в паводок очень шумит. (Это место получило название "Пермская база"...). Лагерь 5 на дне К-200 (Отметка -1100!) спрятан под камнем, тесноватый, но комфортный, чистый и сухой - на 5-6 человек. Лагерь 6 в просторной, но горбатой галерее может расположить очень много людей. Ниже стоять не стоит - может затопить, а этот лагерь ставить очень желательно, потому что выход на дно и обратно занимает часов 15. (Черт! Неужели придется-таки тащить базу на такую глубину?).

Вот, в принципе, все, что можно рассказать."

* * *

Лето 89-го года омрачалось неспокойной обстановкой в Абхазии. Это было преддверие грузино-абхазской войны, начавшейся в 91-м. Но тогда еще не верилось, что может быть война, которая оборвет все наши надежды на работу в прекраснейших пещерных районах Кавказа. И я продолжал собирать информацию.

Следующее письмо от товарища по экспедиции "Снежная-81" Андрея Бизюкина пришло из Москвы. В нем ни слова не было о Пантюхинской - супружеская чета Андрей Бизюкин и Таня Немченко оставались приверженцами Снежной.

"...Этим летом, в связи с абхазскими событиями, были приостановлены многие серьезные экспедиции. У нас тоже возникли некоторые сомнения в целесообразности посещения Кавказа, но доехав до Сочи, мы узнали у первого же стоявшего на вокзале милиционера, что стрельба закончилась и чачу уже продают. Узнав все это, мы решили продолжить исследование нижних входов в Снежную. На примете были две дыры, открытые харьковскими спелеологами. Одна из них - пещера Каньон, "гигантская" шахта глубиной, как утверждали наши украинские друзья, -350 метров. Дальнейшее исследование пещеры приостановилось из-за подземного озера, преградившего путь отважным спелеологам. Именно это озеро явилось причиной нашего посещения п.Каньон. Так как мой основной напарник Шурик (по

кличке Абдула) как раз перед экспедицией схватил кессонку и чувствовал себя неважно, я настроился нырять водиночку. Но Фортуна распорядилась иначе.

Штурм пещеры проходил спокойно и четко. Но в нижней части на последней сотке нас смутила повышенная камнепадность, и мы сделали откачку в сторону примерно н 20 метров. Все бы хорошо, но сказалась неуверенность одного из участников. Ему показалось неудобным транспортировать мешки по нашей навеске, и он упустил несколько штук вниз. По странному стечению обстоятельств вниз спланировала наша кухня и мои баллоны. Примерно на 8-й секунде полета мы услышали музыкальное сопровождение. Так мы лишились баллонов, а кастрюли, упав с 80 метров, стали квадратными. Пришлось дальнейшие исследования Каньона отложить на будущее.

Участник, упустивший баллоны, чувствуя свою вину, начал буквально рыть щели в окрестностях нашего наземного лагеря, и ему повезло. В одной из пещерок он прокопал щель, из которой дуло. (Так и хочется продолжить: Он кинул туда камень, дуло исчезло!..) Щель расширили до вертикального шкурника, потом расчистили еще три узости до состояния шкурников - все вертикальные, и вывалились в 60-метровый колодец. 16 часов штурма, навешено 200 метров веревки, и каково же было наше разочарование, когда мы опять вывалились в то же самое подземное озеро! Две соединившиеся пещеры тут же нарекли системой Каньон-Самохват. уточненная топосъемка показала глубину -291 метр - в отличие от харьковских 350.

Кстати, как ты думаешь, почему ошибка в топосъемке, начиная еще, наверное, с КиЛСИ, бывает только в сторону большей глубины? Может, это подземная атмосфера влияет?

При подъеме наверх на -70-м метре пещеры Самохват был обнаружен новый ствол. Шикарный колодец 40 метров и диаметром 15-20 метров. Но, черт побери, и этот ствол вывалился в это же озеро! Заколдованное озеро. Трехствольная система Каньон-Самохват при нанесении ее на орографическую схему района и план Снежной находится практически над залом "Икс". Представляешь, если она пойдет, то - примерно 500-метровая дыра, и ты - в зале "Икс". И это вместо длинного и утомительного пути, каким пользуются традиционно!

После всех этих неудач у нас осталась последняя надежда - пещера Ветерок, находящаяся в соседней балке на 100 метров выше Каньона. Мы прошли ее до -140 метров и остановились в большом обвальном зале, примерно 17 на 30 метров. От безысходности народ начал копать, почувствовали ток воздуха, завал начал поддаваться. Сейчас пройдено 85 метров в глубину завала - ход идет по руслу паводкового ручья. Пещера медленно, но продолжается. Когда мы ее проткнем, то пригласим тебя, Костик, сделать траверс Меженного-Ветерок. От Ветерка до Дурипша - 1,5 часа ходьбы!

Таня все это время провела в Словакии, посещая их пещеры и изучая методы расширения узостей с помощью портативного молотка-перфоратора и взрывчатки.

Заканчивая, скажу о планах. В июле-августе 89 года собираемся работать по поиску верхнего входа в Снежную с применением активных средств, в частности, чехословацкого портативного отбойного молотка. Если у тебя есть в заначке какие-либо способы расширения узостей, ты мог бы их опробовать на вершине Хипсты. То что верхний вход в Снежную су-

ществует, это очевидно, надо только его пройти. Мы приглашаем всех друзей и хотим еще раз попытать счастья. Если ты еще не утратил надежды, что Снежная может быть все-таки первой в мире, то присоединяйся к нам.

До встречи на Кавказе! Андрей. Таня."

* * *

На Кавказе мы не встретились. Наша экспедиция, организованная и проведенная Юрой Бессерегеневым, совместно с москвичами и бельгийцами снова работала в Перовской. Другая команда во-главе с Андреем Волковым и Виктором Фитисовым сделала прохождение Киевской. Но основная часть спелеологов клуба была втянута в хозрасчетную деятельность, красила мосты, здания и металлоконструкции в Усть-Каменогорске. По той же причине мне не удалось поехать и на Международный Спелеологический Конгресс в Будапеште, где побывали многие мои друзья из других городов Союза. В спелеологическом плане сезон-89 для меня практически пропал.

Тем ярче из заветного далека светила Пантюхинская, которую по многим причинам необходимо было "делать" именно в следующем 1990 году. Не позже. Промедление было подобно поражению, так как могли пропасть многие резоны, украшавшие эту задачу.

Зима 89-90 принесла новые известия и ряд событий, утвердивших меня в уверенности относительно задуманного. В начале января пришло письмо керчанина Сергея Клименко, в котором он сообщал, что глубина Пантюхинской -1571 метр. Вопреки официально продекларированной до сих пор цифре -1508. Керчане и Новокузнецы не сомневались в своих измерениях. Но большого значения это уже не имело, так как зимой французам удалось закрепить свое преимущество в Жан-Бернар. Пиренейский супергигант перешагнул еще один фантастический рубеж - 1600 метров. Теперь денивеляция Жан-Бернар достигла 1602 метра. Но - это были 1602 метра, а не -1602 метра. Пантюхинская до сих пор оставалась непревзойденной в классе супергигантов с одним входом.

Как тут было не вспомнить слова болгарина Мартина Трантеева: "Световний уровень для нас - как горизонт: едешь, едешь, а он все удаляется!"

Далее получаю долгожданное письмо из Симферополя. Но в ответ на мою просьбу помочь материалами мой "сокоешник" по ВИПу на Алеке, врацанской Школе спелеоспасения, Бахчисарайскому слету симферополец Володя Кузнецов отреагировал несколько странно.

"Председателям МКК, Руководителям спелеопоходов высшей категории сложности.

Крымская областная комиссия спелеотуризма совместно с клубом спелеологов "Бездна" г.Симферополя, клубом спелеологов "Карст" г.Керчи в период с 1 июля по 15 сентября 1990 года проводит комплексную экспедицию в районе Западного Кавказа, Бзыбский хребет.

Целью экспедиции является дальнейшее изучение пещеры В.С.Пантюхина и пещеры Богуминская... Руководителями экспедиций являются Пантюхин Г.С., Кузнецов В.С. (Симферополь) и Клименко С.И. (Керчь). Просим сообщать спелеогруппам, собирающимся работать в указанных пещерах, о наших планах."

И больше ни слова. Предупреждение это я понял так: "Мужики, не путайтесь у нас под ногами". Дружба дружбой, а

рекорды врозь? Ладно, и на том спасибо.

Буквально следом еще одна тревожная весть, на этот раз от тбилисского сибиряка Василия Васильевича Вилисова, с легкой руки Резвана окрещенного Васей-в-кубе.

"Спасибо за Новогодние поздравления! Открытку от тебя получил в свой краткий приезд в Грузию на Новый год. Сейчас работаю в Сочи, январь буду здесь, а в феврале еду в Красноярск работать инструктором к Гене Иконникову. Он собирается делать семинар с уклоном в СРТ и приглашает ребят из Болгарии. Возможно, ты будешь?

Летом ребята-французы немного поучили нас своей технике. Был профессиональный преподаватель из национальной школы спелеологии... К большому сожалению, информацией по Пантюхинской не обладаю. У меня была карта до -620, я отдал ее по окончании экспедиции. Навеску делали ребята из Франции. Забивали стандартные СПИТы - всего около 30 штук. До -600 метров пещера сплошь вертикальная - навеска была также сплошная: ни в одном месте не отстегивались от перил. Француза пробили и навесили отлично - чувствовался очень высокий опыт.

Подходы к пещере элементарные - со стороны Рицинского шоссе у остановки "11 км" мост через реку Бзыбь: место называется "Джирхва-ГЭС". И далее по правой стороне реки и вверх в горы - дорога единственная. С хорошим грузом - за день у пещеры: высота 1800 метров. Лагерь огромный, вода рядом - источник Азырцых. Думаю, что в августе у тебя не будет проблем - там будут работать ребята из Крыма, они располагают всей необходимой информацией.

Я в курсе, что в конце июня-90 в Пантюхинскую собираются поляки - до дна. В сентябре туда же идет совместная словацко-бельгийская экспедиция. Июль-август просили не занимать крымчане. Думаю, что нужно с ними списаться. Я все лето буду на Бзыби - могу на месте помочь с показом района и т.д.

Кстати, времен'ные данные: выемка снаряжения с -550 проводилась вшестером - 4 француза и мы с Володей Глиновым - общее время 6 часов.

До встречи! Вилисов."

Та-ак. Время шло уже "на минуты". Оказывается, пока мы красили мосты, летом 89-го Пантюхинскую решила покорить экспедиция Болгарской Федерации во-главе с ее председателем Трифоном Трантеевым. Были приглашены французы. Объединенная команда прибыла в Абац, усилиями французов сделала навеску почти до "старого дна", но потом начались сбои в болгарской команде. Кто-то там психологически сломался. Или не захватили достаточное количество болгарского коньяка "Плиска", без которого, по моим впечатлениям, не обходится ни одна крупная болгарская экспедиция. В общем, французам совместно с "грузинами" Васей Вилисовым и Володей Глиновым пришлось не только навешивать, но и вынимать снаряжение, и болгарская попытка с треском провалилась. В довершение бед на спуске с плато экспедицию обворовали местные жители.

"Представляешь?"- рассказывал потом Вилисов. - "Украли не что-нибудь, а пластиковую бочку, в которой была вся экспедиционная видеоаппаратура. Случайно, конечно! Так вот, шмотки все унесли, а аппаратуру выкинули тут же в кустах, через сотню метров от стоянки. Видимо, не знали, что это такое. Дети гор!"

Пантюхинская отбила первую атаку иностранцев. Но на долго ли хватит ее упорства? Надо было торопиться.

* * *

Геннадий Сергеевич Иконников, спасибо ему, пригласил меня поработать инструктором на СРТ-семинаре, и я поспешил в Красноярск. Не будет преувеличением сказать, что красноярские встречи в феврале 1990 заложили краеугольный камень в до того времени хлипкое здание будущей экспедиции.

Семинар был организован с размахом. Болгарских гостей снимало телевидение, газеты писали: "Красноярские спелеологи прокладывают путь в Европу!" Удалось даже покатать болгар на мотодельтаплане - Иконников был на высоте.

В моем блокноте записано: "Вот и дожили! Сидит Всесоюзный семинар. от Ростова до Владивостока, и слушает СРТ..."

А послушать было кого.

Из далекой солнечной Болгарии приехали родоначальник болгарского СРТ Петко Недков и мой старый знакомый по Враце и Софии Мартин Трантеев. Петко - живая легенда, автор "Азбуки одинарной веревки", первой книги по СРТ, которую я перевел в самом начале нашего одноверевочного пути. Его видавшее виды снаряжение, лекции и рассказы дышат историей, далекими от нас временами, когда Недков со товарищи начинал в Болгарии переход на европейскую, мировую спелеотехнику. Далекими? Так кажется. Ну, 15-20 лет. Многие из нас тогда уже работали в пещерах. А вот поди ж ты - болгары раньше сориентировались!

Мартин вместе с капитаном болгарской команды "Снежная-86" Орлином Атанасовым прошлым летом побывали в Алжире, в глубочайшей пропасти Африки Ану Иффлис, известной также под именем Гуффр де Леопард (-1159 м).

Вася Вилисов прибыл в шикарном французском снаряжении и с приятными впечатлениями от французской техники в Пантюхинской.

Характерным было посещение нас во время учебно-тренировочного выхода в пещеру Кубинская известным в спелеологических кругах красноярцем Захаром Залиевым ("Дублянский тут нападает на спелеологов, - пошутил Резван на Сочинском Совещании. - Был бы тут Захар Залиев, он бы показал ему определенную часть тела!"). Захар был известен не только крутым сибирским характером, но первопрохождениями на Кавказе, а также яростным неприятием СРТ в пользу старых советских спелеоканонов. И вот приехал - вода камень точит.

Бирюса! Кто из сибирских спелеологов не помнит дороги по льду Красноярского водохранилища к Кубинке - глубочайшей пещеры Восточных Саян? Даже затопленная водохранилищем, с -274 до -207 метров, Кубинская осталась одной из интереснейших пещер района.

Двухэтажная изба у пещеры вписана в хвойный лес на заснеженных склонах с красноярской любовью: нижний этаж - печь, стол, лавки, верхний - нары, спальный этаж.

Особо примечателен туалет на четыре "очка", выпиленных в виде карточных тузов: червового, пикового, бубнового и даже трефового, расположенных квадратом. По центральной оси симметрии этой замечательной постройки подвешена корабельная рында - колокол, которым, на порядочных судах, как известно, отбивают склянки. Вся соль этой штуки, заключалась в том, что как бы ни мостился посетитель, как бы ни осторожничал,

не задеть рынду было практически невозможно - и тогда над лесом, вызывая понимающие улыбки семинара, плыл громкий, печальный и чистый, как истина, звон.

Самые интересные разговоры получались, конечно, после семинаркого отбоя, у пылающего перед избушкой костра. Ласковый февральский морозец холодит спирт, Иконников тонко режет медвежатину, открывает банку с сибирским папортником собственного приготовления.

- Гуффр Леопард мы прошли только до -500, - говорит Мартин.

- Много воды?

- Много кушаем! За 9 часов сделали навеску и подошли к неудобной узости. Снимаешь все снаряжение, протискиваешься вертикально вниз и выпадаешь в камбана... м-м...

- Колокол, - подсказываю я.

- О! Колокол. Висишь в пустоте, и нужно как-то снова надеть обвязки и другое. Мы прошли, а двойка Орлина - никак! Пришлось закончить прохождение. А как мы потом вылезали из этой ловушки! Спелеологу много кушать вредно!

- Лучше много пить! - говорит Захар.

Сибиряки учат болгар пить неразведенный спирт. Обмен опытом - не все нам учиться! Похоже, что братья-славяне осваивают нашу технику гораздо быстрее, чем мы СРТ. Закусываем строганиной из медвежатины и папортниками.

- Папортник у тебя, Сергеич! - Вася причмокивает и качает головой. - Можно понять, почему японцы его на свои "тойоты" выменивают!

- Снега в этом году много, и стенка на входе в Кубинку во льду, - говорит Иконников.

Кубинская начинается окном в известняковой скале, отвесно, на десятки метров, обрывающейся к заливу. Пришлось еще на подходе к пещере навесить длинные перила. Кто-то, говорят, уже летал отсюда вниз, к Красноярскому морю.

- О, лед! - говорит Мартин, нажимая на медвежатину. - Мы были в Греции, Проватина.

Где ты, Греция? Проватина - удивительный карстовый колодец общей глубиной -407 метров всего с одной наклонной обледеневшей полкой на глубине -158 метров - знаком нам только по описаниям. Греция... Над нами морозные звезды Бирюсы.

- Я спустился на ледник и решил фотографировать. Там такое зрелище! От рапели отстегнулся и остался на осигурителен ремык на парапети...

- ...На самостраховочном усе на перилах, - перевожу я. Благоприятное воздействие алкоголя на уровень моего понимания иностранных языков неоднократно приводило меня в приятное изумление.

(Как-то Резван рассказал анекдот: "Подходит иностранец к милиционерам и по-английски что-то спрашивает. Милиционеры не понимают. Тогда иностранец повторяет вопрос по-немецки. Милиционеры не понимают. Иностранец повторяет вопрос по-французски, потом поочередно еще на нескольких языках, но, ничего не добившись, вынужден уйти.

- Надо иностранные языки учить! - говорит один милиционер другому. - А то плохо - ничего не понимаем.

- Ха, этот вона сколько языков знал - ему это помогло, что ли? - отвечает второй.")

Петко Недков одобрительно смеется, а Мартин продолжает:

- Перила спускались по леднику к началу следующего отвеса, и были закреплены на ледовых крючьях. Только вытащил фотоаппарат, и... поскользнулся. От рывка вылетел изо льда верхний крюк, и я полетел вниз. Знаешь, почему не упал?

- Ну?

- Перильный узел с крюком застрял в моем самостраховочном карабине! А перед этим так ударил мне по каске, я думал пробьет. С тех пор люблю большие узлы и маленькие карабины!

- На одном из семинаров, - говорит Иконников. - У нас в Кубинке девица упала - со дна Третьего колодца в грот Фиделя...

* * *

Я помню, за этот случай Иконникова чуть не дисквалифицировали. Я никогда не мог понять такого понимания ответственности руководителя: разве можно уследить за каждым поступком подчиненных (участников семинара, членов группы, работников предприятия - неважно), тем более, все - взрослые люди. На мой взгляд, руководитель несет ответственность только тогда, когда подчиненные точно выполняют его прямые указания и в этих указаниях заключен потенциал, приводящий в итоге к аварии. Или если руководитель не совершает каких-либо действий, которые обязан был совершить по своему рангу и положению, что тоже становится причиной происшествия.

В туризме не до тонкостей! Девица пошла не тем ходом, и по собственной неосторожности упала в отвес. Что здесь зависело от Иконникова? Начальник школы не может одновременно находиться рядом с каждым слушателем, всех вести за ручку и лично страховать. Все были проинструктированы, всем прочитан курс безопасного поведения под землей, ориентирования и страховки.

- ...Из города вызвали скорую, - продолжает Иконников. - Медичка такая отважная попалась - согласилась идти в пещеру!...

И снова наплывают видения, разбуженные иконниковскими рассказами. Западный Кавказ, Алек, сумерки. По заросшей скользкой от грязи тропе, которую с топорами в руках расчищают два отделения, мы, личный состав спелеосеминара СИП-83, несем носилки. Обломком дерева ударило по голове 15-летнего саратовского паренька. У Барибана из кромешной уже тьмы появляются белые халаты: двое медиков - парень и женщина. Они склонились над пострадавшим, а мы толпимся вокруг - в своих резиновых сапогах, штормовках и анораках, прорезиненных костюмах, с налобными фонарями. Мы специально готовились к таким делам. А они - эти люди в белых халатах? Я смотрел на тонкую спину женщины, и вдруг увидел - она была в белых туфельках-лодочках, едва видных из облепившей их кавказской глины. Тот, кто был на Алеке у Барибана, может представить, что значит в сезон дождей подняться по этой тропе. Ночью. В туфельках-лодочках на босу ногу!

- Надели на докторшу обвязки, - продолжает Гена. - Я схватил чемодан с медикаментами, и бегом к пещере. Спустил ее в Первый отвес, 23 метра...

А мне вспоминается прошлый май, когда мы после Сочинского Совещания оказались на алекской "спасаловке" у Ручейной, где сломал ногу новомосковский спелеотурист. Доктор ехал с нами - парень до вольно плотный, крепенький, горным туризмом занимался и даже в пару колодцев спускался. Но ведь это Ру-

чейная! Одеваем доктора в шерстяное белье, резиновый гидрокостюм, защитный комбинезон, обвязки и т.п. И такая же, как сейчас на Бирюсе, непроглядная ночь. Только вместо искристого снега - тонкая водяная пыль моросящего над лесом дождя.

Что стоило нашему доктору, продравшись через 300-метровый шкуродер с ручьем на дне, спуститься на -300, где на слиянии с Заблудших стоял подземный лагерь новомосковцев, можно догадаться по тому, что осмотрев в палатке подземного лагеря пострадавшего и не обнаружив у него ничего сколько-нибудь серьезного, доктор пришел в ярость. Очевидцы рассказывали, как он с самым зверским выражением лица схватил пострадавшего за больную ногу и принялся ее крутить из стороны в сторону, яростно вопрошая: - "И это - перелом?! И это - перелом?!" Пострадавший новомосковец орал и вырывался. "Не-ет!"- кричал доктор. - "Дайте-ка я ему все-таки что-нибудь вколю! Я сюда зачем шел? Где моя аптечка? Где мой шприц?!" В результате такой психотерапии новомосковец выскочил из Ручейной своим ходом, лишь с небольшой поддержкой сопровождающих. Спасибо вам, Люди в белых халатах, не забывшие клятву Гиппократа!

...- Докторшу я спустил, - Иконников недвусмысленно тянется за фляжкой. - Сам схватил чемодан с медикаментами. Рогатку у кого-то из слушателей взял - здоровенную такую! В общем, на самом верху - сам не понял как! - выпустил я из руки рапель и сквозанул вниз с этим чемоданом - только свист!

- Так как же ты?...

- Повезло. Веревка подо мной от такого "спуска" пошла винтом, и узел на конце каким-то чудом залетает в расщелину метрах в двух над дном колодца. В этот корем я и сел со всего размаху! Спасибо узлу - пришлось бы меня соскребать со дна колодца: 23 метра все-таки...

- С этими узлами всегда приключения, - усмехается Вилисов. - Я тут слышал, прошлым летом как-то, после Сочинского Совещания наш друг по Алеку Артур Шмигельски в Испании упал, где-то на -400. Достали живого, сейчас уже здоров, наверно. Так вот - официальная версия падения - отказ света, падение из-за потери ориентировки. А мужики-поляки потом рассказывали, что все было банально - Артур не завязал узла на конце веревки, сам с ее конца и загремел. Так еще наварился на этом деле - страховку получил!

Ночь придавливает морозом, звезды становятся ниже и ярче.

Благословенна будь, Бирюса!

* * *

Болгары - болгарами, но самым интересным для меня оказалось присутствие на семинаре спелеологов из Новокузнецка. На несколько дней заскочил на семинар один из зачинателей новокузнецкого спелео Евгений Галошин, а в составе участников обучались СРТ кузнецкие лидеры новой волны: Игорь Романенко, Владимир Параконный и Павел Куришко.

- Что ты страдаешь от недостатка информации по Пантюхинской? - сказал ка-то Вася. - Вон, Галошин ее, как свою пятерню, изучил. Потолкуй с новокузнечиками.

В Галошина я вцепился мертвой хваткой. Молодец, Женя. Не поленился добрых 3 часа на память рассказывать мне описание пропасти, дотошно, по колодцам. Я записывал, зарисовывал, и постепенно получил прекрасное описание Пантюхинской.

Здесь же я сделал еще одно неожиданное для себя

открытие. Керчанин Сергей Клименко - новокузнецкий спелеолог, а сами новокузнечане в течение ряда лет работали в Пантюхинской в составе комплексных экспедиций, оставаясь при этом почему-то в тени. Всех мы знали - симферопольцев, керчан, киевлян, даже пермяков - а вот новокузнечан нет.

Галошин подтвердил цифру, присланную мне Клименко -1571 метр в Пантюхинской, и уехал. А я стал пристально приглядываться к новокузнецкой троице, заметно выделявшейся из состава семинара какой-то солидной обстоятельностью и хваткой. В первом же звуковом контакте выяснилось следующее:

Во-первых, новокузнецкая команда собиралась в Пантюхинскую в августе-90, в составе той самой комплексной экспедиции, о которой меня "предупредили" из Симферополя.

Во-вторых, новокузнечане составляли ее ядро и отвечали за подземное питание, в чем были заслуженными мастерами.

И в-третьих, парни оказались не из стеснительных, и с ходу загорелись идеей "пройти" Пантюхинскую одинарной веревкой.

Здание будущей экспедиции получило твердый фундамент.

ПЕРВЫЙ АККОРД.

-

Какой нас черт сюда занес?
У нас, наверно, с головой не все в порядке.
Над головой десяток гроз,
Снаружи жуть, водохранилище в палатке,
Хоть говорил старик-абхаз,
Что будет солнечно и небо будет чисто.
Ах, этот Западный Кавказ -
Места паломничества спелеотуристов!(*165)
-
Грех жаловаться, с погодой нам до поры везло.

...Стоя над небольшим отверстием на дне неприметной карстовой вороночки, трудно представить, что здесь начинается одна из глубочайших пропастей мира. Белые глыбы известняка, серая мемориальная плита с именем Вячеслава Серафимовича Пантюхина, зеленые колючки вокруг и неумолчный звон кузнечиков. За ближними лесистыми отрогами нашего хребта бездонно уходит вниз ущелье Бзыби, за которым в ясную погоду сказочным миражом высятся белые скальные пики Арабики.

Сказать, что Пантюхинская начинается паршиво, значит, ничего не сказать. Нет, есть, конечно, и более "приятные" входы, но... Торопись, не торопись, старайся, не старайся - до первого ст'оящего отвеса - час. Час по узким ходам, небольшим колодчикам, уступам, щелям, ползком и лазанием, пешком и на распорах. Хочешь, не хочешь - час. И только тогда перед тобой распахивается желанное устье 107-метрового колодца.

Курим с Парконным в небольшом расширении на краю. Из колодца знакомо тянет ветром и холодом. Небольшая табличка на левой стене напоминает о разыгравшемя здесь в прошлом году несчастьи.

- Чертова ползучка, - говорю я. - Такой колодец испортила. Представляешь, с земли - и сразу бы, а?

- Мы тут расширили, когда парня этого тащили, - Володя, щурясь от моей карбидки, кивает на табличку. - А то вообще была тоска. Сейчас-то прямо проспект.

- Хм, проспект... Как он упал?

- Точно, конечно, никто не знает. Их группа шла вниз, он был прдпоследним, а наверху Виталий Палыч, ну - Рыбальченко наш, оставался. Парень этот здоровенный был, тяжелый, да еще мешков кучу нацеплял... Он недалеко отошел, веревка над ним лопнула. Самостраховка под таким весом не сработала. Ребята со дна колодца видели искры - самостраховочный зажим по тросу скользил. Корпус чуть ни наполовину распилило. А мы как раз снизу подходили, на выход поднимались. Он, считай, сто метров падал... Такие дела.

Табличка на стене смотрит в спину. После той аварии новокузнечанам в Пантюхинской вдвойне тяжело - тем более решиться на одинарную веревку.

Есть как сторонники, так и противники этих мемориальных табличек, по красноярскому примеру отмечающих в пещерах места трагедий. В Заблудших на дне К-20 навеки выбито в металле имя Мишани Потехина. И все же я считаю, что место таким табличкам наверху, у входа. Там, где больше бывает людей. Там, где таблички эти, напоминая об опасности, еще оставляют возможность не вступить в игру. В пропасти эта память даже самым толстокожим из нас давит на психику, расшатывая столь необходимое внутреннее равновесие.

...Похоже, французские крючья нам не помогут. Вот уже часа два по-очереди болтаемся с Параконным в кажущейся бездонной трубе К-107, забиваем свои. По рассказам Васи Вилисова, лидер французов использовал два скай-хука. Ему удалось, поочередно цепляясь ими, в самом верху колодца уйти далеко в сторону. В результате французская навеска из К-107 сразу же, минуя перильный участок на дне, ушла в следующий за ним 47-метровый колодец. У меня скай-хук - "небесный крюк" только один, и я остро чувствую этот пробел в собственной экипировке. Мне удается маятником отойти в сторону от капели, но и только. Что ж, это и к лучшему - не будет искуса искать французские крючья.

Один из нас бьет, второй мерзнет наверху колодца. Московские "спиты" в скалу идут неважно, быстро тупятся, но делать-то нечего! Других крючьев у нас нет. Постепенно уходим по стене все дальше влево, избегая опасности получить камень из-под ног вышеидущего. А на душе - песня! Мы - в Пантюхинской!

Высматривая место для очередного крюка, сильно откидываюсь от стены, озираюсь. Слева какое-то окно или ниша. Заглянуть? Подтягиваюсь, на скай-хуке, ухожу маятником, еще немножко, еще. В ярком свете карбидки видимость исключительная. Как Параконный работает со своим "электробычком"? Вот и ниша. До нее еще с метр гладкой белой плиты. Выбираю зацеп, подтягиваюсь, и... чувствую, как эта белая плита вдруг начинает подаваться от стены. В срахе отшатываюсь, едва не сорвавшись с маятника. В клекоте осколков плита летит вниз. Уфф!

Мы не первые в пропасти, но отличаемся от первопроходцев только знанием ее принципиального строения и некоторых потенциальных опасностей и сложностей. Трассу нам приходится пробивать по нетронутым, никем не чищенным от готовых сорваться камней стенам. Забиваю последний свой крюк и поднимаюсь к заиндевевшему над колодцем Вовке. Смена.

-

Мы отступаем, так и не добравшись до дна К-107.

Собственно, веревку мы навесили, но последний пролет великоват - надо бы разбить еще на пару участков. Восемь часов работы, хватит. Если учесть, что мы пробили крючьями и навесили входной меандр и б'ольшую часть колодца - нормально. Для первого дня, для акклиматизации. О, если бы не этот час обратной корячки! Наверху К-107 встречаем двойку Шалыга-Куришко с телефоном. О! Телефона-телефона, чукча кушать хочет!..

-

...Зато мы так оснащены,
Что позавидуют японцы в Гималаях:
Есть у начальника штаны
И даже рация - нас это окрыляет!
Вот время выхода на связь,
И снова: "Лагерь? Я - пещера! - Да заткнись ты!
Ах, этот Западный Кавказ -
Места паломничества спелеотуристов!

* * *

Экспедиция только начиналась. Основные подземные приключения были еще впереди.

-

Мы крюк вбивали целый день -
Скала, конечно же, не пень,
Хоть крюк московский - дребедень,
Но мы забили.
Потом вернулись на-гора,
И каждый думал - Ну, ура!
Навеска есть,
И завтра мы в дыру попилим.

-

Но Паша вдруг,
Хороший друг!
Из стенки выдернул тот крюк.
А почему?
Да потому.
Он не понравился ему!(*166)

-

На пятый день штурма экспедиция, едва начавшись, закачалась на грани поражения. Поднимаясь по К-107, Паша Куришко один за одним вырвал два забитых нами с Параконным крюка. Его группа возвращалась налегке, и Куришко шел последним. К этому времени мы забили почти три десятка крючьев и достигли старого дна пропасти перед сифоном на -650. Веревки навешены, часть снаряжения для дальнейшего штурма заброшена в пещеру, установлен подземный лагерь перед сифоном и вдруг...

Крючья не просто выпали из породы - они раскрошились, лопнув вдоль по оси. Весть мгновенно облетела лагерь, и вот - консилиум. В чем дело? Все припасенные нами крючья из одной партии, купленной мною в Москве в декабре прошлого года. Если все они поражены одной и той же болезнью, не только дальнейшее продвижение становится смертельно опасным, но и задача извлечения из пропасти навешенного и заброшенного снаряжения становится архисложной.

По-очереди рассматриваем злополучные обломки, перебираем еще не использованные крючья. Выглядят они вполне нормально. Надо пробовать, ставить эксперимент. И вот около небольшого скального обнажения в черте лагеря застучали молотки.

-
Куда деваться? Мы, сопя,
Забили крюк, не торопясь,
Забили новый крюк и шли с довольной рожей.
Рожденный ползать - знает всяк,
Коли, конечно, не дурак, -
Летать не должен.
...Хоть, конечно же и может.
-
А Серьга вдруг,
Отличный друг!
Взял да и выломал тот крюк!
А почему?
Да потому.
Летать понравилось ему!
-

Пока колотим эксперимнтальные крючья выясняется еще один факт. Оказывается Сергей Шалыга тоже выломал крюк, но по какой-то причине мы узнаем об этом только сейчас. Все мужское население лагеря скучилось у изрешеченного крючьями камня, женщины и дети опасливо поглядывают на нас от палаток. Что и говорить, ситуация нешуточная. Здесь же лидер керчан Сергей Клименко, руководители феодосийской команды Женя Дубинин и Андрей Леонов. Феодосийцы стоят лагерем чуть в стороне и оказывают нам поддержку в выполнении текущих работ в пропасти.

Крючья забиты. Теперь надо рвать. Юра Бессергенев собирает все наличные стальные карабины, состегивает их в тяжелую цепь - один конец в ушко крюка, другой на скальный молоток: поехали!

Так и есть. Добрая треть забитых крючьев не выдерживает жестких ударов цепи. Повреждения те же - трещины и сколы по оси. Выясняем и видимые причины. Практически у всех крючьев внутренее отверстие на доли миллиметра сбито в сторону относительно тела крюка. Результат - ослабленная зона по тонкой стенке, разрушение. Это катастрофа.

Что же все-таки делать???

* * *

Если дело незаладилось в самом начале, оно так и норовит продолжать в том же духе. Замечали?

Наши приключения начались еще в Адлере. Сначала перевол-новались из-за забастовки на железной дороге: основной экспедиционный груз прибывал в Адлер поездом через Москву. Но обошлось. На полянке у вертолетного поля выросла куча разноцветного рюкзачно-мешочного барахла. Страшно рад видеть Резвана. Ба-а! Иконников! Вот уж действительно, Адлер - перекресток всех дорог. Подъезжают из Леселидзе Вася Вилисов с председателем кооператива с громким названием "Арабика". Пока они перепираются с Сергеем Клименко о правах на приоритет посещения Пантюхинской, снимаю всю компанию на видео. Резван обнимает Любу и победно смотрит в объектив камеры. Я снимаю, а Володя кивает Любе в мою сторону:

- Он из Казахстана, до него доходит медленно, ме-едленно так - от ног к голове!

Я передвигаю трансфокатор, и Резван шутливо отшатывается:

- О, дошло. Сейчас он переключит эту штуку на стрельбу!

Все вроде бы складывается, но наши волнения еше не кон-

чились. Мы ждем самолет, которым из Ижевска должна прибыть наша веревка. Дернул же меня черт пойти на эту авантюру! В начале лета на Кырк-Тау работала наша совместная с ижевцами и москвичами экспедиция. До того ижевцы приезжали к нам учиться СРТ, в общем, мы подружились, что называется, клубами. На красноярском СРТ-семинаре Саша Чепеленко, известный в спелеокругах под прозвищем Чапай, договорился с Мартином Трантеевым о том, что болгары поставляют в начале лета партию болгарской веревки. Болгары брались привезти веревку в Адлер, а у ижевцев возникали проблемы с ее вывозом далее в Союз. Так или иначе, но мне в голову пришла изящная комбинация, по которой мы привозили на Кырк-Тау свою веревку, а взамен перед Пантюхинской получали в Адлере болгарскую. Дальнейший размен не казался сложным, но зато обе экспедиции значительно экономили на перевозке доброй сотни килограммов веревки каждая.

Мы выполнили свои обязательства, но дальше... Болгары не сдержали слова, и веревку в Адлер не привезли. Результатом лихорадочного обмена телеграммами с Ижевском, стало обещание Чапая прислать нашу веревку попутным авиарейсом.

Мы ждали самолеты из Ижевска, встречая каждый рейс, оставили в порту даже особую группу, которая потом была вынуждена догонять основную команду, и... не дождались. Череленко подвел нас серьезно. Мы лишились километра проверенной импортной веревки - половины всей навески на Пантюхинскую. И только запасливость Сереги Клименко спасла экспедицию от краха в самом начале: керчане на всякий случай захватили три новенькие бухты белоснежной нашей родненькой советской веревки! Вот уж точно - запас карман не тянет!

Экспедиция была спасена, и даже слухи о том, что из-за абхазской напряженности вертолетчики не возят спелеологов на Бзыбь не смогли испортить наше настроение. Тем более, что вертолет все-таки дали. В итоге весь груз, а также женщины, дети и "немощные старики" были в четыре летки заброшены на Абац, где нас уже встречали гостеприимные феодосийцы.

В каждой бочке меда есть местечко для ложечки дегтя.

Вертолетчики выбросили нас гораздо выше лагеря. В итоге заботливо посаженные в вертолет женщины и старики в семь ходок таскали несметные чертовы мешки к базе, в то время как основная мощь и гордость экспедиции не сказать, что не потея, но налегке поднималась по тропе на хребет. Впрочем, за удовольствие посмотреть с воздуха Бзыбское ущелье и окружающие хребты стоило и потрудиться.

* * *

Новый удар оказался тяжелее. Московские крючья...

И снова нас выручили друзья. Решение проблемы оказалось простым до невероятности. В самый разгар всеобщего уныния, Андрей Леонов вдруг протянул на ладони черноватый металлический цилиндрик:

- Мужики, а если наши попробовать? Мы перед выездом заказали штук сто - вот таких.

- Ну-ка, ну-ка? - Бессергенев, наш главный механик и эксперт, ухватил феодосийский крюк, и без лишних слов направился к "испытательному камню".

И снова застучали молотки. Феодосийские крючья держали! Из трех наудачу выбранных и забитых крючьев не сломался ни один. Более того, крючья не тупились и "лезли" в известняк в

два раза быстрее московских.

- Ве-ещь! И как вы их делали? - просветлевшие взоры обращены на смущенно улыбающихся феодосийцев.

- Известно как! Отдали французский образец слесарю дяде Васе. Есть у нас такой умелец. Ну и... вот!

-

И снова крики:

- Мать, мать, мать!

- Ты, Федя, крюк заколошмать!

- Да не московский крюк!

- Давай феодосийский!

Ошибки нет, ведь перед тем
Проверил Юра, что рентген,
Промяв те крючья, как в закусочной сосиски!

-

Но Генка вдруг,
Вот тоже - друг!
Он взял и выдернул тот крюк.
А почему?
Да потому.
И сам я толком не пойму!

-

Гена Ледовских вырвал крюк при спуске где-то на -500, правда, случилось это уже на завершающей фазе экспедиции. Крюк вылетел, веревка сыграла маятником. Оплетка была содрана чуть ли не на полуметре, но рыжая польская веревка выдержала рывок, и Гена отделался легким испугом. Но это была уже обычная работа и обычная авария, полностью исключить возможность которой невозможно при любой технике.

А пока мы предпринимали отчаянные усилия, чтобы наверстать упущенное время. Бракованные крючья свели на нет нашу пятидневную работу, если не считать того, что многие веревки и снаряжение были уже заброшены в пещеру.

После долгих сомнений было решено пойти на риск. Утром 6 августа в пропасть уходили две двойки: нам с Бессергеневым предстояло забивать новые крючья, начиная от входа, а Федору Рыльскому и целиноградцу Сергею Вержанскому - спуститься до самого конца навешенной части пещеры и начинать замену крючьев снизу вверх. Этой двойке доставался основной риск - спуститься на -600 по ненадежным московским крючьям. Мы рассчитывали, что крючья в большинстве своем все же выдержат, а мощные польские веревки, навешенные на этом участке оставляли запас прочности на случай возможного срыва.

Так, пропустив вперед быструю и легкую по весу двойку Кузмича, мы с Юрой начали новую обработку отвесов Первого каскада Пантюхинской. Феодосийские крючья оправдали наши надежды. Там, где мы с Параконным тратили по полчаса на крюк, мы с Юрой, действуя параллельно, продвигались вчетверо быстрее.

Особо запомнились два следующие один за другим колодца со щелями в верхней части где-то на -250. Первый из них начинется коротким горизонтальным лазом, в средней части которого кто-то удивительно бездарно забил крюк. Изрядно, видно, попотел, чтобы забить крюк в такой узости! И вот теперь, проползая по щели, вы неизбежно натыкались на этот нелепый крюк, застревали и, болтая над колодцем ногами, припоминали родословные щелей, крючьев и дураков с молотками. Со сла-

дострастным наслаждением переделываю эту дурнавеску, и догоняю Юру на дне колодца перед следующей более протяженной щелью.

Перила с понижением уходят в вытянутую вертикальную узость, где Бессерегенев совершает очередную попытку нащупать в щели проходимый фарватер. К моему приходу ему удается продвинуться метра на два - каска уже на уровне моих колен.

- От черт!- Юра останавливается. - Каска застряла. Глянь, что там у меня?

Засунувшись подальше в щель, обнаруживаю курьезное препятствие: каска заклинена перильной веревкой, за которую мы страхуемся, - ширине щели не хватило каких-то 5 миллиметров, чтобы пропустить спелеошлем, и Юра застрял.

Сообщаю ему причину задержки. Неимоверно скрежеща сапогами, железом, комбинезоном и каской, Бессергенев совершает в щели какие-то замысловатые движения, подается назад, приподнимает перила и, наконец, исчезает за поворотом. Только отсвет карбидки да удовлетворенное ворчанье говорят о его присутствии за узостью.

- Как там? Я иду?

- Погоди. Тут вдвоем тесновато.

Судя по звукам, Юра пристегивается к веревке, шуршит куда-то вниз, и только тогда слышу:

- Свободно!

Я учел все Юрины промахи, но, признаться, перед этой щелью у меня впервые возникла предательская мыслишка - а не плюнуть ли на всю эту акробатику и не послать ли Пантюхинскую куда подальше? Думаю, многим известны подобные минуты мимолетной слабости. Ненавижу узости! Интересно, не утвердился ли бы я в этой благой мысли, знай о том, что нас ждет дальше?

Наши двойки сомкнулись где-то на -300. В общей сложности мы забили 22 феодосийских крюка и полностью исправили навеску. Если не считать моральных издержек, в итоге этой истории мы потеряли только сутки. Ну и тот пустяк, что после этого 12-часового выхода мы нуждались в отдыхе. Но это была удача. Путь в глубину был открыт.

-

Ну, что же делать нам, друзья?
Ведь этак лазать же нельзя!
Неужто снова посылать за француз'ами?
Чтоб не сидеть потом на дне,
Трясясь в унылой тишине
В кругу таких друзей, с печальными глазами!

-

Ведь каждый друг,
Хороший друг!
Готов рвануть из стенки крюк!
И я еще
Сказать хочу -
Нам и французский по-плечу!!!

-

Так кончалась наша песенка о крючьях. А между тем штурм продолжался.

* * *

Ключевым участком пропасти является ее средняя часть. Здесь, на участке от сифона на -650 до -800, пещера втягива-

ется в два длиннющих щелевидных меандра, прерываемых отдельными уступами и колодцами.

Сифон отчерпали довольно быстро и благоустроили, положив в него металлический контейнер из-под продуктов, красноярское изобретение, известное под красноречивыми именами: "першинг" или "пуля". Ложишься на пулю пузом и, практически не замочившись, проскальзываешь вдоль перил за сифон.

Далее... Далее идет первый засифонный меандр. На 130 метрах этой части пещеры приходится упражняться в самых различных способах передвижения. Сначала весьма пристойно продвигаешься боком по дну высокой щели. Затем щель в нижней части сужается и вытесняет вас в свою среднюю часть. Заканчивается эта узость короткой калибровкой "С топором". Название такое. Здесь и сейчас лежит старый топор, которым расширяли этот заросший натеками лаз. Вся подлость заключается в том, что верхом здесь человек не протиснется, зато низом не проходят транспортные мешки. Так что волей-неволей приходится организовывать цепочку для передачи груза "над топором", а самим поочередно протискиваться низом.

За калибровкой характер меандра разительно меняется. Теперь это широкая и высокая, поросшая сталагмитами расщелина, практически непроходимая в нижней узкой части и посему требующая изрядных навыков распорного скалолазания с угрозой срыва и падения. Кончается это удовольствие 27-метровым колодцем "Пантикапей". Налегке весь меандр проходится за тот же час, что и входной меандр пропасти, но лазание здесь гораздо опаснее. Именно на этом участке мы убедились в преимуществе наших горнолыжных касок, защищающих не только макушку, но виски, уши и затылок.

-

У нас не женщины - мечта!
Порою хочется стреляться, как сапожник.
Они летают даже там,
Где и летать принципиально невозможно!
Вяжите, братья, полиспаст:
Они идут, как в ссылку жены декабристов.
Ах, этот Западный Кавказ -
Места паломничества спелеотуристов!

-

Нет, наши женщины не летали. Оставаясь в наземном лагере, они стойко переносили все тяготы экспедиции, при встречах возвращая нашим сердцам твердость. Зато летали мы. Еще до Гены Ледовских, чуть не порвавшего польскую веревку, при транспортировке груза в засифонном меандре скользнул из распора и сорвался феодосиец Володя Салимов. По устоявшейся среди большинства спелеологов Союза традиции Володя предпочитал обычную строительно-монтажную каску, годную разве что для смягчения прямого попадания по темячку воробьиной какашки. В результате падение на 3 метра привело к тому, что каска от удара затылком мгновенно съехала на нос, и Володя получил изрядную ссадину головы, полив меандр кровью из страшноватой на вид, но, к счастью, достаточно легкой раны.

Было ясно, что успех работы в придонной части пропасти зависит от того, на сколько эффективно нам удастся решить задачу передвижения и перемещения снаряжения на участке меандров. Поэтому мы пошли на несколько нестандартный тактический ход, установив сразу же за засифонным меандром на са-

мом верху Пантикапея второй подземный лагерь на 4 человека - условно названный "база "-700".

Лагерь состоял из двух спаренных гамаков подвешенных на тросовых растяжках прямо в меандре. Идущие с земли группы с ходу преодоевали засифонный меандр и находили приют в этом далеко не самом комфортабельном лагере. Поднимающиеся, напротив - должны были проскакивать лагерь-700 и уходить на отдых сотней метров выше за сифон в лагерь-600, самый приятный из всех оборудованных нами в Пантюхинской подземных лагерей.

Второй тактической удачей в борьбе с прелестями этого участка стала "постоянная прописка" в лагере-600 тройки усть-каменогорцев: Андрея Волкова, Сергея Шалыги, Андрея Суртаева (Понтя) и новокузнечанина Игоря Романенко (Кэп), которые в результате отработали в пропасти самую длинную подземную смену - 9 суток. Пойти на это достаточно жесткое решение нас подтолкнуло соображение, что чем большее число раз приходится пройти один и тот же участко пещеры, тем меньше усилий требуется с каждым последующим прохождением. В итоге наши "подземные волки", хорошо осмотревшиеся и приноровившиеся к лазанию по меадрам, тратили на транспортировку по нему грузов вдвое меньше времени, чем понадобилось бы группам, проходившим его впервые. Кроме того, четверка Волкова оборудовала весь участок распорного лазания между калибром "С топром" и Пантикапеем надежными перилами из 12-миллиметровой веревки, что резко снизило риск и облегчило передвижение. 100 метров доброй толстенной веревки!

Так или иначе, но к 10-му августа трамплин для попытки достичь дна Пантюхинской был в основном подготовлен.

КАК СЛАДОК СОН...

-

Как ярок свет, когда вернешься к свету
Из глубины нахмуренной Земли!
Измерив подноготную планеты,
Подумаешь - неужто мы прошли?
Неужто нам все это не приснилось?
И шум воды, и грохот молотка?
Меандров бесконечные теснины?
И гиря стопудового мешка? (*167)

-

Встреча возвращающихся из Пропасти - особый ритуал. Едва вверху на тропе замаячат меж буков перемазанные глиной фигуры, все, кто держится на ногах, высыпают из палаток, отрываются от текущих дел. Вернулись! Каждый рад пожать изъеденные водой и веревкой руки, помочь стащить сапоги, подкурить сигаретку, отвернуть заглиненную муфту мэйон рапида, поднести с кухни горячего чайку, водички умыться.

Неважно - днем или ночью возвращается группа, в лагере ее ждут. Если вернулись днем - редко кто валится спать до темноты. Столько несказанного наслаждения в дивной зелени августовского леса, в переполненном запахами субтропической растительности, влажной прели, дымка костра и волшебных кухонных ароматов теплом воздухе. Само сознание того, что ты в любой момент можешь упасть в палатку, зарыться в сухое тепло спального мешка и спать, спать, спать! - заставляет оттягивать эту блаженную минуту. Предвкушение не менее волшебно,

чем осуществление.

Но вот - сладостная сытая тяжесть в желудке, выкурена последняя сухая сигарета, глаза неодолимо слипаются, все!

-

Как сладок сон, когда придешь на Землю
Оставленную много дней назад!
И только раны старые на теле
Не расстаются с прошлым и болят.
Болят о том, что пройдено давно,
Как-будто мы опять стоим на дне!
А память, как в замедленном кино,
Прокручивает ленту этих дней.

-

Когда возвращаются со Дна - встречают не в лагере. Ждут у входа в Пропасть.

Но нам до Дна еще далеко. Затра вниз уходим мы - первая донная четверка: Бессергенев, Рыльский, Параконный и я. План в идеале таков: катимся до базы-700, ночуем в гамаках. К этому времени группа Сергея Шалыги должна доставить веревки, продукты и оборудование для последней базы на -900 к концу второго засифонного меандра и вернуться в базу-600. После ночевки на -700 мы подхватываем эту эстафету и идем вниз, попутно забивая крючья и навешивая снаряжение до дна 200-метрового колодца, ставим глубинную базу-1100 и в ней же ночуем. Далее выход на Дно и возвращение к базе на -1100, где уже ночует и ждет нас вторая донная четверка Волкова. "Волки" идут на дно, мы спим и освобождаем лагерь по их возвращении, а в это время от -700 прямо ко дну скатывается последняя штурмовая четверка и начинает, возвращаясь, выбирать снаряжение до базы-1100, передает его группе Волкова, те несут вверх, отдают нам и... Уфф! Вся эта многоходовка отрисована на графике штурма, рассчитана по часам, но посчитается ли с нашими планами пещера? Не факт. "Но мы стремиться к идеалу, хоть идеал недостижим..."

Телефонная связь протянута нами только до базы-700, так что координация групп во время штурма будет сильно затруднена. Главное - чтобы каждая четверка строго придерживалась оговоренного вот сейчас, на земле, временн'ого графика. В этом залог успеха. А там, как говорится, по обстановке.

* * *

Каждый из нас по-своему готовится к встрече с Пропастью. Но вот бесконечные сборы, проверка запасных лампочек, упаковка карбида, кембрика, крючьев, молотков, гаечных ключей, НЗ питания, спичек и курева, выписка на лейкопластырь перечня колодцев, таблетки, ножи, карабины, штопка обремканых комбинезонов и клейка брызговиков - все это, наконец, закончено. Все, кажется, готово. И конечно, стоит войти в Пропасть, как тут же выяснится, что это забыл, а то надо было бы сделать лучше. Но что делать? В конечном итоге и этим поверяется истинный класс кейвера - в способности предусмотреть все возможное в своем ограниченном наборе снаряжения, чтобы потом ни о чем не жалеть. Отрываясь от земли, ты превращаешься в некую подземную человеко-машину с собственным ресурсом автономного лазания и запасом прочности от предвидимых непредвиденностей.

Есть и такой обычай на земле - провожать уходящих в ее недра. Накормить, поднести транспортные мешки, угостить на

прощанье сигареткой, просто похлопать по плечу. А если надо, то и сбегать в лагерь за чем-нибудь забытым впопыхах и очень необходимым. Уходить лучше на рассвете, когда все в тебе просыпается, все внутренние аккумуляторы подзаряжены добрым отдыхом на земле, а биоритмы находятся в полном соответствии с природой.

Все. Один за одним мы исчезаем в черном отверстии воронки с надписью на краю: пропасть имени В.С.Пантюхина.

* * *

Ночь на -700 для меня выдалась беспокойной. При каждом движении гамак угрожающе потрескивает, и хотя я сам крепил его растяжки, почему-то это обстоятельство спокойствия не прибавляет. Грохнуться с двухметровой высоты на исковерканный водой пол, да еще спросонок... хоть каску одевай!

И еще не давала покою мысль о том, что вчера группа Шалыги не смогла пронести мешки через второй засифонный меандр. Четверка до того вымоталась, что разделилась: одна двойка нашла в себе силы вернуться на -600, вторая - решила остаться в подвесной базе. Это нас, конечно, устроить не могло, так как база-700 предназначалась для нас, и еще больше нерадовала перспектива тащить мешки через меандр, что напрочь рушило запланированный график штурма.

С базой обошлось. Едва пройдя сифон и углубившись в меандр, услышали характерный скрежет и через пару минут повстречали Валеру, одного из новокузнечан, приданного в помощь группе транспортировки. Странно расширенные глаза и оцепенение на лице.

- Валера! Ты почему один?

- Решили с Серегой разделиться. Он на -700 ждет.

- Ты в порядке?

Кивок.

- Как там второй меандр?

- Длинный. Не прошли до конца.

И расширенные глаза.

- Ладно, двигай к базе, тут уже рядом.

Параконный улыбается:

- Нахлебался! Там нормально. Просто, мешки тяжело тащить.

Из всей экспедиции, только Параконный уже был на дне. Теперь он идет, совершенно не узнавая пропасть. Высвеченная мощным светом наших карбидок, Пантюхинская открывает множество ранее не замеченных им подробностей. Но все-таки, проводник у нас есть, и это здорово. Самые обидные потери времени - от незнания верного пути.

Пару дней назад группа транспортировки сбилась с маршрута на участке, казалось бы, совершенно безобидном. Случилось это на -500 за "Пером" - пятиметровым скальным гребнем, разделяющим дно очередного колодца на две неравные половины. Следуя по течению ручья, парни неожидано уткнулись в узость. Откуда здесь узость? Никто раньше и не упомянал о таком препятствии на этом участке! Но там, за тесниной, явственно виднелась веревка следующей навески. Значит, надо идти. И они пошли! Таких крепких выражений в свой адрес пещера могла и не слышать. Наконец, продравшись через жуткую теснину, группа вышла к навеске..., но:

а) чужой, оставшейся с прошлого года,

б) в средней ее части, откуда было хорошо видно, что веревка начинается в нескольких метрах выше!

Можно себе представить следующий аккорд высказываний! А нужный проход, широкий и комфортный шел просто выше, над узостью - подним голову, и увидишь. Так ведь надо же поднять ее - голову, и не просто, а в нужный момент!

* * *

Второй засифонный меандр начинается сразу же со дна колодца с пышным названием "Пантикапей". Весь украшенный черноватыми натеками, он и правда своеобразен. Второй меандр явно является продолжением водотока, прибывающего со стороны пещеры Богуминская. Именно здесь Валерий Янович Рогожников наблюдал приход краски. Но если весь гипотетический путь от Богуминской таков?!...

И вот второй меандр: 195 метров вертикальной в поперечнике щели, по которой приходится пробираться где-то в средней ее части между непроходимо сужающимися "полом" и "потолком". Что там Торгашинский "Шкуродер"! Шалыга все-таки не зря дождался нас в лагере -700. Там родилось решение, которое, в случае успеха, могло спасти запланированный график штурма. Уходя вниз, мы брали с собой только базу и снаряжение для навески до дна 200-метрового колодца. Остальные мешки должны были поднести к нам Андрей Волков, Кэп, Понтя и Шалыга. Причем поднести не позже, чем мы втянемся в этот самый огромный в пропасти колодец. Иначе либо им, либо нам придется наматывать туда-сюда лишние 200 метров спуско-подъема, а это опять срыв графика.

Теперь наша судьба зависела от того, найдет ли в себе силы четверка Волкова.

...Хорошо, что все когда-нибудь да кончается! Вчетвером с шестью мешками, вываливаемся из проклятущего меандра к устью колодца с очередным громким названием "Слава Севастполю". Почему-то без восклицательного знака в конце. Называть бы,так уж называть!

О-о! Как приятно после дурацких узостей снова выйти в нормальную пещеру! Слева по ходу возникает очередной приток ручья. Интересно, откуда идет эта водичка?

Если раньше нас тормозили мешки, то теперь нам приходится бить крючья. Одна радость - мешки с веревками худеют на глазах. Как приятно повесить на крюк очередной опустевший транспортник! Значит, еще 130 метров навески осталось над головой. Продвигаемся по широким меандрам. Вода неожиданно уходит куда-то вниз, в отверстый в ее шуме колодец: дальше путь и вовсе сухой. Единственное неприятное ощущение - "Пермская база" где-то на -850: зловонные остатки жизнедеятельности лишают всякого желания задерживаться во владениях пермяков. Позже поляки вроцлавской команды Виктора Болека окрестили это место "Смердящий бивак"...

Когда подходишь к большому колодцу, это чувствуешь сразу. Тем более - когда перед тобой очень большой колодец. Можно представить восторг первопроходцев, впервые вставших на этот край! Собственно, колодца еще не видно. Он только угадывается впереди в гулком эхо наших голосов и падающей воды. Обвешиваем воду на 15-метровом предколодце. Здесь приходится натянуть троллей, чтобы не завершить спуск в уходящей неведомо куда расщелине. По этому веревочному мостику перебираемся на небольшую полку. Всюду следы предыдущих навесок, уходит куда-то вниз черный и толстый японский трос в нейлоновом покрытии, брошены остатки перил. Выбираем стену

подальше от этого опасного соседства - еще не хватало запутаться на спуске.

Пока забиваем в полку несущие крючья, смотрю на часы. Мы ждем группу Волкова. Мы так ее ждем! Если парни нас не догонят, нам предстоит...

А пока после короткого перекуса в колодец уходят Юра и Кузмич. Сижу с Параконным на полке и завидую: первыми обработать под одинарную веревку такой колодец - супер-приз! Весьма возможно, что работающие сейчас на отвесе не разделяют моих чувств. Но мне надо быть здесь, посередине. Чтобы иметь возможность получать информацию сверху и снизу и попытаться правильно среагировать, принять нужное решение.

...Вот уже часа два греем с Володей полку над колодцем, курим, мерзнем, ждем. Откуда-то снизу доносятся гулкие голоса и перестук молотков. Парни прошли первый 95-метровый уступ и выходят на следующий 60-метровый. Что же нам-то делать? Мы работаем уже 12 часов. Потому что сидеть вот так - это тоже работа, уносящая тепло и энергию.

Фортуна любит настойчивых и упорных. Здесь, конечно, есть что-то от везения, но только в части, от нас совершенно независящей. Везение - это что нет дождя на земле, что не оборвался невовремя подточенный водой камень, что... Остальное - это наша работа, наше умение заставить себя сделать то, что необходимо, и так, как следует.

"Волки" не подвели. Как и полагается в приключенческом жанре, они появились в самый последний момент, когда Параконный уже начал спуск по колодцу, а я практически смирился с мыслью, что нам придется самим возвращаться за оставленными в меандре мешками. Они появились втроем: Кэп, Андрюха и Понтя, как подземные ангелы, озарив верх предколодца светом карбидки и огласив его радостными возгласами. Шалыга с разбитыми в предыдущем выходе коленями, вынужден был остаться на -600, и они втроем замкнули нашу тактическую цепочку. Мало того, парни еще помогли спустить доставленные мешки на первую 95-метровую ступень Большого колодца, распечатав для себя -1000 метров.

И вот иду по этой кажущейся бездонной трубе. Впечатления потрясающие. Мне еще не приходилось видеть таких объемов, поставленных дыбом. Где-то далеко внизу крохотные огоньки первой двойки. Навеска сделана грамотно - минимальное количество крючьев, максимум выдумки в использовании естественных точек закрепления веревки. У болгар мы переняли способ навески на тросовые и стропяные петли, которыми охватываем подходящие выступы и проушины. Но, конечно, не обходится без проколов.

На самый верх этой бездны у нас была припасена 140-метровая испанская веревка, купленная мной у того же Мартина в Красноярске. Суперстатик, она практически не растягивается под нагрузкой, но как-то подозрительно и очень противно скрипит меж планок решетки на спуске. Едва начав спуск, Параконный подает голос:

- Шеф! Здесь веревка потерта.
- Сильно?
- Нормально, в принципе.
- Узел надо вязать!
- В принципе, нормально, езжай, сам посмотришь. Я ниже ухожу.

Через несколько минут начинаю спуск, внимательно всматриваясь в трассу, чтобы не проскочить опасное место. Вот оно! ...Оторопело смотрю на веревку. С одной ее стороны оплетка на добрых 10-ти сантиметрах напрочь в махрах.

- Вова! - кричу я. - Ты что, в рай захотел?!

- Повтори? - доносится с нижних перестежек.

Вот так и влетают. Отупев от усталости, потеряв часть бдительности, в стремлении сделать побыстрее. И еще с грузом. Каждый из нас несет на себе по 2-3 тяжеленных транспортника. Что толку теперь рассуждать? Вяжу узел. Веревка слишком близко подходит к скале, и видимо, иногда ее касается. Надо переделывать закрепление. Явственно чувствую в себе борьбу желаний: ограничиться узлом в расчете на то, что потертость возникла просто потому, что оплетка в этом месте была ослаблена - расшеркали спусковыми и все. А вдруг нет? Вдруг это касание, трение о скалу? Тогда мой узел продержится не дольше, возникнет новая потертость, и... Страшно подумать, что может случиться. Нет, надо переделывать навеску.

... Колодец, как диковинный стадион трибунами, опоясан наклонными скальными полками. Длинные траверсы вдоль этих "трибун приводят ко второму 60-метровому отвесу. Только объемное пламя карбидок не дает нам потеряться в этих великолепных пустотах. Почему-то приходит в голову старый анекдот:

"Что по курсу, боцман?"

"Шестивесельный баркас, капитан."

"Что по правому борту?"

"Шестивесельный баркас, капитан."

"Что по левому борту, боцман?

"Шестивесельный баркас, капитан!"

"Боцман, стряхните мандовошку с окуляра!"

Порой ощущаю себя подобным насекомым, забравшимся внутрь подзорной трубы.

С верха 60-метрового уступа наслаждаюсь зрелищем уходящих восвояси, к базе-600, мужиков. Они нанизаны на невидимую нить веревки диковинными светляками: свет карбидок световыми кольцами высвечивает колоссальные стены.

Неужели мы когда-нибудь были наверху среди Гор и Солнца?

-

Вспомни Кавказ -
  Цвет наших дней и ночей.
Вспомни Кавказ -
  Хребты стоят, как стены.
Вспомни Кавказ -
  Перебери неспеша
Стопку надежд,
  Сложенных, как монеты.

-

  Видишь, стоит
    Над миражом мираж!
  Завтра с тобой
    Мы этот путь пригубим.
  Ты улыбнись,
    И подмигнет Гора,
  Паром дохнув
    Через пещеры губы...

-

Ты не забудь
Судьбы прищура в лицо.
Соткан наш путь
Из черноты и света.
Кто-то внизу
Высветит стены кольцом
И обручит
Нас с тишиной навеки. (*168)

-

...Мы в базе -1100. Позади 18 часов работы. Теперь, чтобы удержаться в суточном ритме, нам остается спать часов не более 6 часов. Хорошенькое дело! Но мы не можем удержаться от смеха, вспоминая последний этап спуска по Большому колодцу.

Смешно то, что мы сбились-таки, запутались в колодце. Это ж придумать! На схеме все выглядит просто: уступ 95 метров, 60 метров, затем 22, 24 и дно колодца с желанной базой. Вернее, с местом для нее, потому что саму базу надо еще поставить. Но идя нестандартным маршрутом, по каким-то бесчисленным полкам, отвесам, маятникам и траверсам - и все это внутри одной и той же каменной трубы, мы, в конце концов, могли ориентироваться только по количеству оставшейся в мешках веревки: черт его знает - дно там или очередной уступ?

Пока Федор с Бессергеневым навешивают веревки, мы с Параконным транспортируем груз. Мешков для нас двоих оказалось многовато, чтобы нести их все на себе, и мы излишки спускаем по-старинке отдельной веревкой. И вот - очередная обширная полка, усыпанная глыбами, на которую по дальней стене с шумом струится сверкающий ручей. Дует капитально. Стоит остановиться, и чувствуешь, как покрываешься инеем. Федя уходит в очередной отвес. Пока он забивает крюк, мы готовим вязанку мешков к спуску.

- Свободно! - это Кузмич. - Иду ниже!

- Давай спускай! - следом уходит на отвес Бессергенев. - Спускай мешки, я сопровождаю!

Травим с Параконным веревку. Тяжеленная получилась вязанка!

- Сто-оп!- доносится снизу, и мы мгновенно тормозим спуск, держим тугую струну веревки.

- Что там?

- Непонятно, уступ, какой-то! - это Федя. - Сейчас посмотрим.

Держим мешки. Спина начинает противно ныть от напряжения. Вот идиот, не встегнул веревку в спускер! А с другой стороны, без крюка спускаем - куда потом от мешков денешься?

Держим мешки. Это начинает надоедать.

- Вовка, - говорю Параконному. - Я подержу один, а ты выйди на край и посмотри, чем они там занимаются.

Держать одному не менее хреново. Параконный с присущим ему бесстрашием выходит на самый край.

- Не видно нифига!

- Э-эй! - вдруг доносится сизу. - Вы чего там делаете?

-...?! (Здравствуй, дурень, Новый год!)

- Дак мы на дне давно! Спускайтесь!

- А мешки?

- Мешки? Вот они мешки. Висят почему-то над самым дном.

У вас что - веревка зацепилась?

Плохо иметь хорошую реакцию! И теперь лежа в каменном кармане, отгороженном от колодца полиэтиленовыми занавесями, мы покатываемся со смеху. База -1100! Это прекрасно!

* * *

Что же есть - Глубина?
Я теперь не скажу.
Раньше было все как-то понятней.
Мы вернулись со Дна,
Мы уже наверху,
И, ей Богу, не тянет обратно!
Только где-то внутри
Все дрожит та струна,
И наш путь в глубину продолжается.
Может быть, старина,
Глубина - это Риск?
Подскажи, если можешь, пожалуйста.

-

Неужели мы уже на земле? Я лежу в палатке, прислушиваясь к таким знакомым, но будто забытым, звукам букового леса, окружающего лагерь. Вчера наша четверка вышла из Пантюхинской, и пещера все еще звучит в каждой клеточке моего тела. Выбираюсь из-под полога, зелень и солнце бьют по глазам радостной гаммой. Вокруг палатки развешены на просушку многочисленные подземные одежки и снаряжение. Черт, надо же порвать комбинезон на последнем 10-метровом колодце! Красный бельгийский комбинезон, который я так удачно купил у Васи Вилисова в Адлерском аэтопорту за 400 рублей. Бешенные деньги, но зато как в нем работалось! И обо что порвал? О нашу советскую тросовую лестницу, болтавшуюся в этом отвесе со времен прошлых экспедиций!

Слышу Борькин голос:

- Мама! Папа проснулся!

Старший, Алешка, бросает свою дымокурню у корней рядомстоящего бука, где он старательно пробует на огонь остатки разнообразного экпедиционного барахла, улыбается:

- Доброе утро! Ну как?

-

Глубина - это, знаешь...,
Когда не до сна
Там, на тысяче сто или ниже,
Когда мокрые спальники
Паром дымят,
И Пещера в лицо тебе дышит.
Это шепот каскадов
И посвист камней,
Это страх вперемешку с восторгом,
Это крик камнепадов
В густой тишине
И колодцы в величии строгом.

-

От палаток, в два ряда расставленных по поляне, улыбается новокузнечанин Володя Параконный, в своей красной, сшитой из государственного флага СССР, жилетке с серпом и молотом на спине. У кострища на кухне греется белоусовец Федор Кузмич. Рыльский один из самых молодых в нашей четверке, но - Федор Кузмич. Есть за что.

Люба колдует у котлов, и оттуда соблазнительно пахнет съестным. Земля! База! Люба улыбается от котлов.

Скрипя костями, подхожу к разрезу пропасти, привязанному на дереве посреди лагеря. При виде этой "портянки" с силуэтами колодцев и меандров испытываешь уважение - на добрых два метра вытянулась она по стволу. У карты Бессергенев.

- Привет, Митрич!
- Привет! Были, что ли?
- Были. Как там сейчас мужики...
-

А еще - это лица
Друзей у свечи,
Тех, что слов не бросают на ветер.
И ручей по стене,
Что живительно чист,
И тот крюк, что последний на свете.
Кто же может сказать,
Что же есть - Глубина?
Мы не знаем, хоть вышли оттуда.
Только, видно, опять
Нас потянет она,
Где-то в душах оставшись под спудом.

-

Молча смотрим с Бессергеневым на схему, и трудно представить, что еще вчера мы пробирались вот по этим отвесам, меж двумя прихотливо отрисованными на бумаге линиями. Если нас нанести на эту карту, то в масштабе мы будем едва заметными точками...

* * *

Что запомнилось мне в нашем броске на Дно? Почти 500 метров вниз, те же 500 наверх. И все за 18 часов. Стартовый груз - 4 мешка навески и одна 10-литровая полиэтиленовая банка с флюоресцеином - биологически безвредным красителем для трассирования водотоков.

Проход в глубину открывается буквально под нашим спальным мешком - среди глыб каменного навала насквозь прошибаемого струйками ручья. Пожалуй, это самое мокрое место на всем маршруте. Если не считать придонного каскада колодцев, где нам, от усталости, наверно, не удалось как следует обвесить поток. Все остальное слилось в единую цепь полуразмытых картин штурма, где каждый последующий шаг похож на предыдущий. И только отдельные картины впечатались в память с непостижимой резкостью.

Например, момент, когда на предпоследнем колодце вдруг обнаружили трение под самым верхним крюком. Федор уже внизу, уходит вниз Юра, мы с Параконным на широкой полке, простреливаемой шрапнелью водопада. Бессергенев замечает трение, в нерешительности останавливается. Мне приходит в голову простой и эффективный в таких случаях выход - оттяжка, отклоняющее закрепление. Но беда в том, что не за что ее закрепить: навеска идет по левой стене, правая метрах в трех. Сращиваем запасные репшнуры, пытаемся закрепить за карровые ребра: не выдерживая нагрузки, они один за одним обламываются. Здесь все изъедено водой. Наконец, с трудом обвязываем здоровенную глыбу, что высится на полке по правой стене - закладки и другое снаряжение давно кончилось. Натягиваем оттяжку струной, отрывая рапель от стены, и Юра

скользит вниз.

- Свободно!

Пока Параконный пристегивается, стою у этой глыбы, оперевшись на нее спиной. Даже не закурить - сеет тонкая водяная взвесь. Да и пойду скоро. Володя нагружает рапель, делает пару шагов вниз, и вдруг... я ощущаю, как глыба за моей спиной шевелится и ползет на меня. Этого еще не хватало! Что есть силы упираюсь сапогами в пол - этакая смесь атланта с кариатидой! Держу. А куда деваться? Глыба осабляет напор.

- Свободно!

Самому-то как идти? Четырежды козел! Подкладка!

Отвязываю оттяжку, мастерю из обрывка транспортника подобие подкладки, привязываю к крюку. Всех и дел. А то - глыбы подпирать!

... Последний отвес каскада, в сверкающих искрах брызг, норовящих залить карбидку. Пролезаем под упавшим откуда-то каменным блоком, взбираемся на осыпь. Мы на месте базы-1450. "Горбатая" галерея радует глаз обширностю размеров. Здесь остатки полиэтиленового занавеса, видимо, защиавшего лагерь от брызг из близкого колодца. Пока мужики варганят перекус, идем с Параконным высыпать флюоресцеин в уходящий из-под основного каскада поток. Через несколько минут упираемся в сифон. Пора. Открываем герметически запечатанную банку и начинаем вытряхивать кроваво красный порошок в воду. Размешиваем краску сапогами, которые немедленно приобретают ту же окраску. даже не верится, что эта кровь при дальнейшем разбавлении приобретет нежный зеленый оттенок. Все. Пусть Клименко с Резваном ставят свои ловушки. Где-то наш маячок выплывет на поверхность. Но где?

... Пантюхинская в нижней части напоминает мне Сумган. Те же высоченные галереи, лабиринтами, разбегающиеся в неведомое, сторожкая тишина и белоснежные натеки на сумрачных сводах. В одном месте со стены свисают веревки: сюда приходят начавшиеся сотней метров выше "штаны"- разветвление основного хода. И сюда же во время паводка приходит основной поток. Поэтому мы пошли другой "штаниной". Толстая глина на полу, окатанные глыбы. Спускаемся в несколько отвесиков и отанавливаемся перед последним 10-метровым колодцем. В него можно спуститься просто так, спортивным. Но...

- Давай, Кузмич! - говорю я. - Твое право на последний крюк.

Федором забито большинство крючьев придонной части. Его неутомимые руки ловко вертят пробойник, молоток нарушает тишину Дна. Наш последний крюк и оставленное здесь тросовое ушко. Дальше навесок нет. Это - "Экватор".

... Слоняемся по обширным галереям, тычемся в ручьи и сифончики. Это просто прогулка. Что-либо искать здесь в нашу задачу не входит. Стремиться еще дальше вниз через узкий полусифон, чтобы достичь номинально нижайшей точки - мальчишество. Мы сделали свое дело, сделали первое SRT-прохождение и составили первое SRT-описание глубочайшей (с одним входом) пропасти планеты. Теперь нас ждет дорога наверх. Неужели над нами полтора километра горных пород?

Что ж, пора. Мы все в отличной форме, даже донимавшая Юру головной болью простуда притихла.

Один за одним, придерживая друг другу хвост рапели, ввинчиваемся в бесконечную спираль подъема к Солнцу.

-
Что же есть - Глубина?
Я теперь не скажу.
Ну а ты?
Нет?
Ну, видишь? Тем паче!
Мы вернулись со Дна.
Мы вернулись со Дна.
Мы вернулись.
А как же иначе. (*169)
ГЛУБИНА.

-
Мы на слух узнаем
Гул винтов вертолетных,
Снова вечер пришел,
И болит голова...
Там, за дальним хребтом,
Лишь гудят самолеты,
Да плывут облака,
Как комки дымных ват.(*170)
-
Вот и все. Мы сидим на куче мешков, сложенных на вертолетном бугре высоко над Пантюхинской: Люба, Алешка и Борькой и мы с Параконным. Остались позади дни и ночи штурма, и даже праздничный банкет в наземном лагере под буками Абаца уже кажется далеким и нереальным.

Мы одиноки в этом непогодном запустении Бзыби. Мы ждем вертолет, который, как по мановению волшебной палочки, перенесет нас на желанное побережье. Туда, к морю, теплому песку и душным ночам под пальмами.

-
Мы читаем подряд
Все обрывки газеты.
Стало море одной
Из запретнейших тем.
Мы не курим с утра -
Вышли все синареты.
Охраняем мешки
На проклятом хребте.
-
Да, курева нет напрочь, и это делает наше ожидание еще более томительым.

Алешка подходит, присаживается рядышком, лукаво смотрит на нас с Параконным.

- Пап, а я знаю, чего вы хотите!
- Ну?
- Да чего уж там! Принести?

Заинтригованные, следим за его манипуляциями. Алешка подходит к своему рюкзачку, расстегивает карман, что-то достает и приносит нам на открытой ладошке:

- Вот! У меня там еще две заначено!

Мы не силах сдержать восторженных междометий - на ладошке диковинной величины самокрутка из чистой махорки! Милый ты мой маленький!

Потом Олег Гвоздев усмехнется на наш рассказ об Алешкином подарке:

- То-то я на банкете смотрю - куда что девается? Только сверну кому-нибудь козью ногу - Алешка: "Дядь Олег, давай передам!"

-

Под ногами Абац -
Там и наша пещера...
Было все так давно,
Но ни дня не забыть!
Сколько ж нам прозябать?
А с Арабики ветер
Вновь несет облака
По ущелью Бзыби.

-

Удивительное дело - сколько ни бери, курево обязательно кончается за день до срока! И тогда начинаются народные страдания, в поисках барски разбросанных в первые дни экспедиции "бычков", перерываются все окружающие лагерь кусты, перетряхиваются рюкзаки и палатки, высыпается мусор из карманов анораков и штормовок.

Воспитанный в лучших экспедиционных традициях, Борька мой как-то учинил мне страшный конфуз на автобусной остановке. Случилось это сразу по приезду с Пантюхинской. Соскучившись по доченьке Каролинке, которой едва пошел второй годик, мы всем семейством отправились погулять. И вот стоим на остановке, прилично одетые, народу довольно много, вокруг такая задумчивая тишина. И вдруг эту тишину прорезает громкий борькин шепот, слышный, кажется, на соседнем перекрестке:

- Па-ап! Па-ап!
- Что, маленький?
- Па-ап, смотри, какой "бычок" возле урны! Надо?
- ...!

-

Будет-нет вертолет?
Снова вечер подходит.
Где же все мужики?
Иль лежат во хмелу?
Мы давно на Земле,
И тоска нас изводит
В этом Богом давно
Позабытом углу.

-

Не дождаться уже,
Видно, нам вертолета -
Снежный пух облаков
Облепил белый свет.
Над погасшим костром
Гаснут грустные ноты -
Ни на ломаный грош
Настроения нет.

* * *

Это уже "отходняк" - реакция на все пережитое в экспедиции. Еще недавно мы были под землей. Дно - наше, но это только половина. Какое! Большая половина работы оставалась впереди.

Семь часов сна в базе-1100 - чертовски мало для отдыха после такой работы! Кажется только закрыли глаза, а нас уже будят поднявшиеся со дна парни второй "волковской" четверки.

Это крепкая команда. Но вот третья...

За время нашего отсутствия на земле, в составе третьей штурмовой четверки произошли некоторые перемены, оставившие от старого состава только двойку Ван-Куришко. Эта пара замечательно сработалась и обрела прочный душевный контакт. На месте выбывших из четверки Коли Петрова и новокузнечанина Валеры образовалась вакансия, на которую реально претендовали несколько человек. И тогда заявку на Дно сделали усть-каменогорец Сергей Хардиков и феодосиец Володя Салимов.

Об этом мы узнали в базе -700, где расположилась на ночлег двойка Ван-Куришко. Они далеко оторвались от своих товарищей и несколько недовольно поведали о планах Салимова-Хардикова.

- Ты, Шеф, подумай. Они не дойдут, - Саша Ван настроен очень категорично. - Они и сейчас идут слишком медленно. Пройдут немного, сядут, покурят, пожуют.

- Где они сейчас?

- Скорее всего, в базе-600.

- Связь что ли между базами не работает?

- Работала... Но там пока молчат. Спят, наверно.

- Понятно.

- Так ты подумай, Шеф. Их вниз нельзя пускать.

- Посмотрим.

Вот еще незадача. В последней группе явно конфликтная ситуация: молодые, полные сил и задора Саша и Паша и более зрелые, несколько медлительные Хардиков и Салимов.

Почему не пошел Серега Вержанский? Технически он подготовлен не хуже Вана с Куришко, разве что опыта поменьше. Ну и что делать с этой последней двойкой? Внизу нужны четверо. Думай не думай, а времени на смену состава уже нет. Самое простое решение - пусть идут до куда их хватит. Мужики самостоятельные, зарываться сверх меры не станут. В крайнем случае - повернут назад.

На подходе к базе -600, загадал: посмотрю, как будут вставать с ночевки - я должен почувствовать их заряженность на успех. Если она есть - пойдут и дойдут, если нет - я это почувствую.

База-600. Трясу Хардикова за плечо и мучаюсь от неожиданной жалости: парни спят тяжело, в каждую черточку расслабленных сном лиц въелась усталость. Но мы должны их разбудить, потому что их время на отдых истекло. Мы должны занять место в лагере и отдохнуть - за последние четверо суток мы спали не более 20 часов - по 6-7 часов на ночевку. И еще потому, что это их шанс увидеть Дно.

Они поднимаются, как сомнамбулы, с трудом продираясь сквозь тяжелую одурь сна. Ветер, свистящий по галерее, быстро выдувает последние остатки сонного тепла, принуждает двигаться. Парни смотрят тревожно - от моего решения зависит судьба их попытки. И мне тяжело от сознания этого.

Наверно, для властолюбцев, именно в этом сладостность власти. Тобой решается судьба: чья - неважно. И все зависит не только от объективности, профессиональности твоего решения, но и - вот в этом-то, кажется, самое главное! - от возможности поступить в полном соответствии с желанием только собственной левой пятки. А значит - через власть самоутверждиться, свести счеты, покарать... И значит - учить, поучать, восходить к непогрешимости, безошибочности, к кепке

"Великого Учителя" или венчику "Спасителя и Наставника", наместнику Бога на Земле.

Вот она - наркотическая притягательность власти! Но также, как далеко не все люди по природе своей могут стать наркоманами и алкоголиками, так и не всем по душе отрава властоимства. Как наркотик, власть необратимо деформирует личность. Причем задевает всех - так или иначе попадающих в ее сферу. Власть - обратная сторона рабства, и подобно ему, так же присуща, как и неприемлема человеческой сущности. В вечной внутренней борьбе раба и властелина проходит жизнь, формируется каждая личность.

Что касается меня - я не люблю власть. Принимаю ее, как необходимость, когда не могу ничего изменить, но не люблю. Моя стихия - в равновесии раба и властелина: сообщество свободных, самостоятельных и равных по возможностям. Идеальная среда обитания - общество горизонтального построения, без подлых иерархических пирамид, с вершин которых властолюбцы так славно попирают наши с вами головы.

Скажете, нет такой среды? Есть. Это плоскость, некая поверхность, проходящая в наше время через все вершины существующих иерархических пирамид - выше которых нет ничего: это сфера Высшей власти. Конечно, и президенты наши не чувствуют себя в безопасности, не могут насладиться в полной мере свободой своего Поля. Но причиной тому - только хлипкость самих пирамид, на которых вознесена сегодня среда идеального жизнеобитания - она постоянно колеблется от волнений и катаклизмов, сотрясающих изнутри пирамиды стран и народов.

Когда мы уходим в горы - мы уходим в некую собственную Среду оптимального жизнеобитания, в некую поверхность, уже сегодня отстраненную от пирамид. И решая что-либо за других, мы нарушаем равновесие. Если только не остаемся между собой в согласии относительно верности принятого решения.

Становясь в иерархическую структуру - любую, пусть это экспедиция или коммерческий банк - мы должны добровольно принять правила игры, причем примерив самые худшие их последствия на самих себя. Ан нет! Мы норовим приложить некое условие к другим, бездумно обходя себя стороной.

В экспедиции мы играем по правилам признанным всеми. Решение руководителя может оспариваться только после экспедиции. Это потом тебя можно проклясть, обидеться на всю жизнь, презирать, или наоборот, хлопать по плечу и восторгаться. Все это потом - в момент действия решение должно выполняться.

Решение должно выполняться. Именно поэтому надо его правильно принять. Именно по тому лучше решать за себя. И именно поэтому проще, когда кто-нибудь все-таки за тебя решает, оставляя тебе потом право (потом, когда ты уже знаешь, чем все это кончилось!) обрушить свои претензии на его голову: "Я же говорил!"

-

Не проходит и двух часов, как мы расстаемся: наша четверка засыпает в тепле лагеря-600, двойка Хардикова углубляется в предсифонную галерею. Мы не видим их ухода - сон тяжелой лапой глушит все вокруг. А они уходят вниз. Внешне - без единого колебания. Они идут, чтобы реализовать свой Шанс, который многим кажется призрачным. Но кто из нас может до конца точно оценить чужой шанс?

Что касается меня, я отпускаю их легко, без особых сомнений. Мне внушают доверие эти медлительные фигуры, мешковатые от рассованных по всем мыслимым и немыслимым местам припасов. Не герои - но Путники. Помните? Дорогу осилит идущий. Парни с таким аппетитом, не отступают с половины дороги.

Нельзя сказать, что я ни разу не пожалел об этом своем решении. Восторгу моему не было предела, когда проснувшись, мы с Бессергеневым принялись обшаривать лагерь в тщетных поисках хоть крошки табака. Хардиков аккуратно собрал все наши сигареты и унес ко дну. Наверно, полагал, что нам уже курить вредно - каких-то 600 метров, и мы под буками!

* * *

Вертолет поднимается, и мы припадаем к иллюминаторам. За какие-то секунды проплывает внизу усеянный цепочками воронок Абац, скользят под винтами темнозеленые кудри буковых склонов. Затем резко проваливается вниз бездна Бзыбского ущелья. По правому борту сказочными цепями разворачивается Арабика, но и она уже заслонена кручами ближних отрогов. Бессергенев, необычно умытый, в разлете своих по-мушкетерски длинных волос, улыбается от дверей пилотской кабины, показыват большой палец. Летим! Перебираюсь к нему, и через лобовое стекло вглядываюсь в приближающееся марево черноморского побережья.

Море! Долгожданное, оно распахивается над игрушечно прилепившимися к исчерченному бомами берегу, высотными коробками Гагр. Светлые полоски пляжей, кипень белого прибоя, игрушечный кораблик на синей воде. Море!

-

В кроссовках фирмы "Адидас"
В кромешной тьме, как будто вражеский лазутчик,
Не разбирая, прямо в грязь,
Куда, скажите, вы торопитесь, Поручик?
В канистре, видимо, не квас
И не бензин - у вас походка фигуриста!
Ах, этот Западный Кавказ -
Места паломничества спелеотуристов!

-

Кто это сказал?

"Когда после пещеры выйдешь на пляж, тогда понимаешь - вот это Спелеология. Все остальное были только подходы..."

Леселидзе принял нас влажной испариной субтропиков, немыслимым ароматом цветущих растений, сплетающимися с волшебными запахами шалыка и "Изабеллы" прибрежного кабачка под всеобъемлющим именем "Бочка".

И море, море - волшебный мир ласковых волн, горячего солнца и великого спокойствия души!

-

Конец спектакля - гаснет свет.
Окончен бал, звучат последние аккорды.
Перевалить бы парапет
И в гальку теплую уткнуться сытой мордой!
Чуть приоткрылся мутный глаз,
Рука опять привычно тянется к канистре:
Ах, этот Западный Кавказ -
Места паломничества спелеотуристов!

-

- Борисыч! Тут по твою душу.

Ба-а! Какие люди! Виктор Комаров, известный подводник из

Рязани, с ним неизвестный парень спелеологической комплекции. Так и есть - это Виктор Болек, руководитель польской группы, которая, оказывается, идет в Пантюхинскую вслед за нами, в этом сентябре.

И вот сидим на горячей гальке пляжа, дети плещутся в ласковых волнах, парни потягивают вино, Виктор записывает, а я перелистываю потертый красный блокнот, обновляя в памяти описание навесок по бесчисленным отвесам пропасти - первое СРТ-описание Пантюхинской. Путь проложен и он не будет пустовать.

Пару месяцев спустя я получу письмо из Вроцлава:

"Дорогой Константин Борисович.

Я посылаю тебе письмо об успехах нашей экспедиции, как мы и договорились в Леселидзе. Нам не повезло дойти до дна. Мы дошли только до -1050.

Наша экспедиция началась 4 сентября. Присутствовали 7 поляков и 8 спелеологов из Краснодара. До бивака на Сифоне (-635) мы работали с поверхности и дошли до него на четвертом выходе 8 сентября. На этом отрезке мы добили 10 спитов, потому что не пользовались старыми шлямбурами, но не везде нашли ваши спиты. Особенно много спитов мы добили на первом колодце 107 метров...

(Из-за бракованных московских крючьев мы шли до бивака -600 6 суток, забив в общей сложности около 50 спитов, и тоже не нашли французскую дорожку на К-107, как поляки не нашли нашу).

...Потом вчетвером мы пошли на бивак при Сифоне. Мы хотели сделать навеску от -635 (место лагеря) до -1100, где мы хотели расположить второй бивак. Но во время навешивани оказалось, что мы не взяли достаточно веревки с поверхности. В результате 13 сентября мы дошли только до -1050, на что затратили три выхода из бивака-635.

(Трижды пробиваться через бесконечные меандры средней части пропасти - благо там остались стационарно закрепленные нами перила - и в результате не дойти каких-то 50 метров до дна Большого 200-метрового колодца! Обидно. Наш рассчет на специализированную группу транспортировки по этому участку и на тактический гамачный лагерь-700 оказался более верным.)

...Потом пошла вторая группа, чтобы дойти до дна. Но оказалось, что полоса неудач продолжается, и если мы дойдем до дна, то не успеем вынуть веревки. К тому же краснодарцы сказали, что их отпуск кончается, и они должны возвращаться. Правда, они нам не очень-то и помогали в транспортировке.

(В общем, типичная картина, когда нет единодушия в группе, нет всеобщей заряженности на конечный успех. И конечно, сложность задуманного явно превышала собранные для его реализации силы. Что ж, вовремя вернуться - не значит потерять лицо.)

...Таким образом мы постановили возвращаться. При вытаскивании веревок большой дождь задержал нас на 2 дня. Мы успели вытянуть веревки ночью 23 сентября, а 24-го за нами прилетел вертолет.

Желаю Вам больших успехов в пещерах. Виктор."

Поляки работали 20 суток и прошли только две трети. Нам потребовалось 22 дня, чтобы завершить нашу экспедицию, и конечно, нам здорово повезло с погодой. Несколько дождливых дней никак не сказались на нашей подземной работе. Из 2000

метров веревки, использованной для навесок, около 300 мы оставили ниже -1100, аккуратно уложив ее над отвесами, и еще около 150 метров осталось на перильных участках в меандрах за сифоном.

Как приз тем, кто будет в Пантюхинской за нами.
А ведь будут же, правда?
-
Стоит Кавказ, прищурившись с усмешкой,
На суету прибрежной полосы.
И мы, омыты пеною прибрежной,
Перед Кавказом и собой чисты.
Как дорог друг, когда разлука близко!
Но мы об этом вслух не говорим.
А облака над Бзыбью тянет низко,
И звезды, будто чьи-то фонари...

ОЧЕРЕДЬ К ТРОНУ.
==========
-

Сколько бы времени ни прошло, интерес к земным глубинам не иссякнет. И всегда будет интересно сравнить, как же изменился за прошедшие времена список пещерных феноменов?

Завершая путешествие Во Мрак, приведу список рекордсменов, выстроившихся в очередь за королевскими титулами самых различных рангов: тот, что радовал наши сердца в начале последнего десятилетия обильного на события XX века (*171).

-
ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА.
---

1. Reseau Jean Bernard (Haute-Savoie, France)
   - Жан-Бернар..... Франция - 1602 м
2. Вячеслава Пантюхина (Бзыбский хр.Зап.Кавказ)
   ..... Абхазия - 1571 м
3. Lamprehtsofen (Salzburd, Austria)
   - Лампрехтзофен..... Австрия - 1550 м
4. Gouffre Mirolda (Haute-Savoie, France)
   - Мирольда..... Франция - 1520 м
5. Sima del Trave (Asturias, Spain)
   - Сима дел Траве..... Испания - 1441 м
6. Laminako ateak (Navarra, Spain)
   - БУ-56, Ильамина..... Испания - 1408 м
7. Sistema Cuicateco (Oaxaca, Mexico)
   - Кьюкатека..... Мексика - 1386 м
8. Бой-Булок (хр.Байсунтау, Ср.Азия)
   ..... Узбекистан - 1380 м (+222 -1158)
9. Снежная-Меженного (хр.Бзыбский, Зап.Кавказ)
   ..... Абхазия - 1372 м
10. Sistema Huautla (Oaxaca, Mexico)
    - Уаутла..... Мексика - 1353 м
11. Reseau de la Pierre Saint-Martin (Arette, Pyrenees Atlantiques)
    - Пьер-Сен-Мартин..... Франция/Испания - 1342 м
12. Siebenhengste-Hohgant-Hollensystem (Bern, Switzerland)
    - Зибенэнгсте-Хогант-Холленсистем... Швейцария - 1284 м
13. Gouffre Berjer-Fromajere-Rhododendrons (Isere, France)
    - Берже-Фромажер-Родендронс..... Франция - 1278 м
14. Berjer-Cosa Nostra-system
    - Бергер-Коза Ностра..... Австрия - 1250 м
15. Seki 2

- Секи 2..... Словения - 1245 м
16. Владимира Илюхина (Арабика,Зап.Кавказ)
..... Абхазия - 1240 м
17. Schver-Hohlensystem (Salzburg, Austria)
- Шверсистем..... Австрия - 1219 м
18. Abisso Olivifer (Italy)
- Абиссо Оливифер..... Италия - 1215 м
19. Complesso Corchia-Fighiera (Toscana, Italy)
- Фиджера-Антро дель Корчиа..... Италия - 1215 м
20. Crnelsko Brezno [Велико Сбрего]
- Крнелска Брежна..... Словения - 1198 м
21. Systema Aranonera (Huesca, Spain)
- Арановьера..... Испания - 1185 м
22. Dachstein Mammuthohle (Oberosterreich, Austria)
- Дакштайн Маммутхоле..... Австрия - 1180 м
23. Sistema Soaso (Huesca, Spain)
- Соасо..... Испания - 1180 м
24. Jubilaumsschacht (Salzburg, Austria)
- Юбилаумшахт..... Австрия - 1173 м
25. Anou Ifflis
- Ану Ифлис..... Алжир - 1170 м
26. Sima 56 de Andara (Cantabria, Spain)
- Сима 56 де Андара..... Испания - 1169 м
27. Gouffre de Bracas de Thurugne 6 [or riviere Soudet]
(Pyrenees-Atlantiques, France)
- Гуффр де Бракас..... Франция - 1166 м
28. Kijahe Xontjoa
- Кияхе Хонтуа..... Мексика - 1160 м
29. Gouffre BT6
- Гуффр БТ-6..... Франция - 1157 м
30. Abisso W le Donne
- Абиссо Вив ле Донне..... Италия - 1155 м
31. Sistema Badalona [B-15] (Huesca, Spain)
- Бадалона..... Испания - 1151 м
32. Torra de los Rebecos
- Торра де лос Ребекос..... Испания - 1150 м
33. Sistema del Xitu (Asturias, Spain)
- Система дел Хиту..... Испания - 1148 м
34. Sotano Akemati (Puebla, Mexico)
- Сотано Акемати..... Мексика - 1135 м
35. Украинская-Арабикская (Арабика, Зап.Кавказ)
- система Графский провал-Куйбышевская
..... Абхазия - 1110 м
36. Shneeloch (Salzburg, Austria)
- Шнеелох..... Австрия - 1101 м (-132 +969)
37. Sima G.E.S.M. (Malaga, Spain)
- Сима ГЕСМ..... Испания - 1101 м
38. Jaegerbrunntrogsystem (Salzburg, Austria)
- Ягербрансистем..... Австрия - 1078 м
39. Systema Ocotempa (Puebla, Mexico)
- Система Окотемпа..... Мексика - 1070 м
40. Pozzo della Neve (Molise, Itali)
- Поццо делла Неве..... Италия - 1050 м
41. Sotano de Olbastl
- Сотано Олбастл..... Мексика - 1040 м
42. Cukurpinar dudeni
- Цукурпинар..... Турция - 1037 м

43. Meanderhohle-Herbsthohle
- Меандерхоле-Хербстхоле..... Австрия - 1028 м
44. Torca Urriello (Cantabria, Spain)
- Торка Уриельо..... Испания - 1022 м (+5,-1017)
45. Systeme de la Coumo d'Hyouernedo (Haute-Garonne, France)
- Кум д'Уарнедо (система Тромба).... Франция - 1018 м
46. Akemabis
- Акемабис..... Мексика - 1015 м

Киевская [КиЛСИ] (Зеравшанский хр. Ср.Азия)
..... Узбекистан - 990 м
Московская (Арабика, Зап.Кавказ)
..... Абхазия - 972 м
Напра (Бзыбский массив, Зап.Кавказ)
..... Абхазия - 948 м

-

Последние три пещеры приведены просто для сравнения - в мире много пещер глубиной почти 1000 метров. Интересны некоторые статистические размышления. По суммарной глубине пещер, превышающих 1000 метров, места в мире распределились следующим образом:

-

	Всего пещер	Общая глубина	Средняя глубина
1. Испания	11,5	13786 м	1198,8 м
2. Франция	6,5	8227 м	1265,7 м
3. Австрия	8	9579 м	1197,4 м
4. Мексика	6	7179 м	1196,5 м
5. Абхазия	4	5291 м	1322,8 м
6. Италия	4	4635 м	1158,8 м
7. Словения	2	2443 м	1221,5 м
8. Узбекистан	1	1380 м	-
9. Швейцария	1	1284 м	-
10. Алжир	1	1170 м	-
11. Турция	1	1037 м	-

-

"Половинки" пещер у Франции и Испании возникли из-за знаменитого ПСМ, расположенного н границе между этими двумя странами.

* * *

-

ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРНЫЕ ТРАВЕРСЫ.

Напомним, что под пещерным траверсом подразумевается возможность войти через один вход в подземную систему, а выйти через другой. К сожалению, мы располагаем только данными об амплитуде между разными входами в подземные системы, которые и приводим в настоящей таблице.

-

1. Lamprehtsofen (Salzburd, Austria)
- Лампрехтзофен..... Австрия - 1550 м
2. Sistema Badalona [B-15] (Huesca, Spain)
- Бадалона..... Испания - 1149 м
3. Systema Aranonera (Huesca, Spain)
- Арановьера..... Испания - 1143 м
4. Systeme de la Coumo d'Hyouernedo (Haute-Garonne, France)
- Кум д'Уарнедо (система Тромба).... Франция - 966 м
5. Berjer-Cosa Nostra-system

- Бергер-Коза Ностра..... Австрия - 934 м
6. Nettlebed Cave (Mount Arthur, Nelson, Souht Island, New Zealand)
- Неттлебед Кейв..... Новая Зеландия - 867 м
7. Systema Purificacion (Villa Hidalgo, Tamaulipas)
- Система Пурификасьон..... Мексика - 852 м
8. Systema Cueto-Coventosa-Cuvera (Arredondo, Cantabria)
- Система Куето-Ковентоса-Кувера.... Испания - 805 м
9. Complesso Corchia-Fighiera (Toscana, Italy)
- Фиджера-Антро дель Корчиа..... Италия - 710 м
10. Reseau Bel Espoir-Diau (Haute, Savoie)
- Система Дье..... Франция - 701 м
11. Raggeiavre-Raige (Hellemojford, Tysfjord, Nordland)
- Раггеявре-Райге..... Норвегия - 617 м
12. Reseau de la Dent de Crrolles (Chartreuse, Isere)
- Дент де Кролль..... Франция - 603 м
-

Помимо этих данных, было бы интересно иметь сведения об абсолютных значениях траверсов. На мой взгляд представление о траверсе будет полнее, если знать глубину, на которую логично приходится спускаться при траверсировании (считая от уровня верхнего из входов), плюс глубину, на которую приходится подниматься от наинизшей точки траверса до нижнего из входов, между которыми совершается траверсирование. Выражаясь языком простейшей математики:

-

Траверс = Глубина нисходящей + Глубина восхожящей ветви.

-

При таком подходе из поля зрения не ускользнул бы целый ряд траверсов, которые не вошли в настоящую таблицу, так как многие из пещерных систем имеют несколько входов.

Но продолжим перечень величайших подземных феноменов.

* * *

-

ВЕЛИЧАЙШИЕ ВЕРТИКАЛЬНЫЕ КОЛОДЦЫ МИРА.

Наверно, именно эти, кажущиеся бездонными, вертикали послужили прообразом темного, потустороннего мира, зачинателями таких замечательных слов как "бездна", "пропасть" - в звучании которых явственно слышится отношение человека к подобным природным явлениям.

Отметим в этом списке колодцы внутренние (укрытые в глубинах пещеры) и открытые на поверхность.

-

1. Hollenhohle (Austria) - открытый
- Колодец Хадес Шахт пещ.Холленхолле... Австрия - 450 м
2. Minye (Papua New Guinea) - открытый
- Минье..... Папуа Новая Гвинея - 417 м
3. К-3, пещера Мико, Абац - внутренний
- колодец К-3..... Абхазия - 410 м
4. Provatina (Grees) - открытый
- Проватина ..... Греция - 389 м
5. Gebihe River Cave (Guizhou, China) - открытый
- Гебай Ривер Кейв..... Китай - 370 м
6. Sotano del Barro [El Sotano] (Mexico) - открытый
- Сотано дель Барро [Эль Сотано]..... Мексика - 364 м
7. Stierwashershaht (Austria) - внутренний
- Колодец в пещере Штирвашершахт..... Австрия - 350 м

8. Sima Aonda (Venezuela) - открытый
- Сима Аонда.....Венесуэла - 350 м
9. Mavro Skiadi (Greece) - открытый
- Мавро Скиади..... Греция - 342 м
10. Sotano de las Golondrinas (Mexico) - открытый
- Сотано де лас Голондринас..... Мексика - 376 м
11. Tomasa Kiahua (Mexico) - открытый
- Томаса Кияхуа..... Мексика - 330 м
12. Puits des Pirates, Gouffre d'Aphanize (France) - внутренний
- Колодец Пиратов, Гуффр д'Афаниз..... Франция - 328 м
13. Lepineaux (Spain) - открытый
- Лепине (первый вход в ПСМ)..... Испания - 320 м
14. Abisso Enrico Revel (Italy) - открытый
- Энрико Ревел..... Италия - 316 м
14. Nare (Papua New Guinea) - открытый
- Наре..... Папуа Новая Гвинея - 310 м
15. Pozzo Mandini, Paolo Roversi (Italy) - внутренний
- Колодец Мандини в пещ.П.Роверси..... Италия - 310 м
16. Nita Xonga (Mexico) - открытый
- Нита Ксонга..... Мексика - 310 м
17. Vicente Alegre, Sima del Trave (Spain) - открытый
- Висенте Алегре (вход в Сима дел Траве) Испания - 309 м
18. Stary Swistak, Altes Murmeltier (Austria) - внутренний
- Колодец Стари Свистак,пещ.А.Мармелтьер Австрия - 307 м
19. Pozo Tras la Jajada (Spain) - открытый
- Поцо Трас ла Яйада..... Испания - 306 м
20. Pot II (France) - внутренний
- Пот II..... Франция - 302 м
21. Touya de Liet (France) - внутренний
- Колодец в пещ.Туйя де Льет..... Франция - 302 м
22. Juhue (Spain) - внутренний
- Колодец в пещере Жуэ..... Испания - 302 м
-

ДЛИННЕЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА.
---
1. Mammoth Cave System (Kentucky, U.S.A.)
- Мамонтова пещерная система..... США - 560.000 м
2. Оптимистическая (Подолия, Украина)
..... Украина - 183.000 м
3. Holloch (Schwyz, Switzerland)
- Хельлох..... Швейцария - 156.000 м
4. Jewel Cave (South Dakota, U.S.A.)
- Джюел..... США - 130.897 м
5. Siebenhengste-Hohgant-Hollensystem (Bern, Switzerland)
- Зибенэнгсте-Хогант-Холленсистем... Швейцария - 126.000 м
6. Wind Cave (South Dakota, U.S.A.)
- Уинд..... США - 113.274 м
7. Озерная (Подолия, Украина)
..... Украина - 111.000 м
8. Gua Air Jernih (Gunong Mulu, Sarawak, Malasia)
- Гуа Эйр Джени..... Малайзия - 101.500 м
9. Sistema de Ojo Guarena (Burgos, Spain)
- Охо Гуаренья..... Испания - 97.400 м
10. Sisteme de la Coumo d'Hyouernedo (Haute-Garonne, France)
- Кум д'Уарнедо..... Франция - 90.496 м
11. Золушка (Молдавия-Украина)
..... Молд/Укр - 85.500 м

12. Lechuguilla Cave (New Mexico, U.S.A.)
   - Лечугия..... США - 82.720 м
13. Fisher Ridge Cave (Kentucky, U.S.A.)
   - Фишер Ридж Кейв..... США - 77.248 м
14. Systema Purificacion (Villa Hidalgo, Tamaulipas)
   - Система Пурификасьон..... Мексика - 76.332 м
15. Hirlatzhohle (Oberosterreich, Austria)
   - Хирлатцхеле..... Австрия - 70.000 м
16. RaucherKarhohle (Oberosterreich, Austria)
   - Раухеркархеле..... Австрия - 70.000 м
17. Friar's Hole Cave (West Virginia, U.S.A.)
   - Фрайес Хоул..... США - 69.234 м
18. Ease Gill Cave System (Great Britain)
   - Изи Гилл..... Англия - 66.000 м
19. Organ Cave System (West Virginia, U.S.A.)
   - Орган-систем..... США - 60.510 м
20. Red del Rio Silencio (Cantabria, Spain)
   - Ред дель Рио Силенсио..... Испания - 58.600 м
21. Reseau de l'Alpe (Isere/Savoie, France)
   - Дю Альп..... Франция - 56.727 м
22. Reseau de la Dent de Crolles (Chartreuse, Isere)
   - Дент де Кролль..... Франция - 55.000 м
23. Кап-Кутан - Промежуточная (Кугитангтау)
   ..... Туркменистан - 55.000 м
24. Mamo Kananda (S.H.P., Papua New Guinea)
   - Мамо Кэнэнда..... Папуа Новая Гвинея - 54.800 м
25. Sistema Huautla (Oaxaca, Mexico)
   - Уаутла..... Мексика - 52.653 м
26. Reseau de la Pierre Saint-Martin (Arette, Pyrenees Atlantiques)
   - Пьер Сен-Мартин..... Франция/Испания - 51.200 м
27. Ogof Ffynnon Ddu (South Wales, Great Britain)
   - Огоф Финон Ду..... В/Британия - 50.000 м
28. Complesso Corchia-Fighiera (Toscana, Italy)
   - Фиджера-Антро дель Корчиа..... Италия - 49.800 м
29. Crevice Cave (Missoury, U.S.A.)
   - Кривайс..... США - 45.385 м
30. Cumberland Caverns (Tennessee, U.S.A.)
   - Камберлэнд..... США - 44.444 м
31. Gran Caverna Santo Tomas (Sierra de Quemadas, Pinar del Rio)
   - Санта Томас..... Куба - 44.165 м
32. Pestera Vintului (m.Padurea Craiului)
   - Винтулуи..... Румыния - 42.165 м
33. Большая Орешная (Восточные Саяны, Россия)
   ..... Россия - 42.000 м
34. Eisreisenwelt (Salzburg, Austria)
   - Айсризенвельт..... Австрия - 42.000 м
35. Systema de los Cuatro Valles (Spain)
   - Куатро Валлес..... Испания - 41.079 м
36. Dachstein Mammuthohle (Oberosterreich, Austria)
   - Дакштайн Маммутхоле..... Австрия - 40.350 м
37. Sloans Valley Cave (Pulaski County, Kentucky, U.S.A.)
   - Слоанс Валли..... США - 39.640 м
38. Xanadu Cave (Fentress County, Tennessee, U.S.A.)
   - Ксэнэду..... США - 38.623 м
39. Carlsbad Cave (Crlsbad, Eddy Country, New Mexico, U.S.A.)
   - Карлсбад-кейв..... США - 38.600 м
40. The Houl (Greenbrier County, West Virginia, U.S.A.)

- Хоул..... США - 36.838 м
41. Whigpistle Cave (Edmonson Co, Kentucky, U.S.A.)
- Уигпайстл..... США - 36.209 м
42. Bulmer Cavern (Mt.Owen, Nelson, South Island, New Zeland)
- Балмер..... Новая Зеландия - 35.600 м
43. Blue Spring Cave (Lawrence County, Indiana, U.S.A.)
- Блю Спринг..... США - 35.405 м
44. Atea Kananda (Muller Range, Southern Highlands)
- Атеа Кэнэнда..... Папуа Новая Гвинея - 34.500 м
45. Culverson Creek Cave (Greenbrier County, West Virginia, U.S.A.)
- Калверсон Крик..... США - 33.507 м
46. Ogif Agen Allwedd (Llangattock, Powys, South Wales)
- Олвед..... В/Британия - 33.000 м
47. Amaterska-Punkevni Jeskyne (Moravsky kras, Ostrov, Moravia)
- Аматерска-Пункевни..... Чехия - 32.500 м
48. Comlesso di Piaggia Bella (Cuneo, Piemonte, Italy)
- Пиаджиа Белла..... Италия - 32.300 м
49. Binkley,s Cave (Harrison County, Indiana, U.S.A.)
- Бинклис..... США - 32.219 м
50. Sima del Hayal de Ponata (Orduna, Vizcaya-Ayala, Spain)
- Поната..... Испания - 32.000 м

* * *

Говоря о глубочайших и длиннейших грех забыть о таких же титулах, но только заполненных водой, что делает эти объекты подземного мира предельно сложными для исследований. И все же достижения аквакейверов поражают воображение.

-

ДЛИННЕЙШИЕ ПОДВОДНЫЕ ПЕЩЕРЫ.

---

1. Cathedral Falmouth Cave System (Florida, U.S.A.)
- Кэтедрэл Фэлмоу Кейв Систем..... США - 10.229 м
2. Lucayan Caverns (Bagamas)
- Лакейян..... Багамы - 9.184 м
3. Peacock Springs Cave System (Florida, U.S.A.)
- Пиакок Спрингс..... США - 6.507 м

-

ДЛИННЕЙШИЕ НЕПРЕРЫВНЫЕ СИФОНЫ.

---

1. Doux de Coly (Dordogne, France)
- Ду де Коли..... Франция - 4.055 м
2. Coclebiddy Cave, sump No 2 (Nurlarbor Plain, Australia)
- Коклебидди..... Австралия - 2.550 м
3. The ocean resurgenceof Port-Miou (Bouches-du-Rhone, France)
- Порт-Моу..... Франция - 2.210 м

-

ГЛУБОЧАЙШИЕ ПОДВОДНЫЕ ПРОПАСТИ.

Здесь мы упомянем только глубины, достигнутые непосредственно человеком.

-

1. Nacimiento del Rio Mante (Tamaulipas, Mexico)
- Рио Манте..... Мексика - 290 м
2. - Бушменегат (Южная Африка) ..... ЮАР - 283 м
2. Fontaine de Vaucluse (Vaucluse, France)
- Воклюз..... Франция - 205 м
3. Fontaine superieure de Tourne (Ardeche, France)

-Турне..... Франция - 140 м
-
Перечень других наиболее выдающихся подводных пропастей, в том числе исследованных спускаемыми аппаратами, приведен в главе "Бездонные вертикали".
-
ВЕЛИЧАЙШИЕ ГИДРОСИСТЕМЫ МИРА.

Путем спелеологических, гидрогеологических и прочих исследований и наблюдений в ряде случаев удается определить высшую и низшую точку течения воды на ее пути с горных карстовых плато к уровню моря. Выражаясь околонаучным языком, вот такой путь воды в толщах скальных массивов от верхнего из известных входов в подземную систему до нижнего из известных выходов карстовых вод - и понимается под гидросистемой. Помимо других числовых параметров гидросистемы характеризуются протяженностью и денивеляцией - перепадом высот между верхней и инижней ее точками.
-
ДЛИННЕЙШИЕ ГИДРОСИСТЕМЫ.
---
1. Homat Burnu dudenieri - Yedi Miyarlar (Turkey)
- Хумат Бурну - Йеди Мийалар..... Турция - 75.000 м
2. Gouffre de la Belette - fontane de Vaucluse (France)
- Гуффр де ла Белете - Воклюз..... Франция - 46.000 м
3. Skocjanske jame - II Timavo (Yugoslavia/Italy)
- Скочанска яма - II Тимаво...Югославия/Италия - 40.000 м
-
ГЛУБОЧАЙШИЕ ГИДРОСИСТЕМЫ МИРА.

Интерес заключается в том, что, в принципе, глубины гидросистем - это некие гипотетические маяки, к которым стремятся пещеры: путь, который, при оптимальном стечении обстоятельств смогут пройти в недрах земли спелеологи.
-
1. Напра - Мчишта (Бзыбский массив, Зап.Кавказ)
..... Абхазия - 2.350 м
2. В.В.Илюхина - Репроа (Арабика, Зап.Кавказ)
..... Абхазия - 2.308 м
3. Уральская - Мачай (Байсунтау)
..... Узбекистан - 1.800 м
4. Gouffre du Pourtet-Bentia (France)
Дю Пуртет-Бентиа..... Франция - 1.622 м
5. Lamprehtsofen (Austria)
- Лампрехтзофен..... Австрия - 1.600 м
6. Gouffre Touya de Liet-fontaine des Fees (France)
- Туя де Льет-де Фес..... Франция - 1.598 м
7. Houet Faouar Dara-Antelias (Lebanon)
- Хуэт Фауа Дара-Антелиас..... Ливан - 1.573 м
8. Laminako ateak-Illamina (Spain/France)
- Ламинако атек-Ильамина..... Франция/Испания - 1.538 м
9. Gouffre des Trois Dents-Iscoo (France)
- Тру Дентс-Иско..... Франция - 1.520 м
-
Говоря о длиннейших и глубочайших гидросистемах мира, не могу не вспомнить, как Володя Резван поделился со мной своим наблюдением, от которого здорово пахло сенсацией: при

окрашивании вод пропасти Снежная ловушки уловили выход трассера в... источнике Мчишта - того самого. где разгружается глубочайшая гидросистема Мира. Подтверждение этих данных даст еще одну замечательную гидросистему Абхазии как по глубине: 1.860, так и по протяженности, если учесть расстояние в несолько десятков километров от Хипстинского плато до источика Мчишта.

Вот такие перспективы. И если под землей можно пройти путь длиннее, чем протяженность гидросистемы, то спуститься глубже вряд ли удастся. Хотя, как знать? Чего только не бывает в природе!

* * *

ВЕЛИЧАЙШИЕ ПЕЩЕРНЫЕ ЗАЛЫ.

Наиболее характерные параметры этих вместилищ Вечной Ночи - площадь пола и объем:

-

А. ПО ПЛОЩАДИ ПОЛА:

Для сравнения: Площадь футбольного поля = 4.500 кв.м

-

1. Saravak Chamber, Nasib Bagus (Malaysia)
   - Зал Саравак пещеры Насиб Багус... Малайзия - 162.700 кв.м
2. Torca del Carlista (Spain)
   - Торка дель Карлиста..... Испания - 76.620 кв.м
3. Majlis al Jinn (Oman)
   - Зал Джина..... Оман - 58.000 кв.м
4. Belize chamber (Belize)
   - Зал Белиз..... Белиз - 50.050 кв.м
5. Salle de la Verna (France)
   - Зал Верна пещеры Пьер-Сен-Мартен. Франция - 45.270 кв.м
6. Gruta de Villa Garchia (Mexico)
   - Грот де Вилла Гархиа..... Мексика - 39.730 кв.м
7. Kocain (Turkey)
   - Кокаин..... Турция - 37.200 кв.м
8. Carlsbad Cavern Big Room (U.S.A.)
   - Большой Зал Карлсбадской пещеры.. США - 33.210 кв.м
9. Sotano de las Golondrinas (Mexico)
   - Сотано де лас Голондринас..... Мексика - 33.110 кв.м
10. Chiquibul Chamber (Belize)
    - Чикьюбул Чамбер..... Белиз - 32.090 кв.м

-

Сколько же футбольных полей можно было бы разместить на этих пещерных Полях Чудес?

-

Б. ПО ОБЪЕМУ:

Здесь рассматриваются победители в трех классах: истинно подземных залов, не имеющих открытого выхода на поверхность, пропастей-колодцев, глубина которых значительно выше размеров поперечника, и карстовых провалов-долин с отвесными стенами - наводящие на размышления об огромных подземных залах, своды которых некогда рухнули, образовав эти чудовищные пустоты.

-

ПОДЗЕМНЫЕ ЗАЛЫ:

-

1. Saravak Chamber, Nasib Bagus (Malaysia)
   - Зал Саравак пещеры Насиб Багус... Малайзия - 12.000.000 куб.м
2. Miao Room, Gebihe R.C. (China)
   - Зал Миао..... Китай - 10.000.000 куб.м
3. Korikobi (Papua New Guinea)
   - Зал Корикоби..... Папуа Новая Гвинея - 5.000.000 куб.м
4. Benua (Papua New Guinea)
   - Зал Бенуа..... Папуа Новая Гвинея - 5.000.000 куб.м
   -
   ПРОПАСТИ-КОЛОДЦЫ:
   -
1. Minye (Papua New Guinea)
   - Колодец-долина Минье... Папуа Новая Гвинея - 26.000.000 куб.м
2. Sima mayor de Sarisarinama (Venezuela)
   - Сима Майор де Сарисариньяма..... Венесуэла - 18.000.000 куб.м
3. Sotano del Barro (Mexico)
   - Сотано дель Барро..... Мексика - 15.000.000 куб.м
4. Sotano de las Golondrinas (Mexico)
   - Сотано де лас Голондринас..... Мексика - 5.000.000 куб.м
-
   ПРОВАЛЫ-ДОЛИНЫ:
   -
1. Luse (Papua New Guinea)
   - Люси..... Папуа Новая Гвинея - 50.000.000 куб.м
2. Ora (Papua New Guinea)
   - Ора..... Папуа Новая Гвинея - 29.000.000 куб.м
3. Da Hiao Cho Koo (China)
   - Да Хиао Чо Коо..... Китай - 25.000.000 куб.м
4. Kavakuna (Papua New Guinea)
   - Кавакуна..... Папуа Новая Гвинея - 15.000.000 куб.м
5. Korikobi (Papua New Guinea)
   - Корикоби..... Папуа Новая Гвинея - 14.600.000 куб.м
   -
                * * *
   -
   КРУПНЕЙШИЕ НЕИЗВЕСТНЯКОВЫЕ ПЕЩЕРЫ.

   КВАРЦИТЫ/ПЕСЧАНИКИ:
   --- Глубочайшие:
1. Sima Aonda (Venezuela)
   - Сима Аонда..... Венесуэла -360 м
2. Sima Auyantepuy Norte (Venezuela)
   - Сима Норте..... Венесуэла -320 м
   Длиннейшие:
1. Magnet Cave
   - Мэгнит Кейв..... Южная Африка - 2400 м
2. Пещера без названия..... Венесуэла - 1920 м
   -
   КОНГЛОМЕРАТЫ:
   ---
1. Bofia de Torremas (Spain)
   - Бофи де Торремас..... Испания -198 м
2. Большая Орешная ..... Россия -195/42000 м
3. Tirkiler dudeni (Turkey)
   - Тиркилер..... Турция 1920 м
   -
   ГРАНИТЫ/ГНЕЙСЫ:

---
1. Greenhorn Cave (U.S.A.)
- Гринхорн Кейв..... С.Ш.А. -152/1557 м
2. T.S.O.D. Cave (U.S.A.)
- ТСОД Кейв..... С.Ш.А. 3977 м
3. Bodagrottorna
- Бодагротторна..... Швеция 2615 м
-
СОЛИ:
---
1. Mearat Malham
- Мират Малхам..... Израиль -135/5447 м
2. Colonel Cave
- Колонел Кейв..... Израиль -127/1448 м
3. Pestera 6S de la Minzalesti
- Пештера 6С де ла Минзалести..... Румыния 3120 м
-
БАЗАЛЬТЫ/ЛАВА:
---
1. Cueva del Viento
- Кува дел Виенто..... Канарские острова -478/9250 м
2. Leviathan Cave
- Левиатан Кейв..... Кения -465/11152 м
3. Manjung-gul
- Манджунг-гул..... Южная Корея 13268 м
-
ГИПСЫ:
---
1. Tunel del Sumidors
- Тунел дел Сумидорс..... Испания -205 м
2. Shakia
- Шакиа..... Италия -200 м
3. Оптимистическая..... Украина 183000 м
4. Озерная..... Украина 111000 м

ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ.
---

1) КАРРЫ - следы растворения и выветривания известняков (других растворимых горных пород) в виде бороздок, лунок, острых перьев и гребней на их поверхности.

2) КАРСТ - явление растворения горных пород водой. Происходит от названия классического плато Крас в Югославии, сочетающем в себе большинство форм специфического рельефа местности, возникающего при разрушении известняков (других карстующихся горных пород) карстовыми процессами.

3) МАДЛЕНЦЫ - первобытные жители мадленской эпохи (около 15-8 тыс.лет до н.эры).

4) Н.Кастере "Десять лет под землей", Государственное издательство географической литературы, Москва, 1956 г. стр.142.

5) ШАХТА - "Карстовые колодцы и естественные шахты представляют собой открытые с поверхности вертикальные полости. По Г.А.Максимовичу (1963) к колодцам относятся полости глубиною от 10 до 20 метров. Однако полости глубиною менее 10 метров, у которых входное отверстие (устье) меньше глубины, тоже можно считать колодцами. Полости глубже 20 м называют естественными шахтами. Глубина их достигает нескольких десятков и даже сотен метров." Н.А.Гвоздецкий

"Карстовые ландшафты" Издательство МГУ, Москва, 1979, стр.70.

Можно не соглашаться с такой классификацией известных советских карстоведов, но дело сделано, и термин "шахта" прочно вошел в спелеологический лексикон. С точки зрения более современных технических описаний подземных маршрутов "Шахтой следует называть пещеру вертикального типа, протяженность которой достаточно велика и соизмерима с ее глубиной. При этом пещера должна иметь несколько морфологических разновиднстей препятствий. Классическими шахтами являются пещеры ТЕП на хребте Алек, Западный Кавказ и Киевская на плато Кырк-Тау, Зеравшанский хребет, Средняя Азия. Если же пещера представляет собой, к примеру, единственный колодец, даже значительной величины, и не осложнена другими морфологическими препятствиями, то ее не следует называть шахтой." К.Б.Серафимов, В.Д.Резван "Проведение учебных занятий по тактико-техническому описанию спелеотуристских маршрутов" ЦРИБ "Турист", Москва, 1990 год, стр. 11.

6) СИФОН - полностью до потолка затопленный пещерный ход; открытый, вскрытый, полуоткрытый сифон - имеющий прослойку воздуха. Такой сифон допускает передвижение по нему без ныряния. В зависимости от времени года и количества осадков на поверхности земли сифоны могут переходить из одного состояния в другое, открываться и закрываться.

7) КАЛЬЦИТОВЫЙ НАТЕК - просачиваясь сквозь трещины и щели карстующихся, растворимых водой, горных пород, вода атмосферных осадков, в том числе талая снеговая, обладая первоначальной способностью растворять скалу, через некоторое время насыщается кальциевыми, магниевыми и другими солями. Стоит теперь измениться температурному режиму или другим внешним условиям, и соли эти начинают выпадать в осадок, образуя все те формы, которые так украшают пещеры, придавая им неповторимую красоту: сталактиты, растущие им с пола навстречу сталагмиты, возникающие при их срастании сталагнаты-колонны, натечные коры, гребешки и флаги, другие диковины пещерного убранства, завораживающие взгляд чистотой цвета и причудливостью формы.

8) КИЗЯК - на безлесных высокогорных пастбищах карстовых районов сухой помет коров и овец - кизяк, часто является единственным доступным топливом для костра.

9) Словарь иностранных слов, Москва "Русский язык", 1986.

10) Наиболее знаменитые пещерные туристско-экскурсионные комплексы Урала: Кунгурский и Абхазии: Новоафонский.

11) ПУД - мера веса равная 16 килограммам.

12) ЧЕЛНОЧНАЯ ЗАБРОСКА - при отсутствии возможности использования вертолета по финансовым или иным причинам весь многотонный экспедиционный груз приходится поднимать (забрасывать - отсюда "заброска") на высокогорные плато в рюкзаках, когда каждый член экспедиции неоднократно преодолевает маршрут вверх-вниз, таская снаряжение и продукты челноками. Эта тактика достижения места базового лагеря весьма похожа на гималайскую тактику горовосхождений с той лишь разицей, что с окончанием заброски в кейвинге штурм только начинается.

КЫРК-ТАУ - высокогорное плато Зеравшанского хребта под Самаркандом, где находится пропасть Киевская, до 1989 года бывшая глубочайшей пещерой Средней Азии - -1000 м (официаль-

ная цифра глубины -990 м).

13) САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ - так официально назывались все виды активных путешествий в СССР: пешеходный, горный, водный, авто-мото, вело, лыжный, спелео - туризм. Самодеятельные путешествия организовывались самими их участниками, в отличие от так называемого "планового" туризма, опиравшегося на туристские базы, куда под опеку штатных гидов-инструкторов, купив путевку, мог попасть любой желающий.

14) ПОДЗЕМНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ - соревнования по подземному ориентированию не проводились на всесоюзных слетах в упомянутых в тексте местах из-за отсутствия необходимых природных условий. Меккой спелеоориентировщиков была Украина, где для этих целей идеально подходят многокилометровые лабиринты гипсовых пещер, таких как Оптимистическая и другие.

15) Е.А. Тычина "Всем пещерам" Самиздат,Усть-Каменогорск, 1988.

16) ВЗЛЕТ - участок подъема с резко увеличенной крутизной склона.

17) М.В.Ломоносов "О слоях земных", 1763 год.

18) КРОКИ - рисованные отруки схемы местности.

19) В.Н.Дублянский, В.В.Илюхин "Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР", "Наука", Москва, 1982 год.

20) А.А.Крубер "Карстовая область горного Крыма" монография, 1915 год и другие работы.

21) А.Б.Климчук "Спелеология как социальный феномен", Самиздат, Киев, 1987 год.

22) ЛОТОК - основное русло, желоб течения воды. Подземные ручью часто выпиливают узкие прорези в устьях колодцев, концентрирующие всю струю воды в струю, далеко выбрасывая ее в колодец. Движение по лотку бывает затруднено не только водой, но также его скользкой поверхности - вода оставляет на камне глинистые и органические остатки.

23) Руководители С.И.Голубев, Л.П.Федерягина, И.С.Новиков, А.И.Бадерин, СГСС - Свердловская городская спелеосекция.

24) КЛАУСТРОФОБИЯ - боязнь замкнутого пространства на уровне безусловного инстинкта. Таких людей порою "давят" потолки даже собственного дома, они не могут мыть полы под кроватью, если для этого нужно засунуть под нее голову. Оставаясь абсолютно нормальными во всех других отношениях, клаустрфобики не приспособлены для спелеологических исследований.

25) Исследования тех лет в Крыму увлекательно описаны в книге В.Н.Дублянского и В.В.Илюхина "Вслед за каплей воды","Мысль", Москва, 1971г.

26) ДЕНИВЕЛЯЦИЯ - перепад высот между относительно высшей и низшей точками местности или пещеры.

27) Так и хочется добавить, что в 1953 году СССР понесла "потерю" в лице "отца всех народов" И.В.Сталина, а также тот факт, гораздо более радостный для автора этих строк, что именно в этом году ему повезло появиться на свет!

28) АНОРАК - ветрозащитная куртка без подкладки.

29) МЕАНДР - по имени очень извилистой реки Меандр, ныне Большой Мендерес, в Малой азии. Меандрировать - изгибаться в различных направлениях. "Что такое меандр?"-спросили у одного из слушателей семинара спелеоинструкторов на Кавказе в 1983 году. "Это меандрирующий ход!"- ответил тот.

30) ЯЙЛА - крымское название высокогорных пастбищ, тюркского происхождения (сравнить - джайляу в Казахстане).

31) Это было так называемое "Старое дно" Каскадной, много позже в стволе одного из внутренних колодцев удалось пройти окно, приведшее в новую часть пещеры, которая дала -400 метров.

32) Вода, за счет растворенной в ней углекислоты (H2CO3) и других кислот, химически разрушает - корродирует карстующиеся горные породы. Однако гораздо большее влияние на образование пещер оказывают текущие под землей потоки, несущие с собой песок и гальку, особенно во время сильных паводков, вызываемых ливневыми дождями на поверхности. Эрозия, вызываемая движущейся водой, основная сила, вызывающая развитие карстовых пещер. При этом относительно мягкие слои горных пород вымываются быстрее, а более твердые образуют карры в виде острых ребер, ножей, игл и других неприятностей. Даже неопытный глаз сразу улавливает эти особенности острого эрозионного рельефа пещеры.

33) О выдающихся экспедициях одиночек прекрасно поведал в своей книге "В поисках приключений" известный английский альпинист Крис Бонингтон, Москва, "Прогресс", 1987 год.

34) "Spelunca" N1, 1972 год, Париж, Франция, ФФС.

35) М.Сифр "В безднах земли", Москва,"Прогресс",1982 г.

36) Данные приводятся по материалам доклада К.А.Горбуновой "Пещеры и космос" на конференции по карсту и спелеологии в г.Кунгуре в 1989 году.

37) Здесь и далее мы обращаемся к данным А.В.Вятчина и В.Д.Резвана "Систематизация результатов спелеологической деятельности в СССР за период 1958-1988 г.г." Тезисы докладов 2-го регионального карстолого-спелеологического совещания по Западному Кавказу, Сочи, 1988 год.

38) ОТСИДКА - отсиживаться, пережидать паводок, спелеосленг.

39) Долго, очень долго мы поднимали груз, прицепляя его к вытяжной веревке и на этой веревке вытягивая наверх, вместо того, чтобы подниматься одновременно с грузом, тем более, если мешков не больше, чем по одному-два на человека.

Эта тактика резко снижает скорость продвижения группы.

40) "Вечера на хуторе близ Диканьки" - известное произведение Гоголя, в котором происходят мистические и колдовские приключения героев.

41) РАПЕЛЬ - (от французского rapeller - возвращаться), пришедший в технический кейвинг альпинистский термин. Рапелью называли веревку, которую использовали при спуске с вершины, сдергивая ее за собой, подобно спелеологической технике корделет. Впоследствии рапелью стали называть любую веревку для спуска и подъема по ней.

42) К.Б.Серафимов "Гимн завоевателей пещер", плато Улучур, 1982 год.

43) Н.Кастере "Тридцать лет под землей",Москва, "Мысль", 1964 год.

44) ДИАКЛАЗА - карстоведческий термин, означающий трещину раздробления (Н.А.Гвоздецкий "Карст", Географиздат, Москва, 1950 год, стр.62). В технической спелеологии диаклазом называют узкий горизонтальный или наклонный, иногда меандрирующий, щелевидный в вертикальном направлении ход, непроходимо сужающийся книзу и кверху, предопределяющий

передвижение по нему преимущественно лазанием на распорах (К.Б.Серафимов, В.Д.Резван "Проведение учебных занятий по тактико-техническому описанию спелеотуристских маршрутов" ЦРИБ "Турист", Москва, 1990 год, стр. 12).

45) Н.Рашков, А.Ханджейский "Экспедиция Гуффр Берже-69 и Пьер Сен Мартен-73", София, "Медицина и физкультура", 1977г.

46) По материалам: А.Б.Климчук и др. "Карст массива Кырктау (Зеравшанский хребет Тянь-Шань" Киев, ИГН, 1981 год.

47) А.Климчук,А.Ломаев "Есть и у пропасти дно!" "Вокруг Света", 1977 год.

48) ВЦСПС - Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов СССР.

49) Б.Мартюшев "Надо - сделаем." Красноярск, Из неопубликованного.

50) Сборник "20 лет секции спелеологии МГУ памяти В.Алексинского, Е.Алексеевой", Москва, "Самиздат", 1982 год.

51) МГРИ - Московский геологоразведочный институт; МВТУ - Московское высшее техническое училище имени Н.Э.Баумана - ныне МГТУ - Московский Государственный технический университет.

52) Имеются ввиду "Методические рекомендации маршрутно-квалификационным комиссиям, руководителям и участникам спелеопутешествий по обеспечению безопасности", составители текста М.П.Аронов, В.В.Илюхин, В.К.Шашурин. Москва, ЦРИБ "Турист", 1977 год, стр.48.

53) Г.Бенце "Спелеология дала мне друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ", Москва, "Самиздат", 1982 год.

54) Этому беспрецендентному случаю был посвящен ряд публикаций советской периодической печати, в частности статья "Спасатель-каратель" в журнале "Турист" N 2, 1987 год. Была создана даже комиссия ЦС по ТиЭ, выезжавшая на место для того, чтобы разобраться в ситуации, но Система всегда так или иначе защищала своих легионеров, тем более штатных работников, и дело, не дойдя до суда, было спущено на тормозах.

55) В.Н.Дублянский и В.В.Илюхин "Путешествия под землей", Москва, "ФиС", 1981 год, или "Методические рекомендации по технике спелеотуризма", разработчики С.М.Голубев, А.П.Ефремов, В.В.Илюхин, А.Ф.Рыжков, Москва, ЦРИБ "Турист", 1981 год, и другие. Не имея никаких претензий к В.Н.Дублянскому в его части карстоведческо-спелеологической информации, я отношу свои замечания к техническим специалистам Центральной спелеосекции и других соавторов этих публикаций.

56) Д.А.Усиков "Глазами друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ",Москва, "Самиздат", 1982 год.

57) Там же.

58) "Система Жан-Бернар (Сэммоэн, Верхняя Савойя) "Spelunca" N 7, 1982 год.

59) НАПОРНЫЕ ГАЛЕРЕИ - пещерные ходы, выработанные потоками, текущими снизу вверх под напором за счет перепада уровней и давления подземных "сообщающихся сосудов".

60) ИСКУСТВЕННЫЕ ОПОРЫ- в отличие от свободного лазания или скалолазания со страховкой, лазание на искусственных опорах подразумевает забивание в скалу крючьев, использование закладных и других специальных видов снаряжения для передвижения и страховки.

61) НЕОПРЕН - имеются ввиду гидрокостюмы, так называемого, "мокрого" типа из пористой резины, котрые, в отличие от

водозащитных гидрокостюмов "сухого" типа не предохраняют от намокания. Их термоизоляция основана на том, что вода, промочив костюм насквозь, больше не циркулирует в его порах, нагревается теплом человеческого тела и сама, вместе с материалом костюма, является теплоизолятором.

62)Д.А.Усиков "Глазами друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ",Москва, "Самиздат", 1982 год.

63) Юрий Визбор "Белая земля".

64) В.Глебов "Шахта Меженного: история открытия", "Глазами друзей", сборник "20 лет секции спелеологии МГУ",Москва, "Самиздат", 1982 год.

65) К.Б.Серафимов "Дорога на Рицу", борт самолета из Москвы в Усть-Каменогорск 1 ноября 1987 года.

66) Здесь и далее по материалам "Spelunca" N 9 1983, Жан-Франсуа Пернет, Ришар Мэр "Сима де лас Пуэртас де Ильамина (БУ-56)" в переводе А.И.Морозова.

67) Речь идет о длиннейших в мире пещерах в гипсе под украинским городом Тернополем.

68) К.Б.Серафимов "Боролдайская",1979 г, плато Боролдай, Кара-Тау, здесь же ПОНОР - место исчезновения под землей наземного водотока.

69) Все значения протяженностей пещер приводятся по данным на 1 октября 1989 года, В.Э.Киселев, Москва, Комиссия крупнейших карстовых полостей.

70) В.Н.Дублянский, В.В.Илюхин "Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР", Москва, "Наука", 1982 год.

71) "Spelunca" N 12, 1983 год, Париж, Франция.

72) Энди Ивис "Caving International Magazine" N 11, 1981 год, Канада.

73) Н.А.Гвоздецкий "Карстовые ландшафты", МГУ, 1979 год.

74) История исследований Рораймы увлекательно описана в книге Х.Макинса "Восхождение в затерянный мир", 1974 года, вышедшей в переводе на русский в 1982 году, "ФиС", Москва.

75) В.Н.Дублянский, В.В.Илюхин "Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР", Москва, "Наука", 1982 год.

76) "Пещеры Новой Гвинеи" "Эхо" от 12.07.85г. Болгария.

77) К.Б.Серафимов "Экспедиция в Мечту", 1989 г.

78) МЕТАСОМАТИЧЕСКИЕ - месторождения определяют залегание руды отдельными массивами, вкраплениями руды, и происходят в результате постепенного замещения одних минералов горной породы другими за счет воздействия на нее расплава магмы или растворов, циркулирующих в земной коре или на ее поверхности.

79) Ныне К.В.Мохов проживает в Алма-Ате.

80) ОТПАЛКА - взрыв в забое при добыче руды.

81) Ю.Е.Лобанов и др."Пещеры Урала", Москва,"ФиС",1971г.

82) И.Барановский "Загадки пещеры Черного Дьявола","Социалистическая Индустрия" N 213, 16 сентября 1989 года.

83) РОГАТКА - приспособление для спуска по веревке.

84) КАТУШКА - скользкий наклонный ход, спелеосленг.

85) НБЛ - наземный базовый лагерь.

86) КАРСТОВЫЙ МОСТ - обычно это остатки рухнувших перекрытий между подземными этажами; на поверхности - остатки пещеры в виде арки.

87) КОРАЛЛИТЫ - помимо озерных кораллитов, образующихся за счет выпадения солей из озерной воды при ее испарении, изменении температуры или других условий, в пещере часто

встречаются пупырчатые ветвистые образования конденсационного происхождеия или возникшие за счет разбрызгивания и последующего испарения тончайшей водяной пыли.

88) Михаил Чванов - башкирский писатель, получил, по всей видимости, тяжелые впечатления от первых экспедиций БГУ 65-66 г.г., если судить по его книге "Лестница в небо", Башкирское книжное издательство, Уфа, 1975г., которая, будучи далеко не документальной, является тем не менее весьма колоритным и увлекательным повествованием о буднях спелеологов.

89) А.Гановичев "Прощание с Сумганом", УстьКаменогорск, 1983г.

90) А.Гановичев "Дорога от Сумгана", Усть-Каменогорск, 1983г.

91) РЕШЕТКА - приспособление для спуска по веревке.

92) К.Б.Серафимов "Интерспелео-88", Сочи, 1988 г.

93) Игорь Петрович Ефремов - первый председатель Красноярского краевого клуба спелеологов. Его вряд ли можно было отнести к разряду более сговорчивых. Просто Красноярский клуб был всегда не по зубам Илюхину и такой силой, с которой он не мог не считаться.

94) "Перечень классифицированных пещер" ЦРИБ "Турист", Москва, 1989 год.

95) К.Б.Серафимов "Когда-то в августе", Курган, 1983 г.

96) К.Б.Серафимов "Наш поезд", Бийск, январь, 1985 г.

97) К.Серафимов "Прощальная", Горно-Алтайск, 1985г.

98) В.И.Лебедев "Личность в экстремальных условиях", Политиздат, Москва, 1989г.

99) Ханашвили М.М. "Мнформационные неврозы", Л.,1978г.

100) См. "Труд" NN 236,239, 241, 242, 245 и др. за 1984 год, статьи под общим названием "Тайны Кугитанга".

101) К.Серафимов "Кугитангское танго", хребет Кугитанг-тау, март, 1985г.

102) СТРАХОВКА СВЕРХУ или верхняя страховка - наиболее надежный вид взаимостраховки, при которой страхующая веревка приходит к страхуемому сверху. При "нижней" страховке страхующая веревка приходит к страхуемому снизу. при этом положение страхующего - выше или ниже страхуемого, не имеет принципиального значения для этой классификации.

103) САМОХВАТ - русское название механического приспособления, заменяющего схватывающий узел при работе с веревкой. Более нейтральное название устройства - зажим. Зажимы-самохваты разнообразнейших конструкций широко применяются в кейвинге и менее широко в альпинизме в качестве снаряжения для подъема по веревке, спасательных и страховочных операций.

104) СТОЛБИЗМ - вид экстремального свободного лазания по скалам без применения дополнительного снаряжения. Естественно, и без взаимостраховки веревкой. Столбизм родился в Красноярске, благодаря наличию рядом с городом уникального сиенитового комплекса скал-столбов. Резиновые калоши в качестве скальной обуви, ситцевые кушаки, жилеты и фески - ушедшие в легенды о былых столбистах, пьянящий аромат особой обстановки, порождаемой сплетением в единую нить жизни и риска - это красноярский столбизм. (Почитайте А.Бермана "Среди стихий", Москва "ФиС", 83г. Это, пожалуй, лучшее, что есть в советской литературе о столбах и скалолазах-столбистах). Многие красноярские спелеологи вышли из столбистов,

перенеся в красноярский кейвинг его дух.

105) РАПЕЛЬ - от французского "rappeller" - возвращаться. Первоначально термин служил для обозначения самого процесса спуска восходителей с вершины, как прозводное - для обозначения веревки, используемой для спуска. Позднее, в кейвинге, рапелью стала называться любая веревка, служащая для передвижения по отвесам.

106) Из интервью М.Меридита с Ф.Петцлем, "Caving International Magazine" No6-7, январь-февраль 1980 г. стр.57, Канада.

107) Эта формулировка Густава Штибраного может показаться знатокам энергетики падения несколько некорректной. В действительности энергия падения в этом случае не превышает 80 кГм, но вот конечная нагрузка при остановке падения веревкой, а тем более статическим тросом - может достигнуть очень большой величины: от 500-600 кГ при падении человека в хорошем снаряжении до 1000-2000 кГ при абсолютно жестком падении. Именно этот фактор имел ввиду автор статьи.

108) Густав Штибраный "О тросовой технике", из бюллетеня венгерского туристического общества "Красный метеор",1984 г.

109) "ПОЖАРНИК"- один из примитивных, но достаточно распространенных способов спуска по веревке с использованием карабина и особого узла на нем, известного в обиходе под названием "пожарного". Узел так понравился альпинистам, что они удостоили его переименованием в"узел УИАА"(УИАА - UIAA - международный союз альпинистских ассоциаций). Как и все карабинные узлы, "пожарник" жутко скручивает веревку, изгибая ее пространственнымобразом.

110) На заре спелеоисследований применяемые веревки имели конструкцию в виде скрученных спиралью между собой нескольких, обычно - трех, более тонких жил, как нынешние тонкие трощеные нити и хозяйственные шнуры. Веревки эти имеют склонность к раскручиванию под нагрузкой. Неудобства, вызванные этим обстоятельством, привели к созданию современных веревок кабельного типа (плетеных), состоящих из защитной трубчатой оплетки и сердцевины, котрая, в свою очередь, может иметь разнообразную конструкцию.

111) ТАЛЬВЕГ - с немецкого - линия, соединяющая наиболее пониженные участки дна речной долины, балки, оврага.

112) А.Петров "Паводок", альманах "Ветер странствий", Москва "ФиС", 1988г.

113) ОСТАТОЧНОЕ ТРЕНИЕ - при спуске по веревке, она соответствующим образом пропущена через ФСУ (фрикционное спусковое устройство). При этом, даже если совсем не держать конец веревки рукой, какое-то минимальное трение веревки о ФСУ остается. Это и есть остаточное трение, "парашютирующий эффект" - одна из важных конструктивных характеристик любого спускового устройства.

114) МАЗОХИЗМ - вид полового извращения, которому присущи элементы самоистязания, описанный австрийским романистом Захер-Мазохом.

115) Д.А.Усиков, из неопубликованного.

116) СТАНОК - приспособление для переноски негабаритного груза в виде металлической рамы с лямками и поясничным амортизатором.

117) Д.Мартинес "По поводу техники "Корделетт", "Spelunca" No 2, Франция, 1979г., стр.77-79.

118) НИТРОН - (синтепон) - синтетический материал, нетканая иглопробивная ткань, главной особенностью которой является способность быстро освобождаться от влаги: вода стекает по нитрону, оставляя верхнюю часть одежды абсолютно сухой, в то время как в сапогах, конечно, булькает.

119) ПРОХОДНУШКА - приспособление для грубой промывки золота в виде желоба с перекладинами по дну, по которому направляется вода.

120) ГРОХОТ - крупноячеистое решето для грубого просеивания золотоносной породы.

121) ШЛИХ - концентрат тяжелых минералов, получаемый в результате промывки.

122) БИЧ - человек без определенных занятий, перебивающийся случайными заработками по принципу "урвать, где полегче" (сленг).

123) К.Б.Серафимов "Уходящим", Москва, 1976г.

124) НИЖНИЙ САМОХВАТ - характерная деталь снаряжения для подъема способом "нога-нога", при котором один из зажимов подвязывался специальным стременем у стопы, а второй - у колена другой ноги. От переворачивания вниз головой кейвера предохранял так называемый "ограничитель отбрасывания", крепившийся на грудной обвязке и в простейшем случае представлявший собой карабин, которым поднимающийся пристегивался к рапели. Позднее на смену карабину пришли специальные планки и ролики.

125) Ж.Ф.Пернет "Новый мировой рекорд глубины", "Caving International Magazine" N11, апрель 1981 г. Канада.

126) Алан Жибер "Еще один французский километр", "Caving International Magazine" N11, апрель 1981 г. Канада.

127) ШТАНЫ - "штанами" в просторечьи кейвинга называются разветвляющиеся надвое вертикальные колодцы, по которым возможны различные варианты спуска. В Напре такие вертикальные "штаны"-разломы встречаются в двух местах, в одном из которых мы заблудились накануне.

128) Maillon rapid - основной производитель французская фирма "Петцль" - стальные и дюралюминиевые аналоги карабинов без пружинной защелки с разъемом, перекрываемым резьбовой муфтой, навинчивающейся на оба конца разема и тем самым соединяющей МР в замкнутое кольцо. МР значительно, более, чем в 3 раза, превосходят аналогичного класса карабины по прочностным характеристикам.

129) ЧРЕСПЛЕЧНЫЙ РЕМЕНЬ - впервые применен мною в попытке устранить некоторое имеющееся сходство классического европейского "лифчика" с грудным поясом, выражающееся в том, что при определенных положениях длительного зависания в обвязках кейверу грозит смерть от потери кровообращения в шейной области от сдавливания ветвями стропы. Предложенный мной чресплечный ремень лишен этой неприятной особенности. Вместе с предложеной мной же конструкцией беседки эти элементы составляют подвесную систему "Сумган-СРТ", неплохо зарекомендовавшую себя в целом ряде экспедиций и получившую определенную популярность в странах бывшего СССР.

130) Карабины могут быть и без фиксации защелки в закрытом положении, но такие карабины для крепления ФСУ категорически недопустимы. Для этих целей используются карабины с муфтами резьбовыми, байонетовыми, поворотными, в крайнем случае пружинными.

131) МР N 10, 7, 4 и так далее - номер "Мэйон рапида"означает диаметр прутка, из которого сделан его корпус, а следовательно габаритные размеры и прочностные характеристики.

132) В "биографию" веревки заносятся сведения о том, где, когда и как использовалась веревка, сколько, ориентировочно, человек на ней работало, были ли динамические рывки, сроки испытаний и осмотров и все то, что может дать представление об изношенности веревки.

133) В.А.Кучин,А.П.Ефремов,Р.Н.Сайфи "Методические рекомендации по организации и проведению учебных мероприятий по спелеотуризму", ЦРИБ "Турист",Москва,1976г.

134) К.Б.Серафимов "Каманагаран", Кырк-Тау, 1986г.

135) К.Б.Серафимов "Белые шали туманов", Напра, 1984г.

136) Ю.Рост "Пропасть" "Комсомольская правда",окт.1976г.

137) К.Б.Серафимов "Горное лето", Адлер, 1986г.

138) А.Е.Берман "Среди стихий" Москва, "ФиС" 1983г.

139) К.Серафимов "Идущим вверх", Красноярск, 1983г.

140) А.Голубев "Никто не любит Крокодила", Москва, "Молодая гвардия", 1973г.

141) Летом 89 года это число возросло до 7 человек, в результате гибели двойки спелеоподводников, отравившихся углекислотой в засифонном пространстве. Более свежими данными мы пока не располагаем.

142) В.Яковлев "Спасать не обязаны..." "Собеседник" N 43, октябрь 1985г.

143) К.Б.Серафимов "Памяти Саши Морозова", Яремча, 1985г.

144) По материалам В.Э.Киселева "Далекое дно Воклюза", "Вокруг Света" N 11, ноябрь 1986г и обзора мировой спелеоподводной прессы в переводе А.В.Арчакова, предоставленного В.Э.Киселевым.

145) Далее по материалам Гий де Лавар "Пещеры и спелеопогружения", 1958г.

146) ДЕКОМПРЕССИЯ - система постепенного перехода из среды с высоким давлением в среду с более низким давлением. При превышении скорости всплытия подводник рискует быть пораженным кессонной болезнью: закупоркой кровеносных сосудов и тканей пузырьками азота, выделяющегося из растворенного в крови газа при снижении внешнего давления. Единственным спасением в этом случае является быстрое помещение пострадавшего в среду с высоким давлением или декомпрессионную камеру.

147) Ш.Эксли "Погружение в источнике Рио Манте, Мексика" "Caving International Magazine" No 9, Канада, 1980г.

148) Ш.Эксли "Мировой рекорд побит". по материалам В.Э.Киселева.

149) К.Б.Серафимов "Памяти А.Казеннова" Москва, 1988г.

150) Подземная река Сумгана появляется на свет в источнике Сукурайна правом берегу реки Белой (не путать с левобережным источником Сукуруй, где погиб С.Будкин). В составе первой нашей спелеоподводной экспедиции в сифоны реки Сумган работали москвичи Юрий Панов, Игорь Дианов, Владимр Свистунов, Борис Вейс, Владимир Ермилов и Дмитрий Журавлев.

Экспедиция пришла по следам летней рекогносцировочной вылазки студентов МВТУ им.Баумана Игоря Дианова и Юрия Панова.

151) Й.Хазенмайер "Тайна Блауткопфа" 1986г. по материалам В.Э.Киселева в переводе А.В.Арчакова.

152) Ф,Ле Ган "Экспедиция Нулларбор-83" "Spelunca" No 15, Франция, 1984г - по материалам В.Э.Киселева в переводе А.В.Арчакова.
153) К.Б.Серафимов "Я хочу на Кавказ", Усть-Каменогорск, 1982г.
154) К.Б.Серафимов "Дорога на Рицу", в самолете над Уралом, 1987г.
155) К.Б.Серафимов "Посвящение ВТП-82", Воронцовский приют, 1982г.
156) К.Б.Серафимов "Гельгелук", Гагрский хребет, Арабика, 1988г.
157) Международная экспедиция в июля 1988 года в систему имени Илюхина на Арабику состояла из спелеологов Перовского клуба Москвы, усть-каменогорского клуба "Сумган", белоусовского клуба "Вертикаль" и сборной команды Польского Альпийского Союза - PZA.
158) К.Б.Серафимов "Гельгелук", Гантиади, 1988г.
159) Здесь и далее по материалам Франсуа Пернета и Ришара Мэра "Сима де лас Пуэртас де Ильамина (БУ-56)", "Spelunca" No 9, Франция, 1983 г, в переводе А.И.Морозова.
160) К.Б.Серафимов "Посвящение слету", 1980г.
161) К.Б.Серафимов "Арабика", 1988г.
162) В.Э.Киселев "В пропастях Арабики", "Вокруг света" No 11, 1987г.
163) К.Б.Серафимов "А помните?", 1988г.
164) К.Б.Серафимов "Посвящение Последнему Всесоюзному Слету", 1989г.
165) И.Петрущенко "Дзышра-85",Москва.
166) К.Б.Серафимов "Крючья", урочище Абац, 1990г.
167) К.Б.Серафимов "Как сладок сон", 1990г.
168) К.Б.Серафимов "Помни Кавказ", 1990г.
169) К.Б.Серафимов "Глубина", урочище Абац, 1990г.
170) К.Б.Серафимов "Винтокрылое чудо", Абац, 1990г.
171) Данные величайших пещер мира взяты мной из следующих заслуживающих уважения источников:
- Пауль Курбон и др."Атлас величайших пещер Мира",1989 г. (Paul Courbon..."Atlas of the great caves of the world", Cave Books, St.Louis, U.S.A.)
- Вестник Киевского Карстолого-спелеологического Центра "Свет" No 4, ноябрь-декабрь 1992 (и другие номера), под редакцией А.Б.Климчука в котором он ссылается, в частности, на последний номер журнала "International Caver" за 1992г.
- В.Н.Дублянский, В.В.Илюхин"Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР", "Наука", Москва, 1982.
- Данные о пещере им.В.С.Пантюхина приведены мною по сведениям, полученным от керченских и новокузнецких спелеологов (С.Н.Клименко и Е.А.Галошина), непосредственно производивших измерения.
- Данные полученные частной перепиской у В.Э.Киселева.
- К.А.Горбунова,Н.Г.Максимович "В мире карста и пещер",Издательство Томского университета Пермское отделение 1991 г.

ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА.

---

2. Вячеслава Пантюхина (Бзыбский хр.Зап.Кавказ)
..... Абхазия - 1571 м
8. Снежная-Меженного (хр.Бзыбский, Зап.Кавказ)

..... Абхазия - 1370 м
16. Владимира Илюхина (Арабика,Зап.Кавказ)
..... Абхазия - 1240 м
35. Украинская-Арабикская (Арабика, Зап.Кавказ)
- система Графский провал-Куйбышевская
..... Абхазия - 1110 м

Абхазия - 4 пещеры 5291 м
ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА.
---
3. Lamprehtsofen (Salzburd, Austria)
- Лампрехтзофен..... Австрия - 1550 м
14. Berjer-Cosa Nostra-system
- Берже-Коза Ностра..... Австрия - 1250 м
17. Schver-Hohlensystem (Salzburg, Austria)
- Шверсистем..... Австрия - 1219 м
22. Dachstein Mammuthohle (Oberosterreich, Austria)
- Дакштайн Маммутхоле..... Австрия - 1180 м
24. Jubilaumsschacht (Salzburg, Austria)
- Юбилаумшахт..... Австрия - 1173 м
36. Shneeloch (Salzburg, Austria)
- Шнеелох..... Австрия - 1101 м (-132 +969)
38. Jaegerbrunntrogsystem (Salzburg, Austria)
- Ягербрансистем..... Австрия - 1078 м
43. Meanderhohle-Herbsthohle
- Меандерхоле-Хербстхоле..... Австрия - 1028 м

Австрия - 8 пещер 9579 м
ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА.
---
1. Reseau Jean Bernard (Haute-Savoie, France)
- Жан-Бернар..... Франция - 1602 м
10. Reseau de la Pierre Saint-Martin (Arette, Pyrenees Atlantiques)
- Пьер-Сен-Мартин..... Франция/Испания - 1342 м
11. Gouffre Mirolda (Haute-Savoie, France)
- Мирольда..... Франция - 1335 м
13. Gouffre Berjer-Fromajere-Rhododendrons (Isere, France)
- Берже-Фромажер-Родендронс..... Франция - 1278 м
27. Gouffre de Bracas de Thurugne 6 [or riviere Soudet]
(Pyrenees-Atlantiques, France)
- Гуффр де Бракас..... Франция - 1166 м
29. Gouffre BT6
- Гуффр БТ-6..... Франция - 1157 м
45. Systeme de la Coumo d'Hyouernedo (Haute-Garonne, France)
- Кум д'Уарнедо (система Тромба).... Франция - 1018 м

Франция - 6,5 пещер 8227 м

ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА.
---
4. Sima del Trave (Asturias, Spain)
- Сима дел Траве..... Испания - 1441 м
5. Laminako ateak (Navarra, Spain)
- БУ-56, Ильамина..... Испания - 1408 м

10. Reseau de la Pierre Saint-Martin (Arette, Pyrenees Atlantiques)
- Пьер-Сен-Мартин..... Франция/Испания - 1342 м
21. Systema Aranonera (Huesca, Spain)
- Араноньера..... Испания - 1185 м
23. Sistema Soaso (Huesca, Spain)
- Соасо..... Испания - 1180 м
26. Sima 56 de Andara (Cantabria, Spain)
- Сима 56 де Андара..... Испания - 1169 м
28. Kijahe Xontjoa
- Кияхе Хонтуа..... Мексика - 1160 м
31. Sistema Badalona [B-15] (Huesca, Spain)
- Бадалона..... Испания - 1151 м
32. Torra de los Rebecos
- Торра де лос Ребекос..... Испания - 1150 м
33. Sistema del Xitu (Asturias, Spain)
- Система дел Хиту..... Испания - 1148 м
37. Sima G.E.S.M. (Malaga, Spain)
- Сима ГЕСМ..... Испания - 1101 м
44. Torca Urriello (Cantabria, Spain)
- Торка Уриельо..... Испания - 1022 м (+5,-1017)

Испания - 11,5 пещер 13786 м
ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА.
---
18. Abisso Olivifer (Italy)
- Абиссо Оливифер..... Италия - 1215 м
19. Complesso Corchia-Fighiera (Toscana, Italy)
- Фиджера-Антро дель Корчиа..... Италия - 1215 м
30. Abisso W le Donne
- Абиссо Вив ле Донне..... Италия - 1155 м
40. Pozzo della Neve (Molise, Itali)
- Поццо делла Неве..... Италия - 1050 м

Италия - 4 пещеры 4635 м
ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА.
---
6. Sistema Cuicateco (Oaxaca, Mexico)
- Кьюкатека..... Мексика - 1386 м
9. Sistema Huautla (Oaxaca, Mexico)
- Уаутла..... Мексика - 1353 м
28. Kijahe Xontjoa
- Кияхе Хонтуа..... Мексика - 1160 м
34. Sotano Akemati (Puebla, Mexico)
- Сотано Акемати..... Мексика - 1135 м
39. Systema Ocotempa (Puebla, Mexico)
- Система Окотемпа..... Мексика - 1070 м
46. Akemabis
- Акемабис..... Мексика - 1015 м

Мексика - 6 пещер 7179 м

ПРЕДИСЛОВИЕ В КАРТИНКАХ.

Я начал писать с детства. Те, детские, сочинения еще ждут своего перевода на взрослый язык. Почему я пишу? Наверно, по той же причине, что и фотографирую, делаю дневниковые записи, а в последнее время снимаю видео. Хочется поделиться однажды увиденным и пережитым. Передать бесподобность узнавания жизни, опыт печальных или радостных происшествий. Чтобы побудить кого-нибудь попробовать самому. Или предостеречь. Чтобы разбудить жажду движения тела и души. А в итоге - получить возможность сопереживания, сопонимания. Подобно тому, как встретив кого-то, кто скажет: "Знаешь, там был такой колодец..." я наполняюсь пониманием всего, что еще только будет сказано, и уже от этого становлюсь счастливее.

Я пишу не бескорыстно. Прежде всего, становлюсь богаче от этого я сам.

Сколько раз, возвращаясь из очередной экспедиции или поездки, сталкиваешься с невозможностью рассказать обо всем так, чтобы быть понятым. Не хватает образов, умения рассказать. Зачастую беден багаж воображения у тех, кому адресован рассказ. Мы как-будто стоим на разных берегах горной реки. Мы видим, но не слышим друг друга. И если слышим, то не можем разобрать слов. Где найти силу, чтобы взорвать отупляющий поток повседневья?

Это только одна сторона. Кто-нибудь, пусть один из многих, - услышит меня, проникнется тем же восторгом от бытия. Кто-то всегда созвучен тебе. Проблема в том, чтобы встретиться.

Но есть и другое. Со временем сталкиваешься с невозможностью вспомнить все, что было. И как было. И даже тех, кто шел рядом или пересекал путь, не можешь вспомнить с четкостью. Мы мчимся по жизни на грани света и тьмы - тянемся к восходящему впереди солнцу, а сзади неудержимо накатывает плотная ночь забвения. И только записи, песни, фотографии, видео и киноленты - очень мало средств, чтобы оставить освещенные островки в океане беспамятства.

Тем, что я пишу или снимаю, я продлеваю память о людях. О современниках. О тех, кто был мне дорог, и кому не был безразличен я. И о врагах своих я тоже продлеваю память. Что ж, добро и зло неразделимы, а мы - на грани их. И одно без другого немыслимо, потому что теряет смысл.

Ну и последнее. Все это - рождается во мне и из меня. Как истинные человеческие детеныши - детки мои: Каролина, Боря, Алеша, эти сочетания буковок, рождаемые во мне неведомой для меня силой, живут какой-то своей, уже отделенной от меня жизнью. И я ухожу в эти множественные, порожденные мною миры, как в космические путешествия. Здесь я волен и свободен той единственно полной до бесконечности свободой, какая, наверно, может только сниться. Единственная непреходящая ценность в этом Мире - творчество, рождение, в противовес истреблению и умиранию.

По-моему.

* * *

Каждый, наверно, проживает этап, когда признание со стороны рядом живущих теряет смысл, и хочется дальних звезд. Каждый хоть раз становится на тропинку, в конце которой чудится и мечтается Нечто.

И счастлив тот, кто на пути этом не утратит душевной целости, не покроется уродливыми шрамами от пережитых ран, не проникнется злобой по отношению к себе подобным. И пробившись к заветному столу или горизонту, не станет мстить, упиваясь собой, вымещая свои, бездумно нанесенные кем-то когда-то, боли на только еще взбирающихся по отвесам.

А они, все еще идущие вверх, содрогаются от щелчков и пощечин, постепенн пропитываются желчью и ненавистью, внутренне перерождаясь под прессингом уже залезших.

На что я рассчитывал, когда в зрелом уже возрасте, пытался предложить свои рассказы в ряд издательств, какие, по моему ощущению, были наиболее созвучны миру путешествий - тому миру, откуда пришел я? Слава Богу, я быстро одумался и не предпринимал новых попыток пройти этим путем. Но те первые и последние пока письма, пришедшие мне в ответ из издательств, я храню, и привожу здесь как предисловие и послесловие к этому (тому давнему!) первому сборнику.

Моя спелеологическая жизнь неразрывно связана с Башкирией, ее пещерами и природой, моими уфимскими и иногородними друзьями. Я люблю Башкирию, как свою Эмоциональную Родину. И именно в Башкирии находится моя любимая пропасть "Кутук-Сумган", которой я обязан становлением характера, возмужанием, лучшими друзьями в жизни. Она дала живительный элексир главнейшим моим корням - творческим и жизненным.

Поэтому первым делом я послал сборник в Башкирское книжное издательство. Ведь все сюжеты этого сборника родились на башкирской земле, и...

"Уважаемый товарищ Серафимов!

Мы ознакомились с Вашей рукописью. Однако ввиду перегруженности темплана издательства произведениями местных авторов издание сборника Ваших рассказов "Голубой сталагмит" не представляется возможным.

Рекомендуем Вам обратиться в местное или центральные издательства."

22 августа 1985 года.

Гл.редактор М.Гилязев.

"Уважаемый Константин!

С большим интересом прочитал Ваши рассказы. Написаны они хорошим живым языком. Все замечания Вы найдете в рукописи. Чувство протеста вызвал Ваш рассказ "Пачка чая" - думается, Вам следовало бы убрать "пьяных мужиков", "расплату водкой" и подобное.

"Легенда о грезе" - все же это вариант баек о "белом спелеологе".

Иногда Вы (на мой взгляд) перебарщиваете с юмором. Конечно юмор очень помогает в экстремальных ситуациях, но все же создается впечатление, что Ваши герои поставили себе задачей острить во что бы то не стало.

Хотелось бы Вам посоветовать более осторожно обращаться с национальностями - очень легко можно оскорбить чье-либо национальное достоинство.

Вот пожалуй и все придирки.

Не унывайте, что получили отказ.

Пробить рукопись в "чужом" издательстве почти невозможно. Попробуйте предложить свои рассказы в журналы или сборник "На суше и на море". Возможно Вам и удастся их опубликовать.

К сожалению Вы ничего не написали, что у Вас опубликовано и где.

Творческих удач Вам!"

22 августа 1985 года.

Редактор художественной редакции Николай Грехов

Я не стал править в этом тексте запятые и прочие символы - публикую, как есть. Мой тематический план не перегружен местными авторами. Тем более, что запятые и прочие подобные глупости для редактора художественной редакции, да еще знающего байки о"Белом спелеологе" и осторожного в национальных вопросах - вещь непринципиальная. А вот расплату водкой - это я действительно непросчитал: перестроечная антиалкогольная компания еще только появилась на горизонте. Но из песни слова

не выкинешь. И я не могу.

Спасибо Николаю Грехову, я внял его советам сразу по двум направлением: не стал слишком расстраиваться и послал сборник в более солидное издательство - центральное.

"Уважаемый Константин Борисович!

В редакции внимательно ознакомились с Вашей рукописью "Голубой сталактит". В ней много информации, много небезинтересных наблюдений, но, в то же время, слишком много красивостей, даже в названиях рассказов: "Аквамариновая история", "Легенда и греза" и т.д. Да, то, чем занимаются Ваши герои, безусловно, увлекательно и романтично. Однако, в рассказах нет их самих, людей сегодняшнего дня, нет движения человеческой души, открытий - все повторно, все знакомо по другим произведениям. Именно такое впечатление оставляет рукопись. Иллюстративность и схематичность - главная ее беда. Самое важное для художника не просто описать восторг, который вызывает в нем природа, а показать ее сложность и красоту.

К сожалению, вынуждены возвратить Вам рукопись.

Всего самого доброго."

Зав отделом "Библиотека "Молодая гвардия" Б.Рябухин

Ст.редактор Г.Георгиев

19 июня 1986 года.

У солидного издательства и подход солидный. И внимательный.

Написать вместо "Голубой сталагмит" - "Голубой сталактит", вместо "Легенда о Грезе" - "Легенда и греза" - лучшее тому свидетельство. Но кто платит, тот и заказывает музыку.

В народе говорят: "Бог Троицу любит". Я пробовал трижды. Ближе всего к успеху я был в "Юности". Каламбур, однако.

"Проза Константина Серафимова находится в русле известной традиции - это, так сказать, мужская проза (вспомним хотя бы Джек Лондона), суть которой в поэзии путешествия, риска, опасности, в поэзии преодоления человеком самого себя.

Я говорю о такой традиции без натяжки, - К.Серафимов, действительно, талантлив. И хотя предложенные им рассказы неравноценны, - заявка молодого автора, по-моему, заслуживает внимания редакции.

Пишет К.Серафимов о спелеологах, об исследователях пещер, (Серафимов сам спелеолог). Подземный, - совершенно неведомый большинству людей мир является со страниц этой прозы. Мир новой красоты и особенного человеческого опыта. Подземное царство пещеры в рассказах К.Серафимова ипытывает человека, - оно испытывает его мужество, его волю к жизни, его способность получать и любить самые разнообразные знания.

32-летний К.Серафимов, на мой взгляд, может стать открытием "Юности", проза его благородна по самому своему пафосу, в ней запечатлена красота и бескорыстие человеческой страсти к познанию мира. По-моему, это проза именно молодежного журнала.

Наиболее удачным и законченным мне представляется рассказ "Аквамариновая история". Слово автора здесь очень точно и живописно, оно завораживает магией достоверности. Разве такое часто встречается у молодых и даже признанных авторов (Читая рассказ, ты как бы испытываешь все, что испытывает его герой: и его погружение с аквалангом в море, и все его рискованное прохождение каменного подводного туннеля, - "сифона", как его называют специалисты.

Вот примеры, показывающие, что перед нами действительно писатель: "Перед тем как уйти под своды, он невольно обернулся и посмотрел

вверх. Здесь, на грани света и тени, как-то особенно чувствовалась та невидимая грань, что пока еще отделяла его от сифона. По эту ее сторону еще можно было всплыть, вынырнуть, набрать полные легкие морозного воздуха. По ту - не вынырнешь. Над головой камень. Но тревожные мысли, едва возникнув, тут же пропали. Фантастика! Он отчетливо видел над собой серебристое зеркало воды, склоненные над ней пушистые в инее деревья, кого-то из ребят на берегу. Как в новогоднем шаре..."

Это точно и красиво написано.

Или вот еще: "Вдох - выдох. Воздух с бульканьем уходит вверх стайкой серебристых пузырей. Через несколько секунд он захлюпает в трещине под стеной.

Луч фонаря постепенно обрел реальность, зажелтел в сгущающемся сине-зеленом мраке.

Как-то неожиданно и почти ощутимо на Вовчика навалились своды. Еще не видя, он уже знал о их присутствии. Ощущение было столь сильным, что Вовчик невольно посветил вверх. Ага! Изъеденный коррозионными бороздами и гребешками потолок был совсем рядом, метрах в двух от него."

Отдельные цитаты, конечно, не столь убедительны, - рассказ надо прочесть целиком, прочесть и самому пережить вслед за автором ужас той красоты, которая всегда есть в настоящем риске. Ибо рассказ этот - не просто история одного спортивного погружения, это рассказ о _человеке ..

Думаю, что моя оценка К.Серафимова ничуть не завышена. Талантливое слово редко встречаешь и на страницах печати. "Аквамариновая итория" К.Серафимова - достойный повод для литературного дебюта, - именно на стрницах "Юности".

М.Борщевская.

Понятно, трудно было не расплыться в удовольствии от таких замечательных слов. Спасибо Вам, неизестная мне М.! Но следующее письмо из "Юности", написанное почерком столь неряшливым, что я затрудняюсь это письмо воспроизвести, положило конец эйфории. Мне советовали обратиться в журнал "Вокруг света"...

Мысль, возможно, здравая. Но я решил завершить круг и обратиться к самому себе.

Кто и когда сассоциировал успех с пирамидой, на вершине которой, как известно, слишком мало места, чтобы поместиться всем желающим?

Я кейвер, и путь мой лежит вниз. Меня уже не манят пирамиды, а внизу гораздо больше доброты, потому что никто не старается спустить другого по склону вниз головой. Здесь, внизу, хватает места для всех.

Он не издан, этот мой первый сборник. Но он существует. И кому-то уже подарил глоточек свежего воздуха, запаха странствий, немножко радости.

А теперь я издаю его сам. В этом компьютерном варианте.

Мне всегда больше нравился мир гор и пещер, где дороги зависят только от идущих по ним. Ты - на тропе или на веревке, и никому не остановить тебя в твоем движении вперед.

А К В А М А Р И Н О В А Я И С Т О Р И Я.

==========

"Рыбам" посвящается...

Вы в каждом узнаете всех,
Ведь все вы здесь в каждом.

-

Здорово это было! Смотреть оттуда, из глубины, вверх на сияющее зимним светом зеркало озера.

И вода! Прозрачная, просто хрусталь. Сквозь ее шестиметровую толщу

на дне озера был виден каждый камушек.

Через несколько секунд он уйдет в прозрачную синеву под эту колоссальную стену. И внизу, из-под стены, вода покажется еще синее, еще фантастичнее.

Красиво, черт!

Слушая, как шипит вдоль щек выходящий из костюма воздух, Вовчик осторожно погрузился до подбородка. Оглаживая себя снизу вверх по желто-черной резине гидрокостюма, запрокинул голову, засмеялся. Солнце! Оно заливало все вокруг кажущимся золотистым теплом. И скала над озером подставляла ему свою исполинскую коричнево-серую грудь. Скала не держала снега. Отвесная, она молчаливо взирала сверху на зимние леса, убегающие по низине до самой реки.

Мороз сегодня! Грдусов тридцать - не меньше. Вовчик скосил глаза на приткнувшиеся под водой у берега аппараты. Вот, даже акваланги пришлось держать в озере. Иначе мокрые резиновые мембраны, замерзая, лопались, как фанера. Мороз!

Вовчик вспомнил, как они приходили сюда летом. Ну да, в 75-м штурмовали "окно" пещеры в верхней части скалы над озером. А интересно, как смотрится сейчас озеро сверху, со скалы? Сине-зеленое зеркальце в ледяной оправе! Аквамариновый кабошен. И иней лесов до самого Забелья, до притулившихся на брегу съеженных от холода домиков опустелой Сакаски. Белая сейчас замерзла, а озеро - нет. Тогда, летом, было жутко подумать о том, чтобы окунуться в эту ледяную купель. А сейчас он стоит по горло в воде и "греется". Почти тепло. Конечно! Стоит высунуться, и панцирем берется гидрокостюм. Мороз.

Тело постепенно приобрело невесомость, будто растворилось в воде. Теперь ему достаточно малейшего усилия, чтобы уйти в глубину. Пора надевать аппарат, груза, пора начинать.

Желтые бока аквалангов... Надо же, такая куча баллонов, и почти нет воздуха. А вокруг...

А вокруг! Невероятно белый искристый снег по берегам, лохматые от инея ветки, аквамариновая гладь. Бусина. И не подумаешь, что оттуда, из-под скалы, вытекает целая река.

Они давно примеривались к этому гриффону - восходящему в озеро источнику. Еще бы! Подземная река в толщах скалы сулила неведомые доселе пещерные галереи, залы, дворцы. Надо только пройти сифон, взломать эти безмятежно синие ворота. Нет, сине-зеленые. Ух, какая все же красота...

Вовчик влез в лямки баллонов, щелкнул пряжкой грузового пояса, долго смотрел на манометр. Семдесят атмосфер. Все, что осталось.

Семдесят атмосфер - их последняя попытка "раскусить" этот сифон. Отчаянная попытка. Если с ним что-то случится, у ребят в аварийном аппарате всего сорок атмосфер.

Ерунда, он будет осторожен. Игорь на страховке, Юрка и с сорока атмосферами - это Юрка. А он будет осторожен.

Вовчик проверил карабин страховочной веревки, сунул в рот загубник, дохнул. Нормально. Поежился. Свежеповато, однако. Пора нырять.

Последняя попытка.

Кто бы мог подумать, что все так получится? От начала до конца - сплошные неожиданности. Ну, начать хотя бы с того, что сломался компрессор. Впрочем, это как раз самая малая из неожиданностей. Главный сюрприз приподнес сам сифон. На что они рассчитывали? Ну, шесть метров озера, ну, еще метров несколько - вот и вся глубина. И затем труба. Возможно, довольно длинная, запутанная, но и все! На такой глубине - до десяти метров, запаса воздуха хватило бы надолго. Даже с поломанным компрессором. Да и откуда, по логике, было взяться здесь большей глубине? Уровень озера всего на шесть-восемь метров выше уров-

ня Белой, куда впадает берущий начало в озере Сукурайский источник. По логике.

Сифон плевать хотел на логику. Сифон, будто взбесился. Поманил сначала легкой удачей: Вовчик, шедший первым, почти сразу выскочил в небольшую камеру с воздухом. Но и только. Камера оказалась замкнутой, а сифон, расширяясь со дна озера в грот, вдруг выбросил почти вертикально вниз серию из двух колодцев и быстро перевалил глубиной за тридцать метров. Вот это был сюрприз! Он сразу поставил под удар успех всей экспедиции.

Даже если бы не сломался компрессор, что они могли противопоставить такой глубине? И полностью забитых воздухом баллонов - по сто пятьдесят атмосфер, на сорокаметровой глубине хватало только на четырнадцать минут. Из этих скупо отмеренных минут почти треть уходила на спуск, а ведь надо было еще оставить воздух на всплытие...

У них не было полностью заправленных воздухом аппаратов. Не было и компрессора. Трое из штурмовой шестерки уже сделали все, что могли: порванные в упорных попытках сломить сопротивление сифона барабанные перепонки превратили их в печальных зрителей. Оставалось только провожать глазами черно-желтые силуэты уходящих в сифон товарищей.

Итак, их оставалось трое: Игорь, Юрка и он, Вовчик. И последние семдесят атмосфер - ничтожная малость для такого чудища.

И последняя крохотная надежда - там, на сорокаметровой глубине, увидеть то, к чему стремились, но так и не увидели товарищи: перегиб, поворот сифона вверх, вверх к заветным тайнам пещеры.

- Страховка готова? - Вовчик проверил фонарь, в последний раз бросил взгляд на сосредоточенные лица парней. Кто в чем - валенки, полушубки, пар дыхания сосульками на усах. И на этом живописном фоне живописно-спокойная уверенная фигура Юрки в черно-желтой броне.

Игорь последний раз перехватил поудобнее страховочную веревку:

- Готова.

Маска, загубник в зубы, вдох. Прощальный жест и...

Пошел.

Аквамариновая полоска позрачно поползла по стеклу маски, отсекая сверкающий надводный мир от зыбкой голубизны. Только бы нормально "утонуть"! Два раза он так и н смог погрузиться в этом озере - мешал скопившийся в одежде под гидрокостюмом воздух. Вовчик мягко заработал ластами, диковинной рыбой скользя к лучисто-четкому в синеве дну. На этот раз - порядок. Вовчик пошел над самым дном, осматриваясь. Впереди, метрах в четырех, из неясной толщи воды неспеша проступала, откристаллизовывалась серая стена.

А какая видимость! Прозрачная вода в сифоне - что может быть желаннее для подводника? Зеленый бархат подводного мха на донных глыбах полого уходил вниз.

А вот и начало сифона. В самом основании стены синева воды резко сгущалась. Он!

* * *

Перед тем как уйти под своды, Вовчик невольно обернулся и посмотрел вверх. Здесь, на границе света и тени, как-то особенно чувствовалась та невидимая грань, что пока отделяла его от сифона. По эту ее сторону еще можно было всплыть, вынырнуть, набрать полные легкие морозного воздуха. По ту - в сифоне, не вынырнешь. Над головой камень. Но тревожные мысли, едва возникнув, тут же пропали. Фантастика! Он отчетливо видел над собой серебристое зеркало воды, склоненные над озером пушистые в инее деревья, кого-то из ребят на берегу. Как в новогоднем шаре...

Однако, надо спешить, потому что с каждым вдохом в баллонах оставалось все меньше воздуха.

Скользя вниз над наклонной площадке, он вдруг представил сосредоточенное лицо Игоря. Все внимание Игоря поглощено сейчас чуть подрагивающей в руках страховочной веревкой. Каждый раз, когда подрагивание веревки прекращаетсяя, у Игоря брови медленно сходятся к переносице, и чуть подается вперед Юрка, готовый по первой команде уйти под стену. Но вот подрагивание возобновляется, брови ползут на место, Юрка возвращается в первоначальное положение.

Вдох - выдох. Воздух с бульканьем уходит вверх стайками серебристых фонарей. Через несколько секунд он захлюпает в трещине под стеной.

Луч фонаря постепенно обрел реальность, зажелтел в сгущающемся сине-зеленом мраке.

Как-то неожиданно и почти ощутимо на Вовчика навалились своды. Еще не видя, он уже знал о их присутствии. Ощущение было столь сильным, что Вовчик невольно посветил вверх. Ага! Изъеденный коррозионными бороздами и гребешками потолок был совсем рядом, метрах в двух от него.

Вовчик чуть всплыл и уже вдоль потолка пошел вглубину. Внизу тяжелой мглой повис мрак. Снова подумалось: когда страхуешь на скалах, со страхом ждешь рывка. При страховке в сифоне боишься обратного - вдруг не ощутить этого рывка, потягивания, дрожи веревки, говорящих о том, что там, на другом ее конце идет человек. Вовчик почти физически чувствовал, как напрягается наверху Игорь каждый раз, когда он останавливается, чтобы осмотреться.

Забавно! Кремнистые конкреции на потолке - как сталактиты. Вовчик посветил вниз. Так. Вот и следующий 4-метровый уступ. Глянул на глубиномер - 16 метров.

Обжим, обжим. Он уже чувствовался. Гидрокостюм, сжатый давлением все увеличивающейся над головой толщи воды, постепенно терял эластичность, начинал сковывать движения. Скользя вниз вдоль почти отвесной известковой стены, чтобы осмотреться вокруг, Вовчик теперь вынужден был поворачиваться всем телом. Что-то будет внизу!

С клекотом уходит во мрак воздух. Вдох - выдох. Вовчик посмотрел на манометр. Ого! Чуть больше пятидесяти атмосфер. Надо спешить.

Труба подводного колодца расширялась. Значит, глубина 20 метров. Тперь оставался последний 10-метровый отвес и выход в донную галерею. Юрка, счастливчик, первым вошел в нее. Огромная, метров пяти в диаметре - чисто метро! - каменная галерея уходила куда-то вглубь. Почти горизонтально, почти... С легким уклоном галерея все-таки шла вниз.

Вниз! Неужели бесполезны все попытки? Неужели она так и будет идти вниз до тех пор, пока не станут бессильны их акваланги? Нет, так не может быть. Хотя почему? Надо быть честным. К сожалению, здесь может быть все. Мо-жет быть.

И все-таки они будут пытаться. Не сейчас, так осенью, не осенью - так через год. Пока не пробьют эти обманчивые аквамариновые ворота. Или пока не поймут, что этот сифон им не под силу.

Обжим! Он сковал тело, стиснул тысячью обручей. Вовчик поврепче прикусил загубник. Каждый шовчик, каждая нерасправленная складочка одежды больно врезалась в тело. Это-то пустяки. Можно терпеть. Хуже было то, что скованное обжимом тело катастрофически теряло подвижность. Вовчик уже с трудом шевелил ластами, чувствуя, как тяжелеет, проваливается в глубину. Луч фонаря выхватывал из темноты циклопические стены. Глубиномер бесстрастно отсчитывал метры: 26, 27, 28... Чтобы не порвать перепонки, пришлось несколько раз "продуть" уши.

Воздух. Он все также с тихим клекотом бурлил за спиной, уходя к невидимому солнцу. Где-то тут конец колодца.

Стоп! А что на манометре? Так и есть. Черт, до чего обидно! Стрелка манометра замерла на угрожающем пределе. Только-только воздуха на

обратную дорогу. А ведь осталось совсем чуть-чуть! Ну, рискнуть?

Где-то в глубине сознания все настойчивее звенели тревожные колокольчики. Спокойно. У него есть еще целая минута. Или чуть больше. Не может же он уйти, не испробовав все до точки. Ладно! Еще секунд тридцать и он возвращается.

Четров обжим! Как спеленутая кукла. Грустно жить младенцам!

Колодец кончился неожиданно. Будто кто-то срезал и убрал переднюю стенку. Вот это да! Куда ни кинь взгляд - черно-аквамариновая даль. И он, словно пузырек в кристалле. Вовчик завис под потолком, усиленно работая ластами. Гигантская подводная галерея чуть наклонно уходила вниз, в толщу горы. Зеленая вода, желтый луч фонаря, синий мрак.

С трудом протягивая веревку, он прошел под самым потолком метров пять-шесть. Груза тянули ко дну, и приходилось все время сопротивляться их настойчивой силе. Все, надо возвращаться. Это безумие - лезть дальше с такими баллонами. Он и так сделал все, что мог.

Разворачиваясь, Вовчик сильно потянул веревку: раз, другой, третий. Условный сигнал на их "рыбьем" языке. Он возвращается. И тут же подумал: вряд ли Игорь почувствует сигнал через все эти перегибы и колодцы. Надо чуток подняться и повторить снова.

Выбулькивая из легочника воздух, Вовчик быстро поплыл к зачерневшей сквозь синь призрачной стене. Здесь крупноглыбовый навал сбегал из колодца в зеленую бездну сифона.

Так. Стена. Даже сквозь резину перчаток он ощутил ее ребристую поверхность. Не порваться бы! Готовясь повторить предупреждение о выходе, он перехватил рукой веревку. Ого! Как струна... Вовчик снова трижды потянул на себя.

И, как бы в ответ на этот потяг, вдруг подмигнула вокруг темнота. Он еще не сообразил, в чем дело, а уже холодком полоснуло в груди.

Снова издевательски страшно мигнула темнота. Фонарь? Этого еще не хватало!

Нет, горит. Почему они не тянут? Хотя нет - страховка, как струна. Что за черт! Только бы фонарь не потух, зараза!

Вовчик заработал ластами, отталкиваясь руками от скалы. Проклятый обжим! Пошел, вроде.

С большим трудом Вовчик поднялся метра на три. Почему же они не тянут? Игорь, спит он, что ли?

И тут потянуло. Сильно дернуло страховочный карабин. Вниз! Почему они тянут вниз?

Вовчик рванулся, но неведомая сила не пускала его наверх. Веревка непонятно, непостижимо тянула его обратно, назад, в безмолвную тьму сифона.

Сквозь мгновенный страх сработало сознание: где-то застряла страховочная веревка. Когда он повернул назад, она легла петлей за камень там, на глубине.

Если бы не воздух, он мог бы спуститься и отцепить проклятую веревку, но воздух...

Нож!

Вовчик дотянулся, вытащил из ножен на ноге длинный клинок. Снова мигнул свет. Черт! Все несчастья. Скорее.

Он никогда потом не мог понять, как же все-таки так ошибся. Перехватить ножом белую струну веревки было делом мгновения. И тотчас метнулся мимо каски конец веревки. Вверх?! Освобожденная от его тяжести, веревка сжалась, подпрыгнула. Он увидел ее конец метрах в трех над головой, рванулся следом и, уже плохо соображая, вдруг снова ощутил, как ухватила, потянула его вниз страховочная веревка.

Трудно сказать, чем бы все кончилось, растеряйся он на секунду дольше. Но сквозь захлестывающий панический ужас проникло что-то

отрешенно холодное, ясное, будто кто-то неподдающийся вдруг взял за шиворот мозг, стряхнул липкую дурь страха.

Он все понял. В горячке обрезал веревку, идущую вверх, а не ту, что намертво привязала его к невидимому камню в глубине сифона. Только бы Игорь не смандражировал, только бы не потянул на себя вдруг ставшую невесомой страховку!

Еще движение ножа, и тело обрело свободу. "Свободу"! Три десятка метров воды над головой мертвой хваткой вцепились в него. Только бы не погас свет!

Вовчик не смотрел на манометр. Что толку? Пока есть воздух, он жив. И оттого, будет он знать, сколько драгоценных секунд отпущено ему Судьбой, или не будет, ничего не изменится. Страшна цена ошибки! Один неверный взмах ножом в мгновение ока все переиначил, перечеркнул, поставил под вопрос.

Борясь с жестокими путами обжима, Вовчик пополз к такому близкому и почти недосягаемому теперь концу страховки. Нет, так ему не добраться. Ноги скованы, руки, как деревянные. Скинуть груза? Но где гарантия, что где-нибудь там, наверху, его не прижмет к потолку, и тогда все - не выбраться. Нет, только не это. Это - как последний шанс.

Надо пустить воду в гидрокостюм, метнулась мысль. В борьбе с водой ему может помочь только вода. Юрка для этой цели использовал специальную щепочку. У него ее нет. А нож?

Вовчик с трудом согнул руку, царапнул лезвием щеку. Обдирая кожу, втиснул сталь между лицом и резиной, резко оттянул. И сразу холодом обожгло шею, грудь. Будто огнем!

Еще!

Руки! Они обрели подвижность! Теперь вперед.

Уже не замечая ледяного холода воды, лихорадочно работая все еще скованными ластами, Вовчик буквально полез вверх по черной почти отвесной стене. Игорь, милый, только не дерни!

Игорь выдержал, не дернул, хоть позже и рассказывал, что первым побуждением было именно это - тянуть, тащить изо всех сил вдруг обесчувствевшую веревку.

Вовчик дотянулся, судорожно схватил конец веревки. Связать узел было делом секунды. В перчатках, а будто голыми пальцами, затянул, защелкнул в карабин "проводник". Еще не веря, что выбрался, рванул веревку раз, другой, третий, еще, еще, еще! Подумал: интересно, откуда берется воздух в его выжатых, выкрученных донельзя баллонах? И тут его резко потянуло, потащило вверх. Он буквально взмыл, зацепился коленом за камень, ударил плечом о скалу. Пустяки. Только бы успели!

Последние пузырьки воздуха - откуда только берутся! - веселой гурьбой обгоняли его, но оттуда, сверху, уже наплывала, приближалась лучистая голубизна. Свет!

Он вынырнул под самой стеной в бурлящей воздухом синеве, выплюнул загубник, дохнул пьянящий солнечный воздух. Его еще бил нервный озноб, но на смену мгновенной радости уже пришла усталость: усталость, стирающая эмоции.

Ребята на берегу засуетились, крепко потянули его к берегу. Вовчик поднял из воды руку, помахал перчаткой - все нормально. Устало глянул на манометр. Стрелка прочно села на ноль. Но он все же сунул загубник в зубы, и пока ребята тянули его к берегу, в последний раз погрузился в аквамариновую прозрачность озера.

Странно было на душе. Опустошенная, она вдруг наполнилась щемящей грустью. Сифон разжал свои когти. Выпустил. Кто это сказал: не было случая, чтобы я не вернулся? Так. Вот теперь экспедиция закончена. Господи, как же он все-таки устал!

Скользя в голубоватой тишине над зыбко-четкими, будто под гигант-

ской лупой, зелеными контурами дна, Вовчик прощался с сифоном. Когда теперь он увидит его? Наверно, не раньше осени. Если не сможет он, пойдут ребята, если не смогут они - пройдут другие. Что ж...

Его подтянули к берегу через секунду после того, как кончился воздух в акваланге. Юрка прямо в воде содрал с Вовчика аппарат, ломая белую закраину льда, подтолкнул наверх. Кто-то подал руку. Подтянули, поставили. Что-то быстро говорил Игорь, что - не понять.

Кто-то заботливо набросил на него полушубок. Спасибо. Он молча счастливо улыбался, счастливо и чуть грустно.

Кто-то стянул с него маску, резиновый шлем. Он вдруг почувствовал, что теряет равновесие, покачнулся. Услышал - "уши порвал": как сквозь легкую вату. Но тут же его подхватили, нахлобучили на лоб шапку. Окружили, придвинулись встревоженные лица. Вовчик жадно, истово вдыхал колючий морозный воздух и все улыбался. Ребятам, этому радужному снегу, инею на ветках, солнцу.

И качался в глазах аквамариновый сумрак пещеры...

1978-1981 г.г.

СОЛНЕЧНОЕ УЩЕЛЬЕ.

==========

Я не помню это Ущелье другим. Всегда, когда бы мы ни приходили сюда, над горами висело солнце. И от этого исполинские стены, обступившие тропу, казались медовыми. Летом. Зимой же, одетые в ледяную броню, они нестерпимо блестели, холодно и надменно. Дожди могли неделями хлестать нахохленные леса, белые вьюги заносили тропу. Но когда мы приходили сюда, над Ущельем победно сияло солнце.

Тропа, попетляв по сумрачным перелескам, полого ныряла в теснину. И вдруг, будто окно в неведомый мир, за поворотом распахивалось Ущелье. Слева, справа, над головой - придержи шапку - скалы. И хаос осыпей внизу. Только по самому верху, да кое-где по уступам - щеточкой - сосны. Щеточкой! В каждой не меньше двадцати метров, а ведь - поди ж ты! - как спиченки, смотрятся они на груди каменных бастионов.

С самого верха Ущелья тропа круто падает вниз в каменные россыпи. И с каждым шагом все выше вздымаются стены-берега этой застывшей каменной реки. Причудливыми башнями скалятся останцы. Вздыбленный мир со всех сторон. И только безмятежная синева над головой да темно-зеленый бархат дальних хребтов в прорези-прицеле Ущелья впереди напоминает о том, что есть и другой, просторный во всех измерениях, мир.

В Уещельи нет трех измерений. Есть одно - вертикаль. Она притягивает и страшит, изумляет и завораживает.

* * *

Сколько раз я был здесь? Иногда кажется, что знаю его с детства. Каждый камушек, каждый выступ стены. Сумными ночами оно приходит ко мне, наше Ущелье. И я улыбаюсь, вспоминая тот день...

Есть в Ущельи место - на повороте, у старой березы, - где, как бы ни спешил, я всегда отанавливаюсь. Сбрасываю рюкзак, расставляю пошире ноги, поднимаю глаза. Там, высоко надо мной на белой стене чернеет "окно". Это пещера. Их много здесь. Они смотрят на нас черными зрачками, спокойные в своей пугающей неприступности.

Что в них?

Шесть лет назад - всего шесть лет, а будто целая жизнь! - мы впервые бросили вызов этим солнечным вертикалям.

У нас не было времени на долгую осаду, поэтому, не утруждая себя излишней разведкой, мы сходу пошли на штурм. Ущелье безмолвствовало, и наши голоса звенели над ним, множась в удивленных утесах. Я до сих

пор отчетливо слышу эти голоса и вижу оранжевые каски - божьими коровками ползущие по вздыбленным скалам.

Первые же попытки принесли нам удачу. Мы искали маршруты среди невозможного и находили. И потом, сидя на краю очередного "окна" - они редко выводили нас в сколь-нибудь примечательную пещеру - мы выискивали глазами новую цель.

Ущелье молчало. Лишь однажды выстрелило из-под моей ноги парой "гостинцев". Большие, в два кулака, они по пологой дуге со свистом прошли над Серегиной каской. И в следующий момент мы уже весело смеялись, провожая взглядами их удаляющиеся скачки.

Мы не вняли предостережению Ущелья.

* * *

Я пошел на это "окно" случайно. Мы только что все вчетвером взобрались к пещерке, оказавшейся столь большой, что каблуки моих ботинок почти скрылись в ее начале, в то время как каска безнадежно застряла в конце. Пока я выбирался, ребята уже начали спуск. Ожидая, пока они пройдут, я бездумно скользил глазами по скале, что ступенчатым бастионом круто взмывала в небо справа. Здесь, за скалой было сумрачно, и я завороженно смотрел как на золотом обрезе синеватой тени трепещут под ветром ирреальные своей контрастностью травинки. Мне вдруг захотелось увидеть солнце, и я сделал первый шаг.

Я шел вправо вверх. Нет, теперь, лицом к скале, мой путь лежал по левую руку. Зацепы и упоры сами ложились под пальцы. Я продвигался неожиданно быстро, и вскоре неведомое доселе ощущение захватило меня. Ощущение собственного тела исчезло. Вернее, изменилось. Теперь это были легкость и стремительность, точность и отлаженность хорошо отрегулированного механизма. Сознание отделилось от материальной сущности. Не задумываясь, я чувствовал именно то место н скале, куда надо быбросить руку, чтобы обрести надежный зацеп, выступ, трещину. Вдохновение...

Наверно, так себя чувствует пианист, отрешась от рук и зная, что они точно выполнят пассаж. Я парил над скалой, и солнце встречало меня за каждым новым перегибом. Сердце заливал восторг. Так центрфорвард на вершине порыва рвется вперед, неуловимыми движениями раз за разом избегая атаки защитников, и мяч, как привязанный, мчится перед ним к цели.

К цели? Она была перед и надо мной. Чуть слева. Черная зияющая дыра в стене. Пещера. Я увидел ее за поворотом, когда остановился передохнуть. Это было оно! "Орлиное гнездо" - так называли мы ее, поднимая лица к отвесам. Снизу пещера казалась неприступной. И мы махнули на нее рукой.

Но вот! Вот она почти рядом. Подспудно я и стремился к ней, закладывая восходящую полуспираль по груди утеса, но все же не ожидл увидеть так близко. С того места, где я остановился, до пещеры оставалось метров десять вертикали и короткий траверс по полке. Ну да, кажется, там полка.

Я не смотрел вниз. Солнце обливало огнем лицо, веселило сердце. Бездна под ногами холодила пину, но озноб опасности еще не проник в душу. Меня неудержимо тянуло вперед. Было весело, я почти смеялся, бросая по скале невесомое тело.

Вот и полка. Неширокая каменная горизонталь тянулась влево, и там, метрах в трех, зияло заветное "окно". Теперь оно не казалось таким маленьким как снизу - сумрачная зовущая арка в золотистой скале. Еще немного, каких-то три метра горизонтали, и я смогу заглянуть туда, где, возможно, еще не был никто! Каких-то три метра по карнизу - но что -то настораживало еня в ее застывшей неровности, удерживая от дальнейшего движения. Но что?

Несколько мгновений я колебался. Отступить в трех шагах от цели?

Чего бы это ради? Но что же это мне не нравится? Все, вроде бы, нормально. Решайся!

Все еще не понимая причин внезапно зародившейся тревоги, я осторожно выполз на карниз.

* * *

Я сидел у входа в пещеру и завороженно следил, как он, кувыркаясь, падает вниз. Камень вывалился из-под руки неожиданно, но я уже был на площдке перед пещерой. Успел. И теперь, замирая, провожал взглядом его тягучий полет. Вот камень прошел в метре от выступа, исчез за ним, и вдруг сухой треск распорол тишину. Из невидимой за выступом глуби веером выметнулись осколки. Солнце подхватило их, но - не удержав - снова швырнуло вниз. И дальним грохотом отозвалось Ущелье.

Все еще во власти этой картины, я машинально зажег фонарь, снял со спины еревку, ледоруб. Обернувшись, посветил в черноту пещеры. Я не верил своим глазам. Едва начавшись, пещера заканчивалась. Потолок смыкался с полом, уходил в смешанную с ветками и пухом пыль. Однако, и впрямь гнездо. Обидно.

Надо было озврщться, и от этой мысли тонко заныло под ложечкой. Мысленно чертыхаясь, я снова уселся у входа, свесил ноги с площадки. Что-то изменилось вокруг. Я не мог понять - что. Солнце? Оно все также ласкало стену. И Ущелье подо мной было тем же. И ветер. И сосны наверху. Что-то изменилось во мне самом. Вот что! Исчезла уверенность...

Со все растущим беспокойством я ощупывал глазами разом покрутевшую скалу. Я больше не верил в нее. Все казалось гнилым. Эти камни - они издевательски усмехаются, поджидая меня. Одно неверное движение и... Плечи передернул озноб.

Ни зацепок, ни черта! Как же я тут шел? Противно вспотели ладони. Если бы не тот, в последний момент вывалившийся из-под руки, зацеп... Страшно далеко внизу, едва различимые на осыпи, шевелились оранжевые каски. Они смотрели вверх.

- Ну что-о-о?

Голос снизу дошел до меня почти не измененным.

- Пусто.

Странно. Нас разделяло не меньше сотни метров, мы говорили практически в пол-голоса, но слышали друг друга прекрасно.

- Слеза-а-ай.

Легко сказать. Надо было что-то придумать... Прежде всего, надо проверить проклятый карниз. Обратный путь шел по нему. Закрепившись на площадке, я дотянулся и ткнул штычком ледоруба первый попавшийся камень. Он отвалился легко, будто отклеился.

- Побереги-и-ись!

* * *

Я никогда не забуду как бились в Ущельи эти камни. Сухой треск, будто электрические разряды или будто кто-то пластал на куски полотно. Сверкающие на солнце осколки, и где-то глубоко-глубоко гулкий грохот на осыпях.

Грохот, полет, треск.

Я отковыривал все новые куски. В каком-то неистовстве сталкивал вниз. Караулили меня? Вот вам!

Потом свернул покомпактнее веревку - она был бесполезной: зацепить ее здесь было решительно некуда, а крючьев у меня не было. Сунул за спину ледоруб. Вытер о камень мокрые ладони. Надо было решаться... Ну! Другой дороги все равно нет. Медленно я лег на карниз. Предельно осторожно прополз над отвесом. Сердце бешенно колотилось.

Теперь спустить ноги... Под правую руку подвернулся зацеп. Надежно. Надежно? Главное - не спешить. Теперь найти зацеп для левой руки. Не спешить, но и не медлить... Ведь все так просто! Надо соскользнуть

с полки и на какой-то момент повиснуть на руках, а ногой вон тот выступ...

Пот заливал глаза. Я не видел больше солнца. Солнце? Ржавчина! Мир сжался. Жесткие травинки у лица, шероховатость камня под пальцами и ледяная бездна за спиной. И скованность во всем теле.

Ну, давай!

Как можно аккуратнее я спустил с полки левую ногу, затем правую, разворачиваясь телом, повернулся поперек карниза, сполз вниз на отвес и, повисая н руках, потянулся ботинками к заветным опорам. И в этот миг что-то тяжелое и холодное легло на бедро, отрывая от скалы. Сознание не успело отреагировать. Среагировало тело. Левая рука сорвалась, но правая намертво вцепилась в зацеп. И в тот же момент нога обрела опору. Я откачнулся от скалы, выскальзывая из-под срывающей тяжести, и она с шорохом ушла вниз.

Я не смотрел вслед Моему камню. Я мог бы представить во всех подробностях, как могу сделать это и сейчас,его стремительную таекторию. И впечатлся в память тяжелый грохот внизу, а затем клекот выплеснутых на осыпь осколков.

Потом я поймал себя на ощущении, что улыбаюсь. Губы кривились в странной, независящей от меня, улыбке, и тело вновь обрело послушность. Будто ничего не случилось. И солнце по-прежнему обжигало, плавило скалы и сосны, и только дивно синее небо над головой казалось почему-то холодным. И от этого чудилось, что Ущелье, отступая в небо, остывало, покрывая черными тенями растресканную позолоту каменных стен.

* * *

Есть в Ущельи одно место - на повороте, у старой березы, не весть как уцелевшей в этом каменном крошеве, где, как бы ни спешил, я всегда останавливаюсь. Сбрасываю рюкзак, сажусь на камень, поднимаю глаза. Там, высоко надо мной, на белой стене, чернеет "окно".

Солнце золотит молчаливые стены. Я смотрю и улыбаюсь. Как странно - прошло столько лет, все изменилось, а Ущелье все то же. Кажется, что вот сейчас подойдет Рустэм, кивнет через плечо:

- Пойдем, что ли? Брыкин там дырку откопал.

- Сейчас, - я улыбнусь, одену каску. = Иди, я сейчас.

И долго буду еще так, улыбаясь, сидеть, глядя на свои подрагивающие пальцы. Потрескавшиеся, как исполинские стены, склонившегося надо мною Ущелья.

1975-1981

ЧЕЧАКО.

==========

...

- Что значит, чечако? - спросил Кит.

- Ты, например, чечако, я - чечако, - был ответ.

- Быть может, это и так, но мне все же не ясно. Что значит слово чечако?

- Новичок.

...

Когда последняя миля была уже на исходе, он, собрав остаток сил, кое-как дотащился до места стоянки и упал ничком с поклажей на спине. Это не убило его, но прежде чем встать, он пятнадцать минут пролежал неподвижно, не в силах расстегнуть ремни и снять с себя тяжелый мешок.

...

- Другие могут, значит, можешь и ты, - сказал ему Кит, хотя в глубине души его мучило сомнение, не бахвальство ли это.

...

Кит понюхал воздух и взглянул на девушку.

- Я чечако, - сказал он.

По выражению скуки на ее лице он понял, что она сама это знает. Но Кит не смутился.

- Свое огнестрельное оружие я бросил по дороге, - сказал он.

Тогда она узнала его, и глаза ее блеснули.

- Не думала я, что вы доберетесь так далеко, - сообщила она.

"Смок Беллью" Джек Лондон.

Шаг, шаг, шаг.

Один, два... восемь... четырнадцать...

Нет, так еще хуже. Считаешь, и нет конца.

Вдох - раз, выдох - два...

Данька оторвал взгляд от размазанной перед глазами дороги, и его тут же повело влево. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться за ветку. Вовремя подвернулась! Под заполошный стук сердца медленно вспухали перед глазами желтые круги.

Стой, сказал он себе, погоди, надо отдохнуть. Хорошенькое дело, отдохнуть! Сесть бы...

Данька тоскливо огляделся. Бурая глина дороги не радовала глаз. Как же, сядешь! Эта трехпудовая глина за плечами так и припаяет к земле. Хоть плачь, а одному не подняться. И тогда все. Тогда конец этой немыслимой гонке. Может, все-таки сесть?

Согнувшись, он уперся локтями в колени, осторожно перевалил вес на спину. Ноги тихонько заныли, зато удалось свободнее вздохнуть, расправить налившиеся болью плечи. Уф!

Отдыхая, Данька тупо уставился на свою черную бесформенную тень. Рюкзак на ножках! Дурак. Чего он ввязался? Шел бы себе потихоньку с нормальным рюкзаком. Нет же!

Он вдруг очень отчетливо вспомнил первый день экспедиции. Не весь, конечно. Это только в книжках пишут: "Он вспомнил всю свою жизнь!" Попробуй, вспомни.

Так что сейчас Данька с удивительной четкостью вспомнил только ее глаза. Черненые ресницами, будто подкрашенные - с колкой иронией, даже насмешечкой такой. Позавчера это было, на первой ночевке.

- Геро-ои! - растягивая слова, Нелка явно подначивала. - Тита-аны! Сто двадцать фунтов для них - тьфу!

- Ну и что? Полста килограммов, - Юрка, еще более квадратный в своей грубой штормовке, цедил чай из эмалированной кружки, сплевывая сквозь зубы "нифеля". - Джек Лондон, это конечно. Мне вот отец рассказывал, они на Камчатке...

- Оте-ец! - Нелка скривила блестящие губы, прищурилась. - Чего ж сегодня сюда-то ползли - дохли? Чай, и мешки не камчатские, и перевал - не Чилкут!

Данька невольно нахмурился. Нелка нравилась ему, но чего она взъелась? Конечно. Шли они с Юркой сегодня неважно. Прямо скажем. Так ведь и не они одни. Кое-кто так и вообще еле плелся.

Данька вспомнил, как тогда еще внутренне усмехнулся. Па-адумаешь! Ну не сто фунтов в рюкзаке. Была нужда спину ломать! Послушать Нелку, так это они с Юркой во всем виноваты. Ночевать группа сегодня должна была под перевалом. По плану. Ну, не дошли, сдохли. Стреляться теперь?

- Че ты шумишь? - Данька смотрел на нелкины белые ровные зубы. Играют - аж светятся! - Че шуметь-то теперь? Всяко бывает. Не вошлись еще. Последний день, что-ли? Догоним неспеша.

- О! - Нелка крутнулась н чурбачке, уставила в него колючий взгляд. - И этот туда же. Чечако, понимаешь!

- Нелик! - Володя, руководитель их группы, примирительно улыбался.

- Че-ча-ко!

Данька выставил вперед худую челюсть, презрительно протянул:
- Па-адумаешь!
- Вот-вот, - Нелка пробуравила его насмешливым взглядом. - Ты не "чекай", ты туда посмотри. Во-он горочка!
Данька невольно глянул в ту сторону, где за ближними увалами синел лесистый хребет.
- Па-адумаешь!
- Поглядим, - Нелка неожиданно уронила взгляд, будто занавесилась ресницами. - Все вы смелые... на словах. На перевале посмотрим.

* * *

- Че она? - Данька застегнул полог палатки. - Она чего, всегда такая бешеная?
- Не-е, - Юра, устраиваясь, шуршал спальным мешком. - Находит на нее. Нелка, брат, девчонка что надо. Не бери в голову.
- Да я и не беру, - Данька с наслаждением распрямил в мешке гудящие ноги. - Ты-то чего молчал? Сам же начал - "мили", "фунты"...
- А что с ней говорить, - Юра вжикнул замком "молния". - У нее бзик на этой почве. Считает, что мы, мужики то есть, мельчаем нынче. Феминизируем. Да ты сам слышал.
- Да? А я так наоборот считаю. Мы прошлый год на соревнованиях в Питере были, в Эрмитаж ходили. Я Рыцарский зал помню. Ну и мелочь же были сеньоры! По плечо все, не выше...
- Так то акселерация, - Юра громко зевнул. - Акселерация плюс феминизация всей страны. Понял? Спать давай. Нелка в одном права. Первальчик-то суровенький будет. Я так чувствую, что завтра мы на него тоже не взойдем. Яман-тау.
- Чего?
- Ну, страшный, что-ли. Это по-здешнему. Плохая гора.
Данька понимающе хмыкнул. Все тело ныло. Устали они сегодня. Всю ночь, почитай, промаялись в поезде. Какой сон в общем вагоне? Хорошо, уехали еще. Потом автобус. Не ели толком. Какие тут рекорды?
А все-таки здорово! Юрка молодец, что затащил его в эту экспедицию. Ну что бы он делал сейчас дома? В лучшем случае валялся бы на пляже. Каникулы!

* * *

Данька шевельнул запекшимися губами.
- Кретин, - вслух сказал он. - Вот тебе каникулы. Нашел развлечение?
... Они только что сдали последний экзамен на третьем курсе. Отстрелялись. И всей группой двинули в парк за Яузу - по пиву. А вечером в общежитие заскочил Юрка. Успел сбегать домой - москвич, хорошо ему! Впрочем, сам Юра так не считал, завидуя обшежитской вольнице.
Так вот тогда-то он и обмолвился об экспедиции. Данька машинально переспросил. Юрка ответил. Дальше больше. Агитатор из Юрки получился б отменный. Поедем, говорит. Пару неделек пошатаемся. Что дома-то делать? Пещеры посмотрим. Ребята там - что надо, девочки.
Раньше Данька в оходы не ходил. Велосипедом занимался. Сборы, тренировки, соревнования. А тут вдруг решил - поеду! Пару недель в экспедиции, а потом домой. И то сказать, в пещерах ни разу не был...
Данька качнулся вперед, тень на дороге дернулась, поплыла по прошлогодней хвое. Сердце, вроде, притихло. Ну, пошли!
Низко согнувшись, Данька полез на очередной бугор.
Эта тень! Невесомая клякса. Снова, набухая, подступили к глазам солнечные пятна.
...Как шоссе. И та же скрюченная тень, и жажда, и подступающая вдруг немощь. Шоссе. И он в отрыве. скорость, правда, поменьше...
Данька криво усмехнулся. Хотел сплюнуть густую слюну, но не стал. Тренер всегда говорил: не плюйся, не верблюд. Береги влагу.

Не слюна - пластилин.

Данька трудно сглотнул под шаг, дыхание не сбил. Хорошо.

Петляя между стволами, выбрасывая в стороны объезды, дорога круто забирала вверх. Дорога, как диковинное дерево прорастала сквозь лес, не желая умирать в завалах и колдобинах. Лягушачей окраски ямины эти изумляли величиной. Так и веяло от них надрывным треском тракторных движков, автомобильной трагедией. То тут, то там из рясочной тины торчали ободранные металлом ошкуренные ваги. данька с трудом перелез через преграждавший дорогу ствол. Рухнуло же бревнище!

И пятнадцати минут не прошло, а уже снова свинцовой болью натянуло плечи. И мухи эти! Так и вьются, сволочи...

Данька по-лошадиному мотнул головой. Нет, это не велосипед. Там борешься с ветром. Здесь же - как ложка в патоке. Данька вытер щеку о плечо. Пот заливал лицо, капал на дорогу, едко резал глаза. Щиплет, зараза!

...Не шоссе. Но что-то общее есть. Он в отрыве, он один. Один! Самоубийца. Хорошо, что он "сухой". Толстому тут - точка. Плечи стерпеть можно, лишь бы "мотор" вытянул.

Нет, все, стоп-машина! Чуть дыша, Данька примерился, привалился рюкзаком к толстому стволу, подсел, облегчил плечи.

Вспомнились Нелкины насмешливо-удивленные глаза. Он не смотрел на нее, а все же заметил. И глаза, и твердую влажную шею в вырезе желтенькой майки.

...Он обошел их на первом же привале. Ребята заметили его не сразу: сидели на траве, откинувшись на рюкзаки. Голоса покрывало лесным шумом, но по тому, как Володя встал и направился было к дороге, сбрасывая высоту, Данька понял - пошел помогать. Ему, Даньке. Думают, он все - расписался...

Данька зло закусил засолоневшую губу. Нет, это ж надо так сглупить! Что он хотел доказать? Чего доказывать-то? Ведь он же не знал! Факт. Знал бы - не стал вчера ломить впереди всех. Так что все было честно. Честно?

Данька покрепче уперся в тянущую магнитом землю, зажмурился, пережидая соленую резь в глазах.

Если быть честным, то вчера он, конечно, сачканул. Зазорно показалось после того вечернего разговора отставать. Вот и скакал впереди группы - благо, дорога была одна: не собьешься. Еще пару раз подумал, чего тянутся, мол, можно бы и быстрее, коль охота на перевал поспеть. Потом подустал, сбавил, но все равно до вечера так и шел впереди всех.

Перед тем - утром - Володя, их руководитель, сам взвесил руками его рюкзак. Молча. Точно так же обошел рюкзаки остальных. свой тоже, хотя и без того было видно - хорош вес. Нелке сказал:

- Отдай что-нибудь, - поискал глазами. - Вон, Даниле отдай, он здоровый.

Лучше б не говорил!

Нелка глазом не повела, фыркнула:

- Еще чего! Опять дожидаться будем.

Мог бы тогда догадться... Нет же! Заело его, видишь. Больше, мол, дожидаться его не будут. Помчался. И к перевалу прибежал впереди всех. Как же, здоровый!

Так бы он и не понял ничего, да черт попутал. А может, Бог подсказал. Вчера вечером, уже в потемках, Данька вылез из палатки. По делу вылез. Ну и запнулся о чей-то рюкзак. Шипя проклятия, нашарил в потемках злополучный мешок, хотел рывком поставить его на место...

Не тут-то было! Рюкзачок, будто нехотя, приподнялся и снова лег на траву. Еще подумал: Вовкин, то ли? И тут увидел приметную даже в ночи черную летучую мышь на верхнем клапане. Зажатое в лапах солнце. Ахнул

- Нелкин!

Вот тут-то до него и дошло. Даже жарко стало. Как же это он сразу не сообразил? А еще туда же, в Джек Лондоны!

Ту ночь Данька тяжело ворочался в спальнике, но сон не шел. Чего ж, Володя? Видел же, что у него недогруз. А впрочем... Чего с него взять? Он же чечако, новичок. Откуда знать, на что способна эта коломенская верста? Да-а... Вот тебе и Чилкут.

Тогда-то он все и придумал. Придумал и заснул с облегчением. А встал чуть свет. Балбес. Серый рассвет туманом пеленал березы над лагерем, и перевалы ушли в пелену, затаились. Поеживаясь от утренней свежести, осторожно обошел вокруг палаток. Рюкзаки диковинными глыбами бугрились на траве. Влажно чернели котлы у подернутого пеплом кострища. Стараясь не шуметь, полез в первый рюкзак...

Отгоняя мухоту, Данька мотнул головой. В висках все еще стучало. Велошапочка - хоть выжимай. Вот ведь! Потрлся. ШЩел бы сейчас с нормальным рюкзаком. Он ведь не отказывался: дали бы - понес. Не дали, так и ладно, им виднее. Они ж бывалые тут все. Поздно, батенька...

...Управился он быстро. Свой рюкзак еще до того поставил на заломленную березу. Удобная получилась березина - стоя можно в лямки влезть. Сложил все в рюкзак, упаковал. Места практически не оталось, так что спальник и остльное потом пришлось увязывать сверху. А тогда он потихоньку вернулся в платку, забрался в спальный мешок. И как провалился.

Спасибо Юрке, утром растолкал. Данька, еще в сонной одури, высунулся на волю. Утро-то было! Роса, солнышко. Нелка выбралась из соседней палатки, потянулась, аж косточки хрустнули. Он не стерпел, зыркнул глазом. Уж больно хороша была Нелка: длинноногая, налитая. Руки, шея, хвост каштановый. Заметила.

- Чечако! - Нелка изогнулсь презрительно. - Не здороваешься?

- Доброе утро, - буркнул Данька. Как мог безразличнее.

- Ой, доброе, чечако! - она дивной желтой кошкой скользнула к своему рюккзаку, нагнулсь, вытащила полотенце, пошла к ручью.

Данька опять не удержался, глянул вслед. Осанка, походочка. Лебедь черная! И чего такие по горам с рюкзаками бродят? Ей бы... Нелка оглянулась вдруг, ожгла глзищами:

- Что смотришь? Нравлюсь? Че-ча-ко!

Данька вспыхнул до корней волос, но взгляд выдержал. Промолчал, правда. Не нашелся.

- Ну, смотри, - девушка склонила голову к плечу, прищурилась. - Че-ча-ко! - только зубы высверком.

Дался ей этот чечако! Юрка, черт. Влез тогда с этим Кондайком. Интересно ему, понимаешь, кто больше унесет: они - фунтов или мы - килограммов. Ну да ладно.

Позавтракали они. Данька пожевал рисовой каши. За компанию больше. Аппетита совсем не было. Он и вообще по утрам не очень-то усердствовал, а после нагрузок так и вовсе. Пока ребят сворачивали палатки, спустился к ручью. Выскреб от нагара ведро, подумал, умылся еще раз. Вода, поначалу казавшаяся теплой, в конце концов добила-таки сонную дурь. Даже озноб прошиб.

А когда вернулся на поляну, лагеря не было. Ребята сидели на рюкзаках, смотрели - будто его одного ждали. Данька сунул Юрке ведро, неспеша пошел к своей березине.

Спальник он привязал к рюкзаку сверху, под клапан. Внутри сеста не осталось. Оглянулся. Володя подпрыгивал с рюкзаком, утряхивая груз. Махнул рукой:

- Покатили!

Ребята, помогая друг другу, вставали, тяжело направлялись к дороге.

Нашаривая ремень, Данька привалился спиной к своему мешку. Он не заметил испытующего взгляда Володи, находу, из-под плеча. Данька ничего теперь не видел, потому что перед ним, заслоняя мир, возникла и замерла на траве длинноногая тень. Она!

Преодолевая оцепенение, поднял насторженный взгляд.

Нелка тягуче повела плечами, расправила широкие лямки, прищурилась.

- Чечако! Если и сегодня, - она белозубо улыбнулсь, коротко кивнула на перевал. - Если и сегодня придешь первым - поцелую. Ну? Че-ча-ко!

И пошла. Упруго, ровно, только солнце на загорелых ногах.

Данька ошарашенно открыл рот. И вдруг озлился.

- Первым, говоришь?

Яростно сунул плечи в ремни - хорошо еще сделал войлочные подушки! - рванул рюкзак с березины и чуть не присел. Весом сдавило плечи, прижало поясницу. Будто хрустнуло.

- Перебрал! - ахнул Данька.

Он сделал несколько шагов. Вот тебе и сто двадцать фунтов! Ведь не меньше. А то все сто пятьдесят. Вот они - сумочки! Специально изготовленные сумки с индивидуальным спелеоснаряжением. Володя их сам конструировал. В них было уложено все личное "железо" - обвязки, самохваты, карабины. Спелеосумки Данька вытаскивал из рюкзаков намеренно. При добром весе они имели малый объем. По отдельности они не казались тяжелыми. А все вместе... Пижон! Геракл велосипедный.

Раздумывать было некогда. Надо было что-то решать, пока еще ребята не ушли далеко. Лезть таким мешком на перевал?

Данька открыл было рот, но снова в глаза ударила нелкина ровная, будто плывущая, походка. Она что-то хохотнула там, еле слышное, и Данка следал вторую глупость. Он пошел. Впрягся. Назвался груздем. Идиот! Собственно, выбора у него теперь не было.

* * *

Дважды, четырежды идиот! Данька с усилием откачнулся от ствола. Нет, так лучше не отдыхать. Одна мука.

Ну так пошел!

Если бы вся дорога состояла только из первых шагов!

Пошел. Данька с трудом поплелся по глинистой обочине.

...Так вот. К первому привалу он отстал от группы метров на сто. По уму, надо было дойти до ребят, бросить мешок и сказать... Что-нибудь. Ну, хотел помочь, ну, перебрал, не могу больше. Посмеялись бы да и все. Так нет же. Попала шлея под хвост.

Он достал их на привале, когда Володя уже шел к нему навстречу, и двинул дальше. Тогда Данька еще не знал, что будет так плохо. Он достал их и, даже не глядя ни на кого, ощутил, что что-то изменилось в их взглядах. С самого начала похода Данька чувствовал, что к нем присматриваются. Благожелательно, по-доброму, но присматриваются. Что за человек? Новичок!

Данька старался держаться также: дружелюбно, но независимо. Ему нравились эти ребята. И сразу захотелось почувствовать себя среди них своим. Странно. Он давно не испытывал ничего похожего. Со времен его первой велокоманды.

И вот сейчас он почувствовал, что что-то изменилось. Но он двинул дальше. Молча, глядя под ноги, только бы не оступиться, не упасть. Данька знал, упадет - сам не поднимется.

Кто-то окликнул его. Кажется, Володя. Он шел навстречу, и посторонился, пропуская его.

Кто-то сказал - стой, покурим!

Кто-то удивленно рисвистнул: - Во, дает!

Данька не обернулся. Не то, чтобы не хотел. Скорее, не мог. И все же увидел: лежа в траве, Нелка смотрела на него. На смуглой щеке пыль-

ца, в зубах травинка. Смотрела недоверчиво, с тенью былой насмешки.

Чечако!

Да, тогда Данька не знал, что будет так скверно. Солнце. Оно выкатилось неведомо откуда непрошенно зачем. Громоздкое, яростное. Вскарабкалось над горами, сгустило воздух, накалило лес. Где-то позади под его кронами гулко раздавались голоса. Влажный дух чащобы, как раскаленное марево над шоссе. А пелетон, похоже, отстал... Вперед!

Следующий час он держался на злости. Тело - комок боли и усталости. Солнце теперь било в спину, в кинжальную прорезь дороги, и черная данькина тень качалась перед ним по ее бурой перевитой корнями поверхности. Уныло-нелепая тень на тоненьких ножках. Она сгибается, дергается в мучительном ритме. А чертова дорога уходит, наверно, к самому небу...

Шоссе. Какое, к черту, шоссе! Тренер как-то обмолвился, что с его данными можно стать неплохим "горником". Сух, жилист, ни грамма лишнего веса. Надо только работать.

"Горный король"! Это он-то - король? Выжатая в лимон сосиска... Эти, у Лондона, уродовались из-за золота. И все их понимали. И до сих пор понимают. А он? Он, видите ли, так отдыхает! Чечако. Не-ет, пора выбрасывать патроны...

* * *

Данька остановился. И тень остановилась, распластались у ног черной тряпкой. Последний подъем - каменистые осклизы, искрошенные тракторныи гусеницами глыбы - выжали из него все. Уже не думая о том, что может и не подняться, Данька повалился на обочину. Рюкзак тупо ударился в землю, потянул назад, с хрустом подминая кусты.

С мстительным наслаждением Данька вытянул плечи из лямок, отполз, растянулся поперек дороги. Все. Он сдох, спекся. Что угодно, но с него довольно. Больше он не делает ни шагу. Пусть забирают свои фунты-килограммы! Он будет крутить педали. Там хоть не ломит плечи. Он не верблюд, не вьючное животное.

Данька со скрипом сел. Дорога была почти сухая. Водички бы... Стянул с головы шапочку, вычистил из глаз соль. Проорга лся, глянул по сторонам и - не поверил.

- Постой, постой... - Данька, как мог быстро, цепляясь за кусты, встал. Посмотрел назад - дорога шла вниз. Посмотрел вперед - там, в полусотне шагов, дорога исчезала, проваливаясь в просветлевший лес. Еще не веря, он проковылял эти полсотни шагов и тупо уставился вниз, куда убегала, срывалась на скат дорога. Перевал!

Он слелал несколько шагов назад к своему чудовищному рюкзаку. Будто летел! Ноги подпрыгивали, освобожденные от давящей тяжести. Вот ведь, а? Данька - мог бы - пустился в пляс. Что - взяла? То-то. Перева-ал!

Ладно. Дальше-то что? Он в раздумьи замер, уставясь на дорогу, и тень окорно замерла у его ног.Здесь, на перевале, было прохладнее, и ветерок, налетая, ворошил листву и разом просохшие данькины волосы. Ой, как все болит! Ничего. Сейчас он оклемается и пойдет вниз. Все же девчата там. Интересно, какой получился отрыв?

Данька вдруг ясно-ясно представил ее прозрачные черненые ресницами глаза. Что бы такое сказать?

Он ничего не скажет. Он подойдет, молча возьмет у нее рюкзак, молча потянет гору. А она... Она будет идти и мучиться. Потому что с каждым шагом будет приближаться перевал. Вот так.

- Раскатал губищу! - Данька весело усмехнулся.

Шутки - шутками, а время идти. Может, и правда, кому помочь надо. Все-таки перева-ал! Яман-тау. Хм! Я мотаю... Пора двигать.

Данька косо глянул на свою тень.

- Ну? Че разлеглась? Че-ча-ко!

1981-1894 год

ПАЧКА ЧАЯ.

==========

Ах, дорогами, дорогами
Уходили мы домой.
Оставляя непроглоченным
В горле горечи комок.
Оставляя недокуренной
Горстку с крошками махры.
Оставляя след запутанный
От горы и до горы.
"Сумганская баллада"

Мы вышли с фермы только часам к двум. Да мы и не ставили себе больших задач. Ночевать решили на ташильгане, чтобы на следующий день уйти через перевалы в Сергушкино.

Нас было трое, и мы были сухие и звонкие, как березовые полешки, которыми в то утро мы в последний раз затопили печку старенькой избушки на Сумгане. Месяц экспедиции выжал из нас все: начиная с веса и кончая силами.

Нас оставалось трое, ребят давно уехали в город, а вот тепрь уходили и мы. И было немного грустно, потому что за этот месяц, выход из Пропасти на непостижимо меняющуюся за время нашего отсутствия Землю, мы привыкли видеть все это: посеревшие нахохленные домики фермы среди расхристанных покосившихся загонов, ручеек под ними, выступившие из полегшей травы белые скалы и карры вдоль тропы. И раздвоенную, будто распятую на фоне дождливого неба, сосну над фермой. А еще выше, в туманно олумгле - курчавящиеся далекими лесами хребты.

Мы уходили, а урочище все также таинственно хмурилось нам вслед. И где-то лева, вон - пойти по логу - остался Кутук-Сумган, наша Пропасть. Две недели провели мы в его недрах, в хаосе величественного мрачного мира, имя которому - Пещера, пытаясь разобраться в нем, проникнуть в самое сокровенное. Две недели подземной жизни, поиска, риска и тяжелейшей работы. Но Пропасть не сдалась и на этот раз. И вот мы уходим, а чудовищное жерло Пропасти все также бесстрыстно смотрит в бегущие над ним и над нами облака. Как смотрит, наверно, и сейчас...

До свиданья. Мы еще вернемся.

Дорога вела нас через просторные поляны, уже присыпанные тонким снежком. Но был только конец сентября, и травинки н хотели сдаваться - то тут, то там пробивались сквозь снег. Мы шли совсем недолго, а рюкзаки уже начинали давить плечи. И это несмотря на то, что акваланги и часть снаряжения - килограммов сто тридцать, пришлось оставить в тайнике около фермы. Даже будь мы не так выжаты экспедицией, нам не унести всего этого втроем.

Да и оставшегося хватило, чтобы уже на первом подъеме тонко, тягуче заныли ноги и спины. Мы слишком устали за эту экспедицию. Но идти было надо, и мы уже разматывали не первый километр, когда солнце, весь день прятавшееся за тучами, начало садиться за горизонт.

Пошел снег. Невесомый, густой, он кружился над березовыми перелесками, засыпая непокорно зеленую траву. Это было красиво и грустно.

И вдруг с далекого горизонта в узкую щель под облаками ударило солнце. Оранжевое, золотое, алое - все перемешалось в его олепительных, низко стелющихся над землей, лучах.

Мы оторопело замерли, не в силах объять эту красоту. Снег все летел, плотно, густо, а сквозь его ватную круговерть алыми спицами нас-

тилом било солнце.

Потом на нас нашло безумие. И позабыв про двухпудовые мешки, мы кричали и кружились, такие же невесомые, как эти снежные вихри. Мы бли счастливы, как дети. Мы так давно не видели Солнца в своих подземных лагерях, а после - в пасмурных днях на пропитанной дождями Земле.

* * *

Потом м шли по лесной дороге, - сумерки догнали нас, а в глазах все стояло нечаянное чудо снега и солнца, налетевшее и также вдруг умчавшееся, словно в далекую сказочную страну.

Мы шли по лесной дороге, и постепенно земные заботы снова овладевали нами, потому что надвигалась ночь, а у нас не осталось ни грамма сахара и ни одного сухаря. Лишь несколько банок кильки да тщательно собранная в мешочек мелкая, как пыль, сухарная крошка.

И еще - пачка чая, чудом уцелевшая в глубине рюкзака: большая пачка индийского "со слоном". А впереди была ночь, день ходьбы через превалы и, может быть, еще одна ночь.

* * *

На Ташильгане оказалось полно народу: пастухи, ветеринары, еще кто-то с отдаленных ферм. Под навесом уютно фыркали и шелестели соломой расседланные кони, и нам не мгновение снова стало грустно. Все-таки мы здорово рассчитывали провести эту ночь в тепле.

Но оказалось, что мы рано расстраивались. Бродя по здешним горам, мы уже не раз убеждались в гостеприимности и доброжелательности местных людей. Их жизнь, также как и наша сейчас, был лишена городских условностей и предрссудков. Нас приняли, как своих, и когда мы, отводя глаза от давно не виденного хлеба, полезли в рюкзаки за консервами, нас без лишних слов усадили к общему столу.

Потом в полутьме, разгоняемой лишь притушенной соляровой лампой, курили все вместе ароматную махорку, слушали сквозь налетающие волны сна гортанные башкирские фразы.

Спали кто на чем, густо, в повалку. Какая разница? Главное - в тепле.

* * *

Пастухи встают рано, и утром, чуть свет, мы уже шагали по хрустящей ледком взявшейся за ночь дороге, унося с собой тихую благодарность к людям, встретившим нас вчера, совершенно незнакомых, накормили, а сегодня дали в дорогу целую четверть - четверть! - круглого душистого хлеба. Ледок весело хрустел под ногами, и мы спешили пройти как можно больше, пока накатывающийся день не растопил его звонкую корочку в слякотную дорожную глину.

Дорога петляла по вдруг просветлевшему прореженному осенью лесу, а в глазах все еще стояли домики Ташильгана, полуразрушенные, лишь один - с дымком, банька над ручьем и круглая, как шар, сенокосная сопка за ними. И там, за и над всем этим, совсем уже далеко - лесистые контуры Яман-тау - нашей вчерашней дороги.

Лес был засыпан снегом, но дорога не хотела замерзать надолго. Двое из нас были в сапогах, но у третьего после месяца экспедиции уже не оставалось ничего, кроме тяжелых отриконенных горных ботинок. Мокрые, буквально пудовые, они мешали идти.

Дорога была нам в радость. Мы давно уже перешагнули в себе тот барьер, после которого мало обращаешь внимания на боль и усталость. Звонкие и легкие, почти бежали мы по заснеженным перелескам, но нашему товарищу становилось все труднее. Он стер ноги, к тому же его била неведомо где приставшая жестокая простуда. И что хуже всего - разболелся зуб.

Он шел молча, он умел терпеть. Мы знали это, и наши сердца разрывались от невозможности помочь, облегчить ему эту ставшую пыткой доро-

гу.

Погода портилась. С утра было ясно, но к полудню потеплело. И вдруг, вместе с порывистым ветром, с хребтов потянуло холодом. Ветер продувал насквозь, и мы, довольно легко одетые - кто мог подумать, что будем уходить уже зимой? - мы согревались только на ходу и шли почти без привалов. И с каждым часом нашему товарищу становилось все хуже. А мы не могли взять у него вес, потому что каждый из нас нес столько, сколько мог. И еще потому, что без рюкзака он просто замерз бы на пронизывающем ветру, сотрясающем лес.

И все же мы шли, не сбавляя темпа. И только потом, когда и второй из нас на подходе к последнему перевалу вдруг не выдержал и тяжело опреся н ледоруб, мы узнали, что у него всю дорогу болело выбитое в Пропасти, а теперь раздерганное дорогой, колено.

Мы перекусили километрах в семи от Сергушкино, у старой, брошенной здесь кем-то бороны. Коченея на ветру, съели последний кусочек сала из НЗ и половину заветной горбушки. Очень хотелось закурить, но ветер и холод гнали нас дальше, и только зайдя в сосновую чащу, мы поняли, какую глупость сделали, остановившись на ветру. Здесь было тихо и сравнительно тепло, и мы торопливо скурили на троих свернутую из последне махорки тонкую самокрутку.

* * *

А на перевале, когда подъем уже почти сдал, из низких туч вдруг ударил снежный заряд, и все вокруг потемнело. Это было что-то невообрзимое. Плотная крутящаяся белая масса в один миг поглотила, засыпала нас.. Мир исчез в неистовстве снега. Мохнатые хлопья таяли на лицах, на штормовках, талые струйки текли за воротники. Видимость упала до двух-трех метров, и мы, растянувшись на подъеме, уже не видели друг друга. Мы кричали и шли через это белоснежное буйство, и наши голоса вязли, как в вате.

Кончилось все также неожиданно, как и началось. Мы стояли на перевале - ослепленные, мокрые, и не верилось еще, что горы позади, что теперь остается только вниз, вниз, вниз! И так до самого поезда.

Впереди, за лобастой известняковой сопкой, уже серело непогожее Нугушское водохранилище с рассыпанными по берегу домиками Сергушкино. Здесь мы надеялись договориться о транспорте, чтобы сократить последние километры до поселка, откуда к поезду уходил автобус.

* * *

На спуске с перевала на нас навалился дождь. И чем ниже мы уходили от снежных затянутых облаками хребтов, тем гуще сеял этот серый промозглый душ. Мы уже свыклись с зимой, и дождь был нам странен, как будто мы вдруг отшагнули в прошлое. С неба лило, а нам было уже почти все равно. Главное: мы дошли. Да к тому же у ншего товарища отпустил зуб, и это сразу добавило нам настроения.

Рюкзаки сбросили на площади, если можно было так назвать эту расчавканную поляну посреди Сергушкино. Сложенные у забора бревна приняли их вес, и мы - наконец-то! - распрямили плечи. Чувствуя непривычную парящую легкость, пошли к "работной избе", как просебя, не сговариваясь, назвали большой дом на краю площади. Здесь вразброс стояли телеги, и понурые лошади тоскливо жевали мокрое желтое сено.

Мы вошли и сразу поняли - не ко времени. Изба, полная подвыпивших мужиков, курилась табачным дымом. Нам очень нужна была лошадь, потому что у нас на троих оставались ровным счетом три здоровые ноги, и последние километры представлялись нам пыткой. Их было немного, этих последних километров. По ровной дороге вдоль озера. Но мы настроились, рассчитали себя только до Сергушкино. Мы выложились, и теперь ни у кого не оставалось сил, чтобы пройти еще и эти, последние, километры.

Нам очень нужна была лошадь, и потому мы все же попытались загово-

рить. Но водки у нас не было, за подслеповатыми окнами шел дождь, а деньги в этих краях, да еще при такой погоде, стоили мало. Поэтому разговор, прерывистый и продымленный, на сложной смеси русских и башкирских восклицаний, междометий и покачиваний головой, принимал явно затяжной характер.

Мы стояли измученные долгими горами, насквозь пропитанные дождем и усталостью, и чувствовали, как поднимается изнутри безнадежная злость. Надо было идти, потому что все равно идти было надо. Но трудно было вот так, когда уже думали, что все, снова приниматься за рюкзаки.

И мы повернулись уже было к дверям, когда из толпы сытых в тепле и водке телогреек поднялся сухощавый башкир и окликнул нас:

- Эй, погоди. Я повезу.

Недоверчиво, сдерживая робко зародившуюся в груди надежду, слушали мы, как загомонили мужики, залопотали что-то предостерегающее. Но наш неожиданный друг молча протолкался к выходу и вслед за нами вышел под дождь.

* * *

С серого неба сочилась непогода. вслед за башкиром мы пересекли пропитанную водой площадь.

- Забирайте, - он с интересом окинул взглядом наши здоровенные рюкзаки. - В дом пойдем.

Стараясь не хромать, мы прошли вдоль окраинных домов и по одному втянулись через калитку в небольшой дворик.

- Бросай сюда, - хозяин поправил солому н дне телеги. - Сзади ближе бросай.

Мы положили три рюкзака, и места в телеге не осталось - будто его никогда и не было. Погрузили, замерли в нерешительности, широко расставив залитые грязью ноги. Хозяин поднял глаза:

- В дом пойдем, однако.

Мы в замешательстве переглянулись. Страшны м были: грязные, мокрые до ниточки, оборванные. В дом?

- Айда, айда! - не слушая возражений, хозяин первым вошел в сени, снял сапоги.

Неловко толкаясь, мы втиснулись следом, загромоздили сапогами и триконями весь пол.

Вошли в комнату.

- Жена нету, - хозяин поставил на узкий столик самовар и впервые улыбнулся, будто извиняясь. - Жена в город уезжал. Садитесь. Чай будем пить.

Ребятишки, одетые разношерсто, но чистенько, вовсю таращились на нас, сверкая бойкими глазенками из углов опрятной горнички.

* * *

Самое трудное было - не спешить. Мы с мазохистской медлительностью брали толстые куски хлеба, намазывали их маргарином, посыпали сахаром. Потом надо было сделать так, чтобы вся эта роскошь не исчезала мгновенно.

В простых некрашенных пиалах чуть не кипел заваристый чай, а мы лили в него густое молоко, сыпали сахар, наслаждаясь разливающимся изнутри теплом. За месяц экспедиции мы потеряли в весе о нескольку килограммов, а в этот день и вовсе ничего не ели, если не считать скромного перекуса у бороны н Юрмаше. Мы изо всех сил старались не дать прорваться наружу голодному блеску глас и жадности движений.

Наш хозяин сам почти не прикасался к чаю. Прихлебывал из пиалы и молча смотрел на наши осунувшиеся, почерневшие лица.

Мы съели по два куска хлеба с маргарином и выпили по две пиалы чая. Мы могли бы съесть и выпить в пять - да что там! - в десять раз больше, но, не сговариваясь, поставли чашки на стол.

- Спасибо.
- Ешьте еще.
Мы обняли глазами еще полный стол.
Нет, спасибо! Сыты уже.
- Ну, что ж, - хозяин быстро сказал что-то девочке лет девяти, видно, убрать со стола. встал.
- Что ж. Поедем.
В дверях задержался.
- Вы на них не смотрите, - он кивнул в сторону площади. - Пьяные они - худо. Так - ничего.
Мы вышли во двор, унося в себе волшебные запахи гостеприимного дома. Хозяин уже запрягал лошадь. И дождь, точно отчаявшись остановить наше возвращение, тоже стих, притаился в насупленных над водохранилищем тучах.

* * *

Дорога вилась берегом. Мы то отставали, то снова догоняли наши рюкзаки, неспешно влекомые понурой лошаденкой. Наш возница был по-прежнему молчалив, лишь изредка ронял ничего не значащие фразы.
Как быстра налегке дорога! Вот замаячил впереди, приблизился, обступил нас Нугуш. Последние метры. В конце этой улицы, наверно, уже ждет автобус.
Но странное дело! С каждым шагом все муторнее становилось на душе. Невольно мы все думали об одном. Вот сейчас приедем, сгрузим рюкзаки, и надо будет расплачиваться.
Но чем? Сунуть деньги или попросить одождать, и кому-то бежать за водкой? От этих мыслей становилось неловко, противно как-то. Вот сейчас мы заплатим за все это: за чай, за лошадь, - за все.
Что же делать?
Он подвез нас почти к самой автостанции. Отсюда до автобуса оставалось и вовсе рукой подать.
- Приехали, - он спокойно, как-то даже чересчур спокойно смотрел6 как мы, не глядя друг на друга, вытаскивали из телеги рюкзаки.
Сбросили, выпрямились...
Он будто почувствовал наше замешательство, протянул руку:
- Ну, счастливо.
- Спасибо!
В душе еще металась неловкость.
Он посмотрел, будто удивленно:
- Вам спасибо.
- За что? - мы оторопело смотрели на него.
- А мне за что?
Он уже разбирал вожжи, как один из нас, будто вспомнив нечто важное, вдруг кинулся к рюкзакам, достал что-то, протянул ему.
Это был чай. Большая пачка: индийского "со слоном". Мы совсем забыли о ней!
- Держи.
- Зачем? - он чуть отстраненно взглянул на наши расстроенные лица.
- Так чай же... Пить. У вас ведь нет тут... Со "Слоном".
- Ну... Спасибо, - он взял чай и вдруг улыбнулся. Впервые за это время.

* * *

Мы смотрели ему вслед. Смотрели... Будто камень упал с души. Будто только что могло, но так и не свершилось нечто тусклое, постыдное, чуть не омрачившее нашу память об этом удивительном, тяжелом и все же таком добром дне!
Мы смотрели до тех пор, пока возница, телега и лошадь не скрылись за поворотом и только тут обнаружили, что не спросили даже как зовут

нашего неожиданного друга. Но делать было нечего, и мы обреченно повернулись к сваленным в кучу рюкзакам.

Их надо было тащить еще целых полста метров! До самой автобусной остановки...

октябрь 1977 - январь 1981 - июнь 1994 года.

Г Л И Н Я Н Ы Й Э Т Ю Д.

-

Если смотреть на эту засыпанную снегом, съежившуюся от холода, землю сверху, скажем, с самолета, ее вид вряд ли кого-нибудь поразит. Пологие холмы и увалы, покрытые серо-белыми пятнами леса: темные ветвистые полосы - лога, светлые - взгорки. Лишь изредка мелькнут внизу прихотливо петляющая ленточка дороги да два-три зарывшихся в снег домишки. Сверху людей не разглядеть, да и есть ли они сейчас тут, в этом сверкающем зимнем опустении?

Хорошо сидеть в теплом уютном кресле самолета, слушать задумчивое гудение двигателей, думать о разном, глядя сквозь толстое стекло на медленно ползущую под крылом заледенелую ленту реки, плавно изгибающуюся меж крохотных обрывчиков-прижимов. Если смотреть сверху, никогда и не подумаешь, что земля эта, мирно дремлющая под толстым снежным одеялом, изнутри больше похожа на огромный голландский сыр. Промытая, пробуравленная неугомонной разрушительницей и созидательницей-водой, она только снаружи прячется в белый халат благообразности. Внутри же - хаос вертикалей и горизонталей, глины и камня, льда и воды. Внутри - мрак.

Но даже представив себе это, Вы, летящие в морозном сиянии дня, сидя в комфортабельных вреслах, глядя вниз и морщась от прощальных лучей заходящего Солнца - Вы не пойдете дальше по зовущей тропе воображения. Вам и в голову не придет, что там, внизу, в толще скалы, в каменном сердце укрытого снегами сыра, имя которому - Пещера, в эту самую минуту горит свеча...

* * *

... Они сидели в Нижнем лагере, у колодца Вейса. Тусклое пламя догоравшей свечи роняло багровые отсветы на исцарапанные каски, измазанные глиной комбинезоны, тяжелые - тоже в глине, ботинки. Рядом - протяни руку - деловито пыхтел примус, упорно борясь с промозглым холодом пещеры.

- Гнилая штука - спелеология, - сказал первый, в который раз выпуская из примостившегося на примусе котелка облако пара. - Особенно, зимой. Не кипит, зараза!

- Попробуй смотреть на вещи философски, - сказал второй, склонившийся над грудой грязного металла и веревок. - Например, то, что я ничерта не вижу, может указывать либо на недостатки нашего аппарата видения... - он осторожно почесал чистым кончиком пальца свалявшуюся под ремешком каски бороду и тем же пальцем поправил на носу очки. - ...Либо - на скудность освещения.

Первый покосился на него:

- Не будь скрягой и зажги вторую свечу. У нас пол-вагона стеарина.

- Братишка-Рустик, - проникновенно сказал бородатый. - Я всегда утверждал, что у тебя светлая голова. Жаль только, что она не годится для освещения...

Порывшись среди разложенных у стены банок и мешочков, он извлек новую желтую свечу, очистил фитилек и зажег.

В лагере сразу стало светлее, и отчетливо проступили вокруг поблескивающие влагой черные стены.

- Расточитель, - сказал бородатый. - Расточитель, но - голова!

- Во! - сказал Рустэм. - Белые ночи!

- Рыжие, - буркнул бородатый, роясь в своей куче. - В черную крапинку...

- Можешь задуть, - с готовностью согласился первый и снова взялся за крышку котелка. - А, черт!

Бородатый с интересом оглядел дующую на пальцы фигуру.

- Поцелуй Фортуны! - констатировал он. - Готово, что ли?

- Готово.

Басовитое гудение примуса стихло, и в наступившей тишине выпукло проступила бьющая с невидимого свода капель.

- Интересно, сколько уже натикало? - Рустэм разлил по кружкам дымящуюся жидкость.

- Сейчас произведу раскопки.

Очистив с пуговицы засохшую глину, бородатый расстегнул манжет комбинезона, оттянул влажную шерсть свитера, отодвинул рукав рубашки и только тогда добрался до циферблата.

- Ого! - сказал он. - Однако, пол-десятого.

- Двадцать один тридцать, - уточнил Рустэм, вспарывая ножом пачку рафинада. - Нормальные люди уже спят.

- Нормальные люди сидят дома, - отозвался бородатый, устраняя беспорядок, произведенный раскопками.

- Пей, философ!

Запах горячего чая приятно щекотал ноздри.

- Твоя правда, - бородатый потянулся за кружкой. - Пьем и идем на связь. Полчаса осталось.

* * *

Приближалось время связи. Тоненькая жилка телефонного провода пронизала толщу скалы. Дважды в сутки она объединяла их всех, разбросанных работой по причудливым лабиринтам Пещеры. И перебивая друг друга, летели вверх и вниз по проводу голоса: радостные и тревожные, звонкие и хриплые, шутливые и озабоченные. Приближалось время связи, и каждый внутренне торопил его приближение. Потому что все труднее было сдерживать в себе этот единственный и емкий до бесконечности вопрос: как там?

Как там, на Земле, все также холодно? А снег? Или на небе звезды?

Как там, на Верхнем ярусе? Что дала топосъемка?

Как там, в сифоне? Много ли воздуха в аквалангах?

Как там?

* * *

- Ну, как там? - Рустэм, переминаясь с ноги на ногу, гулко хрустел щебенкой. - Не слыхать?

- Тихо пока.

Бородатый поудобнее пристраивал к уху коробочку телефона.

От колодца на Верхний ярус противно тянуло холодом. Ажурные сплетения инея серебрились на промерзших стенах.

Рустэм зябко передернул плечами.

- Нашли местечко! - сказал он. - Ни отопления, ни печки, ни даже камина паршивого...

- Вот тебе "камин", - не отрываясь от телефона, сказал бородатый. Луч его фонаря уперся в уходящую куда-то вверх черную каменную трубу. - Грейся, пожалуйста... О! - он еще ниже склонился над телефоном. - Кажется, идут.

- Не стучи зубами, - посоветовал Рустэм. - Здесь можно без морзянки.

- Нет, показалось, - пробормотал бородатый. - Спят они, что... Да! Да! - вдруг закричал он в микрофон, - Да! Я - Нижний, я - Нижний!

Рустэм вздрогнул и уперся лучом в скрюченную у стены фигуру. Су-

масшедшее эхо закувыркалось под сводами.

- Ну, что, есть?

- Ага. Слышно что-то плохо... Эва, Верхний! - снова заорал он (- Побереги технику! - забеспокоился Рустэм), - Верхний! Плохо вас слышу! Давай громче! Во, теперь хорошо. Кто на связи? Радик? А где Ветров? Чего, чего?

По лицу бородатого поползла тень. Не отрывая телефона от уха, он резко выпрямился.

- Потише, - сказал Рустэм. - Жалко пещеру.

Бородатый свободной рукой вернул на место съехавшую от удара в потолок каску.

- Хреново...- сказал он.

* * *

- Хреново, - сказал бородатый, и его черная лохматая тень колыхнулась на стене. - Они не вернулись.

- Кто? - спросил Рустэм.

- Тройка Ветрова.

- Откуда?

- С Большого кольца.

- Давно?

- Только что? - сказал бородатый. - Слушай, не работай, как компьютер. Что - "давно"?

- Контрольный срок давно вышел?

- Два часа как, - бородатый зло сплюнул. - Они там все думали, что вот-вот. Ну и вот!

Белая мыльница телефона подрагивала в его руке.

- Так, - сказал бородатый. - Отставить север. Климат резко меняется на субтропический. Старик, давай бегом к Вовчику, а я полез на Верхний. Саня меня подстрахует.

- Вовчик сейчас в сифоне...- удаляющийся лязг триконей заглушил слова Рустэма.

- Связь через каждые полчаса! - крикнул вдогонку бородатый и загрохотал к колодцу.

* * *

Пот заливал глаза.

- Потише, - прохрипел Саня, падая рядом на холм рыхлой от сухости глины. - Еще немного, и нас самих придется спасать...

- Англичане сдохнут от зависти, - выдохнул бородатый, размазывая глину по мокрому лицу. - Через "Эверест" - галопом на карачках! "Голос Америки" уже охрип. А, Раф? Сдохнут англичане? Давай рюкзак.

Рашид молча соскреб с плеча мокрую лямку. "Эверест"- эта сорокаметровая, скользкая от жидкой глины, гора на Большом кольце Пещеры в компании с рюкзаком, в котором они несли веревки, не оставила ему сил на разговоры.

- Пошли!

Пудовые ботинки сотрясали своды. Галерея покатилась вниз. Теперь можно было бежать в рост, без риска стесать каской многочисленные выступы потолка. Три человека, три перемазанные до неузнаваемости фигуры мчались по упругому полу просторной галереи, их черные тени сплетались в бешенной пляске под гудящими сводами, и эхо грохотало им вслед.

Три человека - спасотряд.

Еще трое в оставшемся за спиной Верхнем лагере кипятили на примусах воду, то и дело поглядывая на часы. А в пятидесяти метрах под ними, на Нижнем ярусе, прирос к телефону Рустэм, чтобы, если все-таки - случилось, поднять по тревоге аквалангистов Вовчика...

* * *

- Все! - сказал бородатый. - Пришли. Это подъем в Глиняную систе-

му.

Он стояли на узенькой полоске расчавканной бурой глины. С низкого свода текло, и капельки мелко сыпали в обширную глинистую лужу у стены.

- Морду набью, - сказал Саня. - Если они просто зарвались, набью морду.

- Хорошо бы, - бородатый оценивающе щупал лучом круто уходящий вверх осклизлый каменный желоб с расклиненным поперек бревном. Оттуда, сверху, свешивался конец мокрой веревки.

Из темноты надвинулся Раф, тяжело перепрыгнул на их островок.

- Осторожнее, - сказал Саня, уцепившись за стену. - Ковчег перевернется.

- Борьба за место под душем, - пересохшими губами Рашид поймал каплю со свода. - Сколько мы уже идем, Костик?

- Тридцать пять минут, - сказал бородатый, растирая глину по запотевшим очкам. - Тридцать пять минут и семисот метров - как ни бывало!

- В жизни так не бегал, - сказал Саня. - Хорошо, что ты с Нижнего вылез - я бы не нашел эту "катушку"...

- Вперед, бокоплавы, - сказал бородатый и заскрежетал триконями по желобу.

* * *

Ленька с трудом отдрал комбинезон от перегиба и выполз из колодца. Полудохлая лампочка - последняя их надежда - папиросным окурком тлела на исцарапанной каске. Папиросный окурок - и километр Пещеры. Силы были явно не равны, но там, внизу, на дне этого проклятого Глиняного колодца, сидели без света двое...

Что будет, если потухнет и это жалкое подобие фонаря, Ленька старался не думать. Оставалось только молиться, чтобы этого не произошло. Молиться и ползти.

Расширенными зрачками Ленька нашаривал опору. Надо было спешить, но он твердо уяснил одну старинную японскую мудрость:

- Нэторопыза! - сказал Ленька, поскользнулся и боком съехал по жирному от глины откосу.

Их контрольный срок истек уже два часа назад, но ни звука не доносилось оттуда, куда брели непослушные от усталости ленькины ноги.

- Где-то в этом погребе должна быть дверь...- пробормотал Ленька, озираясь.

Галерея вывалилась в зал, против мрака которого его фонарь был бессилен. Откуда-то слева издевательски громко булькала капель, но идти надо было вправо - это Ленька помнил хорошо. И он пополз вдоль стены, для верности ощупывая ее руками.

Сколько времени прошло?

Где-то далеко приглушенно грохнуло и мягкими крыльями зашуршало под сводами. Идут? Ленька замер. Нет, показалось.

- Спят, собаки, - сказал Ленька. - Эва-а! - наудачу заорал он и поразился, на сколько разбуженное криком эхо исказило его голос. - Спят, не иначе...- горько прошептал он и встал на четвереньки.

* * *

- Тихо! - сказал Саня. - Раф, не скреби когтями... Орут?

Трое замерли на краю трехметрового уступа с круглой лужей на дне. В воду с бульканьем били сверкающие капли.

- Эва-а-а! - приглушенно донеслось из-за поворота.

- Это Ленька, - сказал Саня, примериваясь к уступу. - Я прыгаю.

- Не спеши, - сказал бородатый. - Наши похороны без нас не начнутся... Раф, доставай веревку.

* * *

Прошло уже почти четыре часа с тех пор, как Серега Ветров получил

от Судьбы сразу три подарка.

Выход получился удачным. Втроем они выскочили в незнакомую систему ходов, пробрались руслом белоснежной речушки, хрупкой чистотой бросавшей вызов своему глиняному окружению, но спустившись в сорокаметровый колодец в ее конце, уперлись в сифон. На подъеме из колодца они потеряли ось самохвата и угробили кучу времени. А время поджимало. До контрольного срока оставался всего час, а над головой все еще нависал карнизами Глиняный колодец.

И что хуже всего - они стремительно теряли свет. Два оставшихся невредимыми фонаря выжимали последние соки из подсевших батарей.

Проклиная на чем свет облепленную глиной веревку, Серега с ходу начал подъем в Глиняный, но тут измусоленный и измочаленный своей тяжкой работой репшнур, которым он привязал к ноге последний оставшийся у них самохват, с громким щелчком лопнул, и Ветров повис на самостраховке.

До стены колодца было не очень далеко, но руки! Жгут грудной обвязки лишал их крови. И уже не было сил, чтобы вцепиться в эти проклятые стены, и не было сил, чтобы подтянуться по осклизлой струне веревки.

Боль от обвязки туманила мозг, и поэтому Ветров не смог сразу оценить всей щедрости Фортуны, видимо, по оплошности сделавшей Сереге сразу три подарка.

А первый ее подарок заключался в том, что злополучный репшнур лопнул не в десяти, не в семи и даже не в четырех, а именно в трех метрах от дна колодца. Благодаря этому подарку, оставшимся на дне колодца парням, к этому времени перепробовавшим все средства, пришла в голову мысль, взгромоздившись друг на друга, попытаться дотянуться до ветровских ног.

Второй подарок Фортуны состоял в том, что Леньке удалось взобраться по Ветрову ровно на столько, чтобы обломком стекла их предпоследнего фонаря (ножа, как водится в таких случаях, ни у кого не оказалось) перепилить дрожащий под двойным весом шнур серегиной самостраховки.

И третий - что на все эти манипуляции им понадобилось всего лишь немногим более получаса. Чего, однако, хватило, чтобы налитые болью серегины руки, особенно правая, объявили полную забастовку и неспособность к дальнейшим действиям.

Ту мелочь, что, пролетев три метра, они упали не на ребристый выступ скалы, а в мягкую, удивительно слякотную, жижу - тоже можно было бы считать приятным сюрпризом...

Но не слишком ли много хорошего на один только день?

* * *

Они работали молча, вкладывая в каждый рывок веревки всю накопившуюся ярость скрученных в пружину нервов.

- Живы, - хрипло сказал Ленька, щурясь в трех дымных лучах, вместе с набегающим топотом ног с поразительной легкостью разметавших вокруг него мрак и тишину.

И в ту же минуту эта пружина, взведенная до отказа долгими, как ночь, мгновениями ожидания и вопроса - пружина их нервов, начала распрямляться, заливая неосознанной еще радостью сердца, заледеневшие в схватке с неизвестностью.

- Ленька! - пыхтел Саня, вместе с Рафом оттаскивая Ветрова от края Глиняного колодца. - Ленька, если и второй с такой же рожей - уволюсь! Пусть Синникова летучие мыши поднимают. Слышишь, Синников?

- Что-о? - донеслось со дна колодца. - Не понял! Повтори!

- Интересуется, - удовлетворенно хмыкнул Саня. - Ну-ка, Ветрыч, дай-ка я на тебя посмотрю!

- Красавчик! - восхитился бородатый, ощупывая глазами исцарапанную

серегину физиономию. Кровавые ссадины вперемешку с грязными потеками украшали его круглое лицо замысловатым орнаментом.

- Это мы его о скалу, - хмуро пояснил Ленька. - Пробовали подкачнуть, а у него уже руки были того...

В коренастой фигуре Ветрова, в его нелепо растопыренных руках, в скрюченной улыбке было столько непередаваемого юмора, что даже выжатый в губку Ленька не удержался - фыркнул.

Они стояли на краю колодца, давясь неудержимо рвущимся наружу смехом, до сих пор еще слабо соображая, до чего же все здорово обошлось.

- Ой, мамочка! - трясся Саня. - Серый, тебя же Москва не примет! Мы тебя в рюкзаке домой повезем - ты ж иначе всех пассажиров распугаешь!

- Сфотографируйся и набей морду фотографу, - всхлипывал Раф.

- Нет, ты сознайся, за что они тебя? - бородатый в изнеможении прислонился к стене.

- Черти...- хрипел Ветров. - У человека горе, а они!

И все силился сдержать лихорадку нервного смеха, сотрясавшего его от каски до бесформенных в глине ботинок.

Но в колодце тосковал и изнывал от ожиданья Синников, и Саня уже снова распутывал бурые кольца страховочной веревки.

- Валерка, цепляй конец! Сейчас мы тебя вспорхнем!

- Покурить оставьте, ангелы! - донеслось из колодца, и четыре согбенные тени разом вцепились в неподатливую струну полиспаста...

* * *

Позади давно остался каменный желоб "катушки", по которому, поделив оставшиеся рукавицы, чтобы не ссадить и без того истертые руки о глинистый рашпиль веревки ("Мне рукавиц не надо, - сказал тогда Синников. - У меня все равно руки грязные."), долго спускали Ветрова, и, наконец, спустились сами.

Уже почти час назад "убежал" - черепахи умерли бы от зависти - Рашид, торопясь сообщить оставшимся в лагере, что все в порядке и, наконец, можно стряхнуть с плеч комбинезоны, а с души - тревогу.

А они все брели, спотыкаясь, по нескончаемому километру Большого кольца - два фонаря на пять человек. Впереди, в лагере за Эверестом, горели примусы и вкусно пахло, а они все шли, шатаясь под грузом вдруг навалившейся усталости...

* * *

- Ну, живой? - Рустэм, улыбаясь, приплясывал на белом от снега дне нижней шахты.

- Было б толку! - отозвался бородатый, отстегиваясь от заиндевевшей веревки. - Я, между прочим, только что совершил затяжной прыжок... Ты почему один? Где репортеры?

- Вымерзли, - сказал Рустэм. - Я скоро тоже.

- Жаль, - сказал бородатый. - Прыжок-то был без парашюта, на одной рогатке. Веревка, понимаешь, заледенела - я и поскользил... Несет, зараза!

- Вон что! - сказал Рустэм, помогая ему отцепиться от страховки. - Я-то думал, что ты спешишь в объятья восхищенной толпы. Как там Ветров?

- ...Еще сказал этому парню, чтоб страховал помягче, - не слушая его, бормотал бородатый. - Не держи, говорю. Ну и пошел... Метров десять, считай, падал. Он, понятно, не держал: думал - я спешу... Еле затормозил.

У него слипались глаза, и фразы получались скомканными. Словно путались в бороде.

* * *

Скользя, они с Рустэмом пересекли огромный обледенелый зал. Справа

возник и, нарастая, повис в ушах могучий шум невидимого потока.

- Умыться не хочешь? - кивнул Рустэм. - У тебя вся личность в гря... пардон, в глине.

- Мою личность, хоть выжимай, - передернулся бородатый. - Ты никогда не задумывался, сколько пакостного смысла заключено всего в четырех буквах: в-о-д-а? А здесь, кстати, сквозит.

- Забыл Сане сказать, чтобы закрыл у себя наверху форточку, - сокрушился Рустэм. - Но выбора у тебя нет - в спальник не пущу.

- Изверг, - сказал бородатый. - Черт с тобой, показывай рукомойник!

* * *

У "Ниагары" они остановились.

- Покурим, - сказал бородатый. - Слышь, братишка, давай немного подымим.

- Ты ж на ногах не стоишь, - сказал Рустэм. - В лагере какао стынет.

- Покурим, - упрямо сказал бородатый и сел на корточки у стены. - Смотри, красота-то какая...

С невидимого в ночи пещеры свода тек бело-голубой каменный каскад. Гигантский, он приковывал взгляд, завораживал своей фантастической красотой.

- Так как там Ветрыч? - спросил Рустэм. - По связи передали, что все в порядке.

- Обошлось, - кивнул бородатый. - Обошлось, но мы опоздали. Он везучий, Ветрыч. Он провисел всего полчаса. Если бы Ленька его не срезал, то к нашему приходу он провисел бы все три. В лучшем случае потерял бы обе руки. Хотя, говорят, мало кто может сам рассказать, что выдержал три часа. Понимаешь?

Они курили, а каменная Ниагара в великом безмолвии качала перед их глазами свои застывшие струи.

- Пойдем, - сказал Рустэм. - Я позаимствовал у Вовчика часы, а на них сейчас шесть. Догадываешься, чего?

- Утра, - усмехнулся бородатый. - Нормальные люди уже начинают лупить по будильникам.

- И, кстати, делают это дома, - заметил Рустэм.

* * *

Они тяжело брели к лагерю, а где-то высоко над ними, над скованной морозом и сном белой землей, летел самолет...

февраль 1978 года

Г О Л У Б О Й С Т А Л А Г М И Т.

Он вырос между двумя танками - емкостями для жидкого хлора, потому что где-то наверху проржавел паропровод. Капельки конденсата все летели и летели вниз, а над городом уже зажелтела осень. Каждый раз, проходя мимо лужи, Муромцев вспоминал, что надо бы поставить хомут на паропровод, потом привычно думал, что это не его хозяйство, есть, в конце концов, сантехники, - пусть Литвинов сам и занимается. Надо только не забыть сказать... И он привычно забывал.

Муромцев обходил эстакады, проверял вентили, бегло щурился на манометры и, зябко поеживаясь, возвращался в щитовую. Ну что у него за хозяйство! Нагромождение емкостей и трубопроводов, в которых сам черт ногу сломит. Все течет само по себе - крути вентиля да посматривай на приборы. Тоска.

Он никому не говорил (как такое сказать?), что единственное захватывающее в его работе - это аварии. Вот так - аварии! Редкие минуты,

насыщенные полнокровным действием.

Да-а... Так вот, он вырос под трубой между двумя танками. Зима взъярилась морозами, и сталагмит удался на удивление. Муромцев даже глазам не поверил. Высокий, с полметра, и толщиной в руку, сталагмит был прозрачен и чист.

В Пещере! Ну да, вот такие они с Вовчиком видели на стенах Актового зала. Как они радовались тогда! Тут же, вот - под боком! - растет такое чудо, а все ходят и не замечают.

Муромцев машинально оглянулся. Перед глазами невольно, непрошенно, вновь разворачивалась Пещера. И голос, записанный на пленку: "Ух, ты-ы!.. А прозрачный-то!" Они носили тогда по Пещере магнитофон и записывали. И грохот шагов, и звон ледяной капели, и гул подземной реки. А эхо... Какое там было эхо!

Муромцев мотнул головой, отгоняя непрошенные видения. К черту! Он же сказал себе, что все. Он больше не поедет в Пещеру. Хватит. Пора, наконец, браться за ум. Люда права - это не профессия. Много ли толку, что он знает почти все об этой работе и может спуститься в глубочайшую пещеру страны? Кому это надо? Кому нужны месяцы изнурительного труда в вечном грохоте воды, кажущихся бездонными колодцах?

Он не профессионал. Лена права - денег за это не платят. И вообще, поглядишь вокруг - нормальные семьи, нормальные отцы. Приходят домой, не торчат на тренировках. В отпуск - на дачу, в дом отдыха..., неважно - с семьей. И никакой нервотрепки.

Все правильно, он уходит, а дома - в тревоге. Он возвращается, худой и черный, измотанный нечеловеческой работой. Урывает, правда, недельку-другую, едут с Ленкой куда-нибудь отдыхать. Только отойдешь, пора на работу. Отпуск, называется. Нет. Есть нормальные семьи и нормальные отцы.

Муромцев усмехнулся, поймав в себе отзвук былых словесных баталий, представил разгоряченное спором лицо жены. О чем спорить-то... Все и так ясно. Пора кончать, вешать на стенку карабины. В конце концов, у него семья. Надо бы, наконец, выбраться куда-нибудь всем вместе. Махнуть, например, в Крым. Или на Кавказ. Купить панаму, шорты, лежать на песке и щуриться на волны. Подумать только! Он десять лет на Кавказе, а моря толком и не ощутил. Какое там море! Едва приедешь - заброска. Хорошо, вертолет, а то на горбу в несколько ходок тащишь в небо, продираясь сквозь облака, немыслимые мешки.

Потом - пещера. Потом... Потом галопом вниз, на самолет, на поезд, на что угодно - лишь бы скорее домой. Вот тебе и море...

С черного неба неслышно порхали, падали снежные мотыльки. Муромцев продрог и по скользкой железной лестнице вернулся в щитовую. Ребята сгрудились за столом, о чем-то гомонили. Ребята... Яковлевич давно на пенсии, а вот работает. Заколачивает деньгу. А может, просто невмоготу ему в океане свободного времени? Да и другие. Все в детях, в машинах. Он в смене по возрасту самый младший. Начальник, слушай, мастер! Не хухры-мухры...

Муромцев сел за стол, привычно уперся взглядом в диаграммы приборов.

В общем, ничего работа. Времени хватает, платят прилично, работы нет... Час ночи. Ох, и время ползет!

* * *

За зиму Сталагмит вырос. И когда с крыш и арматуры забила первая капель, стал просто красавцем. Двухметровая ледяная колонна, вся в оторочках ванночек с кристалльной водой.

Всю зиму Муромцев последовательно остепенялся. Обзавелся первоклассным инструментом, дома пилил, строгал и соорудил-таки сносную прихожую. Писем не писал. Само собой, и получать их стал совсем редко.

Да оно и к лучшему! Зашвырнул на антресоли каску и другое железо Соорудил сыну подобие турника. Андрюшка с полу до него не доставал, но висел охотно. Ничего, лиха беда - начало!

И на душе, вроде, не свербило.

Но Сталагмит! Стоило Муромцеву его увидеть, перед глазами вновь оживала Пещера. Он ничего не мог с собой поделать. Курил, мрачнел и... смотрел зачарованно. Однажды он даже забрался на ограждение, чтобы взглянуть на Сталагмит сверху. Капли пробили во льду глубокий колодец, и там, в его глубине, морщилось кругами озерко.

В последнюю экспедицию они вот также вышли на уступ. Вода уходила ниже, и где-то глубоко с гулом била в котел. А под ногами, в дымных лучах фонарей, купоросно синело озеро. И они, мокрые и продрогшие, не могли сдержать восхищенных возгласов. Они не знали еще, что вот за этим отчаянно красивым озером Пещера кончится.

А она кончилась. Река ушла в завал. Напрочь. Каменная пробка запечатала проход.

Французы, наверно, радовались! Их рекорд глубины устоял. Ну и черт с ним. Его это больше не волнует.

* * *

Весна накатила яростно. Снег еще лежал, но все больше чернел, съеживался, наконец, отступил, сметенный плотными атаками дождей.

А Сталагмит стоял. Всему наперекор. Он потоньшел, стал меньше ростом и теперь поражал своей отмытой прозрачностью. Его вершина, изглоданная водой, расщепилась короной. Сталагмит таял и становился еще прекраснее.

И Муромцев вдруг затосковал. Приходя на работу, он нет-нет да и подходил к Сталагмиту, с тревогой ловя глазами разрушительную работу весны. Все вокруг оживало, и остро пахло землей, прошлогодней листвой, еще чем-то до боли знакомым, но позабытым за зиму. Тело тосковало по работе. По настоящей: до боли в руках, до кругов перед глазами! Он как-то обмолвился об этом жене, но Людмила очень серьезно предложила поехать на дачу к маме, вскопать огород, и Плотников замолк.

А потом накатилось лето. Он хотел было рвануть с семьей к морю, дикарями, пожить в палатке, пошататься по побережью. Но Андрюшке оказалось всего два года и вообще... Поспорив, он согласился, что все это пока рано, что хлопотно. Были и другие проблемы. Муромцев и сам чувствовал, что разленился. Он переболел своей тоской, сумел загнать ее в угол. И добил..., когда, еще где-то в апреле, пришел на работу и увидел, что его Сталагмита больше нет. Кто-то старательно срубил лед, сгреб в серую кучу и оставил таять на асфальте.

На Кавказ они не поехали. В месткоме обещали Ялту. И все получалось, как он когда-то мечтал: шорты, море и потрясающее безделье.

А за месяц до отпуска пришло письмо. Оно оглушило Муромцева скупыми Вовчиковыми строчками.

... Зимой экспедиция Гвоздева нашла проход в последнем завале. Они нашли проход! Муромцев долго бессмысленно смотрел на прыгающие завитушки. Они нашли проход. Пробились сквозь завал к реке. Откуда-то сверху. Набрав метров девяносто по высоте, а потом снова зарывшись вниз. Гвоздев вышел на реку и остановился перед водопадом. Ревущий каскад. Сил и веревок больше не было, но Пещера шла!

Муромцев ворвался домой - по-привычке, он брал письма на работу, - оживленный, какой-то взвинченный. Ленка встретила его удивленно, а он все рассказывал ей об их фантастической удаче, тряс вовчиковым письмом, метался по кухне. Но жена заговорила о другом, что пора бы подумать об отпуске. В месткоме все обещают, а ему надо взять и сходить. И нажать. А то остался месяц.

Муромцев потух. Спрятал письмо в карман, поддакнул, ушел в комна-

ту. Все правильно. Чего он, собственно, разошелся? Ну, прошли завал... Ну и что?

Он знал - что. И на душе было тошно. Если бы не эти последние строчки!

* * *

Прошла неделя, а Муромцев все никак не мог сесть за письмо. Он понимал, что надо сесть и написать, но не мог. И все-таки написать было надо. Вовчику нужна определенность. Это же не пикник. Это штурм. Они планировали штурм новой части на конец лета - сентябрь. В это время в пещере меньше всего воды.

Муромцев до боли сжал пальцы. Ручка хрустнула. Он шепотом выругался. Ну что он, как сопляк, сидит над листом бумаги?

Вовчик написал в конце: "Старик, будет трудно. Я на тебя очень рассчитываю."

Вот так. Нет, это невозможно. Ведь они с Ленкой собрались в Крым. Будет ужасный разговор... Он представил себе сердитое обиженное лицо жены. Нет сил на это!

А ведь он так знает Пещеру! Шесть экспедиций! Эта, седьмая, конечно, на весь отпуск. Может, удастся выпросить у шефа лишнюю недельку за свой счет? А впрочем, что с нее толку? Ерунда! Вот если бы взять Ленку с собой... Опять же, Андрюшка. Да она и не поедет. Резонно! Он будет под землей в своей пещере, а она сиди у телефона и волнуйся? Моря там нет.

Как это: Лучше сидеть у моря и смотреть на гору, чем наоборот?"

А может, все-таки поговорить? Чем черт не шутит!

Муромцев усмехнулся.

Моря там нет. Но зато цветы! Он представил себе заросли рододендронов, их пьянящий запах. Впрочем, какие там рододендроны! Когда они выйдут, в горах уже будет бело...

Нет, это невозможно!

Муромцев встал из-за стола, вышел на площадку. Смена гомонила в щитовой - никаких забот! Он поймал себя на том, что тупо смотрит на асфальт между двумя танками. Здесь когда-то рос его Сталагмит. Огромный, сияющий голубизной, искрами капель, в этом ржавом царстве труб и арматуры. Он рос, теперь его нет. И мир стал беднее.

Капли летели, падали, бесплодно бились об асфальт.

Слишком тепло. Слишком спокойно...

Муромцев круто повернулся. Лист бумаги, ручка. Всего несколько слов: "Участвовать не смогу, зашиваюсь..."

Подумал, сгреб написанное в ладонь. И расчеркнул размашисто, по-муромцевски:

"Буду в срок. Возможно, с семьей. Шли информацию. Привет мужикам. Муромцев."

Будто вздохнул полной грудью.

* * *

...Искрился в глазах Голубой сталагмит...

1983 год

У З Е Л.

-

- Эрик, - Коста послал луч фонаря вдоль полого уходящей вниз галереи. - Вы на Нижний ярус собираетесь?

- Обязательно. - Тень Эрика, еще более долговязая, чем он сам, прыгнула под своды. - Завтра. А что?

- Как думаете спускаться?

- Посмотрим, - Эрик ссутулился, расстегивая на себе снаряжение. -

Вот поставим лагерь, и пойдем смотреть.

Коста отвел луч, посмотрел на шевелящиеся тени ребят. Даже не верится, он снова здесь, в Сумгане...

... Если пойти вот так, по утрамбованной под паркет галерее, через полсотни шагов выйдешь в Актовый зал. Странно подумать, они с Любой только что ходили туда. Спускались с уступа "трибуны" в засыпанный битым камнем, спускающийся к каменной трубе Туманного колодца, зал. Это налево. А тут... капель, озеро справа и капель. Все, как полгода назад, как два года назад, как тысячу лет...

- Эрик, - сказал Коста. - Я не советую идти через Туманный. Я смотрел - в колодец идет вода.

- Через Основной идти нельзя, - Эрик, наконец, разделался с ремнями подвесной системы, звякнул о камень карабином.

- Нельзя, - Коста кивнул. - Август, все-таки. Залетим под ледопад. В семдесят седьмом, помню, там по два раза на дню громыхало...

- У нас есть четыре гидрокостюма, значит, пойдем через Туманный.

- Баловство это, однако. Гидрокостюмы, вода... Бр-р-р!

Эрик посмотрел на него:

- Что ты предлагаешь?

Кто-то из ребят зажег свечу, и в галерее сразу стало, будто теплее.

- Я знаю третий колодец на Нижний ярус, - сказал Коста, закуривая. - Колодец Вейса.

* * *

В маленькой спиртовой кухне созревал кофе. Парок, поднимавшийся над помятой крышкой котелка, щекотал ноздри.

Они расположились вокруг каменного стола - шасть человек: три девушки, трое парней. Сколько встречь подарил ему Сумган? Не перечесть. Шли сюда вдвоем с Любой, ни на что особенно не рассчитывая. Давно обещал показать жене Пропасть, хотя бы вход. А когда увидел сегодня утром у их одинокой палатки в Каньоне парней в комбинезонах, радостно забилось сердце - быть им с Любой в Сумгане! Хорошие ребята, из далекого Каунаса - на Урал, впервые... Что ж, он покажет им Пропасть. Коста не мог сказать, что знал тут все от и до. Но - шесть экспедиций, сотни часов под землей. Что-то он все-таки знал. Вот колодец Вейса, например. Самый безопасный колодец.

На камне было холодно. Коста зло покачал головой:

- Кто-то лавки спер. Столько лет стояли, и вот - понадобились!

- Лавки? - удивился круглолицый рыжий паренек.

- Лавки, Вася, - Коста понимающе усмехнулся. - Самые настоящие, деревянные. Это же Сумган.

- Значит, так, - Эрик присел к спиртовке, будто сложился. - Сейчас попьем, и вы с Ангелой сделаете навеску на колодец Вейса. Чтобы завтра без задержки. Вдвоем справитесь?

- Чего не справиться? - Коста посмотрел на Ангелу. Девушка, с виду, крепкая. Спра-авятся. Дел-то - навесить веревки на колодец! Лучше б, конечно, с кем-нибудь из парней, ну, да выбор небогат.

Ангела что-то лопотнула на своем, каунасцы рассмеялись.

Коста отставил пустую кружку, встал:

- Пойдем, что ли?

Ангела, бренча снаряжением, выпрямилаь.

- Это... надо? - она с трудом подбирала русские слова.

Коста ни слова не знал по-литовски. Нет, одно знал - герэй! "Хорошо", значит. Ну, ничего, как-нибудь разберутся.

- Нет, - он прихлопнул себя по обвязкам. - Сбрую можешь не брать, моей хватит.

- Вы надолго? - Люба смотрела на него из-под каски: на заострив-

шемся лице ночные глаза - пещерница! Первый раз в Пропасти, а ничего, не робеет.

- Через часок-другой управимся, - он ласково обнял жену за плечи. - Ты не мерзни, двигайся, герэй?

* * *

Шаги гулко бухали, отдавались высоко под сводами, катились впереди. Коста светил по сторонам, улыбался.

Он помнил тут все. До камушка, до выемки в стене. Ночами в городе, закрой глаза - и вот они, подземные дороги и перекрестки. Сколько здесь хожено! Последний раз - каких-нибудь полгода назад. Сейчас бы парней сюда. Его парней: Вовчика, Леху. Сколько еще недоделанного осталось в Сумгане! Тьма.

Коста покосился через плечо на фонарь Ангелы. Идет. Для нее это что - пещера. Громадная, конечно, впечатляющая... но и только. А для него?

Для него - это Узел. Узел всего, что было, есть, будет. По воле Судьбы завязавшийся здесь.

Пропасть. Она дала ему друзей, дело, самого себя. Теперь она встречает его жену. Скоро ли придут дети?

Узел.

Как летит время!

У Руты - двое детей, у Вовчика - двое, у них с Любой - один. Пока. Сын. Лешка. Мал еще пока... У Эрика с Ангелой тоже кто-то есть. Или нет? Да-а.

Коста чиркнул светом по стене, поправил на плече бухту веревки. Вот и первый уступ.

- Однако, сюда. Ну-ко!

Веревки, лестницу забросил на самый верх четырехметровой стенки. Он помнил на ней каждую зацепочку.

- Ангела, слышь? Ты смотри, как я пойду, и давай следом. Герэй?

- Герэй! - Ангела белозубо засмеялась. Вроде, ничего девчонка.

Он упруго взял стенку, выбросил послушное тело на глинистый пол уходящей отсюда вверх спиралевидной галереи.

- Давай!

На всякий случай скинул вниз репшнур, забился в угол, подстраховал. Кто его знает! В семдесят шестом он чуть не грохнулся с этой стенки, Птер тут слетел, Леха чуть не спрыгнул... А внизу камни.

Ангела выбралась тяжеловато, а впереди еще "камин"... Хм!

Пока шли по поднимающемуся вверх ходу, жадно смотрел по сторонам, показывал памятные сталактиты:

- Вон, гляди, "морковка" висит. А вон "штопор"!

Местами стены блестели, одетые кальцитом.

- Красьиво! - Ангела радостно оглядывалась. - Куда дальше?

Коста вышагнул из-за поворота, бросил веревки к стене:

- Смотри.

- Вот это о-го-го! - Ангела всплеснула руками. - Сталагми-итище! Да?

Действительно, штука! Сталагмит - метр в высоту, зато в поперечнике метра три-четыре. И ванночки-гуры на белоснежных боках. Накапало! Тысячи лет ведь...

- "Слоненок" его зовут, - Коста запрокинул голову, пошарил во мраке бессильным лучом. - Во-он откуда натекло. Ну, да поднимемся - посмотришь. А теперь займемся акробатикой.

Коста оценивающе мерил глазами камин. Там, над ними, метрах в восьми, чернотой зияла ниша. Все так и думали, видно, что ниша. А в семдесят пятом Вовчик взял да и прошел этот камин - полуоткрытую трубу в стене под нишей. И вышел в галерею.

Дальше... Дальше был колодец Вейса.

* * *

Из колодца, как всегда, сифонило холодом и паром. Коста недовольно поежился. Самый безопасный колодец. Но уж самым уютным или удобным его не назовешь. Во-первых, подступы. Дьявольский камин занял кучу времени. Сначала он хотел пустить первой Ангелу. Подсаживал, подсаживал, но так и не смог впихнуть ее в каменную трубу. Что было делать? Первые три метра этого камина без помощи снизу еще не проходил никто.

Коста усмехнулся. Всякое бывало, но вот ногами по женщине еще не ходил! Но делать-то было нечего! Ангелка - молодец. Выдержала, пока он не заклинился в камине, подсадила. Давно надо сюда бревно притащить...

Он вылез, сбросил репшнур, потом веревку, пробовали и так и этак, но пока не спустил в камин тросовую лестницу, Ангела вылезти не смогла. Выбралась, распаренная, жаром пышет. А он едва зубами не стучит. Ветер тут...

Перекурили.

- Герэй?

- Герэй!

И вот - колодец. Коста по-хозяйски осмотрелся. Ох, и знакомо же тут все! Помотал из них силушек проклятый колодец. И нервов. В прошлый раз, три года назад, уходил от колодца, думал, все, не вернусь. Баста! Так нет же, вот он. Снова нарисовался.

Коста покачал каской, задумчиво окинул взглядом кучу веревок.

- Ну, что, начнем?

* * *

Хуже всего было то, что у них не хватало снаряжения.Собрали все, что могли, но все же пришлось на первую, пятнадцатиметровую, ступень колодца навесить для страховки вместо веревки тонкий шестимиллиметровый репшнур. Толку от этой страховки было немного, но все же. Оставив Ангелу в узкой щели устья колодца, Коста начал спуск, но метрах в трех от дна уступа обнаружил, что страховка кончилась. Коста завис над полкой, размышляя.

- Ну, что? - голос у Ангелы звонкий.

- Страховки не хватает. Спущусь, перевешивать будем.

Отстегнувшись от страховки, он мягко соскользнул по рапели вниз, встал.

- Кидай веревку!

- Куда-а?

Снизу, из колодца, несло холодом и туманом. Мерзнет, небось, девчонка.

- Прямо вниз кидай! Дойдет.

Коста на всякий случай отошел в нишу. В воздухе басовито прожужжало, плюхнулось в камни площадки.

- Есть!

Наклоняясь за веревкой, неожиданно увидел: что-то блеснуло под ногами. Будто подкова на дороге. Коста озадаченно ковырнул пальцем, выцарапнул "подкову" из утоптанной глины, осветил. И не поверил: рогатка! Их рогатка. Ну да! Вот и краска. Красная. Значит, Лехина. А может, Вовчика. Тогда, в 77-м, они тут были втроем. Уходили последними, и кто-то обронил. Кто-то из них троих. Больше некому.

По сердцу теплом повело. Коста даже рассмеялся. Три года прошло! А здесь время будто остановилось. И вот - он получил подарок из прошлого!..

- Костья, дошла?

Мерзнет девчонка. Скорее надо.

Коста с удовольствием прищелкнул найденную рогатку на карабин. Рогатка, наверно, тоже рада - подумалось. Надоело, небось, без работы!

* * *

Теперь ему оставалось сделать навеску на вторую, главную, ступень колодца Вейса. Колодец метров тридцать. Семдесят метров нового прочного капрона. Если спустить веревку вниз вдвое - должно хватить. По одному концу спускаться, по другому - самохват самостраховки. Железно.

Неспеша отыскал в глубине полки проушину в скале, скрутил узлы, закрепил веревку. Все, как полагается: рапель отдельно, страховку отдельно. В гулкой тишине колодца карабины щелкали звонко, даже весело. Теперь сбросить концы вниз и - точка. И бегом домой. Ребята, наверно, уже ужин сготовили. Должны. Они с Ангелой тут долго провозились.

Коста прицепил к одной из веревок свой самостраховочный зажим, поднял обе бухты и осторожно двинулся вперед. Туман, черт! Не видать ничего. Тогда, осенью семдесят седьмого, он, помнится, так зашвырнул в тумане веревку, что карабин на ее стене застрял на противоположной стене колодца. Еле сняли...

Грохоча осыпью, Коста приблизился к краю колодца. Камни, срываясь из-под ног, где-то глубоко внизу гулко били в воду. В озеро. Веревка отсюда приходит точно в его середину. Опять придется покачаться, пока выберешься на край этого круглого и глубокого - по пояс, не меньше, озерка.

Он собрал веревку кольцами, примерился. Бросил. Веревка ушла с характерным шелестом-свистом.

Плюх-х-х!

Значит, дошла до озера. Вон как плеснула концом!

- Есть!

- Костья?

Коста вздрогнул от неожиданности. В неспешной своей работе, один на один с пещерой, он успел позабыть о терпеливо ожидающей наверху Ангеле.

- Костья! Ты на конце веревки узел завязал? Вдруг не дойдет до дна?

Видали вы ее!

- Дошла уже, - Коста собирал кольцами второй конец. - Ты чего тут стоишь? Дует же! Иди в галерею.

- Да ничьего...

- "Ничего", "ничего"... - ворчал Коста, чувствуя себя уязвленным. - "Узел завяжи!" Ишь, учительша...

Его почему-то разозлил этот, рзумный в общем-то, совет. Идя в неизвестный колодец, завяжи на концах своих веревок узлы. Чтобы не соскользнуть, если они случайно не достанут до дна. Это для нее, Ангелки, он неизвестный. А для него - сто раз проклятый колодец Вейса. Проклятый сто раз и пройденный не меньше.

Узел завяжи!

Коста придержал руку, почесал бороду. Психуй или нет, а завязать надо. Для классу, хотя бы. Завтра здесь пойдут ребята Эрика - народ, в принципе, малознакомый, чужой. Надо держать марку.

Он быстро выудил из бухты конец веревки, затянул узел, размахнулся. Вж-ж-ж-плюх! Дошла.

Ну, все, теперь, домой, в лагерь. Коста плюнул в туман и загрохотал осыпью к верхнему уступу.

* * *

Они лежали с Любой в их теплом двуспальном мешке, согревая теплом друг друга. Лежать на надувных матрацах было, спору нет, мягко. Но уложенные поперек, надувастики отзывались на малейшее движение. А на девчонок, как назло, напал смех. В итоге подпрыгивала и тряслась вся палатка.

Коста был непротив посмеяться, но в мелодичном сплетении литовских

фраз не улавливал ровным счетом ничего смешного.

Наконец, угомонились, притихли. Только тоненько звенела где-то рядом - он знал, где, - капель, да все еще всхлипывали со смеху девушки.

- Завтра на Нижний ярус пойдем, - он покрепче обнял жену. - Не боишься?

- Немножко, - она уже потеплела, а то холодная была вся - жуть.

- Ох, там и красота! Река одна чего стоит. "Ниагара", зал "Ворота", "Ледяной"...!

Черт, возьми, неужели они, и правда, завтра увидят все это? Даже не верится. Спать надо. До "завтра"-то часов шесть осталось, не больше...

* * *

...Он падал стремительно, и в то же время будто в замедленном рапидом кино. Несущиеся вверх вместе с мелькающими у лица стенами мгновения, вдруг растянулись, стали удивительно емкими. И сознание работало четко, наполняя их резкими, остро входящими в мозг, картинами.

Первое, что, подобно взрыву, ворвалось в привычное скольжение спуска по колодцу, была щемящая пустота в руке, за секунду до этого еще сжимавшей шершавую тяжесть веревки. И в тот же миг, уже падая, он услышал над собой гулкий щелчок освобожденной рапели о невидимый уступ. Будто бичом в тишине.

Он успел посмотреть вниз, потом - на стену перед собой.

Стена безмолвно стремительно мчалась вверх.

Снова глянул вниз.

Озеро, мутное, серо-свинцовое, в тошнотной зыби, стремительно приближалось.

На миг захватило сердце высотой.

Он еще подумал, что хорошо летит: ногами вниз и от стены далеко. И еще успел подумать, что хорошо бы попасть в центр озера - там илу больше, выше колен... как вдруг неведомая тягучая сила, будто по пологой дуге, осадила губительную прямую его падения.

Сильно рвануло левую руку, и он, еще не веря, еще весь в полете, весь напружиненный в ожидании близкого удара, упруго и стремительно сел в обвязки, подпрыгнул, подброшенный все той же спасительной силой, и закачался у стены на ремнях подвесной системы.

Время сжалось, обрело реальность.

Коста глянул вверх. Там, намертво вбился в узел на конце веревки самохват его самостраховки. Сработала! Так вот почему рвануло руку... Значит, он падал, намертво вцепившись в зажим самостраховки. Стоило ему разжать кулак, и устройство сработало бы, вцепилось в страховочную веревку, остановило бы падение еще задолго до узла. Но он...

Мало того! Успев так много заметить и подумать, он ни разу даже не вспомнил про самохват. Готовился к встрече с дном колодца и, если бы не узел, так бы и слетел с последней веревки... Так бы и дошел до озера.

Если бы не узел...

Узел?

Его спас узел, который он вчера завязал для "блезиру", для формы, просто так. Но почему веревки не хватило до дна? Коста медленно покачивался в нескольких метрах над свинцовым овалом озера. Грудная обвязка больно сдавила ребра.

Спокойно!

Он постарался устроиться поудобнее. Надо было собраться с мыслями и что-то предпринять. Узел! Сам залетел, сам и выпутывайся...

Коста прислушался. Сверху приглушенно доносились голоса: высокий - Любы, низкий грудной - Изольды. Чирикают, птенчики, и не заметили, что

он слетел...

- Эва-а! - прозвенело сверху. - Что у тебя-а!

Нет, заметили. Еще бы! Веревки, должно, дернулись, будь здоров! Коста поднатужился - мешали обвязки - крикнул:

- Нормально! Завис на самостраховке, выпутываюсь.

Собственно, все дальнейшее труда не представляло. Достать из-за спины запасной репшнур, привязать к веревке выше самохвата, вставить в него и заблокировать от непроизвольного проскальзывания рогатку, сделать стремя, приподняться на нем, выстегнуть зажим самостраховки...

Зажим отстегнуть удалось не сразу: здорово сел на узел! Со всего размаху, считай. Узел... Его не оказалось на рапели. Не завязал, не подумал, понадеялся на свой опыт... А то не упустил бы рапель из рогатки - узел засел бы в ладони, а?

Коста осторожно перенес вес тела на подвязанный репшнур, тихонько заскользил на рогатке к озеру. Ого! Метров пять не дошел. Вот бы бульнуло!

Он весело усмехнулся. Все тело наполняла какая-то непонятная радостная дрожь. До озноба. Все вокруг воспиринималось исключительно ясно, сочно, отчетливо! Будто пелена с глаз...

Вот же черт! Сколько ж он пролетел? Конца рапели так и не видно. Метров восемь, не меньше...

Коста завис над самым озером. До края-берега рукой подать, а поди - дотянись! Грудь распирало озорное. Э-эх! Он лихо перевернулся вниз головой, зацепился кончиками пальцев за ребристый, будто шоколадный, край озера, качнулся.

Е-ще!

Набирая амплитуду, качнулся сильнее. Теперь пора!

Выпрямился на веревке, нацелился и выпрыгнул на шоколадный берег, со свистом протравив репшнур сквозь рогатку. Все!

Кровь сильно, толчками, мчалась по жилам. Коста огляделся. Каменная бутылка! И он.

Жив! Как же так получилось? Он явственно слышал плюханье сброшенных веревок. Почудилось? Значит, - вот ведь! - каждый раз, вместо веревки, долетал до озера один единственный камень... Или, может, так обманчиво хлестали концы по влажным гладким стенам? Да-а...

Он ошибся, но в чем?

Коста отошел к стене, присел на корточки, уперся лучом в муть озера.

Вот сюда бы... Ну, дела...

Не доходило.

Если бы не узел!

"Костья!"- вспомнилось.

Ах, Ангелочка-Ангела, выходит, тебе обязан.

Лежал бы сейчас...

Люба там, наверху... Кричат что-то... А-а, Эрик подошел.

Люба и не знает. Узел... Вот тебе и узел!

Ладно.

Коста пружинисто встал. Руки, ноги, грудь, упругие мышцы. Хорошо-то как! Он полоснул лучом вверх, по отсветно гаснущим в тумане сумрачным стенам. Захватил побольше воздуха - запеть бы!

Не запел - заблажил могучей глоткой - гулом по колодцу:

- Э-ге-гей! Э-ва-а-а! Слушай меня-а! Будем менять навеску.

1980 год

ЕЩЕ ОДНА ДОРОГА ДОМОЙ.

==========

Когда стучит за окном дождь, тарабанит по веранде, и туманятся непогодой сизые горы, на память приходят дороги. Давние и близкие, веселые и трагические, ночные и раскаленные полуденным солнцем - они выступают вдруг в мельчайших подробностях. И тогда будто окунаешься в мир запахов и оттенков, отзвуков и полутонов. В них, как далекая музыка в шорохах вечернего эфира, волнами проступают видения прошлого.

Было все? Нет ли?

В стуке колес и гуле двигателей, в суматохе погрузок и выгрузок, в хриплом дыхании перевалов, в дымной тесноте ночевок - катится вперед время. Все стремительнее его бег! Будто только еще думалось и мечталось, и ложились на бумагу четкие цифры раскладок, и вот она - Дорога!

Вот! Ты на пороге. Ты жадно вглядываешься в Судьбу.

Ты на пороге, на пороге, на пороге...

И хохочет под ногами Дорога. Что это? Где промелькнул этот нежданный поворот? АХ, как странно все кончилось! Все исчезло, кануло. Все ли?

Нет, не все. Просто ты снова вернулся домой. А Дорога осталась. Там... в прошлом. В памяти. В запахах и улыбках.

Помнишь?

* * *

Первым к Солнцу ушел Техник. Он Долго клацал металлом, ввинчиваясь вдоль веревки в туманную вертикаль последнего колодца. Где-то наверху сиял день, и на дне Пропасти было голубовато светло. Фотограф не утерпел, выскочил прямо на снежный конус, вскинул объектив:

- Во, кадр!

- Камень поймаешь, - предостерегающе сказал Съемщик. Фотограф "не услышал", но тут из Южного портала появился Командор, и Фотограф, ворча, отступил в нишу.

Вслед за Командором из портала вылез Новичок. Вдвоем они снимали веревки с Нижнего яруса. И теперь за долговязой фигурой Новичка тянулась спутанная многометровая кудель.

- Не сматывается, - сочувственно покивал Съемщик, приподняв кудель двумя пальцами до уровня носа.

- Факт! - обрадовался Новичок.

- А как мы этот факт поднимать будем? А?

Командор покосился на них, лягнул о камень цепочкой карабинов:

- Кто-нибудь уже поднялся?

- Техник идет, - сказал Съемщик.

- О-о-одна! - ватно дошло сверху.

- Свободна веревка, - перевел Фотограф. - Дуй, Съемщик, я тебя запечатлею.

- Шустренько это Техник, - Съемщик неуклюже полез на снежный конус, забренчал железом. - Сейчас и мы попробуем.

Новичок с отвращением ел глазами облепленную глиной веревку. Здесь, на снегу, она казалась еще более мерзкой. Новичок с надеждой взглянул на Командора. Тот отрешенно, как-то завороженно смотрел вверх на исполинские влажные стены. Новичок вздохнул, взялся было за осклизлый конец веревки, но тут из Южного портала показались еще две фигуры. Звон щебня под их ногами вывел Командора из задумчивости.

- Выплыва-ают расписные! - заскрипел с бугра Съемщик. - Дывись, Фотограф, кадр: Завхоз в обнимку с имуществом!

Завхоз пересек снежный конус, уложил на камни лохматый тюк, зло плюхнулся сверху.

- Мешок разлезся, - сказал он. - Мы шмутье в палатку завернули. Пойдет. ...С пивом.

Фотограф галантно подал руку шедшей последней Девушке, отобрал у нее транспортник:

- Медведь ты пещерный... Заставляешь даму носить тяжести!
- Одно слово - Завхоз! - гулко хохотнул с конуса Съемщик. - Ну, счастливо оставаться. Я пошел.
Завхоз хотел было возмутиться, но только махнул рукой:
- С Богом!
- Там мешок остался, - сказала Девушка. - С примусом и котлами.
Новичок встрепенулся:
- Я схожу?
- Ты наверх готовься, - сказал Командор. - Вот веревочку смаркируйте с Завхозом, и давай. А я пока принесу.
Проходя мимо Фотографа, кивнул:
- Проверь.
- Обязательно.
Новичок снова понуро взялся за веревку.
- Что ты к ней привязался? - скучно сказал Завхоз, когда Командор скрылся в сумраке портала. - Она тебе что - жить не дает?
- Так смаркировать надо...
- Не бери в голову. Давай сюда - так прицепим.
Новичок с готовностью сгреб кудель. Вдвоем они смотали ее в ком, привязали к тюку:
- Там разберемся.
- Что-нибудь брать надо? - Новичок посмотрел вверх, в туманное жерло Пропасти, оглянулся на Девушку.
- Ты так вылези, - сказал Фотограф. - Хоро-оший колодец!
- Чего "так", - Завхоз поднял цепь, оставленную Командором. - Вон карабины есть - цепляй.
Новичок снова оглянулся на Девушку. Та что-то привязывала, сидя на мешке. Повертел увесистую - карабинов в двадцать - цепь.
- Пойдет. Куда ее?
- А ты ее по французской системе, - невозмутимо посоветовал Завхоз. - На хвост цепляй.
- Куда?..
Завхоз деловито обошел Новичка и ловко пришелкнул карабины к его беседке сзади, чуть пониже спины. Фотограф фыркнул, будто закашлялся.
- Годится!
Ожидая своей очереди, Новичок бродил по нише. "Хвост" закинул за плечо, и все равно цепь волочилась по земле. Съемщик начал подъем хорошо, но на самом верху колодца что-то застрял. Оттуда, из золотого венчика скал, щелкали камни, с шипением взрывая снег.

* * *

Командор, прихрамывая, вышел из Южного портала, сбросил с плеча транспортный мешок:
- А вот и я. Как у вас?
- Смотри...
Командор поднял глаза и остолбенел: над ними, на фоне далекого неба, позвякивая извивающимся хвостом, корячилась нелепо черная, будто наклеянная на его голубизну, фигура.
- Французская система! - Фотограф, сотрясаясь, пытался совладать с объективом. - Кадр века!

* * *

Горы встретили их ласково. Удивленно шумели янтарные сосны, глядя с окружающих Пропасть отвесов на бурые от глины каски. И пронзительный воздух вливался в разбухшие от подземной сырости легкие. А вот трава пожухла, заржавела и прилегла, уступая солнце красочной мозаике лишайников - выплеснутая на белые камни палитра.
- Здравствуй, Солнышко! Здравствуй! - Девушка стояла на краю пропасти еще вся во власти подъема. Она стояла и вдыхала солнечные запа-

хи, а вокруг нее уже суетились ее закованные в потрепанную броню рыцари - отцепляли, отвязывали, щелкая карабинами, снаряжение. Лица в двухнедельной щетине хмуры, а глаза уже оттаявшие, улыбчивые. Вышли!

- Ой, мальчики! - Девушка, пошатываясь, отошла в глубь площадки, медленно опустилась в золотистое шуршание прошлогодней хвои.

- Эва-а! Внизу! Свободно.

Как нереальны голоса, теплые запахи, небо!

Она пробыла в Пропасти всего три дня. А каково сейчас им, вернувшимся на Землю после двухнедельного отсутствия? Девушка перевернулась на спину, стащила с головы каску, платок. Волосы освобожденно хлынули на хвою, будто стосковались. Посмотрела на парней. Они столпились у края, держась за растяжки, смотрели вниз. Веревки, будто выбеленная солнцем паутина, дрожа, уходили в Пропасть. Техник оглянулся, весело подмигнул, но тут кто-то сказал: - Вот он! - и все пришли в движение. Засуетились, потащили веревку.

Покачиваясь, к краю колодца плыл Командор. Он висел над стометровой каменной трубой, улыбался устало, радостно. Камандор всегда выходил последним.

Все ближе чумазые лица...

Край. Белые, истертые временем плиты. Солнце!

Его подхватили, оттащили подальше от края вместе с тяжестью набьухших влагой веревок.

- С приездом!

Где-то глубоко внизу гулко ухнул запоздалый ледопад. Пропасть прощалась с экспедицией.

* * *

- Однако, можно закурить!

Не снимая комбинезонов, собрались в кружок у старой березы.

- Доставая, Техник.

Техник похлопал по карманам, развел руками.

- Страдальцы! - засмеялась Девушка. - Неужели все выкурили?

Фотограф артистично щелкнул красной войсковой аптечкой:

- Обижаешь!

- Мать честная, "Прима"! Приберег же!

Курили смачно, бережно, до жгущего пальцы огонька. Соскучились на махорке.

Потом собирали веревки. Глиняные, мокрые, они будто удивленно, выползали из колодца на свет, нехотя свивались в кольца и восьмерки. Съемщик с Завхозом полезли снимать растяжки с солнечного венца скал над Пропастью, и пока они распутывали узлы, Фотограф не отрывался от фотоаппарата. Краски! Зелень сосен, небо - от лазури у скал к бездонному кобальту в зените, и - среди березок - эти уверенные фигуры в подсыхающих комбинезонах. После черно0-желтой гаммы Пропасти, после тьмы, обилие красок настораживало: - не может быть! Как жалко, что кончается день!

Солнце лизнуло русые волосы н плечах Девушки. Фотограф ахнул, заторопился. Она смеялась белозубо, шутливо отворачивалась, пока Фотограф не рассердился: кадр пропадает! Но все же щелкнул и тут же полез на повыше на склон, чтоб охватить всю Пропасть - огромный сумрачный провал на дне крутоскальной воронки.

* * *

- Прощаемся...

Они стояли на самом краю, обнимая глазами уходящие вниз стены. Прощались. Техник вытащил из кармана старый чуть поржавевший крюк:

- Тихо!

Послушный его броску, крюк бесшумно канул, ушел в Пропасть; И вдруг удивительно чистая нота возникла в ее глубине. Тонкая, щемящая.

Отскочив от стены, крюк пел прощальную песню.

* * *

Когда шли по тропе среди берез, унося снаряжение, Командор поймал в себе тревожное чувство. Оно смешивалось с облегчением, наполняя душу неосознанной еще грустью. А потом понял, будто прозрел - ведь они возвращются! Да... Дорога близится к концу. Где-то там, в беззвездных ночах пещеры, она незаметно повернула назад. Завхоз еще ломал голову над остатками продуктов, Техник латал снаряжение, и Съемщик, ворча, перелистывал испачанные странички пикетажных журналов, а Дорога уже близилась к концу! Потом, когда на последние три дня в подземный лагерь с Земли спустились Девушка и Новичок, ему на какое-то время вдруг оказалось, что все еще только начинается: в лагере стало шумно и весело. А между тем экспедиция кончалась. Да-а...

И вот, собственно, кончилась. Теперь их ожидало возвращение домой.

* * *

Перед возвращением им оставалась ночь в Избушке. Избушка стояла в километре от Пропасти, и сосны заботливо прикрывали от дождей ее потемневшие стены. И когда на горы упала ночь, они подняли над досчатым столом оббитые кружки:

- За Удачу! - сказал Съемщик.
- За людей, открывших для меня Пропасть, - тихо сказала Девушка.
- И за Пропасть, которая открыла для меня людей, - добавил Фотограф.
- За наше пещерное братство! - сказал Новичок.
- За тех, кто с нами, но кого нет среди нас, - сказал Завхоз.
- За новую экспедицию! - сказал Техник.
- Да. За то, что мы еще вернемся, - сказал Командор.

* * *

Утром собрались неожиданно быстро. Будто только еще Техник считал карабины, и возился с примусами Завхоз, а Новичок остервенело терзал не желавшую распутываться веревку - и вот: уже сложены рюкзаки. Их вынесли из сеней, поставили у порога, и Избушка как-то разом опустела, и проступили по углам обрывки упаковок, старые батарейки, пара заскорузлых руковиц на печке, да дровяной мусор у дверей. Батарейки поставили на окно рядом с пачкой соли, мусор вымели, остатки дров сложили в сенцах. И заторопились. Солнце едва выкарабкивалось из-за хребтов, а они уже шагали вниз мимо знакомых до удивления скал, выстроившихся вдоль тропы.

- Дня через три будем в городе, сказал Командор. - Сегодня переночуем на Реке. Отдохнем. Места там!
- На Озеро сходим? - Девушка радостно блеснула зелеными глазами, замедлила шаг.
- Конечно.
- А правда, в Озере появляется подземная река, что мы видели в Пропасти? - Новичок подобрался ближе, тянул шею из-под рюкзака.
- Там река-а! сказал Техник, не оборачиваясь, - Мы ныряли два года назад. Красота! Помнишь, Командор?
- Река-а!..
- Прошли?
- Пройдешь ее... Метро на глубине сорок метров.
- Ничего себе!
- Рыбки половим, мечтательно отозвался спереди Завхоз. - Страсть по рыбалке соскучился.

Тропа легко скользила под ногами, и на душе было звонко, даже весело. Все сложное и опасное осталось позади: глинистые колодцы, камнепады и грохот подтаивающего в Основной шахте льда, скользкие щели и узкие лазы. Все было, все прошли, сделали процентов пятьдесят того, что

намечали, и это нормально. Всегда поначалу намечешь больше, чем можешь. Потом пещера вносит коррективы. А теперь впереди целых три дня дороги. До Реки, по Реке и где-то там, в конце этой дороги - Город, откуда уходят в рзные концы их поезда.

...К Реке вышли к полудню. Даже раньше, чем думали. Хорошо сегодня шлось, на удивление. Пока пробирались Ущельем, Фотограф все крякал и вертел объективом. Солнечные лучи лизали бока каменных вликанов, краски отдавали ранней осенью.

Командор хотел сразу же заглянуть на Озеро. Вот она - тропинка к нему - по осыпи вдоль исполинской золоченой солнцем стены. Но Техник отговорил. Бросим рюкзаки - сходим налегке, заодно дровишек соберем. На том и сошлись, а через полчаса, сгибаясь, уже протискивались в узкую дверь приречной Избушки. Она одна и сохранилась от опустевшей пасеки.

Скинув рюкзаки на нары, вывалили на откос. Река бежала синяя, как небо, искрилась на ближних перекатах, плескалась в скалистые прижимы вниз по течению.

Командор улыбался. Как невесомо было на душе! Сегодня утром, укладывая рюкзак, он совсем случайно обнаружил в его клапане сверток. Там оказалось повидло! Вкуснейшее черничное повидло в пластиковых упаковках - целых две коробочки. Он совсем забыл про него. И не вспомнил даже к традиционному "банкету" по случаю успешного выхода из Пропасти. Зато сегодня! Командор представил, как обомлеют мужики: "Ну, даешь! Зажал!" И как вспыхнет восторгом лицо Девушки. Она больше всех стосковалась по сладкому, а последний сахар они усидели вчера на банкете - пить так пить!

Командор оглянулся. Парни разошлись кто куда. И Техник исчез. Последний рз они с Техником были тут два года назад. Тогда их лагерь стоял прямо в лесу. Вон там - за поворотом тропы. Пойти посмотреть?

Когда вернулся - понял: что-то случилось. Все были в сборе, деловито вытаскивали из домика рюкзаки.

- Везуха, Командор! - Новичок размахивал нескладными руками.

Командор ускорил шаг, почти взбежал вверх по тропинке:

- Вы чего? Что случилось?

- Мы с Завхозом зафрахтовали трелевщик! - Фотограф радостно улыбался. - Представляешь?

- ...?

- Там ребята из бригады лесосплавщиков, - сказал техник. - Берутся подбросить вниз по реке до хутора. Семь верст. Оттуда будет машина. Надо ехать.

Командор почувствовал, как тяжелеет в груди:

- А как же... - не договорил, махнул рукой: - Поехали!

* * *

До трактора было с километр, и пока бежали вдоль Реки, Командор все пытался перебороть себя. Но на душе было горько, будто не сбылось обещание чего-то прекрасного. Он настроился на эту ночь у Реки, она была нужна ему. Чем, он и сам не мог бы сказать, но было горько.

Сплавщики, бородатые мужики, споро обвязали тросом бревно, подтянули лебедкой, закрепили поперек наклонной платформы трелевщика. Сверху увязали рюкзаки.

- Садись, ребята!

- Ты чего, Командор? - Девушка заглянула в лицо, будто кольнула. Она похорошела, сбросив черную глину комбинезона. Красивая девчонка, он не замечал этого раньше.

- Так...

* * *

Трелевщик кромсал лесную дорогу. Правый поворот не работал, и,

разворачиваясь, машина хрустко вламывалась в кустистую массу обочин. Дорога дыбилась в небо, но неба не было. Вместо него над головами со свистом проносились оттянутые кабиной ветки, проплывали сплетенные кроны, раскачивались замшелые стволы. Заросли цеплялись за сталь машины и со скрежетом и стоном уступали, не в силах сдержать грохочущую мощь. Яростная тряска дороги разогнала тоску. Было что-то первобытное в натужном реве двигателя, клацаньи металла, треске раскрошенного гусеницами дерева.

А потом "сгорел" Новичок. Он стоял у кабины, лицом к дороге, в своем стареньком ватнике. Когда понесло жженой тряпкой, никто сначала не понял - откуда. А когда разобрались, от телогрейки Новичка оставалась уже одна дымящаяся прореха - угораздило же прижаться к выхлопной трубе!

Лес кончился неожиданно. Трелевщик, отчихиваясь соляровым дымком легко выкатился к Реке и остановился у хутора. Горохом попрыгали на землю, с наслаждением распрямляя утомленные дорогой тела. Здоровались - здесь были люди: ждали машину сплавщики и пастухи с близлежащих ферм. Разминали затекшие ноги. Похохатывали над злополучной телогрейкой.

Горы уже отступили, но все еще горбились радужными, по-сентябрьски, увалами. Сплавщики угостили "Севером", и Фотограф бережно упрятал обратно в аптечку последнюю - куда пошло все: от остатков махорки из карманных швов до сухарной крошки - самокрутку. Мало ли...

* * *

От хутора до села оставалось верст семдесят. На машине - сущий пустяк. Наверно, они могли и не доехать, потому что шофер, во всю прыть погонявший их лязгающую на ухабах бортовушку, на одно из перевалов встретил знакомого. Встречный "УАЗик" встал борт о борт, водители обосновалиь на залитом закатным солнцем бугорке, и пока друзья-приятели не прикончили за встречу потертую под сиденьем поллитровку, транспорт дальше не пошел.

Командор привык к таким дорогам. Поездили они с Техником по этим местам. Новичок выразился кратко:

- Чтоб я сдох!

А Девушка округлившимися глазами молча вопрошала по-очереди всех подряд.

- Закон дороги, понимаешь, - за всех отозвался Съемщик, но тут предмет общения иссяк, и они ринулись дальше.

Вопреки ожиданиям, грузовичок шел на удивление справно. А когда на них выскочил из чащи лось - замер на мгновение и с треском веток канул обратно в заросли - отвлеклись и вовсе успокоились.

- Мне б такие ноги! - мечтательно сказал рванувшийся было за фотоаппаратом Фотограф.

- И рога! - буркнул Съемщик.

День догорал, выполаживаясь, как дорога.

* * *

- В город, ребята? - щетинистый мужичок, как и все, в телогрейке и кирзе, пытливо щурился - глаза, как прицелы.

- В город сегодня вряд ли, - сказал Завхоз.

- Почему? - мужичок улыбнулся, и Командор поразился, как мгновенно преобразилось его лицо. Улыбка была добрая, не по обличью.

- Поздно.

- Успеете. Мы вас до трассы подбросим. К автобусу должны успеть.

- Новичок присвистнул, но плечистый парняга-сплавщик кивнул:

- Бригадир скажет - успеете.

- Фантастика! - шепнула Девушка.

Все отальное осталось в памяти обрывками ночи, белого света фар, убегающими за бортом кузова редкими огнями. И ощущением гонки: успеют

- не успеют?

Успели. На минуту позже - и ночевать бы на дороге. Но когда грузовичок распорол светом фар перекрестье шоссе, справа, нереальный, как призрак Удачи, выплыл автобус. Остановился.

- Бегом, ребята!

- Спасибо! Огромное!

Чего там. Счастливо!

Торопливые жесты, тени с рюкзаками, заспанные пассажиры автобуса. И еще - фотоаппарат, чуть не забытый и одиноко лежащий в опустевшем кузове. Он запечатлелся в памяти вместе с обрывками той ночи, как возможность Потери, как счастливая находка, как облегченный вздох.

* * *

Отавшийся до города час спали в автобусе. Измученные тряской и впечатлениями неимоверно длинного изорванным калейдоскопом уходящего к звездам дня, завалились прямо на рюкзаки. Благо, автобус был полупустой.

Командор боролся со сном. Как никогда раньше, ему не хотелось, чтобы кончалась эта Дорога. Подумать только - еще сегодня они были у Пропасти! С щемящей нежностью смотрел на расправленные сном лица. Вот они, его ребята. Они уже дома во снах.

Уткнулся в рюкзак Съемщик. Трудяга с адским терпением. Как они разозлились, когда Съемщик заставил переснимать Готическую галерею! Нашел в пикетажке пропущенный, не записанный по случайности азимут. И был прав, чего было злиться? Топосъемка - наука точная и не терпит халтуры. Пришлось нова лезть в глину, отсчитывать пикеты, замерять азимуты. Сделали и всем стало хорошо. Прекрасно ощущение на совесть сделанной работы.

Завхоз. Притулился на сиденьи. В состав экспедиции вошел чуть ли не перед самым отъездом. Все раскладки и закупки делались без него. Проверил, раскритиковал. Есть такой принцип: можешь лучше - сделай. Завхоз не дрогнул. Оставшиеся дни сам носился по магазинам, откопал где-то килограммов десять копченой колбасы. А тушенку, с руганью, все же оставили. Дороже? А воду в банках таскать?

Сопит Фотограф. В обнимку - драгоценный фотоаппарат. Пижон и поэт. Умница. Любит потрепаться, но это пустяк. Нынче в пещере пошел поснимать и пропал. Сначала пошучивали, потом забеспокоились. Наконец, отправились на поиски. Район, куда он ушел, был несложный, но кто его знает?

Нашли Фотографа логическим путем. Вычислили. Припомнили все красивые мест в районе и принялись их прочесывать. В конце концов, разъяренный Техник нашел на полу галереи перед неприметным боковым "шкуродером" сумку Фотографа и, продравшись сквозь узкий лаз, обнаружил объект. Забыв о времени, Фотограф трудился. Заткнув спиной выход из небольшого грота, он ловил в объектив осатаневшую от бесплодных попыток удрать летучую мышь. У Фотографа оставалось мало пленки, и поэтому он хотел действовать наверняка. Мышь в полете - кадр! Но летучка сниматься не желала. Категорически.

Выползший из сзади Техник сладострастно пнул заиндевевшего Фотографа. От неожиданности тот вскочил, попытался таранить потолок и с проклятиями повалился на техника. Правда, даже тут он успел нажать на затвор.

На следующий день у Фотографа пропал голос. Простыл-таки. Техник утверждал, что маэстро угробил связки, уламывая натурщицу. Фотограф шепотом отругивался.

Глаза слипались. Стекла автобуса - черные зеркала. Взгляд невольно задержался на Девушке. Девушку привел Фотограф. СЪемщик, ярый поборник суровых коллективов, было взбунтовался, но Командор считал, что хотя

бы одна женщина быть в экспедиции должна. Для облагораживания чувств и поступков. Техник его поддержал, а Завхоз к тому времени еще н приехал. В общем, включили.

- Чудак ты, Съемщик, - говорил Фотограф в передышках между сборами. - Представь, просыпаешься утром, а рядом щебечет ласковый голосок. Симфония!

- Да, - ворчал Съемщик. - На третье утро рука непроизвольно нащупывает карабин...

- Не понимает, - констатировал Фотограф. - Скажи, несчастный, ты хочешь прилично питаться?

- Кто еще кого будет кормить! Знаю я их. Фигли-мигли и косметичка на три кило.

- Командор! - Фотограф перевоплощался в отчаянье. - И этот тип вскормлен женщиной!

Девушка появилась, подала каждому теплую крепкую ладошку, и через день казалось, что они знали ее всегда. Даже Съемщик был сражен. Во-первых, Девушка знала компас. Во-вторых была в ладах с примусом, И в-третьих, волшебно готовила обожаемую Съемщиком селедку под шубой.

Новичок всего этого не умел. И сразу честно признался. Его приход в группу для всех долго оставался загадкой. Просто однажды вечером раздался звонок в дверь, и перед удивленными взорами возникла долговязая фигура.

- Я все знаю, - сказала фигура. - Вы идете в пещеры. Хочу с вами. Куда и кем угодно. берете?

Только потом выяснилось, что один из приятелей Новичка - старый знакомый Фотографа, однажды сказал:

- Ну чего ты бездельем маешься? Вон у меня друг - все по пещерам лазит, псих. Сходи к нему. Как раз для тебя дурака занятие.

Так или иначе было сказано, история умалчивает, но Новичок пришел.

Надо отдать ему должное - схватывал он быстро. Сачковал в меру. На удочки попадался исправно. На подначки не обижался. Так что в компании пришелся к месту. А как он изменился за экспедицию!

Техник завозился рядом, кутаясь в штормовку. Прямые волосы выбились из-под шапочки. Исцарапанные ручищи примостились на коленях. Карманы оттопырены. Как обычно! Командор вспомнил, как однажды они долго думали (дело было на маршруте), что попросить у Техника такое, чего бы не оказалось в его бездонных карманах. Решили спросить тиски. Командор невольно усмехнулся, вспомнив их восхищенное удивление, когда в ответ на подначку техник невозмутимо выложил из кармана тиски и спросил, не нужны ли пассатижи. Тисочки были маленькие, детские, но это были тиски!

Все металлическое снаряжение изготавливалось либо самим Техником, либо при его участии и руководстве. Стоило прозвучать вскользь брошенной идее, Техник пропадал дня на два - на три. Появлялся с заговорщицкой миной, но долго не выдерживал, выкладывал на стол очередную конструкцию:

- Вот. Сделал, - его ручищи гнули металл, как пластилин.

Командор любил ходить в паре с техником. Командор всегда шел первым. В колодец ли, на стенку, в скользкий полукамин... И вообще хорошо шел, но в два раза увереннее, если на страховке монолитно высился техник. С ним было надежно.

* * *

От автобуса до ночного поезда оставалось часа полтора. Пока таскали рюкзаки на вокзал, удалось разогнать сон. Но измученные дорогой мышцы гудели, и все чувствовали себя разбитыми - такой денек!

На вокзале оказалось неожиданно по ночному времени людно.

- Давайте груз на перрон, - сказал Командор. - А я пока за билетами.

* * *

- Держи, - Командор протянул билеты Технику. - Проверь. Шесть штук. Кажется, четвертый вагон. Прямые до Москвы.

Техник машинально взял картонные квадратики с квитанциями доплаты:

- Все верно... Шесть. Стоп! Почему шесть?

- Так я же не еду, - сказал Командор. - Родня у меня здесь. Голову отрежут, если не появлюсь. Я говорил, помните?

Молчали обескураженно. Фотограф крякнул.

- Ой, как жалко! - тоненько сказала Девушка.

- Я себе на послезавтра взял, - будто извиняясь, сказал Командор. - Скоро увидимся.

- Увидимся, - сказал Завхоз. - Не пройдет и полгода.

- Черт! - сказал Командор. - Я и забыл, что ты теперь у нас дальний. Все хотел расспросить, как ты там устроился, на новом месте.

- Чего там, - сказал Завхоз. - День какой-то сумасшедший.

- Вот блин, - сказал Съемщик. - И покурить нечего на прощанье. Все киоски закрыты. Жизнь!

- Как так нет? - сказал Фотограф. Достал аптечку, бережно извлек самокрутку: - По кругу, мужики.

Закурили.

- Ты пиши, старик, - сказал Командор. - Не забыл адрес-то?

Завхоз кивнул.

- Ребята, неужели поезд? - сказала девушка.

Тяжелым гулом, моргая красными зрачками заслоняемых семафоров, наплывал состав. Лязгнув остановился. На перроне засуетились, забегали.

Подхватив рюкзаки, побежали к своему вагону.

- Ну, давай!

- Грузись, народ. Потом!

- Рюкзак подкинь! От дъявол толстый...

- Лапу держи!

Они сбились в тамбуре, выглядывая друг из-за друга, становились на цыпочки, махали руками. Вагон дернулся, покатился плавно, будто сомневаясь. Командор, непривычно маленький, шагал следом. Он что-то крикнул, неразличимое в составном гуле, потом вдруг повернул назад, к рюкзаку. Исчез в темноте.

Поезд катился все быстрее, но тут в освещенный круг ворвалась в догон знакомая фигурка. Какой-то сверток в руке:

- Держи!

Перрон оборвался, канул в ночь.

* * *

Купе подслеповато желтело ночной лампочкой. Пока Фотограф разворачивал сверток, окружили столик, навалились плечами. Что-то выпало из газеты, увесисто стукнуло по пластмассе.

- Ой! - сказала девушка. - Ой!

Это было повидло. Черничное повидло в пластиковой упаковке - целых две коробочки.

- Ну, дает! - сказал кто-то. - Зажал! Командо-ор...

Поезд уходил в ночь.

август 1982 - июнь 1994 года.

Л Е Г Е Н Д А О Г Р Е З Е.

==========

-

ПРОЛОГ. - Вы слышали что-нибудь о Двуликой?

Сидевшие у костра переглянулись. Красные отсветы огня дрожали на закопченых сводах большого грота в основании известковой скалы, в глубине которого, в зыбких багровых тенях, угадывались расстеленные для

ночевки спальные мешки.

За освещенным кругом тяжелой стеной стоял ночной дождь.

- Во льет!- парень в потертой штормовке потянулся за котелком.

- Весь день собиралось, - на улыбчивом лице девушки, что сидела рядом с ним, играло заинтресованно-серьезное выражение, светлые волосы выбились из-под шапочки. - А что там за Двуликая, Стас?

Парень хмыкнул.

- Слышал от спелеологов, не помню уж когда... Серега, у тебя курить есть?

Сергей бросил в огонь пустую пачку.

- Понял, - сказал Стас.

- Перебьетесь без курева, - усмехнулась девушка. - Дымите бесперечь.

- Погоди, - сказал Серега, - В рюкзаке посмотрю.

Он поднялся и принялся наощупь шарить в глубине грота.

- Страда-альцы! - нараспев протянула девушка и вдруг насторожилась. - Слышите?

- Ты чего, Ир?

- Кажется, идет кто-то.

- Кого в такую темь...

За шумом падающего на лес дождя теперь явственно слышались приближающиеся шаги.

Ждать пришлось недолго. Из темноты в освещенный круг вступили двое. По пластикатовым накидкам, укрывавшим их вместе с рюкзаками, стекали струйки воды. Поздоровались:

- Добрый вечер!

- Добрее некуда, - усмехнулся Стас. - К нашему огоньку! Серега, у нас гости.

- Ва-ах! - Серега выбрался из сумрака грота. - Откуда будете, люди добрые?

Один из пришедших, высокий и бородатый, скинул н землю здоровенный рюкзак, помог освободиться от груза своему более изящному спутнику. Присел к костру, зябко протянул к огню мокрые руки.

- Благодать! К Провалу идем. Тут экспедиция москвичей должна работать. Может, знаете?

- Провал-то? Его тут все знают, - сказал Сергей, рассматривая гостей. - И ребята ваши там. Вчера у них были. Спелеологи, что ль?

Бородатый покосился на прицепленную поверх своего рюкзака исцарапанную каску с полустершейся красной летучей мышью.

- Да вроде того. Думали, сегодня там будем, а тут дождь.

Его спутник тоже приблизился к костру. Он откинул с лица блестящий от воды пластикатовый капюшон, и по его плечам скользнула тугая струя черных волос. Темные в ночи глаза, точеный профиль.

Парни у костра красноречиво переглянулись.

Девушка опустилась на бревно рядом с бородатым, и ее глаза наполнились мерцающими красными искорками.

- Нашего полку прибыло! - Ира пододвинула к огню кружки. - Вот, чайку попейте. Горячий!

- Спасибо! - сказал Бородатый и потянулся за кружкой. - Ну что, будем знакомиться? Похоже, ночевать нам вместе придется.

- Места всем хватит, - отозвался Сергей. - Тут у нас проблема одна... Куревом не угостите?

Бородатый спелеолог развязал кисет, достал железную коробочку. - "Прима".

- В самый раз, - Стас выудил из огня пунцовую веточку. - О-о, "Дукат". Спасибо.

* * *

- Ты о какой-то легенде говорил, Стас. - Ира поближе подвинулась к

угасавшему костру.

- Вон, у спеликов лучше спроси, - Стас покосился в глубину грота. - Они, небось, подробнее знают.

Бородатый спелеолог привалился спиной к рюкзакам. Голова его спутницы лежала у него на коленях, пряди черных в красноватом сумраке грота волос рассыпались по отвороту желтого спальника.

- Отдыхают они, - сказала Ира. - Умаялись. Так что не томи, рассказывай.

- Спать потом не будешь...

- Ну, Стас, ну, пожалуйста! - Ирка даже зажмурилась. - Ужасно люблю страшные истории!

- Если женщина про-осит... - пропел Серега. - Давай, правда, расскажи. Ты мастер на это дело.

- Ладно уж. Вы и мертвого уговорите. Такое, значит, в народе сказывают...

* * *

Бородатый спелеолог сквозь усталую полудрему слушал приглушенные голоса у костра. Они сплетались с шелестом все не стихающего над лесом дождя.

- Люди зовут ее Двуликой, - донеслись до него слова. - Никто не знает, какой явится к нему Двуликая, если вечная ночь пещеры поглотит свет его фонаря, - безобразной старухой с горящими глазами или прекрасной девушкой. Горе тому, кто увидит зловещий оскал Старухи - грохот обвала или черная пасть колодца навсегда отрежут ему дорогу к солнцу...

Бородатый спелеолог осторожно положил руку на теплое плечо спящей у него на коленях девушки, и странная улыбка дрогнула на его губах...

* * *

ГРЕЗА СУМГАНА. Когда становилось особенно плохо, Коста накидывал старенькую болоньевую куртку и выходил на начинающие сереть осенними сумерками улицы. На работе, хоть и не дающей радости, ЭТО отступало. Он копался в боксе лаборатории, слушал шутливую перебранку механиков, старался сосредоточиться на пульсирующих замысловатыми кривыми экранах осциллографов.

Вечером...

Над осенней Москвой, подсвеченное ярким заревом улиц, сочилось дождями серое небо. Он любил смотреть на цветные блики огней в черном зеркале мокрого асфальта. Но в мелькании лиц - веселых, озабоченных, усталых, - ЭТО подступало снова, и он, невольно ускоряя шаги, выходил на остановку трамвая. После той экспедиции он, сознавая всю нелепость своего поведения, мог часами бродить по оживленным московским улицам, жадно вглядываясь в волны незнакомых лиц. Заходил в ярко освещенные подземные переходы, по нескольку раз спускался и поднимался по эскалаторам метро. Лица, лица, лица...

Один раз, кажется это было на Курском, ему показалось, что он увидел ЕЕ.

Сердце, вздрогнув, заколотилось, он бросился вниз по экскалатору, перебежал, проклиная перегородки и толпу, на восходящий, и только выскочив на гомонящий пригородный перрон, вдруг понял, что нет. И ЭТО навалилось снова.

За окном трамвая качались праздничные брызги огней, в мокрых тротуарах сияли витрины...

Потом он перестал шататься по улицам, и когда ЭТО становилось невыносимым, ехал к Вовчику.

- Станция "Октябрьское поле", - проникал в сознание искаженный динамиками голос.

Он выходил на перрон и, проходя мимо последнего вагона, слышал:

"Осторожно, двери закрываются, следующая станция "Щукинская", обрезанное коротким металлическим гулом закрывающихся дверей.

Все ускоряя шаги, спешил он по пустынной улице, спешил, как к спасению, ибо только там ЭТО, обнажаясь, как-то стихало.

Свернув через залитую водой калитку во двор, он сильно рвал на себя дверь подъезда, и сейчас, поднимаясь на второй этаж, Коста вспомнил, как в первый раз долго бродил вокруг в поисках входа - дверь и сейчас поддавалась неохотно, а тогда явно не желала его пускать, претворяясь запертой.

Коста звонил коротко: "Динь-бом" мелодично пел звонок, и Коста, уже заранее улыбаясь, вслушивался в шаги за дверью. Щелкал замок, дверь широко распахивалась.

- Ха-а! Костик!

- Здорово, Вовчик!

- Здоро-ово!

Они с размаху жали друг другу руки, и Коста с радостным волнением, которое сохранил с того, первого, раза шел за Вовчиком в комнату, стараясь рассмотреть из-за него - кто из ребят сегодня здесь.

- Проходи!

В маленькой комнатке на Маршала Бирюзова, в коммунальной квартире, почти каждый вечер было полно народу. Каждый ехал сюда, как домой, ехал к своим, неся "в толпу" все свои радости, огорчения и планы.

Даже когда у Розалии родилась Женька, и Вовчик стал первым папашей в их спелеогруппе, традиции не изменились.

Часом к восьми на столе появлялся видавший виды зеленый чайник, выкладывалась из карманов и сумок снедь: колбаса, булки, сыр, помятые пакеты масла. Рассаживались кто на чем. Иногда кто-нибудь доставал из-за пазухи бутылку вина, и тогда из массивного серванта, до отказа забитого сверкающими образцами каменьев со всего света, извлекались старые фужеры с отбитыми ножками.

В девять маленькую Женьку укладывали спать, и вся толпа вываливала на лестницу покурить.

Здесь, у Вовчика, обсуждались планы новых экспедиций и штурмов, сюда стаскивались веревки, палатки, "украины"- как в обиходе называли шахтерские аккумуляторы, словом, все то, что на их языке определялось емким словом - "снаряга".

Коста любил смотреть на оживленные лица ребят, на тронутую ранней сединой шевелюру Крестина, на всегда взъерошенного Вейса, на "атласную кожу и черные глаза" Лехи, слушать спокойный голос Вовчика и звонкий смех Татьяны, ловить затаенную грустинку в глазах Ольги, выпутываться из сумбурного потока идей Игорька. Это были Его ребята. И он был Их. И потом, шагая по пустынным ночным улицам под шелест шин одиноких машин, когда ЭТО надвигалось снова, часто думал: кем бы он был без них, без своих ребят. Иногда приходила мысль, что не будь их, он не поехал бы в эту последнюю экспедицию, так резко перевернувшую все в его жизни. Он никогда бы не увидел ЕЕ, и никогда бы не пережил того, что с ним сейчас происходило, того, что он, не находя слов, коротко называл "ЭТО".

* * *

Коста вошел в комнату и по оживленным взглядам понял - что-то опять затевается. Через стол потянулись руки. Здороваясь и отвечая на шутливые слова, Коста с трудом протолкался в угол комнаты, устроился на стуле. Кто-то протянул фужер, кто-то пододвинул тарелочку с салатом. Прислушался.

Он оказался прав - разговор шел о новой экспедиции.

- Смотри, Костик, - Вовчик развернул на столе новенькую кальку. Вчера получили свердловскую съемку. Прислали-таки. Здесь кое-что отличается то нашей схемы.

Преодолевая себя, Коста склонился над картой. В извилистых линиях ходов перед глазами отчетливо проступала Пропасть, ее галереи и колодцы, залы и ледники. Вот и река, сифоны... Что толку смотреть?

На душе было тошно. Они смотрят на него так, будто он знает, но не хочет показать этот проклятый обход сифона!

- Ребята,нам пора спать, - Роза улыбнулась. - Жень, скажи дядям спокойной ночи!

Вышли на лестницу.

- Что скажешь? - Вовчик протягивал ему пачку "Примы". - Возьми вот, покрепче...

Что он мог сказать? Рассказать все, и пусть его сочтут сумасшедшим?

- У кого там есть закурить? - Леха "незаметно" подмигивал с подоконника.

Коста невольно улыбнулся. "Знаешь, как надо подмигивать незнакомым девушкам?"- говорил Леха. - "Незаметно. Вот так!" Далее следовало непередаваемое Лехино действо, состоявшее из яростного подмигивания с одновременным устрашающим перекосом физиономии в сторону высунутого языка.

Со всех сторон потянулись за куревом. Спичка пошла по кругу.

Коста чувствовал, что надо сказать ребятам все. Именно сейчас. Потому что сегодня разговор снова, в сотый, наверно, раз зашел про эту экспедицию. Потому что назревала новая экспедиция, и ЭТО мучало его все сильнее, не давая дышать.

Кое-что он все-таки рассказал. Тогда, еще в Пропасти, после падения с ледника. Он сказал, что видел, знает как и что за сифоном. Описал точно, невероятно точно, также, как только что повторил сейчас. И больше не сказал ничего. Не мог.

Мужики курили, перебрасываясь словами.

- Он видел, это безусловно. - Вовчик пошире расставил ноги. - Таких совпадений не бывает. Это не придумаешь. Он видел... Только вот - как?

- Галлюцинация, - сказал Крестин.

- А почему нет? - Леха спрыгнул с подоконника. - Даже в литературе пишут: "Имели место случаи галлюцинаций у спелеологов, которым пока не найдено объяснений". Так?

- Погоди, Леха. Мы уже тысячу раз об этом говорили, - Вовчик повел плечом. - Я могу поверить в галлюцинации, в про'видение, это и у меня бывает... Я про нож понять не могу. Как у Костика оказался нож, который я потерял в сифоне? И еще что-то..., вертится что-то, не могу поймать...

- Ножи, - сказал Игорек. - Ножи ваши - это гвоздь проблемы. Хотя, скорее всего, вы просто случайно ими поменялись. До сифона еще, а?

- Ты помнишь, как я из сифона вышел? - Вовчик отрешенно смотрел куда-то внутрь себя, и Коста почувствовал, что в нем поднимается непреодолимая внутренняя дрожь. - Я с ножом в руках вышел. А знаешь, почему? Потому что костиков нож в мои ножны не входит. Напрочь. Но чего-то я не то хотел...

- Это факт, - сказал Боб. - Мы это дело экспериментально установили. Дак ведь и у Костика нож-то твой... чудно как-то: вроде, в ножнах, а в ножнах-то и не держится - вываливается. Его ж там рукой держать надо, чтобы ходить, - велики ножны. Ладно бы только ходить: Костик с ледника навернулся, а вовкин ножик у него в ножнах остался, будто приклеянный! Это я путанно сказал... но факт. Не чудно?

- Да не менялись мы ножами, - сказал Вовчик. - Ну, ты, Боб, сам посуди, ну, на кой ляд нам ножами меняться?

- А тогда остается только предположить, что вы с Костиком где-то там, за сифоном встретились, нажрались чего-то от радости и теперь не

помните ни хрена.

Коста зажмурился и глубоко затянулся сигаретным дымом.

- Короче, - сказал Леха. - Зимой ехать надо - разбираться. Тогда у нас было слишком мало времени.

- И воздуха, - сказал Игорь.

- И воздуха..., - как в полусне отозвался Вовчик и вдруг замер. - Подожди, подожди... Кажется, поймал. Сколько у меня оставалось в баллонах атмосфер? Вот сразу, как вы меня из сифона выдернули?

- Около восьмидесяти, - сказал Коста. - Скажи, Леха.

- Точно. Мы их потом на ферме выпускали. В чем дело-то?

- Вот оно что! - сказал Вовчик и обвел всех глазами. - Вот, что меня все это время мучило. Неувязочка получается, мужики. Я почему тогда назад повернул?

- Почему?

- Воздуха у меня было мало! - четко, почти по складам, произнес Вовчик. - У меня на манометре было тридцать, предел у меня был, понял?

- Ни фига не понял, - сказал Игорек.

- А когда я веревку обрезал, и того не оставалось. Зашкалило манометр. Да если б у меня восемдесят было, я вперед бы двинул, как...

- Ты просто забыл, - уверенно сказал Боб. - Задергался и забыл.

- Я не забыл. Я просто только сейчас вспомнил. Да будь у меня хоть полсотни атмосфер!.. Это я потом задергался.

- Бред какой-то! - Вейс взъерошил и без того взъерошенный чуб. - Ножны, ножи, атмосферы... Может, нам в психушку пора? Построимся все, и хором.

- Двуликая, мужики! - Леха весело присвистнул. - Не иначе!

Коста так сильно вздрогнул, что чуть не выронил сигарету.

Он не все рассказал тогда ребятам. Не мог рассказать. Потому что в глубине души сам считал происшедшее с ним невероятным. Но он не мог больше носить в себе этот груз.

Коста обвел взглядом задумчиво куривших вокруг него парней. Это же его ребята! Они поймут. Они не могут его не понять.

- Тут вот какая штука, - трудно сказал он и потянулся з новой сигаретой...

* * *

Та последняя экспедиция осталась в его памяти отрывочными, но предельно яркими картинами.

... Они с Лехой распутывали телефонный провод. Красной спутанной грудой он лежал на снежном конусе дна Первой шахты Прапасти. Голубоватый свет угасающего наверху дня слабо струился по уходящим на недосягаемую высоту гигантским стенам каменной "бутылки". И где-то там, вверху, в голубой груше неба, золотились закатным солнцем паутинки растяжек.

Сквозь монотонную музыку капели с тающих ледников иногда проступали доносящиеся сверху далекие звуки Земли.

- Слышно сегодня хорошо, - наматывая провод на крестовину, Коста посмотрел вверх.

- Похоже, радуются чему-то, - Леха сплюнул на снег. - Дернул же их черт провод упустить! До ночи теперь провозимся.

Сегодня их четверка выходила на поверхность. Шесть суток под землей сделали свое дело. Ребята устали. Это чувствовалось по тому, как сильно затянулся подъем с Нижнего яруса Пропасти. Торопились. Не хотелось выходить в ночь, все смертельно соскучились по солнышку.

И вот тут, когда Ольга с Сорокиным уже вышли, и пристегивался на подъем Леха, раздался свист падающего с семидесятиметровой высоты провода.

Через час проклятый провод, наконец, распутался, и когда его, при-

цепленный к концу веревки, конец, медленно пополз вверх, они с Лехой с трудом распрямили налитые усталостью спины.

- У тебя курить осталось? - Коста из-под каски провожал взглядом уходящую в туманную высоту красную ниточку.

- А как же, - Леха вытер руки о комбинезон, полез за пазуху. - Славно потрудились. Теперь не грех и закурить...

Стукнувшись касками, они склонились над оранжевым огоньком спички, жадно затягиваясь теплым дымом.

Коста не слышал свиста падающего камня. Они успели разойтись метра на два: Коста - к Телефонному ходу, Леха - к Северной галерее, когда в мокрый снег конуса беззвучно вошел камень, и снег под их ногами едва ощутимо дрогнул.

"Как раз, где мы стояли..." - мелькнула мысль. Коста коротко глянул на Леху. Леха только покрутил головой: "Дураки, мол, совсем страх потеряли - на конусе закуривать!.."

Передернув плечами, Коста припал к телефону:

- Земля, Земля, я - Сумган, как слышите? Прием.

Он прижимал к уху динамик, а сам все косил глазом на дырку в снегу.

"И на этот раз пронесло, - подумал он. - "Хорош подарочек! Устали и забыли осторожность..."

В наушниках затрещало. Ага, значит, провод подняли.

- Сумган, я - Земля. Все в порядке. Прием.

- Отлично! Все. Мы поднимемся. Сейчас идет Леха.

* * *

... Стены медленно ползли вниз. Огромные, влажно-черные, они раскачивались перед глазами в такт пульсациям веревки.

"Клац-клац" - клацали металлом самохваты.

Коста чувствовал, что очень устал. Он старался не смотреть на окружающие его стены, ибо тогда казалось, что он вообще не движется. Хрипло дыша, Коста старался держать ритм подъема, попеременно выкидывая вверх руки и уже не ощущая боли в ссаженных пальцах.

Венчик окаймляющих Пропасть скал постепенно расширялся, качаясь над ним в позолоте последних лучей заходящего солнца.

И странными казались несущиеся над головой серо-белые облака.

- Эва! Костик!

Коста запрокинул голову влево.

Улыбающиеся лица на краю... - да вот он - край долгожданный! - а это кто?

- Вовчик!

Вовчик приехал!

Последние усилия, и Коста завис у края Пропасти, чувствуя, как все тело гудит от подъема. Бесконечные стены закончились, и Южная площадка, на которой деловито суетились ребята, качками приближалась, обдавая полузабытыми парными запахами уходящего осеннего дня.

Его вытащили на край, и еще не успев отстегнуться от веревки, Коста уже обнимал Вовчика, который, оказывается, приехал еще вчера.

- Вот и встретились на Сумгане!

- Теперь поработаем!

* * *

Вечером вся экспедиция собралась у жаркого костра. Коста, наконец, почувствовал, как отсыревшие в промозглом холоде пещеры кости наполняются блаженным теплом, и как распрямляются нервы, наполняя все его существо непередаваемой радостью. Вовчик приехал! Теперь они могли перейти к своей главной задаче - штурму сифона подземной реки. Подводная группа была в сборе, и Игорек, отставив в сторону кружку, развивал картину предстоящего штурма.

Коста слушал и не слушал. Оранжевые языки пламени плясали перед его глазами, обдавая жаром, и в них качались фантастические картины Пропасти: гигантские своды залов, белоснежные каменные каскады натеков, голубое сияние ледников, черное стеклянное спокойствие реки в жутковатом контрасте с гулом, идущем откуда-то из глубины затопленных рекой галерей.

Загадка этой реки давно не давала им покоя. Начинаясь на поверхности с уходящих в поноры разрозненных ручьев, река появлялась отдельными участками в вышележащих пещерах урочища для того, чтобы во всей красе возникнуть в черных тоннелях галерей Нижнего яруса Пропасти и, уходя в сифон, через несколько километров никому неизвестного подземного пути, появиться снова - на поверхности земли, в голубом озере у подножия серо-белой стены известняков.

Что там, под этими могучими плитами скал? Какие сокровища хранит земля, отгородившись от света коварными дверями сифонов?

Четвертый год приходят они к Пропасти, но ни разу еще не посягали на скрытые за сифонами тайны. Что несут они им, спелеологам?

В костре кровянели догорающие угли. Из-за далеких хребтов пробирался ветер, щурша пожелтевшими лесами. Над урочищем нависло черное, набухающее дождями, небо.

Осень, уже совсем осень - подумал, засыпая, Коста.

* * *

Утром он проснулся с чувством беспокойства. Но тревога была смутной, и он подумал, что это обычное волнение: сегодня вниз уходила шестерка Вовчика, а они с Лехой, отдохнув наверху, через день тоже должны были уйти под землю.

Небо, затянутое тучами, время от времени роняло редкие капли. Они с шелестом ложились на пестрый ковер листьев под ногами, звучно стучали по каскам стоявших на Южной площадке Пропасти парней.

Вниз осторожно спускали акваланги, тщательно упакованные в транспортные мешки.

- Да-а, погодка начинает портиться, - Вовчик, стоя на самом краю, провожал глазами уходящие в шахту мешки.

- На Нижнем будьте осторожнее, - сказал Коста, прислушиваясь к ровному шороху веревки. - Во вторую шахту падает лед. Особенно, когда дождь.

Вовчик кивнул.

- Земля, Земля, я - Сумган, - из динамика телефона слышалось дыхание Игорька. - Груз весь?

- Да, последний рюкзак, - Леха щелкал переключателями приемника. - Как у вас? Прием.

- Нормально. Первые уже спускаются в колодец Вейса.

- Скажи ему, сейчас пойду я, - Вовчик в последний раз подтягивал узлы обвязки, позвякивая карабинами.

- Эва, Сумган! Сейчас пойдет Вовчик.

- Поняли.

- Когда вы начнете работать в сифоне? - Коста распутывал грязную вытяжную веревку, изредка поглядывая, как Вовчик пристегивается на рогатку.

- Думаю, завтра.

- Когда связь?

- Давай, часов в одиннадцать. До одиннадцати должны успеть. - Вовчик уже садился на край, неуловимо напоминая чудовищного паука - весь в капроновой паутине веревок.

- Страховка?

- Есть, - Леха замер на страховке у старой березы.

- Ну, я пошел, выдавай понемногу.

- Давай! Скоро увидимся.

* * *

Всю ночь бушевала непогода. Благо, что вечером они с Лехой перенесли лагерь на ферму в километре от Пропасти, и теперь, лежа на нарах, Коста прислушивался к шуму ветра за стеной.

Ветер ломился в окна, двери, гудел в трубе. Казалось, что избушка раскачивается от его порывов. Дождь косой стеной рубил грязь на почерневших дорогах, заливал стекла, струйками стекая с крыши.

Ночью тревога возвратилась, но Коста заставил себя заснуть - надо было хорошенько отдохнуть перед завтрашним спуском.

Утрення связь не дала никаких особенных новостей. Весь этот день, бродя по пасмурным логам - надо было нанести на карту входы двух новых для них пещер, Коста ловил себя на мысли, что с нетерпением ждет вечера. Только тогда они узнают о первой попытке штурма сифона подземной реки.

К вечеру над урочищем стих ветер. По логам потянулись сизые космы тумана, на черно-синем небе проглянули одинокие пока звезды.

- Похоже, распогодится, - Леха, озаряемый рыжими бликами, совал в печку дрова.

- Хорошо бы. Сколько до связи, мужики?

- Сорок минут.

- Опять поужинать толком не успеем, - Ольга со стуком поставила на стол котелок с картошкой. - Ну, давайте по-быстрому.

Торопливо работая ложкой, Коста то и дело поглядывал на часы. "Что же там у ребят?"- сверлила мысль. - "Что за сифоном?"

Так и не попив чаю, они с Лехой вышли в ночь.

- Ну и темнотища! - смутная лехина тень маячила рядом. Ветер стих, и над урочищем нависла плотная тишина. Только шорох их шагов, да изредка лязг ледоруба о камень.

Ровно в условленное время они подключили телефон. Из Пропасти несло холодом. Коста зябко поежился.

- Тихо что-то. Никого нет.

В приемнике слабо потрескивало. Отступившая было тревога снова заворочалась в груди. Тихо...

- Сумган, Сумган, я - Земля. Как слышите? Прием.

И только шорох в приемнике.

Медленно тянутся минуты. Луч фонаря бесцельно бродит по черно-серым скалам, нависающим над Пропастью.

- Да что они там! Спят, что ли? Сколько мы здесь?

- Минут двадцать. Может...

- Подожди!

В шорохе и потрескиваних телефона что-то изменилось. Далекий гул нарастал. Вот уже можно раличить топот ног. Он все ближе!

Коста непроизвольно напрягся, вдруг стало жарко.

- Земля! Земля! - хриплый, задыхающийся от бега голос.

- Земля на связи! В чем дело?!

- Все нормально. Мы немного заболтались.

Леха за спиной с облегчением вздохнул.

- Ну, черти! Мы уже беспокоились. Как там сифон?

- Сейчас Вовчик подойдет, расскажет.

Через несколько минут они слушали чуть искаженный глубиной голос Вовчика:

- Сегодня провели разведку. Прошли двадцать метров предсифонного озера и тридцать метров сифона.

- А дальше?

- Дальше пройти не смогли. Страховка кончилась, да и холодно дико.

- Понятно. Завтра мы к вам спускаемся. С Лехой. Что у вас на

завтра?

- Попробуем еще раз.

* * *

Проглянувшие было звезды снова задернули облака. Возвращаясь на ферму, Коста чувствовал, что за эти дни на Земле нисколько не отдохнул. Надоело низкое мокрое небо. Хотелось солнышка. И совсем не хотелось завтра спускаться.

А утром он проснулся с чувством какого-то радостного ожидания. Ребята еще спали, а Коста некоторое время все никак не мог сообразить, почему в домике так празднично светло. Выбравшись из спальника, он глянул в окно и не смог сдержать радостного удивления.

За окном мела метель. Снег валил густо, стремительно, огромными мохнатыми хлопьями.

- Ребята, снег!

Сна как не бывало. Снег! А ведь только середина сентября.

- Все у нас было, - говорил Леха, отыскивая под нарами сапоги. - Шли сюда - умирали от жары. Лето, да и только. Позавчера вылезли из Сумгана - я еще удивился, как все пожелтело. Вся Южная площадка в листьях.

- И трава полегла, - Ольга смотрела на ребят широко раскрытыми глазами, в которых отражались маленькие окна: за ними все валил и валил снег.

- Ну! А сегодня и зима пришла, - Леха забухал сапогами к двери. - Что-то будет, когда выйдем на Землю?

- По идее, весна, - Ольга уже гремел котелками на печке. - Леха, дровишек захвати!

- Оля, нам на связь, - Коста поверх двух свитеров натягивал порыжевший от пещерной глины комбинезон.

* * *

Метель приняла их в свои объятия. Снежинки таяли на разгоряченных ходьбой лицах, и Коста находу слизывал капельки, то и дело повисавшие на кончиках усов.

Вот и Южная площадка. Всюду: на пожелтевшей траве, на обнаженных стволах берез, на серых выступах скал - лежал снег. Метель утихла, и снежинки медленно, как будто нехотя, падали в темную пасть Пропасти навстречу поднимающимся из глубины облакам пара.

Оставив Ольгу у телефона, Коста поднялся на скалу, нависавшую над Южной площадкой - зрелище устья Пропасти всегда волновало его. А когда спустился, из телефона уже раздавался радостный голос Вовчика:

- Прошли сифон!

- Иди ты!

- Точно!

- Сколько?

- Тридцать пять метров. Дальше, метров на двадцать, просматривается галерея. Над головой метра три воздуха.

- А дальше?

- Похоже, поворот.

- Чего не пошли? Опять страховка?

- Да нет. Я потек здорово. Да и не вижу без очков под водой. Сейчас думаем еще нырять. Игорь уже готовится.

- Воздуха много осталось?

- До фига.

- Ну, удачи! Мы сейчас позавтракаем и к часу начнем спуск.

* * *

Пока бежали знакомой тропой на ферму, в голове все время радостно пульсировала мысль: "Взят сифон. Пройден сифон Сумгана!"

* * *

В лагере Нижнего яруса было шумно. На примусах закипала вода. По неровным стенам и потолку, по палаткам метались фантастические тени.

Во второй попытке Игорь не смог пройти сифон. Об этом Коста узнал, уже спустившись. И сейчас они сидели вокруг свечи - шесть перемазанных в пещерной глине фигур. В солидное гудение примусов мелодично вплетался говорок близкого ручейка, робкие строчки капели. Молчание прервал Вовчик:

- Завтра надо пробовать еще раз. На раз воздуху еще хватит.

- Гидрики текут, - Сорокин, отходивший к примусам, снова присел на рюкзак. Я сегодня замерз страшно.

- Так сколько ты в воде простоял, тут и не потечешь, замерзнешь.

Страховать уходящего в сифон приходилось стоя по пояс в воде предсифонного озера. Лодки у них не было.

- В следующий раз обязательно надо лодку, - Игорь сидел без каски, и огонек сигареты периодически разгорался у его губ. - Самое странное, что я не видел ни одного кармана с воздухом. Только отдельные пузыри, да и то, наверно, мы их надышали.

- Первый карман идет сразу метра через два от начала сифона. Ты вдоль потолка шел? - Вовчик полез за спичками. - Я в этот карман сразу выскочил.

- В том-то и дело, что и я шел по потолку. Там выступы, борозды, ребра какие-то. Я еще подумал, как бы страховка не зацепилась. Но - ничего не видел.

- Странно.

После ужина, неожиданно для себя, Коста снова почувствовал себя неважно. Спуск отнял больше, чем нужно, сил. Да еще часа два потеряли в колодце Вейса, когда пришлось перенавешивать потертую веревку.

Снимая комбинезоны и трикони, парни расползались по палаткам. В палатке ему показалось тесно, и, поразмыслив, Коста устроился в спальнике на груде мешков, укрывшись пластикатом.

В наступившей тишине где-то недалеко гулко била капель.

Голова гудела, все тело ломило.

- Не хватало еще заболеть, - подумал он, засыпая.

Перед глазами в непроницаемом сумраке пещеры поплыли знакомые голубоватые тени и исчезли.

* * *

Странно было смотреть на эту воду. Черная, матово застывшая, ее поверхность играла бликами фонарей. Желтые пятна света невесомо скользили по изборожденным коррозией стенам. И над всем этим - мощный, давящий на сознание, гул невидимого переката.

Штурмовая тройка - Вовчик, Игорь и Сорокин, матово поблескивала мокрой резиной гидрокостюмов. Стянутые обтюраторами лица трудно узнать.

- Мужики, пора нырять, - Вовчик неловко шевелил пальцами в толстых перчатках. - Я уже начинаю задубевать.

- Сейчас, - Игорь возился с легочником акваланга. Его желтые баллоны резко контрастировали с черной водой и уходящими во мрак стенами.

- Значит, так, - Коста поудобнее перехватил треногу штатива. - Я буду работать в Ледяном зале. Кто у нас на связи - Леха? Если что - я там. Там же рядом Саня. Он уже ушел, что ли?

Леха молча кивнул.

- В общем, давайте.

Вовчик махнул рукой:

- Попробуем. Еще разок. Все равно, на большее не хватит воздуха.

Ловя слабеющие с каждым поворотом гулкие голоса у сифона, Коста направился к Ледяному залу. Миновав зал Ворота, он углубился в сеть галерей, на полу которых все чаще появлялись языки льда. Ледники на Нижнем ярусе Пропасти не таяли круглый год.

По крутому обледеневшему ходу Коста поднялся в Ледяной зал. Луч фонаря голубыми искрами заиграл в мощных ледяных сталагмитах, в зеркальном льду пола.

Положив фонарь на выступ стены так, чтобы его свет охватывал как можно большую часть зала, Коста, неспеша, установил штатив фотоаппарата и принялся за работу. Поймав в видоискатель нужный кадр, он отвел фонарь в сторону. Теперь лишний свет дал бы только красные блики на цветной пленке. Открыв затвор аппарата, осторожно, стараясь не поскользнуться на гладком, как стекло, полу, он почти наощупь начал обходить зал, время от времени прорезая темноту блицами вспышки.

За работой время летело незаметно. Коста успел сделать несколько кадров, когда снизу, из-под уходящего во тьму ледника, послышалось буханье триконей. Кто-то бежал по направлению к Ледяному залу, и эхо грохотало по пещере, стократно усиливая гул приближающихся шагов.

- Эва! Костик! - голос Лехи тревожно заметался под сводами.

Коста почувствовал, что у него упало и бешенно заколотилось сердце. Положив вспышку прямо на лед, он быстро, насколько позволял тусклый свет направленного в стену фонаря, приблизился к краю ледника. Внизу маячила звезда лехиного фонаря.

- В чем дело?!

- Похоже, у Вовчика застряла страховка! Уже минут пять, как вышло время, а его нет. Давай к реке!

Мысли лихорадочно застучали в висках. Глубина небольшая, в аппарате было, кажется, около ста атмосфер, на сколько их хватит?

- Бегу! - крикнул он вслед уже удаляющемуся Лехе.

- Сейчас скажу Сане! - донеслось до него.

Машинально Коста рванулся было к выходу из зала, но, вспомнив, что у него нет фонаря - тот по-прежнему лежал на выступе стены, все так же тускло озаряя враз помрачневшие своды, - резко остановился. Трикони скользнули, потеряв сцепление с предательски гладким льдом. Коста сделал отчаянную попытку удержать равновесие, но упал, и вдруг почувствовал, что неудержимо соскальзывает куда-то вниз. Он попытался перевернуться, выставив вперед тяжелые ботинки, чтобы хоть немного смягчить ожидаемый удар, но тут его резко дернуло вправо - он даже не успел толком испугаться - и оглушительным ударом в каску швырнуло в забытье.

* * *

Потом но все взбирался по зыбкому коридору и снова скатывался вниз, взбирался и падал... Один раз он почти поднялся на край невидимого уступа, за которым брезжил неясный ласковый свет, но оглянулся и увидел себя, лежащего далеко внизу среди дико искореженного камня и льда, и потянулся к себе, и снова соскользнул куда-то в тошнотную яму и боль.

* * *

Сознание возвращалось медленно. Еще сквозь закрытые веки он увидел хоровод зеленых пятен и кругов. Коста с усилием открыл глаза. Пятна и тени не отступили, но лишь слегка замедлили свой бег. Боли не было, и Коста попробовал приподняться. Вокруг плотной стеной стоял зеленый мрак.

- Фонарь, - подумал он. - Фонарь остался на полке.

Он пошарил вокруг руками, но стен не было. Тогда он резко встал на колени, и тут же резкая боль бросила его лицом на лед.

Очнулся он от мягкого прикосновения чьих-то рук.

- Ребята, - мелькнула благодарная мысль. - Наверное, Леха... - мысли путались, - ...или Вовчик... Вовчик... Что же Вовчик?

Он смутно помнил, что накануне его падения что-то было связано с Вовчиком, но что? Мысли, как расплавленный воск, тягуче плыли в воспа-

ленном мозгу.

Он медленно поднял веки и невольно вздрогнул, увидев склоненное над собой лицо. Большие, бездонной черноты, глаза - он раньше почувствовал, чем понял их красоту. Глаза смотрели на него, не мигая, чуть поблескивая из тени ресниц. Темные длинные волосы почти касались его лица, сливаясь с вечной ночью пещеры. Тонкий прямой нос, чуть тронутые улыбкой красиво очерченные губы...

- Наверно, брежу, - подумал он и закрыл глаза. - Начинаются галлюцинации... Скорее всего, от удара. Здесь же дьявольски темно...

Память вернулась скачком.

- Вовчик! - забилась мысль. - Вовчик запутался в сифоне!

Он снова открыл глаза и... Лицо не исчезло. Оно лишь чуть отодвинулось в темноту, и теперь он мог различить склонившуюся над ним фигуру женщины.

- Что с Вовчиком? - хрипло спросил он, совершенно не рассчитывая на ответ, и эхо его голоса взлетело под невидимые своды.

Коста смотрел на женщину, смутно ожидая, что сейчас она расстает среди окружающих его зеленоватых миражей. Он смотрел на нее и вдруг понял, что женщина улыбается.

- Ты должен был умереть, - услышал он шепот чуть дрогнувших губ. - Ты жив. Ну, что ж...

- Что с Вовчиком? - снова спросил он, непроизвоьно облизывая пересохшие губы.

- Вовчик? - медленно произнесла женщина, и Коста поразился ее голосу: он показался ему странно знакомым. - Почему ты о нем спрашиваешь? Это твой друг?

- Да, - сознание как бы раздвоилось: одна половина успокаивала, убеждала, что все бред, наваждение, другая - упорно цеплялась за эту, пусть невероятную, ниточку. - Вовчик застрял в сифоне, наверно, запуталась страховка. Что с ним?

- Это тебя интересует больше всего? - глаза женщины замерцали зеленоватыми искрами.

- Все остальное все равно только бред, - подумал он и кивнул.

Губы женщины дрогнули, будто непрошенные слова вот-вот готовы были сорваться с них. Зеленые искорки в глазах вдруг погасли. Женщина гибко выпрямилась, и Коста еще раз удивился, как ясно он видит ее, когда вокруг, он знал это,- кромешный мрак.

- Тогда пойдем.

Маленькая рука скользнула над ним, как бы предлагая опору. Коста опасливо покосился на свои ноги, боясь необдуманным движением снова вызвать резкую боль.

- Пойдем, - голос женщины звучал повелительно, и в следующий момент он понял, что стоит. Боли не было. Рука женщины все еще была протянута ему, и он, прежде чем коснуться ее, невольно вытер грязную ладонь о комбинезон.

- Надо спешить, - в ее глазах снова вспыхнули зеленые огни, но тут же погасли, и Коста ощутил холод тонких пальцев в своей горячей руке.

- Но куда? Тут же ни черта не видно!

- Неужели?

Голос женщины прозвенел легкой иронией, и Коста понял, что... видит. Мягкий зеленоватый свет лежал на проступивших из мрака стенах, на обледенелых глыбах пола.

- Типичный мираж, когда долго сидишь без света, - подумал он. - Тронь эти "стены", и рука повиснет в пустоте...

Но все же отчаянно шагнул вперед.

Видимо, все эти мысли ясно проступали на его измазанном глиной бородатом лице, потому что ему почудился затаенный мелодичный смешок.

Это почему-то разозлило его.

- Даже мираж смеется над тобой! - шепнула сомневающаяся половинка сознания, но другая уже вела его вперед, вслед за зеленоватым сиянием убегающей вперед галереи.

Его тяжелые шаги наполнили своды грохочущим эхом, и в то же время Коста поймал себя на том, что не слышит шагов быстро идущей впереди женщины. Она легко скользила перед ним, озаренная тем же призрачным сиянием, и теперь он мог лучше рассмотреть ее гибкую фигурку. Женщина была чуть выше его плеча. Темные волосы невесомыми волнами колыхались в такт шагам. Черный плащ, ниспадающий с плеч, сливался с черными тенями, залегшими у стен. В каждом движении женщины было столько неуловимой грации, что Коста невольно залюбовался ею и вдруг ощутил в себе смутное беспокойство, даже волнение, вызванное призрачной незнакомкой.

- Этого еще не хватало! - сердито подумал он, но женщина, словно почувствовав его взгляд, оглянулась, и снова ему показалось, что в ее бездонных глазах мелькнула искристая лукавинка.

И тут же мысль о Вовчике заставила его прибавить шаг.

Стены галереи раздвинулись, под ногами вновь появился лед. Что-то знакомое почудилось ему в очертаниях этого гигантского зала. Вот и ледяной сталагмит-дворец. Где же он его видел? Белые полосы на стенах, аркой уходящие к сводам...

- Да ведь это Ворота! - Коста почти бежал, краем сознания удивляясь, что его спутница все также неслышно скользит впереди него. - Нам туда!

Отсюда он и в полной темноте мог бы добраться до выхода к реке. Вот и ее, неясный пока, гул доносится из темноты.

Но маленькая и неожиданно сильная рука женщины вдруг потянула его вправо, туда, откуда из сводчатого повышающегося входа сползал белый язык ледника.

- Там же тупик! - Они с Лехой несколько раз осматривали эту слепую галерею в надежде найти новый выход к реке и всегда натыкались на завал, а маленькая рука властно вела его именно туда.

Коста не мог потом вспомнить, как они проскользнули между готовыми обрушиться глыбами, как шли по лабиринту изгибающихся во всех направленях ходов... Ему только показалось, что шли они довольно долго.

- Смотри! - женщина легко остановилась, и Коста, с трудом переводя дух, понял, что они стоят в окне сумрачной галереи. Внизу черно блестела вода.

- Вовчик!!! - закричал Коста и, рванувшись вперед, наверняка упал бы в воду, но невидимая преграда сильно толкнула его в грудь. Там, в черноте воды, то показывались, то снова исчезали желтые бока акваланга, и тогда на поверхности воды бурливо вскипали черные пузыри.

- Нож! - услышал он за спиной насмешливый голос, и торопливо выхватил из ножен на поясе свой старый клинок.

- Положи на камень!

Коста, не совсем понимая, что делает, высунулся из окна и положил нож на выступ скалы, около которой вспухали воздушные пузыри.

Через мгновение он, наконец, увидел лицо Вовчика, искаженное маской. Вовчик на секунду вынырнул, его взгляд метнулся по отвесно уходящим в воду стенам, задержался на ноже. Коста видел, как в напряженных глазах Вовчика мелькнуло облегчение. Рука в резиновой перчатке крепко схватила рукоятку, и голова Вовчика, выпустив из легочника бурлящий пузырь, снова канула в воду. Луч его фонаря зажелтел из-под воды, потом качнулся в сторону, мелькнули над водой концы ласт, в последний раз всколыхнув гладь озера, и все стихло.

И Коста вдруг почувствовал, что страшно устал. Он прислонился к стене, не испытывая больше никаких желаний и не имея сил к их осущест-

влению. Он ощупал карманы, достал помятую пачку "Примы", спички и машинально закурил. Несколько раз глубоко затянувшись, он почувствовал некоторое облегчение. Но в голове по-прежнему было пусто и тяжело. Мысли, словно нехотя, медленно возникали откуда-то из глубин сознания.

- Господи, - подумал Коста. - Ведь привидится же. Поразительно ясные галлюцинации...

Вместе с мыслями оживала и тревога.

- Есть спички, - появилась мысль. - Надо попробовать выбраться к ребятам... Они уже, наверно, хватились, что меня нет. Интересно, откуда же я свалился? Неужели с Большого ледника?

Временами на него наплывало смутное ощущение, что он лежит среди россыпи обломков льда и камня.

За его спиной прошелестел короткий смешок.

- Опять начинается, - обреченно подумал Коста. - Странно, но я совсем не волнуюсь за Вовчика...

Он тяжело повернулся и снова увидел ЕЕ. Женщина сидела на покрытом натеком выступе и, как ему показалось, с интересом смотрела на него. В ее черных глазах дрожала усмешка.

Коста курил, молча глядя в эти притягивающие огромные в вечной ночи зрачки. Вот шевельнулись губы.

- Ты доволен? Я выполнила твое желание.

- Если бы все было так наяву, - подумал Коста. - Странно, я ни капельки не беспокоюсь...

- А-а! - в голосе женщины мелькнула ирония, смешанная, как ему показалось, с плохо скрытым удивлением. - Я, кажется, догадываюсь... Ты просто не веришь в меня. Так?

Коста кивнул. Мысли текли в другом направлении.

- ...Меня должны скоро найти, - думал он. - Все зависит от того, куда я упал. Вот сейчас раздадутся голоса, и луч фонаря рассеет все эти видения.

Коста оглянулся, силясь взглядом проникнуть сквозь зеленоватое сияние, исходившее из того угла, где сидела... Он вдруг подумал, что не знает, как ее зовут. Спросить? Спрашивать имя у галлюцинации?

- Доходишь, старик! - подумал Коста. - А впрочем, почему бы нет?

- Как тебя зовут? - спросил он, внутренне махнув на все рукой, решив, что если он сходит с ума, то это не самая неприятная форма сумасшествия.

- Меня зовут по разному... - ЕЕ глаза снова блеснули. - Зачем тебе? Ведь ты все равно в меня не веришь.

- Тогда я буду звать тебя... Греза Сумгана.

Коста глубоко затянулся и увидел, как в глазах женщины зажглись и погасли красные точки.

- Ты очень красивая, Греза...

Греза едва заметно вздрогнула.

- Мне никто никогда так не говорил, - проговорила она задумчиво. - Никто и никогда... Почему?

Коста пожал плечами:

- Кто же мог сказать тебе это, кроме меня? Редко кому, наверно, видятся такие сны...- последнюю фразу он произнес уже мысленно.

- Их было много... Они все были чем-то похожи на вас, - по лицу Грезы прошла легкая тень. - Они приходили кто зачем... Зачем пришли вы? Я знаю, вы здесь не первый раз. Что вам нужно?

Коста силился понять скрытый смысл ее слов, от которых веяло чем-то несомненно ему знакомым. Это что-то вертелось совсем рядом, все никак не даваясь в руки.

- Наша задача была пройти сифон.

- А потом?

- Идти еще дальше.
- Ну и что? Для чего все это?
- Чтобы увидеть и узнать.
- Подожди, - Греза нетерпеливым движением откинула на плечо густую волну волос. - Там, - она указала на едва видимые в зеленом сиянии своды, - там есть солнце, там тепло, там весной распускаются цветы, а осенью ветер роняет с деревьев листья... Неужели вам этого мало?
- Солнце... - Коста вдруг почувствовал, что страшно давно не видел солнца. - Когда выходишь отсюда, по-новому видишь все, ощущаешь..., это трудно объяснить.
- И ради этого вы уходите сюда... Что же вы ищете еще, когда там и без того прекрасно?
- Этого не объяснить в двух словах.
- Я хочу понять.
- Ты права. На Земле много прекрасного, - Коста тщательно подбирал слова. - Но мир стал бы беднее, не будь всего этого, - он обвел рукой мерцающие стены. - Здесь - мы тоскуем по солнцу, а на Земле мечтаем о том моменте, когда снова уйдем вниз. Мы уходим от Земли по разным причинам... Кто-то ищет себя, кто-то, напротив, бежит, но все мы идем за прекрасным. Не только эти стены, здесь познаешь другое - то, что дает право, если выдержишь, говорить вместо "я" - "мы". Понимаешь? А вся эта красота? Зачем она, если не найдется никого, кто осмелился бы взглянуть на нее и унести в себе туда, на Землю?

Коста чувствовал, что волнуется. Куда-то незаметно исчезла усталость. Они замолчали, и снова налетело ощущение, что он лежит, уткнувшись лицом в холодные камни.

- Мне кажется, я понимаю...

Греза вся сжалась на своем камне и теперь казалась совсем маленькой и беззащитной. Ее тихий голос звучал задумчиво и чуть грустно, и Коста почувствовал неведомо откуда появившуюся нежность к этому призрачному существу. И повинуясь этому безотчетному чувству, он сказал:

- Камень холодный. Простудишься.

Греза быстро обернулась к нему, в глазах ее вспыхнули изумленно-недоверчиво-веселые - иначе он не мог бы назвать их - искры, и вдруг она звонко, будто струящийся по каскаду ручеек, рассмеялась. Она была действительно необыкновенно хороша в этот момент, и Коста, не сводя с нее глаз, восхищенно подумал:

- Черт возьми, да она совсем еще девчонка, очаровательная девчонка, моя Греза!

И тут же подумалось другое:

- Что-то долго не идут ребята. Неужели они еще не поняли, что меня нет. Или не могут найти?

Но следом вдруг неожиданно промелькнуло:

- Если это сон, то мне совершенно не хочется просыпаться...
- Ты странный... - на полуоткрытых губах Грезы играла задумчивая улыбка. - Ты будишь во мне необычные желания...

Она вдруг встала и сделала легкий шаг к нему:

- Хочешь... - Коста уловил мгновенное колебание. - Ты говорил о прекрасном. Хочешь, я покажу тебе Прекрасное?

* * *

Коста никогда не смог бы описать словами то, что увидел. Он шел по гигантским каменным дворцам, в гуле убегающей в неизвестность реки. Потрясающей красоты натечные каскады, играя пеной струящейся по ним воды, замирали в голубых озерах гуров, и там, в их синей прозрачности, цвели невиданные каменные цветы. Огромные мрачные залы с теряющимися в зеленом сумраке сводами, где навстречу сверкающему перезвону капели

тянулись вычурные башни сталагмитов, сменялись узкими галереями, где было страшно дышать - такими хрупкими казались прозрачные иглы кальцитовых друз.

Они переходили по каменным аркам мостов через стеклянную синь озер, взбирались по могучим натекам в маленькие гроты, где, презирая законы тяготения, прихотливо изгибались и спутывались в клубки тончайшие нити геликтитов.

Коста чувствовал, что тупеет от всего этого каменного великолепия. Мозг утрачивал способность воспринимать увиденное.

* * *

Потом они стояли на берегу большого синегурого озера. Где-то во мраке на разные голоса звенела капель, и звуки ее сплетались в волшебную мелодию пещеры.

Греза присела у воды, и от ее рук по застывшей поверхности озера разбегаись легкие круги. Коста видел ее плечи с разметавшимися по ним черными прядями.

- Ну, вот... - слова, сказанные почти шепотом, взлетели под невидимые своды, все усиливаясь и многократно преображаясь, и весь зал зазвучал невиданным органом. - Ты видел теперь. Что скажешь?

- Тут трудно что-то сказать, - Коста достал измятую пачку сигарет, в ней оказалось пусто, и он, помедлив, снова сунул ее в карман. - Ты же знаешь, что об этом не скажешь словами.

- Ты видел теперь... Скажи, - Греза плавно выпрямилась и повернулась к нему. - Скажи, если тебе удастся и в этот раз вернуться туда, на Землю, ты снова захочешь прийти сюда?

- Если удастся вернуться,... - подумал Коста.

- Но зачем? Ведь ты уже видел!

- Именно поэтому.

- Но ведь ты не хотел бы остаться здесь навсегда! Смотри! - Греза взмахнула рукой, и по стенам побежали зеленые сполохи. - Стоит тебе захотеть, и все это - твое. И не надо будет уходить и возвращаться.

Коста медленно покачал головой.

- Здесь нет солнца. - В глазах Грезы, они были сейчас совсем близко - зовущие и обволакивающие - он уловил легкую насмешку. - Но зато здесь есть все Это. Ведь ради Этого вы уходите от солнца!

- Дело не в солнце... Вернее, не только в нем. Там, на Земле, живут люди... Они ждут нас, и мы не имеем права не вернуться.

Коста давно потерял ощущения времени. Он не знал, сколько его прошло... вечность или мгновение.

- Ты будишь во мне странные чувства... - Греза чуть отстранилась, глаза ее, устремленные на него, подернулись мерцающим туманом, и Коста опять удивился охватившей его нежности.

- Хорошо. Ты сказал, что я... красивая. - Коста готов был поклясться, что уловил в ее прекрасных глазах смущенно-нерешительное движение. Она теперь была так близко, что ему даже почудилось прикосновение ее дыхания. - Скажи, ты смог бы... - Греза сделала видимое усилие. - Ты... смог бы... полюбить меня?

Коста меньше всего ожидал этого вопроса и почувствовал, как вздрогнуло в груди сердце.

- Почему это не наяву? - подумал он - Милая ты моя Греза... Как жалко, что ты всего лишь мираж! Полюбить тебя? Да я никогда не видел существа более достойного любви...

- Тогда... - ее голос дрожал волнением. - Представь себе, что ты полюбил меня, и я... я - тоже. Тогда... Ты бы остался?

Коста чувствовал, что ему трудно дышать, что сердце его наливается мукой. Перед глазами вспыхнуло и завертелось видениями солнце:

вот идут, сгибаясь под тяжестью необъятных рюкзаков, ребята - на

перемазанных, залитых потом лицах угрюмая горькая решимость;

вот какой-то человек, столы, много людей, слова глухо звучат - экспедиция...,безответственно..., запретить..., усилить контроль за работой групп...;

вдруг, закрывая все, надвинулось лицо мамы, и тут же исчезло, а вместо него из-под низко надвинутой каски в упор глянули спокойно-осуждающие глаза Вовчика.

Потом, в ореоле погасшего солнца, возникли ЕЕ огромные черные зрачки, вспыхивающие зелеными искрами, - и вдруг погасли. По лицу Грезы прошла мучительная тень. Она быстро протянула руку, и Коста почувствовал на своих губах прикосновение ее холодных пальцев.

- Молчи, - прошептала она. - Я все поняла...

Греза резко отвернулась, глядя куда-то в темноту, и Коста почти физически почувствовал, как между ними растет и ширится бездонная, как вечность, пропасть.

- Я все поняла. - Услышал он шепот, в котором слышалась такая тоска безнадежности, что Коста невольно качнулся к ней, но Греза, оглянувшись, отступила назад.

- Ты должен уйти, - теперь голос ее звучал по-прежнему твердо. - Я могу, но не стану тебя задерживать. Они... все это... ждут тебя там, - в продолжение ее руки призрачным светом озарилась сводчатая, будто в бесконечность уходящая, галерея. - Иди. Я отпускаю тебя. Иди. Ну? Что же ты?

Коста последним взглядом обнял всю ее, напряженно замершую, и, обрывая последнее прощание, трудно повернулся и тяжело шагнул туда, где зеленым светом дрожала уходящая к солнцу - он знал это, галерея.

- Подожди... - Коста, вздрогнув, остановился, не в силах обернуться навстречу ее глазам. - Сегодня я выполнила твое желание, - он уловил волнение в голосе Грезы и вдруг увидел ее прямо перед собой, в черном разлете мерцающих разметавшихся по плечам волос. - Выполни теперь мое..., - она подняла к нему озаренное мягким светом лицо, черные ресницы, затрепетав, закрылись. - Поцелуй меня... на прощание.

Как в тумане, Коста наклонился и осторожно коснулся ее холодных губ.

- Не так... - прошептала она, и он понял, притянул ее к себе и, всем своим измученным телом ощущая ее третную гибкость, прильнул к губам, неожиданно потеплевшим и с каждым тяжелым ударом сердца все более расцветавшим горячей нежностью...

- Греза, - сказал он. - Милая моя Греза!

- Если ты не забудешь меня, - услышал он шелест слов, - то найдешь, ты, назвавший меня Грезой и тем лишивший меня Черного Раздвоения. А теперь прощай.

- Прощай... Прощай... Прощай... - подхватили стены, словно удивленно перешептываясь.

- Не забудь меня-а-а! - долетело до него, будто дуновением.

- Забудь... будь... будь... - зашептали стены, и все, ослепительно вспыхнув зеленым пламенем, исчезло.

* * *

Коста осторожно, превозмогая ломоту во всем теле, встал. Левое колено болело, но идти было можно. Что-то мешало в правой, бесчувственно сжатой, руке, и Коста вытер мокрый лоб левой. С каски капало.

- Эва! - закричал он, и хриплое эхо загрохотало вокруг.

Вдали послышался гул. Кто-то торопливо шел по направлению к нему.

- Эва! - снова закричал Коста в темноту.

- Эва-а! - донеслось далекое.

- Наши, - с безотчетной радостью подумал Коста.

Из-за поворота метнулся луч фонаря.

- Костик! - скользя по обледенелому полу, к нему бежал Леха. - Костик! Ты где же бродишь?

- Как там Вовчик? - спросил Коста, чувствуя, что с трудом держится на ногах.

- Все в порядке! Выскочил. У него страховка зацепилась, пришлось резать. А ты чего не пришел?

- У тебя курить есть?

- Конечно, - Леха удивленно рассматривал его изодранный в клочья грязный комбинезон.

- Давай покурим.

- Давай. Ты где это так уработался?

Все еще чувствуя непонятную неловкость в бесчувственно сжатой правой руке, Коста левой взял сигарету, прикурил, с наслаждением затянулся горьким дымом.

- Упал я... Кажется, с Большого ледника.

- Да ты что! - Леха даже присвистнул. - Идти можешь?

Коста кивнул.

- У меня только света нет. Там, - он мотнул головой в темноту. - В Ледяном зале остался.

Леха посветил в направлении кивка. В глазах его появилось удивление:

- Там, говоришь?

Коста глянул на желтый круг лехиного фонаря, и глаза его широко раскрылись:

- Да это зал Ворота!

- Ну! - Леха недоумевающе смотрел на него.

- Времени много прошло? С того, как ты прибегал? У меня часы стоят.

- С полчаса, наверно. Когда мы с Саней прибежали, Вовчик уже выплыл. Они там переодеваются, а я смотрю - тебя нет. Пошел сказать, что все в порядке...

Только сейчас Коста услышал приглушенный поворотами гул реки. Но не ответил. Потому что в этот момент свет лехиного фонаря упал на его правую руку, которую Коста все также держал перед собой. То, что он увидел, на миг лишило его дара речи: рука сжимала рукоятку ножа - тяжелого подводного ножа. Он мог не смотреть, он знал уже, не глядя, - это был нож Вовчика...

- Тут, брат, такие дела... - тихо сказал он.

* * *

Фонарь лежал на том месте, где он его оставил. Тут же на полу чернела вспышка, на боку которой мигала лампочка зарядки. Коста посветил вниз, и холодная дрожь пробежала по его спине. Внизу, там где многометровый язык Большого ледника выполаживался, черными зубьями камней скалилась глыбовая россыпь.

В лагере у колодца Вейса царило радостное оживление. Сказывалось спавшее после нервного дня напряжение. На примусах под хозяйственным глазом Сорокина созревало какао.

Вовчик, забравшись в сухой свитер, все еще дрожал.

- Ну, мужики, я и задубел! - его голос звучал весело. - Потек по-страшному.

- Пора кончать это дело, - Игорь озабоченно крутил головой.

Коста курил сигареты одну за одной, наслаждаясь теплым светом свечи. Стоило прикрыть глаза, как ото всюду снова ползли зеленые блики...

- Рассказывай, что с тобой приключилось.

- Я, мужики, вообще балдею, - Вовчик, сидя на корточках, зябко поеживался. - Со мной что-то непонятное получилось. Сифон я прошел сразу. Не знаю, где там Игорь блуждал. Прошел, в общем. Начал очки вы-

таскивать из-за пазухи, и черпанул за воротник - бр-р-р! Ну, вот. содрал маску, одел очки, начал осматриваться. Неудобно все это в перчатках. Крестин правильно говорил - надо линзы в резиновые очки вставить.

- И на нос зажим, - сказал Игорь. - Леха, дай сигаретку.

- Ага. Там в правой стенке, мужики, мне окно почудилось, метрах в полутора. Трудновато с воды вылезать, но решил попробовать. Вот тут я, наверно его и уронил.

- Чего уронил? - Сорокин поставил в круг дымящийся котелок, и все потянулись за кружками.

- Нож. У меня, когда полез, видимо, нож как-то выпал. Я не заметил поначалу. Вылезти не смог, тяжело, и страховка натянулась. Я ее попробовал вытянуть, метра три она еще подалась, а потом ни в какую! Пока я соображал, как быть, глянул на манометр. А у меня там полный аут - стрелка на ограничителе! Вот это, думаю, дела! Пора уходить. Даю три рывка, маску на нос, очки в руке остались, и назад. Ты слышал рывки?

Сорокин отрицательно покрутил головой.

- Ты вышел метров на сорок, потом остановился. Я дал рывок - как дела, - ты не ответил. Я еще. Ты молчишь. Тут мы всполошились.

- Потянули страховку - глухо, - Игорь отхлебывал из кружки, окутываясь клубами пара. - Я уже хотел в сифон идти...

- Она там в трещину попала, - сказал Вовчик. - А вы ее еще глубже загнали. Тут вообще началось. Хорошо, я не задергался. Назад пошел, а тот хвост, что я для окна выбрал, за выступ зацепился. Я, вгорячах - резать, а в руке вместо ножа очки. Вот тут я ножа хватился. Нету! Ножны есть - ножа нет. Куда деваться, пришлось опять назад, чтобы петлю отцепить. Да еще спешу, думаю, вот-вот воздух кончится.

- Можно представить! - Леха

- И вот тут - самое интересное. Я нож нашел!. Выглянул из воды под тем окном, гляжу - на уступчике лежит. Дальше было делом техники. У щели, где страховка застряла, я ее резанул.

Сорокин кивнул:

- Ты так с ножом, как пират, и вышел. А я чувствую - веревка дернулась, и ты на конце. Игорь уже в воду полез. Ну, мы и потащили.

- Да-а, так вот...

- Костик у нас тоже сегодня "именинник", - сказал Леха, выдвигая в круг котелок с рожками. - Он с ледника упал.

- С какого?

- С Большого.

- Да ты что! Костик, точно, что ли?

Коста молча кивнул.

- Ну дела!

Некоторое время все молча работали ложками.

- Так вот, - сказал Вовчик, когда они в полной тишине разделались с ужином. - Это еще что. Самое интересное я еще не сказал.

Он обвел глазами устремленные к нему лица.

- Нож, что я взял на уступе - это не мой нож!

- ...?

Коста с трудом разжал онемевшие губы:

- Ты прав. Твой нож - у меня.

И он протянул онемевшему Вовчику свои ножны, из которых со звоном выпал на камень стола подводный клинок с черной рукояткой.

- Вот. И отдай мне, пожалуйста, мой. Тот самый, что ты нашел на полке под окном.

- Я что-то ничего н-не понимаю, - Игорь переводил взгляд с одного на другого. - Кто-нибудь что-нибудь тут понимает или нет?

- Со мной, мужики, такое было...- сказал Коста. - Одно из двух: либо я чудовищно галлюцинировал, либо... либо я был за сифоном.

* * *

Он не все рассказал тогда ребятам. Стоило отвлечься, и перед его внутренним взором выступали из темноты огромные, чуть укоризненные глаза Грезы.

- Черное Раздвоение, - думал он. - Черное Раздвоение... Неужели, легенды о Двуликой - не просто легенды? Моя Греза - Двуликая? Этого не может быть.

* * *

ЭПИЛОГ. В большом здании московского аэровокзала было шумно. До регистрации билетов оставалось еще полчаса. Они оставили рюкзак у стойки и вышли на привокзальную площадь.

- Значит, улетаешь, - Вовчик задумчиво смотрел на него.

Коста молча кивнул.

- Я понимаю, что все это нелепо, но... ничего не могу с собой поделать.

- Нелепо? Как знать, старик...

Коста благодарно взглянул в спокойные глаза Вовчика.

- Давай покурим, что ли... На прощание.

- Давай, - Коста достал пачку "Явы".

- Давай лучше этих, - Вовчик протянул помятую "Приму". - Покрепче.

Курили молча. Мимо непрерывным потоком шли машины, тянулись люди с чемоданами и сумками, мощно рыча моторами, проплывали величавые "Икарусы".

- Зимой-то... Едешь с нами? - Вовчик, поискав глазами, бросил окурок в урну.

- На Сумган?

- На Сумган. Попробуем собрать сильную подводную группу. Да и новичков много будет. Поедешь?

- Я постараюсь, - Коста трудно улыбнулся.

- Постарайся, старик. И не теряй связи.

Коста кивнул.

Пойду я, пожалуй, - Вовчик протянул ему крепкую ладонь.

- Ребятам привет, - Коста качнулся вперед, как бы готовясь встретить неизбежное. - Увидимся еще. Удачи!

- Удачи, старик. И обязательно найди, понял?

"Внимание! Объявляется регистрация на рейс 533, вылетающий по маршруту... Регистрация билетов и оформление багажа будет производиться у стойки номер одиннадцать. Повторяю..." Голос репродуктора гремел над шумом привокзальной площади, а Коста, широко расставив ноги, все стоял и смотрел туда, где среди мельтешащего потока людей то исчезала, то снова появлялась все удаляющаяся коренастая фигура Вовчика...

июль 1978 - июнь 1994 года

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ. 1.

Прошло пять лет с тех дней, когда наш отряд работал в Армении, и с каждым днем время, отделяющее нас от них, увеличивается.

Черный декабрь.

Армянское землетрясение всколыхнуло весь мир. Как огромный смерто-

носный снаряд, взорвалось над землей Горе - кто-то упал замертво, кто-то был ранен смертельно и умер потом, кто-то искалечен, а кто-то контужен на всю оставшуюся жизнь. Эта участь не обошла нас - тех, кто, повинуясь единственно верным для нас правилам - поспешил тогда в Ленинакан, Спитак, другие армянские города и поселки, чтобы хоть что-нибудь сделать для попавших в беду людей.

Мы до сих пор носим в душе осколки, и раны болят.

Но нас - меньшинство. Потому что подавляющее большинство людей на земле, к счастью, уцелели, остались невредимыми и... несведущими. Пока. И с каждым годом мы все меньше помним. И скоро забудется все, как забылось Ташкентское землетрясение и множество других, так и не научив нас практически ничему. Потому что умный учится на чужих ошибках, а мы предпочитаем совершать свои.

Но это не должно повториться.

-

Наши правла были просты - быть там, где в нас нуждались.

Мы могли немного, но сделали еще меньше. Потому что между потерпевшими и спасателями стояла прогнившая насквозь система нашего государства. Удивительно, но многие из нас, живя в этой системе, до того не соприкасались с ней с такой удушающей плотностью. В повседневной обыденности мы не осознавали всей античеловеческой сущности окружающего общественного устройства, мы - пропитанные мифом советской пропагандой о самом гуманном на Земле обществе социализма, построенном именно у нас, в СССР.

Сейчас мы начинаем все чаще говорить о том хорошем, что было создано у нас, в былом Союзе: о той уверенности в завтрашнем дне, о социальной защищенности, об отсутствии безработицы - о многом таком, что опровергать вошло в привычку. Но - иллюзорное - все это жило в нас, и мы жили этим.

Все в нашей жизни пролегало вдоль тонкой грани между обманом и сущностью. Нас с детства вскармливали идеологической кашей, густо приправленной лозунгами. И мы верили! Мы искренне считали, что лучше нашей жизни нет и не может быть. Мы слепо верили и априори ненавидели. Мы жили в "счастливой" стране в окружении "лживого враждебного" мире, В стране, строящей "прекрасное" будущее для всех народов Земли.

Мы так и жили, в этом прекрасном обещанном будущем, которое непостижимым образом все отдалялось и отдалялось, пока не отдалилось навсегда.

Но все-таки было хорошее. И главное - стремление отдать себя делу, полезному не только конкретному исполнителю, но и другим людям. Атмосфера альтруизма, самоотверженности, неозабоченность своими выгодами, - это тоже дала нам система. Может быть, невольно, а скорее - сознательно, потому что с такими нами было проще извлекать выгоды для себя.

Армянская трагедия осталась в каждом из нас, побывавших в декабрьские дни 1988 года в разрушенных стихией армянских городах и поселках. Боль запеклась, поутихла, но вросла намертво. Потому что для большинства из нас стала прозрением. Каждый в той или иной мере начал осознавать себя Человеком, о котором столько говорилось в лозунгах, и так мало заботилось наше государство - о каждом конкретно.

Мы были там. И мы вернулись сильно изменившимися.

И сейчас, под гнетом современных проблем, в путах зарабатывания денег, в неразберихе капиталистических иллюзий и социалистических анахронизмов, в ожесточении и инфляции всех наших моральных ценностей - где-то в глубине своей мы остались теми же спасателями декабря 1988 года.

И остаемся ими до сих пор.

-

Я расскажу о тех днях в Армении, которые нам пришлось пережить. Подспорьем в этом - мой ленинаканский дневник.

Очень сокращенный вариант этих записок был опубликован в областной газете "Рудный Алтай" от 13 января 1989 года - практически через две недели после нашего возвращения.

Позднее более полный вариант со стихами песен Ленинаканского цикла пометил на своих страницах Алмаатинский толстый журнал "Простор", к сожалению, не помню его номера.

Но самое главное осталось в дневнике - там мы настоящие, не приглаженные под газетно-журнальный стиль, без опасений цензуры, откровенные, как с другом.

Поэтому сейчас я пишу все, что сохранил мой полевой дневник, вдыхая с его страничек ленинаканскую пыль. И конечно, - смотрю на те события с пятилетнего расстояния.

Как много случилось за эти пять лет! Не дай нам Бог, - говорили древние люди, - жить в пору перемен!" А нам повезло жить именно в такую эпоху. Что ж, все меняется и остается неизменным.

Например, в нашей областной администрации все те же лица - что при коммунистах, что при демократии. Те же лица на тех же должностях. Та же безразличная позиция по отношению ко всему, что не касается личных выгод и интересов. Та же придворная возня, подобострастность, подсиживание и конъюнктурщина.

Я знаю, о чем пишу. Через пять лет после Армении меня угораздило снова поверить в перспективность дела спасения. Вернее, в то, что можно что-то сделать по совести и чести через наши правительственно-государственные инстанции. Почти с былым энтузиазмом, как и пять лет назад, принялись мы с Олегом Гвоздевым за разработку документов по штатной аварийно-спасательной службы. Благо, появилось в Казахстане постановление о создании, наконец, специализированных подразделений.

Документы по отряду со всеми экономическими выкладками были готовы у нас раньше, чем где бы то ни было в Республике, за исключением разве что столицы, где делом спасения уже не один десяток лет занимался наш коллега Алихан Кабжанов. То что зависело от нас, мы сделали, и Отряд был создан, но... без нас. Мы даже не были приглашены на собеседование в Комитет по Чрезвычайным ситуациям. Решили все без нас. Что ж, нам не привыкать. Но это, как говорится, совсем другая история.

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

УСТЬ-КАМЕНОГОРСК - ПРАВО НА СПАСЕНИЕ. 2.

==========

-

9 декабря 1988 года.

18.00. Аварийно-спасательный отряд в сборе, подана по телефону заявка в Обком партии на вылет в район землетрясения. Уточняем детали снаряжения и жизнеобеспечения. Ответа на заявку нет.

-

Мы узнали об Армянском землетрясении по телевизору. В то время не было принято извещать народ о стихийных бедствиях и катастрофах на нашей земле. Нам сообщали о наводнениях в Латинской Америке и цунами в Японии, о землетрясении в Мексике и извержениях вулканов в Новой Зеландии. Но на нашей одной шестой части суши все было "прекрасно". Ничего не случалось. Не падали самолеты, не сходили с рельсов поезда, не взрывались заводы. И уж тем более - не было катастрофических землетрясений. Нам, народу, не положено было знать об этом. Так же как и о войнах, которые по всему свету вели ограниченные контингенты наших

доблестных советских войск.

Но Армянская катастрофа взорвала привычный устоявшийся покой. Ее нельзя было скрыть. И мы узнали.

И тогда в моей маленькой квартире мы собрались перед экраном телевизора, откуда почерневшие от горя люди взывали о помощи, о необходимости привлечения к работам квалифицированных специалистов для спасательных работ в завалах разрушенных городов - и мы поверили, что действительно нужны. Мы немедленно заявили о своей готовности, бросив все, вылететь в район землетрясения.

Кто мы были такие? Усть-Каменогорский клуб спелеологов "Сумган". Любители подземных путешествий, спортсмены и путешественники, имеющие за плечами немалый опыт проведения подземных экспедиций. И главное - солидный опыт именно спасательных работ в условиях очень близких к тем, которые нас ожидали.

Но это фактически. А формально - мы не были ни кем. Так - горстка чудаков, чья квалификация почти никак - если не считать малоуважаемого спортивно-туристского плана - не была зафиксирована, не была признана системой. Напротив - весь наш опыт шел вразрез ее установкам, прививашей людям отношение к нашей работе, как к виду отдыха, развлечению, времяпрепровождению сомнительного порядка. Потому что все, что мы делали, мы делали в свободное от работы время, за свои деньги и в ущерб собственному здоровью и благополучию.

И вдруг - мы оказались нужны кому-то еще, кроме подобных нам! Об этом говорил премьер-министр СССР Рыжков, обращая к каждому из нас свое озабоченное со следами страдания лицо. И президент СССР Горбачев смотрел на нас с экранов наших телевизоров. "Вы нужны нам!" - кричали почерневшие от горя люди.

Мы знали по опыту - в таких случаях все решает время. Количество шансов выжить уменьшается в квадратичной зависимости от допущенной проволочки.

Землетрясение произошло 8 декабря. Через сутки мы были готовы к вылету - снаряженные за свой счет.

-

"Шикарный вид из окна приемной Облисполкома!" - записано в моем дневнике первой фразой. Именно с созерцания этих видов, а также многочисленных с трудом приоткрывающихся дверей и галстуков, занавешенных пиджаками, начинался наш путь в Армению.

Об этом участке пути не знает никто из наших ребят-спасателей - мне, как командиру и зачинщику, пришлось пройти его водиночку.

-

"Сидим на мешках и пытаемся улететь в Армению" - это вторая фраза. И больше ничего за три последующих дня! 9-10-11 декабря - самые важные дни землетрясения, которые парни провели в состоянии готовности, а я в скачках и обивании порогов областных властей.

Может быть, с той поры у меня стойкая аллергия к галстукам, пиджакам и другим атрибутам административно-бюрократической униформы.

-

12 декабря.

Наконец, Восточно-Казахстанский областной штаб помощи Армении издал постановление об отправке нашего отряда в район бедствий. Но на постановлении не улетишь - вот пролететь можно!

Все очень сложно и путанно. Никто ничего толком не знает. Когда будет транспортный самолет? Возьмут ли нас?

У нас куча груза в 500-600 килограммов. Масса консервов, отличная аптека. Снаряжение в норме - плохо с упаковкой и рюкзаками. Народ явно подутерял походно-экспедиционную форму - почти у всех пижонские

туристические и альпинистские рюкзаки - станков, а тем более станков-тележек нет ни у кого. А как таскать груз?

Постепенно начинает казаться, что мы никогда не улетим.

-

А что же такое счастье?

Задача весьма проста.

Лишь ветер под плоскостями,

Наш рейс: Казахстан - Спитак...

-

Уже 12 декабря - трое суток в бесплотных ожиданиях! Сколько мне пришлось побегать по всем мыслимым инстанциям за эти три дня... До этой поры я не представлял всей инертности нашей бюрократической партийно-государственной машины. Трое суток я осаждал кабинеты, твердя о готовности нашего, пусть небольшого, но боеспособного отряда. И всюду меня уверяли, что все поняли, что все идет нормально - не надо беспокоиться, надо ждать. Мы ждали, ежедневно собираясь у телевизора и черенея от уведенного.

Через полтора суток от начала ожидания я понял, что самому мне не пробить эту стену показной деятельности и полнейшего равнодушия. А главное - растерянности властей. Им, привыкшим загребать жар чужими руками, вдруг пришлось принимать решения оперативно, и во многом самостоятельно.

В борьбе с системой возможны только два пути - действовать наперекор ей, без надежды на успех, но в надежде сокрушить саму систему, или - играть по ее правилам.

Разрушить систему под силу разве что глобальным подвижкам в обществе. Нам оставался только второй путь.

И тогда я прибег к протекции. Спасибо моему тестю - Григорию Григорьевичу Флейтлиху, занимавшему в то время не последнюю должность в администрации города - его вмешательство не прошло бесследно. Меня, наконец, заметили.

Но еще полтора дня ожидания понадобилось нам, чтобы, наконец, получить постановление, фактически - разрешение на вылет в район.

А в это время в Армении продолжали гибнуть в завалах люди.

И на этом не кончилось.

-

13 декаюря.

Которые сутки отряд в полном сборе и готовности.

С экрана телефизора смотрит на нас беда: "Нужны специальные отряды спасателей, нужны спелеологи, нужны..."

А у нас главный вопрос - кто будет платить за нашу отправку, которая до сих пор проблематична. Парадокс. Наиболее подготовленный отряд спасателей-спелеологов состоит из людей - работников разных ведомств. Аэрофлоту же нужны деньги за билеты - стихийные бедствия не в счет.

Деньги! Мы снова не вписывались в систему. Мы не были подразделением гражданской обороны, в который раз уже расписавшейся в собственном бессилии. Не работали мы и на одном из крупных промышленных предприятий, на которое можно было бы возложить наше финансирование. А заставить нас заплатить за перелет из собственных карманов нас все-таки не решались.

Они думали. Мы сидели в городе. А в Армении гибли люди.

Вспоминаю случай, рассказанный мне на Кавказе моим товарищем по подземным путешествиям башкирским спасателем Виктором Ануфриевым.

Их отряд подняли по тревоге - на скалы поднялись двое молодых людей и не смогли спуститься вниз. И вверх уже не могли подниматься.

Спасатели прибыли вовремя - никто из юных скалолазов еще не упал.

Одновременно со спасателями прибыл руководитель местного райкома партии, назовем его Иванов, - раньше все дела решались не иначе, как через партийное руководство. Очень раздосадованный тем, что в выходной день его оторвали от привычного отдыха, начальник негодовал.

"Вот паразиты! - кричал райкомовец. - Нодо их так и оставить, куда залезли. Парочка разобьется - другим неповадно будет! Сидели бы дома - ничего не случилось бы. Цацкаемся с ними слишком - вот и лазают, куда не надо!"

"Так будем снимать?" - с иронией спросил Виктор, начальник прибывшего на место спасотряда.

Не замечая его, товарищ Иванов, раздраженно обратился к представителю местного отдела внутренних дел: "Выяснили фамилии, кто там болтается?"

"Так точно! - доложил увэдэшник. - Студенты. Панкратьев и Иванов."

"Иванов?" - райкомовец затормозил на полном ходу. - "Какой еще Иванов?"

"Так что, товарищ Иванов, - осторожно сказал милиционер. - "Вы только не волнуйтесь - Иванов, это ваш сын, товарищ начальник..."

Надо было видеть, как изменился в лице грозный руководитель района. Как будто воздух из него выпустили, моментом вся спесь сошла.

"Так чего же вы ждете?! - заорал он. - "Немедленно спасателей наверх!"

...Вот бы так наших начальников тогда в Армению - не думаю, что нам пришлось бы сидеть в ожидании самолета четверо суток.

Пока гибли люди.

-

14 декабря.

14.35 нашего времени. Наконец-то! После стольких суток ожиданий и матерков мы в военно-транспортном ИЛ-72МД вместе с кучей барахла, автокраном и УАЗиком.

При погрузке Вова Пантюхин стащил из аэрофлотовского автобуса лом и сейчас думает, куда бы его пристроить. А получилось хрестоматийно - Юра Бессергенев честно спросил бортпроводницу:

- Вам лом не нужен?

- Нет, - простодушно ответила замороченная девочка.

- Вова! - скомандовал Бессергенев. - Лом прихвати!

Не все из нас в хорошей форме. Серегу Хардикова вчера по сигналу боевой готовности выдернули из-за стола. Только литр и успел принять. Сегодня его в порт привезла женщина, и от него разит, как от...

- Мы Хардикова в голову нашей "свиньи" поставим, - смеются парни. - Дыхнет - есть дорога!

В метельной снеговерти строимся у самолета на промозглом поле. Нас напутствуют представители областного штаба помощи. Чего зря трепаться? Лучше бы дело свое делали. Мы-то свое знаем.

Здесь же пресса всех мастей. Может, это и правильно. Люди должны знать правду не только от центральных заоблачных источников, а и от своих земляков. Вот только любят у нас приукрашивать все, выворачивать наизнанку и подрезать для приличия. Дал интервью для областного радио, и нас долго снимал фотокор "Рудного Алтая". Я видел потом этот снимок: стоило ли так стараться, чтобы все сгубила полиграфия?

Вчера ко мне приходил наш бессменный туристический корреспондент Паша Фадеев. Его друг Толя Аваков из "Коммунизм туы" звонил по телефону, выспрашивал подробности. Про нас уже дали информацию в газете, объявили по телевиденью. Шуму много - толку чуть. Вот они мы - все еще мерзнем на полосе. Куда летим? Ереван? Ленинакан? Что будет дальше?

- Ну, поехали!

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

ЕРЕВАН - ЗВАРТНОЦ - ЛЕНИНАКАН. 3.

==========

-

14 декабря.

13.05. Уже час мы в воздухе. Внизу проплывает полузамерзший Балхаш, присыпанные снегом дюны.

На борту, считая нас - 42 человека. Кроме нас летят рабочие СвинцовоЦинкового комбината, горноспасатели, двое солдат-армян - домой. Каково им сейчас?

Сколько потеряно времени!

Народ сидит на лавочках вдоль стены, теснится у единственного в нашем распоряжении иллюминатора. Постепенно начинаем расползаться, укладываемся на тюках в надежде поспать. Движки ревут, в салоне шумно, но вопреки ожиданиям, тепло.

Вместительно чрево самолета - мы не привыкли к зрелищу распяленных тросами автокранов. Белая тканевая термоизоляция на ребристых стенах, оранжевые балки тельферов, голубые баллоны с кислородом, желто-белая раскраска, черные надписи. В спинках откидных скамеек вдоль бортов карманы с надписями: "Маски - 3 штуки". Техника!

-

И нет совсем волненья,
Волненья - позади.
До точки приземленья
Лишь пустота в груди
    Вдоль стенок самолета
    Четырнадцать ребят.
    Ждет впереди работа
    Спасательный отряд.

-

Никто из нас не знает,
Что будет впереди.
До точки испытаний
Лишь холодок вгруди.
    Дрожит в швартовых цепях
    Наш друг подъемный кран,
    А мы все ближе к цели,
    Наш курс - Ленинакан.

-

Наш курс туда, где горе
Братается с бедой.
Армянское нагорье
В руинах городов.
    В разрушенных селеньях
    Без крова стар и млад.
    Там ждут, как избавленья,
    Спасательный отряд.

-

И мы - одни из многих,
И мы - одни из всех,
Мы тоже что-то можем,
И страшно - не успеть.
    Вдоль стенок самолета
    Четырнадцать ребят:

Ждет впереди работа
Спасательный отряд.
Ждет впереди работа
Наш спелеоотряд.

14 декабря 1988 года
борт военно-транспортного самолета ИЛ-76МД,
рейс Усть-Каменогорск - Ереван

-

Мы были в воздухе и все еще оставались в плену иллюзий. Нам казалось, что самое трудное уже позади. Главное - мы вырвались. Правдами и неправдами, все бюрократам назло!

Самое трудное было уже пройдено. Но система окружала нас ложью с первого до последнего дня Армянской эпопеи.

-

...Мужики спят среди рюкзаков в немыслимых позах, периодически сползают и, не просыпаясь, карабкаются обратно.

-

14 декабря.

24.20 - если можно так сказать. Мы - в Ленинакане, в помещении чулочно-носочной фабрики. Но все по порядку.

-

16.00 Ереван. Аэропорт Звартноц забит самолетами и техникой. Долетели нормально. Рядом на полосе разгружается военно-транспортный самолет США, чуть далее цветастая техника чехов, немцев.

Пока парни выгружают снаряжение, бегом бежим с Шынгысом Дюйсекиным к зданию аэропорта. На ступеньках и внутри - поляки, французы, швейцарцы, собаки в попонках с красными крестами. Все ярко одеты.

Наши попытки найти штаб по отправке на места работ не заканчиваются успехом. С трудом находим посреди зала столик, где какие-то замороченные люди смотрят на нас непонимающими глазами.

Подходит быстрый в движениях парень.

- Откуда?

- Из Казахстана. А ты из штаба?

- Да не-ет! Из Иваново я. Вы куда направляетесь?

- Да вот узнать хочу, куда лучше ехать.

- Брось. Тут никто ничего не знает. У нас машины будут на Ленинакан. Айда вместе.

- Спасибо, но я еще раз попробую узнать, где нужны спелеологи...

В штабе аэропорта никто нами не интересуется. Несколько обескураженные возвращаемся к самолету, где уже закончена выгрузка.

Землякам-СЦКовцам в этом плане легче - их передовые бригады уже в Ленинакане, так как вылетели на три дня раньше нас. Сейчас за ними должны подойти бортовые машины. Мужики предлагают загрузить и наш багаж. Подкатывает "Икарус", откуда улыбается уже знакомый парень из Иваново:

- Ну что, узнал? Я ж говорил! Айда с нами!

Посовещавшись, решаем, что это оптимальный вариант.

Пока ждем второй КамАЗ, подхожу к польским спасателям, привольно расположившимся в зале ожидания. Здороваюсь, спрашиваю, есть ли кто из Польского Альпийского Союза. К сожалению, нет никого - все парни профессиональные спасатели. Они уже улетают домой:

- Все сделано! Уже шесть дней прошло. Теперь наша работа кончилась.

До меня пока не до конца доходит смысл их слов. Как же улетать, когда еще столько работы? Это потом мы поняли, что, в принципе, поляки были правы. Время для работы спецотрядов почти прошло.

Не только поляки покидают Ереван. Ждут отправки и другие иностран-

ные отряды. А мы только еще прибыли! Чуть позже родились эти строчки:

-

А мы летели, мы рвались спасать,
А прилетели - только хоронить.
И как же могут там спокойно спать
Те, кто украл у жизней эти дни?

-

...Они не только спят спокойно, они даже работают на тех же самых местах. Все просто.

-

И вот груз - на КамАЗах, мы - в "Икарусе", и наша колонна покидает Звартноц, вливаясь в сплошной поток автомашин, уходящий в сгущающиеся сумерки короткого декабрьского дня.

Итак, цель нашего движения - Ленинакан.

Мы едем, и это большое везение, потому что, боюсь, в Звартноцском штабе нас не скоро бы еще определили.

Едем. На перекрестках танки, солдаты с автоматами. На всех столбах объявления о комендантском часе.

Непрерывная колонна машин ввинчивается в туманные горы. Туман. Ночь.

К полуночи въезжаем в Ленинакан. Город в страшных развалинах. Вдоль улиц штабелями гробы. Не видно ни души. Комендантский час.

Все прибывшие ищут штабы. Все не могут найти. Случайно натыкаемся на штаб Минлегпрома - два освещенных окна в уцелевшем пустынном здании. Но с завидным постоянством никто ничего не может нам сказать определенного. Временно нас определяют на ночлег в здание с остановившимися часами - чулочно-носочная фабрика на центральной площади Ленина. Эти остановившиеся часы стали символом Армянской трагедии.

Что ж, и это кое-что. Разгружаемся на площади перед фабрикой. У уцелевших ворот - автоматчики. Зачем? С трудом достучались в освещенные двери административного корпуса. Там уже расположилась какая-то бригада. Осматриваем наше временное жилище. Временное? Нет ничего более постоянного, чем временное. В кабинетах и коридорах все разгромлено, но стены и перекрытия устояли. Будем ночевать. Страшно, но тепло.

Пока заносим в дом снаряжение, встречаем на улице ленинградских спелеологов, возвращающихся с работы. Узнаем своих по налобным фонарям на касках. Не верю своим глазам: передо мной улыбается бывший начальник туристской контрольно-спасательной службы города Чимкента Коля Журавский. Вот так встреча! Последний раз мы виделись шесть лет назад во время нашей экспедиции в Улучурскую пропасть под Чимкентом. Обнимаемся:

- Когда прилетели?

- На третий день.

- А мы вот только. Как работаете? С кем?

- Сами. Руководства нет. Здесь вообще страшный бардак.

Да, первые сведения удручающие.

Ленинградцы стоят в палатках на стадионе. Так безопаснее. Только бы наша халабуда не завалилась!

Патруль на улице предупреждает, чтобы следили за мародерами. Говорят, был приказ - расстреливать на месте, но стреляют, вроде бы, только десантники. А что же остальные?

Подходим к рабочим, разбирающим завалы цехов на территории фабрики. Здесь завалило всю дневную смену - более 500 человек. Мертвенный в ночи свет прожекторов. Говорят, что трясло минуты 4, но рухнуло сразу, секунды через три. Уцелели только те, оказался на улице и в управлении.

Нам говорят, что воды нет, что только вчера стали завозить газеты, что от этих газет местный народ горько смеется. В отличие от прессы, здесь нет героики, нет снабжения. Есть беспорядок.

-

В нашем жилище сохранился электрический свет. Побродив по заваленным обломками мебели и другим хламом комнатам, решаем расположиться на ночлег в обширном фойе с мраморными полами. Стены толстые - построены еще до войны. Это здание в Центре Ленинакана - единственное такой старой постройки. В нем размещалось управление. Оно единственное и устояло из всей фабрики. Опасливо поглядывая на потолки и трещины в стенах, располагаемся на полу, расстилаем спальные мешки.

Двое парней из ранее прибывших берутся показать нам места обитания. Отводят нас с Сергеем Шалыгой в помещение столовой. Раскиданные столы, оставленные на них тарелки с недоеденной едой - видно, как спасались бегством застигнутые здесь люди. Зрелище из "Сталкера" Тарковского. В одном из углов подсобки нам показывают кастрюли с водой - водопровод не работает, воды мало. В другом - на полу россыпи макарон, вывалившихся из раздавленных ящиков. "Запасайтесь, - советуют старожилы. - Берите все, что можно съесть. Пока еще осталось. Подвоза продовольствия нет, скоро будете лапу сосать"

Но мы еще не оголодали. С собой запас продуктов на две недели. Так что заливаем котелки водой, оставляя макароны на будущее.

Во дворе фабрики натыкаемся на первых мертвецов. Прямо на асфальте стоят гробы. Это те, что откопала ночная смена.

В свете прожекторов работает кран и несколько рабочих из ночной смены спасателей. Чуть в стороне на куче развалин одинокая фигура с ломиком - там были его родственники.

Потрясенные, возвращаемся в фойе.

Все, что увидели и услышали за этот день не вяжется с сообщениями по радио и телевидению, виденными нами до отлета. Хаос и беспорядок в аэропорту, по дороге, в городе. Мы еще не знаем его истинных масштабов.

Ужинаем сухим пайком. Ложимся спать, не снимая касок.

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

ЛЕНИНАКАН - НА ЗАВАЛАХ. 4.

==========

-

15 декабря.

21.25 ленинаканского времени. Закончен первый рабочий день.

У французов - собаки, у японцев - приборчики, отзывающиеся на биение сердца, у австрийцев - тепловизоры, а у нас...!

Наш дежурный Игорь Петренко начал утро с того, что разжег в фойе костер!

Зав по медицине, он же "глав-бух" - ответственный по спиртному - Сергей Шалыга колдует над "наркомовскими" ста граммами на брата:

- Пургенчик с антигриппинчиком на стакан подсолнечного масла. Перемешать...

Юра Бессергенев делится впечатлениями:

- Французы с собаками по развалинам идут, флажки ставят - здесь живой, здесь мертвый.

- Начальство бы так обкладывали, - сумрачно отзывается Олег Гвоздев. - Здесь дурак, здесь - умный...

Как же прошел день?

Какой здесь бардак! С утра мы с Бессергеневым и Шынгысом отправились на поиски руководства. Штаб Минлегпрома оказался пуст. В штабе ВЛКСМ - занимаются только комсомольскими отрядами. В Центральном штабе - никто ничего не знает. Никто не может направить нас на объект, никто не может сказать, где и что нужно делать. Нет связи между штабами. Нет

связи с Ереваном, с другимими районами.

Единственное, что узнали, так это что Казахстанские отряды стоят у памятника матери Армении, спелеологи в большинстве - на стадионе. Но все это далеко. Наша база в центре города получилась если не самая безопасная, то уж в удобстве ей не откажешь.

У дврей Центрального Штаба автоматчики в бронежилетах и касках, усиленные наряды милиции. На всех стенах и окнах объявления:

- Если вы живы, жду вас у ...

- Мамочка, я жива, жду тебя у тети...

- Если увидишь эту записку, напиши на ней, где тебя искать.

В штаб врываются люди, просят помощи: краны стоят - нет крановщиков и горючего! Нет людей - некому копать! Кран нужен, там под развалинами голоса! Все вязнет в растерянности штабных. Слышим их ответы - нет машин, нет кислорода, ацетилена, нет медикаментов, нет людей. Как же нет? А мы?

Мы битый час пытаемся обратить на себя внимание.

К черту штаб! Подходим прямо к людям - куда идти?

Один черный худой человек трогает меня за рукав. Спасатели?

Да, мы спасатели.

Пойдемте, тут надо помочь.

Подводит нас к другому человеку - вот люди, они могут помочь. Это директор ленинаканского книготорга. Никто из нас не запомнил, как его зовут, называем единодушно - Папа.

- Скорее! Пойдемте!

...Наш объект - три 9-этажных жилых дома по улице Ширакаци. Теперь это гигантская гора искореженного, искрошенного бетона. Здесь у Папы осталась дочка - 12-летняя девочка. Рядом с нами работают спасатели из Чехословакии. Они приезжают на специальных машинах типа ГАЗ-66 командами по 8 человек, портативными моторезаками режут арматуру, поднимают гидравлическими домкрат-щипцами плиты, перекусывают специальными пресс-ножницами путаницу стали. Присоединяемся к ним с лопатами и ломами - все наше шанцевое снаряжение.

В этот день откопали 11 человек. Большинство погибших - женщины и дети. Взрослые днем были на работе. Улицы заставлены гробами в несколько рядов. Мы уже привыкли и отупели. Надо работать.

На раскопках все тот же беспорядок. Множество бездельников. Многие ждут, когда раскопают именно его квартиру. Это понятно, но все же! Помогают только родственникам. А как же остальные?

Машин на отвоз не хватает, скрепперы перебрасывают обломки из кучи в кучу. Краны работают неритмично - не хватает крановщиков и квалифицированных стропальщиков.

Самое главное - дезинфекция. В условиях недостатка воды и медикаментов над городом реально встает угроза эпидемии дизентерии. Ходят слухи о скором введении карантина месяца на полтора. Этого только не хватало!

Небо в облаках, время от времени сыплет снежком, но тепло.

К счастью - наши дома находятся в самом центре города в непосредственной близости от начальства. Так что к обеду подвозят цистерну с водой, дезинфицирующие порошки и аэрозоли. Встреченные нами спелеологи говорят, что мы тут, как короли, - ближе к окраинам вообще ничего нет.

...Работу заканчиваем в темноте. Идем ночными улицами по опустевшему городу к нашему дому под часами на площади Ленина.

-

Ночь в Ленинакане, ночь.

Вечным сном руины спят.

Валится к утру с ног

Пыльный наш отряд - спас.
Выстрел разорвет ночь.
Смерть всем мародерам, смерть!
Время подошло - мочь.
Время подошло - сметь!
Сметь задать вопрос в лоб,
Смочь сдержать вранья пресс,
Мы пришли сюда, чтоб
Знать все без прикрас пресс.
Кровянит костер ночь.
Бронетранспортер бдит.
Ноют раны в ночь, но
Спит Ленинакан... Спит?
Рвут прожектора тьму,
С хрипом рвет завал кран.
Нет надежды, нет. Ну!
Отступить сейчас - срам!
Покруи, браток, слышь,
Откопали двух вчера, там.
Был один еще жив,
Девять суток, слышь? Страх.
Дом, как коробок, смят.
Что у вас? Опять труп.
В скрежете ломов мат
Отупевших спасгрупп.
Под ногой ледка хруст.
Нам патруль глядит в след.
Город, как скелет, пуст.
Мысль лишь одна - лечь.
В полночь тут толчок был,
Люстра ходуном, слышь?
Я как раз котлы мыл...
Э-э, да ты, браток, спишь.
Ночь в Ленинакане, ночь.
Вечным сном руины спят.
Валится к утру с ног
Пыльный наш отряд - спас.
-
декабрь 1988г. Ленинакан.
-

Так прошел день. Пора спать. Мат и хохот - разрядка.

Ну вот, вроде, все проблемы улажены, народ расползается по мешкам. Последняя перед сном сигарета уже в спальнике.

Главное - не думать. Мы загоняем все домашнее, человеческое вглубь. Наверно, так было на войне. В Ленинакане, говорят, до 100 тысяч погибших, это неофициальная информация. Официальной здесь нет. Но простой усредненный расчет дает страшные цифры. Сколько трупов только в нашем доме!

Говорят, что это больше ташкентского землетрясения. Горе людей.

А мы загоняем все внутрь. Мы материмся и смеемся, каждый внутренне содрогаясь от увиденного, от того, что могли бы, но не даем себе почувствовать.

Мы добились своего - мы здесь. А дома тревожатся за нас и не без причины.

Сегодня крюком ударило стрпальщика. Мы с Шалыгой его перевязали. И опять же без внутренней дрожи - обработали рану спиртом, наложили повязку, как учили.

Опять встретились с Колей Журавским. Ребята рассказали, что вчера от такой же толпы, что и на наших развалинах, пострадал ленинградский спелеолог: пошел в щель под завалом, где были живые, а кто-то из зевак спустил на него камень. Парень госпитализирован.

Если бы я мог писать правду в прессу - это был бы не героический репортаж. Но пресса не опубликует мои записки в их настоящем виде. Так что я пишу для себя.

И все-таки люди должны знать правду, а не получать сладенькие лживые конфетки в лаковых обертках.

Две стороны медали - есть люди, которые прилетели со всего Союза, чтобы помочь, есть люди, которые на своих местах дома делают все, чтобы помочь. И есть ужасающая деморализация административно-управленческих чиновников. Неужели нельзя сделать надежную связь с Ереваном? Военно-полевую связь между штабами в городе? Обеспечить подвоз питьевой воды? Дать людям бактериофаг?

Нет координации, город не разбит на квадраты для ведения работ. Уму не постижимо, какая путаница. А ведь уже неделя прошла со дня землетрясения! На что же годны все наши гражданские обороны, армии, внутренние войска?

То, что не под силу штабам и прочей администрации - наш Папа делает спокойно.

- Вы только работайте! Я все обеспечу!

Через пару часов привозит всему отряду телогрейки, спальные мешки, палатки и шахтерские аккумуляторные фонари - "коногонки". К обеду подвозит горячую пищу:

- Только работайте! Достаньте ее...

Специализированные вневедомственные отряды спасателей, состоящие из добровольцев, типа нашего, вообще выпадают из понимания системы управления и снабжения, не принадлежат ни к одному из штабов. Беспризорные спасатели!

Нам наплевать. Мы слишком хорошо подготовлены, чтобы растеряться. Мы приехали сюда работать, и мы работаем. Адаптируемся к житухе. Но все же - как все не похоже на сообщения в прессе и по ТВ!

Или нам это только кажется? Нет. Это так - беспорядок полнейший. И этому нет объяснений.

-

16 декабря.

Вот и еще один день. Сегодня откопали двоих погибших - девочку, и уже в темноте, мужчину.

Позавчера по городу откопали 23 человека живыми. Вчера - троих из текстильной фабрики. Сегодня?

У нас только трупы. Сначала считали, потом перестали.

Вчера вечером снова увидел знакомые налобные фонари, и яркий свет карбидки. Подошли - точно! Московские спелеологи, и среди них наш товарищ по кавказским экспедициям этого лета Володя Киселев. Киселев и его команда работают на "нашей" чулочно-носочной фабрике. К ночи Володя заглянул к нам на чаек, благо, мы уже вернулись с работы. Московские спелеологи-спасатели в количестве 20 человек опередили нас всего на сутки. А ведь им не в пример ближе добираться. Зато московская бюрократия крепче усть-каменогорской. Володя рассказал, что у них под завалом кто-то стучит. Приехали австрийцы с тепловизорами.

Вижу и другие знакомые лица. Здесь Бен - во времена путешествий по подмосковным катакомбам многие знали эту кличку. Тогда не пришлось - знакомимся теперь, на ночных улицах Ленинакана.

От Киселева узнаю, что здесь же в ленинградской команде Антон Саакян. Журавский ходит с портативной радиостанцией - удалось "выбить"

перед самым отъездом. А здесь связь только у военных и милицейских патрулей. Не скажу, что спасателям она менее нужна.

Еще радость - в Ленинакане работают киевские спелеоспасатели, среди них Саша Резников и другие мои знакомые.

Поговорили с Киселевым о пещерах. Хорошо! Как воздуху свежего глотнул.

Папа нас обеспечивает насовесть. Сегодня поехал за обедом и пригнал грузовик-фургон с горячими сосисками.

- Понимаешь, какое дело! Тридцать порций никто не давал. Бери, говорят, пятьсот! Ну, я не стал отказываться...

Начинаем наблюдать признаки некоторого порядка - на развалинах появились медики с дезинфицирующими средствами. Но на всех, конечно, не хватает. Ежедневно двое-трое наших вместо раскопок занимаются поисками необходимых медикаментов, материалов, резиновых перчаток для работы с трупами, респираторов: наши запасы при полной автономии отряда оказались несовершенны - слишком велики масштабы.

Юра Бессергенев сегодня разыскал лагерь казахстанцев, дал домой телеграмму.

Шалыга в комсомольском штабе отоварился бактериофагом и дезинфицирующими растворами.

Папа привез 600 пачек курева. Похоже, наш Папа всемогущ.

...К вечеру пошел снег. Прожекторы не горят, видимо, оборвали проводку краном. В ночи багровые отсветы костров на развалинах.

Все настойчивее слухи о расправах патрулей десантников над мародерами. Юра Бессергенев, рыская в поисках стадиона, напоролся на инцидент, когда патруль остановил "Жигули", в которых ехали трое пьяных. Юра посмотрел, как обшаривали автомобиль, отошел, и вдруг сзади стрельба.

В нашем центральном районе - туча репортеров. Все увешаны аппаратурой. Французский врач-спасатель оказывает помощь местному старику на развалинах - кадр! Наши спасатели в телогрейках и брезентовых рукавицах - кадр! Черные кучки армян у костров на развалинах...

-

Когда мы вернулись, Лена Тычина написала такие стихи:

-

На венском стуле у костра
- в черном
Сидит Армения-сестра.
Полночь.
Который день, как бороздой в пашне
Ползет слеза -
Одна за всех
Павших.

-

За все, что прахом вдаль ушло, мимо,
За этот обморочный чад бедствий,
За дни, кончающиеся длинно,
Что оборавли не одно
Сердце.

-

От горя нету больше черт
В лицах.
Мир не исчез -
Ночь, как в бреду,
длится.
Лишь к небу тянутся в глухой муке
Антенн изломанных пруты

- руки.

-

Сидит армянка у костра
Страшно.
Ползет слеза -
Одна за всех
Павших.
И нет чернее на Земле вдовьих
Армянских этих черных глаз
с кровью.
декабрь 1988г.

-

Перед сном вспоминаю снаряжение чехов: пневмокусачки, мотоперфоратор, цепная лебедка... Когда на развалинах чехи - дело идет быстро. Стоит им уехать - все стопорится. Нечем резать арматуру. Кислород кончается, да газорезкой всего и не сделаешь. Шынгыс, Юра, Шалыга режут арматуру, остальные стропят плиты, набрасывают обломки в стальные короба, кранами их оттаскивают в сторону.

Спать пора. Сегодня все устали. Работали 12 часов.

Перед сном Игорь Соломоденко вышел погулять и напугал часового. Хорошо, не пристрелил по горячке...

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

ЛЕНИНАКАН - БУДНИ. 5.

==========

-

17 декабря.

Есть такие вещи, которые надо делать регулярно, через нехочу. Например, писать дневник.

Сегодня снова работали на улице Ширакаци. Из-под развалин одного из наших домов достали живую женщину. Благо, рядом были чехи с их пневмоподушками, поднимающими плиты до 30 тонн, и домкратами.

Что может быть страшнее смерти? Наверно, вот это - пролежать 9 суток под трупами своих родных...

Сколько достали мертвых - сбился со счета.

Надоели армяне - у всех железные двери и деньги под матрацами.

Нас осаждают корреспонденты, и советские, и зарубежные. Французы рядом с нашей палаткой раскинули станцию прямой телетрансляции. Все в ярких фирменных комбинезонах. Очень контрастно на фоне нашей разномастной толпы. Яркая форма спасателей - не роскошь, а целесообразность.

- Эй! Эй! - кричат французы, отгоняя любопытных из-под прицела антенны. И недвусмысленно показывают пальцем, согнутым вниз: не ходи, мол, а то "стоять" не будет! Смеются и лопочут по-своему.

Сегодня ходили под завалы - кранами приоткрыли щели в нижние этажи, провалившиеся в подвалы. Юра Бессергенев прошел в помещение магазина, я страховал наверху. Только мертвые. Стараемся не дышать носом - запах разложения, кажется, въелся в кожу.

Юра рассказал о пакетах с товаром, заваленных в магазине. Все это, скорее всего, растащут. И сейчас многие ходят в американских дубленках из гуманитарной помощи, берут только импорт, остальную гуманитарную помощь попросту топчут в грязи - об этом говорят в комсомольском штабе. Говорят также, что поднялся спрос на альпинистов - местные покупают их на съем вещей с устоявших зданий. Интересно, кто берет при этом деньги? Наши не должны. Значит, в штабах.

Вечером по ТВ передали, что задержан 41 мародер. Ребята-ленинградцы рассказали, как француз тяпнул лопатой по голове гада, снимавшего

золото с трупа женщины. Интересно, а если бы мы сделали это?

Папа угостил водкой. "Глав-бух" Шалыга сбился в подсчетах. Хватает и жратвы, и антисептиков. Умываемся и обтираемся канадскими лекарствами. Папа здесь наместник Бога на земле.

Один псих-одиночка с Украины пытался пристроиться в нашу компанию. Все аномальные явления, события притягивают множество людей с покореженной психикой. Есть и такие, как этот шизо-спасатель. К счастью, мы его быстро распознали и отправили подальше. А то ведь и в горах есть люди, паразитирующие на наших законах походного братства и гостеприимства. Тем более, есть они здесь - в мешанине беспорядка и человеческого горя.

Над городом летают вертолеты.

Шалыга через комсомольский штаб заказал обратные билеты на 24 декабря. Пора позаботиться о путях эвакуации.

Обед кончился.

Похолодало. Утром были заморозки. Это хорошо, может быть не будет эпидемии. Все-таки уже девять дней.

Все эти дни на нашем развале работал один сухонький немногословный дедок в рабочей униформе - телогрейка, ботинки, рукавицы. Очень толково руководил своим участком работ. Потом дошел до своей квартиры, и сегодня его нет. Потом Папа сказал, что это директор ленинаканского холодильника.

Откуда они берутся, эти местные, когда дело доходит до финала? Стоит вскрыть очередную квартиру, откуда-то, как вороны с окружающих деревьев, слетаются родственники. И так же бесследно исчезают, как только все мало-мальски ценное вытащено. Вот бы так же работали все время - вдвое быстрее шли бы раскопки!

И снова корреспондент:

- ChSSR?

- No, USSR.

- Ну, блин. А я думал - вы чехи!

Ошибся из-за наших цветастых гидрозащитных спелеокомбинезонов.

Мистическая картина - двое мужиков погрузили в короб крана гроб, залезли сами, и теперь эта композиция плывет в белесом небе над развалом. Значит, нашли еще кого-то.

Какие-то два туркмена из Ашхабада пустили среди нас слух про новые толчки. Слух ли? Страшно.

Но официальных сведений и прогнозов нет.

Среди спасателей дым и мат. Глушим себя куревом и похабщиной. Благо, не водкой. На работе у нас сухой закон. Позволяем себе только вечерами.

На фабрике - преследует запах: устойчиво навевает не то камфарой, не то тухлятиной. Сегодня Киселев не пришел. После ужина собрались у наших соседей смотреть телефизор. Несколько раз до этого мы смотрели "Новости", слушали, как Рыжков и прочие негодяи из правительства лгали в глаза целой стране о положении дел в Армении.

Сегодня мы смотрим фильм "Плюмбум". Сильный фильм, такой же черный, как окружающее.

А сам я уже не могу фотографировать. Устал от всего.

-

18 декабря.

Сегодня мы вскрыли, наконец, потолок папиной квартиры. Сразу видно, что он директор книготорга - книги вязанками. На 15 тысяч, как доверительно сообщил Папа.

Сегодня докопались до квартир 3-го этажа. Дом представляет собой страшную мешанину. При толчке верхние три этажа слетели и, падая,

перевернулись, так что 9-тый оказался под 8-мым, тот - под 7-мым, 6-й, 5-й и 4-й сложились по спирали в плотную стопку искрошенных панелей, нижние этажи переломились поперек и провалились в помещения магазина и подвал. Дочку директора книготорга, который привел нас в эти дома, так пока и не нашли. Душу резанула тетрадочка первоклассника: фото девочки, фото первой учительницы и стихи, выведенные детским почерком:

"И от школьного порога
В жизнь откроется дорога... 1984 г."

-

Ну, давай за гробом, дело кончено.
Все готово? Ну, что ж, понесли.
Слишком долго летели мы, хлопчики.
Видно, ждали нас... Не дождались.

-

И за все проволочки безбожные
Мы несем на себе этот гроб.
Что ж вы, сволочи! Как же вы можете?
Мы спросили б, коль знали, с кого.

-

Этот стон обезумевшей матери
На душе, как запекшийся шрам:
- Что ж так поздно, сыночки-спасатели?!
Они ж были живые вчера...

-

Хоть кричи, объяснить не получится,
Что три дня ждали мы самолет.
И отводим глаза мы. Ох, лучше бы
Лег на нас тот бетонный пролет.

-

Ну, какие с нас нынче спасатели?
Мы в бетонный вгрызаемся ад.
И чернеют кресты наши красные,
Как кресты похоронных команд.

-

декабрь 1988 года, Армения, Ленинакан.

-

С каждым днем время летит все быстрее. И результаты сходят на нет. Сегодня откопали только одного погибшего.

Приходил парень из краснодарской контрольно-спасательной службы с серым в пятнах догом. Дог тщательно обнюхал развалины. И собак, и нас часто сбивают расплющенные холодильники, из которых несет тухлым мясом. Поиск в хаосе завала чаще всего ведем теперь именно по запаху.

Постоянно хочу спать. Не сказать, чтобы устал, но засыпаю.

Много курим.

Идет снег.

Что будет завтра?

Шалыга ходил в штаб,: вернулся с какими-то парнями в пуховках - альпинисты, что ли?

...Мы уже потеряли надежду применить нашу спецподготовку. Выбор прост: либо искать, либо работать.

Через пару дней уезжает Володя Киселев - мудр, как всегда. Спелеологам здесь уже делать практически нечего.

...Горькая мысль: в наших условиях самое правильное - работать рядовыми, кидать камни, будь ты хоть альпинист, хоть спелеолог, хоть кто. Но это - в "наших" условиях. Чудовищно нерационально так использовать специальные кадры! И основано все на всеобщем беспорядке, на неумении грамотно организовать работу.

Возможно ли ее в принципе организовать?

Тщательно дезинфицируемся перед каждой едой и так, на всякий случай. Папа снабжает так обильно, что парни смеются:

- Хоть немного поживем при коммунизме!

Изменимся ли пы после этих дней?

По себе чувствую, как как-то матерею, что ли. Думаю, что и остальных не обходит стороной прессинг обстановки.

Сегодня узнали, что та женщина, что мы достали из завала, прожила только 2 часа. Ирония судьбы - она болела, ее пришли проведать трое родственников, и тут случилось...

Многие извлеченные живыми, умирают или сходят с ума.

К вечеру пошел снег, крановщик отказался работать в темноте. Сегодня это к лучшему. Наступает какой-то кризис, излом в самочувствии и настроении. И ложатся на бумагу случайные стихи:

-

Скоро ты меня разлюбишь.
Скоро ты меня разлюбишь.
Это будет поздно ночью:
Ты почувствуешь - прошло...
Удивившись опустенью,
Желтый свет на белых стенах,
Перед листиком бумаги
Не отыщешь нужных слов.

-

Ты меня разлюбишь скоро,
Не таю в словах укора,
Принимаю неизбежность,
У твоих склоняясь ног.
Я твои слова читаю,
Словно жизнь свою листаю,
И глазами обнимаю,
Что объять не суждено.

-

Жизнь несет меня по свету,
На вопросы нет ответа,
Ты меня разлюбишь скоро -
Вот расплата за судьбу.
На душе усталость - камень,
И бессильными стихами
Я прошу тебя (В чем смысл?)
Разлюби, но не забудь.

-

18 декабря 1988 года, Армения, Ленинакан, спасработы.

-

Это релаксация, разрядка. Усталость, в том числе и эмоциональная, накапливается, не имеет выхода. Надо вовремя разряжать это напряжение, чтобы не допустить нервных срывов. В чем-то помогают "наркомовские" по вечерам, в чем-то разговоры по-душам - о прошлом, о будущих планах.

Именно разговоры о будущем помогают не зацикливаться в настоящем. Жизнь идет, и нельзя поддаваться ощущению, что она замерла.

Психологическая подготовка - не последняя вещь в квалификации спасателя. Это важно для каждого занимающегося экстремальными видами деятельности. Любому из нас известно понятие - "глубинная психологическая адаптация" или "высотная адаптация". Здесь другое - необходима адаптация к человеческому страданию. К работе под постоянным давлением намного более разнообразных, чем в горах, раздражителей - в контакте с людьми, их эмоциями, мнениями, желаниями. В условиях, когда от тебя

мало, что зависит - вот главное отличие спасательных работ при стихийных бедствиях от спасработ в горах или пещерах.

К этому следует готовиться.

Нужна адаптация, но не привыкание, не утеря сострадания - избави Бог.

От примусов раздается голос Ержана Аюпова:

- Картошка закипела. Что делать?

- Ясно что - красную ракету!

Хохот.

Юмор - лучшая разрядка.

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

ЛЕНИНАКАН - НЕВИДИМЫЙ СЛОЙ. 6.

==========

-

19 декабря.

19.20. Сегодня очень короткий день. Снег, снег, снег...

Работали до обеда. Пришлось расширять раскоп. Подключили экскаватор и скреппер. Пока они работали, мокли и мерзли.

Решил дать команду прекращать эту тоску и отправиться на полудневку. Мое решение большинством было воспринято с энтузиазмом. Но возник небольшой конфликт между группой, Шынгысом Дюйсекиным и Юрой Бессергеневым. Мы ушли - они остались на завале.

Наверно, они правы. Но у меня всегда наступает аппатия, если предстоит совершать работу с низким КПД. Не гожусь на бестолковое перелопачивание мусора, не могу заставить себя. Значит, не могу заставлять других. Вот и конфликт.

С другой стороны по всем правилам тяжелых работ, в том числе путешествий, рекомендуется через каждые 5-6 дней отдыхать - день, хотя бы полдня. Сегодня как раз шестой день. Но это я так, для самоутишения, потому что всегда неприятно выглядеть сачком, когда кто-то работает.

Мы все еще не нашли Папину дочку. И больно смотреть на него. Утрачиваю ощущение собственной полезности здесь. Если бы не Папа, у меня его не осталось бы совсем.

Совсем? Да нет, это просто такая погода.

И вот сидим в своем фойе, бухтим о разных вещах.

Серега Хардиков, страшный книгоман, прямо себя потерял, когда увидел раскопанный нами книжный склад в папиной квартире. Пришлось нам с Виктором Фитисовым поиметь с ним короткий, но серьезный разговор. Лучше вовремя предупредить. Кто из нас знает, на чем может сломаться? И как многое мы не считаем грехом...

На верхнем этаже над нашим фойе - актовый зал. В нем сохранились леса неудачно затеянного здесь ремонта. На этих лесах повесили веревку, и Нурлан Аубакиров под руководством Олега Гвоздева шлифует вертикальную технику.

Долго беседуем с Ержаном Аюповым, и настроение было бы нормальным, если не постоянное сознание, что Юра с Шынгысом сейчас там, на раскопе.

Вспоминаю, как подходили к нам парни из ВВ - милиция. Все матерят армян. Не хитрое это дело. Проще всего кого-нибудь ругать. Системе это очень наруку, когда русские ругают армян, грузины - абхазов, молдоване - румын. Пусть ругаются между собой! Главное, чтобы не понимали - откуда все это повелось, кто истинные виновники происходящего.

Наконец, возвращаются Бессергенев с Дюйсекиным. Дежурный Саша Ван предлагает им навыбор весь ассортимент - чего-чего, а голодная смерть нам не грозит. Мы практически не использовали наш спаспаек, упакованный перед вылетом. Ловко устроились или "пир во время чумы"? Скорее, первое, но мы в этом не виноваты. Слава Папе!

Юра задумчиво зашивает на заду прорванные арматурой штаны своей робы.

- О, Митрич! - говорит Гвоздев. - Вот тебе Армения. Не будешь больше один на стройке оставаться!

-

20 декабря.

У нас осталось только два дня на раскопки Папиной дочки. Если не успеем, обещают все пустить под бульдозер. Вот и оборотная сторона центральных привелегированных кварталов.

У нас в очередной раз кончился кислород, встала газорезка. Благо, Папа приехал на своих "Жигулях". Где он только берет горючее - бешенный дефицит. А впрочем... там же, где и все остальное.

Шалыга уезжает, возвращается с кислородом, делится впечатлениями от посещения армянского дома: позолоченная лестница, японская аппаратура, серебряные кубки и приборы за столом, золоченые горельефы на стенах и тому подобное. Да-а... Простые бедные армяне.

Как и всегда, беда - одних убивает, других делает еще богаче.

Армяне здесь ни при чем - верхушка везде одинакова.

К вечеру случилось две новости: хорошая и плохая.

Плохая - чехи ушли с нашего объекта, значит, работа резко замедлится.

Хорошая - Папа раздобыл где-то две бутылки водки: самый драгоценный и ходовой товар-валюту. Значит, будем вечером лечиться. Многие тянут носами, простуда гонит слезы из глаз. Поганый тут климат.

Чехи - чехами. Шынгыс наладил резак, и в наступающих сумерках начали кромсать арматуру. Пока режут и отдирают кранами рассыпающиеся в порошок плиты перекрытия, стою с Папой на свободной от обломков части улицы:

- Мы нищие, по сравнению с капиталистами, - говорит Папа. - Я один раз живу и хочу хорошо пожить. Зачем мне эти вооружения, ракеты? Зачем нужен вообще этот социализм? Он не оправдал себя..."

Непростой человек наш Папа, директор книготорга. Сегодня мы раскопали под обломками его диссертацию по истории КПСС. Папа только усмехнулся, собрал листки рукописи и сунул их в мешок.

День выдался ясный, подморозило, и настроение гораздо выше чем вчера. Но думаю, дело не только в погоде: сказывается полученный вчера отдых-полудневка.

В группе периодически вспыхивают конфликты. Вчера сорвался Шынгыс, психанул, остался работать, когда мы ушли. Юра его поддержал, но сделал это мягко. Сегодня не в форме Ержан Аюпов. Он действительно болен - у него еще с пещер побаливают почки. И вот сегодня прижало, остался на базе. А когда Шынгыс, не разобравшись, сделал ему замечание - чего, мол, второй день отдыхать собрался? - Ержан очень по-хамски ответил. Фитисов попросил его выражаться спокойнее - тот обхамил и Фитисова, Ержан молодой, на добрый десяток лет моложе наших ветеранов, и такое поведение в любом случае недопустимо.

Пришлось вмешаться. Похоже, Ержан все понял, потому что позднее когда Хардиков сказал Ержану, что он неправ, тот пробурчал: "Да я понимаю, что не прав..."

Что это? Прорыв стресса, осложненного болезнью? Или самоутверждение? Жаль.

Сергей Шалыга в роли связующего звена с местными властями и снабженца по совместительству чувствует себя в своей тарелке. Слышу, Вова Пантюхин рассказывает парням, как они с Игорем Петренко ходили в штаб за продуктами:

- Миша, начальник их комсомольский, говорит: "Ты, дорогой, отложи

себе немножко, а остальное я заберу". Ну, Игорь и отложил немножко. Миша пришел, посмотрел, говорит: "Ну, молодцы! Тогда уж и остальное забирайте" Очень нас зауважал после этого...

Кое-кого донимают зубы. Думаю, сказывается отсутствие воды для умывания и других гигиенических мероприятий, а также постоянная жизнь в прмозглом декабрьском климате - у нас и в фойе температура едва-едва плюсовая. Сегодня Серега с Олегом отправились на поиски дантиста, а потом по их следам убежал Ван. Вернулись с дикими матами:

- Он, падла, с нас еще и 10 рублей содрал! Не хотите, говорит, как хотите. А сам, наверно, водопроводчик, а не зубник. "Мы тут белим-красим... скотина!

- Да нет, они там в паре работают с водителем. Вот тебе шофер и достался...

В уголке Хардиков что-то доказывает Петренко:

- ...Живого трупа и не видел ни разу!

Потихоньку посмеиваемся.

Из комсоштаба приятная весть - наш заказ на билеты выполнен.

Наш контакт с комсомольским штабом самый успешный. Он, похоже, один из самых организованных. Все больше заявок поступает на съем вещей из устоявших, но разрушенных зданий. И нас обещают перебросить на здания, которые определили под взрыв.

Комсомольское начальство предупреждает, чтобы мы не занимались съемом вещей по частным заявкам - только через штаб. И были поаккуратнее - мол, находятся сволочи, что распускают слухи о нечистоплотности самих спасателей: могут всучить какое-нибудь вознаграждение, а потом обвинить в воровстве.

Сейчас, по прошествии времени, я думаю, что эти наставления могли лить воду совсем на другую мельницу - дефицит всегда порождает коррупцию. Наши отряды - были в Армении очень большим дефицитом. Это понимали все, кроме формального руководства. Понятно, что при распределении наших отрядов на объекты могли оказаться желающие получать мзду от потерпевших, и немалую.

Сегодня это меня не удивило бы. Но тогда мы еще только начинали постигать законы системы.

...Понемногу психологический кризис в отряде спадает. Мы начинаем снова входить в боевое состояние форму. Этому немало способствуют вечерние трапезы, когда из заветных тайников глав-буха достается традиционный литр. Сколько это будет: литр на 14 человек, из которых Аубакиров с Петренко не пьют? И по 100 граммов не выходит. Но психологически очень нормально. Алкоголь снимает внутренние барьеры, расковывает языки, не дает замыкаться на тяжелых мыслях и впечатлениях.

О чем только не говорим такими вечерами в нашем фойе под растресканными потолками. И обязательно приходим к дню сегодняшнему. Вот и сегодня начали разговор про дворянство, про родословные, потихоньку сползли на действительность и начали костерить начальство.

А несколько вечеров назад говорили о дружбе. Сложный получился разговор...

К сожалению, традицию удается соблюдать не каждый день. Так что спиться нам не грозит. А без водки здесь было бы трудно - в этом городе трупов и гробов.

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

ЛЕНИНАКАН - В ИЗЛОМАННОМ НЕБЕ. 7.

==========

-

21 декабря.

Сегодня, разбившись на группы, работали на разных объектах. Наша четверка: Хардиков, Ван, Соломоденко и я снимали вещи с устоявших 9-этажек в районе Треугольника. Накануне с комсоштабе неожиданно встретил знакомых ребят-спелеологов Диму из Киева (убей, не помню, где мы встречались!) и москвича Сашу Бомбина.

Вот это была встреча! От Саши узнал, что и мои лучшие друзья-москвичи спелеологи-водолазы: Вовчик Свистунов, Игорь Галайда, Ленька Минькович и другие сейчас здесь, в Армении, в Спитаке.

И подумалось: друзья - это те, кто оказывается там, где оказываешься ты...

Эта работа куда как интереснее - здесь есть, где применить наши специальные навыки и снаряжение. "Восхождения" и работа в покосившихся высотках зачастую более рискованы, чем в пещерах.

Быстро приспосабливаемся, навешиваем троллеи и оттяжки. Спускаем на веревках мебель с покосившихся этажей. В перерывах разговариваем с очевидцами землетрясения.

- Моя квартира на 8-мом этаже. Меня с дивана сбросило и давай катать из угла в угол...

- Я ехал на машине, думал, руль сломался - "Жигули", как на волнах, кидало.

- Все продолжалось секунд сорок. Сначала все подкинуло вверх, и была пауза секунд пятнадцать, а потом сразу два толчка влево-вправо - тут -то все и рухнуло...

- Все было в страшной пыли, как в тумане, и адский треск и грохот!

- Я выскочил из кочегарки - прямо перед ней - вон, видите те развалины? - между двумя 9-этажками 12-этажная башня. Так эти 9-этажки раскачивались и били 12-этажку, пока она не рухнула. А сами устояли...

В одной из тех 9-этажек мы с Сашей Ваном пробирались на 9-й этаж. Лестничные пролеты в обоих подъездах частично рухнули, пришлось идти зиг-загом по этажам. Стены между квартирами падают от небольшого толчка, все разбито, в страшных трещинах. Но - устояли. А более 120-ти таких же домов превратились в братские могилы.

-

Мы как будто к войне
Невзначай прикоснулись,
На развалах домов
Кровенеет закат.
Уцелевших мужчин
Затвердевшие скулы,
Патрулей холодок,
Это - Ленинакан.

-

Покосившись, стоит
Чешской башни громада,
Восемь сотен советских
В пыли и дыму.
Передернут весь мир,
Как затвор автомата,
Для вопроса в упор:
Почему, почему?

-

А декабрьский снежок
Покрывает руины,
Похоронных бригад
Обессилевший мат...
Чудом спасшихся жен
Постаревшие спины,

Средь гробов тихий плач,
Это - Ленинакан.
-
Мы как будто к войне
Невзначай прикоснулись.
Это в мирное время
Не подвластно уму.
Словно в мире ином
Мы с тобою проснулись
На армянской земле...
Почему, почему?
-
декабрь 1988 года, Ленинакан.
Спасработы после землетрясения в Армении.

-

В другое крыло здания приходится проникать по крыше - лестницы разбиты напрочь.

Очистка каждой квартиры от вещей занимает не менее 2 часов. В итоге у нас выстраивается очередь ожидающих. Изредка кто-нибудь из мужчин помогает обвязывать ремнями и репшнурами тюки. В основном жители боятся подходить к своим бывшим жилищам. Их можно понять. Спускаем даже банки с самодельными компотами, которых много почти в каждой квартире.

И каждый хозяин хочет как-то отблагодарить за нашу работу. С трудом отбиваемся.

- Нет, - говорит нам один из мужчин. - Вы там командовали, - он кивает на этажи, - мы вас слушали. Теперь мы командуем.

В итоге нам всучивают пару бутылок водки и "Шампанское". Одаривают компотами. Ну что делать?

Работаем без перерыва на обед, чтобы использовать все светлое время суток. А смеркается слишком быстро - декабрь, год на переломе.

Возвращаемся на фабрику уже в темноте. Все устали, но наконец, испытываю чувство удовлетворения от работы. Мы делали то, что могли делать лучше других.

Возвращаются с дома на Ширакаци Юра с Шынгысом. Работали также без обеда, и тоже приносят две бутылки водки. От Папы. Всю его квартиру уже откопали. Остался коридор и лестничная клетка. А девочки нет. Рядом нашли погибшую женщину. Парни делятся впечатлениями:

- Вскрыли квартиру - пол паркетный 5 тысяч стоит. Там не просто паркет: поверх обычного - орнаментный паркет! Один квадратный метр - 280 рублей.

Моя зарплата заместителя директора по учебно-воспитательной работе станции юных туристов - 180 рублей в месяц... И вспоминаю убранство квартир, в которых сегодня привелось работать. Люстры хрустальные почти в каждой комнате. Еще подумал - вот бы насобирать сынишкам этих хрусталиков-висюлек: радости бы было! Не могу, душа не позволяет.

Нашел в развалинах обрывок пустой пулеметной ленты и пластмассовый игрушечный пистолет какой-то незнакомой конструкции - вот и будет подарок из Армении.

-

22 декабря.

Страхую Сашу, пока он идет "свободным" лазанием по сохранившимся перилам к 4-му этажу. В уцелевших домах наиболее разрушены 3-е и 4-е этажи - будто дома качались, изгибаясь на этом уровне. И вспоминаю неуправляемую толпу на завале, под который ушел на разведку Юра Бессергенев. Тут не только местные - здесь же любопытные из других бригад.

- Отходи! Отходи! Под завалом человек!

Передние отпрянут, наседают задние. Хорошо, что все обошлось. Вот где нужен порядок, специально обученные отряды. Чехи - те сразу отошли сами и организованно очистили завал от толпы. Юра вышел с другой стороны завала, внизу только ноги двоих погибших под плитой, живых нет.

Говорят уцелевшие жители:

- Первый день все кинулись спасать, второй - искать своих погибших, третий, четвертый - за вещами. Как-то надо жить дальше.

- Я оказался единственным мужчиной в подъезде и спускал вниз 20 человек. Женщины и дети. Больше я не был в своей квартире - не могу.

...На искрошенных лестничных проемах связанные в канат простыни. Некоторые квартиры сохранились, двери заперты, но стены проломены. Мародеры-грабители?

- Из моей квартиры в первый же день украли 8,5 тысяч денег и на 7 тысяч золота жены. Только и осталось, что машина, - говорит ювелир, чьи вещи мы снимаем с развалин. - На стоянке стояла, только одна из всех и уцелела, остальные в лепешку. Ну да ничего! - улыбается он, и я вижу в этих глазах неподдельное счастье. - Живы! Я еще заработаю.

...Эти расплющенные в блин, окровавленные машины труднораспознаваемой марки до сих пор пугают взгляд на улицах города.

- За 10 дней до этого застраховал квартиру! Жена говорит, тебе что - 6 рублей жалко? Теперь 4 тысячи получаем.

...Деньги, деньги, деньги. Стальные двери почти во всех квартирах, паркет стоимостью 5 тысяч рублей, потолок с лепниной на 3,5 тысячи, пачки денег на лопате среди мусора, что это?

Да, и это тоже Армения.

Сегодня ко мне на лестнице дома, откуда мы снимали вещи, подошел молоденький парнишка, лет семнадцати:

- Подожди, пожалуйста. С тобой мать поговорить хочет.

На лестнице полумрак, стоит пожилая женщина с забинтованной рукой:

- Подойди, пожалуйста, - сует в руку объемистую пачку 25-рублевок - сотен на пять-шесть. - Вещи сыми, сынок.

Рядом еще двое мужчин, стоят, смотрят.

- Мать, - говорю, - ты лучше нас в гости пригласи на новоселье, глядишь, и приедем! А вещи и так сейчас снимем.

Деньги за работу совали многие. Потом, видно, пошел слух, что эти не берут, - стали по-человечески прощаться. Радость на лицах деньгами не измеришь.

Утром в комсоштабе новороссийцы поведали, что к ним на съеме вещей подошли парни из Ростова, с ножами. Вежливо приказали уйти и не сбивать им цены. Мы, говорят, по 6 сотен на каждого в день имеем, а вы бесплатно работаете.

Вот кого надо стрелять!

Весь день на Треугольнике присматривались - были готовы перехватить бандитов. Благо, в отряде больше половины специально обученные бойцы и бывшие десантники. Не увидели. Жаль.

Но по сути, это не наше дело. Вот бы чем заняться милиции, ее здесь в избытке.

-

И снова ночь, сидим в своем фойе. Вспоминаю пожилую армянку и ее деньги. Неужели не колыхнулось во мне, когда давали деньги? Ведь там моя полугодовая зарплата! И никто из парней не видел.

Колыхнулось. Но и только. Так же как таится где-то внутри стопор, не позволяющий выпить лишнего, напиться, как это принято на Руси. Четкая внутренняя граница.

Парни смеются. Шынгыс - мастер на все руки, рассказывает о своих армейских приключениях:

- Я в армии всем часы ремонтировал. У меня такса была - булочка и

четыре банки сгущенки.

- И ты с одной булочкой четыре банки?

- Запросто! Открывай, покажу, как это делается!

Неожиданно вспыхивает очередной конфликт:

- Мы с Шынгысом обещали Папе, - говорит Юра Бессергенев. - Завтра, пока не найдем, с дома не уходим. А вы, конечно, можете идти...

Ержан враждебно морщится:

- Ну и пойдем.

- Ну и пойдите, - не выдерживаю я.

Что это, продолжение конфронтации? Значит, ее корни не вырваны.

Возникает резкий разговор о работе, о том, для чего сюда прилетели.

Группа все более заметно поляризуется. "Ударники" во главе с Шынгысом и Юрой все нетерпимее относятся к стоящему в оппозиции Ержану. А тот, чувствуя слабость своей позиции, все чаще срывается на грубость. Почему когда хамят твоей матери, мы, не раздумывая, вступаемся, а когда просто рядом - молчим?

С большим трудом мне удается пригасить перепалку, восстановить подобие перемирия.

Выпустив пар, мужики снова начинают перешучиваться. Кто-то вполголоса травит анекдоты:

- Армянскому радио задают вопрос: можно ли за одну ночь обслужить 1000 женщин? Можно, отвечает Армянское радио, если ночь - полярная, а бригада - ударная!

- Тому же радио задают вопрос: на какие виды делятся мужчины? Армянское радио отвечает: мужчины делятся на два вида - половые гиганты и гигантские половички!

Смех. Лучше худой смех, чем добрая ссора.

И как бальзам на издерганные нервы дружеская перепалка Гвоздя с Хардиковым:

- Короче, Серега. Выльешь нифеля, помоешь посуду, допоешь за меня песню и допишешь дневник. Об исполнении доложишь.

- Те нифеля уже спят. И я буду. Рапорт сдан!

- Рапорт принят, - бормочет, засыпая, Олег. - Зарядить бы тебе в дыню...

-

23 декабря.

Вчера снова были небольшие толчки, но я их не почувствовал - заметил Игорь Петренко.

Говорят уцелевшие:

- Сейчас, если кто найдет своих погибших - уже улыбается. Он может сам их похоронить.

Пока мы снимали вещи в Треугольнике, бригада Шынгыса в завале на улице Ширакаци нашла-таки девочку директора книготорга. И еще одного парня. Многие погибли на лестничных клетках в попытках бежать после первого толчка.

Не могу забыть, как откопали на лестничной клетке сразу группу погибших. Кран поднял плиту и в куче штукатурки показались девичьи волосы. И мужчина из стоявших вокруг узнал, припал к этим волосам, гладил их, счищал песок, пока его не подняли, не отвели в сторону.

Когда расчистили лопатами завал, увидели всю картину. Они выбегали на лестничную площадку, когда дом сложился. Могучего телосложения мужчина лежал ничком, пробитый насквозь арматуриной. А девочка, лет четырнадцати, с прекрасным чистым лицом так и осталась в проеме двери - в бегущей позе со вскинутыми руками. Страх и боль на нетронутом этом лице.

Писать нет сил.

В душе все спекается коркой.

Слишком громко пишу. Но какие найти слова, чтобы выразить, не забыть потом все это?

-

Вечером подняли стаканы за упокой души найденной нами девочки и всех погибших в Армении.

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

ЛЕНИНАКАН - ПОСЛЕДНИЕ ДНИ. 8.

==========

-

24 декабря.

Наш последний рабочий день.

Сегодня работали в одном очень страшном доме. Этажи просели, полы качаются, часть стен выпало наружу. Еще рядом где-то начали взрывать развалины, дрожит все. Мышеловка.

Вчетвером очистили от вещей 4 квартиры. Мужики тоже работали на соседних домах. Кое-как хватило веревок на три четверки.

В одной из квартир увидел в комнате воробья. Бедолага залетел и не знал, как выбраться из-за сохранившимся на удивление целыми стекол. Взял кирпич и долбанул по окну - лети, птичка! Иногда вспоминаю, думаю - кто бы и для меня вот так по стеклу...

Вчера чуть не сорвал спину, спуская стальную дверь с шестого этажа. Мужик очень просил, даже сам залез на дом помогать. Слухом земля полнится. Сегодня тоже подходили просить опустить стальные двери, но хорошенького помаленьку.

В одной из квартир видел и сфотографировал чудо-шкаф в стиле Рококо: сплошная резьба, пурпур, алый атлас, позолота, гнутые ножки и вычурные ручки. Из Лувра его сперли, что ли?

До последнего дня не устаем удивляться разнообразным запасам дефицитнейших материалов и вещей почти в каждой квартире. Многие квартиры перестроены на свой лад: внутренние перегородки снесены, полы перестелены, море цемента в мешках и просто насыпанного в различные емкости, вплоть до ванн. (А вот на стены и перекрытия не хватило!) Импортный кафель, керамика и сантехника всех цветов радуги.

А есть и нормальные по нашим меркам квартиры. Всюду есть всякие люди. Есть они и в Армении.

И очень больно выслушивать благодарность людей, кому мы помогаем. Нет слов. Только усталость и глубокое удовлетворение

Уже в потемках нас привозят домой на "Жигулях". Стараемся незаметно забыть в машине банки с компотами, которыми нас одарили. Весь день вместо обеда пили эти компоты со льдом! Тепло прощаемся в дверях. Только расстались, мужик вовращается груженый "забытыми" банками!

-

Завтра мы уезжаем домой. В 10 часов утра будет автобус в Ленинаканский аэропорт. Шалыга приносит из комсомольского штаба красную Почетную Грамоту:

"ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ЛКСМА
НАГРАЖДАЕТ
КЛУБ СПЕЛЕОЛОГОВ "СУМГАН"
За большой вклад в работу по ликвидации
последствий землетрясения.

-

Это приятно. До сих пор храню Грамоту как одну из самых дорогих реликвий.

Заходит на огонек Саша Бомбин. Он остается дольше, собирается переезжать в глубинные горные районы, где до сих пор практически ничего не

делалось. Решаем отдать ему наш почти нетронутый запас продуктов, привезенный из Усть-Каменогорска. Саша с радостью соглашается.

21.20. Все почти в сборе, нет только четверки Юры Бессргенева. Ребята работали на съеме вещей, и вот почему-то задерживаются. Начинаем тревожиться.

На память приходит позавчерашний разговор с агитатором от движения Карабаха. Что мы знали об этом движении? Что мы знаем до сих пор?

Агитатор пришел под вечер, завязался разговор. Этот парень, Вартан, хорошо говорил. Он против геноцида. Мы тоже. Только в одном не смог его понять и убедить его не смог. Говоря о вражде к армянам со стороны азербайджанцев, он приводил множество фактов со времен турецкого геноцида.

- Они враги нам, и мы должны быть готовы защищаться. Мы будем стрелять, если нас вынудят к этому.

- В кого стрелять, Вартан?

- В наших врагов.

- Но ведь азербайджанцы - это не только мужчины, но и женщины, и старики.

- Они все враги.

- Значит, всех надо убивать?

- Если нас заставят. Мы не станем стрелять первыми.

- А дети, Вартан?

- Дети тоже азербайджанцы. Они вырастут.

- Вот это и есть геноцид. Ведь ты против геноцида?

- Против.

- Как же тогда ты проповедуешь геноцид по отношению к другому народу?

- А знаешь, что они делают сейчас? Они присылают нам телеграммы с пожеланиями новых землетрясений! Они громят санитарные вагоны и оставляют на лекарствах устрашающие надписи. Это геноцид!

- В любом народе есть экстремисты. Но дети - невинны. Никто из нас не может выбирать, где ему родиться. Но каждый может и должен выбрать, как жить и каких взглядов придерживаться.

Кровь порождает только кровь. На геноцид нельзя отвечать геноцидом, какой бы сладостной не казалась месть. Потому что этот процесс неостановим. Кто-то должен опомниться первым. Но вот уже несколько лет идет война в Нагорном Карабахе, и нет ей конца. Жив ли ты, Вартан? И когда придет конец националистическому безумию на Земле?

-

Готовим ужин, обмениваемся новостями.

- Здесь есть улица Интернациональная, - рассказывает Виктор Фитисов. - Все дома на ней в 2-3 этажа построены пленными немцами. Ни один не пострадал, представляешь?

- Сегодня встретили группу спасателей из Казани, - говорит Андрей Волков. - Они на поезде 11 суток добирались!

Да-а, на этом фоне наши мытарства на пути сюда покажутся смешными.

-

22.12. Юриной бригады все еще нет. Они работали в районе Треугольника. На поиски отправляется тройка Ван-Хардиков-Аубакиров. Контрольный срок их возвращения 24.00. Все встревожены. С Шынгысом обговорили уже все пришедшие в голову варианты.

24.00. Никого нет. Выходим на улицу. Решаем обратиться за помощью к патрульным. Бьет озноб: не то от холода, не то от ожидания. Хреново это. И непонятно.

Они появились в 24.20 - если можно так обозначить перевалившего за полночь дня. Не могли отказать людям и трудились в свете налобных фонарей, по-спелеологически.

- Слушай, - говорит Бессергенев. - Они нам любые деньги предлагали,

только бы мы работали. Представляешь? Простые такие люди! Что делать-то было?

Теперь ждем группу ушедшую на поиски.

За ними отправляется Андрей Волков и еще кто-то - недалеко, посмотреть, а то так можно всю ночь друг за другом гоняться.

- Вот уж Нурек вернется, - сумрачно говорит Гвоздь. - Он вам всем хоботы позаворачивает, работягам!

-

25 декабря.

12.35. Ленинаканский аэропорт. Мы улетаем. Спасательным бригадам дела практически не осталось. Теперь, и до конца, работа по разборке завалов и похоронных команд. Но вчера Ленинакан встряхнула новость - на чулочной фабрике откопали двоих. Они были живы. 17 суток под завалом! Значит, есть и еще.

Многие из откопанных живыми сходят с ума. Умирают от длительного сдавливания...

-

Утром автобус подали вовремя, в нем несколько хабаровчан. Опять наш брат, спелеолог! Сразу же находим общих знакомых.

Хабаровчане сообщают страшную весть: ночью взрывали развалины на радиотехническом заводе, и на лагерь москвичей и киевлян упал дом. Живые и раненые эвакуированы, мертвые под завалом. Это что, тоже стихия?

И еще одна весть - загорелись палатки в грузинском лагере: один спасатель погиб, другой в госпитале.

Ленинаканский аэропорт. Здание почти не пострадало. Сидим на рюкзаках. Рядом парень из украинского колхоза. Какой хохол без сала? Но сала у парня нет, и он щедро оделяет нас хлебом с колбасой, сыром и маслом. Наши продовольственные запасы теперь ничтожны - все отдали Бомбину.

Изобилие кончилось.

Жуем и перекидываемся шуточками:

- Вот жизнь! - говорит Хардиков. - Две недели без женщин. Утром в пупок упрется, посмотришь и рукой махнешь - не до тебя, брат!

Олег Гвоздев достает напоследок фотоаппарат:

- Так, приготовились...

- Слушай, Олег, - усмехается Бессергенев. - Вот ты все щелкаешь, а когда научишься воспроизводить отснятое?

- Мне прямо стыдно, - невозмутимо парирует Гвоздь. - Мне прямо стыдно слышать такое от передового человека поселка Белоусовка! - прячет фотоаппарат, отламывает кусок хлеба.

- И мне отрежь, - Юра косит на Олега глазом.

- Пожалуйста, Юрий Митрич, - говорит Гвоздь. - И не забудьте перед употреблением разжевать...

Парня зовут Федор, и он рассказывает нам о том, как с неимоверным трудом, в одиночку, пытался уехать сюда, спасать.

- Заманали меня в райкоме - кто платить за тебя будет? - говорят!

- Знакомая история, Федя...

- Плюнул на них, махнул за свои. А в аэропорту в кассе мне говорят: тут люди на похороны едут, а ты куда рвешься? Спасать, говорю. Как на дурака посмотрели.

А Хабаровчане встречали того шизо-спасателя, что норовил к нам присоединиться несколько дней назад. Вычисляем его по приметам.

- Вот падла! - говорят мужики. - Мы его засекли, когда он парфюмерию из развалин магазина тырил. Ну, поддали ему немного, да отпустили. Зря, наверно.

А нас все задерживают "по погоде". Ленинакан не хочет нас так просто отпускать. Сидим в холодном аэропорту, где-то взрывают развалины,

и тогда сотрясается все здание. На потолке трещины. Не хватало еще здесь засыпаться!

Грустно.

-

23.00. Сидим напрочь. "По погоде". Обычная ненавистная аэрофлотовская ложь. Почему нельзя сказать правду даже в таких мелочах, как вылет самолета?

Чем сидеть вот так, мы могли бы сегодня неслабо поработать

-

Мужики на примусах варганят вечерний чай. Похоже, мы так и заночуем в Ленинакане. Ержан купил у Хабаровчан за 100 рублей шатровую палатку и теперь мается - не переборщил ли с долгами. Чай назрел и кончился.

Курим, курим, курим... А что еще делать?

-

26 декабря.

0.25. В аэропорту назревает бунт. Никого больше не успокаивает аэрофлотовское вранье.

Все громче крики у стойки регистрации. Высказана трезвая мысль - из Еревана самолеты летят за деньги, из Ленинакана же билеты бесплатны: поэтому сюда неохотно сажают самолеты.

Где начинается советская авиация - там кончается порядок.

Сегодня в порту был замминистра. Что толку? Где начальник порта?

Сволочное наше жизнеустройство выпирает из всех углов.

Где эти рожи из верхов, что кричат про заботу о народе? Скоты и вредители... Вот он - народ: роет развалины и мерзнет в портах, пока "эти" почивают в тиши, довольстве и псевдодеятельности.

По всей стране народ перечисляет деньги, отрабатывает смены в фонды помощи Армении, шлет вещи, продукты и медикаменты. Где все это? Мы видели, где...

Сначала не могли привезти в район бедствия, теперь не могут вывезти из пострадавших районов людей и спасателей.

Привозят заспанного начальника. Он начинает нам демагогически рассказывать про трудности Ленинакана - уж мы-то знаем! Вот почему местные не любят смотреть уцелевшие телевизоры - резкий контраст! Забота о народе Армении - это так, в общем. А забота нужна о конкретных людях - вот об этих, кто, с детьми, не может улететь уже сутки.

За все надо платить - это закон экономики. Но нигде при бедствиях не расплачиваются пострадавшие. Суперфирма Аэрофлот, похоже, и тут норовит сделать деньги на беде и благородстве простых людей - пострадавших и спасателей.

Как вскрывшиеся нарывы, обнажаются пороки системы во время стихийных бедствий, когда слетают позолота и лак и выворачивается нутро коррумпированной мафиозной номенкатуры. А корни идут вниз, развращают, разлагают людей, лишают их веры в святое, светлое, чистое. И вместо этого дают веру в обман, подкуп, деньги, круговую поруку и насилие. Иначе как бы люди совали спасателям деньги? И все это покрывается гнусным самоутишением типа: "По другому и нельзя, не проживешь".

Надо слышать яростный рев и мат людей, их прямые без прикрас оценки происходящего - вот она правда без прикрас. Ребята из Хабаровска снимали кадры о беспорядке в снабжении, проникли на склады продовольствия, где прямо на земле в грязи пропадали тонны продуктов. У них отобрали пленку, кого-то ударили дубинкой. А ведь вся страна, глядя на экраны, очень даже уверена, что здесь такого нет, быть не может, что тут только националисты из Карабаха ведут себя неправильно, накаляют обстановку.

А ведь вся страна, убаюканная ТВ и прессой, верит, что здесь совершается святое дело помощи братской Армении. Совершается, но как!

-

Я чувствую - так было в Испании. Так же, только тайно, улетали добровольцы. И был такой же страшный беспорядок в республиканских войсках. Много пафоса, энтузиазма, отваги, самоотверженности. Не было порядка. Проиграли организованной военной машине мятежников. Доблесть отважных разбилась о крах организации.

-

Испания,
Испания,
Мы не успели - поздно родились.
В Ленинакане,
В Ленинакане,
Мы на полвека вспять перенеслись.

-

Кастилья,
Гренада,
Республика, вива!
Соленая пыль
На зубах от разрывов.
И танки франкистов
Так страшно близки,
И голос знакомый:
"Вперед, мужики!"

-

Армения,
Армения,
Мы не приехать просто не могли!
Лежат в развалинах
Твои селения...
Мы на полвека вспять перенеслись.

-

Горят
Твои раны
О, матерь Армения,
Лопаты и краны -
Быть может, успеем!
Там, может быть, живы,
Рвут балки крюки,
И голос знакомый:
"Вперед, мужики!"

-

Испания,
Испания,
Мы не успели - поздно родились.
В Ленинакане,
В Ленинакане,
Мы на полвека вспять перенеслись.

-

декабрь 1988 года, Ленинакан.

-

Как мало мы знаем об Испании!
Как мало мы знаем об Ашхабаде.
Выуживая из кучи мрази бисер красоты, мы обманываем людей.

Мы обманываем их, потому что не показываем всей той кучи дерьма, в которой блестят бисеринки. Человек должен знать все.

Мы благодарны Судьбе за то, что прилетели сюда, в эпицентр. Увидели своими глазами эту гору гадости, на фоне которой еще ярче воспринимаются люди настоящие, их жизни, дела и поступки.

Люди и деньги Армении.

Величие и мерзость. Как объяснить все это?

-

Рядом шумят милиционеры:

- Зачем мы приехали?

Этот вопрос встает перед каждым, кто задумывается о происходящем шире, чем лопата в руках.

Мы знаем, зачем мы приехали, но мы уже не хотим быть игрушкой, мы не хотим быть игрушкой в нечистоплотных руках тех, кто, прикрываясь нами, делает свою политику личного благополучия.

-

Нет в мире ничего дороже, чем чистая совесть.

-

Хабаровчане чем дальше, тем больше мне не нравятся. И в нашем стаде есть поганые овцы. Один - инструктор по спорту, другой - инструктор КСС, третий... - все, пожалуй, кроме одного, потрясают фотоаппаратами, при помощи которых наделали кадров вопиющей ленинаканской действительности, а сами так это запросто обсуждают - как бы под маркой спасработ сделать восхождение на Эльбрус. Погулять по горкам, а потом завернуть в Спитак, поснимать.

По мне так это тоже скотство - под маркой спасработ справлять свои надобности и приятствия.

Хорошо помню, как в октябре 1978 года в горах Восточного Казахстана потерялись пятеро туристов - паренек лет 17-ти и четверо девчонок. Были подняты все наши спасотряды, воинские части. Наши три группы спасателей начинали поиск со стороны шахтерского города Лениногорска. В его окрестностях расположен один из живописнейших в туристском отношении районов области, а путь наш лежал через Ивановский белок, в непосредственной близости от высочайшей вершины хребта - пика Вышеивановского. Из трех групп спасателей одну составляли альпинисты усть-каменогорского клуба "Ирбис" во-главе с лидером и руководителем восточноказахстанской школы альпинизма Виталием Балюкиным.

К полудню мы поднялись в Подбелковый цирк в виду Вышеивановского пика, известного также под названием пик Ворошилова. Мне было непонятно, зачем мы сюда поднимаемся, когда перевал через хребет остался гораздо левее, а из цирка простого пути на ту сторону хребта не было. Но впереди шел Балюкин, и пока мы априори принимали его руководство.

В цирке Подбелковом встал вопрос о дальнейшем пути. И тогда альпинисты стали ненавязчиво подбивать нас на восхождение. Мол, надо проверить, а вдруг ребята на пик сходили, записку оставили? Это потерявшиеся-то в горах школьники полезут на пик?

Меня, да и многих других спасателей-туристов сильно резанули эти безответственные заявки уважаемых, вроде бы, людей. Как можно было думать еще о чем либо, кроме находящихся в нешуточной опасности ребятишек? Какие тут восхождения? Чем это можно оправдать?

Две наши туристские спасгруппы, разобравшись, что к чему - решительно повернули в сторону от вершин, а альпинисты, не рискнули последовать своим планам. Выбираясь из цирка, мы натерпелись лиха, были вынуждены отступить из-под перевала в сумерках и в итоге потеряли сутки. Не дорогая ли цена личным интересам? Благо, ребят нашли невредимыми.

С того случая мои отношения с Балюкиным, и раньше напряженные из-за его высокомерного отношения к только еще зарождающимся в городе спелеологам, да и вообще к туристам; отношение мое к нему испортилось бесповоротно. Я такие вещи не понимаю.

И сейчас не стерпел и высказал хабаровчанам. Жаль только, что сказал это самому порядочному среди них парню, который явно не разделял легкомысленные настроения своих соклубников. В отличие от них, кроме всего прочего, находящихся на работе, парень поехал сюда в свой трудовой отпуск.

-

Аэрофлотовские функционеры пытаются унять толпу:

- Расходитесь по домам! Ночью не полетим!

Местные кричат:

- Мы не можем идти домой, потому что комендантский час, и нас задержат!

Страсти накаляются с каждой минутой, а какие-то импортные корреспонденты вовсю сверкают блицами, снимая наш позор, злость и бессилье.

Между всем этим подходят хабаровчане. Видимо, мои слова не пропали даром. Объясняют, что мы не так их поняли - оказывается, только один из них собирается на Эльбрус в отпуск, а остальные - прямо в Спитак.

Дай Бог, чтобы все так и было. Значит, есть совесть у парней.

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

СВИДАНИЕ С РОССИЕЙ. 9.

==========

-

26 декабря.

7.05. московского времени. Наконец, мы в автобусе Шереметьево-Домодедово. Всю ночь была коррида.

Во время бунта в аэропорту нежданно негаданно, а может, и жданно для некоторых - прилетел ИЛ-76.

Что тут началось! Брали самолет штурмом. Подхваченные всеобщей паникой, мы, увешанные рюкзаками, тоже выстроили свою "свинью". В итоге пробились в самолет практически все, кто был в порту, и кому было по пути в Москву. И чего было толкаться?

Вот что такое чартерный рейс. Около 300 человек забито в чрево транспортного ИЛ-76: беженцы, спасатели, узлы, рюкзаки. Бессонная ночь с провалами сонного беспамятства.

- Едем, как на "шестом" маршруте в час пик! - это Гвоздь.

Невольно думалось - теперь остается только хряпнуться о землю!

Но долетели нормально. Сколько были в воздухе - не понял, периодически проваливался в сон, но просыпался, пристраивал поудобнее затекшие среди мешков ноги опять засыпал. Окончательно проснулся только когда наши пилоты лихо пошли на посадку. Да так лихо, что кое-кто из нас натурально испугался. И мне стало не по себе - мы падали в бездонную яму, и болью наливались уши, желудок подпирал к горлу - еще немного, и наши тюки поплыли бы с нами вперемешку в невесомости. В сплошном свисте двигателей я не успевал продувать уши. Но - падение неожиданно завершилось мягкой четкой по-военному посадкой.

Шереметьево. Москва.

Контраст сушит душу ненавистью.

Носильщик, провезя 50 метров, сдирает 3 рубля с женщины с ребенком из Армении. Гад.

Шофер "Икаруса" нас не повезет, у него конец работы. Сидит такой московский люмпен и куражится. А мы только что оттуда, где работают не за график, а за совесть.

- Где это вы так работали? - спрашивает с такой ухмылочкой.

- В Ленинакане.

- Везде одинаково работают, знаем...

Долго сдерживался, потом разозлился и послал шоферюгу куда подаль-

ше. Тот не ожидал, закипятился:
- Да ты мне в сыновья годишься!
- Мне таких "отцов" на нюх не надо.
- Да ты!...
- Иди, иди от греха.
Отвалил, гадюка сытая. Сытые всегда трусы.
Пока суд да дело, звоню в Московский штаб помощи Армении.
В московском комсомольском штабе мы не нужны. Это нам доступно объяснили по телефону. Мы - как стреляные гильзы...
-
Мы - лишь стреляные гильзы,
Мы - лишь стреляные гильзы,
Мы - лишь стреляные гильзы - вот и все!
Боже, помоги нам,
Боже, помоги нам,
Больше нет надежды - в этом соль.
-
Мы никому не нужны.
Мы сделали все, что могли:
К цели послав свой горячий заряд,
Мы падаем, падаем вниз.
Копотью дым чернит,
Холодом мысль сверлит:
Разве наш спелеоспасотряд -
Россыпь зеленых гильз?
-
Мы легли в одну обойму,
Мы легли в одну обойму,
Мы в обойму помощи легли.
Как стремились в бой мы,
Ожидали бой мы!
Лишь последствий видеть не могли.
-
Там в Ленинакане беда,
Там в дыму руин города,
Разве наш маленький спасотряд
Мчался туда зазря?
Не настали б черные дни,
Мы не стали б и вовсе нужны,
Так же как сейчас не нужны
Вне войны...
Не нужны.
-
декабрь 1988 года, Дорога домой из Ленинакана.
-
И вот едем в Домодедово. Выделили-таки, скрипя сердце, автобус.
С нами погрузилась группа рабочих из Тольятти. Их руководитель бросил группу и уехал в Домодедово один. Мужики ругаются, а я еще раз убеждаюсь, на сколько неорганизованы формалы.
За окнами множеством огней проплывает Москва. Какой контраст с угольными ночами Ленинакана в мертвенном свете редких уцелевших фонарей и багровых отсветах костров на развалинах.
13.00. И все-таки - есть на свете люди! Именно поэтому мы живем.
На душе теплый рай - мы в самолете на Усть-Каменогорск. По нашему бесплатному ленинаканскому билету нас погрузили на борт со всем снаряжением.
Это Ленинакан.

Разоренный Ленинакан, который смог нас отправить домой без рубля, и могучий Усть-Каменогорск, который не смог сделать это вовремя - сколько времени мы потеряли! Сколько жизней ушло.

-

Мне когда-то приснятся
Те, кто нас не дождались.
Ведь когда мы в портах, ожидая,
торчали,
В этих кучах бетона,
в этом крошеве балок
Метрономы стучали,
Метрономы стучали.

-

А часы были хрупки -
Вместе с первым ударом
Механизмы сломались
и идти перестали.
Но не кончилось время,
что отмерено Богом,
Все слабее сквозь прах
Метрономы стучали.

-

И развалины пульсы
Слишком долго имели.
Что же вспомнишь, Судьба,
На вершине печали?
Как в немеющих кучах,
Куда мы не успели,
Метрономы стучали,
Стучали...

Е.Тычина. После Ленинакана.

-

Мы сидим в самолете плотно, как патроны в обойме. Мы летим навстречу нашей обыденности. И записка, которую я, отчаявшись было улететь этим рейсом, передал через пассажиров, больше не нужна. Мы прилетим сюрпризом, свалимся, как снег, на головы родным и друзьям.

Мы летим домой. Что будет дальше? Скоро новый, 1989-й, год. Год Змеи. Мой год, как оказалось.

Как тихо в самолете! Как вкусно пахнет! Мы и не надеялись, что так повезет. Сегодня все будем дома!

...А над Спитаком упал вертолет со спасателями. Погибли альпинисты из Ташкента.

Парни дремлют в чистых креслах. Мне хорошо с моими парнями.

-

Спят мои парни в тиши самолета,
Каждый себя не жалел на работу...
Ты возвратишься не раз к нам, Армения,
Глянешь с прищуром, наш Ленинакан.

На наших душах те, кого мы не успели спасти.
Мы - люди оттуда.
Мы - уже не те, что улетали две недели назад.
Но мы - те же, еще более сблизившиеся и сдружившиеся.
Мы летим домой.
И мы еще там - в Ленинакане.

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ.

==========

==========

-

27 января 1989 года.

Месяц прошел. Это не должно было повториться. И вот - Гиссар. А мы уже забываем об Армении - не забываем - переводим разговор в русло успехов в восстановлении. Еще немного, и это станет призрачным прошлым. Ведь мы уже забыли про Чернобыль! Это теперь так далеко! И про Свердловск забыли.

Страшная привычка. Мы забываем, не вскрыв причин до конца, не приняв коренных мер. Что сделано в стране по созданию специализированных спасательных служб на случай стихийных бедствий? Что сделано по учету, поддержке и усилению отрядов, подобных нашему?

Нас снова будто бы и нет.

Беда в Таджикистане. И мы снова готовы быть там. У нас нет средств. Клуб спелеологов "Сумган" на самофинансировании и еще не оправился от расходов на спасфонд для Армении. А все спасатели из разных ведомств. Несмотря на распоряжение Облисполкома, иным ребятам не оплатили командировочные по месту работы, установили среднюю оплату: "Пусть вам платят те, кто отправлял!"

Но - ГЛАВНОЕ! - нет никакой уверенности, что мы сможем быстро попасть в район бедствия. Что с нами вообще будут разговаривать - и так надоели в декабре! Ведь ничего не изменилось.

Мы - сила первой помощи, оперативного реагирования.

Как доказать свою нужность?

Почему надо доказывать очевидное?

Мы не должны успокаиваться, не поняв, почему. Этот вопрос не дает жить. Тревожит постоянно. Будто сдернули с глаз паутину. Почему только вчера мы об этом даже не задумывались?

-

Где ты был вчера?
Где ты был вчера?
О чем ты думал?
Казалось, там игра,
Бесшумная игра,
Не рвутся души.
Ты был почти герой,
Пред всеми и собой,
Слушай!
Ты думал - можешь все,
Как будто знаешь все.
Ну же!

-

Гляди теперь, гляди:
Все это впереди
Было.
Ты смотришь изнутри.
Ты что? А ну, утрись,
Милый!
Не время здесь слезам,
Нет веры здесь слезам:
Поздно.
Все выше черный дым
Нежданным, но своим,
Ростом.

-

Ну, где ж ты был вчера?
Ну, где ты был вчера?
Ты нужен здесь был.
Вся жизнь была игра,
Но вот пришла пора
Дела.
И ты почти герой,
Твердит наперебой
Пресса.
А ты глядишь в себя,
Как в бездну, что не знал
Прежде...

-

Константин Серафимов.
31 декабря 1988 года, Памяти Ленинакана.

-

У меня на полочке стоит небольшой кусочек гипсового горельефа - женщина с античным лицом и обломленными, как у Венеры Милосской руками. Память об Армении, оставшейся в руинах Ленинакана.

В тоненькой папочке бесценные реликвии: Постановление Облисполкома о нашей отправке, алая грамота ЦК ЛКСМА, перечни снаряжения и продуктов, списки спасателей нашего отряда.

Мы собрались в той же комнатке нашей квартиры пять лет спустя.

И вспомнили всех, кто был в составе нашего отряда - всех 14 человек. И я хочу вспомнить на этих страницах тех парней, с кем пережил одни из самых насыщенных и полноценных дней своей жизни.

ДЮЙСЕКИН ШЫНГЫС ГАББАСОВИЧ - Старик. Самый старший среди нас по возрасту. Мастер на все руки. Со Стариком мы работали вместе на Усть-Каменогорском Титано-Магниевом. Оттуда и началась наша дружба. Неутомимые руки Шынгыса изготовили массу спелеологического и спасательного снаряжения. Вместе работали на семинарах Кавказа, опускались в пропасти Урала, Саян, Азии. Старик умеет работать и нетерпим к беспорядку, недобросовестности, сачковству. Жесткий, умелый, практичный. Со Стариком нелегко, но всегда надежно.

БЕССЕРГЕНЕВ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ - Митрич. Бессменный лидер белоусовских спелеологов. Его руки не уступают мастерству Старика. В голову не придет, чего бы не умел сделать своими руками Митрич. Юра и его парни изготавливали разнообразное металлическое снаряжение для наших, к концу 80-х уже очень сложных, низхождений в глубочайшие пропасти Союза. С Юрой мы ходили в Перовскую на Арабике, стояли вместе с другими парнями на дне нашего подземного Эвереста - полуторакилометровой пропасти имени Вячеслава Пантюхина на Бзыби. Неутомимый Стрелец, странник, верный друг.

ФИТИСОВ ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ - спокойный, могучий, с тонким юмором. Виктор - один из старейшин клуба. Нам есть что вспомнить об экспедициях на Сумган, в Торгашинскую пещеру под Красноярском, о Всесоюзном слете спелеологов на Гумисте в Абхазии, многие другие славные дела. За его плечами работа на километровых глубинах Киевской. Поэт и фотограф.

ГВОЗДЕВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ - Гвоздь. Глубинный индикатор психологического настроя любой команды. В Гвозде непостижимым образом сочетаются парадоксальный юмор, взрезной взгляд в корень любой ситуации, глубокая честность и порядочность. Многие из нас поверяют на Гвозде свои взгляды, мысли. Бывший десантник. Душа компании. желанный участник любой команды. А как поет в его руках гитара!

ХАРДИКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ - в паре с Олегом искрометный сплав словосплетений и дружеской перепалки, от которой рукой снимает любые стрессы. Раскованный книголюб, неприкаянный казанова. С непосредствен-

ным интересом к любой жизненной коллизии. Серегино присутствие сразу придает особый привкус командировочной жизни даже самому семейному сборищу.

ШАЛЫГА СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ - Глав-бух, завснар, прораб, мастер. Основательный и ухватистый, легко находящий контакт в оргвопросах, неторопливый в словах, Серега добротно обеспечивал нашу связь со штабами, надежно работал в экспедициях и спасательных акциях на Кавказе и в Саянах.

ВОЛКОВ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ - добрый улыбчивый парень, обладающий прекрасным даром несколькими штрихами изобразить на листе бумаги дружеский шарж или просто рисуночек, на который приятно и весело смотреть. За его плечами экспедиции на километровые глубины Средней Азии и Кавказа.

ВАН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ - один из наиболее опытных спелеологов клуба. Его послужному списку впору позавидовать иным "старичкам". Участник многочисленных экспедиций, Всесоюзных соревнований и слетов спелеологов. Склонный к философскому взгляду на жизнь и ее составляющие, Саша привлекает к себе возможностью поговорить на многие темы.

Через два года после Ленинакана эти парни составили костяк экспедиции в Пантюхинскую, успех которой не смог пока повторить никто. Тому причиной, конечно, война в Абхазии, другие неурядицы нашей ставшей очень небогатой и весьма хлопотной жизни. Но все же!

АУБАКИРОВ НУРЛАН МАЙДАНОВИЧ - Нурек единственный "неспелеолог" в нашем составе, с легкостью вписался в команду. Высокий профессионал в области восточных единоборств и связанной с ними жизненной философии. Нурлан поздно пришел, но остался надолго.

ПЕТРЕНКО ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ - добрый, нервный, внимательный, неравнодушный, вечно погруженный в себя и внимательный к другим. Легко утрачивает душевное равновесие, расстраивается, но находит в себе силы продолжать начатое дело. Очень ответственный.

АЮПОВ ЕРЖАН АМАНГЕЛЬДЫЕВИЧ - самый опытный из самых молодых. Как и Ван, Петренко, Соломоденко, Пантюхин, начав со школьников, Ержан прошел большую экспедиционную школу, был на километровой глубине. Большой и угловатый в движениях, он производит впечатление человека грубоватого и размашистого, но под внешним обликом скрывается тонко чувствующий человек, сильно переживающий, душевный и в чем-то легко ранимый. К Ержану всегда тянулась молодежь из юношеской секции.

СОЛОМОДЕНКО ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ - Солома, самый высокорослый человек в отряде. Вызывающий на себя незлобивый юмор, Игорь с высоты своего роста смотрит на мир с некоторой неуютностью, как будто там, наверху, постоянно дует ветер, и он никак не может выбрать подходящего положения для того, чтобы почувствовать себя уютнее.

ПАНТЮХИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ - Хин, полный антипод Игорю. Вместе они смотрятся, как Пат и Паташон. Вовчик с виду простоват, хитроват, с виду добродушно принимает на себя огонь общих шуточек, и спокойно чувствует себя под их неприцельным огнем. Хин постоянно попадает в какие-нибудь курьезные переделки, которые потом служат предметом смеха и шуточек.

-

Вот и весь отряд, 14 человек - мои парни все удаляющегося декабря 1988-го. Мы неудержимо изменяемся в этой жизни, и слава Богу, что есть память, в которой мы остаемся такими, какими были когда-то.

-

декабрь 1988 - март 1994.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

==========

Сегодня уже декабрь 1994 года. 8 декабря. Души погибших в Армении,

наверно, давно успокоились. А мы, живые, все острее понимаем события, когда удаляемся от них. "Лицом к лицу лица не разглядеть".

В Республике Казахстан создана аварийно-спасательная служба. Наконец. Создан и оперативно-спасательный отряд в Усть-Каменогорске. Надолго ли? Хочется верить.

Из нас, ленинаканцев, в отряде уже работают трое, будет четвертый.

Есть такая судьба - спасатель.